ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ.

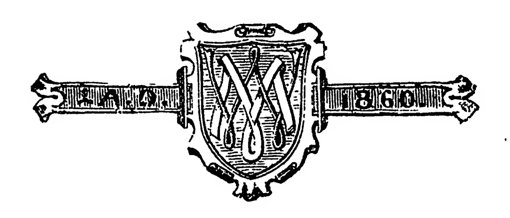
ТОМЪ VI.

ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ

Ф. ШЛОССЕРА.

ТОМЪ VI.

ВТОРОЕ, ОБЩЕДОСТУПНОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И УМНОЖЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, *Гостиный Дворъ, №№ 18, 19 и 20.* — **МОСКВА,** *Кузнецкій Мостъ, д. Рудакова.*

1872.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ М. О. ВОЛЬФА (СПБ., ПО ФОНТАНКѢ, № 59).

ОГЛАВЛЕНІЕ ШЕСТАГО ТОМА.

ИСТОРІЯ НОВАГО ВРЕМЕНИ.

Исторія XVIII столѣтія.

ИСТОРІЯ НОВАГО ВРЕМЕНИ.

ИСТОРІЯ XVIII СТОЛѢТІЯ.

1. ВОЙНА

ЗА ИСПАНСКОЕ НАСЛѢДСТВО.

---

1. Происхожденіе этой войны.

Въ концѣ XVII вѣка къ испанскому королевству принадлежали, кромѣ самой Испаніи съ неизмѣримыми пространствами земли и островами въ Америкѣ и въ Индіи, Неаполь, Сицилія, Сардинія, герцогство Миланское и бельгійскіе Нидерланды. Такимъ образомъ Испаніи приходилось защищать провинціи, лежавшія очень далеко отъ нея и неимѣвшія съ нею никакой естественной связи. Къ невыгодному географическому положенію присоединялось полнѣйшее внутреннее ослабленіе, явившееся послѣдствіемъ дурнаго управленія и лѣности жителей. Въ началѣ XVIII вѣка, когда пресѣклась царствовавшая въ ней династія, Испанія сдѣлалась предметомъ раздора между двумя главными тогдашними государствами континента Европы, и война, происшедшая изъ этого, кончилась отторженіемъ европейскихъ провинцій отъ испанскаго королевства и воцареніемъ въ Испаніи французской династіи.

Со смерти императора Карла V въ Испаніи царствовала старшая линія габсбурго-бургундскаго дома, между тѣмъ какъ младшая линія его царствовала въ Австріи. Послѣднимъ мужескимъ потомкомъ испанской династіи былъ Карлъ II, взошедшій на престолъ въ 1665 и умершій въ 1700. Онъ задолго до смерти сталъ хилъ, и Франція съ Австріей уже давно боролись дипломатическимъ оружіемъ изъ-за его наслѣдства. Въ этомъ спорѣ не обращалось вниманія на право самой испанской націи и ея короля опредѣлить, кѣмъ должна быть управляема Испанія. Тогда повсюду, кромѣ Англіи, владычествовалъ принципъ легитимности. Притязанія французскаго короля Лудовика XIV основывались на томъ, что онъ сынъ испанской принцессы и что его жена была сестра Карла II. Австрія требовала испанскаго наслѣдства во первыхъ потому, что Леопольдъ I, какъ потомокъ брата императора Карла V, былъ представителемъ мужеской линіи габсбурго-бургундскаго дома, во вторыхъ потому, что и у него, какъ у Лудовика XIV, матерью была испанская принцесса, а женою (въ первомъ его бракѣ) — сестра Карла II. Матери Леопольда и Лудовика, также какъ и жены ихъ, были родныя сестры. Мать и жена Лудовика были старшія сестры; мать и первая жена Леопольда — младшія; но мать и жена Лудовика при вступленіи въ бракъ отказались за себя и за свое потомство отъ всякихъ притязаній на испанское наслѣдство, а мать и жена Леопольда положительно выговорили себѣ право на него. На это обстоятельство Лудовикъ не хотѣлъ обращать никакого вниманія; опираясь на рѣшеніе парижскаго парламента, онъ утверждалъ, что никто не можетъ располагать правами своихъ потомковъ. Чтобы не возбудить опасеній за сохраненіе европейскаго равновѣсія, Леопольдъ и Лудовикъ не требовали испанской короны прямо себѣ: Лудовикъ требовалъ ея для своего младшаго внука, Филиппа герцога Анжуйскаго, впослѣдствіи испанскаго короля Филиппа V, а Леопольдъ — для своего младшаго сына эрцгерцога Карла, который, сдѣлавшись испанскимъ королемъ, сталъ называться Карломъ III, а вступивъ на императорскій престолъ, принялъ имя Карла VI.

Споръ между Лудовикомъ и Леопольдомъ породилъ разные переговоры и даже два трактата о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства. Это возбудило страшное негодованіе въ испанскомъ народѣ и въ его королѣ, такъ что Карлъ II по соглашенію съ морскими державами (Англіею и Голландіею) сдѣлалъ завѣщаніе, по которому наслѣдникомъ испанскаго королевства призналъ тогдашняго наслѣднаго принца баварскаго. Этотъ принцъ былъ сынъ дочери Леопольда отъ первой жены и единственный ея потомокъ, остававшійся въ живыхъ. Оба сына Леопольда, — впослѣдствіи императоры Іосифъ I и Карлъ VI, — родились отъ другой жены. Но черезъ нѣсколько времени (въ февралѣ 1699) наслѣдный принцъ баварскій умеръ, и по смерти его Австрія и Франція стали интриговать, чтобы склонить слабаго испанскаго короля къ составленію новаго завѣщанія; въ то же время обѣ державы заключили съ Англіею и Голландіей новые договоры о раздѣлѣ испанской монархіи. Сначала австрійской партіи при испанскомъ дворѣ удалось выпросить у короля завѣщаніе, назначавшее наслѣдникомъ эрцгерцога Карла. Но Австрія, по своему обыкновенію ждать пользы отъ промедленія, медлила исполнить условія, постановленныя въ прежнемъ завѣщаніи: оно возлагало на нее обязанность прислать въ Испанію войско на защиту Испаніи, въ случаѣ нападенія французовъ. Это промедленіе позволило французской партіи овладѣть больнымъ королемъ. Воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что морскія державы заключили новый договоръ о раздѣлѣ испанскаго государства, французская партія стала умолять короля, чтобы онъ спасъ свою монархію отъ раздробленія завѣщаніемъ въ пользу французскаго принца. Король согласился на предложенное ему третье завѣщаніе, по которому опредѣлялся слѣдующій порядокъ наслѣдованія: преемникомъ Карла II назначается внукъ Лудовика XIV, Филиппъ Анжуйскій; если онъ не оставитъ потомковъ, ему наслѣдуетъ братъ его, герцогъ Беррійскій, и уже только тогда, если и у герцога Беррійскаго не будетъ потомковъ, ему наслѣдуетъ эрцгерцогъ Австрійскій. Когда Карлъ II подписалъ это завѣщаніе, въ его присутствіи было сожжено прежнее завѣщаніе, составленное въ пользу эрцгерцога. Составленіе третьяго завѣщанія и уничтоженіе втораго сохранялись въ глубочайшей тайнѣ. Австрійскій кабинетъ до самой смерти Карла II былъ увѣренъ, что эрцгерцогъ Карлъ наслѣдуетъ испанскую корону.

Перваго ноября 1700 Карлъ II умеръ. Черезъ 12 дней Лудовикъ XIV объявилъ, что отъ имени своего внука принимаетъ наслѣдство. При этомъ онъ не обратилъ вниманія на то, что самъ недавно заключилъ съ морскими державами договоръ о раздѣлѣ испанской монархіи и что война, — какъ онъ и его министры хорошо понимали,—будетъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ принятія завѣщанія. Въ Испаніи тотчасъ было учреждено регентство, и управленіе государствомъ отдано въ руки французской партіи. Въ февралѣ 1701 французскій принцъ пріѣхалъ въ Мадридъ. Ему и его спутнику, маркизу де Лувилю, даны были инструкціи на всевозможные случаи. Лувиль, смотрѣвшій на весь свѣтъ съ узкой точки зрѣнія придворнаго остряка, не понимающаго серьезныхъ вещей, не обращалъ никакого вниманія на особенности испанскаго характера и національности, смѣялся надъ государственнымъ устройствомъ Испаніи, надъ обычаями и лицами испанскаго двора. Пока онъ оставался совѣтникомъ короля и пока правителями были испанцы, не могло быть и рѣчи ни о приготовленіяхъ къ оборонѣ, ни о коренныхъ улучшеніяхъ. Испанія представляла въ то время поразительный контрастъ Франціи. Она все болѣе и болѣе отодвигалась назадъ въ средніе вѣка, тогда какъ во Франціи Ришлье, Мазаренъ и Лудовикъ XIV создали совершенно новую жизнь и министерскій деспотизмъ, при помощи искусственной финансовой системы и регулярнаго войска. Вся испанская армія состояла тогда не болѣе какъ изъ 20,000 человѣкъ, да и тѣ не получали ни хлѣба, ни денегъ, такъ что гвардейскіе солдаты принуждены были, кромѣ службы, заниматься какимъ нибудь ремесломъ, чтобы не умереть съ голода. Новый король не нашелъ въ своемъ дворцѣ самыхъ необходимыхъ и обыкновенныхъ вещей изъ мебели и посуды и терпѣлъ недостатокъ въ томъ, что во Франціи имѣли горожане средней руки. Это не помѣшало однако регентству выдать 12,000 піастровъ на посольство въ Парижъ, между тѣмъ какъ на путешествіе короля отъ границы до Мадрида было назначено только 1,000 піастровъ. Такое положеніе государства и такіе обычаи двора и столицы, конечно, благопріятствовали сохраненію замкнутой національности и соціальнаго равенства

между испанцами, не смотря на неравенство сословій, а всеобщая бѣдность дѣлала испанцевъ равнодушными къ лишеніямъ. При такихъ условіяхъ Лудовикъ XIV не только не могъ ждать помощи отъ Испаніи въ предстоявшей войнѣ, но еще долженъ былъ во время войны содержать на свой счетъ испанскаго короля и его дворъ, и кромѣ того расходовать громадныя суммы на подкупы и на шпіоновъ. На поддержку другихъ великихъ державъ Франціи также нечего было разсчитывать. Только герцогъ Савойскій, Викторъ Амедей II (т. V, стр. 773), былъ привлеченъ на сторону Лудовика обѣщаніемъ, что на его дочери женится испанскій король. Герцогъ Мантуанскій, взявъ деньги, также пустилъ французовъ въ Мантую, сильнѣйшую крѣпость Италіи, и наконецъ курфирстъ баварскій, Максимиліанъ Эммануилъ (т. V. стр. 717), намѣстникъ испанскихъ Нидерландовъ, открылъ французамъ бельгійскія крѣпости. То были единственные союзники Лудовика XIV.

Узнавъ о завѣщаніи въ пользу французскаго принца, австрійское правительство рѣшилось оружіемъ защищать свои права на испанскій престолъ. Оно снаряжало армію, еще не объявляя войны французамъ, готовилось захватить силою герцогство Миланское и требовало у морскихъ державъ помощи, которую онѣ должны были оказать ему по договорамъ. Морскія державы, оскорбленныя тѣмъ, что Лудовикъ нарушилъ свой договоръ съ ними о раздѣлѣ испанской монархіи, не скрывали своего намѣренія помочь императору; однако онѣ не замедлили признать Филиппа Анжуйскаго королемъ Испаніи. По послѣднему договору Голландія содержала въ крѣпостяхъ испанскихъ Нидерландовъ до 15,000 человѣкъ войска, которое неизбѣжно попалось бы французамъ въ плѣнъ, если бы Голландія не признала Филиппа. Въ Англіи виги рѣшительно противились всякому вмѣшательству въ континентальныя политическія дѣла, желая ограничиться только заботами о развитіи англійской торговли и промышленности. Вильгельмъ III замѣнилъ вигское министерство торійскимъ, но и тори не сочувствовали войнѣ. Привыкнувъ самъ управлять всѣми дѣлами и въ Голландіи, и въ Англіи, Вильгельмъ ни за что не хотѣлъ допускать усиленія французскаго могущества и вообще стремился къ тому, чтобы европейская политика зависѣла отъ него. Изъ всѣхъ тогдашнихъ государей онъ былъ самый мудрый, справедливый и честный и явился единственнымъ спасителемъ свободы въ эпоху, когда ей одновременно грозили штыки, дипломаты и іезуиты. Страдая неизлечимою болѣзнью, онъ оставался бодръ и крѣпокъ духомъ, и въ этотъ послѣдній годъ своей жизни выказалъ себя болѣе чѣмъ когда нибудь великимъ среди торгашей англичанъ, кичившихся своимъ богатствомъ и знатностью. Въ ожиданіи успѣха своихъ дѣйствій въ Англіи, онъ сначала успѣлъ убѣдить голландцевъ силою своихъ политическихъ доводовъ, и они рѣшились объявить войну. По договорамъ Англія была обязана помогать Голландіи въ случаѣ нападенія французовъ, и Вильгельмъ старался возбудить англійскій народъ противъ министерства и парламента. Въ мартѣ 1701 голландцы обнародовали очень рѣзкую декларацію противъ Лудовика XIV; въ Англіи настроеніе скоро стало враждебно французамъ, такъ что въ концѣ мая министры и парламентъ выразили готовность содѣйствовать планамъ короля.

Въ іюлѣ 1701 австрійцы начали непріязненныя дѣйствія въ Италіи. Въ первый разъ со времени Валленштейна во главѣ ихъ армій находился человѣкъ, умѣвшій геніально исполнять великіе планы, не смотря на всѣ препятствія, какія ставила ему администрація. То былъ принцъ Евгеній Савойскій (т. V, стр. 718). Онъ началъ войну тѣмъ, что прошелъ изъ Тироля черезъ Кьюзу къ Веронѣ; этотъ трудный переходъ черезъ горы возбудилъ въ свое время такое же удивленіе, какъ сто лѣтъ спустя переходъ Бонапарте черезъ Сенъ-Бернаръ. Въ Италіи ему предстояла борьба съ французской арміей, вдвое превосходившей численностью его войско, опиравшейся на неприступную крѣпость Мантую и предводительствуемой однимъ изъ лучшихъ полководцевъ того времени, Катинà (т. V, стр. 734). По счастію для Евгенія, маршалъ Катинà былъ въ ссорѣ съ герцогомъ Савойскимъ, носившимъ званіе главнокомандующаго; версальскіе придворные выхлопотали, чтобы его отозвали изъ Италіи, а на его мѣсто прислали маршала Вильруа, фаворита Ментенонъ (т. V, стр. 737). Передъ отъѣздомъ Катина сдѣлалъ смѣлое нападеніе на австрійцевъ, но Евгеній принудилъ

его къ отступленію; въ этомъ дѣлѣ французы потеряли нѣсколько тысячъ, а Евгеній только 40 чел. (1 сентября 1701).

Въ сентябрѣ 1701 составился великій союзъ противъ Лудовика XIV. Вильгельмъ III, почти умирающій, переѣхалъ въ Голландію, чтобы довершить свое дѣло, и 7 сентября между императоромъ, Англіей и Голландіей былъ заключенъ союзъ, извѣстный подъ именемъ Тройственнаго. Этимъ трактатомъ гарантировались эрцгерцогу Карлу испанскій престолъ, а голландцамъ крѣпости въ испанскихъ Нидерландахъ для огражденія Голландіи отъ французовъ, и какъ имъ, такъ и англичанамъ предоставлялись большія выгоды для ихъ остъ-индской и вестъ-индской торговли. Не смотря на эти выгоды, союзъ возбудилъ бы въ Англіи сильное неудовольствіе, если бы въ это самое время Лудовикъ XIV не оскорбилъ вліятельныхъ либераловъ въ этой странѣ. Сентября 16 умеръ въ Сенъ-Жерменѣ изгнанный англійскій король Іаковъ II, и Лудовикъ тотчасъ призналъ его сына, Іакова III, королемъ англійскимъ. Когда это извѣстіе пришло въ Англію, вся нація обратилась къ Вильгельму III съ требованіемъ отмстить Франціи за такое оскорбленіе. Утвердивъ заключенный Вильгельмомъ Тройственный союзъ, парламентъ установилъ новые налоги для навербованія 40,000 солдатъ и столько же матросовъ. Но рѣчь все еще шла о томъ, чтобы Англія вела войну не прямо за себя, а только какъ союзница Голландіи. Главнокомандующимъ Вильгельмъ назначилъ вига, графа, впослѣдствіи герцога Мальборо, великіе военные таланты котораго были угаданы такимъ полководцемъ, какъ Вильгельмъ (т. V, стр. 699).

Въ мартѣ 1702 Вильгельмъ умеръ, и по порядку престолонаслѣдія, заранѣе опредѣленному парламентомъ, на престолъ вступила сестра его жены, Анна, бывшая замужемъ за принцемъ датскимъ. При ней виги снова получили власть, и Англія приняла непосредственное участіе въ войнѣ, хотя всѣ ждали противнаго, зная любовь новой королевы къ ея брату, Іакову III, къ монархической власти и къ іерархіи. Но дѣло было въ томъ, что Анною безусловно управляла жена Мальборо, ея первая статсъ-дама, а Мальборо желалъ войны, во-первыхъ, какъ вигъ и полководецъ, во-вторыхъ, по гнусной алчности, маравшей его великіе таланты: война была для него лучшимъ средствомъ для обогащенія. Одинъ изъ самыхъ тонкихъ придворныхъ своего времени, мастеръ во всѣхъ придворныхъ штукахъ, онъ безъ труда вытѣснилъ тори изъ кабинета. Однако нѣкоторые изъ нихъ остались членами министерства и были совершенно удалены только въ 1708. Виги были тогда въ Англіи тѣмъ сильнѣе, что и въ Голландіи по смерти Вильгельма III вся власть перешла къ республиканцамъ. Голландцы говорили, что штатгальтеръ Фрисландіи и Грёнингена, которому Вильгельмъ III хотѣлъ оставить послѣ себя наслѣдственный санъ штатгальтера всего Батавскаго края, слишкомъ молодъ. Но истинная причина того, что воля Вильгельма не была исполнена, — и только въ этомъ одномъ случаѣ голландцы не исполнили его желанія, — заключалась въ томъ, что великій пенсіонарій Гейнзіусъ и республиканцы рѣшительно не хотѣли имѣть въ Нидерландахъ сановника, похожаго на государя. Въ маѣ 1702 Англія, Голландія и императоръ заодно объявили Франціи войну.

Испанскій король Филиппъ V, изъ-за котораго Франція начала войну со всей Европой, игралъ самую жалкую роль. Полу-идіотъ, упрямый ипохондрикъ, человѣкъ, рабски преданный этикету, онъ въ отношеніи суевѣрія и машинальнаго ханжества былъ настоящій испанецъ. Чего слѣдовало ждать отъ него, можно судить уже по одному тому обстоятельству, что кормилицу его пришлось выслать изъ Испаніи обратно во Францію, потому что онъ совершенно подчинился ея вліянію. Кромѣ того онъ колебался между своимъ французскимъ менторомъ и испанскими совѣтниками и получалъ инструкціи то отъ своего дѣда, то отъ Ментенонъ, то отъ французскихъ министровъ, воображавшихъ, что Испаніею можно управлять изъ Парижа, какъ французскою провинціею. Впрочемъ французовъ стали назначать въ Испанію на различныя мѣста лишь тогда, когда Франція была принуждена защищать и содержать испанскаго короля. Осенью 1701 Филиппъ женился на дочери герцога Савойскаго; это произвело перемѣну въ правительствѣ. Королевою, которой было всего 13 лѣтъ, безусловно управляла ея оберъ-гофмейстерша, княгиня Орсини; слабый король до непостижимости подчинялся ей.

Княгиню Орсини назначилъ оберъ-гофмейстериною самъ Лудовикъ XIV; но онъ обманулся въ ея характерѣ. Наружно она выказывала ему величайшую преданность, переписывалась съ Ментенонъ, но въ дѣйствительности управляла Испаніей по своему произволу, такъ что нерѣдко дѣйствовала противъ французскихъ министровъ и генераловъ. Разумѣется, вскорѣ не замедлили обнаружиться послѣдствія того, что государствомъ управляла придворная дама, дѣйствовавшая только по своимъ личнымъ желаніямъ и соображеніямъ.

2. Война за испанское наслѣдство до 1709 года.

Въ 1701 австрійцы утвердились въ мантуанскомъ и миланскомъ герцогствахъ, пошли впередъ и взяли въ плѣнъ маршала Вильруа. Его плѣнъ былъ выигрышемъ для французской арміи. Лудовикъ прислалъ командовать ею герцога де Вандома, который дѣйствовалъ гораздо лучше Вильруа. Въ Германіи французы могли разсчитывать на двухъ союзниковъ: на курфирста баварскаго, Максимиліана Эммануила, и на его брата, курфирста кёльнскаго, Іосифа Клемента (т. V, стр. 708). Зато императору и морскимъ державамъ удалось впутать имперію въ войну за дѣло, совершенно чуждое ей. Курфирстъ бранденбургскій, Фридрихъ III, великій человѣкъ на малыя дѣла, предался императору за то, что Леопольдъ призналъ за нимъ сочиненный имъ для себя королевскій титулъ. По обычаю нѣмцевъ, много прошло времени, прежде чѣмъ имперія приняла окончательное рѣшеніе. Въ апрѣлѣ 1702 имперскія войска уже дрались съ французами на верхнемъ и нижнемъ Рейнѣ, а имперія только въ сентябрѣ собралась объявить войну. Она объявила, что будетъ вести войну только для защиты своихъ границъ. Союзники Франціи, курфирсты баварскій и кёльнскій, были преданы имперскому суду. Максимиліанъ Эммануилъ Баварскій собралъ на французскія деньги 20,000 войска и хотѣлъ впустить въ Баварію французовъ, чтобы идти на Вѣну. Іосифъ Клементъ Кёльнскій впустилъ французовъ въ свои владѣнія, не слушая настоятельныхъ возраженій капитула и сейма. Имперскій процессъ противъ него былъ веденъ не такъ медленно, какъ обыкновенно велись подобные процессы. Іосифу Клементу были посланы авокаторіи (увѣщанія), оставшіяся втунѣ; но по истеченіи десятидневнаго срока, назначеннаго ему для раскаянія, имперскія войска заняли Кейзерсвертъ. Курфирстъ отмстилъ разбойничествомъ, которое для архіепископа было еще позорнѣе, чѣмъ для всякаго другаго. Вторгнувшись во главѣ французскаго войска въ герцогство Бергское, онъ неистовствовалъ въ немъ такъ, что по его собственной похвальбѣ, тамъ не осталось ни одного поселянина на двадцать миль въ окружности. За то имперскій надворный судъ объявилъ его измѣнникомъ имперіи и народа и передалъ кёльнскому капитулу управленіе курфиршествомъ. Впрочемъ имперская опала противъ него и его брата, курфирста баварскаго, была объявлена только черезъ четыре года. Главнокомандующимъ имперскими войсками былъ назначенъ маркграфъ Лудвигъ Баденскій, отличный полководецъ (т. V, стр. 546). Ему пришлось довольно долго ждать, пока кропотливая имперія сдѣлаетъ распоряженія, нужныя для порядочнаго веденія войны. Дождавшись этого, онъ построилъ полевыя укрѣпленія противъ Филиппсбурга и Сенъ-Луи и потомъ осадилъ крѣпость Ландау. Не смотря на всѣ старанія Катина выручить ее, въ сентябрѣ она была принуждена сдаться. Тогда Лудвигъ пошелъ на баварцевъ, взявшихъ Ульмъ и хотѣвшихъ соединиться съ арміею Вильяра. Маркграфъ успѣлъ не допустить ихъ соединиться. Болѣе онъ ничего не могъ сдѣлать, потому что имперія заставляла его терпѣть лишенія во всемъ и не поставила ему даже пятой части обѣщанныхъ войскъ. Въ Италіи усиленіе арміи Вандома до 50,000 принудило Евгенія Савойскаго снять начатую осаду Мантуи; случайная задержка разстроила и его планъ сдѣлать неожиданное нападеніе на французовъ. Слѣдующій 1703 годъ могъ угрожать совершенною гибелью имперскимъ войскамъ, если бы французамъ удалось соединиться съ баварцами и черезъ Тироль открыть сообщеніе между своими арміями въ Германіи и Италіи.

Лудвигъ Баденскій встрѣчалъ затрудненія на каждомъ шагу. Бездарный графъ фонъ Штирумъ, командовавшій австрійскими войсками въ Гер-

маніи, изъ зависти нарочно вредилъ его планамъ. Имперія тоже не мало вредила, и Лудвигъ въ письмахъ, предназначенныхъ для публики, горько жаловался на медленность совѣщаній и на безтолковость рѣшеній имперскаго сейма. Сеймъ ничего не понималъ ни въ администраціи, ни въ государственномъ хозяйствѣ, ни въ военныхъ дѣлахъ. Это онъ доказалъ въ 1703 смѣшною мѣрою для отмщенія французамъ за ихъ жестокія притѣсненія въ южной Германіи. Онъ запретилъ на годъ всякую торговлю и даже всякую переписку съ французами, хотя коллегія городовъ очень основательно возражала противъ этого рѣшенія, дѣлавшаго самимъ нѣмцамъ больше вреда, чѣмъ французамъ. Слѣдствія такого нелѣпаго веденія имперскихъ дѣлъ не замедлили проявиться. Нѣкоторое время Лудвигу Баденскому удавалось задерживать Вильяра, но наконецъ французскій генералъ соединился съ баварцами, потому что Штирумъ пропустилъ благопріятный случай напасть на нихъ. Въ августѣ 1703 французы взяли важную крѣпость Бризахъ. Маркграфъ искуснымъ движеніемъ отрѣзалъ имъ путь въ важный для нихъ Аугсбургъ, и Вильяру приходилось отступить или рѣшиться на битву съ маркграфомъ при условіяхъ, самыхъ неблагопріятныхъ для французовъ. Но Штирумъ постыднымъ образомъ далъ захватить себя врасплохъ. Французы разбили его 20 сентября при Гехштедтѣ, и Лудвигъ былъ принужденъ отдать имъ Аугсбургъ. Также позорно, какъ армія Штирума, были врасплохъ аттакованы и разбиты нѣмецкія войска, шедшія на выручку Ландау, и эта крѣпость снова досталась французамъ.

Евгенію также приходилось не разъ жаловаться на дурныя распоряженія вѣнскаго придворнаго военнаго совѣта. Наконецъ ему было предоставлено самостоятельное управленіе военною частью, и тогда оказалось, какими средствами обладаетъ Австрія, когда ея сила попадаетъ въ хорошія руки. Армія Евгенія въ Италіи дѣйствовала въ этомъ году удачнѣе, чѣмъ имперская армія маркграфа Лудвига въ Германіи. Курфирстъ баварскій, бывшій не въ ладахъ съ Вильяромъ, какъ маркграфъ съ Штирумомъ, въ іюнѣ 1703 отдѣлился отъ Вильяра, думая пройти черезъ Тироль къ Вандому въ Италію. Но когда онъ дошелъ до Бреннера, и его войска разбрелись по всему Тиролю, тирольцы всюду взялись за оружіе; они уничтожали цѣлые отряды баварцевъ и французовъ, а Вандомъ, напрасно пытавшійся завоевать Тироль, не отважился идти на Бреннеръ. Такимъ образомъ курфирстъ былъ принужденъ къ отступленію и, желая поскорѣе совершить его, предалъ во власть непріятеля всѣ свои отряды, отдѣлившіеся отъ главныхъ силъ.

Между тѣмъ деньги Лудовика произвели возстаніе въ Венгріи. Князь Ракочій съ 30,000 венгровъ двинулся къ Пресбургу. Это заставило Евгенія послать часть своего войска въ Венгрію, а потомъ и самому отправиться туда. Въ Венгріи онъ скоро покончилъ войну,—покончилъ покрайней мѣрѣ на столько, что могъ предоставить дальнѣйшія дѣйствія генералу Гейстеру. Отправляясь въ Венгрію, онъ сдалъ въ Италіи команду самому достойнѣйшему человѣку, какого могъ выбрать, графу Штарембергу. Австрійцамъ помогло то, что Викторъ Амедей Савойскій, тесть испанскаго короля Филиппа V, измѣнилъ своему союзу съ Франціею и въ концѣ предшествовавшаго года приступилъ къ союзу противъ Франціи и Испаніи. Измѣняя Лудовику, Викторъ Амедей былъ вѣренъ системѣ своей династіи, возвысившейся только вѣроломствомъ и измѣнами. Командуя испанскими войсками въ Италіи, онъ завелъ тайные переговоры съ Австріею, Англіею и Голландіею; деньгами и обѣщаніемъ увеличить его владѣнія союзники убѣдили его отступиться отъ своего зятя и отъ дѣда зятя, Лудовика XIV, который приходился дѣдомъ и другому его зятю, герцогу Бургундскому. Лудовикъ зналъ объ измѣнѣ Виктора Амедея, но скрывалъ свой гнѣвъ, пока Вандомъ былъ въ Тиролѣ. Потомъ онъ потребовалъ, чтобы герцогъ Савойскій предалъ французамъ нѣсколько савойскихъ городовъ въ залогъ своей вѣрности. Это заставило герцога сбросить маску и въ октябрѣ 1703 г. объявить войну Франціи и Испаніи. За этотъ поступокъ ему чуть было не пришлось серьезно поплатиться; но его спасъ Штарембергъ, успѣвшій въ январѣ 1704 прійти къ нему на помощь. Штарембергъ сдѣлалъ этотъ походъ съ искусствомъ, доставившимъ ему славу и репутацію достойнаго помощника Евгенія.

Въ Нидерландахъ и въ Испаніи дѣла французовъ въ 1703 также шли плохо.

И тамъ, и здѣсь нѣмецкія войска, отданныя своими государями въ наемъ Англіи и Голландіи, заслужили гораздо больше славы, чѣмъ ихъ соотечественники на верхнемъ Рейнѣ, состоявшіе подъ командою маркграфа Лудвига. Въ Нидерландахъ союзники взяли Венло, Люттихъ, Боннъ и другіе города, совершенно выгнали французовъ изъ курфиршества кёльнскаго, овладѣли Лимбургомъ и Гельдерномъ. Въ Испанію прибыло англо-нидерландское войско съ цѣлью занять Кадиксъ и завоевать для Карла III Андалузію. Это предпріятіе не удалось; но зато англичане захватили испанскій флотъ съ грузомъ американскаго серебра. Между тѣмъ правительство Филиппа V дѣйствовало такъ, что само создавало себѣ враговъ между испанцами, особенно въ Каталоніи. Союзники снарядили войско и флотъ, чтобы поддержать права эрцгерцога Карла въ Испаніи, готовясь въ то же время сдѣлать нападеніе на Филиппа и съ другой стороны — изъ Португаліи.

Въ 1704 Лудовикъ отозвалъ Вильяра, опасаясь, чтобы раздоръ между нимъ и курфирстомъ Максимиліаномъ Эммануиломъ не заставилъ Баварію поступить такъ же, какъ поступила Савойя. Въ тоже время онъ отправилъ въ Баварію войско подъ командою Т а л ь я р а. Командованіе войсками на нижнемъ Рейнѣ и въ Нидерландахъ онъ поручилъ любимцу Ментенонъ, герцогу Вильруа. Герцогъ Мальборо обманулъ Вильруа: по условію съ Евгеніемъ, онъ двинулся къ Неккеру съ 30 тыс. англичанъ, голландцевъ, люнецбургцевъ и гессенцевъ. Вильруа не замѣтилъ этого. Мальборо шелъ соединиться съ Евгеніемъ, чтобы дать рѣшительную битву въ Баваріи. Прійдя въ Эслингенъ, онъ открылъ сообщеніе съ войсками Евгенія. Евгеній выказалъ тутъ величие души, возвышающейся надъ всѣми разсчетами тщеславія и желающей только успѣха дѣлу. Онъ принялъ на себя обязанность наблюдать за Тальяромъ на Рейнѣ, предоставивъ маркграфу Лудвигу славу аттаковать съ Мальборо баварско-французскую армію въ ея окопахъ на Дунаѣ. Эта аттака была произведена 2 іюля подъ Ш е л л е н б е р г о м ъ близъ Донауверта; баварцы и французы были съ большимъ урономъ выгнаны изъ своихъ окоповъ и обращены въ бѣгство. Мальборо хотѣлъ горячо преслѣдовать побѣду. Лудвигъ Баденскій, напротивъ, дѣйствовалъ медленно и завелъ переговоры отчасти по природной осторожности, отчасти же потому, что видѣлъ въ курфирстѣ баварскомъ члена нѣмецкой имперіи и, желая угодить императору, не хотѣлъ отнимать возможности примиренія. Между тѣмъ Вильруа пошелъ за скрывшимся отъ него Мальборо и въ самый день шелленбергской битвы соединился у Страсбурга съ Тальяромъ; послѣ того Тальяръ черезъ Кинцигскую долину прошелъ къ баварцамъ.

Мальборо, котораго послѣ шеленбергской битвы императоръ назвалъ спасителемъ своего государства и возвелъ въ санъ князя нѣмецкой имперіи, составилъ съ Евгеніемъ планъ рѣшительной битвы съ французами. Планъ этотъ былъ скрытъ отъ слишкомъ осторожнаго маркграфа, котораго убѣдили идти на Ингольштадтъ. Соединившись, Евгеній и Мальборо дали 13 августа 1705 сраженіе французско-баварской арміи Тальяра, Марсена и курфирста. Это сраженіе англичане называютъ Б л е н т г е й м с к и м ъ, по имени деревни Блентгеймъ, гдѣ ихъ войска выдержали упорный бой и побѣдили; нѣмцы же называютъ его Г ё х ш т е д т с к и м ъ, по имени деревни Гёхштедтъ, гдѣ одержалъ побѣду Евгеній. На правомъ крылѣ англичане взяли въ плѣнъ Тальяра и заставили 27 батальоновъ французовъ положить оружіе и отдать свои знамена; на лѣвомъ крылѣ побѣда долго колебалась, но Евгеній наконецъ также разбилъ непріятеля. Потеря французовъ и баварцевъ была громадна; изъ ихъ арміи, въ которой считали 60,000 человѣкъ, уцѣлѣло и возвратилось на Рейнъ не болѣе 20,000. Побѣдители взяли всю ихъ артиллерію, весь обозъ, въ томъ числѣ болѣе 5,000 фуръ съ провіантомъ, 3,600 палатокъ, 34 кареты съ французскими дамами, бывшими при арміи. Побѣда отдала въ ихъ власть всю Баварію; курфирстъ бѣжалъ въ Нидерланды, передавъ правленіе женѣ. Правительница скоро была принуждена подписать договоръ, по которому передала императору всѣ баварскія крѣпости, военные запасы и все управленіе Баваріею, оставивъ за собой только мюнхенскій округъ и 400 человѣкъ стражи. Послѣ гёхштедтской битвы Вильруа перешелъ Рейнъ и отступилъ въ Нидерланды. Мальборо преслѣдовалъ его, взялъ у французовъ Ланау и дошелъ до французской границы.

Въ Италіи и въ Испаніи французы терпѣли меньше неудачъ, нежели въ

Нидерландахъ и въ Германіи; но наконецъ потеряли и Италію. Въ 1704 и 1705 гг. герцогъ Вандомъ велъ войну въ Италіи вяло, не стѣсняя себя излишними хлопотами. Не смотря на то, въ 1705 онъ оттѣснилъ герцога Савойскаго и Евгенія, силы котораго были гораздо меньше непріятельскихъ и который держался противъ французовъ, только благодаря своимъ необыкновеннымъ талантамъ. Въ 1706 Людовикъ хотѣлъ покончить войну въ Италіи нѣсколькими рѣшительными ударами, чтобы потомъ перевести свои войска изъ Италіи въ Нидерланды и въ Испанію. Отбросивъ непріятеля, французы въ большомъ числѣ осадили Туринъ, превосходно защищаемый австрійскимъ генераломъ Д а у н о м ъ. Вскорѣ маршалъ Вандомъ былъ отозванъ въ Нидерланды, а главнокомандующимъ итальянскою арміею назначенъ молодой г е р ц о г ъ О р л е а н с к і й, впослѣдствіи регентъ Франціи. Въ помощники ему былъ данъ маршалъ М а р с е н ъ, дипломатъ и придворный. Между тѣмъ австрійскій главнокомандующій избавился отъ зависимости, связывавшей ему руки. Въ 1705 умеръ императоръ Леопольдъ I, и на австрійскій престолъ вступилъ старшій сынъ его, І о с и ф ъ I, воспитанный совершенно въ другихъ правилахъ, чѣмъ три предшествовавшіе императора. Іосифъ заговорилъ съ папою такимъ тономъ, какого Леопольдъ никогда не смѣлъ принимать, всѣми средствами старался успокоить венгровъ, а принцу Евгенію предоставилъ неограниченную власть по военнымъ и иностраннымъ дѣламъ. Въ 1706 Евгеній, обойдя непріятеля, соединился съ савойскою арміею. Это заставило герцога Орлеанскаго соединиться съ герцогомъ де Ла Ф е л ь я д о м ъ, осаждавшимъ Туринъ, и они рѣшили, не ожидая нападенія въ своемъ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Туриномъ, самимъ идти на встрѣчу непріятелю и аттаковать его. Но Марсенъ, показавъ полномочіе, данное ему королемъ, запретилъ имъ выходить изъ лагеря. 7 сентября 1706 нѣмецко-піемонтская армія отважилась штурмовать французскіе окопы, хотя численность ея, вмѣстѣ съ туринскимъ гарнизономъ, едва равнялась численности французовъ. Смѣлость эта увѣнчалась блистательнымъ успѣхомъ. Къ полудню побѣда Евгенія и герцога Савойскаго была рѣшена; у французовъ были убиты Марсенъ, большинство офицеровъ генеральнаго штаба, 3,000 рядовыхъ; побѣдители захватили весь ихъ обозъ, всю артиллерію, аммуницію и 5,000 человѣкъ плѣнныхъ. Побѣдою подъ Т у р и н о м ъ Евгеній былъ болѣе всего обязанъ тому, что французамъ приходилось защищать слишкомъ растянутую линію, и оттого они должны были раздробить свои силы, тогда какъ Евгеній могъ направить всѣ свои силы на одинъ пунктъ. Главная честь побѣды принадлежала прусскимъ войскамъ и командиру ихъ, князю Л е о п о л ь д у Д е с с а у с к о м у. Туринское сраженіе лишило французовъ Италіи, какъ гехштедтское—Баваріи. Вскорѣ по изгнаніи французовъ изъ Верхней Италіи, Евгеній завоевалъ и королевство неаполитанское, за исключеніемъ острова Сициліи. Но осада Тулона, предпринятая имъ 1707, не удалась.

Война въ Испаніи сначала шла для союзниковъ неудачно. Эрцгерцогъ Карлъ вступилъ въ 1704 въ эту страну изъ Португаліи; но его походъ не имѣлъ успѣха, потому что голландскій и англійскій командиры, Ш о м б е р г ъ и Ф а г е л ь, были несогласны между собою, а португальцы точно такъ же не помогали эрцгерцогу, какъ испанцы — его противнику. Португальскій король, подобно испанскому, страдалъ умственнымъ разстройствомъ; въ королевствѣ не было ни порядка, ни администраціи, ни войскъ, ни военныхъ снарядовъ, ни генераловъ; духовенство и придворные смотрѣли на англичанъ и голландцевъ подозрительно, какъ на еретиковъ. Испанскій дворъ возлагалъ всю свою надежду только на французскія войска, которыми командовалъ г е р ц о г ъ Б е р в и к ъ, побочный сынъ Іакова II. Въ 1704 англичане сдѣлали въ Испаніи важное завоеваніе, которое до сихъ поръ осталось за ними. Главнокомандующій англійскихъ войскъ въ Испаніи, принцъ Г е о р г ъ Г е с с е н ъ-Д а р м ш т а д т с к і й, узнавъ, что непобѣдимая крѣпость Гибралтаръ оставлена по непостижимой небрежности безъ защиты, неожиданно высадился на гибралтарскій берегъ и безъ малѣйшаго сопротивленія занялъ важнѣйшую европейскую крѣпость. Черезъ нѣсколько времени, по желанію испанской королевы, былъ отозванъ Бервикъ, служившій дѣлу, не занимаясь интригами и женскими капризами, и на его мѣсто присланъ въ Испанію Тессé, фаворитъ Ментенонъ (т. V. стр. 577). Въ слѣдующемъ (1705) году союзныя войска съ эрцгерцогомъ Карломъ переплыли моремъ изъ Португаліи въ Каталонію и овладѣли

Барселоною. При осадѣ этого города лишился жизни принцъ Гессенъ-Дармштадтскій. Тессе пытался отнять Барселону у союзниковъ, но отступилъ, потому что противъ него были не только союзники, но и каталонцы, а Валенсія и Аррагонія грозили возстаніемъ. Черезъ нѣсколько времени Филиппу пришлось даже оставить Мадридъ, и союзники въ іюнѣ 1706 заняли столицу Испаніи. Дѣло Филиппа было спасено только тѣмъ, что при такой опасности поспѣшили прислать назадъ въ Испанію Бервика, а въ кастильцахъ пробудилась вражда къ португальцамъ и чужеземцамъ. Искусно пользуясь ошибками непріятеля, Бервикъ вытѣснилъ его изъ Кастиліи и одержалъ надъ нимъ въ апрѣлѣ 1707 полную побѣду при А л ь м а н с ѣ. Вслѣдъ затѣмъ прибылъ съ французскими войсками герцогъ Орлеанскій. Эти войска были переведены въ Испанію изъ Италіи, уже потерянной для французовъ, и союзники были вытѣснены изъ Аррагоніи, Валенсіи и Мурсіи. Въ Аррагоніи правительство Филиппа V совершенно отмѣнило конституцію подъ предлогомъ, что страна завоевана оружіемъ. Надобно сказать, что оба принца, боровшіеся за испанскій престолъ, были одинаково бѣдны и жили милостынею своихъ покровителей. На свое домашнее хозяйство Филиппъ получалъ отъ дѣда 2,000,000 ливровъ; Карла, когда онъ принялъ титулъ испанскаго короля, содержали сначала голландцы, потомъ англичане. Но живя на счетъ двухъ еретическихъ державъ, неимѣя никакой силы, кромѣ ихъ помощи, Карлъ все-таки уповалъ больше всего на католическихъ святыхъ и на ихъ заступничество. Въ 1708 главнокомандующимъ англійскихъ войскъ въ Испаніи былъ назначенъ л о р д ъ С т е н г о п ъ, а къ эрцгерцогу Карлу былъ присланъ изъ Австріи храбрый Штарембергъ съ свѣжими войсками. Но Штарембергъ не могъ помѣшать герцогу Орлеанскому овладѣть Тортозою. Зато Стенгопъ занялъ Балеарскіе острова, и островъ Сардинія былъ покоренъ подъ власть Карла. Филиппъ V и его войска страдали отъ тѣхъ же золъ, которыя губили нѣмецкія войска на Рейнѣ. Вся испанская монархія не доставила въ 1708 государственной казнѣ и 6 милліоновъ, а флотъ съ серебромъ, прибытія котораго ожидали въ іюлѣ, былъ частью захваченъ, частью уничтоженъ англичанами.

Послѣ гехштедтской (бленгеймской) побѣды Мальборовозвратился въ Нидерланды и въ 1705 составилъ великолѣпный планъ вторженія во Францію, чтобы рѣшительнымъ ударомъ кончить войну. Лудвигъ Баденскій не хотѣлъ помогать осуществленію этого плана, да еслибы и хотѣлъ, то не могъ бы при извѣстныхъ намъ свойствахъ нѣмецкой имперіи и ея войскъ. Напрасно Мальборо объѣзжалъ дворы нѣмецкихъ князей, употреблялъ всю силу своего личнаго вліянія, чтобы возбудить ихъ къ новымъ усиліямъ. Великій генералъ и столь же великій дипломатъ, онъ замаралъ свою славу гнусною алчностью, постыдно раскрадывая жалованье у войскъ, нанимаемыхъ Англіей. При посредничествѣ еврея М е д и н ы, —какъ впослѣдствіи Бонапартъ при посредничествѣ Уврара,—Мальборо распространялъ по Европѣ язвуновой цивилизаціи торговлею государственными фондами, на которой основано въ наше время господство спекулянтовъ, сокрушающихъ все высокое самыми низкими средствами и въ союзѣ съ грубою силою оковывающихъ нынѣшнія поколѣнія цѣпями эгоизма. Медина служилъ агентомъ Мальборо не только для утайки денегъ у англійскихъ войскъ, но и по спекуляціямъ государственными бумагами. Такимъ образомъ онъ сталъ творцомъ новой отрасли торговли (stock-jobbery) и новой биржи (stock-exchange), на которой теперь во всѣхъ большихъ городахъ ежедневно торгуютъ судьбою Европы.

Контингенты нѣмецкой имперской арміи собирались медленно и не въ полномъ числѣ. Воспользовавшись этимъ, Вильяръ прогналъ ее за Рейнъ и отнялъ у нея весь обозъ и артиллерію. Но имперская армія была бы безопасна и на лѣвомъ берегу Рейна, если бы Лудовику не понадобилось (1706) обратить всѣ свои силы на спасеніе Испаніи и если бы французы не потерпѣли сильнаго пораженія въ Нидерландахъ. 23 мая 1706 Мальборо разбилъ на голову при Р а м и л ь и 60-тысячную французскую армію, которая потеряла отъ 15 до 20 тысячъ убитыми и плѣнными и всю свою артиллерію. Послѣ этого пораженія французы были почти совершенно вытѣснены изъ Нидерландовъ.

Въ началѣ слѣдующаго (1707) года Франція сдѣлала первыя попытки вступить въ мирные переговоры. Но и сами французы еще не имѣли серьезнаго желанія мириться, да и императоръ отвергалъ посредничество, хотя и въ имперіи, и въ Англіи, и въ Голландіи была очень сильная партія, желавшая мира. Притомъ и время не

благопріятствовало примиренію, потому что семейство Мальборо безгранично владычествовало тогда въ Англіи. Въ 1707 партія Мальборо совершила даже дѣло, за которое другіе много разъ брались безуспѣшно. Мы говоримъ о сліяніи шотландскаго парламента съ англійскимъ или о соединеніи Шотландіи съ Англіею въ одно государство. Эта мѣра въ особенности была важна тогда потому, что у курфирста ганноверскаго, назначеннаго наслѣдовать престолъ послѣ Анны, было мало приверженцевъ въ Шотландіи, и важнѣйшія шотландскія фамиліи считали Іакова III законнымъ наслѣдникомъ шотландскаго престола. Вообще соединеніе королевствъ было необходимо, чтобы Англія могла сохранить въ Европѣ положеніе, какое заняла при Вильгельмѣ III. Для шотландцевъ соединеніе было невыгодно въ политическомъ отношеніи, но съ матеріальной стороны они очень много выиграли. Съ той поры въ Англіи постоянно повторялись жалобы, что множество нищихъ шотландцевъ обогащаются на счетъ англичанъ. Однако до послѣдней реформы (въ 1832) нижняя палата британскаго парламента состояла изъ 658 членовъ; изъ нихъ только 45 избирались въ Шотландіи; въ верхней палатѣ засѣдали всѣ англійскіе лорды, между тѣмъ какъ шотландскіе присылали въ нее только 18 членовъ.

Смерть Лудвига Баденскаго въ 1707 пробудила въ Германіи споръ, показывающій самымъ яснымъ образомъ, въ какомъ состояніи находилось и какъ управлялось государство, называвшееся нѣмецкою имперіею и кормившее сотни дворовъ, тысячи канцелярій, цѣлыя арміи придворныхъ и педантовъ. Споръ шелъ о томъ, кому теперь, — католику или протестанту, — очередь командовать тѣснимою французами имперскою арміею. Наконецъ главнокомандующимъ былъ выбранъ старшій изъ имперскихъ фельдмаршаловъ, маркграфъ Ансбахскій. Вильяръ тотчасъ вытѣснилъ его изъ штолльгофенскихъ окоповъ, которые Лудвигъ Баденскій умѣлъ защищать семь лѣтъ, при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Французы овладѣли всей артиллеріей, оставшейся еще у имперской арміи, военными снарядами, наводнили собою и опустошили все пространство отъ глубины Швабіи до Бергштрассе. Бездарнаго полководца насилу уговорили отказаться отъ начальства, которое принялъ курфирстъ ганноверскій, бывшій впослѣдствіи англійскимъ королемъ подъ именемъ Георга I. Не имѣя ни денегъ, ни провіанта, онъ не могъ сдѣлать ничего больше, какъ вытѣснить французовъ изъ нѣсколькихъ занятыхъ ими округовъ. При нѣмецкихъ дворахъ сорились милліоны на праздники, а онъ не могъ добиться, чтобы ему выслали ничтожную сумму 200,000 тал., назначенную въ имперскую армію въ 1707, и 1,000,000 тал., назначенный на 1708. Уваженіе къ нѣмецкой имперіи исчезло во всей Европѣ; всѣ англійскія и голландскія газеты смѣялись надъ медленностью имперскаго сейма, надъ тѣмъ, какъ нѣмецкіе государи торгуютъ жизнью своихъ подданныхъ, а въ нотахъ голландскихъ уполномоченныхъ имперскому сейму самымъ рѣзкимъ тономъ говорилось прямо, что для нѣмецкихъ государей деньги дороже собственной чести и блага подвластныхъ имъ народовъ.

Въ Нидерландахъ Вандомъ избѣгалъ битвы, но искусно разстроивалъ всѣ осады, предпринимаемыя союзниками; Мальборо даже не могъ помѣшать ему овладѣть Гентомъ и Брюгге. Поэтому Мальборо составилъ съ Евгеніемъ планъ соединенными силами принудить французскаго маршала къ рѣшительной битвѣ. Преодолѣвъ всѣ трудности, представлявшіяся ему, Евгеній соединился съ Мальборо, и въ іюнѣ 1708 Вандомъ былъ разбитъ при Уденардѣ. Эта побѣда не доставила союзникамъ особыхъ выгодъ; она только дала возможность Мальборо осадить нѣкоторые города, въ то время какъ Евгеній наблюдалъ за курфирстомъ баварскимъ и за вызваннымъ изъ Испаніи герцогомъ Бервикомъ.

3. Война за испанское наслѣдство отъ 1709 до окончанія.

Въ концѣ 1708 всѣ средства Франціи были, казалось, истощены, и министры въ первый разъ рѣшились раскрыть королю истинное положеніе дѣлъ. Самъ герцогъ Бургундскій, старшій внукъ Лудовика XIV, принадлежалъ къ лицамъ, настоятельно говорившимъ, что надобно искать мира, хотя бы его пришлось купить значительными пожертвованіями. Отъ Англіи нельзя было ждать готовности

къ миру, пока Мальборо черезъ жену управлялъ королевою, а черезъ виговъ — парламентомъ, и потому французы начали переговоры съ Голландіею. Переговоры эти какъ нельзя яснѣе доказывали совершенное изнуреніе Франціи. Однако Лудовикъ все еще не думалъ о мирѣ серьезно: ему нужно было только перемиріе. Его министръ иностранныхъ дѣлъ, де Торси, самъ поѣхалъ въ Гаагу и составилъ съ великимъ пенсіонаріемъ Гейнзіусомъ предварительныя условія мира. Торси соглашался, чтобы Филиппъ V потерялъ все,—Испанію, Нидерланды, Сицилію и Миланъ, соглашался отозвать изъ Испаніи французскія войска, срыть всѣ крѣпости на верхнемъ Рейнѣ, отказаться отъ Страсбурга, Брейзаха, Бризгау и т. д. Но Лудовикъ не захотѣлъ подписать этого договора. Вѣроятно, онъ и приказалъ Торси составить его только для того, чтобы показать націи, какъ возмутительны требованія непріятеля, чтобы имѣть право сказать ей, что его дѣло — ея дѣло. Дѣйствительно, его обращеніе къ народу пробудило національную гордость французовъ и вызвало ихъ на новыя усилія.

Этими переговорами война въ Нидерландахъ въ началѣ 1709 была задержана. Принужденный Вильяромъ снять осаду Монса, Мальборо рѣшился, соединившись съ Евгеніемъ, штурмовать французскія позиціи. 11 сентября онъ далъ и выигралъ битву при Мальплаке́. Это было самое кровопролитное изъ всѣхъ сраженій XVIII вѣка до 1799: союзники должны были аттаковать непріятеля въ его окопахъ, и потому потеря ихъ была больше потери побѣжденныхъ. Говорятъ, что число убитыхъ и раненыхъ съ обѣихъ сторонъ простиралось до 20,000 человѣкъ. Результатомъ побѣды было завоеваніе Монса. Потомъ Евгеній и Мальборо взяли Дуэ, Эръ и Бетюнъ, Имперская армія на нижнемъ Рейнѣ оставалась въ своей обычной неподвижности, и границы Германіи были едва прикрыты.

Въ Испаніи главнокомандующіе союзниковъ, Штарембергъ и Стенгопъ, одержали большіе успѣхи. Лѣтомъ 1710 они одержали двѣ побѣды надъ войсками Филиппа, и онъ былъ принужденъ во второй разъ бѣжать изъ Мадрида. Послѣ этого Стенгопъ сдѣлалъ ошибку: вопреки совѣту Штаремберга, онъ убѣдилъ эрцгерцога Карла оставить Аррагонію, жители которой ожидали отъ него возстановленія уничтоженной Филиппомъ конституціи, и двинуться на Мадридъ, гдѣ французскаго принца предпочитали австрійскому. Онъ надѣялся соединиться съ португальскою арміею; но Вандомъ, присланный тогда въ Испанію, не допустилъ этого, и Карлъ скоро былъ принужденъ удалиться изъ Мадрида. При отступленіи Стенгопъ неосторожно отдѣлился отъ Штаремберга, былъ совершенно разбитъ и попался въ плѣнъ. Вслѣдъ затѣмъ Штарембергъ разбилъ непріятеля при Виллависіозѣ.

Между тѣмъ обстоятельства заставили Лудовика возобновить переговоры. Его государство было до крайности истощено войною, а страшные морозы зимы 1708 — 1709 довели страданія французскаго народа до ужасающихъ размѣровъ. Эта зима была одна изъ самыхъ жестокихъ во все продолженіе европейской исторіи; морозъ, голодъ и недостатокъ во всемъ погубили во Франціи чрезвычайное множество людей. Повсюду раздавались стоны, и господствовала нищета, а поставщики, ростовщики, откупщики и акцизные чиновники накопляли богатства. Эта нищета народа заставила Лудовика въ маѣ 1710 снова предложить голландцамъ миръ. Онъ выражалъ готовность безусловно принять условія, которыя недавно отвергалъ. Но посланники Австріи, Пруссіи и Савойи убѣдили голландцевъ предъявить такія требованія, на которыя Лудовикъ не могъ согласиться. Отъ него требовали, чтобы онъ самъ силою отнялъ у своего внука всю испанскую монархію и отдалъ ее своимъ врагамъ. Лудовикъ предлагалъ даже платить ежемѣсячно субсидіи для расходовъ, какихъ будетъ стоить изгнаніе его внука; но голландцы и этимъ не хотѣли удовлетвориться. Тогда онъ опять прервалъ переговоры и обнародовалъ новое воззваніе къ французской націи. Но своимъ спасеніемъ на этотъ разъ Лудовикъ былъ обязанъ не французскому народу, а перемѣнѣ, происшедшей въ англійскомъ правительствѣ.

Эта перемѣна была произведена, во первыхъ, ссорами королевы Анны съ ея придворными дамами, во вторыхъ, интригами нѣкоторыхъ государственныхъ людей; результатомъ ея было распаденіе страшнаго союза, боровшагося съ Франціею. Виги постепенно достигли въ Англіи полнаго владычества, и герцогиня Мальборо управляла королевою въ ихъ смыслѣ, хотя королева была привязана къ

своему изгнанному брату, проникнута принципами строгаго легитимизма и англиканской церкви. Нѣсколько времени Анна даже не понимала направленія своего министерства и не знала перемѣны, происшедшей въ мысляхъ народа. Англичане начинали чувствовать обременительность пожертвованій, которыхъ требуетъ военная слава. Правда, что во время войны развилась промышленность и торговля Англіи и увеличилось ея благосостояніе, но съ другой стороны уже чувствовались и послѣдствія національнаго долга, который, составляя въ 1689 только полмилліона фунтовъ, возросъ 1607 до 20 милліоновъ, а во время войны за испанское наслѣдство увеличился до 53 милліоновъ. Женская ссора открыла королевѣ глаза. Герцогиня Мальборо не обладала мастерствомъ лести, какъ ея мужъ, и не умѣла, какъ онъ, скрывать свое высокомѣріе. Ея тонъ и манеры сдѣлались наконецъ рѣшительно невыносимы. Потому королева перенесла свое довѣріе отъ герцогини на миссъ Гилль, сдѣлавшейся впослѣдствіи леди Мешемъ, и черезъ нее сблизилась съ людьми, служившими прежде въ министерствѣ связью между вигами и тори,—съ Сентъ-Джономъ и Гарли. Гарли, впослѣдствіи лордъ Оксфордъ, былъ именно такой человѣкъ, какіе нужны въ борьбѣ партій и создаются ею; Сентъ-Джонъ, называвшійся потомъ лордомъ Болингброкомъ, былъ самый остроумный и ловкій, но и самый безсовѣстный человѣкъ своего времени. Оба они стали дѣйствовать въ духѣ королевы противъ своихъ товарищей, а когда голландцы начали переговоры, посылали, не спрашиваясь своихъ товарищей, разныя предложенія французамъ. Интриги ихъ были открыты, и въ 1708 они были принуждены удалиться изъ министерства. Тогда обнаружились разныя утайки государственныхъ денегъ, повредившія министерству въ глазахъ народа; вражда англиканской церкви окончательно отвратила отъ министерства и народъ, и королеву. Англиканское духовенство въ своихъ проповѣдяхъ нападало на виговъ, какъ на партію опасную для церкви и для легитизма. Между прочимъ священникъ Сачверель въ концѣ 1709 напечаталъ рѣзкую проповѣдь въ этомъ смыслѣ, за которую былъ обвиненъ передъ верхнею палатою въ государственной измѣнѣ и осужденъ. Изъ преній этого процесса королева къ величайшему своему изумленію увидѣла, что ея министры и парламентъ преслѣдуютъ ученіе, которое она считаетъ евангельскимъ. Около того же времени неудовольствіе между королевою и герцогинею Мальборо превратилось въ открытую ссору, слѣдствіемъ которой было удаленіе герцогини отъ двора. Тогда королева черезъ миссъ Гилль вступила въ переговоры съ Гарли, и онъ началъ агитировать народъ для подачи адресовъ противъ министерства. Адресы эти становились все многочисленнѣе и многочисленнѣе. Первымъ результатомъ всего этого было удаленіе тѣхъ министровъ, вигизмъ которыхъ былъ особенно рѣзокъ. Союзныя державы дѣлали представленія противъ этого; большинство нижней палаты жаловалось. Но дѣло все-таки велось своимъ порядкомъ, и когда расположеніе мыслей въ народѣ было достаточно переработано, все министерство было смѣнено, а парламентъ распущенъ (въ октябрѣ 1710). Гарли сдѣлался канцлеромъ казначейства, Сентъ-Джонъ — государственнымъ секретаремъ. Въ новомъ парламентѣ тори имѣли перевѣсъ надъ вигами. Министерство ограничило власть Мальборо даже въ замѣщеніи должностей по арміи и въ военныхъ планахъ; оно не смѣло отнять у него командованіе только потому, что опасалось народа, который выказалъ большой энтузіазмъ къ Мальборо въ послѣдній его пріѣздъ въ Англію.

Новые министры тотчасъ начали тайные переговоры о мирѣ съ Франціею, жертвуя союзниками для выгодъ Англіи. Планамъ тори благопріятствовало то обстоятельство, что въ апрѣлѣ 1711 умеръ императоръ Іосифъ I, и единственнымъ его наслѣдникомъ былъ эрцгерцогъ Карлъ. Теперь никому уже не могло казаться, что полезно будетъ отнять у Филиппа всю испанскую монархію, которая такимъ образомъ соединилась бы подъ властью Карла со всѣми австрійскими землями. Агентомъ для сношеній съ французами англійскіе министры выбрали французскаго монаха Готье, служившаго Лудовику шпіономъ въ Англіи; его тайно послали во Францію съ инструкціями, прямо показывавшими, что англійское правительство не заботится ни о чемъ, кромѣ выгодъ англійской торговли и судоходства. Готье долженъ былъ пригласить французское правительство начать переговоры и съ Голландіею; при этомъ онъ объяснилъ, что предложенія гол-

ландцамъ можно сдѣлать въ общихъ, ничего не значащихъ выраженіяхъ. Генеральные штаты, какъ то предвидѣлъ англійскій кабинетъ, отвергли французскія предложенія. Французы воспользовались благопріятнымъ для нихъ оборотомъ дѣлъ, чтобы выказать надменность передъ голландцами. Они объявили, что не будутъ вести прямыхъ переговоровъ съ Голландіею. Переговоры Англіи съ Франціею были ведены Сентъ-Джономъ и Гарли, какъ людьми ловкими, но низкими интриганами. Они ничего не сообщали ни императору, ни голландцамъ и не обратили вниманія на протестъ курфирстины ганноверской, хотя она по закону была наслѣдницею королевы Анны. Французскому агенту была доставлена аудіенція у королевы такимъ таинственнымъ способомъ, который прямо характеризовалъ все дѣло, какъ заговоръ съ Франціею противъ прежнихъ союзниковъ Англіи и противъ ганноверской династіи, назначенной наслѣдовать англійскій престолъ. Еще до этой аудіенціи, когда англійскія войска были въ походѣ вмѣстѣ съ голландскими, Сентъ-Джонъ, явный приверженецъ французской политики, подписалъ предварительныя условія мира, которыя были предательствомъ въ отношеніи союзниковъ и дали французамъ возможность поступить съ голландцами презрительно.

Когда дѣйствія англійскихъ министровъ обнаружились, императоръ и Мальборо употребили всѣ силы, чтобы затруднить англійскимъ министрамъ заключеніе мира. Они старались усиливать возникшее въ англійскомъ народѣ опасеніе, что министры и сама королева вступили въ заговоръ съ Франціей для устраненія протестантскихъ наслѣдниковъ (Ганноверской линіи) отъ англійскаго престола въ пользу католика, брата королевы. Съ другой стороны, и министры, чтобы получить возможность дать отставку герцогу Мальборо, возстановляли противъ него парламентъ и народъ, обвиняя его въ утайкѣ казенныхъ денегъ и выставляя свидѣтелемъ противъ него еврея Медину. Доказано было, что онъ вычиталъ въ свою пользу проценты изъ жалованья, шедшаго наемнымъ войскамъ, и дѣйствовалъ заодно съ спекулянтами для полученія себѣ выгодъ отъ поставокъ на армію. Послѣ всего этого 1 января 1712 королева послала ему отставку, и главнокомандующимъ на его мѣсто былъ назначенъ ревностный тори, герцогъ Ормондъ. Принцъ Евгеній поѣхалъ въ Лондонъ, но не имѣлъ успѣха. Правда, уваженіе, которое всѣ къ нему чувствовали, ставило министровъ въ непріятное положеніе, и онъ подалъ въ четыре недѣли пять представленій, которыя напечаталъ, чтобы обвинить министровъ въ глазахъ народа. Но его усилія были напрасны, потому что противъ него употреблялись всѣ средства, какія только могъ выдумать и позволять себѣ такой коварный и безсовѣстный человѣкъ, какъ Сентъ-Джонъ.

Возвратившись въ Нидерланды, Евгеній уже не могъ разсчитывать на содѣйствіе англійскаго войска. Англійскіе командиры получили тайныя инструкціи не поддерживать его; герцогъ Ормондъ прямо сказалъ ему, что имѣетъ приказаніе не дѣлать нападенія на непріятеля и ограничиваться защитою союзниковъ. Въ іюлѣ, за два дня до обнародованія предварительныхъ условій мира съ Франціею, Ормондъ увелъ свое войско отъ Евгенія. Воспользовавшись этимъ, французы 24 іюля неожиданно напали при Дененѣ на Евгенія, магазины котораго по уходѣ англичанъ остались безъ надлежащаго прикрытія. Аттака вполнѣ удалась имъ: Евгеній былъ принужденъ бросить свои магазины; его окопы были взяты; многіе изъ его генераловъ попались въ плѣнъ, и французы овладѣли нѣсколькими крѣпостями. Этимъ кончились военныя дѣйствія въ Нидерландахъ. Война велась только на верхнемъ Рейнѣ и въ Каталоніи.

Въ концѣ января 1712 въ Утрехтѣ начались переговоры о мирѣ между Англіею, Голландіею, Савойей, Франціею, Испаніею. Все рѣшалось собственно въ Парижѣ, куда отправился Сентъ-Джонъ, и утрехтская конференція только придавала форму договора условіямъ, заключаемымъ въ Парижѣ, очень мало измѣняя ихъ. Мы умолчимъ о дипломатическихъ фокусахъ, какіе тутъ дѣлались англійскими министрами, и замѣтимъ только, что французскимъ коммиссарамъ въ Утрехтѣ была дана возможность съ избыткомъ отплатить голландцамъ за униженія, какимъ подвергалась Франція при прежнихъ переговорахъ. Французы пользовались для этого самыми мелочными предлогами: напримѣръ, прислуга французскаго посланника осмѣяла прислугу проѣзжавшаго мимо ея голландскаго посланника; одинъ изъ голландцевъ далъ за это оплеуху одному французу; французское правительство вытребовало, чтобы голландцы смѣнили своего посланника и извинились. Въ

апрѣлѣ 1713 миръ былъ наконецъ заключенъ. По этому миру, называемому Утрехтскимъ, за королемъ Филиппомъ V была оставлена Испанія и всѣ испанскія колоніи; но онъ долженъ былъ отказаться отъ правъ на французскую корону, чтобы Франція никогда не могла соединиться въ одно государство съ Испаніею. Изъ европейскихъ владѣній Испаніи Неаполь, островъ Сардинія, Миланъ и Нидерланды были отданы Австріи. Сицилію и часть герцогства Миланскаго получилъ герцогъ Савойскій, котораго англичане хотѣли имѣть своимъ орудіемъ противъ императора. Ему былъ данъ королевскій титулъ. Англія вытребовала у Франціи признаніе своего протестантскаго престолонаслѣдія и срытія дюнкирхенскихъ укрѣпленій, получила въ свое владѣніе Гибралтаръ, Минорку, Новую Шотландію, земли Гудсонова залива, Ньюфаундлендъ, Санъ-Кристовъ и выгодное право ассіенто, то есть торговли неграми съ испанскими колоніями. Голландцы получили «барьеръ», то есть укрѣпленную границу противъ Франціи. Имъ было дано право содержать въ нидерландскихъ императорскихъ крѣпостяхъ гарнизоны на счетъ императора. Кромѣ того, они включили въ договоръ чрезвычайно несправедливое условіе, что устье Шельды должно быть заперто для судоходства. Прусскій король получилъ Верхне-Гельдернскую область и признаніе своего новаго сана. Курфирстамъ баварскому и кельнскому были возвращены престолы и владѣнія. Всѣ выиграли. Но Австрія ровно столько же потеряла въ внутренней, истинной силѣ, сколько пріобрѣла по внѣшнему увеличенію своихъ владѣній.

Императоръ и имперія надѣялись купить войною условія лучше тѣхъ, какія составила для нихъ Англія. Поэтому они продолжали войну, но этимъ только навлекли на себя новый стыдъ. Напротивъ, каталонцы внушили всей Европѣ удивленіе къ себѣ своею геройскою борьбою. Они были искренно преданы эрцгерцогу Карлу, ненавидѣли кастильцевъ и мужественно отстаивали свою конституцію, которой угрожала власть Филиппа. Англія убѣдила императора вывести войска изъ Испаніи и позволила французамъ послать помощь Филиппу. Покинутые всѣми, каталонцы продолжали защищаться одни, и когда громадность непріятельскихъ силъ отняла у нихъ всякую возможность побѣдить, они всетаки еще цѣлый годъ оборонялись въ Барселонѣ. Въ маѣ 1714 команду противъ нихъ принялъ маршалъ Бервикъ, одинъ изъ величайшихъ полководцевъ своего времени. Каталонцы противились его нападеніямъ до совершеннаго истощенія всѣхъ своихъ средствъ. 11 сентября Барселона была взята штурмомъ, и каталонцы, какъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ аррагонцы, должны были подчиниться кастильской конституціи. Вся Европа сострадала паденію Барселоны, гоненіямъ на каталонцевъ, преданныхъ дипломатами, погибели ихъ свободы и правъ.

Между тѣмъ нѣмецкая имперія вела войну на верхнемъ Рейнѣ своимъ обычнымъ образомъ. Французы брали крѣпость за крѣпостью, а нѣмцы по прежнему покрывали себя позоромъ. Только одинъ человѣкъ, генералъ фонъ деръ Гаршъ, спасъ честь нѣмцевъ храброю защитою Фрейбурга. При всемъ бездѣйствіи и скупости своихъ соотечественниковъ, при всемъ отсутствіи мужества и патріотизма въ самыхъ фрейбургцахъ, онъ оборонялся противъ превосходныхъ силъ непріятеля, продолжалъ съ непоколебимою твердостью защищаться въ цитадели, когда городъ былъ взятъ; онъ не сдавалъ цитадели и тогда, когда ему прислали разрѣшеніе сдать, говоря, что сдастъ ее лишь по положительному приказанію; и дѣйствительно, онъ сдалъ Фрейбургъ, только получивъ формальное предписаніе отъ Евгенія. Командуя нѣмецкими войсками, Евгеній остановилъ дальнѣйшіе успѣхи французовъ, уже взявшихъ Ландау и перешедшихъ Рейнъ; но онъ не видѣлъ никакой возможности удачно вести войну, имѣя подъ своимъ начальствомъ войска многоглаголивой нѣмецкой имперіи, разслабленной эгоизмомъ и недостаткомъ единодушія. Поэтому онъ настоятельно совѣтовалъ принять Утрехтскій миръ и наконецъ былъ уполномоченъ императоромъ на переговоры. Переговоры между имперіей и Франціей были открыты въ Раштадтѣ, куда императоръ отправилъ Евгенія, а Лудовикъ XIV — маршала Вильяра. Эти переговоры кончились въ мартѣ 1714 заключеніемъ мира, по которому обѣ стороны приняли составленныя въ Утрехтѣ условія, и сверхъ того французамъ были отданы Форъ-Луи и Ландау.

II. СѢВЕРНАЯ ВОЙНА.

---

1. Ея возникновеніе.

Приписывая всѣ бѣдствія послѣдняго времени своему олигархическому правительству, шведы, чтобы избавиться отъ него, въ концѣ XVII вѣка искали спасенія въ неограниченной королевской власти, но не измѣнили при этомъ коренныхъ формъ своей конституціи, какъ измѣнили ихъ датчане въ 1660. Шведскій сеймъ, устрашенный голосомъ народа, предоставилъ неограниченную власть королю Карлу XI, а Карлъ употребилъ ее на то, чтобы возвратить казнѣ государственныя помѣстья, розданныя дворянству, и черезъ это отнять силу у аристократіи, губившей народъ своимъ управленіемъ. Эта насильственная и революціонная мѣра, разорившая дворянство, не только обогатила короля, но и придала ему видъ мстителя за народъ. Свое могущество Карлъ XI обратилъ на пользу государства; онъ возстановилъ финансы, флотъ и армію, собралъ много денегъ въ казнѣ, возвысилъ военное могущество Швеціи. Все это дало его сыну и преемнику, Карлу XII, возможность быть нѣсколько лѣтъ владыкою сѣвера.

При вступленіи на престолъ Карла XII (въ 1697) Швеція была государствомъ обновленнымъ, сильнымъ, съ превосходной арміей. Ей принадлежали тогда Финляндія, Карелія, Ингерманландія, Эстляндія и Лифляндія, почти вся Померанія съ крѣпостями Штеттиномъ и Стральзундомъ, укрѣпленная Висмарская гавань, герцогства Бременское и Верденское. Шведская армія въ нѣмецкихъ провинціяхъ состояла изъ превосходныхъ навербованныхъ войскъ, а въ самой Швеціи изъ національной милиціи, какой тогда не было нигдѣ, кромѣ Швейцаріи. Карлъ XI завелъ училища для образованія офицеровъ, основалъ литейныя и инженерныя учрежденія, справедливо составлявшія предметъ удивленія цѣлой Европы. Ко всему этому надобно прибавить, что все шведское дворянство отличалось воинственностью, а въ націи была еще жива память ея военной славы въ XVII вѣкѣ, и что офицеры, устроивавшіе армію Карла XI, горѣли нетерпѣніемъ омыть позоръ, нанесенный шведскимъ войскамъ при Фербеллинѣ.

Карлъ XII, вступившій на престолъ пятнадцатилѣтнимъ юношей, былъ, казалось, рожденъ для того, чтобы возобновить времена Густава Адольфа и Карла X. Но въ сущности онъ не былъ ни государственный человѣкъ, ни полководецъ, а только смѣлый рыцарь и хорошій солдатъ. При содѣйствіи дворянства онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ избавился отъ опеки, назначенной тремя другими сословіями, и сталъ неограниченнымъ властелиномъ. Подобно своему отцу, Карлъ былъ чуждъ суетной страсти тогдашнихъ государей соперничать съ дворомъ Лудовика XIV въ пышности и роскоши, и противъ гнилой системы дворовъ дѣйствовалъ грубою силою. Онъ побѣдилъ бы, если бы въ Петрѣ Первомъ судьба не выставила ему въ соперники человѣка, боровшагося съ нимъ тѣмъ же оружіемъ.

Пользуясь молодостью Карла XII, Данія и Саксонія думали, что могутъ распространить свои владѣнія на счетъ Швеціи; съ тою же цѣлью къ нимъ присоединился русскій царь. Фридрихъ IV, король датскій, стремился подавить молодаго Фридриха IV герцога Гольштейнъ-Готторпскаго, зятя и друга Карла XII; курфирстъ Саксонскій, Фридрихъ Августъ I (т. V, стр. 736—737), быв-

шій королемъ польскимъ подъ именемъ Августа II, надѣялся возвратить Польшѣ Лифляндію и Эстляндію; Петръ I хотѣлъ тѣсно связать русское царство съ остальною Европою, основавъ на Балтійскомъ морѣ флотъ и судоходство и присоединивъ къ своему государству значительное количество образованныхъ подданныхъ, а для этого ему нужны были шведскія провинціи, отдѣлявшія Россію отъ Балтійскаго моря. Всѣ эти три государя тѣмъ вѣрнѣе разсчитывали на успѣхъ, что вниманіе главныхъ европейскихъ дворовъ было поглощено ожидаемой смертью Карла II Испанскаго и притязаніями Франціи и Австріи на испанское наслѣдство. Въ 1699 датскій и польскій короли и русскій царь составили союзъ противъ молодаго шведскаго короля; договоръ о наступательномъ и оборонительномъ союзѣ былъ заключенъ между курфирстомъ саксонскимъ и королемъ датскимъ въ сентябрѣ, а черезъ два мѣсяца къ нему присоединился и Петръ. Русскій царь могъ навѣрное ждать отъ войны, если не другихъ выгодъ, то по крайней мѣрѣ той, что она образуетъ его войско. Но для Польши и Саксоніи завоевательный походъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ кончиться пагубно. Несчастная Саксонія, гдѣ Августъ могъ дѣлать все, что хотѣлъ, должна была разориться на войну, которая велась только для увеличенія Польши, а Польша страдала такимъ внутреннимъ разстройствомъ, какъ еще никогда, потому что Августъ и въ ней, какъ въ Саксоніи, не думая исполнять ни одной изъ обязанностей правителя, заботился только о своихъ удовольствіяхъ и неслыханнымъ образомъ моталъ деньги, собираемыя притѣсненіями и беззаконіями. Впрочемъ поляки, какъ предвидѣлъ самъ Августъ, отказались отъ всякаго участія въ безразсудномъ предпріятіи своего короля, хотя, по условіямъ предполагавшагося раздѣла, завоеванныя земли назначались Польшѣ, а не Саксоніи.

По договору, содержавшемуся въ строгой тайнѣ, союзники условились начать войну всѣ въ одно время. Но Петръ не могъ не опоздать противъ Фридриха и Августа, потому что у него была война съ турками, и ему нельзя было вывести свое войско изъ южной Россіи раньше августа 1700. Курфирстъ саксонскій, вступая въ Лифляндію, надѣялся на возстаніе лифляндцевъ, несправедливо и произвольно обиженныхъ отцомъ Карла XII. Для подготовленія мятежа Августъ вошелъ въ связи съ лифляндцемъ Паткулемъ. То былъ дворянинъ, подвергшійся въ Швеціи при Карлѣ XI тиранскому судебному преслѣдованію и приговоренный къ смерти, но помилованный и посаженный въ крѣпость. Бѣжавъ изъ крѣпости, онъ вступилъ въ саксонскую службу, составилъ заговоръ съ нѣкоторыми изъ своихъ соотечественниковъ и полагалъ, что лифляндцы помогутъ саксонскому войску овладѣть Ригою, когда оно неожиданно явится подъ этимъ городомъ. Весь планъ Августа былъ построенъ на неудовольствіи лифляндскаго дворянства и на русской помощи. Но когда (въ концѣ 1699) саксонское войско было введено въ польскую Пруссію, поляки громко потребовали его удаленія, и Августу пришлось двинуться на Ригу преждевременно, когда русскіе не могли еще сдѣлать условленнаго вторженія въ Эстляндію. Въ концѣ февраля 1700 саксонцы пришли къ Ригѣ; но лифляндцы не думали поднимать возстанія, и курфирстъ сталъ придумывать разные неудачные предлоги для оправданія войны, которую началъ вѣроломствомъ. Датчане начали войну также преждевременно и также неудачно. По условію они должны были вторгнуться въ Гольштинію въ одно время съ тѣмъ, какъ саксонцы пойдутъ къ Ригѣ. Герцогъ Гольштейнъ-Готторпскій, достойный соперникъ своего друга, Карла XII, по отчаянной смѣлости характера и по рискованности дѣйствій, очень досаждалъ королю датскому. Въ походѣ на него датчане на первомъ шагу потерпѣли неудачу. Они внезапно аттаковали городъ Тённингенъ и укрѣпленный лагерь герцога, но были отбиты его упорной обороной. Этимъ нападеніемъ король датскій навлекъ на себя шведскую армію. Кромѣ того государи, гарантировавшіе права герцога Гольштинскаго, собрали войско на Эльбѣ, а морскія державы стали грозить Даніи, желая, чтобы силы Германіи остались свободными для ожидаемой войны за испанское наслѣдство.

Государи, вступившіе въ союзъ противъ Швеціи, разсчитывали на молодость и опрометчивость короля шведскаго, но скоро увидѣли, что разбудили льва; молодой король сталъ дѣйствовать съ рѣшимостью и быстротою, которая тотчасъ принудила одного изъ союзниковъ къ миру, уничтожила армію другаго и поставила третьяго въ величайшую опасность. Съ первыхъ же дѣйствій Карла XII

былъ видѣнъ человѣкъ, рѣзко противоположный тому характеру, какой имѣли и какимъ тщеславились Августъ II Польскій и Саксонскій, Фридрихъ IV Датскій и почти всѣ тогдашніе государи. Августъ и Фридрихъ, въ особенности Августъ, были короли двора и дворянства, которое, подобно имъ, разорялось на глупую пышность. Сущность королевскаго сана они полагали въ однѣхъ внѣшнихъ формахъ; день и ночь думали только о праздникахъ, блескѣ, развратѣ; у нихъ не было стремленія выше того, чтобы достигнуть совершенства въ церемоніалѣ и этикетѣ. Ихъ окружали пышные вельможи и придворные низкопоклонники; дворы ихъ были набиты итальянцами и французами, у которыхъ недостатокъ истинныхъ достоинствъ вознаграждался наглостью, бойкостью языка и изяществомъ манеръ. То были короли блистательнаго придворнаго штата, окружавшаго ихъ, а не народа, ими разоряемаго. Августъ былъ такой человѣкъ, что въ то самое время, когда шведы напали на него въ Саксоніи, онъ продалъ 8,000 своихъ солдатъ державамъ, воевавшимъ съ Франціею, потому что ему нужно было достать денегъ на свои удовольствія. Совершенно инаго рода человѣкъ былъ Карлъ XII. Главнокомандующій своего войска, онъ былъ образцомъ строгой нравственности, религіозности, воздержности. Кромѣ своихъ нѣмцевъ и шведовъ, онъ не терпѣлъ другаго общества. Онъ всегда носилъ самое простое платье, довольствовался самою простою пищею. Явившись на главный изъ датскихъ островов отмстить за обиду своего родственника, герцога Гольштинскаго, онъ держалъ свое войско такъ, что оно обращалось съ датчанами лучше, чѣмъ ихъ собственная армія, платилъ за все такъ аккуратно, что датчане лучше снабжали его провіантомъ, чѣмъ своихъ солдатъ. Въ его лагерѣ два раза въ день происходили молебствія, причемъ онъ самъ всегда присутствовалъ. Карлъ былъ человѣкъ, стоявшій на своихъ ногахъ, а его враги, особенно Августъ II, были просто орудія русскаго царя, который пользовался ими по своимъ разсчетамъ. Впрочемъ извѣстные разсказы о манерахъ и наружности Карла преувеличены. Онъ былъ не такой циникъ, какимъ его можно считать по анекдотамъ о сапогахъ, которыхъ онъ будто бы не снималъ по цѣлымъ мѣсяцамъ и т. п. Правда, онъ носилъ кафтанъ изъ грубаго сукна съ металлическими пуговицами, но по воскресеньямъ надѣвалъ кафтанъ получше, а его камзолы и рубашки навѣрно были въ гораздо лучшемъ состояніи, чѣмъ у Фридриха Великаго. Его сапоги, перчатки и шпага не соотвѣтствовали нравамъ и модамъ тогдашнихъ государей; да и по любви къ чрезвычайнымъ приключеніямъ онъ скорѣе походилъ на англійскаго псоваго охотника, чѣмъ на мудраго короля и полководца. Эта наклонность его поразительнѣе всего выказывалась въ любви скакать верхомъ, сломя голову; напримѣръ, незадолго передъ смертью онъ проѣхалъ верхомъ 31 милю въ 22 часа, не особенно утомившись.

Фридрихъ I Прусскій воспользовался для своей личной цѣли затрудненіемъ, въ какое поставили себя союзники своею войною съ Швеціей, и тѣмъ, что императоръ и морскія державы заняты были мыслями о войнѣ за испанское наслѣдство. Курфирстъ бранденбургскій уже двѣнадцать лѣтъ гонялся за королевскимъ титуломъ и теперь наконецъ нашелъ возможность принять его: Россія, Польша, Саксонія и Данія не могли препятствовать ему, а императору и морскимъ державамъ нужны были прусскія войска противъ французовъ. Въ январѣ 1701 въ Кёнигсбергѣ Фридрихъ отпраздновалъ свою давно приготовленную коронацію.

2. Сѣверная война до 1707 года.

Когда датчане напали на герцога Гольштинскаго, Карлъ XII поспѣшилъ къ нему на помощь. Онъ высадился на островѣ Зеландіи и сталъ угрожать Копенгагену. Его внезапное появленіе передъ столицею Даніи и дѣятельныя приготовленія къ бомбардировкѣ ея испугали не только короля датскаго, но и командировъ флота, посланнаго въ Балтійское море Англіею и Голландіею. Если бы этотъ флотъ поддержалъ Карла, Копенгагенъ былъ бы взятъ. Но адмиралы морскихъ державъ не хотѣли допустить этого, а государи, гарантировавшіе герцогу

Гольштинскому его владѣнія, старались спасти короля датскаго, совѣтуя ему поскорѣе примириться. Въ загородномъ дворцѣ Травендалѣ составился конгрессъ, и 18 августа между герцогомъ Гольштинскимъ и королемъ датскимъ былъ заключенъ договоръ, по которому герцогъ обѣщалъ уговорить Карла удалиться съ Зеландіи. Соблюденіе договора гарантировали императоръ, Англія, Голландія, Бранденбургъ, Ганноверъ, Целле и Вольфенбюттель. Но Карлъ былъ не радъ миру и удалился медленно и неохотно.

Августъ II и Петръ не ожидали, что Карлъ такъ быстро подавитъ войну, начатую датчанами. Войска Августа послѣ неудачнаго нападенія на Ригу возобновили непріязненныя дѣйствія въ Лифляндіи. Петръ объявилъ войну Швеціи черезъ двѣнадцать дней по заключеніи травендальскаго мира, о которомъ еще не зналъ. Карлъ поспѣшилъ противъ русскихъ, чтобы отмстить имъ, какъ отмстилъ датчанамъ. Съ своимъ маленькимъ войскомъ онъ переплылъ Балтійское море и, высадившись на эстляндскій берегъ, тотчасъ пошелъ на русскихъ, не слушая своихъ офицеровъ, убѣждавшихъ его подождать прибытія остальныхъ войскъ. Русскіе, въ числѣ 40,000 человѣкъ, осаждали Нарву. У Карла было 15,000 человѣкъ. Но русская армія была смѣсь русскихъ и иностранцевъ, и ея иностранные офицеры постоянно находились въ ссорахъ между собою, а войско Карла составляло плотную, стройную силу, дисциплинированную, хорошо обученную, мужественную. Петръ предчувствовалъ судьбу своего войска и удалился отъ него. Отчаянная отважность Карла принесла шведамъ въ Нарвской битвѣ больше пользы, чѣмъ принесла бы холодная обдуманность. Онъ штурмовалъ русскіе окопы и побѣдилъ, потому что въ окопахъ русскіе не могли имѣть выгоды отъ своей многочисленности. Сначала они дрались храбро, но скоро стали подозрѣвать своихъ офицеровъ въ измѣнѣ и сдались (21 ноября 1700). По капитуляціи офицеры остались военноплѣнными, артиллерія, состоявшая изъ 150 орудій, и обозъ были отданы шведамъ, а солдаты отпущены домой

Послѣ нарвской побѣды Карлъ могъ бы кончить русскую войну такъ же быстро, какъ кончилъ датскую; но онъ больше всего хотѣлъ отмстить Августу II и упустилъ благопріятный случай смирить своего главнаго противника. Сладить съ Августомъ было ему легко, хотя Петръ послалъ Августу 20,000 русскаго войска и обѣщалъ денегъ, чтобы склонить поляковъ къ участію въ войнѣ. Лѣтомъ 1701 года Карлъ разбилъ саксонцевъ на Двинѣ и вошелъ въ Польшу. Петръ съ удовольствіемъ видѣлъ, что вся тяжесть войны легла на короля польскаго, и, пользуясь временемъ борьбы его съ шведами, образовалъ въ тылу непріятеля новое войско, съ которымъ сталъ угрожать Лифляндіи и Эстляндіи, между тѣмъ какъ настоящею цѣлью своихъ дѣйствій выбралъ Карелію и Ингерманландію. Сначала ему надобно было пріучить свои войска къ войнѣ, и онъ нападалъ на шведовъ лишь тогда, когда былъ гораздо сильнѣе ихъ числомъ Въ 1702 онъ одержалъ надъ ними двѣ побѣды, взялъ крѣпость Нотебургъ, которую переименовалъ въ Шлиссельбургъ, а въ маѣ слѣдующаго года основалъ на шведской землѣ свою новую столицу, Петербургъ.

Между тѣмъ Карлъ ходилъ по Польшѣ и отвергалъ всѣ мирныя предложенія короля польскаго, говоря. что къ такимъ людямъ, какъ Августъ II, нельзя имѣть ни малѣйшаго довѣрія, потому что у нихъ честность считается мужицкой глупостью, а вѣроломство политическимъ искуствомъ. Онъ гнался за королемъ польскимъ до Кракова и разбилъ (въ іюлѣ 1702) подъ Клиссовымъ саксонскую армію, подкрѣпленную польскими войсками. Но эта побѣда, стоившая жизни его другу, герцогу Фридриху IV Гольштинскому, только укрѣпила его въ упрямомъ намѣреніи до конца мстить Августу и непремѣнно добиться, чтобы поляки низложили его. Напрасно его министры, лучшіе генералы и шведскій сенатъ умоляли его не впутываться въ лабиринтъ польскихъ дѣлъ; онъ не слушалъ никакихъ представленій и не давалъ полякамъ покоя, пока не убѣдилъ ихъ низложить Августа (въ февралѣ 1704). Онъ рекомендовалъ имъ въ короли одного изъ трехъ сыновей Собѣсскаго. Но два изъ нихъ были арестованы въ своихъ силезскихъ помѣстьяхъ Августомъ, который для этого не поколебался нарушить неприкосновенность чужихъ владѣній, а третій, бѣжавшій въ Польшу, не согласился принять корону. Тогда Карлъ предложилъ въ короли воеводу познаньскаго, Станислава Лещинскаго, хотя у Лещинскаго не было ни партіи, ни бо-

гатства, и вліятельнѣйшіе люди Польши были противъ него. Съ непобѣдимымъ упрямствомъ Карлъ требовалъ этого выбора и наконецъ заставилъ совершить его отчасти силою, отчасти тѣмъ, что напоилъ избирателей (въ іюлѣ 1704).

Но не одни поляки и саксонцы страдали отъ войны; она была обременительна и для шведскаго народа; зло произвольной власти проявлялось и на востокѣ Европы также, какъ на западѣ, гдѣ Франція воевала съ Австріею и морскими державами за испанское наслѣдство. Поляковъ одинаково обижали и грабили саксонскія и шведскія войска и союзники ихъ короля, русскіе; кромѣ того, Польшу терзала вражда партій, — одна часть поляковъ воевала съ другою. Изъ саксонцевъ высасывалъ кровь Августъ; онъ продалъ часть своихъ подданныхъ въ солдаты голландцамъ и англичанамъ; половину и даже больше половины жалованья этихъ проданныхъ солдатъ онъ удерживалъ себѣ. Карлъ водилъ шведовъ съ одного конца Польши на другой и губилъ ихъ въ напрасныхъ сраженіяхъ; они терпѣли отъ мороза, болотнаго воздуха и голода, и шведское королевство, бѣдное населеніемъ, платило смертью своихъ здоровыхъ работниковъ, горожанъ и поселянъ за непрочную военную славу короля, хотѣвшаго вести безразсудную войну. Войско Карла плохо продовольствовалось и было плохо одѣто, но все-таки оно и по солдатамъ, и по офицерамъ, и по генераламъ, было самое лучшее въ Европѣ. Одинъ Петръ выигрывалъ отъ этой печальной войны, потому что умѣлъ пользоваться обстоятельствами. Пока Карлъ, Станиславъ и Августъ воевали въ Польшѣ, онъ взялъ Нарву и Дерптъ; генералъ Л е в е н г а у п т ъ, оставленный Карломъ въ Лифляндіи, одерживалъ побѣды, но былъ не въ силахъ остановить успѣховъ Петра, потому что главныя силы шведовъ были въ Польшѣ. Чтобы дольше задержать тамъ Карла, Петръ въ августѣ 1704 заключилъ новый союзъ съ курфирстомъ саксонскимъ. Онъ хотѣлъ снова вовлечь въ войну и короля датскаго, но это не удалось: король датскій боялся Фридриха I Прусскаго, который обязался защищать Гольштейнъ-Готторпъ за то, что Карлъ призналъ его новый королевскій титулъ.

Въ 1704—1706 годахъ Карлъ ходилъ по Польшѣ, не заботясь о томъ, что у Левенгаупта въ Лифляндіи было вчетверо меньше войска, чѣмъ у Петра. Изъ противниковъ Карла въ Польшѣ только саксонскій генералъ Шуленбургъ могъ противиться шведамъ; но и онъ не могъ ничего сдѣлать, потому что у него не было ни денегъ, ни провіанта, ни аммуниціи, а люди, подобные Ф л е м м и н г у, бывшіе больше его въ милости у курфирста, разстроивали всѣ его планы. Въ февралѣ 1706 Шуленбургъ далъ въ Познани битву шведскому генералу Рёншельду и потерпѣлъ полное пораженіе, въ чемъ былъ виноватъ самъ Августъ, потому что не пришелъ къ нему съ обѣщаннымъ подкрѣпленіемъ. Изъ 13,000 своего войска Шуленбургъ спасъ едва 3,000. Карлъ ушелъ въ Литву и много мѣсяцевъ бродилъ тамъ по болотамъ и лѣсамъ; только видъ безконечныхъ волынскихъ болотъ убѣдилъ его въ безполезности и безразсудствѣ этихъ маршей. Въ іюлѣ (1706) онъ поспѣшно пошелъ въ Польшу, чтобы оттуда двинуться въ Саксонію.

Онъ пошелъ черезъ Силезію. Нѣмецкій императоръ такъ испугался этого, что по желанію короля шведскаго возвратилъ притѣсняемымъ силезскимъ протестантамъ права, отнятыя у нихъ іезуитами: онъ не хотѣлъ раздражать Карла отказомъ; но, разумѣется, скоро эти права были опять отняты, и протестанты подверглись прежнему тяжелому преслѣдованію. 26 августа Карлъ вошелъ въ Саксонію, прошелъ до самаго Лейпцига и наконецъ расположился въ одномъ изъ помѣстій около Альтъ-Ранштадта. Саксонское правительство бросило всякую мысль о сопротивленіи; Августъ, бывшій въ Польшѣ, прислалъ для переговоровъ двухъ уполномоченныхъ, Ф и н г с т е н а и И м г о ф а. Они скоро кончили дѣло, потому что при тогдашнихъ обстоятельствахъ требованія шведовъ были закономъ. 24 сентября 1706 миръ былъ заключенъ. Августъ поступилъ тутъ по маккіавеллевской теоріи, порожденной въ Италіи, развившейся во Франціи и до сихъ поръ почитаемой въ высшихъ кругахъ за высочайшую житейскую мудрость и за совершенство дипломатическаго искусства. Онъ далъ своимъ посламъ неограниченное полномочіе, но, не смотря на заключеніе мира, продолжалъ войну при помощи русскихъ; зато въ оправданіе передъ Карломъ онъ сообщалъ шведамъ русскіе планы, а потомъ наказалъ своихъ уполномоченныхъ, говоря, что они должны были понять, что ихъ полномочіе дано имъ только для обмана. Фингстенъ до самой смерти

(въ 1733) просидѣлъ въ Кёнигштейнѣ; Имгофъ, хотя болѣе виновный, былъ освобожденъ черезъ восемь лѣтъ.

Альтъ-Ранштадтскій миръ обязалъ Августа отказаться отъ польской короны, признать королемъ Станислава, освободить сыновей Собѣсскаго и проч. Больше всѣхъ пострадалъ тутъ бѣдный саксонскій народъ: по условіямъ мира, 20,000 шведовъ, приведенныхъ Карломъ въ Саксонію, получили въ ней зимнія квартиры съ хорошимъ продовольствіемъ и съ увеличеннымъ противъ обыкновеннаго жалованьемъ. По другому условію мира, выданъ былъ на жертву свирѣпости короля шведскаго лифляндецъ Паткуль. Онъ перешелъ изъ саксонской службы въ русскую и находился посланникомъ Петра въ Саксоніи. По должности посланника онъ раскрылъ Петру жалкія интриги саксонскихъ министровъ и дрезденскаго двора и совѣтовалъ ему разорвать союзъ съ Августомъ. Но саксонскіе министры перехватили его письма, арестовали его и заперли въ Зонненштейнъ. Когда при переговорахъ Карлъ съ свирѣпымъ упрямствомъ сталъ требовать выдачи Паткуля, Имгофъ и Фингстенъ, игравшіе главную роль въ его арестованіи, не задумались выдать несчастнаго на мщеніе Карлу. Надобно даже сказать, что именно они то и напомнили Карлу о Паткулѣ, хотя потомъ утверждали, будто старались спасти его. Возвращаясь въ Польшу, Карлъ взялъ съ собою выданнаго ему Паткуля и черезъ нѣсколько времени съ величайшими жестокостями колесовалъ его. По своимъ планамъ на Остзейскія провинціи Петръ нуждался въ союзѣ Августа и потому не потребовалъ удовлетворенія за обиду, нанесенную ему въ лицѣ его посланника. Для вида онъ дѣлалъ протестаціи, какія требуются обычаемъ, но не принялъ никакихъ мѣръ, которыя могли бы дать вѣсъ этимъ протестамъ и спасти Паткуля.

Шведы въ Саксоніи неслыханно буйствовали надъ жителями и своимъ систематическимъ грабежомъ довершили разореніе страны. Убытокъ, понесенный Саксоніею отъ войны до заключенія мира, считается по тогдашнимъ извѣстіямъ въ 88 милліоновъ талеровъ; кромѣ того, саксонцы потеряли 800 орудій и 36,000 человѣкъ солдатъ. По заключеніи мира шведы еще цѣлый годъ пробыли въ несчастной странѣ. Они буйствовали и насильствовали въ ней, отнимали у жителей скотъ и имущество, увеличили собираемую съ жителей плату солдатамъ съ 8 до 10 грошей въ день. Прежде они брали на жалованье войску по 500,000 т. въ мѣсяцъ, потомъ стали брать еще треть этой суммы. Но и для шведовъ была вредна ихъ жизнь въ Саксоніи; эта страна была для нихъ Капуей, гдѣ они утратили дисциплину. Кромѣ того для усиленія своего войска король шведскій навербовалъ въ него всякой сволочи, а эти новые солдаты, привыкнувъ съ самаго начала жить въ избыткѣ, не могли потомъ съ преданностью слѣдовать за королемъ въ лишеніяхъ и нуждѣ, какъ слѣдовали шведскіе поселяне.

3. Сѣверная война отъ Альтъ-Ранштадтскаго мира до смерти Карла XII.

По заключеніи Альтъ-Ранштадтскаго мира Карлъ придумалъ планъ, внушившій большую тревогу державамъ, воевавшимъ тогда съ Франціею. Онъ хотѣлъ взять на себя посредничество въ войнѣ за испанское наслѣдство, составить третью партію между двумя воюющими сторонами и предписать имъ обѣимъ условія мира. Но герцогъ Мальборо успѣлъ отклонить это при помощи интригантовъ, которые окружали Карла, какъ всякаго короля. Услышавъ о замыслѣ Карла, Мальборо пріѣхалъ къ нему въ Саксонію, принялъ съ прямодушнымъ королемъ шведскимъ видъ простого человѣка, какъ недавно при дворѣ короля прусскаго разыгрывалъ изящнаго и гибкаго придворнаго, и съумѣлъ привлечь на свою сторону члена шведскаго государственнаго совѣта Пипера, а Пиперъ уговорилъ своего государя бросить мысль о посредничествѣ и обратить силы на Россію, чтобы отмстить и третьему врагу. 4 сентября 1707 Карлъ двинулся изъ Саксоніи въ Россію.

Король шведскій рѣшился проникнуть черезъ пустыни и болота въ глубину этого варварскаго государства, оставляя въ тылу у себя враждебную Польшу; разумѣется, такой походъ долженъ былъ погубить его и помочь исполненію пла-

новъ русскаго царя. Правда, царь въ каждомъ сраженіи терялъ больше людей, чѣмъ шведы; но онъ могъ легко пополнять убыль, а для шведовъ она была невознаградима. Петръ имѣлъ отъ войны и другую выгоду: въ борьбѣ съ шведами русскіе научились военному дѣлу. Наконецъ, Карла губило и то, что онъ былъ такъ упрямъ. Онъ не слушалъ опытныхъ генераловъ, Лёвенгаупта и Рёншельда, когда они хотѣли исполнить какую-нибудь хорошую мысль, какъ требуетъ военное искусство; онъ безостановочно шелъ впередъ въ самое дурное время по болотамъ и лѣсамъ, а потомъ, въ хорошее время, три мѣсяца неподвижно простоялъ на одномъ мѣстѣ; въ 1708 онъ освободилъ всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, и они усилили русское войско; онъ вызвалъ изъ Лифляндіи генерала Лёвенгаупта, но самъ не дождался его на условленномъ мѣстѣ и черезъ это поставилъ его въ самое опасное положеніе. Лёвенгауптъ пріобрѣлъ этимъ походомъ безсмертную славу. Король велѣлъ ему оставить Лифляндію, которую онъ со славою защищалъ семь лѣтъ; онъ пошелъ на соединеніе съ королемъ въ глубину Россіи, пролагая себѣ путь черезъ лѣса и пустыни, пробиваясь сквозь окружавшія его непріятельскія войска, и достигъ мѣста, гдѣ ему было назначено найти короля. Не заставъ его, онъ разбилъ подъ Лѣснымъ 40,000 русскихъ, имѣя самъ не больше 10,000 чел., и черезъ два дня соединился съ королемъ. Но чтобы достичь этого, онъ былъ принужденъ бросить на дорогѣ всѣ запасы, всю артиллерію, словомъ, все, что долженъ былъ доставить королю.

Нелѣпый союзъ съ казацкимъ гетманомъ Мазепою внушилъ Карлу мысль измѣнить прежній планъ и отдать войска Лёвенгаупта въ руки непріятелей. Мазепа убѣдилъ его идти въ Украйну; Карлъ согласился, не зная ни безпредѣльныхъ украинскихъ степей, ни взаимныхъ отношеній между казаками, ни степени вліянія Мазепы на нихъ. Мало того: у него не было даже заключено никакого договора ни съ казаками, ни съ гетманомъ ихъ, когда онъ явился къ нимъ. Мазепа привелъ къ нему только 7,000 казаковъ; остальные покинули гетмана на дорогѣ, потому что больше боялись Петра, чѣмъ надѣялись на Карла. Но все-таки Карлъ, не слушая никакихъ предостереженій, продолжалъ свой походъ. Онъ дѣлалъ его зимою 1708 и 1709 года, которая, какъ мы говорили, была самою суровою изъ всѣхъ зимъ цѣлаго XVIII столѣтія (стр. 13); онъ не хотѣлъ остановить похода ни въ декабрѣ, ни въ январѣ, хотя многія сотни его храбрыхъ солдатъ замерзли. Напрасно Пиперъ заклиналъ короля идти поближе къ его польскимъ союзникамъ; напрасно самъ Мазепа упрашивалъ его отказаться отъ похода на Полтаву: упрямаго короля нельзя было поколебать ничѣмъ. Въ февралѣ, когда наступила оттепель, русскіе одержали верхъ въ нѣсколькихъ дѣлахъ, а въ мартѣ Шереметевъ привелъ къ русской арміи подкрѣпленіе: тогда погибель Карла стала неизбѣжна. По упрямству короля шведы были приведены осаждать Полтаву, не имѣя ничего нужнаго для осады; пока они изнурялись работами въ траншеяхъ, русскіе кругомъ оцѣпили ихъ, какъ сѣтью. Въ іюнѣ прибылъ къ своей арміи Петръ, и 1 іюля она перешла Ворсклу, чтобы дать рѣшительную битву.

Эта битва была дана 8 іюля 1709 подъ Полтавою. Шведами командовалъ Рёншельдъ, потому что Карлъ не могъ сидѣть на лошади отъ раны, полученной за полторы недѣли передъ тѣмъ. Шведы и въ этомъ сраженіи совершили чудеса храбрости; но они имѣли недостатокъ во всемъ, даже въ порохѣ и въ свинцѣ для пуль и должны были штурмовать русскую армію въ ея окопахъ, между тѣмъ какъ она была въ нѣсколько разъ многочисленнѣе ихъ. Притомъ Рёншельдъ былъ во враждѣ съ Лёвенгауптомъ. Они потерпѣли полное пораженіе; изъ всего ихъ войска спаслось лишь тысячъ 14 или 15. Лёвенгауптъ и Крейцъ укрылись съ этими остатками въ лагерѣ на Днѣпрѣ, впрочемъ очень плохо укрѣпленномъ. Карлъ хотѣлъ было пробиваться съ ними въ Польшу; но его убѣдили искать убѣжища у турокъ, съ которыми онъ завелъ переговоры, когда былъ еще въ Польшѣ. Съ небольшимъ отрядомъ онъ ушелъ съ поля битвы; русскіе горячо преслѣдовали его; онъ достигъ съ 2,000 человѣкъ рѣки Буга; изъ нихъ онъ потерялъ 500 человѣкъ при переправѣ; турки дружелюбно приняли его въ Бендерахъ. Тотчасъ по его уходѣ Лёвенгауптъ заключилъ капитуляцію; уцѣлѣвшіе шведы съ обозами и артиллеріей отдались въ плѣнъ. По русскимъ разсказамъ, число плѣнныхъ простиралось до 18,000 человѣкъ, считая тутъ и взятыхъ на полѣ битвы. То, что Карлъ долго оставался въ Турціи, и то, что русскимъ до-

сталось въ плѣнъ такое множество шведовъ,—эти два обстоятельства чрезвычайно помогли успѣху плана Петра обратить варварскій русскій народъ въ цивилизованный. Петръ сдѣлался теперь властелиномъ въ Польшѣ, могъ раздробить свою армію на отряды и обучать ее, а плѣнные, въ числѣ которыхъ были французскіе и нѣмецкіе авантюристы,—послужили лучшими учителями для его народа, доставили ему искусныхъ офицеровъ, артиллеристовъ, инженеровъ и архитекторовъ.

Турки предложили Карлу конвой для возвращенія въ Швецію; но онъ не захотѣлъ возвращаться и пробылъ въ Турціи пять лѣтъ. Султанъ оказывалъ ему королевскія почести и щедро дарилъ его, какъ своего гостя, но не могъ убѣдить его возвратиться. Карлъ послалъ въ Константинополь поляка Понятовскаго и черезъ него строилъ тамъ интригу за интригою, вовлекая турокъ въ войну съ русскими. Онъ растратилъ на это огромныя суммы, занятыя за большіе проценты. Въ ноябрѣ 1710 ему наконецъ удалось склонить турокъ къ войнѣ, но мы увидимъ, что она не привела къ тому, чего желалъ и ожидалъ Карлъ.

Тотчасъ послѣ полтавской битвы Августъ II Польскій и Фридрихъ IV Датскій возобновили войну съ Швеціей. У нихъ уже давно былъ возобновленъ союзъ съ Петромъ. Чрезъ нѣсколько времени къ нему присоединились и король прусскій и курфирстъ ганноверскій, желавшіе попользоваться шведскими владѣніями въ Германіи. Выгоду отъ этого новаго союза противъ шведовъ опять получилъ одинъ Петръ. Фридрихъ Датскій, какъ только началъ войну, былъ со стыдомъ разбитъ шведскимъ генераломъ Стенбокомъ. Фридрихъ Прусскій робѣлъ и колебался, а Августъ самъ отнялъ у себя возможность получить какой-нибудь успѣхъ въ войнѣ, хотя его противникъ Станиславъ былъ выгнанъ изъ Польши и бѣжалъ въ Швецію. Августъ сорилъ на пышныя путешествія и на праздники деньги, которыя получилъ отъ новаго обременительнаго налога на саксонскій народъ и отъ продажи 9,000 саксонцевъ морскимъ державамъ. Онъ привелъ въ Польшу войско, никуда негодное, и потому благоразумно избѣгалъ генерала Крассау съ его оборванными шведами. Но Петръ безостановочно осуществлялъ свой завоевательный планъ. Онъ занималъ своими войсками всю Польшу, взялъ Эльбингъ, овладѣлъ Эстляндіею и Лифляндіею. Когда опасность стала грозить и нѣмецкимъ владѣніямъ Швеціи, Англія, Голландія и императоръ вступились за нее; они боялись, что Данія, Саксонія и Пруссія отзовутъ свои отряды изъ арміи, дѣйствовавшей противъ французовъ, чтобы послать эти войска противъ шведовъ. Они составили договоръ, извѣстный подъ именемъ Гаагскаго соглашенія. Пруссія и нѣкоторые другіе члены имперіи также подписали этотъ актъ. Участвующіе въ немъ обязывались не позволять русскимъ, польскимъ и датскимъ войскамъ вступать въ предѣлы нѣмецкой имперіи, не допускать до этого и шведскія войска, и для этого гарантировали неприкосновенность шведскихъ владѣній въ Германіи. Шведскій сенатъ, управлявшій государствомъ въ отсутствіе короля, и шведскій сеймъ приняли этотъ актъ; но Карлъ изъ Бендеръ прислалъ объявить, что отвергаетъ его.

Конечно, онъ тогда и не могъ принять никакого договора, въ который включалась Россія, потому что его интриги при турецкомъ дворѣ наконецъ увѣнчались успѣхомъ. Въ ноябрѣ 1710 турки объявили русскому царю войну. Петръ около этого времени уже овладѣлъ Эстляндіею и Лифляндіею и привлекъ на свою сторону дворянство этихъ провинцій подтвержденіемъ его привиллегій. Получивъ такимъ образомъ вѣрныхъ вассаловъ на Балтійскомъ морѣ, онъ сталъ привлекать къ себѣ господарей молдавскаго и валахскаго. Димитрій Кантемиръ, господарь молдавскій, заключилъ съ нимъ договоръ, по которому обѣщалъ помогать ему въ войнѣ съ турками и за то получилъ отъ него увѣреніе въ покровительствѣ Россіи и обѣщаніе наслѣдственной власти въ Молдавіи. Петръ предупредилъ турокъ въ нападеніи. Но по несчастію, онъ послушался совѣта идти на Прутъ, даже перейти эту рѣку, — Кантемиръ и господарь валахскій обольстили его надеждою, что за Прутомъ онъ можетъ овладѣть значительными турецкими магазинами. Этимъ онъ поставилъ себя въ положеніе очень опасное: великій визирь пошелъ вверхъ по Пруту съ огромною арміею и грозилъ отрѣзать Петра отъ его генерала Шереметева, стоявшаго въ Валахіи. Петръ поспѣшилъ на встрѣчу туркамъ, чтобы сохранить сообщеніе съ Шереметевымъ и помочь ему (въ іюлѣ 1711). Онъ сталъ лагеремъ въ тѣсномъ проходѣ между Прутомъ и болотомъ. Здѣсь турки отрѣзали его отъ Россіи. Скоро его армія

стала терпѣть недостатокъ во всемъ; онъ нѣсколько разъ нападалъ на непріятеля, чтобы выйти изъ своего дурнаго положенія, но аттаки были напрасны; турки отрѣзали отъ него часть его войска, и скоро онъ увидѣлъ себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ. Припадокъ страшной болѣзни отнялъ у него самого всякую силу. Въ этомъ чрезвычайно опасномъ положеніи душа Петра, вообще испорченная деспотизмомъ и рѣдко являвшаяся благородною, выказалась въ такомъ величіи, какъ никогда: Петръ послалъ русскому сенату приказаніе, въ случаѣ его смерти или плѣна, не заботиться о немъ и о его близкихъ, а думать единственно о благѣ государства. Казалось, что и царь, и войско Россіи погибли безвозвратно; но женщина низкаго происхожденія и очень двусмысленныхъ нравовъ нашла средство спасенія, такъ что король шведскій, жившій въ Бендерахъ, не могъ опомниться отъ изумленія. Онъ жестоко оскорбилъ великаго визиря своимъ упрямымъ презрѣніемъ; а женщина, о которой мы говоримъ, супруга Петра, Екатерина, умѣла смягчить визиря смиреніемъ и подарками. Она отдала въ подарокъ ему всѣ свои драгоцѣнности, убѣдила солдатъ и офицеровъ также отдать все, что было у нихъ цѣннаго, и подкупомъ великаго визиря и его помощниковъ проложила путь къ миру. Но все-таки это дѣло остается загадкою, потому что всѣ подарки, какіе могли быть сдѣланы русскими, были во всякомъ случаѣ незначительны сравнительно съ достигнутою цѣлью. Король шведскій, узнавъ о переговорахъ, поспѣшно пріѣхалъ въ турецкій лагерь, но уже не успѣлъ помѣшать заключенію предварительныхъ условій мира и освобожденія. Правда, турки могли бы получить выгоднѣйшія условія для шведовъ и поляковъ; но собственно для султана миръ и безъ того былъ почетенъ и выгоденъ. Въ первыхъ строкахъ договора Петръ даже призналъ, что принимаетъ миръ, какъ милость. Онъ долженъ былъ отдать туркамъ свою артиллерію, обязался возвратить Азовъ и срыть три другія крѣпости. Онъ отказался отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла поляковъ и казаковъ и обѣщался не противиться возвращенію Карла въ Швецію. Онъ поспѣшилъ удалиться съ своимъ войскомъ, чтобы великій визирь не раскаялся въ заключеніи мира. Визирь едва успѣлъ возвратиться съ своею арміею въ Адріанополь, какъ султанъ, по внушенію его враговъ и по интригамъ шведскихъ агентовъ, смѣнилъ его и казнилъ всѣхъ участвовавшихъ въ заключеніи мира.

Петръ не исполнилъ ни одного изъ условій мира, и въ декабрѣ 1711 турки уже опять объявили ему войну. Но еще до начала военныхъ дѣйствій англичанамъ и голландцамъ удалось возстановить миръ (весною 1712). Шведы убѣдили турокъ въ третій разъ объявить войну въ ноябрѣ 1712; но черезъ полгода былъ опять заключенъ миръ при англійскомъ и голландскомъ посредничествѣ и съ помощью русскихъ денегъ.

Карлъ въ это время находился въ очень странныхъ отношеніяхъ къ туркамъ. Султанъ и великій визирь постоянно убѣждали своего скучнаго гостя уѣхать домой, присылали ему большія суммы на путешествіе и на уплату долговъ; но Карлъ не выѣзжалъ изъ Турціи и все требовалъ денегъ. Наконецъ противъ него употребили вооруженную силу. Его сначала дружески попросили удалиться; онъ отказался; тогда 2,000 янычаръ и 12,000 татаръ были посланы напасть на него въ его укрѣпленномъ домѣ подъ Бендерами (въ 1713). Янычары два дня медлили нападеніемъ. На третій день они пошли штурмовать домъ Карла, зажгли его, перебили часть храбрыхъ спутниковъ Карла, но съ опасностью для самихъ себя щадили жизнь короля и вынесли его изъ пламени. Онъ былъ какъ плѣнный привезенъ въ Демотику; потомъ его отвезли въ замокъ Демирташъ у Адріанополя и обращались съ нимъ очень почтительно. И въ Демотикѣ, и въ Демирташѣ онъ продолжалъ съ упрямствомъ гнаться за призракомъ величія. Напримѣръ, чтобы не дѣлать визита великому визирю, онъ нѣсколько мѣсяцевъ не выходилъ изъ комнаты, но все-таки не могли убѣдить его уѣхать; не раньше какъ въ концѣ 1714 онъ рѣшился возвратиться въ свои владѣнія. Его путешествіе въ Швецію было также романично, какъ его жизнь въ Турціи. 23 октября онъ былъ еще на турецкой границѣ, а 22 ноября, совершенно нежданный, явился въ Штральзундъ.

Подобно королю шведскому, короли польскій и датскій искали царственнаго величія въ пустыхъ внѣшнихъ признакахъ и напрасно жертвовали деньгами

и людьми, а Петръ въ это время безъ чванства и пышности основывалъ великую державу, пользуясь обстоятельствами. Августъ II и Фридрихъ IV брали милостыню отъ русскаго царя, какъ шведскій король отъ турокъ и какъ его генералъ Стенбокъ отъ французовъ, чтобы было на что защищать Померанію. Король датскій униженно искалъ милостей даже у любимца Петра, Меншикова. Поэтому Петръ одинъ и извлекъ пользу изъ войны. Онъ получалъ выгоды еще во время войны и основывалъ новую державу, которой суждено было пріобрѣсти силу имперіи Карла Великаго, какъ приняла она и имя имперіи, между тѣмъ какъ имперія, основанная Карломъ Великимъ, становилась посмѣшищемъ народовъ. Петръ уже завоевалъ почти всѣ шведскія остзейскія провинціи и подготовилъ покореніе Курляндіи русскому царству, выдавъ свою племянницу Анну за герцога Курляндскаго.

Въ 1711 Петръ послалъ Меншикова съ русскимъ войскомъ въ Померанію, чтобы онъ, соединившись съ войсками курфирста саксонскаго, осадилъ Штетинъ и Штральзундъ. Въ слѣдующемъ году Стенбоку пришлось защищать нѣмецкія владѣнія Швеціи отъ русскихъ, саксонцевъ и датчанъ. Ему слѣдовало сначала разбить русскихъ и саксонцевъ въ Помераніи, потомъ идти въ Польшу, но онъ предпочелъ идти въ Мекленбургъ и напасть на датчанъ. Онъ неожиданно аттаковалъ ихъ при Гадебушѣ, пока еще не успѣли придти русскіе и саксонцы, разбилъ и разсѣялъ ихъ, хотя у него было только 8,400, а въ датской арміи считалось 28,000 человѣкъ; послѣ того русскіе и саксонцы отступили. Но къ несчастію, онъ не преслѣдовалъ ихъ и изъ національной вражды и изъ мстительности погнался за Эльбу за отступающими датчанами. Подобно своему королю, онъ не внималъ разсудительнымъ совѣтамъ. Вслѣдствіе этого Гадебушская побѣда стала для него также гибельна, какъ могла бы быть гибельна для союзниковъ. За варварства и жестокости, совершавшіяся русскими въ Помераніи, онъ мстилъ датчанамъ, и мстилъ такимъ опустошеніемъ Гольштиніи, которое можно сравнить только съ свирѣпостями, которыя совершали французы по приказанію Лувуа. За этотъ грабежъ онъ дорого поплатился: саксонцы и русскіе, возвратившись на помощь къ датчанамъ, поставили Стенбока въ такую опасность, что ему пришлось искать убѣжища за гольштинскими болотами. Тутъ ему помогъ баронъ (впослѣдствіи графъ) Герцъ, черезъ нѣсколько времени начавшій играть такую важную роль въ исторіи Карла XII. Герцъ былъ министромъ малолѣтняго герцога Гольштейнъ-Готторпскаго, Карла Фридриха, наслѣдовавшаго своему отцу, герцогу Фридриху IV. Герцу нужна была опора Стенбока, чтобы удержаться противъ ловкаго соперника, и онъ впустилъ шведское войско въ гольштинскую крѣпость Теннингенъ (въ февралѣ 1713). Но судьба ихъ отстрочилась черезъ это не надолго. Въ маѣ голодъ принудилъ Стенбока сдаться въ плѣнъ датчанамъ. Несчастные гольштинцы поплатились за своего министра: ихъ разоряли и русскіе, и саксонцы, и датчане.

Когда въ слѣдующемъ году Карлъ возвратился изъ Турціи, онъ нашелъ шведскія дѣла въ самомъ печальномъ положеніи. Лифляндія, Эстляндія, Карелія, Ингерманландія и часть Финляндіи были завоеваны русскими; часть Помераніи—пруссаками; герцогства Бременское и Верденское—ганноверцами; малолюдная Швеція потеряла въ войнѣ уже болѣе 400,000 своихъ честныхъ и храбрыхъ поселянъ; налоги были удвоены, всѣ дѣла въ застоѣ; правительство не имѣло ни денегъ, ни кредита. Аристократія уже возвышала голосъ и не скрывала намѣренія ограничить королевскую власть. Шведскій сенатъ поставилъ во главѣ правительства Ульрику Элеонору, младшую сестру короля, а не сына старшей его сестры, Карла Фридриха Гольштинскаго, который былъ законнымъ наслѣдникомъ его престола. Внезапное возвращеніе Карла поправило дѣла. Аристократія испугалась, народъ снова ободрился и одушевился на защиту справедливаго, благочестиваго и храбраго государя, которому охотно прощалъ всѣ недостатки; баронъ Герцъ, пріѣхавшій къ Карлу и сдѣлавшійся его любимцемъ, сталъ управлять государствомъ и придумалъ средства къ полученію денегъ. Но и Герцу нельзя было настолько вразумить упрямаго Карла, чтобы явилась возможность вывести его изъ его тяжелаго положенія дипломатическимъ искусствомъ. Начаты были переговоры съ пруссаками, но Карлъ оскорбилъ ихъ, и они присоединились къ его непріятелямъ. Испуганные возвращеніемъ Карла, датчане рѣшились сдѣлать пожертвова-

ніе курфирсту ганноверскому, который въ прошломъ (1714) году сдѣлался королемъ англійскимъ, подъ именемъ Георга I. Они хотѣли и успѣли привлечь Ганноверъ въ союзъ и потомъ получить тайную поддержку отъ Англіи (въ іюнѣ и октябрѣ 1715). Датчане признали власть курфирста надъ герцогствами Бременскимъ и Верденскимъ, которыя имъ хотѣлось было присвоить себѣ; за это Георгъ I далъ имъ денегъ, обѣщалъ участвовать въ войнѣ и именемъ Англіи гарантировалъ королю датскому власть надъ Шлезвигомъ, отнятымъ у герцога Гольштинскаго. Ганноверъ объявилъ войну Швеціи, и 8 англійскихъ кораблей, подъ именемъ судовъ курфирста ганноверскаго, присоединились къ датскому флоту.

Въ концѣ 1715 шведы потеряли крѣпость Штральзундъ. Карлъ напрасно губилъ на ея защиту храбрыхъ солдатъ, которыхъ во время осады снова привязалъ къ себѣ мужествомъ и непоколебимостью, любезностью и простотою своего характера. Въ слѣдующемъ году былъ отнятъ у шведовъ и Висмаръ—послѣдняя ихъ крѣпость въ нѣмецкихъ земляхъ. Датчане и русскіе опустошили Мекленбургъ также какъ были опустошены всѣ нѣмецкія области по Балтійскому морю, да и самъ государь этой страны, герцогъ Карлъ Леопольдъ, былъ тиранъ, мучившій своихъ подданныхъ. Черезъ нѣсколько времени датчане и ганноверцы поссорились съ русскими. Герцъ воспользовался этимъ, чтобы дипломатическими средствами поправить положеніе Швеціи.

Съ этого времени Герцъ сдѣлался важнѣйшимъ лицомъ въ Швеціи и оставался имъ до самой смерти Карла XII; онъ имѣлъ большіе таланты и въ особенности отличался финансовыми знаніями, какихъ тогда не имѣлъ никто, кромѣ шотландца Ло. Но къ несчастію, и онъ слѣдовалъ политическому принципу своего времени, что въ важныхъ дѣлахъ успѣхъ достигается не честностью, а хитростью. Какъ ловкій и изящный придворный, онъ надѣялся, когда былъ еще въ Гольштиніи, свергнуть министра Веддеркоппа и хотѣлъ стать правителемъ Гольштиніи; онъ познакомился съ Карломъ XII въ 1707 въ Саксоніи и тогда же совершенно овладѣлъ бы его умомъ, если бы Пиперъ не угадалъ въ немъ опаснаго соперника себѣ и не помѣшалъ ему. Послѣ того онъ посылалъ къ Карлу въ Бендеры своего агента Фабриса и опуталъ Карла своими сѣтями. Въ то же время онъ завелъ съ датчанами переговоры, чтобы при ихъ посредничествѣ сдѣлать молодаго герцога Гольштинскаго наслѣдникомъ шведскаго престола. Войдя потомъ въ *постоянныя сношенія* съ Карломъ, онъ уже завелъ, какъ будто министръ какой-нибудь великой державы,—интриги всюду: въ Ганноверѣ, въ Берлинѣ, въ Копенгагенѣ, въ Петербургѣ. Скоро онъ оставилъ гольштинскую службу, чтобы управлять дѣлами Карла, и оказалъ ему двѣ большія услуги, изъ которыхъ одна впрочемъ привела Швецію на край погибели. Онъ завелъ переговоры, имѣвшіе цѣлью не больше, не меньше, какъ устроить союзъ между Карломъ и русскимъ царемъ, низвергнуть во Франціи герцога Орлеанскаго, управлявшаго государствомъ по смерти Лудовика XIV, а въ Англіи Георга I, вступившаго на престолъ вмѣсто изгнанныхъ Стюартовъ. Но онъ помогъ Карлу и другимъ дѣломъ; онъ перенесъ въ Швецію новую финансовую науку, печальное порожденіе XVIII вѣка. Наука эта состояла въ искусствѣ переводить деньги подданныхъ въ кассу правительства непримѣтнымъ образомъ и безъ явнаго насилія. Герцъ нашелъ всѣ средства шведскаго королевства истощенными; недостатокъ въ деньгахъ былъ таковъ, что приходилось взимать налоги натурою. Этой бѣдѣ онъ помогъ выпускомъ бумажныхъ денегъ и чеканкою монеты низкой пробы. Карлъ распорядился этими новыми средствами такъ же рискованно и безпощадно, какъ прежде распорядился своимъ войскомъ. Онъ закладывалъ или продавалъ за безцѣнокъ шведскіе товары, чтобы на минуту выйти изъ безденежья; подъ угрозою тяжелыхъ наказаній требовали отъ шведовъ, чтобы они отдавали казнѣ звонкую монету, которую казна обмѣнивала имъ на билеты государственнаго долга, неимѣвшіе никакой цѣны, или на мѣдныя деньги, дѣйствительная цѣнность которыхъ была ничтожна сравнительно съ номинальной. Результатомъ этой мѣры было уничтоженіе народнаго благосостоянія Швеціи.

Дипломатическіе переговоры, веденные Герцомъ въ интересахъ Швеціи, доказываютъ, что онъ былъ человѣкъ очень даровитый; ему удалось выпутать Карла изъ затрудненій, и только внезапная смерть Карла опять уничтожила все, что устроилъ Герцъ. Мы не можемъ здѣсь въ подробности излагать этихъ пере-

говоровъ, нити которыхъ тянулись отъ Петербурга до Лондона, Парижа и Мадрита. Они привели въ тревогу и регента французскаго, и короля англійскаго, такъ что Герца арестовали было въ Голландіи, когда онъ пріѣхалъ туда (въ маѣ 1716); въ Англіи арестовали шведскаго, въ Россіи голландскаго и англійскаго посланниковъ. Результатомъ переговоровъ было заключеніе предварительныхъ условій мира между Швеціею и Россіею; по этому договору, подписанному на одномъ изъ Аландскихъ острововъ, Лофе, Петръ Великій покидалъ интересы своихъ союзниковъ (онъ давно уже вывелъ свои войска изъ Германіи); за уступку, которую Карлъ сдѣлалъ ему, онъ гарантировалъ Швеціи возвращеніе всѣхъ ея нѣмецкихъ владѣній и вознагражденіе со стороны Даніи, Англіи и Польши; соглашался, чтобы Швеція завоевала Норвегію, и обѣщалъ содѣйствовать Карлу въ неосуществимомъ его замыслѣ возвести Станислава Лещинскаго на польскій престолъ, а изгнанныхъ Стюартовъ на англійскій.

Въ то самое время какъ заключался этотъ договоръ, Карлъ началъ безразсудное и безполезное дѣло, истощившее послѣднія силы его народа и кончившееся смертью его самого. Онъ хотѣлъ завоевать Норвегію и собралъ для этого 60,000 войска. Съ большею частью его онъ вторгнулся въ Норвегію съ юга, а съ меньшею частью Армфельдъ пошелъ черезъ сѣверныя горы. Смѣлымъ походомъ Карлъ явился подъ крѣпостью Фридрихсгальдомъ и началъ осаду ея, хотя уже началась зима (въ 1718). Онъ продолжалъ осаду до декабря и въ декабрѣ успѣлъ уже открыть траншеи противъ главнаго верка крѣпости; но 11 декабря 1718 въ 9 часовъ вечера былъ убитъ въ траншеѣ пулею. Войско Армфельда, состоявшее изъ 10,000 человѣкъ, самымъ печальнымъ образомъ погибло въ началѣ слѣдующаго года. Въ концѣ 1718 Армфельдъ пришелъ къ Дронтгейму. Въ январѣ 1719, въ жестокій морозъ, онъ хотѣлъ возвратиться въ Швецію черезъ горы, на которыхъ даже лѣтомъ господствуетъ стужа; отъ мороза вся его армія погибла, такъ что только 500 человѣкъ, изувѣченные холодомъ, добрались кое какъ до Швеціи. Въ Тидальскихъ горахъ, гдѣ погибло его войско, находили потомъ телеги, пушки, припасы, замерзлыхъ людей и лошадей; множество труповъ привлекло туда чрезвычайное число звѣрей, такъ что на нѣсколько лѣтъ эта мѣстность стала лучшимъ мѣстомъ охоты.

4. Послѣднее время сѣверной войны.

Тотчасъ по смерти Карла XII дворянство произвело переворотъ, который былъ уже давно подготовленъ и совершился такъ быстро, что предполагалось участіе заговорщиковъ въ смерти Карла XII. Шведскій сенатъ обнародовалъ извѣстіе о смерти короля, лишь когда уже принялъ всѣ мѣры, чтобы удержать власть за собою. Онъ тотчасъ арестовалъ графа Герца и его приближенныхъ, устранилъ отъ власти молодаго герцога Гольштинскаго, сына старшей сестры Карла XII, и назначилъ регентшею младшую сестру Карла, Ульрику Элеонору, супругу наслѣднаго принца Гессенъ-Кассельскаго, Фридриха. Право этой принцессы на престолъ сенатъ призналъ только съ тѣмъ условіемъ, чтобы она согласилась на полную перемѣну прежняго правительственнаго устройства. Сдѣлавъ это, сенатъ назначилъ собраніе сейма въ февралѣ 1719 Сеймъ созывался для составленія новой конституціи. Если бы герцогъ Гольштинскій былъ человѣкъ умный и рѣшительный, онъ могъ бы разрушить планы сената съ помощію арміи, при которой находился. Но онъ былъ неспособенъ ни къ какому серьезному дѣлу. Дѣйствительно ли смерть Карла XII отъ пули находилась въ связи съ замысломъ шведской аристократіи, дѣйствительно ли Карлъ былъ застрѣленъ подосланнымъ убійцею, это вопросъ, котораго до сихъ поръ не могли разъяснить. Но общимъ ходомъ переворота, происшедшаго въ Швеціи тотчасъ по смерти Карла, и нѣкоторыми другими обстоятельствами какъ будто подтверждалось мнѣніе, что Карлъ палъ жертвою заговора и что младшей сестрѣ его былъ болѣе или менѣе извѣстенъ планъ заговорщиковъ. Первое извѣстіе о томъ, что король убитъ, привезъ на сосѣднюю дворянскую мызу наслѣдному принцу Гессенскому адъютантъ Сиггертъ; онъ четыре года самъ обвинялъ себя, что убилъ

короля; правда, онъ былъ тогда въ умопомѣшательствѣ. Принцъ Гессенскій тотчасъ послалъ Сиггерта тайкомъ въ Стокгольмъ къ своей супругѣ, Ульрикѣ Элеонорѣ и, — мысль довольно странная, — послалъ ей съ нимъ пробитую пулею шляпу короля. Но если нельзя не сказать, что у вельможъ въ Стокгольмѣ и въ арміи былъ условленный планъ, то вѣроятно ни добродушной Ульрикѣ Элеонорѣ, ни наслѣдному принцу Гессенскому не была извѣстна истинная цѣль аристократической партіи.

Образъ дѣйствій аристократовъ относительно Герца тотчасъ доказалъ и на этомъ шведскомъ переворотѣ старинную истину, что изъ всѣхъ деспотій — деспотія аристократической олигархіи самая страшная и гибельная, потому что она прочнѣе демократической, всегда мимолетной по своей природѣ, и въ ней деспоты не устраняются съ теченіемъ времени, какъ въ монархической. Какъ только узнали о смерти Карла XII, арестовали Герца и предали суду комитета, выбраннаго сеймомъ, т. е. состоявшаго изъ его враговъ. Президентомъ судилища былъ президентъ сейма, Петръ Риббингъ, который пріобрѣлъ себѣ такое же печальное безсмертіе, какъ знаменитый верховный судья Іакова II Англійскаго, Джеффрейзъ, и знаменитый въ лѣтописяхъ французской революціи государственный обвинитель, Фукье Тенвилль. Судъ подвергъ графа Герца отвѣтственности за все, что онъ дѣлалъ съ одобренія или по приказанію Карла; его винили, будто онъ хотѣлъ призвать въ Швецію русскихъ, чтобы доставить корону герцогу Гольштинскому, поставили ему въ преступленіе, заслуживающее смертной казни, то, что онъ хотѣлъ дать бумажнымъ деньгамъ принудительное обращеніе; чтобы раздражить противъ него поселянъ, доходили до такой смѣшной нелѣпости, что твердили о фигурѣ языческой богини на низкопробныхъ деньгахъ, выпущенныхъ по совѣту Герца. Но изъ множества обвиненій не было ни одного, которое могло бы выдержать юридическій разборъ; поэтому этого разбора и не допустили. Сочли также нужнымъ не приводить судей къ присягѣ, не позволили обвиненному имѣть адвоката, не дозволили ему никакихъ другихъ юридическихъ гарантій. Ему сдѣлали только одинъ допросъ, и тутъ держали его четыре часа на ногахъ. Не прочли ему протокола; даже обвинительный актъ сообщили ему только уже по произнесеніи приговора. Президентъ самъ характеризовалъ свою грубость восклицаніемъ: «Къ чему тутъ формы! Онъ жилъ какъ мерзавецъ, пусть и умретъ, какъ мерзавецъ!» Весь процесъ былъ насмѣшкою надъ закономъ и обычаемъ, надъ справедливостью и человѣческимъ чувствомъ; поэтому осужденный былъ предметомъ всеобщаго участія, а враги его сдѣлались предметомъ общаго презрѣнія, хотя онъ былъ человѣкъ безъ правилъ, а прежнія его дѣйствія въ Гольштиніи возбуждали общее порицаніе. Судьи приговорили Герца къ смерти; ихъ приговоръ былъ утвержденъ большинствомъ сейма. 13 марта 1719 казнь была публично совершена.

Правительственное устройство было измѣнено. Власть, принадлеажвшая королю, была отдана нѣсколькимъ аристократическимъ фамиліямъ. Швеція была объявлена избирательнымъ королевствомъ, и управленіе дѣлами было ввѣрено государственному совѣту, состоявшему изъ 24 членовъ и дѣлившемуся на восемь коллегій; званія высшихъ государственныхъ сановниковъ были возстановлены; эти пять высшихъ сановниковъ сдѣлались президентами коллегій, и каждый изъ нихъ, можно сказать, имѣлъ свой особый дворъ. Избранная въ королевы, но лишь съ тѣнью власти, Ульрика Элеонора не могла ничего дѣлать безъ государственнаго совѣта, а онъ «и безъ нея могъ имѣть попеченіе о правахъ и вольностяхъ королевства», такъ сказано было въ законѣ. Правда, при равенствѣ голосовъ въ государственномъ совѣтѣ голосъ королевы рѣшалъ дѣло; она могла исполнять свое мнѣніе даже противъ большинства двухъ голосовъ; но въ послѣднемъ случаѣ должна была представить доводы въ пользу своего мнѣнія. Всѣ важныя должности были предоставлены дворянству или, лучше сказать, кліентамъ членовъ государственнаго совѣта, и единственный трибуналъ, который могъ судить дворянина, имѣлъ президентомъ непремѣнно одного изъ членовъ государственнаго совѣта. Государственный совѣтъ пополнялся такимъ порядкомъ: каждое изъ трехъ первыхъ сословій сейма (дворянство, духовенство и горожане) представляли на вакантное мѣсто трехъ кандидатовъ; четвертое сословіе (крестьяне) было лишено этого права. Армія была значительно уменьшена еще до введенія новой

конституціи, хотя была теперь нужнѣе, чѣмъ когда-нибудь; опасались, что он обнаружитъ преданность монархической системѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вдругъ уничтожили бумажныя деньги къ убытку бѣднаго класса, гдѣ онѣ обращались. Предварительныя условія мира съ Петромъ Первымъ были отвергнуты, и черезъ это Швеція была отдана въ добычу русскимъ солдатамъ; они теперь вторгнулись въ нее и опустошили все, какъ хищные звѣри, до самаго Стокгольма. Не дальше, какъ въ слѣдующемъ (1720) году новая конституція была измѣнена еще больше въ пользу господствующей олигархіи; теперь почти всѣ выгоды, какія должны бы идти въ казну, были присвоены дворянству на основаніи закона.

Во внѣшнихъ дѣлахъ государственный совѣтъ заботился лишь о томъ, чтобы брать деньги, и за это жертвовалъ шведскими провинціями. Благодаря этому, главную роль при переговорахъ игралъ англійскій посланникъ, хлопотавшій объ увеличеніи Ганновера и полными руками раздававшій деньги членамъ государственнаго совѣта. Прежде всего былъ заключенъ миръ съ Ганноверомъ (въ іюлѣ 1719); за 1,000,000 талеровъ ему были уступлены герцогства Бременское и Верденское. Въ февралѣ 1720 заключили миръ съ Пруссіею. Швеція получила 3,000,000 талеровъ за часть Помераніи, лежащую между Одеромъ и Пеною. Съ саксонцами помирились въ январѣ 1720. Переговоры съ ними были непродолжительны, потому что все дѣло состояло только въ дарованіи амнистіи въ обоихъ государствахъ. Данія примирилась съ Швеціею въ іюлѣ 1720; Швеція заплатила ей 600,000 талеровъ и согласилась уничтожить привилегію своихъ кораблей не платить зундской пошлины; за то ей возвращены были округи, завоеванные датчанами. Англія и Франція по этому договору гарантировали Даніи владѣніе Шлезвигомъ, отнятымъ у Гольштиніи. Только съ русскими, на которыхъ особенно негодовало шведское дворянство, война длилась довольно долго, потому что шведы, не смотря на варварское опустошеніе Швеціи русскими отрядами, не соглашались на уступку Остзейскихъ провинцій. Но Петру служилъ превосходнымъ орудіемъ для достиженія его цѣли герцогъ Карлъ Фридрихъ Гольштинскій, тяжело оскорбленный и тѣмъ, что у него отняли Шлезвигъ, и тѣмъ, что его устранили отъ шведскаго престола, на который ему по праву слѣдовало вступить. Петръ грозилъ дворянству герцогомъ Гольштинскимъ и расположенною къ нему народною партіею. Это наконецъ заставило шведскихъ аристократовъ согласиться на все, чего онъ хотѣлъ. Въ концѣ 1720 переговоры между Швеціею и Россіею возобновились; видя, что они не идутъ къ концу, Петръ въ въ маѣ 1721 послалъ свои войска снова опустошать Швецію; это заставило ее помириться. По миру, заключенному въ Ништадтѣ, Россіи были уступлены Лифляндія, Эстляндія, Карелія, Выборгъ, Кексгольмъ и островъ Эзель; за это Петръ возвратилъ Финляндію и обѣщалъ заплатить 2,000,000 талеровъ.

Король польскій Станиславъ по смерти Карла XII скитался въ бѣдности, всѣми покинутый. Карлъ XII далъ ему резиденцію въ Цвейбрюкенѣ, принадлежавшемъ со времени Густава Адольфа королямъ шведскимъ. Но по смерти Карла владѣніе Пфальцъ-Цвейбрюкеномъ перешло къ боковой линіи, и новый владѣтель былъ также усерденъ къ протестантству, какъ Станиславъ къ католичеству. Станиславъ былъ вѣчно окруженъ іезуитами и, живя въ Цвейбрюкенѣ, занимался тамъ обращеніемъ людей въ католичество. Поэтому новый государь тотчасъ принудилъ его уѣхать изъ Цвейбрюкена. Станиславъ отправился въ Эльзасъ. Въ договорѣ съ Саксоніею шведы вставили въ его пользу условіе, что онъ сохраняетъ королевскій титулъ и что Августъ II долженъ заплатить ему 1,000,000 гульденовъ за его имѣнія, конфискованныя въ Польшѣ. Но деньги эти не были ему выплачены.

Сѣверная война принесла выгоду только русскому царю. Онъ теперь безусловно владычествовалъ надъ Польшею, Даніею и Швеціею, правительства которыхъ были слабы или испорчены и должны были постоянно опасаться внутреннихъ смутъ. Петръ извлекъ пользу особенно изъ тогдашняго положенія Швеціи, гдѣ многіе промыслы и фабрики остановились; онъ привлекалъ въ Россію работниковъ и мастеровъ всякаго рода и такимъ образомъ поднялъ въ Россіи промышленность. Въ Польшѣ онъ воспользовался возстаніемъ противъ Августа, вспыхнувшимъ въ 1716, чтобы явиться судьею между враждующими; когда инсургенты покорились, онъ удержалъ за собою Курляндію, а свои войска оставилъ въ Польшѣ подъ предлогомъ, что они нужны тамъ для охраненія мира.

III. ВРЕМЯ МЕЖДУ ВОЙНАМИ

ЗА ИСПАНСКОЕ И ЗА АВСТРІЙСКОЕ НАСЛѢДСТВА.

---

1. Англія и Франція въ первое время послѣ войны за испанское наслѣдство.

Лудовикъ XIV умеръ 1 сентября 1715. Не смотря на ослѣпительный блескъ своей администраціи и своего двора, онъ пережилъ свою славу; а гнетъ множества откупщиковъ государственныхъ доходовъ, обѣднѣніе націи, разстройство финансовъ и упадокъ кредита—все это вмѣстѣ произвело подъ конецъ его царствованія всеобщее неудовольствіе. Оно развивалось наперекоръ полиціи и Бастиліямъ и укоренилось тѣмъ глубже, что нельзя было говорить громко; поэтому обмѣниваться мыслями можно было только въ кругу близкихъ. Самъ Лудовикъ до конца жизни ничѣмъ не тронулся и оставался прежній. Его правнуку и наслѣднику, Лудовику XV, было во время его смерти только 5 лѣтъ; поэтому онъ оставилъ завѣщаніе, которымъ учредилъ совѣтъ регентства. Онъ устранилъ изъ него своего племянника, герцога Филиппа II Орлеанскаго—котораго обыкновенно называютъ просто регентомъ—хотя герцогъ былъ первый принцъ крови. Но Филиппъ рѣшился овладѣть регентствомъ; съ умомъ, смѣлостью и ловкостью въ немъ соединялось великосвѣтское презрѣніе ко всякимъ религіознымъ и нравственнымъ правиламъ; поэтому онъ легко достигъ своей цѣли. Онъ убѣдилъ парламентъ объявить завѣщаніе Лудовика не имѣющимъ силы и признать его регентомъ. Совѣтниковъ парламента онъ привлекъ на свою сторону всяческими средствами, между прочимъ перспективою, что, сдѣлавшись регентомъ, онъ возвратитъ парламенту прежнее значеніе, утраченное при Лудовикѣ XIV. Усмиренной Лудовикомъ XIV аристократіи онъ польстилъ надеждою на установленіе новой формы правительства, которую можно сравнить съ управленіемъ Швеціи государственными коллегіями (стр. 29); герцогъ говорилъ, что каждая отрасль правленія будетъ ввѣрена комитету аристократовъ. Народъ онъ утѣшалъ пустою надеждою на освобожденіе отъ прежняго гнета. Быть можетъ также, въ привлеченіи къ нему народа участвовали желаніе и надежда народа отмстить руками регента кровопійцамъ, ибо во всѣхъ насильственныхъ переворотахъ жажда мщенія играетъ важную роль.

Регентъ, принявъ управленіе Франціею, засталъ ее въ отчаянномъ положеніи. Повсюду господствовала нищета, доходившая до голода; всѣ кассы были пусты; доходы были заложены на два года впередъ. Со всѣхъ сторонъ раздавалось требованіе наказать спекулянтовъ, обогатившихся въ прежнее царствованіе на счетъ народа, хотя по закону нельзя было наказать ихъ. Пользуясь этимъ, регентъ учредилъ совершенно беззаконное судилище, извѣстное подъ именемъ chambre ardente: это была слѣдственная коммисія съ правомъ подвергать преслѣдуемыхъ уголовнымъ наказаніямъ. Онъ учредилъ ее, чтобы отнимать деньги у людей, обманывавшихъ казну. Парламентъ изъ мстительности помогалъ регенту. Эта коммисія призвала къ отвѣту 4,470 человѣкъ, требуя, чтобы они оправдались въ своемъ обогащеніи. Страхомъ, тюрьмой и пыткой она заставила обвиненныхъ платить

взысканія, которыя произвольно налагались на нихъ другою особенною коммисіею; такимъ образомъ было вымучено не меньше 220 милліоновъ ливровъ. Когда эта несправедливость возбудила всеобщее раздраженіе, регентъ сталъ за большія суммы продавать обвиненнымъ свою защиту. Онъ ни мало не смущался рѣзкими памфлетами, вызванными всѣмъ этимъ дѣломъ, да и вообще онъ также мало заботился о мнѣніи современниковъ и потомства, какъ и о требованіяхъ долга и нравственности. Онъ при нѣкоторомъ добросердечіи и великодушіи былъ виртуозъ порока; онъ умышленно, по принципу сатанинской философіи, пренебрегалъ всѣми добрыми правилами, говоря, что честность нужна только лавочникамъ да мужикамъ. Его неслыханныя оргіи, продолжавшіяся по цѣлымъ суткамъ среди грязи страшнаго разврата, дѣлали его неспособнымъ даже задумать что-нибудь хорошее.

Кромѣ грабежа спекулянтовъ, были придуманы еще два другіе способа выпутаться изъ финансовыхъ затрудненій и достать денегъ для кутежей регента. Но они были придуманы не самимъ регентомъ, а шестью аристократическими коллегіями или комитетами, которые были учреждены взамѣнъ министерствъ Лудовика XIV. Регентъ, учреждая ихъ, говорилъ, что это дѣлается для смягченія прежней деспотической формы правленія, но онъ не далъ имъ никакой возможности стѣснять его неограниченную власть, какъ не исполнилъ и ожиданія принцевъ крови, что будетъ учрежденъ совѣтъ регентства. Однимъ изъ способовъ, о которыхъ мы начали говорить, была такъ называемая в и з а или ревизія государственныхъ долговъ; стали пересматривать, слѣдуетъ ли считать ихъ законными, при чемъ часть объявили незаконными и уничтожили, а остальную часть уплатили билетами, не имѣвшими почти никакой цѣны. Второй способъ состоялъ въ пониженіи достоинства монеты. Было издано приказаніе, чтобы каждый отдавалъ въ казну всю звонкую монету, какая у него есть; ее перечеканивали въ деньги меньшей цѣнности и возвращали вынужденныя суммы этою новою монетою. Такимъ путемъ регентъ получилъ 72 милліона ливровъ барыша, но нація понесла гораздо больше убытка, потому что, все, разумѣется, вздорожало, звонкая монета исчезла изъ обращенія, была спрятана или ушла за границу, а ростовщикамъ и спекулянтамъ была открыта возможность дѣлать безчисленныя плутни.

Чтобы пособить злу, происшедшему отъ исчезновенія звонкой монеты, и чтобы возстановить потрясенный государственный кредитъ, вздумали учредить банкъ. Авантюристъ, необыкновенно опытный въ денежныхъ дѣлахъ, шотландецъ Ло, предложилъ регенту свои услуги въ этомъ дѣлѣ. Съ разрѣшенія герцога, онъ учредилъ въ 1716 акціонерный банкъ съ правомъ выпускать билеты. Капиталъ банка былъ не очень великъ,—всего 6 милліоновъ ливровъ; банкъ не могъ вести никакой торговли и былъ обязанъ обмѣнивать свои билеты по предъявленіи на звонкую монету. Онъ дѣйствительно облегчилъ торговые обороты, понизилъ проценты по ссудамъ, вновь открылъ фабрикантамъ и купцамъ возможность получать деньги для предпріятій. Но регентъ далъ ему новую привилегію, не обращая вниманія на возраженія парламента и министра финансовъ, герцога д е Н о а й л я: онъ приказалъ принимать билеты банка въ казну наравнѣ съ звонкой монетой, а сборщикамъ податей приказалъ сдавать деньги банковыми билетами. Такимъ образомъ частный банкъ обратился, можно сказать, въ государственное учрежденіе. Онъ обратился въ чистую спекуляцію: чтобы обманомъ поднять цѣну акцій, въ первомъ же общемъ собраніи акціонеровъ имъ была выдана премія слишкомъ въ 7%.

Еще гибельнѣе стала дѣятельность Ло, когда его спекуляціи были распространены на звонкую монету и на облигаціи государственнаго долга, а въ особенности, когда при банкѣ была основана торговая компанія, которая привела къ формальному и притомъ мошенническому, государственному банкротству. По совѣту Ло, въ 1717 была учреждена миссиссипійская или вестъ-индская акціонерная компанія (Compagnie d'Occident) для торговли съ новою страною, открытою при Лудовикѣ XIV и названною въ честь его Луизіаною. Капиталъ компаніи простирался до 100 милліоновъ ливровъ. Ло умѣлъ устроить дѣло такъ, что спекуляція на акціи этой компаніи и его банка приняла столь же широкіе размѣры, какъ нынѣ биржевая игра государственными фондами. Черезъ два года, чтобы поднять банкъ, миссисипійской компаніи дали привилегію, предоставили

ей нѣкоторые государственные доходы, соединили съ нею компаніи остъ-индской торговли, китайской торговли и сенегальской торговли. Кромѣ того, относительно банковыхъ билетовъ, облигацій государственнаго долга и вообще по всѣмъ отраслямъ финансовъ принимались разныя мѣры, бывшія въ связи съ банкомъ Ло и миссиссипійскою компаніею и отличавшіяся тѣмъ же спекулятивнымъ духомъ, чтобы вовлечь все государство въ плутовскую спекуляцію и доставлять регенту деньги. Напрасно возражалъ парламентъ,—регентъ принималъ свои мѣры, не останавливаясь передъ противорѣчіемъ высшаго государственнаго судилища. Наперекоръ фанатикамъ парламента, онъ даже назначилъ протестанта Ло генералъ-контролеромъ. Спекулятивная горячка овладѣла обманутою націею: всѣ стремились покупать акціи, цѣна которыхъ поднялась до того, что акція, имѣвшая номинальную стоимость 500 ливровъ, покупалась напослѣдокъ за 20,000 ливровъ. Даже иностранцы въ надеждѣ на громадные выигрыши, спѣшили во Францію обмѣнивать свои деньги на бумагу. Но скоро явилось недовѣріе, и обманутые увидѣли, что за свои деньги получили мыльные пузыри. Тогда, чтобы поддержать билеты, акціи и всю эту спекуляцію, употребили всѣ способы торговаго плутовства, а когда они перестали помогать, прибѣгнули къ государственной власти и разразились повелѣніями и наказаніями. Но не смотря на все, уже въ 1720 весь этотъ обманъ разсѣялся въ прахъ.

Парламентъ снова выступилъ противъ Ло и его системы. Ло самъ далъ парламенту случай принять на себя роль защитника народныхъ интересовъ противъ правительства, когда (въ маѣ 1720) на половину понизилъ цѣну акцій компаніи и банковыхъ билетовъ. Черезъ нѣсколько времени это распоряженіе было отмѣнено; однако положеніе дѣлъ не поправилось. Тысячи честныхъ семействъ были на вѣкъ разорены, и при всеобщемъ бѣдствіи страны въ выигрышѣ остались только приближенные регента; они уплатили бумагами свои долги, накупили на нихъ помѣстій и припрятали звонкую монету. Регентъ такъ поссорился съ парламентомъ, что наконецъ сослалъ его въ Понтуазъ. Тогда вся ярость народа обратилась на Ло, какъ на виновника всеобщаго банкротства, и въ декабрѣ 1720 онъ былъ принужденъ бѣжать изъ Франціи. Регентъ защищалъ его во время бѣгства, но потомъ тотчасъ свалилъ всю вину на него. Соучастники великаго обмана, жертвою котораго была вся нація, подверглись же такимъ преслѣдованіямъ, какъ прежде спекулянты Лудовика XIV, и была предпринята новая виза. Но обманутымъ было не легче отъ этого, тѣмъ болѣе, что главные мошенники были важнѣйшія лица въ королевствѣ, и въ томъ числѣ даже ближайшіе родственники короля. Ло потерялъ свое богатство, пріобрѣтенное спекуляціею; другіе виновные были обложены взысканіями по произволу назначенной для этого коммисіи. Народъ изъ тогдашнихъ процессовъ узналъ глубокую испорченность первыхъ государственныхъ вельможъ; а потомство видитъ изъ списка виновныхъ, ихъ барышей и наложенныхъ на нихъ взысканій, что нравственность того времени совершенно соотвѣтствовала принципамъ Вольтера и Эльвесіуса. Даже нѣкоторые изъ членовъ коммисіи, въ томъ числѣ важный духовный сановникъ, были уличены въ такихъ плутняхъ, что понадобилось учредить новую коммисію для ихъ наказанія! Впрочемъ, всѣмъ этимъ рядомъ обмановъ и насилій не успѣли даже не только погасить, но даже уменьшить государственный долгъ; послѣ банкротства и послѣ визы у государства оказалось больше долговъ, чѣмъ было прежде.

Бѣдствія, которыхъ надѣлалъ Ло во Франціи, нисколько не послужили урокомъ для другихъ государствъ: его предпріятіе было въ духѣ тогдашняго времени и потому должно было повториться. Со времени Лудовика XIV во всей Европѣ утвердилась новая правительственная система, основанная на деньгахъ и на войскѣ. При этой системѣ было необходимо покровительствовать обогащенію всѣми дозволительными и недозволительными средствами и возвести въ науку тѣ гнусныя средства, которыми особенно отличались Герцъ и Ло. Въ Англіи, Австріи, Испаніи дѣлались такія же спекуляціи, какъ и во Франціи.

Въ Испаніи царствовалъ внукъ Лудовика XIV, Филиппъ V, тупоумный ипохондрикъ, которому уже по самой натурѣ его нужно было женское общество и господство; но его набожныя правила не допускали держать штатъ любовницъ, который былъ принадлежностью другихъ дворовъ; поэтому онъ былъ подъ башмакомъ у своихъ женъ. Первою его супругою, дочерью герцога Савойскаго, управ-

ляла принцесса Орсини, пріятельница Ментенонъ, соединявшая хитрость римлянки съ образованностью француженки (стр. 7). По смерти королевы (1714) Орсини стала владычествовать надъ королемъ безгранично; увидѣвъ черезъ нѣсколько времени необходимость вторично женить его, она стала искать принцессу изъ какой-нибудь незначительной династіи, чтобы признательностію и молодостью новой королевы навсегда упрочить свое господство. Ей показалось подходящею принцесса Елисавета Пармская. Но она ошиблась въ выборѣ, которымъ между прочимъ разсердила старика Лудовика XIV. Къ своему и всеобщему изумленію, она была удалена изъ королевства тотчасъ по пріѣздѣ молодой королевы (въ сентябрѣ 1714).

Испаніей началъ управлять одинъ итальянскій проныра, въ которомъ съ большими талантами и хорошимъ школьнымъ образованіемъ соединялись коварство и всѣ хитрости Герца и другихъ знаменитыхъ дипломатовъ. То былъ уроженецъ Пьяченцы, священникъ, впослѣдствіи кардиналъ Альберони. Онъ былъ сначала компаніономъ въ путешествіяхъ у одного молодаго аристократа, потомъ завѣдывалъ дипломатической частью у герцога Пармскаго. Чрезъ нѣсколько времени онъ поступилъ на службу при французскомъ маршалѣ герцогѣ де Вандомѣ. Вандомъ рекомендовалъ его испанскому и французскому дворамъ, и онъ былъ посредникомъ при сватовствѣ Елисаветы Пармской за Филиппа V. Королю испанскому онъ льстилъ надеждою доставить ему регентство во Франціи, устранивъ герцога Орлеанскаго; новой королевѣ—надеждою пріобрѣсти ея сыну прежнія испанскія владѣнія въ Италіи, отнявъ ихъ у императора. Чтобы получить средства для этого, онъ сталъ пробуждать Испанію изъ ея долгаго сна, возбуждая къ дѣятельности силы страны и народа. Онъ создалъ армію и флотъ, умѣлъ достать денегъ для военныхъ предпріятій и для оживленія промышленности. Разсчитывая на безпечность императора и на то, что онъ занятъ турецкою войною, онъ послалъ армію въ Неаполь, обманувъ папу, будто это войско, отправляемое противъ императора, назначается противъ турокъ. Нельзя не дивиться искусству этого человѣка, который вдругъ, будто ударомъ волшебнаго жезла, создалъ армію и флотъ и досталъ денегъ на войну въ странѣ, которая въ теченіе цѣлаго столѣтія не могла даже защищать собственныхъ границъ. Надобно впрочемъ сказать, что по торговымъ и промышленнымъ распоряженіямъ ему помогалъ голландскій посланникъ Рипперда, поступившій потомъ въ испанскую службу и на нѣсколько времени занявшій мѣсто Альберони. Хитрому итальянцу совершенно удался бы его планъ, если бы противъ него не соединились два человѣка, дѣйствовавшіе совершенно тѣми же способами, какими онъ достигъ могущества въ Испаніи,—Дюбуа, служившій во Франціи деспотизму, и Робертъ Вальполь, служившій въ Англіи свободѣ; Дюбуа охранялъ при этомъ интересы герцога Орлеанскаго, а Вальполь—Георга I.

Мы скажемъ сначала о дѣятельности Вальполя и сдѣлаемъ обзоръ исторіи Англіи съ восшествія ганноверской династіи на англійскій престолъ. Робертъ Вальполь, министръ Георга I и Георга II, управлявшій Англіею при этихъ обоихъ государяхъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ государственныхъ людей, которые никогда не заботятся о нравственности своихъ средствъ и не имѣютъ никакихъ правилъ. Онъ былъ невѣжда въ литературѣ, въ исторіи и даже въ иностранныхъ дѣлахъ, не говорилъ ни по нѣмецки, ни по французски, такъ что съ своимъ королемъ, Георгомъ I, могъ объясняться не иначе, какъ на плохой латыни. Но зато Вальполь превосходно зналъ свой дворъ, его слабыя стороны, характеръ англичанъ и вообще человѣческую натуру, былъ первый мастеръ въ тактикѣ парламентскихъ преній и отлично понималъ, какими средствами слѣдуетъ упрочивать за собою большинство голосовъ въ многолюдныхъ собраніяхъ. Въ особенности умѣлъ онъ обдѣлывать подкупы и велъ эти дѣла такъ безстыдно, что два раза былъ исключенъ изъ парламента. Между прочимъ, еще въ бытность свою при королевѣ Аннѣ военнымъ министромъ, онъ попался въ подлѣйшей плутнѣ. Но въ наше время онъ опять вошелъ въ честь, потому что о немъ стали судить по нынѣшнему принципу, что строгія правила честности непримѣнимы къ важнымъ дѣламъ высшаго круга. Впрочемъ и тогда ошельмованіе не помѣшало ему сдѣлаться первымъ министромъ при Георгѣ I.

Въ послѣдніе годы царствованія Анны предводители тори, Болингброкъ и Оксфордъ, заодно съ королевою составили формальный заговоръ противъ ганноверской династіи, которая по закону должна была наслѣдовать престолъ; они составляли всяческія интриги, чтобы доставить престолъ изгнанному брату Анны, Іакову III (стр. 4); но всѣ хлопоты ихъ остались напрасны, потому что ханжество и ограниченность ума не допускали Іакова III послушаться благоразумныхъ совѣтовъ. Когда Георгъ I сдѣлался королемъ, Болингброкъ и Оксфордъ были низвергнуты, и Вальполь, получившій управленіе государствомъ, подвергъ ихъ жестокому преслѣдованію парламента. Болингброка лишили всѣхъ помѣстій, титуловъ и званій, какъ государственнаго измѣнника; онъ бѣжалъ во Францію и вступилъ тамъ на службу къ Іакову III, продолжая однако вести тайныя сношенія съ посланникомъ Георга I въ Парижѣ.

У Георга I не было ни ума, ни сердца. По своему невѣжеству и по совершенному незнанію англійскаго языка онъ не могъ самъ принимать участія въ управленіи. Своими иностранными манерами онъ отталкивалъ отъ себя англійскій народъ и, не смотря на свою набожность, имѣлъ такую нравственность, что держалъ одновременно двухъ любовницъ. Онѣ были вывезены изъ Ганновера, и министры Георга, не задумываясь, ввели ихъ въ англійскую аристократію, давъ имъ высокіе титулы. Онъ предоставилъ вигамъ безусловную власть, чѣмъ оскорбилъ и вооружилъ противъ себя даже тѣхъ тори, которые сначала были за ганноверскую династію. Его отношенія къ вигистскому министерству состояли въ томъ, что онъ жертвовалъ интересами націи для пользы виговъ, а виги жертвовали этими интересами для личныхъ выгодъ короля. Напримѣръ, министры посылали флотъ въ Балтійское море вынуждать у короля шведскаго уступки въ пользу курфирста ганноверскаго, а въ 1716 и 1717 вели переговоры и строили интриги, чтобы Ганноверу были отданы герцогства Бременское и Верденское. При такомъ порядкѣ дѣлъ старосвѣтскіе англичане и сельскіе дворяне, конечно, не могли уважать короля и его министерство, а духовенство скоро начало говорить проповѣди противъ безнравственности двора и министровъ. Между англичанами и шотландцами возникло опасное движеніе въ пользу изгнанныхъ Стюартовъ. Оно заставило Георга тѣсно соединиться съ французскимъ регентомъ, который также, съ самаго начала своего управленія, имѣлъ причины опасаться внутреннихъ смутъ.

Многіе изъ важнѣйшихъ аристократовъ готовы были помогать высадкѣ претендента Іакова III на англійскій берегъ, если только онъ привезетъ съ собою достаточно войска и денегъ и торжественнымъ объявленіемъ успокоитъ англійскую націю относительно своихъ политическихъ и религіозныхъ принциповъ. Лудовикъ XIV тайно всячески помогалъ Іакову, хотя явно не рѣшался поддерживать его; но регентъ не поддержалъ его, а изъ Испаніи онъ получилъ мало помощи. Претендентъ былъ человѣкъ очень ограниченный, суевѣрный, совершенно подчиненный іезуитамъ и вдобавокъ—трусъ. Болингброкъ написалъ ему прокламацію къ англичанамъ и шотландцамъ, но онъ, по внушенію окружавшихъ его монаховъ, передѣлалъ ее такъ, что ясно было, что онъ желаетъ оставить себѣ лазейки и впослѣдствіи отрѣчься отъ своихъ обѣщаній. Надобно прибавить, что попытка возстанія, устроенная имъ и его приверженцами, велась совершенно такъ, какъ ведутся почти всѣ заговоры. Разсудительныхъ людей не слушали, а горячія головы произвели вспышку несвоевременно и тѣмъ погубили и виновныхъ, и невинныхъ. Вспышка была ускорена тѣмъ обстоятельствомъ, что англійское правительство, давно знавшее о замыслахъ заговорщиковъ, объявило, что на время отмѣняется актъ habeas corpus (въ іюнѣ 1715), приготовило войско, отставило многихъ подозрительныхъ офицеровъ и приняло суровыя мѣры противъ папистовъ. Заговорщики подняли оружіе въ Шотландіи. Въ Англіи партія Іакова также собрала горсть людей, которую назвала арміею. Герцогъ Ормондъ высадился на западный берегъ съ войскомъ, снаряженнымъ на счетъ Испаніи. Успѣхъ предпріятія зависѣлъ отъ хода войны въ Шотландіи, гдѣ за претендента стояла воинственнѣйшая часть націи.

Главнокомандующимъ шотландскихъ инсургентовъ былъ графъ Маръ, бывшій министромъ при королевѣ Аннѣ. Войско его простиралось, говорятъ, до 15,000 человѣкъ, но было плохо вооружено, мало обучено и не имѣло хорошихъ

командировъ. Впрочемъ таково же было и королевское войско, состоявшее изъ милиціи. Арміи сразились близъ Демблайна; сраженіе осталось нерѣшеннымъ. Но черезъ нѣсколько дней дѣло было рѣшено сраженіемъ въ Англіи. Англійскіе якобиты, въ числѣ 4,000 человѣкъ, пошли занять Ливерпуль. Отрядъ королевскаго регулярнаго войска аттаковалъ ихъ при Престонѣ и стѣснилъ такъ, что имъ осталось только безусловно сдаться. Вслѣдъ затѣмъ прибыли изъ Голландіи 6,000 старыхъ солдатъ; этотъ корпусъ тотчасъ двинулся въ Шотландію, и дѣло было скоро покончено. Претендентъ явился въ Шотландію, когда все уже было потеряно (въ декабрѣ 1715), и скоро долженъ былъ вернуться во Францію. Герцогъ Ормондъ и графъ Маръ также спаслись поспѣшнымъ бѣгствомъ отъ расплаты за свое возстаніе. Англійскіе министры воспользовались этимъ дѣломъ, какъ обыкновенно пользуются неосторожными и безразсудными заговорами. Лишеніемъ титуловъ и конфискаціями они уничтожили много старинныхъ фамилій, преданныхъ Стюартамъ, и произвели важную перемѣну въ положеніи парламента. Прежде члены нижней палаты выбирались на три года; теперь постановлено было выбирать ихъ на семь лѣтъ; этимъ былъ облегченъ подкупъ голосовъ, и купленное большинство было упрочено за министрами на срокъ, слишкомъ вдвое больше прежняго. Къ числу людей, устроившихъ возстаніе, принадлежалъ и Болингброкъ. Но онъ съ самаго начала смѣялся надъ безразсудными замыслами якобитовъ и дѣйствовалъ по своему обыкновенію: служа имъ, онъ въ то же время оказывалъ тайныя услуги англійскому посланнику въ Парижѣ. Въ награду за измѣну ему дали разрѣшеніе вернуться въ Англію и возвратили помѣстья. Точно такимъ же образомъ держалъ себя въ этомъ дѣлѣ французскій регентъ. Когда возстаніе было подавлено, онъ въ угоду Георгу I выгналъ претендента изъ Парижа.

Какъ въ Англіи, такъ и во Франціи, государственныя дѣла рѣшались просто по разсчету частныхъ выгодъ. Но Франціею управлялъ человѣкъ, который столько же превосходилъ виговъ умомъ и знаніями, сколько алчностью, властолюбіемъ, тщеславіемъ и развратомъ. То былъ бывшій учитель регента, аббатъ Дюбуа, научившій его всему дурному и постепенно забравшій въ свои руки управленіе государствомъ. Дюбуа взялъ на себя работать за регента, который все глубже и глубже погрязалъ въ скандалы и распутство, за которыми забывалъ о дѣлахъ; аббатъ занялъ первое мѣсто въ его совѣтѣ и скоро увидѣлъ всю Францію у своихъ ногъ, хотя былъ не дворянинъ. Это послѣднее обстоятельство тѣмъ любопытнѣе, что именно въ это время перы Франціи вели самые смѣшные споры съ нисшимъ дворянствомъ изъ-за почетныхъ отличій, высказывая самыя невѣроятныя претензіи на разныя условія этикета, который обязано соблюдать передъ ними простое дворянство. Не менѣе замѣчательно и то, что Дюбуа, который безъ стыда и срама велъ распутнѣйшую жизнь, который кощунствовалъ съ грубѣйшимъ цинизмомъ надъ религіею и нравственностью, былъ аббатомъ семи богатѣйшихъ аббатствъ, потомъ архіепископомъ и наконецъ кардиналомъ. Кардинальство ему доставилъ король англійскій, протестантъ,—вещь то же довольно странная; онъ выхлопоталъ ему этотъ санъ за то, что Дюбуа сблизилъ его съ регентомъ въ ущербъ католическому претенденту на Англію.

Требованія высшаго дворянства вызвали со стороны нисшаго дворянства и парламента разныя деклараціи и другія печатныя возраженія, написанныя въ революціонномъ духѣ и бывшія одною изъ причинъ того, что совершенно разсѣялись остатки ореола, окружавшаго прежде аристократію; другою причиною этого былъ образъ жизни вельможъ. Принцы королевскаго дома вели гибельную для себя борьбу съ герцогомъ Менскимъ и другими побочными дѣтьми Лудовика XIV, которымъ отецъ далъ права и санъ принцевъ крови. Настоящіе принцы крови убѣдили регента (въ 1717) отнять этотъ санъ у побочныхъ дѣтей Лудовика, кромѣ одного *). Тогда герцогъ Менскій составилъ съ противниками регента заговоръ въ пользу короля испанскаго, помогая интригамъ, которыя завелъ во Франціи Альберони.

---

*) Графа Тулузскаго.

4. Альберони, Рипперда и дипломатія европейскихъ державъ въ 1716—1731 годахъ.

Въ 1716—1720 годахъ Альберони, бывшій тогда неограниченнымъ властелиномъ Испаніи, волновалъ своими дипломатическими хитростями всѣ европейскіе кабинеты, такъ что всѣ они были заняты его политическими интригами. Это продолжалось потомъ много лѣтъ и послѣ того, какъ Альберони сошелъ со сцены. Англія и Франція вступили въ союзъ противъ личныхъ враговъ регента французскаго и противъ всѣхъ, кто сопротивлялся планамъ, какіе задумывалъ Георгъ I для увеличенія ганноверскихъ владѣній. Англія и Франція вовлекли въ свой союзъ Голландію и нѣмецкаго императора и старались вовлечь и короля Сицилійскаго. Съ противной стороны Альберони хлопоталъ о томъ, чтобы отнять у императора Неаполь и островъ Сардинію; для этого онъ завязалъ переговоры съ Россіею и Швеціею, умѣлъ пріобрѣсти себѣ содѣйствіе короля Сицилійскаго и строилъ заговоры съ врагами регента французскаго.

Въ Англіи Георгъ I въ 1717 освободился на нѣкоторое время отъ Вальполя и ввѣрилъ власть другимъ вигамъ, которые согласились помогать его ганноверскимъ планамъ. Черезъ этихъ министровъ Георгъ сошелся съ Дюбуа, довѣреннымъ лицомъ регента; въ январѣ 1717 былъ заключенъ формальный договоръ, гдѣ для соблюденія формы говорилось о ненарушимости условій Утрехтскаго мира; но настоящей цѣлью были личныя выгоды регента и короля англійскаго. Черезъ нѣсколько времени къ союзу присоединились, какъ мы говорили, голландцы и нѣмецкій императоръ; голландцевъ привлекли, давъ имъ торговыя выгоды, а императора обѣщаніемъ доставить ему вмѣсто острова Сардиніи Сицилію. Между тѣмъ Альберони снаряжалъ армію и флотъ, чтобы отнять у императора островъ Сардинію и Неаполь, вовлекъ въ союзъ съ Испаніею короля Сицилійскаго, Виктора Амедея II, знавшаго объ этомъ намѣреніи, обманулъ морскія державы и папу относительно цѣли своихъ вооруженій, ободрялъ Турцію продолжать ея тогдашнюю войну съ Австріею, старался вооружить противъ своихъ враговъ Россію и Швецію, возмутить Венгрію, поднять недовольныхъ въ Англіи и во Франціи.

Лѣтомъ 1717 испанскія войска высадились на островъ Сардинію и завоевали его. Потомъ они переправились въ Сицилію, владѣтель которой, бывшій герцогъ Савойскій, уже опять велъ переговоры съ противниками Альберони. Испанцы овладѣли почти всею Сициліею и уже думали вскорѣ переправиться въ Неаполь, когда адмиралъ Бингъ прибылъ съ англійскимъ флотомъ въ мессинскій проливъ. Онъ потребовалъ, чтобы испанскій главнокомандующій въ Сициліи прекратилъ военныя дѣйствія, и, получивъ отказъ, 11 августа 1718 уничтожилъ испанскій флотъ. Ни этотъ ударъ, ни заключеніе союза между Англіею, Франціею, Голландіею и императоромъ, не заставили Альберони оставить мысль о завоеваніи Неаполя. Онъ возбуждалъ волненія въ Англіи, затѣялъ съ герцогомъ Менскимъ и другими недовольными во Франціи заговоръ противъ регента, дѣйствовалъ противъ регента шпіонствомъ, предательствомъ и интригами. Регентъ или, лучше сказать, его менторъ, кардиналъ Дюбуа, обратили противъ Альберони тоже оружіе и въ особенности дѣйствовали угрозами на короля испанскаго, требуя, чтобы онъ отставилъ своего министра. Но это не удалось. Въ ноябрѣ 1718 союзники принудили герцога Савойскаго уступить Сицилію императору и взять за нее островъ Сардинію. Съ этого времени герцоги Савойскіе стали носить титулъ королей сардинскихъ. Въ концѣ 1718 англичане объявили войну испанцамъ. Нападеніе, сдѣланное ими на испанскій флотъ полгода тому назадъ, было произведено безъ объявленія войны, и англичане утверждали, что этимъ они вовсе не нарушали мира: они часто говорили это въ подобныхъ случаяхъ. Въ январѣ 1719 объявили войну и французы.

Черезъ нѣсколько недѣль маршалъ Бервикъ вступилъ съ французскою арміею въ Испанію. Въ то же время англичане начали войну на морѣ. Она приняла оборотъ, выгодный для союзниковъ. Но Альберони оставался непреклоненъ,

а короля испанскаго не могли убѣдить отставить его. Въ Англіи и во Франціи народъ былъ недоволенъ войною, не смотря на ея успѣшность; поэтому Георгъ I и регентъ прибѣгли къ низкой интригѣ, чтобы поскорѣе кончить дѣло. Герцогъ Пармскій, отчимъ супруги Филиппа V, написалъ королевѣ письмо, въ которомъ убѣждалъ ее хлопотать о низверженіи Альберони. Она согласилась тѣмъ охотнѣе, что имѣла тогда непріятности съ кардиналомъ. Планъ соумышленниковъ состоялъ въ томъ, чтобы неожиданно запугать слабаго короля, заставить его внезапно отставить Альберони и изгнать его изъ Испаніи; иначе можно было опасаться, что Альберони опять подчинитъ себѣ Филиппа; словомъ съ Альберони хотѣли поступить такъ, какъ поступили съ принцессою Орсини (стр. 34). Интрига удалась, и 5 декабря 1719 Альберони заставили поспѣшно уѣхать изъ Испаніи. Черезъ южную Францію онъ отправился въ Италію; но и тамъ папа Климентъ XI и герцогъ Пармскій желали наказать его, поэтому онъ цѣлый годъ скрывался въ одномъ монастырѣ близъ Болоньи и вновь появился на свѣтъ только по смерти папы (въ апрѣлѣ 1721). По удаленіи его изъ Испаніи миръ былъ скоро возстановленъ: въ январѣ 1720 Филиппъ V принялъ условія, предписанныя ему союзниками. Потомъ еще нѣсколько лѣтъ велись переговоры Испаніи съ императоромъ. Въ это время Франція и Испанія вступили между собой въ тѣсную дружбу, и было условлено нѣсколько бракосочетаній между членами французскаго и испанскаго домовъ. Дюбуа устроилъ договоръ, по которому 14-лѣтняя дочь короля испанскаго была обручена съ 15-лѣтнимъ королемъ французскимъ, а дочь регента была выдана за наслѣднаго принца испанскаго. Мы увидимъ, что изъ-за этихъ двухъ браковъ поднялась вражда еще сильнѣе той, которую хотѣли прекратить ими. Вскорѣ послѣ того Дюбуа умеръ. Незадолго передъ его смертью Лудовику XV исполнилось 14 лѣтъ, и онъ сдѣлался совершеннолѣтнимъ (въ февралѣ 1723). Регентство герцога Орлеанскаго прекратилось. Но онъ продолжалъ пользоваться неограниченною властью въ званіи перваго министра. Впрочемъ въ декабрѣ того же года умеръ и онъ, погубивъ свое желѣзное здоровье, всевозможными излишествами. На его мѣсто втерся бездарный и непопулярный герцогъ Бурбонскій; имъ управляла его любовница, маркиза де При, а маркизою управляли піемонтцы, братья Пари, банкиры, обогатившіеся во Франціи, игравшіе роль еще при регентѣ, благодаря своимъ финансовымъ плутнямъ и подлымъ изобрѣтеніямъ для выманиванія денегъ у честныхъ простяковъ. Французское государство было тогда, какъ видимъ, добычею авантюристовъ.

Точно также шли дѣла въ Испаніи. Филиппъ V, имѣвшій отвращеніе ко всякой дѣловой работѣ, въ 1724 передалъ управленіе своему сыну отъ перваго брака, Лудовику I; Елисавета Пармская напрасно умоляла его не дѣлать этого. Отдавая престолъ сыну, онъ поклялся, что никогда не возьметъ его назадъ. Но черезъ 8 мѣсяцевъ король Лудовикъ умеръ; тогда королева черезъ папу разрѣшила мужа отъ клятвы и убѣдила его вновь принять правленіе. Это отдало Испанію подъ владычество иностранца-авантюриста, въ которомъ Елисавета видѣла втораго Альберони. Временщикомъ сдѣлался баронъ Рипперда, голландецъ, бывшій при Альберони посланникомъ въ Испаніи и оказавшій кардиналу услуги по управленію торговлею и промышленностью. Потомъ онъ вслѣдствіе разныхъ мошенничествъ попалъ въ опасность; чтобы выйти изъ нея, онъ принялъ католичество и послѣ паденія Альберони сталъ для королевы необходимымъ лицомъ. По его интригамъ старшій сынъ Елисаветы былъ назначенъ наслѣдникомъ тосканскихъ и моденскихъ владѣній, чего она напрасно добивалась еще въ 1720 при переговорахъ съ Франціею, Англіею и Голландіею. Рипперда, чтобы устроить это дѣло, поѣхалъ въ Вѣну, не жалѣлъ тамъ ни денегъ, ни обѣщаній и поклоновъ; то же дѣлали и его противники, англійскій и французскій посланники. Рипперда успѣлъ заключить съ вѣнскимъ правительствомъ нѣсколько договоровъ, торжественно возвратился съ ними въ концѣ 1725 въ Мадридъ, получилъ титулъ герцога и управленіе государствомъ. Но онъ не предчувствовалъ, что при всей своей хитрости былъ обманутъ. Вѣнскіе министры не хотѣли и не могли исполнить договоровъ, заключенныхъ съ Испаніею, и въ сентябрѣ 1725 англійскій посланникъ устроилъ союзъ между Англіею, Франціею и Сардиніею противъ замысловъ испанскаго правительства.

По разсчету маркизы де При, управлявшей Франціею, Франція нанесла Испаніи тяжелую обиду. Молодой король Лудовикъ XV былъ уже обрученъ съ испанскою принцессою; но маркиза искала ему жены, которая совершенно зависѣла бы отъ нея, и нашла подходящую невѣсту. То была Марія, дочь Станислава Лещинскаго, котораго Карлъ XII сдѣлалъ нѣкогда королемъ польскимъ и который жилъ теперь на французской пенсіи въ Эльзасѣ. Дочь короля испанскаго уже нѣсколько лѣтъ жила въ Парижѣ, какъ невѣста Лудовика XV: вдругъ ее отослали въ Испанію и осенью 1725 повѣнчали Лудовика на Маріи Лещинской; но между тѣмъ употреблялись всевозможныя средства, чтобы успокоить гнѣвъ короля испанскаго, котораго такъ сильно обидѣли. Это дѣло много помогло успѣху хлопотъ Рипперды въ Вѣнѣ.

Новая королева французская была, подобно отцу, преданная слуга іезуитовъ; все время было у нея занято машинальнымъ богомольствомъ, и она не вмѣшивалась въ государственныя дѣла; притомъ отецъ поставилъ ей въ святой долгъ слѣпую преданность герцогу Бурбонскому и маркизѣ де При. Чрезъ это она впуталась въ интригу противъ бывшаго учителя своего мужа, епископа (впослѣдствіи кардинала) Флери, который, имѣя большое вліяніе на короля, сдѣлался опасенъ для герцога Бурбонскаго. Флери былъ при дворѣ единственный человѣкъ, заслуживавшій уваженіе и лично расположенный къ Лудовику. Это поняла даже холодная душа Лудовика, и король такъ привыкъ къ Флери, что не могъ обходиться безъ этого кроткаго, льстиваго и практичнаго совѣтника, нелюбившаго блеска и рѣзкости ни въ дурномъ, ни въ хорошемъ. Сначала Лудовикъ имѣлъ привязанность къ женѣ; поэтому герцогъ Бурбонскій вздумалъ сдѣлать ее своимъ орудіемъ для удаленія Флери; интрига эта не удалась; герцогъ Бурбонскій былъ за нее удаленъ отъ двора, а Флери получилъ неограниченную власть, которую сохранилъ въ теченіе 20 лѣтъ.

Одинъ Флери могъ прекратить вражду испанскаго двора къ французскому и возстановить разрушенное согласіе между двумя линіями Бурбонской династіи. Обстоятельства очень помогли Флери въ этомъ дѣлѣ. Австрія требовала съ Испаніи большихъ суммъ, говоря, что ей онѣ необходимы на исполненіе договора своего съ Рипердой; не получивъ денегъ, она стала стараться низвергнуть Рипперду, и въ маѣ 1727 онъ былъ принесенъ въ жертву вѣнскому кабинету. Низвергнувъ его, Австрія стала предлагать Испаніи тѣснѣйшую дружбу, обѣщаясь помочь ей отнять у англичанъ Гибралтаръ. Испанцы осадили Гибралтаръ и потерпѣли большую неудачу. Тутъ Флери явился посредникомъ и примирителемъ. Въ маѣ 1727 онъ устроилъ миръ между Испаніею и Англіею; потомъ успѣлъ успокоить гнѣвъ и оскорбленное чувство чести испанскаго двора, давъ ему удовлетвореніе, которое ничего не стоило ни Лудовику, ни Франціи. Въ Суассонѣ состоялся конгрессъ; Елисавета, управлявшая Испаніею вмѣсто своего мужа, видѣла, что Австрія склоняется отъ всѣхъ своихъ обѣщаній; поэтому она разорвала дружбу съ императоромъ и 9 ноября 1729 заключила въ Севильѣ трактатъ съ Англіею, Голландіею и Франціею. Эти державы поручились, что старшій сынъ Елисаветы получитъ Парму, Пьяченцу и Тоскану, и тутъ же въ подробностяхъ было опредѣлено, какимъ образомъ должны быть пріобрѣтены ему эти владѣнія. Черезъ два года англійскій флотъ перевезъ испанскія войска въ Италію, чтобы они заняли тамъ обѣщанныя принцу области.

Короля Георга I Англійскаго тогда уже давно не было въ живыхъ; онъ умеръ въ 1727, и его мѣсто занялъ сынъ его, Георгъ II. Характеръ правленія остался прежній; Робертъ Вальполь, еще при Георгѣ I успѣвшій возвратить себѣ прежнюю власть, сохранилъ ее и правилъ Англіей до 1742. Матеріальное благосостояніе англійской націи увеличивалось и при второмъ королѣ ганноверской династіи; торговля, промышленность и всѣ житейскія искуства развивались тогда въ Англіи по мѣрѣ того, какъ упадали въ Голландіи. Но этими успѣхами Англія была обязана не королямъ, не министрамъ и не парламенту, а естественному ходу вещей и своимъ политическимъ учрежденіямъ, ставившимъ ея гражданскую жизнь въ независимость отъ правительства и парламента. Короли Георгъ I и Георгъ II держались не англійской, а ганноверской политики; министры постоянно хлопотали о своихъ или о личныхъ королевскихъ дѣлахъ, а парламентъ былъ орудіемъ аристократіи, въ рукахъ которой находился. Министръ

Георга I, Вальполь, былъ могущественнѣйшимъ лицомъ государства не потому, чтобы въ самомъ дѣлѣ былъ способенъ управлять Англіею, а потому, что былъ мастеръ въ парламентской тактикѣ и отлично умѣлъ подкупать. Онъ и его братъ, Орасъ Вальполь, дѣйствовали въ союзѣ съ герцогомъ Ньюкестлемъ и его братомъ, Пельгамомъ. Пельгамъ былъ имъ нуженъ по своимъ талантамъ, а Ньюкестль—по вліянію, которое давало ему его огромное богатство и потому, что онъ былъ владѣлецъ многихъ мѣстечекъ, посылавшихъ депутатовъ въ нижнюю палату. Эти четверо человѣкъ были совершенно схожи между собою по легкомыслію, по отсутствію нравственныхъ правилъ и по разврату; но Робертъ Вальполь былъ гораздо выше остальныхъ дарованіями; Пельгамъ былъ ближе всѣхъ къ нему тѣми качествами, отъ которыхъ въ Англіи зависѣло возвышеніе государственнаго человѣка до послѣдней парламентской реформы; впослѣдствіи Пельгамъ игралъ первую роль. Вліяніе герцога Ньюкестля составляетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ примѣровъ того, какъ Англія до недавняго времени была подчинена аристократамъ. Онъ былъ невѣжда, человѣкъ безразсудный, все путавшій, неспособный къ дѣламъ; но только потому, что располагалъ многими мѣстечками, онъ долгое вре я былъ (номинально) главою министерства, и такіе даровитые люди, какъ Робертъ Вальполь и лордъ Чатамъ, должны были подчиняться ему, потому что безъ него не могли бы удержаться въ министерствѣ. Подобные богатые вельможи, распоряжавшіеся по старинному обычаю голосами народа, давали незнатнымъ людямъ съ талантомъ доступъ къ дѣламъ, почестямъ и богатствамъ только тогда, когда сами были совершенно бездарны.

Робертъ Вальполь сохранялъ власть очень долго, благодаря тому, что съ готовностью услуживалъ личнымъ выгодамъ Георга II и его любовницъ и тому, что королева, имѣвшая большую власть надъ мужемъ, всегда увѣдомляла министра, когда удобно говорить съ королемъ о томъ или другомъ дѣлѣ. Этими способами Вальполь могъ держаться на мѣстѣ, но не могъ ни въ дипломатіи, ни въ войнѣ извлечь для государства важныхъ выгодъ изъ преобладающаго положенія, которое обстоятельства давали въ то время Англіи.

3. Россія при Петрѣ Великомъ и въ первое время послѣ его смерти.

Между тѣмъ какъ западныя государства Европы при плохихъ правительствахъ, все слабѣли и доходили до разстройства, близкаго къ распаденію, Петръ Великій развивалъ силы, лежавшія въ русскомъ народѣ, и создавалъ въ Европѣ новую державу, сильную и въ дипломатіи, и въ войнѣ. Онъ сталъ превращать Россію изъ азіатскаго государства въ европейское, желая не только ввести ее въ Европу, но и поставить ее на первое мѣсто въ Европѣ, хотѣлъ раскинуть сѣть русской политики и надъ Азіею, и надъ Европою; онъ дѣлалъ это автократически, деспотически и очень часто жестокими средствами; но, полусознательно, полу-безсознательно, онъ поступалъ съ русскимъ здоровымъ, энергическимъ, ловкимъ племенемъ, понимавшимъ тогда только еще одни матеріальные интересы, сообразно его славянской натурѣ; онъ гналъ его къ цивилизаціи отчасти своимъ примѣромъ, отчасти кнутомъ и страхомъ эшафота. Всѣ реформы, имъ задуманныя и исполненныя, кромѣ одного только пристрастія его къ морскому дѣлу, были совершенно въ духѣ и въ истинномъ интересѣ его народа. Правда и то, что духовныхъ интересовъ и идеальныхъ стремленій онъ не понималъ, какъ не имѣлъ ни нравственныхъ принциповъ, ни уваженія къ справедливости. Онъ, какъ Наполеонъ, непреклонно достигалъ всякой матеріальной цѣли, которой можно достичь внѣшними средствами, и, подобно Наполеону, терпѣлъ неудачи въ дѣлахъ истинной цивилизаціи, потому что для прочности зданія нужны нравственная сила, нравственная основа и вѣчные принципы.

Самъ Петръ какъ былъ, такъ и до конца остался грубымъ варваромъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ человѣкомъ простымъ, съ неутомимою энергіею заботившимся обо всѣмъ, что имѣетъ практическую пользу. Онъ такъ быстро измѣнилъ весь строй государства; такъ внезапно и насильственно вытѣснилъ азіатскій образъ

жизни русскихъ европейскимъ, что его дворъ и жизнь представляли самые странные контрасты. Въ выборѣ средствъ для своихъ цѣлей онъ былъ очень неразборчивъ, потому что ни въ молодости, ни потомъ не имѣлъ ни случая, ни охоты составить себѣ какое-нибудь понятіе о справедливости, о нравственности и вообще о высшихъ принципахъ жизни. Даже казнь сына казалась ему хорошимъ средствомъ цивилизаціи. Петръ старался воспитать своего сына отъ перваго брака, Алексѣя, такъ, чтобы онъ могъ быть правителемъ; но Алексѣй остался грубъ, неспособенъ и ненавидѣлъ всѣ нововведенія. Въ 1711 Петръ женилъ его на нѣмецкой принцессѣ, но и женитьба не измѣнила его. Наконецъ онъ совершенно поссорился съ отцомъ и, спасаясь отъ его власти, тайно бѣжалъ за границу. Петръ коварствомъ заманилъ его назадъ въ отечество, предалъ суду и велѣлъ приговорить къ смерти. Какъ прославленный римлянами Брутъ, царь пожертвовалъ жизнью своего сына величію своего народа, потому что предвидѣлъ, что при грубомъ и суевѣрномъ Алексѣѣ погибнетъ все созданное имъ. Но смертный приговоръ не былъ исполненъ, и царевичъ умеръ въ темницѣ отъ чрезмѣрнаго пьянства *).

Подобно исторіи почти всѣхъ государственныхъ людей послѣдняго времени, примѣръ Петра доказываетъ, что нравственность и политика—вещи несовмѣстныя. При этомъ печальномъ выводѣ честнаго наблюдателя утѣшаетъ мысль, что благородный человѣкъ самъ не захочетъ покупать величія, прославляемаго и обожаемаго толпою, ея поэтами и ораторами, тою цѣною, которую должны платить герои за славу въ вѣкахъ, за пустой блескъ и мимолетное могущество. Это доказываетъ примѣръ Петра и Наполеона. Петръ былъ похожъ на Наполеона какъ многимъ другимъ, такъ и гнуснымъ умѣньемъ обращать все въ политическое средство. Даже его пирушки и грубыя забавы служили ему для политическихъ цѣлей. Остротами и фарсами въ русскомъ вкусѣ онъ осмѣивалъ на своихъ грубыхъ праздникахъ вещи, которыхъ самъ не любилъ или отъ которыхъ хотѣлъ отучить подданныхъ. Напримѣръ, въ этомъ смыслѣ надобно понимать устроенную имъ свадьбу его шута, Зотова, котораго онъ наименовалъ патріархомъ, а потомъ папою; въ 1721 онъ опять устроилъ публичное осмѣяніе папы и кардиналовъ, когда распространяли слухъ, будто Петръ отмѣнилъ патріаршество, потому что находится въ сношеніяхъ съ папою.

Заботу о постепенной замѣнѣ азіатско-русскихъ нравовъ европейской придворной жизнью и роскошью Петръ предоставилъ своей супругѣ, Екатеринѣ, умѣвшей довольно хорошо усвоить себѣ манеры сословія, къ которому не принадлежала по происхожденію. Самъ онъ остался съ животными нравами и образомъ жизни. Особенно онъ былъ до конца жизни преданъ страшной страсти къ пьянству. На своихъ пирахъ онъ принуждалъ всѣхъ, даже дамъ и иностранныхъ пословъ, пить безъ мѣры, такъ что многіе даже умирали отъ этого; напримѣръ, на праздникѣ по случаю свадьбы своей племянницы съ герцогомъ Курляндскимъ онъ принудилъ герцога пить такъ много, что герцогъ черезъ недѣлю отъ этого умеръ. Внѣшность Петра совершенно соотвѣтствовала его дѣятельности, обращенной исключительно на то, что имѣетъ практическую пользу. Онъ презиралъ всякій блескъ и пышность. Домашнее его платье было изъ грубаго холста; ножи и вилки у него были съ деревянными черенками; человѣкъ 10 или 12 молодыхъ людей, да 10 или 12 гренадеровъ составляли весь его придворный штатъ; весь расходъ на дворъ Петра простирался не свыше тысячъ 60 р. въ годъ. Всему остальному соотвѣтствовала и табель о рангахъ, введенная Петромъ: онъ установилъ 16 классовъ чиновъ; въ нихъ считались только люди, отправлявшіе государственную службу; не служащіе сыновья самыхъ важныхъ вельможъ оставались безъ чиновъ.

Наказанія у него были варварскія. Почти каждый день при дворѣ Петра слышалось о смертныхъ казняхъ, изувѣченіяхъ, сѣченіи кнутомъ. Императоръ собственными руками не только отпускалъ палочные удары, но даже исправлялъ должность палача. Отсутствіе чувства чести и варварство Петръ преслѣдовалъ

---

*) Мы не рѣшаемся поправить автора даже тамъ, гдѣ онъ очевидно ошибается, какъ во многомъ, что касается русской исторіи. Свѣдущій читатель самъ замѣтитъ эти промахи.

безчеловѣчіемъ и беззаконною строгостью. Разумѣется, такими средствами онъ могъ создать промышленность и разныя мастерства, ввести порядокъ въ арміи и въ финансахъ, но не могъ искоренить ими безсовѣстность и варварство. Самымъ убѣдительнымъ примѣромъ тому служитъ его генералъ и министръ Меншиковъ, котораго онъ много разъ до полусмерти билъ палкою или штрафовалъ деньгами за его неудержимую, грязную алчность и обманы, но который все-таки продолжалъ безпрестанно попадаться въ самыхъ позорныхъ грабительствахъ. Ужасъ беретъ, когда читаешь, что такого человѣка Петръ считалъ единственнымъ русскимъ, способнымъ понимать и выполнять его намѣренія. Меншиковъ умѣлъ только читать и писать; но, по нынѣшнему выраженію, онъ «выше либеральныхъ предразсудковъ» и былъ человѣкъ совершенно практическій. Потому Петръ прощалъ ему всѣ его грѣхи и сдѣлалъ его первымъ лицомъ въ государствѣ, убѣдившись опытомъ, что замѣнить его некѣмъ. Самъ Петръ находилъ совершенно основательными и законными всѣ свои грубые и варварскіе поступки. Всякій, попавшій къ его двору, долженъ былъ подчиняться всѣмъ его капризамъ и прихотямъ, которыя впрочемъ большею частью имѣли полезную цѣль. Напримѣръ, однажды въ Петергофѣ, онъ заставилъ своихъ гостей,—въ томъ числѣ и иностранныхъ пословъ,—отрезвиться послѣ обѣда рубкою деревъ, которыя ему дѣйствительно нужно было вырубить. Онъ былъ совершенно убѣжденъ, что все, что онъ дѣлаетъ—хорошо и честно. Въ этомъ онъ былъ такъ убѣжденъ, что однажды, собственноручно рубя головы стрѣльцамъ, пригласилъ иностранныхъ пословъ также приняться за эту работу и, по его примѣру, исправлять должность палачей.

Мы упомянули объ истребленіи стрѣльцовъ или русскихъ янычаръ. Они подняли возстаніе въ то время, когда Петръ дѣлалъ свое первое заграничное путешествіе (въ 1698), но мятежъ былъ скоро подавленъ. Петръ, узнавъ о немъ, тотчасъ вернулся въ Россію и наказалъ мятежниковъ ужасающимъ образомъ. Едва пріѣхавъ въ Москву, онъ повѣсилъ 2,000 стрѣльцовъ, потомъ казнилъ еще 5,000, причемъ самъ отрубилъ нѣсколько сотъ головъ. Съ такою же жестокостью наказалъ онъ свою сестру Софію, которая играла главную роль въ этомъ мятежѣ. Онъ заперъ ее въ темную тюрьму и передъ единственнымъ окошкомъ каземата выставилъ головы важнѣйшихъ бунтовщиковъ, такъ что Софья до самой своей смерти (въ 1704) имѣла передъ глазами тлѣющіе останки несчастныхъ.

Во второе свое путешествіе Петръ между прочимъ посѣтилъ (въ маѣ 1717) Парижъ, куда Лудовикъ XIV приглашалъ его во время его перваго путешествія. Жизнь царя въ Парижѣ замѣчательна по контрасту между нравами тогдашнихъ французовъ и характеромъ Петра Великаго. Французы рѣшительно неспособны были понимать великихъ качествъ Петра и его дѣятельности, посвященной полезному; тѣмъ больше поражались они его странностью, грубостью и варварствомъ. Въ Парижѣ тогда смотрѣли только на пышность, искусственную образованность, риторическій языкъ, легкомысленное остроуміе,—вещи, которыя для Петра не существовали. Но французы не могли тогда оцѣнить, какъ оцѣнили послѣ революціи, то, что возвышало Петра при всей его нравственной испорченности, т. е. его энергію и неподдѣльность натуры, заботливость о дѣйствительно полезномъ, неутомимое попеченіе о благѣ народа.

Своею иностранною политикою Петръ создалъ изъ Россіи новую европейскую державу и положилъ основаніе тому огромному вліянію, которымъ съ Екатерины II Россія постоянно пользовалась въ Европѣ. Войною съ Швеціею онъ пріобрѣлъ Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію, Карелію и часть Финляндіи. Его посланникъ повелѣвалъ въ Варшавѣ. Выдавъ свою племянницу за герцога Курляндскаго, онъ пріобрѣлъ для Россіи, какъ послѣ оказалось, и эту провинцію. Въ 1723 онъ вынудилъ у шведовъ обѣщаніе выбрать королемъ его кліента, Адольфа Фридриха, герцога Фридриха IV Гольштинскаго, который намъ знакомъ изъ исторіи Карла XII. Доставивъ этимъ гольштинской партіи силу въ Швеціи, онъ въ слѣдующемъ году съ помощью этой партіи устроилъ трактатъ, заставившій Швецію держаться русской политики. Петръ распространилъ русское вліяніе и на Данію. Онъ старался упрочить силу Россіи въ Германіи, пользуясь тиранствомъ герцога Карла Леопольда Мекленбургскаго. Онъ завелъ сношенія съ Китаемъ, мѣшался въ междоусобныя войны, терзавшія Персію, въ 1723 тремя походами вынудилъ у персидскаго шаха уступку трехъ провинцій и городовъ Дербента и

Баку. Онъ отнялъ, какъ мы уже говорили, у турокъ берега Азовскаго моря. Но обстоятельства не дозволили ему участвовать въ войнѣ турокъ съ венеціянцами, хотя она произошла вслѣдствіе нарушенія карловицкаго мира, касавшагося и Россіи.

Эта война имѣла связь съ прутскимъ походомъ Петра (стр. 24). Успѣхъ, одержанный надъ нимъ, возбудилъ въ туркахъ надежду отнять и у венеціянцевъ острова и города, которые они такъ неохотно уступили имъ по карловицкому миру. Обстоятельства, казалось, благопріятствовали имъ; всѣ христіанскія державы были тогда въ ссорѣ другъ съ другомъ. И дѣйствительно, начавъ войну въ концѣ 1714, турки скоро отняли у венеціянцевъ Морею и два города, остававшіеся за Венеціею на Кандіи. Потерпѣвъ эти потери, венеціянцы назначили своимъ главнокомандующимъ одного изъ лучшихъ генераловъ сѣверной войны и войны за наслѣдство испанскаго престола, графа Шуленбурга, и навербовали 18,000 войска изъ нѣмецкихъ солдатъ, распущенныхъ по окончаніи войны за наслѣдство испанскаго престола. Россія и Польша, участвовавшія въ карловицкомъ мирѣ вмѣстѣ съ Австріею и Венеціею, не могли тогда отмстить за его нарушеніе, и Австрія оставалась единственнымъ государствомъ, отъ котораго венеціянцы могли ждать помощи. Принцъ Евгеній, еще имѣвшій въ Вѣнѣ большую силу, нашелъ, что обстоятельства благопріятны для войны. Но турки предупредили австрійцевъ: въ 1716 великій визирь привелъ на Дунай большую армію. Его походъ кончился также несчастно, какъ и попытка завоевать Корфу, предпринятая турецкимъ флотомъ. Въ августѣ 1716 принцъ Евгеній нанесъ великому визирю полное пораженіе при Петервардейнѣ и потомъ взялъ Темешваръ, единственный венгерскій городъ, остававшійся за турками по послѣднему миру. Шуленбургъ прогналъ турокъ съ большимъ урономъ отъ Корфу и пріобрѣлъ тутъ больше славы, чѣмъ всѣми прежними подвигами своими. Въ слѣдующемъ году принцъ Евгеній разбилъ турокъ подъ Бѣлградомъ; здѣсь, какъ при Петервардейнѣ, австрійцы отняли у нихъ всю артиллерію и весь обозъ, и наконецъ турки должны были сдать цесарцамъ Бѣлградъ. Замыслы Альберони, Карла XII и Петра угрожали тогда общею европейскою войною; эти обстоятельства, а въ особенности появленіе испанскихъ войскъ на островѣ Сардиніи и въ Сициліи (стр. 38) заставили австрійцевъ отказаться отъ дальнѣйшихъ завоеваній; они поспѣшили заключить миръ, по которому вытребовали большія выгоды для себя, но ничего не доставили Венеціи, а одна она не могла продолжать войны. Миръ этотъ, заключенный въ 1718 въ Пассаровицѣ, былъ самый важный изъ всѣхъ трактатовъ, заключенныхъ Австріею съ Турціею. Турки отдали императору, кромѣ Темешвара, Бѣлградъ, Семендрію, часть Сербіи и часть Валахіи. Но венеціянцамъ не были возвращены ни Кандія, ни Морея, и они должны были удовольствоваться нѣсколькими незначительными уступками.

Австрія получила такія выгодныя условія благодаря посредничеству морскихъ державъ; черезъ нѣсколько времени при посредничествѣ Франціи Петръ и султанъ раздѣлили между собою добычу, отнятую у Персіи. Съ австрійцами Петръ до конца жизни былъ въ натянутыхъ отношеніяхъ, потому что между ними было постоянное соперничество. Только по смерти Петра австрійцы успѣли, подкупивъ Меншикова, войти съ Россіею въ тѣсный союзъ, который въ результатѣ оказался для нихъ очень убыточнымъ, а Россіи доставилъ большія выгоды. Онъ оторвалъ Австрію отъ Англіи, а Россіи доставилъ возможность владычествовать въ Польшѣ и подавить черноморскихъ татаръ, независимость которыхъ была первымъ условіемъ безопасности Турціи отъ дальнѣйшихъ предпріятій Россіи.

Петръ умеръ отъ пьянства, отъ котораго умерла и супруга его, пережившая его двумя годами; оба они разстроили свое крѣпкое здоровье развратомъ и другими излишествами. Петръ умеръ въ январѣ 1725, и смерть застигла его такъ быстро, что онъ не успѣлъ распорядиться наслѣдіемъ престола. Онъ былъ недоволенъ Екатериною и Меншиковымъ, потому что ихъ отношенія были подозрительны, и кромѣ того Екатерина сердила его своею чувственностью, а Меншиковъ своими обманами и алчностью; но все-таки онъ думалъ, что слѣдуетъ передать престолъ скорѣе женѣ, чѣмъ малолѣтнему внуку, Петру, сыну Алексѣя; по всей вѣроятности, онъ и объявилъ это въ кругу своихъ приближенныхъ, когда короновалъ свою супругу императрицею (въ 1724). Когда онъ умеръ, смерть

его скрывали, пока Екатерина и Меншиковъ не приняли своихъ мѣръ. Тогда они для формы созвали собраніе сенаторовъ, генераловъ и министровъ. Меншиковъ, будучи фельдмаршаломъ, имѣлъ за себя солдатъ, а при той формѣ правленія, какая была въ Россіи, престолъ держится только солдатами; поэтому голосъ Меншикова рѣшилъ дѣло.

Екатерина I управляла государствомъ нераздѣльно съ Меншиковымъ. При ней былъ сдѣланъ новый шагъ къ присоединенію къ Россіи герцогства Курляндскаго, которымъ владѣла вдова предпослѣдняго изъ герцоговъ Кетлерова дома, племянница Петра, Анна. Курляндское рыцарство всячески старалось отвратить это соединеніе при помощи Польши; Австрія косвеннымъ образомъ поддерживала Россію. Еще до курляндскаго дѣла, въ 1726, Австрія въ угоду Россіи гарантировала права герцога Гольштинскаго, Адольфа Фридриха, на шведскій престолъ и заключила съ Россіею союзъ, по которому каждая изъ этихъ державъ обязывалась посылать другой въ случаѣ войны 30,000 вспомогательнаго войска; кромѣ того Россія приступила къ союзу Австріи съ Испаніею, устроенному Риппердою.

Ранняя смерть императрицы (въ 1727), повидимому, совершенно предала Россію въ руки Меншикова. Преемнику Екатерины, Петру II, не было еще 12 лѣтъ, а Екатерина оставила распоряженіе, чтобы Меншиковъ былъ предсѣдателемъ въ совѣтѣ регентства и чтобы молодой императоръ женился на его дочери. Завѣщаніе Екатерины постановляло, чтобы дѣла рѣшались совѣтомъ регентства по большинству голосовъ; но Меншиковъ не посмотрѣлъ на это и захватилъ себѣ всю власть. Однако его владычество было непродолжительно: онъ раздражилъ всѣхъ своею грубою надменностью и оскорблялъ самого императора. Неудовольствіе императора дало возможность низвергнуть Меншикова; это сдѣлала фамилія Долгорукихъ, одинъ членъ которой засѣдалъ въ совѣтѣ регентства. Въ сентябрѣ 1727 Меншиковъ былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ черезъ два года умеръ. Тогда стали господствовать Долгорукіе, и, казалось, что Россія забыла европейскія дѣла, чтобы заниматься только своими. Петръ II перенесъ резиденцію опять въ Москву, выказывалъ склонность къ старымъ русскимъ обычаямъ и обручился съ русскою дѣвицею, княжною Долгорукою. Но въ январѣ 1730 онъ умеръ, и его ранняя смерть возвратила Россію къ прежней политикѣ.

Долгорукіе хотѣли сначала возвести на престолъ свою родственницу, невѣсту императора; но это неудалось. Тогда они заодно съ другими членами верховнаго совѣта приняли отважное намѣреніе раздѣлить между собою верховную власть, и орудіемъ для этого выбрали вдовствующую герцогиню Курляндскую, Анну, племянницу Петра Великаго. Они предложили ей императорскій санъ съ условіемъ, что она предварительно подпишетъ избирательную грамату, составленную верховнымъ совѣтомъ. Въ силу этой граматы, императрица обязывалась не начинать войны и не заключать мира безъ согласія верховнаго совѣта, не установлять безъ его согласія новыхъ налоговъ и не раздавать важныхъ должностей; не подвергать дворянъ смертной казни безъ суда и не конфисковать ихъ имѣній; не распоряжаться государственными имуществами, не вступать безъ согласія сената во второй бракъ и не назначать себѣ преемника. Итакъ, Долгорукіе и ихъ товарищи хотѣли присвоить себѣ всю правительственную власть. Но они попались въ собственныя сѣти. Они отправили депутацію съ избирательною граматою къ Аннѣ въ Митаву. Но еще до отъѣзда этой депутаціи одинъ изъ ихъ противниковъ, Ягужинскій, поспѣшилъ въ Курляндію и посовѣтовалъ герцогинѣ безусловно принять избирательную грамату, чтобы потомъ уничтожить ее. Анна приняла его совѣтъ, и тотчасъ по пріѣздѣ императрицы въ Москву Долгорукіе могли замѣтить, что противъ нихъ что-то затѣвается; въ противность одному изъ условій избирательной граматы, Анна привезла съ собою въ Москву любовника, фонъ Бюрена или, какъ онъ потомъ назвалъ себя, Бирона. Чтобы придать нѣсколько законный видъ задуманному перевороту, императрица немедленно по своемъ пріѣздѣ созвала многочисленное собраніе людей, которыхъ сама выбрала, но которые называли себя уполномоченными отъ дворянства и войска. Она спросила ихъ, по ихъ ли волѣ ограничена императорская власть. Они единодушно отвѣчали «нѣтъ». Анна прикинулась чрезвычайно изумленной, что ее безъ воли дворянства и войска подчинили условіямъ избирательной граматы, при всѣхъ разорвала ее и объявила самодержавіе возстановленнымъ. Дѣло это

удалось безъ затрудненія, потому что гвардія была противъ аристократической формы правленія. Потомъ Долгорукіе стали было снова оправляться, но тогда фаворитъ императрицы, Биронъ, сослалъ ихъ въ Сибирь.

Анна умерла въ 1740. Во все время ея царствованія истиннымъ владыкою Россіи былъ Биронъ, ея любовникъ. Онъ былъ человѣкъ неспособный и грубый, но помощниками его были два дѣльные человѣка, которые собственно и завѣдывали правительственными дѣлами. Эти люди, оказавшіе тогда Россіи очень большія услуги, были нѣмцы Минихъ и Остерманъ. Минихъ, ольденбургскій дворянинъ, отличился еще въ испанской войнѣ, а Остерманъ, сынъ вестфальскаго священника, пріѣхалъ въ Россію еще при Петрѣ и уже тогда доказалъ свои способности по административнымъ и государственнымъ дѣламъ. Остерманъ при Аннѣ главнымъ образомъ занимался иностранными дѣлами; Минихъ совершенно пересоздалъ русскую армію, занимался постройкою каналовъ и дорогъ. Онъ обратилъ русскія силы на поляковъ, татаръ и турокъ, на счетъ которыхъ пріучилъ новую армію къ войнѣ и, безпощадно жертвуя людьми, приготовилъ войско къ борьбѣ съ европейскими государствами.

4. Война за наслѣдство польскаго престола.

Императоръ Карлъ VI былъ послѣдній мужской потомокъ Габсбургскаго дома; поэтому задолго до конца своего царствованія онъ задумалъ обезпечить наслѣдство своей дочери, Маріи Терезіи, покрывъ подписями листъ бумаги. Впрочемъ тогда почти все дѣлалось дипломатическими переговорами и договорами. Въ 1724 онъ обнародовалъ подъ именемъ прагматической санкціи распоряженіе, которымъ назначалъ свою дочь наслѣдницею всѣхъ своихъ владѣній. Потомъ онъ сталъ хлопотать, чтобы европейскія державы приняли этотъ актъ. Конечно, тутъ встрѣчались затрудненія, и только споръ за Парму и Пьяченцу, а потомъ война за наслѣдство польскаго престола доставили и успѣхъ плану императора.

Отъ Франціи, Испаніи, Англіи Карлъ VI не могъ получить признанія своей дочери наслѣдницей иначе, какъ согласившись, чтобы испанскія войска заняли Парму, Пьяченцу и Тоскану: послѣдній государь Пармы и Пьяченцы изъ дома Фарнезе умеръ въ январѣ 1731, а тосканская династія должна была также скоро прекратиться; Елисавета Испанская требовала, чтобы эти владѣнія были отданы ея сыну, донъ Карлосу. Когда Карлъ согласился, испанскія войска заняли ихъ (въ 1732). Но Испанія послала туда гораздо больше войска, чѣмъ нужно было для одного этого предпріятія; поэтому возникли новыя затрудненія. Франція также нашла опаснымъ, что Карлъ обручилъ свою дочь съ герцогомъ Францемъ Стефаномъ Лотарингскимъ; черезъ это Австрія должна была современемъ пріобрѣсти провинціи, входившія въ глубину Франціи. Кромѣ того курфирсты саксонскій, баварскій и пфальцскій предъявили права на наслѣдство послѣ императора и протестовали противъ прагматической санкціи. При такомъ положеніи дѣлъ для всей Европы было важнымъ событіемъ, что въ февралѣ 1733 умеръ король польскій Августъ II: споръ за польскій престолъ послужилъ поводомъ къ новымъ ссорамъ и къ новымъ дипломатическимъ переговорамъ.

Августъ II давно разстроилъ свое каменное здоровье безпутною жизнію; поэтому заранѣе ждали, что онъ скоро умретъ, и кабинеты уже принимали свои мѣры на этотъ случай. Франція хотѣла возвести на польскій престолъ прежняго короля, Станислава Лещинскаго, тестя Лудовика XV; Россія и Австрія всѣми средствами старались отклонить это и доставить польскую корону наслѣдному принцу саксонскому, Фридриху Августу II, или, по его польскому титулу, Августу III; но онѣ требовали отъ него за эту помощь пожертвованій. Россія хотѣла присоединить къ своимъ владѣніямъ герцогство Курляндское, въ которомъ скоро должна была прекратиться династія Кетлера, и по законамъ герцогство должно было возвратиться къ Польшѣ, потому что было ея леномъ. Австрія хотѣла, чтобы Августъ подписалъ прагматическую санкцію, которую саксонская династія отвергала. Молодой курфиртъ или, лучше сказать, графъ

Брюль, безгранично господствовавшій его именемъ, согласился на оба эти требованія, и тогда Россія и Австрія обѣщали курфирсту помощь. Онѣ хитро убѣдили короля прусскаго оставаться простымъ зрителемъ выборовъ польскаго короля. Англія также бездѣйствовала, потому что тогда была опять въ дружбѣ съ Австріею, разойдясь съ Франціею; притомъ министры Георга II вѣчно думали только о сохраненіи своихъ мѣстъ и были постоянно въ затрудненіи между разногласными желаніями короля и народа.

Три русскія арміи явились на польскихъ границахъ; австрійскія войска также дѣлали угрожающія движенія. Но Станиславъ Лещинскій, поддерживаемый Франціею, пріѣхалъ въ Польшу съ деньгами и даже съ нѣсколькими баталіонами. Большинство польскаго дворянства по французскому вліянію и по старинному предпочтенію выбрало Станислава королемъ; но приближеніе русскихъ войскъ скоро заставило его уѣхать изъ Варшавы. Онъ поспѣшилъ въ Данцигъ, гдѣ было не такъ легко отрѣзать его отъ Франціи, и тамъ ожидалъ обѣщанныхъ французскихъ войскъ. Меньшинство дворянства 5 октября 1733 выбрало королемъ Августа; 50,000 русская армія пошла на Данцигъ и блокировала его. Франція выместила на нѣмецкомъ императорѣ оскорбленіе, нанесенное русскими тестю французскаго короля. 21 октября французы заключили союзъ съ Испаніею и Сардиніею и послали всѣ арміи въ Германію, а третье войско, состоявшее изъ французовъ, испанцевъ и сардинцевъ, двинулось въ то же время на Неаполь и Ломбардію. Въ Испаніи флотъ былъ тогда возстановленъ дѣятельностью министра Патиньо, который даже успѣлъ устроить и хорошую армію, силою до 80,000 человѣкъ.

Въ неаполитанскихъ областяхъ населеніе преднамѣренно держали въ невѣжествѣ, почти варварскомъ, и потому оно выказало тупое равнодушіе ко всѣмъ событіямъ, а императорскіе чиновники принимали нелѣпыя мѣры, одна другой противорѣчившія. Вслѣдствіе этого неаполитанскія провинціи были въ нѣсколько мѣсяцевъ завоеваны испанцами. Къ половинѣ слѣдующаго (1734) года испанцы овладѣли и всею Сициліею. Такая же неудача постигла императора въ Ломбардіи, потому что управленіе, войско и финансы были тамъ такъ же плохи, какъ въ Неаполѣ и Сициліи. Французы и сардинцы, почти не встрѣчая сопротивленія, заняли въ началѣ 1734 все герцогство Миланское; австрійцы остались только въ миланской цитадели и въ фортѣ Пиццигеттоне. И въ нѣмецкой имперіи отъ прирожденныхъ ей старыхъ грѣховъ произошли обыкновенныя для нея бѣды. Курфирстъ баварскій продался Франціи, чтобы впослѣдствіи съ чужеземною помощью овладѣть наслѣдствомъ Карла VI, на которое претендовалъ. Курфирсты майнцкій, кельнскій и пфальцскій также были въ союзѣ съ французами. Курфирстъ ганноверскій и король прусскій были въ жестокой враждѣ между собою. Въ Германіи, по обыкновенію, не было ни энергіи, ни единства. Французы были уже въ нѣмецкихъ земляхъ, заняли Лотарингію и крѣпость Кель, а имперія все еще не собралась объявить имъ войну. Наконецъ войну объявили, но не раньше какъ въ мартѣ 1734. Выставлена была имперская армія; но она, по обыкновенію, была составлена изъ плохихъ солдатъ, плохо вооруженныхъ, а команду надъ ней получилъ одряхлѣвшій и отупѣвшій принцъ Евгеній, который постыдно подчинялся своей любовницѣ, графинѣ Батіани; притомъ онъ потерялъ вліяніе при императорскомъ дворѣ, который уже не слушалъ его совѣтовъ. Утѣшительнымъ исключеніемъ изъ всеобщаго равнодушія къ чести и благу отечества являлся тогда Фридрихъ Вильгельмъ I Прусскій. Онъ отличался отъ всѣхъ другихъ нѣмецкихъ государей своимъ патріотизмомъ, послалъ въ имперскую армію хорошія войска и самъ пріѣхалъ къ ней съ наслѣднымъ принцемъ. Но его примѣру никто не послѣдовалъ. Имперская армія не могла даже защитить Филиппсбурга, и французы взяли его, а она отступила; нѣмецкій народъ не принималъ никакого участія въ войнахъ своихъ государей; поэтому Германія была принуждена искать помощи у чужестранцевъ. Имперія обратилась къ Россіи; въ Германію явилось 18,000 русскихъ; 10,000 изъ нихъ въ маѣ 1735 пришли на Рейнъ.

Гораздо раньше того, въ іюлѣ 1734, сдался Миниху Данцигъ, гарнизонъ котораго былъ усиленъ нѣсколькими тысячами французовъ. Станиславъ Лещинскій бѣжалъ въ Пруссію, откуда пріѣхалъ во Францію. Данцигъ за вѣрность своему законному королю долженъ былъ заплатить тяжелую контрибуцію, а Ми-

нихъ разставилъ свою армію въ Польшѣ. Вскорѣ начались тайные переговоры между Франціею и Австріею, чему очень содѣйствовало появленіе русскаго войска на Рейнѣ. Съ іюня 1735 кардиналъ Флери и императоръ вступили въ прямыя сношенія между собою; 22 августа главный вопросъ былъ рѣшенъ; 3 октября были подписаны въ Вѣнѣ предварительныя условія мира, но только 1 декабря было заключено перемиріе. Предварительныя условія передѣлывались два раза и только въ ноябрѣ 1738 обращены были въ окончательный мирный договоръ. По предварительнымъ условіямъ, Станиславу Лещинскому возвращены были его польскія помѣстья и оставленъ королевскій титулъ. Зять Карла VI, Францъ Стефанъ, долженъ былъ уступить ему герцогство Лотарингское, и было опредѣлено, что по смерти Станислава оно присоединится къ Франціи (Станиславъ умеръ въ 1766). Взамѣнъ своего герцогства Францъ Стефанъ немедленно получилъ Парму и Пьяченцу, а по смерти послѣдняго Медичи и—Тоскану (она досталась Францу уже въ 1737). Испанскій принцъ донъ Карлосъ былъ вознагражденъ за потерю этихъ земель тѣмъ, что Карлъ VI уступилъ ему королевство неаполитанское съ Сициліею. Король сардинскій, разсчитывавшій было получить герцогство Миланское, долженъ былъ удовольствоваться Новарою и Тортоною; кромѣ того потомъ ему дали еще 57 имперскихъ леновъ, сосѣднихъ съ его владѣніями.

5. Война Россіи и Австріи съ Турціею при Аннѣ и Карлѣ VI.

Австрія и Россія поддерживали курфирста саксонскаго въ войнѣ за польское наслѣдство, но одна Россія получила выгоду отъ этой войны. Война усилила ея могущество, пріучила къ военному дѣлу ея армію, поставила Польшу въ большую зависимость отъ нея. Первымъ результатомъ подчиненія Польши волѣ Россіи было то, что всесильный фаворитъ Анны, грубый, неспособный ни къ какому серьезному дѣлу Биронъ, былъ выбранъ въ 1737 курляндскимъ рыцарствомъ въ герцоги, а въ 1739 признанъ въ этомъ санѣ польскимъ королемъ и сенатомъ. Россія усилилась войною за польское наслѣдство, а Австрія потеряла вслѣдствіе ея часть своихъ владѣній. Другимъ несчастіемъ для Австріи было то, что по смерти принца Евгенія (въ 1736) въ ней водворилась прежняя путаница и вялость. Императоръ Карлъ VI сталъ совершенно хилъ; зять его, Францъ Стефанъ былъ человѣкъ добродушный и хорошій хозяинъ, но неспособный ни къ политическимъ, ни къ военнымъ дѣламъ. Дочь и наслѣдница Карла VI, не смотря на свою молодость, держалась въ политикѣ своей системы, несогласной съ политикою отца и его министровъ. Министры были несогласны между собой и часто дѣйствовали прямо въ противность намѣреніямъ императора и его приближенныхъ. Въ придворномъ военномъ совѣтѣ и между генералами былъ такой же раздоръ. Какъ занимались военною частью, можно заключить изъ слѣдующаго факта: государь маленькаго прусскаго королевства довелъ свою армію по крайней мѣрѣ до 70,000 человѣкъ, а Австрія, которая была несравненно больше Пруссіи, имѣла въ 1726 только 125,000 человѣкъ. Финансы были въ самомъ печальномъ состояніи: по дурному устройству финансоваго управленія доходовъ получалось очень мало, да изъ тѣхъ очень много расходилось по рукамъ придворныхъ сановниковъ, служителей и монаховъ. О безкорыстіи и жертвованіи своими разсчетами для общаго блага нельзя было и заикнуться, если желать считаться солиднымъ человѣкомъ, которому можно поручать дѣла. При такомъ положеніи дѣлъ Австрія, разумѣется, не могла получить ничего кромѣ вреда себѣ, принявъ участіе въ войнѣ, которую русскіе начали съ турками въ 1736.

Биронъ хотѣлъ употребить на пріобрѣтеніе завоеваній русскую армію, которая была отлично устроена Минихомъ, имѣла офицеровъ всѣхъ націй и превосходную артиллерію. Онъ уговорилъ императрицу Анну отмстить туркамъ за стыдъ прутскаго мира (стр. 25). Минихъ и Остерманъ напрасно противились этому. Найти предлогъ было легко: вассалъ Турціи, ханъ черноморскихъ татаръ, никогда не могъ совершенно остановить набѣговъ своихъ кочевыхъ ордъ на русскія степи. Война началась въ апрѣлѣ 1736. Главнокомандующимъ былъ Минихъ. Одна изъ партій, интриговавшихъ при вѣнскомъ дворѣ, успѣла до-

биться, чтобы императоръ, не ограничиваясь посылкою 30,000 вспомогательнаго войска по договору 1726 (стр. 44), самъ объявилъ войну Турціи.

Эта война была чрезвычайно гибельна для Австріи вслѣдствіе внутренняго разстройства этого государства. Австрійцы выставили три арміи: одною командовалъ графъ фонъ Зекендорфъ, другою принцъ Гильдбурггаузенскій, третьею графъ фонъ Валлисъ. Зекендорфъ отличался только машинальною набожностью и приверженностью къ правовѣрному лютеранскому ученію, да гнусною алчностью, плутовствомъ и грабительствомъ; за это его всѣ ненавидѣли, и притомъ, какъ лютеранинъ, онъ былъ подозрителенъ австрійцамъ. Вдобавокъ при его арміи находился супругъ наслѣдницы престола, и онъ долженъ былъ оказывать ему всякія почести и знаки уваженія; кромѣ того тутъ были генералы Кевенгюллеръ и Вурмбрандъ. Кевенгюллеръ, вицепрезидентъ придворнаго военнаго совѣта, самъ надѣялся попасть въ главнокомандующіе, считалъ себя обиженнымъ, дѣлалъ все по своему, а Зекендорфъ былъ принужденъ щадить его; Вурмбрандъ же до такой степени не годился въ командиры, что самъ Зекендорфъ говоритъ въ письмѣ къ одному изъ приближенныхъ императора: онъ никогда въ жизнь свою не выучится командовать и однимъ крыломъ, не то что обоими. Главнокомандующій другой арміи, принцъ Гильдбурггаузенскій, уже въ войнѣ за польское наслѣдство доказалъ свою бездарность множествомъ ошибокъ; притомъ и въ его арміи господствовалъ раздоръ. Князь Эстергази, бывшій его помощникомъ по званію бана кроатскаго, безпрерывно ссорился съ нимъ. Третій главнокомандующій, Валлисъ, какъ мы увидимъ, много содѣйствовалъ своими ошибками и раздоромъ съ другимъ генераломъ позорному окончанію турецкой войны.

Сначала австрійскія войска прошли далеко въ непріятельскую землю; но когда копошливые турки наконецъ собрались, то отбили ихъ съ большимъ урономъ, и въ слѣдующемъ году австрійцамъ пришлось уже только обороняться, причемъ, ограничиваясь пассивнымъ сопротивленіемъ непріятелю, они потеряли славу, которую доставилъ имъ Евгеній. Но союзники ихъ, русскіе, одерживали побѣды, такъ что имя русской арміи стало грозно и востоку, и западу. Въ 1736 Минихъ пошелъ на Азовъ и въ Крымъ. Этотъ походъ стоилъ ему 30,000 человѣкъ и сопровождался всевозможными ужасами, но доставилъ русскимъ самоувѣренность въ борьбѣ съ турками. Въ слѣдующемъ году Минихъ взялъ между прочимъ Очаковъ; когда онъ возвратился въ Украйну, оставивъ въ Очаковѣ небольшой гарнизонъ, эта горсть русскихъ пристыдила большія арміи нѣмецкаго императора защитою крѣпости противъ непріятеля, гораздо болѣе сильнаго: русскіе не только удержались въ Очаковѣ, но и нанесли туркамъ большой уронъ, простиравшійся до 10,000 человѣкъ. Надобно сказать притомъ, что дѣйствія турокъ въ эту войну были успѣшнѣе прежняго потому, что въ ихъ войскахъ находилось много французскихъ офицеровъ; особенно полезны были имъ совѣты маркиза де Бонваля, ренегата, пользовавшагося у нихъ большимъ вліяніемъ.

Австрійцы свалили всю вину неудачъ на Зекендорфа, потому что онъ былъ протестантъ; его арестовали, предали военному суду и три года продержали подъ арестомъ. Другіе главнокомандующіе остались невредимы. Принцъ Гильдбурггаузенскій и зять императора даже получили важнѣйшія мѣста, въ новой арміи, хотя были гораздо виновнѣе Зекендорфа. Походъ 1738 былъ не удачнѣе прошлогодняго. Также неудачно шли дѣла и въ 1739, когда главнокомандующимъ сдѣлали Валлиса. Помощникомъ его былъ графъ Нейппергъ, находившійся съ нимъ въ сильнѣйшемъ раздорѣ и дѣйствовавшій по инструкціямъ Маріи Терезіи, между тѣмъ какъ Валлисъ слѣдовалъ повелѣніямъ императора. Нейппергу было сказано, чтобы онъ всячески заботился о примиреніи, ибо Марія Терезія хотѣла, чтобы въ случаѣ смерти отца у ней не были связаны руки турецкою войною, если ей придется защищаться отъ претендентовъ на ея наслѣдство. Повинуясь ея волѣ, Нейппергъ съ большею половиною войска не принялъ участія въ сраженіи, когда Валлисъ напалъ на турокъ (22 іюля 1739), и потерпѣлъ жестокое пораженіе. Когда великій визирь осадилъ Бѣлградъ, Нейппергъ вступилъ въ переговоры и, чтобы не перерывать ихъ, мѣшалъ всякому смѣлому дѣйствію. Посредничество при переговорахъ приняли на себя французы, которые давно хлопотали о мирѣ, тревожась успѣхами русскихъ. Зависть австрій-

цевъ къ этимъ успѣхамъ помогла французамъ, убѣждавшимъ ихъ заключить миръ отдѣльно отъ Россіи и оставить за Турціею всѣ ея владѣнія. Опасенія французовъ возбуждались тѣмъ, что русскіе въ 1739 пошли въ Валахію, потомъ неожиданно явились въ Молдавіи, въ августѣ разбили и разсѣяли турецко-татарскую армію, заняли крѣпость Хотинъ, изъ которой весь гарнизонъ убѣжалъ въ паническомъ страхѣ, и взяли потомъ Яссы. Минихъ собирался осадить крѣпость Бендеры, когда узналъ о мирѣ, заключенномъ Нейппергомъ.

Переговоры, предшествовавшіе этому миру, и самый миръ, заключенный въ Бѣлградѣ 18 сентября 1739,—все было такимъ униженіемъ для Австріи, что сравнительно съ нимъ переговоры, предшествовавшіе ульмской капитуляціи Макка въ 1805, и самая капитуляція должны казаться дѣломъ славнымъ, хотя эта капитуляція считается величайшимъ позоромъ, какому когда либо подвергалась Австрія. Чтобы понять возможность такого мира, надобно знать, какой хаосъ господствовалъ въ императорскомъ кабинетѣ и при дворѣ, вслѣдствіе интригъ разныхъ партій; надобно принять въ разсчетъ и то, что между Нейппергомъ и Валлисомъ была зависть и ненависть, и что оба они имѣли одинаковыя полномочія продолжать войну или заключить миръ. Нейппергъ покончилъ переговоры съ великимъ визиремъ въ одинъ мѣсяцъ и заключилъ миръ, не спрашивая согласія Валлиса. Подписывая миръ, онъ даже не далъ себѣ труда сличить текстъ, написанный на трехъ языкахъ, и потомъ оказалось, что статьи, невыгодныя для императора, были неодинаково написаны на разныхъ языкахъ. Всѣ изумились, и больше всѣхъ изумился императоръ, когда узналъ предварительныя условія мира. Но по нимъ Бѣлградъ былъ уже сданъ туркамъ, такъ что императору нельзя было отвергнуть договора. Опрометчивости Нейпперга и Валлиса было уже невозможно поправить, когда въ рукахъ турокъ находилась такая важная крѣпость. Минихъ вышелъ изъ себя, узнавъ о бѣлградскомъ мирѣ. Онъ видѣлъ, что одна Россія не можетъ продолжать войну и что надобно будетъ возвратить туркамъ сдѣланныя завоеванія. Притомъ французы вели переговоры и за Россію и, подкупивъ уполномоченнаго императрицы Анны, итальянца, получили его подпись, скрѣплявшую предварительныя условія; потомъ петербургское правительство утвердило ихъ, какъ ни возставалъ противъ этого Минихъ.

По Бѣлградскому миру Австрія теряла пріобрѣтенія, сдѣланныя Евгеніемъ,—превосходную стратегическую границу и чрезвычайно важную крѣпость. Императоръ возвращалъ туркамъ всю Сербію, австрійскую часть Босніи и Валахіи, крѣпость Бѣлградъ. Россія также была принуждена возвратить крѣпости Хотинъ и Очаковъ, но укрѣпленія Очакова были взорваны. За Россіею остался Азовъ, и была проведена новая граница, дававшая русскимъ возможность при первомъ удобномъ случаѣ расширить свое огромное царство на югъ, на счетъ татаръ и турокъ.

Валлисъ и Нейппергъ были арестованы, какъ прежде Зекендорфъ; но имъ нечего было бояться, потому что они были въ близкихъ связяхъ съ господствующей аристократіей. Черезъ нѣсколько лѣтъ оба они имѣли новыя должности и почести и дѣлали новыя ошибки. Изъ этого, очевидно, слѣдуетъ, что, въ противность софизмамъ нынѣшняго времени, аристократія безъ образованія и заслугъ, считающая высшія должности своею собственностью, не менѣе охлократіи гибельна всякому государству. Это будетъ еще неоспоримѣе, если признать справедливость словъ Гаммера, который въ своей «Исторіи Турціи» опровергаетъ обыкновенное мнѣніе, будто Нейппергъ заключилъ опрометчивый Бѣлградскій трактатъ по тайнымъ инструкціямъ Маріи Терезіи и ея мужа, которые, какъ говорятъ, приказывали ему торопиться прекращеніемъ войны.

6. Нравы и жизнь высшихъ сословій Германіи въ первыхъ десятилѣтіяхъ XVII вѣка.

Изложенные нами факты достаточно знакомятъ читателя съ политическою стороною тогдашней жизни; теперь мы займемся нравами, господствовавшими при дворахъ и между высшими сословіями Германіи въ первое время XVIII вѣка. Мы увидимъ тутъ, съ одной стороны, грубость и варварство, съ другой—искус-

ственность, нравственную порчу, безвкусную роскошь. Саксонскій и прусскій дворы служатъ самыми рѣзкими образцами этихъ двухъ сторонъ. Поэтому мы болѣе всего займемся Пруссіею при Фридрихѣ Вильгельмѣ I и Саксоніею при Фридрихѣ Августѣ I, но скажемъ также и о нѣкоторыхъ другихъ духовныхъ и свѣтскихъ дворахъ Германіи, при которыхъ соединялись обѣ стороны — и грубость, и пустая пышность. Изъ фактовъ, которые мы приведемъ, всякому будетъ очевидно, насколько энергическая масса народа, нравы которой отражались на Фридрихѣ Вильгельмѣ I, масса грубая, но стремящаяся къ развитію, была лучше двора Фридриха Августа I съ его аристократіей, сановниками, артистами и дамами.

Фридрихъ Августъ I Саксонскій (Августъ II Польскій) уже извѣстенъ намъ изъ исторіи сѣверной войны. Онъ былъ, въ противоположность Карлу XII и Петру Великому, только король двора и дворянства, погрязалъ въ скандальномъ развратѣ, высасывалъ кровь изъ своихъ подданныхъ, чтобы расточать ее на пышность и блестящіе праздники. Трудолюбивый саксонскій народъ работалъ въ потѣ лица, а выработанныя деньги шли на то, чтобы курфирстъ затмевалъ всѣ королевскіе дворы пышностью своей придворной жизни и чтобы онъ могъ титуловаться королемъ польскимъ. Саксонцы были обременены безконечнымъ рядомъ налоговъ, и добродушный саксонскій сеймъ соглашался установлять подать за податью, принимать на государство милліонъ за милліономъ долга, чтобы курфирстъ, его фавориты, его любовницы и его многочисленныя побочныя дѣти утопали въ роскоши и сладострастіи. Даже нищета, въ которую Саксонія была повергнута сѣверною войною, не могла склонить расточительнаго короля и его фаворитовъ сколько нибудь сократить свои издержки; напротивъ, король Августъ давалъ пышные придворные праздники одинъ за другимъ въ то самое время, когда отъ войны между трудолюбивыми жителями Рудныхъ горъ свирѣпствовалъ страшный голодъ.

Чтобы дать понятіе о страсти Августа къ пышности и о его расточительныхъ пирахъ, мы приведемъ нѣсколько подробностей въ томъ самомъ видѣ, какъ разсказываетъ ихъ его придворный историкъ, Фасманъ. На одномъ изъ праздниковъ, устроенныхъ по случаю женитьбы его сына и наслѣдника, Августъ нарядился въ брильянты, которые оцѣнивались въ нѣсколько милліоновъ талеровъ. Черезъ нѣсколько времени, давая аудіенцію турецкому посланнику, онъ имѣлъ на себѣ платье, въ которомъ однѣ пуговицы, осыпанныя брильянтами, цѣнились въ милліонъ талеровъ. При женитьбѣ его сына цѣлый мѣсяцъ ежедневно смѣнялись французскія оперы и комедіи охотами и турнирами, карусели маскарадами; тутъ же былъ данъ ночной пикникъ со скачкою; была устроена охота на водѣ, костюмированная ярмарка всѣхъ націй, праздникъ рудокоповъ. На праздникѣ, который Августъ далъ одной изъ своихъ любовницъ, графинѣ К о з е л ь, происходилъ сначала миѳологическій маскарадъ, потомъ дамская скачка, въ которой отличалось множество бывшихъ и будущихъ любовницъ короля; все это было устроено съ большою пышностью и съ огромными издержками. На дамской скачкѣ король датскій былъ кавалеромъ графини Козель, а Августъ ея ассистентомъ съ правой руки. Супруга Августа присутствовала тутъ только какъ зрительница, а на миѳологическій маскарадъ ее не пустили и въ зрительницы. Такіе праздники подробно описывались потомъ въ газетахъ, которымъ только почти и дозволялось говорить, что о подобныхъ вещахъ; мало того, они описывались въ особыхъ толстыхъ томахъ съ гравюрами; а добрый нѣмецкій народъ читалъ эти разсказы, писанные дубовымъ канцелярскимъ слогомъ, и проникался нѣмымъ удивленіемъ къ блеску своихъ государей. Такими-то вещами занимали нѣмецкую публику еще во времена нашихъ отцовъ, и такихъ-то историковъ долженъ былъ читать нѣмецкій народъ. Надобно послушать причины, которыми смѣетъ извинять описатель праздниковъ Фридриха Августа, Фасманъ, подробность своихъ отчетовъ; тогда не станешь дивиться, что нѣмецкая нація не отваживалась защищать своихъ правъ. По словамъ Фасмана, онъ долженъ со всею подробностью описывать церемоніи и праздники, потому что въ нихъ преимущественно выказывается высокій разумъ и превосходный вкусъ его величества короля, который самъ высочайше изобрѣлъ и устроилъ все это.

Дворъ и жизнь короля прусскаго, Ф р и д р и х а В и л ь г е л ь м а I представляли совершенную противоположность жизни, хлопотамъ и вкусамъ почти

всѣхъ тогдашнихъ государей, образцомъ которыхъ является Августъ II Польскій. Фридрихъ Вильгельмъ былъ представителемъ нѣмецкой грубости и невѣжества, но вмѣстѣ съ тѣмъ и представителемъ нѣмецкой честности, энергіи, дѣльности. Простыхъ нѣмцевъ должно было радовать, что есть въ Германіи хотя одинъ энергическій государь, у котораго нѣтъ ни любовницъ, ни всесильныхъ министровъ, ни придворнаго штата; что этотъ государь представляетъ собою идеалъ нѣмецкой грубой дѣльности въ противоположность дурачеству модъ, пустому блеску внѣшностью владѣтельнаго сана, придворному искусству и придворной наукѣ, безполезному ребячеству и мертвой схоластикѣ. Кто познакомится съ характеромъ мелкихъ нѣмецкихъ дворовъ, тотъ съумѣетъ извинить короля, любившаго только правовѣрную теологію, солдатъ и деньги, и отдастъ ему больше справедливости, чѣмъ отдавали его ближайшіе родственники. Фридрихъ Вильгельмъ поступалъ съ своими подданными очень оригинально, какъ съ крѣпостными, и распоряжался своимъ народомъ въ родѣ того, какъ Петръ Великій своими русскими; но взглядъ на нѣмецкіе дворы показываетъ намъ, что тогда повсюду были только рабское низкопоклонство и смѣшное чванство; что дворяне и чиновники презирали народъ; что о народѣ заботился только Фридрихъ Вильгельмъ. Поэтому прежде чѣмъ станемъ говорить о королѣ прусскомъ, покажемъ странный порядокъ, господствовавшій при другихъ нѣмецкихъ дворахъ, и смѣсь роскошно-грубой чувственности съ грубою пошлостью въ чиновническихъ кругахъ.

Начнемъ съ Австріи. Въ исторіи русско-австрійской войны съ турками мы уже видѣли, каково было въ Австріи правительство, и какъ оно вело дѣла; остается сказать нѣсколько словъ объ австрійскомъ дворѣ и аристократіи. Духъ расточительности и сладострастной роскоши господствовалъ и въ Австріи; доказательствомъ можетъ служить путешествіе Іосифа I въ 1702, когда онъ, будучи еще не императоромъ, а только королемъ римскимъ, поѣхалъ на верхній Рейнъ командовать осадою Ландау. Изъ описанія этой поѣздки видно, что австрійскіе государственные доходы поглощались цѣлою арміею придворной прислуги и пышною аристократіей, и становится понятно, что для этого государства, точно также, какъ для Испаніи и для папы, необходимо было невѣжество и суевѣріе народной массы. Іосифъ отправлялся на войну, а въ его свитѣ было не меньше 232 лицъ, и въ томъ числѣ ни одного, которое имѣло бы какое-нибудь отношеніе къ войнѣ. Напримѣръ, тутъ были завѣдующіе рыбою для стола его величества (Fischmeister), три садовника съ помощниками, три завѣдующихъ погребомъ е. в., лейбъ-булочникъ, вице-лейбъ-поваръ, двадцать оберъ и унтеръ-поваровъ. Въ числѣ обоза были фуры съ птицею, фуры съ палатками, фуры лейбъ-истопниковъ и лейбъ-официантовъ, шесть фуръ съ винами, двѣ фуры съ садовническими принадлежностями и т. д. У королевы, сопровождавшей мужа, была свита изъ 170 лицъ, ѣхавшая изъ Вѣны на Рейнъ въ 63 каретахъ и 14 колясках, для которыхъ на каждой станціи нужно было 192 упряжныя лошади и 14 верховыхъ.

Изъ Австріи перейдемъ въ Ганноверъ, чтобы взять нѣсколько фактовъ изъ жизни курфиршескаго дома и его аристократіи. Мы уже говорили о грубомъ незнаніи Георга I языка и правовъ его британскихъ подданныхъ (стр. 35). То же самое надобно сказать о его сынѣ и преемникѣ, Георгѣ II. Оба они были въ домашнемъ кругу непріятны и грубы, и, подобно своимъ вельможамъ, жили по правиламъ, общимъ всей аристократіи. Отецъ и сынъ вѣчно были во враждѣ другъ съ другомъ; изъ этого часто выходили скандальныя сцены; оба они выказывали одинаковую испорченность души и расточительность—качество, господствовавшее почти при всѣхъ дворахъ; оба, кромѣ женъ, имѣли знатныхъ любовницъ, и англійскіе министры почтили нѣкоторыхъ изъ нихъ возведеніемъ въ санъ англійскихъ аристократокъ. Георгъ I развелся съ своею супругою, Софіею Доротеею, принцессою Цельльскою, которая была чистою француженкою и жила въ связи съ графомъ Кёнигсмаркомъ; мужъ сослалъ ее въ Альденъ, гдѣ она всю остальную жизнь содержалась плѣнницею. Это дѣло имѣло покрайней мѣрѣ видъ справедливости. Но замѣчательнѣе, что когда Георгъ захотѣлъ смерти Кёнигсмарка, то нашелъ при своемъ дворѣ людей, которые напали на графа и убили его во время одного изъ его ночныхъ посѣщеній дворца.

Пышность и расточительность ганноверскаго двора видны, напримѣръ, въ бракосочетаніи и въ путешествіи дочери Георга I. Этотъ случай особенно инте-

ресенъ тѣмъ, что въ немъ рѣзко выясняется контрастъ ганноверской и герренгаузенской жизни съ берлинскою, потсдамскою и вустергаузенскою при Фридрихѣ Вильгельмѣ I. Дочь Георга, Софія Доротея, въ 1706 была обручена съ Фридрихомъ Вильгельмомъ, который былъ тогда наслѣднымъ принцемъ прусскимъ. Георгъ I и отецъ Фридриха Вильгельма, Фридрихъ I, старавшійся сравняться съ Августомъ II пышностью и расточительностью, соперничали тутъ въ безумной тратѣ денегъ. Георгъ отправилъ свою дочь въ Берлинъ съ такою огромною свитою, что для нея на каждой ганноверской станціи нужно было заготовить по 520 лошадей. Изъ Берлина послали часть двора на встрѣчу принцессѣ; для этого поѣзда нужно было 350 лошадей, такъ что весь свадебный поѣздъ требовалъ на бранденбургскихъ станціяхъ по 870 лошадей. Для покрытія надобностей кухни и погребовъ берлинскаго двора, провинціи прусскаго королевства были обложены большими поставками; напримѣръ, неймаркская провинція должна была поставить 640 телятъ, 8,702 курицы, и т. д.; провинція Пруссія—100 откормленныхъ быковъ; все это требовалось безъ всякаго вознагражденія.

Ганноверскими министрами при Георгѣ II были фонъ Мюнхгаузенъ, фонъ Альвенслебенъ и фонъ демъ Буше. Нѣмецкіе университеты прославляли Мюнхгаузена, какъ Мецената, и онъ дѣйствительно былъ человѣкъ благородный и хорошій; но фонъ демъ-Буше можно назвать образцомъ аристократическаго министра-деспота; онъ можетъ служить и примѣромъ смѣшенія роскоши и блеска съ грубостью. Эта смѣсь, господствовавшая при нѣмецкихъ дворахъ, выражалась въ его странныхъ выходкахъ и въ скандалахъ, происходившихъ за его столомъ.

Духовные государи были члены аристократическихъ фамилій имперскаго рыцарства; въ званіи епископовъ или аббатовъ они праздно проматывали доходы монастырей и епархій и подати земель, принадлежавшихъ разнымъ религіознымъ учрежденіямъ. У нихъ съ самой отвратительной стороны высказывалось стремленіе поравнять свои дворы съ свѣтскими дворами. Примѣрами могутъ служить дворъ графа фонъ Шёнборна, бывшаго въ 1731 епископомъ вюрцбургскимъ, и дворъ тогдашняго архіепископа кёльнскаго, баварскаго принца Іосифа Клемента. У Шенборна былъ полный придворный штатъ въ Вюрцбургѣ и въ Бамбергѣ; въ Бамбергѣ не меньше, если не больше, 30 каммергеровъ и 16 упряжныхъ каретныхъ лошадей. Его столъ отличался чрезвычайною пышностью и изяществомъ блюдъ; при его дворѣ пили такъ сильно, что разсказываютъ, будто одинъ изъ его министровъ могъ выпивать въ день 10 мѣръ бургонскаго вина и будто при вюрцбургскомъ дворѣ было еще человѣкъ пять или шесть такихъ же героевъ пьянства. Архіепископъ Іосифъ Клементъ Кёльнскій имѣлъ до 150 человѣкъ каммергеровъ. Все у него было устроено на французскій манеръ, и при его дворѣ не говорили иначе, какъ по-французски. Въ аудіенцъ-залѣ этого нѣмецкаго государя стоялъ тронъ, подъ балдахиномъ котораго висѣлъ портретъ папы, и въ нѣмецкомъ кельнскомъ государствѣ папскій нунцій держалъ цѣлый дворъ и канцелярію; кромѣ того каждый годъ онъ пересылалъ въ Римъ на счетъ нѣмцевъ большія суммы для себя и для папы. Эти свѣдѣнія о духовныхъ государяхъ Германіи примиряютъ насъ со всѣмъ, что разсказываютъ про Фридриха Вильгельма. Король прусскій былъ грубъ; но грубость была тогда въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи дѣломъ общимъ; за то у него не было толпы тунеядцевъ; при немъ лизоблюды не могли пожирать хлѣбъ, добываемый тяжелымъ трудомъ подданныхъ, и въ своемъ кругу онъ не терпѣлъ никакого языка и никакихъ обычаевъ, кромѣ нѣмецкихъ.

Изъ остальныхъ нѣмецкихъ дворовъ надобно сказать о виртембергскомъ при герцогахъ Эбергардѣ Лудвигѣ (1693—1733) и Карлѣ Александрѣ (1733—1737). При Эбергардѣ Лудвигѣ страною правила наглая женщина, замаранная всѣми пороками, любовница герцога, г-жа фонъ Гревеницъ, которой онъ предоставилъ всю правительственную власть. Тогда въ Виртембергѣ были введены министры, о которыхъ прежде тамъ не имѣли и понятія; Гревеницъ имѣла наглость сама предсѣдательствовать въ министерствѣ, сдѣлавъ министрами людей, которые согласились на это униженіе. Она продавала должности. Всѣ заслуженные люди были удалены, и дворъ наполнился кліентами Гревеницъ. Ни денегъ, ни кредита не было; однако на счетъ бѣдной

страны сдѣлали Лудвигсбургъ прекраснымъ городомъ. Страсть герцога къ охотѣ приносила странѣ огромный убытокъ; о немъ можно судить потому, что однажды, въ холодную зиму, отъ мороза погибло не менѣе 7,000 штукъ красной дичи. Правительница отличалась страстью къ игрѣ, алчностью, отвратительною скупостью, самымъ низкимъ развратомъ и неслыханнымъ безстыдствомъ. Приближенные ея и герцога были такіе люди, что трудно понять, какъ могла сохраниться въ виртембергскомъ народѣ честность и прямодушная привѣтливость, которою онъ отличается. Штутгардской консисторіи надобно отдать честь, что она имѣла мужество твердо противиться Гревеницъ. Когда имя Гревеницъ хотѣли внести въ эктенію, прелатъ Озіандеръ отвѣчалъ, что о ней уже поминаютъ, когда, читая «Отче нашъ», произносятъ слова «Избави насъ отъ лукаваго».

При Карлѣ Александрѣ было еще хуже, чѣмъ при Эбергардѣ Лудвигѣ. Герцогъ, служившій прежде въ австрійской службѣ и обратившійся въ католичество, думалъ только о веселостяхъ, роскоши и деньгахъ. Съ нимъ пріѣхалъ въ Виртембергъ еврей Зюссъ Оппенгеймеръ, который доставалъ ему денегъ и занялъ въ управленіи мѣсто Гревеницъ. Гревеницъ была тотчасъ выслана изъ Виртемберга; противъ нея и ея сообщниковъ начали процессъ; но прежніе кровопійцы скоро помирились съ новыми, давъ имъ денегъ. Администрація была предоставлена Зюссу, какъ товаръ, который онъ продавалъ съ аукціона. Онъ и плуты его компаніи продавали всѣ должности по таксѣ. Они продавали также милости, произвольно брали штрафы съ виноватыхъ и невиноватыхъ чиновниковъ, грабили сиротскіе домы и другія благотворительныя учрежденія. Кромѣ того бѣдному виртембергскому народу приходилось невыразимо страдать отъ страсти герцога къ охотѣ. Въ 1737 было убито 11,000 штукъ краснаго звѣря, но въ слѣдующемъ году звѣри все-таки поѣли скота на 500,000 гульденовъ. Часть денегъ, собираемыхъ грабежемъ, припрятывали себѣ Зюссъ и его товарищи; остальное шло на веселости, брилліанты, на театръ и пѣвицъ. Для пѣвицъ, для буффоновъ и шарлатановъ виртембергскій дворъ былъ тогда раемъ; при беззаконномъ преслѣдованіи, которому подвергли этихъ людей по смерти герцога, у одной пѣвицы нашли 5,000 гульденовъ и 150 карманныхъ часовъ.

Король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ I, котораго мы ставимъ въ контрастъ всѣмъ другимъ нѣмецкимъ государямъ, важенъ для насъ не самъ по себѣ, а по исключительности своего образа жизни среди той эпохи. Злое остроуміе людей, воспитанныхъ во французской школѣ, выставило въ смѣшномъ видѣ этого государя и его жизнь. Вольтеръ и родная дочь Фридриха Вильгельма, маркграфиня Фредерика Байрейтская, выставили его характеръ въ такомъ отвратительномъ свѣтѣ и такъ ярко обрисовали темныя стороны его, что трудно стать на безпристрастную точку зрѣнія для оцѣнки его сообразно духу и образованности той поры. Правда, Фридрихъ Вильгельмъ былъ далеко неизященъ и не милъ; напротивъ, онъ былъ деспотъ, падкій на деньги; при немъ вмѣсто правильнаго суда судили административнымъ порядкомъ, и самъ онъ былъ смѣшонъ и отвратителенъ своею скупостью. Но по тогдашнему времени нужна была диктатура или деспотія, въ томъ родѣ, какъ его управленіе, а его скупость среди всеобщей расточительности тогдашнихъ государей приготовила его сыну и преемнику средства возстановить честь нѣмецкаго имени, ставшаго посмѣшищемъ у народовъ. Притомъ Фридрихъ Вильгельмъ былъ правитель простонародный, жилъ, ѣлъ и говорилъ какъ небогатый горожанинъ, и показывалъ своимъ примѣромъ нѣмецкому простолюдину, какимъ путемъ онъ можетъ и долженъ обезпечить свою независимость. Онъ сталъ силенъ и богатъ не спекуляціями, банками, бумажными деньгами, хитрыми оборотами, а бережливостью и аккуратностью въ употребленіи своего небольшаго дохода. Нѣмецкій горожанинъ, у котораго не было богатствъ расточительной аристократіи и никогда не будетъ такихъ средствъ къ пріобрѣтенію, какъ у англичанина и у голландца, могъ видѣть изъ примѣра Фридриха Вильгельма, что богатство пріобрѣтается не обширностью средствъ, а простотою жизни и презрѣніемъ къ убыточнымъ удовольствіямъ. При дворѣ Фридриха Вильгельма не было и тѣни чувственной роскоши, любовницъ и великосвѣтскаго разврата; конечно, не было и тѣни образованности или какого-нибудь стремленія, не обращеннаго исключительно на практическую пользу. Первую, хорошую сторону этого порядка надобно ставить исключительно въ

заслугу королю, потому что онъ жилъ въ такое время, когда безнравственность и расточительность были въ модѣ при дворахъ. Вторая дурная сторона объясняется тѣмъ, что французская образованность, которую навязывали въ молодости грубой нѣмецкой натурѣ Фридриха Вильгельма, была ему также противна, какъ безумная расточительность и французско-итальянско-испанскій этикетъ его отца, а нѣмецкой образованности тогда не существовало; притомъ набожные люди отвергали всякую философію и всякую поэзію, кромѣ духовной, а кромѣ офицеровъ и солдатъ, Фридрихъ Вильгельмъ любилъ только набожныхъ людей.

Неудивительно, что варварство и набожность соединились въ Фридрихѣ Вильгельмѣ. Онъ жилъ въ такое время, когда государи и вольные города совершали изъ усердія къ своей вѣрѣ такія же жестокости, какъ террористы французской революціи изъ усердія къ своему догматическому невѣрію и къ своей утопической свободѣ. Напримѣръ, фанатикъ, бывшій архіепископомъ зальцбургскимъ, въ 1731 изгналъ изъ своихъ владѣній 30,000 трудолюбивыхъ, мирныхъ и хорошихъ подданныхъ за то, что они не хотѣли принять католичество. Они почти всѣ переселились въ Пруссію, гдѣ Фридрихъ Вильгельмъ далъ имъ земли. Католическое правительство Пфальца въ союзѣ съ іезуитами умышленно вело къ упадку гейдельбергскій университетъ и старалось повредить ненавистному протестантству тѣмъ, что назначало въ протестантскія церкви дурныхъ пасторовъ. Франкфуртскіе лютеране не дозволяли своимъ реформатскимъ согражданамъ отправлять богослуженіе на городской землѣ и не уступили даже ходатайству короля прусскаго за реформатовъ. Профессоры лютеранскаго виттенбергскаго университета не давали ученыхъ степеней реформатамъ, и потому Фридрихъ Вильгельмъ запретилъ своимъ подданнымъ помѣщать своихъ дѣтей въ этотъ университетъ. Если такой энергическій, варварски строгій, а иногда и жестокій правитель, какъ Фридрихъ Вильгельмъ, поступалъ сурово и пристрастно въ религіозныхъ дѣлахъ, то въ такое время общей религіозной вражды это было весьма естественно. Но все-таки его набожность казалась бы не сообразною съ другими чертами его характера, если бы новѣйшие опыты не доказали намъ, что соединеніе грубости съ величайшимъ ханжествомъ и съ полнѣйшею вѣрою во всѣ уставы принятой догматики надобно считать характерной особенностью нѣмецкой жизни. Фридрихъ Вильгельмъ, оказывая величайшее почтеніе духовенству, переписывался съ піетистами, собравшимися въ Галле, и раздавалъ священническія мѣста съ такимъ же разборомъ, какъ и офицерскія.

Фридрихъ Вильгельмъ ненавидѣлъ науку, образованность и поэзію; въ такой грубой натурѣ, направленной къ однѣмъ практическимъ выгодамъ, эта вражда объясняется и воспитаніемъ Фридриха Вильгельма, и тѣмъ, что ученость и наука были тогда совершенно чужды жизни. Королю нужны были люди съ здравымъ разсудкомъ, умѣющіе быстро примѣнять свой смыслъ къ дѣлу, а нѣмецкіе ученые и въ жизни и въ книгахъ выказывали лишь нелѣпое и безплодное буквоѣдство, умѣли только выбирать груды цитатъ. Его естественному здравому смыслу все это представлялось глупымъ, да и въ самомъ дѣлѣ было глупо. Самъ онъ не имѣлъ никакого понятія ни о поэзіи, ни о философіи, писалъ дикимъ языкомъ и неправильно; но для того времени онъ все-таки очень хорошо понималъ обязанности настоящей науки. Берлинская академія наукъ была учрежденіе вовсе не шедшее къ тогдашней Германіи; эта была пустая роскошь, суетная поддѣлка подъ заведеніе, основанное при французскомъ дворѣ. Фридрихъ Вильгельмъ не уничтожилъ ее только потому, что она составляла календарь. Но онъ хотѣлъ осмѣять смѣшную схоластику тогдашнихъ ученыхъ, ихъ любовь къ чинамъ и титуламъ; для этого онъ сдѣлалъ президентомъ академіи и осыпалъ всевозможными титулами и почестями нѣкоего Г у н д л и н г а; этотъ Гундлингъ состоялъ при немъ за тѣмъ, чтобы пересказывать ему содержаніе газетъ, былъ образцомъ тогдашняго мертваго знанія и обыкновенной при такомъ знаніи пошлости; кромѣ того по своему педантству, цинизму и странности привычекъ онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ придворнаго шута. Только однажды подарилъ онъ академіи нѣсколько денегъ, да и то по особенному случаю: удивительное исцѣленіе отъ тяжелой болѣзни показало ему связь естественныхъ наукъ съ медициною. Ученая римская юриспруденція была въ особенности противна королю; съ своею чрезмѣрною заботливостью о формахъ, съ своей двусмысленностью опредѣленій и продолжи-

тельностью процессовъ, она казалась Фридриху Вильгельму болѣе вредною, чѣмъ полезною для практической жизни. Разумѣется, онъ не терпѣлъ свободнаго выраженія мнѣній о государственныхъ дѣлахъ; но тогда никому изъ нѣмцевъ и не приходило въ голову думать о чемъ-нибудь не такъ, какъ угодно начальству. Однако король очень понималъ практическую пользу газетъ; сначала онъ не дозволилъ было издавать ихъ въ своемъ государствѣ, но потомъ разрѣшилъ издавать газеты въ Берлинѣ, чтобы онѣ объясняли подданнымъ славные подвиги его войскъ. Конечно, эти газеты состояли подъ строгою цензурою.

Управленіе Фридриха Вильгельма было военно-полицейское, какое было тогда во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ; но оно особенно отличалось деспотическою безпощадностью. Его юстиція и полиція имѣли въ себѣ что-то турецкое: жизнью и собственностью подданныхъ располагала воля короля, который вообще руководился здравымъ смысломъ, но иногда и однимъ капризомъ. Стоило ему вздумать вмѣшаться, и онъ вмѣшивался въ уголовные процессы, путалъ законодательство, постановлялъ, что ему вздумается, безъ всякаго вниманія къ существующимъ законамъ, къ обычаю и къ человѣческому чувству. Онъ назначалъ самыя свирѣпыя пытки и наказанія. Онъ подвергалъ самымъ жестокимъ наказаніямъ, собственноручно билъ всѣхъ, кто какъ-нибудь навлекалъ на себя его неудовольствіе или поступалъ противъ его понятій о нравственности, противъ его уваженія къ супружеской вѣрности. Всѣ, особенно женщины и дѣти, дрожали, едва завидѣвъ издали короля, идущаго имъ на встрѣчу, потому что у него была привычка требовать у встрѣчныхъ отчета въ томъ, чѣмъ они занимаются и зачѣмъ такъ одѣты, и собственноручно бить ихъ палкою, если ему что-нибудь не понравится въ отвѣтахъ. Бѣгство было не всегда полезно въ такихъ случаяхъ: король посылалъ кого-нибудь въ погоню за бѣгущимъ. Наказывалъ онъ съ ужасающей суровостью. Дѣтоубійцъ онъ топилъ въ мѣшкахъ, которые велѣлъ шить самимъ осужденнымъ; молодыхъ мотовъ онъ посылалъ въ смирительный домъ. Виновныхъ часто безъ всякаго суда сажали на деревяннаго осла, или выставляли къ позорному столбу или приводили въ цѣпяхъ къ Фридриху Вильгельму; въ этомъ случаѣ онъ самъ произносилъ приговоръ и приказывалъ немедленно исполнить его. Служанокъ, отказавшихся отъ мѣстъ, онъ сажалъ въ смирительный или рабочій домъ, ругалъ и билъ дамъ, которыя надѣвали по модѣ какое-нибудь платье, казавшееся ему неприличнымъ. Фабрикамъ онъ покровительствовалъ, но съ работниками на своихъ фабрикахъ поступалъ деспотически; Петръ присылалъ ему людей высокаго роста для его гвардіи, а онъ хваталъ за то мастеровыхъ съ стальныхъ заводовъ и посылалъ ихъ Петру служить на русскихъ заводахъ. Онъ опредѣлялъ законами, какъ должно одѣваться и даже по чемъ продавать пшеницу. Напримѣръ, онъ запретилъ носить косу въ кошелькѣ; не позволялъ ввозить въ Пруссію хлѣбъ даже при неурожаѣ; хлѣбъ надобно было брать изъ королевскихъ магазиновъ по назначенной цѣнѣ; но тутъ Фридрихъ Вильгельмъ не барышничалъ, а только хотѣлъ не терять своей выгоды. Онъ не терпѣлъ актеровъ, особенно итальянскихъ и французскихъ, которые были тогда при всѣхъ, даже при самыхъ мелкихъ дворахъ.

Съ такими нравами король былъ защитникомъ простолюдиновъ отъ надменности дворянъ. Знатные пьяницы и моты, толпившіеся тогда при всѣхъ дворахъ, не смѣли показываться Фридриху Вильгельму на глаза. Онъ всячески выказывалъ свое презрѣніе къ рангамъ и титуламъ, къ этикету и церемоніалу; помѣщики принуждены были отказаться отъ средневѣковыхъ привиллегій, противорѣчившихъ требованіямъ новаго времени. Напримѣръ, вмѣсто прежней рыцарской повинности, отправлявшейся поставкою лошадей, они были принуждены платить постоянный налогъ, должны были обратить ленныя владѣнія въ полную собственность и отказаться отъ привиллегіи на пользованіе коронными землями. Гдѣ касалось денежныхъ выгодъ или справедливости, тамъ король не смотрѣлъ ни на какую знатность. Напримѣръ, человѣкъ древней рыцарской фамиліи былъ приговоренъ судомъ къ заключенію въ крѣпости на нѣсколько лѣтъ за то, что обманомъ взялъ большія деньги у людей небогатыхъ; онъ вызывался заплатить эти деньги и говорилъ, что въ такомъ случаѣ долженъ избавиться отъ наказанія по привиллегіи своего сословія. Король, которому онъ сказалъ это, закричалъ ему: «Не хочу твоихъ мошенническихъ денегъ!» — велѣлъ поставить висѣлицу и повѣсить его. Также суровъ, жестокъ и неумолимъ былъ онъ къ своему сыну, Фрид-

р и х у, будущему Фридриху Великому. Сынъ сердилъ его безнравственною жизнью и долгами, и онъ неумолимо казнилъ его друга, поручика ф о н ъ К а т т е, хотя Катте былъ родственникъ самымъ важнымъ и почтеннымъ вельможамъ Пруссіи.

Тотъ же безпощадный деспотизмъ выказывался во всемъ, за что принимался король. Напримѣръ, заботясь объ украшеніи Берлина и Потсдама, онъ приказывалъ богатымъ людямъ и высшимъ чиновникамъ строить на извѣстныхъ мѣстахъ дома, не заботясь о томъ, во сколько это обойдется имъ; тутъ не помогали никакія просьбы и увѣренія человѣка, что это разоритъ его. Какъ человѣкъ, одержимый тревожною дѣятельностью и дѣлающій все, что ему вздумается, онъ часто разрушалъ одною рукою то, что созидалъ другою. Въ особенности надобно сказать это о земледѣліи, промышленности и торговлѣ, — дѣлахъ, которыхъ нельзя развивать на военный ладъ. Онъ старался поднять овцеводство, торговлю шерстью, суконныя фабрики, дѣлалъ на это неразумные расходы и принималъ самыя ужасающія мѣры, чтобы изгнать изъ Пруссіи хлопчато-бумажныя ткани; но въ концѣ концовъ увидѣлъ необходимость отмѣнить часть своихъ запрещеній противъ нихъ.

Пристрастіе Фридриха Вильгельма къ солдатству стоило ему большихъ денегъ; однако его финансы были въ такомъ хорошемъ положеніи, что онъ скопилъ значительную казну. Ему больше всего помогала бережливость. Впрочемъ иногда онъ прибѣгалъ для покрытія своихъ расходовъ къ такимъ средствамъ, которыя знакомятъ насъ съ одною изъ сторонъ тогдашней жизни. Пользуясь глупымъ тогдашнимъ пристрастіемъ къ титуламъ и чинамъ, онъ продавалъ ихъ по цѣнѣ отъ 300 до 600 талеровъ. Онъ глубоко презиралъ эти знаки отличія, какъ презираютъ ихъ всѣ энергическіе люди. Прискорбнѣе то, что онъ торговалъ должностями. Правда, эта торговля велась тогда почти во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ; но нигдѣ не доходила она до такихъ размѣровъ, какъ при немъ въ Пруссіи. Напримѣръ, носильщики, должность которыхъ давала небольше 10 талеровъ въ мѣсяцъ, должны были покупать мѣста за 600 талеровъ, а мѣсто таможеннаго сторожа, дававшее только 7 талеровъ въ мѣсяцъ, было однажды такъ поднято въ цѣнѣ на продажѣ аукціона, что покупщикъ заплатилъ за него 800 талеровъ.

Мы упомянули о любви Вильгельма къ солдатству. Его рабское пристрастіе къ разодѣтымъ въ мундиры живымъ огромнымъ кукламъ дѣлало его отвратительнымъ посмѣшищемъ всѣхъ современниковъ. Но его любовь къ солдатству и его бережливость приготовили его сыну средства съ такою славою выдержать великую дипломатическую и военную борьбу противъ мрака и слѣпаго деспотизма. Мало-по-малу, Фридрихъ Вильгельмъ сформировалъ армію по крайней мѣрѣ въ 70,000, по нѣкоторымъ извѣстіямъ даже въ 89,000 человѣкъ; она была пріучена къ строгой дисциплинѣ, и ею командовали отличные генералы. Самое важное мѣсто между ними занимаетъ князь Л е о п о л ь д ъ А н г а л ь т ъ-Д е с с а у с к і й, основатель военнаго обученія и дисциплины въ прусскомъ войскѣ. Правда, заботясь о хорошей арміи, съ которою потомъ Фридрихъ Великій завоевалъ Силезію, Фридрихъ Вильгельмъ имѣлъ слабость къ высокимъ фланговымъ солдатамъ и тратилъ громадныя деньги на то, чтобы доставать высокихъ людей въ свой гвардейскій полкъ. Напримѣръ, за доставку одного такого гиганта онъ заплатилъ 8,500 талеровъ. Правда и то, что, набирая рекрутъ, онъ дѣйствовалъ совершенно безчеловѣчно: онъ бралъ людей въ солдаты, не обращая вниманія ни на что, и завелъ формальную торговлю людьми и кражу людей. Онъ захватывалъ проѣзжихъ, отличавшихся высокимъ ростомъ, похищалъ солдатъ изъ чужой службы, имѣлъ вербовщиковъ за границею. Нѣкоторыя государства, пользуясь этимъ его пристрастіемъ, пріобрѣтали его дружбу тѣмъ, что присылали ему рекрутъ. Въ Австріи, Саксоніи, Мекленбургѣ, Россіи, въ угожденіе ему, набирали людей высокаго роста и посылали къ нему. Зато онъ посылалъ русскому царю мастеровыхъ, унтеръ-офицеровъ и инженеровъ,—словомъ сказать, въ Европѣ распоряжались тогда людьми, какъ нынѣ въ Африкѣ.

Такою же грубостью отличалась страсть Фридриха Вильгельма къ охотѣ,— и тутъ онъ былъ образцомъ тогдашнихъ грубыхъ сельскихъ дворянъ. Онъ уничтожилъ дорогія охотничьи заведенія, устроенныя его отцомъ; наслажденіемъ его была отвратительная охота облавою, и для нея онъ устроилъ засѣку въ нѣсколько нѣмецкихъ миль около Потсдама и Вустергаузена.

Въ другихъ отношеніяхъ частная жизнь Фридриха Вильгельма была жизнью зажиточнаго тогдашняго горожанина. Онъ доводилъ до странности простоту и бережливость въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ и наблюдалъ, чтобы подданные держались того же образа жизни, какой онъ любилъ видѣть у простыхъ горожанъ. Его дочь, маркграфиня Байрейтская, женщина пустая, любившая роскошь, обратившаяся въ совершенную француженку, бранитъ его въ своихъ мемуарахъ особенно за его домашнюю жизнь. Тутъ она позволяетъ себѣ преувеличенія, и ея жалобы можно считать справедливыми только въ томъ, что Фридрихъ Вильгельмъ принуждалъ свое семейство проводить день очень скучнымъ образомъ по своему ненарушимому педантическому порядку. Но если внимательнѣе всмотримся въ дѣло, то найдемъ въ немъ и почтенную сторону; тутъ въ мелочахъ выказывается характеръ нѣмца-патріота. Напримѣръ, король не терпѣлъ въ своемъ домѣ французскихъ и испанскихъ винъ, зато имѣлъ большіе запасы рейнскихъ винъ, выписывалъ и венгерское вино. Само собою разумѣется, что у него не было и тѣни роскоши, господствовавшей при другихъ дворахъ. Тотчасъ по вступленіи на престолъ, онъ прогналъ толпу тунеядцевъ, которые при его отцѣ получали богатое содержаніе подъ именами придворныхъ служителей. Весь его дворъ состоялъ изъ 16 пажей и 6 лакеевъ; между тѣмъ какъ его отецъ имѣлъ 24 однихъ придворныхъ трубачей и литаврщиковъ, которымъ шилъ дорогіе мундиры и давалъ по 30 тал. въ мѣсяцъ жалованья. Министры Фридриха I жили съ королевскою роскошью; Фридрихъ Вильгельмъ имѣлъ одного министра съ жалованьемъ въ 2,000 талеровъ. Величайшимъ наслажденіемъ Фридриха Вильгельма было сидѣть по вечерамъ въ обществѣ, которое называлось табачною компаніею. Король съ нѣсколькими добрыми пріятелями проводилъ время въ простой комнатѣ съ деревянными стульями, и они сидѣли тамъ съ трубками въ зубахъ, за кружками пива, толкуя обо всемъ, даже о важнѣйшихъ дѣлахъ. Если кто хотѣлъ поѣсть, могъ найти въ буфетѣ буттербродъ съ холоднымъ жаркимъ и рюмкою вина. Забавно было, что и некурившіе собесѣдники сидѣли съ трубками въ зубахъ. Разговоръ въ табачной компаніи часто бывалъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, очень грубъ. Одинъ изъ главныхъ членовъ ея былъ Леопольдъ Дессаускій, человѣкъ съ большими военными талантами; но равнаго ему въ пошлости было трудно найти.

Надобно сказать еще объ одной чертѣ Фридриха Вильгельма, о которой мы уже упомянули съ похвалою въ исторіи войны за польское наслѣдство (стр. 46); она составляла очень почетный для него контрастъ съ характеромъ всѣхъ другихъ нѣмецкихъ государей его времени. Мы говоримъ о его патріотизмѣ. Мало того, что по своей любви къ нѣмецкимъ обычаямъ онъ не терпѣлъ при себѣ иностранцевъ: онъ доказывалъ свой патріотизмъ тѣмъ, что постоянно держалъ сторону имперіи. Надобно впрочемъ сказать, что этимъ злоупотреблялъ императорскій посланникъ Зекендорфъ (племянникъ извѣстнаго фельдмаршала). Имѣя безграничное вліяніе на Фридриха Вильгельма, онъ убѣждалъ его соглашаться на все, чего желалъ вѣнскій дворъ. Фридрихъ Вильгельмъ не окружалъ себя французами и итальянцами, какъ остальные государи; у него не служили посланниками, какъ у нихъ, иностранные графы и маркизы. Онъ очень умно говорилъ, что для его дѣлъ у него есть довольно нѣмцевъ, а что красивые комплименты на иностранномъ языкѣ чужому двору не стоятъ тѣхъ денегъ, которыя надобно платить иностранцамъ. Тогда, какъ и теперь, при дворахъ считалось хорошимъ тономъ говорить по-французски; нѣмецкій языкъ употреблялся только въ разговорахъ съ людьми незнатными, не аристократами. Фридрихъ Вильгельмъ хорошо говорилъ по-французски, воспитывалъ и дѣтей своихъ на французскомъ языкѣ, потому что не могъ измѣнить господствующаго обычая; но въ своей вечерней компаніи онъ не допускалъ другаго языка, кромѣ нѣмецкаго, въ своемъ семействѣ и съ нѣмецкими посланниками также говорилъ всегда по-нѣмецки.

Выводъ изъ всѣхъ этихъ замѣтокъ о нравахъ и жизни высшихъ сословій Германіи тотъ, что это была смѣшная смѣсь блеска и бѣдности, пышности и скряжничества, хвастовства, богатства и скупости. Фридрихъ Вильгельмъ служитъ и въ этомъ примѣромъ. Однажды, когда Фридрихъ Августъ I угощалъ его съ неслыханнымъ великолѣпіемъ, ему вздумалось доказать, что и онъ тоже

можетъ блеснуть. Онъ устроилъ праздникъ съ такою роскошью въ платьѣ, въ мебели и уборкѣ комнатъ, что всѣ эти вещи цѣнились въ 6,000,000 талеровъ. Тотчасъ послѣ него онъ опять принялся за скупость больше прежней и приказалъ, чтобы на содержаніе его дома и двора отпускалось въ день только по 55 талеровъ, вмѣсто прежнихъ 93.

Въ тогдашнемъ воспитаніи господствовало утомительное и бездушное богомольство, а семейный бытъ отличался патріархальнымъ деспотизмомъ. Дѣтей воспитывали чрезвычайно строго; основаніемъ этой строгости служила вѣра въ первородный грѣхъ и въ испорченность человѣческой природы; строгость вліяла не хуже и не лучше нынѣшняго баловства и современнаго педагогическаго убѣжденія, что дитя образованнаго семейства должно воспитываться, какъ воспитываются дѣти у дикарей. Воспитаніе дѣтей Фридриха Вильгельма и его обращеніе съ женою представляются въ мемуарахъ его дочери лишь съ дурной, варварской стороны. Но достовѣрно, что въ семейномъ быту обнаруживалась и теплая сторона его натуры; но разумѣется, она не могла возбудить душевной теплоты въ его женѣ и дочери, потому что въ нихъ не было души.

IV. КРАТКІЙ ОБЗОРЪ

..АВНЫХЪ ПЕРЕМѢНЪ ВЪ НАПРАВЛЕНІИ ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII ВѢКА.

---

1. Введеніе.

Умственная жизнь XVIII вѣка характеризуется тѣмъ, что въ это время распадались средневѣковые принципы и воззрѣнія, на которыхъ до той поры основывались религія и государственный бытъ; они уступали мѣсто новымъ понятіямъ о коренныхъ теологическихъ и жизненныхъ вопросахъ, и эти новые взгляды стали излагаться новымъ языкомъ. Начали считать вѣру и знаніе вещами непримиримыми, вступали въ рѣшительную вражду съ христіанствомъ, съ которымъ въ теченіе тысячелѣтія тѣсно сросся весь государственный бытъ; всѣ существующія учрежденія стали разсматриваться какъ созданія человѣческаго ума, измѣняющіяся съ успѣхами развитія. Къ началу второй половины XVIII вѣка эти воззрѣнія уже такъ распространились, что слѣдующее поколѣніе выросло въ принципахъ, составлявшихъ рѣзкую противоположность всей государственной и церковной системѣ. Такимъ образомъ въ десятилѣтія, слѣдовавшія за семилѣтнею войною, христіанское ученіе о созерцательной жизни должно было уступить мѣсто разсудочной жизни; вся энергія направилась къ матеріально-полезному, и матеріальная жизнь получила развитіе, какого еще никогда не имѣла. Этотъ умственный переворотъ шелъ первоначально изъ Англіи и Франціи; поэтому литература этихъ странъ стала основою новѣйшей образованности. Конечно, переворотъ совершился не безъ сопротивленія со стороны отживавшей старины; эта борьба новаго воззрѣнія на религію и государство съ системою, господствовавшею цѣлыя столѣтія, составляетъ одну изъ главныхъ чертъ литературныхъ стремленій XVIII вѣка.

Эта борьба, зародыши которой явились еще въ XVII вѣкѣ, имѣла результатъ не во всѣхъ отношеніяхъ отрадный. Она возбудила невѣріе, пробудила суевѣріе и фанатизмъ. Правда и то, что у многихъ бойцовъ прогресса были низкія цѣли; но все-таки, эта борьба за прогрессъ—одно изъ прекраснѣйшихъ явленій новаго времени. Исторія не представляла еще примѣра такой рѣшительной открытой борьбы за самостоятельность человѣческаго ума, за свободу его убѣжденій и вѣрованій. Приверженцы старины въ неразумной горячности поднимали гоненія, доходившія до истребленія противниковъ посредствомъ грубаго насилія; это заставляло слабѣйшую, преслѣдуемую сторону прибѣгать къ насмѣшкѣ и сатирѣ, то есть браться за единственное оружіе, котораго нельзя отнять и у подавленнаго. Такимъ образомъ, въ умственномъ и литературномъ направленіи стала господствовать черта, совершенно чуждая духу и литературѣ среднихъ вѣковъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ явилось обыкновенное слѣдствіе закоснѣлости, нетерпимости, духа преслѣдованій грубою физическою силою: гоненіе всегда возбуждало умнѣйшихъ и энергичнѣйшихъ людей на сопротивленіе давящему свѣтскому и духовному насилію; такъ было и тутъ. Возникло стремленіе къ запрещенному; благороднымъ

людямъ казалось возвышенною, а тщеславію глупцовъ льстила мысль—создать могуществомъ ума и слова силу, которая устояла бы противъ правительственной тираніи и противъ слѣпаго фанатизма толпы.

Чтобы въ подробности изложить ходъ такого замѣчательнаго измѣненія умственной жизни, нужно бы имѣть больше мѣста, чѣмъ сколько приходится на этотъ предметъ по плану и цѣли нашей книги; да и въ читателѣ нужно бы предположить такое знакомство съ главными писателями XVIII вѣка, какого мы не можемъ предполагать въ немъ. Поэтому мы представимъ лишь краткій обзоръ дѣла, ограничимся указаніями лишь на нѣкоторыя черты даже самыхъ важныхъ литературныхъ явленій того времени. Читателю, который въ состояніи слѣдить за всестороннимъ изложеніемъ хода этого замѣчательнаго переворота въ умственной жизни человѣчества, мы укажемъ на большое сочиненіе объ исторіи XVIII вѣка, написанное авторомъ этой книги.

2. Реформа или революція въ философіи и литературѣ Англіи.

Новое воззрѣніе на философію, религію и литературу вышло изъ Англіи, оттуда распространилось во Францію, а изъ Франціи проникло къ остальнымъ народамъ цивилизованнаго міра. Піетическая строгость и религіозный энтузіазмъ получили владычество въ Англіи во время республики и были внесены даже въ разговорный языкъ, получившій вслѣдствіе этого смѣшной тонъ. Ихъ владычество вызвало при Карлѣ II реакцію. Онъ и его братъ, жившіе во время своего изгнанія во Франціи, принесли оттуда въ Англію легкомысленный тонъ. Въ то время, какъ французское легкомысліе проникало въ Англію, англичанинъ Л о к к ъ основалъ систему новой разсудочной философіи, которая была потомъ развита французами и вошла въ европейскую жизнь. Вскорѣ послѣ Локка внутреннія отношенія англійскаго государства породили борьбу противъ прежнихъ основаній религіозной и политической жизни. По возвращеніи Стюартовъ была возстановлена церковная іерархія въ прежней формѣ, и оттого нападенія мыслящихъ людей обратились на эту неподвижную форму, а потомъ перешли и на самое христіанство. Но революціонный характеръ, принятый англійскою литературою въ концѣ XVII вѣка, вовсе не былъ выраженіемъ настроенія мыслей, господствующаго въ націи. Напротивъ, слѣпая вѣра въ наслѣдованное ученіе была еще тверда и въ массѣ народа, и въ школьныхъ ученыхъ; скептики даже подвергались гоненіямъ. Государственная власть, иначе говоря, аристократія, располагавшая этою властью, была враждебна новому направленію литературы; знать считала церковь съ ея богатствами своею собственностью, учрежденіемъ, основаннымъ для доставленія хорошихъ карьеръ ея родственникамъ и фаворитамъ. Она силою поддерживала существующій порядокъ въ государствѣ и въ церкви; необходимымъ результатомъ было то, что борьба, начавшаяся противъ старины, должна была раньше или позже получить развязку, гибельную для всей системы учрежденій, наслѣдованныхъ отъ среднихъ вѣковъ.

Мы сказали, что начало этой борьбы было положено основаніемъ новаго философскаго направленія Л о к к о м ъ. Онъ жилъ въ XVII столѣтіи, но его настоящее вліяніе началось въ XVIII. По примѣру Бекона Веруламскаго, онъ противопоставилъ средневѣковой философіи и незадолго передъ тѣмъ возобновленному идеализму систему философіи новаго времени, — философіи, основанной на разсудочномъ соображеніи, опытѣ и наблюденіи, какъ на единственныхъ источникахъ знанія. Эта система проникла въ жизнь, и подъ ея вліяніемъ матеріальная сторона жизни стала быстро совершенствоваться. Самъ Локкъ вовсе не думалъ быть революціонеромъ: — напротивъ, онъ даже старался примирить разумъ съ религіею, дать новую философскую опору убѣжденію, что христіанство есть божественное откровеніе. Но уже первые ученики его вышли на другую дорогу, и еще при жизни его одинъ очень уважаемый англійскій епископъ замѣтилъ опасность, которая грозила догматическому христіанству отъ новой философіи. Онъ напалъ на ея основателя старымъ схоластическимъ оружіемъ. Дѣйствительно, уже въ сочиненіяхъ самого Локка можно найти зародыши тѣхъ гуманитарныхъ политическихъ

и религіозныхъ принциповъ, которые послѣ него породили направленіе новаго времени. Локкъ защищалъ свободу людей и боролся противъ ученія о божественномъ происхожденіи абсолютной монархіи. Далѣе, онъ требовалъ религіозной терпимости, которая тогда существовала только въ Голландіи, — терпимости даже для евреевъ, мухаммеданъ и язычниковъ, не только для христіанъ, доказывая, что всѣ они должны пользоваться одинаковыми гражданскими правами; наконецъ, въ своей теологіи онъ развивалъ взглядъ, похожій на раціонализмъ, которымъ его ученики, пошедшіе гораздо дальше, были такъ же недовольны, какъ и старовѣры.

Главное мѣсто между учениками Локка занимаетъ Шефтсбери, одинъ изъ основателей новой литературы. Это былъ первый писатель, который сталъ доказывать высшимъ сословіямъ, что средневѣковыя ученія и учрежденія не выдерживаютъ критики; онъ сталъ подрывать въ этомъ кругу всякую вѣру и всякую строгость нравственныхъ принциповъ; у него были всѣ качества, нужныя на то, чтобы его сочиненія получили большое вліяніе на высшій кругъ: у него было аристократическое имя; онъ занималъ важное мѣсто въ обществѣ; а главное, онъ умѣлъ писать такъ, какъ было нужно, — не какъ ученый, дающій систему съ формулами, а какъ свѣтскій человѣкъ, ни на минуту не забывающій жизни съ ея условіями, выражался легкимъ языкомъ и никогда не углублялся въ предметъ слишкомъ далеко; поэтому его сочиненія какъ нельзя лучше соотвѣтствовали вкусу большаго свѣта, который, какъ извѣстно, боится умственной работы, любитъ развлекаться, а не учиться. Притомъ Шефтсбери не представлялъ систематическаго ученія, онъ не любилъ ни систематики, ни догматики, ни Локковой, ни старовѣрной. Наконецъ, онъ умѣлъ такъ ловко скрывать свое мнѣніе подъ проніею, что потомъ даже спорили, дѣйствительно ли онъ былъ врагъ христіанства.

Шефтсбери писалъ съ хитрою осторожностью и съ соблюденіемъ всѣхъ приличій и условій большаго свѣта. Другіе въ одно время съ нимъ или вскорѣ послѣ него стали излагать свои мнѣнія прямо и смѣло. Этихъ людей, отвергавшихъ догматъ о Св. Троицѣ, называютъ деистами. Мы удовольствуемся перечисленіемъ ихъ именъ, не входя въ подробности, и только покажемъ цѣль, къ которой они шли, и причину, почему они получили большое вліяніе. Эти писатели, излагавшіе свое ученіе болѣе или менѣе систематически, были: Толандъ, Коллинсъ, Тиндаль, Волластонъ, Мандевилль, Morганъ и Чоббъ. Они нападали на ученіе объ откровеніи и на положительное христіанство, а нѣкоторые изъ нихъ и всякую религію называли суевѣріемъ и нелѣпостью. Въ народъ ихъ ученіе проникало мало, но зато тѣмъ больше читалось образованнымъ классомъ. Слѣпое неразуміе приверженцевъ старины больше всего содѣйствовало тому, что эти писатели получили большое вліяніе. Упрямство, съ которымъ защитники стараго зданія старались не пропускать въ него ни одного луча свѣта, слѣпое старовѣріе, которое они воображали поддержать насиліемъ, преслѣдованіе, которому подвергали новую литературную школу, — все это придавало заманчивую ѣдкость насмѣшкамъ деистовъ, раздражало мыслящихъ людей, доставляло недаровитымъ писателямъ изъ деистовъ незаслуженную репутацію, потому что друзьямъ свободы казалось достойнымъ вниманія все, противъ чего свирѣпствовали поборники умственнаго деспотизма.

Отъ этихъ теологическихъ писателей, которые сами по себѣ незначительны, мы переходимъ къ людямъ, пересоздавшимъ литературу своей родины, имѣвшимъ сильное вліяніе на главныхъ французскихъ писателей и еще до начала литературной ихъ борьбы противъ существующаго порядка во Франціи давшимъ новый видъ понятіямъ и жизни образованнаго класса. Изъ этихъ писателей самый важный, безспорно, Болингброкъ. Изъ исторіи Англіи мы знаемъ его, какъ человѣка суетнаго, властолюбиваго и своекорыстнаго, переходившаго отъ одной партіи къ другой исключительно по личнымъ разсчетамъ (стр. 14 и 35); само собою разумѣется, что подобный человѣкъ не могъ имѣть искренней преданности прогрессу человѣчества, не могъ быть безкорыстнымъ борцомъ за свѣтъ и свободу. И дѣйствительно, видя, что первые свѣтильники держатъ въ рукахъ такіе люди, какъ Болингброкъ и Вольтеръ съ своими знатными друзьями, можно было предсказать дурной исходъ долгой и тяжелой борьбѣ, предстоявшей XVIII вѣку для освобожденія отъ средневѣковыхъ цѣпей. Всѣ эти люди смѣялись надъ истиною, простотою и честностью. Поэтому неудивительно, что результатъ полуторавѣковой

борьбы былъ такъ печаленъ: подобные люди и употреблявшіяся ими средства не могли не оказать гибельнаго вліянія на домашнюю жизнь въ семейномъ кругу, на умѣренность въ наслажденіяхъ, на удаленіе отъ суетности и надменности, — словомъ сказать, на самообладаніе и добродѣтель, безъ которыхъ свобода — мечта, а справедливость — призракъ.

Болингброкъ долго прожилъ въ Парижѣ. По своему образованію онъ былъ больше французъ, чѣмъ англичанинъ и принялъ совершенно французское направленіе. Его сочиненія получили большое вліяніе, потому что онъ, подобно Шефтсбери, имѣлъ высокій титулъ, важное положеніе, превосходно владѣлъ легкимъ языкомъ, писалъ ловко, изящно, остроумно. Эти условія дали Болингброку и Шефтсбери большое вліяніе на высшій кругъ, гдѣ только и могутъ пріобрѣтаться всѣ эти качества. Болингброкъ и писалъ только для большаго свѣта. На всѣхъ, непринадлежавшихъ къ нему, онъ смотрѣлъ съ такимъ же презрѣніемъ, какъ Вольтеръ, отъ котораго дошли до насъ слова: «Мнѣ нечего говорить лакеямъ и черни». Болингброкъ хотѣлъ оставить народъ при его предразсудкахъ и суевѣріи; но для высшихъ сословій онъ отважился открыто высказать то, что думало большинство образованныхъ людей и чего никто не рѣшался говорить громко.

Его дѣятельность и вліяніе имѣли двѣ стороны, одну—очень полезную, другую очень вредную для человѣчества. Въ немъ надобно различать талантъ разрушать старое отъ способности созидать новое. Талантъ разрушенія, отрицательное направленіе противъ остатковъ среднихъ вѣковъ, дѣлаетъ его однимъ изъ передовыхъ бойцовъ за права народа и разума, органомъ новаго времени, провозвѣстникомъ новой жизни, отвергаемой и защитниками іерархіи и дворянства, и приверженцами военныхъ монархій. Но когда онъ хочетъ представить новую систему, онъ излагаетъ только принципъ своей жизни — эгоистическую разсчетливость — и становится софистомъ; то же было и у его французскихъ учениковъ. Онъ не имѣлъ никакихъ идеальныхъ влеченій, руководился только эгоистическими побужденіями и потому не признавалъ любви къ правдѣ и справедливости, ни желанія внутренняго развитія, ни вообще никакихъ чисто умственныхъ стремленій, порождающихъ въ разумномъ существѣ дѣятельную жизнь. Онъ и его французскіе послѣдователи смотрѣли на все съ точки зрѣнія своего круга съ его тогдашними понятіями. Поэтому они не боялись отрицать и оскорблять человѣческую природу, объясняя всякое проявленіе любви къ людямъ и къ родинѣ эгоистическими мотивами. Противъ старыхъ философскихъ системъ они выставляли новую, по которой внѣшній міръ и чувственныя впечатлѣнія считались единственнымъ источникомъ знанія. Эта философія здраваго смысла стала господствующимъ ученіемъ во Франціи и въ Германіи.

Своей манерой изложенія Болингброкъ также оказалъ двоякое вліяніе. Съ одной стороны его надобно считать основателемъ манеры легко и остроумно писать о предметахъ самыхъ серьезныхъ; онъ расширилъ кругъ публики для философскихъ сочиненій, показавъ, что можно пріятно и завлекательно писать о томъ, что прежде излагалось съ отталкивающею утомительностью. Но за то тамъ, гдѣ мы ищемъ серьезности, онъ играетъ предметомъ, излагаетъ научные вопросы риторически и даетъ поверхностнымъ болтунамъ возможность говорить о вещахъ, которыя прежде не входили въ ихъ разговоры, потому что были доступны только серьезному изученію. Въ особенности должно сказать это про вліяніе Болингброка на историковъ,—эта сторона его вліянія самая осязательная въ наше время. Болингброкъ создалъ историческій полуроманъ, который былъ единственнымъ родомъ исторіи и для Вольтера: онъ создалъ и ту новую прагматическую исторію, которая, подобно руководящимъ статьямъ нынѣшнихъ газетъ, разсматриваетъ исторію только со стороны ея отношеній къ внѣшней жизни и обращаетъ ее въ политику и въ искусство дипломатическихъ адвокатовъ. Но за то Болингброкъ оказалъ исторіи двѣ услуги. Онъ снялъ съ нея отталкивающій покровъ педантизма, въ который она была окутана; черезъ это историческое знаніе сдѣлалось доступнымъ той части образованнаго общества, которая была устранена отъ управленія и отъ высшихъ должностей. Во-вторыхъ, онъ обратилъ исторію отъ рѣчей о мертвомъ къ мыслямъ о живомъ, справедливо требуя, чтобы она была постоянно видоизмѣняема сообразно прогрессу цивилизаціи и взглядамъ на событія, развивающимся вмѣстѣ съ прогрессомъ.

Одновременно съ Болингброкомъ дѣйствовали нѣкоторые его друзья, также потрясая прежнее основаніе литературы, давая новое направленіе своей эпохѣ, доставляя преобладаніе риторикѣ и остротамъ. То были Арботнотъ, Попъ и Свифтъ. Арботнотъ поставилъ себѣ задачею дать осязательному и практически-полезному перевѣсъ надъ ученостью въ духѣ университетовъ, характеръ которыхъ въ Англіи тѣсно связанъ съ церковными и политическими учрежденіями. Попъ старался въ поэтической формѣ провести въ жизнь новую философію, т. е. теоріи Болингброка, и излагалъ ее мило, мягко, умѣренно, осторожно безъ той рѣзкости или даже наглости, съ какою проповѣдывали ее Ольбакъ, Дидро и другіе французы. Надобно признаться, что въ стихахъ Попа нѣтъ ни идеальной стороны, ни поэтическаго творчества; главныя качества его — риторика, плавность, изящный округленный, гладкій слогъ. Эгоизмъ и разсудокъ онъ признаетъ двумя силами, которыми движется весь механизмъ человѣческой жизни и которыя обѣ равно необходимы. Онъ и по натурѣ своей былъ фальшивый софистъ. Чтобы удовлетворять своему корыстолюбію и тщеславію, онъ старался жить въ ладу съ обѣими политическими партіями, и съ защитниками, и съ противниками старины, а чтобы нажить денегъ, велъ какъ спекуляцію свой переводъ Иліады, получившій у англичанъ такую славу, и далъ свое имя, въ родѣ торговой фирмы, переводу Одиссеи, который сдѣлали для него чернорабочіе. Свифтъ, сатирикъ и юмористъ, вооружался противъ господствующихъ понятій, нравовъ и учрежденій, стараясь замѣнить геніальность и поэзію практичностью, разсудительностью. Важнѣе всего въ его дѣятельности было то, что онъ писалъ не для знатнаго круга, какъ Арботнотъ и Попъ, а для народа: именно плоскостью, грубостью, буфонствомъ, иногда неприличіемъ своего языка и своихъ остротъ онъ былъ практически полезенъ въ борьбѣ противъ остатковъ среднихъ вѣковъ.

Изъ того, что мы сказали, можно сдѣлать слѣдующій выводъ: англійскіе вововводители были похожи на своихъ французскихъ сподвижниковъ тѣмъ, что имѣли такой тонъ и манеру, при которыхъ переходъ отъ безсмысленной вѣры и машинальнаго повторенія заученныхъ словъ къ самостоятельности въ мысляхъ и сужденіяхъ не могъ совершиться безъ насильственнаго переворота. Впрочемъ Болингброкъ и его друзья и въ практической жизни принадлежали къ оппозиціи, а природа дала имъ сатирическое направленіе. Теперь намъ надобно показать, что и писатели правительственной партіи, скучные и солидные моралисты, также стремились къ реформѣ. Стало быть, духъ вѣка велъ людей независимо отъ ихъ воли и былъ сильнѣе ихъ самихъ, сильнѣе штыковъ и іерархіи. Мы замѣтимъ также, что распространеніе новой образованности, говорившей новымъ языкомъ, совершалось посредствомъ журналовъ.

Говоря о писателяхъ, которые, не смотря на моральное и отчасти даже богомольное резонерство свое, тоже вооружались противъ прежнихъ принциповъ, мы разумѣемъ Аддисона и Стиля съ ихъ друзьями или школу стилистовъ. Они тоже вводили новизну въ образованность и науку. Съ сатириками и съ деистами, о которыхъ мы говорили выше, у нихъ было то общее, что характеръ ихъ образованности былъ тоже риторическій и софистическій. Сущность литературы они ставили въ разсудительности, остроумничаніи и въ изяществѣ языка, вводили въ англійскую литературу холодную правильность французовъ, для которыхъ форма важнѣе содержанія, и помогали укореняться въ англійской литературѣ той поверхностной и риторической образованности, которая была въ духѣ того времени; они однако не были легкомысленны, хотя слѣдовали французской школѣ; напротивъ, они проповѣдывали чопорную мораль. Они были суетны, вялы, лишены поэзіи, лишены дара понимать истинно прекрасное и великое, но тѣмъ не менѣе достигли славы, которая и теперь еще не совсѣмъ померкла; мало того, они даже имѣли рѣшительное вліяніе на вкусъ своихъ современниковъ и потомковъ. Возможность этого мы поймемъ, если вспомнимъ, какъ сильно дѣйствуетъ у англичанъ примѣръ двора и аристократіи на другіе классы націи. Сочиненія Аддисона были одобряемы Вильгельмомъ III, королевою Анною и ихъ министрами, потому что ни у кого изъ этихъ людей не было вкуса, всѣ они не понимали ровно ничего, кромѣ житейскихъ дѣлъ, стало быть, плоское многоглаголаніе должно было нравиться имъ больше истинной поэзіи или энер-

гической прозы. Мода считать эту риторику за поэзію, эту мораль за литературу, перешла отъ двора къ націи.

Въ томъ вліяніи, которое Аддисонъ и его друзья имѣли на перемѣну, происходившую тогда въ тонѣ общества всей Европы, было двѣ стороны. Разговоры общества стали умнѣе, интереснѣе, живѣе; но вмѣстѣ съ тѣмъ поэзія обратилась въ прозу, наука потеряла серьезность и строгость, важнѣйшіе вопросы рѣшались въ поверхностной болтовнѣ извѣстныхъ кружковъ по указанію статей и брошюръ, выражавшихъ минутное настроеніе общества. Эти журналы для легкаго чтенія были введены въ Англію Аддисономъ и Стилемъ; до нихъ Англія имѣла только политическія газеты и ученодуховные журналы. И въ Англіи, и въ Германіи, гдѣ скоро стали подражать Англіи, эти журналы для легкаго чтенія содѣйствовали распространенію общихъ свѣдѣній и такъ называемой «общественной образованности»; но имѣли и другое вліяніе: они укоренили въ такъ называемомъ образованномъ обществѣ поверхностную болтовню о всякой всячинѣ, пріучили его риторически говорить съ блестками остроумія о самыхъ серьезныхъ и важныхъ предметахъ. Первымъ изъ этихъ беллетристическихъ журналовъ былъ «Болтунъ» (Tatler - Стиля, скоро замѣнившій свое имя новымъ, «Наблюдатель» (Spectator); онъ долго оставался важнѣйшимъ изъ всѣхъ подобныхъ журналовъ въ Англіи, но скоро явилось много другихъ въ такомъ же родѣ.

Въ заключеніе этихъ короткихъ замѣтокъ объ англійскихъ писателяхъ назовемъ еще нѣсколько авторовъ, которые также доказываютъ, что повсюду проникали новыя понятія съ новою манерою изложенія, удалявшеюся отъ простоты, національности и энергіи. Изъ этихъ писателей мы назовемъ здѣсь только троихъ: лорда Честерфильда и романистовъ Фильдинга и Ричардсона.

Лордъ Честерфильдъ занимаетъ между англійскими писателями видное мѣсто, во-первыхъ, потому, что принадлежалъ къ людямъ, создававшимъ по примѣру французовъ новую литературу для высшихъ сословій, литературу, которая принадлежала цѣлой Европѣ, лишена была всякой національности и индивидуальности и расплывалась въ изнѣженномъ эгоизмѣ. Онъ былъ человѣкъ совершенно пригодный для такого дѣла; его знатность, его дѣятельность какъ свѣтскаго и государственнаго человѣка доставили ему многочисленныхъ поклонниковъ во всей Европѣ. Во-вторыхъ, онъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что подобно Болингброку, Юму и Гиббону, былъ очень хорошо знакомъ съ французскою литературою и по формѣ изложенія совершенно принадлежалъ къ французской школѣ. Каковы были его тенденціи и воззрѣнія на жизнь, мы объяснимъ, сказавъ, что главное его произведеніе: «Письма мистера Стенгопа къ сыну», представляетъ идеалъ свѣтскаго человѣка въ полномъ смыслѣ слова и служитъ руководствомъ къ тому, чтобы сдѣлаться такимъ человѣкомъ. Какъ свѣтскій человѣкъ, Честерфильдъ не хотѣлъ преподавать ни нравственныхъ, ни философскихъ принциповъ, а лишь привелъ въ систему то, что въ высшихъ кругахъ считается единственною мудростью и единственною дѣльною наукою. Онъ очень близокъ къ французскимъ писателямъ, называемымъ матеріалистами. Онъ между прочимъ ввелъ въ свое руководство для начинающаго свѣтскаго человѣка и наставленія, какъ обольщать женщинъ.

Романы Фильдинга и Ричардсона были писаны не для одного высшаго сословія; надобно прибавить, что они не имѣютъ прямой связи съ направленіемъ, развившимся изъ французскаго вліянія. Но и на нихъ виденъ рѣзкій отпечатокъ новаго времени. Фильдингъ выставляетъ машинальную набожность и іерархическое лицемѣріе въ такомъ же свѣтѣ, какъ французскіе писатели революціоннаго направленія, а манеру Ричардсона сами французы называютъ французскою. Въ особенности близокъ онъ къ французамъ въ томъ отношеніи, что, подобно Мармонтелю и Дидро, богатъ нравственными сентенціями и бѣденъ нравственностью, и что все приписывается у него искусству, ничего природѣ. И Фильдингъ, и Ричардсонъ имѣли сильное вліяніе на нѣмецкую литературу 70-хъ и 80-хъ годовъ XVIII вѣка.

3. Умственная жизнь французовъ въ первой половинѣ XVIII вѣка.

а) Вольтеръ.

Переходя къ Франціи, мы прежде всего будемъ говорить о Вольтерѣ, потомъ о Монтескьё и о Руссо,—трехъ писателяхъ, изъ которыхъ у каждаго была своя особенная сфера дѣятельности. Вольтеръ по всей своей натурѣ, по своему остроумію, по своей философіи, по характеру проповѣдуемой имъ образованности, былъ писателемъ только высшихъ сословій въ монархіяхъ, имѣющихъ дворы. Монтескье нашелъ идеалъ для себя въ Англіи, умѣлъ придать философскій блескъ англійской аристократіи и знатнымъ сановникамъ англійской церкви. Одинъ Руссо отважился проповѣдывать демократію идеальнаго міра среди военной, іерархической, деспотично-аристократической Европы.

Свѣтлый и холодный разсудокъ, неистощимое остроуміе, язвительная насмѣшливость, мастерское умѣнье владѣть языкомъ—все это дѣлало **Вольтера** самымъ страшнымъ врагомъ всего, что прежде считалось за истину; благодаря этимъ качествамъ, онъ много содѣйствовалъ тому, что въ высшихъ сословіяхъ Европы пріобрѣлъ господство новый тонъ общественной жизни, и новая практическая философія заступила мѣсто прежней школьной философіи. Чрезвычайно сильное вліяніе его имѣло вредную, но также и полезную сторону. Онъ много помогъ тому, что человѣческій умъ освободился отъ цѣпей, которыми сковали его свѣтскіе и духовные деспоты, что свѣжесть и живость вошли въ науку, которая была мертва отъ односторонней узкости взгляда и отъ сухаго буквоѣдства. Но то просвѣщеніе, которое онъ проповѣдывалъ, подобно теоріи Болингброка, не имѣло твердаго основанія, на которомъ могло бы удержаться отъ паденія. Это единственное основаніе—строгая нравственность; безъ нея, безъ чистой любви къ истинѣ и справедливости, безъ глубокаго презрѣнія къ своекорыстію и къ суетности, всякая борьба противъ существующаго вредна.

Тотъ духъ, которому Вольтеръ и его послѣдователи доставили владычество въ европейскомъ свѣтѣ, былъ духъ образованности блестящихъ кружковъ, какіе были во французскомъ обществѣ въ послѣднее время Лудовика XIV. Эти кружки, пророкомъ и идоломъ которыхъ былъ Вольтеръ, искали развлеченія въ разговорахъ, сверкавшихъ остротами, осыпали шутками и насмѣшками все высокое и святое, между тѣмъ какъ масса народа оставалась преданной формалистикѣ благочестія и суевѣрію; жила по прежнему въ невѣжествѣ, въ грязи и нищетѣ. Передъ народомъ каждый членъ этихъ кружковъ притворялся признающимъ и чтущимъ все, что казалось святымъ народу. Впослѣдствіи высшія сословія страшно поплатились за свое лицемѣріе и за господствовавшій у нихъ взглядъ на жизнь. Знатные господа и дамы не думали, что ихъ философія съ своими насмѣшками проникнетъ когда нибудь и въ работающій классъ, презираемый ими, закованный въ свѣтскія и духовныя цѣпи. Но она проникла въ него, и потому теперь высшіе круги стараются возстановить полицейскими средствами религію и нравственность, которую нѣкогда топтали ногами.

Источникъ чрезвычайнаго вліянія Вольтера заключался не въ одномъ природномъ его талантѣ, а также и въ обстоятельствахъ его развитія и жизни. Онъ родился въ Парижѣ въ концѣ XVII вѣка (въ 1694) и рано поступилъ въ одну изъ школъ, управляемыхъ іезуитами. Эти школы были еще тогда знамениты, особенно преподаваніемъ латинскаго языка и математики. Еще юношею онъ былъ введенъ въ общество остроумныхъ, великосвѣтскихъ развратниковъ, у которыхъ сладострастная роскошь, господствовавшая при дворѣ регента, соединялась съ осмѣиваніемъ всего серьезнаго и строгаго, и легкомысленному тону которыхъ уже начали подражать прозаики и поэты. Вольтеръ природою и воспитаніемъ былъ назначенъ къ тому, чтобы стать оракуломъ этихъ кружковъ. Первыя его стихотворенія, внушенныя этимъ обществомъ, были написаны въ очень ранней молодости. Тогда же (въ 1713) онъ написалъ стихи противъ Лудовика XIV за которые былъ посаженъ въ Бастилію, впрочемъ ненадолго. Этотъ арестъ далъ

ему видъ мученика и доставилъ ему тѣмъ болѣе обширную извѣстность, что своими стихами онъ лишь высказалъ то, что накипѣло въ мысляхъ у всѣхъ. Онъ продолжалъ писать колкіе стихи на тяжелый гнетъ святошествующаго правительства Лудовика XIV, осмѣивалъ тщеславныхъ и надменныхъ академиковъ, нѣкоторыхъ знаменитыхъ поэтовъ, монашество, іерархію и вообще христіанство, господствующее ханжество и нетерпимость, словомъ все, что тогда еще чтили съ глубокимъ уваженіемъ. Не смотря на цензуру и полицію, его стихи въ рукописяхъ распространялись въ такъ называемомъ хорошемъ обществѣ и обращали на себя тѣмъ больше вниманія, чѣмъ осторожнѣе надобно было распространять ихъ. Первое изъ его стихотвореній противъ христіанства показываетъ, что уже тогда (въ 1715), еще до знакомства съ Болингброкомъ и другими англійскими противниками народной религіи, Вольтеръ собирался начать ту борьбу, которую продолжалъ потомъ болѣе 60 лѣтъ. Изъ этого стихотворенія видимъ также, что монахи машинальнымъ богомольствомъ, іезуиты подавленіемъ ума и своими корпораціями, янсенисты догматичностью и аскетизмомъ уже возбуждали во всѣхъ разумныхъ людяхъ отвращеніе къ старому ученію.

Тогда же Вольтеръ сталъ писать драмы, чтобы сдѣлаться преемникомъ Расина и обогатилъ французскую литературу эпопеею, которая въ первоначальномъ своемъ видѣ называлась «Лига», потомъ прославилась подъ именемъ «Генріады» и долго считалась классическимъ эпосомъ. «Генріада» имѣла двѣ цѣли: проповѣдывать терпимость и раскрыть темныя стороны іерархіи, клира и монашества. Въ 1725 Вольтеръ былъ побитъ слугами вельможи, который обидѣлся его насмѣшливыми стихами, и ни судилища, ни правительство не дали удовлетворенія тяжко оскорбленному поэту, не принадлежавшему къ привилегированному классу. Поэтому Вольтеръ уѣхалъ изъ страны, гдѣ среднее сословіе не находило себѣ защиты противъ грубой наглости знати; онъ былъ человѣкъ самолюбивый и долженъ былъ возненавидѣть форму правленія, допускающую такія обиды, да и само правительство поступило съ нимъ произвольно. За рѣзкіе стихи онъ во второй разъ сидѣлъ въ Бастиліи при регентѣ. Онъ отправился въ Англію, прожилъ тамъ съ 1726 до 1729 г. и вошелъ въ тѣсную дружбу съ Болингброкомъ и его друзьями. Въ Англіи онъ издалъ «Генріаду» и пріобрѣлъ ею состояніе, какъ Попъ переводомъ «Иліады». Имена Георга II и двухъ Вальполей стояли первыми въ числѣ подписавшихся на его поэму. Въ тѣ годы, когда Вольтеръ жилъ въ Англіи, или вскорѣ послѣ того, онъ уже достигъ высочайшей славы, сталъ кумиромъ своей націи и оставался національнымъ идоломъ французовъ до Бонапарте, который поставленъ былъ въ идолы на его мѣсто. Набожный кардиналъ Флери ненавидѣлъ его; твердый въ католичествѣ Лудовикъ XV былъ предубѣжденъ противъ него кардиналомъ, да и самъ по себѣ имѣлъ врожденную антипатію ко всякому человѣку замѣчательнаго ума; они оба съ ужасомъ видѣли, что среди іезуитовъ, солдатъ и полицейскихъ, наперекоръ Бастиліи и цензурѣ, появился непреодолимый представитель общественнаго мнѣнія и духа времени.

По возвращеніи изъ Англіи Вольтеръ прославился драмами. Лирическими стихотвореніями онъ очаровывалъ вельможъ и дамъ, имѣвшихъ притязаніе на модную образованность. Своею исторіею Карла XII онъ показалъ, какъ надобно писать исторію, чтобы она была занимательна для общества, и какъ ей можно придать значеніе и вліяніе романа. Разумѣется, никто не станетъ искать у Вольтера исторіи въ настоящемъ смыслѣ слова, потому что его душѣ не доставало качествъ, которыя нужны, чтобы сдѣлать эту науку наставницею человѣчества. Но все-таки онъ оказалъ чрезвычайно большую услугу изученію исторіи. Только человѣкъ съ его талантомъ и умомъ могъ внести свѣтъ новой критики во мракъ педантовъ-компиляторовъ, могъ возвратить права здравому смыслу, изгнанному изъ исторіи авторами громадныхъ дедукцій, публицистами, писавшими генеалогическіе квартанты и фоліанты. Вольтеръ познакомилъ Европу съ принципами, внесенными въ исторію Болингброкомъ, заставилъ всѣхъ принять эти принципы, убѣдилъ, что кромѣ трудолюбія и памяти историку нужны и другія качества. У него нельзя ждать исторической вѣрности и точности; но онъ распространилъ по всей Европѣ свои идеи своею манерою историческаго изложенія, принудилъ читать свои историческія сочиненія и тѣхъ, которые называли его атеистомъ и

нечестивцемъ, потому что нѣкоторое время былъ единственнымъ человѣкомъ, умѣвшимъ писать исторію легко, умно и занимательно. Одно изъ его историческихъ сочиненій, Essai sur les moeurs et sur l'ésprit des nations (О нравахъ и духѣ націи), явившееся въ 1754, имѣетъ еще другое очень важное достоинство. Это первая философская всеобщая исторія и составляетъ очень большой шагъ впередъ сравнительно съ всеобщею исторіею Боссюэ и другихъ набожныхъ риторовъ.

По примѣру «Персидскихъ писемъ», Вольтеръ написалъ «Англійскія письма». Это сочиненіе вышло почти въ одно время съ его исторіею Карла XII; оно познакомило французовъ съ тогдашнимъ англійскимъ раціонализмомъ и англійскими понятіями объ общественной жизни. Письма эти имѣли для французской литературы и жизни такое же вліяніе, какъ черезъ 50 лѣтъ книга г-жи Сталь «О Германіи». Іерархическо-деспотическое французское правительство преслѣдовало ее по той же причинѣ, по которой военная деспотія Наполеона преслѣдовала сочиненіе г-жи Сталь. Мало того, что запретили книгу Вольтера, ее осудили формальнымъ приговоромъ и сожгли рукою палача. Вольтеръ нападалъ въ «Англійскихъ письмахъ» на тогдашнюю правительственную систему Франціи и на догматику; онъ въ это время уже открыто и прямо отрекся отъ христіанства. Около того же времени онъ очень умно и колко осмѣялъ схоластику ученыхъ въ своемъ «Храмѣ вкуса». Тутъ онъ нападалъ на педантическую, машинальную, безвкусную, безплодную школьную ученость. Эта книга вышла въ 1731 году.

Онъ счелъ благоразумнымъ жить внѣ Франціи, чтобы не быть во власти ожесточенныхъ враговъ, и поселился въ Лотарингіи. Скоро вошелъ онъ въ дружбу съ Фридрихомъ Великимъ. Эта дружба чрезвычайно увеличила его славу. Всѣ европейскіе государи, кромѣ короля французскаго, стали заискивать въ Вольтерѣ и льстить ему. Даже папѣ пріятно было, что Вольтеръ прислалъ ему свою трагедію «Меропу», хотя папа не могъ не понимать смысла нападеній на религіозный фанатизмъ, заключавшихся въ этой пьесѣ. Высшій европейскій свѣтъ превознесъ Вольтера въ особенности за «Космополита», сочиненіе, которое было запрещено во Франціи и подвергло автора новому гоненію. Это было первое и самое блестящее изложеніе той теоріи, которая служитъ евангеліемъ знатныхъ и богатыхъ XVIII и XIX вѣка. Умно и поэтически излагается тутъ философія промышлености, наука роскоши, ученіе о выгодахъ, приносимыхъ увеличеніемъ матеріальныхъ наслажденій. Напрасно возставали ханжи противъ книги. За эту ярость Вольтеръ ядовито осмѣялъ ихъ въ двухъ другихъ книгахъ, и чрезвычайный шумъ, возбуждаемый его остротами, внушилъ ему мысль издать сочиненіе, которое было вреднѣе для нравственности, чѣмъ осмѣяніе ревнителей и лицемѣровъ. Онъ увидѣлъ, какія вещи больше всего нравятся высшему свѣту; онъ думалъ только о славѣ и о почотѣ, не имѣлъ побужденій болѣе благородныхъ, чѣмъ тщеславіе, и потому написалъ знаменитую «Орлеанскую дѣву», самое грязное и самое блистательное произведеніе своего остроумія, не щадившаго ни Бога, ни людей. Для знакомства съ жизнью, образомъ мыслей и характеромъ разговоровъ тогдашней европейской аристократіи, эта поэма также важна, какъ важны для знакомства съ характеромъ и жизнью итальянской аристократіи XVI вѣка сочиненія Аретина; только съ этими сочиненіями и можно сравнить «Орлеанскую дѣву» Вольтера.

Во время своего пребыванія въ Лотарингіи Вольтеръ вздумалъ употребить свой талантъ умно и увлекательно разсказывать на то, чтобы придать занимательность математическимъ и естественнымъ наукамъ и чтобы вытѣснить изъ нихъ старину и іезуитство свободною новизною. Научнаго достоинства въ этихъ его сочиненіяхъ нѣтъ; но они много содѣйствовали разрушенію прежняго школьнаго преподаванія; за Вольтеромъ въ томъ же смыслѣ стали дѣйствовать д'Аланберъ и другіе; общими трудами ихъ былъ произведенъ тотъ результатъ, что точный методъ выводовъ и наблюденій получилъ перевѣсъ надъ спекулятивнымъ методомъ школьныхъ наукъ.

Мы не можемъ подробно разбирать здѣсь сочиненій, о которыхъ упоминали, не можемъ говорить о множествѣ другихъ, дидактическихъ произведеній, комедій, сатиръ, романовъ и философскихъ сочиненій Вольтера:—это заняло бы слишкомъ много мѣста, да и не соотвѣтствовало бы плану нашей книги. Мы только

скажемъ, въ чемъ состояло главное значеніе Вольтера, какъ историческаго лица, его вліяніе на развитіе образованности и политической жизни. Благодаря чрезвычайной свѣтлости и холодности своего ума, необыкновенной мѣткости своего остроумія, безпримѣрному мастерству въ умѣньи владѣть языкомъ высшаго парижскаго круга, Вольтеръ сдѣлалъ ненавистными или смѣшными тѣ принципы, по которымъ до той поры управляла міромъ свѣтская и духовная власть. Правда, его знаніе человѣческой природы было односторонне, его понятія также; онъ зналъ только одну жизнь, одно время, одну цивилизацію, считалъ достойнымъ своего вниманія только одинъ классъ людей. Но зато этотъ классъ онъ зналъ вполнѣ, со всѣхъ сторонъ, и никто лучше этого человѣка съ несравненнымъ умомъ не раскрылъ слабыхъ сторонъ тѣхъ кружковъ, среди которыхъ онъ жилъ. Только такой умъ, какъ Вольтеръ, могъ нанести смертельный ударъ господствовавшему лицемѣрію и софистикѣ, глупому спиритуализму и нелѣпой схоластикѣ іезуитовъ.

b) Монтескье.

Монтескье, какъ и Вольтеръ, подкапывалъ основанія тогдашняго французскаго политическаго и церковнаго устройства, но съ другой стороны. Вольтеръ, какъ поэтъ и философъ, нападалъ больше на суевѣріе и іерархію,—вещи, которыя болѣе всего мѣшали ему: Монтескье, какъ юристъ и дворянинъ, обращалъ болѣе вниманія на политическую сторону деспотизма, на неуваженіе къ закону и законнымъ формамъ. Сначала онъ писалъ въ духѣ Вольтера; но Вольтеръ остался при своей первой манерѣ до конца жизни, а Монтескье, проживъ нѣсколько времени въ Англіи, принялъ болѣе серьезный тонъ и сталъ къ своимъ современникамъ въ новое отношеніе, совершенно различное отъ того, въ какое становился въ первомъ своемъ произведеніи.

Это первое произведеніе Монтескье—«Персидскія письма». Тутъ выведены нѣсколько персіянъ, обмѣнивающихся мыслями о французскомъ правительствѣ, о нравахъ французовъ и о положеніи Франціи. Чтобы заставить публику обратить побольше вниманія на серьезную мысль книги, Монтескье пишетъ яснымъ занимательнымъ, легкимъ языкомъ и приплетаетъ свои замѣчанія къ восточному роману, довольно соблазнительному. Изображая состояніе Франціи въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка, Монтескье иронически доказываетъ, что понятія и учрежденія тогдашней военно-іерархической монархіи фальшивы и несостоятельны. Съ горькою насмѣшкою онъ описываетъ послѣднее время царствованія Лудовика XIV и время регентства, постоянно указывая противорѣчія тогдашняго быта съ естественнымъ, разумнымъ бытомъ, сообразнымъ духу времени. Онъ рисуетъ свою картину такими яркими красками, что якобинецъ временъ революціи едва ли могъ бы говорить рѣзче его, и уже одна смѣлость его занимала и изумляла всѣхъ въ тѣ времена, когда никто еще не отваживался прямо порицать правительство и церковь. Подъ маскою оріентализма, въ сущности ничего не скрывавшею, Монтескье громко высказывалъ то, что всѣ умные люди думали молча. Конечно, такая книга должна была произвести сильное впечатлѣніе. Мы не можемъ подробно пересказывать содержаніе «Персидскихъ писемъ»; замѣтимъ только, что Монтескье нападалъ оружіемъ сатиры на всѣ стороны французскаго правительства и администраціи, на систему вѣрованій, поддерживаемую насиліемъ, на іерархію, на монаховъ, на нетерпимость, на глупую и пустую схоластику ученыхъ, на французскую академію, занимавшуюся только лестью и набираніемъ пышныхъ словъ. Между прочимъ онъ излагаетъ и ту теорію государственнаго хозяйства, которую Вольтеръ изложилъ въ «Космополитѣ» и которая была любимою темою XVIII вѣка.

Два другія главныя сочиненія Монтескье—«Духъ законовъ» и «Размышленія о причинахъ возвышенія и упадка римлянъ»—написаны въ направленіи, нѣсколько отличномъ «Персидскихъ писемъ». «Письма» были написаны имъ еще до путешествія въ Англію, а эти два сочиненія уже по возвращеніи изъ Англіи, и знакомство съ нею измѣнило его политическій взглядъ. Увидѣвъ законный порядокъ у англичанъ,—то, какъ пользуются тамъ государственною церковью и

ея доходами, какая живая дѣятельность господствуетъ тамъ, какъ процвѣтаетъ эта страна, гдѣ тогда еще не было нынѣшняго рѣзкаго контраста между непомѣрнымъ богатствомъ и невыразимою нищетою,—посмотрѣвъ на все это, Монтескьё примирился со многими изъ тѣхъ вещей, на которыя нападалъ въ «Персидскихъ письмахъ». Въ Англіи онъ живо почувствовалъ, какимъ униженіемъ платятъ народы континента за полицейскую тишину, охраняемую насиліемъ, какими дурными послѣдствіями сопровождается для нихъ отсутствіе политической жизни. Побывавъ у англичанъ, онъ полюбилъ аристократію и нѣкоторые виды іерархіи, измѣнилъ тонъ, сталъ въ слѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ щадить религію и нравственность, идеализировать англійскія учрежденія, проповѣдывать такую политическую систему, въ которой отведено мѣсто духовенству, аристократіи и капиталу, какъ у англичанъ. Эта система понравилась мыслящей части французскаго общества. Сочиненія Монтескье располагали въ пользу англійской конституціи, располагало въ ея пользу и постоянное возрастаніе могущества, промышленности и богатства Англіи, потому что источникомъ этихъ успѣховъ считали англійскую конституцію. Такимъ образомъ, со времени Монтескье жители континента стали восхищаться англійскою конституціею и англійскимъ самоуправленіемъ, считать это устройство образцовымъ. Это вліяніе сочиненій Монтескье ощутительно еще и въ наше время.

Въ книгѣ «О причинахъ возвышенія и упадка Рима» Монтескьё излагаетъ римскую исторію также исключительно съ политическою цѣлью. Основную мысль онъ вывелъ изъ размышленій объ англійской исторіи и конституціи, какъ Боссюэ разсматривалъ всемірную исторію съ теологической точки зрѣнія, постоянно соображая ее съ еврейскими пророками и отцами церкви. Подобно «Персидскимъ письмамъ», книга Монтескьё о римской исторіи направлена противъ порядка дѣлъ, господствовавшаго во Франціи, и противъ католическаго духовенства. Онъ собственно хотѣлъ написать не историческое сочиненіе, а философскія размышленія для пробужденія міра изъ соннаго рабства. Римскою исторіею онъ только пользуется, чтобы ободрять подавленные умы своихъ соотечественниковъ примѣромъ самой великой и энергической изъ всѣхъ націй; судьбою этой націи онъ разъясняетъ имъ, что такое патріотизмъ, сознаніе собственной силы и своихъ неотъемлемыхъ правъ,—объясняетъ и то, какъ деспотизмъ унижаетъ народы и ведетъ ихъ къ погибели. Историкомъ въ настоящемъ смыслѣ слова онъ не былъ; нѣтъ у него и исторической критики; но цѣли своей онъ вполнѣ достигъ. Подобно сочиненіямъ Болингброка, его книга о римлянахъ дала публикѣ новое понятіе объ исторіи и чрезвычайно помогла разъясненію политическихъ вопросовъ своими историческими соображеніями; ими руководились потомъ всѣ, кто стремился замѣнить новымъ порядкомъ устарѣлое духовное и свѣтское устройство, державшееся только насиліемъ.

Черезъ 15 лѣтъ послѣ книги о римлянахъ, когда новое ученіе уже сдѣлало большіе успѣхи, Монтескьё издалъ свое сочиненіе «О духѣ законовъ» (въ 1749). Но только во второмъ изданіи, сдѣланномъ черезъ 9 лѣтъ, оно получило свой окончательный видъ. Въ немъ излагается теорія государственнаго устройства, противорѣчащая порядку, господствовавшему на континентѣ, и Монтескьё успѣлъ внушить ее высшимъ классамъ. Подобно Руссо, явившемуся послѣ него, онъ отвергаетъ основанія, которыя прежде считали коренною опорою государственнаго устройства, и подобно Руссо, считаетъ источникомъ государственнаго быта потребность общественнаго договора, которая возникла изъ первоначальной войны каждаго человѣка со всѣми прочими. Но у него нѣтъ мечты о первобытной чистотѣ естественнаго человѣка, которая была у женевскаго философа. По мнѣнію Монтескьё, общественный договоръ былъ не у всѣхъ націй одинаковъ. Но всѣ разницы въ его характерѣ, — продолжаетъ Монтескьё, — можно подвести подъ три основныя формы государственнаго устройства, изъ которыхъ впрочемъ ни одна не встрѣчается совершенно чистою, а всегда бываетъ болѣе или менѣе смѣшана съ другими. Изъ этихъ трехъ основныхъ видовъ государственнаго устройства республика представляется у Монтескьё недостижимымъ идеаломъ, а деспотія, — составляющая, по его словамъ, главнѣйшій элементъ въ абсолютно-монархическихъ и военныхъ государствахъ континента,—изображается у него язвою человѣчества, причиною нравственнаго искаженія и гибели людей; конституціонную

монархію онъ представляетъ единственнымъ прибѣжищемъ европейскихъ народовъ. Онъ съ всевозможною силою выставляетъ на видъ то обстоятельство, что въ деспотію перерождается всякое государственное устройство, въ которомъ не раздѣлены другъ отъ друга три власти,—законодательная, исполнительная и судебная. Этотъ принципъ онъ очень искусно обращаетъ на прославленіе англійской конституціи и на жестокое порицаніе правительственной системы континентальныхъ государствъ. Мы не будемъ говорить о подробностяхъ развитія этой главной мысли, разъясненію которой посвящено много мѣста въ «Духѣ законовъ»; замѣтимъ только одно: религія разсматривается въ этой книгѣ съ политической стороны, христіанство представляется религіею, соотвѣтствующею формѣ ограниченной монархіи, и церкви въ государственномъ зданіи Монтескьё отведено очень доходное мѣсто.

Характеръ изложенія въ «Духѣ законовъ» совершенно не тотъ, что въ «Персидскихъ письмахъ». Тутъ нѣтъ никакой тѣни насмѣшливости и ироніи. Но Монтескьё не вдается и въ основательную серьезность, желая, чтобы книга читалась легко. Это обстоятельство очень много содѣйствовало ея успѣху: знатные господа и даже знатныя дамы могли безъ труда пріобрѣтать понятія о политикѣ, законодательствѣ, финансовыхъ вопросахъ и могли ввести эти предметы въ свой разговоръ. И дѣйствительно, благодаря «Духу законовъ», формы правительства, государственнаго устройства, законы, сдѣлались предметомъ обыкновеннаго разговора въ салонахъ, такъ что даже люди, нисколько не заботившіеся ни о человѣчествѣ, ни о дѣлахъ, должны были теперь интересоваться этими вещами. Притомъ весь высшій классъ не могъ ждать себѣ ничего, кромѣ выгоды, отъ введенія устройства, скопированнаго съ англійскаго, въ которомъ баронамъ стараго времени обезпечивалось полное значеніе и вліяніе; поэтому политическая система Монтескьё стала евангеліемъ высшихъ сословій.

Особенную важность получилъ «Духъ законовъ» вслѣдствіе того, что надъ вторымъ его изданіемъ работали почти всѣ умѣренные люди Франціи и Англіи, занимавшіеся исторіею и государственными науками: они присылали автору свои замѣчанія и совѣты. Поэтому во второмъ изданіи эта книга можетъ считаться до нѣкоторой степени результатомъ трудовъ всѣхъ благородныхъ друзей умѣренной свободы, которые желали перемѣны существующей формы правительства, но не хотѣли ограничивать своей дѣятельности однимъ отрицаніемъ и разрушеніемъ, какъ Вольтеръ и его школа, и не хотѣли совершенно удаляться отъ историческаго и реальнаго основанія, какъ Руссо и его приверженцы. Благодаря этому, Монтескьё сдѣлался историческимъ и политическимъ оракуломъ своего времени, лучшіе изъ мыслителей, желавшихъ умѣренной свободы, стали подъ его знамя и съ замѣчтельнымъ діалектическимъ искусствомъ стали развивать его мысли въ примѣненіи къ частнымъ вопросамъ. Прямое дѣйствіе «Духа законовъ» на государственную жизнь было въ первое время, разумѣется, не такъ велико: на континентѣ слишкомъ привыкли презирать народъ и считать чуть не преступленіемъ, если кто-нибудь, не будучи должностнымъ лицомъ, занимается государственными дѣлами. Кромѣ того, во Франціи было больше раздраженія противъ аристократіи, чѣмъ противъ монархіи. Но черезъ тридцать лѣтъ послѣ своего перваго появленія, «Духъ законовъ» сталъ для всѣхъ руководствомъ въ политическихъ дѣлахъ, а во французской революціи на каждомъ шагу видно вліяніе мыслей, высказанныхъ Монтескьё,—хотя правда, что въ первое время революціи фельянская партія погибла именно отъ того, что не хотѣла отступать отъ принциповъ Монтескьё. Когда феодальная аристократія увидѣла наконецъ неизбѣжную погибель себѣ, Монтескьё сталъ якоремъ спасенія для преобразованнаго феодальнаго сословія во Франціи и для бывшаго имперскаго дворянства въ Германіи: феодалы, когда снисходили до спора или авторства, цитировали «Духъ законовъ», какъ піэтисты Библію.

c) Французскіе писатели, нашедшіе покровительство у Фридриха Великаго.

Прежде, чѣмъ перейти къ Руссо, мы должны сказать нѣсколько словъ о первыхъ апостолахъ Вольтеровой проповѣди, т. е. сарказма и осмѣянія, о писателяхъ, приглашенныхъ Фридрихомъ Великимъ изъ Голландіи въ Берлинъ; должно также упомянуть о литературныхъ парижскихъ кружкахъ, получившихъ большое значеніе для цѣлой Европы.

Отрицатели, которымъ покровительствовалъ Фридрихъ, почти всѣ были люди, бѣжавшіе изъ Франціи въ Голландію и печатавшіе тамъ книги, которыя, не смотря на всѣ запрещенія, распространялись во Франціи. Сами по себѣ всѣ они были люди незначительные, получившіе историческую важность только благодаря внѣшнимъ обстоятельствамъ. Первымъ изъ этихъ обстоятельствъ было то, что во Франціи подъ управленіемъ Флёри господствовалъ тонъ ханжества, и всѣ желавшіе сдѣлать карьеру должны были поддѣлываться подъ него; люди должны были вознаграждать себя за это по секрету и хватались за сочиненія изгнанниковъ; такимъ образомъ книги, сами по себѣ незначительныя, получили незаслуженную извѣстность. Во-вторыхъ, репутація этихъ сочиненій увеличивалась въ публикѣ тѣмъ, что ихъ авторамъ покровительствовалъ величайшій человѣкъ того времени. Въ-третьихъ, ее увеличивали правовѣрные ученые; эти неразумные приверженцы старины во Франціи и въ Германіи поднимали громкій крикъ противъ сочиненій изгнанниковъ, но, разумѣется, не могли поразить легковооруженныхъ отрицателей своимъ тяжелымъ оружіемъ, и своими нападеніями производили лишь то, что обращали на своихъ противниковъ вниманіе массы, которая безъ того и не знала бы о нихъ. Фридрихъ Великій ласкалъ писателей Вольтеровой школы просто потому, что находилъ въ ихъ кругу отдыхъ и развлеченіе; кромѣ того покровительство французскимъ писателямъ принесло ему политическую выгоду, которой сначала онъ и самъ не ждалъ; онъ пріобрѣлъ этимъ расположеніе французской націи, правительство которой было ему враждебно, пріобрѣлъ себѣ и ту славу, что стоитъ на высотѣ духа вѣка и служитъ представителемъ цивилизаціи.

Если говорить о достоинствѣ, какое сами по себѣ имѣли эти берлинскіе французы, то, оцѣнивъ двухъ знаменитѣйшихъ изъ нихъ, Ла Меттри и маркиза д'Аржана, мы увидимъ, что члены этого круга не отличались ни особеннымъ умомъ, ни нравственными достоинствами. Ла Меттри былъ человѣкъ очень мало знающій, но имѣлъ наглость выдавать чужія открытія и наблюденія за свои, переложилъ иронію и сарказмъ Вольтера и другихъ талантливыхъ людей въ формальную систему безнравственности и грубой чувственности. Всѣ его сочиненія до отвратительности наполнены безотраднымъ ученіемъ порока; эту теорію онъ излагалъ съ такою рѣзкостью, что самъ д'Аржанъ говорилъ: Ла Меттри проповѣдуетъ ученіе порока съ безстыдствомъ глупца. Книги Ла Меттри были сжигаемы въ Парижѣ по приказанію парламента; въ Лондонѣ — по распоряженію магистрата. Когда его изгнали и изъ Голландіи, какъ прежде изъ Франціи, Фридрихъ Великій пригласилъ его въ Берлинъ. Тутъ онъ до самой смерти оставался однимъ изъ постоянныхъ собесѣдниковъ короля, какъ льстецъ и забавникъ, онъ умѣлъ войти къ нему въ такую милость, что по смерти Ла Меттри Фридрихъ написалъ ему похвальную рѣчь. Мы поймемъ это, сообразивъ, что Фридрихъ познакомился съ Ла Меттри въ первое время своего правленія, когда особенно негодовалъ на святошъ, лицемѣровъ и педантовъ, господствовавшихъ при его отцѣ, и старался вознаградить себя въ остроумномъ французскомъ обществѣ за скуку, которую испытывалъ, будучи наслѣднымъ принцемъ.

Маркизъ д'Аржанъ былъ въ молодости адвокатомъ и офицеромъ; потомъ кутежъ, долги, ссора съ семействомъ, — все это заставило его уѣхать въ Голландію. Самъ онъ кормился литературными спекуляціями, разсчитанными на духъ времени; онъ изготовлялъ книги въ направленіи Вольтера и Монтескьё. Смѣлостью своихъ нападеній на принятыя мнѣнія и господствующую систему д'Аржанъ заслужилъ одобреніе Вольтера; Вольтеръ рекомендовалъ его Фридриху;

Фридрихъ пригласилъ къ своему двору. Д'Аржанъ до самой смерти оставался при Фридрихѣ; по своему титулу маркиза и по своимъ изящнымъ манерамъ онъ сталъ близкимъ лицомъ къ Фридриху; книги его имѣли успѣхъ, и онъ былъ даже сдѣланъ директоромъ отдѣленія изящной литературы берлинской академіи. Надобно сказать, что въ своей разнообразной прежней жизни онъ пріобрѣлъ знаніе людей и собралъ много наблюденій. Во Франціи его знали только по имени; но для Германіи онъ получилъ важность тѣмъ, что дѣйствовалъ въ ней, какъ апостолъ новаго ученія. Сильное вліяніе при дворѣ и его высокое положеніе въ берлинской академіи, его софистика и поверхностность, которую онъ старался прикрывать большою начитанностью, — все это возбуждало въ Берлинѣ негодованіе даже въ самыхъ горячихъ противникахъ старины, и они образовали партію для защиты нѣмецкой дѣльности противъ французскаго легкомыслія.

d) **Парижскіе литературные салоны** (**Bureaux d'esprit**).

Очень важное вліяніе на успѣхи французской цивилизаціи и на судьбу французскаго государства имѣли тѣ отношенія, въ которыя французскій дворъ сталъ къ литературѣ и городу Парижу съ начала XVIII вѣка. Въ XVII вѣкѣ дворъ, пребывавшій потомъ со времени Лудовика XIV въ Версалѣ (и остававшійся тамъ до революціи), господствовалъ надъ характеромъ образованности, модою и тономъ общества точно также, какъ надъ государствомъ. Но въ концѣ царствованія Лудовика XIV это стало измѣняться, а при Лудовикѣ XV дворъ совершенно отсталъ отъ хода цивилизаціи и литературы. Голосъ Парижа получилъ оппозиціонный характеръ, и его оппозиція являлась представительницею потребностей времени и страны. Флёри, 17 лѣтъ управлявшій государствомъ, считалъ грѣховнымъ дѣломъ все, походившее на свѣтскую науку или на свѣтскій разговоръ; онъ покровительствовалъ духовнымъ, школьнымъ ученымъ и тону временъ Лудовика XIV. Самъ король въ молодости интересовался только религіозными церемоніями, охотою и красивыми женщинами. Его супруга, дочь Станислава Лещинскаго, имѣла много прекрасныхъ качествъ, но была женщина ограниченнаго ума, совершенно подвластная іезуитамъ и преданная неразумному богомольству. Изъ любовницъ Лудовика XV Помпадуръ замѣтила, какую важность пріобрѣли писатели, и потому хотѣла показать видъ, будто желаетъ имъ покровительствовать и интересуется литературой. Но, во-первыхъ, она была совершенно лишена литературнаго вкуса; во-вторыхъ, лучшіе писатели не хотѣли выносить того обращенія, какому охотно подвергались люди въ родѣ Мармонтеля и другихъ получавшихъ отъ нея подачки. При такихъ условіяхъ литература совершенно отдѣлилась отъ двора и министровъ, и они остались лишенными того сильнаго средства имѣть вліяніе на массу, какое представляла тогда литература. Нація стала теперь слушать литературныхъ корифеевъ и ихъ друзей, знатныхъ парижскихъ господъ и дамъ, какъ прежде слушала правительство.

Въ Парижѣ нѣсколько дамъ составили кружки, овладѣвшіе господствомъ въ литературѣ и черезъ это получившіе большую важность для исторіи европейской цивилизаціи. Мы говоримъ во всеобщей исторіи Европы о частныхъ дружескихъ кружкахъ и о домахъ, въ салонахъ которыхъ собирались они; на первый взглядъ это кажется страннымъ, но это соотвѣтствуетъ характеру того вѣка, когда даже важнѣйшія правительственныя дѣла велись въ кабинетахъ любовницъ. Эти парижскіе кружки не превосходили нравственною строгостью версальскій дворъ, но всѣ мысли двора вертѣлись только около веселостей, іезуитовъ, процессій, любовницъ и людей, бывшихъ посредниками въ любовныхъ дѣлахъ, а эти кружки служили духу времени, вели остроумный, насмѣшливый разговоръ, враждебный всему, чему покровительствовали правительство и духовенство. Поэтому они получили рѣшительное вліяніе на литературу, и дамы, которыя привлекали къ себѣ и угощали знаменитыхъ писателей, занимаютъ въ политической и литературной исторіи XVIII вѣка такое же важное мѣсто, какъ Ришльё и Кольберъ въ исторіи XVII вѣка.

Мы назовемъ знаменитѣйшихъ изъ этихъ дамъ и сдѣлаемъ нѣсколько замѣтокъ въ доказательство и объясненіе такого мнѣнія о нихъ и ихъ кружкахъ. Прежде всѣхъ начала собирать у себя литературное общество г-жа де Тансенъ. Главными лицами ея круга были Монтескьё, академики Фонтенель, Меранъ и Эльвесіусъ, бывшій тогда еще очень молодымъ человѣкомъ. Сама она въ молодости далеко не отличалась строгою нравственностью, не соблюдала даже условныхъ приличій; но все-таки литературный салонъ ея доставилъ ей такое значеніе, что даже папа Бенедиктъ XIV завелъ съ нею переписку; бывъ кардиналомъ, онъ часто посѣщалъ ея литературные вечера, такъ что она даже доставила кардинальскую шляпу своему брату, а черезъ брата пользовалась большимъ вліяніемъ при дворѣ.

Г-жа Жоффренъ уступала ей умомъ и образованностью, но отличалась умѣньемъ держать себя и большимъ тактомъ въ обращеніи. Въ искусствѣ и въ наукѣ она почти ничего не понимала; еще меньше г-жи Тансенъ могла она отказаться отъ знатнаго въ пренебреженіи къ наукѣ, и сама вовсе не отрекалась отъ старой вѣры, а только скрывала свое трусливое богомольство. Она собирала у себя знаменитыхъ писателей только для того, чтобы отличаться ими въ глазахъ иностранныхъ государей, министровъ, знатныхъ иностранцевъ. Она прославилась во всей Европѣ, посвящая часть своего дохода и времени литературному обществу. Домъ ея считался школою хорошаго тона. Никто изъ важныхъ людей, пріѣзжавшихъ въ Парижъ, не могъ обойтись безъ визита къ ней. Всѣ нѣмецкіе дворы, служившие модѣ, имѣли корреспондентовъ, которымъ платили жалованье за то, чтобы получать извѣстія о всемъ происходящемъ при этомъ литературномъ дворѣ. Екатерина II также имѣла при немъ повѣреннаго; польскій король Станиславъ Лещинскій просилъ г-жу Жоффренъ пріѣхать въ Варшаву и принялъ ее какъ важное владѣтельное лицо; даже Марія Терезія приняла ее съ удивительнымъ почетомъ, когда она изъ Польши пріѣхала въ Вѣну. Въ домѣ г-жи Жоффренъ собирались всѣ тогдашніе «сильные умы», esprits forts. Кромѣ людей, собиравшихся прежде у г-жи Тансенъ, у нея бывали всѣ писатели насмѣшливой Вольтеровой школы; сначала бывалъ и Руссо. Чаще всѣхъ встрѣчался у нея Мармонтель, ея величайшій поклонникъ. Изъ иностранцевъ, бывавшихъ у ней въ гостяхъ, особенно замѣчательны были шведскій посланникъ Крейцъ и австрійскій министръ Кауницъ.

Въ одно время съ Жоффренъ играла роль г-жа дю Деффанъ. Эта дама, въ молодости не превосходившая строгостью нравовъ г-жу Тансенъ, превосходила ее и Жоффренъ умомъ и остроуміемъ и приняла въ обращеніи съ учеными такой тонъ, какого не могли принимать эти двѣ дамы: она являлась рѣшительницею философскихъ и литературныхъ вопросовъ; она вела переписку съ Вольтеромъ и съ Орасомъ Вальполемъ (стр. 40). Знаменитѣйшими изъ ея постоянныхъ гостей были Монтиньи, д'Аланберъ и президентъ парижскаго парламента, Эно. Но потомъ дю Деффанъ, какъ и Жоффренъ, измѣнила своимъ ученымъ друзьямъ: она не одобряла рѣзкости, съ которою они стали нападать на существующій порядокъ, потому что хотѣла свободы мнѣнія только для себя и для своихъ богатыхъ и знатныхъ пріятелей, но не хотѣла, чтобы это ученіе проповѣдывалось простымъ людямъ.

Потерявъ часть своего состоянія и ослѣпнувъ, она переселилась въ одинъ изъ парижскихъ монастырей, но всетаки продолжала собирать у себя ученыхъ и поэтовъ. Чтобы оживить разговоръ, она взяла къ себѣ въ это время бѣдную дѣвушку, де л'Эспинасъ, молодую, милую, живую и бойкую. Подъ старость дю Деффанъ сдѣлалась злою и бездушною эгоисткою и потому скоро поссорилась съ л'Эспинасъ. Разрывъ этотъ считался, можно сказать, европейскимъ дѣломъ. Изъ этого можно судить, какое значеніе имѣли тогда литературные салоны Парижа. Разошедшись съ прежнею своею покровительницею, де л'Эспинасъ составила около себя новый литературный кружокъ; такимъ образомъ въ Парижѣ стали рядомъ существовать два руководящіе трибунала, приговоры которыхъ разносились письмами по всей Европѣ. Въ кругу, собиравшемся у Эспинасъ, главными лицами были д'Аланберъ и Дидро. Тюрго, бывшій впослѣдствіи министромъ, принадлежалъ къ тому кругу смѣлыхъ людей, которые потомъ стали знамениты съ дурной и хорошей стороны подъ именемъ энциклопедистовъ.

О другихъ парижскихъ литературныхъ салонахъ мы не будемъ говорить. Замѣтимъ только, что нѣсколько позднѣе баронъ д'Ольбакъ сталъ собирать за своимъ богатымъ столомъ всѣхъ открыто вооружавшихся на всякую религію и всякую нравственность. Этотъ пфальцскій баронъ пріобрѣлъ громкую славу матеріалистическою теоріею, которую провозглашалъ собиравшійся у него кружокъ эпикурейцевъ, какъ потомъ во время революціи прусскій баронъ Клоцъ прославился своимъ помѣшательствомъ на атеизмѣ и на всемірной республикѣ. У д'Ольбака Дидро чувствовалъ себя въ обществѣ совершенно своего направленія; но д'Аланберъ, сначала бывавшій у барона, скоро удалился. Саксенъ-готскій повѣренный Гриммъ, тогда еще не баронъ и служившій секретаремъ у графа Фризе, также угощалъ литераторовъ. Сначала у него и у д'Ольбака бывали Бюффонъ и Руссо, но скоро оба перестали бывать.

е) **Первое время дѣятельности Руссо**.

Изъ писателей, имена которыхъ мы упоминали, будемъ говорить прежде всего о Руссо, хотя онъ, подобно Монтескьё, имѣлъ при жизни меньше послѣдователей, чѣмъ д'Ольбакъ, Дидро, д'Аланберъ и Эльвесіусъ, которые не требовали отъ испорченнаго, эгоистическаго поколѣнія невозможной для него добродѣтели. То было время движенія и перехода, а въ такія времена слушаютъ только голосъ страсти, и только крайнія мнѣнія имѣютъ за себя партіи, всякая же попытка посредничества остается безуспѣшною.

Главное значеніе Руссо въ томъ, что онъ хотѣлъ преобразовать религію, воспитаніе, домашнюю жизнь, то есть, самыя коренныя вещи въ обществѣ. Руссо стоялъ къ своей эпохѣ совершенно въ иномъ отношеніи, чѣмъ знаменитѣйшіе изъ парижскихъ ученыхъ. Чтобы вѣрно судить о его дѣятельности, надобно, оставляя въ сторонѣ его характеръ, какъ частнаго человѣка, замѣтить два обстоятельства: онъ былъ французъ только по языку, а не по происхожденію, и не хотѣлъ составлять себѣ въ Парижѣ карьеры, какой добивались академическіе софисты. Онъ родился въ Женевѣ, получилъ первое воспитаніе и образованіе среди протестантовъ, въ республикѣ, гдѣ тогда еще была строгая церковная дисциплина, хорошая нравственность, простота, скромная семейная жизнь,— словомъ сказать, была жизнь съ природою и по природѣ. Извѣстно, что впечатлѣнія дѣтства въ каждомъ человѣкѣ отражаются потомъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ рѣзче контрастъ, который составляютъ съ ними хорошія или дурныя впечатлѣнія позднѣйшей жизни. А на Руссо идеализированныя впечатлѣнія дѣтства должны были дѣйствовать сильнѣе, чѣмъ на всякаго другаго, потому что онъ по своей природѣ пошелъ совершенно не тѣмъ путемъ, какъ лизоблюды и болтуны большаго свѣта, составлявшіе большинство новыхъ философовъ. Онъ также входилъ въ кружки знатныхъ, богатыхъ и остроумцевъ. Но онъ не могъ, подобно Дидро и Мармонтелю, обратить литературную дѣятельность въ ремесло, которое давало бы ему средства прилично жить между богатыми людьми. Притомъ у него было слишкомъ много благородной гордости, чтобы играть роль человѣка, заискивающаго у богатыхъ и знатныхъ, платящаго за обѣды разговорчивостью и остротами. Такимъ образомъ Руссо избѣжалъ скалы, о которую разбивались тогда благороднѣйшіе умы: онъ узналъ такъ называемый высшій свѣтъ по прямому знакомству съ нимъ, но самъ не сдѣлался свѣтскимъ человѣкомъ.

Надобно также сказать, что Руссо не получилъ правильнаго школьнаго образованія, какъ другіе тогдашніе философы и беллетристы, которые всѣ учились и воспитывались по старой методѣ. Онъ былъ самоучка; историческія свѣдѣнія почерпнулъ изъ Плутарха, поэтическое образованіе изъ романовъ, потомъ съ упорнымъ прилежаніемъ изучалъ разнороднѣйшіе предметы. Это обстоятельство имѣетъ тѣсную связь съ направленіемъ его таланта и съ его отвращеніемъ къ офиціальнымъ и факультетскимъ ученымъ. Кромѣ того, и внѣшнія обстоятельства, и врожденныя особенности характера впутывали его въ самыя странныя положенія и приключенія. Въ ранней молодости онъ перешелъ изъ протестантства въ католичество, потомъ изъ католичества опять въ протестантство,

былъ нѣсколько времени слугою, потомъ нѣсколько лѣтъ любовникомъ знатной дамы, потомъ жилъ переписываніемъ нотъ, потомъ былъ секретаремъ у посланника и т. д. Въ этой смѣнѣ положеній и круговъ общества онъ очень рано потерялъ простоту нравовъ и нравственную чистоту, но въ пожилыхъ лѣтахъ сдѣлался пламеннѣйшимъ защитникомъ ихъ.

Пріѣхавъ въ Парижъ около 1745, Руссо, какъ и всѣ начинающіе писатели того времени, искалъ покровительства Вольтера. Онъ получилъ его. Дидро и другіе писатели, издававшіе тогда огромную «Энциклопедію», увидѣли въ немъ хорошаго сотрудника. Они ввели его въ салоны. Чтобы пріобрѣсти право на такое отличіе и упрочить себѣ мѣсто въ салонахъ, онъ въ 1750 написалъ свое извѣстное сочиненіе на премію, назначенную Дижонской академіей за отвѣтъ на вопросъ: содѣйствовало ли улучшенію нравовъ возстановленіе классическихъ наукъ въ три послѣднія столѣтія. Съ этимъ своимъ сочиненіемъ Руссо вдругъ измѣнилъ свой образъ мыслей и свой образъ жизни. Онъ взялъ вопросъ съ философской стороны и обратилъ его въ общій вопросъ о томъ, улучшается ли нравственная сторона человѣка отъ образованности. Онъ отвѣчалъ: «Нѣтъ», и хотя Академія была противнаго мнѣнія о сущности дѣла, но тѣмъ не менѣе дала ему премію за проницательность, энергію и краснорѣчіе, съ которыми онъ развилъ свой взглядъ. Тутъ Руссо въ первый разъ высказалъ свою основную идею, которою потомъ руководился и въ жизни, и во всѣхъ слѣдующихъ своихъ произведеніяхъ,—идею, что естественное состояніе человѣка служитъ кореннымъ условіемъ его нравственности и счастья, что выходъ изъ этого положенія, стало быть, и научное развитіе, служитъ причиною всей порчи и всѣхъ бѣдствій между людьми. Руссо всю свою жизнь развивалъ этотъ принципъ съ энтузіазмомъ, какой можетъ происходить только изъ самобытнаго искренняго убѣжденія, и самъ старался слѣдовать ему въ жизни, жертвуя для этого всѣмъ до безумія. Такимъ образомъ сочиненіе Руссо на Дижонскую премію было событіе очень важное въ его судьбѣ, очень важное и для всемірной исторіи. Важность его для всемірной исторіи состоитъ въ томъ, что направленіе, принятое Руссо, совершенно совпадаетъ съ всеобщею потребностью радикальнаго улучшенія, и потому онъ необходимо долженъ былъ сдѣлаться пророкомъ новаго міра и новаго времени. Надобно сказать, что и въ этомъ, и въ послѣдующихъ сочиненіяхъ Руссо ставитъ вопросъ и развиваетъ свою систему не какъ историческій критикъ, а какъ діалектикъ и ораторъ. Онъ начинаетъ съ принципа, изъ котораго уже будутъ логически вытекать всѣ слѣдующія мысли, если разъ допустить самый принципъ. Свои историческіе доводы онъ беретъ безъ критики изъ историческихъ басенъ, излагая ихъ ораторски; напримѣръ, онъ воображаетъ, что нашелъ остатки своего идеальнаго человѣческаго быта у спартанцевъ, у римлянъ первыхъ временъ республики, у готентотовъ, у жителей Разбойничьихъ острововъ и у другихъ дикарей. Онъ излагаетъ свою гипотезу съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ искренняго убѣжденія. Эта занимательность изложенія, заманчивость, какую имѣетъ всякая совершенно новая идея, и тосвойство массы образованнаго общества, что она способна быть убѣждаема только энергіею выраженія, а не внутреннею основательностью доказательствъ, — вотъ причины, доставившія успѣхъ ученію Руссо.

Вскорѣ послѣ этого отвѣта на Дижонскую премію Руссо написалъ сочиненіе о французской музыкѣ, которымъ пріобрѣлъ себѣ очень много враговъ, но и очень много славы. Теперь ему была открыта дорога обыкновенной хорошей карьеры. Но онъ не пошелъ по ней и выбралъ совершенно иной путь, путь лишеній. Онъ удалился отъ парижской жизни. Если тутъ и участвовало тщеславіе, то подобное тщеславіе все-таки гораздо ближе къ нравственному достоинству мудреца, чѣмъ честолюбіе знатныхъ рабовъ и паразитство знаменитыхъ тогдашнихъ академиковъ.

Въ 1753 дижонская академія, вызвавшая первое сочиненіе, прославившее Руссо, дала ему поводъ подробнѣе развить свою главную мысль или свое главное заблужденіе и представить демократическую систему государственнаго устройства, о какой до него никто не смѣлъ и думать. Онъ сдѣлалъ это въ отвѣтъ на ея вопросъ «О причинахъ неравенства между людьми». Этотъ отвѣтъ, также получившій отъ дижонской академіи премію, Руссо посвятилъ магистрату своего

роднаго города, ставшаго для него идеаломъ республики по живымъ воспоминаніямъ молодости и наслажденія природою; посвященіе написано очень благородно. Въ самомъ сочиненіи онъ объявляетъ всякое неравенство слѣдствіемъ порчи человѣка отъ общества, и всякое общественное устройство производитъ изъ злоупотребленія силы одною стороною, изъ слабости другой стороны. Онъ предполагаетъ, что неравенство, развившееся отъ порчи человѣка въ обществѣ и отъ злоупотребленія силы, произвело самую ужасную безпорядицу, и продолжаетъ, совершенно противорѣча всему, что мы знаемъ о первобытныхъ государствахъ, что эта безпорядочная борьба привела къ сознанію о необходимости договора на которомъ основано возникновеніе первобытнаго государства. Мы видимъ, что Руссо идетъ тутъ путемъ теоріи, а не путемъ изученія фактовъ, которое одно можетъ разъяснить намъ, что такое государство и государственное устройство. Онъ ищетъ лишь всеобщаго, котораго нигдѣ нѣтъ и не было, а не конкретныхъ явленій. Это второе сочиненіе Руссо было также написано съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, и поколѣніе, недовольное своимъ бытомъ, необходимо должно было вывести изъ него слѣдующія заключенія: жизнь человѣка въ обществѣ ненатуральна, вредна развитію высшихъ сторонъ человѣческой природы; нормальное состояніе человѣка — состояніе физическаго благополучія. А такія мысли необходимо должны были вести къ понятію о государственномъ устройствѣ, нимало не похожему на то, какимъ восхищался тогдашній свѣтъ въ сочиненіяхъ Монтескьё; идеи Руссо должны были тѣмъ болѣе восторжествовать надъ идеями оракула аристократіи, что Руссо, какъ мыслитель и писатель, гораздо выше Монтескьё. Сочиненіе Руссо о причинахъ неравенства, небольшое по объему, было пламеннымъ манифестомъ, приглашавшимъ образованныхъ людей отвергнуть все тогдашнее общественное устройство.

Самъ Руссо, упоенный славою и увлеченный живостью воображенія, думалъ, что отъ безусловнаго примѣненія его идей къ жизни надобно ждать философскаго искупленія человѣческаго рода. Поэтому онъ задумалъ два сочиненія для всесторонняго разъясненія и приложенія своихъ идей къ жизни. То были «Новая Элоиза» и «Общественный договоръ». Въ «Общественномъ договорѣ» Руссо по своему діалектическому методу излагалъ новую теорію государственнаго устройства, которая относилась къ теоріи Монтескьё точно также, какъ парижское хорошее общество къ человѣку, воспитанному по системѣ Руссо. «Новая Элоиза», явившаяся нѣсколько раньше «Общественнаго договора», излагала весь взглядъ Руссо на жизнь, его оригинальную мораль, его сантиментальныя мысли о семейной жизни и о наслажденіи природою, о страсти и о добродѣтели безъ предразсудковъ, о парижскихъ философахъ, о религіи и церковномъ ученіи. Эти мысли были облечены въ форму романа, чтобы стать доступными массѣ народа. Мы не можемъ излагать здѣсь содержанія «Элоизы» и «Общественнаго договора» и должны ограничиться объясненіемъ главной тенденціи Руссо и причины, на которой было основано его огромное значеніе и вліяніе этихъ двухъ его произведеній, вліяніе отчасти сохранившееся доселѣ.

Содержаніе «Общественнаго договора» служитъ развитіемъ главныхъ мыслей, высказанныхъ въ сочиненіяхъ, увѣнчанныхъ дижонскою академіею. Кореннымъ принципомъ своей теоріи онъ ставитъ первобытный договоръ, на которомъ, по его мнѣнію, основалось государство, но слѣдовъ котораго,—замѣтимъ мы,—нельзя найти, нигдѣ ни въ какія времена. Съ глубокомысленною діалектикою при помощи риторическихъ средствъ и набранныхъ отовсюду примѣровъ онъ строитъ на этомъ основаніи блестящее зданіе, непрочность котораго замѣтна лишь тому, кто можетъ видѣть, что непроченъ самый фундаментъ. У Руссо рѣшительно нѣтъ той практичности и умѣнья держаться историческихъ данныхъ, какія нужны человѣку, желающему основывать новыя государственныя учрежденія. Онъ и самъ говоритъ во введеніи, что людей надобно брать такими, каковы они есть, а законы такими, каковы они могутъ быть; но все-таки въ основаніе своей системы онъ беретъ не существующіе факты, а отвлеченныя понятія. Онъ не хочетъ обращать вниманія на безчисленныя случайности, которыми обусловливается дѣйствительное существованіе государствъ, а создаетъ непрактичные абстракты, или, если угодно, недосягаемые идеалы. При такомъ методѣ ему было легко выставить противъ ученія Монтескьё о конституціонной монархіи идею верховной

власти народа и демократіи, легко было, вмѣсто англійской конституціи, рекомендуемой Монтескьё, поставить образцомъ учрежденія мелкихъ швейцарскихъ кантоновъ и доказать, что эти учрежденія удобопримѣнимы къ большимъ націямъ.

Теорія Руссо государства и государственнаго устройства не имѣетъ никакого практическаго значенія для нашего міра, котораго нельзя построить теоретически, потому что онъ уже построенъ практикой тысячелѣтій. Но она однако получила чрезвычайно важное историческое значеніе для новаго и новѣйшаго времени. Она не осталась въ школьномъ кругу, какъ безчисленное множество другихъ теорій и системъ, но проникла въ умы людей. На это были разныя причины. Во-первыхъ, романы Руссо сдѣлались евангеліемъ такъ называемыхъ образованныхъ людей. Во-вторыхъ, къ принятію идей «Общественнаго договора» располагала смѣлость діалектики Руссо, соотвѣтствовавшая потребностямъ вѣка, располагала форма его изложенія, располагали движенія, начавшіяся до французской революціи въ Сѣверной Америкѣ, въ Польшѣ, Корсикѣ и въ Женевѣ. Въ-третьихъ, толпа всегда при всякомъ положеніи дѣлъ бываетъ довольна, когда изъ одного понятія логически выводится рядъ другихъ понятій; она безсознательно увлекается этою аргументаціею и забываетъ, что въ жизни и для жизни понятіе—не фактъ. Величайшее значеніе «Общественный договоръ» получилъ во французскую революцію. Тогда ученіе Руссо проникло въ народъ, тогда именно самые благороднѣйшіе люди обольщались діалектикою и идеализмомъ Руссо. Люди, достигшіе господства во Франціи въ 1793, были совершенно проникнуты «Общественнымъ договоромъ» Руссо, какъ составители конституціи 1791—«Духомъ Законовъ» Монтескье. Да и теперь ученіе Руссо живетъ въ народѣ, и—принявъ такую форму, которую самъ Руссо, быть можетъ, отвергъ бы,—служитъ пугаломъ для французскаго правительства.

Романъ, явившійся нѣсколько раньше этого творенія,—«Новая Элоиза»,—написанъ, по словамъ самого Руссо, съ цѣлью показать непосредственное примѣненіе главныхъ идей его увѣнчанныхъ сочиненій и понятій, вытекающихъ изъ нихъ, показать, какъ должны отразиться въ жизни его идеи о человѣкѣ и человѣчествѣ, о любви и природѣ, о нравственности, религіи, жизни. Собственно романическая часть—наименѣе важная часть этого романа; главное въ немъ—письма, вставленныя въ романическую завязку; тутъ Руссо высказываетъ свои мнѣнія, выражаетъ ту страсть и тѣ чувства, которыя зналъ по опыту; составляя часть романа, эти разсужденія пріобрѣтали больше читателей и больше вліянія, чѣмъ имѣли бы, будучи написаны отдѣльною книгою. Вліяніе «Новой Элоизы» было тѣмъ сильнѣе, что въ тогдашнее время еще не смѣнялись быстро, какъ нынѣ, одинъ романъ другимъ, одно впечатлѣніе другимъ. Отъ романовъ Ричардсона и Фильдинга (стр. 64) «Новая Элоиза» отличается тѣмъ, что Фильдингъ, изображающій самую грубую дѣйствительность, мало вдается въ моральныя разсужденія, а Ричардсонъ морализируетъ на обычный ладъ своей церкви и своей націи; напротивъ того, Руссо создаетъ свою самобытную систему нравственности и представляетъ читателю лишь то, что самъ прочувствовалъ и пережилъ.

«Новая Элоиза» Руссо имѣла такое сильное вліяніе на человѣчество, какого никогда не имѣлъ ни одинъ романъ. Главная причина была та, что Руссо не является тутъ софистомъ или ораторомъ, а говоритъ отъ полноты искренняго убѣжденія. Съ силою вліянія «Новой Элоизы» можно сравнить только то дѣйствіе, какое имѣлъ нѣкогда на Германію «Вертеръ» Гете. Противъ романа Руссо вооружились не одни защитники старины, но и софисты новыхъ идей; многочисленные приверженцы великосвѣтской, блестящей и сладострастной цивилизаціи также всѣ возстали на энтузіаста, проповѣдывавшаго ученіе, столь противоположное ихъ интересамъ. Зато эта книга стала догматическою книгою своего времени для лучшихъ людей всѣхъ сословій, для всѣхъ, кто чувствовалъ потребность реформы въ нравахъ, въ жизни, въ правительствѣ. Этимъ опредѣляется значеніе «Новой Элоизы». Она ввела въ ряды противниковъ стараго порядка людей, вовсе непохожихъ на поклонниковъ Вольтера, Дидро и Эльвесіуса. Благородные люди съ горячимъ сердцемъ сторонились отъ Вольтера и другихъ, которые горькою шуткою и сарказмомъ требовали какъ будто только разрушенія; но въ ту эпоху пробужденія къ новой жизни честные люди хотѣли изгнать изъ

жизни испорченность и искусственность, сблизить людей съ природою; ихъ привлекла къ себѣ «Новая Элоиза», авторъ которой возвѣщалъ вмѣсто аскетической и мрачной догматики религію сердца, вмѣсто старой морали католическаго катихизиса—добродѣтель искренняго чувства. Надобно впрочемъ сказать, что «Новая Элоиза» породила (особенно въ Германіи) множество плохихъ подражаній, цѣлый потопъ дрянныхъ сентиментальныхъ романовъ и драмъ, которыя вызвали и лѣтъ тридцать поддерживали болѣзненную игру чувствами, глупую болтовню о природѣ и о жизни въ природѣ. Лица, которыхъ Руссо выводитъ въ «Новой Элоизѣ», не простолюдины, а благородные люди большаго свѣта; такимъ образомъ онъ изображаетъ въ своемъ романѣ лучшую сторону тогдашней модной цивилизаціи. Она рисуется у него искусственною, противоестественною, и въ контрастъ ей онъ выставляетъ идиллическую прелесть простой жизни и искренняго чувства. Чтобы яснѣе показать цѣль и манеру Руссо, мы укажемъ на нѣкоторыя подробности романа и на ихъ значеніе для жизни.

Въ одномъ мѣстѣ романа, для приведенія контраста между искусственностью и естественностью, Руссо изображаетъ чопорную натянутость жизни, въ которой всѣ отношенія опредѣлены этикетомъ и безчисленными формами. Онъ представляетъ всю пустоту и неестественность того изящнаго образованія, которое господствуетъ въ такъ называемомъ хорошемъ обществѣ, и выводитъ идеалъ практическаго философа, землевладѣльца и знатнаго домохозяина,—все это обрисовано такъ живо, что его картина принесла больше пользы, чѣмъ цѣлыя библіотеки проповѣдей. Вслѣдъ затѣмъ онъ показываетъ натянутость и испорченность жизни своихъ современниковъ въ стянутости, жесткости и безвкусіи ихъ платья, въ искусственности устройства ихъ домовъ, въ вычурности модной стрижки тогдашнихъ садовъ, уродующей природу, и тутъ же очаровательными описаніями пробуждаетъ любовь къ природѣ и ея красотамъ. Эти немногія подробности достаточно доказываютъ, какъ сильно должна была влiять книга Руссо. Послѣ «Новой Элоизы» все это измѣнилось. Всѣ, хотѣвшіе быть людьми новаго міра, сблизились съ природою. Этотъ романъ содѣйствовалъ побѣдѣ классической архитектуры надъ хитрымъ, изукрашеннымъ стилемъ придворныхъ архитекторовъ; сады сбросили съ себя мертвенность, ножницы садовника перестали уродовать деревья подрѣзываніемъ ихъ въ странныя фигуры; исчезли гряды тюльпановъ и раковины;—сады стали разводить въ англійскомъ вкусѣ, близкомъ къ природѣ. Только дворъ со всѣмъ принадлежавшимъ къ нему остался вѣренъ старому этикету, натянутому церемоніалу, нелѣпымъ формамъ комнатнаго убранства и одежды, садамъ въ старомъ французскомъ вкусѣ и голландскимъ тюльпанамъ; отъ этого стала еще шире пропасть, раздѣлявшая сословія, и еще смѣшнѣе стали казаться претензіи аристократовъ.

Другая сторона «Новой Элоизы» особенно важна для Швейцаріи и для Германіи, гдѣ вліяніе сентиментальности Руссо не такъ скоро исчезло изъ условной свѣтской жизни, какъ во Франціи. Прежняя система воспитанія, деспотизмъ въ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ, суровая строгость, съ которою преслѣдовался въ дѣтяхъ первородный Адамовъ грѣхъ, отдаленіе, въ какомъ держали ихъ, наружное благоговѣніе, котораго требовали отъ нихъ родители къ себѣ,—все это поставлено у Руссо въ невыгодный контрастъ съ идиллическою семейною жизнью, и оказалось передъ нею такимъ тяжелымъ и неудобнымъ, что и эта сторона жизни совершенно измѣнилась. Въ Германіи перемѣнѣ помогали Базедовъ, Кампе и другіе педагоги, примѣнявшіе идеи Руссо къ условіямъ нѣмецкой жизни; ей содѣйствовали также Клаудіусъ, Фоссъ, Гёльти и другіе поэты, настраивавшіе свои лиры на тонъ, заданный Руссо. Вслѣдствіе этого въ Германіи домашняя жизнь стала свѣтлѣе и мягче, а наслажденіе природою стало—сначала модою, потомъ и дѣйствительною потребностью.

За «Новою Элоизою» скоро явилось другое произведеніе Руссо—«Эмиль или о воспитаніи»; тутъ систематически излагалось все, что въ «Новой Элоизѣ» было отрывочно говорено о жизни и житейскихъ дѣлахъ, особенно о религіи и воспитаніи. Эта теорія также была облечена въ форму романа, и отъ этого всѣми читалась. Форма романа заохочивала отцовъ и матерей знакомиться съ книгою, въ которой съ очевиднѣйшею убѣдительностью доказывалась совершенная нелѣпость тогдашняго воспитанія и преподаванія; книга была тѣмъ привлека-

тельнѣе, что, повидимому, удаляла изъ жизни всякія хлопоты и заботы,—дѣло дѣлалось шутя. Ребенка надобно было воспитывать безъ принужденія, безъ битья, не муча его книгами, и онъ, даже безъ особенныхъ способностей, все понималъ и все усвоивалъ себѣ легко и притомъ усвоивалъ только то, что было прямо полезно для жизни. Вліяніе этой книги было особенно сильно въ Германіи: тамъ недалекіе люди, энтузіасты и спекуляторы хотѣли цѣликомъ примѣнить къ частной дѣйствительности теорію, которая должна была служить только идеаломъ, какъ Платонова республика; они выдергивали куски изъ романа Руссо, спивали ихъ въ систему и старались ввести ее въ жизнь, какъ евангеліе воспитанія. Во Франціи нельзя было дѣлать этого при старомъ правительствѣ и при іерархіи. Впрочемъ, намъ вообще кажется, что положительная сторона «Эмиля» не заслуживаетъ большаго значенія. Руссо совершенно удаляется въ ней отъ дѣйствительности. Но зато совершенно хороша у него отрицательная сторона, опроверженіе господствовавшей тогда системы воспитанія.

Эмиль начинается словами: «Все хорошо, при выходѣ изъ рукъ Творца: все портится въ рукахъ человѣка». Итакъ, Руссо первыми же словами своей книги говоритъ, что видитъ перстъ Божества только во внѣшней природѣ и ея законахъ, но не видитъ его въ развитіи человѣчества и въ прогрессѣ цивилизаціи. Выходя изъ этого принципа, онъ, то въ формѣ разсказа, то въ формѣ разговоровъ, излагаетъ свой идеалъ воспитанія и преподаванія; Базедовъ, Зальцманъ и Кампе старались потомъ осуществить этотъ идеалъ въ Германіи. Далѣе онъ излагаетъ религіозное и нравственное ученіе, которымъ хочетъ измѣнить для молодаго поколѣнія государственную религію, поддерживаемую законами, полиціею и судилищами. Онъ очень жарко возстаетъ противъ положительныхъ религій, но доказываетъ необходимость религіозныхъ чувствъ, какъ опоры для нравственности. Самымъ опредѣленнымъ образомъ высказываетъ онъ свои мнѣнія о религіи и христіанствѣ въ «Исповѣданіи вѣры савойскаго священника», которымъ заключается этотъ отдѣлъ его книги.

Эта часть «Эмиля» возбудила противъ Руссо сильнѣйшій крикъ. На него поднялись мертвящіе іезуиты, строгіе янсенисты, правовѣрные протестанты, поднялись также многіе изъ невѣрующихъ, которые великосвѣтски осмѣивали всякую религію и нравственность. Невѣрующіе сердились за то, что Руссо противопоставлялъ религію чувства ихъ ученію холоднаго разсудка, защищалъ противъ ихъ скептицизма ученіе о Богѣ, провидѣніи, будущей жизни, призывалъ чувство простыхъ натуръ свидѣтельствовать противъ ихъ дерзкихъ шутокъ и сарказмовъ. Приверженцевъ существующихъ религій Руссо раздражилъ тѣмъ, что отвергалъ откровеніе, чудеса и боговдохновенность библіи, историческую религію, отвергалъ хотя не такимъ тономъ, какъ скептики, но все-таки отвергалъ, какъ и они. Приверженцы старой вѣры подняли на Руссо гоненіе, вмѣсто того, чтобы принять его голосъ въ предостереженіе себѣ и постараться возстановить падающую старую вѣру въ новой одеждѣ. Разумѣется, результатомъ гоненія было только то, что весь образованный свѣтъ принялъ сторону преслѣдуемаго, сталъ видѣть въ немъ апостола и мученика, обратился къ его ученію. Прежде всѣхъ стали мстить ему янсенисты черезъ парижскій парламентъ, въ которомъ были сильны. По приказанію парламента, книга Руссо была сожжена рукою палача, а его самого парламентъ велѣлъ арестовать, но онъ успѣлъ убѣжать. Но протестантскій магистратъ Женевы точно также поступилъ съ книгою и рѣшилъ поступить также и съ авторомъ. Руссо уѣхалъ въ Бернъ. Но патриціи, господствовавшіе въ Бернѣ, велѣли ему удалиться изъ своего кантона, и Руссо нашелъ пріютъ себѣ только подъ прусскимъ покровительствомъ въ невшательской деревнѣ, Мотье-Траверъ. Тутъ онъ написалъ знаменитую свою апологію противъ архіепископа парижскаго, который обнародовалъ особое пастырское посланіе, гдѣ называлъ Руссо еретикомъ; эта апологія по силѣ и достоинству рѣчи одно изъ первыхъ произведеній XVIII вѣка, стоящее рядомъ съ «Письмами Юніуса» и статьями Лессинга противъ Гёте.

f) Театръ.

Перемѣна въ характерѣ французской драматической поэзіи, происшедшая около половины XVIII вѣка, была особенно важна для нѣмцевъ: тогда явился новый родъ пьесъ, занимающихъ средину между трагедіею и комедіею,—собственно такъ называемая драма; въ Германіи она имѣла гораздо больше успѣха, чѣмъ во Франціи, и писатели, которые перенесли ее въ Германію, Ифландъ, Коцебу и другіе, до сихъ поръ сохранили больше вліянія на массу, чѣмъ Лессингъ, Шиллеръ и Гете.

Въ классической трагедіи Корнель и Расинъ сдѣлали у французовъ все, что можно быто сдѣлать въ этой формѣ. Если послѣ нихъ Вольтеръ пріобрѣлъ успѣхъ своими трагедіями, то успѣхъ этотъ основывался лишь на томъ, что онъ въ превосходныхъ стихахъ провозглашалъ со сцены смѣлыя мысли, которыхъ нельзя было распространять иначе. Никто не станетъ приписывать Вольтеру духа творчества или дара высокой поэзіи. Поэтому на Вольтера, автора трагедій, надобно смотрѣть не какъ на поэта, а какъ на народнаго оратора, который пользовался своимъ литературнымъ и стихотворнымъ талантомъ для сценической борьбы съ фанатизмомъ, схоластикою, раболѣпствомъ и деспотизмомъ.

Комедіи Мольера были такъ превосходны, что его преемники, Реньяръ и Детушъ, должны были избрать другую форму комизма, чтобы не проиграть отъ сравненія съ нимъ. Онъ показывалъ контрасты человѣческой натуры и нравовъ въ индивидуальныхъ характерахъ; они стали представлять сцены изъ жизни или для возбужденія смѣха превращали ихъ въ каррикатуру, но дѣлали это ловко и остро. Потомъ комедія все дальше и дальше уклонялась отъ поэзіи, по мѣрѣ того какъ духъ вѣка становился прозрачнѣе, обращался къ чистому реализму. Комедія дошла до того, что стала просто служить развлеченіемъ для общества, представлять лишь обыкновенное салонное общество, остроумное, но развратное, все больше и больше примѣнялась къ требованію испорченнаго свѣта, неспособнаго цѣнить истинное искусство и находившаго главное удовольствіе въ остротахъ, скандалахъ и легкомысліи.

Такой характеръ имѣютъ пьесы Пирона, Грессе и Ле-Сажа. Ле-Сажъ извѣстенъ у насъ въ Германіи не комедіями, а романами. Самый знаменитый изъ нихъ, «Жиль Блазъ», не имѣетъ прямаго отношенія къ эпохѣ; но «Хромой Бѣсъ» изображаетъ подъ испанскими именами лица и отношенія парижской жизни (онъ, подобно «Жиль Блазу», передѣланъ изъ испанскаго романа). Изъ комедій Ле-Сажа самая замѣчательная — «Тюркаре»; въ ней онъ мастерски изображаетъ темныя стороны блестящаго правленія Лудовика XIV и въ особенности выводитъ знаменитыхъ спекулянтовъ, сосавшихъ изъ народа кровь въ концѣ этого царствованія. Эта пьеса копія съ жизни; она написана прозою и принадлежитъ къ числу первыхъ комедій, больше приблизившихся къ жизни, чѣмъ къ поэзіи.

Результатъ нашихъ краткихъ замѣтокъ можно выразить слѣдующими словами. Трагедію можно давать только такой публикѣ, въ которой предполагается религіозное настроеніе; это настроеніе слабѣло; слабѣло и нравственное чувство, котораго требуетъ истинно-поэтическая комедія. Потому театръ нѣсколько времени былъ въ застоѣ. Во время этого застоя явился въ замѣнъ прежнихъ элементовъ новый. Многіе люди новаго направленія, въ томъ числѣ и Вольтеръ, хотѣли замѣнить чувство нравственнаго долга и религіознаго закона неопредѣленнымъ чувствомъ человѣчности или трогательностью, то есть, сантиментальностью; театральная публика одобряла ихъ; она хотѣла, чтобы ее трогали и развлекали, а не того, чтобы ее потрясали или возвышали, какъ прежде. Такимъ образомъ явилась «трогательная драма». Первый сталъ писать въ этомъ родѣ Ла-Шоссе. Напрасно Вольтеръ вооружился своимъ остроуміемъ противъ новой драмы, она была порождена духомъ времени; поэтому самъ Вольтеръ долженъ былъ уступить требованію публики.

Дидро довелъ трогательную драму до совершенства. Онъ сблизилъ ее съ обыкновенною жизнью тѣмъ, что сталъ писать свои пьесы прозою (Ла-Шоссе

и Вольтеръ писали трогательныя драмы еще стихами, по прежнему обычаю трагиковъ). Еще важнѣе было, что онъ изгналъ комическій элементъ и далъ первое мѣсто въ пьесѣ трогательности и романичности завязки. Характеръ вліянія Дидро ва театръ соотвѣтствовалъ его философско-нравственному направленію. Дидро былъ однимъ изъ тѣхъ людей, жизнь и характеръ которыхъ представляютъ самые странные контрасты. По природѣ онъ былъ добродушенъ, имѣлъ истинно благородное сердце; онъ пріобрѣлъ основательныя научныя знанія; но онъ стремился къ наслажденію и имѣлъ рѣшительное презрѣніе къ общепринятой морали. Но это презрѣніе происходило у него единственно отъ чрезвычайнаго негодованія на умственное рабство; подобнымъ негодованіемъ проникается каждый благородный человѣкъ, когда замѣчаетъ, что его долго водили на помочахъ и обманывали. Потомъ обстоятельства обратили въ предметъ денежной спекуляціи то, что первоначально было у Дидро только порывомъ чувства, и напослѣдокъ онъ сталъ такимъ же фанатикомъ своей теоріи, какъ и Руссо.

Пьесы Дидро, «Побочный сынъ» и «Отецъ семейства», сами по себѣ имѣли мало достоинства и вліянія; но очень сильное вліяніе имѣли его статьи о театрѣ. Статьи эти написаны очень растянуто; въ нихъ попадаются очень странные мысли и приговоры; но у добродушныхъ и домохозяйственныхъ нѣмцевъ, живущихъ семейною жизнью, онѣ имѣли чрезвычайное вліяніе. Отъ нихъ пошли драмы Юнгеровъ, Ифландовъ, Коцебу. Впрочемъ и въ самыхъ пьесахъ Дидро есть сторона, важная для французской исторіи. По нашему мнѣнію, очень замѣчательно, что люди, разрушавшіе прежнюю церковную и нравственную дисциплину громкими выраженіями презрѣнія къ ней, безнравственными романами и скандалезными горькими сатирами,—что эти самые люди изображали на сценѣ моральную чувствительность и идиллическую нѣжность. Это надобно сказать о Дидро, а еще больше о его подражателяхъ, Бомарше и Фабръ д'Эглантинѣ.

g) Энциклопедисты и матеріалисты.

Дидро важенъ не по одному своему вліянію на театръ,—онъ принадлежалъ къ такъ называемымъ esprits forts, «сильнымъ» или «смѣлымъ умамъ», которые съ величайшею смѣлостью нападали на всѣ понятія, полученныя нами по преданію, а въ особенности на христіанство и даже вообще на всякую религію. Эту отважную карьеру Дидро началъ подъ эгидою англичанина: въ 1745 онъ передѣлалъ сочиненіе Шефтсбёри; его передѣлка была гораздо смѣлѣе и рѣзче оригинала. Но все-таки, онъ дѣйствовалъ тутъ еще осмотрительно и осторожно. Черезъ шесть лѣтъ, въ своихъ «Философскихъ мысляхъ», Pensées philosophiques, онъ уже совершенно порѣшилъ съ господствовавшею системою и началъ смертоносную войну противъ всего, во что искренно вѣрилъ народъ. Самое заглавіе показываетъ, что Pensées philosophiques написаны противъ Pensées Паскаля. Паскаль рядомъ мыслей, которыхъ нельзя, по его мнѣнію, ни доказать, ни опровергнуть, показываетъ слабость человѣческаго ума и выводитъ изъ этого необходимость откровенія; Дидро точно такимъ же методомъ идетъ къ противоположной цѣли, доказывая, что человѣкъ ни собственнымъ мышленіемъ, ни откровеніемъ никогда не достигаетъ такого знанія, которое было бы выше силъ его разсудка. Онъ беретъ дѣло не съ одной только философской стороны; онъ нападаетъ и вообще на христіанство, и въ частности на важнѣйшія его стороны; эти нападенія отличаются рѣзкостью и опредѣлительностью, по которой его книга далеко выше всѣхъ атеистическихъ сочиненій, о которыхъ мы упоминали выше.

Еще дальше пошелъ Дидро въ своей смѣлой борьбѣ противъ господствующаго ученія, издавъ «Письма слѣпаго на пользу зрячимъ»; книга эта вышла черезъ три года послѣ «Философскихъ мыслей». Въ ней уже видимъ первые слѣды его атеистическаго фанатизма и краснорѣчія, внушаемаго ему этимъ энтузіазмомъ; но въ ней Дидро еще воздерживается отъ грубаго матеріализма и совершеннаго отрицанія Бога. За это сочиненіе его заперли въ Венсенскій замокъ; но преслѣдованіемъ, какъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, достигли лишь того результата,

что публика стала считать автора мученикомъ и съ удвоеннымъ усердіемъ принялась читать его сочиненія.

Освободившись отъ ареста, Дидро составилъ планъ большаго сочиненія, которое излагало бы всѣ знанія, заслуживающія изложенія; для такого изданія, конечно, должно было работать цѣлое общество людей, и необходимо было, чтобы то были люди одинаковаго образа мыслей, чтобы изданіе соотвѣтствовало своей цѣли. Цѣль состояла въ томъ, чтобы это изданіе, замѣняя собою всякія другія ученыя книги, изложило въ духѣ новаго ученія всѣ отрасли знанія и ознакомило съ новымъ ученіемъ, противоположнымъ старой философіи и религіи, всѣ сословія и классы общества. Это была знаменитая «Энциклопедія». Сотрудники ея, получившіе имя энциклопедистовъ, именно и есть тѣ люди, которыхъ обыкновенно называютъ «философами XVIII вѣка», которые долго были предметомъ чрезмѣрныхъ похвалъ, а теперь стали предметомъ такой же чрезмѣрной брани. Во время семилѣтней войны они образовали родъ академіи или ученой корпораціи, которая дѣйствовала въ то самое время, когда іезуитскій орденъ былъ уничтоженъ папою. Самое значительное лицо между ними былъ д'Аланберъ, который сначала раздѣлялъ съ Дидро общую редакцію изданія и написалъ знаменитое «Введеніе» въ «Энциклопедію»; мы еще будемъ говорить объ этомъ Введеніи. Дидро писалъ статьи по искусствамъ и технологіи и по древней философіи. Онъ очень вредилъ успѣху изданія своимъ грубымъ матеріализмомъ и нападеніями на христіанство въ своихъ статьяхъ. Ихъ рѣзкость заставила многихъ сотрудниковъ удалиться, въ томъ числѣ и д'Аланбера, такъ что Дидро становилось все труднѣе продолжать изданіе, и наконецъ его поддерживалъ только Вольтеръ, неуступавшій ему въ фанатизмѣ. Дидро перессорился со всѣми умѣренными людьми, съ правительствомъ, которое то запрещало, то опять позволяло продолжать «Энциклопедію», съ издателемъ и даже съ публикою. Онъ выказалъ въ этомъ дѣлѣ изумительную непоколебимость, но не имѣлъ достаточныхъ силъ, чтобы самому завѣдывать всѣмъ, и былъ принужденъ дать участіе въ дѣлѣ людямъ, работавшимъ по заказу; разумѣется, и товаръ ихъ былъ не выше фабричныхъ издѣлій.

Мы еще возвратимся къ Дидро, когда намъ надобно будетъ говорить о его романахъ. Здѣсь замѣтимъ только, что дю Деффанъ и Жоффренъ перестали принимать въ свои салоны его и его друзей, что даже Фридрихъ Великій отшатнулся отъ него въ 1773. Но его покровительницею сдѣлалась императрица Екатерина II, для которой былъ нужнѣе, чѣмъ для Фридриха, такой европейскій глашатай ея славы; она щедро поддерживала его деньгами,

Нѣкоторые изъ энциклопедистовъ съ нѣсколькими другими писателями составляли Ольбаковское общество, о которомъ мы уже говорили (стр. 74), что оно съ истиннымъ фанатизмомъ проповѣдывало чисто матеріалистическую систему эгоизма и наслажденія. Знаменитѣйшіе изъ членовъ этого круга, называемыхъ матеріалистами, были самъ Ольбакъ, Дидро, Эльвесіусъ, Гриммъ, Мармонтель, Кондорсе и Реналь. Это была партія, прямо стремившаяся съ уничтоженію господствующей религіи и моральной системы своими многочисленными сочиненіями. Въ собраніяхъ у д'Ольбака, какъ на конгрессѣ, шли правильныя пренія о томъ, что надобно писать по какому вопросу и какія сочиненія надобно издавать. Самая смѣлая и извѣстная книга, вышедшая изъ этого кружка, похожаго на литературную фабрику, была «Система природы» (Systeme de la nature); природа изображалась въ ней не болѣе, какъ машиною, религія объявлялась пустою мечтою, нравственность — предразсудкомъ или привычкою, словомъ сказать, все, неподводимое подъ физическіе законы и неслужащее наслажденію, называлось нелѣпостью. Противъ такой крайности отрицанія возсталъ самъ Вольтеръ. Непонятно, какъ Эльвесіусъ, человѣкъ честный и хорошій, бывшій легкомысленнымъ только по желанію славы, могъ участвовать въ такой дѣятельности. Можно до нѣкоторой степени объяснить это развѣ тѣмъ что тогда считалось дѣломъ чести выказывать свободу мыслей и отвагу среди всеобщаго раболѣпства и лицемѣрія.

Этимъ надобно объяснить и то, что Эльвесіусъ написалъ свою безотрадную книгу «О Духѣ», въ которой открыто систематизировалъ принципы тогдашняго большаго свѣта. Какъ человѣкъ свѣтскій, онъ стремился къ тому, что

считалось въ его время славою, и тѣмъ легче достигъ славы своею книгою, что ему много помогало и личное его положеніе. Онъ въ молодости получилъ долю въ государственномъ откупѣ (онъ сдѣлался откупщикомъ въ 23 года), рано пріобрѣлъ княжеское богатство, сдѣлался поэтому однимъ изъ первыхъ лицъ въ парижскихъ салонахъ, имѣлъ знакомство со всѣмъ высшимъ кругомъ цѣлой Европы и сдѣлалъ свой домъ сборищемъ его. Этими обстоятельствами нѣсколько оправдывается и содержаніе его книги; кромѣ высшаго круга онъ никогда не зналъ другихъ классовъ общества; потому натурально было, что онъ не могъ смотрѣть на умственную и нравственную жизнь иначе, какъ съ точки зрѣнія высшаго круга. Когда вышла его книга, дю Деффанъ сказала (по крайней мѣрѣ такъ говорятъ): «онъ выдалъ тайну всякаго»;—иными словами, это значило, что книга Эльвесіуса публично высказываетъ ту практическую философію, которая до тэй поры оставалась исключительнымъ секретомъ хорошаго общества. Когда явилась эта книга, весь высшій европейскій свѣтъ громко восхвалилъ ее за то, что она превосходно привела въ систему тѣ понятія, которыхъ держится каждый; потому, даже не смотря на сухость изложенія, всѣ такъ удивлялись автору, что каждый государь или вельможа, пріѣзжавшій въ Парижъ, искалъ его знакомства. Только Фридрихъ Великій понялъ, что высшему кругу должно сдѣлаться гибельно это обнародованіе принципа, на которомъ основана его жизнь. Но и Фридрихъ содѣйствовалъ успѣху книги чрезвычайнымъ почетомъ, съ какимъ принялъ Эльвесіуса въ своемъ дворцѣ, когда онъ пріѣхалъ въ Берлинъ, — пріѣхалъ, впрочемъ, ни какъ писатель, а какъ откупщикъ, вводить въ Пруссію откупную систему. Разумѣется, примѣру Фридриха послѣдовали всѣ нѣмецкіе государи французскаго образованія. Даже усердный приверженецъ протестантской старины, король Георгъ III Англійскій, вѣроятно, и не читавшій книгу Эльвесіуса, съ почетомъ принялъ ея автора, когда онъ пріѣхалъ въ Англію.

Мы не можемъ подробно разсказывать здѣсь содержаніе книги Эльвесіуса; сдѣлаемъ лишь нѣсколько замѣтокъ о немъ. Эльвесіусъ выводитъ всѣ наши представленія изъ чувственныхъ впечатлѣній, всю дѣятельность человѣческаго ума ставитъ въ томъ, что онъ замѣчаетъ эти впечатлѣнія и ихъ отношенія. Такимъ образомъ у него является система чистаго матеріализма, и его философскіе, нравственные, практическіе выводы имѣютъ такой характеръ, что вовсе не странно, что книга такъ понравилась знатному свѣту. Эльвесіусъ допускаетъ только одно побужденіе для всѣхъ дѣйствій—эгоизмъ; онъ не признаетъ нравственной свободы; такъ называемый нравственный или духовный міръ считаетъ только однимъ изъ отдѣловъ физическаго міра; понятіе добродѣтели сводитъ къ понятію привычки дѣлать то, что приноситъ постоянную пользу; мудрость и знаніе Аристотеля кажется ему не болѣе великимъ и почтеннымъ, чѣмъ искусство отличной актрисы или кокетки. Онъ самъ по себѣ былъ благородный человѣкъ, имѣлъ богатый запасъ глубокихъ наблюденій, поэтому высказываетъ много благороднаго; но даже и въ этихъ мѣстахъ своей книги онъ не скрываетъ презрѣнія къ нравственному принципу, презрѣнія, бывшаго не его личной особенностью, а принадлежностью тогдашней великосвѣтскости. Изъ этого мы дѣлаемъ одинъ выводъ: притязанія высшихъ сословій доходили тогда до такого размѣра, что неизбѣжнымъ слѣдствіемъ ихъ была полная реформа существующаго порядка. И дѣйствительно, тамъ, гдѣ Эльвесіусъ говоритъ о государствѣ, правительствѣ, законодательствѣ и воспитаніи, онъ приходитъ къ такому же результату, какъ Монтескье и Руссо, хотя принципъ его вовсе не похожъ ни на солидность Монтескье, ни на энтузіазмъ Руссо къ естественному состоянію человѣка. Мы говорили о той сторонѣ книги Эльвесіуса, которая раскрываетъ испорченность высшихъ сословій; но въ ней есть и другая сторона, показывающая намъ, что при всей испорченности этихъ сословій, даже и въ нихъ была тогда искренняя любовь къ человѣчеству, умственное движеніе, которое одушевляло тогда всѣхъ лучшихъ людей, былъ энтузіазмъ къ прогрессу человѣчества. Слѣпота вѣры и суевѣрія, произвольная власть, схоластика людей, защищавшихъ византійскія и римскія понятія, и желѣзное иго военнаго владычества — все это сокрушается у Эльвесіуса подъ ударами рѣчи, какъ потомъ было сокрушено ударами меча Дантона и его товарищей.

Эльвесіусъ, хотя другимъ путемъ, но шелъ къ той же цѣли, какъ Монтескье и Руссо, но шелъ къ ней сознательно: — это ясно изъ втораго его сочи-

ненія, «de l'Homme»—«О Человѣкѣ», вышедшаго въ 1771. Въ сущности, здѣсь излагается тоже самое ученіе, какъ и въ книгѣ «О Духѣ»; но радикальные политическіе принципы, которые лишь едва обозначаются въ первомъ сочиненіи, высказываются въ этомъ второмъ уже такъ опредѣленно и открыто, что Фридрихъ Великій возненавидѣлъ эту книгу. Фридрихъ тогда же понялъ, что въ литературѣ новаго направленія владычествуетъ демократическій духъ.

Обращаемся наконецъ къ д'А л а н б е р у; отчасти по своему сотрудничеству въ «Энциклопедіи», а еще больше потому, что былъ другомъ Вольтера и его представителемъ въ Парижѣ, онъ игралъ въ парижской литературѣ важную роль, важнѣе, чѣмъ самъ Дидро; онъ былъ осторожнѣе, тоньше, благоразумнѣе Дидро, хотя имѣлъ такія же чувства къ господствующей религіи, какъ Эльвесіусъ. Подобно Вольтеру, Монтескьё и Руссо, онъ имѣлъ большое вліяніе на образъ мыслей высшаго круга; но еще важнѣе онъ тѣмъ, что вносилъ принципы новаго ученія въ науку, хотѣлъ пересоздать въ его духѣ даже записную ученость. Началомъ своей извѣстности д'Аланберъ былъ обязанъ математическимъ трудамъ, потомъ получилъ репутацію, какъ другъ Вольтера и какъ свѣтскій человѣкъ. Онъ игралъ большую роль въ свѣтскомъ обществѣ и въ литературныхъ салонахъ, сталъ близкимъ другомъ Фридриха Великаго, который велъ съ нимъ постоянную переписку, и долго исполнялъ въ академіи должность составителя похвальныхъ рѣчей, комплименты которыхъ цѣнились тогда многими тщеславными людьми выше орденовъ.

«Введеніе въ Энциклопедію», о которомъ мы уже упоминали, было первымъ изъ тѣхъ сочиненій д'Аланбера, которыя важны для исторіи тогдашняго умственнаго развитія. Это Введеніе можно назвать манифестомъ тогдашнихъ доктринеровъ. До сихъ поръ оно считается во Франціи образцомъ ученаго изложенія и, дѣйствительно, заслуживаетъ величайшихъ похвалъ спокойствіемъ и выдержанностью тона, ясностью, искуснымъ распредѣленіемъ частей, заслуживаетъ удивленія и чрезвычайною ловкостью, съ которою старая система понятій и прежнее распредѣленіе наукъ ниспровергаются въ немъ такъ, что читатель почти не замѣчаетъ, какъ это сдѣлалось въ его мысляхъ. Это сочиненіе д'Аланбера — логическое развитіе принципа Локка, что все человѣческое знаніе основано на чувственномъ опытѣ, — не то, чтобы только начиналось съ него, а все основано только на немъ. Выходя изъ этого принципа, д'Аланберъ сводитъ всю науку къ рефлексіи, сравненію чувственныхъ впечатлѣній и къ наблюденію того, что полезно намъ, что вредно. Такимъ образомъ д'Аланберъ говоритъ, что умственная жизнь обусловливается животною жизнью, которая служитъ ей единственнымъ основаніемъ, отвергаетъ непосредственное воззрѣніе, творческую силу фантазіи, всякое абстрактное мышленіе, находитъ, что даже понятіе справедливости и чувство добраго основаны на физической природѣ человѣка. Натурально, что при такомъ взглядѣ д'Аланберъ даетъ первое мѣсто въ ряду наукъ естествознанію и математикѣ. Понятно также, что въ поэзіи и въ искусствѣ онъ не признаетъ творчества, а видитъ только способность подражанія, и что техническія искусства онъ ставитъ гораздо выше созерцательной науки. Неудивительны и смѣлыя его слова, что средніе вѣка не имѣли въ себѣ ничего, кромѣ варварства и варварской литературы; неудивительно и то, что онъ преднамѣренно осмѣиваетъ и унижаетъ даже великихъ ученыхъ того дивнаго вѣка Италіи, который можно сравнивать только съ вѣкомъ процвѣтанія Аѳинъ.

Изъ множества другихъ сочиненій д'Аланбера упомянемъ только о его памфлетѣ противъ Руссо. Изъ памфлета д'Аланбера и изъ возраженія Руссо на его статью можно видѣть разницу въ характерѣ дѣятельности этихъ двухъ главныхъ философовъ той поры, можно видѣть и то, что при всей разницѣ направленій они совершенно сходились во мнѣніи, что мораль, поддерживаемая полицейскими мѣрами, и правительственная система, опирающаяся на солдатъ,—вещи одинаково гибельныя. Споръ между д'Аланберомъ и Руссо возникъ по поводу статьи д'Аланбера «Женева», «въ Энциклопедіи». Д'Аланберъ до чрезмѣрности превознесъ женевскую республику, чтобы похвалами ей косвенно высказать недостатки французской монархіи и несостоятельность системы, господствовавшей во Франціи. Онъ дѣлалъ это очень тонко и осторожно, вовсе не въ тонѣ дерзкихъ сарказмовъ д'Ольбака и Дидро. Между прочимъ онъ прославлялъ терпимость, господ-

ствующую въ Женевѣ, и кстати приглашалъ женевцевъ уничтожить послѣдній остатокъ прежней нетерпимости въ ихъ городѣ,—запрещеніе театра. Статья вызвала протестъ съ стороны женевскаго духовенства, но, главное, вызвала также возраженіе со стороны Руссо. Женевское духовенство было очень смущено и раздражено, что д'Аланберъ хвалитъ его за то, что оно не придаетъ никакой важности догматикѣ и учитъ только нравственности. Руссо воспользовался статьей д'Аланбера, чтобы защитить свою демократическую философію противъ аристократической философіи энциклопедистовъ. На протестѣ женевскаго духовенства мы не будемъ останавливаться, а займемся возраженіемъ Руссо.

Руссо разсуждаетъ, повидимому, только о вредѣ или пользѣ театра; но главная цѣль его—разоблачить модныхъ софистовъ, которые хотѣли обратить на пользу себѣ и богатымъ сословіямъ новую, свободнѣйшую жизнь, пробуждавшуюся во всѣхъ классахъ общества, т. е., хотѣли заковать міръ въ новыя цѣпи. Рѣзко говоритъ онъ противъ тогдашнихъ модныхъ академиковъ, противъ софистовъ, бывшихъ паразитами у богатыхъ и знатныхъ, защищавшихъ ихъ пороки и придумавшихъ особую систему добродѣтели, соотвѣтствующую ихъ чувственности. По вопросу о театрѣ Руссо, въ негодованіи на фальшивую цивилизацію, разбираетъ драматическую поэзію не съ эстетической, а съ нравственной стороны. Разборомъ нѣскольких знаменитыхъ трагедій онъ доказываетъ, что величіе и блескъ, съ какими являются въ нихъ злодѣи, должны вредно дѣйствовать на нравственность, хотя эти лица и наказываются поэтическимъ правосудіемъ. Потомъ онъ прилагаетъ ту же мѣрку къ комедіямъ. Съ особенною подробностью разбираетъ онъ Мольерова «Мизантропа» и тутъ развиваетъ свою теорію жизни, противоположную господствующимъ нравамъ и цивилизаціи. По его словамъ, Мольеръ вообще выводитъ на сцену слабыя и смѣшныя стороны тѣхъ людей, которые не принадлежатъ къ такъ называемому хорошему обществу, а въ «Мизантропѣ» осмѣялъ то, чего никогда не прощаютъ люди хорошаго тона, — добродѣтель; онъ осмѣялъ ее въ особенности тѣмъ, что въ контрастъ прямодушному, благородному человѣку, выведенному на увеселеніе публики, выставилъ въ лицѣ Филинта идеалъ спокойнаго и холоднаго свѣтскаго человѣка, который не увлекается ничѣмъ, кромѣ собственныхъ выгодъ; Руссо превосходно характеризуетъ Филинтовъ всѣхъ странъ и временъ, — онъ удивительно обрисовываетъ подъ этимъ именемъ людей придворной и свѣтской философіи, которая по-аристократически прикрашиваетъ всѣ пороки гибкой софистикой; тутъ рисуется система дѣйствій, которой держались энциклопедисты и держатся подобные имъ доктринеры и оптимисты большаго свѣта, — люди, практическая философія которыхъ по выраженію Руссо, чрезвычайно сходна съ философіею мошенниковъ. Онъ дѣлаетъ нѣсколько такихъ рѣзкихъ выходокъ въ своемъ негодованіи на жизнь людей, принципы которыхъ распространялись д'Аланберомъ и его друзьями, и уже только послѣ всего этого переходитъ къ вопросу о введеніи театра въ Женеву. Отвѣчая на него, онъ показываетъ, какое вредное вліяніе на нравы города, сохранившаго простоту, имѣлъ бы образъ жизни актеровъ и актрисъ, распространяемый театромъ вкусъ къ нарядамъ и къ разсѣянной жизни и т. д.

Какъ въ «Новой Элоизѣ», такъ и тутъ главною цѣлью Руссо было выставить презрѣнность парижской жизни и той цивилизаціи, которую рекомендовали энциклопедисты. Это его возраженіе на статью д'Аланбера надѣлало такого шума, что д'Аланберъ не могъ молчать. Онъ написалъ отвѣтъ, но отвѣтъ былъ тривіаленъ, и авторъ по гнусной манерѣ салонныхъ людей вплелъ личность своего противника въ споръ о предметѣ. Той стороны, которая была дѣйствительно слаба у Руссо, такой человѣкъ какъ д'Аланберъ не могъ замѣтить. Эта слабая сторона стояла въ томъ, что Руссо не понималъ истинной поэзіи; онъ видѣлъ въ поэзіи только то, что принадлежитъ въ ней чувству и разсудку, но не видѣлъ того, что создается поэтическимъ творчествомъ. На сторонѣ д'Аланбера былъ перевѣсъ тамъ, гдѣ дѣло касалось частнаго вопроса о театрѣ; онъ говоритъ о нравахъ артистовъ и о вліяніи театра съ большимъ знаніемъ человѣческой жизни, чѣмъ Руссо, и безъ ипохондріи, которою увлекся его противникъ. Какъ человѣкъ-имѣвшій большую свѣтскую опытность, онъ умѣлъ замѣтить еще одну ошибку у Руссо: Руссо предлагалъ женевцамъ вмѣсто театра развлеченія собственнаго изобрѣтенія, и д'Аланберъ умѣлъ посмѣяться надъ этою фантазіею.

4. Стремленіе нѣмцевъ создать литературу, соотвѣтствующую духу остальной Европы, и вліяніе этого духа на Германію.

а) Піэтисты и Христіанъ Томазіусъ.

Въ Германіи въ началѣ XVIII вѣка не видно еще было и зари новой цивилизаціи, и не чувствовалось никакой потребности въ новой литературѣ. У нѣмцевъ господствовали педантство и безвкусіе съ старой грубостью, неподвижностью, мертвенностью; нѣмецкій языкъ впалъ въ такое варварство, что до самой половины XVIII вѣка ни одинъ образованный человѣкъ, ни одинъ школьный ученый не хотѣлъ читать по-нѣмецки, и нуженъ былъ Готтшедъ, чтобы возвратить нѣмецкому языку сносное достоинство. Но въ Германіи сохранилась старая добрая задушевность, и разсудокъ остался здравъ. Препятствіями прогрессу въ Германіи было устройство имперіи и полицейская строгость; они мѣшали всякому свободному движенію ума. Кромѣ того нація была раздѣлена на два класса или на двѣ касты, едва знавшія другъ друга: дворы и дворяне, воспитанные иностранцами во французскомъ духѣ, говорили и читали только по-французски, какъ и тѣ немногіе истинно образованные люди, которые были тогда въ Германіи; для остальной массы были только плохія книги, писанныя дурнымъ нѣмецкимъ языкомъ, а ученые были погружены въ отвлеченное буквоѣдство, въ безплодную схоластику и пустую систематизацію.

Первое движеніе къ лучшему началось съ п і э т и с т о в ъ. Эти люди, изъ которыхъ особенно замѣчательны Ш п е н е р ъ, Ф р а н к е и Г о т т ф р и д ъ А р н о л ь д ъ, имѣли ту заслугу, что пробудили національность подъ формою искренней набожности въ противоположность господствующей безжизненной догматикѣ школьныхъ теологовъ-систематиковъ. Ихъ вліяніе на сердце, языкъ и вкусъ нѣмецкаго народа было очень полезно. Первые піэтисты пошли было по такой дорогѣ, которая могла привести къ выработкѣ самобытной цивилизаціи, основанной на нѣмецкомъ задушевномъ чувствѣ и на духѣ роднаго языка, и тогда Германіи не было бы нужды учиться у Вольтера и Болингброка; но ученики этихъ первыхъ піэтистовъ впали въ святошество и сектаитство. Основатели піэтизма почерпали изъ Библіи, Лютера и Арнда не одно благочестіе, а также и свѣтлый взглядъ, истину, жизнь и поэзію. Они очищали у лучшей части образованныхъ людей вкусъ, который былъ испорченъ подражателями Марино (т. IV, стр. 635) и придворныхъ поэтовъ Лудовика XIV. Вмѣстѣ съ мистицизмомъ, къ которому расположенъ нѣмецкій народъ, они пробуждали и національную задушевность. Наконецъ они улучшали слогъ, бывшій дубовымъ и варварскимъ, — проза ихъ была безъискусственна, а языкъ они изучали въ источникахъ, неиспорченныхъ иностранною тиною и латинскою грязью.

Была у нихъ кромѣ того и такая сторона стремленій, которой піэтисты сходились съ людьми болѣе свободнаго взгляда и съ тогдашними отрицателями; съ этой стороны ихъ дѣятельность была выраженіемъ духа той эпохи, стремившагося къ свѣту и свободѣ. Защищая Библію и чистую набожность, они вооружались противъ катихизисовъ, противъ богослововъ-систематиковъ, противъ пасторовъ фанатиковъ, любившихъ называть всѣхъ безъ разбора еретиками, противъ деспотизма протестантскихъ консисторій. Тутъ они, подобно отрицателямъ, боролись въ духѣ новаго времени за внутреннюю независимость человѣка. Эта сторона очень видна въ «Исторіи церкви и ересей» (Kirchen-und Ketzer-Historie) піэтиста Готтфрида Арнольда. Онъ нападаетъ на существующую церковную систему и господствующую догматику почти такъ же рѣзко, какъ Болингброкъ, хотя съ совершенно противоположной стороны; но исторія у него обработана по тѣмъ критическимъ правиламъ, какія даетъ Болингброкъ.

Совершенно въ томъ же духѣ свободы, но гораздо шире, была дѣятельность Х р и с т і а н а Т о м а з і у с а, профессора юриспруденціи и философіи въ Лейпцигскомъ и Галльскомъ университетахъ. Вся жизнь этого человѣка была посвящена борьбѣ съ варварствомъ университетовъ, законовъ и судилищъ. Онъ не сдѣлалъ новыхъ открытій въ наукѣ, не прославился краснорѣчіемъ, но принадле-

жить къ важнѣйшимъ дѣятелямъ новаго времени, какъ органъ своего времени, какъ вѣстникъ и защитникъ требованій своего вѣка. Ему принадлежитъ въ особенности та заслуга, что онъ первый познакомилъ нѣмцевъ съ прогрессомъ французской и англійской образованности и познакомилъ такъ, какъ нужно было по духу и по условіямъ жизни нѣмецкой націи; онъ и писалъ, и читалъ лекціи, и думалъ, какъ настоящій нѣмецъ.

Томазіусъ началъ свою дѣятельность тѣмъ, что сталъ возбуждать нѣмцевъ къ соревнованію съ французами, къ изученію ихъ языка и литературы. Съ этимъ его стремленіемъ было тѣсно связано то, что онъ сталъ заботиться о возвышеніи нѣмецкой литературы; стремленіе сдѣлать нѣмецкій языкъ языкомъ науки и литературы было главнымъ требованіемъ того времени, и Готтшедъ, человѣкъ самъ по себѣ незначительный, пріобрѣлъ нѣчто въ родѣ безсмертной славы тѣмъ, что удовлетворилъ этой потребности. Будучи магистромъ въ Лейпцигѣ, Томазіусъ въ 1688 началъ читать первыя лекціи на нѣмецкомъ языкѣ; сначала онъ читалъ на немъ одинъ изъ своихъ курсовъ, потомъ сталъ читать и всѣ курсы. Тогда было такое время, что за это сильно вооружились на него; но за то и результаты были очень важны. До той поры все ученое преподаваніе совершалось на латинскомъ языкѣ; по-латыни писались всѣ ученыя книги, даже по наукамъ, касавшимся жизни; поэтому школьная философія и практическія науки оставались безъ всякой повѣрки жизненнымъ опытомъ и тѣмъ здравымъ человѣческимъ смысломъ, которымъ владѣла масса, незнающая по-латыни; всѣ науки оставались недоступны огромному большинству націи, и ученое преподаваніе ограничивалось тѣснымъ кругомъ. Это измѣнилось, когда Томазіусъ подалъ своими нѣмецкими лекціями и книгами примѣръ, которому скоро стали слѣдовать другіе. Шагъ, имъ сдѣланный былъ тѣмъ важнѣе, что онъ тогда же проложилъ путь и къ образованію націи журналистикой, начавъ издавать ежемѣсячный журналъ на нѣмецкомъ языкѣ и философскія книги, чтобы философія также сдѣлалась доступна націи.

Мы не станемъ перечислять его сочиненій; замѣтимъ только одно: и въ книгахъ, и въ лекціяхъ онъ вооружался на педантство, на безплодную ученость, на нелѣпости систематиковъ, на юридическое варварство, и старался вывести нѣмцевъ изъ пыльнаго кабинета на свѣжій воздухъ практической жизни. Ему встрѣчались огромныя препятствія въ господствующихъ предразсудкахъ, въ замкнутомъ духѣ ученыхъ, составлявшихъ особую касту; чтобы идти къ своей цѣли, онъ долженъ былъ заниматься такими вещами, за которыя едва ли захочетъ взяться университетскій преподаватель въ нынѣшнее время: школьная подготовка была тогда такова, что ему приходилось задавать своимъ слушателямъ задачи, чтобы научить ихъ писать по-нѣмецки, даже учить ихъ декламаціи, чтобы они умѣли хорошо читать по-нѣмецки.

Болѣе всего прославился Томазіусъ своею борьбою противъ пытки и противъ процессовъ о колдуньяхъ. Чистота его любви къ истинѣ всего виднѣе изъ того, что онъ и въ этихъ дѣлахъ освободился отъ предразсудковъ, отбросилъ мнѣніе, которое казалось тогда основаннымъ на Библіи. Сила его любви къ истинѣ доказывается и его отношеніями къ піэтистамъ. Сначала онъ дѣйствовалъ заодно съ ними, потому что ихъ стремленія были бы средствомъ цивилизовать грубыхъ студентовъ и столь же грубыхъ профессоровъ. Но онъ всегда держалъ себя независимо относительно піэтистовъ, а въ 1708, когда набожность сдѣлала ихъ преслѣдователями, совершенно отдѣлился отъ нихъ. Онъ обратился тогда къ Локку и къ его рефлективной философіи, и благодаря этому сталъ еще рѣшительнѣе дѣйствовать въ духѣ новаго французскаго направленія.

Нелѣпость процессовъ противъ вѣдьмъ еще до Томазіуса доказывали двое голландскихъ ученыхъ съ философской и съ богословской точки зрѣнія. Томазіусъ сталъ вести эту борьбу съ юридической стороны, но кромѣ этихъ ученыхъ разсужденій старался объяснять нелѣпость процессовъ о колдовствѣ и массѣ публики. За это онъ всю жизнь подвергался ругательствамъ и гоненіямъ; но его неутомимая борьба все-таки привела къ тому, что процессы противъ вѣдьмъ были совершенно брошены. Менѣе счастливъ былъ онъ въ своемъ стремленіи уничтожить пытку; на первое время успѣхъ былъ лишь тотъ, что нѣкоторые судьи перестали употреблять или смягчили ее. Но по закону она была отмѣнена въ

Германіи не раньше конца XVIII вѣка, да и то лишь въ немногихъ государствахъ.

b) Реформа языка и литературы, произведенная Готтшедомъ.

Вслѣдъ за Томазіусомъ явился другой профессоръ, который сталъ продолжать въ Лейпцигѣ дѣло, начатое Томазіусомъ въ Галле. Онъ также оказалъ громадныя услуги нѣмецкой націи, но дѣйствовалъ вовсе не по тѣмъ побужденіямъ, какъ Томазіусъ. Готтшедъ не цѣнилъ и не зналъ истиннаго одушевленія. Онъ вовсе не руководился благороднымъ стремленіемъ избавить родину отъ варварства и умственнаго рабства, а только спекулировалъ на духъ времени, чтобы получить славу, устроить свою университетскую карьеру, добиться матеріальныхъ выгодъ. Для этого онъ употреблялъ всѣ тѣ низкія средства, какими плохіе писатели пріобрѣтаютъ себѣ друзей и славу. Но все-таки онъ оказалъ очень большія услуги нѣмецкому языку, литературѣ и образованности. Надобно даже сказать, что, именно по своей пошлости, низости, прозаичности онъ былъ человѣкъ какъ нельзя болѣе пригодный для того, чтобы проложить дорогу прогрессу, стать реформаторомъ нѣмецкихъ университетовъ и литературы. Для разрушенія господствовавшей пошлости, нужна была другая такая же пошлость. Готтшедомъ начата была та реформа, которая шла въ нѣмецкой литературѣ не сверху внизъ, какъ во французской, а снизу вверхъ. Главнымъ средствомъ для этого было у Готтшеда составленіе грамматикъ, словарей и учебниковъ для введенія занятій нѣмецкимъ языкомъ въ школы, сочиненіе стиховъ и изданіе журналовъ, какіе были по плечу массѣ тогдашней публики. Развѣ сталъ бы дѣлать это великій человѣкъ? да и съумѣлъ ли бы сдѣлать это великій человѣкъ? Онъ не имѣлъ бы такого успѣха у толпы, которой не нужна геніальность.

Дрянная личность Готтшеда часто заставляетъ говорить съ пренебреженіемъ и о его заслугахъ; чтобы оцѣнить ихъ по достоинству, надобно отчетливо представить себѣ, что такое была до него нѣмецкая литература и жизнь. А для этого лучше всего было бы перечислить знаменитыхъ писателей, бывшихъ передъ нимъ или въ началѣ его дѣятельности, и привести образцы того, какъ они писали и что такое называлось тогда поэзіею. Но у насъ нѣтъ мѣста на это; поэтому ограничимся нѣсколькими замѣтками о манерѣ и вкусѣ тогдашнихъ писателей.

Прозаическія сочиненія, даже книги Томазіуса и Пуффендорфа, были набиты французскими и латинскими словами, и эта смѣсь языковъ казалась такимъ изяществомъ, что иностранныя слова и окончанія отличали отъ нѣмецкихъ даже шрифтомъ. Неуклюжесть, прикрашенность, длинные, запутанные періоды, растянутость и педантство, словомъ отсутствіе простоты, естественности, достоинства и вкуса были главными качествами тогдашняго прозаическаго слога. Поэзія соотвѣтствовала прозѣ. Въ жизни не было тогда никакой поэзіи, а тогдашнія стихотворенія, писанныя дубовыми стихами, были прозаическимъ риѳмоплетствомъ, которое не заключало въ себѣ почти ничего, кромѣ натянутыхъ оборотовъ и изысканныхъ фразъ. Уже самый выборъ предметовъ показываетъ безвкусіе и безсмысліе и въ поэтахъ, и въ публикѣ. Напримѣръ, Нейкирхъ обратилъ Фенелонова «Телемака» въ эпическую поэму, и такая вещь имѣла два великолѣпныя изданія. Бессеръ, тоже очень знаменитый поэтъ, сочинилъ скучную эпопею изъ біографіи Великаго курфирста; третій тогдашній поэтъ, Постель, воспѣлъ въ поэмѣ богиню Юнону и саксонскаго герцога Виттекинда, котораго называетъ великимъ Виттекиндомъ; онъ воспѣлъ ихъ языкомъ, ужаснымъ для образованнаго человѣка со вкусомъ. Было нѣсколько поэтовъ немного получше этихъ, какъ Гюнтеръ, Вернике, Брокесъ и въ особенности Гагедорнъ; но во-первыхъ, достоинства ихъ были признаны уже въ то время, когда Готтшедъ пробудилъ въ среднемъ сословіи вкусъ къ общему образованію; во-вторыхъ, никто изъ нихъ, кромѣ одного Брокеса, не имѣлъ вліянія на свое время. Впрочемъ когда Готтшедъ началъ свою дѣятельность, дѣйствіе духа времени уже стало обнаруживаться въ разныхъ мѣстахъ Германіи. Являлось движеніе въ Галле, въ Цюрихѣ,

въ Лейпцигѣ и въ Гамбургѣ; въ Гамбургѣ Постель, Брокесъ и Гагедорнъ старались развивать публику посредствомъ театра.

Готтшедъ явился въ Лейпцигъ въ 1723 съ хорошимъ запасомъ школьной учености. Движеніе, начатое Томазіусомъ, уже произвело тогда въ Лейпцигѣ тотъ результатъ, что тамъ издавалась нѣмецкая ученая газета. Готтшедъ скоро вошелъ въ милость къ профессору Менке, основателю этой газеты, и Менке сдѣлалъ его своимъ помощникомъ по редакціи. Покровительство Менке скоро доставило ему извѣстность. Она увеличилась благодаря тому, что Готтшедъ очень ловко владѣлъ искусствомъ плохихъ писателей и профессоровъ—поднимать шумъ бранчивостью или лестью и пріобрѣтать себѣ партизановъ похвалами и рекомендаціями. Съ инстинктомъ, безошибочно руководящимъ подобныхъ людей, Готтшедъ понялъ, что лейпцигскій университетъ—единственный нѣмецкій университетъ, гдѣ можно получать общее образованіе, что поэтому онъ лучшій центръ дѣятельности; понявъ это, Готтшедъ съ такимъ же безошибочнымъ инстинктомъ сталъ пользоваться Лейпцигомъ и сдѣлалъ изъ него то, чѣмъ послѣ сдѣлался Веймаръ. Чтобы поднять литературу и дать ей новое направленіе, онъ выбралъ средство, которое вело прямо къ цѣли: сталъ читать на нѣмецкомъ языкѣ лекціи объ изящныхъ искусствахъ, стараясь правилами и формулами возвратить поэзію къ простотѣ; точнѣе говоря, у него выходило такъ, что она превращалась въ прозу.

Получивъ нѣкоторое вліяніе какъ профессоръ и писатель, Готтшедъ сдѣлался журналистомъ, сталъ главою ученаго общества и черезъ это пріобрѣлъ себѣ кліентовъ и союзниковъ. Въ Лейпцигѣ было основано Менке «нѣмецкое общество». Готтшедъ сталъ въ немъ главнымъ лицомъ и началъ издавать эстетическій журналъ по примѣру Аддисона и Стиля, которые во многомъ служили ему образцами. Его журнала нельзя сравнивать съ «Наблюдателемъ» Стиля и Аддисона; но у него была другая публика:—его изданіе назначалось для нѣмецкаго средняго сословія. Готтшедъ и его ученики присвоивали себѣ въ своихъ журналахъ и книгахъ деспотическую власть надъ литературою; но это имѣло тотъ хорошій результатъ, что вызвало оппозицію въ Берлинѣ, въ Гамбургѣ и въ Швейцаріи; такимъ образомъ число журналовъ увеличивалось; стало являться множество политическихъ брошюръ, и въ Германіи началось литературное движеніе, какъ за два столѣтія передъ тѣмъ религіозное. Въ особенности полезное дѣйствіе имѣли двѣ книги Готтшеда: учебникъ поэзіи и учебникъ краснорѣчія. Правда, Готтшедъ представлялъ въ нихъ дѣятельность поэта работою ученика, пишущаго учебную задачу, и важнѣе всего казались ему правила и образцы; въ этомъ онъ слѣдовалъ Баттё и другимъ французамъ, у которыхъ заимствовалъ и свои правила. Но тогда всего нужнѣе было изгнать изъ поэзіи ложную манеру Марино и Лоэнштейна, а на это какъ нельзя лучше годилась разсудочная холодность; притомъ противъ пошлости можно было бороться только пошлостью, какъ мы уже сказали.

Какъ органъ своего времени, Готтшедъ пріобрѣлъ большое вліяніе своими трудами по грамматикѣ, сборниками, учебниками поэзіи и краснорѣчія; видя эту важность, онъ забылся и хотѣлъ подняться выше своей сферы. Онъ имѣлъ дерзость явиться передъ публикою поэтомъ, ораторомъ и переводчикомъ, не имѣя никакого призванія къ этимъ ролямъ. Но и это принесло свою пользу. Для успѣховъ нѣмецкой образованности было очень хорошо, что Готтшедъ пріобрѣлъ необычайно громкую извѣстность, которую теперь трудно даже понять; даже драмы и другія поэтическія произведенія, сочиненныя или переведенныя съ французскаго имъ и его женою, пробуждали предчувствіе чего-то лучшаго въ умахъ, хотя нѣсколько свободныхъ, особенно въ среднемъ сословіи вольныхъ имперскихъ городовъ. При совершенномъ безвкусіи публики драмы Готтшеда имѣли успѣхъ; это внушило ему мысль явиться преобразователемъ и нѣмецкаго театра; онъ устроилъ въ 1737 церемонію, знаменовавшую начало этой реформы: Гансвурстъ, герой простонародныхъ фарсовъ, былъ съ нелѣпою торжественностью изгнанъ со сцены лейпцигскаго театра.

Философскія сочиненія Готтшеда и его учениковъ лишены всякаго научнаго достоинства, но также принесли пользу. Они ознакомили массу публики съ сущ-

ностью того, что преподавалось въ университетахъ, а прежде у этой массы не было въ рукахъ почти ничего, кромѣ молитвенниковъ.

Въ своемъ самообольщеніи Готтшедъ не хотѣлъ уступить мѣста новымъ, лучшимъ людямъ; поэтому его репутація въ 40-хъ годахъ стала падать. Онъ окончательно сталъ смѣшонъ, когда въ 1752—1753 годахъ семь разъ принимался поражать своей критикою «Мессіаду» молодаго поэта Клопштока, который съ самаго начала своей дѣятельности выказалъ большой талантъ. Правда, замѣчанія, сдѣланныя Готтшедомъ въ разборѣ «Мессіады», подтверждены временемъ; онъ справедливо осуждалъ экзальтированность, утрированную сантиментальность, плаксивость произведеній Клопштока и схоластическо-догматическую тему «Мессіады». Но онъ отваживался ставить въ эпической поэзіи выше Клопштока двухъ бездарныхъ писателей, Наумана и Шёнайха, что убило и послѣднее уваженіе къ нему. Вся Германія стала негодовать, что Готтшедъ ставитъ нормою для нѣмецкой цивилизаціи свои учебники риторики и піитики, что онъ отваживается упоминать о своемъ риѳмоплетствѣ и о виршахъ какого-нибудь Наумана или Шёнайха рядомъ съ вдохновенными произведеніями Клопштока.

c) Нѣкоторые изъ послѣдователей Готтшеда. — Гагедорнъ и Галлеръ.

Надобно теперь сказать о нѣкоторыхъ поэтахъ, вышедшихъ изъ лейпцигской школы и долго остававшихся вѣрными своему наставнику, людяхъ, которые, покинувъ его, не стали подниматься выше его, а продолжали благоразумно писать по вкусу средняго сословія и стали очень полезны для этой части публики своимъ благонамѣреннымъ многословіемъ. То были: Іоганнъ Эліасъ Шлегель, Адольфъ Шлегель, Цахаріэ, Рабенеръ, Геллертъ, наконецъ эпиграмматистъ Кестнеръ, который до самаго конца не покидалъ Готтшеда.

По поэтическому таланту и по языку всѣ они выше Готтшеда; но у нихъ, за исключеніемъ Геллерта, нѣтъ ни одного живаго элемента, который былъ бы выше Готтшедовской мѣрки. Главная заслуга ихъ въ томъ, что они поддерживали въ націи движеніе, начатое Готтшедомъ, и содѣйствовали очищенію нѣмецкаго языка отъ школьнаго варварства. Попъ былъ единственнымъ великимъ поэтомъ и недосягаемымъ образцомъ для нихъ, какъ и для всѣхъ нѣмецкихъ поэтовъ до той поры, когда барды гёттингенскаго союза, Гердеръ и Гете, создали новую поэзію. Намъ не нужно говорить о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности; довольно будетъ указать въ ихъ произведеніяхъ черты, которыя полезно узнать для оцѣнки тогдашняго настроенія мыслей и вкуса въ нѣмецкомъ среднемъ сословіи.

Съ этой стороны особенно интересны шуточныя стихотворенія Цахаріэ, которыхъ теперь уже невозможно читать по пошлости и тупости ихъ содержанія, а въ свое время они очень нравились; это показываетъ, какая мелочность интересовъ и тривіальность господствовали въ среднемъ сословіи, какъ пошлы и грубы были даже люди, получившіе университетское образованіе.

Другой изъ этихъ поэтовъ, сатирикъ Рабенеръ, можетъ служить доказательствомъ, какъ трудно было вводить истину въ жизнь при тогдашнемъ политическомъ и общественномъ положеніи Германіи Вмѣсто того, чтобы огнемъ и мечемъ ратовать за истину, свободу и право, Рабенеръ беретъ лишь общія, неопредѣленныя темы, а если хочетъ нападать на что-нибудь индивидуальное, беретъ лишь такихъ людей, недостатки и глупости которыхъ были вредны только ихъ тѣсному кругу. Онъ не можетъ затронуть виновниковъ тѣхъ невыразимыхъ бѣдствій, которымъ подвергалась его родина Саксонія въ то самое время, когда онъ писалъ свои сатиры. Пасторы, педанты, школьные учители, иногда сельскій дворянинъ, старомодныя дуры и тому подобные люди,—вотъ предметы его нападокъ. Совершенно не таковы были сатиры его современника Лискова, который и сатирикомъ сдѣлался не по искусственному приготовленію правилами піитики, а по внутреннему призванію. Онъ въ 20-хъ годахъ XVIII вѣка уже призывалъ своихъ соотечественниковъ сбросить средневѣковыя оковы и стремиться

къ новой цивилизаціи. Среди угнетенія и мрака онъ отважился бичевать и выставлять на всеобщее посмѣяніе всѣхъ враговъ свѣта и очерчивалъ опредѣленныя лица. Но на этихъ людей онъ нападаетъ не какъ на отдѣльныя личности, а для того, чтобы на знакомыхъ характерахъ выказывать, осмѣивать или порицать національные недостатки и дурныя стороны того времени; онъ вооружался противъ этихъ людей въ томъ смыслѣ, какъ Лессингъ противъ Геце. Зато и судьба его была вовсе непохожа на судьбу Рабенера. Рабенеръ былъ значительнымъ чиновникомъ по финансовому управленію, а Лисковъ умеръ въ тюрьмѣ; иного нельзя было и ждать тогда въ Германіи, особенно въ Саксоніи.

Геллертъ—третій поэтъ Готтшедовой школы, о которомъ мы должны говорить. Его произведенія кажутся намъ занимающими средину между старымъ тономъ жизни средняго сословія и смѣлымъ французскимъ тономъ тѣхъ круговъ, для которыхъ впослѣдствіи сталъ писать Виландъ,—между вялымъ, прозаическимъ языкомъ Готтшеда и сильнымъ, сжатымъ Лессинга, между педантствомъ Готтшедовой школы и легкомысліемъ французскихъ отрицателей. Болѣе четверти столѣтія онъ былъ однимъ изъ любимѣйшихъ нѣмецкихъ писателей; на первый взглядъ представляется, что его произведенія могли нравиться только низшимъ слоямъ средняго сословія, да и то не всѣ, а только его басни и нѣкоторыя популярныя пѣсни; какъ могли быть читаемы другія его сочиненія—вещь, повидимому, непонятная, потому что они вялы, тупы и смертельно скучны; но если ближе всмотрѣться въ дѣло, оно объясняется, и притомъ къ чести геллертовой публики. Въ тогдашней простотѣ среднее сословіе не имѣло никакого понятія ни о великосвѣтскости, ни о поэзіи, ни о философіи, ни о ѣдкости остроумія, ни о ядовитомъ юморѣ. Писать поэтично и художественно для современниковъ Готтшеда значило бы понапрасну расточать таланты. Этимъ людямъ нуженъ былъ писатель, похожій на нихъ, боязливый, скромный, смиренный, вѣрующій, подчасъ педантъ и болтунъ. Геллертъ съ своимъ слабосильнымъ смиреніемъ, съ своею моралью, не заносящейся высоко, съ своею мѣщанскою скромностью передъ всѣмъ знатнымъ и важнымъ въ обществѣ, давалъ своей публикѣ ровно столько, сколько она могла понять и обратить себѣ въ пользу.

Но кромѣ посредственности способностей, которою Геллертъ привлекалъ къ себѣ массу, онъ имѣлъ и другія качества, дѣлавшія его популярнымъ. Его языкъ былъ чище и благороднѣе, чѣмъ языкъ писателей, рекомендуемыхъ Готтшедомъ; онъ не впадалъ, подобно Клопштоку, Крамеру и Бодмеру, въ набожную экзальтацію, противорѣчившую духу вѣка. Онъ даже проповѣдывалъ реформу, но эта реформа никого не запугивала, потому что онъ говорилъ больше о благонравіи, чѣмъ о догматикѣ. Въ немъ было мало способности понимать древнюю литературу, и потому онъ держался писателей силезской школы, французскихъ образцовъ, а это сближало его и съ высшими слоями средняго сословія. Наконецъ къ нему привлекало его правовѣріе, добродушіе, благонравіе: все это было тогда еще во вкусѣ средняго сословія, жившаго честно; да и невинныя шутки его были взяты изъ круга понятій этого сословія, для котораго и предназначались. Его басни и нѣкоторые изъ его разсказовъ стали чтеніемъ не одного средняго сословія, а также и массы народа.

Мы назвали только замѣчательнѣйшихъ изъ учениковъ Готтшеда. Мы уже говорили, что лучшая часть его послѣдователей напослѣдокъ отступилась отъ него и вышла на дорогу, различную отъ той, по которой онъ продолжалъ идти съ другими, бездарными приверженцами. Поводомъ къ разрыву была рѣзкая полемика цюрихскихъ ученыхъ, Бодмера, Брейтингера съ Готтшедомъ. Эта полемика, къ которой мы еще возвратимся, показала нѣмцамъ, что у человѣка, претендующаго быть диктаторомъ въ литературѣ, вовсе нѣтъ вкуса. Тогда лучшіе изъ учениковъ Готтшеда отдѣлились отъ него, перестали отдавать въ его журналы свои произведенія; сотрудниками его остались только бездарные люди, а отдѣлившіеся поэты составили въ Лейпцигѣ свой особый кружокъ. Литературное общество, которое они образовали, имѣетъ въ исторіи нѣмецкой литературы столько же важности, сколько союзъ геттингенскихъ бардовъ, образовавшійся лѣтъ черезъ тридцать спустя. Члены этого общества имѣли постоянныя собранія, въ которыхъ подвергали свои произведенія взаимной критикѣ. Черезъ нѣсколько времени они основали свой журналъ и принимали въ него только такія произве-

денія, которыя дѣйствительно были полезны для начинающагося улучшенія вкуса. Это было новизною; Готтшедъ печаталъ въ своихъ журналахъ все безъ разбора. Ихъ журналъ печатался въ Бременѣ и потому обыкновенно называется просто Bremer Beiträge—«Бременскій Сборникъ». Онъ былъ очень важенъ для успѣховъ нѣмецкой цивилизаціи. Издатели были чужды всякой мысли дѣлать изъ него денежную спекуляцію; они хотѣли единственно быть полезными тогдашней литературѣ и жизни; въ числѣ ихъ находился строгій критикъ, Гертнеръ; поэтому они почти никогда не измѣняли своему правилу не принимать въ журналъ ничего пошлаго и пустаго.

Замѣчательнѣйшими изъ участниковъ «Бременскаго Сборника» были: Гертнеръ, Крамеръ, двое Шлегелей, Рабенеръ, Геллертъ, Арнольдъ Шмидтъ, Цахаріэ, Эбертъ, Гизеке и Гагедорнъ. Потомъ въ немъ участвовали также Глеймъ, Гёцъ, Уцъ, Клопштокъ. Отношенія Клопштока и его друзей къ «Бременскому Сборнику» показываютъ, какъ твердо держались своихъ правилъ основатели «Сборника» и какую важную перемѣну постепенно произвели они въ литературѣ своими трудами. Они очень высоко уважали религіозную поэзію Клопштока, сантиментальную мечтательность его друзей, Крамера и Эберта, но ясно понимали безплодность этого направленія; время подтвердило ихъ мнѣніе, что прогрессу націи не можетъ содѣйствовать ни религіозная, ни плаксивая экзальтація, что, напротивъ, надобно отказаться отъ всего, принадлежащаго духу старины, и принять участіе въ новой европейской жизни.

О Клопштокѣ мы будемъ говорить ниже, а здѣсь намъ должно сказать объ одномъ изъ названныхъ нами поэтовъ, Гагедорнѣ, и прибавить нѣсколько словъ объ Альбрехтѣ фонъ Галлерѣ, который, подобно Гагедорну, шелъ своею отдѣльною дорогою, не участвуя въ полемикѣ цюрихской и лейпцигской школъ. Одинъ изъ нихъ жилъ въ нижней Саксоніи, другой въ Швейцаріи; оба они почти въ равной степени содѣйствовали улучшенію вкуса нѣмецкой націи; но ни у того, ни у другаго не достало силъ достичь въ этомъ полнаго успѣха. Это было сдѣлано позднѣе, Виландомъ, Лессингомъ и Гете. Виландъ успѣлъ соединить въ одну публику два класса, которые до него совершенно различались характеромъ своей умственной жизни — высшее и среднее сословія; придавъ нѣмецкой литературѣ французскій характеръ въ греческой одеждѣ, онъ слилъ въ одну цивилизацію прежнее французское образованіе аристократовъ и слабую умственную жизнь средняго сословія. Лессингъ и Гете подняли умственную жизнь Германіи на ту высоту, которой уже давно достигли другіе образованные народы Европы.

Гагедорнъ не имѣлъ такого великаго поэтическаго таланта, какой былъ у Клопштока или у Гете и Шиллера. Но все-таки онъ оказалъ безсмертныя услуги своей націи. Онъ очень много помогъ улучшенію литературы тѣмъ, что облагородилъ языкъ ея, ввелъ въ нее свободное, свѣтлое воззрѣніе, равно далекое и отъ безжизненнаго педантства старины, и отъ сладострастнаго тона Виланда. Онъ усвоилъ себѣ манеру лучшихъ французскихъ и итальянскихъ писателей. Готтшедъ бралъ у французовъ только мертвыя правила; Геллертъ и Рабенеръ погрязали въ прозаичности обыденной жизни; Клопштокъ блуждалъ въ теологическо-идеальномъ фантазерствѣ; Крамеръ, Шмидтъ и Якоби сантиментальничали во вкусѣ Петрарки; Рамлеръ писалъ такимъ искусственнымъ стихомъ и языкомъ, что большинству былъ скученъ или непонятенъ. Въ Гагедорнѣ не было ни одной изъ этихъ слабыхъ сторонъ. Его слогъ былъ изященъ, содержаніе у него было цѣломудренно; это давало ему великое значеніе въ общественной цивилизаціи нѣмцевъ при пошлости и прозаичности однихъ писателей, при мечтательной экзальтаціи другихъ. Онъ оживилъ пѣсню для массы народа, которому съ давнихъ поръ нечего было пѣть, кромѣ церковныхъ протестантскихъ гимновъ. Онъ былъ въ свое время единственный человѣкъ, умѣвшій писать пѣсни для пѣнія, и у нѣмцевъ, любящихъ пѣть, онѣ скоро стали общимъ достояніемъ народа. Какъ быстро шло развитіе образованности и языка — видимъ изъ того, что при новыхъ изданіяхъ своихъ стихотвореній Гагедорнъ видѣлъ надобность поправлять ихъ.

Галлеръ имѣетъ большое значеніе, какъ профессоръ и ученый писатель. Но и тѣ сочиненія его, которыя писаны для массы публики, также очень важны тѣмъ, что авторъ хорошо зналъ большой свѣтъ и науку, достойную своего имени, былъ далекъ отъ суетности и церковной неподвижности Бодмера, отъ догматической мечтательности Клопштока, отъ односторонняго готтшедовскаго поклоненія французамъ. Главная сторона его вліянія на литературу состояла въ томъ значеніи, какое дается поэзіи многостороннимъ образованіемъ и широкимъ воззрѣніемъ поэта. Оно было тѣмъ важнѣе, что поэзія Галлера привлекла къ новой цивилизаціи такихъ людей, которые не хотѣли брать въ руки ни сочиненій Готтшеда и Геллерта, ни произведеній Гагедорна и Клопштока. Впрочемъ у Галлера мало творчества; онъ былъ силенъ только въ дидактической и описательной поэзіи; его поэтическія картины очень живы. Привлекательность его произведеній состояла въ вѣрномъ изображеніи швейцарской природы и швейцарскихъ нравовъ, чистаго наслажденія природою, отрадныхъ сторонъ простой жизни, въ томъ, что эти описанія были проникнуты философіею мыслящаго и образованнаго человѣка, который не взялъ свои мысли изъ книгъ, а пропитался ими въ жизни, который излагаетъ свое философское воззрѣніе не для книгъ, а для жизни. Галлеръ очень вѣрно понималъ, въ какомъ отношеніи находится его поэзія къ тогдашней эпохѣ; впрочемъ, быть можетъ, не отъ его сознанія, а отъ случая зависѣлъ тотъ фактъ, изъ котораго мы выводимъ такое заключеніе. Мы хотимъ сказать, что онъ пересталъ писать поэтическія произведенія около 1748, когда онъ, какъ поэтъ, сталъ ненуженъ для націи, уже имѣвшей Гагедорна, Клопштока, Клейста, Глейма, Герстенберга, и при каждомъ новомъ изданіи своихъ поэтическихъ произведній выбрасывалъ все больше и больше изъ того, что было въ первомъ.

d) **Борьба цюрихской школы и другихъ писателей съ Готтшедомъ и ея вліяніе на ходъ нѣмецкой образованности.**

Мы видѣли, что Готтшедъ захотѣлъ законодательствовать въ нѣмецкой поэзіи. Противъ этой претензіи вооружились Бодмеръ и Брейтингеръ съ своими друзьями, вольфіанецъ Александръ Готтлибъ Баумгартенъ, бывшій профессоромъ во Франкфуртѣ-на-Одерѣ, и его ученый прислужникъ, Георгъ Фридрихъ Мейеръ. Къ Баумгартену и Мейеру присоединился берлинскій конректоръ Пира, который успѣлъ пріобрѣсти извѣстность рѣзкими статьями противъ Готтшеда; присоединился также пасторъ Ланге, тотъ Ланге, который послѣ былъ уничтоженъ одною изъ первыхъ критическихъ статей Лессинга за свой жалкій переводъ Горація.

Цюрихскіе писатели нападали на Готтшеда по личной враждѣ, а можетъ быть и потому, что имѣли нѣсколько больше вкуса, чѣмъ онъ. Баумгартенъ, который съ своимъ братомъ, другимъ Баумгартеномъ, считался ученымъ оракуломъ, чудомъ университетскаго круга, не могъ выносить славы, пріобрѣтенной пошлымъ лейпцигскимъ поклонникомъ французской философіи. Обѣ партіи противниковъ Готтшеда поспѣшили заключить между собою союзъ; этому особенно помогло то, что Бодмеръ былъ твердъ въ старинномъ протестантствѣ, поэтому очень уважалъ Баумгартена, который, подобно своимъ учителямъ, Лейбницу и Вольфу, философскими аргументами демонстрировалъ христіанскую догматику. Цюрихскіе писатели имѣли слабость считать себя поэтами, хотя у нихъ не было ни малѣйшаго таланта. Баумгартенъ и Мейеръ были чужды этой претензіи. Мы займемся сначала ими, а потомъ перейдемъ къ цюрихской школѣ.

Баумгартенъ первый изъ нѣмецкихъ профессоровъ написалъ эстетику. Онъ сочинилъ се, не читавъ никакихъ великихъ поэтовъ, кромѣ развѣ латинскихъ. Но все-таки нѣмецкіе ученые признали его законодателемъ въ сужденіяхъ о томъ, что по необходимости должно быть прекрасно. Еще до изданія эстетики Баумгартена, писанной на латинскомъ языкѣ, его ученикъ, галльскій профессоръ Георгъ Фридрихъ Мейеръ, сообщилъ публикѣ новую мудрую науку своего учителя на варварскомъ нѣмецкомъ языкѣ. Мейеръ также плохо зналъ

или вовсе не зналъ ни Гомера, ни греческихъ, итальянскихъ, англійскихъ и французскихъ поэтовъ. Но у него не было такого прочнаго основанія, какъ у Баумгартена: при великихъ успѣхахъ нѣмецкой литературы было необходимо привести въ систему искусство и поэзію, — онъ самъ такъ выражается. Мы не станемъ разбирать ни содержанія, ни формы эстетики Баумгартена и Мейера; не станемъ говорить и о прежнихъ нападеніяхъ Мейера на Готтшеда, но должны сказать нѣсколько словъ о томъ, въ чемъ состояла важность вмѣшательства Баумгартена и Мейера въ дѣла нѣмецкой литературы. Тутъ въ первый разъ нѣмецкая школьная философія обнаружила вліяніе на литературу и на тонъ общества. Въ кругъ университетскихъ наукъ была введена свѣтлая наука съ живымъ содержаніемъ, и ученые теоретики начали прилагать свои діалектическія тонкости къ поэзіи. Въ Германіи былъ обычай искать высшаго образованія исключительно въ слушаніи университетскихъ лекцій; поэтому появленіе эстетики въ университетахъ имѣло два результата: прекратилось вліяніе Баттё, Буало и ихъ приверженцевъ, и нѣмцы стали покидать пошлое, потому что имъ предлагалось взамѣнъ его трудное. Самыя же теоріи, составленныя демонстрирующими вольфіанцами, скоро исчезли передъ здравымъ ученіемъ Мендельсона и Лессинга, имѣвшихъ вкусъ, котораго не было у вольфіанцевъ.

Цюрихскіе враги Готтшеда начали свою борьбу противъ него раньше вольфіанцевъ. Бодмеръ и Брейтингеръ были люди знакомые съ философіею, съ англійскою и французскою литературою. Около того времени, когда Готтшедъ началъ свою дѣятельность въ Лейпцигѣ (1719—1721), они вздумали составить изъ швейцарскихъ писателей общество для работы надъ улучшеніемъ языка и вкуса, для распространенія той цивилизаціи, которую рекомендовали и подготовляли англійскіе журналы. По примѣру Аддисона и Стиля, это общество стало издавать журналъ. Готтшедъ тотчасъ послѣдовалъ примѣру цюрихцевъ. Этимъ онъ прогнѣвалъ Бодмера, и между ними началась пошлая перебранка о томъ, чей журналъ лучше, а также и по вопросамъ о языкѣ, поэзіи, философіи. Именно то, что полемика эта велась съ пошлою бранчивостью, было очень полезно для нѣмецкой литературы. Крикъ привлекъ вниманіе массы тогдашней публики, и она стала больше прежняго интересоваться литературными дѣлами. Кромѣ того пошлость полемики съ обѣихъ сторонъ сдѣлала обѣ партіи смѣшными и очевиднѣйшимъ образомъ доказала необходимость полной реформы, которая и была совершена слѣдующимъ поколѣніемъ. Надобно однако признать за цюрихцами большую заслугу: они доказывали необходимость строгой критики, показывали, что нельзя ждать ея отъ Готтшедовской мелочности, составили учебники, въ которыхъ было больше знакомства съ поэзіею, чѣмъ въ пустыхъ умозрѣніяхъ Баумгартена и Мейера, и нѣсколько больше философіи, чѣмъ въ формалистикѣ Готтшеда. Но зато и лейпцигская школа доказала, что Бодмеръ и Брейтингеръ не годятся въ реформаторы. Такимъ образомъ нація увидѣла, что надобно ждать другаго реформатора, и этимъ другимъ явился Лессингъ.

Мы не станемъ говорить о пустыхъ стихотворныхъ произведеніяхъ Бодмера, какъ не говоримъ о стихотворныхъ работахъ Готтшеда. Не нужно намъ говорить здѣсь и о той заслугѣ Бодмера, что онъ указалъ на нѣмецкихъ поэтовъ эпохи Гогенштауфеновъ, какъ на литературныхъ учителей. Только критическая дѣятельность его и друга его, Брейтингера, имѣетъ нѣкоторую важность въ исторіи нѣмецкой образованности. Она была направлена главнымъ образомъ противъ Готтшеда, а лейпцигскій диктаторъ издалъ свой «критическій учебникъ піитики» около того времени, какъ явилось первое критическое сочиненіе цюрихцевъ; такимъ образомъ полемика между цюрихскою и лейпцигскою школами получила новую пищу. Мѣсто не позволяетъ намъ входить въ подробности критическихъ и эстетическихъ сочиненій цюрихцевъ; мы здѣсь представляемъ лишь краткій очеркъ развитія нѣмецкой литературы; тѣ читатели, которые захотятъ ближе познакомиться съ этимъ предметомъ, должны обратиться къ «Исторіи XVIII вѣка», написанной авторомъ этой книги. Высшею мудростью для цюрихской школы была теорія Аддисона; они были, подобно Готтшеду, педанты и схоластики, подобно ему, все подводили подъ правила; но онъ ограничивался тѣмъ, что выставлялъ правило за правиломъ, а они, кромѣ французскихъ сочиненій, пользовались умнымъ трактатомъ Лонгина, философа платонической школы; у нихъ было

нѣсколько больше вкуса и философскаго взгляда, чѣмъ у Готтшеда; они были основательнѣе и не такъ мелки, а съ другой стороны, были практичнѣе Баумгартена и Мейера. Разумѣется, они не могли имѣть прочнаго вліянія на литературу, потому что не могли выбиться изъ узкаго круга старыхъ понятій и хотѣли поставить произвольный предѣлъ начавшемуся прогрессу вѣка. Напримѣръ, въ противность свидѣтельству исторіи всѣхъ народовъ, они прямо говорили, что теорія поэзіи должна предшествовать самой поэзіи! И нельзя имъ было думать иначе. Бодмеръ самъ говоритъ о нѣкоторыхъ своихъ стихотвореніяхъ, что сначала писалъ ихъ прозой, а потомъ перекладывалъ эту прозу въ стихи! Вѣроятно, такъ писалъ онъ и всѣ свои стихотворныя произведенія. Напрасно ратовалъ за своихъ соотечественниковъ Зульцеръ, который былъ родомъ швейцарецъ (изъ Винтертура) и сталъ профессоромъ и членомъ академіи въ Берлинѣ: онъ не могъ доставить цюрихцамъ побѣды въ сѣверной Германіи. Его «Теорія изящныхъ искусствъ» имѣла большой успѣхъ, но напрасно расточалъ онъ въ ней непомѣрныя похвалы плохой эпопеѣ Бодмера «Ной», которую даже ставилъ рядомъ съ «Иліадою». Время показало достоинство теорій и стихотворныхъ произведеній цюрихской школы, и желанное спасеніе было дано нѣмецкой литературѣ не ею, а Лессингомъ.

e) Начало того движенія, которымъ во второй половинѣ XVIII вѣка была совершенно преобразована нѣмецкая литература и жизнь.

Отношенія нѣмецкаго писателя къ націи были въ концѣ перваго періода новой нѣмецкой литературы вовсе не таковы, какъ теперь: публику составляла тогда только очень небольшая часть націи, получившая университетское образованіе. Дѣло приняло другой видъ не раньше, какъ по окончаніи семилѣтней войны, и только тогда нѣмцы стали понимать, что литература должна стать вовсе непохожа на прежнюю, и что надобно сбросить всѣ узы, связывавшія свободное движеніе ума. Коренное преобразованіе литературы было произведено почти исключительно одними молодыми людьми новаго поколѣнія; эти преобразователи равно отвращались отъ готтшедовскаго педантства и безвкусія, отъ бодмеровской твердости въ старомъ протестантствѣ и его благонамѣренной боязливости, отъ клопштоковской догматической религіозности, поэтичной, но экзальтированной Они выбрали въ руководители себѣ Виланда, Лессинга, Гердера, и только ихъ силами были совершенно преобразованы нѣмецкая литература и жизнь.

Путь, по которому пошли эти молодые люди, былъ тотъ самый, которымъ шли и всѣ слѣдующіе преобразователи литературы. Въ Германіи судьба сочиненій рѣшалась приговоромъ рецензентовъ; поэтому они устроили себѣ органъ критики, составили партію и выступили ея представителями. Первый шагъ на этомъ пути къ низверженію Готтшеда былъ сдѣланъ Зульцеромъ и Рамлеромъ. Пріѣхавъ почти въ одно время въ Берлинъ, они соединились и основали ученый журналъ. Журналъ этотъ не удался, потому что у нихъ не было нужной смѣлости и рѣзкости, да и они слишкомъ расходились между собою въ литературныхъ понятіяхъ. Рамлеръ былъ лирикъ, оды котораго отличались изяществомъ языка и формы; онъ первый ввелъ въ нѣмецкую литературу версификацію и манеру древнихъ поэтовъ. Зульцеръ, какъ мы знаемъ, былъ почитатель и панегиристъ Бодмера и никогда не могъ подняться до понятій, которыя были бы выше бодмеровскихъ; поэтому онъ все дальше и дальше отставалъ отъ Рамлера, Лессинга и Гердера, такъ что напослѣдокъ даже осыпалъ бранью этихъ основателей лучшихъ литературныхъ понятій въ Германіи.

Въ Берлинѣ же былъ сдѣланъ и второй опытъ учредить критическій трибуналъ для уничтоженія прежняго педантства. Этотъ журналъ издавали въ 1757—1759 гг. Николаи, Вейсе, Лессингъ и Мендельсонъ, тогда всѣ еще очень молодые люди. Союзъ этихъ юношей, разнившихся другъ отъ друга характеромъ и направленіемъ талантовъ, принесъ нѣмецкому среднему со-

словію столько пользы, сколько не могъ бы принести при тогдашнихъ обстоятельствахъ одинъ геніальный человѣкъ.

Вейсе былъ человѣкъ безъ большихъ дарованій, но у него была способность писать легко и со вкусомъ, была та многосторонность, которая удовлетворяетъ толпу; онъ работалъ неутомимо, умѣлъ вѣрно судить о вещахъ, а нѣмецкому писателю довольно и одного изъ этихъ качествъ, неутомимости, чтобы пріобрѣсти себѣ большую публику. Онъ и его другъ, Лессингъ, занимались театромъ еще въ то время, когда были студентами въ Лейпцигѣ. Потомъ Вейсе написалъ множество пьесъ, изъ которыхъ особенно одна имѣла большой успѣхъ—это была комедія, осмѣивавшая пошлый споръ партій Готтшеда и Бодмера, одинаково лишенныхъ вкуса. Вейсе умѣлъ приспособляться къ требованіямъ средняго класса, не впадая въ пошлость. Онъ не оскорблялъ нравственнаго чувства, но не впадалъ и въ заоблачную сантиментальность Клопштока. Его тонъ приближался къ тону, который хорошее общество признавало своимъ, т. е. къ тону французскихъ писателей. Благодаря этому, драмы Вейсе болѣе всякихъ «Мессіадъ» содѣйствовали пробужденію умственной жизни въ нѣмцахъ,—хотя вовсе не отличаются классическимъ достоинствомъ,—а самъ онъ пользовался популярностью.

У Николаи было еще меньше поэтическаго таланта, чѣмъ у Вейсе. Это была натура черствая, односторонняя, направленная къ одному матеріальному; одушевленіе и благородный мистицизмъ казались ему равнозначущими съ фанатизмомъ и суевѣріемъ; все, что было выше осязательнаго и практическаго, было ему ненавистно. Но въ 1755 онъ сдѣлался органомъ партіи, боровшейся противъ Готтшеда, Бодмера и Клопштока, издалъ сочиненіе, имѣвшее большой успѣхъ, доказывавшее неудовлетворительность тогдашняго умственнаго направленія и литературы и показавшее собою образецъ критики, какой еще не было въ Германіи.

Лессингъ поддержалъ своимъ великимъ умомъ начало критической дѣятельности этихъ двухъ писателей. Онъ указалъ Вейсе на Шекспира, объяснилъ ему, что безжизненное благонравіе, спутывавшее даже лучшихъ тогдашнихъ писателей, несовмѣстно съ высшею цивилизаціею и съ свободной умственной дѣятельностью. По природѣ и по образованію Лессингъ былъ великимъ критикомъ; съ первыхъ его поэтическихъ произведеній было видно, что онъ можетъ стать и творцомъ великихъ поэтическихъ произведеній. Когда ему было 26 лѣтъ (въ 1755), онъ съ Мозесомъ Мендельсономъ написалъ философское сочиненіе, до сихъ поръ остающееся въ нѣмецкой литературѣ единственнымъ философскимъ сочиненіемъ, которое будучи основательно, въ то же время свободно отъ школьной терминологіи и доступно всякому читателю; его заглавіе: «Попъ какъ метафизикъ»; по содержанію оно вѣроятно принадлежитъ Мендельсону, а по слогу Лессингу. Это превосходный разборъ обыкновеннаго ученія о провидѣніи, прекрасное изложеніе того, какъ поэтъ относится къ философу, и такое объясненіе сущности дидактической поэзіи, лучше котораго до сихъ поръ нѣтъ нигдѣ. По формѣ своей это сочиненіе отличается всѣми достоинствами, по которымъ произведенія Лессинга драгоцѣннѣе для нѣмца всѣхъ другихъ: ясностью и энергіею, одушевленіемъ и жизнью, истинною поэзіею безъ всякаго слѣда вычурности и риторической патетичности.

Когда Вейсе и Николаи заговорили Лессингу о своемъ намѣреніи основать журналъ, онъ уже помѣщалъ въ «Фоссовой Газетѣ» критическія статьи о литературѣ и цивилизаціи того времени. Теперь онъ увидѣлъ, что для дѣльной эстетической критики дѣйствительно нужно основать новый журналъ. Первая мысль объ этомъ журналѣ принадлежала Николаи; исполненіе принялъ на себя Вейсе. Такъ родилась въ 1757 «Библіотека изящныхъ наукъ и искусствъ». Лессингъ написалъ для нея только одну рецензію, но Мендельсонъ много работалъ для этого журнала. Черезъ два года Николаи основалъ другой критическій журналъ, который сталъ гораздо важнѣе и вліятельнѣе перваго. Это знаменитыя «Литературныя письма» (Litteratur-Briefe); главными сотрудниками ихъ были Лессингъ и Мендельсонъ. Дружеская переписка Николаи, Вейсе, Лессинга и Мендельсона показываетъ, съ какою цѣлью они начали издавать этотъ журналъ. Тогдашняя корреспонденція ихъ наполнена жалобами на смѣшное и педантское подражаніе древнимъ классикамъ, англичанамъ и французамъ, на жалкую мора-

лизацію, на растянутость описаній и объясненій, на плохіе переводы, на недостатокъ даровитости и оригинальности въ литературѣ.

И по тону, и по содержанію «Литературныя письма» принадлежатъ уже слѣдующему періоду, и мы будемъ говорить о нихъ, когда рѣчь зайдетъ о немъ. «Библіотека изящныхъ наукъ и искусствъ» далеко не имѣла такой рѣшительности въ своихъ реформаціонныхъ стремленіяхъ, и мы не будемъ останавливаться на ней: у насъ нѣтъ мѣста, чтобы подробно разсматривать ея содержаніе и тонъ, а сказать нѣсколько словъ значило бы не сказать ничего. Замѣтимъ только, что она не была выше той теоріи, которую составили Зульцеръ и Рамлеръ при помощи французскихъ правилъ. Только съ появленіемъ «Литературныхъ писемъ» началась самостоятельная нѣмецкая критика. Вслѣдъ затѣмъ дѣятельность Виланда, Лессинга и Гердера произвела въ нѣмецкой литературѣ движеніе, которое продолжалось до 1770, а около этого времени изъ этого движенія возникла наконецъ истинно-классическая нѣмецкая литература.

V. ВОЙНА
ЗА АВСТРІЙСКОЕ НАСЛѢДСТВО.

1. Введеніе.

По смерти Карла VI, въ октябрѣ 1740, дочь его, Марія Терезія, вступила на австрійскій престолъ по праву, предоставленному ей прагматическою санкціею (стр. 4..). Но король испанскій и курфирстъ баварскій предъявили притязанія на все наслѣдство Карла VI, а король прусскій—на часть Силезіи. Франція рѣшилась помогать курфирсту баварскому и королю прусскому въ ихъ притязаніяхъ и устроила между всѣми врагами Маріи Терезіи союзъ, въ который вовлекла и курфирста саксонскаго.

Изъ государей, нападавшихъ на воздушное зданіе прагматической санкціи, только король прусскій Фридрихъ II имѣлъ армію вполнѣ организованную, готовую выступить въ походъ по первому его приказанію. Онъ былъ обязанъ этою арміею своему отцу, Фридриху Вильгельму I, которому наслѣдовалъ 1 мая 1740. Фридрихъ Вильгельмъ успѣлъ сформировать войско, числомъ до 80,000 человѣкъ; солдаты были хорошо обучены, имѣли превосходныхъ командировъ; но онъ не спѣшилъ выводить это войско на войну. Онъ собралъ также богатую казну. Такимъ образомъ, у его сына были и армія, и деньги. Франція и Австрія, напротивъ того, были обременены долгами, и Франція имѣла не больше 150,000 войска, а австрійская армія была совершенно разстроена недавнею несчастною войною съ турками.

Только деньги, солдаты, энергія и удаленіе отъ роскоши, господствовавшей при другихъ дворахъ, могли дать вѣсъ въ европейскихъ дѣлахъ государству, не имѣвшему и 3,000,000 человѣкъ населенія, и эта мысль руководила Фридрихомъ Вильгельмомъ, хотя онъ самъ не сознавалъ ея отчетливо. Фридрихъ II, еще будучи наслѣднымъ принцемъ, началъ борьбу съ предразсудками старины. Французскіе корифеи общественнаго мнѣнія признавали его человѣкомъ своей партіи. Рейнсбергъ, гдѣ онъ жилъ въ послѣдніе годы правленія своего отца, былъ сборнымъ мѣстомъ людей, воевавшихъ противъ господствующаго мрака. Сдѣлавшись королемъ, онъ началъ войну противъ тогдашнихъ гнилыхъ государствъ, сохранившихъ формы и учрежденія, отжившія свое время. Энергія, съ которою онъ началъ дѣйствовать тотчасъ по вступленіи на престолъ, доказала міру, что и въ государственныхъ дѣлахъ, какъ въ умственной жизни, онъ хочетъ идти такимъ путемъ, на который не выходилъ его отецъ. Видно было, что Фридрихъ, подобно отцу, будетъ слѣдовать въ своихъ дѣйствіяхъ только своей личной волѣ, но не будетъ, какъ отецъ, стѣсняться ни предразсудками, ни формами.

Фридрихъ выказалъ это и въ религіозныхъ, и въ политическихъ дѣлахъ, какъ только получилъ власть. Его отца окружали люди твердые въ старомъ протестантствѣ и поддерживали свою партію въ государствѣ. Фридрихъ лишилъ ихъ всякаго вліянія и пригласилъ профессора Вольфа возвратиться въ Галле, откуда изгналъ его покойный король. Фридрихъ сдѣлалъ это не изъ особеннаго

уваженія къ Вольфу, а изъ политической хитрости: онъ считалъ выгоднымъ оказать покровительство философу, котораго превозносило молодое поколѣніе. Общество его отца составляли набожные приверженцы религіозной старины, а его окружали остроумцы; онъ смѣялся съ ними въ тѣ часы, которые отецъ его проводилъ въ табачной компаніи; шутливый разговоръ шелъ на французскомъ языкѣ; предметомъ насмѣшекъ были религія и предразсудки. Существенныхъ формъ государственнаго быта Фридрихъ не измѣнилъ, но во многихъ произвелъ реформы. Онъ уничтожилъ безполезную гвардію великановъ своего отца, потому что она стоила большихъ расходовъ; далъ другое назначеніе пустошамъ, которыя его отецъ устроилъ для охоты, отмѣнилъ многіе изъ его странныхъ обычаевъ, не измѣняя его военной простотѣ. Но къ сожалѣнію, и онъ считалъ нужнымъ для образованія нѣмцевъ учрежденіе въ родѣ парижской академіи, устроенной Лудовикомъ XIV для удовлетворенія французской суетности и риторики, и населилъ берлинскую академію французами и полуфранцузами.

Первыя дѣйствія Фридриха въ сношеніяхъ съ государствами болѣе слабыми, показали ту же самоувѣренность, какая выказалась и въ первыхъ мѣрахъ его внутренней администраціи. Мы говоримъ о его образѣ дѣйствій по поводу давняго спора между Бранденбургомъ и епископствомъ люттихскимъ. Фридрихъ быстро покончилъ его насильственными мѣрами; потомъ онъ заставилъ своими угрозами курфирста майнцскаго помириться съ ландграфомъ Гессенъ-Кассельскимъ, съ которымъ курфирстъ имѣлъ давнишній процессъ въ имперскомъ судѣ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ образъ дѣйствій Фридриха былъ непохваленъ, но энергиченъ и отличался военною прямотою. Два другіе процесса, которые Фридрихъ хотѣлъ также покончить военною силою, имѣли связь съ войною за австрійское наслѣдство. Они состояли въ притязаніяхъ Бранденбургскаго дома на Юлихъ, Клеве, Бергъ и на часть Силезіи.

Юлихъ-клеве-бергскія владѣнія были передъ тридцатилѣтней войной предметомъ спора между Бранденбургомъ и Пфальцъ-Нейбургомъ (т. V, стр. 255); они перешли во владѣніе Пфальцъ-Нейбургскаго дома: но теперь эта линія должна была вскорѣ прекратиться; императоръ и Франція гарантировали юлихъ-клевебергское наслѣдство пфальцграфу Зульцбахскому. Отецъ Фридриха II протестовалъ противъ этого и принялъ прагматическую санкцію только съ условіемъ, что императоръ обѣщаетъ передать Юлихъ-Клеве-Бергъ по прекращеніи Пфальцъ-Нейбургской династіи Бранденбургскому дому. Но императоръ отвергъ это условіе и призналъ Зульцбахскій домъ наслѣдникомъ всѣхъ владѣній Пфальцъ-Нейбургскаго. Притязанія Фридриха на часть Силезіи были слѣдующія. Императоръ Фердинандъ II въ тридцатилѣтнюю войну завладѣлъ въ Силезіи княжествомъ Йейерндорфскимъ, принадлежавшимъ Бранденбургскому дому (т. V, стр. 287). Когда (въ 1675) прекратилась династія, владѣвшая герцогствами бригскимъ и лигницкимъ, они также были присоединены къ Австріи, хотя между Бригъ-Лигницкою и Бранденбургскою династіями былъ заключенъ договоръ, по которому онѣ должны были наслѣдовать другъ другу. Фридрихъ II не пропустилъ случая опереться на эти претензіи, чтобы стать въ число государей, хотѣвшихъ поживиться на счетъ Маріи Терезіи по прекращеніи мужеской линіи Габсбургскаго дома. Но онъ объявилъ при этомъ, что, подобно своему отцу, признаетъ прагматическую санкцію и хочетъ только взять принадлежащую ему часть Силезіи. О притязаніяхъ на юлихское наслѣдство онъ скоро перестал говорить, главнымъ образомъ потому, что въ борьбѣ за эту землю имѣлъ бы противъ себя Францію, а въ борьбѣ за Силезію Франція была на его сторонѣ. Въ октябрѣ 1740 армія Фридриха была готова къ походу; ему ненужно было, какъ другимъ претендентамъ на наслѣдство Карла VI, ждать чужихъ войскъ и выпрашивать субсидій.

Претенденты эти были: король испанскій, Филиппъ V, и курфирстъ баварскій, К а р л ъ А л ь б е р т ъ. По условію, которое они заключили, Филиппъ требовалъ себѣ итальянскихъ провинцій Австріи, которыя прежде принадлежали Испаніи, а Карлъ-Альбертъ — Тироля, Богеміи и эрцгерцогства Австріи. Карлъ-Альбертъ постоянно протестовалъ противъ прагматической санкціи, но во время смерти Карла VI у него не было приготовлено для войны ни войска, ни денегъ. Онъ не могъ разсчитывать и на расположеніе населенія тѣхъ странъ, которыми хотѣлъ овладѣть, тогда какъ Фридрихъ II имѣлъ опору въ расположеніи силезскихъ

протестантовъ. Вступивъ на престолъ (въ 1726), Карлъ-Альбертъ нашелъ Баварію обремененной долгомъ, простиравшимся до 30 милліоновъ гульденовъ, и потому тогда же уменьшилъ свою армію до 10,000 человѣкъ. Во время войны за польское наслѣдство онъ опять увеличилъ ее, но только затѣмъ, чтобы получать отъ Франціи милостыню подъ именемъ субсидій (стр. 46); баварское правительство и въ то время, какъ въ войну за наслѣдство испанскаго престола, отдавало нѣмецкія войска въ наемъ врагу имперіи, лишь бы получать за то деньги. Это не тревожило совѣсти баварскаго двора; но зато онъ чрезвычайно боялся проступиться чѣмъ-нибудь противъ католическаго святошества: набожность его простиралась до того, что французскія субсидіи, которыя по условію съ Франціею слѣдовало употреблять на усиленіе арміи, онъ расточалъ на церкви, монастыри и священныя баварскія мѣста, куда сходился народъ на поклоненіе. Карлъ-Альбертъ и его супруга были одарены истинно средневѣковою набожностью. Они ходили пѣшкомъ на поклоненіе въ Альтъ-Эттингъ, поставили тамъ серебряную статую такого вѣса, какой имѣлъ ихъ наслѣдный принцъ, которому былъ восьмой годъ, дали очень богатыя приношенія и Лоретто, которое также посѣтили. Ко всему этому надобно прибавить, что баварскій дворъ очень усердно занимался праздниками, любовными связями и интригами; онъ продолжалъ заниматься ими и въ то время, когда войска Фридриха уже заняли Силезію. У баварскаго правительства не было даже заготовлено манифеста о его правахъ на Австрію, когда умеръ Карлъ VI.

Всю свою надежду Карлъ-Альбертъ и его дворъ возлагали на фальшивое завѣщаніе и на переговоры съ Франціею, въ которыхъ главными дѣятелями были Тёрринги, старшій и младшій. Баварское правительство основывало свои притязанія на одной статьѣ завѣщанія императора Фердинанда I: по ней Австрія должна была по прекращеніи мужескаго поколѣнія Габсбургскаго дома перейти къ потомкамъ дочери Фердинанда, Анны, супруги Альбрехта V Баварскаго. Но тотчасъ обнаружилось, что баварскій списокъ этого завѣщанія неправиленъ: по подлиннику, хранившемуся въ Вѣнѣ, наслѣдство переходило къ баварской династіи только тогда, если у императора не останется никакого законнаго потомства, ни мужескаго, ни женскаго пола. Франція признала по смерти Карла VI Марію Терезію его наслѣдницею; Лудовикъ XV и кардиналъ Флёри твердо хотѣли держаться прагматической санкціи, хотя дали баварскому двору общія неопредѣленныя обѣщанія. Поэтому баварское правительство не могло бы, кажется, питать надежды получить отъ французовъ помощь для отнятія наслѣдства у Маріи Терезіи. Оно дѣйствительно не получило бы ея, еслибы при французскомъ дворѣ не было трехъ людей, которые желали войны изъ личныхъ разсчетовъ; они противъ воли Флёри устроили дѣло такъ, что Франція стала помогать Баваріи. Чтобы объяснить это, намъ надобно сообщить нѣкоторые факты изъ интимной исторіи французскаго двора и изъ частной жизни Лудовика XV.

Лудовикъ XV былъ сильно преданъ чувственности; однако до 1737 онъ не имѣлъ формальныхъ любовницъ. Но около этого времени королева утратила живость и свѣжесть и не могла привязывать къ себѣ мужа, любившаго только охоту, хорошій столъ, вино и разгульную компанію. Тогда стали господствовать королевскія любовницы, и начались позорныя оргіи развратнаго двора. Дамы перебивали другъ у друга благосклонность короля, а вельможи соперничали за честь рекомендовать королю любовницъ. Изъ этихъ господъ особенно отличался герцогъ де Ришлье, неразлучный товарищъ короля, соединявшій въ себѣ всѣ качества, нужныя, чтобы быть компаньономъ развратнаго человѣка, безчувственнаго ко всему благородному. Ришлье первый выбралъ для Лудовика одну изъ тѣхъ дамъ, которыя съ тѣхъ поръ поочередно блистали въ званіи формальныхъ любовницъ короля. То была маркиза де Мальи. Говорятъ, что помощникомъ герцогу въ этомъ выборѣ былъ самъ кардиналъ Флери; они рекомендовали маркизу де Мальи, потому что считали ее женщиною, которая не станетъ вмѣшиваться въ политическія дѣла. Когда она вступила въ свое званіе, характеръ французскаго правленія совершенно измѣнился. По названію продолжалъ управлять дѣлами одинъ кардиналъ Флери; но кромѣ политики министерства, у короля была своя особенная политика; кромѣ офиціальныхъ посланниковъ, у него были

при иностранныхъ дворахъ свои особенные агенты. Такъ шли дѣла и въ то время, когда умеръ Карлъ VI.

Карлъ-Альбертъ долго не имѣлъ успѣха въ своихъ просьбахъ о помощи у французскаго двора; но потомъ трое придворныхъ, близкіе люди маркизы де Мальи, доставили ему эту желанную помощь. То были герцогъ де Брольи и два брата, де Белльиль. Они желали играть роль въ войнѣ и потому черезъ маркизу уговорили короля заключить союзъ съ Баваріею противъ Австріи, наперекоръ кардиналу Флёри. Старшій де Белльиль составилъ планъ; ему было поручено и исполненіе его. Прежде Карлъ-Альбертъ писалъ Лудовику и кардиналу Флери самыя униженныя письма, умоляя ихъ, какъ нищій, чтобы они помогли ему получить императорскій санъ. Онъ не стыдился называть короля своею единственною опорою и защитою навѣки и постыднымъ образомъ повергать къ ногамъ его министра санъ императора.

Герцогъ де Белльиль отправился въ Германію съ испанскимъ посломъ заключать союзъ съ нѣмецкими государями противъ Австріи и хлопотать о доставленіи императорской короны курфирсту баварскому. Онъ разъѣзжалъ по Германіи съ блескомъ, стоившимъ французскому народу громадныхъ денегъ, и ослѣплялъ нѣмецкіе дворы своимъ великолѣпіемъ или подкупалъ ихъ. Съ Фридрихомъ II, разумѣется, онъ не справился; Фридрихъ самъ обманулъ тщеславнаго герцога, явившагося къ нему въ лагерь, между тѣмъ какъ Белльиль воображалъ, что провелъ его. Король прусскій заключилъ съ нимъ договоръ, по которому отказывался отъ притязаній на юлихъ-клеве-бергскія владѣнія и обѣщалъ свой голосъ курфирсту баварскому при выборѣ императора; но онъ сдѣлалъ это только для того, чтобы Франція помогла ему овладѣть Силезію. Французы обязались послать одно войско въ Баварію, другое въ Вестфалію, чтобы ганноверцы и саксонцы не могли напасть на пруссаковъ съ тыла.

По заключеніи договора съ Пруссіею былъ заключенъ договоръ между Испаніею и Баваріею и договоръ между Франціею и Баваріею (въ маѣ и въ іюнѣ 1741), оба въ Нимфенбургѣ. По тайнымъ статьямъ договора съ Баваріею, Франція обѣщала помогать всѣми своими силами Карлу Альберту въ полученіи наслѣдства Карла VI. Курфирстъ обѣщалъ за это оставить во владѣніи французовъ всѣ области и города, которые они завоюютъ на Рейнѣ и въ Нидерландахъ, и не требовать назадъ этихъ завоеваній, когда сдѣлается императоромъ. Обнародованныя статьи имѣли лишь назначеніе скрыть эти тайныя условія; онѣ придавали дѣлу такой видъ, будто Франція вовсе не хочетъ сама вступать во вражду съ Австріею, а только даетъ курфирсту баварскому заемъ и посылаетъ ему два отряда, которые будутъ содержаться на его счетъ. О другихъ подробностяхъ нимфенбургскихъ трактатовъ мы не станемъ говорить; то, что мы привели, уже достаточно показываетъ тогдашнее состояніе общественной нравственности и характеръ тогдашнихъ правительствъ.

Въ октябрѣ 1741 Саксонія также присоединилась къ союзу Франціи, Баваріи и Пруссіи; она обѣщала послать 20,000 войска въ Богемію. Уговорить саксонское правительство на этотъ союзъ было нетрудно, потому что при Фридрихѣ Августѣ II (Августѣ III Польскомъ) Саксоніею управляли двое вельможъ, которые оба были не болѣе, какъ придворные кавалеры, а у одного изъ нихъ былъ помощникомъ лакей. Самъ Фридрихъ Августъ не принималъ никакого участія въ дѣлахъ. Онъ былъ человѣкъ добродушный, но величайшій флегматикъ, а люди, правившіе вмѣсто него, стерегли его такъ заботливо, что никто не могъ подать ему даже никакой просьбы. Люди, правительствовавшіе вмѣсто него, были князь Сульковскій и графъ Брюль. Сульковскій, по должности оберъ-каммергера, находился безотлучно при королѣ; Брюль быстро поднялся изъ пажей также въ званіе оберъ-каммергера. Сульковскій имѣлъ громадные доходы, а Брюль считалъ несчастную Саксонію просто своимъ помѣстьемъ, а саксонцевъ — своими крѣпостными. Онъ содержалъ не меньше, если не больше, 200 человѣкъ прислуги, выписывалъ изъ Парижа парики дюжинами, башмаки сотнями паръ; имѣлъ богатѣйшій гардеробъ всевозможнаго платья, выписывалъ паштеты изъ Парижа, шоколадъ изъ Рима и Вѣны и т. д. Словомъ, онъ жилъ съ пышностью болѣе, чѣмъ королевскою. Его сады, библіотеки и музеи были такъ великолѣпны, что нѣмецкіе ученые писали о нихъ цѣлыя книги. А несчастная Саксонія, доставляв-

шая деньги на все это мотовство, была при Брюлѣ совершенно разорена войною за австрійское наслѣдство и семилѣтнею войною. Брюль ничего не смыслилъ въ государственныхъ дѣлахъ, и все рѣшалось его секретарями и лакеями. Изъ лакеевъ особенно одинъ, Геннике, получилъ чрезвычайную силу. До 30 лѣтъ онъ былъ лакеемъ, потомъ женился на горничной графа Брюля, сталъ быстро подниматься по лѣстницѣ должностей, сдѣлался наконецъ графомъ и съ безграничною властью управлялъ дѣломъ обиранія саксонцевъ на пользу своего бывшаго барина.

Англія также вмѣшалась въ войну за австрійское наслѣдство. Мы знаемъ, что ею очень долго управлялъ Робертъ Вальполь (стр. 35 и 39), державшійся тѣмъ, что на деньги трудолюбиваго англійскаго народа подкупалъ большинство членовъ парламента и удовлетворялъ личнымъ интересамъ короля Георга II. Но при всей своей изворотливости и хитрости онъ былъ наконецъ принужденъ уступить негодованію народа. Причиной негодованія была его политика относительно Испаніи. Со времени договора объ ассіенто (стр. 15) англичане постоянно ссорились съ Испаніею за то, что англійская торговля чрезвычайно стѣснялась испанскою колоніальною системою, обременительными испанскими пошлинами и таможенными правилами. Какъ во всѣхъ дѣлахъ, такъ и въ этомъ, Вальполь не обращалъ вниманія на общественное мнѣніе, которое требовало войны съ Испаніею. Тогда стали распространять преувеличенные и выдуманные разсказы о притѣсненіяхъ и обидахъ, наносимыхъ испанцами англійскимъ купцамъ, о безчеловѣчныхъ поступкахъ испанской таможенной стражи съ англійскими контрабандистами. Нація постепенно разгорячалась этими слухами, такъ что наконецъ парламентъ потребовалъ принятія самыхъ энергическихъ мѣръ противъ Испаніи (въ 1738). Но Вальполь думалъ, — и на этотъ разъ былъ правъ, — что войною ничего не выиграешь. Поэтому онъ вступилъ въ переговоры съ Испаніею и успѣлъ заключить (въ Эль-Прадо близъ Мадрида, 14 января 1739) договоръ, которымъ, по его мнѣнію, парламентъ долженъ былъ остаться доволенъ. Но парламентъ не удовлетворился эль-прадскимъ трактатомъ, и Вальполь былъ принужденъ объявить войну Испаніи (въ октябрѣ 1739).

Война поглотила множество денегъ и, какъ предвидѣлъ Вальполь, не принесла существенной выгоды англійскому народу. Она доставила только выгоду англійскимъ каперамъ, доставила также деньги датскому и гессенскому правительствамъ, которыя на англійскій счетъ содержали войска для охраненія Ганновера отъ короля прусскаго; Георгъ II былъ во враждѣ съ Пруссіею по своимъ личнымъ интересамъ. Испанцы выслали множество каперовъ; каперы эти захватили много англійскихъ судовъ, разстроили англійскую торговлю. Англійскій адмиралъ Вернонъ съ небольшою эскадрою взялъ городъ Портобелло, —то былъ изумительный успѣхъ; но его удача внушила мысль снарядить другія экспедиціи, которыя стоили очень большихъ денегъ и совершенно не удались. Англичане отправили Вернона съ очень большимъ флотомъ къ Даріенскому перешейку, послали адмирала Ансона съ другимъ флотомъ въ Южный океанъ. Милліоны, пошедшіе на снаряженіе этихъ флотовъ, пропали совершенно понапрасно. Нападенія Вернона на Даріенскій перешеекъ и на Кубу не удались, и онъ потерялъ тутъ больше 20,000 человѣкъ. Ансону было такое же несчастіе: изъ всего своего флота онъ привелъ назадъ въ Англію одинъ корабль. Но за то онъ по крайней мѣрѣ пріобрѣлъ много славы и усилилъ самоувѣренность англичанъ въ морскомъ дѣлѣ. Онъ совершилъ плаваніе мимо южной оконечности Америки, дѣло, почитаемое тогда еще труднымъ, такъ что посланный за нимъ испанскій флотъ не могъ сдѣлать этого и вернулся назадъ. Приплывъ на западный берегъ Америки, онъ сталъ тамъ жечь и разорять испанскія колоніи, набралъ громадную добычу, преодолѣвалъ опасности въ малоизвѣстныхъ моряхъ и возвратился въ Англію послѣ плаванія, продолжавшагося цѣлые три года. Описаніе его путешествія было сдѣлано такъ, что получило особенный интересъ для всей европейской публики и много содѣйствовало увеличенію славы Ансона. Авторъ этого описанія изобразилъ разбойничьи острова земнымъ раемъ и очаровалъ своими извѣстіями добраго Руссо (стр. 76). Благодаря этому, вся публика, читавшая романы, во всѣхъ концахъ Европы узнала объ адмиралѣ Ансонѣ и стала удивляться ему.

Война съ Испаніею помѣшала англійскому министерству исполнить желаніе Георга II, который хотѣлъ, чтобы Англія вмѣшалась въ нѣмецкія дѣла по смерти Карла VI и помогла бы Маріи Терезіи. Министры давали королю денегъ, чтобы онъ могъ воевать за Марію Терезію, какъ курфирстъ ганноверскій; но мы увидимъ, что скоро онъ былъ принужденъ прекратить и это содѣйствіе австрійцамъ. Но испанцамъ война съ Англіею не помѣшала напасть на итальянскія владѣнія преемницы Карла VI.

2. Война за австрійское наслѣдство до Бреславльскаго мира.

Державы, предъявившія притязанія на наслѣдство Карла VI, долго не начинали войны, потому что должны были еще найти средства вести ее, ибо управлялись людьми пустыми и легкомысленными. Но Пруссія была исключеніемъ. Пока другіе только собирались, молодой король прусскій уже дѣйствовалъ. Онъ повелъ свою армію въ Силезію и 10 апрѣля 1741 разбилъ австрійцевъ подъ Мольвицомъ. Австрійцами командовалъ тутъ графъ Нейппергъ, котораго Марія Терезія освободила изъ-подъ ареста, очень имъ заслуженнаго (стр. 49); разумѣется, онъ не годился въ противники Леопольду Дессаускому, Шверину и другимъ прусскимъ генераламъ. Австрійцы были вытѣснены изъ Силезіи, и война приняла оборотъ очень опасный для Маріи Терезіи. Пока пруссаки занимали Силезію и проникали даже въ Моравію, французы вторгнулись въ Богемію; баварцы, подкрѣпленные французскимъ корпусомъ, шли по Дунаю и проникли до Линца; испанское войско вошло въ итальянскія владѣнія Австріи. Георгъ II Англійскій былъ единственнымъ государемъ, отъ котораго Австрія могла бы ждать помощи; но онъ изъ боязни за курфиршерство ганноверское согласился сохранять нейтралитетъ. Это было выгодно Фридриху, получившему возможность свободно располагать арміею, которая подъ командою старика принца Дессаускаго была поставлена на Эльбѣ для охраненія Пруссіи отъ ганноверцевъ. Положеніе Маріи Терезіи было тѣмъ опаснѣе, что разнородныя части ея государства не всѣ были расположены защищать ее: Богемія колебалась, Моравія хотѣла быть нейтральною, Ломбардія могла ждать, что подъ властью испанскаго принца получитъ національную самостоятельность; силезскіе протестанты видѣли въ королѣ прусскомъ своего спасителя отъ долголѣтняго угнетенія.

Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ Марія Терезія показала себя великою правительницею. Въ особенности изумился міръ, когда увидѣлъ, что она успѣла пробудить энтузіазмъ въ Венгріи, эрцгерцогствѣ Австрійскомъ и Тиролѣ. Она объявила своего мужа соучастникомъ своей власти, но избѣжала при этомъ всякаго нарушенія прагматической санкціи; она держала мужа въ удаленіи отъ дѣлъ, потому что у него было больше купеческихъ, чѣмъ правительственныхъ способностей, а австрійская аристократія смотрѣла на него какъ на человѣка чужаго. Она распустила все 40-тысячное полчище такъ называемыхъ «камералистовъ»— т. е. орду придворной прислуги, которая жила при ея отцѣ на счетъ двора и ежегодно стоила $9\frac{1}{2}$ милліоновъ. Она освободила изъ-подъ ареста генераловъ Нейпперга, Валлиса и Зекендорфа (стр. 49). Это было выгодно, хотя ошибкою было то, что она опять ввѣрила Нейппергу армію. Короновавшись въ іюнѣ 1741 королевою венгерскою, она осенью того же года опять пріѣхала въ Венгрію и возбудила тамъ такой энтузіазмъ, какому мало примѣровъ въ новой исторіи. Воинственное венгерское дворянство вооружилось на защиту тѣснимой всѣми королевы, благородной, прекрасной и молодой, и ея наслѣдника-младенца, которому тогда было лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Цѣлыя толпы секлеровъ, пандуровъ, кроатовъ и другихъ подвластныхъ венграмъ племенъ двинулись въ Австрію на борьбу съ врагами своей королевы. Въ эрцгерцогствѣ Австрійскомъ война также стала народнымъ дѣломъ; тирольцы поднялись почти поголовно. Изъ разсказовъ о возбужденіи энтузіазма между венграми справедливо то, что венгры были болѣе всего увлечены личностью Маріи Терезіи и умѣньемъ ея польстить ихъ національному чувству; но то, будто она явилась въ собраніе венгерскаго сейма съ своимъ малюткою сыномъ на рукахъ и, поднявъ его, воскликнула магнатамъ, что въ нихъ единственная защита его,—чистая сказка: малютка былъ привезенъ въ

Пресбургъ уже послѣ того, какъ дѣло было рѣшено; это доказывается документами.

Пока Марія Терезія собирала средства къ оборонѣ и къ спасенію, Карлъ-Альбертъ и его протекторъ, Белльиль, думали только о пышныхъ церемоніяхъ. Курфирстъ расточалъ французскія субсидіи на блестки и мишуру, которую выписывалъ изъ Парижа для убранствъ при своемъ будущемъ короновании императоромъ. Белльиль ѣздилъ въ Парижъ, чтобы побѣдить сопротивленіе Флери планамъ его тщеславія, восторжествовалъ надъ кардиналомъ, возвратился въ Германію и наслаждался во Франкфуртѣ слишкомъ дорого купленною честью завѣдывать отъ имени своего короля устройствомъ церемоній по коронаціи германскаго императора. Онъ занималъ тамъ мѣсто выше всѣхъ нѣмецкихъ государей, наравнѣ съ первымъ курфирстомъ имперіи, архіепископомъ майнцскимъ, и расточалъ громадныя суммы, чтобы ослѣплять всѣхъ величайшею пышностью. Между прочимъ онъ цѣлый годъ держалъ по двѣ упряжки лошадей на всѣхъ станціяхъ между Франкфуртомъ и Парижемъ только затѣмъ, чтобы каждую недѣлю получать изъ Парижа кондитерскія печенья и закуски для своихъ обѣдовъ.

Карлу-Альберту слѣдовало бы идти прямо на Вѣну; но, дойдя до Линца, онъ въ октябрѣ 1741 отозвалъ баварско-французское войско изъ Австріи; ему нетерпѣливо хотѣлось поскорѣе короноваться королемъ богемскимъ въ Прагѣ, и онъ двинулъ свои войска въ Богемію. Тамъ они соединились съ 20,000 саксонскимъ войскомъ и пошли на Прагу. Она была взята 26 ноября: 3-тысячный австрійскій гарнизонъ, конечно, не могъ защищать такую обширную крѣпость противъ 40-тысячной арміи. По взятіи Праги, Карлу-Альберту слѣдовало бы тотчасъ идти противъ мужа Маріи Терезіи, великаго герцога Франца, который подошелъ было къ Прагѣ, еще надѣясь отстоять ее, но услышавъ, что она взята, началъ отступать. Не думая о томъ, чтобы утвердиться въ Богеміи разбитіемъ Франца, Карлъ-Альбертъ наслаждался въ Прагѣ ролью короля. Въ декабрѣ онъ короновался и великолѣпно отпраздновалъ свое торжество съ Белльилемъ, который пріѣхалъ на эти праздники изъ Дрездена въ Прагу. Потомъ Карлъ-Альбертъ отправился съ своимъ покровителемъ во Франкфуртъ, чтобы тамъ его избрали и короновали императоромъ въ качествѣ кліента французовъ. По этому случаю Карлъ-Альбертъ, принявшій въ санѣ императора имя Карла VII, опять занялся расточительными торжествами, не заботясь о томъ, что война приняла уже оборотъ, который грозилъ отнять у него даже самую Баварію.

По отъѣздѣ Карла-Альберта и Белльиля изъ Праги команду надъ войсками въ Богеміи принялъ герцогъ де Брольи. Саксонцы и баварцы не слушались его; притомъ они, какъ и сами французы, опасались намѣреній короля прусскаго. Фридрихъ въ январѣ 1742 вошелъ въ Моравію, чтобы спасти отъ австрійцевъ 16-тысячный баварско-французскій корпусъ Сегюра, который былъ оставленъ въ эрцгерцогствѣ Австрійскомъ и стоялъ разбросанными отрядами. Онъ едва уговорилъ союзниковъ, чтобы ему отдали подъ команду саксонское войско; съ нимъ онъ успѣлъ завоевать часть Моравіи. Но между союзниками господствовало такое несогласіе и недовѣріе, что Сегюра нельзя было спасти. Фридрихъ ушелъ изъ Моравіи, чтобы защищать Силезію, которой уже грозила опасность. Тысячи венгровъ и австрійцевъ съ энтузіазмомъ взялись за оружіе, и Кевенгюллеръ съ новою арміею пошелъ на Сегюра и заперъ его въ Линцѣ. Въ то же время Менцель, Тренкъ, Беренклау и другіе генералы съ дикими толпами кроатовъ, пандуровъ и другихъ племенъ Венгріи отрѣзали Сегюра отъ Баваріи и заняли часть этой страны. Баварскій генералъ Тёррингъ былъ разбитъ между Браунау и Шёрдингомъ; тогда Сегюръ былъ принужденъ сдаться на капитуляцію (24 января 1742). Менцель вошелъ въ Мюнхенъ, Кевенгюллеръ въ Ландсгутъ, и въ мартѣ страна между Дунаемъ и Лехомъ была наводнена 50-тысячнымъ ополченіемъ варваровъ, которые стали грабить жителей. Въ тотъ самый день, когда Сегюръ сдалъ Линцъ, Карлъ-Альбертъ пышно праздновалъ свою коронацію во Франкфуртѣ. Новый императоръ возвелъ въ санъ князя нѣмецкой имперіи Белльиля, виновника всѣхъ бѣдствій, разорившихъ часть Германіи и стоившихъ жизни тысячамъ французовъ; а король французскій далъ Белльилю титулъ герцога де Жизора.

Пруссаки вели войну совсѣмъ не такъ, какъ баварцы, потому что король прусскій былъ не такой человѣкъ, какъ курфирсты баварскій или саксонскій. Курфирстъ саксонскій жилъ въ свое удовольствіе, увеселяя свой дворъ, и только; его фаворитъ, графъ Брюль, сорилъ огромныя деньги на дрезденскую оперу; правда и то, что опера изумляла всю Германію своимъ великолѣпіемъ. Карлъ-Альбертъ растратилъ всѣ французскія субсидіи на блескъ своего новаго императорскаго сана, надѣлалъ даже долговъ на расходы по своимъ праздникамъ, такъ что напослѣдокъ ему пришлось вымаливать у французовъ милостыни, чтобы «не умереть съ голода», какъ говоритъ герцогъ де Ноайль въ своихъ мемуарахъ. Фридрихъ Великій, напротивъ, велъ самую простую жизнь, самъ дѣлилъ съ солдатами всѣ лишенія, и богатые доходы Силезіи обращалъ исключительно на увеличеніе своего войска. Новая французская армія, пришедшая въ Богемію, страдала тамъ отъ недостатка во всемъ, а Фридрихъ между тѣмъ разбилъ австрійцевъ подъ Хотузицемъ (17 мая 1742) и этою побѣдою вынудилъ у нихъ выгодный миръ. Австрійцы еще до битвы при Хотузицѣ рѣшились помириться съ Фридрихомъ, но дали ему это сраженіе для послѣдней пробы, не успѣютъ ли отнять у него Силезію. Они проиграли битву, впрочемъ безъ большаго урона, и отступили въ хорошемъ порядкѣ. Побѣда была тѣмъ славнѣе для Фридриха, что братъ мужа Маріи Терезіи, Карлъ Лотарингскій, командовавшій австрійцами, имѣлъ своими помощниками хорошихъ генераловъ, Кёнихсека и Броуна; особенно Броунъ былъ однимъ изъ лучшихъ австрійскихъ полководцевъ со времени Евгенія Савойскаго. Битвою при Хотузицѣ прекратилось на время участіе Фридриха въ войнѣ противъ Австріи: такъ кончилась такъ называемая первая силезская война. Тотчасъ послѣ битвы начались переговоры при посредничествѣ англійскаго посланника, и 11 іюня уже были подписаны въ Бреславлѣ предварительныя условія мира. Самый миръ, по мѣсту предшествовавшихъ ему переговоровъ, называемый Бреславльскимъ, былъ заключенъ въ Берлинѣ 28 іюня 1742. Австрія уступила Фридриху всю Силезію, кромѣ княжествъ Тешенскаго, Троппаускаго, моравскихъ владѣній въ Силезіи и кромѣ земли за рѣкою Оппою; уступила также графство Глацское. Этими пріобрѣтеніями населеніе Пруссіи увеличилось почти на треть. За годъ передъ тѣмъ, вступая въ союзъ съ курфирстомъ саксонскимъ, Фридрихъ обѣщалъ отдать ему часть Силезіи. Но бреславльскій договоръ упоминалъ о курфирстѣ саксонскомъ лишь въ общихъ выраженіяхъ, неопредѣленно обѣщая ему вознагражденіе. Еще хуже курфирста саксонскаго съ его графомъ Брюлемъ былъ обманутъ и одураченъ бреславльскимъ миромъ Белльиль; Фридрихъ постоянно обманывалъ этого тщеславнаго человѣка, которому не шли въ прокъ предостереженія герцога де Брольи.

3. Отъ Бреславльскаго мира до второй силезской войны.

Въ Германіи австрійцы воевали съ пруссаками, французами и баварцами; въ Италіи они должны были воевать съ испанцами. Весною 1741 испанская армія была прислана завоевать въ верхней Италіи королевство для втораго сына королевы испанской, Елисаветы, дона Филиппа, какъ уже было завоевано неаполитанское королевство для старшаго сына ея во время войны за польское наслѣдство (стр. 46). Это желаніе Елисаветы было единственнымъ побужденіемъ испанскаго кабинета принять участіе въ нимфенбургскомъ договорѣ. Но тутъ явилось обстоятельство, невыгодное для державъ, соединившихся противъ Австріи. Карлъ Эммануилъ III Сардинскій былъ привлеченъ къ союзу противъ Австріи обѣщаніемъ испанцевъ и французовъ увеличить его владѣнія; теперь его мысли перемѣнились. Какъ только онъ замѣтилъ истинныя намѣренія испанцевъ, то тотчасъ перешелъ на сторону австрійцевъ и англичанъ, которые обѣщали ему денегъ и также увеличеніе его владѣній. По обыкновенной системѣ своего дома, онъ и въ войнѣ за австрійское наслѣдство, какъ во всѣхъ дѣлахъ, видѣлъ только средство расширить свое государство разсчетливымъ переходомъ отъ одной стороны на другую.

Появленіе испанскаго войска въ Италіи низвергло Роберта Вальполя. Англійскій флотъ могъ не допустить испанцевъ переплыть въ Италію; но англійское министерство не позволило ему дѣйствовать, потому что не хотѣло принимать участія въ войнѣ, хотя парламентъ уже назначилъ субсидіи для Маріи Терезіи и далъ денегъ для платы датскимъ и гессенскимъ войскамъ (стр. 102). Всѣ вознегодовали на министровъ; нація требовала, чтобы Маріи Терезіи была оказана помощь; выборы въ новый парламентъ были неблагопріятны министерству, и въ февралѣ 1742 Вальполь былъ принужденъ выйти въ отставку. При отставкѣ онъ получилъ титулъ лорда. Черезъ три года онъ умеръ; онъ велъ государственныя дѣла самымъ безсовѣстнымъ образомъ, но не нажилъ большаго состоянія, потому что заботился обогащать не самого себя, а своихъ друзей и кліентовъ. Незадолго до его смерти было назначено слѣдствіе о томъ, какъ ведена была его администрація; отъ этого не произошло никакихъ непріятностей лично для него, но были найдены юридическія улики, что онъ злоупотреблялъ государственными деньгами. При этомъ слѣдствіи Питтъ Старшій особенно отличился краснорѣчіемъ и благороднымъ жаромъ.

Нація нимало не выиграла отъ того, что Вальполь былъ низвергнутъ. Новое министерство не могло обойтись безъ Пельгамовъ, которые располагали голосами многихъ депутатовъ по тогдашнему положенію парламентскихъ выборовъ (стр. 40); такимъ образомъ члены прежняго кабинета остались въ новомъ. Глава новаго кабинета, бывшій предводитель оппозиціи противъ Вальполя, лордъ Картеретъ, былъ, правда, человѣкъ съ большими талантами и познаніями; но постоянно угождалъ королю и поддерживалъ планы Георга для увеличенія Ганноверскаго курфиршества. Вслѣдъ за этою перемѣною въ англійскомъ министерствѣ Карлъ Эммануилъ Сардинскій отступилъ отъ союза противъ Австріи и принялъ сторону Маріи Терезіи. Сверхъ того Англія дала новыя субсидіи Маріи Терезіи (въ апрѣлѣ 1742), и парламентъ назначилъ новыя суммы на содержаніе датскихъ, гессенскихъ и ганноверскихъ войскъ. Король прусскій склонился на Бреславльскій миръ также содѣйствіемъ новаго англійскаго министерства. Англія гарантировала ему неприкосновенность владѣнія Силезіею.

Когда Англія дѣятельно приняла сторону Австріи, а король прусскій примирился съ Маріею Терезіею, дѣла французовъ и кліента ихъ, новаго нѣмецкаго императора, пошли очень дурно. Австрійскія войска вновь наводнили Баварію. Французскій главнокомандующій въ этой странѣ, д'Аркуръ, имѣлъ слишкомъ мало войска и боялся рисковать; потому грабительству кроатовъ и пандуровъ былъ всюду просторъ. Около того же времени французское войско, находившееся въ Богеміи, было заперто австрійцами въ Прагѣ (въ іюлѣ 1742); они совершенно стѣснили его; французскій командиръ два раза предлагалъ сдать Прагу съ тѣмъ, чтобы его выпустили изъ Богеміи. Австрійцы отвергли это условіе. Бѣда французовъ состояла въ томъ, что въ парижскомъ правительствѣ не было человѣка, который могъ бы энергически вести дѣла; впрочемъ войска ихъ сражались храбро, и армія, запертая въ Прагѣ, оборонялась со славою. Но отъ недостатка денегъ и провіанта она страдала больше, чѣмъ отъ непріятеля. Въ Парижѣ военныя дѣла велись, какъ придворная интрига, а главные командиры войскъ, Белльиль, Брольи и д'Аркуръ, были постоянно во враждѣ между собою. Д'Аркуръ даже не исполнилъ приказанія короля идти въ Богемію, хотя оно было повторено ему нѣсколько разъ.

Въ Вестфаліи стояла французская армія Майльбуа, наблюдавшая за голландцами, которые вступили въ переговоры съ англичанами; теперь она была послана въ Богемію выручать войско, запертое въ Прагѣ. Впрочемъ не сдѣлали бы и этого, если бы сама маркиза де Мальи не распорядилась послать это приказаніе. Мальбуа соединился съ д'Аркуромъ и пошелъ черезъ Франконію въ Богемію. Но онъ сдѣлалъ ошибку: вмѣсто того, чтобы соединиться съ Брольи, онъ вернулся въ Верхній Пфальцъ. За это его смѣнили и передали команду Брольи. Но Брольи также ушелъ изъ Богеміи въ Баварію. Белльиль, запертый въ Прагѣ, потерялъ всякую надежду на помощь и рѣшился уйти отъ стыда капитуляціи смѣлымъ зимнимъ походомъ. Воспользовавшись небрежностью окружавшаго Прагу непріятеля, онъ двинулся въ походъ 17 декабря, успѣлъ уйти на два перехода впередъ отъ австрійцевъ и счастливо дошелъ до Эгера. Воль-

теръ и другіе французы забавнымъ образомъ сравниваютъ этотъ отчаянный маршъ съ отступленіемъ десяти тысячъ грековъ (т. I, стр. 248). Разумѣется, французская армія потерпѣла очень большой уронъ, потому что шла по сильному холоду, терпѣла недостатокъ въ провіантѣ, а легкія австрійскія войска во множествѣ преслѣдовали ее. Тысячи французовъ погибли страшною смертью на этомъ походѣ, и даже изъ 14,000, которые дошли до Эгера, большая половина вынесла зародыши смертельныхъ болѣзней.

Въ Италіи дѣла французовъ и ихъ союзниковъ шли такъ же неудачно, какъ и въ Германіи. Испанскій главнокомандующій маркизъ де Монтемаръ былъ трусливый флегматикъ, а войска, присланныя ему королемъ неаполитанскимъ, оказались и тутъ такими же ненадежными и непригодными къ войнѣ, какими неаполитанскія войска всегда оказывались, еще съ среднихъ вѣковъ. Графъ де Гажесъ, принявшій команду послѣ Монтемара, пропустилъ благопріятный случай дать битву, и когда въ февралѣ 1743 вздумалъ неожиданно броситься на австрійскую армію, Траунъ, командиръ ея, былъ предупрежденъ, и попытка де-Гажеса разстроилась. Черезъ нѣсколько времени король сардинскій показалъ видъ, будто хочетъ опять перейти на сторону испанцевъ и французовъ; онъ боялся, что если австрійцы будутъ имѣть полный успѣхъ, то не сдержатъ обѣщаній, которыя надавали ему. Но англичане удержали его на сторонѣ австрійцевъ, убѣдивъ Марію Терезію положительно обѣщать ему уступить нѣсколько ломбардскихъ городовъ (въ сентябрѣ 1743).

Англичане собрали въ Нидерландахъ армію, голландцы прислали въ нее нѣсколько своихъ войскъ, и наконецъ она явилась въ Германію; ее въ насмѣшку назвали прагматическою арміею. Кромѣ англичанъ и ганноверцовъ тутъ было 6,000 гессенцевъ; другой также 6-тысячный корпусъ гессенцевъ находился въ службѣ Карла Альберта, такъ что гессенцы, проданные своимъ правительствомъ обѣимъ воюющимъ сторонамъ, легко могли встрѣтиться въ битвѣ. Этою арміею командовалъ лордъ Стерсъ, генералъ изъ школы Мальборо. Но когда она дошла до Ашаффенбурга, къ ней пріѣхалъ самъ Георгъ II съ однимъ изъ своихъ сыновей, герцогомъ Комберландскимъ. Маршалъ де Ноайль, присланный въ Германію съ новымъ французскимъ войскомъ, грозилъ отрѣзать прагматическую армію отъ ея магазиновъ, такъ что она должна была отступить отъ Ашаффенбурга къ Ганау. Битва была неизбѣжна. Ноайль могъ разсчитывать на побѣду, потому что сдѣлалъ превосходныя приготовленія къ сраженію на обоихъ берегахъ Майна. Но его войско состояло изъ рекрутъ, необученныхъ и недисциплинированныхъ, а въ непріятельской арміи были старые, привычные къ битвамъ солдаты. Притомъ французскіе офицеры, знатные господа и принцы, отличались такъ называемою рыцарскою храбростью, но не имѣли привычки къ военному повиновенію. Надобно прибавить, что и самъ Ноайль сдѣлалъ ошибку, поручивъ команду на важнѣйшемъ пунктѣ своему легкомысленному племяннику, герцогу де Граммону. Вслѣдствіе этого онъ былъ принужденъ дать сраженіе въ позиціи, очень выгодной для французовъ. Оно произошло 27 іюня 1743 при Деттингенѣ и кончилось тѣмъ, что французы были съ большою потерею отброшены за Майнъ, а англичане могли безпрепятственно идти къ Ганау.

Въ это время Баварія опять была во власти австрійцевъ. 8 мая Кевенгюллеръ разбилъ баварское войско при Браунау, потомъ принудилъ герцога де Брольи отступить за Рейнъ. Зекендорфъ, вышедшій изъ австрійской службы и бывшій теперь главнокомандующимъ у баварцевъ, заключилъ съ Кевенгюллеромъ нѣчто въ родѣ перемирія, по которому отдалъ австрійцамъ всю Баварію со всѣми крѣпостями. Договоръ этотъ былъ подписанъ въ самый день Деттингенской битвы. Карлъ VII былъ снова принужденъ бѣжать изъ Мюнхена во Франкфуртъ. Онъ находился тамъ въ такомъ печальномъ положеніи, что занималъ деньги даже у частнаго человѣка, Ноайля.

Вся тяжесть войны пала теперь на Францію, хотя ни Австрія, ни Англія еще не объявляли войны ей самой, а сражались съ французами только какъ съ союзниками баварцевъ. Австрійцы дошли до Рейна. Менцель и Тренкъ съ отрядами легкихъ войскъ дѣлали набѣги въ глубину Лотарингіи. Къ англичанамъ присоединилось 20,000 голландскаго войска; они перешли Рейнъ и вмѣстѣ съ австрійцами угрожали Эльзасу. Но и австрійское, и англійское правительства не

имѣли энергіи, потому и войска ихъ провели осень и зиму въ бездѣйствіи. Зато тѣмъ хлопотливѣе дѣйствовали дипломаты. Англичане въ сентябрѣ устроили договоръ между Австріею и Сардиніею, о которомъ мы уже говорили и который былъ совершенствомъ дипломатическаго искусства. По этому трактату, заключенному въ Вормсѣ, Карлъ Эммануилъ вступилъ въ оборонительный и наступательный союзъ съ Австріею и Англіею, гарантировалъ вмѣстѣ съ Англіею Маріи Терезіи владѣніе всѣмъ наслѣдствомъ ея отца и обязался выставить 40,000 войска, чтобы помогать австрійцамъ защищать Ломбардію. Австрія обѣщала ему за это значительное расширеніе его владѣній, а Англія обязалась платить ежегодно субсидіи. Въ декабрѣ англичане успѣли устроить союзъ между Саксоніею и Австріею. Графъ Брюль изъ зависти къ Пруссіи давно завелъ переговоры съ Маріею Терезіею. Россія поддерживала эти переговоры. Такимъ образомъ 20 декабря 1743 безъ большихъ затрудненій былъ заключенъ союзъ между Саксоніею и Австріею, а въ мартѣ 1744—между Саксоніею и Англіею. Англія дала Саксоніи субсидіи; за это Саксонія обязалась помогать королевѣ венгерской; иначе говоря, графъ Брюль для полученія англійскихъ денегъ ввергалъ свою страну въ новое бѣдствіе; она оставалась безъ войска, беззащитною противъ пруссаковъ, которые скоро возобновили войну; Саксонія стала театромъ этой войны и была опустошена друзьями и непріятелями.

4. Вторая силезская война и военныя дѣйствія французовъ противъ австрійцевъ и англичанъ во время этой войны.

Король прусскій возобновилъ войну по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, Франція весною 1744 объявила войну Австріи и Англіи, и Фридрихъ долженъ былъ опасаться, что при заключеніи мира она пожертвуетъ его выгодами. Во-вторыхъ, онъ видѣлъ слишкомъ ненадежныхъ друзей въ англійскомъ правительствѣ, гарантировавшемъ Бреславльскій миръ, и въ саксонскомъ министрѣ Брюлѣ; союзъ между Саксоніею и Австріею былъ для него очень подозрителенъ, и притомъ въ трактатѣ между Австріею, Англіею и Сардиніею Маріи Терезіи прямо гарантировалось все наслѣдство ея отца. Предлогомъ къ возобновленію войны Фридрихъ выставилъ безпомощное положеніе императора Карла VII, говоря, что долженъ помочь ему, какъ членъ имперіи. Отъ союза съ Карломъ VII онъ получилъ еще ту выгоду, что императоръ формально призналъ его права на восточную Фрисландію. Бранденбургскій домъ давно имѣлъ притязанія на эту землю, а царствовавшая въ ней династія въ 1744 прекратилась. Вступая во владѣніе восточною Фрисландіею, король прусскій ссорился съ курфирстомъ ганноверскимъ, который также имѣлъ притязанія на эту область; поэтому Фридриху было полезно, чтобы его права на нее были признаны императоромъ. 24 мая 1744 онъ заключилъ съ императоромъ союзъ, извѣстный подъ именемъ франкфуртской уніи. Въ этомъ договорѣ участвовали также Гессенъ-Кассель, Швеція и нѣкоторыя другія нѣмецкія государства. По словамъ трактата, его цѣлью было возстановленіе и сохраненіе мира въ имперіи, а въ особенности принудить Марію Терезію признать законнаго императора. Но истинная цѣль Фридриха состояла въ томъ, чтобы получить отъ Франціи ручательство за сохраненіе власти короля прусскаго надъ Силезіею и Глацемъ, а отъ императора—актъ, отдающій ему восточную Фрисландію. Къ франкфуртскому трактату въ іюнѣ 1744 были прибавлены еще два договора. По одному изъ нихъ Франція присоединялась къ франкфуртской уніи; по другому Фридрихъ обѣщалъ помогать Карлу VII въ завоеваніи Богеміи и условился съ нимъ о новомъ дѣлежѣ австрійскихъ владѣній. Само собою разумѣется, что Фридрихъ не имѣлъ намѣренія исполнять это условіе. Однако онъ тотчасъ вторгнулся въ Богемію, какъ союзникъ императора, не объявляя Австріи войны; въ сентябрѣ онъ уже занялъ Прагу.

Возобновляя войну, Фридрихъ болѣе всего разсчитывалъ на содѣйствіе французовъ; но по характеру тогдашняго ихъ правительства, они были плохими союзниками. Кардиналъ Флёри умеръ въ январѣ 1743, а маркиза де Мальи была

вытѣснена своею сестрою, которая заняла ея мѣсто и получила титулъ герцогини де Шатору. Герцогиня старалась внушить королю нѣкоторое вниманіе къ правительственнымъ дѣламъ, и одно время казалось, какъ будто Лудовикъ, отуманенный обжорствомъ, виномъ и сладострастіемъ, пробуждается къ дѣятельности. Вмѣстѣ съ Шатору его старались пробудить военный министръ д'Аржансонъ, герцогъ де Ноайль и герцогъ де Ришлье. Были снаряжены три арміи; изъ нихъ двѣ были назначены въ австрійскіе Нидерланды, а третья—соединиться съ баварскимъ войскомъ Зекендорфа и дѣйствовать въ Германіи. Одною изъ армій, посылавшихся въ Нидерланды, командовалъ Ноайль, другою Морицъ Саксонскій, сынъ Фридриха Августа I Саксонскаго и графини Кенигсмаркъ, поступившій во французскую службу и прославившійся потомъ подъ именемъ маршала де Сакса (маршала Саксонскаго); то былъ человѣкъ, рожденный великимъ полководцемъ. Арміи Морица Саксонскаго и Ноайля были гораздо сильнѣе голландцевъ, англичанъ и австрійцевъ въ Нидерландахъ и пріобрѣли большіе успѣхи. Короля уговорили уѣхать въ Нидерланды, чтобы прославиться побѣдами и завоеваніями французскихъ войскъ. Но его присутствіе только затрудняло ихъ дѣйствія и дѣлало войну, и безъ того очень убыточную, еще тяжелѣе для французскаго народа.

Едва Морицъ Саксонскій успѣлъ проложить себѣ путь къ завоеванію Нидерландовъ, какъ у него взяли лучшую часть его арміи и послали ее на Верхній Рейнъ, куда отправился самъ Лудовикъ. Австрійская армія одержала тамъ лѣтомъ 1744 много успѣховъ, честь которыхъ принадлежитъ, впрочемъ, не командиру ея, Карлу Лотарингскому, а храброму Трауну, судьба котораго была примѣромъ неблагодарности австрійскаго двора къ заслуженнымъ людямъ. Въ 1743 Траунъ прекрасно дѣйствовалъ въ Италіи, но былъ отозванъ оттуда, и его преемникъ, далеко уступавшій ему талантами, Лобковичъ, пожалъ славу его успѣховъ. Въ 1744 Траунъ отлично дѣйствовалъ на Рейнѣ; но слава успѣховъ была приписана не ему, а принцу Карлу. Потомъ онъ сдѣлалъ превосходный походъ на Богемію; но офиціальныя извѣстія попрежнему промолчали о его заслугахъ.

Въ іюлѣ 1744 австрійское войско перешло Рейнъ въ виду французовъ и баварцевъ. Его отряды проникли въ Лотарингію. Но въ августѣ оно должно было вернуться назадъ, чтобы защищать Богемію отъ Фридриха II. При отступленіи австрійцевъ баварскіе и французскіе командиры выказали еще больше бездарности, чѣмъ прежде, при переходѣ ихъ за Рейнъ: они дали непріятелю отступить совершенно спокойно, даже не пошли за нимъ въ Швабію и Баварію. Они ждали, пока выздоровѣетъ король, который лежалъ больной въ Мецѣ; когда онъ выздоровѣлъ, французская армія не сдѣлала также ничего, только взяла Брейсгау, и нѣсколько отрядовъ сдѣлали набѣгъ на переднюю Австрію, потомъ армія стала на зимнія квартиры. А между тѣмъ она была многочисленна, и Лудовикъ привелъ въ нее изъ Нидерландовъ отличныя старыя войска. Баварцы перешли съ Рейна въ Баварію, и императоръ могъ въ концѣ года возвратиться въ Мюнхенъ. Весною онъ былъ бы опять выгнанъ, но не дожилъ до этого: 20 января 1745 онъ умеръ. Передъ смертью несчастный Карлъ VII былъ принужденъ дать отставку Зекендорфу, который дѣйствовалъ очень неискусно и неудачно, и притомъ былъ ненавистенъ благочестивымъ баварцамъ, какъ протестантъ.

Фридрихъ не могъ удержаться въ Богеміи: къ австрійской арміи, стоявшей противъ него, присоединилось 20,000 саксонскаго войска и армія Карла Лотарингскаго, поспѣшно пришедшая туда съ Рейна. Непріятель былъ гораздо сильнѣе пруссаковъ и тѣснилъ ихъ; населеніе Богеміи смотрѣло на нихъ съ ненавистью, какъ на протестантовъ, такъ что они не могли получать ни съѣстныхъ припасовъ, ни свѣдѣній о движеніяхъ непріятеля. Въ концѣ 1744 Фридрихъ вышелъ изъ Богеміи. Графу Брюлю, одинаково надменному въ счастіи и трусливому въ несчастіи, показалось, что пришло время сбросить маску. Въ январѣ 1745 въ Варшавѣ, и въ маѣ того же года, въ Лейпцигѣ онъ заключилъ съ Австріею и Англіею договоры, по которымъ курфирстъ саксонскій обязался выставить значительную армію и получалъ за это, во-первыхъ, англійскія субсидіи, во-вторыхъ, обѣщаніе, что его владѣнія будутъ увеличены. Обѣщаніе было не-

опредѣленно и при тогдашнихъ обстоятельствахъ ровно ничего не значило. Тогда союзное саксонско-австрійское войско, увѣренное въ побѣдѣ, вошло въ Силезію. Но блестящія надежды его скоро исчезли, потому что оно дѣйствовало по стариннымъ правиламъ, методически, и тѣмъ дало королю прусскому время приготовиться къ битвѣ. Сраженіе было дано 3 іюня 1745 подъ Гоэнфридбергомъ; непріятель былъ, какъ говорятъ, вдвое сильнѣе Фридриха, но потерпѣлъ пораженіе и потерялъ 12,000 человѣкъ.

Тогда англичане стали заботиться о примиреніи пруссаковъ съ австрійцами. Фридрихъ и самъ желалъ мира, потому что былъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ французами и очень хорошо зналъ, что Лудовикъ XV смертельно ненавидитъ его, какъ прославляемаго покровителя невѣрующихъ французскихъ философовъ. Но Марія Терезія была очень раздражена противъ человѣка, который сдѣлалъ ей больше вреда, чѣмъ всѣ остальные враги, мѣшалъ избранію мужа ея Франца I, въ императоры, и когда Францъ все-таки былъ избранъ (13 сентября 1745), протестовалъ противъ этого выбора. Поэтому австрійскіе генералы должны были дать вторую рѣшительную битву. Нѣсколько мѣсяцевъ они уклонялись отъ нея; но 30 сентября Фридрихъ аттаковалъ и разбилъ ихъ подъ Зорромъ (въ Богеміи). Теперь англичанамъ, вѣроятно, удалось бы устроить миръ, если бы имъ не помѣшалъ графъ Брюль. Брюль ненавидѣлъ короля прусскаго за то, что Фридрихъ, пристыжая его своею администраціею и жизнью, осыпалъ его язвительными насмѣшками. Поэтому война продолжалась, и австрійцы съ саксонцами рѣшились перенести ее въ маркграфство Бранденбургское. Но по болтливости Брюля, Фридрихъ узналъ объ этомъ планѣ и разстроилъ его; непріятель дѣлалъ ошибки; Фридрихъ и старикъ Леопольдъ Дессаускій отлично пользовались ими, и такимъ образомъ Леопольдъ Дессаускій на голову разбилъ саксонцевъ подъ Кесельсдорфомъ, хотя ихъ позиція считалась непреодолимою (15 декабря 1745).

На другой день послѣ этой побѣды Фридрихъ соединился съ Леопольдомъ и занялъ Дрезденъ. Брюль съ своимъ королемъ еще двѣ недѣли какъ бѣжали оттуда. Фридрихъ обложилъ Саксонію страшно тяжелыми контрибуціями. Тутъ Брюль торопливо принялъ англійское посредничество, и 25 декабря въ Дрезденѣ былъ заключенъ миръ между Австріею, Пруссіею и Саксоніею. И для Австріи, и для Пруссіи онъ былъ одинаково выгоденъ; но Саксонія должна была поплатиться за глупость своего министра. Австрія подтвердила по этому договору условія Бреславльскаго мира, т. е. уступку Силезіи и Глаца; зато Фридрихъ призналъ Франца I германскимъ императоромъ. Саксонія должна была заплатить много денегъ, уступить Пруссіи по всѣмъ спорамъ изъ-за пограничныхъ пошлинъ и согласиться, чтобы въ прусской службѣ остались всѣ саксонцы, которыхъ Фридрихъ насильно взялъ въ солдаты.

Дрезденскимъ миромъ были совершенно прекращены военныя дѣйствія на востокѣ отъ Рейна—Баварія помирилась съ Австріею еще въ апрѣлѣ. Честь этого примиренія принадлежала Зекендорфу и вдовѣ Карла VII, которые успѣли отвлечь молодаго курфирста, Максимиліана Іосифа, отъ союза съ Франціею. Ихъ усилія были поддержаны морскими державами, которыя обѣщали бѣдному курфирсту субсидіи, чтобы дать ему возможность обойтись безъ французской помощи. Благодаря всему этому, 22 апрѣля 1745 въ Фюссенѣ былъ заключенъ миръ между Баваріею и Австріею. Максимиліанъ Іосифъ отказался отъ всякихъ притязаній на наслѣдство Карла VI, согласился на избраніе мужа Маріи Терезіи въ императоры, разорвалъ союзъ съ Франціею и получилъ за это отъ морскихъ державъ 8,000,000. Послѣ того французы еще продолжали войну на Рейнѣ; но Траунъ своими маршами и позиціями безъ битвы заставилъ ихъ уйти за Рейнъ.

5. Окончаніе войны за австрійское наслѣдство.

Въ Нидерландахъ и въ Италіи французы имѣли больше удачи, чѣмъ въ Германіи. Правда, въ 1744 они и испанцы испытали въ Италіи нѣсколько потерь; но весною 1745 они оттѣснили Лобковича, а генуэзская республика присоединилась къ испанско-французскому союзу, и война получила отъ этого новый оборотъ. Генуэзцы разсердились, что по Вормскому договору Англія и Австрія обѣщали королю сардинскому маркизатство Финале, между тѣмъ какъ прежде обѣ державы признавали это маркизатство генуэзскимъ владѣніемъ. По союзу съ Испаніею, заключенному 1 мая 1745, Генуа дала испанцамъ войско и субсидіи. Сила союзной арміи, соединенной подъ командою инфанта донъ-Филиппа, простиралась теперь до 70,000 человѣкъ. Австрійцы и сардинцы не могли держаться въ открытомъ полѣ противъ такого многочисленнаго непріятеля. Они были оттѣсняемы на всѣхъ пунктахъ, и въ декабрѣ 1745 самый Миланъ былъ занятъ ихъ противниками; въ началѣ 1746 за австрійцами оставались въ Верхней Италіи только Миланская цитадель и крѣпость Мантуа.

Въ Нидерландахъ маршалъ де Саксъ велъ войну въ 1745 еще успѣшнѣе, чѣмъ въ 1744, хотя его очень стѣсняло присутствіе Лудовика, опять пріѣхавшаго къ своей нидерландской арміи, и хотя самъ онъ, истощенный излишествами всякаго рода, пріѣхалъ въ лагерь совершенно больной. Противники его, англійскій командиръ, герцогъ Комберлендскій, голландскій командиръ, князь Вальдекскій, и австрійскій фельдмаршалъ Кёнигсекъ, были генералы бездарные и люди недалекаго ума. 11 мая онъ выигралъ при Фонтенуа блистательную побѣду, результатомъ которой было занятіе Гента, Брюгге, Остенде, Дендермонде, Уденарде, всей западной Фландріи и Ата въ Геннегау. Въ слѣдующемъ году маршалу де Саксу было еще легче пріобрѣтать успѣхи, потому что герцогъ Комберлендскій съ своимъ войскомъ былъ отозванъ въ Англію, гдѣ правительство было нѣсколько времени въ опасности вслѣдствіе возстанія приверженцевъ претендента.

Это возстаніе горныхъ шотландцевъ за потомка изгнанныхъ Стюартовъ было отчасти возбуждено образомъ дѣйствій аристократовъ—виговъ, которые управляли тогда Англіею и раздѣляли между своими близкими государственныя деньги и должности. Картеретъ имѣлъ товарищами по министерству могущественныхъ братьевъ, герцога Ньюкестля и лорда Пельгама, безъ которыхъ не могъ бы держаться. Онъ старался ослабить ихъ вліяніе надъ собою тѣмъ, что заботился поддерживать интимныя отношенія съ королемъ и угождать его личнымъ интересамъ. Но этимъ онъ раздражилъ своихъ властолюбивыхъ товарищей и возбудилъ громкое неудовольствіе въ парламентѣ: общественное мнѣніе стало говорить, что онъ слишкомъ впутываетъ Англію въ континентальныя дѣла, угождая королю и его ганноверскимъ интересамъ. Въ ноябрѣ 1744 Георгъ былъ принужденъ дать отставку Картерету и его друзьямъ и составить такъ называемое коалиціонное министерство, главою котораго былъ Пельгамъ, и въ которомъ управленіе внѣшнею политикою было поручено лорду Гаррингтону. Нѣкоторые изъ новыхъ министровъ не постыдились пожертвовать своими прежними принципами для денегъ и для сохраненія власти; зато и король былъ принужденъ принять въ число министровъ ненавистнаго ему Питта Старшаго.

Перемѣна министерства показалась французамъ и приверженцамъ Стюартовъ временемъ очень благопріятнымъ, чтобы устроить союзъ между тори и претендентомъ и поднять возстаніе въ Шотландіи. Суровость, съ какою было наказано возстаніе 1715 (стр. 37), скорѣе увеличила, чѣмъ уменьшила число приверженцевъ Стюартовъ между шотландцами. Бѣжавшіе и изгнанные твердо привязались къ Іакову III и его сыновьямъ; а изъ тѣхъ якобитовъ, которые остались въ Шотландіи и продались за деньги ганноверскому дому, многіе продолжали имѣть тайныя сношенія съ претендентомъ изъ корыстолюбія и изъ ненависти къ побѣдителямъ. Между этими людьми лордъ Ловатъ осо-

бенно заслуживалъ прозванія, которое англичане даютъ шотландцамъ—cunning scots, «хитрые шотландцы». Онъ бралъ деньги отъ англійскаго правительства и притворялся вѣрнымъ ганноверскому дому, но вступилъ въ сношенія и съ французами, когда они составили планъ прислать войско въ Шотландію. Когда вспыхнуло возстаніе, Ловатъ не принялъ въ немъ участія, но пожертвовалъ своимъ молодымъ сыномъ, котораго противъ воли послалъ къ инсургентамъ съ кланомъ, признававшимъ его своимъ главою.

Замыселъ поднять возстаніе въ Шотландіи возникъ у французскаго правительства и у якобитовъ еще въ 1741. Когда въ 1744 стали серьезно готовить его, тайна была обнаружена; англійскіе министры воспользовались интригами заговорщиковъ, чтобы поднять извѣстный крикъ противъ папистовъ и папизма: имъ нужно было встревожить націю, чтобы она одобрила ихъ деспотическія мѣры. Актъ Habeas corpus былъ отмѣненъ до успокоенія государства; парламентъ далъ денегъ на отраженіе опасности; былъ принятъ законъ, достойный восточнаго деспотизма: переписка съ претендентомъ была объявлена государственною измѣною, имущество измѣнниковъ—подлежащимъ конфискаціи, такъ что страдали и невинныя дѣти ихъ.

Претендентъ былъ младшій изъ двухъ сыновей Іакова III, К а р л ъ Э д у а р д ъ, родившійся въ Римѣ въ 1720. Въ 1744 онъ пріѣхалъ изъ Рима во Францію; но тамъ тотчасъ увидѣли, что это юноша глупый, невѣжественный и упрямый и потому отложили мысль тратить для него много денегъ или войска. Шотландскіе изгнанники и заговорщики, бывшіе въ Шотландіи, также совѣтовали легкомысленному молодому человѣку отказаться отъ экспедиціи въ Шотландію. Но, не слушая ничего, онъ рѣшился сдѣлать попытку возстанія. Французское правительство дало ему оружіе и нѣсколько денегъ. Въ іюлѣ 1745, когда Георгъ II съ Гаррингтономъ отправились въ Ганноверъ, а англійскія войска сражались въ Нидерландахъ, Карлъ Эдуардъ на маленькомъ фрегатѣ переѣхалъ въ Шотландію. Какъ только онъ явился въ ней, якобиты взялись за оружіе, и въ короткое время возстаніе приняло такой размѣръ, что Карлъ Эдуардъ, занявъ часть Шотландіи, 26 сентября провозгласилъ въ Эдинбургѣ своего отца королемъ великобританскимъ. 1 октября онъ даже разбилъ при П р е с т о н ъ-П а н с ѣ небольшое англійское войско, находившееся въ Шотландіи. Его безразсудное предпріятіе получило отъ этого важность, какой въ сущности вовсе не имѣло. Но его побѣда осталась совершенно безплодна: правда, Карлъ Эдуардъ занялъ послѣ нея всю Шотландію; но ему было мало пользы въ этомъ, потому что у него не было не только средствъ взять, но даже осадить какую - нибудь крѣпость.

Притомъ далеко не вся шотландская нація была за Карла Эдуарда; напротивъ, зажиточное сословіе и большинство народа въ нижней Шотландіи, между прочимъ и всѣ горожане, были очень враждебны Стюартамъ съ ихъ папизмомъ, а изъ шотландскихъ вельможъ тѣ, которые были виги, даже вооружили своихъ вассаловъ противъ принца; притомъ всѣ шотландскія крѣпости оставались во власти англичанъ, да и войско, разбитое Карломъ Эдуардомъ у Престонъ-Панса, правда, войско немногочисленное, удержалось въ Шотландіи. Но не смотря на все это, принцъ рѣшился вести въ Англію свое 5,000 войско, очень плохо вооруженное. Онъ надѣялся, что французы сдѣлаютъ высадку въ южную Англію, что къ нему соберется много приверженцевъ его дома, которые дѣйствительно были довольно многочисленны въ Англіи. Но онъ ошибся въ томъ и другомъ разсчетѣ. Однако онъ все-таки шелъ впередъ и наконецъ зашелъ такъ далеко, что очутился всего въ 150 верстахъ отъ Лондона. Тутъ онъ самъ испугался своей отваги и торопливо пошелъ назадъ въ Шотландію, хотя въ виду еще не было непріятеля. При отступленіи счастье опять улыбнулось ему: 17 января 1746 его армія успѣла совершенно разбить англійскій отрядъ при Ф а л ь к и р к ѣ. Но между тѣмъ герцогъ Комберлендскій возвратился изъ Нидерландовъ, а голландцы прислали 6,000 войска, какъ были обязаны по прежнимъ договорамъ; это голландское войско состояло изъ старыхъ солдатъ. Когда герцогъ Комберлендскій двинулся на Карла Эдуарда, принцъ совершенно упалъ духомъ, потомъ вздумалъ рѣшить дѣло отчаянною битвою и 21 апрѣля напалъ на англичанъ при К о л л о д е н ѣ. Онъ былъ

совершенно разбитъ; часть его войска была изрублена, другая разсѣяна, и англичане очень скоро подавили все возстаніе.

Оно послужило для виговъ предлогомъ дать волю мстительности своей партіи; виги назывались друзьями свободы, но побросали въ тюрьмы всѣхъ, кого сколько-нибудь подозрѣвали, и стали судить арестованныхъ по законамъ, нарочно составленнымъ для этого случая. Ниже мы сообщимъ нѣсколько подробностей объ этихъ свирѣпостяхъ и скажемъ о судьбѣ, которой была подвергнута Шотландія, а здѣсь упомянемъ лишь о томъ, какъ спасся принцъ, легкомысленно навлекшій бѣдствіе на свое отечество. Карлъ Эдуардъ нѣсколько мѣсяцевъ скитался по Шотландіи, охраняемый самопожертвованіемъ честныхъ людей, преданности которыхъ вовсе не заслуживали ни прежняя, ни послѣдующая его жизнь; онъ испыталъ множество приключеній и опасностей, но укрылся отъ англичанъ и наконецъ успѣлъ благополучно уѣхать во Францію.

Черезъ нѣсколько времени послѣ подавленія шотландскаго возстанія война въ Италіи получила неожиданный оборотъ. Въ іюлѣ 1746 умеръ король испанскій Филиппъ V; сынъ и преемникъ его, Фердинандъ VI, ненавидѣлъ французовъ. Поэтому испанцы стали вести войну въ Италіи безъ прежняго жара, и новый главнокомандующій, присланный Фердинандомъ, гордый маркизъ де Ласъ-Минасъ, съ перваго же раза поссорился съ французскимъ главнокомандующимъ. Воспользовавшись этимъ, австрійцы и сардинцы вздумали вторгнуться въ самую Францію. Въ концѣ года Броунъ пошелъ черезъ Ниццу въ Провансъ. Но этотъ походъ не удался, въ особенности потому, что Генуа возстала противъ австрійцевъ и сардинцевъ.

Генуэзскій сенатъ старался быть въ дружбѣ съ обѣими воюющими сторонами. Задумавъ экспедицію въ Провансъ, австрійцы послали въ Геную корпусъ подъ командою Ботты, чтобы генуэзцы не могли вредить имъ съ тыла. Робкіе сенаторы думали только о себѣ и о своихъ богатствахъ; поэтому, даже не попытавшись обороняться, сдали свой городъ, имѣвшій хорошія укрѣпленія и большой гарнизонъ; они приняли всѣ тяжелыя условія, предписанныя австрійцами. Завладѣвъ городомъ, Ботта сталъ требовать исполненія этихъ условій, выказывая чрезвычайную суровость; не довольствуясь тѣмъ, онъ сталъ дѣлать новыя требованія, позволилъ себѣ насильственные поборы, грозилъ отдать городъ на разграбленіе солдатамъ, сталъ брать пушки изъ арсенала, чтобы снабдить союзниковъ артиллеріею для похода въ Провансъ. Торговыя дѣла въ Генуѣ остановились. Все это заставило взяться за оружіе генуэзскій народъ, который прежде не показывалъ охоты защищать свое эгоистическое и олигархическое правительство. Когда австрійцы начали вывозить изъ города пушки, генуэзскіе работники отказались помогать имъ въ этомъ. Австрійцы, по нѣмецкому обычаю, стали бить работниковъ палками. Тогда вся масса народа поднялась, перегородила баррикадами улицы, которыя въ Генуѣ очень узки, выбрала изъ своей среды временное правительство, пять дней дралась съ австрійцами и наконецъ 10 декабря 1746 выгнала ихъ изъ города. Все окрестное населеніе возстало, и Ботта былъ принужденъ совершенно уйти изъ генуэзскихъ владѣній. Отдѣльные австрійскіе отряды и гарнизоны, разставленные въ генуэзской области, были оставлены на произволъ судьбы, и генуэзцы взяли всѣхъ ихъ въ плѣнъ. Потомъ Шуленбургъ привелъ противъ Генуи многочисленное австрійское войско. Но горожане до іюня (1747) защищались съ большимъ мужествомъ и патріотическимъ самопожертвованіемъ. Французы и испанцы энергически помогали имъ, но все-таки они не удержались бы, если бы сами австрійцы не помогли имъ своими ошибками и небрежностью, отъ которой австрійская армія подверглась недостатку съѣстныхъ припасовъ и военныхъ принадлежностей. Осада была снята. Австрійцы собирались начать ее во второй разъ, но прежде чѣмъ собрались, былъ подписанъ ахенскій миръ, прекратившій всѣ военныя дѣйствія. До заключенія мира, когда надобно было ждать новой осады, французы послали въ Генуя одного изъ своихъ важнѣйшихъ вельможъ, Буфлера, а потомъ извѣстнаго герцога де Ришлье, управлять обороною города. Герцогъ де Ришлье неслыханнымъ образомъ проматывалъ деньги своего правительства. Напримѣръ въ генуэзскомъ климатѣ онъ вывелъ такіе расходы на отопленіе, что бригадному генералу (maréchal de camp) отпускалось на дрова по 16 ливровъ въ сутки.

Походъ австрійцевъ и сардинцевъ на Провансъ разстроился главнымъ образомъ потому, что они не получили изъ Генуи тяжелой артиллеріи которой ждали, и увидѣли себя въ опасномъ положеніи, когда Ботта былъ выгнанъ изъ генуэзской области. Кромѣ того въ союзной арміи появились болѣзни; она терпѣла недостатокъ въ провіантѣ,—это также содѣйствовало неудачѣ похода. Въ февралѣ 1747 Броунъ началъ отступленіе. Его войско спаслось отъ опасности быть отрѣзаннымъ и уничтоженнымъ только тѣмъ, что французы и испанцы были несогласны между собою и также терпѣли недостатокъ въ припасахъ.

Въ Нидерландахъ французы продолжали дѣлать завоеванія, потому что ими командовалъ маршалъ де Саксъ, умѣвшій пользоваться ихъ національными качествами. Въ началѣ 1746 они заняли Брюссель, въ концѣ мая взяли Антверпенъ и его цитадель, потомъ Монсъ, Намюръ и другіе города, такъ что въ сентябрѣ изъ всѣхъ нидерландскихъ крѣпостей у австрійцевъ оставались только Лимбургъ и Люксембургъ. Въ іюлѣ союзная армія была подкрѣплена 20,000 австрійцевъ, потомъ къ ней возвратились 6,000 гессенцевъ, которые были посылаемы въ Англію, англійскія войска и 10,000 ганноверцевъ. Но къ несчастію союзниковъ въ іюлѣ же пріѣхалъ главнокомандующимъ въ Нидерланды Карлъ Лотарингскій, которому голландцы не захотѣли ввѣрять своихъ войскъ. Маршалъ де Саксъ, аттаковавъ союзную армію въ дурной позиціи при Року, одержалъ побѣду безъ всякаго затрудненія; онъ зналъ и даже предсказалъ это. Лудовикъ XV въ этомъ году опять пріѣхалъ къ арміи и даже не одинъ, а съ своею новою любовницею, Понпадуръ. Но къ счастію для своей арміи онъ съ придворными оставался при войскѣ только съ мая до іюня. Въ слѣдующемъ году онъ опять явился на театръ войны. По словамъ Фридриха II, это затруднило продовольствованіе арміи, потому что придворная свита требовала не меньше 10,000 раціоновъ каждый день; нечего и говорить о томъ, что интриги и козни его окружающихъ очень затрудняли армію.

Въ 1747 французы сдѣлали въ Нидерландахъ такую же политическую ошибку, какъ австрійцы въ Италіи. Австрійцы довели Геную до отчаянія и тѣмъ заставили ее принять французскій гарнизонъ. Французы напали на Голландію и тѣмъ заставили голландцевъ безусловно соединиться съ англичанами. Аристократическая партія въ провинціяхъ Зеландіи и Голландіи не допустила къ должности штатгальтера Іоанна Вильгельма Фризона, наслѣдовавшаго Вильгельму III; она не допустила и сына этого принца, Вильгельма IV, сдѣлаться штатгальтеромъ всей Нидерландской республики. Но Вильгельмъ все-таки былъ провинціальнымъ штатгальтеромъ Фрисландіи, Грёнингена и Гельдерна и женился на дочери Георга II Англійскаго, Аннѣ. Когда въ 1747 французы объявили войну голландцамъ и вошли въ ихъ землю, оранская партія воспользовалась этимъ, чтобы взволновать народъ, какъ въ 1672; простолюдины считали штатгальтера своею лучшею защитою отъ притѣсненій богатыхъ фамилій, которымъ приписывали также плохое состояніе войска и крѣпостей; они повсюду поднялись и провозгласили Вильгельма IV штатгальтеромъ. Аристократы-правители были запуганы и уступили желанію народа, помня судьбу своихъ предшественниковъ въ 1672. Такимъ образомъ Вильгельмъ IV сдѣлался сначала провинціальнымъ штатгальтеромъ всѣхъ провинцій, потомъ главнокомандующимъ всѣхъ войскъ. Въ слѣдующемъ году его сдѣлали наслѣдственнымъ штатгальтеромъ всей Нидерландской республики съ страннымъ добавленіемъ, что и женщины его потомства получатъ штатгальтерскій санъ, когда прекратится мужеская линія.

Еще до этого переворота въ Голландіи австрійцы отозвали изъ своихъ нидерландскихъ владѣній Карла Лотарингскаго по желанію морскихъ державъ, и главнокомандующимъ союзной арміи сдѣлался герцогъ Комберлендскій. Но и онъ, подобно своему предмѣстнику, не годился въ соперники маршалу де Саксу; 2 іюля 1747 онъ былъ разбитъ при деревнѣ Валѣ, иначе Лаффельдѣ. Въ сентябрѣ французы взяли крѣпость Бергенъ-опъ-Цомъ, которая считалась неприступною.

Не смотря на эти блестящіе успѣхи и на громкій шумъ о своей военной славѣ, Франція тяготилась войною, потому что невыразимо страдала отъ громадныхъ расходовъ на войну, которая велась на ея счетъ въ пользу Испаніи. Поѣздки короля къ войску также тяготили дворъ и въ особенности были не-

удобны для Помпадуръ; поэтому французское правительство захотѣло мира и начало переговоры съ непріятелями. Лондонское правительство нашло французскія условія удовлетворительными, и въ октябрѣ 1747 воюющія державы согласились открыть конгрессъ.

Онъ открылся въ Ахенѣ. Со стороны Австріи уполномоченнымъ былъ Кауницъ, будущій государственный канцлеръ. Три обстоятельства благопріятствовали быстрому ходу совѣщаній. Первымъ изъ нихъ былъ новый договоръ, заключенный въ январѣ 1748 между Австріею, Англіею, Сардиніею и Голландіею: союзныя державы обязывались выставить войско почти въ 200,000 человѣкъ, и Англія обѣщалась снова платить субсидіи Австріи и Сардиніи. Второе обстоятельство было осада Маастрихта, мастерски начатая въ апрѣлѣ маршаломъ де-Саксомъ; 14 мая онъ взялъ эту крѣпость, но уже были подписаны предварительныя условія мира. Третье обстоятельство было то, что въ 1747 Россія приняла участіе въ войнѣ. Русскою политикою безусловно управлялъ тогда Бестужевъ. Изъ вражды къ Пруссіи онъ еще въ 1745 собралъ войско на помощь Австріи и тѣмъ ускорилъ заключеніе дрезденскаго мира. Австрія продолжала хлопотать при русскомъ дворѣ и въ 1746 добилась заключенія союза, по тайному условію котораго Россія обѣщала оказать ей помощь для возвращенія Силезіи и Глаца. Англія присоединилась къ этому договору, но за исключеніемъ его тайнаго условія. По усмиреніи шотландскаго возстанія англійское правительство стало рѣшительнѣе. Въ іюнѣ 1747 оно заключило съ Россіею договоръ, по которому Россія обязывалась послать въ Нидерланды 30,000 войска и получала за это 100,000 фунтовъ субсидій отъ Англіи. Первые отряды русскаго войска явились на Рейнъ въ 1748, еще до заключенія мира.

Предварительныя условія ахенскаго мира были подписаны Франціею, Англіею и Голландіею еще 30 апрѣля; но самый миръ былъ заключенъ не раньше октября, потому что Марія Терезія довольно долго спорила противъ его условій. Къ изумленію всей Европы, Франція возвратила завоеванія, сдѣланныя ею въ Нидерландахъ. Эту уступчивость обыкновенно приписываютъ характеру Людовика XV и его двора и желанію Помпадуръ прекратить войну. Но и въ истощеніи финансовъ, упадкѣ торговли и потерѣ флота можно найти достаточное объясненіе тому, что французы были расположены купить миръ всякими пожертвованіями, лишь бы не постыдными. Впрочемъ Франція получила нѣкоторое вознагражденіе за потерю своихъ завоеваній: ей были возвращены Капъ-Бретонъ и другія колоніи, отнятыя англичанами. Англичане получили ту выгоду, что былъ возобновленъ договоръ ассіенто (стр. 16, 102); кромѣ того Франція обязалась не поддерживать Стюартовъ и не дозволять имъ жить въ своихъ владѣніяхъ. Австрія потеряла герцогства Парму, Пьяченцу и Гвасталлу; они были отданы испанскому инфанту, донъ Филиппу, съ условіемъ, что если онъ умретъ бездѣтнымъ или наслѣдуетъ послѣ своего брата Неаполь, то эти земли возвращаются къ Австріи. Владѣніе Силезіею было вновь гарантировано королю прусскому. За королемъ сардинскимъ были оставлены земли, которыя были предоставлены ему по вормсскому договору.

VI. ВНУТРЕННЯЯ ИСТОРІЯ

ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ ВЪ ПОЛОВИНѢ XVIII СТОЛѢТІЯ.

---

1. Италія.

Около средины XVIII вѣка въ Италіи были сдѣланы попытки примѣнить къ жизни нѣкоторыя изъ новыхъ идей, впрочемъ лишь такія, которыя, будучи враждебны іерархіи и феодальной аристократіи, были благопріятны абсолютной монархіи, а потому получили сочувствіе народа. Изъ этихъ опытовъ реформы особенно знамениты тѣ, которые были произведены въ Неаполѣ при первомъ королѣ бурбонской династіи, инфантѣ донъ Карлосѣ (стр. 46), принявшемъ въ Неаполѣ имя Карла IV. Подобно всѣмъ Бурбонамъ, Карлъ страстно любилъ охоту и мучилъ свое королевство тяжелыми законами для охраненія дичи и звѣрей; но по счастію, онъ безусловно ввѣрился нѣсколькимъ очень разумнымъ людямъ, которые думали и работали за него. Главными изъ нихъ были Тануччи и Сквильяче. Тануччи продолжалъ дѣйствовать въ Неаполѣ и при преемникѣ Карла, а Сквильяче поѣхалъ съ Карломъ въ Испанію, когда Карлу достался испанскій престолъ, и долго оставался тамъ его совѣтникомъ.

Тануччи былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ тосканскихъ адвокатовъ. Онъ былъ профессоромъ юриспруденціи въ Пизѣ и въ особенности занимался изученіемъ отношеній церкви къ государству. На эту сторону дѣлъ была направлена главная его дѣятельность и въ Неаполѣ, гдѣ подъ испанскою и австрійскою властью государство совершенно поглощалось церковью. Въ неаполитанскомъ королевствѣ было тогда не менѣе 112,000 лицъ духовнаго званія, такъ что на 4,000 человѣкъ населенія приходилось 98 человѣкъ духовныхъ, или, круглымъ числомъ, по 1 духовному лицу на 143 человѣка населенія. Въ одномъ городѣ Неаполѣ было 16,000 человѣкъ духовнаго званія. Надобно прибавить, что духовенство, кромѣ громаднаго количества земли, имѣло много льготъ и привилегій, при которыхъ невозможна была порядочная администрація. Тануччи хотѣлъ устранить или по крайней мѣрѣ уменьшить эти и другія неудобства; въ такомъ намѣреніи онъ заключилъ конкордатъ съ папою Бенедиктомъ XIV. Но конкордатъ принесъ мало пользы. Тогда Тануччи, не обращая вниманія на крикъ духовенства, пошелъ дальше опредѣленій конкордата и сталъ дѣлать всѣ распоряженія, какія считалъ полезными. Число священниковъ было уменьшено такъ, чтобы приходилось только по одному священнику на 1,000 душъ населенія, а потомъ даже на 2,000 душъ. Постановлено было, что для папскихъ буллъ нужно королевское утвержденіе; судебная власть духовенства была ограничена; церковная десятина мало-по-малу вовсе уничтожена; многіе монастыри были закрыты, имущества ихъ взяты въ казну; церквамъ и монастырямъ было запрещено вновь пріобрѣтать недвижимыя имущества какимъ бы то ни было образомъ и т. д.

Какъ дѣйствовалъ Тануччи противъ дурнаго стараго порядка въ церковныхъ дѣлахъ, такъ измѣнялъ онъ въ духѣ новаго времени и многія другія учрежденія. Особенно важно было, что онъ отнялъ у дворянства многія изъ его при-

виллегій, мѣшавшихъ правительству: реформы Тануччи, подобно всѣмъ европейскимъ реформамъ до французской революціи, имѣли цѣлью только увеличить монархическую власть и силу чиновниковъ на счетъ дворянства и духовенства.

Въ 1759 Карлъ сдѣлался королемъ испанскимъ. Своимъ преемникомъ въ Неаполѣ онъ назначилъ своего 8-лѣтняго сына, Фердинанда IV, а опекуномъ и правителемъ на время его малолѣтства сдѣлался Тануччи. Фердинандъ принялъ управленіе дѣлами, когда ему исполнилось 16 лѣтъ; такимъ образомъ Тануччи 8 лѣтъ пользовался верховною властью. Онъ продолжалъ идти по прежней дорогѣ. Всѣмъ хорошимъ, что было сдѣлано при Фердинандѣ, Неаполь обязанъ этому министру. По тѣмъ дѣламъ, въ которыхъ его собственная власть была недостаточна, онъ прикрывался повелѣніями, которыя выписывалъ изъ Испаніи. Для Неаполя было счастіемъ, что Тануччи велъ тогда реформы такъ поспѣшно; онъ по крайней мѣрѣ успѣлъ навсегда уничтожить силу папы и духовенства надъ свѣтскою властью. Когда Фердинандъ сталъ управлять государствомъ, нельзя уже было ничего сдѣлать, потому что у Фердинанда не было ни обыкновеннаго человѣческаго разсудка, ни человѣческаго чувства, ни знаній и образованія; онъ даже совершенно усвоилъ себѣ нравы грубыхъ охотниковъ и рыбаковъ своего королевства и предалъ страну и народъ во власть своей сладострастной и жестокой жены, Маріи Каролины, и ея любовниковъ.

Церковная область и ея государь-папа оставались вѣрны духу и формамъ старины; на нихъ не дѣйствовали новыя идеи, шедшія изъ Франціи и входившія всюду въ моду. При Бенедиктѣ XIV (1740 — 1758), казалось, правда, будто и Римъ хочетъ двинуться вслѣдъ за вѣкомъ; но въ результатѣ все осталось по-старому. Бенедиктъ былъ пріятель г-жи де Тенсенъ и даже Вольтера (стр. 65, 73); въ началѣ своего правленія онъ попытался было дать доступъ новому свѣту лучшаго управленія и въ Церковную область; но съ его реформами вышло то же, что въ наше время съ реформами Пія IX: старыя дурныя учрежденія и порядки остались по-старому или стали еще хуже. То же было и съ мѣрами, которыя принялъ Бенедиктъ для церковной реформы. Онъ заключилъ съ Неаполемъ и другими итальянскими государствами конкордаты для улучшенія церковнаго порядка, дозволилъ сдѣлать многія перемѣны въ положеніи итальянскаго и испанскаго духовенства, когда его о томъ просили. Но онъ нисколько не хотѣлъ или не могъ удовлетворить требованіямъ времени. Это видно, напримѣръ, изъ того, что при избраніи Франца I Бенедиктъ или его кардиналы вздумали — разумѣется, безуспѣшно — возобновить старинное притязаніе, что выборъ императора нуждается въ утвержденіи папы. Книги, написанныя Бенедиктомъ, когда онъ былъ папою, и нѣкоторыя изъ его папскихъ распоряженій показываютъ, какъ далекъ онъ былъ отъ истиннаго просвѣщенія и отъ дѣйствительнаго пониманія потребностей вѣка. Онъ писалъ толстые томы о новыхъ католическихъ святыхъ, въ которыхъ доказывалъ силу ихъ мощей, и самъ увеличивалъ число святыхъ, мощей и кардиналовъ.

Въ Верхней Италіи новый герцогъ пармскій, испанскій принцъ Филиппъ (1748 — 1765), оставался совершенно чуждъ духу времени; онъ даже прибавилъ къ итальянскому суевѣрію испанское. Но въ Миланѣ духъ вѣка оказывалъ благотворное вліяніе: Марія Терезія произвела тамъ много важныхъ улучшеній въ правосудіи и въ администраціи. Сардинское правительство оставалось вѣрно прежней савойской политикѣ; иначе сказать, интриги и вѣроломство были тамъ основаніемъ правительственнаго искусства. Во всей Верхней Италіи только генуэзцы выказали энергію и непоколебимость (стр. 113), которыя были бы достойны лучшей участи, чѣмъ какую готовили генуэзскому народу господствовавшіе надъ нимъ дворянство и французы. Мы нѣсколько остановимся на исторіи Генуи, потому что она показываетъ, какъ вредна всякому народу олигархія.

Въ Генуѣ господствовало нѣсколько знатныхъ фамилій. Онѣ давно доводили до отчаянія подвластную Генуѣ Корсику, угнетая народъ этого острова тяжелыми налогами и оскорбляя корсиканскихъ дворянъ своимъ пренебреженіемъ къ нимъ. Вслѣдствіе этого въ 1726 въ Корсикѣ произошло поголовное возстаніе. Корсиканцы четыре года боролись противъ генуэзскихъ войскъ; сначала инсургентами были только простолюдины, потомъ къ нимъ присоединилась и часть

дворянства. Инсургенты говорили, что готовы кончить борьбу миролюбивымъ образомъ; но этого не хотѣли слушать: нѣкоторые изъ генуэзскихъ аристократовъ (nobili) составляли такъ называемое общество св. Георгія, которому принадлежала большая половина земли на островѣ Корсикѣ; эти люди ни за что не соглашались на уменьшеніе своихъ доходовъ. Поэтому генуэзскій сенатъ, давъ денегъ императору Карлу VI, получилъ отъ него австрійскія войска; они погибли въ партизанской войнѣ на островѣ; тогда сенатъ купилъ у императора второе, довольно значительное войско. Принцъ Лудвигъ Виртембергскій, командовавшій этимъ вторымъ австрійскимъ войскомъ, вошелъ съ корсиканцами въ переговоры, исполняя приказаніе императора. Въ 1732 онъ устроилъ миръ. Самъ императоръ принялъ на себя ручательство въ соблюденіи его условій. Корсиканцы заключили миръ, послали въ Геную уполномоченныхъ съ извиненіями и съ инструкціями о томъ, какія льготы нужны имъ. Генуэзскій сенатъ арестовалъ этихъ уполномоченныхъ. Оскорбленный императоръ сталъ грозить; тогда сенатъ освободилъ арестованныхъ и утвердилъ договоръ, заключенный за ручательствомъ императора. Но дѣло это поселило непримиримую вражду въ мстительныхъ корсиканцахъ, и черезъ два года (въ 1734) оказались его результаты.

Новое возстаніе корсиканцевъ имѣло цѣлью уже не получить облегченіе, а прямо избавить островъ отъ генуэзской власти. Но генуэзская республика была несравненно сильнѣе бѣдной Корсики; поэтому корсиканцамъ нельзя было иначе свергнуть иго, какъ при помощи какой-нибудь иностранной державы. Авантюристъ, хвалившійся большими связями, вестфальскій баронъ Теодоръ фонъ Нейгофъ, обольстилъ корсиканцевъ увѣреніемъ, что можетъ доставить имъ иностранную поддержку. Онъ прошелъ отличнѣйшую школу для приготовленія къ роли, которая ему теперь представилась: былъ пажемъ у регента французскаго, потомъ служилъ въ Испаніи у Альберони и Рипперды, потомъ искалъ приключеній въ Голландіи и Англіи и наконецъ въ Парижѣ. Пріѣхавъ изъ Парижа въ Италію, онъ познакомился съ предводителями возставшаго корсиканскаго народа; уговорилъ ихъ сдѣлать его своимъ королемъ, говоря, что Англія и Франція помогутъ ему, но не прежде, какъ когда Корсика объявитъ себя независимымъ королевствомъ. Послѣ того онъ съумѣлъ достать денегъ отъ англійскихъ и голландскихъ спекуляторовъ, купилъ на эти деньги пушекъ и военныхъ припасовъ и пріѣхалъ на англійскомъ кораблѣ на Корсику.

Баронъ скоро покончилъ свою роль: не дольше, какъ черезъ 8 мѣсяцевъ онъ почелъ благоразумнѣйшимъ разстаться на время съ своими подданными, потому что генуэзцы выпросили себѣ помощь у Франціи. Но корсиканцы продолжали воевать и съ французами. Успѣхъ склонялся то на ту, то на другую сторону. Вся Европа удивлялась мужеству корсиканцевъ въ такой неравной борьбѣ: все населеніе острова было не больше 120,000 человѣкъ, но не уступало сильной генуэзской республикѣ, за которую сражался большой корпусъ французскаго войска. Въ 1738 Теодоръ снова явился на Корсику, прежнимъ способомъ доставъ денегъ и корабли. Но черезъ мѣсяцъ онъ уже опять отправился въ путешествіе. Когда началась война за австрійское наслѣдство, надежды его снова оживились. Война эта заставила Францію отозвать свои войска изъ Корсики; англичане стали поддерживать корсиканцевъ и короля Теодора, который въ 1743 снова явился на англійскомъ кораблѣ на Корсику, служа орудіемъ англійскому министерству, у котораго были свои разсчеты. Въ 1746 англійскій военный корабль разрушилъ укрѣпленія Бастіи, въ которыхъ держались генуэзцы; тогда корсиканцы овладѣли этимъ городомъ, столицею своего острова, завладѣли и другими крѣпкими пунктами и устроили правильную администрацію.

Въ этомъ (1746) году сама Генуя попала было въ руки австрійцевъ (стр. 113), но въ декабрѣ, какъ мы говорили, освободилась отъ нихъ геройскимъ самопожертвованіемъ народа. Трусливый сенатъ и вообще аристократы не участвовали въ этомъ освобожденіи; только когда уже видно было, что народъ непремѣнно восторжествуетъ, явились и аристократы, чтобы пожать то, чего не сѣяли. Когда австрійцы были прогнаны, сенатъ и аристократы дали еще нѣсколько времени просуществовать выбранному народомъ правительству, потому что лишь этотъ комитетъ могъ одушевить народъ къ новой борьбѣ съ врагомъ, который возвращался въ большихъ силахъ; но втайнѣ дворянство всячески мѣшало народ-

-ному правительству и строило противъ него козни, чтобы опять забрать власть въ свои руки. Оно производило между чернью безпорядки и буйства, чтобы средній классъ почувствовалъ необходимость въ дворянскомъ правительствѣ; пользуясь этими безпорядками, предали суду и сбыли съ рукъ самыхъ энергическихъ предводителей народа, постепенно ввели на ихъ мѣста сенаторскихъ кліентовъ, добились, что Франція не захотѣла признать правительство, учрежденное народомъ, и когда оно вошло въ дружескіе переговоры съ корсиканцами, сенатъ продолжалъ войну съ ними. Наконецъ когда аристократамъ стало не нужно самопожертвованія народа, когда открылся ахенскій конгрессъ, и рѣшеніе судьбы маленькихъ государствъ стало опять зависѣть отъ европейскихъ аристократовъ и дипломатовъ, генуэзскіе горожане были удалены отъ всякаго участія въ управленіи, а дворянство снова пріобрѣло полную власть.

Съ корсиканцами генуэзскому сенату было не такъ легко сладить, какъ съ генуэзскимъ народомъ. Баронъ Нейгофъ въ это время давно уже сошелъ со сцены: еще въ 1743 онъ въ третій разъ и навсегда уѣхалъ съ Корсики. Но возстаніе продолжалось. Корсиканцы не захотѣли положить оружія и тогда, когда Англія и Сардинія, поддерживавшія ихъ во время войны за австрійское наслѣдство, перестали помогать имъ, когда французскія войска были опять присланы на помощь генуэзцамъ и завоевали прибрежныя города Корсики. Инсургенты просили французское правительство, чтобы оно приняло Корсику подъ свою власть. Лудовикъ XV не могъ сдѣлать этого, но приказалъ французскимъ командирамъ наблюдать, чтобы генуэзское дворянство не возобновляло своихъ притѣсненій; по договору съ Генуею, французскія войска остались во многихъ городахъ острова и по подавленіи инсургентовъ. Изъ этого вышли очень странныя отношенія, и можно сказать, что пастушьи собаки охраняли стадо отъ пастуховъ.

Борьба Корсики противъ Генуи возобновлялась еще нѣсколько разъ, особенно во время семилѣтней войны. У корсиканцевъ явился тогда изъ собственной среды предводитель, который счастливо и искусно велъ войну. То былъ Паоли, котораго вся Европа прославляла, какъ героя свободы. Англійское общество особенно сочувствовало корсиканцамъ и ихъ предводителю. Но англійское министерство отказало имъ въ помощи. Утомившись наконецъ долгою войною, генуэзцы въ 1768 продали Корсику французамъ. Корсиканцы не хотѣли покориться и Франціи и начали противъ нея борьбу, которая доставила имъ громкую славу; но Англія не помогла имъ, и потому они скоро были подавлены громаднымъ превосходствомъ силъ. Паоли бѣжалъ въ Англію. Тамъ его приняли съ величайшими почестями, называли корсиканскимъ героемъ и, чтобы заставить его молчать, дали ему пенсію.

2. Испанія и Португалія.

Въ испанскихъ и португальскихъ нравахъ восточный элементъ еще гораздо сильнѣе, чѣмъ въ итальянскихъ. Тамъ нельзя видѣть ничего похожаго на развитіе нравовъ подъ вліяніемъ двора, на моральныя правила, свойственныя нашей мѣщанской жизни въ сѣверномъ климатѣ, на связь религіи или поэзіи съ этою обыденною моралью. Исторія этихъ двухъ государствъ почти вся ограничивается только исторіею двора. Недостатка въ средствахъ у государствъ Пиринейскаго полуострова не было,—это было доказано въ управленіе Альберони и Рипперды, хотя эти правители пользовались властью недолго (стр. 34 и 38); но болѣзненность и идіотство правителей мѣшали всякому развитію народа.

При Филиппѣ V (1700—1746) государственныя средства Испаніи истощались на исполненіе личныхъ видовъ второй супруги короля, Елисаветы Пармской. Для доставленія государствъ двумъ старшимъ своимъ сыновьямъ, Карлу и Филиппу, Елисавета впутывала испанское королевство въ войны, губившія его флоты, разорявшія его населеніе и увеличившія его долгъ въ 45 милліоновъ піастровъ. Когда Карлъ получилъ Неаполь, испанскія деньги стали тратиться даже на то, чтобы поддержать блескъ неаполитанскаго престола. Филиппъ отъ природы былъ слабаго ума и характера и около 1730 впалъ въ состояніе меланхоліи и непреодо-

лимой лѣности. Съ той поры нельзя было разшевелить его даже и на столько, чтобы добиться отъ него хоть слова; онъ не стригъ волосъ и ногтей, оставался по цѣлымъ днямъ въ постели, вставалъ лишь ночью на нѣсколько минутъ, чтобы поѣсть; нельзя было даже уговорить его подписать свое имя. Такое состоянiе, разумѣется, дѣлало его совершенно неспособнымъ къ правленiю; но въ Испанiи форма требуетъ, чтобы все дѣлалось отъ лица короля, и по испанскимъ учрежденiямъ нельзя было назначить ни регента, ни даже перваго министра съ такою властью, какую имѣли во Францiи Ришльё и Мазаренъ. Трудно было бы рѣшить, какъ быть въ тѣхъ случаяхъ, когда необходима была подпись короля, если бы пѣнiе не имѣло на Филиппа такого дѣйствiя, что, слушая его, онъ соглашался на просьбы встать, одѣться и на нѣсколько минутъ заняться дѣлами. Съ этою цѣлью Елисавета въ 1737 пригласила въ Мадридъ пѣвца Фаринелли, славившагося тогда по всей Европѣ, и онъ сдѣлался совершенно необходимымъ лицомъ для управленiя государствомъ.

При сынѣ и преемникѣ Филиппа, Фердинандѣ VI (1746 — 1759), все оставалось по прежнему. Фердинандъ часто впадалъ въ такую же меланхолiю, какъ и Филиппъ. Онъ любилъ только охоту и музыку, часто долго сидѣлъ во дворцѣ, никуда не показываясь и не произнося ни единаго слова. Его супруга, португальская принцесса Варвара, совершенно походила на него; поэтому Фаринелли сталъ главнымъ лицомъ въ государствѣ. Другими важными людьми были маркизъ Энсенада, вошедшiй въ милость къ Фаринелли, и министръ Карвахаль, опорою которому былъ духовникъ короля. Такимъ образомъ правленiе велось, можно сказать, на авось: Фаринелли имѣлъ расположенiе къ Австрiи и Англiи, Энсенада—къ Францiи; у одного Карвахаля главною заботою была польза самой Испанiи, и онъ одинъ по своей строгой честности былъ недоступенъ ни подкупу, ни интригамъ.

Португалiя, освободившаяся въ 1640 отъ испанскаго владычества, имѣла съ той поры государей, неспособныхъ и вялыхъ, какъ Испанiя со временъ Филиппа II. Первымъ изъ королей Браганцскаго дома, Iоанномъ VI (1640—1656), правила жена; она продолжала править и при своемъ слабоумномъ сынѣ, Альфонсѣ VI (1656 — 1668), до той поры, пока власть захватилъ второй сынъ ея, донъ Педро, который правилъ сначала какъ регентъ, а потомъ (1683 — 1706) былъ королемъ; донъ Педро также часто надолго лишался употребленiя разсудка. Сынъ и преемникъ его, Iоаннъ V (1706 — 1750), также былъ извѣстенъ всѣмъ за слабоумнаго, хотя монахи и iезуиты, папа и чернь говорили о немъ съ благоговѣнiемъ. О немъ мы должны разсказать нѣсколько подробнѣе, потому что только его неспособностью думать и дѣйствовать, его безграничною слабостью объясняется то сочувствiе, съ какимъ Европа смотрѣла на несправедливое и жестокое преслѣдованiе iезуитовъ при его преемникѣ.

Между тѣмъ какъ во всей Европѣ старались возвысить народное благосостоянiе и изгнать изъ жизни средне-вѣковую вялость, грубость, суевѣрiе и фетишизмъ, Iоаннъ расточалъ богатства Португалiи на внѣшнiй блескъ церкви и развивалъ именно ту сторону католическихъ обрядовъ, которую наименѣе одобряли самые ревностные католики. За большiя деньги онъ получилъ отъ папы особенныя почести для духовенства своей придворной капеллы, учрежденiе португальскаго патрiаршества и кардинальское облаченiе для членовъ патрiаршескаго капитула; самъ онъ за свое усердiе къ церкви получилъ отъ папы титулъ «Вѣрнѣйшаго» (Fidelissimus). Въ Португалiи давно было слишкомъ много монастырей и монаховъ; но Iоаннъ истратилъ болѣе 25 миллiоновъ рублей сер. на постройку португальскаго Эскурiала, Мафрскаго монастыря. Онъ противился введенiю папской инквизицiи въ Португалiи, но вовсе не изъ состраданiя къ несчастнымъ еретикамъ, а потому, что хотѣлъ удержать за собою заслугу посылать ихъ на костеръ. Однажды во время болѣзни онъ заплатилъ 200,000 руб. сер. за мощи, которыя должны были исцѣлить его. Нѣсколько оправившись отъ болѣзни, онъ почелъ своею обязанностью возблагодарить Бога тѣмъ, что истратилъ огромныя суммы на пышныя облаченiя для высшаго духовенства и увеличилъ его доходы. Наконецъ онъ поставилъ въ Римѣ часовню изъ массивнаго серебра. Но въ то время, какъ изготовлялась часовня, духовенство, правившее при Iоаннѣ государствомъ, полицейскими мѣрами заставляло португальскiй народъ поощрять отечест-

венную промышленность; промышленность эта вовсе не существовала, но для ея пользы были запрещены всякіе иностранные товары высшихъ сортовъ; велѣно было покупать только товары внутренняго изготовленія. Однако изъ этого запрещенія были благоразумно изъяты предметы церковнаго украшенія и богослуженія.

3. Францiя.

Въ Испаніи и Португаліи нравы, мнѣнія и предразсудки двора были совершенно такіе же, какъ во всѣхъ классахъ общества; но во Франціи выказывался рѣзкій контрастъ между дворомъ и образованными людьми. Большинство народа во Франціи было еще невѣжественно и суевѣрно, безусловно покланялось монархической власти и іерархіи, чтило короля какъ кумира. Но образованныя сословія постепенно сбросили средневѣковыя узы и пошли еще дальше; они смѣялись надъ христіанствомъ, надъ всѣми церковными учрежденіями, даже надъ тѣми, которыя доказали свою пользу для укрощенія человѣческихъ страстей. Дворъ и принадлежащая къ нему часть высшаго дворянства запирались отъ новаго свѣта, проникавшаго въ жизнь; поддерживали старую деспотію и полицію въ церкви и въ государствѣ; надѣясь на свои привилегіи, пренебрегали голосомъ народа и образованныхъ людей; думали, что могутъ защитить свою власть произвольными арестами; но служили предметомъ соблазна для всего народа по своей безграничной безнравственности и по безстыдству, съ которымъ выставляли ее на общее позорище. Этотъ придворный кругъ управлялъ политическими и административными дѣлами, такъ что уже въ то время можно было безъ особеннаго пророческаго дара навѣрно предсказать разрушеніе всего государственнаго устройства. Мы сдѣлаемъ нѣсколько замѣтокъ о томъ, какъ велись дѣла, въ какомъ состояніи были финансы; потомъ, чтобы обрисовать моральное положеніе государства, разскажемъ нѣсколько частныхъ фактовъ и обрисуемъ нѣсколько лицъ, игравшихъ важныя роли.

Вся правительственная власть находилась въ рукахъ кружка, толпившагося около королевскихъ любовницъ и состоявшаго изъ принцевъ и вельможъ. Въ этомъ кругу рѣшались война и миръ, давались всѣ важныя должности, изъ него выходили тѣ люди, которые какъ Белльиль, герцогъ Ришлье и другіе, истощали всѣ средства государства, чтобъ играть блистательную роль. Самъ король слушалъ то одного, то другаго изъ своихъ вельможъ, и повсюду имѣлъ тайныхъ дипломатическихъ агентовъ, которые часто дѣйствовали прямо въ противность посланникамъ министерства. Министры вели свои дѣла большею частью, не совѣщаясь между собою, и мѣнялись по волѣ королевскихъ любовницъ безъ всякаго вниманія къ тому, хороши они или дурны. Въ военныхъ дѣлахъ генералы были въ вѣчной враждѣ между собою и съ министерствомъ. Наконецъ финансы находились въ самомъ печальномъ положеніи. Требовались громадныя суммы на расточительность двора и вліятельныхъ людей, на расходы посланниковъ, на плату иностраннымъ государямъ и вельможамъ. Между тѣмъ простой народъ, на которомъ одномъ тяготѣло все бремя налоговъ, былъ въ самой бѣдственной нищетѣ. Для полученія денегъ прибѣгали къ самымъ жестокимъ мѣрамъ и къ самымъ гибельнымъ средствамъ. Напримѣръ, брали отъ откупщиковъ деньги за нѣсколько лѣтъ впередъ, выпускали пожизненныя ренты, устроили лоттерею и т. д. Но если министръ финансовъ хотѣлъ подвергнуть какому-нибудь налогу богатыя привилегированныя сословія, парижскій парламентъ протестовалъ съ величайшею настойчивостью.

Дворъ былъ въ непрерывныхъ ссорахъ съ этимъ судилищемъ, которое присвоивало себѣ права прежняго сейма и называло свою власть независимою отъ короля, верховною. Споры выходили то изъ-за регистрованія королевскихъ эдиктовъ, то изъ-за борьбы, которую янсенисты и іезуиты вели между собою на жизнь и смерть и въ которой парламентъ непоколебимо стоялъ за янсенистовъ. Подробный разсказъ объ этихъ ссорахъ былъ бы несовмѣстенъ съ планомъ нашей книги, которая даетъ только очеркъ всеобщей исторіи. Мы возвратимся къ за-

мѣткамъ о томъ, каковъ былъ тогдашній характеръ жизни и правительства, и укажемъ тѣ черты, по которымъ легко и вѣрно составляется понятіе о нихъ.

Тогдашняя связь театра съ войною, возвеличеніе національной славы посредствомъ сцены доказываетъ легкомысліе, съ какимъ французы смѣшиваютъ игру и серьезное дѣло, думая только о развлеченіи и пустой внѣшности. Балы, комедіи, оперы чередовались въ лагеряхъ съ кровопролитными битвами. Актриса театра, устроеннаго въ лагерѣ маршала де-Сакса, объявила со сцены наканунѣ битвы при Року, что на слѣдующій день по причинѣ битвы не будетъ спектакля въ театрѣ, и французы до сихъ поръ не могутъ говорить объ этомъ безъ восторга. Точно также французская публика восхитилась, когда въ парижскомъ театрѣ актриса, игравшая роль богини Славы, надѣла лавровый вѣнокъ на маршала де Сакса, сидѣвшаго въ ложѣ подлѣ сцены. Еще вреднѣе этого смѣшенія серьезнѣйшихъ явленій жизни съ театральнымъ развлеченіемъ была трагикомедія, которую духовенство отважилось разъиграть въ 1744, когда король лежалъ въ Мецѣ безнадежно больной. Религія этого слабаго человѣка была не болѣе, какъ машинальное суевѣріе, и его такъ запугали адомъ, что онъ наконецъ согласился изгнать отъ себя герцогиню де Шатору. При этомъ изгнаніи выказали грубую суровость къ ней тѣ самые люди, которые до сихъ поръ низкопоклонничали передъ нею, а чернь, разъяренная фанатиками всѣхъ сословій, оскорбляла по дорогѣ ругательствами и угрозами герцогиню, которую прежде чтила какъ богиню. Но нелѣпое усердіе къ нравственности осталось совершенно напрасно: едва вставъ съ постели, Лудовикъ возвратилъ къ себѣ герцогиню. Стало быть, изъ хлопотъ духовенства, вышло только то, что выставили на общее позорище слабость короля и для искупленія этой слабости, подвергли постыдному пораженію нравственность и религію.

Шатору умерла вскорѣ послѣ своего возвращенія. Ея смерть произвела цѣлый рядъ соблазнительнѣйшихъ сценъ. Безстыдныя дамы выбивались изъ силъ, стараясь достичь чести сана королевской любовницы. Наконецъ король публично рѣшилъ состязаніе въ пользу маркизы Помпадуръ. По рожденію, воспитанію, образованію и привычкамъ эта женщина не только не принадлежала къ аристократіи, но даже къ высшимъ слоямъ средняго сословія, тогда какъ прежнія любовницы брались изъ придворной аристократіи. Незнатность новой любовницы возбудила сначала большое неудовольствіе при дворѣ; знатнымъ господамъ и дамамъ стоило тяжкихъ усилій, чтобы пріучить себя къ мысли, что не дворянка носитъ санъ королевской любовницы. Но никто ни на минуту не подумалъ найти предосудительнымъ, что король помѣстилъ Помпадуръ у себя въ Версали, окружилъ ее королевскимъ блескомъ и что она рѣшительно по своему произволу стала управлять государствомъ. Впрочемъ она только черезъ нѣсколько лѣтъ начала сильно вмѣшиваться въ государственныя дѣла.

Послѣ Помпадуръ герцогъ де Ришлье и маршалъ де Саксъ — самыя замѣчательныя лица въ исторіи тогдашнихъ нравовъ. Мы уже упоминали о герцогѣ Ришлье и его отношеніяхъ къ Лудовику XV (стр. 101). Прибавимъ, что когда Лудовикъ лежалъ больной въ Мецѣ, герцогъ прибѣгалъ даже къ силѣ, чтобы отвратить духовную бурю; этимъ онъ навсегда привязалъ короля къ себѣ. О его частной жизни мы не можемъ и говорить здѣсь, потому что она слишкомъ безстыдна и скандальна. Довольно будетъ замѣтить, что Ришлье даже въ старости славился, какъ обольститель, что когда его послали съ французскимъ корпусомъ на помощь генуэзцамъ противъ австрійцевъ, онъ безстыднѣйшимъ образомъ сорилъ ввѣренныя ему государственныя деньги (стр. 114), что, не смотря на то, послѣ этого порученія былъ награжденъ саномъ маршала и что, будучи уже 90-лѣтнимъ старикомъ, онъ далъ *балъ*, на который пригласилъ всѣхъ публичныхъ женщинъ Бордо.

Маршалъ де Саксъ, который одинъ изъ всѣхъ тогдашнихъ генераловъ обладалъ большими военными талантами, стоялъ въ отношеніи нравственности не выше герцога Ришлье. Кромѣ того онъ былъ невѣжда, человѣкъ неотесанный и едва умѣлъ читать. Но это была бы еще не бѣда; вреденъ былъ примѣръ, который подавалъ онъ своею жизнью, тѣмъ болѣе вреденъ, что тогдашніе законы позволяли ему употреблять на удовлетвореніе своего сладострастія всю безграничную полицейскую власть, какою пользовалось тогда правитель-

ство. Какъ Лудовикъ и Помпадуръ наполняли политическія тюрьмы людьми, которые оскорбили изустно или печатнымъ словомъ кого нибудь изъ нихъ или изъ ихъ пріятелей, такъ маршалъ де Саксъ могъ дѣлать все, что хотѣлъ съ измѣнявшими ему любовницами,—а любовницъ у него было очень много,—съ ихъ любовниками и съ актрисами, нехотѣвшими отвѣчать на его страсть. Также безнаказанно могъ онъ дозволять себѣ самыя возмутительныя грабительства въ Нидерландахъ. Все, что награбилъ свирѣпымъ образомъ, онъ бросалъ вмѣстѣ съ огромными подарками короля развратнымъ женщинамъ. Когда хорошенько подумаешь о нравахъ и жизни такого человѣка или самого короля и его любимца, герцога Ришлье, когда подумаешь, какъ все это должно было дѣйствовать на народъ, то находишь очень понятными ужасы революціи, истинными виновниками которыхъ были знатные господа, презиравшіе всякую нравственность.

4. Англія и Нидерланды.

Если бы богатство націи, процвѣтаніе ея промышленности, быстрое возрастаніе ея сухопутнаго и морскаго могущества, ея политическаго вліянія были несомнѣнными признаками, что правительство этой націи превосходно, то первые короли Англіи изъ Ганноверскаго дома и ихъ министры заслуживали бы высочайшихъ похвалъ. Но въ свободной странѣ часто бываетъ, что народъ неудержимо идетъ впередъ, хотя его правители и законодатели стараются готовить ему самую печальную судьбу въ будущемъ. Примѣромъ тому служитъ исторія Англіи въ 1743—1755 годахъ и положеніе милліоновъ пролетаріевъ въ нынѣшней Англіи и Ирландіи.

Мы говорили, что при Георгѣ I и Георгѣ II до 1742 Англіею управлялъ Робертъ Вальполь, по системѣ, основанной на подкупахъ парламента и на расточеніи денегъ для ганноверскихъ плановъ короля (стр. 34, 102, 106). Преемникъ его, Картеретъ, поступалъ совершенно по той же системѣ, нимало не тревожась мыслью, что Вальполь былъ низвергнутъ за нее. Большинство членовъ прежняго министерства осталось и въ новомъ; между прочимъ остались Ньюкестль съ своимъ братомъ, Пельгамомъ. Питтъ Старшій возставалъ противъ господствующей системы, являлся защитникомъ правъ народа, изобличалъ тотъ принципъ, котораго держались уже тогда: принципъ, что въ конституціонныхъ государствахъ нельзя править иначе, какъ подкупомъ и обманомъ; но его усилія оставались напрасны. Ньюкестль и Пельгамъ по аристократическо-плутократическому устройству правительства сохраняли власть, даже вытѣснили Картерета, когда онъ сталъ имъ подозрителенъ, и составили новое министерство (въ 1744). Главнымъ лицомъ новаго министерства былъ Пельгамъ; Питта также приняли въ кабинетъ, чтобы удовлетворить общественному мнѣнію; министерство Пельгама существовало десять лѣтъ и во все время своей власти дѣйствовало на континентѣ въ пользу ганноверскихъ плановъ по прежнему примѣру, увеличивая черезъ это англійскій государственный долгъ.

Вся Европа дивилась и завидовала тогда Англіи, потому что всѣ стороны англійской жизни развивались, и никто не замѣчалъ, что масса англійскаго народа все больше и больше втягивается въ невольничество у людей, безмѣрно богатыхъ, въ состояніе безземельныхъ поденщиковъ, зависимыхъ прикащиковъ и работниковъ. Не думали и о результатахъ того, что въ среднемъ сословіи привычка къ разнымъ комфортамъ и къ условнымъ или воображаемымъ потребностямъ развивается соразмѣрно возрастанію его богатства. Не видѣли и того, что настоящая, наслѣдственная аристократія держится деньгами трудящихся классовъ, что этими деньгами обогащаетъ она своихъ сыновей и дочерей, что для нея одной существуютъ церковныя пребенды, доходныя церковныя должности, офицерскіе чины и другія синекуры. Правда, трудолюбіемъ неутомимо работающаго и создающаго народа, развивалось тогда все, чему до смѣшнаго удивляется нынѣшній міръ въ Англіи и въ Сѣверной Америкѣ; но зато и тяжесть налоговъ постоянно росла, и каждое слѣдующее поколѣніе имѣло на себѣ все больше долга, накопляемаго грѣхами всѣхъ предшествующихъ поколѣній. Въ войну

за австрійское наслѣдство государственный долгъ увеличился на сумму больше той, какою увеличила его война за испанское наслѣдство: онъ возросъ тогда отъ 50 до 78 милліоновъ фунтовъ.

Характеръ господствовавшей аристократіи очень ясно обрисовывается тѣми мѣрами, какія были приняты противъ шотландцевъ послѣ возстанія 1745; этотъ переворотъ всѣхъ учрежденій Шотландіи знакомитъ насъ съ сущностью того, что въ нынѣшней Англіи считается цѣлью и счастіемъ жизни. Свирѣпость противъ инсургентовъ лежитъ неизгладимымъ пятномъ на правительствѣ Георга II и на тогдашнемъ парламентѣ. Не удовлетворились варварствами, которыя были совершены на основаніи военнаго закона; не удовлетворились многочисленными казнями, совершенными послѣ того по уголовному суду: парламентъ прибѣгнулъ еще къ bill of attainder—средству, служившему со временъ Генриха VIII, чтобы законодательнымъ порядкомъ объявлять людей виновными и казнить ихъ безъ дальнѣйшаго суда (т. IV, стр. 147 и 501). Господствующій классъ до того увлекся яростью, что прибѣгнулъ даже къ тѣмъ возмутительно свирѣпымъ способамъ казни, которые употреблялись только въ мрачную средневѣковую пору, а въ новое время встрѣчаются только у китайцевъ, негровъ и ирокезовъ. Мало того: цѣлыя толпы осужденныхъ были сосланы въ невольничество на Вестъ-индскіе острова. Мы остановимся на судьбѣ лишь одного изъ многихъ казненныхъ, лорда Ловата, потому что ложное сужденіе свѣта дало ему за его смерть славу, которой онъ нисколько не заслуживалъ. Этотъ 80-лѣтній старикъ, холодный эгоистъ, измѣнялъ друзьямъ и врагамъ, насильно послалъ въ опасность своего сына, а самъ старался казаться вѣрнымъ обѣимъ партіямъ (стр. 112); но при всей своей хитрости онъ былъ наконецъ изобличенъ; тутъ онъ понялъ, что кровожадность виговъ раздражаетъ противъ нихъ англійскій народъ; видя, что смерть неизбѣжна, онъ рѣшился воспользоваться ею хотя для того, чтобы возбудить къ себѣ общее участіе и обратить на короля и министровъ ту ненависть, какой заслуживалъ самъ. При процессѣ въ верхней палатѣ онъ такъ хорошо разъигралъ свою разсчитанную и обдуманную до мельчайшихъ подробностей роль, что дѣйствительно настроилъ публику въ свою пользу. Также заботливо сообразилъ онъ и всѣ дальнѣйшія свои слова и дѣйствія до самаго мгновенія казни, исполнилъ весь свой планъ съ совершенною точностью и достигъ своей цѣли. Такимъ образомъ его смерть показываетъ, что величественно и мужественно умереть гораздо легче, чѣмъ честно и хорошо жить.

Переворотъ, произведенный въ Шотландіи послѣ возстанія, заключался, во-первыхъ, въ томъ, что насильственно разорвали старыя патріархальныя отношенія между землевладѣльцами и поселянами, вознаградили за это землевладѣльцевъ деньгами, а поселянъ отдали на произволъ судьбы. Прежде поселяне воздѣлывали свои земли, какъ вассалы бароновъ, называвшихся владѣльцами земель; теперь землевладѣльцы стали отдавать землю въ наемъ тому, кто больше дастъ, и несчастные поселяне должны были сдѣлаться поденщиками или покинуть родину, чтобы искать въ Америкѣ свободы безъ исторіи и благосостоянія безъ поэзіи. Правда и то, что отъ этой перемѣны усовершенствовалось земледѣліе, были воздѣланы земли, которыя прежде оставались необработанными или почти необработанными, расцвѣли въ Шотландіи фабрики, англійская образованность съ своимъ комфортомъ замѣнила прежнюю нужду, тяготѣвшую надъ цѣлыми областями Шотландіи. Но если эта сторона перемѣны можетъ радовать любителей удобной, украшенной жизни и прогресса, то другая сторона дѣла была прискорбна; съ бѣдностью исчезла и безъисскуственность, съ патріархальностью и дикостью исчезъ и геройскій духъ, низкая проза любви къ деньгамъ стала душою человѣческой жизни и дѣятельности и въ шотландскихъ поселянахъ, которые нѣкогда были счастливы при всей своей бѣдности, и даже религія шотландцевъ стала пустою и мертвою формою, какъ у англичанъ.

Въ заключеніе, надобно сказать нѣсколько словъ о Нидерландахъ. Злоупотребленія аристократовъ произвели тамъ переворотъ, о которомъ мы уже говорили (стр. 115). Онъ былъ совершенъ народомъ, между тѣмъ какъ въ Англіи не было тогда никакихъ слѣдовъ демократическаго движенія. Вильгельмъ IV, которому этотъ переворотъ далъ санъ наслѣдственнаго штатгальтера, былъ правитель кроткій, умѣренный, проницательный. Незадолго передъ смертью (онъ умеръ въ 1751)

онъ сдѣлалъ ошибку, назначивъ принца Лудвига Эрнста Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскаго опекуномъ своего малолѣтняго сына, Вильгельма V, и регентомъ. Лудвигъ Эрнстъ на родинѣ привыкъ видѣть палочное управленіе и потому не годился въ правители народа, имѣвшаго законныя права. Мы увидимъ дурныя послѣдствія, какія это назначеніе имѣло для Нидерландовъ.

5. Русская имперія.

Россія при устройствѣ правленія, совершенно противоположномъ англійскому, дѣлала на своемъ пути такіе же быстрые успѣхи, какъ Англія на своемъ. Презрѣніе къ нравственности при дворѣ доходило тамъ до размѣровъ, невозможныхъ при англійскихъ законахъ. Но чѣмъ соблазнительнѣе была частная жизнь правителей, тѣмъ больше дѣятельности и энергіи оказывали они въ управленіи государственными дѣлами. Этимъ Россія отличалась отъ Португаліи, Испаніи, Франціи.

Выше (стр. 45) мы довели исторію Россіи до правленія императрицы Анны, при которой безгранично владычествовалъ ея любимецъ, Биронъ. Онъ былъ человѣкъ совершенно бездарный, но внѣшнее развитіе русской націи продолжалось, какъ было начато Петромъ, потому что дѣлами управляли люди умные и опытные, Остерманъ и Минихъ.

Анна хотѣла, чтобы ея любимецъ, Биронъ, и по смерти ея сохранилъ свое положеніе; для этого за десять дней передъ смертью она назначила своимъ преемникомъ двухмѣсячнаго малютку, Іоанна VI (III). Онъ былъ сынъ племянницы Анны, которая была замужемъ за герцогомъ Брауншвейгъ-Беверискимъ, Антономъ Ульрихомъ. Регентство до совершеннолѣтія Іоанна Анна отдала Бирону, устранивъ отъ него родителей малютки императора. Но Биронъ давно возстановилъ противъ себя всѣхъ грубостью и жестокостью; при самомъ началѣ своего регентства онъ имѣлъ неосторожность оскорбить Миниха и удалить его отъ управленія дѣлами. Тогда Минихъ условился съ родителями императора и низвергъ Бирона. Это было ему очень легко, потому что онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ войско. Биронъ былъ арестованъ и сосланъ въ Сибирь, гдѣ оставался двадцать лѣтъ *). Мать Іоанна приняла регентство и назначила Миниха первымъ министромъ. Но скоро регентша поссорилась съ Минихомъ, человѣкомъ очень даровитымъ, но очень честолюбивымъ, властолюбивымъ и слѣдовавшимъ политикѣ, которая противорѣчила расположенію регентши къ Австріи. Въ мартѣ 1741 она заключила договоръ въ пользу Маріи Терезіи, и Минихъ удалился въ отставку.

Правленіе регентши было непродолжительно. Она оскорбила **) обиднымъ обращеніемъ дочь Петра Великаго, Елисавету, которая жила въ Петербургѣ, и окончательно возстановила ее противъ себя намѣреніемъ выдать ее за брата своего мужа, человѣка безобразнаго и невыносимаго. До сихъ поръ Елисавета вовсе не думала о престолѣ и не вмѣшивалась въ государственныя дѣла, которыми не занималась и впослѣдствіи, когда сдѣлалась императрицею. Ея чувственная натура была обращена на другіе предметы. Но когда ей стали мѣшать въ ея привычкахъ, дѣлать за нихъ ей выговоры и наконецъ стали угрожать отвратительнымъ мужемъ, она рѣшилась низвергнуть регентшу. Быть можетъ, она сама не подумала бы объ этомъ; но хирургъ Лестокъ, ганноверецъ, поселившійся въ Петербургѣ и принадлежавшій къ ея обществу, внушилъ ей мысль при помощи гвардейскихъ солдатъ низложить регентшу и ея сына и самой занять престолъ. Душою заговора, устроеннаго Лестокомъ, былъ французскій посланникъ, маркизъ де Ла-Шетарди, который далъ и денегъ для исполненія дѣла.

Замыселъ не остался тайною; но исполнить его было легко, потому что регентша не слушала предостереженій своего министра Остермана и посланниковъ, англійскаго и австрійскаго. Ночью 5 декабря 1741 Елисавета съ сотнею гвардейскихъ солдатъ явилась къ зимнему дворцу, гдѣ жила регентша, и потребовала,

---

*) Извѣстно, что онъ пробылъ въ Сибири только годъ. *Ред.*

**) Тоже неправда. *Ред.*

чтобы караулъ повиновался ей, какъ дочери Петра Великаго. Караулъ призналъ ея власть; регентша и ея мужъ были тотчасъ арестованы. Между тѣмъ другіе солдаты арестовали Остермана, Миниха и иныхъ сановниковъ. Къ восьми часамъ утра эта ночная революція была покончена, и къ вечеру войска присягнули новой императрицѣ. Регентша и ея мужъ нѣсколько разъ пересылались изъ одного мѣста суровой ссылки въ другое и наконецъ умерли въ Сибири. Остерманъ, Минихъ и нѣсколько человѣкъ другихъ были сосланы въ Сибирь. Несчастнаго Іоанна нѣсколько времени держали при родителяхъ, потомъ заключили въ Шлиссельбургъ, гдѣ онъ росъ безъ всякаго воспитанія и выросъ слабоумнымъ человѣкомъ; наконецъ въ 1764 онъ былъ убитъ на 24 году.

Люди, которые возвели Елисавету на престолъ, всѣ были ничтожны, за исключеніемъ одного камеръ-юнкера Воронцова. Онъ былъ человѣкъ достойнаго характера, постарался познакомиться съ дѣлами и потому остался канцлеромъ даже по смерти Елисаветы. Всѣ другіе, осыпанные безразсудными милостями, вскорѣ сами погубили себя. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ были: хирургъ Лестокъ, о которомъ мы уже упоминали; сначала онъ получилъ несмѣтныя богатства и почести, но потомъ Елисавета сослала его въ Сибирь; музыкантъ Шварцъ, сдѣланный полковникомъ; унтеръ-офицеръ Грюнштейнъ, произведенный Елисаветою въ генералъ-маіоры; сынъ простаго мужика Алексѣй Разумовскій, человѣкъ ловкій; императрица сдѣлала его генералъ-фельдмаршаломъ и тайно обвѣнчалась съ нимъ. Но по счастію, всѣ эти люди были такъ невѣжественны и бездарны, что не могли заниматься дѣлами; ихъ мысли были обращены только на пріобрѣтеніе денегъ, помѣстій, титуловъ и орденовъ. Поэтому управленіе государствомъ опять досталось людямъ способнымъ; изъ нихъ надобно назвать графа Бестужева. Онъ былъ расположенъ къ Австріи и Англіи; поэтому Франція увидѣла, что не получила никакой пользы отъ переворота, произведеннаго на французскія деньги. Въ декабрѣ 1742 Бестужевъ заключилъ оборонительный трактатъ съ Англіею; договоръ этотъ казался выгоденъ для Маріи Терезіи. Въ 1742 Россія потребовала и вытребовала, чтобы Франція отозвала своего посланника Ла-Шетарди; черезъ нѣсколько времени онъ возвратился въ Россію, вступилъ въ связи съ Лестокомъ и привезъ много денегъ; при помощи этихъ денегъ и Лестока онъ хотѣлъ низвергнуть Бестужева и возстановить преобладаніе французской политики при русскомъ дворѣ. Но онъ далеко уступалъ Бестужеву умомъ и хитростью; его фантастическій замыселъ былъ открытъ правительству, и его выслали за границу (въ 1744). Его преемникъ также не могъ доставить вліянія французскому кабинету въ Россіи.

Сама Елисавета мало занималась дѣлами, а ея друзья имѣли на нихъ лишь минутное вліяніе; поэтому намъ нѣтъ нужды говорить о частной жизни императрицы и ея приближенныхъ. Елисавета думала только о себѣ и о своихъ удовольствіяхъ, наряжалась какъ ребенокъ и до того любила новыя платья, что по смерти ея въ ея гардеробѣ нашли до 15,000 платьевъ и нѣсколько тысячъ паръ башмаковъ. Кромѣ того у ней были страсти, мѣшавшія ей заниматься дѣлами. Къ дѣламъ она даже питала врожденное отвращеніе, такъ что ее съ трудомъ уговаривали подписывать указы, издаваемые отъ ея имени; она цѣлые три года собиралась подписать отвѣтъ на письмо, которымъ Лудовикъ XV извѣщалъ ее о рожденіи у него внука. Но сначала она возбудила большія надежды на кроткое правленіе тѣмъ, что отказалась подписывать смертные приговоры и вскорѣ по восшествіи на престолъ освободила больше 20,000 сосланныхъ и арестованныхъ. Однако говорятъ, что число людей, сосланныхъ при ней въ Сибирь, было болѣе 80,000 человѣкъ. Приближенными Елисаветы были мужики, солдаты, конюхи, слуги и т. п. людъ, принадлежавшій въ полномъ смыслѣ слова къ черни. Кромѣ богатствъ, они получали чины и должности, иногда чрезвычайно рѣзко противоположныя ихъ характеру и степени образованія. Напримѣръ, бывшій слуга, Сиверсъ, получилъ титулъ графа; братъ Алексѣя Разумовскаго, Кириллъ Разумовскій, не бывъ никогда военнымъ, получилъ въ 19 лѣтъ званіе казацкаго гетмана и былъ назначенъ президентомъ академіи наукъ. Но всѣ эти люди не имѣли политическаго вліянія, какъ мы уже говорили. Правительственная власть находилась главнымъ образомъ въ рукахъ Бестужева, который былъ преданъ австрійскому и англійскому кабинетамъ, поддерживалъ нелюбовь императрицы къ Пруссіи и всѣ планы, замышляемые противъ этой державы.

6. Швеція и Данія.

По смерти Карла XII Швеція долго страдала и тѣми бѣдствіями, какимъ подвергаются плохо устроенныя республики, и тѣми, какимъ подвержены монархіи при слабыхъ государяхъ. Правительственная власть была въ рукахъ государственнаго совѣта, то есть, шведской олигархіи. Эти гордые шведскіе вельможи не стыдились публично продавать себя за деньги и за удовольствія англійскому, русскому и французскому посланникамъ. Были въ употребленіи прозвища для партій, выражавшія жестокую ненависть ихъ другъ къ другу: партіею шляпъ назывались тѣ, которые въ угоду Франціи хотѣли воевать съ Россіею и отнять у ней завоеванныя у Швеціи области; противники ихъ назывались укоризненнымъ именемъ шапокъ за свою робкую заботливость о сохраненіи дружбы съ Россіею. Олигархи продолжали дѣлать мстительныя жестокости и юридическія свирѣпости въ родѣ процесса и казни графа Герца (стр. 29). Король Фридрихъ Гессенъ-Кассельскій только носилъ званіе короля. Силою и вліяніемъ онъ былъ далеко ниже главныхъ аристократовъ, даже иностранныхъ посланниковъ, и долженъ былъ переносить жестокія оскорбленія и отъ тѣхъ, и отъ другихъ. Отъ всего этого страдали нравы и государственныя дѣла. Каждый сеймъ былъ войною одной партіи противъ другой; правительствующія фамиліи состояли на жалованьи у иностранцевъ, которое было имъ нужно для глупой пышности; онѣ дѣлили между собою государственные доходы; администрацію онѣ довели до совершеннаго разстройства, и даже войско находилось въ самомъ дурномъ состояніи. Кто могъ бы подумать, что при такомъ положеніи своихъ дѣлъ Швеція начнетъ войну? Однако она принялась воевать, когда (въ 1738) французская партія восторжествовала надъ русскою.

Съ Франціею былъ заключенъ договоръ, по которому Швеція, растерзанная внутреннимъ разстройствомъ, обязалась вести войну противъ Россіи въ союзѣ съ Турціею; за это Франція дала ей субсидіи. По плану нашей книги, нѣтъ надобности разсказывать, какъ при этомъ ненависть партій строила интриги, производила всяческія несправедливости и жестокости; партія шапокъ даже убила посланника, отправленнаго ея противниками въ Константинополь. Партія шляпъ, имѣвшая теперь верхъ, послала въ 1739 армію въ Финляндію и заключила съ турками союзъ противъ Россіи; но ея члены положили въ свои карманы деньги, данныя французами на войско, и держали солдатъ впроголодь. Солдаты толпами переходили къ непріятелю. Въ августѣ 1741 была наконецъ объявлена война Россіи. Для поддержанія своей нелѣпой политики олигархія заблаговременно позаботилась пробудить въ народѣ старинную вражду къ Россіи. Но малочисленная шведская армія не получала жалованья, не имѣла ни порядочныхъ запасовъ, ни хорошихъ генераловъ. Ходъ войны, разумѣется, соотвѣтствовалъ такому положенію дѣлъ: шведы были разбиты, и война кончилась бы очень скоро, если бы русскіе могли воспользоваться полученными выгодами.

Когда весною 1742 война возобновилась, она пошла точно также, хотя на этотъ разъ шведы собрали болѣе многочисленную армію и заготовили для нея запасы. По прежнему не было денегъ; главнокомандующимъ былъ назначенъ плохой генералъ, котораго связали еще тѣмъ, что подчинили военному совѣту, гдѣ засѣдали всѣ полковые командиры. Русское войско было, напротивъ, въ хорошемъ состояніи; имъ командовали отличные генералы, Ласси, Кейтъ, прославившійся потомъ въ прусской службѣ, Левендаль, отличившійся въ австрійской службѣ. По дурнымъ распоряженіямъ своихъ генераловъ шведы потеряли всѣ свои магазины и крѣпость Фридрихсгаммъ; потомъ они были окружены русскимъ войскомъ и наконецъ принуждены сдаться на капитуляцію. Такимъ образомъ русскіе быстро и легко завоевали всю Финляндію.

Тогда шведскіе олигархи вступили въ переговоры. Чтобы Россія не требовала уступки Финляндіи, они убѣдили сеймъ выбрать герцога Карла Петра Ульриха Гольштейнъ-Готторпскаго (впослѣдствіи императора Петра III) наслѣдникомъ своего короля Фридриха, бездѣтнаго и уже 66-лѣтняго старика. Герцогу Гольштинскому было тогда 14 лѣтъ; какъ внукъ старшей сестры Карла XII,

онъ былъ ближайшимъ родственникомъ супруги Фридриха; но онъ былъ также сынъ старшей дочери Петра Великаго, т. е. племянникъ бездѣтной императрицы русской, и, слѣдовательно,—ея наслѣдникъ. Когда французская партія взяла въ Швеціи перевѣсъ, ему было мало надежды получить шведскій престолъ; но теперь та же партія видѣла въ его избраніи средство спасти Швецію изъ опасности, въ которую сама ввела ее. Но Елисавета назначила Петра своимъ наслѣдникомъ въ Россіи за два дня предъ тѣмъ, какъ шведы выбрали его наслѣдникомъ своего короля, и онъ отказался отъ шведской короны. Это поставило шведовъ въ большое затрудненіе. Россія согласилась возвратить завоеванную Финляндію только съ условіемъ, чтобы наслѣдникомъ шведскаго короля былъ выбранъ принцъ изъ гольштинскаго дома. Заодно съ одною изъ партій шведскаго дворянства она предлагала выбрать епископа эйтинскаго, Адольфа Фридриха, племянника друга Карла XII герцога Гольштинскаго, Фридриха IV, убитаго подъ Клиссовомъ (стр. 17 и 20); Фридрихъ IV былъ дѣдъ Петра, а Адольфъ Фридрихъ, стало быть, дядя. Но другая партія противилась этому, желая выбрать наслѣднаго прина датскаго, чтобы всѣ три скандинавскія государства снова соединились. Партіи боролись между собою, а между тѣмъ война продолжалась на морѣ и на сухомъ пути, хотя съ марта 1743 въ Або шли переговоры о мирѣ. Наконецъ партія шляпъ очень разгорячила ненависть народа къ русскимъ, и противники ея увидѣли, что придется согласиться на выборъ наслѣднаго принца датскаго, если миръ съ Россіею не будетъ заключенъ раньше, чѣмъ наступятъ выборы. Поэтому партія шапокъ поспѣшила уладить дѣла съ Россіею. Ей удалось заключить миръ на условіяхъ, довольно сносныхъ; но онъ былъ заключенъ такъ поздно, что извѣстіе о немъ не успѣло бы прійти въ Стокгольмъ къ выборамъ, если бы гонецъ, который везъ это извѣстіе, не переѣхалъ изъ Або въ Стокгольмъ съ опасностью жизни на жалкой лодкѣ. Сеймъ долженъ былъ исполнить обѣщаніе, данное отъ его имени уполномоченными въ Або. Адольфъ Фридрихъ былъ выбранъ. Миръ былъ довольно выгоденъ для Швеціи: ей возвращалась вся Финляндія, за исключеніемъ небольшой области.

Фридрихъ умеръ въ 1751, и Адольфъ Фридрихъ сдѣлался королемъ. Его положеніе было еще хуже положенія его предшественника. Олигархи, связавшіе ему руки условіями избранія (капитуляціею), дозволяли себѣ противиться его желаніямъ даже въ самыхъ мелочахъ, оскорблять его выговорами и упреками, подвергать всяческимъ испытаніямъ его терпѣніе. Даже въ воспитаніи его сына ему дѣлали множество непріятностей. Однажды государственный совѣтъ, не спрашивая короля, велѣлъ полковому командиру гвардіи короля арестовать унтеръ-офицера, который по приказанію короля не пустилъ во внутренніе покои дворца одного изъ наглыхъ членовъ государственнаго совѣта. Подобно охлократамъ французской революціи, шведскіе олигархи даже учредили комитетъ общественой безопасности; они назвали его «депутаціею сейма для охраненія общественнаго спокойствія». Она арестовала, какъ возмутителей, всѣхъ, кто чѣмъ-нибудь выказывалъ расположеніе къ королю, а въ 1756 не хуже парижскихъ якобинцевъ свирѣпствовала по случаю мятежа, имѣвшаго цѣлью измѣнить конституцію. Шведская олигархія такъ мало церемонилась съ королемъ, что даже обнародовала свою корреспонденцію съ нимъ. Это возмутило даже смирнаго Адольфа Фридриха, и въ 1755 онъ принесъ жалобу сейму, говоря, что лучше сложить съ себя корону, данную ему Богомъ и выборомъ сейма, чѣмъ станетъ носить ея съ оскорбленіями и съ униженіемъ королевскаго достоинства.

Данія съ половины XVII вѣка имѣла правительство болѣе автократическое, чѣмъ всѣ другія европейскія державы. Мы скажемъ объ исторіи этого маленькаго королевства лишь нѣсколько словъ; главные факты ея исторіи покажутъ намъ, что если всякая форма правленія имѣетъ свои невыгоды, то зато при всякой формѣ правленія возможна заботливость о благѣ народа, если правительство хорошо.

Король Фридрихъ IV соперничалъ съ Фридрихомъ Августомъ I Саксонскимъ въ пышности, въ штатѣ любовницъ и во всякихъ излишествахъ (стр. 19); но послѣдніе годы его царствованія были счастливѣе первыхъ; онъ сдѣлался такъ бережливъ, что даже оставилъ послѣ себя нѣсколько милліоновъ въ казнѣ. Страхъ ада заставилъ этого слабаго человѣка жениться по смерти королевы на одной изъ своихъ многочисленныхъ любовницъ, графинѣ Ревентловъ. Новая жена стала

вреднѣе для страны, чѣмъ была бы новая любовница. Графиня и епископъ, который, по ея порученію, побуждалъ совѣсть короля къ женитьбѣ, дѣлали самыя гнусныя насилія, обогащая себя и своихъ приближенныхъ на счетъ бѣдныхъ датчанъ. Впослѣдствіи объ этихъ беззаконіяхъ было начато судебное дѣло. Но главные преступники, графиня и епископъ, умѣли вывернуться изъ петли, и только второстепенные агенты ихъ были наказаны со всѣмъ варварствомъ тогдашнихъ уголовныхъ законовъ.

Сынъ и преемникъ Фридриха IV, Христіанъ VI (1730—46), человѣкъ набожный, былъ одушевленъ прекраснѣйшими намѣреніями, но имѣлъ безразсудную мысль, что можно систематически развивать указами религію и нравственность, науку, искусство, торговлю и промышленность. Теперь Европѣ опять грозитъ опасность, что эта мысль возродится и получитъ господство; поэтому полезно будетъ привести нѣкоторыя изъ безчисленныхъ распоряженій Христіана, чтобы этотъ примѣръ послужилъ предостереженіемъ. Изъ нашихъ словъ будетъ видно, что даже хорошія намѣренія портятся нелѣпымъ способомъ дѣйствія и ведутъ только къ раздраженію націй. Въ особенности должно сказать это о множествѣ строгихъ распоряженій, которыми тогда хотѣли, — какъ теперь опять хотятъ, — поддержать религію и церковь. Напримѣръ, одно изъ королевскихъ повелѣній опредѣлило подвергать штрафу или выставлять къ позорному столбу всякаго, кто пропуститъ воскресенье, не побывавъ въ церкви. Другое повелѣніе подвергало тяжелымъ штрафамъ всѣхъ чиновниковъ, родителей, хозяевъ и трактирщиковъ, которые не донесутъ на человѣка, позволившаго себѣ кощунство, ругательства съ проклятіями или увѣренія съ божбою и вообще суетное употребленіе слова Божія. Третій законъ назначалъ за убійство, даже за одно покушеніе на убійство, такую казнь, какую можно встрѣтить только у безчувственныхъ варваровъ: въ теченіе девяти недѣль преступника слѣдовало публично наказывать палками, давая ему по 27 ударовъ; потомъ колесовать, начиная съ ногъ, и оставлять на колесѣ живаго, не давая ему такъ называемаго «милосердаго удара». Набожный законодатель запретилъ театръ, запретилъ въѣздъ въ королевство всѣмъ актерамъ, балаганщикамъ, фокусникамъ, канатнымъ плясунамъ и тому подобнымъ людямъ.

Мѣры для народнаго образованія составляютъ хорошую сторону правительственной дѣятельности Христіана и его преемника. Нельзя не признать и того, что дворъ подавалъ хорошій примѣръ своею жизнью и что, благодаря этому примѣру, датское высшее сословіе вело тогда жизнь менѣе соблазнительную, чѣмъ остальная европейская аристократія. По учебной части въ Даніи заботились не объ однихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ въ другихъ государствахъ, а также и о народныхъ школахъ; дѣтямъ всего народа была открыта возможность получить правильное образованіе. Успѣхи торговли и промышленности при Христіанѣ и его преемникѣ мы приписываемъ, конечно, не множеству постановленій, иногда очень странныхъ; причины успѣховъ заключались въ увеличеніи благосостоянія средняго сословія, въ мирѣ, непрерывавшемся никакими войнами, и въ другихъ подобныхъ обстоятельствахъ.

Преемникъ Христіана, Фридрихъ V (1746—1766), былъ человѣкъ набожный, но не святоша. Онъ разрѣшилъ общественныя развлеченія, возобновилъ блестящіе придворные праздники и оперу, построилъ зданія, возбуждавшія общее удивленіе, щедро поддерживалъ науку и искусство. Много пользы принесло его покровительство нѣмецкимъ ученымъ и поэтамъ. Онъ приглашалъ ихъ въ свое государство; изъ нихъ Клопштокъ особенно содѣйствовалъ распространенію славы короля-покровителя музъ. Эта прославляемая и блистательная сторона правленія Фридриха, человѣка добраго и мягкаго, была связана съ другой чертою, которая составляла общій отличительный характеръ того вѣка и повсюду проявляется снова въ наше время. Фридрихъ и его министры держались въ государственной экономіи того взгляда, будто блескъ и расточительность двора полезны для промышленности страны, а повелѣнія, монополіи, пошлины и денежныя пособія промышленникамъ суть лучшія средства создать благосостояніе и замѣнить бережливость.

Современники Фридриха прославляли его систему, и въ особенности получилъ громкую знаменитость его министръ финансовъ, Шиммельманъ. Впрочемъ нельзя не сказать, что маленькое датское королевство дѣлало большіе успѣхи

въ торговлѣ и промышленности. Но если спросить о судьбѣ массы, то надобно отвѣтить, что съ этой стороны дѣло принимаетъ другой видъ. Горожанинъ и поселянинъ должны были расплачиваться своими деньгами за блескъ двора, за процвѣтаніе науки и искусства; съ нихъ брались деньги, шедшіе на пособіе фабрикамъ; для процвѣтанія этихъ фабрикъ они должны были платить пошлины за иностранные товары, которые были лучше и безъ пошлины были бы дешевле домашнихъ; словомъ, масса народа подвергалась угнетенію, чтобы доставить процвѣтаніе искусству и промышленности, развивавшимся не изъ духа націи и не изъ прямыхъ ея потребностей, а возращаемымъ въ теплицѣ высшихъ сословій и питаемымъ роскошью двора. Надобно прибавить, что положеніе крѣпостныхъ крестьянъ нисколько не было улучшаемо, а, напротивъ, многія тысячи свободныхъ поселянъ были обращены въ крѣпостныхъ, потому что правительство хотѣло увеличивать помѣстья знати. Первый примѣръ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ показалъ графъ Бернсторфъ Старшій, дядя великаго министра Бернсторфа; онъ началъ дѣлить между крестьянами общинныя поля своихъ помѣстій, чтобы крестьяне имѣли хотя сколько-нибудь своей земли. Но настоящимъ образомъ онъ осуществилъ свои филантропическія стремленія и тѣмъ пріобрѣлъ себѣ истинную, безсмертную славу только уже въ слѣдующее царствованіе.

Для оцѣнки правленія Фридриха V обратимъ вниманіе еще на два обстоятельства. При этомъ королѣ государственный долгъ увеличился до 26 милліоновъ талеровъ. Это первое. Второе: люди, служившіе въ второстепенныхъ должностяхъ, пресмыкались въ нищетѣ; напримѣръ, многіе судьи получали жалованья только по 20 талеровъ (они впрочемъ имѣли кромѣ того доходъ отъ судебныхъ пошлинъ), а жалованье высшимъ сановникамъ доходило до 30,000 талеровъ. Въ послѣднее время правленія Фридриха обнаружились кромѣ всѣхъ прежнихъ еще тѣ дурные результаты, которые неизбѣжны въ государствахъ, гдѣ власть сосредоточивается въ небольшомъ числѣ фамилій. Въ послѣднее время Фридрихъ предоставилъ управленіе на волю министерской аристократіи; вельможи, ставшіе теперь олигархами, поступали точно такъ же, какъ Брюль въ Саксоніи, хотя нѣкоторые изъ нихъ были очень набожны, хотя они оказывали большое покровительство разнымъ ученымъ и поэтамъ, хотя сдѣлали много хорошихъ постановленій и отмѣнили много дурныхъ.

7. Германскія государства.

Мы уже сообщили важнѣйшіе факты изъ исторіи курфиршерства саксонскаго въ правленіе Фридриха Августа II или, вѣрнѣе сказать, графа Брюля (стр. 101). Остается указать еще нѣсколько фактовъ, изъ которыхъ еще яснѣе будетъ печальное положеніе саксонскаго государства и его жителей. Удивительнымъ свидѣтельствомъ трудолюбія, бережливости, искусства и образованности мейссенско-саксонской отрасли нѣмецкаго семейства служитъ то, что Саксонія могла оправиться послѣ управленія Брюля и послѣ страшныхъ поборовъ, произведенныхъ пруссаками въ семилѣтнюю войну, что въ этой странѣ сохранилась любовь къ наукѣ, и вѣрныя сердца сохранили привязанность къ своей династіи. Налоги при Брюлѣ были чрезвычайно тяжелы. Напримѣръ, тотчасъ послѣ второй силезской войны многіе дома въ Лейпцигѣ должны были платить отъ 200 до 600 талеровъ пошлины, а многіе землевладѣльцы платили больше налога съ моргена земли, чѣмъ за сколько отдавали въ аренду этотъ моргенъ. Чтобы наличныя деньги оставались для прислуги Брюля, офицерамъ выдавали жалованье не деньгами, а квитанціями на сборъ податей; размѣнивая ихъ на деньги, офицеры теряли по крайней мѣрѣ три четверти ихъ номинальной цѣны, а если не хотѣли брать ихъ, то не получали ничего. Никто не смѣлъ,—сама супруга курфирста не смѣла,—раскрыть глаза флегматическому добряку курфирсту. Одинъ полковникъ сказалъ ему, что все войско уже 25 мѣсяцевъ не получаетъ жалованья; курфирстъ разгорячился, но Брюль умѣлъ успокоить его грубымъ обманомъ, и полковникъ сталъ жертвою гнѣва Брюля. Нисколько не думая о положеніи страны, объ изнуренности ея силъ, Брюль много лѣтъ строилъ глупыя козни противъ Пруссіи, а

самъ въ то же время уменьшилъ саксонское войско до 30,000 человѣкъ: ему нужны были деньги на мотовство, и не было дѣла, что предстояла новая война съ Пруссіею.

Въ Австріи при Маріи Терезіи былъ не такой порядокъ вещей, какъ въ Саксоніи при Брюлѣ. Марія Терезія дѣйствовала очень осторожно, но все-таки ввела улучшенія, показывающія въ ней правительницу съ свѣтлымъ умомъ и хорошими намѣреніями. Она должна была щадить аристократію, будучи обязана ей благодарностью; поэтому она не могла отнять у ней привилегію занимать высшія должности; зато учредила дворянскія академіи, чтобы аристократы по крайней мѣрѣ получали образованіе. Она не могла также устранить педантство государственныхъ людей своего государства и оставила прежнее министерство, надъ членами котораго сама иногда смѣялась; но довѣреннымъ лицомъ у нея былъ только графъ Кауницъ, человѣкъ геніальный. Ея мужъ, Францъ I, былъ человѣкъ неспособный вести государственныя дѣла; поэтому она держала его вдалекѣ отъ нихъ; но онъ отлично понималъ вопросы торговли и хозяйственныя дѣла; поэтому она предоставила ему управлять финансами, не обращая вниманія, что аристократамъ и министрамъ былъ непріятенъ контроль иностранца. Францъ сдѣлалъ очень большое сбереженіе, уничтоживъ злоупотребленія по придворному хозяйству и распустивъ почти всю 40-тысячную орду камералистовъ (стр. 103); это было первымъ его дѣломъ. Потомъ онъ преобразовалъ систему взиманія налоговъ. Число чиновниковъ, занимавшихся этимъ, простиралось до 60,000 человѣкъ; Францъ распустилъ такое множество ихъ, что получилъ 12 милліоновъ ежегоднаго сбереженія.

Другія отрасли управленія также были совершенно преобразованы еще до семилѣтней войны. Правда, реформы производились въ строго монархическомъ и централизаціонномъ духѣ; но это было въ духѣ того времени и было полезно даже народу, потому что оживляло торговлю и промышленность и ограничивало власть мелкихъ господъ. Въ 1749 Марія Терезія учредила для завѣдыванія юстиціею, полиціею и государственными имуществами особенныя мѣста, чтобы отдѣлить эти части отъ собственно политическихъ дѣлъ и отъ министерствъ, насколько возможно было въ Австріи подобное отдѣленіе. Судебная часть была около того же времени совершенно преобразована. По церковнымъ дѣламъ Марія Терезія не хотѣла и не могла ни уничтожить господствующаго суевѣрія, ни дѣйствовать по принципамъ полной терпимости; но все-таки число праздниковъ было очень уменьшено, а политическая власть духовенства ограничена. Правда, австрійскіе протестанты продолжали подвергаться тяжелымъ притѣсненіямъ; но зато императрица защищала янсенистовъ отъ преслѣдованія папы, да и вообще папѣ предоставлялось въ Австріи гораздо меньше власти, чѣмъ въ Баваріи, Пфальцѣ и Кёльнѣ. По военной части Кевенгюллеръ сдѣлалъ много улучшеній еще во время войны за австрійское наслѣдство; по прекращеніи войны опредѣлено было содержать 200,000 войска, между тѣмъ какъ при Карлѣ VI никогда не бывало на лицо и половины этой цифры. Военныя учрежденія и система обученія солдатъ были совершенно преобразованы. По обученію солдатъ графъ Даунъ докончилъ начатое Кевенгюллеромъ и написалъ новый военный уставъ, составленный по образцу прусскаго.

Отношенія Маріи Терезіи къ ея министерству были очень странны до той поры, пока графъ Кауницъ не сталъ управлять дѣлами. Подобно Лудовику XV (стр. 122), она вела переговоры, о которыхъ ничего не знали ея министры. Но въ выборѣ своего довѣреннаго совѣтника она была умнѣе и счастливѣе Лудовика. Этотъ совѣтникъ, графъ Кауницъ, былъ очень искусный дипломатъ и правитель, такъ что самъ Фридрихъ II отдавалъ ему справедливость. Тотчасъ послѣ ахенскаго мира Марія Терезія составила съ нимъ планъ совершенно новой политики и исполняла этотъ планъ, не посвящая въ его тайну вельможъ-педантовъ своего министерства, не умѣвшихъ отступать отъ старины. Планъ состоялъ въ томъ, чтобы вступить въ тѣсную дружбу съ Франціею. Для этого императрица и Кауницъ вступили въ прямыя сношенія съ Помпадуръ, льстить мелочности Лудовика XV и суетности его вельможъ. Напримѣръ, когда ѣхалъ въ Вѣну новый французскій посланникъ, маркизъ д'Отфоръ, и когда надменные и ограниченные министры императрицы съ мелочною щепетильностью опредѣляли для

него этикетъ, Кауницъ и Марія Терезія пожертвовали маловажнымъ, чтобы выиграть существенное. Императрица тайно сообщила французскому кабинету, что церемоніалъ, составленный ея министрами, будетъ измѣненъ совершенно по его желанію, а Кауницъ, назначенный австрійскимъ посланникомъ въ Парижѣ, успѣлъ очаровать маркиза д'Отфора еще до пріѣзда его въ Вѣну: онъ внушилъ императрицѣ просить письмомъ къ французскому королю высшаго французскаго ордена для д'Отфора; предлогъ былъ придуманъ такой: посланникъ императрицы, Кауницъ, былъ выше д'Отфора саномъ, и потому Марія Терезія объясняла, что надобно, собственно для нея, возвысить д'Отфора хотя орденомъ; получивъ его черезъ нее, тщеславный французъ совершенно предался ей.

Баварія ужасала зрѣлищемъ того состоянія, въ какое приводитъ государства средневѣковый духъ. Безчисленные монахи и священники и многочисленные праздники развивали богомольническое и поклонническое праздношатайство. Многочисленные монастыри съ своею неразумно раздаваемою милостынею постоянно кормили цѣлыя толпы нищихъ. Девятьсотъ человѣкъ іезуитовъ, разошедшихся по всей Баваріи, держали въ своихъ рукахъ школы, дворъ и народъ, вводили въ народные обычаи ханжество съ его безобразіями и успѣли сдѣлать то, что въ Баваріи, какъ въ Вестфаліи, разумъ до сихъ поръ остается безсиленъ противъ преданія и нравовъ. Число преступленій, совершавшихся въ Баваріи, было изумительно велико; отсутствіе безопасности было невѣроятно. Почти всѣ преступники ускользали отъ наказанія, а тѣ, которые были осуждаемы на казнь, вѣрили, что разрѣшеніе, даваемое имъ въ послѣднюю минуту, обезпечиваетъ ихъ душевное спасеніе вѣрнѣе, чѣмъ оно обезпечено для другихъ людей. Школы находились въ самомъ плачевномъ состояніи; въ ингольштадтскомъ университетѣ, бывшемъ совершенно въ рукахъ іезуитовъ, господствовали грубѣйшее невѣжество и безнравственнѣйшій кутежъ, такъ что почти всѣ отцы предпочитали посылать своихъ сыновей въ университеты другихъ государствъ: это говоритъ одинъ изъ тогдашнихъ баварскихъ ученыхъ. Однако и при такомъ глубокомъ упадкѣ страны, и въ Баваріи проявлялись слѣды того стремленія къ новому лучшему порядку вещей, которое проникало тогда всю Европу. Но духовенство и феодальное дворянство были слишкомъ сильны; они ненавидѣли свѣтъ новаго времени и въ союзѣ съ окаменѣлыми юристами и государственными людьми успѣли закрыть Баварію отъ его лучей.

Преемникъ Карла Альберта, Максиміліанъ Іосифъ (1745—1777), имѣлъ счастіе на 13 году избавиться отъ двухъ іезуитовъ, управлявшихъ его воспитаніемъ, но попалъ на воспитаніе къ одностороннему педанту, систематизатору, профессору юриспруденціи фонъ Икштету, который развилъ въ добромъ и благонамѣренномъ принцѣ ту ошибочную наклонность, что онъ, сдѣлавшись правителемъ, хотѣлъ всѣ улучшенія совершать по теоріямъ и одними повелѣніями. Напримѣръ, Максиміліанъ Іосифъ хотѣлъ уменьшить число преступленій и исправить дурное устройство судилищъ; какъ же онъ взялся за это? Сочинили новый уголовный кодексъ; главнымъ редакторомъ его былъ заслуженный юристъ Крейтмайеръ, сдѣлавшій нѣкоторыя улучшенія въ администраціи; но все-таки кодексъ былъ написанъ кровью, увеличилъ число и грубость преступленій введеніемъ пытки и многочисленностью казней. Старались улучшить судилища, но не тѣмъ, чтобы поставить границы многостроченію судей, назначить хорошихъ судей, поставить плохихъ подъ контроль общественнаго мнѣнія; нѣтъ, этого не сдѣлали, а учредили при дворѣ особенный «Ревизіонный Судъ» надъ всѣми судилищами страны; иначе сказать, отдали всю юстицію на кабинетный произволъ. Попытка улучшить ингольштадтскій университетъ тоже не удалась, хотя въ немъ отмѣнили многое дурное. Чтобы показать, какъ вели это дѣло, достаточно упомянуть, съ чего начали реформу университета. Не сдѣлавъ еще въ немъ никакихъ улучшеній, издали постановленіе, что каждый желающій поступить на службу, долженъ учиться въ ингольштадтскомъ университетѣ.

Добродушный курфирстъ и педанты его кабинета вмѣшивались во все и все старались исправить повелѣніями. Издавались рескрипты для развитія промышленности и фабрикъ; назначались для той же цѣли коммисіи; давались изъ казны пособія фабрикантамъ; принимались мѣры къ улучшенію быта крестьянъ и т. д. Но во всемъ этомъ забывали только объ одномъ, въ чемъ состояла сущ-

ность дѣла; вмѣсто того, чтобы заботиться о развитіи вещей, соотвѣтствовавшихъ природѣ страны, характеру и положенію ея жителей, хотѣли силою развить чужое, ни къ чему ненужное. Напримѣръ, то самое правительство, которое всяческими мѣрами хотѣло улучшить бытъ поселянъ, оставляло неприкосновенными законы объ охотѣ, отъ которыхъ плодились дикія животныя, губившія земледѣліе, которое развивали правители, сидя въ кабинетѣ. Потрачены были огромныя суммы, и стѣснена внутренняя торговля, чтобы создать или поднять фабрики, которыя въ Баваріи вовсе не могли существовать или не могли быть развиты такимъ методомъ. Въ странѣ, гдѣ не было хорошихъ тележныхъ мастеровъ, слесарей, сѣдельщиковъ, непремѣнно хотѣли создать фабрикацію изящныхъ экипажей, а въ мѣстностяхъ, гдѣ не было ни одного дерева и почти не могутъ расти никакія деревья, хотѣли развить шелководство, поощряя его страхомъ наказаній.

Похвально было, что заплатили нѣсколько долговъ и что Максимиліанъ Іосифъ не подражалъ безумной расточительности почти всѣхъ тогдашнихъ государей. Но народъ все-таки былъ обремененъ налогами, потому что для безконечнаго декретированія всяческихъ мѣръ нужно было много чиновниковъ, а при добродушіи и слабости государя не было недостатка въ льстивыхъ придворныхъ и въ навязчивыхъ праздношатающихся, умѣвшихъ добиваться пенсій. Надобно прибавить, что іезуиты оставались всемогущи. При дворѣ было шестеро іезуитовъ въ званіи духовниковъ, воспитателей и проповѣдниковъ. Изъ нихъ Штадлеръ навлекъ на себя такую ненависть супруги курфирста, что былъ принужденъ удалиться изъ Мюнхена въ Ингольштадтъ; но другой іезуитъ, Геппертъ, сдѣлался вмѣсто него духовникомъ; а третій іезуитъ, Игнатій Франкъ, укоренился при дворѣ такъ твердо, что удержался даже по уничтоженіи ордена и даже въ концѣ XVIII вѣка все еще держалъ подъ своею властью тогдашняго курфирста, Карла Теодора. Потому неудивительно, что, когда поднялись безпокойства между угнетенными протестантами Верхней Австріи, Максимиліанъ Іосифъ учредилъ на баварской границѣ родъ карантина противъ идей и поступалъ съ протестантскими книгами, какъ съ котрабандой.

Въ Виртембергѣ по смерти Карла Александра (стр. 54) наступили, повидимому, лучшія времена. Но это казалось недолго: скоро стали поступать съ Виртембергомъ по прежнему, хотя онъ имѣлъ конституцію. Наслѣдникомъ Карла Александра остался 9-лѣтній сынъ, Карлъ Евгеній; во время его малолѣтства (1737—1744) тайный совѣтъ управлялъ Виртембергомъ лучше, нежели можно было ожидать отъ этой закоснѣлой корпораціи и отъ аристократическаго комитета, назначеннаго сеймомъ; вообще тайный совѣтъ и аристократы думали только о себѣ, но теперь думали и о странѣ. Знаменитый математикъ и философъ Бильфингеръ и его товарищъ Цехъ хорошо управляли государствомъ, а Августъ фонъ-Гарденбергъ честно и бережливо завѣдывалъ финансами. Но нельзя сказать много хорошаго о сеймѣ, который тогда пригласилъ къ себѣ въ должность консультанта набожнаго Іоганна Якоба Мозера. По свидѣтельству самого Мозера (въ его Автобіографіи), сеймъ думалъ лишь о сохраненіи старыхъ дурныхъ порядковъ и о томъ, чтобы пристроивать своихъ родныхъ на счетъ государства. Въ Виртембергѣ государь и правительство были ограничены конституціею; но при такомъ характерѣ сейма, конечно не могли существовать ни свобода устнаго или печатнаго слова, ни участіе народа въ управленіи. Дѣйствія правительства и сейма были облечены глубокою тайною. Въ газетахъ вычеркивали всѣ любопытные факты, всѣ замѣчанія; газеты не могли говорить ни о чемъ, кромѣ праздниковъ и путешествій вельможъ или варварскихъ наказаній, какимъ судилища подвергали несчастныхъ преступниковъ. Кабинетнымъ повелѣніемъ администратора, предсѣдательствовавшаго въ совѣтѣ регентства, подданымъ запрещалось всякое порицаніе герцогской фамиліи въ частныхъ разговорахъ, предписывалось «всѣмъ подданнымъ усердно просить въ своихъ молитвахъ о благоуспѣяніи высочайшей фамиліи». Какова была юстиція въ Германіи, показываютъ намъ процесы, веденные по смерти Карла Александра надъ евреемъ Зюссомъ и другими людьми, пользовавшимися довѣріемъ покойнаго герцога. Кто имѣлъ друзей и связи, тотъ уцѣлѣлъ; но Зюсса съ низкою

мстительностью выставляли въ желѣзной клѣткѣ на посмѣяніе народу, а потомъ предали мучительной казни.

Воспитаніемъ молодаго герцога управляла его мать, урожденная принцесса Туръ-и-Таксисъ. Къ несчастію, это была женщина такой учености, что однажды была оппонентомъ на публичномъ диспутѣ въ Тюбингенѣ и, какъ говорится въ современномъ отчетѣ, удивила всѣхъ многочисленныхъ слушателей и была почтена чудомъ своего вѣка. Эта ученая женщина написала для наставниковъ принца инструкцію, изъ которой можно видѣть, каково было тогдашнее воспитаніе нѣмецкихъ государей. Принца слѣдовало воспитывать на французскомъ языкѣ, по французскимъ обычаямъ; о латинскомъ языкѣ говорится, что принцу нужно знать нѣкоторыя латинскія выраженія, но не нужно учить его латинской грамматикѣ; довольно того, если можетъ понимать и объяснять легкую книгу, наприм. новый завѣтъ, и т. д. Но по совѣту Бильфингера, принцъ былъ отправленъ въ Берлинъ, когда ему было 14 лѣтъ, и пробылъ тамъ три года. Умъ у него былъ; поэтому онъ могъ бы многому научиться у Фридриха Великаго, который между прочимъ далъ ему превосходное письменное наставленіе, когда отпускалъ его изъ Берлина. Но принявъ власть въ 1744, герцогъ тотчасъ захотѣлъ играть роль; окружающіе продавали его французамъ; онъ началъ свое правленіе отставкою Гарденберга и волокитствомъ и вскорѣ сталъ мотомъ и тираномъ.

Въ Пфальцѣ при курфирстѣ Карлѣ Филиппѣ (1716—1742) совершалось почти то же самое, что во всѣхъ маленькихъ нѣмецкихъ государствахъ: блестящіе придворные праздники, великолѣпныя постройки, очень убыточныя охоты и крайнее обнищаніе поселянъ. Особенностью Пфальца было то, что онъ сильно пострадалъ отъ французскихъ войскъ въ имперскую войну 1734—1735 (стр. 47), между тѣмъ какъ курфирстъ ко вреду имперіи оставался нейтральнымъ, даже угощалъ французскихъ офицеровъ какъ владѣтельныхъ особъ. Когда съ Карломъ Филиппомъ прекратилась Нейбургская линія, и курфирстомъ сталъ Карлъ Теодоръ изъ Зульцбахскаго дома, положеніе страны не улучшилось, хотя онъ сначала выказывалъ бережливость, которой въ Пфальцѣ давно уже не видали. Но этотъ недолговременный видъ лучшаго управленія былъ только маскою бывшаго воспитателя и тогдашняго перваго министра курфирста, маркиза д'Иллера. Доказательствомъ тому служитъ наставленіе, которое д'Иллеръ написалъ для своего бывшаго воспитанника: оно пропитано іезуитскимъ духомъ. Если маркизъ въ чемъ забылъ вразумить курфирста, то скоро дополнили своими объясненіями любовницы и іезуиты съ своими кліентами и креатурами. Небольшія извлеченія изъ наставленія д'Иллера могутъ отлично познакомить насъ съ духомъ и характеромъ тогдашнихъ правительствъ.

Кромѣ курфиршества пфальцскаго Карлъ Теодоръ наслѣдовалъ Нейбургъ и герцогства Юлихъ и Бергъ; въ числѣ его подданныхъ было много протестантовъ. Наставленіе совѣтуетъ курфирсту уменьшать число и вліяніе еретиковъ, но дѣлать это потихоньку и съ величайшею осторожностью, пока обстоятельства позволятъ идти быстрѣе, и тогда, уже не щадя ничего, дѣйствовать на благо католической религіи. Напримѣръ, надобно по возможности давать должности только католикамъ; даже сельскими учителями дѣлать только ихъ; надобно давать награды обращающимся въ католичество, старательно поддерживать раздоры между лютеранами и реформатами и т. д. По судебной части необходима, по словамъ наставленія, кабинетная юстиція, но, — прибавляетъ оно въ истинно-іезуитскомъ духѣ,—надобно быть очень осторожнымъ при вмѣшательствахъ въ судебныя дѣла, потому что иначе можно впутаться въ большія непріятности съ имперскими судилищами. Чтобы имѣть хорошую полицію, надобно увеличить жалованье мелкимъ областнымъ чиновникамъ, которое очень мало; но увеличить его надобно не изъ государственной казны, а изъ общихъ мѣстныхъ средствъ, т. е. изъ кошелька поселянъ. Наставленіе маркиза д'Иллера знакомитъ насъ и съ тѣмъ, какъ говорили тогдашніе министры съ сеймами. Въ Пфальцѣ, говоритъ наставленіе, по счастію уже двѣсти лѣтъ не созывается сеймъ; поэтому курфирстъ можетъ установлять какіе хочетъ налоги. Въ Нейбургѣ существуетъ сеймовый комитетъ; но до сихъ поръ онъ держалъ себя такъ, что правительство можетъ быть довольно имъ. Въ Юлихѣ и Бергѣ, напротивъ, сеймъ хочетъ принимать участіе въ управленіи и дѣлаетъ своимъ государямъ много непріятностей. Поэтому съ этимъ сеймомъ на-

добно вести переговоры черезъ искусныхъ и хитрыхъ юристовъ юстиніановой школы, выбирая ихъ съ величайшею заботливостью, энергически поддерживать ихъ противъ сейма, награждать ихъ особенными милостями. Изъ того, что наставленіе говоритъ о государственныхъ доходахъ, видимъ, что тогда платили очень мало налога именно тѣ земли, которыя нынѣ должны платить очень большія суммы. Какъ во Франціи до революціи, это происходило отъ того, что все поземельное богатство было въ рукахъ дворянства и духовенства, которыя не платили налоговъ, такъ что тяжесть податей лежала на однихъ горожанахъ и поселянахъ. По счастію, привиллегированныя сословія упорно отказывались давать что-нибудь правительству даже въ то время, когда обстоятельства уже перемѣнились; этимъ они дали государямъ благовидный предлогъ употребить противъ нихъ военную силу, какъ давно уже было сдѣлано въ Пруссіи. Такой образъ дѣйствія рекомендуется и въ наставленіи д'Иллера.

Во внѣшней политикѣ наставленіе рекомендуетъ ту же бездушную эгоистическую хитрость. Разсчетъ личной выгоды выставляется и тутъ единственнымъ основаніемъ дѣйствій; о патріотизмѣ и національномъ чувствѣ нѣтъ и рѣчи. Надобно держать сторону Франціи, а на имперскіе законы не обращать вниманія; время и обстоятельства всегда покажутъ возможность обходить ихъ. И дѣйствительно, въ 1750 мы видимъ курфирста пфальцскаго на жалованьи у Франціи, подобно курфирстамъ саксонскому, кёльнскому, баварскому и другимъ нѣмецкимъ государямъ; не считая того, что ему платила Франція въ другіе годы, въ 1750—1754 онъ получилъ отъ нея четыре милліона ливровъ. Продавая себя врагу имперіи, онъ отворялъ свои двери всякому французскому дворянину или авантюристу, а своихъ собственныхъ подданныхъ глубоко презиралъ. Напримѣръ, французъ, учившій французскому языку, имѣлъ доступъ ко двору и обращался съ господами вельможами, какъ съ своими равными, а нѣмецъ лейбъ-медикъ состоялъ въ одномъ рангѣ съ придворнымъ кучеромъ.

Пропуская другія мелкія государства, переходимъ къ саксонскимъ герцогствамъ, потому что въ нихъ всего виднѣе еще одна сторона жизни нѣмецкихъ дворовъ, которой мы не касались. Мы говоримъ о скандальныхъ спорахъ о рангѣ и этикетѣ; споры эти, да безконечные процессы между государствами занимали юристовъ; они приносили хотя ту выгоду, что безчисленные юридическіе документы о нихъ печатались, и несчастный нѣмецъ могъ иногда понимать изъ этихъ записокъ, и дедукцій то, чего не могли говорить ему перечеркиваемыя цензурою газеты, могъ видѣть, что иго, тяготѣвшее надъ нимъ, противно даже варварскимъ государственнымъ законамъ среднихъ вѣковъ.

Вотъ, напримѣръ, одно дѣло, въ которомъ видны тогдашній этикетъ и аристократическая гордость. Герцогъ Антонъ Ульрихъ Саксенъ-Мейнингенскій имѣлъ первою супругою женщину не аристократическаго рода, которую императоръ Карлъ VI возвелъ въ санъ княгини нѣмецкой имперіи. Аристократы подняли изъ-за этого большой шумъ; они кричали тѣмъ сильнѣе, что незадолго передъ тѣмъ была также возведена въ санъ княгини нѣмецкой имперіи дочь аптекаря, супруга герцога Ангальтъ-Дессаускаго, знаменитаго прусскаго полководца, и дѣти ея были объявлены имѣющими право престолонаслѣдія. Саксонскіе имперскіе князья обратились къ имперскимъ судилищамъ и наводнили Германію юридическими консультаціями и учеными дедукціями. Всѣ жаловались на злоупотребленіе императорской власти. Только за подавленныя права народа и за угнетенный народъ рѣдко кто возвышалъ голосъ. Дѣло нѣсколько разъ возобновлялось въ имперскомъ придворномъ совѣтѣ и въ имперскомъ сеймѣ; наконецъ рѣшено было лишить дѣтей герцогини Мейнингенской права престолонаслѣдія.

При дворѣ того же герцога Саксенъ-Мейнингенскаго произошелъ скандальный споръ о рангѣ, также взволновавшій всю знатную Германію и породившій наконецъ формальную войну между Мейнингеномъ и Готою. Графиня Зольмсъ-Лихтенштейнъ вышла за слугу; герцогъ далъ этому слугѣ, фамилія котораго была Феффенратъ, чинъ придворнаго правительственнаго совѣтника, а за женою его призналъ первое мѣсто между всѣми придворными дамами. Изъ за этого произошли такія скандальныя сцены между г-жею Фаффенратъ и г-жею фонъ Глейхенъ, женою ландъ-егермейстера, что герцогъ запретилъ г-жѣ фонъ Глейхенъ являться ко двору. Одинъ рыцарь Тевтонскаго ордена вступился за г-жу фонъ Глейхенъ и

пустилъ въ публику пасквиль на ея противницу. Юристы разгнѣваннаго герцога присудили сжечь пасквиль рукою палача, велѣли арестовать г-жу фонъ Глейхенъ и ея мужа и приговорили ихъ просить извиненія у г-жи Фаффенратъ. Они не хотѣли просить извиненія, а между тѣмъ явились новые пасквили; тогда затѣяли уже уголовное дѣло. Тутъ вмѣшался въ эту исторію имперскій палатный судъ и грозно потребовалъ освобожденія арестованныхъ. Герцогъ Мейнингенскій отказался повиноваться. Герцогъ Саксенъ-Готскій, содержавшій много солдатъ для отдачи въ наемъ болѣе крупнымъ государямъ, получилъ порученіе принудить герцога Мейнингенскаго къ повиновенію (предпринять противъ него экзекуцію). Готскія войска обезоружили мейнингенскую милицію, заняли три мейнингенскіе округа и принудили герцога бѣжать. Потомъ цѣлый годъ шла переписка; наконецъ герцогъ Мейнингенскій покорился и заплатилъ издержки экзекуціи изъ камеральныхъ доходовъ двухъ округовъ.

Около того же времени поднялся очень скандальный споръ между Готою, Кобургомъ, Мейнингеномъ и Гильдбурггаузеномъ; они спорили за опеку надъ герцогствомъ Веймарскимъ. Герцогъ Эрнстъ Августъ Саксенъ-Веймарскій назначилъ въ своемъ завѣщаніи герцога Саксенъ-Готскаго опекуномъ своего малолѣтняго сына; но по смерти герцога Веймарскаго (въ 1748) на опеку предъявилъ права герцогъ Мейнингенскій. Изъ-за этого начались споры въ имперскомъ придворномъ совѣтѣ и въ имперскомъ сеймѣ. Они породили множество перебранокъ и юридическихъ записокъ, изданныхъ въ публику; постепенно вовлеклись въ эту вражду всѣ тюрингенскіе герцоги. Наконецъ дѣло было улажено. Но герцогъ Мейнингенскій возобновилъ скандалъ, велѣвъ нотаріусу и свидѣтелямъ публично протестовать противъ присяги, которую лично отбиралъ у веймарцевъ герцогъ Саксенъ-Готскій.

Въ другихъ нѣмецкихъ земляхъ шли споры и ссоры изъ-за церковныхъ дѣлъ. Католики и протестанты выказывали одинаковую нетерпимость. Напримѣръ городъ Кельнъ ссорился съ своимъ архіепископомъ; франкфуртскіе лютеране враждовали противъ своихъ согражданъ реформатовъ, не дозволяя имъ строить въ городѣ церковь и т. д. Только Ганноверъ и Пруссія энергически стояли за протестантовъ; съ той поры, какъ курфирсты саксонскіе перешли въ католичество, курфиршество саксонское лишилось первенства между протестантскими членами имперскаго сейма (Corpus Evangelicorum). Вліяніе Ганновера и Пруссіи помогало иногда угнетеннымъ протестантамъ. Напримѣръ, князья Гогенлоэ тиранствовали надъ своими протестантскими подданными; императоръ и католическіе члены сейма держали сторону князей; но Ганноверъ и Пруссія вытребовали, чтобы сеймъ послалъ противъ нихъ экзекуціонное войско, и своими угрозами заставили князей покориться произнесенному противъ нихъ рѣшенію имперскаго придворнаго совѣта. Другой случай былъ черезъ пять лѣтъ, когда наслѣдный принцъ Гессенъ-Кассельскій, Фридрихъ II, уже давно тайно перешедшій въ католичество, публично объявилъ свое обращеніе. Отецъ его, Вильгельмъ VIII, заранѣе принялъ всевозможныя предосторожности, чтобы католическая церковь не могла извлечь выгоды изъ этого обращенія. По соглашенію съ протестантскими членами имперіи и съ гессенъ-кассельскимъ сеймомъ, Вильгельмъ VIII постановилъ, что сынъ его, когда сдѣлается ландграфомъ, не будетъ имѣть права давать католикамъ должностей и разрѣшать имъ публично отправлять свое богослуженіе; онъ отнялъ у него надзоръ за воспитаніемъ его сыновей, назначилъ старшему изъ нихъ въ независимое владѣніе княжество Ганауское, заставилъ его дать сейму торжественное письменное обѣщаніе, что будетъ исполнять все предписанное отцомъ, и т. д. Пруссія и Ганноверъ, евангелическіе члены имперіи, Данія и морскія державы гарантировали всѣ эти распоряженія. Но папа обнародовалъ очень неосторожное бреве, которое пробудило опасенія протестантовъ. Папа приглашалъ нѣмецкихъ архіепископовъ доставить принцу гессенскому всѣ средства, чтобы онъ могъ употребить свое благочестіе на распространеніе своей новой вѣры; самъ папа обѣщалъ всячески содѣйствовать этому. Это бреве лишило католическую церковь всѣхъ выгодъ, которыхъ она ждала отъ обращенія наслѣднаго принца.

VII ЭПОХА СЕМИЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ.

1. Фридрихъ Великій.

Въ 1756, когда возобновилась война за Силезію, государство Фридриха II имѣло не больше шести—семи милліоновъ населенія. Съ этимъ небольшимъ государствомъ Фридрихъ былъ единственнымъ защитникомъ протестанства, единственнымъ бойцомъ за права и требованія всѣхъ людей съ свободными сердцами противъ всей старой Европы и всѣхъ завѣщанныхъ средними вѣками дурныхъ порядковъ. Въ новой исторіи нѣтъ зрѣлища величественнѣе борьбы, которую онъ началъ при такомъ неравенствѣ силъ.

Если бы Фридрихъ не имѣлъ другихъ правъ считаться единственнымъ великимъ государемъ XVIII вѣка, онъ заслужилъ бы это имя уже однимъ тѣмъ, что шелъ впереди своего времени, употреблялъ свою военную силу на борьбу съ предразсудками старины и дѣлалъ это, когда общественное мнѣніе еще не было ему опорою. Основатель новой великой европейской протестантской державы, онъ боролся противъ ненависти дворовъ, духовенства и феодальной аристократіи, опираясь на превосходство своего ума и воли, на свою военную опытность, на преданность народа, о благѣ и славѣ котораго неутомимо заботился. Самое важное время его правленія—годы отъ дрезденскаго мира до семилѣтней войны. Что бы мы ни думали о его военной деспотической системѣ, на которой основывалось его управленіе, о многочисленности его войска, обременительной для маленькой Пруссіи, все-таки признаемъ, что Фридрихъ быстро развивалъ свое государство, между тѣмъ какъ остальные государи страшно разстраивали свои державы. Это мы увидимъ, взглянувъ на нѣкоторыя стороны его дѣятельности по внутреннему управленію.

Правда, для его маленькаго государства была обременительна многочисленная армія, которую ему приходилось содержать. Это бремя не облегчилось и послѣ семилѣтней войны, когда онъ смягчилъ суровыя постановленія Фридриха Вильгельма I по набору и по другимъ частямъ военнаго дѣла. Но многочисленное войско составляло необходимое условіе всей дѣятельности Фридриха, всего, что онъ сдѣлалъ для цивилизаціи, терпимости, правосудія и равенства передъ закономъ. Да и военные подвиги Фридриха благотворно дѣйствовали на нѣмцевъ: они нѣсколько пробудили наконецъ національное самосознаніе изъ долгаго сна. Надобно также сказать, что военное дѣло было единственнымъ поприщемъ, на которомъ Фридрихъ могъ дѣйствовать совершенно одинъ, съ полной самостоятельностью. По дѣламъ законодательства и юстиціи онъ нуждался въ содѣйствіи другихъ, потому что могъ только высказывать въ общихъ выраженіяхъ, что надобно сдѣлать по его мнѣнію; тутъ лично ему принадлежитъ та заслуга, что онъ понялъ необходимость единства въ законодательствѣ и въ правосудіи, строгаго контроля надъ судьями, изгнанія ученыхъ хитросплетеній и устарѣлыхъ опредѣленій и въ особенности сокращенія продолжительности процессовъ; но осуществлялъ улучшенія по юридической части не онъ, а канцлеръ Кокцеи, которому Фридрихъ безусловно предоставилъ эти дѣла. Здѣсь не мѣсто дѣлать оцѣнку тогдашнихъ прусскихъ юридическихъ и законодательныхъ реформъ. Но на-

добно сказать, что Фридрихъ и Кокцеи также не избѣжали ошибки, общей всѣмъ попыткамъ реформъ XVIII вѣка. Во первыхъ, они слишкомъ торопились; вовторыхъ, отмѣняя старое дурное, щедрою рукою сѣяли сѣмена новыхъ золъ. Притомъ Фридрихъ не имѣлъ понятія о томъ, что у гражданина есть право, которое выше всякаго произвола и насилія, выше произвола самого государя; онъ военнымъ порядкомъ вмѣшивался въ юстицію. Однако Пруссія была счастлива хотя тѣмъ, что опасное оружіе самовластія находилось не въ рукахъ министровъ, придворныхъ и любовницъ, какъ въ другихъ государствахъ, что король представлялъ себѣ одному право утверждать или уничтожать судебные приговоры и дѣлать произвольные аресты.

Своею религіозною терпимостью Фридрихъ пристыжалъ и католиковъ, и протестантовъ своего вѣка. Конечно, онъ тутъ руководился религіознымъ индифферентизмомъ; но все-таки за нимъ остается слава, что онъ первый изъ всѣхъ государей новаго времени держался полной терпимости. Приведемъ два факта: онъ сохранилъ всѣ католическіе монастыри и другія учрежденія въ Силезіи и выстроилъ католическую церковь въ Берлинѣ. Онъ далъ въ Силезіи прибѣжище и защиту іезуитамъ, когда ихъ преслѣдовали католическія правительства. Но въ послѣднемъ случаѣ у него былъ особенный разсчетъ. Если бы онъ изгналъ іезуитовъ, ему пришлось бы содержать на казенныя деньги католическія школы, которыя іезуиты содержали на собственныя средства. Какой вѣры были его подданные, ему было все равно, лишь бы они повиновались и исправно платили налоги. Впрочемъ вліяніе Рима было не опасно Фридриху, потому что ни Мюнстеръ, ни Познань, ни трирскія и кельнскія земли еще не принадлежали тогда къ прусскому королевству.

Система покровительства Фридриха торговлѣ, промышленности и земледѣлію была, разумѣется, нелѣпа, какъ вообще нелѣпа вся юридическая и полицейская система. Онъ раздѣлялъ заблужденіе своихъ современниковъ, будто жизнью народа, направленіемъ его дѣятельности, характеромъ его промышленности можно управлять точно также, какъ устройствомъ и движеніями войска. Но хотя въ этихъ отношеніяхъ онъ поступалъ вообще несообразно, зато въ частныхъ случаяхъ онъ часто дѣлалъ пользу своему народу, благодаря своимъ личнымъ качествамъ, которыхъ не было у другихъ тогдашнихъ государей. Мы говоримъ о томъ, что онъ быстро исправлялъ обнаруживавшіеся недостатки, ненавидѣлъ нѣмецкую пустую формалистику, питалъ отвращеніе къ интригамъ, наконецъ былъ бережливъ до скупости. Какую пользу приносили прусскому народу эти качества Фридриха—лучше всего доказываетъ судьба новопріобрѣтенныхъ имъ провинцій, Силезіи и Восточной Фрисландіи, гдѣ онъ создалъ жизнь, дѣятельность и порядокъ; поэтому жители ихъ были преданы ему не меньше, чѣмъ жители старыхъ провинцій. Очень полезны были также заботы Фридриха о развитіи прусской торговли, устройство каналовъ, очищеніе судоходнаго фарватера на Одерѣ, осушеніе затопленной этою рѣкою мѣстности, забота объ улучшеніи овцеводства и многое другое. Правда и то, что рядомъ съ этою пользою его система государственнаго хозяйства надѣлала и много вреда. Многое другое не принесло ни пользы, ни вреда; таковы были его мѣры для введенія шелководства; устройство королевскихъ фабрикъ, которыя стоили большихъ денегъ и вредили частной промышленности; основаніе компаніи азіятской торговли:—тутъ, кромѣ другихъ несообразностей, была еще та, что дѣлами компаніи управляла королевская коммисія, засѣдавшая въ Берлинѣ; сюда же относятся убыточныя попытки колонизаціи безплодныхъ и болотистыхъ мѣстностей, причемъ для колонизаціи набирали всякій сбродъ, и многое другое. Въ этихъ вещахъ заслуживаетъ удивленія только обширность его ума, который, занимаясь важнѣйшими дѣлами, могъ заботиться въ то же время и о безчисленномъ множествѣ мелкихъ дѣлъ.

---

2. Происхожденіе семилѣтней войны.

Фридрихъ умѣлъ поддержать достоинство своего маленькаго государства въ сношеніяхъ съ большими державами, хотя не имѣлъ блистательныхъ посольствъ при чужихъ дворахъ и не тратилъ большихъ денегъ на дипломатическія дѣла. Онъ глубоко оскорбилъ русскую императрицу Елисавету своими отзывами о томъ, какъ она взошла на престолъ; однако онъ умѣлъ выхлопотать, чтобы ея племянникъ и наслѣдникъ, Петръ III, женился на рекомендованной имъ принцессѣ (въ 1745). Эта принцесса была дочь князя Ангальтъ-Цербстскаго, который служилъ въ прусской службѣ; при переходѣ въ греческое исповѣданіе она получила имя Екатерины. Мужъ ея, съ дѣтства бывшій поклонникомъ Фридриха, до самой смерти дѣлалъ все по прусскому образцу и дѣйствовалъ въ пользу Пруссіи, доводя это пристрастіе до чрезвычайной односторонности. Фридрихъ старался помогать ему благоразумными совѣтами. Но Петръ по ограниченности ума не могъ слѣдовать внушеніямъ великаго человѣка. Онъ не могъ полюбить огромную имперію, которой ему предстояло управлять, и чувствовалъ, думалъ и дѣйствовалъ только какъ герцогъ Гольштинскій, даже когда сдѣлался императоромъ.

Напротивъ, главный министръ Елисаветы, Бестужевъ, былъ рѣшительнымъ врагомъ короля прусскаго, какъ былъ врагомъ и великаго князя Петра. Онъ бралъ большія суммы отъ англичанъ и австрійцевъ, но его политика была основана не на одномъ подкупѣ: Фридрихъ II не только самъ былъ недоступенъ никакому иностранному вліянію, но и не допускалъ Данію и Швецію подчиниться вліянію России. Поэтому Бестужевъ еще во время войны за австрійское наслѣдство заключилъ съ Австріею и Саксоніею договоръ, направленный противъ Пруссіи (стр. 114). Съ той поры отношенія между Россіею и Пруссіею были очень натянуты. Въ маѣ 1753 Россія окончательно приняла рѣшеніе не допускать дальнѣйшаго расширенія прусской монархіи. Въ слѣдующемъ году Бестужевъ даже приготовилъ войска, чтобы въ случаѣ надобности вмѣстѣ съ австрійцами напасть на Пруссію. Но между тѣмъ какъ первый министръ Россіи дѣйствовалъ противъ короля прусскаго, наслѣдникъ русскаго престола оставался слѣпымъ поклонникомъ Фридриха и сообщалъ ему все, что узнавалъ о тайныхъ замыслахъ противъ него, такъ что Безстужевъ былъ принужденъ окружить Петра шпіонами.

Русское правительство имѣло самыя враждебныя намѣренія противъ Фридриха и уже цѣлые годы вело съ Австріею и Саксоніею переговоры, клонившіеся на пагубу Пруссіи; но изъ этого еще не вышло бы войны; не выходило еще войны даже изъ тѣснаго союза, заключеннаго Кауницемъ между Австріею и Франціею противъ Пруссіи: войнѣ мѣшали медленность, господствовавшая въ австрійской политикѣ, отвращеніе, какое внушалъ французамъ этотъ неестественный союзъ, жалкое состояніе саксонскаго правительства и странное положеніе дѣлъ въ Россіи. Война союзныхъ державъ съ Пруссіею началась бы еще не скоро, если бы за океаномъ не вспыхнула война между Франціею и Англіею.

Эти двѣ державы начали воевать въ двухъ противоположныхъ концахъ своихъ владѣній за океаномъ, въ Остъ-Индіи и въ Сѣверной Америкѣ. Войну произвелъ споръ, возникшій между ними изъ-за Американскихъ владѣній. Въ Остъ-Индіи туземные государи, называвшіе себя вассалами Великаго Могола, въ своихъ междоусобныхъ войнахъ брали въ союзники одни французовъ, владѣвшихъ Пондишери, а другіе англичанъ, имѣвшихъ войско въ Мадрасѣ. Одинъ изъ этихъ государей уступилъ огромную область французской остъ-индской компаніи въ благодарность за военныя услуги, оказанныя ему французомъ Бюсси. Изъ-за этого между Англіею и Франціею могла бы произойти война; но французское правительство запретило своей остъ-индской компаніи принимать подаренную ей область и не одобрило замысловъ честолюбиваго директора компаніи, Дюплеи. Англичане успокоились. Но въ Америкѣ споръ принялъ иной оборотъ.

Нынѣшніе Сѣверо-Американскіе Штаты были еще тогда англійскою колоніею и ограничивались полосою земли по восточному берегу; Канада и Луизіана принадлежали французамъ, а бассейны рѣкъ Огайо и Миссиссипи, бывшіе еще

степью, составляли предметъ спора между этими державами. Кромѣ того, былъ споръ о границахъ Новаго Брауншвейга и Новой Шотландіи; спорили также изъ-за торговли мѣхами, имѣвшей тогда очень большую важность. Англичане предоставили всю торговлю съ внутренними областями Америки товариществу лондонскихъ купцовъ, называвшемуся Огайскою компаніею, и отдали ей полосу земли на рѣкѣ Огайо. Французы вооруженною силою прогнали англійскихъ купцовъ и выстроили цѣлые ряды фортовъ на Огайо, Миссиссипи и по сѣверной границѣ, чтобы не допускать расширенія англійскихъ колоній. Этотъ раздоръ произошелъ въ то время, когда министерство Пельгама, поддерживаемое Питтомъ, пользовалось расположеніемъ короля и націи. Но по несчастію, Пельгамъ въ это самое время умеръ (въ 1754). Герцогъ Ньюкестль, сдѣлавшись по смерти брата первымъ министромъ, былъ человѣкъ лишенный талантовъ, требуемыхъ положеніемъ дѣлъ, а по своей гордости и упрямству не дозволялъ дѣйствовать самостоятельно такимъ людямъ, какъ Питтъ. Поэтому въ народѣ явилось недовольство, а въ министерствѣ раздоръ, между тѣмъ какъ всего нужнѣе было единодушіе.

Англійское правительство требовало, чтобы французы очистили области, въ которыхъ стали строить свои новые форты. Переговоры не привели ни къ чему, и Англія рѣшилась употребить силу, впрочемъ не объявляя войны. Не прерывая переговоровъ, которые велись въ Европѣ, правительство велѣло своимъ кораблямъ повсюду захватывать французскія суда, и въ короткое время было захвачено 300 французскихъ судовъ. Въ январѣ 1755 Браддокъ съ англійскимъ флотомъ явился у американскихъ береговъ, чтобы не допустить въ рѣку св. Лаврентія французскіе корабли, которые везли припасы и подкрѣпленія въ Канаду, и чтобы напасть на французскіе порты. Но это не удалось: войска, высаженныя Браддокомъ на берегъ, были разбиты и были бы даже истреблены, если бы ихъ отступленіе не было мастерски прикрыто маіоромъ и генералъ-адъютантомъ виргинской милиціи, Вашингтономъ, имя котораго пріобрѣло впослѣдствіи такую знаменитость.

Этимъ началась въ 1755 война между Франціею и Англіею. Первымъ ея слѣдствіемъ было, что англійской націи пришлось давать деньги на защиту курфиршества своего короля отъ французовъ, а французы стали втягивать въ войну Испанію. Для защиты Ганновера у Англіи былъ заключенъ договоръ съ Россіею, которая обязалась держать въ готовности войска, получая за это субсидіи (въ сентябрѣ 1755). Гота, Гессенъ, Баварія и нѣкоторыя другія нѣмецкія государства также получили субсидіи, съ тѣмъ же обязательствомъ. Въ Испаніи (гдѣ Карвахаль умеръ въ 1755) англійскій посланникъ разстроилъ замыселъ французовъ, успѣвъ низвергнуть Энсенаду, состоявшаго у нихъ на жалованьѣ, и поставивъ на его мѣсто министромъ Валля, ирландца, натурализованнаго въ Испаніи.

Война, начатая Англіею и Франціею въ Америкѣ, помогла успѣху стараній императрицы Маріи Терезіи и Кауница заключить союзъ съ Англіею. Переговоры или, лучше сказать, интриги, много лѣтъ веденныя Кауницемъ, лучше всѣхъ другихъ дипломатическихъ дѣлъ XVIII вѣка знакомятъ насъ съ характеромъ тогдашнихъ правительствъ и тогдашнею нравственностью. Во Франціи господствовала маркиза Помпадуръ, власть которой особенно упрочилась съ 1752, когда она вошла въ тѣсный союзъ съ герцогомъ Ришльё, Субизомъ и другими знатными участниками королевскихъ оргій. Союзъ Франціи съ Австріею и европейская война, порождаемая этимъ союзомъ, представляли маркизѣ перспективу большихъ личныхъ выгодъ. Этотъ союзъ привязывалъ европейскую политику къ ея личности, такъ что на все время войны она дѣлалась необходимою Лудовику XV, и главныя державы Европы должны были помогать ей въ уничтоженіи всякой соперницы, какая могла бы явиться. Кромѣ того война представляла возможность дать занятіе за границею герцогу Ришлье, а его удаленіе изъ Парижа избавляло маркизу отъ величайшаго изъ всѣхъ тогдашнихъ лейбъ-сводниковъ, и Помпадуръ освобождалась отъ ежеминутной боязни, что онъ сведетъ короля съ какою-нибудь новою любовницею. На этомъ положеніи и на выгодахъ маркизы Кауницъ состроилъ всю интригу, посредствомъ которой совершилъ самый чудесный подвигъ дипломатическаго искусства. По этому разсчету и Марія Терезія

рѣшилась на поступокъ, до странности неприличный: въ рѣшительную минуту она написала Помпадуръ собственноручное письмо; впрочемъ при ея сильной злобѣ на Фридриха II этотъ шагъ вовсе не былъ для нея такъ тяжелъ, какъ обыкновенно представляютъ.

Переговоры тянулись цѣлые годы, и ни французскіе, ни англійскіе министры ничего не знали о нихъ. Они даже слѣдовали въ это время политикѣ, прямо противоположной дѣламъ, которыя устраивались тайкомъ отъ нихъ. Императоръ Францъ тоже ничего не зналъ; вообще его держали вдали отъ всѣхъ правительственныхъ дѣлъ наслѣдственныхъ австрійскихъ владѣній. Во Франціи Людовикъ XV и Помпадуръ для заключенія неестественнаго союза съ Австріей должны были предать государство во власть человѣка, неимѣвшаго никакихъ достоинствъ, кромѣ того, что прежде сочинялъ для Помпадуръ любовныя письма къ Людовику XV. То былъ аббатъ, впослѣдствіи кардиналъ де Берни. Для заключенія союза съ Австріею его приняли въ государственный совѣтъ (въ сентябрѣ 1755). Гораздо раньше того (въ маѣ 1753) Кауницъ уѣхалъ изъ Парижа и занялъ въ Вѣнѣ званіе государственнаго канцлера; на его мѣсто отправили посломъ въ Парижъ графа Штаремберга, котораго также посвятили въ тайну. Пока Кауницъ находился въ Парижѣ, онъ и императрица играли каждый свою особую роль. Марія Терезія *всевозможными любезностями привлекала къ себѣ французскаго посланника* въ Вѣнѣ, чтобы черезъ него возстановлять французское министерство противъ Пруссіи. Кауницъ, совершенно противъ своихъ наклонностей, разъигрывалъ въ Парижѣ великосвѣтскаго вельможу и раздѣлялъ образъ жизни Людовика и Помпадуръ, чтобы привязать ихъ къ себѣ и къ своему плану. Но когда онъ уѣзжалъ изъ Версаля въ Парижъ, то велъ въ Парижѣ самую простую жизнь и не искалъ никакихъ увеселеній, кромѣ того, что бывалъ въ литературныхъ салонахъ.

Однимъ изъ средствъ достичь желанной цѣли служило Кауницу запугиваніе французскаго правительства тѣмъ, что Австрія заключитъ союзъ съ Англіею. Дѣйствительно, французскіе министры были твердо убѣждены, что австрійская политика неразлучно связана съ англійскою, хотя нетрудно было видѣть, что Австрія толкуетъ Англіи о своей дружбѣ лишь для того, чтобы получить отъ нея субсидіи. Притомъ король англійскій Георгъ II питалъ сильную нелюбовь къ Пруссіи; поэтому, когда французы стали угрожать его ганноверскому курфиршеству, онъ для его защиты заключилъ союзъ не съ Пруссіею, а съ Россіею, въ сентябрѣ 1755 (стр. 94). Но союзъ этотъ рушился, когда Фридрихъ II представилъ Георгу II письменныя доказательства, что уже давно ведутся тайные переговоры между Австріею, Россіею, Саксоніею и Франціею и что въ октябрѣ (1755) Россія заключила союзъ съ Австріею. Георгъ противъ воли былъ принужденъ заключить союзъ съ Пруссіею. Фридрихъ имѣлъ въ рукахъ письменныя доказательства тайныхъ сношеній Австріи, благодаря тому, что уже два года давалъ плату секретарю австрійскаго посольства въ Вѣнѣ, фонъ Вейнгартену, а прусскій посланникъ въ Дрезденѣ подкупилъ чиновника саксонской придворной канцеляріи, Менцеля. Этимъ способомъ Фридрихъ узналъ о союзѣ, который медленно составлялся противъ него, хотя еще не зналъ главной тайны, которую Марія Терезія и Кауницъ скрывали очень заботливо. Въ концѣ 1755 Англія вступила въ переговоры съ Пруссіею, и 16 января 1756 между этими державами былъ заключенъ союзъ, извѣстный подъ именемъ Вестминстерскаго трактата. При этомъ англійское министерство потеряло послѣдній остатокъ своей популярности, когда обнаружилось, что оно далось въ обманъ Франціи. Сохранили популярность только двое изъ его членовъ, Питтъ и Леджъ, которые въ ноябрѣ 1755 противились подчиненію англійской политики ганноверскимъ интересамъ и тогда же вышли въ отставку.

Союзъ между Франціею и Австріею былъ уже заключенъ; Франція обязалась послать въ Германію очень сильную армію; оставалось только дать этому союзу форму публичнаго трактата, и съ сентября 1755 объ этомъ шли переговоры; они были неокончены, когда разнеслось извѣстіе о союзѣ между Англіею и Пруссіею. Когда трактатъ союза между Франціею и Австріею былъ обнародованъ, вся Европа изумилась, и въ числѣ другихъ изумился самъ императоръ Францъ заключенію тѣсной дружбы между державами, которыя уже не одно столѣтіе постоянно находились во враждѣ. Когда началась война, Помпадуръ сдѣлала министромъ своего

кліента, Берни, а два другіе ея фаворита, Ришлье и Субизъ, стали главными командирами французскихъ войскъ.

Война Франціи съ Англіею въ Европѣ началась экспедиціею противъ острова Минорки, принадлежавшаго англичанамъ; командиромъ экспедиціи былъ назначенъ Ришлье, потому что Людовику было пріятно возвышать своего довѣреннѣйшаго слугу, а маркизѣ Помпадуръ пріятно было удалить изъ Парижа опаснаго ей человѣка. Ришлье получилъ начальство съ необыкновенно обширными полномочіями. Англичанъ обманули фальшивыми снаряженіями экспедиціи въ Сѣверное море и угрозами высадки въ Англію. Но при испорченности французскаго двора даже военная экспедиція считалась просто развлеченіемъ и забавою: съ Ришлье отправилось путешествовать на казенный счетъ очень много вельможъ и сотенъ семь или восемь женщинъ (въ апрѣлѣ 1756).

Англійскій гарнизонъ на Миноркѣ былъ очень слабъ и не могъ безъ подкрѣпленій защитить островъ, а лондонское адмиралтейство запоздало отправленіемъ флота, такъ что Бингъ, командиръ этого флота, уже не успѣлъ помѣшать высадкѣ французовъ. Притомъ флотъ Бинга состоялъ только изъ десяти кораблей, очень плохихъ и худо вооруженныхъ. Англійскій гарнизонъ два мѣсяца оборонялся со славою, но былъ принужденъ сдаться, потому что Бингъ, встрѣтивъ у Минорки французскій флотъ, не отважился дать сраженіе, предпочитая осторожность смѣлости, противъ принципа англійскихъ моряковъ. Благодаря этому, французы овладѣли Миноркою и вдобавокъ, могли похвалиться, что англичане въ первый разъ уклонились отъ морской битвы съ флотомъ, мало превосходившимъ ихъ флотъ числомъ кораблей. Англійская нація была раздражена потерею Минорки и образомъ дѣйствій адмирала. Министерство пожертвовало Бингомъ; оно предало его военному суду, получило противъ него смертный приговоръ и повѣсило адмирала. Французы, напротивъ, ликовали; Вольтеръ и другіе писатели превозносили геройство Ришлье, который и въ этой экспедиціи такимъ же постыднымъ образомъ моталъ государственныя деньги и злоупотреблялъ властью, какъ прежде въ Генуѣ (стр. 113).

Съ Минорки онъ возвратился въ Парижъ, чтобы выпросить себѣ главное начальство надъ арміею, назначаемою въ Германію, но опоздалъ: д'Этре уже былъ назначенъ главнокомандующимъ. Впрочемъ сама армія, для которой былъ уже готовъ командиръ, не была еще собрана, — фактъ, довольно оригинальный. Австрійцы также еще не собрались начать войну. Правда, они уже выставили двѣ арміи въ Богеміи, но у этихъ армій еще не было ни кавалеріи, ни артиллеріи, ни самыхъ необходимыхъ военныхъ принадлежностей. Потому державы, вступившія въ союзъ противъ Пруссіи, вѣроятно, провели бы еще много времени въ однихъ приготовленіяхъ къ войнѣ; но Фридрихъ II, узнавъ, что готовится противъ него, тайно приготовилъ свою армію къ походу и 29 августа 1756 внезапно вторгся съ трехъ сторонъ въ Саксонію.

3. Первые два года семилѣтней войны.

Когда Фридрихъ вторгнулся въ Саксонію, Брюль отвелъ свое войско къ Пирнѣ, на богемской границѣ. Саксонская армія была такъ сокращена Брюлемъ, что имѣла только 7,000 человѣкъ; въ Пирнѣ она заняла крѣпкую позицію, но терпѣла во всемъ недостатокъ. Весь саксонскій дворъ, кромѣ королевы и принцессъ, также переѣхалъ въ Пирну. 9 сентября пруссаки вступили въ Дрезденъ. Они тотчасъ разломали двери тайнаго архива, не смотря на личное сопротивленіе королевы, и взяли тамъ подлинники документовъ, копіи съ которыхъ были доставлены Фридриху Менцелемъ. Бумаги эти еще вовсе не доказывали того союза Саксоніи съ другими державами для уничтоженія Пруссіи, о которомъ говорилъ Фридрихъ; поэтому онѣ не могли оправдать его нападенія на Саксонію; но оно оправдывалось необходимостью защищаться, въ которую Фридрихъ былъ дѣйствительно поставленъ.

При извѣстіи о вторженіи пруссаковъ въ Саксонію Броунъ поспѣшилъ къ Пирнѣ съ сильнѣйшею изъ двухъ армій, собранныхъ австрійцами въ Богеміи.

Онъ хотѣлъ выручить запертыхъ въ Пирнѣ саксонцевъ. Фридрихъ вышелъ ему на встрѣчу, и 1 октября 1756 подъ Ловозицемъ произошло сраженіе; оно было невыгодно для австрійцевъ, и они отступили. Фридрихъ утвердился въ Саксоніи. Саксонцы остались взаперти въ Пирнѣ, терпѣли недостатокъ въ провіантѣ и потому не могли ждать, пока австрійцы снова придутъ на выручку имъ; они сдались въ плѣнъ. Самымъ тяжелымъ для нихъ условіемъ было то, что Фридрихъ заставилъ ихъ вступить въ прусскую службу. Съ Саксоніею Фридрихъ поступалъ очень сурово. Онъ постоянно бралъ тяжелыя контрибуціи съ ея жителей; напримѣръ, городъ Лейпцигъ заплатилъ въ 1756 г. 500,000 талеровъ, а въ первые три мѣсяца слѣдующаго года еще 900,000 талеровъ. Молодые саксонскіе поселяне были принуждаемы служить противъ своего государя, и если кто изъ нихъ спасался отъ этого принужденія бѣгствомъ, его родственники наказывались за него штрафомъ. Курфирстъ съ графомъ Брюлемъ бѣжалъ въ свое польское королевство. Фридрихъ не нашелъ удобнымъ перенести войну въ Богемію, потому что уже приближалась зима. Другое прусское войско, подъ командою Шверина, вошедшее въ Богемію изъ Силезіи, также отступило. Броунъ могъ воспользоваться зимою, чтобы кончить снаряженіе своей арміи, а Даунъ между тѣмъ собиралъ новое войско. Такимъ образомъ, весною 1757 Австрія могла выставить противъ пруссаковъ очень большія силы. Но къ счастію Фридриха, Броунъ, хорошій генералъ, былъ подчиненъ принцу Карлу Лотарингскому, хотя принцъ уже достаточно доказалъ свою неспособность въ войнѣ за австрійское наслѣдство.

Французы и русскіе также снарядили свои войска къ походу. Французы обѣщали субсидіи шведскимъ олигархамъ, и Швеція объявила, что она, какъ одна изъ державъ, гарантировавшихъ вестфальскій миръ, должна вступиться за Саксонію и вооруженною рукою отмстить Фридриху. Но прошло много времени прежде, чѣмъ Швеція приняла участіе въ войнѣ: шведскіе олигархи тратили деньги, которыя получали на войну отъ французовъ, вовсе не на войну. Первая французская армія подъ командою д'Этре перешла Рейнъ у Дюссельдорфа 4 апрѣля 1757. Вторая армія собиралась въ Эльзасѣ подъ начальствомъ Ришлье. Третьею командовалъ принцъ де Субизъ, также одинъ изъ приближенныхъ Людовика и Помпадуръ; онъ долженъ былъ соединиться съ нѣмецкою имперскою арміею, когда имперскій регенсбургскій сеймъ объявитъ короля прусскаго виновнымъ въ нарушеніи имперскаго мира.

Имперскій сеймъ на этотъ разъ постановилъ рѣшеніе быстрѣе обыкновеннаго. Саксонія обратилась къ императору и имперіи съ жалобою на Пруссію въ сентябрѣ 1756, и черезъ три мѣсяца дѣло было уже рѣшено. Сеймъ не объявилъ Фридриха врагомъ имперіи, какъ требовали его противники: на это не согласились протестантскіе члены имперіи; но имперія обѣщала императору вооруженную помощь для возстановленія изгнаннаго курфирста саксонскаго и для защиты австрійской государыни, богемскія владѣнія которой подверглись нападенію (17 января 1757). Прусскій посланникъ при сеймѣ позволилъ себѣ третировать, какъ уличнаго бродягу, нотаріуса, который объявилъ ему рѣшеніе сейма. Сѣверъ Германіи протестовалъ противъ этого рѣшенія; князья и герцоги Липпе, Вальдекскій, Гессенъ-Кассельскій, Брауншвейгскіе, Готскій и курфирстъ ганноверскій нашли болѣе выгоднымъ брать деньги отъ Англіи и соединить свои войска съ англійскою арміею, посланною въ Вестфалію, чѣмъ платить налогъ для содержанія имперской арміи и посылать въ нее свои контингенты. Нѣмецкая имперія и ея государи вообще играли въ это время печальную и постыдную роль. Большинство нѣмецкихъ государей состояло на жалованьи у Франціи.

Это доказываетъ самымъ подробнымъ и неопровержимымъ образомъ офиціальный списокъ тайныхъ расходовъ французскаго правительства при Людовикѣ XV или такъ называемая Красная Книга, обнародованная во время революціи. Изъ нея видно, напримѣръ, что герцогъ Виртембергскій получилъ до войны 1,500,000, во время войны 7,500,000 ливровъ; курфирстъ пфальцскій—до войны 5,500,000, во время войны болѣе 11,000,000 ливровъ; Баваріи было дано до 1768 около 9,000,000 и столько же Саксоніи до 1763; владѣтели Люттихскій, Мекленбургскій и Нассау-Заарбрюкенскій получили, всѣ вмѣстѣ, около 3,000,000; Австріи съ 1757 до 1769 было выплачено 82,500,000 ливровъ. Даже герцогъ Брауншвейгскій получилъ отъ Франціи въ 1751—1756 гг. 2,000,000, хотя былъ въ тѣсномъ

союзѣ съ Англіею и при всякомъ удобномъ случаѣ наживался на счетъ англичанъ. Мы видимъ, что и протестантскіе государи не могли устоять противъ соблазна французскихъ денегъ: это очень замѣчательная черта тѣхъ временъ, тѣмъ болѣе, что папа публично сказалъ, что считаетъ войну съ Пруссіею религіозною войною. Онъ доказалъ искренность своихъ словъ, во-первыхъ, тѣмъ, что открыто далъ католическимъ государствамъ разрѣшеніе обложить духовенство податями на войну съ Пруссіею, во-вторыхъ, тѣмъ, что въ 1758 прислалъ освященную шляпу и освященную шпагу австрійскому генералу Дауну, разбившему пруссаковъ подъ Гохкирхомъ.

До лѣта 1758 англичане ничего ни дѣлали для Фридриха, хотя онъ защищалъ дѣло свободы и протестантства. Въ ихъ министерствѣ было много перемѣнъ послѣ того, какъ изъ него вышли (въ ноябрѣ 1755) Питтъ и Леджъ. Причинами этого были неудачи на Миноркѣ и въ Сѣверной Америкѣ, а также и то, что Питтъ и Леджъ защищали въ парламентѣ принципы, противные интересамъ короля и его сына, герцога Комберлендскаго, котораго прочили въ командиры арміи, назначавшейся въ Германію: Питтъ и Леджъ возставали противъ увеличенія національнаго долга и континентальной политики министерства; только въ іюлѣ 1757 составилось министерство, которое могло прочно держаться. Главою его былъ Питтъ, съ которымъ вступилъ въ министерство и Леджъ; товарищами ихъ были герцогъ Ньюкестль и Чарльзъ Фоксъ, получившій потомъ титулъ лорда Голланда. По своимъ планамъ завоеваній въ Сѣверной Америкѣ и Остъ-Индіи, Питтъ нашелъ нужнымъ вступить въ тѣсный союзъ съ Пруссіею; этимъ наконецъ прекратился раздоръ англійскихъ партій по дѣламъ иностранной политики. Но и тутъ Фридрихъ еще не получилъ энергической помощи отъ англичанъ; они начали помогать ему только въ слѣдующемъ году. Въ 1757 онъ почти одинъ долженъ былъ бороться противъ всѣхъ своихъ многочисленныхъ противниковъ.

Весною 1757 онъ вторгнулся въ Богемію; австрійцы сами дали ему перевѣсъ, положивъ держаться оборонительной системы, не смотря на возраженія опытнаго и умнаго Броуна; они были принуждены отступать на всѣхъ пунктахъ, и Фридрихъ овладѣвалъ ихъ богатыми магазинами. Они рѣшились вступить въ сраженіе тогда только, когда онъ сталъ серьезно угрожать Прагѣ. Тогда подъ Прагою произошло 6 мая кровопролитное сраженіе; потеря съ обѣихъ сторонъ простиралась, говорятъ, до 20,000 человѣкъ. Битва кончилась пораженіемъ австрійцевъ; 12,000 человѣкъ ихъ войска попались въ плѣнъ. Важнымъ несчастіемъ для нихъ было еще то, что Броунъ получилъ тутъ смертельную рану. Но и Фридриху побѣда обошлась дорого, потому что онъ лишился Шверина, благородное самопожертвованіе котораго рѣшило побѣду. Послѣ этого пораженія 40,000 австрійцевъ были заперты въ Прагѣ. Казалось, имъ предстоитъ участь, какой подверглись саксонцы въ Пирнѣ, потому что у нихъ также не было ни провіанта, ни тяжелой артиллеріи. Но къ счастію ихъ, все правое крыло ихъ резервной арміи спаслось и успѣло соединиться съ главною арміею, которою командовалъ Даунъ. Фридрихъ пошелъ на встрѣчу Дауну, чтобы отбросить его назадъ и потомъ уже безпрепятственно вынудить Прагу къ сдачѣ. Но онъ нашелъ непріятеля занимающимъ очень сильную отъ природы и хорошо укрѣпленную позицію при Коллинѣ; отважившись на штурмъ, онъ былъ отбитъ съ большимъ урономъ (18 іюня).

Эта неудача заставила Фридриха не только снять осаду Праги, но и вовсе выступить изъ Богеміи. При отступленіи онъ потерпѣлъ большія потери и понесъ бы еще болѣе тяжкій уронъ, если бы австрійскіе генералы не побоялись преслѣдовать его. Самъ онъ дѣйствовалъ при отступленіи мастерски; но не такъ счастливъ былъ его братъ, Августъ Вильгельмъ, которому было поручено отвести одинъ прусскій корпусъ въ Лузацію. Фридрихъ не ставилъ разницы между принцемъ и солдатомъ, когда того требовала необходимость, и публично сдѣлалъ брату суровый выговоръ. Это такъ огорчило принца, что, говорятъ, онъ отъ печали и умеръ (въ іюнѣ слѣдующаго года). Къ счастію для Фридриха, австрійцы предоставили французамъ и имперской арміи задачу освободить Саксонію, а сами пошли въ Силезію и отправили только летучій отрядъ Гаддика на Берлинъ. Гаддикъ успѣлъ войти въ столицу Пруссіи, взялъ съ нея контрибуцію, но скоро былъ принужденъ отступить.

Часть французскихъ войскъ подъ командою д'Этре уже перешла Рейнъ; под-

купленные курфирсты кельнскій и пфальцскій приняли французовъ съ распростертыми объятіями. Эта армія должна была занять Вестфалію и Ганноверъ. Но французскія войсва были совершенно деморализованы. Всѣ офицеры были дворяне; они смотрѣли на походъ, какъ на пикникъ, и жили въ лагерѣ, какъ привыкли жить въ Парижѣ. Осенью они безъ отпуска толпами уѣзжали изъ арміи, чтобы провести зиму въ Парижѣ. Они имѣли съ собою множество прислуги, везли съ собою множество вещей для комфорта и развлеченія; поэтому обозъ арміи былъ громаденъ и замедлялъ ея движенія. Солдаты терпѣли недостатокъ; госпитали были такъ дурны, что въ нихъ погибло больше людей, чѣмъ въ сраженіяхъ. Знатные офицеры не соблюдали никакой субординаціи; надѣясь на свой санъ и связи, они часто дѣйствовали даже наперекоръ другъ другу. Если бы даже армія имѣла хорошаго главнокомандующаго, то при такомъ положеніи ея невозможно было единство въ дѣйствіяхъ; напрасны были также воинственность и храбрость, въ которыхъ у французовъ и тогда не было недостатка. Д'Этре шелъ по Вестфаліи очень медленно; противъ него стоялъ герцогъ Комберлендскій, съ ганноверскимъ войскомъ, подкрѣпленнымъ брауншвейгскими, прусскими, гессенскими, готскими и бюкебургскими отрядами. Это сборное войско отступило передъ французами и заняло крѣикую позицію при Гамельнѣ. Д'Этре медленно шелъ за непріятелемъ. Субизъ, сначала командовавшій авангардомъ д'Этре, а потомъ по благосклонности двора получившій отдѣльное войско, вовсе не думалъ соображать своихъ движеній съ дѣйствіями главной арміи. Ришлье, съ третьею арміею перешедшій Рейнъ въ іюлѣ, всячески интриговалъ, чтобы свергнуть д'Этре и самому занять его мѣсто. Въ концѣ іюля д'Этре увидѣлъ, что Ришлье получаетъ успѣхъ въ своихъ проискахъ и скоро будетъ назначенъ главнокомандующимъ на его мѣсто. Тогда онъ рѣшился дать герцогу Комберлендскому битву, прежде чѣмъ будетъ лишенъ главнаго начальства. Сраженіе произошло 26 іюля подъ Гамельномъ и кончилось въ пользу французовъ. И герцога Комберлендскаго, и д'Этре упрекаютъ въ большихъ ошибкахъ. Начальникъ генеральнаго штаба французской арміи, Майльбуа, также плохо исполнялъ свою обязанность: ему хотѣлось, чтобы до пріѣзда Ришлье не завязывалось сраженія.

Фридрихъ съ негодованіемъ отозвалъ свои войска изъ арміи герцога Комберлендскаго, который поспѣшно отступилъ къ Бремерверде. Герцогъ былъ подчиненъ аристократамъ, составлявшимъ ганноверское министерство, а они думали только о своихъ интересахъ, то есть о своихъ помѣстьяхъ. Фридрихъ II презрительно упоминаетъ объ этомъ, говоря, что ограниченному чиновническому кругу ихъ мыслей были совершенно непонятны военныя дѣла и что, по ихъ недовѣрчивому упрямству, имъ нельзя было ничего втолковать. Эти знатные господа пожертвовали непріятелю свою родину и честь. Они заключили капитуляцію съ Ришлье, который пріѣхалъ во французскую армію вскорѣ послѣ гамельнской битвы; по условіямъ капитуляціи весь Ганноверъ былъ отданъ во власть французамъ. Чрезъ мѣсяцъ (8 сентября) и герцогъ Комберлендскій заключилъ съ Ришлье при датскомъ посредничествѣ постыдную Клостеръ-Цевенскую конвенцію. Въ ней были рѣшены вопросы, которые могутъ рѣшаться только правительствами, а не генералами; она также совершенно отдавала во власть французовъ курфиршество ганноверское, не опредѣляя даже никакихъ условій о томъ, кто и какъ будетъ управлять имъ. Единственнымъ выгоднымъ для Англіи и Пруссіи условіемъ было, что всѣ войска герцога Комберлендскаго, кромѣ ганноверскихъ, получили дозволеніе возвратиться на родину, а ганноверскія могли, не полагая оружія, расположиться около Штаде. Косвеннымъ образомъ эта конвенція принесла Питту очень большую выгоду. Георгъ въ досадѣ отозвалъ своего сына. Питтъ навсегда избавился отъ герцога Комберлендскаго и могъ взять у Фридриха прусскаго генерала для командованія ганноверскимъ войскомъ. Фридрихъ выбралъ для этого принца Фердинанда Брауншвейгскаго, который состоялъ въ его службѣ (это былъ братъ Антона Ульриха, извѣстнаго намъ изъ исторіи Россіи). Питтъ не утвердилъ клостеръ-цевенскую конвенцію и вошелъ въ тѣсный союзъ съ Фридрихомъ, котораго ему нужно было поддерживать, чтобы легче исполнить планы, которые онъ имѣлъ намѣреніе осуществить въ Остъ-Индіи и въ Сѣверной Америкѣ. Французское правительство также отвергло цевенскую конвенцію. Парижскій дворъ былъ очень недоволенъ герцогомъ Ришлье за то, что онъ не уничтожилъ

армію герцога Комберлендскаго или по крайней мѣрѣ не принудилъ ее запереться въ какую-нибудь крѣпость. На военные подвиги Ришлье явились пасквили. Говорили даже, будто онъ былъ подкупленъ англичанами и пруссаками. Это вещь очень возможная со стороны человѣка, не имѣвшаго ни правилъ, ни стыда, ни совѣсти. Но у Ришлье были другія причины щадить короля прусскаго; онъ не одобрялъ политику Помпадуръ и, надѣясь на свою силу у короля, думалъ склонить Лудовика къ другой системѣ. Съ несчастнымъ Ганноверомъ онъ поступалъ ужасно. Онъ позволялъ своимъ солдатамъ всяческія буйства, и грабилъ страну для своего роскошнаго кутежа.

Пока д'Этре и Ришлье овладѣвали Ганноверомъ, Субизъ соединилъ свое войско съ имперскою арміею. Много времени было потеряно на снаряженіе этой арміи, но наконецъ она сформировалась. Она состояла изъ пестрой толпы пѣхотинцевъ; контингентъ инаго прелата или имперскаго графа состоялъ всего изъ 10 или 12 человѣкъ; Марія Терезія снабдила эту армію кавалеріею. Имперскимъ главнокомандующимъ былъ назначенъ бездарный принцъ Гильдбургаузенскій. Соединившись съ нимъ, Субизъ вошелъ въ Саксонію. Фридрихъ въ началѣ ноября двинулся противъ союзниковъ. У него было только 25,000 войска, у союзниковъ вдвое больше; 5 ноября онъ аттаковалъ нѣмецко-французскую армію при деревнѣ Росбахъ и безъ труда удержалъ полную побѣду; она была просто результатомъ самонадѣянности и неосторожности непріятеля и паническаго страха, вдругъ овладѣвшаго имъ. Пораженіе и бѣгство разбитой арміи были дѣломъ изумительнымъ; она бѣжала, хотя еще только одно крыло пруссаковъ успѣло вступить въ бой; французы и имперскія войска потеряли всю артиллерію и обозъ, и до того разбѣжались, что имперскія войска опомнились только въ Франконіи, а французы—въ Касселѣ.

Съ Росбахскаго поля Фридрихъ поспѣшно пошелъ въ Силезію, гдѣ его войска отступали передъ австрійцами, втрое превосходившими ихъ числомъ, и гдѣ незадолго до его прибытія Швейдницъ и Бреславль были сданы непріятелю. Австрійцы были увѣрены, что окончательно овладѣютъ Силезіею, и приводили жителей къ присягѣ императрицѣ. Поэтому Фридрихъ долженъ былъ дать рѣшительную битву, какъ только сошелся съ непріятелемъ. Ему нужно было спѣшить спасти эту провинцію и вмѣстѣ съ нею славу и магическую силу своего имени. По тѣмъ же причинамъ австрійцамъ надобно было уклоняться отъ сраженія. Такъ и думалъ Даунъ; но принцъ Карлъ Лотарингскій былъ другаго мнѣнія, а санъ давалъ ему перевѣсъ въ военномъ совѣтѣ. Битва была дана 5 декабря подъ Лейтеномъ. Австрійцы потерпѣли совершенное пораженіе и должны были отступить въ Богемію. 20 декабря сдался въ плѣнъ 20-тысячный гарнизонъ, оставленный ими въ Бреславлѣ. Европа была изумлена подвигами, которые совершилъ Фридрихъ въ послѣдніе мѣсяцы 1757. Въ Австріи лейтенское пораженіе и потеря Силезіи произвели такое сильное впечатлѣніе, что общественное мнѣніе отважилось порицать полководцевъ и дворъ—случай небывалый въ Австріи; правительство было принуждено во второй разъ удалить отъ команды принца Карла, виновника всѣхъ бѣдъ. Напрасно императоръ Францъ прикрывалъ брата своею порфирою; напрасно полиція за нѣсколько дней передъ возвращеніемъ Карла въ Вѣну обнародовала страпное предписаніе, чтобы никто не смѣлъ порицать принца за лейтенскую битву, потому что онъ только исполнялъ повелѣнія императрицы; напрасно сама императрица настойчиво говорила, что не слѣдуетъ уступать общественному мнѣнію. Оно высказалось такъ сильно, что принцъ Карлъ почелъ опаснымъ сохранить званіе главнокомандующаго и уѣхалъ въ Брюссель.

Счастье благопріятствовало Фридриху въ 1757: онъ удивительнымъ образомъ успѣлъ защитить Силезію отъ австрійцевъ, а положеніе дѣлъ при петербургскомъ дворѣ парализовало въ этомъ году дѣйствія русской арміи, которая была очень многочисленна. Апраксинъ и Ферморъ, командовавшіе ею, вошли въ провинцію Пруссію и стали такъ свирѣпо опустошать страну, что командиръ саксонскаго корпуса, присоединившагося къ русскимъ, былъ возмущенъ ихъ жестокостями и въ негодованіи сложилъ съ себя команду. 30 августа старикъ фельдмаршалъ Левалдъ, командовавшій войсками Фридриха въ провинціи Пруссіи, имѣлъ неблагоразуміе напасть при Гроссъ-Іеэрндорфѣ

съ своею 30,000 арміею на русское войско, которое было гораздо многочисленнѣе. Онъ былъ разбитъ, и русскіе могли теперь перейти за Одеръ. Но вмѣсто того они отступили къ русской границѣ, и отступленіе ихъ было такъ поспѣшно, что походило на поспѣшное бѣгство. Эта необыкновенная странность произошла отъ слѣдующихъ обстоятельствъ. Императрица Елисавета опасно занемогла. Бестужевъ составилъ планъ послѣ ея смерти отстранить отъ престола Петра и провозгласить императоромъ его сына; супруга Петра, Екатерина, по всей вѣроятности участвовала въ этомъ замыслѣ. Для его исполненія Бестужеву была нужна армія, находившаяся въ Пруссіи, и онъ склонилъ на свою сторону Апраксина. Незадолго передъ гроссъ-йеерндорфскою битвою Апраксинъ былъ извѣщенъ, что жизнь императрицы въ опасности, и потому поспѣшилъ къ русской границѣ. Но императрица не умерла, а быстро выздоровѣла, какъ только Апраксинъ успѣлъ сдѣлать эту неосторожность. Узнавъ отъ Петра объ интригѣ, она чрезвычайно разсердилась и отправила Бестужева въ ссылку, изъ которой его возвратила уже Екатерина въ 1764; а великую княгиню Екатерину императрица нѣсколько мѣсяцевъ не хотѣла видѣть. Апраксинъ спасся отъ наказанія только тѣмъ, что умеръ (30 августа 1758). Въ январѣ 1758 русское войско возвратилось въ провинцію Пруссію и заняло всю страну до Одера; это было тѣмъ легче, что всѣ прусскія войска были выведены оттуда въ Померанію сражаться со шведами.

Шведскій государственный совѣтъ осенью 1757 рѣшилъ воевать съ Пруссіею, не послушавъ публичной протестаціи короля и не созывая сейма. Побужденіемъ къ войнѣ было только то, что Франція предложила субсидіи, которыя пошли въ руки правительствующихъ аристократовъ и были необходимы имъ для пышности и мотовства. Эти господа оставляли солдатъ безъ жалованья, не приготовили ни провіанта, ни военныхъ запасовъ. Дисциплины въ войскѣ не было никакой. Генералы и офицеры были дворяне, необходимые и страшные государственному совѣту, поэтому они не боялись наказанія за проступки. При такихъ обстоятельствахъ шведская армія не могла сдѣлать ничего важнаго, и почти все ея участіе въ войнѣ ограничилось нѣкоторыми движеніями въ Помераніи.

4. Третій, четвертый и пятый годы семилѣтней войны (1758—1760).

1758 годъ открывалъ прекрасную перспективу для успѣховъ Фридриха, котораго и друзья, и враги признавали героемъ-побѣдителемъ, а французы считали почти своимъ человѣкомъ, которымъ должны гордиться. Питтъ называлъ его въ парламентѣ героемъ протестантства и заключилъ съ нимъ на годъ договоръ о субсидіяхъ; этотъ договоръ потомъ ежегодно возобновлялся до самой смерти Георга II. Пруссія и Англія обязались заключать миръ не иначе, какъ вмѣстѣ; Англія давала королю прусскому 4,000,000 талеровъ въ годъ: кромѣ того принимала на себя всѣ издержки по содержанію такъ называемой союзной арміи и обѣщалась усилить ее значительнымъ числомъ англійскихъ войскъ. Но и при пособіи Англіи, Фридрихъ могъ держаться противъ громадныхъ силъ своихъ многочисленныхъ враговъ только отчаянными средствами. 4,000,000 талеровъ, получаемыхъ отъ Англіи, онъ перечеканивалъ въ 10,000,000; Саксонію онъ выжималъ, какъ губку; онъ такъ страшно притѣснялъ Мекленбургъ, правительство котораго безразсудно присоединилось къ врагамъ, что въ продолженіе войны взялъ болѣе 17,000,000 талеровъ съ жителей этого маленькаго государства. Съ Саксоніею пруссаки поступали совершенно по-турецки. Напримѣръ, однажды, чтобы вымучить деньги съ города Лейпцига, они заперли весь лейпцигскій магистратъ въ крѣпость Плейссенбургъ, гдѣ первые лейпцигскіе купцы просидѣли нѣсколько недѣль безъ свѣчей, безъ стульевъ, безъ кроватей, даже безъ соломы. Семьдесятъ человѣкъ купцовъ бѣжали, боясь подвергнуться подобной участи, и пруссаки конфисковали ихъ имущество. Фридрихъ бралъ даже утварь изъ церквей. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ оправдываетъ эти суровости, объясняя, что занятіе его вестфальскихъ владѣній непріятелемъ отняло у него 4,500,000 тал. дохода, и что вся провинція Пруссія была занята русскими, и потому онъ не могъ поступать

иначе. Впрочемъ и его противники поступали не лучше, а иногда и хуже. Русскія войска свирѣпствовали въ провинціи Пруссіи, потомъ въ маркграфствѣ Бранденбургскомъ, какъ дикія орды. Французская армія при Субизѣ совершала возмутительныя свирѣпости надъ союзниками своими, тюрингенцами и саксонцами, а при Ришлье позволяла себѣ неслыханныя грабительства въ Вестфаліи и Ганноверѣ.

Фердинандъ Брауншвейгскій съ союзною арміею началъ походъ зимою, еще въ 1757, и къ веснѣ 1758 пріобрѣлъ уже много успѣховъ. Въ мартѣ французы были совершенно оттѣснены за Эльбу. Мы не можемъ подробно разсказывать о всѣхъ дѣйствіяхъ Фердинанда и сообщимъ лишь важнѣйшіе факты. Къ началу февраля Ришлё уже такъ ясно выказалъ свою бездарность и надѣлалъ столько гадостей, что французскій дворъ былъ принужденъ отозвать его. Но на мѣсто его пріѣхалъ другой соучастникъ оргій короля, принцъ крови, графъ Клермонъ, и показалъ такую же бездарность, такое же мотовство, какъ и Ришлье. Онъ отступилъ безъ битвы до самаго Рейна, и отступленіе его походило на поспѣшное бѣгство послѣ совершеннаго разбитія. Правда и то, что Ришлье оставилъ ему армію въ самомъ жалкомъ состояніи: солдаты терпѣли величайшій недостатокъ, между тѣмъ какъ интенданты, поставщики и тому подобные люди обогащались; дисциплина была въ такомъ упадкѣ, что однажды королю пришлось за одинъ разъ разжаловать 52 офицеровъ. Въ іюнѣ Фердинандъ перешелъ за Рейнъ, а непріятель и не замѣтилъ этого. Совершивъ эту переправу, Фердинандъ разбилъ Клермона при Крефельдѣ. Тогда Клермона отозвали, и преемникъ его, маршалъ де Контадъ, успѣлъ оттѣснить Фердинанда за Рейнъ. Скоро послѣ того армія Фердинанда была усилена 12,000 англійскимъ корпусомъ. Въ сентябрѣ Контадъ прошелъ черезъ Вестфалію до Липпе. Туда же долженъ былъ идти Субизъ, который получилъ подкрѣпленія, и одинъ изъ генераловъ Субиза, Брольи, разбилъ подъ Касселемъ отрядъ союзной арміи. Черезъ нѣсколько времени другой корпусъ этой арміи былъ на-голову разбитъ Субизомъ подъ Минденомъ; въ пораженіи была виновата неосторожность и неспособность графа Оберга, командовавшаго этимъ корпусомъ. Зимою французы не дѣйствовали, потому что офицеры ихъ по-прежнему неудержимо мчались въ Парижъ. Наконецъ при дворѣ убѣдились, что Субизъ неспособенъ управлять большими военными операціями и назначили Контада главнокомандующимъ обѣихъ рейнскихъ армій.

Въ другихъ частяхъ Германіи походъ 1758 былъ также бѣденъ рѣшительными дѣйствіями и также богатъ опустошеніями, какъ въ Вестфаліи и на Рейнѣ. Но русскіе поступали съ провинціею Пруссіею очень снисходительно, потому что уже считали ее русскою областью. Зато тѣмъ больше пострадали провинціи Померанія и Бранденбургъ, когда русскіе вошли въ нихъ. Фридрихъ взялъ Швейдницъ, потомъ вторгнулся не въ Богемію, какъ прежде, а въ Моравію, и осадилъ Ольмюцъ; эта безуспѣшная осада занимала его два мѣсяца и дала Дауну время и возможность улучшить свою армію, солдаты которой были плохо вооружены и дурно обучены. 28 іюня австрійскій генералъ Лаудонъ захватилъ большой обозъ, шедшій къ арміи Фридриха, и тѣмъ положилъ основаніе своей славѣ. Эта потеря и успѣхи русскихъ войскъ принудили Фридриха снять осаду Ольмюца. Въ іюлѣ онъ совершилъ свое знаменитое отступленіе въ Силезію, причемъ впрочемъ, неменьше чѣмъ своему искусству, былъ обязанъ методической медлительности австрійцевъ, которая позволила ему, послѣ успѣшнаго отступленія, предпринять походъ противъ русскихъ.

Русскіе осаждали крѣпость Кюстринъ. Шведы подвигались впередъ. Даунъ долженъ былъ поддержать операціи тѣхъ и другихъ походомъ въ Саксонію. Но онъ промедлилъ столько времени, что Фридрихъ ушелъ отъ него впередъ форсированнымъ маршемъ и 25 августа могъ дать русской арміи битву при Цорндорфѣ. Обѣ стороны хвалились побѣдою; но Фридриху не понадобилось давать другаго сраженія, чтобы вытѣснить русскихъ изъ Помераніи и Бранденбурга, которыя они опустошали: они сами отступили на отдыхъ въ провинцію Пруссію и въ Польшу; между тѣмъ въ Саксонію снова проникла имперская армія, которою командовалъ принцъ Фридрихъ Пфальцъ-Цвейбрюкенскій. Но второй братъ Фридриха Великаго, принцъ Генрихъ, сдѣлавъ удачный походъ

противъ французовъ, уже приближался къ Саксоніи; имперская армія торопливо скрылась отъ него въ Богемію и явилась вновь на театръ войны тогда лишь, когда въ Саксонію пошелъ Даунъ (въ концѣ іюля). Какъ только русскіе выступили изъ Бранденбурга, Фридрихъ пошелъ на Дауна. Но оба они долго не отваживались на рѣшительный бой; наконецъ Фридрихъ, считавшій Дауна слишкомъ робкимъ генераломъ, сталъ близъ него при Гохкиркѣ, имѣя не больше 30,000 войска. Лаудонъ, лучшій изъ австрійскихъ генераловъ, воспользовался этою неосторожностью и 14 октября неожиданно аттаковалъ пруссаковъ. Онъ взялъ ихъ лагерь, весь ихъ обозъ и сто орудій; пруссаки потеряли 9,000 человѣкъ убитыми; въ числѣ другихъ, здѣсь былъ убитъ маршалъ Кейтъ.

Разбитый Фридрихъ пошелъ въ Силезію. Пока Даунъ и вѣнскій военный совѣтъ разсуждали о планѣ дѣйствій, король прусскій ушелъ отъ австрійцевъ впередъ и освободилъ отъ осады силезскія крѣпости Нейссе и Козель. Принцъ Генрихъ, оставленный Фридрихомъ въ Саксоніи, принудилъ Дауна отступить. Когда Фридрихъ (20 ноября) вернулся изъ Силезіи въ Саксонію, Даунъ уже ушелъ въ Богемію, а имперская армія удалилась на зимнія квартиры во Франконію послѣ неудачнаго похода на Лейпцигъ и Торгау. Годъ кончился тяжкими страданіями Саксоніи, на которой Фридрихъ, по обыкновенію, вымещалъ зло, нанесенное ему австрійцами и русскими.

Во Франціи неудачи похода 1758 произвели сильный разрывъ между дворомъ и націею. Офицеры и солдаты, дамы и беллестристы восхищались королемъ прусскимъ, будто своимъ героемъ. Проклинать союзъ съ Австріею и превозносить Фридриха стало модою. По словамъ тогдашняго французскаго писателя, человѣку бывавшему на парижскихъ театрахъ, въ обществѣ и на прогулкахъ, должно было казаться, что Парижъ населенъ пруссаками, а не французами, и что не многіе имѣющіе французскій взглядъ на войну почти не смѣютъ высказывать его. Но для Германіи такое настроеніе ея легкомысленныхъ сосѣдей было вреднѣе, чѣмъ можно предполагать. Нѣмецкіе государи придавали величайшую цѣну ловкимъ французскимъ комплиментамъ и манерамъ, и больше всего увлекались этою слабостію тѣ изъ нихъ, которые были способнѣе другихъ улучшить и обновить нѣмецкую жизнь; увлеченіе французами совершенно отчуждало ихъ отъ своего народа, а нѣмецкое дворянство слѣдовало ихъ примѣру. Фридрихъ II, его братъ, Генрихъ, принцъ Фердинандъ Брауншвейгскій и наслѣдный принцъ Брауншвейгскій, также Фердинандъ (тогда еще юноша), были больше французы, чѣмъ нѣмцы и по характеру образованія, и по языку, и по всѣмъ привычкамъ. Такіе нѣмецкіе французы завидовали людямъ, находившимся во французской службѣ, и громко говорили, что только тѣло ихъ живетъ въ Германіи, а душа принадлежитъ французскому хорошему обществу.

Во Франціи въ концѣ 1758 произошла важная перемѣна. Кардиналъ де Берни былъ принужденъ выйти въ отставку, возбудивъ неудовольствіе двора тѣмъ, что хотѣлъ нѣсколько сократить придворные расходы и кончить непопулярную войну, видя въ этомъ надобность по разстройству финансовъ. На мѣсто Берни министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ герцогъ Шуазель, который занималъ эту должность 12 лѣтъ и постепенно завладѣлъ управленіемъ военнаго вѣдомства и финансами: онъ держался потому, что умѣлъ въ одно и то же время угождать и королю, и Помпадуръ, и литераторамъ Вольтеровскаго направленія. Онъ началъ свое управленіе удивительнымъ дѣломъ, заключивъ съ Австріею новый договоръ, который предоставлялъ австрійцамъ еще больше выгодъ, чѣмъ договоръ 1756, и совершенно молчалъ объ интересахъ Франціи.

Походъ 1759 начался побѣдою французовъ. Принцъ Фердинандъ Брауншвейгскій хотѣлъ отнять у французовъ Франкфуртъ-на-Майнѣ, который Субизъ захватилъ хитростью. Но подойдя къ этому городу, онъ встрѣтилъ французское войско подъ начальствомъ не принца Субиза, который еще не возвратился въ лагерь отъ зимнихъ парижскихъ удовольствій, а подъ командою Брольи, генерала опытнаго и осмотрительнаго. Если бы Брольи дѣйствовалъ по инструкціямъ, присланнымъ ему изъ Парижа, то попался бы въ неминуемую гибель; но онъ послѣдовалъ собственному соображенію и занялъ чрезвычайно крѣпкую позицію на горахъ у Бергена, въ $1^1/_2$ часахъ пути отъ Франкфурта. 13 апрѣля Фердинандъ штурмовалъ ее и былъ разбитъ, но отступилъ въ совершенномъ по-

рядкѣ, а французы не извлекли большой выгоды изъ своей побѣды, потому что потеряли много времени въ бездѣйствіи.

25 апрѣля во французскій лагерь пріѣхалъ Контадъ; въ іюнѣ и въ іюлѣ онъ дошелъ до Везера и переправился за эту рѣку. Но 31 іюля принцъ Фердинандъ принудилъ его къ битвѣ. Это сраженіе, происходившее у Прусскаго Миндена, кончилось невыгодно для французовъ, и они должны были отступить за Рейнъ и Майнъ. Говорятъ, что маршалъ Контадъ надѣлалъ въ минденской битвѣ много ошибокъ; но главная причина его пораженія состояла въ томъ, что въ движеніяхъ арміи, командуемой привилегированными генералами, невозможно было водворить никакого единства; многіе генералы-аристократы просто не исполняли приказаній главнокомандующаго, а поступали, какъ самимъ вздумается. Впрочемъ то же самое случилось и у побѣдителей: французская армія спаслась отъ совершенной гибели только благодаря тому, что командиръ англійской кавалеріи, лордъ Джермснъ, три раза ослушался приказанія принца Фердинанда. Его предали за это военному суду, судъ нашелъ его виновнымъ; но тѣмъ не менѣе онъ сдѣлался впослѣдствіи министромъ и въ этомъ званіи чрезвычайно портилъ своею небрежностью ходъ сѣверо-американской войны и, когда уже нельзя было оставить его министромъ, не смотря на сопротивленіе многихъ перовъ, былъ сдѣланъ членомъ верхней палаты съ титуломъ лорда Саквилля. Большимъ счастіемъ для французовъ было то, что послѣ минденскаго сраженія Фердинандъ долженъ былъ послать изъ своего войска 12 тысячный корпусъ на помощь Фридриху, положеніе котораго было тогда очень плохо; Фердинандъ Брауншвейгскій, племянникъ главнокомандующаго, посланный съ этимъ корпусомъ на востокъ, уже перешелъ было Рейнъ и одержалъ тамъ успѣхи. Благодаря этому ослабленію союзной арміи, французы расположились на зимнія квартиры почти въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ стояли въ прошлую зиму. Въ октябрѣ принцъ Субизъ былъ лишенъ начальства, и оно ввѣрено Контаду и Брольи.

По плану, составленному непріятелями Фридриха для похода 1759, русскіе съ австрійскимъ отрядомъ Лаудона должны были овладѣть Силезіею, а имперская армія Саксоніею. Русскими командовалъ Салтыковъ, а Ферморъ оставался при немъ просто совѣтникомъ; они шли впередъ медленно, и прусскій генералъ Дона, высланный противъ нихъ, сильно затруднялъ ихъ движеніе, такъ что они только въ іюлѣ дошли до Одера. Дона былъ человѣкъ осторожный и не рисковалъ вступать въ битву съ ними; Фридрихъ, уже слишкомъ презиравшій русское войско, отозвалъ Дону за то, что онъ не хотѣлъ давать сраженія. Ведель, назначенный на его мѣсто, исполнилъ приказаніе короля дать сраженіе при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. Съ отчаянною отвагою онъ аттаковалъ русскихъ 23 іюля при Цюллихау и Каѣ и былъ разбитъ. Его пораженіе могло бы сдѣлаться гибельнымъ для Пруссіи; но Салтыковъ и Ферморъ угождали желанію великаго князя Петра и не одобряли политику императрицы. Послѣ битвы они съ необыкновенною медленностью подвигались къ Франкфурту на Одерѣ. Даунъ съ главными австрійскими силами долго стоялъ безъ всякаго дѣйствія въ Лузаціи, наконецъ двинулся впередъ, послалъ Гаддика угрожать Бранденбургу, а Лаудона съ 18,000 войскомъ на подкрѣпленіе русской арміи. Фридрихъ предоставилъ своему брату Генриху трудную задачу удерживать Дауна, далеко превосходившаго Генриха силами, а самъ пошелъ на Гаддика и Лаудона, но не успѣлъ помѣшать Лаудону соединиться (7 августа) съ русскими.

Соединившись съ корпусомъ Веделя, Фридрихъ аттаковалъ русскихъ 12 августа при Кунерсдорфѣ, близъ Франкфурта. Онъ потерпѣлъ такое пораженіе, что его дѣло казалось погибшимъ, и самъ онъ сначала отчаялся. Но именно въ этомъ тяжеломъ положеніи выказалась самымъ яркимъ образомъ неистощимость его ума. Онъ быстро собралъ свое войско, разсѣявшееся во всѣ стороны, привелъ его въ порядокъ и усилилъ. Много помогло ему и несогласіе русскихъ съ австрійцами. Лаудонъ хотѣлъ, чтобы побѣдители вмѣстѣ шли на Берлинъ. Но Салтыковъ вовсе не хотѣлъ содѣйствовать австрійцамъ пріобрѣсти владычество въ Германіи, и онъ до конца августа неподвижно простоялъ во Франкфуртѣ, говоря, что войско его не въ силахъ ничего сдѣлать, пока не оправится послѣ двухъ сраженій, въ которыхъ потерпѣло очень большія потери. Наконецъ онъ пошелъ въ Силезію, но въ концѣ октября возвратился оттуда въ

Польшу. Между тѣмъ принцъ Генрихъ выказалъ себя отличнымъ генераломъ, мастерски дѣйствуя въ Саксоніи. Мы не можемъ подробно говорить объ этомъ походѣ; скажемъ только, что Генрихъ нѣсколько времени не допускалъ австрійцевъ соединиться съ русскими. Но осенью прусскій генералъ Финкъ сдѣлалъ ошибку, вслѣдствіе которой (21 ноября) попался въ плѣнъ непріятелю со всѣмъ своимъ корпусомъ, состоявшимъ изъ 12,000 человѣкъ. Это несчастіе очень повредило успѣху дѣйствій Фридриха, который боролся тогда съ Дауномъ въ Силезіи.

Борьба Фердинанда Брауншвейгскаго съ французами въ слѣдующемъ (1760) году кончилась тѣмъ, что обѣ воюющія арміи остались на зиму почти въ тѣхъ же позиціяхъ, какія занимали въ предъидущемъ году. Наслѣдный принцъ Брауншвейгскій одержалъ нѣсколько успѣховъ надъ французами и ихъ нѣмецкими союзниками; но его за нихъ такъ захвалили свои и чужіе, что онъ получилъ преувеличенное мнѣніе о своихъ талантахъ, и долго спустя послѣ семилѣтней войны, уже въ старости, ему пришлось поплатиться за это самообольщеніе.

Въ 1760 Фридрихъ блистательнѣе, чѣмъ когда нибудь, показалъ, что можетъ сдѣлать геніальный полководецъ съ хорошимъ войскомъ, дѣйствуя противъ генераловъ воюющихъ по школьной тактикѣ и стратегіи, хотя бы у этихъ генераловъ была холодная разсчетливость и огромная масса войскъ, но войскъ лишенныхъ оживляющаго духа. Армія Фридриха была уже далеко не прежняя, и генералы были не тѣ; его казна была истощена; провинцію Пруссію занимали русскіе, Вестфалія была беззащитно открыта непріятелю; Саксонія, Силезія и Бранденбургъ были опустошены; самъ онъ иногда падалъ духомъ и отчаявался въ будущемъ; но все-таки не опустилъ рукъ. Военныя дѣйствія въ Силезіи и Саксоніи начались въ 1760 только въ іюнѣ; при самомъ началѣ ихъ Фридрихъ имѣлъ несчастіе потерять крѣпость и цѣлый корпусъ. Его генералъ Фуке, на способности котораго онъ слишкомъ понадѣялся, опрометчиво вступилъ въ битву съ Лаудономъ подъ Ландсгутомъ, 23 іюня; 6,000 пруссаковъ попали въ плѣнъ; остальное войско Фуке было разсѣяно и потомъ уничтожено. Черезъ нѣсколько недѣль важная крѣпость Глацъ была сдана непріятелю комендантомъ, котораго рекомендовалъ и возвысилъ тотъ же Фуке.

Около этого времени Даунъ двинулся наконецъ изъ Саксоніи въ Силезію; но Фридрихъ сталъ угрожать Дрездену и имперской арміи; Даунъ былъ принужденъ вернуться и выручилъ Дрезденъ, часть котораго была уже сожжена Фридрихомъ. За то Лаудонъ сжегъ часть Бреславля; но принцъ Генрихъ заставилъ его снять осаду этого города. быстро передвинувшись изъ Саксоніи въ Силезію, Фридрихъ 15 августа разбилъ Лаудона подъ Лигницемъ; Салтыковъ воспользовался этимъ, чтобы отдѣлиться отъ австрійцевъ и возвратиться за Одеръ. Въ сентябрѣ Фридрихъ уже опять спѣшилъ на Эльбу противъ австрійскаго корпуса Ласси, который шелъ въ Берлинъ. Салтыковъ прислалъ Ласси подкрѣпленія, но только вслѣдствіе строгаго приказанія изъ Петербурга. 9 октября Ласси вступилъ въ Берлинъ; городу и его окрестностямъ, конечно, пришлось пострадать отъ непріятеля, но меньше чѣмъ можно было ждать: русскіе командиры держали своихъ солдатъ въ дисциплинѣ. Черезъ четыре дня непріятель ушелъ изъ Берлина, и русскіе, бывшіе у Лаудона, вернулись къ своей главной арміи. Она нѣсколько времени бездѣйствовала; австрійцы сражались съ пруссаками въ Саксоніи.

Имперская армія одержала въ Саксоніи нѣкоторые успѣхи надъ пруссаками, которые были вдвое малочисленнѣе ея, и потому осенью Фридрихъ опять явился изъ Силезіи на Эльбу. Онъ шелъ на крѣпость Торгау, очень важную для него и находившуюся въ рукахъ непріятеля. Ее прикрывали двѣ арміи: Дауна, пошедшаго за Фридрихомъ изъ Силезіи, и Лаудона. Король 3 ноября аттаковалъ Дауна, занявшаго очень крѣпкую позицію; это сраженіе, называющееся битвою подъ Торгау, было самое кровопролитное во всю войну. Пруссаки одержали блистательную побѣду; слѣдствіемъ ея было взятіе Торгау. Но все-таки Фридрихъ находился въ отчаянномъ положеніи. Саксонія уже не была въ его власти; маркграфство бранденбургское и часть Силезіи были опустошены; другую часть Силезіи занимали австрійцы; на западѣ французы прошли до Готы и Гёттингена. Ко всему этому прибавились еще другія дурныя обстоятельства: въ августѣ 1759

умеръ король испанскій Фердинандъ VI, и Испанія присоединилась къ союзу противъ Пруссіи; а въ октябрѣ 1760 умеръ Георгъ II, и навѣрное надо было ждать, что единственный вѣрный союзникъ Фридриха, Питтъ, будетъ принужденъ отказаться отъ власти.

5. Англія, Франція и Испанія во время министерства Питта Старшаго.

Расходуя большія деньги на войну въ Германіи, Питтъ имѣлъ очень вѣрный разсчетъ, что англичане получатъ огромные проценты на эти деньги въ Остъ-Индіи и въ Америкѣ. Мы должны теперь заняться событіями, происходившими во время семилѣтней войны на далекомъ востокѣ и западѣ, но ограничимся тутъ перечисленіемъ главныхъ фактовъ и ихъ результатовъ. Англійская нація пріобрѣла въ это время громадныя пространства земель въ Остъ-Индіи и въ Америкѣ, пріобрѣла колоссальныя богатства, и ея возрастающая промышленность получила безграничное поле. Но никто не предвидѣлъ, что, выигрывая во внѣшнемъ благосостояніи, нація терпитъ невознаградимую потерю въ характерѣ своей внутренней жизни. Впрочемъ, и тотъ, кто не расположенъ безусловно восхищаться процвѣтаніемъ промышленности и развитіемъ промышленной цивилизаціи, все-таки долженъ согласиться, что англичане въ царствованіе Георга II отняли у Франціи то первенство въ Европѣ, которымъ она пользовалась со временъ Лудовика XIV. Надобно сказать и то, что была извѣстная моральная польза отъ того восхищенія англійскимъ благосостояніемъ и государственнымъ устройствомъ, которое сдѣлалось европейскою модою со временъ Монтескье. Люди постепенно приходили къ убѣжденію, что свобода, свѣтъ и живое движеніе приносятъ народамъ и матеріальную выгоду, иначе сказать, что эти вещи имѣютъ и денежную цѣну, которая въ наше время признается единственымъ мѣриломъ счастія.

Борьба между Франціею и Англіею въ Остъ-Индіи дала поводъ къ основанію того громаднаго англо-остъ-индскаго царства, которое имѣетъ теперь около 150 милліоновъ человѣкъ жителей. Приготовленія англичанъ къ войнѣ послужили набобу бенгальскому предлогомъ разрушить англійскую факторію въ Калькуттѣ, тогда бывшую еще незначительнымъ поселеніемъ. Овладѣвъ ею, набобъ совершилъ ужасающую жестокость: 146 человѣкъ были заперты въ маленькую тюремную комнату, извѣстную подъ именемъ «Черной Ямы»; она имѣла только 11 футовъ длины и 18 футовъ ширины; изъ 146 запертыхъ въ нее 123 человѣка въ одну ночь умерли въ страшныхъ страданіяхъ (іюнь 1756). У англичанъ въ Остъ-Индіи было подъ командою лорда Клайва небольшое войско, состоявшее изъ 2,400 человѣкъ. Оно было такъ раздражено этимъ варварствомъ, что совершило подвиги, подобные дѣламъ воиновъ Пизарро и Кортеса, разумѣется, совершило и такія же грабительства. Въ 1757 г. Клайвъ уже уничтожилъ французское вліяніе въ Бенгаліи и на мѣсто прежняго набоба назначилъ другаго, который долженъ былъ заплатить громадныя суммы англійской остъ-индской компаніи, лорду Клайву и его солдатамъ. Черезъ годъ французы послали въ Остъ-Индію войско подъ командою графа Лальи. Человѣкъ вспыльчивый, грубый деспотъ, Лалья перессорился со всѣми французскими властями въ Остъ-Индіи, съ своими офицерами и съ командиромъ французскаго флота въ Остъ-Индіи; это разумѣется, помогало успѣхамъ англичанъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ французы были совершенно вытѣснены изъ Остъ-Индіи; въ началѣ 1761 они потеряли даже Пондишери и Маге, такъ что изъ всѣхъ ихъ владѣній на Восточномъ океанѣ и за этимъ океаномъ у нихъ остались только острова Бурбонъ и Иль-де-Франсъ. Остъ-индская англійская компанія завоевала себѣ огромное царство.

Война въ Америкѣ кончилась также несчастливо для французовъ. Они потеряли въ 1759 часть своихъ вестъ-индскихъ владѣній, а осенью слѣдующаго года англичане овладѣли всею Канадою. Мы пропускаемъ всѣ подробности этой войны; упомянемъ лишь, что 13 сентября 1759 англичане при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ одержали побѣду подъ Квебекомъ; генералъ Вольфъ, выигравшій ее, лишился въ ней жизни, но имя его пріобрѣло у англичанъ безсмертіе. Французскія владѣнія въ Африкѣ также были завоеваны

англичанами. Кромѣ того англичане на всѣхъ моряхъ захватили и истребили множество французскихъ военныхъ и купеческихъ кораблей и нѣсколько разъ дѣлали опустошительныя высадки на сѣверный берегъ Франціи.

Сравнивая состояніе Англіи и Франціи во время смерти Георга II, мы поймемъ, почему Георгъ въ концѣ своего правленія пріобрѣлъ у англичанъ популярность, а Лудовикъ XV, котораго не дальше какъ въ 1744 народъ чтилъ идолопоклонницкимъ образомъ, попалъ въ это время уже въ презрѣніе у французовъ, которые пѣли про него бранныя пѣсни. Англія несла тогда расходы по войнѣ во всѣхъ частяхъ свѣта; но зато она пріобрѣтала сокровища всѣхъ странъ своею возрастающею промышленностью и своимъ владычествомъ надъ всемірною торговлею, а правитель англійскаго государства, Питтъ, прославился во всей Европѣ, которая видѣла въ немъ идеалъ превосходнаго министра. Франція, напротивъ того, потеряла свои колоніи, свою торговлю; ея военные и купеческіе корабли были уничтожены или взяты англичанами; ея армія покрыта стыдомъ; сама она была отдана въ добычу алчнымъ откупщикамъ; правительство силою отбирало даже церковную утварь, потому что другіе источники доходовъ оказывались недостаточны; государственный кредитъ былъ истощенъ; подати возвышены до послѣдней возможности, а придворныя веселья не прекращались. Наконецъ правители французскаго государства, Помпадуръ, кардиналъ Берни, герцогъ Шуазель, были люди такой дурной репутаціи, что имъ приписывали даже такія преступленія, какихъ они, навѣрно, не совершали.

Сдѣлавшись министромъ, Шуазель тотчасъ сталъ убѣждать Испанію принять участіе въ войнѣ. Съ другой стороны, Питтъ склонялъ ее къ союзу съ Англіею. Усилія обоихъ министровъ оставались тщетны, пока жилъ Фердинандъ VI. Но когда по смерти его (въ 1759) вступилъ на испанскій престолъ Карлъ III, бывшій король неаполитанскій, Шуазель получилъ вѣрную надежду достичь своей цѣли. Карлъ питалъ расположеніе къ Франціи, гордился именемъ Бурбона, а Шуазель пользовался особенною его признательностью, ибо французскій министръ помогъ ему сдѣлать преемникомъ своимъ въ Неаполѣ одного изъ его сыновей (Фердинанда IV), вмѣсто брата, Филиппа, которому слѣдовало быть его преемникомъ по условіямъ Ахенскаго мира. Новый король испанскій тотчасъ вступилъ въ переговоры съ Франціею; предметомъ ихъ было заключеніе тѣснѣйшаго союза между всѣми членами бурбонской династіи или такъ называемый «Бурбонскій фамильный договоръ». Переговоры длились полтора года и ведены были въ такомъ же родѣ, какъ переговоры Кауница для заключенія союза между Австріею и Франціею. Это происходило отъ того, что испанцы точно также были противъ союза съ Франціею, какъ французы противъ союза съ Австріею. По этой причинѣ дѣло велось тайкомъ отъ министровъ между Шуазелемъ, Помпадуръ и королемъ Лудовикомъ, королемъ испанскимъ и его посланникомъ въ Парижѣ, Гримальди. Во время этихъ переговоровъ Шуазель дѣлалъ мирныя предложенія воюющимъ державамъ. Онъ или надѣялся прикрыть ими отъ Англіи переговоры между Франціею и Испаніею, или удовлетворялъ требованію своего короля, желавшаго заключить отдѣльный миръ съ Англіею. Была даже сдѣлана попытка созвать мирный конгрессъ: но все это не привело ни къ чему. Англія черезъ нѣсколько времени вступила въ отдѣльные переговоры съ Франціею.

По смерти Георга II (въ 1760) королемъ англійскимъ сдѣлался 23-лѣтній внукъ его, Георгъ III. Новый король не былъ даровитымъ человѣкомъ, а мать и другъ ея, шотландецъ лордъ Бьютъ, дали ему такое воспитаніе, которое далеко не могло приготовить его быть хорошимъ конституціоннымъ королемъ. Ему внушили ханжеское усердіе къ богомольству, развили въ немъ неловкое упрямство и пропитали его абсолютными понятіями. Сдѣлавшись королемъ, онъ тотчасъ сталъ оскорбляться понятіями и рѣшительнымъ характеромъ Питта, который въ его глазахъ былъ хищникомъ, отнявшимъ у короля правительственную власть. Однако Питтъ сохранялъ управленіе иностранными дѣлами еще около года, хотя Георгъ скоро по своемъ вступленіи на престолъ далъ мѣсто въ министерствѣ своему ментору и другу, лорду Бьюту (въ мартѣ 1761); Питтъ былъ принужденъ выйти въ отставку черезъ полгода по назначеніи Бьюта министромъ; поводомъ къ тому послужилъ оборотъ, какой получили переговоры съ Испаніею.

Получивъ извѣстіе о дружбѣ, устраивающейся между Франціею и Испаніею, Питтъ справедливо заключилъ, что переговоры французовъ съ англійскимъ министерствомъ имѣли цѣлью только заставить короля испанскаго заключить фамильный договоръ съ Франціею. Цѣль эта была теперь достигнута: въ августѣ 1761 Карлъ III подписалъ фамильный договоръ, по которому всѣ линіи бурбонскаго дома взаимно гарантировали свои владѣнія и обязывались помогать другъ другу во всѣхъ войнахъ. Получивъ достовѣрныя извѣстія о заключеніи этого договора, Питтъ потребовалъ въ кабинетѣ, чтобы немедленно была объявлена война Испаніи. Лордъ Бьютъ и король отвергли его требованіе, и онъ вышелъ въ отставку (5 октября 1761).

Переговоры еще болѣе замедлили и безъ того уже медленный ходъ войны въ Германіи. Лѣтомъ 1761 французы ничего не могли сдѣлать противъ Фердинанда Брауншвейгскаго, хотя были гораздо многочисленнѣе его. Успѣху ихъ мѣшало, во-первыхъ, превосходство Фердинанда надъ ихъ полководцами, во-вторыхъ, несогласіе между Субизомъ и Брольи, которые завидовали другъ другу; мѣшалъ и громадный обозъ, затруднявшій всѣ ихъ движенія. Четыре роты дворянской гвардіи, по 130 человѣкъ въ каждой, держали при себѣ обозъ, въ которомъ у каждой роты было не менѣе 1,200 лошадей; по этому одному факту можно судить, каковъ былъ обозъ всей арміи. Зимою 1761—1762 французы стали на зимнія квартиры почти въ тѣхъ же мѣстахъ, которыя занимали въ прошлую зиму.

Имперская армія и шведы играли въ 1761 ту же печальную роль, какъ и прежде; имперскимъ главнокомандующимъ былъ теперь Сербеллони; его армію безъ труда удерживали нѣсколько небольшихъ отрядовъ принца Генриха. Шведы по временамъ дѣлали попытки войти въ Бранденбургъ, но постоянно терпѣли неудачу. Въ самой Помераніи они утвердились тогда лишь, когда русскій генералъ Румянцовъ овладѣлъ Кольбергомъ; Гейденъ долго и мужественно оборонялъ эту крѣпость, но недостатокъ провіанта принудилъ ее сдаться (16 декабря). Впрочемъ и послѣ этого, пруссаки, ставшіе на зимнихъ квартирахъ въ Мекленбургѣ, цѣлую зиму держали шведовъ въ тѣсной заперти въ одномъ углу Помераніи. Шведскій сеймъ сталъ въ этомъ году сильно порицать войну; но господствующіе олигархи продолжали ее противъ воли сейма, какъ начали безъ его согласія.

Даунъ все лѣто стоялъ противъ принца Генриха въ Саксоніи; только въ ноябрѣ и декабрѣ ему удалось вытѣснить пруссаковъ изъ нѣкоторой части Саксоніи. Рѣшительныхъ дѣйствій въ 1761 ожидали въ Силезіи, гдѣ находились Лаудонъ съ большею частью австрійскихъ силъ и Фридрихъ. Но и тамъ происходили только мелкія сраженія, потому что Фридрихъ долженъ былъ беречь свое ослабѣвшее войско, а Лаудонъ ждалъ русскихъ, которые двинулись поздно и медленно. Въ іюлѣ они наконецъ пришли, но ихъ главнокомандующій, Бутурлинъ, не думалъ дѣйствовать серьезно и 9 сентября пошелъ назадъ изъ Силезіи, оставивъ у австрійцевъ только 20-тысячный корпусъ Чернышева. Съ Чернышевымъ Лаудонъ пошелъ на Швейдницъ. Гарнизонъ Швейдница былъ слабъ, хотя это была важнѣйшая крѣпость въ цѣлой Пруссіи послѣ Магдебурга; Лаудонъ взялъ ее штурмомъ 1 октября. Это было единственное важное дѣло главной австрійской арміи во весь походъ 1761.

Въ концѣ 1761 положеніе Фридриха было отчаянное. Войско его уменьшилось до того, что онъ имѣлъ едва 60,000 человѣкъ; отставка Питта была для него ударомъ еще болѣе тяжелымъ, чѣмъ потеря Швейдница, Кольберга и значительной части Саксоніи. Преемникъ Питта, лордъ Бьютъ, не возобновилъ на 1762 договора о субсидіяхъ и хотѣлъ заключить миръ отдѣльно отъ Фридриха, чтобы упрочить свое министерство. Но онъ выказалъ большую бездарность въ хлопотахъ своихъ о мирѣ: война шла счастливо для Англіи, а онъ неосторожно и неблагоразумно выказалъ свою мысль пожертвовать ради мира Фридрихомъ не только австрійцамъ, но и поклоннику Фридриха, Петру III, вступившему на русскій престолъ въ январѣ 1761.

6. Послѣднее время семилѣтней войны.

5 октября 1761 Питтъ былъ принужденъ выйти въ отставку, потому что хотѣлъ объявить войну Испаніи, а король и Бьютъ не согласились на это. Но 2 января 1762 преемникъ Питта, лордъ Бьютъ, самъ долженъ былъ сдѣлать то, чего хотѣлъ Питтъ: обнародованіе фамильнаго договора между Франціею и Испаніею принудило его къ этому. Въ томъ же январѣ адмиралъ Родни былъ отправленъ съ англійскимъ флотомъ противъ французскихъ вестъ-индскихъ владѣній. Кромѣ того англичане снарядили эскадру съ дессантнымъ войскомъ для занятія или опустошенія испанскаго острова Кубы, а черезъ нѣсколько времени другую экспедицію противъ Филиппинскихъ острововъ. Испанцы хотѣли принудить къ войнѣ съ англичанами Португалію, которая была въ союзѣ съ Англіею, и для этого вздумали поступить съ нею такъ, какъ Фридрихъ поступилъ съ Саксоніею. Но они встрѣтили въ Португаліи сопротивленіе, котораго не ожидали, и планъ ихъ разрушился. Французы въ 1762 потеряли всѣ свои вестъ-индскія колоніи; вся ихъ вестъ-индская торговля была уничтожена, какъ прежде остъ-индская. Испанія, конечно, не могла бороться съ англичанами ни на сухомъ пути, ни на морѣ, и также потерпѣла громадныя потери. Богатое складочное мѣсто ея торговли, Гаванна, была взята англичанами. Также была взята Манилья, главный пунктъ Филиппинскихъ острововъ. Англичане нашли въ Гаваннѣ и Манильѣ огромную добычу. Кромѣ того они захватили на морѣ испанскій военный корабль «Герміону», который везъ въ Испанію грузъ благородныхъ металловъ, цѣною на 6,000,000 руб. сер.; этотъ призъ считается самымъ богатымъ изъ всѣхъ когда-либо взятыхъ англичанами. Испанцы потеряли въ 1762 12 линейныхъ кораблей, и только одинъ разъ имъ удалось взять нѣсколько добычи у англичанъ: завоевавъ одну изъ португальскихъ колоній въ Южной Америкѣ, они захватили тамъ 26 англійскихъ купеческихъ судовъ съ богатымъ грузомъ и большіе запасы разныхъ товаровъ.

Побѣды и завоеванія англичанъ готовили большое затрудненіе Георгу III и его любимцу, Бьюту; они желали поскорѣе заключить миръ, потому что оба, какъ люди ограниченные и строго религіозные, чрезвычайно ненавидѣли Фридриха за его умъ и за свободный образъ мыслей; а въ Англіи съ каждымъ днемъ увеличивалось число людей, недовольныхъ, что они оставляютъ короля прусскаго безъ помощи. Оппозиція всѣми средствами агитировала народъ. Всѣ виги вышли изъ министерства; всѣ дѣльные люди отказывались отъ должностей, и были замѣщены людьми неспособными. Виги начали поднимать силу демократіи противъ короля и министра, которые противились волѣ націи. Королю и Бьюту очень хотѣлось, чтобы французы пріобрѣли въ Германіи успѣхи, сдѣлали тамъ завоеванія, въ обмѣнъ за которыя можно было бы предложить возвращеніе нѣкоторыхъ завоеваній, сдѣланныхъ англичанами въ Америкѣ и въ Азіи, и такимъ образомъ найти возможность примиренія. Но въ 1762 было мало надежды на успѣхи французовъ въ Германіи.

Брольи былъ смѣненъ, и армія ввѣрена бездарному принцу Субизу; у Фердинанда Брауншвейгскаго было тогда почти столько же войска, какъ у Субиза, и онъ оттѣснилъ его. Это поставило въ большое затрудненіе и англійскихъ министровъ, и герцога Шуазеля, который теперь также хотѣлъ мира и велъ тайные переговоры съ лордомъ Бьютомъ. Бьютъ горячо упрекалъ Шуазеля за бездарность французскаго главнокомандующаго, и Субизъ получилъ приказаніе снова идти впередъ, во что бы то ни стало. Но Субизъ не могъ удержаться даже въ прежнихъ своихъ позиціяхъ и былъ очень радъ, что, не смотря на успѣхи его противниковъ, 3 ноября были подписаны предварительныя условія мира между Франціею и Англіею. Принцъ Фердинандъ негодовалъ на Георга, какъ негодовали и англичане; онъ съ досадою отказался отъ команды. Примиреніе Франціи съ Англіею доставляло Фридриху ту выгоду, что по предварительнымъ условіямъ мира французы прекращали войну и съ нимъ; но зато онъ оставался предоставленнымъ уже исключительно однѣмъ своимъ силамъ. Въ то же время онъ имѣлъ

несчастіе видѣть, что и въ Россіи положеніе дѣлъ измѣнилось къ невыгодѣ его. Мы должны сказать теперь, какая перемѣна произошла въ Россіи.

5 января 1762 (25 декабря 1761) умерла императрица Елисавета, и русскимъ императоромъ сдѣлался Петръ III. Это подало королю прусскому первую надежду выйти изъ лабиринта, въ которомъ онъ тогда находился. Петръ былъ восторженнымъ почитателемъ Фридриха, а извѣстно было, что онъ во всемъ слѣдуетъ только своимъ наклонностямъ и капризамъ. Едва вступивъ на престолъ, онъ вошелъ въ дружескія отношенія къ Пруссіи. Съ своимъ обыкновеннымъ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ онъ спѣшилъ возстановить миръ между Россіею и Пруссіею, не слушая своихъ министровъ, не обращая никакого вниманія на договоры Россіи съ державами австрійскаго союза. 23 февраля (1762) онъ объявилъ союзникамъ Россіи, что она отдѣляется отъ нихъ. 16 марта былъ заключенъ въ Штаргардѣ миръ между Россіею и Пруссіею. 5 мая миръ этотъ былъ обращенъ въ оборонительный и наступательный союзъ. Еще до подписанія трактата о союзѣ, Чернышевъ, ушедшій въ Польшу, получилъ приказаніе идти въ Силезію и соединиться съ пруссаками.

Прямымъ слѣдствіемъ этой перемѣны русской политики было примиреніе Швеціи съ Пруссіею. Король шведскій, Адольфъ Фридрихъ, постоянно былъ противъ войны, которая не приносила Швеціи ни славы, ни выгоды, а стоила въ 1758—1761 гг. 8,000,000 талеровъ этому бѣднѣйшему изъ европейскихъ государствъ. Сеймъ, созванный въ концѣ 1760 и продолжавшійся до іюня 1762, также требовалъ мира; кромѣ того онъ вообще сильно порицалъ олигарговъ, господствовавшихъ въ Швеціи съ 1718. Адольфъ Фридрихъ легко могъ бы низвергнуть олигаргію, тѣмъ больше, что ему помогъ бы въ этомъ Петръ III, ненавидѣвшій партію, начавшую войну съ Пруссіею. Но по своей простодушной честности, король шведскій остался вѣренъ данной присягѣ и удовольствовался тѣмъ, что заставилъ напуганныхъ олигарховъ заключить миръ. Переговоры начала его супруга, сестра Фридриха II, которая прежде испытывала много оскорбленій отъ государственнаго совѣта; по заключеніи мира государственный совѣтъ публично благодарилъ ее за участіе въ этомъ дѣлѣ. 7 апрѣля 1762 было заключено перемиріе; 22 мая былъ подписанъ въ Гамбургѣ миръ между Пруссіею и Швеціею. По его условіямъ все было возстановлено въ то положеніе, какое было до войны.

Друзьямъ Фридриха недолго пришлось радоваться союзу съ русскими. 10 іюля Петръ былъ низложенъ, и на русскій престолъ вступила его супруга Екатерина II. Она не имѣла охоты сражаться за Австрію и приказала исполнить распоряженіе Петра о возвращеніи пруссакамъ крѣпостей провинціи Пруссіи. Но она отозвала въ Россію свое войско, только-что успѣвшее соединиться съ пруссаками. Однако Фридрихъ умѣлъ отлично воспользоваться тѣмъ недолгимъ временемъ, когда войско Чернышева находилось при немъ. Его успѣхамъ помогло и то, что австрійцы безразсудно вывели большую часть своихъ войскъ изъ Силезіи осенью 1761. Съ Чернышевымъ Фридрихъ оттѣснилъ Дауна за Швейдницъ и отрѣзалъ его отъ сообщеній съ этою крѣпостью; это было сдѣлано 21 іюля, когда Чернышевъ уже получилъ приказаніе идти въ Россію; но въ угожденіе королю, онъ отложилъ свой походъ па три дня и занялъ такую позицію, что австрійцамъ, не знавшимъ о полученномъ имъ приказаніи, казалось будто онъ хочетъ поддержать аттаку Фридриха. Оттѣснивъ Дауна, Фридрихъ обратилъ всѣ свои усилія на взятіе Швейдница; обладаніе этою крѣпостью упрочивало за нимъ сохраненіе Верхней Силезіи при переговорахъ о мирѣ и служило ему вознагражденіемъ за вестфальскія крѣпости, еще остававшіяся въ рукахъ французовъ. Но не раньше октября ему удалось принудить гарнизонъ Швейдница къ сдачѣ.

Имперскою арміею послѣ Сербеллони начальствовали двое генераловъ, и ее уже два раза выгоняли изъ Саксоніи. Сербеллони, командовавшій въ Саксоніи австрійскою арміею, дѣйствовалъ такъ вяло и неискусно, что пруссаки успѣли безпрепятственно пройти въ Богемію и нѣсколько времени брать тамъ контрибуціи. Въ сентябрѣ на мѣсто Сербеллони былъ назначенъ Гаддикъ. Новый австрійскій генералъ призвалъ къ себѣ всю имперскую армію, но все-таки былъ оттѣсненъ принцемъ Генрихомъ. 29 октября принцъ одержалъ блистательную побѣду надъ имперскою арміею подъ Фрейбергомъ; побѣжденные потеряли болѣе 7,000 человѣкъ.

Фрейбергское сраженіе было послѣднимъ въ семилѣтнюю войну: вслѣдъ за нимъ начались переговоры между Пруссіею и Австріею. Они начались, благодаря усиліямъ наслѣднаго принца саксонскаго, всячески хлопотавшаго о томъ, чтобы избавить свою несчастную страну отъ бѣдствій войны. Ему помогло, что 3 ноября Англія и Франція уже подписали предварительныя условія мира. Переговоры Пруссіи съ Австріею начались въ декабрѣ; передъ тѣмъ между ними было заключено перемиріе. Къ счастію для Германіи, дѣло не затянулось дольше начала слѣдующаго года: почти всѣ германскія земли были доведены войною до самаго печальнаго состоянія. Вестфалія, Гессенъ, Бранденбургъ, Силезія и Богемія были, можно сказать, совершенно опустошены; Саксонія пострадала еще больше; Ганноверъ былъ разоренъ; Франконію и Тюрингію прусскій генералъ Клейстъ успѣлъ еще разъ ограбить передъ самымъ окончаніемъ войны.

Миръ между Франціею и Англіею былъ подписанъ 10 февраля 1763 въ Парижѣ. Англія получила всѣ выгоды, какихъ только могла желать. Но по ненависти Георга III и лорда Бьюта къ Фридриху редакція нѣкоторыхъ условій этого трактата была составлена враждебно для Пруссіи или по крайней мѣрѣ коварно. Это были статьи, говорившія о выступленіи французовъ изъ прусскихъ крѣпостей на Рейнѣ. Фридрихъ былъ очень раздраженъ и уже собиралъ войска, чтобъ идти выгонять французовъ, но миръ съ Австріею покончилъ этотъ раздоръ. Англія, уничтожившая французскій и испанскій флоты, получила по Парижскому миру Канаду, Новую Шотландію, нѣсколько вестъ-индскихъ островов, Сенегалъ, всѣ владѣнія, пріобрѣтенныя французами въ Остъ-Индіи послѣ 1749, Флориду и нѣкоторыя другія владѣнія французовъ и испанцевъ за океаномъ. Англійская нація могла быть довольна миромъ на такихъ условіяхъ; да и независимо отъ нихъ для нея было большимъ благомъ уже самое прекращеніе войны, которая увеличила государственный долгъ Англіи на 80 милліоновъ фунтовъ. Тѣмъ неменѣе неудовольствіе противъ лорда Бьюта и короля осталось такъ сильно, что Бьютъ въ апрѣлѣ былъ принужденъ выйти въ отставку за то, что слишкомъ поспѣшилъ заключеніемъ мира, и въ Англіи возникло необычайное демократическое движеніе, о которомъ мы будемъ подробно говорить ниже.

Миръ между Австріею и Пруссіею былъ подписанъ 15 февраля 1763 въ Губертсбургскомъ замкѣ, близъ Лейпцига. Онъ возстановлялъ все на основаніи бреславльскаго и дрезденскаго трактатовъ; Фридрихъ, по званію курфирста бранденбургскаго, обѣщался подать голосъ въ пользу избранія эрцгерцога Іосифа въ короли римскіе. Итакъ, невыразимое бѣдствіе многихъ земель Германіи, масса долговъ, оставшихся тяготѣть и надъ потомствомъ, погибель благосостоянія трудящихся классовъ — таковы были единственные плоды интригъ и настойчивыхъ усилій самой религіозной, добродѣтельной и любимой государыни.

7. Россія при Петрѣ III.

Екатерины II умъ и образованность нашли въ Европѣ больше поклонниковъ между поэтами, философами и риторами, чѣмъ добродѣтель Маріи Терезіи. Тотъ же печальный результатъ оказывается, если мы сравнимъ императрицу Екатерину съ ея мужемъ, исторію котораго должны разсказать теперь. Екатерину до сихъ поръ превозносятъ и прославляютъ, потому что она наслѣдовала, не колеблясь ни передъ чѣмъ, своему мужу, уничтожила Польшу и устранила отъ престола своего сына. Наоборотъ, Петръ III, при всей своей благонамѣренности и честности, подвергся неуваженію, былъ устраненъ, потому что у него не было талантливости и ловкости.

Петръ III, когда еще былъ великимъ княземъ, подвергъ себя осужденію своею игрою съ гольштинскою гвардіею, своимъ энтузіазмомъ ко всему прусскому, доходившимъ до смѣшнаго, своею необразованностью и мотовствомъ, ставившимъ его въ тяжелое положеніе. Когда онъ вступилъ на престолъ, на него уже смотрѣли сомнительно. Первыя его распоряженія показывали его благородное направленіе и прекрасныя намѣренія; но въ нихъ не было русскаго отпечатка, и они были составлены и исполнены съ болѣзненною торопливостью, хотя его предостерегали совѣтники, дѣльные люди, Волковъ и Воронцовъ. Онъ возвра-

тилъ изъ ссылки всѣхъ политическихъ преступниковъ, пострадавшихъ въ прежнія царствованія, въ томъ числѣ Бирона и Миниха. Только Бестужевъ не получилъ этой милости, потому что составлялъ съ супругою Петра замыселъ противъ него. Петръ отмѣнилъ пытку и уничтожилъ ужасную тайную канцелярію, это полицейское учрежденіе, которое съ страшнымъ тиранствомъ судило дѣла по государственнымъ преступленіямъ и вело свое начало отъ варварскихъ и свирѣпыхъ временъ Ивана Васильевича Грознаго (т. V, стр. 299—300). Эта тайная канцелярія не смотрѣла ни на санъ, ни на заслуги; она защищала самаго низкаго обвинителя и не дозволяла обвиненному никакой защиты; если обвиненный спасался отъ смерти вліяніемъ сильныхъ друзей, она все-таки ссылала его въ Сибирь. Это учрежденіе соотвѣтствовало надобностямъ тогдашняго русскаго государственнаго устройства. Петръ III поступилъ слишкомъ благородно, если можно такъ выразиться, уничтоживъ это гнусное учрежденіе въ такое время, когда своими распоряженіями раздражалъ дворянство и гвардію и когда составлялся противъ него заговоръ.

Петръ съ благороднымъ самопожертвованіемъ отказался отъ нѣкоторой части своихъ самодержавныхъ правъ, чтобы дать независимость своему дворянству. Онъ былъ такъ благоразуменъ, что уничтожилъ грубую и убыточную роту тѣлохранителей, существовавшую при его предшественницѣ. Но онъ оскорбилъ русскую армію тѣмъ, что ввелъ прусскую форму и прусское строевое обученіе и тѣмъ, что изъ пристрастія къ своему маленькому Гольштинскому герцогству, объявилъ свой гольштинскій кирасирскій полкъ русскимъ конно-гвардейскимъ полкомъ. Онъ навлекъ на себя насмѣшки своею торопливостью и между прочимъ тѣмъ, что носилъ при собственномъ дворѣ прусскій мундиръ. Наконецъ онъ рискнулъ на безразсудную попытку преобразовать духовенство и церковные обряды. Онъ хотѣлъ, чтобы духовенство перестало носить бороды, измѣнило костюмъ и преобразовало всю церковную внѣшность. Встрѣтивъ сопротивленіе, онъ отказался отъ этой мысли, но отнялъ у духовенства управленіе церковными имѣніями и возбудилъ этою мѣрою всеобщее неудовольствіе, хотя впослѣдствіи Екатерина II легко провела ее. Духовенству тѣмъ легче было возстановить народъ противъ императора, что онъ возвысилъ подушную подать съ крестьянъ, имѣлъ неосторожность отмѣнить при своемъ дворѣ посты и не исполнялъ многихъ церковныхъ обычаевъ.

Онъ также возстановилъ противъ себя всѣ иностранныя правительства, задумавъ безразсудный походъ, угрожавшій нарушеніемъ европейскаго равновѣсія. Одинъ Фридрихъ Великій оставался расположенъ къ нему, но и тотъ не одобрялъ его замысла, да и вообще принималъ дружбу Петра съ большою осторожностью. Императоръ хотѣлъ отнять у Даніи ту часть гольштинскихъ владѣній, которую датчане присвоили себѣ во время сѣверной войны (стр. 17 — 30); никакія возраженія его совѣтниковъ не могли убѣдить его, что эта мысль безразсудна; но между тѣмъ какъ онъ занимался мыслью о походѣ на датчанъ, подлѣ него составлялся совершенно незамѣчаемый имъ заговоръ.

Его душою была княгиня Дашкова. Другими главными лицами въ заговорѣ были: Григорій Орловъ, его братья; Кириллъ Разумовскій, имя котораго намъ уже знакомо (стр. 126); шефъ полка, при помощи котораго думали исполнить переворотъ; графъ Панинъ, обергофмейстеръ великаго князя Павла, и генералъ-прокуроръ Глѣбовъ, которому Петръ вполнѣ довѣрялся. Заговорщики держали себя такъ неосторожно, что замыселъ ихъ разгласился; но Петра постепенно успѣли успокоить до непостижимой беззаботности; Волковъ, Минихъ, прусскій посланникъ и самъ Фридрихъ Великій напрасно предостерегали его. За день до переворота ему было сдѣлано судебное донесеніе о заговорѣ; но и тутъ онъ взглянулъ на это дѣло, какъ на вещь, нетребующую быстрыхъ мѣръ. Вмѣсто того, чтобы спѣшить въ Петербургъ, онъ спокойно остался въ Ораніенбаумѣ. 9 іюля (28 іюня) 1762 въ 7 часу утра Екатерина пріѣхала изъ Петергофа въ Петербургъ и привела къ присягѣ на вѣрность гвардію. Архіепископъ новгородскій въ каѳедральномъ соборѣ далъ этому религіозное освященіе. Но пока обрядъ совершался въ церкви, передъ нею Екатерина уже была провозглашена правительствующею императрицею. Остальныя войска и сенатъ не замедлили признать ея власть.

VIII. ДВИЖЕНІЕ

ВЪ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ И БОРЬБА КАТОЛИЧЕСКИХЪ ПРАВИТЕЛЬСТВЪ СЪ ІЕЗУИТСТВОМЪ И ПАПИЗМОМЪ.

---

1. Введеніе.

Около половины XVIII вѣка въ католической Европѣ началась борьба противъ іезуитовъ, кончившаяся уничтоженіемъ ихъ ордена. Подобно всѣмъ измѣненіямъ существующаго порядка, производившимся въ Европѣ до французской революціи, эта перемѣна была совершена самими правительствами. Но они боролись вовсе не противъ ученія, проповѣдуемаго іезуитами, и не противъ моральной или религіозной стороны ихъ орденскихъ учрежденій. Напротивъ, государи и министры, вліяніемъ которыхъ былъ уничтоженъ орденъ, ничего не имѣли противъ его догматики, какъ не имѣли ничего противъ ученія и учрежденій католической церкви. Они вооружились на орденъ только за политическую сторону его дѣятельности и руководились тѣми же побужденіями, по какимъ нынѣ повсюду преслѣдуютъ демократическія и демагогическія общества. Дѣло въ томъ, что іезуиты стали силою, очень опасною для правительствъ. Они получили почти безграничное господство надъ сердцами людей, составляли государство въ государствѣ и служили только своему генералу и папѣ, интересы которыхъ были совершенно иные, чѣмъ интересы того или другаго свѣтскаго правительства. Со стороны догматики орденъ былъ опасенъ для правительствъ только въ одномъ отношеніи: онъ проповѣдовалъ казуистическую мораль и руководился принципомъ, что «цѣль освящаетъ средства». Наконецъ іезуитскій орденъ былъ опасенъ своимъ денежнымъ могуществомъ: основывая большія торговыя предпріятія въ Европѣ и въ Америкѣ, онъ отбивалъ всѣ важныя коммерческія дѣла у частныхъ людей. Эта опасность, которою грозилъ орденъ матеріальному благосостоянію государствъ, подала первый поводъ къ борьбѣ противъ него.

Прежде чѣмъ разсказывать о самой борьбѣ, полезно будетъ показать, какими способами іезуитскій орденъ упрочивалъ свое господство надъ умами людей. Онъ былъ тайнымъ союзомъ для охраненія средневѣковой религіи и іерархіи, союзомъ, охватывавшимъ весь земной шаръ, былъ духовной аристократіею, старавшеюся задержать всякій прогрессъ, кромѣ матеріальнаго. Устройство его было таково, что онъ могъ проникать во всѣ круги и отрасли жизни и имѣть вліяніе на важнѣйшія правительственныя дѣла. Онъ имѣлъ членовъ во всѣхъ сословіяхъ и состояніяхъ; по его уставу, можно было принадлежать къ нему, оставаясь міряниномъ. Посредствомъ своихъ духовниковъ и проповѣдниковъ онъ господствовалъ надъ государями и аристократами и владѣлъ всѣми тайнами ихъ; кромѣ того онъ могъ располагать для своихъ цѣлей громадными денежными средствами. Наконецъ, онъ владычествовалъ надъ всѣми учебными заведеніями католической Европы, имѣлъ кромѣ того повсюду свои особыя училища для образованнаго класса; преподавателями въ этихъ училищахъ были исключительно его члены. Благодаря методу преподаванія, введенному въ его школахъ, онъ завладѣвалъ всѣми даро-

витыми людьми и воспитывалъ изъ нихъ софистовъ, чтобы они годились на службу ему. Ограниченныхъ учениковъ онъ возвращалъ государству, наполнивъ ихъ однимъ мертвымъ знаніемъ и притупивъ ихъ умъ зубреніемъ и долбяжкой. Набить память фактами, развить ученую гордость и холодную разсудительность, поселить лживое суевѣріе и пустую игру фантазіи — вотъ тѣ основанія, на которыхъ въ іезуитскихъ школахъ основывалось все воспитаніе и развитіе человѣка. До какой степени это доходило, до какой степени іезуиты-преподаватели умѣли овладѣвать мыслями даровитѣйшихъ юношей и дѣлать ихъ своими слугами — лучше всего видно изъ письма, которое писалъ знаменитый философъ Рейнгольдъ, когда былъ 14-лѣтнимъ юношею и учился въ одной изъ іезуитскихъ школъ. Этотъ юноша, обязанный своимъ освобожденіемъ изъ умственнаго рабства уничтоженію іезуитскаго ордена, перешедшій потомъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ въ протестантство и сдѣлавшійся первымъ распространителемъ Кантовой философіи въ Германіи, писалъ въ сентябрѣ 1773 своему отцу: «Я не смѣлъ сознательно и съ согласія собственной воли думать о родительскомъ домѣ, потому что безъ нарушенія святаго правила нельзя думать о немъ иначе, какъ только въ намѣреніи молиться за родителей и близкихъ. Такой усердный христіанинъ, какъ вы, милый батюшка, почти нехуже духовнаго лица знаетъ, что есть узы болѣе святыя, чѣмъ узы грѣховной природы, и что человѣкъ, умершій плотію и живущій только духомъ, собственно не можетъ имѣть другаго отца, кромѣ небеснаго, ни другой матери, кромѣ своего святаго ордена, ни другихъ родственниковъ, кромѣ своихъ братьевъ о Христѣ, ни другаго отечества, кромѣ неба. Привязанность къ плоти и крови, какъ единогласно утверждаютъ всѣ духовные учители, есть одна изъ крѣпчайшихъ цѣпей, которыми сатана приковываетъ насъ къ землѣ. Я, дѣйствительно, имѣлъ съ этимъ врагомъ нашего совершенства вчера вечеромъ, ночью и нынѣ утромъ борьбу, почти столь же тяжелую, какъ въ началѣ моего поприща. Ибо ежеминутно прельщалъ онъ духовныя очи мои папашей и мамашей, братьями и сестрами».

Первое нападеніе на іезуитовъ, какъ мы говорили, было вызвано тѣмъ, что они обращали свое могущество на основаніе новой свѣтской державы и на пріобрѣтеніе огромныхъ богатствъ. Папская булла 1741 запрещала іезуитамъ всякую торговлю и промышленность и всякое свѣтское господство надъ новообращенными народами; но орденъ продолжалъ свои обширныя денежныя операціи, основалъ въ Южной Америкѣ независимое государство и присвоилъ себѣ неограниченную властъ надъ нимъ. Это государство возникло изъ миссій, основанныхъ іезуитскимъ орденомъ въ испанской и въ португальской частяхъ Парагвая. Оно обнимало очень значительное пространство земли; іезуиты присвоили себѣ исключительную власть надъ нимъ, пользуясь богомольствомъ испанскихъ и португальскихъ королей, у которыхъ выпрашивали самыя чрезмѣрныя привилегіи. Это государство было устроено такъ, что обращенные индѣйцы пользовались матеріальнымъ благосостояніемъ, были безусловно послушны и преданы господствовавшимъ надъ ними іезуитамъ, а орденъ получалъ большіе доходы изъ этихъ владѣній своихъ. Управленіе было совершенно патріархально. Отцы іезуиты, имѣвшіе надъ миссіями или округами духовную и свѣтскую власть, заботились о потребностяхъ индѣйцевъ, руководили всѣми дѣйствіями ихъ и всѣми подробностями ихъ жизни и устраивали все такъ, что ихъ подданные были дѣйствительно счастливы и безпорочны, но зато не имѣли ни о чемъ понятія, никакой самостоятельности, жили не какъ люди, а какъ стадо овецъ. Время индѣйцевъ было съ точностью распредѣлено по строгому порядку между земледѣльческими или ремесленными работами, молитвами и умѣренными земными наслажденіями; все, что они вырабатывали, шло въ магазины іезуитовъ за вычетомъ нужнаго на содержаніе индѣйцевъ, а изъ магазиновъ поступало во всемірную торговлю. Такимъ образомъ орденъ ежегодно получалъ огромныя суммы. Чтобы навсегда упрочить свое владычество, іезуиты очень строго наблюдали, чтобы ни одинъ испанецъ или португалецъ не появлялся въ ихъ странѣ, и не посылали въ американскія миссіи тѣхъ членовъ своего ордена, которые были родомъ испанцы или португальцы, а посылали только другихъ европейцевъ.

Кромѣ очень большихъ суммъ изъ своихъ американскихъ владѣній, орденъ умѣлъ извлекать много денегъ и изъ другихъ частей испанской и португальской

Америки. Во всѣхъ этихъ земляхъ іезуиты выказывали одинаковое корыстолюбіе и властолюбіе. Постепенно они присвоили себѣ почти всю десятину, принадлежавшую государству или капитуламъ, не стѣсняясь ни правами другихъ духовныхъ, ни правами короны. Еще въ 1722 Хуанъ Палафоксъ, архіепископъ мексиканскій, очень правдиво описавшій папѣ іезуитскія продѣлки, говорилъ: «Почти все имущество Южной Америки находится въ рукахъ іезуитовъ; двѣ коллегіи ихъ имѣютъ до 300,000 овецъ каждая; въ провинціи Мексико имъ принадлежатъ шесть самыхъ большихъ сахарныхъ заводовъ, изъ которыхъ иные даютъ въ годъ больше 100,000 талеровъ дохода; у ордена есть помѣстья, имѣющія по нѣскольку миль въ окружности; у него много богатыхъ серебряныхъ рудниковъ», и т. д.

Это захватываніе земель, торговли и богатствъ вызывало громкія жалобы на іезуитовъ еще въ началѣ XVIII вѣка. Но орденъ, полагаясь на силу своихъ духовниковъ, не слушался ни рѣшенія свѣтскаго суда, ни папскихъ приказаній. Особенно замѣчателенъ случай, съ которымъ связана уже извѣстная намъ булла 1741. Іезуиты принудили архіепископа мексиканскаго, Хуана Палафокса, бѣжать отъ нихъ въ горы. Они преслѣдовали этого почтеннаго, истинно-религіознаго человѣка даже по смерти его; по ихъ проискамъ отчеты, которые онъ посылалъ папѣ, были осуждены инквизиціею и сожжены рукою палача. Но король испанскій Карлъ III вступился за религію, оскорбляемую въ лицѣ архіепископа, который подвергался преслѣдованію и въ могилѣ; онъ принудилъ инквизицію отмѣнить приговоръ, велѣлъ напечатать отчеты честнаго Палафокса и даже выхлопоталъ, чтобы его признали святымъ. Но могущественный орденъ успѣлъ впослѣдствіи получить вліяніе и на этого короля, и только политическая неосторожность іезуитовъ, уже нѣсколько лѣтъ спустя, дала испанскимъ министрамъ возможность склонить своего короля къ серьезнымъ мѣрамъ противъ ордена. Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ:

Въ 1750 Испанія и Португалія заключили трактатъ для прекращенія разныхъ споровъ, бывшихъ между ними. Іезуиты отважились противиться исполненію этого договора и наконецъ стали даже формально воевать съ Португаліею. Испанія съ Португаліею спорили главнымъ образомъ изъ-за колоніи Санъ-Сакраменто, лежащей при устьѣ рѣки Ла-Платы: испанцы присвоивали себѣ оба берега этой рѣки. Португальцы думали, что въ Парагваѣ находятся богатые золотые рудники, а испанцы желали удалить португальцевъ изъ колоніи Санъ-Сакраменто, лежащей слишкомъ близко къ Буэносъ-Айресу, бывшему тогда испанскимъ владѣніемъ; такимъ образомъ спорившія державы согласились помѣняться владѣніями: испанцы получали Санъ-Сакраменто и уступали за это португальцамъ свою часть Парагвая. Іезуиты воспротивились этому договору и своимъ вліяніемъ при испанскомъ и португальскомъ дворахъ успѣли замедлить его исполненіе. Они хотѣли даже, чтобы этотъ договоръ былъ уничтоженъ и замѣненъ другимъ. Но всѣ ихъ усилія были разстроены тѣмъ обстоятельствомъ, что управленіе Португаліею досталось министру, который съ непоколебимой энергіей стремился освободить свою родину отъ средневѣковыхъ цѣпей и съ безпощадною суровостью сокрушалъ все, что противилось автократической власти правительства. То былъ маркизъ Помбаль. Онъ настоялъ, чтобы договоръ объ обмѣнѣ былъ исполненъ: по его волѣ были посланы для произведенія обмѣна испанскій и португальскій коммисары и на мѣстѣ согласились о подробностяхъ размѣна. Но когда они рѣшили отдать Парагвай Португаліи и переселить его жителей въ другія области, іезуиты воспротивились этому вооруженною силою, поднявъ своихъ индѣйцевъ.

Тогда въ Парагвай явились испанскія и португальскія войска. Индѣйцы не покорялись. Началась война, тянувшаяся цѣлые годы. Испанско-португальское войско побѣдило наконецъ индѣйцевъ, необученныхъ военному дѣлу, и борьба съ ними кончилась въ 1755 такъ же возмутительно, какъ нѣкогда борьба Кортеса и Пизарро съ цвѣтущими мексиканскимъ и перуанскимъ царствами. Страна была превращена въ пустыню; ея культура уничтожена; несчастные воспитанники іезуитовъ, если не были истреблены войною, были проданы въ невольничество въ другія земли или бѣжали въ тѣ первобытные лѣса, въ степи и горы, изъ которыхъ были выведены іезуитами. Поэтому войну, поднятую іезуитами въ Америкѣ, можно разсматривать съ двухъ разныхъ точекъ зрѣнія. Возмутительно, правда, что духовный орденъ произвелъ кровопролитіе для сохраненія своей свѣтской

власти. Но съ другой стороны, нельзя и осуждать іезуитовъ, что они всѣми средствами хотѣли защитить основанное ими духовно-свѣтское государство. Хотя это государство не допускало самостоятельнаго развитія личности, но все же оно было лучше всего, созданнаго впослѣдствіи либерализмомъ въ другихъ странахъ. Насильственнымъ исполненіемъ договора, заключеннаго между Испаніею и Португаліею, члены счастливаго семейства были лишены строгой, но отеческой заботливости своихъ прежнихъ владыкъ: овцы вѣрно охранявшагося стада были отданы въ жертву волкамъ. Іезуиты заслужили проклятіе не въ Америкѣ, гдѣ создали матеріальное счастіе, а въ Европѣ, гдѣ мѣшали всякому прогрессу, извиняли и оправдывали всякій выгодный имъ порокъ. Эти іезуиты, столь прозаично практическіе въ остальной своей исторіи, являются въ Америкѣ благородными энтузіастами, погибающими въ борьбѣ съ дипломатической и административной прозой. Возстаніе индѣйцевъ надобно приписать исключительно іезуитамъ, которые, если бы хотѣли, легко могли бы склонить своихъ духовныхъ дѣтей къ повиновенію королевскимъ повелѣніямъ, потому что эти духовныя дѣти безусловно слушались ихъ во всемъ. Возстаніе индѣйцевъ подало поводъ къ тѣмъ мѣрамъ, которыя были приняты противъ іезуитскаго ордена сначала въ Лиссабонѣ, потомъ въ Парижѣ и Мадридѣ, и привели наконецъ къ уничтоженію его.

2. Мѣры противъ іезуитовъ во Франціи.

Вслѣдъ за войною противъ іезуитовъ и питомцевъ ихъ въ Америкѣ, іезуиты возбудили во Франціи процесъ, раскрывшій всему свѣту, что орденъ не только ведетъ торговлю и денежныя спекуляціи въ противность папскому запрещенію, но и прилагаетъ свою казуистику къ обману своихъ кредиторовъ. Іезуитъ Ла-Валеттъ, генералъ-суперіоръ одного изъ вестъ-индскихъ округовъ ордена, велъ очень большую торговлю, и съ 1747, если нераньше, орденъ поддерживалъ его спекуляціи своими деньгами и кредитомъ. Онъ велъ обороты съ главными европейскими гаванями, повсюду имѣлъ корреспондентовъ и агентовъ. Когда въ 1755 началась война между Франціею и Англіею (стр. 139), корабли Ла-Валетта были захвачены англичанами. Вслѣдствіе этого долженъ былъ остановить свои платежи одинъ изъ главныхъ торговыхъ домовъ Марсели, принявшій векселя на грузы кораблей, адресованныхъ къ нему; его банкротство повлекло за собою несостоятельность многихъ другихъ домовъ. Всѣ потерпѣвшіе убытокъ обратились къ французскимъ судилищамъ, требуя вознагражденія отъ самого ордена, который ручался за Ла-Валетта. Но іезуиты, имѣя при дворѣ силу, выхлопотали въ 1760 кабинетское приказаніе, которымъ всѣ процесы по дѣлу Ла-Валетта велѣно было перенести въ большую палату парижскаго парламента.

Іезуиты надѣялись, что въ большой палатѣ жалоба на нихъ будетъ погребена подъ спудъ. Но они очень ошиблись. Вопервыхъ, большинство въ парламентѣ составляли янсенисты, то есть смертельные враги іезуитовъ, а во вторыхъ, парламентъ былъ тайно возбуждаемъ къ преслѣдованію іезуитовъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, герцогомъ Шуазёлемъ, приверженцемъ новой французской философіи. Неудивительно поэтому, что парламентъ присудилъ орденъ къ уплатѣ всѣхъ протестованныхъ векселей и къ вознагражденію убытковъ. Но дѣло на этомъ не остановилось, а приняло дальнѣйшій ходъ, гибельный для іезуитовъ. Очень дурно для нихъ было уже то, что въ парламентахъ всѣ процесы производились публично, и по поводу ихъ процеса открылись вещи, удивившія всю Европу. Парламентъ въ своей ненависти къ ордену не ограничился разсмотрѣніемъ предложенныхъ ему дѣлъ и пошелъ въ своихъ рѣшеніяхъ несравненно дальше. Онъ запретилъ всѣмъ духовнымъ лицамъ вести торговыя дѣла и назначилъ слѣдствіе о томъ, находится ли и въ какой степени находится въ противорѣчіи съ французскими законами самое существованіе іезуитскаго ордена. Людовикъ XV, штурмуемый своимъ духовникомъ, сначала сталъ было противиться исполненію этого парламентскаго рѣшенія; но его сопротивленіе не помогало дѣлу, потому что французскіе парламенты, подобно палатному суду нѣмецкой имперіи, судили независимо отъ государя (какъ cours souveraines), хотя его именемъ. Также не

помогло и другое іезуитское средство — выставлять дѣйствія парламента какъ слѣдствіе вражды янсенистовъ къ ордену. Парламентъ произнесъ, напечаталъ и обнародовалъ два подобные приговора, объявлявшіе іезуитскій орденъ и учреждавшія его папскія буллы нарушеніемъ основныхъ законовъ Франціи, запретилъ іезуитамъ принимать новыхъ членовъ и содержать училища, осудилъ всѣхъ казуистическихъ писателей ордена, какъ распространителей возмутительнаго ученія, и постановилъ сжечь ихъ сочиненія рукою палача (августъ 1761).

Напрасно король повелѣлъ отсрочить на годъ исполненіе этихъ парламентскихъ рѣшеній; напрасно почти все французское духовенство подписало апологію іезуитовъ. Парламентъ остался при своихъ рѣшеніяхъ и отвѣчалъ духовенству подробнымъ оправданіемъ своего образа дѣйствій. Самъ король сталъ колебаться, потому что, если его духовникъ и духовенство дѣйствовали на него въ пользу іезуитовъ, то Шуазель и Помпадуръ подстрекали его противъ нихъ. Онъ уговаривалъ іезуитовъ измѣнить тѣ статьи орденскаго устава, которыя особенно возмущаютъ публику; но генералъ ордена, Риччи, далъ ему характеристическій отвѣтъ, что орденъ предпочитаетъ погибнуть, чѣмъ измѣниться (sint, ut sunt, aut non sint!). Послѣ такого отвѣта король пересталъ противиться парижскому парламенту, сторону котораго приняли и всѣ другіе парламенты Франціи. Тогда парижскій парламентъ привелъ въ исполненіе свои приговоры и 6 августа 1762 объявилъ іезуитскій орденъ уничтоженнымъ. Архіепископъ парижскій и папа стали заступаться за орденъ, но и ихъ усилія остались напрасны. Пастырское посланіе архіепископа парижскаго въ защиту ордена было по распоряженію парламента въ январѣ 1764 сожжено рукою палача; парламентъ опредѣлилъ даже арестовать архіепископа, но король спасъ его высылкой изъ предѣловъ епархіи. Папа Климентъ XIII прислалъ во Францію два бреве на защиту ордена; парламентъ объявилъ ихъ посягательствомъ на французскіе законы, запретилъ обнародовать всѣ посланія и акты, присылаемые изъ Рима, и велѣлъ іезуитамъ въ теченіе мѣсяца выѣхать изъ Франціи.

Конечно, такихъ радикальныхъ рѣшеній нельзя было исполнить безъ согласія короля; онъ не давалъ его, потому что дворъ не одобрялъ дѣйствій парижскаго парламента противъ іезуитовъ и вообще былъ въ ссорѣ съ парламентами по разнымъ дѣламъ. Наконецъ, уже въ декабрѣ 1764 король высказалъ свое рѣшеніе; оно было одинаково неблагопріятно и парижскому парламенту, и іезуитамъ. Король объявилъ не дѣйствительными всѣ рѣшенія парламента противъ іезуитовъ, но собственнымъ королевскимъ полномочіемъ уничтожалъ іезуитскій орденъ во Франціи. Онъ далъ іезуитамъ только одно облегченіе, дозволивъ остаться во Франціи, если они будутъ повиноваться законамъ королевства и вести себя какъ вѣрные подданные.

3. Помбаль и португальскіе іезуиты.

Прежде чѣмъ уничтожили іезуитскій орденъ во Франціи, онъ былъ уже уничтоженъ въ Португаліи, и уничтоженъ съ гораздо большею суровостью. Въ Португаліи гонителемъ іезуитовъ былъ министръ Помбаль. Помбаль долго былъ посланникомъ въ Лондонѣ и Парижѣ, гдѣ познакомился съ французскою философіею и съ новыми учрежденіями европейскихъ государствъ; возвратившись на родину въ 1750, онъ пришелъ къ убѣжденію, что его соотечественники болѣе чѣмъ на столѣтіе отстали отъ Европы и что въ этомъ виноваты іезуиты, держащіе въ своихъ рукахъ правительство и все народное просвѣщеніе. Въ Вѣнѣ онъ женился на графинѣ Даунъ, которая была въ тѣсной дружбѣ съ супругою короля португальскаго, Іоанна V, австрійскою принцессою; черезъ нее онъ вскорѣ по возвращеніи сталъ имѣть большой вѣсъ въ правительствѣ. Черезъ нѣсколько времени Іоаннъ V умеръ. Его сынъ и преемникъ, Іосифъ Эммануилъ, находился совершенно подъ властью вдовствующей королевы, и Помбаль, сдѣлавшись министромъ, получилъ такую силу, какой никто никогда еще не имѣлъ въ Португаліи. Онъ сохранилъ эту власть во все царствованіе Іосифа Эммануила, хотя его принципы и образъ дѣйствій нисколько не соотвѣтствовали мнѣніямъ и характеру короля. Помбаль былъ человѣкъ чрез-

вычайно энергическій и твердый, имѣлъ отъ природы всѣ качества деспота; Іосифъ Эммануилъ былъ вялъ, сладострастенъ, суевѣренъ и трусливъ, ребячески боялся всѣхъ, даже своей жены; онъ искалъ и находилъ защиту только въ Помбалѣ, который нарочно поддерживалъ его страхи и подозрѣнія.

Мы уже говорили, какимъ образомъ въ 1755 Помбаль уничтожилъ іезуитское государство въ Америкѣ. Вслѣдъ затѣмъ онъ началъ смертельную борьбу противъ іезуитовъ въ самой Португаліи. Два года онъ дѣйствовалъ противъ нихъ тайкомъ, потому что нельзя было прямо начать дѣйствовать противъ нихъ открыто; они слишкомъ укоренились при португальскомъ дворѣ. Но они сами скоро подали ему случай вооружиться на нихъ съ величайшею энергіею: за политическія реформы Помбаля и за суровость, съ какой онъ выполнялъ ихъ, іезуиты начали выставлять его передъ королевской фамиліею и передъ народомъ человѣкомъ подозрительнымъ, безбожнымъ, опаснымъ. Они называли его единственнымъ и прямымъ виновникомъ возмущенія, вызваннаго въ Опорто однимъ изъ его постановленій по торговлѣ; они говорили, будто Помбаль устроилъ мятежъ, чтобы запутать въ него іезуитскій орденъ. Но Помбаль съ своей стороны обратилъ на нихъ то самое оружіе, которымъ они старались уронить его. Онъ объявилъ мятежъ ихъ дѣломъ и припомнилъ трусливому королю всѣ прежнія агитаціи, въ которыхъ они участвовали, запугалъ короля и склонилъ его къ самымъ враждебнымъ мѣрамъ противъ ордена.

Король былъ убѣжденъ, что только энергія Помбаля можетъ защитить его отъ іезуитовъ и отъ собственной его семьи, которую патеры возстановили противъ него. Въ сентябрѣ 1757 онъ согласился приказать, чтобы всѣ іезуиты были удалены отъ двора и замѣщены другими духовниками. Вслѣдъ затѣмъ Помбаль напечаталъ двѣ оффиціальныя записки, въ которыхъ его образъ дѣйствій противъ іезуитовъ оправдывался объясненіемъ ихъ поступковъ въ Южной Америкѣ и въ Португаліи, и всѣ монархи приглашались преслѣдовать іезуитовъ, какъ враговъ монархической власти. Записки эти были распространены Помбалемъ по всей Европѣ и много содѣйствовали тому, что и другія правительства стали враждебно дѣйствовать противъ ордена. Помбаль представилъ ихъ и папѣ Бенедикту XIV, требуя отъ него совершеннаго преобразованія ордена. Папа уступилъ требованію министра и въ апрѣлѣ 1758 назначилъ архіепископа Сальданью, патріарха португальскаго, визитаторомъ и преобразователемъ іезуитскаго ордена въ Португаліи. Въ маѣ Сальданья объявилъ іезуитовъ виновными въ томъ, что они, не смотря на запрещеніе папы, ведутъ торговлю и денежныя спекуляціи. Черезъ два мѣсяца онъ запретилъ имъ быть проповѣдниками и духовниками, говоря, что они пользовались исповѣдью и проповѣдываніемъ для раздраженія народа противъ правительства. Но вслѣдъ затѣмъ Бенедиктъ XIV умеръ, папою сдѣлался (въ іюлѣ 1758) Клементъ XIII, благопріятствовавшій іезуитамъ. Тогда дѣла пошли въ ихъ пользу. Расположеніе новаго папы къ ордену поставило бы Помбаля въ большое затрудненіе, еслибы одна любовная интрига короля не дала министру случай запутать орденъ въ уголовное дѣло.

Король, человѣкъ очень развратный, долго жилъ съ маркизою де Тавора, а потомъ сталъ жить съ одною ея родственницею. Народъ и фамилія маркизы не видѣли въ этомъ ничего предосудительнаго; но черезъ нѣсколько времени герцогъ Авейро, глава фамиліи Тавора, составилъ съ двумя маркизами Тавора заговоръ убить короля, нанялъ нѣсколько бандитовъ и 3 сентября 1758 сталъ съ ними въ засадѣ на дорогѣ, по которой король ѣздилъ къ своей любовницѣ, чтобы убить его, когда онъ поѣдетъ. Были сдѣланы три выстрѣла; король получилъ легкую рану, но страшно перепугался. Помбаль схватился за этотъ случай, чтобы истребить часть аристократіи, которая жестоко ненавидѣла его, а съ нею погубить и іезуитовъ. Ему легко было запутать іезуитовъ въ это дѣло, потому что д'Авейро и его фамилія были въ близкихъ отношеніяхъ съ ними, а получить приговоръ было еще легче при тогдашнемъ характерѣ португальскихъ судилищъ. Помбаль исполнилъ свой планъ съ величайшею строгостью, суровостью и жестокостью. Онъ арестовалъ почти всю фамилію Тавора, приставилъ караулы къ домамъ іезуитовъ и велѣлъ записывать всѣхъ ихъ посѣтителей. Арестованные были подвергнуты пыткѣ; по тогдашнему это ничего не значило: потомъ ихъ заковали въ цѣпи и заперли въ самыя гнусныя темни-

цы. Въ январѣ они были признаны виновными въ покушеніи на жизнь короля, а важнѣйшіе іезуиты—ихъ соучастниками. Черезъ четыре дня послѣ приговора главные заговорщики были казнены, повѣшены, колесованы и сожжены. Множество другихъ людей брошено въ тюрьмы, одно описаніе которыхъ приводитъ въ ужасъ; многіе изъ этихъ несчастныхъ вовсе и не были въ близкихъ отношеніяхъ съ казненными.

Тогда Помбаль началъ смертельную борьбу съ іезуитами; она была сама по себѣ чрезвычайно несправедлива, но результаты ея были благотворны для всей Европы. Въ январѣ 1759 все имущество іезуитовъ было конфисковано безъ всякаго уваженія къ благотворительнымъ учрежденіямъ, которыя содержались изъ іезуитскихъ доходовъ, и къ волѣ лицъ, основавшихъ эти учрежденія и поручившихъ ихъ управленію іезуитовъ. Напрасно протестовалъ папа, протестовали сотни епископовъ разныхъ странъ; Помбаль не останавливался ни передъ чѣмъ. Онъ очень хорошо зналъ, что всѣ католическіе дворы и само духовенство желаютъ реформы ордена, что испанское, французское и неаполитанское правительства скоро примутъ мѣры въ его духѣ. Самъ папа не въ силахъ былъ отказать ему въ согласіи, когда Помбаль потребовалъ у него разрѣшенія предать орденъ суду свѣтскихъ трибуналовъ. Папа могъ придумать только уловку—написать не въ надлежащей формѣ свое бреве, дававшее это разрѣшеніе, и велѣлъ своему нунцію вручить это бреве не Помбалю, а слабому и суевѣрному королю. Но Помбаль не допустилъ нунція къ королю, протестовалъ противъ формы брвее и, не обращая никакого вниманія на гнѣвъ папы, продолжалъ свои восточно-деспотическіе поступки противъ іезуитовъ. Въ сентябрѣ онъ велѣлъ посадить на корабль 113 человѣкъ іезуитовъ и отвезти ихъ на берегъ Папской Области; многіе изъ нихъ были почтенные люди; многіе были старики; ихъ повезли, не давъ имъ никакихъ удобствъ. Въ октябрѣ визитаторъ ордена, патріархъ Сальданья, былъ принужденъ обнародовать королевскій эдиктъ, который изгонялъ изъ королевства всѣхъ іезуитовъ, португальскихъ уроженцевъ, объявляя ихъ измѣнниками и возмутителями и назначая наказаніе смертью тѣмъ, которые вернутся въ Португалію. Вслѣдъ за тѣмъ было отправлено въ Чивита-Веккію еще нѣсколько іезуитовъ, все пожилые люди; ихъ подвергли на пути еще большимъ лишеніямъ и страданіямъ, чѣмъ прежнихъ. Помбаль легко получалъ отъ короля согласіе на все это: король, ребячески суевѣрный, боялся папы и ада, но еще больше трусилъ іезуитскихъ кинжаловъ, которыми запугивалъ его министръ.

Помбаль видѣлъ, что никогда не добьется одобренія своихъ мѣръ противъ іезуитовъ отъ Клемента XIII, расположеннаго къ ордену, и потому нарочно искалъ ссоры съ папою. Онъ нашелъ случай къ ней въ своихъ непріятностяхъ съ нунціемъ Ачайджоли, который дѣйствовалъ по приказаніямъ папы. Помбаль нанесъ оскорбленіе нунцію; нунцій, какъ Помбаль и предвидѣлъ, при первомъ праздникѣ высказалъ свое неудовольствіе, нарушивъ этимъ дипломатическій обычай и этикетъ. Помбаль (15 іюня 1760) отправилъ его съ драгунами за португальскую границу. Въ то же время онъ велѣлъ португальскому посланнику въ Римѣ раздражать папу нотами и прибивать къ дверямъ римскихъ церквей объявленія, враждебныя папѣ. Этимъ Помбаль успѣлъ произвести полную ссору. Португальскій посланникъ уѣхалъ изъ Рима и прислалъ изъ Тосканы множество португальскихъ офиціальныхъ изданій, направленныхъ противъ папы и іезуитовъ, осужденныхъ или даже публично сожженныхъ въ Римѣ. Но при всей своей враждѣ Помбаль и папа, какъ истинные дипломаты, не доходили до полнаго разрыва. Помбаль съ своимъ волтеріанствомъ не совѣстился пользоваться предразсудками для борьбы съ другими предразсудками. Такъ онъ поступилъ между прочимъ въ дѣлѣ съ іезуитомъ Малагридою; іезуиты и народъ называли Малагриду святымъ, говорили, что однажды онъ сдвинулъ молитвою въ море корабль, ставшій на мель. Помбаль впуталъ его въ процесъ фамиліи Тавора, выставляя его зачинщикомъ всего замысла, но потомъ разсудилъ, что для опроверженія репутаціи святаго, какъ іезуиты продолжали называть Малагриду, лучше будетъ осудить и сжечь его, какъ еретика. Помбаль самъ ограничилъ власть инквизиціи; но теперь предалъ Малагриду ея суду, и старикъ, ставшій уже idіотомъ отъ дряхлости, былъ сожженъ, какъ еретикъ.

Одна эта исторія Малагриды достаточно свидѣтельствуетъ, что другъ прогресса не найдетъ особенно восхитительными реформы, производившіяся Помбалемъ въ Португаліи. Но все-таки надобно сказать, что онъ освободилъ это королевство отъ религіозныхъ происковъ и отъ владычества іезуитовъ. Да и вся Европа получила отъ насильственной системы реформъ Помбаля ту большую выгоду, что правительство, дѣйствовавшее въ такомъ духѣ, было принуждено само распространять свѣтъ. Оно должно было прибѣгнуть къ газетамъ, книгамъ, офиціальнымъ объявленіямъ, чтобы бороться противъ порицанія, которому подвергалось въ проповѣдяхъ, въ исповѣдальняхъ и въ частныхъ разговорахъ; а потомъ уже нельзя было истребить того, что разъ было напечатано, и дѣйствіе этихъ изданій распространилось на другія католическія земли. Притомъ успѣхъ, одержанный Помбалемъ въ одной изъ самыхъ мрачныхъ земель Европы, послужилъ для всѣхъ доказательствомъ, что энергическая воля можетъ во всякой странѣ успѣшно бороться съ средневѣковымъ мракомъ, не боясь папы и іезуитовъ. Суровыя дѣйствія Помбаля противъ іезуитовъ принесли Европѣ и другую выгоду, еще болѣе важную. Помбаль первый разоблачилъ истинный характеръ іезуитскихъ школъ и сущность того знанія, которое іезуиты развивали для пользы своего ордена. Помбаль доказалъ Европѣ, что характеръ іезуитскаго преподаванія останавливаетъ успѣхи науки и роняетъ ее. Преобразованіями, которыя Помбаль ввелъ въ училищахъ, онъ далъ Европѣ образецъ новой системы преподаванія. Онъ сдѣлалъ преподавателями въ Португаліи людей, вовсе не похожихъ на іезуитовъ; ввелъ новые методы преподаванія и новые учебники, ввѣрилъ управленіе народнымъ просвѣщеніемъ человѣку образованному, съ свѣтлыми понятіями. Онъ совершенно преобразовалъ коимбрскій университетъ, учредилъ особенный коллегіумъ для образованія молодыхъ людей высшаго сословія. Въ Португаліи почти вовсе не было школъ для народа; онъ завелъ эти школы и устроилъ ихъ такъ хорошо, что заслужилъ право считаться основателемъ правильнаго элементарнаго образованія въ Португаліи.

4. Борьба противъ іезуитовъ и папизма въ Испаніи, Неаполѣ и Пармѣ.

Мы уже говорили, что въ Неаполѣ при Карлѣ IV Тануччи и Сквильяче произвели большія реформы въ администраціи (стр. 116). Когда Карлъ (въ 1759) сдѣлался изъ короля неаполитанскаго королемъ испанскимъ, и въ Испаніи начались попытки реформы. Новый король, Карлъ III, по испанскому счету, сначала вовсе не думалъ объ улучшеніяхъ по церковной части, о преслѣдованіи или стѣсненіи іезуитовъ. Напротивъ, онъ былъ расположенъ къ ихъ ордену, и навѣрно не присоединился бы къ его гонителямъ, еслибы его не принудили политическія отношенія. Фамильный Бурбонскій договоръ (стр. 153) поставилъ его въ тѣснѣйшую связь съ герцогомъ Шуазелемъ, а Шуазель, расположенный къ тогдашнимъ философскимъ идеямъ, провелъ ихъ и въ Испанію. Самъ Карлъ вовсе не усвоилъ себѣ господствующихъ воззрѣній и принциповъ; но онъ, какъ почти всѣ Бурбоны, посвящалъ мало времени занятію дѣлами, такъ что его министры могли предпринять реформы, въ сущности противорѣчившія природнымъ наклонностямъ и симпатіямъ короля.

Первымъ человѣкомъ, направившимъ Испанію при Карлѣ III на новый путь, былъ Г р и м а л ь д и. Бывъ посланникомъ Карла въ Парижѣ, онъ усвоилъ себѣ ту цивилизацію, которая была тогда у европейской аристократіи въ такой же модѣ, какъ нынѣ романтика, католицизмъ и софистика. Шуазель увидѣлъ въ немъ человѣка, какой нуженъ Испаніи для произведенія реформъ, которыя дали бы ей возможность не отставать отъ Франціи. По рекомендаціи Шуазеля, Гримальди былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Вмѣстѣ съ нимъ въ Испаніи хлопотали объ улучшеніяхъ еще нѣсколько человѣкъ. Изъ нихъ самыми дѣльными и полезными были К а м п о м а н е съ и А р а н д а. Кампоманесъ заслужилъ признательность испанской націи двумя вещами. Какъ правитель дѣйствующій въ практической жизни, онъ заботился о го-

сударственныхъ улучшеніяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ отличнымъ юристомъ и писателемъ. Онъ написалъ превосходныя сочиненія по государственнымъ наукамъ, промышленности, сельскому хозяйству и исторіи для націи, подавленной монашескою литературою, и писалъ эти книги не какъ школяръ, а какъ истинно умный человѣкъ. И какъ правитель, и какъ писатель, онъ умѣлъ мужественно защищать права прогресса, не раздражая національныхъ предубѣжденій и различая почтенную часть духовенства отъ обскурантовъ. Главною заслугою его было исправленіе понятій о государствѣ и церкви и объ отношеніяхъ церкви къ свѣтской власти. Его другъ, Аранда, подобно Гримальди, усвоилъ себѣ французскую цивилизацію; но она была для него не дѣломъ моды, какъ для Гримальди, и онъ былъ преданъ своей націи, а не одному королю, какъ генуэзецъ Гримальди. Притомъ, будучи мужественъ и смѣлъ, онъ былъ также остороженъ и предусмотрителенъ. Въ церковныхъ дѣлахъ помощникомъ ему и Кампоманесу былъ Фижероа, человѣкъ духовнаго званія. Онъ имѣлъ въ Испаніи такое же вліяніе, какъ въ Германіи епископъ Гонтгеймъ (Феброніусъ), о которомъ будемъ говорить ниже. Къ свѣтскому оружію Кампоманеса и Аранды онъ прибавлялъ доводы изъ каноническаго права, будучи знатокомъ его. Но нельзя ставить рядомъ съ этими тремя истинно почтенными людьми Моньино, получившаго впослѣдствіи титулъ графа Флорида-Бланки; онъ также понималъ, что хорошо и что дурно, но единственнымъ мотивомъ у него было честолюбіе, единственною цѣлью—увеличеніе силы правительства, и впослѣдствіи онъ преслѣдовалъ тѣ принципы и воззрѣнія, распространенію которыхъ прежде помогалъ.

Чтобы убѣдить короля Карла III изгнать іезуитовъ, испанскіе реформаторы употребили не тѣ средства, какими былъ принужденъ дѣйствовать Шуазель въ отношеніи Лудовика XV. Шуазель для уничтоженія іезуитскаго ордена оперся на фанатизмъ парламентовъ; въ Испаніи короля вооружили противъ іезуитовъ, дѣйствуя на его эгоизмъ и любовь къ неограниченной власти. Министры Карла растолковали ему, что абсолютная монархія, соотвѣтствующая духу новаго времени, невозможна при всесильномъ вліяніи и неизмѣримомъ богатствѣ іезуитовъ; они также растолковали ему, что монархическій блескъ, котораго онъ ищетъ, можетъ быть созданъ только развитіемъ цивилизаціи и проистекающимъ изъ нея увеличеніемъ національнаго благосостоянія, и что эти вещи несовмѣстны съ существованіемъ іезуитскаго ордена. Эти доводы подѣйствовали. Автократическій король сталъ видѣть въ орденѣ соперника, котораго надобно уничтожить; его утвердили въ этой мысли сами іезуиты, которые въ Америкѣ безнаказанно смѣялись и надъ королевскими судилищами, и надъ папскими приказаніями (стр. 163); но все-таки безъ особенныхъ возбужденій со стороны Аранды король едва ли сталъ бы подражать парижскому парламенту и маркизу Помбалю въ преслѣдованіи іезуитовъ. Притомъ французы и итальянцы, которые сначала исключительно окружали короля, не могли дѣйствовать рѣшительно, потому что возбуждали зависть въ испанцахъ, какъ иноземцы. Аранда, Кампоманесъ, Фижероа, Моньино, будучи испанцами, легче могли исполнить начатое ихъ предмѣстниками.

Сначала министры Карла произвели только ту реформу въ церковныхъ дѣлахъ, что подчинили инквизицію свѣтскимъ судилищамъ. Причина такой мягкости заключалась въ характерѣ и положеніи лицъ, бывшихъ до Аранды совѣтниками короля. Сквильяче, привезенный Карломъ изъ Неаполя, оказалъ Испаніи услуги финансовыми преобразованіями и навлекъ на себя ими и строгостью своей полиціи ненависть народа. Гримальди, также итальянецъ, занимался только иностранными дѣлами. Другіе иностранцы, окружавшіе Карла, не смѣли касаться щекотливой стороны испанской національности. Только арагонецъ Аранда обратилъ силу правительства противъ іезуитовъ, и это придало испанской реформѣ рѣшительный характеръ. Карлъ съ перваго знакомства увидѣлъ въ немъ человѣка даровитаго и послалъ его съ дипломатическимъ порученіемъ въ Польшу. Когда онъ вернулся, король далъ ему санъ генералъ-капитана Валенсіи. Черезъ нѣсколько времени мятежъ въ Мадридѣ противъ Сквильяче заставилъ Карла призвать Аранду въ Мадридъ, назначить его президентомъ совѣта Кастиліи и кастильскимъ генералъ-капитаномъ.

Мы упомянули о мятежѣ въ Мадридѣ. Сквильяче, дѣйствовавшій въ своихъ реформахъ какъ визирь, произвелъ его тѣмъ, что хотѣлъ сдѣлать продажу

съѣстныхъ припасовъ въ Мадридѣ монополіею правительства. 23 марта 1766 население Мадрида поднялось всею массою, окружило домъ Сквильяче и королевскій дворецъ, кричало виватъ іезуитамъ, бывшему министру Энсенадѣ и англичанамъ, врагамъ французской политики короля. Карлъ былъ принужденъ обѣщать народу отставить Сквильяче, и уѣхалъ въ Аранхуэсъ. Но съ нимъ поѣхалъ и ненавистный визирь; поэтому мятежъ возобновился, и народъ совершенно захватилъ власть въ Мадридѣ. Правительство не смѣло послать испанскихъ войскъ противъ мятежниковъ, потому что возстаніе имѣло чисто-національный характеръ, а валлонская гвардія, пошедшая съ королемъ въ Аранхуэсъ, была слишкомъ слаба. Карлъ снова долженъ былъ уступить и отставить ненавистнаго Сквильяче, который послѣ этого навсегда уѣхалъ изъ Испаніи. Король былъ глубоко оскорбленъ мятежемъ и потому сталъ расположенъ къ самымъ суровымъ мѣрамъ. Онъ сдѣлалъ Аранду главою правительства и облекъ его неограниченнымъ полномочіемъ, потому что считалъ его особенно способнымъ къ суровому насилію, какъ человѣка энергическаго и скрытнаго. Ему и Кампоманесу было поручено произвести слѣдствіе о мятежѣ, а самъ король восемь мѣсяцевъ не показывался въ Мадридѣ. Слѣдствіе кончилось тѣмъ, что нѣсколько іезуитовъ нашли виновными въ возбужденіи мятежа, а на Энсенаду пало подозрѣніе въ соучастіи.

Трудно сказать, дѣйствительно ли іезуиты произвели мятежъ; но судя по всему, вѣроятно, что они и Энсенада больше или меньше виноваты. Энсенаду навсегда изгнали изъ Мадрида, и раздраженіе короля дало Арандѣ возможность убѣдить его изгнать и іезуитовъ. Немедленно по возвращеніи Карла въ Мадридъ было принято рѣшеніе уничтожить іезуитскій орденъ въ Испаніи. Но это рѣшеніе держали въ тайнѣ, пока приготовили все къ его исполненію. Тогда исполнили дѣло вдругъ и внезапно. 31 мая 1767 были арестованы всѣ іезуиты по всей Испаніи. Ихъ было болѣе 5,000 человѣкъ. Имущества ордена были секвестрованы. Большинство арестованныхъ были очень почтенные священники, достойные всякаго уваженія; но всѣхъ арестованныхъ безъ разбора тотчасъ повезли къ берегу и отправили въ Чивита-Веккію. Участь ихъ была еще суровѣе участи португальскихъ іезуитовъ, отправленныхъ въ Римъ Помбалемъ, потому что ихъ страданія были продолжительнѣе. Папа отказался принять ихъ, и эти священники, изъ которыхъ многіе были старики, другіе—больные, должны были долго терпѣть невыразимыя мученія на корабляхъ, на которыхъ они были набиты такъ тѣсно, какъ негры на невольничьихъ судахъ. На пожизненное содержаніе имъ испанское правительство назначило лишь отъ 90 до 100 талеровъ, отправивъ по этому дѣлу насмѣшливое письмо къ папѣ.

Нѣтъ спора, это насиліе, совершенное испанскимъ правительствомъ, было благотворно для успѣховъ европейской цивилизаціи; но все таки никто изъ благородныхъ людей, имѣющихъ человѣческое сердце, не одобритъ и не извинитъ его. Правительство объявило о своемъ произвольномъ и насильственномъ дѣйствіи только черезъ нѣсколько дней по его исполненіи. Это объявленіе походило на русскій указъ: король провозглашалъ всѣхъ іезуитовъ безъ изъятія преступниками, повелѣвалъ переселить ихъ въ Церковную Область и назначалъ имъ на содержаніе ту милостыню, о которой мы упоминали, но не приводилъ никакихъ основаній для столь строгаго приговора. Вмѣсто всякихъ основаній, онъ говорилъ, истинно автократическимъ тономъ, что принялъ свое рѣшеніе не только по совѣту своихъ мудрыхъ совѣтниковъ, но и по другимъ настоятельнымъ, справедливымъ и необходимымъ причинамъ, которыя однако сохраняетъ тайною своего царственнаго духа.

Примѣру испанскаго двора скоро послѣдовали въ Неаполѣ и Пармѣ. 5 ноября 1767 Тануччи арестовалъ всѣхъ іезуитовъ въ неаполитанскомъ королевствѣ и тотчасъ отправилъ ихъ въ Церковную Область. Въ эдиктѣ объ этомъ Тануччи даже не приводитъ никакого обвиненія противъ іезуитовъ, а просто ставитъ основаніемъ своего рѣшенія неограниченную власть и божественное право своего монарха. Герцогомъ Пармскимъ былъ въ 1765 малолѣтній племянникъ короля испанскаго, Фердинандъ I, опекуномъ котораго отецъ его матери, Лудовикъ XV, назначилъ француза дю Тильо. Дю Тильо, подобно дядѣ и дѣду своего герцога, произвольно отвергъ свѣтскую зависимость Пармы отъ римскаго престола актомъ, который назвалъ прагматическою санкціею. Климентъ XIII 30 января

1768 отвѣчалъ на это папскимъ бреве, которое, ссылаясь на буллу In coena Domini, объявляло герцога Пармскаго папскимъ вассаломъ и налагало на пармское герцогство отлученіе отъ церкви и интердиктъ. Дю Тильо возразилъ папѣ дипломатическою нотою и вдобавокъ въ февралѣ 1768 арестовалъ всѣхъ іезуитовъ въ герцогствѣ и велѣлъ солдатамъ отвезти ихъ за папскую границу.

Рѣшительность пармскаго правительства возбудила французское, испанское, португальское и неаполитанское правительства къ дальнѣйшимъ мѣрамъ, направленнымъ уже противъ самого папы и его власти. Всѣ четыре державы подали папѣ рѣзкія ноты, требуя, чтобы онъ взялъ назадъ свое бреве. Клементъ XIII не согласился. Тогда во Франціи и въ Неаполѣ владѣнія папы были секвестрованы. Неаполитанскій министръ публично объявилъ, что папа не болѣе какъ епископъ, подобный всякому другому епископу, и опираясь на рѣшеніе высшаго неаполитанскаго суда, занялъ папскія владѣнія Беневентъ и Понте-Корво, лежавшія въ неаполитанскомъ королевствѣ. Точно также поступило французское правительство съ папскими графствами, Авиньйономъ и Венессеномъ, получивъ отъ полнаго собранія палатъ парижскаго парламента рѣшеніе, что образъ дѣйствій папы противозаконенъ и оскорбителенъ для Франціи. Другія католическія державы также вступили во вражду съ папою. Въ Венеціи булла In coena Domini была осуждена. Герцогъ Пармскій рѣшилъ отнять у папы Феррару съ ея областью. Гросмейстеръ мальтійскаго ордена прогналъ іезуитовъ съ своего острова. Въ Неаполѣ были приготовлены войска захватить и нѣкоторыя другія папскія владѣнія, кромѣ Беневента и Понте-Корво. Сама Австрія начинала колебаться. Въ это время Клементъ XIII умеръ, и преемникъ его покорился неизбѣжной необходимости, уничтожилъ іезуитскій орденъ и отказался отъ нѣкоторыхъ притязаній своего предшественника. Это имѣетъ связь съ дѣйствіемъ духа времени на церковныя дѣла въ Германіи, которою мы теперь и займемся.

5. Начало движенія въ католической Германіи и уничтоженіе іезуитскаго ордена папою.

Преслѣдованіе іезуитскаго ордена въ католическихъ земляхъ и потомъ его уничтоженіе особенно важно для Германіи, потому что этимъ открылся доступъ духу новаго времени и въ католическія части германской имперіи. Благочестивые и послушные нѣмцы пробудились наконецъ отъ своего сна, видя, въ что другихъ земляхъ на орденъ давно нападаютъ янсенисты, строгіе католики, что потомъ и правовѣрные канонисты, Тануччи и Кампоманесъ, также стали очень энергически нападать на софистику и силу іезуитовъ, столь опасную для церкви и государства. Въ Германіи іезуитовъ стали преслѣдовать не философы, отвергающіе положительную религію и то, что называется откровеніемъ, а государи и духовные сановники, которые всѣ были преданы церкви и между которыми иные были преданы даже грубѣйшему суевѣрію. Этотъ фактъ очень важенъ: онъ показываетъ, что іезуитскій орденъ былъ сокрушенъ не слѣпою ненавистью, не личными разсчетами, не однимъ мимолетнымъ вліяніемъ модной философіи, а самымъ ходомъ вещей, то есть тѣмъ, что называется вѣчною мудростію Божіею, а это значитъ, что свѣтская сила его сокрушена навсегда. Поэтому не для чего спорить противъ хвалебныхъ разсказовъ защитниковъ ордена о добродѣтеляхъ и заслугахъ многихъ членовъ его; если все это и правда, то ими нисколько не оправдывается и не извиняется тайное общество, захватившее себѣ свѣтскую власть своими громадными богатствами, исключительнымъ владычествомъ надъ школами и вліяніемъ своихъ духовниковъ на государей и аристократовъ, и употреблявшее свою силу на то, чтобы задерживать умственный прогрессъ человѣчества.

Судьба ордена въ Германіи была рѣшена тѣмъ, что духъ новаго времени проникъ даже въ Австрію и въ Баварію, и что одинъ изъ набожнѣйшихъ и образованнѣйшихъ прелатовъ Германіи открыто возсталъ противъ іезуитовъ. Въ Австріи Кауницъ и сынъ и соправитель Маріи Терезіи, Іосифъ II, имѣли объ орденѣ то же мнѣніе, которымъ были проникнуты тогда всѣ католическіе госу-

дарственные люди. Марія Терезія послушалась министра и сына тѣмъ легче, что съ мнѣніемъ Іосифа о папской власти былъ согласенъ одинъ изъ первыхъ ея совѣтниковъ, человѣкъ очень умный, ванъ Свитеиъ. Она начала съ того, что сдѣлала въ своихъ итальянскихъ владѣніяхъ распоряженія, ограничивавшія господство іезуитско-папской системы. Всѣ прежнія права папы и епископовъ надъ личностью и имуществомъ людей духовнаго званія были переданы особенному правительственному учрежденію, основанному въ Миланѣ; кромѣ того императрица заставила духовенство продать часть своихъ огромныхъ имѣній и подчинила сношенія своихъ подданныхъ съ Римомъ контролю правительства. Въ то время, какъ она дѣлала это, нѣмецкій прелатъ изобличалъ непобѣдимыми доказательствами ложность системы, введенной въ церковное устройство тридентскимъ соборомъ, и гибельность ея вліянія на Германію.

Іоганнъ фонъ Гонтгеймъ, викарный епископъ трирскій, дѣлалъ для Германіи то, что сдѣлали французскіе парламенты для Франціи, Кампоманесъ для Испаніи. Въ 1765, подъ псевдонимомъ «Феброніусъ», онъ издалъ ученое сочиненіе, показывавшее, что папское каноническое право, введенное тридентскимъ соборомъ (т. V, стр. 142), противорѣчитъ прежнему устройству христіанской церкви, которое до этого собора одно имѣло законную силу. Книгу Гонтгейма привѣтствовали во всѣхъ католическихъ земляхъ, какъ новое евангеліе, а изложенное въ ней древнее каноническое право—какъ опору противъ власти, захваченной папами. Папа и его кліенты напрягали всѣ усилія, чтобы заставить Гонтгейма отказаться отъ своихъ мыслей, опровергнуть которыхъ не могли; но ихъ усилія были напрасны. Правда, Гонтгеймъ написалъ объясненіе, похожее на отрѣченіе, чтобы избавиться непріятностей отъ папы; но оно имѣло важность лишь въ глазахъ іезуитской партіи, и самъ Гонтгеймъ въ 1781 сказалъ въ другомъ своемъ сочиненіи, что убѣжденъ въ справедливости того, что писалъ въ 1765.

Когда вышла книга Гонтгейма, іезуиты такъ возстановили противъ себя людей, что духъ вѣка пріобрѣлъ силу даже въ Баваріи, которая прежде совершенно подчинялась господству ихъ. Іезуитъ Штадлеръ, бывшій учитель курфирста Максимиліана Іосифа, никакими усиліями не могъ помѣшать основанію академіи (въ 1758). Фердинандъ Штерцингеръ, писавшій въ Баваріи противъ процесовъ вѣдьмъ, былъ защищенъ курфирстомъ отъ преслѣдованій іезуитовъ; Петеръ фонъ Остервальдъ доказывалъ въ духѣ Гонтгейма, что имѣнія духовенства не должны пользоваться льготою отъ налоговъ, и сдѣлавшись директоромъ коллегіумъ-совѣта, учрежденнаго въ 1769, твердо защищалъ права курфирста; духовенство объявило его за это еретикомъ; но Максимиліанъ Іосифъ принялъ его сторону и вмѣстѣ съ нимъ сталъ принимать мѣры къ ограниченію церковной власти. Іезуиты выставили потомъ книгу Беллармина о папской власти противъ мудрыхъ распоряженій, которыми курфирсты баварскій и майнцскій ограничивали ихъ происки; но оба курфирста запретили эту книгу, а курфирстъ майнцскій кромѣ того прямо объявилъ ученіе Беллармина еретическимъ.

Но баварцы, разумѣется, не сокрушили бы могущества іезуитовъ въ Германіи. Оно было уничтожено тогда только, когда императоръ Іосифъ II вмѣстѣ съ испанскими министрами и Шуазелемъ потребовалъ у папы уничтоженія іезуитскаго ордена. Мать Іосифа, Марія Терезія, была душевно предана іезуитамъ; архіепископу вѣнскому Мигацци и другимъ друзьямъ іезуитовъ нетрудно было поддерживать ее въ этомъ настроеніи; они удобно могли выставлять женщинѣ іезуитовъ мучениками въ борьбѣ противъ безбожной философіи, а Марія Терезія судила о цѣломъ орденѣ по небольшому числу знаменитыхъ и дѣйствительно почтенныхъ членовъ: такой способъ оцѣнки очень въ ходу у людей. Но и Марія Терезія принуждена была уступить господствующей враждебности противъ ордена. Жалобы на упадокъ вѣнскаго университета заставили императрицу согласиться на его преобразованіе, и іезуиты были удалены отъ управленія имъ. Марія Терезія отняла у нихъ также привилегію быть цензорами и вручила цензуру просвѣщенному ванъ Свитену. Ванъ Свитенъ убѣдилъ ее защитить сочиненіе Гонтгейма противъ Мигацци, который хотѣлъ подвергнуть эту книгу осужденію.

Сынъ Маріи Терезіи, императоръ Іосифъ II, имѣлъ совершенно не такія понятія, какъ его мать. Онъ съ молодости считалъ не только іезуитскій орденъ, но и всѣ монашескіе ордена учрежденіями, противорѣчащими духу новаго времени. Поэтому, когда онъ случайно былъ въ Римѣ въ 1769, во время избранія новаго папы, онъ вмѣстѣ съ бурбонскими дворами сталъ помогать выбору человѣка, обязавшагося уничтожить іезуитскій орденъ. Это былъ кардиналъ Гангаъ нелли. 19 мая 1769 онъ былъ избранъ папою и принялъ имя Климента XIV. Правда, обѣщавъ передъ своимъ избраніемъ уничтожить іезуитскій орденъ, онъ также передъ избраніемъ тайно обѣщался друзьямъ іезуитовъ сохранить его, и потому подъ всяческими предлогами медлилъ исполнить обѣщаніе, данное Бурбонамъ; но онъ увидѣлъ, что исполнить его необходимо, во-первыхъ для того, чтобы отвратить переворотъ въ церкви, который уничтожилъ бы папскую власть и далъ бы торжество системѣ Феброніуса. Общество было такъ раздражено противъ іезуитовъ, что даже другъ ихъ, герцогъ д'Эгильонъ, сдѣлавшійся въ 1771 министромъ на мѣсто Шуазеля, долженъ былъ противъ воли хлопотать объ уничтоженіи ордена. Въ то время всѣ католическія державы требовали этого; только Марія Терезія ни за что не соглашалась присоединиться къ другимъ. Она согласилась на уничтоженіе ордена лишь тогда, когда сáмъ папа представилъ ей это дѣло повелѣніемъ божественной власти церкви и объяснилъ, что, сопротивляясь ему, она обременила бы совѣсть грѣхомъ.

Папа началъ свои дѣйствія распоряженіями по своему званію государя Церковной Области, уничтоживъ въ ней іезуитскіе монастыри и семинаріи. Послѣ того, 19 августа 1773, онъ обнародовалъ знаменитое бреве **Dominus ac Redemptor noster**, которымъ іезуитскій орденъ уничтожался всюду, какъ нѣкогда орденъ Тампліеровъ (т. III, стр. 247). Но это бреве было написано очень коварно. Приговоръ противъ іезуитовъ основывался въ немъ на вредной системѣ ихъ преподаванія, на томъ, что они злоупотребляютъ исповѣдью и разрѣшеніемъ отъ грѣховъ, на вредѣ ихъ казуистики для истинной вѣры и нравственности, на властолюбивыхъ тенденціяхъ ордена, основывающаго свое государство въ каждомъ государствѣ. Но, хитрымъ образомъ, бреве умолчало о всѣхъ тѣхъ злоупотребленіяхъ, которыми до сихъ поръ подавляются умы и изъ которыхъ во всѣхъ католическихъ странахъ извлекается польза для церкви.

Тогда въ Германіи уничтожили орденъ, уже уничтоженный въ Португаліи, Испаніи, Франціи и Италіи. Но по своемъ уничтоженіи онъ сталъ въ нѣмецкихъ земляхъ, особенно въ Австріи и въ Баваріи, еще опаснѣе прежняго. Экс-іезуиты, являвшіеся мучениками, составили страшную тайную силу, оппозицію, дѣйствующую въ тиши; она сначала всяческими средствами задерживала пробужденіе жизни, а потомъ, когда пришло время реакціи, сбросила маску и стала помогать уничтожавшимъ жизнь. Если по смерти Іосифа II были уничтожены плоды трудовъ его, то это надобно всего больше приписывать экс-іезуитамъ, которые при Іосифѣ притворялись по своей казуистикѣ ревнителями просвѣщенія. Напримѣръ, экс-іезуиты Гашка, Гофманъ, Гофштеттеръ и другіе играли при Іосифѣ роль чтителей права и истины, а при Леопольдѣ II и Францѣ II тѣ же самые люди старались лишать достойныхъ людей свободы или жизни клеветами, доносами и шпіонствомъ. Другъ іезуитовъ Мигацци, архіепископъ вѣнскій, по крайней мѣрѣ хоть не надѣвалъ маски, а оставался открытымъ защитникомъ ордена и при Іосифѣ II. Зато преемникъ Климента XIV, Пій VI (1775—1799), всячески помогавшій экс-іезуитамъ, былъ очень милостивъ къ нему.

Сопротивленіе уничтоженію іезуитскаго ордена было всего сильнѣе въ Баваріи. Курфирстъ Максимиліанъ Іосифъ сталъ за дѣло просвѣщенія, но его преемникъ, Карлъ Теодоръ, покровительствовалъ экс-іезуитамъ, одинъ изъ которыхъ, духовникъ его Игнатій Франкъ, держалъ его въ полной зависимости отъ себя. Поэтому вліяніе іезуитовъ скоро погасило слабый свѣтъ, проникшій въ Баварію при Максимиліанѣ Іосифѣ. Мы приведемъ два примѣра, чтобы показать, какова была ненависть экс-іезуитовъ ко всему новому. Еще при Максимиліанѣ Іосифѣ фанатикъ епископъ регенсбургскій подвергъ каноника Брауна отвѣтственности за то, что онъ, издавая католическій катехизисъ, измѣнилъ старую ороографію, а въ особенности за то, что Браунъ употреблялъ при глаголѣ glauben предлогъ an, какъ и слѣдуетъ по-нѣмецки, а не предлогъ in, который непра-

вильно употребленъ былъ въ катехизисѣ въ подражаніе латинскому языку:—an Got glauben, вмѣсто in Got glauben (in Deum). При Максимиліанѣ Іосифѣ высшее духовное начальство защитило Брауна; но при Карлѣ Теодорѣ іезуиты устроили, что онъ сталъ виноватъ. Вестенридеръ оказалъ большія услуги Баваріи улучшеніемъ преподаванія и своею дѣятельностью въ мюнхенской академіи наукъ. Онъ составилъ краткое изложеніе вѣры; книга эта всѣмъ казалась вѣрна католическому ученію, но іезуитамъ показалась невѣрна; за нее фрейзингенскій епископскій ординаріатъ подвергъ Вестенридера грубымъ непріятностямъ; его даже арестовали, и ему пришлось бы очень плохо, если бы онъ не былъ вырванъ изъ когтей фанатиковъ-игнорантовъ однимъ изъ членовъ мюнхенскаго духовнаго совѣта, учрежденнаго Максимиліаномъ Іосифомъ.

Хлопотамъ іезуитовъ очень много помогала сентиментальная восторженность, возникшая во второй половинѣ XVIII вѣка между протестантами и перешедшая отъ нихъ и къ католикамъ. Это настроеніе было реакціею противъ легкомыслія энциклопедистовъ, проникшаго въ Германію, противъ сухости берлинской философіи, противъ поверхностной вѣтренности школы Виланда. Лафатеръ, Клаудіусъ, Гаманнъ и Гиппель одѣли это фантазерство въ философскій нарядъ. Коренною причиною такого направленія надобно считать извѣстную наклонность сѣверныхъ племенъ уноситься въ идеальныя области фантазіи отъ ига деспотизма, отъ лишеній, соединенныхъ съ суровымъ климатомъ, отъ заботъ и трудностей небогатой жизни. Этою наклонностью, а не обманомъ и іезуитствомъ, надобно объяснять странныя явленія, оказавшіяся тогда въ литературѣ и въ жизни—мистическую мечтательность Лафатера, духовидство Юнга Штиллинга, мистическія тайныя общества, роль пророка, принятую Месмеромъ, чудесныя исцѣленія Гаснера, юмористическія произведенія Гаманна, Клаудіуса, Гиппеля и другія подобныя явленія. Всѣмъ этимъ, такъ или иначе, пользовались іезуиты.

Чудный даръ исцѣленій патера Гаснера имѣлъ самую тѣсную связь съ тайною дѣятельностью іезуитовъ. Гаснеръ игралъ свою роль въ 1775—1779 въ Швабіи и въ Баваріи и былъ въ сношеніяхъ съ Лафатеромъ. Около того же времени поднялъ громкую молву чудесными излеченіями посредствомъ своего мистическаго магнетизма Месмеръ, вошедшій въ 1778 въ моду въ Парижѣ и основавшій такъ называемыя «гармоническія общества»; еще раньше того содержатель кофейной въ Дрезденѣ, Шрёпферъ, умѣлъ обмануть самыхъ важныхъ людей своими мнимыми сношеніями съ міромъ духовъ. Въ 1775 французъ Сенъ-Мартенъ возвѣстилъ Европѣ нѣчто въ родѣ ново-платонической философіи, а Клаудіусъ тотчасъ рекомендовалъ эту философію нѣмецкому народу, какъ божественное откровеніе. Тогда же графъ Сенъ-Жерменъ обманывалъ свѣтъ увѣреніемъ, что владѣетъ жизненнымъ элексиромъ, живетъ уже 300 лѣтъ и можетъ дѣлать драгоцѣнные камни. Больше всѣхъ имѣлъ удачи итальянскій фокусникъ Бальзамо, очень ловко умѣвшій пользоваться мистическою восторженностью, бывшею тогда въ модѣ. Подъ именемъ графа Каліостро онъ жилъ въ самыхъ высшихъ кругахъ Германіи и Франціи, и почти во всѣхъ европейскихъ земляхъ, даже въ разсудительной Голландіи, умѣлъ обманывать людей своими чудесными излеченіями, своимъ искусствомъ дѣлать золото, вызываніемъ духовъ, фантасмагоріями, своимъ ученіемъ о древнемъ египетскомъ орденѣ, котораго онъ будто бы великій Коптъ или гросмейстеръ; наконецъ въ 1789 онъ попался въ руки римской инквизиціи и кончилъ жизнь въ ея ужасной тюрьмѣ. Въ числѣ тогдашнихъ мистиковъ-шарлатановъ надобно еще назвать іезуита Штарка; онъ дѣйствовалъ въ тайныхъ орденахъ, былъ наконецъ лютеранскимъ придворнымъ проповѣдникомъ въ Дармштадтѣ, всю жизнь называлъ лжецами и клеветниками людей, уличившихъ его въ тайномъ католицизмѣ, а въ своемъ завѣщаніи объявилъ себя католикомъ.

Эти и другія подобныя явленія отлично помогали іезуитамъ въ ихъ происказъ, хотя напрасно приписывали всѣ эти грезы и обманы ихъ интригамъ. Съ другой стороны, возстановленію іезуитовъ помогали и черезъ мѣру усердные просвѣтители, хотѣвшіе ограничить сухою и холодною моралью нѣмецкій народъ, по природѣ и по жизни увлекающей въ сверхчувственный міръ. Въ Баваріи сила іезуитовъ возстановилась тотчасъ по смерти Максимиліана Іосифа. Его преемникъ, Карлъ Теодоръ (1777—99), былъ курфирстомъ пфальцскимъ, отчасти слѣ-

довалъ гуманному духу времени и согласился преслѣдовать протестантовъ лишь потому, что іезуиты запугали его адомъ. Но сдѣлавшись курфирстомъ баварскимъ, онъ попалъ совершенно во власть іезуитовъ. Какую силу имѣли они надъ нимъ выказалось въ 1780, когда секретарь военнаго совѣта, Цаупзеръ, возбудилъ гнѣвъ ихъ своими сочиненіями. По вліянію курфиршескаго духовника Франка, придумали небывалое оскорбительное наказаніе Цаупзеру, а цензурной коллегіи дали строгій выговоръ за то, что она пропустила оду Цаупзера противъ инквизиціи и пожаловалась курфирсту на одного экс-іезуита, сказавшаго противъ нея бранную проповѣдь. Наказаніе, опредѣленное Цаупзеру произвольною кабинетскою юстиціею, состояло въ томъ, что было велѣно истребить его оду, а «самого его призвать для полученія строгаго выговора и для публичнаго признанія своей вѣры по христіанско-католическому исповѣданію, строжайше запретить ему писать о религіозныхъ предметахъ, какъ неимѣющему ни призванія къ тому, ни малѣйшей способности по недостатку требуемаго знанія и благоразумія, и дать ему столько канцелярской работы, чтобы у него не оставалось времени для богословскихъ и другихъ празднословныхъ сочинительствъ». Это смѣшное кабинетское повелѣніе подписалъ самъ Крейтмайеръ, который при Максимиліанѣ Іосифѣ такъ много помогалъ реформамъ (стр. 282), а теперь сталъ дѣйствовать сообразно перемѣнѣ обстоятельствъ.

6. Борьба фанатизма и просвѣщенія въ Германіи по уничтоженіи іезуитскаго ордена.

Папа могъ уничтожить іезуитскій орденъ, но никакая земная власть не можетъ уничтожить іезуитства, и тѣ, которые держатся іезуитства, и католики, и протестанты, всегда будутъ тѣсно соединяться, какъ скоро увидятъ, что подвергается опасности или потрясается предразсудокъ, на которомъ основано все ихъ знаніе и всѣ надежды. Эта житейская аксіома объяснитъ сильную реакцію, которую подняли въ концѣ XVIII вѣка протестантскіе и католическіе зелоты; она же объясняетъ тогдашній союзъ обскурантовъ всѣхъ сортовъ и видимое торжество ихъ. Обветшалыхъ догматовъ уже нельзя было ни сохранить въ образованномъ свѣтѣ въ той безжизненной формѣ, въ какой они излагались прежде, ни поддержать пустыми полемическими проповѣдями католическихъ и протестантскихъ ревнителей. Тогда придумали дать устарѣлому и отталкивающему дѣлу новую философскую или сентиментальную оболочку. Это помогло. Въ такомъ смыслѣ дѣйствовали у протестантовъ Гаманнъ, Гиппель, Лафатеръ, Штаркъ и другіе, а у католиковъ люди въ родѣ Штаттлера, Зайлера и Мучелле.

Изъ нихъ мы займемся въ особенности экс-іезуитомъ Штаттлеромъ, потому что съ его дѣятельностью тѣсно связаны старанія баварскихъ іезуитовъ снова завладѣть университетскимъ преподаваніемъ, связано также возникновеніе ордена иллюминатовъ. Штаттлеръ остался профессоромъ въ Ингольштадтѣ и по уничтоженіи іезуитскаго ордена, и еще при жизни Максимиліана Іосифа старался незамѣтно отдать университетъ въ руки экс-іезуитовъ. Тогда это ему не удалось, но удалось при Карлѣ Теодорѣ, и іезуиты стали теперь могущественнѣе прежняго въ университетѣ. Штаттлеръ былъ человѣкъ умный и замѣчательный профессоръ; лучшіе баварскіе писатели по философіи были его учениками. Онъ старался дать научное основаніе ученію своей церкви, пользуясь для этого Вольфовскою философіею; но въ своей борьбѣ съ духомъ времени онъ не былъ одержимъ слѣпымъ фанатизмомъ и, чтобы спасти существенное, не заботился отстаивать второстепенные догматы и учрежденія своей церкви. За это Римъ осудилъ его, и его отрѣшили отъ всѣхъ его должностей въ Баваріи, хотя онъ былъ самый сильный противникъ протестантства и съ величайшимъ жаромъ ратовалъ противъ Гонтгейма и Канта. Лучшій его ученикъ, Зайлеръ,—надобно сказать, что Зайлеръ не былъ членомъ іезуитскаго ордена,—пошелъ другою дорогою. Онъ писалъ для свѣтской публики и своею философскою риторикою умѣлъ устранять все суровое въ католическомъ ученіи, какъ Лафатеръ замѣнялъ мистическою поэтичностью кальвинистскую прозу. За это папа и іезуиты называли Зайлера еретикомъ, какъ Лафатера — протестантскіе догматисты; но за то женщины и всѣ нѣжные мужчины обожали, какъ и Лафатера, этого человѣка, умѣвшаго смягчать самые суровые догматы.

Прежде чѣмъ іезуиты совершенно овладѣли ингольштадтскимъ университетомъ, въ немъ шла непрерывная борьба между ними и ихъ противниками, и перевѣсъ въ ней склонялся то на ту, то на другую сторону. Іезуиты, разумѣется, осыпали клеветами всякаго профессора съ свѣтлой головой. Это было поводомъ къ основанію ордена иллюминатовъ. Видя, какую силу извлекаютъ іезуиты изъ тѣснаго союза между собой и изъ своей орденской дисциплины, противники іезуитовъ пришли къ мысли составить противъ ихъ тайнаго союза, защищающаго мракъ, другой тайный союзъ на защиту того, что считали свѣтомъ (поэтому и союзъ свой они назвали иллюминатскимъ, просвѣщательнымъ). Таинственность была придана этому обществу по извлеченному изъ опыта принципу, что нѣмецкая молодежь очень наклонна считать мудрымъ и высокимъ все, что таинственно. Орденъ иллюминатовъ (озаренныхъ свѣтомъ) былъ основанъ въ 1776 ингольштадтскимъ профессоромъ каноническаго права, Вейсгауптомъ, и однимъ изъ его студентовъ, 20-лѣтнимъ юношею, фонъ Цвакомъ. Цѣлью ордена было соединить просвѣщенныхъ людей на дружное дѣйствіе въ пользу того, что называется прогрессомъ человѣчества, какъ іезуиты были соединены для своихъ цѣлей въ союзъ, у котораго на вывѣскѣ была надпись: распространеніе царства Божія. Иллюминаты сочли нужнымъ играть символическими формами, обрядами посвященія въ разныя степени, чтобы этою игрою переманить массу изъ-подъ власти духовенства въ свою власть; и вотъ орденъ, основанный двумя неважными людьми въ неважномъ университетѣ, скоро нашелъ себѣ приверженцевъ по всей Германіи, мало того, и въ Нидерландахъ, и въ Скандинавіи, и даже въ Испаніи. Почему это произошло, можно объяснить отношеніями, въ которыя иллюминаты стали къ масонскому ордену, а еще лучше тѣмъ значеніемъ, какое имѣла тогда мистическая экзальтація съ таинственничаньемъ и съ шарлатанствами эксплуатировавшихъ ее хитрецовъ.

Мистическая экзальтація была тогда въ модѣ. Богатые и привиллегированные, всегда находившіе слишкомъ утомительнымъ предписанный Богомъ долгій путь труда и мышленія, думали, что можно достигать пониманія возвышенныхъ предметовъ посвященіями въ таинственныя степени съ символическими формулами. Тщеславные люди находили случай удовлетворить свою жажду отличій въ торжествахъ и степеняхъ мистическихъ обществъ. Свѣтскимъ людямъ, любителямъ наслажденій, авантюристамъ, орденскія связи давали покровителей, рекомендаціи, наслажденіе пріятнымъ обществомъ. Скептикъ могъ въ кругу собратій говорить свободнѣе, чѣмъ въ обыденномъ обществѣ. Люди безъ воли, безъ опоры въ самихъ себѣ, надѣялись получить и добродѣтель, и счастіе посвященіями и символами или туманными ученіями мудрости, которая выдавалась за низшедшую съ неба, какъ тысячи надѣются безъ заслугъ получить блаженство машинальнымъ богомольствомъ и однимъ благословеніемъ духовенства.

Господство мистическаго настроенія и тщеславная человѣческая слабость доставили успѣхъ грезамъ и обманамъ людей въ родѣ Гаснера или Месмера или Каліостро. То же мистическое настроеніе дало въ 60-хъ и 70-хъ годахъ XVIII вѣка множество послѣдователей шведскому духовидцу, Сведенборгу, утверждавшему, что находится въ личныхъ сношеніяхъ съ Богомъ, съ ангелами и съ душами умершихъ и получаетъ отъ нихъ откровенія. По той же причинѣ и масонскій орденъ пріобрѣлъ тогда большое значеніе въ глазахъ людей, и по этому же соображенію фантазеры, обманщики и иллюминаты избирали масонство главнымъ средствомъ для полученія успѣха. Даже Фридрихъ II при всей своей холодной разсудительности принадлежалъ къ масонскому ордену до той поры, когда начали пользоваться масонствомъ для другихъ цѣлей, т. е. почти до времени семилѣтней войны. Изъ числа обманщиковъ или обманутыхъ, которые ранѣе другихъ стали пользоваться вліяніемъ на масонскій орденъ, особенно замѣчательны были: протестантскій священникъ Роза, іенскій профессоръ Дарьесъ и авантюристъ Джонсонъ; всѣ они имѣли сильное вліяніе на нѣмецкую жизнь и литературу, благодаря тому, что масонство было уже очень сильно распространено въ ихъ время. Баронъ фонъ Гундъ, разоблачивъ обманы Джонсона, принялъ потомъ на себя его роль. Баронъ ввелъ въ масонскій орденъ новое ученіе, которое назвалъ системою «строгаго соблюденія» (stricte Observanz), иначе сказать, изобрѣлъ новое средство морочить людей. Его система была изобрѣтена

для людей свѣтскаго и великосвѣтскаго общества. Онъ отдѣлилъ нѣкоторыя масонскія ложи отъ остальныхъ, чтобы онѣ были союзомъ государей и аристократовъ, и дѣйствительно, такое отличіе привлекло въ масонскія ложи множество нѣмецкихъ государей, графовъ и бароновъ, которые и дѣлались орудіями и жертвами шарлатановъ. Нѣкоторые, напримѣръ, принцъ Фердинандъ Брауншвейгскій, главнокомандующій союзной арміи въ семилѣтнюю войну (стр. 145 и 149), нисколько не образумливались, когда изобличаемы были въ масонствѣ одно шарлатанство за другимъ. Лица самаго высокаго званія и толпы ихъ прислужниковъ стали всюду лѣзть въ ложи, особенно тогда, когда великая лондонская ложа избрала принца Фердинанда гросмейстеромъ всѣхъ нѣмецкихъ ложъ (въ 1772). Самъ преемникъ Фридриха II, Фридрихъ Вильгельмъ II, былъ съ молодости одураченъ масонскими шарлатанствами. Каліостро и Месмеръ нашли себѣ въ ложахъ многочисленную публику. Придворному проповѣднику Штарку масонство служило для интригованья въ пользу іезуитовъ; а святошѣ Гиппелю, писателю въ мистичноюмористическомъ вкусѣ, — для его корыстныхъ цѣлей. Масонская экзальтація возвела Лафатера въ санъ пророка для великосвѣтскихъ людей. При тогдашнемъ настроеніи, рѣшительно невозможно были ничѣмъ образумить обманываемыхъ фантазеровъ и мистиковъ. Никто изъ людей, обмороченныхъ Шрепферомъ (стр. 174), не опомнился даже тогда, когда этотъ шарлатанъ такъ запутался въ собственномъ враньѣ и надувательствѣ, что не нашелъ другаго средства уйти отъ послѣдствій своего плутовства, кромѣ самоубійства (въ 1774).

Экс-іезуиты также пользовались масонствомъ. Особенно хорошимъ орудіемъ для нихъ въ Баваріи служила та отрасль масонства, которая называлась розенкрейцерствомъ. Видя все это, основатели иллюминатскаго ордена также разсудили, что надобно имъ воспользоваться модою на тайные ордена и таинственныя посвященія. Первая попытка съ этою цѣлью была сдѣлана Цвакомъ. Но онъ былъ мало знакомъ съ масонскими учрежденіями, и орденъ иллюминатовъ былъ совершенно облеченъ въ одежду масонскаго ордена только трудами барона фонъ Книгге, носившаго въ иллюминатствѣ имя Филона. Баронъ, превосходно знавшій всѣ подробности масонства, ввелъ иллюминатовъ въ связь съ нимъ, давъ новую организацію ихъ ордену; онъ трудился съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы пользоваться обоими орденами для своихъ личныхъ выгодъ. Онъ былъ знатный господинъ, знавшій свѣтъ, презиравшій нравственность и религію, приносившій все въ жертву своимъ пошлымъ цѣлямъ; напримѣръ, изъ разсчета онъ обратился въ католичество, а потомъ опять вернулся въ протестантство. Какъ членъ всѣхъ тайныхъ орденовъ и какъ писатель, онъ игралъ большую роль, потому что лишь немногіе истинно умные и совершенно честные люди видѣли пошлость его понятій и принциповъ. Въ орденѣ иллюминатовъ онъ обманывалъ даже такихъ умныхъ и честныхъ людей, какъ гёттингенскій профессоръ Федеръ, извѣстный берлинскій писатель Николаи, какъ Дальбергъ, воспріимчивый ко всему хорошему; они и многіе другіе вступили въ орденъ иллюминатовъ, считая цѣлью его борьбу противъ мрака и деспотизма, бывшую для Книгге и ему подобныхъ только прикрытіемъ эгоистическихъ происковъ.

Книгге легко привлекъ въ орденъ иллюминатовъ почти всѣхъ тѣхъ масоновъ, которые были недовольны мистицизмомъ многихъ масонскихъ ложъ; переманить ихъ было ему тѣмъ легче, что въ самомъ орденѣ масоновъ онъ образовалъ новую систему «эклектическую», противоположную системѣ «строгаго соблюденія»: между масонами господствовало тогда большое недовольство противъ вліянія розенкрейцеровъ, іезуитскихъ тенденцій Штарка и системы «строгаго соблюденія», которую подозрѣвали въ шарлатанствѣ и которая наконецъ была формально признана за обманъ на большомъ масонскомъ конгрессѣ, собравшемся въ 1772 въ Вильгельмсбадѣ подъ предсѣдательствомъ Фердинанда Брауншвейгскаго. Но Фердинандъ, снова избранный тутъ гросмейстеромъ нѣмецкихъ масоновъ, скоро сдѣлался орудіемъ обскурантовъ, а Книгге продолжалъ привлекать масоновъ въ иллюминаты черезъ эклектическую систему. Ему помогалъ въ этомъ Боде, гамбургскій книгопродавецъ и писатель, принятый въ 1782 барономъ Книгге въ высшую степень иллюминатовъ. Но еще прежде орденъ имѣлъ много членовъ въ Баваріи, Франконіи, Швабіи, Австріи; теперь Боде и другіе распространили его въ сѣверной Германіи и въ Нидерландахъ. Одна-

ко распространеніе ордена на сѣверѣ произвело раздоръ между его членами. Книгге, Боде, Николаи и другіе сѣверные нѣмцы хотѣли идти гораздо дальше, чѣмъ южные сановники ордена, идти въ дѣлѣ, которое называли совершенствованіемъ человѣчества и распространеніемъ свѣта. Особенно усилился споръ и раздоръ, когда Книгге вздумалъ перенести въ обряды ордена всю торжественность церемоній католической церкви, чтобы вполнѣ мистифировать массу членовъ и сдѣлать ихъ простыми орудіями въ рукахъ старшинъ. Иллюминаты южной Германіи не согласились на это: одни изъ нихъ, будучи искренними католиками, не хотѣли профанировать церемоній своей церкви, другіе, будучи вольнодумцами, хотѣли посредствомъ иллюминатскаго ордена пріучать людей обходиться безъ церкви. Раздоръ привелъ къ тому, что въ 1784 сѣверные нѣмецкіе иллюминаты отдѣлились отъ южныхъ.

Ордену стало грозить уничтоженіе отъ внутренняго распаденія; около того же времени, въ томъ же 1784, онъ подвергся преслѣдованію баварскаго правительства. Гоненіе было возбуждено іезуитами, которые съ обыкновенною своею хитростью не вдругъ завели дѣло, а подготовили его постепенно; они разсчитали, что опасно было бы опрометчиво начать борьбу съ 2,000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ было много придворныхъ, былъ одинъ изъ министровъ, были члены первыхъ фамилій и умнѣйшіе люди Баваріи. Первый шагъ къ преслѣдованію ордена сдѣлалъ одинъ изъ самыхъ иллюминатовъ, придворный камеральный совѣтникъ Уцшнейдеръ, вышедшій въ 1783 изъ ордена и хотѣвшій пріобрѣсти протекцію іезуитовъ обвиненіемъ своихъ собратьевъ. Вскорѣ послѣ своего выхода изъ ордена онъ подалъ кабинету тайный, а потомъ и публичный доносъ, въ которомъ взводилъ на орденъ всевозможныя преступленія. Въ 1784 явилось анонимное «предостереженіе» противъ ордена. Тутъ о немъ говорилось только въ общихъ фразахъ, что онъ опасенъ государству и вреденъ нравственности, а тайный доносъ Уцшнейдера обвинялъ его въ безбожіи, государственной измѣнѣ, отравительствѣ и въ другихъ преступленіяхъ. Этимъ было подготовлено дѣло, и въ іюнѣ 1784 баварское правительство обнародовало запрещеніе всѣхъ тайныхъ обществъ. Но только въ слѣдующемъ году за этимъ общимъ запрещеніемъ, не указывавшимъ прямо ни на какія общества, были прямо запрещены иллюминатскій и масонскій ордена (въ маѣ и въ августѣ 1785). Въ сентябрѣ Уцшнейдеръ съ нѣсколькими другими бывшими членами иллюминатскаго ордена представилъ формальное обвиненіе противъ него. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ сообщилъ правительству тайные списки его членовъ. Тутъ было внесено много и такихъ людей, которые никогда не принадлежали къ ордену. Этимъ способомъ онъ губилъ своихъ враговъ, т. е. губилъ противниковъ іезуитовъ, не давая имъ возможности оправдываться.

Въ слѣдующіе годы баварское, да и другія нѣмецкія правительства занялись гоненіемъ всѣхъ просвѣщенныхъ людей, называя ихъ иллюминатами только для того, чтобъ погубить ихъ. Гоненіе нисколько не стѣснялось ни правдою, ни правосудіемъ: завели систему шпіонства, читали письма на почтѣ, сурово наказывали людей даже за одно то, если они выражали сострадание къ осужденнымъ. Искусственными способами навели на толпу ужасъ, застращали ее иллюминатствомъ какъ пугаломъ, какъ теперь запугиваютъ ее демократами, соціалистами, пантеистами, атеистами, потомъ пользуясь этимъ, стали преслѣдовать, какъ преслѣдуютъ нынѣ. Жесточе всего было гоненіе въ Баваріи при Карлѣ Теодорѣ и въ Австріи при Леопольдѣ II. Можно какъ угодно судить о людяхъ, злоупотреблявшихъ иллюминатствомъ и его тайною организаціею, но въ числѣ иллюминатовъ были благороднѣйшіе люди. Нельзя отнять у иллюминатскаго ордена и той заслуги, что онъ много содѣйствовалъ возникновенію свѣта новаго времени въ самыхъ мрачныхъ частяхъ Германіи. Толкуютъ о связяхъ нѣкоторыхъ иллюминатовъ и масоновъ, напримѣръ Боде и Мовильона, съ людьми, игравшими потомъ главныя роли во французской революціи; мы объ этомъ вовсе не станемъ говорить, во первыхъ, потому, что объ этомъ нельзя сказать ничего вѣрнаго, во вторыхъ потому, что такое великое событіе, какъ французская революція, никакъ не могло быть произведено ни тайными обществами, ни какими бы то ни было усиліями нѣсколькихъ людей.

7. Стремленіе Іосифа II ввести терпимость и просвѣщеніе въ Австріи и попытка преобразованія католической церкви въ Германіи.

Сынъ Франца I, Іосифъ II, былъ выбранъ въ 1765 въ германскіе императоры. Въ томъ же году мать сдѣлала его своимъ соправителемъ въ австрійскихъ владѣніяхъ; впрочемъ онъ имѣлъ въ нихъ мало вліянія, пока была жива Марія Терезія. Тревожная натура Іосифа, стремившаяся преобразовать всѣ отрасли государственной жизни, получила безпрепятственную дѣятельность только по смерти императрицы (въ 1780). Со времени Максимиліана II до Іосифа II, онъ первый изъ всѣхъ австрійскихъ государей старался и отчасти успѣлъ ввести нѣкоторый свѣтъ въ свои владѣнія. Самыя чистыя и благородныя побужденія заставляли его реформировать администрацію, законы, судопроизводство, воспитаніе, преподаваніе и церковное устройство въ своихъ владѣніяхъ. Этого нельзя было совершить безъ революціи, производимой при содѣйствіи народа; но Іосифъ имѣлъ чисто-автократическій духъ и потому не могъ въ государственныхъ дѣлахъ спрашивать мнѣнія народа, а въ церковныхъ опереться на соборъ. Да и тѣ реформы, которыя онъ хотѣлъ сдѣлать на пользу народа, не соотвѣтствовали духу, обычаямъ и степени развитія народа. Іосифу пришлось поступать, какъ обыкновенно поступаютъ автократы: въ своихъ преобразованіяхъ онъ долженъ былъ дѣйствовать исключительно насиліемъ и такимъ образомъ часто становился противъ собственной воли тираномъ. Но если такимъ образомъ онъ и представляется во многихъ случаяхъ суровымъ и несправедливымъ, то надобно согласиться, что для него и не было другой возможности сдѣлать хотя тѣ улучшенія, которыя до сихъ поръ остались въ Австріи единственными. Здѣсь мы будемъ говорить только о тѣхъ реформахъ Іосифа, которыя относились къ церковнымъ дѣламъ.

Это были самыя удачныя изъ реформъ Іосифа, по крайней мѣрѣ въ самой Австріи. Онъ велъ ихъ такъ энергически и неотступно, что до сихъ поръ не успѣли возстановить прежняго порядка. При Маріи Терезіи уже было кое-что сдѣлано для улучшенія церкви и школъ, а Іосифа въ этой части его стремленій поддерживали всѣ просвѣщенные католики Австріи, искренно привязанные къ сущности католическаго ученія, но ненавидѣвшіе всякое іезуитство и ультрамонтанство, нетерпимость и фанатизмъ. Кауницъ, хотя вообще недовольный опрометчивостію преобразованій Іосифа, поддерживалъ его въ церковныхъ реформахъ; разумѣется, Кауницъ не принадлежалъ къ людямъ, о которыхъ мы сейчасъ упоминали: онъ смотрѣлъ на церковь и духовенство такими же глазами, какъ парижскіе философы, радикальныя понятія которыхъ о государствѣ и религіи были смертельно ненавистны императору.

Іосифъ началъ церковныя реформы въ Австріи эдиктомъ о терпимости, а потомъ предпринялъ полное преобразованіе монастырей: его распоряженія о нихъ безспорно составляютъ самое важное изъ всѣхъ измѣненій, произведенныхъ въ Австріи въ послѣднія три столѣтія. Онъ началъ съ того, что уничтожилъ прямыя отношенія австрійскихъ монастырей къ Риму и къ заграничнымъ монастырямъ и отдалъ ихъ подъ власть мѣстныхъ епископовъ. Потомъ онъ на 12 лѣтъ запретилъ принимать новыхъ послушниковъ. Съ января 1782 онъ началъ закрывать тѣ монастыри, которые считалъ излишними или вредными. Этими мѣрами онъ въ теченіе осьми лѣтъ уменьшилъ число монаховъ на 30 или на 36 тысячъ, то есть избавилъ свое государство отъ 30 или 36 тысячъ праздныхъ людей, часть которыхъ жила доходами обширныхъ монастырскихъ имѣній, а другая часть, напримѣръ нищенствующіе ордена, не владѣя имѣніями, содержались прямо на счетъ народа. Эти люди стоили государству ровно столько же, сколько стоила бы армія изъ такого числа солдатъ. Іосифъ оставилъ только 1,324 монастыря съ 27,000 монаховъ и монахинь. Уменьшеніе числа монаховъ относилось въ особенности къ нищенствующимъ орденамъ и потому имѣло еще ту выгоду, что прекратило моральное вліяніе тунеядцевъ, державшихъ народъ въ невѣжествѣ, лѣности, безсмысліи и фанатизмѣ своими процессіями, возбужденіемъ къ поклонническому странствованію, къ обрядности и къ вознѣ съ юродивыми. Съ имѣніями закрытыхъ монастырей Іосифъ распорядился не такъ, какъ многіе

нѣмецкіе государи во время реформаціи, какъ Генрихъ VIII Англійскій или гроссмейстеры нѣмецкихъ рыцарскихъ орденовъ (т. IV, стр. 453); онъ не обратилъ этихъ имѣній на государственныя надобности, не взялъ ихъ себѣ и не подарилъ своимъ придворнымъ: онъ составилъ изъ нихъ церковный фондъ, назначенный на постройку церквей, на жалованье священникамъ, на устройство новыхъ приходовъ и т. д.

Распоряженія Іосифа по церковнымъ дѣламъ привели экс-іезуитовъ въ ужасъ. Добродушный, но очень ограниченный человѣкъ, архіепископъ трирскій, Клементъ Венцеславъ послужилъ для нихъ орудіемъ: фанатикъ іезуитъ, аббатъ Беккъ, написалъ отъ его имени два письма, грозившія императору адомъ; Венцеславъ послалъ ихъ Іосифу. Іосифъ отвѣчалъ архіепископу въ насмѣшливомъ тонѣ и только сталъ дѣйствовать еще рѣшительнѣе. Точно таковъ же былъ успѣхъ письменныхъ увѣщаній, поданныхъ императору архіепископомъ вѣнскимъ, Мигацци (стр. 172). Іосифа нельзя было отклонить ничѣмъ отъ того, что онъ считалъ нужнымъ для блага своихъ подданныхъ. Онъ продолжалъ отмѣнять дурное въ католическихъ церковныхъ дѣлахъ, желая, чтобы католичество въ его владѣніяхъ стало учрежденіемъ, полезнымъ для религіи и нравственности Онъ уничтожилъ напрасныя церемоніи, процессіи, поклонническія странствованія, ввелъ нѣмецкіе церковные гимны, велѣлъ перевести библію на нѣмецкій языкъ. Онъ запретилъ давать церковныя должности тѣмъ духовнымъ, которые были монахами или воспитывались въ Римѣ, учредилъ для образованія священниковъ высшія семинаріи, въ которыхъ они воспитывались и обучались не по такому каноническому праву, какъ прежде. Онъ пошелъ дальше: запретилъ просить разрѣшеній изъ Рима и посылать туда деньги на служеніе мессъ, которыя заказывались тамъ прежде; запретилъ обнародовать буллы и бреве безъ предварительнаго разрѣшенія правительства; запретилъ принимать отъ папы титулы, милости и званія безъ императорскаго разрѣшенія. Словомъ сказать, онъ поступалъ въ такомъ духѣ, какъ будто хотѣлъ уничтожить въ своихъ владѣніяхъ абсолютно-монархическую власть папы и замѣнить ее епископскою властью.

Но онъ не умѣлъ дать себѣ яснаго отчета въ томъ, на какихъ принципахъ надобно основать церковный порядокъ. Онъ очень хорошо понималъ тѣсную связь внѣшней дисциплины и іерархіи католичества съ его догматикою и зналъ, что реформа одной изъ этихъ сторонъ невозможна безъ реформы другой стороны. Но онъ ненавидѣлъ мнѣнія тогдашнихъ философовъ о религіи, ненавидѣлъ всякую аристократію, а потому не могъ не испугаться самъ послѣдствій своихъ реформъ. Да и самъ онъ затруднялъ себѣ всѣ свои предпріятія, потому что во всемъ дѣйствовалъ только по собственному мнѣнію, а это лишало его помощи дѣльныхъ людей, и часто онъ дѣлалъ такія нововведенія, которыя не соотвѣтствовали его благонамѣреннымъ цѣлямъ. Черезъ это экс-іезуиты получали доводы порицать насильственныя реформы Іосифа и возстановлять противъ него народъ. Съ другой стороны, хитрые государственные люди, дѣйствуя на автократическое настроеніе Іосифа, успѣли отклонить его отъ епископской системы и примирить съ папскимъ монархизмомъ. Начало этому было положено въ 1783, когда Іосифъ ѣздилъ въ Римъ: въ это время на него дѣйствовали французскій и испанскій посланники при папскомъ дворѣ, кардиналъ де Берни и кавалеръ Асара. Оба они были изъ людей, смотрѣвшихъ на христіанство какъ на политическое учрежденіе для обузданія народа, въ родѣ древней религіи римлянъ. Они растолковали императору, что его епископальная система перенесетъ духовную власть изъ рукъ папы въ руки аристократіи, противъ которой онъ всячески борется на защиту народа; князья, графы и бароны составляли тогда капитулы, изъ которыхъ выходили высшіе духовные сановники. Эти доводы подѣйствовали на Іосифа; онъ не пошелъ въ сторону противоположную прежней, но пересталъ оскорблять папу. Тогда и папа въ ожиданіи лучшихъ временъ не сталъ дѣлать ему препятствій, по крайней мѣрѣ публичныхъ и упорныхъ.

Конечно, II i й VI противодѣйствовалъ реформамъ Іосифа, но противодѣйствовалъ умно и осторожно. Онъ видѣлъ, что духъ времени грозитъ во всѣхъ странахъ большою опасностью церкви и церковной іерархіи, и лавировалъ, какъ ловкій политикъ. Онъ сталъ дѣйствовать дипломатическими нотами; не добившись успѣха, онъ вздумалъ самъ поѣхать въ Вѣну попытаться, не отклонить

ли императора съ его пути важностью своего сана и своимъ личнымъ вліяніемъ. Но и поѣздка его осталась совершенно безуспѣшна: его пріѣздъ въ Вѣну въ 1782 не могъ поколебать принциповъ Іосифа; путешествіе въ Вѣну оказалось даже вредно для значенія папы, обнаруживъ его слабость. Іосифъ рѣшительно не поддался на убѣжденія папы; но онъ по крайней мѣрѣ лично обращался съ нимъ чрезвычайно деликатно, а государственный канцлеръ Кауницъ, первое лицо въ государствѣ послѣ императора, не дѣлалъ и того: говорятъ, что на одной аудіенціи у папы Кауницъ былъ даже просто невѣжливъ. Послѣ поѣздки въ Вѣну папа и Іосифъ стали переписываться; но Іосифъ продолжалъ свои реформы, не обращая вниманія на мнѣнія папы, и въ 1783 дѣло дошло до явной ссоры. Но около этого времени Берни и Асара внушили Іосифу новыя мысли, и онъ остановился. Была и другая причина примиренія. Іосифу понадобилась помощь папы противъ венгерскаго духовенства, власть котораго онъ стѣснилъ и которое раздувало недовольство, возбужденное въ Венгріи его произвольными мѣрами.

Насильственныя церковныя реформы Іосифа въ Австріи могли получить прочность лишь тогда, если бы была преобразована вся католическая церковь. Безъ этого онѣ остались шатки. Кромѣ того онѣ принесли еще ту невыгоду, что изъ-за частнаго австрійскаго дѣла императоръ пренебрегъ болѣе важнымъ дѣломъ — задачею дать независимость всей нѣмецкой католической церкви. А между тѣмъ въ 1785 представлялся хорошій случай къ тому, благодаря тщеславію баварскаго курфирста Карла Теодора. Курфирстъ выхлопоталъ, чтобы папа прислалъ къ мюнхенскому двору нунція: Карлъ Теодоръ хотѣлъ поравняться съ государями большихъ державъ. Но отъ этого баварская церковь прямо подчинялась римской куріи; архіепископъ майнцскій, Карлъ Іосифъ Эрталь, и архіепископъ зальцбургскій, Іосифъ Францискъ Коллоредо, протестовали противъ учрежденія мюнхенской нунціатуры, — архіепископъ майнцскій потому, что отъ этого онъ терялъ примасство въ Германіи, а архіепископъ зальцбургскій потому, что уменьшалась его епархіальная власть. Къ нимъ присоединились архіепископъ кельнскій, Максимиліанъ, братъ Іосифа, и архіепископъ трирскій, Клементъ Венцеславъ, сынъ Фридриха Августа II Саксонскаго. Такимъ образомъ четыре высшіе духовные сановника имперіи соединились на защиту правъ нѣмецкой церкви противъ папы. Архіепископы майнцскій и зальцбургскій обратились къ императору съ жалобами; онъ (въ октябрѣ 1785) запретилъ нунцію вступаться въ управленіе церковными дѣлами нѣмецкой имперіи. Курфирсты майнцскій и кельнскій тотчасъ исполнили распоряженіе Іосифа. Имперскій придворный совѣтъ также вступился за права имперіи, сдѣлалъ выговоръ курфирсту баварскому и объявилъ противозаконными дѣйствія Пакки, папскаго нунція въ Кельнѣ, который отважился давать приказанія духовенству кельнскаго архіепископства. Тогда архіепископы увидѣли, что могутъ не ограничиваться однѣми протестаціями, и рѣшились возстановить прежнее церковное право нѣмецкой имперіи. Нѣмецкой націи представлялась возможность пріобрѣсти церковную самобытность, о которой не позаботились ея представители на базельскомъ соборѣ,— точнѣе говоря, возвратить себѣ права, отнятыя у ней коварствомъ Энея Сильвія (т. III, стр. 610, 614).

Съ этою цѣлью лѣтомъ 1786 архіепископы имѣли конгресъ въ Эмсѣ и тамъ при помощи своихъ ученыхъ духовныхъ и юристовъ составили актъ, извѣстный подъ именемъ «Эмсскихъ правилъ» (Эмсской пунктаціи): онъ отвергалъ папское каноническое право, основанное на псевдо-исидоровыхъ декреталіяхъ (т. II, стр. 470) и насильственно введенное Григоріемъ VII; вмѣсто него конгресъ установлялъ епископальную систему. Эмсскія рѣшенія были представлены императору съ просьбою предложить ихъ на согласіе папы и если папа не приметъ ихъ въ теченіе двухъ лѣтъ, то созвать національный соборъ, собраніе котораго можетъ обойтись безъ папы, не такъ какъ вселенскій соборъ. Отвѣтъ Іосифа былъ вообще благопріятенъ архіепископамъ; но онъ предлагалъ имъ спросить мнѣнія другихъ нѣмецкихъ епископовъ и даже свѣтскихъ католическихъ государей Германіи. Изъ лицъ, съ которыми Іосифъ предлагалъ совѣтоваться, очень немногія отличались истинною религіозностью, сообразительностью и патріотизмомъ, а интересы и понятія большинства были самыя разно-

калиберныя; поэтому опрашиванiе мнѣнiй не повело бы ни къ чему, кромѣ замедленiя дѣла, богъ знаетъ насколько. Но этого и хотѣлъ Iосифъ. Въ требованiяхъ архiепископовъ онъ видѣлъ зародышъ духовной олигархiи въ имперiи, а онъ питалъ ненависть ко всякой аристократiи и кромѣ того имѣлъ особенную причину къ неохотѣ поддерживать архiепископовъ противъ папы: одинъ изъ нихъ, архiепископъ майнцскiй, очень дѣятельно работалъ въ пользу свѣтской олигархiи нѣмецкихъ государей, въ особенности по дѣлу составленiя «союза государей» (**Fürstenbund**), устроеннаго въ оппозицiю императору. Наконецъ созванiе нацiональнаго собора было противно автократическому духу императора, который и безъ того имѣлъ уже много хлопотъ съ оппозицiею въ своихъ владѣнiяхъ и который гораздо легче могъ сладить съ монархическою властью папы, чѣмъ съ цѣлымъ духовенствомъ. По всѣмъ этимъ причинамъ Iосифъ не сталъ на сторону архiепископовъ. Но для успѣха своихъ реформъ въ австрiйскихъ владѣнiяхъ онъ запугивалъ папу архiепископами, а архiепископовъ папою. Онъ передалъ рѣшенiя и желанiя епископовъ коммисiи, составленной при имперскомъ придворномъ совѣтѣ, чтобы она разсмотрѣла ихъ; но это было только новою проволочкою. Такимъ образомъ, по нѣмецкому обыкновенiю, все осталось по старому, не смотря на всѣ толки о реформѣ.

Iосифъ II отказалъ въ покровительствѣ и содѣйствiи людямъ, хотѣвшимъ возстановить въ Германiи епископальную систему. Не такъ поступалъ братъ его, Леопольдъ Тосканскiй (впослѣдствiи императоръ Леопольдъ II), который помогъ прелатамъ своего государства въ такомъ же дѣлѣ. Впослѣдствiи онъ возстановлялъ всю дурную старину и гналъ духъ новаго времени; но тогда онъ служилъ ему и дѣлалъ въ Тосканѣ такiя же реформы, какъ Iосифъ въ Австрiи. Онъ поддержалъ и попытки реформировать тосканскую церковь. Онѣ были начаты епископомъ Риччи, который въ 1787 созвалъ тосканскихъ прелатовъ на соборъ въ своемъ епархiальномъ городѣ, Пистойѣ. Прелаты держались строгаго янсенизма и составили рядъ реформирующихъ постановленiй, получившихъ знаменитость подъ именемъ Пистойскихъ предложенiй. Этими рѣшенiями отвергалось папское каноническое право, строгая янсенистская мораль объявлялась важнѣйшею стороною христiанства, прямо порицалось то, что папы обратили католичество въ дѣло внѣшнихъ обрядовъ. Но и въ итальянскомъ племени нельзя было совершить такого преобразованiя; извѣстно, что итальянцы считаютъ нравственность прозаичностью, а сущность религiи ставятъ въ церемонiяхъ и формахъ. Поэтому Пiй VI могъ спокойно смотрѣть на хлопоты тосканскихъ епископовъ. Онъ удовольствовался тѣмъ, что отвергъ рѣшенiя пистойскаго собора, выждалъ, пока пришло время реакцiи и, дождавшись его, безъ труда уничтожилъ всѣ нововведенiя тосканскихъ епископовъ.

XI. ПОЛИТИЧЕСКІЯ РЕФОРМЫ

И ПОПЫТКИ ТАКИХЪ РЕФОРМЪ, ПРОИЗВЕДЕННЫЯ ГОСУДАРЯМИ И МИНИСТРАМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII ВѢКА.

---

1. Правленіе Помбаля въ Португаліи.

Стараясь ограничить или вовсе уничтожить іерархію и главную опору ея, іезуитскій орденъ, европейскія правительства колебали и разрушали также устарѣлыя феодальныя права и привилегіи. Сами государи пытались производить революціи, но такъ, чтобы вполнѣ сохранялось монархическое устройство государства и кабинетное управленіе, господствовавшее тогда на всемъ европейскомъ континентѣ; цѣль переворота состояла даже въ томъ, чтобы еще тверже упрочить эти порядки; поэтому политическія реформы, предпринимавшіяся тогда государями и министрами, встрѣчали въ народѣ сопротивленіе. Народъ держался обычая; его привычки нарушались нападеніями на обычный порядокъ, а правъ и выгодъ ему эти нападенія не давали. Движенія въ демократическомъ духѣ во Франціи, Бельгіи, Голландіи, Франціи начались тотчасъ послѣ этихъ монархическихъ революцій; надобно впрочемъ сказать, что правительственные принципы и формы, вводившіеся государями и министрами, были основаны на господствующихъ идеяхъ; надобно прибавить, что тогдашніе правительственные реформаторы раздѣляли и коренное заблужденіе своей эпохи, волновавшейся теоретическими и философскими воззрѣніями: они выходили изъ того убѣжденія, что государственное устройство, благосостояніе и характеръ народа — такія вещи, которыя можно регламентировать и устраивать теоретическими законами и приказаніями.

Начинаемъ съ Португаліи. При Іоаннѣ V въ ней было, можно сказать, духовное правительство (стр. 119), а при его сынѣ и преемникѣ, Іосифѣ Эммануилѣ (1750 — 1777), вся власть перешла въ руки Помбаля, энергически-деспотическій характеръ котораго мы уже видѣли въ его образѣ дѣйствій противъ іезуитовъ (стр. 165). Въ первые годы Помбаль былъ стѣсненъ вліяніемъ вдовствующей королевы, которая, какъ и вся королевская фамилія, была слѣпо предана іезуитамъ; но по смерти ея (въ 1754) Помбаль умѣлъ сдѣлать себя совершенно необходимымъ мнительному и трусливому королю, такъ что пользовался безграничною властью до самой смерти Іосифа. Эту власть онъ употреблялъ на то, чтобы всевозможными насильственными перемѣнами вырвать Португалію изъ средневѣковыхъ цѣпей и устроить ее по экономически-философскимъ принципамъ, распространявшимся тогда изъ Франціи по всей Европѣ. Помбаль отъ природы былъ деспотъ, а реформы свои совершалъ наперекоръ не одному дворянству или духовенству, а также народу и королевской фамиліи; поэтому его безчисленныя преобразовательныя распоряженія, касавшіяся всѣхъ сторонъ жизни, даже домашняго быта, конечно, были проводимы съ безпощадною, часто свирѣпою суровостью, въ родѣ того, какъ послѣ дѣйствовали террористы французской революціи. Чтобы характеризовать направленіе и образъ дѣйствій Помбаля, мы скажемъ

о нѣсколькихъ изъ тѣхъ многочисленныхъ мѣръ, которыми онъ думалъ просвѣтить и осчастливить народъ, давая неограниченную власть престолу.

Въ тотъ самый годъ, когда Помбаль обратилъ свою энергическую строгость на парагвайскихъ іезуитовъ (стр. 163), Лиссабонъ былъ разрушенъ однимъ изъ самыхъ ужасныхъ землетрясеній, какія только знаетъ исторія. Это было въ 1755. Почти всѣ зданія столицы рушились; болѣе 30,000 человѣкъ были погребены подъ ихъ развалинами; уцѣлѣвшіе были въ опасности умереть отъ голода или сдѣлаться жертвою грабителей и убійцъ, толпы которыхъ дерзко хозяйничали, пользуясь общимъ бѣдствіемъ. Помбаль былъ именно такой человѣкъ, какой могъ охранить и помочь при такомъ ужасномъ случаѣ. Онъ тотчасъ принялъ энергическія мѣры; иныя изъ нихъ были очень благоразумны и полезны, но показывали суровость его произвола. Онъ позаботился о снабженіи города продовольствіемъ, разставилъ повсюду караулы и въ нѣсколько дней повѣсилъ 350 грабителей и убійцъ. Составивъ потомъ планъ новой постройки Лиссабона, онъ исполнялъ его съ такимъ тиранствомъ, что велѣлъ сломать и замѣнить новыми на счетъ владѣльцевъ многіе изъ уцѣлѣвшихъ домовъ. Планъ города былъ составленъ у него въ томъ духѣ, чтобы Португалія получила великолѣпную столицу, и особенно позаботился онъ о постройкѣ такихъ зданій, которыя нужны были для монархическаго блеска и для торговли — арсенала, гостинаго двора, биржи и т. п.

Въ Португаліи не было промышленности; Помбаль, подобно всѣмъ политическимъ реформаторамъ XVIII вѣка, думалъ, что промышленность можно создать повелѣніями и полицейскими мѣрами, что можно тѣми же средствами поднять торговлю и земледѣліе. Но его попытки остались напрасны по лѣности и суевѣрію португальцевъ. Чтобы поддержать репутацію португальскаго вина и увеличить хлѣбопашество, онъ безъ церемоніи велѣлъ истребить много виноградниковъ. Также насильственно хотѣлъ онъ доставить націи выгоды чисто-практическаго образованія школами, которыя замѣнили бы прежнее монашеское обученіе. Мы говорили, что онъ основалъ народныя школы (стр. 168); кромѣ того онъ учредилъ въ Лиссабонѣ промышленное училище и насильственно набиралъ въ него учениковъ. Точно также насильственно заставлялъ онъ праздную молодежь столицы учиться ремесламъ. Для оживленія торговли онъ между прочимъ соорудилъ большой каналъ, устроилъ блестящую ярмарку, отмѣнилъ арестованіе за долги и уничтожилъ монополіи; но самъ сковалъ торговлю новыми цѣпями. Напримѣръ, онъ сдѣлалъ торговлю хлѣбомъ монополіею правительства, отдалъ разныя другія отрасли торговли привилегированнымъ компаніямъ, хотѣлъ давать торговлѣ то или другое направленіе приказами. Успѣхъ этихъ мѣръ вовсе не соотвѣтствовалъ его намѣреніямъ, но Помбаль по крайней мѣрѣ растолкалъ португальцевъ изъ дремоты монашеской жизни, и этого результата уже нельзя было потомъ уничтожить никакимъ насиліемъ. Бережливостью и строгимъ порядкомъ Помбаль привелъ португальскіе финансы въ такое состояніе, въ какомъ они давно уже не бывали. Казна при немъ никогда не была пуста, а при его отставкѣ въ ней нашли 78 милліоновъ крузадовъ (около 50 милліоновъ р. сер.).

Дѣйствія Помбаля по религіознымъ и церковнымъ дѣламъ были не всегда послѣдовательны: иногда онъ бывалъ принужденъ щадить предразсудки народа, короля и королевской фамиліи. Онъ отмѣнилъ ежегодныя сожженія еретиковъ (аутосъ-да-фе), ограничилъ власть инквизиціи, передавъ свѣтскимъ судилищамъ право произносить приговоры по ея дѣламъ. Онъ реформировалъ многіе монашескіе ордена, далъ полныя права гражданства такъ называемымъ новымъ христіанамъ, отмѣнилъ многіе праздники и церковные обряды, возвратилъ въ казну имѣнія, раздаренныя Іоанномъ V, поощрялъ писателей, типографщиковъ и издателей. Но онъ же потомъ опять возвысилъ значеніе инквизиціи, только для того, чтобы удобнѣе было преслѣдовать іезуитовъ, сжегъ монаха Малагриду (стр. 167), усилилъ цензуру, то запрещалъ, то дозволялъ принятіе новыхъ монаховъ въ разные ордена и т. д.

Съ аристократіею Помбаль поступалъ точно также, какъ Карлъ XI Шведскій; разница была лишь въ томъ, что Карлъ дѣйствовалъ по рѣшенію другихъ сословій сейма (стр. 17), а Помбаль самовластно. Онъ конфисковалъ королевскія имѣнія, раздаренныя знатнымъ фамиліямъ прежними государями. Онъ запугивалъ

аристократовъ тѣми же тираническими средствами, какими уничтожилъ іезуитовъ. Покушеніе на жизнь короля послужило ему предлогомъ запутать въ процессъ и погубить людей изъ первыхъ фамилій королевства (стр. 165). Вообще онъ не останавливался ни передъ чѣмъ въ проведеніи мѣръ, которыя считалъ нужными для королевства, и всякое сопротивленіе наказывалъ съ ужасною строгостью. Онъ наполнилъ всѣ тюрьмы Португаліи политическими преступниками духовнаго и свѣтскаго званія и ссылалъ сотни людей въ колоніальныя тюрьмы. Онъ былъ такъ свирѣпъ къ политическимъ преступникамъ, что нѣкоторыхъ изъ нихъ запиралъ въ ужаснѣйшія подземныя темницы. Говорятъ, что во все время своего правленія онъ бросилъ въ тюрьмы или сослалъ 9,640 человѣкъ и что по смерти его 3,970 человѣкъ изъ нихъ были найдены совершенно невинными, но что изъ этихъ 3,970 были живы только 800 человѣкъ. У него былъ особенный трибуналъ, служившій ему политическою инквизиціею, шпіонившій даже семейную жизнь людей. Онъ считалъ невозможнымъ показываться въ публику иначе, какъ подъ прикрытіемъ солдатъ.

Преобразованіе войска принадлежитъ къ числу тѣхъ заслугъ Помбаля, результаты которыхъ пережили его. До 1763 армія была просто толпою сволочи безъ дисциплины и чувства чести; ее содержали такъ плохо, что солдаты собирали милостыню, а офицеры поступали въ лакеи или занимались ремеслами. Когда Карлъ III Испанскій по фамильному бурбонскому договору двинулъ войско на Португалію (въ 1762, стр. 155), Помбаль схватился за этотъ случай, чтобы совершенно преобразовать португальскую армію. По счастію для него, англичане вмѣстѣ съ корпусомъ своего войска прислали португальцамъ и генерала, какъ будто созданнаго быть преобразователемъ португальскаго войска. То былъ графъ Вильгельмъ Липпе-Шаумбургскій, одинъ изъ тѣхъ мелкихъ нѣмецкихъ государей, которые тогда въ своихъ владѣньицахъ подражали военно-автократической системѣ Фридриха II и Лудовика XIV. Онъ образовался, какъ солдатъ и генералъ, въ англійской и австрійской службѣ, и такъ привыкъ играть въ солдаты, что потомъ во время мира организовалъ свое графство на военный манеръ, заставилъ всѣхъ жителей учиться военному артикулу, а подъ конецъ своей жизни построилъ себѣ маленькую крѣпость. Въ семилѣтнюю войну онъ съ своими поселянами, обращенными въ солдатъ, служилъ англичанамъ и пруссакамъ, и служилъ хорошо, потомъ сдѣлался фельдцейхмейстеромъ ганноверскаго войска и отличался въ сраженіяхъ и въ стычкахъ. Когда началась война между Испаніею и Португаліею, англичане выбрали его главнокомандующимъ союзной англо-португальской арміи. Не смотря на то, что португальскія войска никуда не годились, Вильгельмъ, благодаря своему стратегическому и тактическому искусству, тотчасъ вытѣснилъ испанцевъ изъ Португаліи. Очень скоро былъ заключенъ миръ, но Вильгельмъ остался въ Португаліи главнымъ начальникомъ всѣхъ войскъ и преобразовалъ военную часть также радикально, какъ Помбаль всѣ другія учрежденія. Онъ началъ съ того, что сдѣлалъ дуэль обязательною во всѣхъ дѣлахъ, касающихся чести, чтобы пробудить въ арміи это чувство. Онъ пригласилъ въ Португалію много нѣмецкихъ и французскихъ офицеровъ, цѣлыя толпы иностранныхъ наемныхъ солдатъ и ввелъ при ихъ помощи то устройство, какое имѣла прусская армія при Фридрихѣ II. Кончивъ дѣло организаціи португальскаго войска, онъ въ 1764 возвратился въ свое маленькое владѣніе; тогда Помбаль соединилъ въ своихъ рукахъ званіе главнаго начальника всѣхъ войскъ съ должностью перваго министра, какъ сдѣлалъ во Франціи Ришлье (т. V, стр. 177). И по военному управленію онъ дѣйствовалъ обыкновеннымъ своимъ манеромъ. Напримѣръ, онъ, не задумываясь, кассировалъ цѣлые полки, если они провинялись въ буйствѣ или даже въ какомъ-нибудь пустякѣ.

Помбаль держался исключительно только тѣмъ, что подчинилъ себѣ короля. Потому, когда стала предстоять смерть Іосифа Эммануила, Помбаль зналъ, какую судьбу готовитъ ему смертельная ненависть королевской фамиліи, духовенства и аристократіи. Іосифъ умеръ въ февралѣ 1777; сыновей у него не было, и ему наслѣдовала старшая дочь его, Марія, вскорѣ вышедшая за своего роднаго дядю, дона Педро. Уже этотъ кровосмѣсительный бракъ, совершенный съ разрѣшенія папы, предвѣщалъ возстановленіе стараго порядка; оно было тѣмъ неизбѣжнѣе, что Марія скоро впала въ душевную болѣзнь, имѣвшую связь съ ея

суевѣріемъ и потомъ перешедшую въ помѣшательство. Помбаль вышелъ въ отставку черезъ нѣсколько дней по смерти Іосифа Эммануила, но остался предсѣдателемъ королевскаго совѣта. Прежде, чѣмъ его отставили и отъ этого предсѣдательства, уже началась реакція, которая быстро уничтожила почти всѣ его учрежденія. Но противники Помбаля, въ числѣ которыхъ самыми озлобленными были вышедшіе изъ тюрьмъ іезуиты, епископы, вельможи и прогнанные имъ придворные, не довольствовались возстановленіемъ старины, а хотѣли погубить самого Помбаля. Новая королева долго не соглашалась подвергнуть преслѣдованію министра, который во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ распоряжался съ согласія и уполномоченія ея отца. Наконецъ она не устояла противъ неотвязныхъ требованій враговъ Помбаля, и тогда, разумѣется, не оказалось недостатка въ юристахъ, умѣющихъ какъ угодно гнуть правосудіе при помощи Юстиніанова кодекса. Эти юристы начали свое дѣло тѣмъ, что всѣ приговоры противъ знатныхъ лицъ, произнесенные при Помбалѣ, были кассированы съ подведеніемъ столькихъ же юридическихъ основаній, сколько было подобрано прежде Помбалевскими судьями для произнесенія приговоровъ. Видя это, всѣ пострадавшіе при Помбалѣ ободрились, стали подавать жалобы на министра, который итакъ уже два года былъ преслѣдуемъ процессами о вознагражденіи разныхъ лицъ. Наконецъ два высшіе трибунала королевства начали судить Помбаля, какъ государственнаго преступника, и послѣ долгихъ допросовъ и процедуръ Помбаль, уже 82-лѣтній старикъ, былъ приговоренъ къ очень тяжелымъ наказаніямъ, какъ виновный въ государственныхъ преступленіяхъ (въ 1781). Королева смягчила приговоръ, ограничивъ наказаніе только публичнымъ порицаніемъ управленія Помбаля и приказаніемъ ему безвыѣздно жить въ своихъ помѣстьяхъ. Черезъ годъ онъ умеръ.

2. Испанія. — Карлъ III, Кампоманесъ, Фижероа, Аранда.

Въ то время, какъ Помбаль реформировалъ Португалію, въ Испаніи идеи вѣка также получили силу. Мы уже говорили, въ какихъ отношеніяхъ стоялъ Карлъ III къ испанскимъ реформамъ, и перечисляли испанскихъ преобразователей (стр. 168). Они, въ особенности Аранда, Фижероа и Кампоманесъ, въ короткое время успѣли преобразовать въ Испаніи почти все. И у нихъ, какъ у Помбаля, изгнаніе іезуитовъ было первымъ и самымъ благотворнымъ для будущности страны дѣломъ.

Уничтоживъ іезуитовъ, Аранда сталъ освобождать Испанію отъ средневѣковыхъ цѣпей ограниченіемъ папской власти, радикальнымъ измѣненіемъ инквизиціи, преобразованіемъ монашескихъ орденовъ, отмѣной дурного въ церковномъ устройствѣ, преобразованіемъ школъ, короче говоря, сталъ дѣлать то, что Тануччи, дѣлалъ въ Неаполѣ (стр. 116). Аранда въ особенности заботился объ улучшеніи преподаванія въ училищахъ; онъ передалъ ихъ изъ рукъ монаховъ бѣлому духовенству и замѣнилъ іезуитскія семинаріи новыми. Въ Мадридѣ, въ томъ зданіи, гдѣ іезуиты учили старинѣ по старой формѣ, онъ учредилъ академію для наукъ, относящихся къ государственному хозяйству и къ промышленности; онъ сталъ обнародовать статистическія свѣдѣнія, — дѣло неслыханное въ Испаніи. Духовникъ короля часто останавливалъ его предпріятія: если Карлъ III, по своему автократическому духу, слушался людей, запугивавшихъ его тѣмъ, что папская власть стѣсняетъ его, то не менѣе легко было запугивать его и страхомъ ада. Въ послѣднюю половину своего царствованія Карлъ все больше впадалъ въ испанскую закоснѣлость и сталъ бояться реформъ Аранды. Наконецъ въ 1773 духовникъ короля успѣлъ склонить его отставить Аранду и снова дать полный просторъ обскурантизму.

Отставкѣ Аранды много содѣйствовалъ Олавидесъ, котораго возвысилъ самъ Аранда. Олавидесъ былъ богатый мадридскій купецъ; Аранда поручалъ ему разныя дѣла, наконецъ далъ ему важную должность андалузскаго генералъ-интенданта. Онъ родился и воспитывался въ Перу, но въ зрѣлыхъ лѣтахъ усвоилъ французское образованіе и французскій либерализмъ, а отъ этого сталъ тщеславенъ, эгоистиченъ и надуто пустъ. Онъ такъ мало походилъ на испанца, что не

могъ нравиться ни королю, ни кореннымъ испанцамъ. Сдѣлавшись андалузскимъ интендантомъ, онъ вздумалъ привести въ прежнее цвѣтущее благосостояніе запустѣвшія области Сіерра-Морены и для этого выписалъ множество колонистовъ изъ разныхъ чужихъ земель, особенно изъ Германіи; тутъ были и католики, были и протестанты. Но онъ рѣшительно не имѣлъ понятія о томъ, что нужно для успѣха колонизаціи, обманулъ колонистовъ шарлатанскими зазывами авантюриста, котораго сдѣлалъ своимъ помощникомъ въ этомъ дѣлѣ, и надавалъ имъ обѣщаній, которыхъ не могъ сдержать. Въ числѣ этихъ пустыхъ обѣщаній, которыми заманивали колонистовъ, было и обѣщаніе свободы богослуженія. Газеты очень много трубили въ прославленіе этой колонизаціи, но она погубила и обманутыхъ колонистовъ, и самого Олавидеса, и его патрона. То, что о ней много шумѣли, только помогло обскурантамъ отвратить короля отъ Аранда и показать на Олавидесѣ и другихъ такой примѣръ, который отбилъ бы у всѣхъ охоту къ нововведеніямъ. Королевскій духовникъ выставилъ Аранду вольнодумнымъ врагомъ истинной вѣры и не отставалъ отъ короля, пока недобился, чтобы Аранда былъ отставленъ (въ 1773), а черезъ два года даже отправленъ за границу, посланникомъ въ Парижъ. По отставкѣ Аранды поднялась буря на Олавидеса. Нѣмецкій капуцинъ, посланный въ Сіерра-Морену обращать поселенныхъ тамъ еретиковъ, подбилъ своихъ соотечественниковъ-католиковъ жаловаться на Олавидеса, самъ подалъ обвиненіе противъ него, сталъ дѣлать на него тайные доносы, что онъ еретикъ, а онъ по неосторожности дѣйствительно сказалъ капуцину нѣсколько лишнихъ словъ. Перехватили письма Олавидеса къ его друзьямъ, парижскимъ энциклопедистамъ; письма эти произвели на короля желанное дѣйствіе; въ ноябрѣ 1775 Олавидесъ былъ вызванъ въ Мадридъ, а черезъ годъ его предали суду инквизиціи. Напрасно Аранда, еще сохранявшій большое вліяніе, хотѣлъ спасти своего друга. Олавидесъ два года просидѣлъ въ тюрьмѣ инквизиціи, былъ осужденъ какъ еретикъ, принужденъ къ публичному исповѣданію вѣры, потомъ запертъ въ монастырь. Черезъ два года онъ бѣжалъ, игралъ за границею роль либерала, но потомъ, испуганный французскою революціею, обратился къ испанскому грубому суевѣрію и написалъ въ защиту его толстую книгу.

Его паденіе и удаленіе Аранды изъ Парижа были сигналами возвращенія стараго монашескаго времени. Но при жизни Карла III и даже въ первые годы царствованія его преемника, Карла IV, Аранда и его друзья еще успѣвали защищать нѣкоторыя изъ своихъ реформъ. По удаленіи Аранды, Фижероа и Кампоманесъ еще дѣйствовали въ его духѣ. Карлъ IV очень любилъ Кампоманеса, очень ловко умѣвшаго щадить господствующіе предразсудки при всей своей ревности къ прогрессу. Онъ при Карлѣ IV особенно много сдѣлалъ для улучшенія уголовныхъ законовъ. Товарищемъ его по министерству сдѣлался графъ Флорида-Бланка; но графъ служилъ идеямъ новаго времени только изъ честолюбія и тщеславія и совершенно отрекся отъ нихъ, когда вспыхнула французская революція. Аранда при Карлѣ IV былъ возвращенъ въ министерство управлять иностранными дѣлами; но скоро былъ вытѣсненъ пошлымъ человѣкомъ безъ знаній и дарованій, Годоемъ, который пріобрѣлъ такую громкую, но скверную славу при Наполеонѣ, и Испанія надолго сдѣлалась игрушкою этого ничтожнаго любовника королевы.

3. Данія. — Струэнзе.

Въ 1766 датскій престолъ наслѣдовалъ послѣ Фридриха V Христіанъ VII, 17-лѣтній юноша. Онъ имѣлъ нѣкоторыя способности, но былъ испорченъ воспитаніемъ и рано попалъ въ руки дурныхъ людей; пріучившихъ его къ разгульной жизни, которая, разслабивъ его тѣло, разслабила и умъ. Сдѣлавшись королемъ, онъ упалъ такъ низко, что находилъ удовольствіе только въ грубыхъ наслажденіяхъ и забавахъ и всегда былъ во власти того, кто лучше другихъ умѣлъ развлечь его или внушить ему страхъ. Въ первый годъ своего царствованія онъ женился на сестрѣ Георга III Англійскаго, Каролинѣ-Матильдѣ. Этотъ бракъ, отъ котораго 1768 родился сынъ, былъ несчастливъ по

совершенному несходству характеровъ короля и королевы. Каролина Матильда была своенравна и упряма, какъ ея братъ; имѣла гордость англичанки, привыкла, подобно другимъ знатнымъ дамамъ своей родины, безъ оглядки отдаваться страстямъ и любовнымъ связямъ и находила особенное удовольствіе держать себя амазонкою. Могла ли такая женщина даже разговаривать съ мужемъ, думавшимъ только о ребяческихъ потѣхахъ и о распутствѣ?

Молодаго короля окончательно погубила поѣздка въ Англію и во Францію въ 1768. Это путешествіе было вредно для Даніи и по другой причинѣ: оно стоило громадныхъ денегъ, потому что король путешествовалъ чрезвычайно пышно и въ сопровожденіи блестящаго придворнаго штата. Собственно по случаю этой поѣздки было установлено нѣсколько новыхъ налоговъ, между прочимъ подушная подать, которая бралась даже съ 12-лѣтнихъ мальчиковъ, находившихся въ услуженіи. Слабоумный король бросалъ въ Лондонѣ изъ окна золотыя деньги черни, а въ Парижѣ имъ восхищались дворъ и академія; онъ получилъ похвальное письмо отъ Вольтера, чего добивались тогда всѣ государи и свѣтскіе люди; въ газетахъ всей Европы прославляли его умныя и остроумныя изрѣченія. Но въ этомъ путешествіи онъ потерялъ и послѣдніе остатки физическихъ и умственныхъ силъ. Важнѣйшимъ результатомъ поѣздки было то, что при самомъ началѣ ея, въ Альтонѣ, Христіанъ познакомился съ Струэнзе, альтонскимъ городскимъ врачемъ, и взялъ его къ себѣ въ лейбъ-медики.

Во время путешествія Струэнзе умѣлъ сдѣлать себя для короля необходимымъ человѣкомъ, благодаря своему умѣнью пріятно развлекать его тѣмъ или другимъ способомъ, смотря по его расположенію. Струэнзе имѣлъ терпѣніе очень любезно заниматься этимъ утомительнымъ дѣломъ, между тѣмъ какъ прежній компаньонъ Христіана, графъ Голькъ, былъ гуляка, думавшій только о себѣ. Христіанъ привезъ Струэнзе въ Копенгагенъ, сдѣлалъ его своимъ лейбъ-медикомъ, и онъ умѣлъ пріобрѣсти такое вліяніе, что скоро забралъ въ свои руки всю власть и тогда началъ преобразовывать въ Даніи все по своимъ понятіямъ и принципамъ, какъ Помбаль въ Португаліи. Отецъ его, пасторъ, занимавшій видное мѣсто между гольштинскимъ духовенствомъ, воспиталъ его въ строжайшемъ піэтизмѣ, но онъ отбросилъ насильно навязанную вѣру, принявъ тѣ понятія и правила, которыя тогда распространялись по Европѣ парижскими философами. Образомъ его мыслей, а кромѣ того, его чувственностью, суетностью и честолюбіемъ обыкновенно объясняютъ и хорошую, и дурную сторону его дѣятельности. Пріѣхавъ съ королемъ въ Копенгагенъ весною 1769, онъ съ неутомимымъ терпѣніемъ продолжалъ свое дѣло развлекать и занимать короля и этимъ поставилъ Христіана въ полную зависимость отъ себя. Скоро онъ сдѣлался государственнымъ совѣтникомъ, сталъ значительнымъ лицомъ во всѣхъ кругахъ, получилъ титулъ конференцъ-совѣтника и сильное вліяніе на дѣла, а въ январѣ 1770 даже переселился жить во дворецъ. Первымъ дѣломъ, на которое онъ употребилъ свою силу надъ королемъ, было то, что онъ заставилъ короля совершенно подчиниться королевѣ, отъ которой Христіанъ держалъ себя очень далеко. Самъ Струэнзе вошелъ съ королевой въ очень близкія отношенія; это очень понятно при характерѣ ея и его, при разслабленіи короля, при ежедневныхъ свиданіяхъ Струэнзе и королевы, при его заботливости о здоровьѣ наслѣднаго принца. Королева страстно полюбила Струэнзе, очень красиваго лицомъ и образованнаго во вкусѣ Виланда; а онъ, легкомысленный по природѣ, сталъ еще суетнѣе и властолюбивѣе и слишкомъ скоро забылъ всякую осторожность.

Чтобы безгранично управлять королемъ, королева и Струэнзе удалили его прежняго компаньона Голька и на мѣсто Голька опредѣлили Бранта, пріятеля Струэнзе. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (въ сентябрѣ 1770) они вытѣснили изъ министерства графа Бернсторфа Старшаго, единственнаго почтеннаго человѣка во всей датской аристократіи (стр. 130). Въ декабрѣ былъ уничтоженъ совѣтъ министровъ, и управленіе дѣлами было передано прямо королевскому кабинету. Черезъ это Струэнзе сталъ единственнымъ правителемъ государства: онъ и королева, завладѣвъ съ конца 1769 личностью короля, имѣли въ своемъ распоряженіи и его подпись, которая, по датской формѣ правленія, дѣлала непререкаемымъ закономъ всякое повелѣніе. Съ сентября 1770 Струэнзе началъ на-

сильственныя реформы, которыми потрясъ старую Данію, какъ Помбаль Португалію.

Струэнзе хотѣлъ замѣнить монархическимъ абсолютизмомъ аристократическую бюрократію, которая тогда располагала судьбою Даніи, хотѣлъ также ввести въ государственную жизнь тѣ понятія и теоріи, которыя возвѣщались французскими писателями всему свѣту какъ евангеліе новаго времени. Чтобы исполнить такую задачу, ему были нужны энергія, знаніе людей, проницательность и холодная разсудительность, какія были у Ришльё, а онъ не имѣлъ ни одного изъ этихъ качествъ. У него была лишь ловкость на обыденныя дѣла; онъ дѣйствовалъ съ непостижимой неосторожностью и опрометчивостью, а въ рѣшительную минуту потерялъ присутствіе духа и мужество. Дѣйствуя лишь по суетности и властолюбію, онъ даже не имѣлъ въ своей реформаторской дѣятельности опредѣленнаго плана и связи. Еще меньше думалъ онъ о томъ, каковы будутъ послѣдствія его мѣръ, о предразсудкахъ, глубоко коренившихся въ датчанахъ, о чрезвычайной щекотливости ихъ національнаго чувства, очень раздраженнаго въ особенности противъ нѣмцевъ. У него не было проницательности и благоразумія даже въ выборѣ людей, которыхъ онъ дѣлалъ своими совѣтниками и важными сановниками. Напримѣръ, онъ ввѣрился графу Ранцау, у котораго отъ природы было расположеніе ко всякимъ низостямъ, замѣтное даже въ чертахъ лица. Но должно сказать, что въ числѣ его совѣтниковъ были и дѣльные люди; въ особенности хороши были его братъ, Эдеръ, Бергеръ, Штурцъ, Виллебрандъ, еще нѣсколько нѣмцевъ и датчанинъ Фалькеншёльдъ, имѣвшій большую опытность по военному и по дипломатическому вѣдомствамъ. Все это были люди и чиновники самые лучшіе въ то время, и ихъ вліянію Данія обязана тѣми хорошими и полезными распоряженіями, какія Струэнзе дѣлалъ рядомъ со множествомъ плохихъ и непрактичныхъ. Они съ разсудительностью и умѣренностью вводили въ Данію теоріи французовъ и практику Фридриха II; ихъ дѣятельностью и удаленіемъ плохихъ чиновниковъ вливалась новая жизнь и свѣжесть въ государство, на пятьдесятъ лѣтъ отставшее отъ своего времени.

Въ недолгое время своей реформаторской дѣятельности, съ сентября 1770 по январь 1772, Струэнзе издалъ до 600 распоряженій. Они относились ко всѣмъ отраслямъ государственной и даже общинной жизни. Напримѣръ, съ торопливостью, которая стала вредна ему самому, Струэнзе ограничилъ нелѣпое нахватываніе разныхъ титуловъ, уменьшилъ число праздниковъ, преобразовалъ всѣ административныя учрежденія, уничтожилъ раздачу правъ на будущія вакансіи, раздачу должностей родственникамъ и кліентамъ аристократовъ, улучшилъ полицію, замѣнилъ копенгагенскій магистратъ, составлявшій городскую олигархію, городскимъ совѣтомъ, зависящимъ отъ правительства, увеличилъ терпимость, ввелъ свободу печати, преобразовалъ финансовое управленіе, уменьшилъ расходы двора, уменьшилъ жалованье чиновникамъ, но самъ впрочемъ расходовалъ много денегъ, принявъ княжескій образъ жизни. Онъ отмѣнилъ почти всѣ обязательныя работы и этимъ приготовилъ уничтоженіе крѣпостнаго права. Онъ совершенно реформировалъ университетское устройство и морскую часть, пересоздалъ все судопроизводство — что осталось прочною пользою для страны, — ввелъ равенство передъ закономъ и въ несеніи налоговъ, улучшилъ благотворительныя учрежденія, позаботился даже объ очищеніи, освѣщеніи улицъ и нумераціи домовъ въ Копенгагенѣ, и т. д. Уже этотъ слишкомъ неполный списокъ доказываетъ, что отважный правитель производилъ полный переворотъ въ странѣ, для которой самъ былъ чужеземцемъ. Исполнить свое дѣло онъ не могъ, а только раздражилъ датчанъ своимъ реформаторскимъ духомъ, ожесточилъ ихъ до того, что они не хотѣли быть признательны къ нему и за такія мѣры, которыя были дѣйствительно хороши и благотворны, какъ напримѣръ, сокращеніе расходовъ двора и улучшеніе судебной части. Въ особенности ненавидѣли Струэнзе духовенство и всѣ усердные лютеране, т. е. масса народа; онъ представлялся имъ безбожникомъ и человѣкомъ безнравственнымъ. Но, быть можетъ, всего больше раздражало всѣ сословія датской націи то, что распоряженія Струэнзе писались по-нѣмецки и что онъ велѣлъ всѣ отчеты, даже отъ низшихъ начальствъ, присылать въ кабинетъ также на нѣмецкомъ языкѣ. Одно это уже показываетъ, какъ

неспособенъ былъ Струэнзе дѣйствительно пересоздать Данію: онъ отнималъ у своихъ реформъ единственную прочную основу всякаго переворота — опору національности и сочувствіе народа.

Лѣтомъ 1771 онъ сдѣлалъ важную ошибку, взявъ себѣ у короля одинъ изъ должностныхъ титуловъ, которые самъ же недавно отмѣнилъ, и аристократическій рангъ; это значитъ, что реформаторъ демократическо-монархическаго направленія поддался тщеславной претензіи стать аристократомъ, диктаторомъ-вельможею. Онъ принялъ титулъ кабинетъ-министра, и было постановлено, чтобы повелѣнія, подписанныя имъ и скрѣпленныя кабинетною печатью, имѣли такую же силу, какъ еслибы носили на себѣ королевскую подпись. Черезъ нѣсколько дней онъ далъ себѣ и своему другу Бранду графскій санъ, не помышляя, что титулы и ранги даютъ силу и важность лишь тогда, если основываются на народномъ предразсудкѣ. Струэнзе достигъ своимъ графскимъ титуломъ только того, что усилилъ раздраженіе своихъ враговъ и завистниковъ. Скоро распространился слухъ, что онъ и Брандъ получатъ помѣстья для поддержанія своего графскаго достоинства.

Всѣ разсудительные люди уже видѣли, что Струэнзе не удержится на своемъ мѣстѣ. Англійскій посланникъ Китъ предостерегалъ его, совѣтовалъ спастись поспѣшнымъ бѣгствомъ, предлагалъ даже средства къ тому. Но Струэнзе былъ чрезвычайно безпеченъ какъ во всемъ, такъ и въ вопросѣ о своей личной безопасности; приближалась рѣшительная минута, а онъ предавался наслажденіямъ и смотрѣлъ на все свысока, такъ что самъ отнималъ у себя возможность оборониться. Слабость его была всѣмъ раскрыта двумя случаями, изъ которыхъ одинъ былъ въ сентябрѣ, другой въ декабрѣ 1771. Онъ оба раза струсилъ безъ всякой причины и тѣмъ ободрилъ своихъ враговъ на быстрое и смѣлое дѣйствованіе. Нѣсколько сотъ копенгагенскихъ матросовъ подняли въ сентябрѣ мятежъ, который было бы легко усмирить. Струэнзе имѣлъ слабость бѣжать изъ Копенгагена со всѣмъ дворомъ и согласиться на всѣ требованія возмутившихся. Въ декабрѣ Струэнзе уничтожилъ конную лейбъ-гвардію, привиллегированный отрядъ, состоявшій изъ 300 человѣкъ, и очень неблагоразумно велѣлъ размѣстить солдатъ этого отряда въ другія войска, при чемъ они теряли свои прежніе чины. Уничтожаемый отрядъ возмутился и занялъ копенгагенскій дворецъ; Струэнзе и дворъ были тогда въ Фридрихсбергѣ. Вмѣсто того, чтобы велѣть многочисленному копенгагенскому гарнизону наказать непокорныхъ, Струэнзе вошелъ съ ними въ переговоры, далъ имъ все, чего они требовали съ угрозами, и еще наградилъ подарками.

Въ это время противъ Струэнзе уже существовалъ заговоръ. Теперь заговорщики не стали медлить исполненіемъ замысла. Главою ихъ была мачиха короля, Юліана, женщина дурнаго сердца, видѣвшая себя въ пренебреженіи и думавшая возвести на престолъ своего сына, Фридриха. Но душою заговора былъ правовѣрный ханжа, бывшій кандидатъ теологіи Гульдбергъ, воспитатель принца Фридриха, пользовавшійся безграничнымъ довѣріемъ его матери. Подъ личиной смиренномудрія строгаго піэтиста, въ Гульдбергѣ были коварство и ловкость хитреца и безпредѣльная жажда власти и почестей. Онъ ненавидѣлъ Струэнзе какъ иностранца, какъ человѣка, дѣйствовавшаго въ пользу просвѣщенія, какъ единственную помѣху удовлетворенію его властолюбія. Самъ онъ не имѣлъ способностей, нужныхъ для выполненія замысла, и потому вовлекъ въ заговоръ нѣсколько отчаянныхъ людей, выбирая такихъ, которыхъ потомъ легко было бы отстранить отъ участія во власти. Изъ нихъ самымъ важнымъ былъ Ранцау, который запутался въ долги и злился на Струэнзе, не хотѣвшаго уплатить ихъ; онъ съ радостью схватился за случай выпутаться изъ долговъ переворотомъ. Другими заговорщиками были: генералъ фонъ Экстедъ, полковникъ Кёллеръ-Баннеръ, старикъ графъ Тоттъ, баронъ Шакъ-Ратловъ и проч.

Заговорщики исполнили свой замыселъ въ ночь съ 16 на 17 января 1772. Юліана и принцъ Фридрихъ съ Ранцау и другими соучастниками ворвались въ спальню короля и такъ запугали его выдуманными извѣстіями объ опасностяхъ, что онъ подписалъ заготовленныя ими повелѣнія. Это были бумаги о назначеніи Экстеда и Кёллера копенгагенскими коммендантами, объ арестованіи королевы

Каролины Матильды, Струэнзе и его друзей. Исполнить эти аресты было легко, при всеобщей ненависти къ Струэнзе и при распоряженіи подписями короля, который теперь находился во власти мачихи и принца Фридриха.

Струэнзе и Бранда продержали пять недѣль въ гнусныхъ тюрьмахъ, подвергая ихъ лишеніямъ и обидамъ, потомъ предали суду коммисіи, составленной изъ ихъ враговъ, для произнесенія смертнаго приговора. Гульдбергъ также былъ въ числѣ членовъ. Брандъ держалъ себя твердо и смѣло. Струэнзе выказалъ въ несчастіи такую же трусость, какое высокомѣріе выказывалъ въ счастіи и робость въ опасности. Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, когда съ него снимали цѣпи передъ первымъ допросомъ и плакалъ на второмъ допросѣ. Легко было сдѣлать изъ него все, что хотѣли. Трусъ, упавшій духомъ, поддался на обольщеніе, что спасется, если спутаетъ съ своею судьбою судьбу королевы Каролины Матильды, давъ противъ нея подробное показаніе. Получивъ отъ него это показаніе, быстро покончили процесъ его и Бранда. 25 апрѣля они были приговорены къ смерти, 28 казнены. Десять человѣкъ другихъ арестованныхъ подвергались такимъ оскорбленіямъ, какъ самые низкіе злодѣи. Потомъ трое изъ нихъ, Фалькеншёльдъ, братъ Струэнзе и фонъ Гелеръ, были объявлены виновными и наказаны тюрьмою или изгнаніемъ. Фридрихъ II Прусскій скоро выхлопоталъ (въ іюнѣ того же года) брату Струэнзе разрѣшеніе уѣхать въ Пруссію, и потомъ, при Фридрихѣ Вильгельмѣ II, онъ былъ прусскимъ министромъ.

Королева Каролина Матильда, не смотря на безстыжія показанія своихъ придворныхъ дамъ, твердо отвергала всѣ обвиненія противъ себя и противъ Струэнзе. Показаніе Струэнзе было противъ нея уликою; но для развода нужно было добиться ея собственнаго признанія, — иначе было невозможно отдѣлаться отъ ея брата, короля англійскаго. Тоттъ и Шакъ-Ратловъ не отвязывались отъ молодой женщины и наконецъ вынудили ее согласиться подписать бумагу, содержавшую требуемое признаніе. Но едва она написала первыя буквы своего имени, какъ бросила перо, увидѣвъ злую радость на лицѣ Шакъ-Ратлова. Онъ схватилъ ея руку и насильно заставилъ докончить подпись (8 марта 1772). Тогда, уже не колеблясь, присудили ее къ разводу. Несчастную женщину отвезли на ея родину въ Ганноверъ, гдѣ она жила три года, внушая всѣмъ привязанность и почтеніе, пока тоска не свела ее въ могилу.

Изъ сообщниковъ Юліаны и принца Фридриха только Гульдбергъ дѣйствительно выигралъ тѣмъ, что помогалъ имъ захватить власть. Остальные были одинъ за другимъ удалены со сцены отчасти стараніями Гульдберга, который сталъ теперь править государствомъ отъ имени Юліаны и принца Фридриха подъ скромнымъ титуломъ кабинетъ секретаря и сохранялъ власть цѣлыхъ 12 лѣтъ. Онъ пользовался такою же безграничною силою, какъ Струэнзе, но опора у него была гораздо крѣпче, потому что онъ не дѣйствовалъ въ пользу народа, какъ Струэнзе, не отмѣнялъ дурныхъ порядковъ, а возстановлялъ старые и создавалъ новые дурные порядки, дѣйствуя въ пользу привиллегированныхъ и знатныхъ. Впрочемъ уже нельзя было возстановить въ Даніи все дурное, уничтоженное Струэнзе, какъ нельзя было сдѣлать этого и въ Германіи по низверженіи Наполеона; многія нововведенія сохранились, а отмѣнены были только тѣ реформы, которыя были невыгодны для людей, захватившихъ теперь власть.

Единственная дѣйствительная заслуга Гульдберга и Юліаны во все время ихъ владычества въ Даніи состояла въ томъ, что они приняли въ министерство младшаго графа Бернсторфа, самаго умнаго, благонамѣреннаго и добросовѣстнаго изъ датскихъ государственныхъ людей, человѣка, въ которомъ одномъ изъ всѣхъ министровъ тогдашней Европы честность и любовь къ истинной свободѣ соединялись съ политическимъ благоразуміемъ и дипломатическою ловкостью. Онъ былъ племянникъ старшаго Бернсторфа, умершаго въ февралѣ 1772. Его сдѣлали въ апрѣлѣ 1772 министромъ иностранныхъ дѣлъ, и онъ превосходно велъ ихъ, не смотря на трудность положенія Даніи между разнородными требованіями Швеціи, Россіи, Англіи и не смотря на затрудненіе, въ которое ставилъ Данію характеръ Густава III Шведскаго. Въ маѣ 1772 Бернсторфъ выгоднымъ для Даніи образомъ кончилъ начатые его дядею переговоры съ Россіею о гольштинскихъ дѣлахъ. Мы говорили, что императоръ Петръ III имѣлъ притязаніе на Шлезвигъ-Гольштейнъ и началъ бы войну съ Даніею, если бы его не остановила

смерть (стр. 158). Но его преемница, Екатерина II, мало дорожила этими притязаніями; она еще при Фридрихѣ V вошла въ переговоры съ Даніей. Ходъ ихъ былъ быстръ и довольно выгоденъ для Даніи, потому что Бернсторфъ Старшій умѣлъ привлечь на свою сторону агента Екатерины, Сальдерна, одного изъ многочисленныхъ иностранцевъ, составившихъ себѣ карьеру въ Россіи. Сальдернъ былъ родомъ гольштинецъ, пріобрѣлъ расположеніе русскаго министра Панина, какъ хорошій чиновникъ, и въ 1767 былъ посланъ съ генераломъ Философовымъ въ Копенгагенъ вести переговоры по гольштинскому дѣлу. Онъ и Философовъ держали себя въ Копенгагенѣ по-царски и давали датчанамъ чувствовать всю тяжесть громаднаго русскаго могущества; но именно въ гордости ихъ ловкій Бернсторфъ и нашелъ средство кончить дѣло къ выгодѣ Даніи. Въ 1767 онъ заключилъ съ ними договоръ, по которому Екатерина II, именемъ своего сына Павла, отказывалась отъ всѣхъ притязаній на Шлезвигъ-Гольштейнъ, а Данія за это отдавала Павлу графства Ольденбургъ и Дельменгорстъ, а принцу младшей гольштинской линіи — бывшія владѣнія епископа любекскаго. Но этотъ договоръ могъ быть ратификованъ только самимъ Павломъ по достиженіи совершеннолѣтія и заключалъ въ себѣ нѣкоторыя условія, очень тяжелыя для слабой Даніи, и висѣлъ надъ нею, какъ Дамокловъ мечъ. Павелъ достигъ совершеннолѣтія, и Бернсторфа младшаго сдѣлали министромъ иностранныхъ дѣлъ собственно для того, чтобы покончить этотъ вопросъ. Онъ успѣлъ въ этомъ, и договоръ объ обмѣнѣ областей былъ исполненъ въ 1772. Павелъ отдалъ Ольденбургъ и Дельменгорстъ, получившія при этомъ случаѣ титулъ герцогства, своему двоюродному брату, государю бывшихъ владѣній епископа любекскаго, Фридриху Августу.

Бернсторфъ велъ дѣла превосходно, но именно поэтому его черезъ два года заставили выйти въ отставку: онъ затемнялъ собою королеву съ ея Гульдбергомъ. Гульдбергъ думалъ, что успѣетъ сохранить власть и по совершеннолѣтіи наслѣднаго принца, будущаго короля Фридриха VI, но обманулся. Въ апрѣлѣ 1784 молодой принцъ досталъ себѣ подпись отца въ родѣ того, какъ прежде достали ее Юліана и Гульдбергъ, удалилъ ихъ съ ихъ приверженцами и возвратилъ въ министерство Бернсторфа, который потомъ много лѣтъ управлялъ Даніею къ ея счастью.

4. Первые годы правленія Густава III Шведскаго.

По смерти Карла XII власть въ Швеціи перешла въ руки аристократической олигархіи, а король сталъ существовать только для формы (стр. 28 и 128). Аристократія распадалась на партіи шляпъ и шапокъ; онѣ ожесточенно боролись между собою; перевѣсъ былъ то на той, то на другой сторонѣ; но эти перемѣны были одинаково безполезны и королю и народу. Обѣ партіи были на жалованьи у иностранныхъ державъ, и вельможи, предводители партій, тратили государственныя деньги на свои пышныя наслажденія. Результатомъ было разстройство финансовъ и администраціи, подчиненіе юстиціи видамъ партій, разстройство арміи, доведенной до того, что ни на что не годилась, уничтоженіе свободы личности, потеря уваженія въ Европѣ. Въ царствованіе Адольфа Фридриха (1751—1771) неудовольствіе народа росло, и даже этотъ мягкій, уступчивый король нѣсколько разъ очень горячо ссорился съ аристократіею. Послѣдній ожесточенный раздоръ его съ олигархіей государственнаго совѣта былъ въ 1768; совѣтъ, состоявшій тогда изъ вельможъ партіи шапокъ, отказался созвать чрезвычайный сеймъ, котораго требовали и король, и народъ. Онъ хотѣлъ даже вовсе устранить короля, но всеобщее неудовольствіе наконецъ принудило его уступить. Сеймъ собрался въ маѣ 1769, и партія шапокъ была побѣждена партіею шляпъ. Но и побѣдившая партія стала пользоваться властью точно такъ же, какъ пользовалась побѣжденная.

Сеймъ 1769 замѣчателенъ въ исторіи Швеціи. На немъ началъ свою политическую роль сынъ и преемникъ Адольфа Фридриха, Густавъ III; кромѣ того сеймъ этотъ поставилъ Швецію въ такія отношенія къ Франціи, что французы,

совершенно подавивъ враждебную имъ партію шапокъ, стали потомъ стараться объ уничтоженіи всякой олигархіи и о возстановленіи монархической власти. Они склоняли короля къ насильственному перевороту и предлагали ему для этого денежныя средства. Но у Адольфа Фридриха было слишкомъ мало смѣлости и энергіи и слишкомъ много добросовѣстности, чтобы рѣшиться на это. Сынъ его смотрѣлъ на вещи иначе. Густавъ III былъ одаренъ всѣми блестящими способностями и свойствами, которыя очаровываютъ толпу, но не имѣлъ ни честности, ни постоянства въ мысляхъ, ни силы обуздывать мечты, наполнявшія его фантазію. Его воспитатель, баронъ Шефферъ, съ молодости сдѣлалъ изъ него придворнаго человѣка, софиста и ритора, и далъ ему поэтично-философское направленіе такого рода, что онъ былъ выше религіозной совѣстливости своего отца, умѣлъ обманывать людей красно-сплетенными рѣчами, любезностью, личиною умѣренности и мастерскимъ лицемѣріемъ. Путешествіе по Швеціи дало ему въ ранней молодости случай видѣть собственными глазами народныя бѣдствія и узнать причину ихъ. По порученію отца онъ вступилъ въ дѣла съ государственнымъ совѣтомъ, требуя созванія сейма, а когда сеймъ собрался, онъ хотѣлъ произвести насильственный переворотъ, въ пользу котораго были подкуплены французами многіе вельможи. Но характеръ Фридриха Адольфа не допускалъ этого, и Густаву пришлось отложить дѣло до той поры, когда онъ самъ станетъ королемъ.

Въ концѣ 1770 онъ отправился путешествовать по Европѣ, какъ путешествовали тогда всѣ принцы; главною цѣлью путешествія былъ Парижъ, тогдашняя столица всего, что считалось цивилизаціею и образованностью. Онъ былъ въ Парижѣ въ самое развратное время французскаго двора и познакомился съ безумной расточительностью, рыцарскимъ высокомѣріемъ, пышнымъ сладострастіемъ французскихъ принцевъ и вельможъ и оказался очень переимчивымъ ученикомъ этихъ учителей. Въ Парижѣ онъ сдружился съ братьями Лудовика XVI, графомъ Прованскимъ и графомъ Артуа, для возстановленія которыхъ составлялъ потомъ, незадолго передъ смертью, фантастическіе рыцарскіе планы, сдѣлавшіе его смѣшнымъ въ глазахъ всей Европы. Но онъ завелъ въ Парижѣ важныя дипломатическія связи, при помощи которыхъ низвергъ прежнюю шведскую конституцію, когда сдѣлался королемъ.

Онъ былъ въ Парижѣ, когда умеръ его отецъ (въ февралѣ 1771). Шведскій государственный совѣтъ тотчасъ отправилъ къ нему уполномоченнаго взять съ него клятву въ вѣрности существующей конституціи. Густавъ, не задумываясь, подписалъ предложенный ему документъ, но въ то же самое время заключилъ съ французскимъ правительствомъ тайный договоръ, по которому обязался низвергнуть эту конституцію, а оно обѣщало доставить ему денежныя средства для переворота и давать ежегодную субсидію. Такимъ образомъ первое дѣйствіе Густава въ санѣ короля очень ясно и точно показываетъ намъ, каковы были его мнѣнія о принципахъ нравственности и истинной чести и чѣмъ руководствовался онъ въ выборѣ средствъ для исполненія своихъ желаній.

Густавъ возвратился въ Швецію съ намѣреніемъ возстановить монархическую власть; французское правительство отправило посланникомъ въ Стокгольмъ лучшаго своего дипломата, графа Верженa, чтобы служить Густаву помощникомъ и руководителемъ. Шведскій народъ возлагалъ надежды на молодаго короля; онъ былъ ослѣпленъ блестящею личностью, манерами и талантами Густава, и не думалъ, что отъ государя съ блистательными качествами надобно ждать больше бѣдъ, чѣмъ отъ государя съ посредственными способностями. Вскорѣ по прибытіи Густава въ Стокгольмъ собрался такъ называемый коронаціонный сеймъ, и сословія его вступили въ сильный раздоръ между собою по вопросу о томъ, какія обязательства надобно возложить на короля при коронаціи. Извлекая себѣ пользу изъ этого раздора, Густавъ доказалъ, что имѣетъ врожденный талантъ интриговать и что развилъ его упражненіемъ и прежде въ Стокгольмѣ, и въ Парижѣ; онъ былъ любезенъ со всѣми; рѣчи его были мастерскими произведеніями риторики; онъ давалъ торжественнѣйшія увѣренія въ своей вѣрности принятымъ обязательствамъ, въ пышныхъ словахъ объяснялъ, что могъ бы извлечь себѣ пользу изъ раздора сословій сейма, но что его не допускаетъ до этого нѣжнѣйшая любовь къ отечеству и къ отечественной конституціи. Нако-

нецъ онъ предложилъ себя въ посредники сословіямъ сейма; но они не были такъ глупы, чтобы принять такія услуги. Въ мартѣ 1772 они наконецъ согласились между собою въ томъ, какія обязательства взять съ короля, и Густавъ, не колеблясь, подписалъ этотъ актъ: онъ не постыдился сказать, что подписываетъ свое клятвенное обѣщаніе, не читавъ его, — такъ велико его довѣріе къ сейму. Произнося свою присягу съ іезуитскою мысленною оговоркою, онъ добровольно прибавилъ къ ней слова: «Надѣюсь, что при составленіи этого акта имѣли въ виду благо государства, потому давно далъ въ своемъ сердцѣ ту присягу, которую долженъ дать теперь громко». Король и аристократія одинаково любили пышность, и коронація была совершена съ такимъ блескомъ, что обошлась почти въ 3,000,000 талеровъ, а весь годичный доходъ государства составлялъ тогда только 6,000,000.

После коронаціи король еще заботливѣе прежняго скрывалъ свои намѣренія. Ему надобно было выжидать времени. Правда, кромѣ простого народа, страдавшаго отъ ига олигархіи и видѣвшаго въ королѣ свое спасеніе, онъ имѣлъ за себя и низвергнутую партію шляпъ; но она не стала бы служить его настоящимъ цѣлямъ; она хотѣла только отнять власть у партіи шапокъ и оставить короля въ прежнемъ зависимомъ положеніи. По счастію для Густава, тогда уже существовала третья партія, придворная, къ которой принадлежалъ между прочимъ членъ государственнаго совѣта Синклеръ; она считала расширеніе королевской власти единственнымъ средствомъ спасти государство изъ его разстроеннаго состоянія. Она и прежде имѣла довольно много приверженцевъ, а теперь французскими деньгами ей были пріобрѣтены новые. Такимъ образомъ король имѣлъ партію, на которую дѣйствительно могъ опереться. Но низвергнуть существующую конституцію, иначе говоря, власть государственнаго совѣта, нельзя было иначе, какъ посредствомъ солдатъ. Государственный совѣтъ привязалъ къ себѣ стокгольмскій гарнизонъ, давая ему двойное жалованье. Густавъ съ своими братьями, Карломъ и Фридрихомъ Адольфомъ, составилъ очень вѣрный планъ подѣйствовать на войско и исполнилъ его очень хитро. Онъ переманилъ на свою сторону часть офицеровъ стокгольмскаго гарнизона при посредничествѣ одного изъ ихъ товарищей, а его братья овладѣли расположеніемъ полковъ, которыми командовали, одинъ въ Восточной Галландіи, другой въ Шоніи. Голодъ, появившійся во многихъ провинціяхъ, послужилъ ему средствомъ поднять безпорядки въ отдаленныхъ мѣстахъ и выхлопотать, чтобы туда посланы были полки и генералы, которыхъ онъ боялся (въ іюлѣ 1772). Тогда, по условленному плану, офицеръ полка принца Карла, капитанъ Геллихіусъ, возмутилъ своихъ солдатъ въ Шоніи, чтобы принцы могли собрать свои разбросанные полки подъ предлогомъ усмиренія этого бунта. Но государственный совѣтъ понялъ, въ чемъ дѣло, и, подобно самому Густаву, не задумался принять свои мѣры, не стѣсняясь конституціею. Онъ далъ диктаторскую власть намѣстнику Шоніи и возвратилъ въ Стокгольмъ два безусловно преданные олигархамъ полка, посланные противъ мятежниковъ. На эти мѣры онъ имѣлъ право; но кромѣ того онъ запретилъ королю выѣзжать изъ Стокгольма и велѣлъ карауламъ у городскихъ воротъ арестовать его, если онъ вздумаетъ уѣхать. Теперь Густаву нельзя было терять времени, ибо два возвращаемые полка были уже только въ 4 часахъ пути отъ Стокгольма.

Около полудня, 19 августа, Густавъ сѣлъ на лошадь, собралъ преданныхъ ему офицеровъ, соединилъ на дворцовомъ дворѣ смѣняемый караулъ съ смѣняющимъ, позвалъ караульныхъ офицеровъ въ комнату, склонилъ ихъ на свою сторону ловкою рѣчью и увѣреніемъ, что вовсе не думаетъ о самодержавіи, а только хочетъ прекратить бѣдствія страны низверженіемъ надменной олигархіи. Онъ предложилъ имъ подписать обѣщаніе помогать ему, и всѣ, кромѣ троихъ, подписали. Густавъ вышелъ къ солдатамъ, стоявшимъ на дворѣ, увлекъ и ихъ ловкими словами. Между тѣмъ весь Стокгольмъ былъ взволнованъ слухомъ, что государственный совѣтъ велѣлъ арестовать короля; массы горожанъ сходились на дворцовый дворъ и заодно съ солдатами выражали сочувствіе королю. Густавъ велѣлъ запереть всѣ входы въ залъ, гдѣ засѣдалъ государственный совѣтъ, поѣхалъ по улицамъ Стокгольма, объявляя о низверженіи олигархіи, былъ такъ любезенъ и краснорѣчивъ, что его слова вездѣ принимали съ криками одобренія. Въ пять часовъ вечера онъ былъ владыкою Стокгольма; онъ занялъ караулами

всѣ важные пункты города, взялъ съ солдатъ новую присягу, принудилъ и городской совѣтъ дать ему присягу; видя это, государственныя коллегіи также дали ее, не пробуя сопротивляться. Нѣкоторые чиновники и офицеры, вздумавшіе противиться, были арестованы. Войска, вернутыя съ дороги государственнымъ совѣтомъ и уже подошедшія къ Стокгольму, получили приказаніе идти назадъ. Захвативъ всю власть въ свои руки, король выпустилъ членовъ государственнаго совѣта изъ ихъ заключенія, но приказалъ не выпускать изъ города ни ихъ, ни бывшихъ въ Стокгольмѣ членовъ сейма. На другой день (20 августа) онъ собралъ горожанъ и солдатъ на большой площади, оживилъ ихъ блестящими рѣчами о старой Швеціи, о возстановленіи ея славы и велѣлъ имъ присягнуть конституціи, которую торжественно обѣщался хранить.

21 августа онъ созвалъ всѣхъ бывшихъ въ Стокгольмѣ членовъ сейма, грозя наказать, какъ измѣнниковъ отечеству, тѣхъ, кто не явится. Чтобы имѣть предлогъ для устрашающихъ мѣръ, онъ распустилъ слухъ, будто на Стокгольмъ идутъ войска, преданныя государственному совѣту. Явившись въ засѣданіе сейма, онъ разъигралъ точно такую же сцену, какую потомъ игралъ Наполеонъ въ Сенъ-Клу и недавно повторилъ племянникъ Наполеона въ Парижѣ; разница была лишь въ томъ, что въ Стокгольмѣ народъ дѣйствительно былъ увлеченъ и восхищенъ. Залъ засѣданія былъ окруженъ войсками съ заряженными пушками, а предсѣдательствовалъ въ засѣданіи не сеймовый маршалъ, а самъ Густавъ. Онъ явился со всѣмъ блескомъ королевскаго сана и держалъ въ рукѣ тотъ самый молотокъ, съ которымъ предсѣдательствовалъ нѣкогда Густавъ Адольфъ (на шведскомъ сеймѣ молотокъ замѣнялъ президенту колокольчикъ). Густавъ открылъ засѣданіе блистательною рѣчью и предложилъ сейму совершенно новую конституцію, хотя самъ наканунѣ клялся, что хочетъ возстановить прежнюю шведскую конституцію. На вопросъ его, принимаетъ ли сеймъ его конституцію, собраніе, окруженное солдатами и пушками, натурально, отвѣчало единогласнымъ «да». Президенты четырехъ сословій сейма подписали новую конституцію, — хотя противъ воли, но подписали. Тогда Густавъ не посовѣстился принудить собраніе принести торжественное благодареніе Богу за то униженіе, которому подверглось оно и сеймъ, представителемъ котораго оно было: онъ вынулъ изъ кармана книгу церковныхъ гимновъ и началъ пѣть: «Тебѣ Бога хвалимъ»; собраніе должно было пѣть вмѣстѣ съ нимъ. Густавъ продолжалъ собирать членовъ сейма на засѣданія до 9 сентября, и они опозорили себя низкою лестью тому самому королю, котораго прежде оскорбляли, какъ человѣка ненадежнаго. Они даже сами расширили права короля и соперничали съ нимъ въ пышности и лживости рѣчей. Вообще, риторику, суетность и пышность Густава не надобно считать только личнымъ его качествомъ; это характеристическія черты всего шведскаго народа, такъ что правы писатели, называющіе шведовъ сѣверными гасконцами.

Въ своей новой конституціи Густавъ сдѣлалъ ту ошибку, что не совершенно отмѣнилъ прежнюю, а удержалъ въ ней четыре статьи, которыя ограничивали королевскую власть и впослѣдствіи послужили предлогомъ обвинить его въ нарушеніи конституціи, составленной имъ самимъ. Эти ограниченія состояли въ томъ, что король при всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ долженъ спрашивать мнѣнія государственнаго совѣта, состоящаго изъ 17 дворянъ; безъ согласія совѣта и сейма король не можетъ начинать наступательной войны; сеймъ имѣетъ право предлагать на каждую должность извѣстное число кандидатовъ, изъ которыхъ король долженъ выбрать одного для занятія должности; король не можетъ отставлять высшихъ сановниковъ безъ суда. За этими и немногими другими ограниченіями король получилъ по новой конституціи обширную самостоятельную власть. Сначала Густавъ превосходно пользовался этою властью. Онъ отмѣнилъ бѣдственныя неудобства аристократическаго правленія, ввелъ въ Швеціи порядокъ и законность, которыхъ уже давно въ ней не бывало. Народъ долго былъ проникнутъ признательностью и любовью къ нему и не раньше, какъ черезъ десять лѣтъ понялъ, что изъ одной бѣды попалъ въ другую, почти такую же тяжелую. Но если переворотъ Густава имѣлъ хорошую сторону, то имѣлъ и дурную, которая была замѣчена только черезъ десять лѣтъ, но зато тогда быстро измѣнила удивленіе и любовь въ недовольство и ненависть. Густавъ совершилъ свой переворотъ такъ, что онъ былъ не шагомъ впередъ въ духѣ XVIII вѣка, а возвращеніемъ къ духу XVII

вѣка; Густавъ сталъ въ противорѣчіе съ духомъ своего времени, требовавшимъ новаго, и съ каждымъ годомъ его положеніе становилось все хуже, потому что всѣ были противъ него — и приверженцы стараго, и приверженцы новаго.

Ложное положеніе, въ которое сталъ Густавъ, особенно очевидно въ его законѣ о свободѣ печати и въ его безразсудной расточительности. Законъ о свободѣ печати, изданный Густавомъ въ 1774, заключалъ въ себѣ много либеральныхъ фразъ, а все-таки подвергалъ писателей худшимъ стѣсненіямъ и опасностямъ, чѣмъ прежній законъ. Расточительность Густава была великимъ бѣдствіемъ для него и для націи. По природѣ и по воспитанію онъ былъ человѣкъ легкомысленный, поверхностный, любящій пышность, фантазеръ. Онъ предавался геройскимъ грезамъ, думалъ, что можетъ возстановить рыцарскую жизнь давноминувшаго времени, но не могъ опредѣлить себѣ цѣли съ спокойною обдуманностью и идти къ этой цѣли серьезно, хладнокровно, разсудительно. Сильнѣйшею потребностью его было блистать, и ему мало было удовлетворять этой потребности въ придворномъ обществѣ, восхищавшемся его остроуміемъ и любезностью; онъ хотѣлъ блистать въ серьезныхъ правительственныхъ дѣлахъ и впереди войскъ, которыя доставляли ему забаву, тяжелую для бѣдной страны. Очень убыточнымъ пристрастіемъ была также его страсть окружать себя блескомъ искусства и науки; впрочемъ эта страсть составляла характеристическую черту тогдашняго монархическаго времени и вездѣ считалась необходимостью для украшенія двора. Но онъ не довольствовался тѣмъ, что называлось тогда «покровительствовать искусствамъ и наукамъ»; онъ хотѣлъ самъ быть поэтомъ и писателемъ. Въ устройствѣ своего двора и придворныхъ праздниковъ онъ бралъ себѣ въ образецъ то, что видѣлъ въ Парижѣ и Версалѣ, и страшные расходы на это подражаніе, разоряя аристократовъ, разоряли и все государство. Напримѣръ, онъ устроивалъ карусели и турниры съ такимъ великолѣпіемъ, что одинъ изъ этихъ праздниковъ, происходившій въ 1776, стоилъ 400,000 талеровъ мѣдной монеты.

Конечно, обыкновенныхъ доходовъ шведскаго государства было недостаточно на такую расточительность, и Густаву нужно было добывать деньги новыми способами. Онъ не хотѣлъ такъ скоро обращаться съ просьбою о деньгахъ къ сейму, согласіе котораго было необходимо для установленія новыхъ налоговъ; поэтому въ маѣ 1776 онъ объявилъ винокуреніе монополіею правительства. Это было подражаніемъ русскому порядку и могло быть исполняемо только при такой полиціи, которая не встрѣчала себѣ препятствій въ Россіи, но въ Швеціи неизбѣжно должна была пробудить большое неудовольствіе. Хлѣбное вино, цѣна котораго возвышалась монополіею Густава, было во многихъ шведскихъ провинціяхъ предметомъ первой необходимости для народа. Эта мѣра и другія подобныя скоро обнаружили для всякаго, что Густавъ хочетъ ввести въ Швеціи русское самодержавіе и утвердить его русскими средствами. Поэтому онъ скоро сталъ во вражду съ сеймомъ, и эта вражда погубила его. Но исторія второй половины правленія Густава III тѣсно связана съ событіями русской исторіи при Екатеринѣ II, и потому мы отлагаемъ разсказъ о ней до слѣдующихъ отдѣловъ.

5. Борьба французскаго правительства съ парламентами и реформаторскія попытки Тюрго.

При Лудовикѣ XV французское государство, державшееся только полиціею и солдатами, все больше и больше разлагалось. Король, частную жизнь котораго нельзя разсказывать въ благопристойной книгѣ, не думалъ ни о чемъ, кромѣ безстыднаго удовлетворенія своему сладострастію и трусливаго исполненія обрядовъ, которые для всей королевской фамиліи, одержимой суевѣріемъ и ханжествомъ, замѣняли религію. Вся власть находилась въ рукахъ королевскихъ любовницъ и ихъ фаворитовъ, такъ что исторія французскаго государства стала при Лудовикѣ XV просто исторіею двора. Общественное мнѣніе, не смотря на полицію, высказывалось очень громко, но было глубоко презираемо дворомъ, который считалъ свою неограниченную власть совершенно прочной и находилъ недостойнымъ никакого вниманія всѣхъ, кто не принадлежалъ къ привиллегированнымъ классамъ. Да и

дѣйствительно, все было спокойно; народъ во Франціи, какъ повсюду на континентѣ, признавалъ, повидимому, монархическую власть божественнымъ учрежденіемъ. Никто при дворѣ не видѣлъ, что государство не долго продержится съ тогдашнею правительственною системою и что презираемое общественное мнѣніе скоро низвергнетъ все.

Нѣтъ надобности приводить фактическія подробности въ подтвержденіе этого общаго замѣчанія: историки всѣхъ партій согласно описываютъ нравственную испорченность тогдашняго двора и безпощадный деспотизмъ, съ какимъ онъ пользовался своею властью. Въ развитіи внутренней жизни Франціи особенно важны два явленія: состояніе финансовъ и отношенія правительства къ парламентамъ.

Расточительность двора поглощала громадныя суммы; войны также; очень много денегъ шло на субсидіи иностранныхъ правительствъ и на подкупъ ихъ; а весь тогдашній доходъ государства простирался только отъ 400 до 500 милл. ливровъ, потому что почти всѣ земли находились въ рукахъ дворянства и духовенства, которыя не платили налоговъ. Кромѣ того были другія причины малаго количества доходовъ: налоги отдавались въ откупъ: каждая провинція имѣла свои особые учрежденія и законы. О преобразованіи системы налоговъ и о введеніи порядка въ финансахъ нельзя было и думать, хотя этого требовало постоянное возрастаніе расходовъ. Привиллегіи дворянства, духовенства, провинцій, городовъ и корпорацій отнимали всякую возможность измѣнить старыя формы и права. Кредитъ государства былъ совершенно подорванъ еще со временъ регентства, и потому изворачивались однимъ средствомъ—тѣмъ, что все больше обременяли налогами простой народъ, который одинъ платилъ ихъ. Мѣсто министра финансовъ доставалось всегда тому, кто умѣлъ придумать новые способы высасывать кровь изъ народа. Но каждый новый финансовый эдиктъ ставилъ правительство въ зависимость отъ парламентовъ: по закону, королевскія повелѣнія получали силу лишь тогда, когда были регистрированы парламентами.

Во второй половинѣ XVIII вѣка правительство постоянно было въ борьбѣ съ парламентами, сначала по спорамъ изъ-за янсенизма, потомъ изъ-за налоговъ. Но эти устарѣлые трибуналы сами не меньше правительства были враждебны потребностямъ времени и народа. Ихъ члены были дворяне и ученые юристы-теологи, которые, какъ и слѣдуетъ такимъ основательнымъ ученымъ, защищали всякое старое суевѣріе, всякую привиллегію, основанную на старой грамате, всякое средневѣковое варварство. Часто они шли въ своей ненависти къ новизнѣ дальше самого двора и правительства. Напримѣръ, они противились правительству, когда оно (при Лудовикѣ XVI) хотѣло уничтожить гнусные законы, осуждавшіе на галеры протестантскихъ священниковъ за проповѣдованіе своимъ прихожанамъ. Парламенты сжигали такія книги, которыя почти каждый французъ считалъ славою французской націи; напримѣръ, они сожгли «Эмиля» Руссо и опредѣлили арестовать автора, котораго, къ стыду ихъ, защищали почти всѣ знатныя дамы и принцъ крови. Но все-таки парламенты были единственною открытою и законною оппозиціею въ тогдашней Франціи; только они, да сеймы, уцѣлѣвшіе въ немногихъ провинціяхъ, имѣли право громко жаловаться на правительственныя распоряженія. Да и само правительство помогало имъ пріобрѣтать значеніе, какого они были не достойны: деспотическій произволъ двора и министровъ принуждалъ парламенты дѣлать возраженія и принимать оппозиціонныя рѣшенія, которыя давали имъ видъ, будто они защищаютъ права націи. Для прочности господствующей системы было очень дурно и то, что постоянная борьба съ правительствомъ заставляла парламенты изслѣдовать и объяснять коренные законы французскаго государственнаго устройства, права сословій и лицъ.

Мы знаемъ, что парламенты были высшія французскія судилища (т. II, стр. 223 и 402) и, подобно судилищамъ нѣмецкой имперіи, вели юридическія дѣла, хотя именемъ государя, но независимо отъ его вліянія и часто противъ него. Поэтому они назывались верховными судами (cours souveraines), въ томъ же смыслѣ, какъ и король. Ихъ члены составляли своего рода аристократію, потому что мѣсто парламентскаго совѣтника получалось только покупкою и было наслѣдственно. Совѣтники и чиновники парламентовъ были ученые люди съ очень основательнымъ юридическимъ образованіемъ; они были тѣсно связаны между собою корпоративнымъ духомъ и піэтистическимъ фанатизмомъ, противоположнымъ іе-

зуитскому. Кромѣ того въ парламентахъ служило большинство нисшаго дворянства, не находившаго себѣ мѣстъ въ арміи. Парижскій парламентъ имѣлъ еще особенное значеніе, какъ судъ перовъ, потому что онъ, при извѣстныхъ случаяхъ, приглашалъ въ свои засѣданія принцевъ крови и перовъ. А когда въ немъ являлся самъ король, онъ засѣдалъ какъ cour plenière и получалъ характеръ меровингскихъ или карловингскихъ судилищъ, заступавшихъ нѣкогда мѣсто французскихъ народныхъ собраній Мартовскаго поля (т. I, стр. 453). Но кромѣ того парламенты имѣли контроль надъ всѣми другими судебными властями, завѣдывали нѣкоторыми отраслями администраціи, имѣли особыя палаты по управленію налогами и по финансовому контролю. Съ парламентами были связаны безчисленные адвокаты и другіе юристы, имѣвшіе въ нихъ практику, прокуроры, чиновники, писцы; они, можно сказать, составляли войско, которымъ парламенты располагали во время смутъ. Всего страшнѣе для правительства были парламенты тѣмъ, что они регистрировали всѣ королевскія повелѣнія, и только по регистраціи сообщали ихъ для исполненія административнымъ властямъ; отсюда парламенты вывели для себя право протестовать и возражать и такимъ образомъ останавливали исполненіе королевскихъ повелѣній, хотя правительство никогда не признавало за ними такого права сопротивленія.

Чаще другихъ парламентовъ бралъ на себя это право парижскій парламентъ, пользовавшійся наибольшимъ значеніемъ, во-первыхъ, потому, что его округъ былъ самый обширный. Когда парижскій парламентъ дѣлалъ оппозицію распоряженіямъ правительства, оно прибѣгало къ такъ называемому личному королевскому засѣданію (lit de justice); король являлся въ засѣданіе; парламентъ обращался въ cour plenière, гдѣ кромѣ короля и его канцлера никто не имѣлъ права говорить, и гдѣ члены не имѣли права подавать голосовъ въ слухъ, а должны были шопотомъ подавать ихъ канцлеру, подходившему къ каждому члену, такъ что онъ, собирая голоса, могъ потомъ объявить большинство въ пользу какого угодно рѣшенія. Эти засѣданія назывались lit de justice, «засѣданіями на постели для отправленія правосудія», потому что король сидѣлъ, имѣя подушки за спиною, подъ руками и подъ ногами.

При владычествѣ Помпадуръ борьба парламентовъ съ правительствомъ шла главнымъ образомъ изъ-за янсенистовъ, которыхъ парламенты защищали противъ двора. Помпадуръ стояла за парламенты. Борьба началась въ 1752. Священникъ, приглашенный причастить умирающаго герцога Орлеанскаго (сына регента), не далъ ему причастія, потому что онъ былъ янсенистъ. Парламентъ, разсматривая этотъ случай, объявилъ недѣйствительною буллу папы, осуждавшую янсенизмъ, хотѣлъ арестовать священника, отказавшаго въ причастіи герцогу, и архіепископа парижскаго. Дворъ вступился за нихъ и кассировалъ рѣшеніе парламента. Парламентъ, чтобы придать себѣ характеръ собранія представителей націи, созвалъ на общее засѣданіе всѣ свои палаты, пригласивъ на засѣданіе принцевъ и перовъ. Король запретилъ принцамъ и перамъ являться въ засѣданіе, но тѣмъ только испортилъ дѣло. Одинъ изъ принцевъ напечаталъ длинный протестъ противъ этого запрещенія, и это придало парламенту такую смѣлость, что въ немъ начались пренія, напоминавшія рѣзкостью рѣчей времена Фронды. Онъ очень сильно нападалъ на дворъ и его кліентовъ, говорилъ, что правительство присвоило себѣ незаконную власть; больше всего онъ вооружался противъ того, что свобода и жизнь гражданъ лишены всякихъ законныхъ гарантій арестами по бланкамъ за королевскою печатью (lettres de cachet): эти бланки, на которыхъ можно написать какое угодно имя, выдавались всѣмъ министрамъ и придворнымъ, и посредствомъ ихъ они отдѣлывались отъ навязчивыхъ кредиторовъ или родственниковъ, отъ непокорныхъ сыновей, отъ писателей, на которыхъ были сердиты, и проч. Стоило только вписать чье-нибудь имя въ такой бланкъ, и этотъ человѣкъ былъ тотчасъ арестованъ и уже не могъ ждать ни помощи, ни суда.

Видя раздраженіе парламента, правительство прибѣгло къ насилію. Четверо парламентскихъ совѣтниковъ были отправлены въ крѣпости, а всѣ непокорныя палаты парламента были изгнаны изъ Парижа. Въ немъ оставили только одну «Большую палату», члены которой были большею частію люди пожилые и которая порицала рѣзкія дѣйствія другихъ палатъ. При ея помощи хотѣли преобразовать все судоустройство. Но она воспротивилась этому и также была изгнана. Прави-

тельство рѣшилось навсегда избавиться отъ парламента насильственными мѣрами. Это не удалось ему: оно было безсильно противъ корпоративнаго духа, который проникалъ тогда каждое сословіе, каждый цехъ, каждый городъ, каждую коллегію. Правительство учредило новый верховный судъ, составивъ его изъ членовъ государственнаго совѣта и высшихъ чиновниковъ, но было не въ силахъ поддержать его; нисшія судилища не признавали власти новаго трибунала; тяжущіеся и адвокаты не соглашались вести процесы въ этомъ незаконномъ судѣ. Такимъ образомъ правительство, повидимому, всесильное, должно было уступить и согласиться на возстановленіе парламента.

Миръ былъ непродолжителенъ: черезъ два года опять вспыхнула открытая вражда. Ненависть парламента была обращена теперь на министровъ Машо и д'Аржансона, которые были главными дѣйствующими лицами при изгнаніи парламента. Въ особенности Машо былъ нестерпимъ для парламента, потому что былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей, которые задолго до революціи поняли несостоятельность тогдашней правительственной системы и считали нужнымъ преобразовать государство. Машо хотѣлъ облегчить угнетенный народъ, переложивъ тяжесть податей на привиллегированныхъ дворянъ и богачей. Одного этого было бы достаточно, чтобы парламенты стали жесточайшими врагами Машо. А онъ кромѣ того нападалъ на историческое право, бывшее для парламента святынею. Когда началась (въ 1754) новая борьба, парижскій парламентъ вздумалъ соединить въ одну организованную силу все парламентское дворянство (noblesse de robe) цѣлой Франціи, соединивъ всѣ парламенты въ одну корпорацію, главою которой былъ бы парижскій парламентъ. Министры разстроили это предпріятіе двумя личными королевскими засѣданіями; парламентъ протестовалъ противъ такого нарушенія свободы своихъ совѣщаній; нѣкоторыя изъ палатъ парламента опять были закрыты, но борьба не прекращалась. Ожесточеніе было такъ велико, что покушеніе на жизнь короля, сдѣланное въ 1757 Дамьеномъ, слугою одного изъ парламентскихъ совѣтниковъ, приписывали янсенистскому фанатизму членовъ парламента. Но это покушеніе дало дѣлу оборотъ, выгодный для парламента: оно породило придворную интригу, результатомъ которой было удаленіе министровъ ненавистныхъ парламенту, Машо и д'Аржансона. Однако ихъ отставка не прекратила борьбу. Подобно прежней, и эта борьба кончилась побѣдою парламента, который былъ возстановленъ со всѣми прежними правами (въ сентябрѣ 1757).

Правительство было приведено къ уступкѣ безденежьемъ, при которомъ парламентъ былъ ему нуженъ для регистрованія новыхъ финансовыхъ эдиктовъ. Это постоянное денежное затрудненіе могло быть устранено законнымъ порядкомъ только черезъ созваніе общаго собранія государственныхъ сословій; теперь оно подало поводъ къ новой борьбѣ съ парламентомъ. По удаленіи Машо изъ министерства финансовъ три другіе министра, быстро смѣнявшіеся одинъ за другимъ, напрасно пріискивали средства для покрытія государственныхъ расходовъ, которые постоянно росли. Въ 1759 министромъ финансовъ сдѣлали наконецъ такого человѣка, отъ котораго твердо ждали, что онъ справится съ задачею, и дѣйствительно, этотъ новый министръ финансовъ, Силуэтъ, доставилъ въ казну 72,000,000 ливровъ тѣмъ, что выпустилъ новыя акціи, покупщики которыхъ получали долю изъ прибыли, даваемой прежнимъ откупомъ (на сумму новыхъ паевъ приходилась цѣлая половина откупныхъ барышей); разумѣется, это было сдѣлано безъ согласія прежнихъ откупщиковъ. Силуэтъ отмѣнилъ нѣкоторыя дурныя учрежденія старины по взиманію поземельнаго налога съ простаго народа (taille), и этимъ нѣсколько облегчилъ для поселянъ платежъ налога. Когда добытыя имъ средства истощились, онъ установилъ нѣсколько новыхъ налоговъ и черезъ это попалъ во вражду съ парламентомъ. Силуэтъ думалъ обойтись безъ содѣйствія парламента; онъ не послалъ своихъ финансовыхъ эдиктовъ для регистрованія въ парламентъ, а сдѣлалъ личное королевское засѣданіе, въ которомъ король повелѣлъ регистровать ихъ (въ сентябрѣ 1759). Парламентъ протестовалъ противъ такого образа дѣйствій, и правительство было опять принуждено уступить. Тогда Силуэтъ сталъ изворачиваться въ безденежьи тѣмъ, что остановилъ платежи изъ казны, и другими подобнымъ средствами, разрушавшими государственный кредитъ. Но онъ только потерялъ послѣдній остатокъ своей популярности и долженъ былъ выйти въ отставку че-

резъ восемь мѣсяцевъ послѣ того, какъ вступилъ въ должность министра финансовъ.

Отставка Силуэта произвела нѣчто въ родѣ перемирія между парламентомъ и правительствомъ; но перемиріе не могло быть продолжительно уже потому, что въ это время началъ управлять дѣлами герцогъ Шуазёль, введенный въ министерство маркизою Понпадуръ. По религіознымъ понятіямъ герцогъ принадлежалъ къ ученикамъ парижскихъ философовъ и беллетристовъ; онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ іезуитовъ, но, какъ человѣкъ хитрый, скрывалъ свои намѣренія и давалъ дѣйствовать противъ іезуитовъ парламентамъ. Когда умерла Понпадуръ (въ 1764), онъ сталъ держаться тѣмъ, что сдѣлался необходимъ королю какъ посредникъ между другими министрами и парламентами. Борьба была начата изъ-за распоряженій герцога д'Эгильйона, любимца короля и соучастника его оргій. Этотъ хитрый вельможа, великій во всѣхъ порокахъ, но, подобно королю, ревнитель внѣшнихъ церковныхъ обрядовъ и іерархіи, былъ военнымъ губернаторомъ Бретани и поступалъ тамъ по-султански. Своими произвольными распоряженіями онъ вызвалъ сопротивленіе реннскаго парламента, который протестовалъ противъ установленныхъ имъ налоговъ, потомъ началъ противъ него процесъ, обвиняя его въ расхищеніи казенныхъ денегъ, и послалъ въ Парижъ своего генералъ-прокурора, Ла-Шалоте, требовать отставки д'Эгильйона. Король рѣзко отвергъ это требованіе. Тогда въ Бретани повторились сцены, какія происходили въ Парижѣ во время борьбы парижскаго парламента съ правительствомъ. Реннскій парламентъ принялъ самыя энергическія рѣшенія противъ военнаго деспотизма губернатора; губернаторъ сталъ дѣлать новыя насилія; важнѣйшіе изъ совѣтниковъ парламента подали въ отставку; генералъ-прокуроръ Ла-Шалоте вошелъ въ сношенія съ генералъ-прокурорами другихъ парламентовъ, чтобы всѣ парламенты соединились для сопротивленія правительству. Но д'Эгильйонъ и дворъ не отступили передъ этимъ. Всѣ процесы остановились въ реннскомъ парламентѣ оттого, что многіе совѣтники вышли въ отставку; подъ этимъ предлогомъ противъ нихъ правительство начало уголовный процесъ въ парижскомъ парламентѣ; другимъ предлогомъ къ процесу были сношенія, въ которыя вступилъ реннскій парламентъ съ другими. Д'Эгильйонъ военно-деспотическимъ образомъ отмстилъ Ла-Шалоте, на котораго между прочимъ злился и за то, что однажды Ла-Шалоте въ публичной рѣчи сказалъ злую остроту, выставившую герцога на всеобщее осмѣяніе. Въ ноябрѣ 1765 Ла-Шалоте, его сынъ и пятеро совѣтниковъ парламента были неожиданно арестованы, какъ уголовные преступники. Сначала ихъ предали суду реннскаго парламента, но онъ не захотѣлъ служить орудіемъ деспотизму: тогда составили особенный парламентъ изъ тѣхъ членовъ его, которыхъ успѣли запугать или подкупить. Но въ Бретани господствовало такое сильное и общее раздраженіе, что даже парламентъ, составленный изъ такихъ членовъ, не отважился осудить обвиняемыхъ. Тогда кабинетнымъ повелѣніемъ была учреждена особенная судная коммисія. Въ январѣ 1766 она уже готовилась произнести смертный приговоръ, но парижскій парламентъ и даже герцогъ Шуазёль сдѣлали королю сильныя представленія. Онъ испугался результатовъ затѣяннаго дѣла, уничтожилъ судную коммисію и, чтобы выпутаться изъ дѣла безъ стыда, велѣлъ своему совѣту составить докладъ о процесѣ, потомъ, основываясь на этомъ докладѣ, приказалъ предать забвенію весь процесъ (въ декабрѣ). Борьба д'Эгильйона съ реннскимъ парламентомъ продолжалась; наконецъ въ 1768 герцогъ былъ отозванъ изъ Бретани, и парламентъ возстановленъ во всѣхъ своихъ правахъ. Но между прочимъ по поводу этой борьбы парижскій парламентъ снова объявилъ всѣ французскіе парламенты частями одной корпораціи, защищающей права націи. Противъ этого рѣшенія, основаннаго на старомъ франко-нѣмецкомъ правѣ, король принялъ мѣру въ турецкомъ духѣ: въ мартѣ 1766 онъ объявилъ парламенту, что получилъ свою власть непосредственно отъ Бога и служитъ единственнымъ источникомъ закона въ государствѣ, а потому вовсе не признаетъ единства и верховной власти юриспруденціи, представителями которой служатъ парламенты.

Въ 1769 ко двору была принята въ званіи королевской любовницы одна публичная женщина, которую повѣнчали съ графомъ дю Барри, чтобы доставить ей знатный титулъ. Грубѣйшими угожденіями чувственности короля она пріобрѣла надъ нимъ еще болѣе безграничную власть, чѣмъ какою пользовалась Понпадуръ,

и король все ниже и ниже падалъ въ своемъ образѣ жизни и тонѣ. Въ декабрѣ 1770 дю Барри вытѣснила Шуазёля и посадила на его мѣсто герцога д'Эгильйона, который въ союзѣ съ этою публичною женщиною господствовалъ надъ государствомъ до самой смерти короля. Шуазёль былъ безусловно послушенъ маркизѣ Помпадуръ, но былъ человѣкъ изящный, благовоспитанный, аристократическій и потому не могъ покориться безстыжей публичной дѣвкѣ; д'Эгильйонъ же, грубый развратникъ, нимало не совѣстился быть кліентомъ такой женщины и служить главою правительства только затѣмъ, чтобы безусловно исполнять ея волю. Управляя государствомъ 12 лѣтъ, Шуазёль дѣйствовалъ съ французскимъ легкомысліемъ и не стѣснялся въ выборѣ средствъ для удержанія за собою власти; но все-таки онъ сохранялъ нѣкоторое достоинство и во внутреннемъ управленіи, и во внѣшнихъ сношеніяхъ, а послѣ его отставки оно было совершенно забыто. Печальное наслѣдство осталось націи послѣ Шуазёля въ министрѣ финансовъ, котораго онъ назначилъ въ концѣ 1769. Этотъ министръ былъ аббатъ дю Терре, самый наглый и безжалостный человѣкъ изъ всѣхъ финансистовъ, сосавшихъ кровь народа со времени Эмери. Онъ быстро довелъ финансы и государство, уже совершенно лишенное кредита, до такого состоянія, что самъ признался въ безвыходности положенія. Онъ былъ рекомендованъ герцогу Шуазёлю Мопу, и оба они были друзьями Шуазеля, пока герцогъ оставался въ милости у короля; но какъ только звѣзда Шуазеля стала меркнуть, оба они отошли отъ него поклоняться новымъ свѣтиламъ, госпожѣ и господину дю Барри и д'Эгильйону. Еще при Шуазелѣ дю Терре началъ постыднѣйшія спекуляціи въ пользу частной казны короля и для полученія денегъ на придворные расходы сталъ принимать самыя жестокія и несправедливыя мѣры. Напримѣръ, онъ остановилъ платежъ процентовъ и платежи по квитанціямъ, выданнымъ казною, взялъ всѣ деньги изъ сберегательныхъ кассъ, прекратилъ выдачу пенсій отставнымъ чиновникамъ и т. д. Никто въ привиллегированныхъ сословіяхъ не хотѣлъ видѣть, что подобныя мѣры пробуждаютъ и питаютъ въ народѣ ту ожесточенную ненависть, взрывъ которой долго сдерживался насиліемъ, но потомъ вспыхнулъ тѣмъ страшнѣе, чѣмъ дольше отсрочивался.

Еще до отставки Шуазеля д'Эгильйонъ произвелъ новую борьбу правительства съ парижскимъ парламентомъ, кончившуюся уничтоженіемъ парламента. Потерявъ должность бретанскаго губернатора, д'Эгильйонъ получилъ мѣсто командира королевской конной гвардіи; но реннскій парламентъ и тутъ не оставилъ его въ покоѣ. Онъ обвинялъ его въ самыхъ тяжелыхъ преступленіяхъ, и парижскій парламентъ, какъ судъ перовъ, началъ процесъ противъ герцога. Чтобы спасти своего любимца, король самъ являлся въ засѣданія парламента, когда производился процесъ; но послѣ нѣсколькихъ такихъ засѣданій парламентъ объявилъ, что никогда не признаетъ оправданнымъ никакого обвиненнаго, а тѣмъ болѣе герцога д'Эгильйона, если оправданіе будетъ поставлено въ личномъ королевскомъ засѣданіи. Тогда король опять сдѣлалъ такое засѣданіе 27 іюня 1770 и объявилъ въ немъ недѣйствительнымъ и уничтоженнымъ весь процесъ противъ д'Эгильйона. Но парламентъ не посмотрѣлъ на это произвольное повелѣніе и 2 іюля постановилъ приговоръ, объявлявшій герцога д'Эгильйона виновнымъ въ разныхъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ, запятнавшимъ свою честь и лишеннымъ званія пера до тѣхъ поръ, пока оно не будетъ возвращено ему законнымъ приговоромъ суда перовъ. Парламентъ напечаталъ и въ 10,000 экземплярахъ распространилъ этотъ приговоръ съ изложеніемъ основаній, по которымъ онъ составленъ. Король тотчасъ приказалъ уничтожить приговоръ; но парламентъ остался при своемъ рѣшеніи и сталъ дѣйствовать еще смѣлѣе: всѣ принцы, за исключеніемъ одного, были на сторонѣ парламента. Дворъ прибѣгнулъ наконецъ къ насильственной мѣрѣ: онъ рѣшился уничтожить всѣ парламенты и замѣнить ихъ новыми судилищами. Изобрѣтатель этой мысли былъ канцлеръ Мопу: будучи самъ юристомъ, онъ зналъ, что парламентское судопроизводство имѣетъ очень большіе недостатки; поэтому зналъ, что уничтоженіе парламентовъ дѣло не очень опасное, что судилища, находящіяся въ прямой зависимости отъ абсолютнаго правительства, покажутся для націи не хуже, а можетъ быть, и лучше судилищъ дворянъ-піэтистовъ, аристократовъ юриспруденціи.

Самъ парламентъ подалъ предлогъ къ исполненію этого насильственнаго переворота. 7 декабря было личное королевское засѣданіе: король приказалъ д'Эгильйону занять прежнее мѣсто между перами, рѣзко порицалъ парламентъ и грозилъ ему. Парламентъ послѣ этого засѣданія протестовалъ и объявилъ, что долженъ прекратить отправленіе своихъ судебныхъ обязанностей, потому что члены его, чувствуя себя глубоко оскорбленными, не имѣютъ спокойствія души, нужнаго для рѣшенія дѣлъ о жизни, чести и имуществѣ согражданъ. Парламентъ, какъ судебное мѣсто, едва ли имѣлъ право отказывать націи въ отправленіи суда; но какъ бы то ни было, это рѣшеніе его подало канцлеру желанный случай исполнить задуманный планъ. Король, въ это самое время сдѣлавшій д'Эгильйона первымъ министромъ на мѣсто Шуазеля, нѣсколько разъ повелѣвалъ парламенту возвратиться къ отправленію своихъ обязанностей; парламентъ не повиновался, и насильственная мѣра, давно рѣшенная, была совершена. Въ ночь на 19 января полицейскіе чиновники съ гренадерами явились въ домы парламентскихъ совѣтниковъ, предложили имъ отвѣчать на письменный вопросъ, желаетъ ли онъ вступить въ отправленіе должности, и потребовали именемъ короля отъ каждаго, чтобы онъ написалъ на этой бумагѣ одно слово: «да» или «нѣтъ». Почти всѣ дали отрицательный отвѣтъ, на что и разсчитывалъ Мопу. Всѣ отвѣчавшіе «нѣтъ» были высланы въ свои помѣстья или отправлены въ крѣпости, а парижскій парламентъ былъ объявленъ уничтоженнымъ. Другихъ парламентовъ пока еще не коснулись: ихъ преобразованіе отложили до того времени, когда въ Парижѣ будетъ устроенъ новый верховный судъ. Они протестовали, но у нихъ не было въ распоряженіи штыковъ, поэтому на протестъ ихъ не обратили вниманія. Легкость, съ какою исполнилось насильственное уничтоженіе парижскаго парламента, совершенно ослѣпила автократовъ; разумѣется, не было и тогда недостатка въ людяхъ, поддерживавшихъ это ослѣпленіе похвальными криками, что энергія есть превосходнѣйшее качество правительства.

Уничтоживъ парижскій парламентъ, правительство издало рядъ распоряженій, которыми улучшалось судопроизводство, затруднялся подкупъ судей и сокращались отяготительныя формальности. Этимъ оно возбудило и удовлетворило надежды публики, въ особенности людей, называвшихся тогда философами и питавшихъ такую же вражду къ парламентамъ, какъ и къ іезуитамъ. Въ апрѣлѣ 1771 былъ устроенъ новый парижскій верховный судъ и открытъ въ личномъ королевскомъ засѣданіи. Правда, почти всѣ принцы и перы и всѣ остальные парламенты протестовали, и по всей Франціи распространились ѣдкія сатиры, прозаическіе и стихотворные пасквили, осмѣивавшіе этотъ парламентъ Мопу, какъ его прозвали въ насмѣшку; но Мопу и д'Эгильйонъ торжествовали почти полный тріумфъ. Нація была довольна новымъ судопроизводствомъ, которое было быстрѣе и дешевле прежняго; протестовавшіе принцы и перы, высланные въ свои помѣстья, почти всѣ не замедлили покориться и примирились съ правительствомъ. То же сдѣлали изгнанные совѣтники парламента. Остальные парламенты въ томъ же (1771) году подчинились реформамъ, которымъ подвергло ихъ правительство.

По уничтоженіи парижскаго парламента, прекратилось всякое сопротивленіе. Но и значеніе правительства во мнѣніи націи низко упало. Въ послѣднее время царствованія Лудовика XV, умершаго въ маѣ 1774 позорною болѣзнью, даже такой человѣкъ, какъ дю Терре, находилъ положеніе дѣлъ отчаяннымъ и не видѣлъ средствъ выйти изъ него. Такимъ образомъ новый король, Лудовикъ XVI, внукъ умершаго, вступилъ на престолъ при самыхъ дурныхъ обстоятельствахъ. Государство было обременено долгами, кредитъ погибъ, внутреннее разстройство было такъ велико, что порядокъ поддерживался только полиціею и солдатами. Правда, масса простаго народа до сихъ поръ держала себя совершенно спокойно и равнодушно смотрѣла на борьбу правительства съ парламентами и принцами, потому что борьба велась не изъ-за народныхъ интересовъ; но эта масса была уже пріучена сатирами, пасквилями, оппозиціонными пѣснями не вѣрить въ правительство и презирать его; дѣло печати шло во Франціи точно такъ, какъ идетъ во всѣхъ монархическихъ государствахъ, гдѣ печать подчинена полиціи. Правительственныя газеты, брошюры, книги не находили себѣ ни въ комъ вѣры, даже когда говорили правду; публика жадно бросалась

на иронію и сарказмъ, которыми были пропитаны страницы всѣхъ замѣчательныхъ писателей. И, разумѣется, отъ глазъ полиціи ускользали именно самыя рѣзкія выходки и даже ложь противъ двора, между тѣмъ какъ благоразумнымъ и умѣреннымъ людямъ былъ зажатъ ротъ.

Новому королю было только 19 лѣтъ; онъ имѣлъ всѣ достоинства хорошаго частнаго человѣка и былъ порядочный ученый. Но онъ не родился быть государемъ, поэтому во всемъ былъ слабъ и шатокъ. Онъ былъ любящій братъ и хорошій мужъ; поэтому его братья вертопрахи и скандалезная жена получили вліяніе, которое стало гибельно и ему, и государству. Братья Лудовика XVI, графъ Провансскій (Лудовикъ XVIII) и графъ Артуа (Карлъ X), вели блистательную жизнь съ расточительными излишествами. Лудовикъ нисколько не останавливалъ ихъ, и они впутывались въ неслыханно громадные долги, которые нѣсколько разъ уплачивались государственными деньгами. Супруга Лудовика, сестра Іосифа II, Марія Антуанета, съ самаго обрученія своего была предметомъ ненависти націи: тогдашняя дружба Франціи съ Австріею также не нравилась французамъ, какъ впослѣдствіи дружба, залогомъ которой была вторая женитьба Бонапарте. Марія Антуанета была женщина добрая и образованная; но при дворѣ ея матери чопорный этикетъ соблюдался только въ парадные дни, и въ вѣнскомъ дворцѣ она получила привычку свободно жить и говорить въ близкомъ придворномъ кругу. Разумѣется, это возбуждало сильнѣйшій скандалъ при дворѣ, гдѣ все до послѣднихъ мелочей было регулировано строжайшимъ этикетомъ. Марія Антуанета вредила себѣ и тѣмъ, что оказывала почти исключительную благосклонность дамамъ и фамиліямъ, къ которымъ была расположена, напримѣръ, принцессѣ Ламбаль и фамиліи Полиньякъ. Она и ея отношенія къ любезному и ловкому графу Артуа навлекли на нее общее презрѣніе; она любила его общество потому, что онъ лучше подходилъ къ ея живому и веселому характеру, чѣмъ холодный и тяжелый король. Даже интимная семейная жизнь короля и королевы дѣлала многихъ врагами молодой королевы. Когда Лудовикъ XVI ввѣрился людямъ, которые хотѣли произвести серьезныя реформы, приверженцы старой системы говорили, что въ этомъ виновата королева. Она вмѣшивалась въ государственныя дѣла, но дѣйствовала въ нихъ не по какому-нибудь принципу, а просто по личнымъ симпатіямъ и антипатіямъ, какъ женщина. Она держалась новыхъ идей, насколько это было въ модѣ и оживляло разговоръ; но упрямо защищала всякій предразсудокъ, когда видѣла, что эти идеи грозятъ ея привычкамъ и ея окружающимъ. Но не она была главною причиною колебанія и слабости, которою отличалось правленіе Лудовика съ самаго начала его царствованія: въ этомъ виноватъ былъ старый фатъ, навязанный Лудовику XVI въ менторы.

Этотъ старый фатъ былъ графъ Морепа, съ которымъ Лудовикъ XVI совѣтовался во всемъ, хотя онъ не былъ министромъ. Морепа былъ легкомысленный шутникъ, ловкій придворный временъ Помпадуръ, считавшій цѣлью жизни пріятнымъ образомъ убивать время и находившій смѣшнымъ серьезный взглядъ на жизнь. Будучи политическимъ руководителемъ Лудовика XVI, онъ думалъ не о коренномъ исцѣленіи зла, а только о временныхъ средствахъ отвратить затрудненіе на минуту. Онъ былъ совершенно чуждъ патріархальной суевѣрности Лудовика XVI и его семейства, былъ также совершенно чуждъ и современныхъ философскихъ идей того человѣка, котораго рекомендовалъ въ министры молодому королю только для того, чтобы угодить общественному мнѣнію. Человѣкъ, рекомендованный имъ, былъ Тюрго, прославившійся 15-лѣтнимъ управленіемъ Лимузенскою провинціею. Назначеніе его въ министры было всѣми принято за объявленіе, что будутъ предприняты коренныя реформы: Тюрго давно былъ открытымъ приверженцемъ новыхъ принциповъ управленія, и всѣ вліятельные писатели рекомендовали его публикѣ, какъ правителя, принадлежащаго къ новой школѣ. Но дурнымъ предзнаменованіемъ для реформы, ожидаемой отъ Тюрго, было то, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по вступленіи его въ министерство были возстановлены парламенты въ старомъ своемъ видѣ (въ ноябрѣ 1774). Ихъ возстановилъ не Тюрго, но Морепа, давшій этотъ совѣтъ королю въ томъ предположеніи, что парижанъ, смертельно ненавидѣвшихъ прежняго короля, нельзя успокоить и при-

влечь къ новому королю ничѣмъ, кромѣ возстановленія парламента. А между тѣмъ новыя судебныя учрежденія уже укоренились, нація уже отвыкла отъ прежнихъ парламентовъ, и ихъ возстановленіе было двойною ошибкою. Оно отнимало у націи единственный выгодный результатъ тиранства д'Эгильйона и Мопу, и съ самаго начала новаго царствованія раскрыло всѣмъ ту слабость характера, которою Лудовикъ XVI постоянно отличался во все свое правленіе. Слабость выказалась въ томъ, что провозгласили введеніе новаго порядка назначеніемъ Тюрго, но вслѣдъ затѣмъ возстановили старинное судилище, имѣвшее чисто феодальный и іерархическій характеръ и бывшее заклятымъ врагомъ всякаго прогресса. Правда, возстановляя парламенты, ихъ власть ограничили разными условіями, чтобы предотвратить новыя столкновенія въ прежнемъ родѣ; но это послужило лишь къ тому, что они тотчасъ вступили въ споръ съ правительствомъ; дворъ въ 1775 уступилъ имъ; слѣдовательно, желаніе ограничить власть возстановленныхъ парламентовъ повело лишь къ тому, что правленіе Лудовика началось пораженіемъ его правительства.

Въ 1775 въ министерство вступилъ Ламуаньйонъ де Мальзербъ, раздѣлявшій убѣжденіе Тюрго, что только коренными реформами можно предотвратить государственное банкротство и революцію. Повидимому, Мальзербъ имѣлъ всѣ качества, нужныя для того, чтобы устроить примиреніе упрямыхъ парламентскихъ консерваторовъ съ радикалами новой философіи, примиреніе, безъ котораго невозможна была реформа. Будучи директоромъ дѣлъ по книгопечатанію (начальникомъ ценсуры), Мальзербъ пріобрѣлъ расположеніе энциклопедистовъ тѣмъ, что старался о расширеніи свободы печати, а съ другой стороны, будучи совѣтникомъ парламента и президентомъ палаты налоговъ, ревностно стоялъ за дѣло парламентовъ противъ правительства. У него и у Тюрго основаніемъ всѣхъ реформаторскихъ плановъ служили тогдашнія господствующія понятія о государственномъ хозяйствѣ; осуществленіе этихъ идей казалось министрамъ-реформаторамъ неизбѣжнымъ требованіемъ времени. Поэтому намъ надобно сказать здѣсь нѣсколько словъ объ этихъ новыхъ политико-экономическихъ понятіяхъ, о такъ называемой системѣ физіократовъ или экономистовъ.

Съ половины XVIII вѣка Англія стала обращать на себя вниманіе всей Европы быстрымъ возрастаніемъ своего богатства (стр. 68 и 123). Особенно французы смотрѣли съ удивленіемъ и завистью на успѣхи матеріальнаго благосостоянія англійской націи, потому что во Франціи, не смотря на благодарность почвы, казна была бѣдна, а масса націи была подавлена нищетою. Обдумывая причины такой разницы въ положеніи двухъ націй, французы пришли къ изслѣдованію источниковъ матеріальнаго благосостоянія; изъ этого изслѣдованія и изъ провозглашеннаго философами принципа всеобщей любви между людьми родилась новая наука, политическая экономія. Филантропъ Кене, лейбъ-медикъ Лудовика XV, и практически образованный купецъ Гурне, интендантъ управленія торговыхъ дѣлъ, были первыми мыслителями, которые привели въ систему политико-экономическія понятія. Но основныя идеи у нихъ были радикально различны. Главнымъ источникомъ національнаго благосостоянія Кене считалъ земледѣльческое производство, а Гурне—торговлю. Поэтому Кене хотѣлъ, чтобы даны были облегченіе и помощь несчастнымъ французскимъ поселянамъ; а Гурне, говоря, что всѣ отрасли производительной дѣятельности пораждаютъ и увеличиваютъ богатство націи, считалъ важнѣйшими изъ этихъ отраслей промышленность и торговлю, и потому хотѣлъ развивать преимущественно ихъ. Приложеніе той или другой системы къ жизни требовало разрушенія всѣхъ преградъ, поставленныхъ народному развитію средневѣковыми учрежденіями съ ихъ феодализмомъ, съ ихъ корпоративнымъ устройствомъ и привилегіями. Система Гурне была въ этомъ отношеніи гораздо радикальнѣе системы Кене: оба они требовали уничтоженія обязательнаго труда и внутреннихъ таможенъ и свободы хлѣбной торговли; но Гурне кромѣ всего этого требовалъ также уничтоженія цеховъ, корпорацій, монополій, требовалъ, чтобы всѣмъ подданнымъ безъ различія происхожденія и исповѣданія дано было равное право заниматься какою бы то ни было отраслью труда, и онъ хотѣлъ, чтобы всѣ или почти всѣ налоги были замѣнены исключительно налогомъ на поземельную собственность. Въ наше время система Гурне

одержала полную побѣду, и благодаря этому, фабриканты, банкиры и спекулянты стали чѣмъ-то въ родѣ патриціевъ, которые превратили жизнь въ большую машину, ввели новое крѣпостное право надъ рабочими классами и тѣмъ пріобрѣли себѣ средства жить съ княжескою роскошью.

Система Кене при первомъ же своемъ появленіи понравилась Лудовику XV, который лично зналъ и уважалъ Кене. Она понравилась и парижскимъ философамъ, хотя Кене вовсе не раздѣлялъ ихъ религіозныхъ и политическихъ мнѣній. Философы уговорили Кене написать двѣ политико-экономическія статьи для ихъ Энциклопедіи, и эти-то статьи въ особенности обратили вниманіе государственныхъ людей и землевладѣльцевъ на его систему. Лучшіе изъ аристократовъ сдѣлались его послѣдователями, потому что Кене доказывалъ, что выгода поселянъ есть и ихъ выгода. Нѣкоторые иностранные государи, напримѣръ, императоръ Іосифъ II и его братъ, Леопольдъ Тосканскій, стали даже примѣнять ученіе Кене къ жизни. Это было возможно потому, что оно не требовало для своего осуществленія полной гражданской свободы, какъ требовало ученіе Гурне. Изъ восторженныхъ послѣдователей Кене надобно назвать маркиза Виктора Рикетти де Мирабо, отца того графа Мирабо, который прославился во время революціи. Этотъ странный человѣкъ былъ съ одной стороны аристократомъ, страшнымъ тираномъ въ домашней жизни, дурнымъ гражданиномъ, но съ другой стороны онъ былъ демократъ, экзальтированный великими идеями, и систематизаторъ, послѣдовательный до смѣшнаго. Отчасти одинъ, отчасти вмѣстѣ съ Кене, онъ написалъ множество сочиненій по новой государственной наукѣ и издавалъ экономическій журналъ «Другъ Народа», по которому и его самого стали называть «Другомъ Народа».

Система Гурне также пріобрѣла много послѣдователей и защитниковъ и во Франціи и за границей. Изъ нихъ особенно важны итальянцы Беккарія и Филанджери и англійскій историкъ Юмъ. Другой англичанинъ, Адамъ Смитъ, сливъ системы Кене и Гурне въ одно цѣлое, создалъ третью систему. Раньше его тоже сдѣлалъ во Франціи Тюрго, который, будучи интендантомъ, потомъ министромъ, прилагалъ свою систему и къ практической жизни раньше, чѣмъ явилось въ свѣтъ знаменитое твореніе Адама Смита «О богатствѣ народовъ».

Вмѣстѣ съ Руссо, Мальзербомъ, Лафайеттомъ и нѣкоторыми другими людьми тогдашняго волнующагося времени, Тюрго принадлежитъ къ тѣмъ отраднымъ явленіямъ въ исторіи, которыя примиряютъ насъ съ человѣчествомъ. Онъ происходилъ изъ уважаемой старинной фамиліи, въ молодости занимался духовными науками, учился въ Сорбоннѣ и сдѣлался хорошимъ богословомъ-діалектикомъ. Но рано онъ убѣдился въ несостоятельности схоластической теологіи, потому перешелъ къ занятію юридическими науками. Черезъ нѣсколько времени онъ сдѣлался совѣтникомъ парламента, потомъ докладчикомъ (maître de requêtes) въ государственномъ совѣтѣ. Въ это время весь образованный французскій міръ занимался розысканіями, въ чемъ состоитъ коренной принципъ государственнаго хозяйства, и это изслѣдованіе было связано съ разборомъ понятій государственнаго права, критикою уголовныхъ законовъ, внутренней политики и финансовъ. Теоретики, систематизаторы и стилисты разсматривали эти вопросы въ книгахъ, печатаніе которыхъ то дозволялось, то запрещалось правительствомъ, колебавшимся отъ своего пристрастія къ старинѣ и отъ возрастающей силы новыхъ идей. Бывшій школьный товарищъ Тюрго, Морелье, писавшій очень легко и изящно, въ особенности былъ полезнымъ распространителемъ экономическихъ идей въ публикѣ. Разумѣется, когда при такомъ положеніи дѣлъ Тюрго сдѣлался министромъ, его система пріобрѣла большое политическое значеніе.

Будучи лимузенскимъ интендантомъ, Тюрго позаботился провѣрить свою систему на опытѣ. Для этого онъ отказывался отъ болѣе важныхъ интендантствъ, которыя ему предлагали. Многочисленныя распоряженія, которыя онъ издавалъ въ Лимузенѣ, и предложенія, которыя онъ потомъ дѣлалъ въ королевскомъ совѣтѣ, это документы важные по двумъ причинамъ. Во-первыхъ нѣкоторыми изъ нихъ практически воспользовались при Наполеонѣ Дюмонъ и другіе хорошіе администраторы; во вторыхъ, они раскрываютъ намъ всю тогдашнюю финансовую и административную систему съ ея гибельными слѣдствіями, разъясненіемъ которыхъ Тюрго старался внушить королю убѣжденіе, что государство можетъ быть

предохранено отъ бурнаго переворота только коренными реформами. Тюрго причисляютъ къ тогдашнимъ философамъ, къ энциклопедистамъ; но онъ очень много отличался отъ нихъ. При всемъ отвращеніи своемъ къ фанатизму, іезуитству и папизму, онъ искренно уважалъ церковь и ея достойныхъ служителей; онъ видѣлъ въ разумныхъ церковныхъ обрядахъ большую практическую пользу оживленіемъ религіознаго и нравственнаго чувства, потому не полагалъ, какъ рѣшительные враги всего существующаго устройства, что народное счастіе можетъ быть создано безъ религіи и церкви. По характеру Тюрго былъ замѣчателенъ тѣмъ, что, сдѣлавшись министромъ, не подавлялъ своихъ противниковъ правительственною силою, какъ дѣлали его предшественники, а старался убѣждать ихъ доводами. Значительнѣйшимъ изъ этихъ противниковъ былъ Неккеръ, получившій впослѣдствіи знаменитость, какъ министръ финансовъ. Тогда онъ былъ банкиръ, имѣвшій большую опытность въ денежныхъ дѣлахъ и глубоко обдумавшій теорію торговли; потому считался большимъ авторитетомъ. Его теорія торговли была прямо противоположна теоріи Тюрго. Литературный споръ между двумя противниками имѣетъ двоякую историческую важность. Во-первыхъ, при всемъ различіи своихъ понятій, оба они соглашались въ томъ, что необходима безотлагательная и радикальная реформа. Во-вторыхъ, споръ ихъ далъ случай обнаружиться тому факту, что сила общественнаго мнѣнія растетъ: не смотря на абсолютизмъ правительства, они вели публичное преніе о принципахъ администраціи и законодательства.

Сдѣлавшись министрами, Тюрго и его другъ, Мальзербъ, надѣялись предотвратить бурный переворотъ радикальными реформами, думали, что въ силахъ будутъ совершить мирную революцію сверху. Это не удалось имъ, потому что одними правительственными распоряженіями невозможно было быстро преобразовать общественный бытъ, сложившійся ходомъ времени, и потому имѣвшій плотную связь между всѣми своими частями. Послѣ Франція достигла революціею всѣхъ тѣхъ благъ, которыя Тюрго и Мальзербъ хотѣли доставить ей иниціативою самого правительства. Надобно только перечислить реформы, которыя Тюрго выставлялъ неотвратимою потребностью времени, и мы увидимъ, что онъ и Мальзербъ правильно понимали, въ чемъ состоятъ требованія вѣка, которыя революція исполнила потомъ насильственнымъ путемъ. Тюрго хотѣлъ, чтобы произведены были, кромѣ многихъ другихъ, слѣдующія реформы: уничтоженіе обязательнаго труда и другихъ вредныхъ принадлежностей феодальнаго порядка; введеніе поземельнаго налога, основаннаго на новой поземельной переписке; этотъ налогъ должно было платить и дворянство, неплатившее прежнихъ налоговъ; свобода вѣроисповѣданій и совѣсти; общее законодательство для всей Франціи; закрытіе почти всѣхъ монастырей; отмѣна цеховъ и привилегированныхъ корпорацій; болѣе демократическое общинное управленіе; свобода печати; реформа всѣхъ отраслей преподаванія и т. д.

При первой же попыткѣ реформъ, благородные люди, бывшіе министрами, потерпѣли неудачу, встрѣтивъ сопротивленіе въ парламентѣ и духовенствѣ. Они не могли въ 1775 убѣдить собраніе духовенства, чтобы оно согласилось на эдиктъ о терпимости, которой заодно съ ними желалъ и добродушный король; фанатическое духовенство не согласилось даже отмѣнить хотя бы только и нѣкоторые изъ варварскихъ законовъ противъ протестантовъ. Однако Тюрго и Мальзербъ не потеряли бодрости. Въ октябрѣ 1775 они успѣли сдѣлать военнымъ министромъ человѣка, хотѣвшаго также радикально преобразовать военную часть, какъ они хотѣли преобразовать всѣ отрасли гражданскаго управленія.

Выборъ этого военнаго реформатора былъ очень неудаченъ. Графъ Сенъ-Жерменъ, новый военный министръ, съ неразумною односторонностью восхищался прусскимъ военнымъ устройствомъ и думалъ, что оно можетъ быть цѣликомъ введено у всякой другой націи. Онъ съ честью служилъ въ семилѣтней войнѣ, потомъ вступилъ въ датскую службу, когда Фридрихъ V и его министры стали преобразовывать свою армію, опасаясь притязаній Петра III на Шлезвигъ-Гольштейнъ (стр. 191). Графу Сенъ-Жермену удалось ввести прусскую систему въ Даніи; но датское правительство увидѣло, что ни эта система, ни деспотическій образъ дѣйствій Сенъ-Жермена не годится для Даніи, Бернсторфъ Старшій скоро далъ ему отставку, впрочемъ съ почетною пенсіею. Струэнзе возвра-

тилъ было его, но не нашелъ удобнымъ давать ему должность. Теперь Тюрго и Мальзербъ вздумали повторить во Франціи опытъ, который не удался въ Даніи. Сенъ-Жерменъ дѣйствительно преобразовалъ французскую армію, но возбудилъ во Франціи еще больше неудовольствія, чѣмъ въ Даніи, и вышелъ изъ министерства со стыдомъ, между тѣмъ какъ объ отставкѣ Тюрго и Мальзерба французы очень жалѣли. Реформы Сенъ-Жермена были отмѣнены тотчасъ по его удаленіи.

Парижскій парламентъ въ 1776 послѣдовалъ примѣру сопротивленія, поданному духовенствомъ въ 1775. Тюрго началъ свои реформы изданіемъ семи эдиктовъ по второстепеннымъ предметамъ. Парламентъ отказался регистрировать ихъ; члены парламента въ преніяхъ объ эдиктахъ яростно нападали на смертельно ненавистнаго имъ врага ихъ привилегій. Чтобы одолѣть парламентъ, либеральное министерство должно было прибѣгнуть къ тѣмъ же мѣрамъ, какія употреблялись аристократическими и деспотическими министрами Лудовика XV. Они устроили личное королевское засѣданіе, въ которомъ эдикты были регистрованы по повелѣнію короля (въ мартѣ 1776). Кромѣ парламента и духовенства противъ Тюрго были раздражены и королева, и принцы, и всѣ ихъ окружающіе: онъ требовалъ бережливости, т. е., по ихъ словамъ, не понималъ важности того, чтобы дворъ былъ расточителенъ. Разумѣется, Тюрго не могъ долго удержаться въ министерствѣ. Королева, принцы, дворъ безъ отдыха требовали отставки либеральныхъ министровъ, и молодой король, имѣвшій совѣтникомъ стараго вертопраха, наконецъ уступилъ. Онъ пожертвовалъ настояніямъ своего семейства и двора людьми, въ честности и дѣльности которыхъ самъ былъ убѣжденъ и желаніе которыхъ облегчить подавленный народъ было и его желаніемъ. Тюрго и Мальзербъ были удалены въ маѣ 1776; Сенъ-Жерменъ оставался министромъ еще года полтора.

6. Правленіе Фридриха Великаго послѣ семилѣтней войны.

Фридрихъ Великій раньше всѣхъ другихъ государей громко и публично призналъ себя послѣдователемъ идей новаго времени; разумѣется, при немъ въ Пруссіи ученіе французскихъ философовъ, враждебное устарѣлымъ феодальнымъ и іерархическимъ учрежденіямъ, было примѣнено къ практикѣ также нелѣпо, какъ и въ другихъ государствахъ. Административныя реформы, которыя онъ дѣлалъ сообразно новымъ понятіямъ, конечно, и въ Пруссіи, какъ вездѣ, были производимы насильственнымъ образомъ. Но Фридрихъ имѣлъ большое преимущество передъ всѣми тогдашними государями, кромѣ Іосифа II: онъ не думалъ, что народы созданы Богомъ для государей. Все, что онъ дѣлалъ, онъ дѣлалъ для государственной пользы и по разсудку, между тѣмъ какъ въ другихъ земляхъ государствомъ управляли по капризамъ любовницъ, монаховъ или фаворитовъ; надобно также сказать, что при его дворѣ не было слѣда той расточительной и сладострастной роскоши, какою блистали другіе дворы. Напротивъ, Фридрихъ избѣгалъ всякаго ненужнаго блеска, держался бережливости, доходившей иногда до скупости. Все, что онъ сберегалъ, шло на то, чтобы поправить страну, сильно пострадавшую отъ войны. Суммы, розданныя имъ провинціямъ для возстановленія ихъ благосостоянія, простираются до 24,000,000 талеровъ.

Мы уже говорили въ общихъ чертахъ о правленіи Фридриха, показывая, какими средствами онъ думалъ улучшить администрацію и увеличить благосостояніе своихъ подданныхъ (стр. 137). Здѣсь мы должны указать еще одну сторону его системы, замѣчательную тѣмъ, что въ ней открывается намъ неудовлетворительная односторонность системы Фридриха. Вообще онъ стоялъ выше всѣхъ старыхъ предразсудковъ, но въ неутомимой своей заботливости о подданныхъ онъ думалъ главнымъ образомъ только объ одномъ сословіи — о дворянствѣ. Онъ не думалъ объ облегченіи массы народа, изнемогавшей подъ тяжестью налоговъ, и тѣ деньги, которыя давалъ провинціямъ, онъ давалъ не на поддержку торговли и промышленности, которыя развиваются не правительственными предписаніями и предпріятіями, какъ онъ полагалъ (стр. 138), а доставленіемъ средствъ къ дѣятельности промышленнымъ людямъ; нѣтъ, деньги, которыми онъ хотѣлъ помо-

гать провинціямъ, онъ дарилъ дворянству. Онъ давалъ высшія должности только дворянамъ, и кромѣ дворянина никто не могъ быть офицеромъ. Но все-таки для государства было хорошо хотя то, что Фридрихъ не давалъ большаго жалованья сановникамъ, и они должны были роскошничать на собственный счетъ, если считали это, по господствующему предразсудку, нужнымъ для поддержанія своей чиновной важности, и не хотѣли слѣдовать примѣру короля, жившаго скромно. Оказывая пристрастіе къ дворянству, Фридрихъ дѣйствовалъ по предразсудку, что оно очень важно для государства; это понятіе, всосанное съ молокомъ матери, онъ сохранилъ до самой могилы, хотя съ той поры, какъ онъ былъ ребенкомъ, дворянство упало, а среднее сословіе поднялось. Можно еще было бы извинять его постоянныя денежныя пособія дворянамъ-помѣщикамъ, если бы можно было говорить, что эти деньги шли на пособіе земледѣлію; но нѣтъ; щедрые свои подарки Фридрихъ дѣлалъ *только богатой части дворянства*. Не думалъ онъ и о томъ, какъ сильно обременяетъ простой народъ своими податями, пошлинами и акцизами.

Даже въ заботахъ своихъ о просвѣщеніи Фридрихъ дѣлалъ для дворянства больше, чѣмъ для средняго сословія, образованность котораго не менѣе важна для промышленности, чѣмъ благосостояніе земледѣльцевъ для сельскаго хозяйства. Народныя школы служили ему только на то, чтобы давать кусокъ хлѣба инвалидамъ и унтеръ-офицерамъ: не смотря на всѣ возраженія главной коллегіи училищъ, эти совершенно неспособные и грубые люди опредѣлялись въ сельскіе учителя. Зато онъ основывалъ новыя дворянскія академіи, увеличивалъ кадетскій корпусъ и сохранилъ лоттерею, всего болѣе гибельную для простаго народа, на доходъ которой содержалось дворянское военное училище. Но хуже всего выказывается презрѣніе Фридриха къ недворянамъ въ той системѣ косвенныхъ налоговъ, которую онъ ввелъ, и въ томъ безпощадномъ тиранствѣ, съ какимъ онъ ее завелъ и поддерживалъ; тутъ онъ рѣшительно злоупотреблялъ своими монархическими правами. Эта сторона администраціи Фридриха должна быть раскрыта нами тѣмъ болѣе, что онъ дѣйствовалъ въ такое время, когда распространялись либеральныя понятія о государственномъ бытѣ, и экономисты въ своихъ сочиненіяхъ всего сильнѣе нападали именно на ту финансовую систему, которую ввелъ Фридрихъ.

Помогая богатому дворянству большими деньгами, Фридрихъ въ то же самое время вводилъ регаліи и акцизъ, которые ложились главнымъ образомъ на *бѣднѣйшіе классы и отнимали у нихъ послѣднюю отраду ихъ жизни*. Онъ сдѣлалъ монополіею казны продажу соли, кофе, табаку и другихъ предметовъ первой необходимости для бѣднаго класса, и продажу этихъ предметовъ производилъ съ величайшею суровостью, съ какою собиралъ и пошлины. При введеніи своей акцизной системы онъ пригласилъ извѣстнаго писателя Эльвесіуса, чтобы воспользоваться совѣтами этого французскаго откупщика, который привелъ въ философскую систему эгоизмъ знати (стр. 83). Онъ также просилъ Эльвесіуса рекомендовать ему нѣсколько французовъ и отдалъ имъ управленіе пошлинами и акцизами. Эти иностранцы получали такое жалованье, которое на цѣлую треть было выше жалованья министровъ, и выписали въ Пруссію по крайней мѣрѣ 500, а вѣроятно, до 1,500 человѣкъ своихъ соотечественниковъ, которымъ роздали *должности по своему управленію*. Такимъ образомъ бѣдный народъ былъ отданъ въ жертву ежеминутнымъ мучительствамъ жестокосердыхъ людей, совершенно чуждыхъ ему по происхожденію, языку и нравамъ. Мало того: по управленію налогами были учреждены особые суды и изданы законы съ очень строгими наказаніями. Съ особенною строгостью охранялась монополія правительства продавать кофе; жарить кофе было запрещено, чтобы никто, если не купилъ разрѣшенія жарить, не могъ пить другаго, кромѣ жареннаго въ казенныхъ магазинахъ; было запрещено продавать и жареный кофе количествами менѣе фунта. За нарушеніе этихъ правилъ назначался штрафъ; кто не могъ уплатить штрафъ, подвергался тѣлесному наказанію. Зажиточные люди могли имѣть порядочный кофе; потому что могли покупать его большими запасами и покупать разрѣшеніе жарить его; но бѣдные, покупающіе кофе небольшими долями фунта, были принуждены брать дурной и дорогой казенный товаръ. Чтобы предупреждать нарушеніе этихъ стѣснительныхъ правилъ, было организовано шпіонство: были на-

значены особенные чиновники и сторожа изъ инвалидовъ, получавшихъ небольшое жалованье и часть конфискованнаго товара; они день и ночь бродили по улицамъ, нюхая воздухъ, не жарится ли гдѣ-нибудь кофе безъ разрѣшенія, или не продается ли жареный кофе.

Подобныя мѣры Фридриха II можно объяснить только тѣмъ, что онъ подобно Вольтеру (стр. 65), презиралъ простой народъ и, подобно Бонапарте, злоупотреблялъ для своей выгоды тѣмъ, что ему покланялись, какъ Богу. Все это было возможно въ тѣ времена: народъ имѣлъ еще безусловную преданность къ своему государю, а раболѣпные люди, писавшіе тогда о государственныхъ дѣлахъ, присвоивали государю особенный свѣтъ ума, превосходящій разумѣніе всѣхъ подданныхъ; говорили,— какъ выражается одинъ изъ панегиристовъ Фридриха, — что въ государѣ находится вся полнота знанія всего государства. Впрочемъ видно, что и самъ Фридрихъ понималъ суровость и несправедливость своихъ финансовыхъ мѣръ; это обнаруживается тѣмъ, что онъ не могъ равнодушно слышать самаго легкаго слова не въ похвалу имъ. Герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій, герой семилѣтней войны, отважился однажды, когда Фридрихъ завелъ рѣчь объ акцизномъ управленіи, сказать, что народъ, быть можетъ, недоволенъ этимъ управленіемъ только потому, что король меньше довѣряетъ своимъ подданнымъ, чѣмъ французамъ, и одно это слово навсегда поссорило герцога съ Фридрихомъ.

Любовь къ набиранію денегъ отдала состарѣвшагося короля въ руки дурныхъ людей, вовлекавшихъ его въ нехорошія ошибки для своихъ выгодъ. Напримѣръ, черезъ Гишара, извѣстнаго своими знаніями въ тактикѣ, онъ познакомился съ нѣсколькими обманщиками, которые при его содѣйствіи основали банкъ, чтобы пользоваться деньгами для своихъ спекуляцій. Нѣкто Кальцабиджи, успѣвшій втереться въ откупъ табачной монополіи, уговорилъ короля устроить лоттерею, которая давала казнѣ около 18,000 талеровъ на содержаніе дворянской военной школы, а самому Кальцабиджи — случай обогащаться во вредъ народу. Къ несчастію Германіи, другія нѣмецкія правительства ревностно подражали финансовымъ мѣрамъ Фридриха. Многія шли даже дальше его. Напримѣръ, въ Ганноверѣ, Гильдесгеймѣ и Гессенъ-Касселѣ поселянамъ было запрещено пить кофе, чтобы деньги не шли за границу.

7. Политическія реформы Іосифа II въ наслѣдственныхъ австрійскихъ владѣніяхъ и ссоры его съ Голландіею.

По смерти своего отца въ 1765 Іосифъ II сдѣлался нѣмецкимъ императоромъ. Но въ австрійскихъ земляхъ Марія Терезія продолжала править до конца жизни. Правда, она сдѣлала сына своимъ соправителемъ, но вполнѣ отдала ему только военную часть. Поэтому онъ началъ съ арміи тѣ реформы, которыми хотѣлъ вырвать Австрію изъ старой рутины и пересоздать по потребностямъ новаго времени. Въ военныхъ реформахъ помогалъ ему Ласси. Только въ 1780, сдѣлавшись полнымъ государемъ Австріи по смерти своей матери, онъ могъ приняться за реформы и по другимъ частямъ государственнаго быта. Въ своихъ преобразованіяхъ онъ руководился самыми чистыми намѣреніями, но велъ ихъ слишкомъ торопливо, съ автократическою невнимательностью къ затрудненіямъ; кромѣ того онъ совершенно не понималъ, что человѣческія учрежденія не могутъ быть вдругъ перевернуты безъ революціи. Надобно прибавить, что онъ раздѣлялъ ошибочное мнѣніе своихъ современниковъ, что на бумажномъ фундаментѣ теоріи и повелѣванія указами можно построить прочное государственное зданіе. Поэтому прекрасные планы его не удались и современники заплатили ему за нихъ неблагодарностью. Наконецъ въ молодости онъ выбралъ за образецъ себѣ Фридриха II, не подумавъ, что Фридрихъ управляетъ государствомъ, въ которомъ все устроено по военному порядку, въ которомъ нѣтъ ни конституціи, ни сильной аристократіи, ни могущественнаго духовенства; стало быть, государствомъ, вовсе непохожимъ на Австрію.

При самомъ же началѣ правленія Іосифъ сталъ въ противорѣчіе съ духомъ своихъ народовъ, объявивъ манифестомъ, что не будетъ обращать вниманія на права и предразсудки разныхъ націй своего государства, а будетъ руководиться лишь благомъ всего государства. Онъ даже не захотѣлъ короноваться по старому обычаю въ Венгріи, жители которой такъ дорожатъ своею національностью и самобытностью, и хотѣлъ, чтобы гордые мадьяры перестали употреблять свой языкъ въ дѣлахъ. Онъ поѣхалъ въ Бельгію лично принять присягу своихъ подданныхъ и обязаться хранить конституцію ихъ; но тутъ же онъ объявилъ, что іерархическія и феодальныя учрежденія Бельгіи надобно считать единственною причиною того, что она такъ далеко отстала отъ Голландіи въ промышленности и благосостояніи. Венгры, бельгійцы, чехи и ломбардцы были испуганы тѣмъ австрійскимъ государственнымъ единствомъ, которое онъ провозглашалъ, единствомъ, по которому всѣ отдѣльныя государства должны обратиться просто въ провинціи; впечатлѣніе было такое же, какъ въ 1798 въ Швейцаріи, когда кантоны были испуганы провозглашеніемъ единой и нераздѣльной гельветической республики.

Іосифъ хотѣлъ устроить свое государство по системѣ французскихъ экономистовъ (стр. 204). Поэтому его реформаторскія постановленія, касавшіяся всѣхъ отраслей государственнаго управленія и всѣхъ сторонъ жизни, въ сущности одинаковы съ принципами, которыя французское національное собраніе поставило въ основу новаго устройства Франціи. Предметами ихъ были: высшее и нисшее преподаваніе, свобода печати, отмѣна крѣпостнаго права, судоустройство, всѣ части гражданскаго и уголовнаго законодательства, полиція, всѣ части финансоваго управленія, военная часть, благотворительныя учрежденія, торговля, промышленность, земледѣліе, пути сообщенія, законы объ охотѣ, о лѣсахъ, монетная система, горная часть, почва, положеніе евреевъ, пенсіи, гербовая бумага и т. д. Нашъ списокъ далеко еще не полонъ. Эти многочисленныя постановленія всѣ были написаны съ добрыми намѣреніями; но многія изъ нихъ противорѣчили другъ другу, а всѣ они были составлены, во-первыхъ, безъ всякаго совѣщанія съ подданными, во-вторыхъ, безъ всякаго уваженія къ громаднымъ различіямъ между народами разныхъ австрійскихъ владѣній. Поэтому неудивительно, что Іосифъ вооружилъ противъ себя всѣ свои народы и даже всѣ сословія и классы каждаго изъ нихъ.

Въ центральномъ правительствѣ всѣхъ австрійскихъ владѣній Іосифъ прекратилъ старинное господство важныхъ аристократическихъ фамилій и устроенной ими бюрократіи. Но онъ ввелъ новую административную іерархію. Онъ не ввѣрялся вполнѣ никому (въ чемъ былъ правъ) и хотѣлъ самъ все видѣть и всѣмъ управлять (что было невозможно). Въ его кабинетѣ были только секретари; онъ работалъ день и ночь съ неутомимою дѣятельностью и принималъ къ себѣ во всякое время дня всякаго, имѣвшаго въ немъ надобность. Но онъ не понималъ, что въ европейскихъ государствахъ никакой государь не въ силахъ управлять безъ помощи опытныхъ людей. Онъ слишкомъ надѣялся на себя — что очень сильно вредило его нововведеніямъ; столько же вредила имъ и торопливость, съ которою онъ хотѣлъ передѣлать все, какъ можно скорѣе. Напримѣръ, оба эти обстоятельства были вредны для новыхъ училищъ, основанныхъ Іосифомъ. Главными цѣлями его были: просвѣщеніе, отмѣна дурныхъ сторонъ церковнаго устройства, приведеніе финансовыхъ дѣлъ въ хорошую систему, введеніе правильности въ администрацію, устройство безпристрастнаго правосудія. Онъ хотѣлъ реформировать государство въ пользу угнетеннаго народа, особенно въ пользу поселянъ; поэтому, кромѣ іезуитовъ и ультрамонтанцевъ, жесточайшими его врагами были чиновники и аристократы.

Чтобы привести въ порядокъ финансы и чтобы облегчить горожанъ и поселянъ справедливымъ распредѣленіемъ налоговъ, Іосифъ преобразовалъ систему налоговъ и постановилъ произвести новое межеваніе. Но онъ самъ же испортилъ это благонамѣренное дѣло опрометчивостью и тѣмъ, что хотѣлъ руководить всѣмъ. Новое межеваніе производилось слишкомъ поспѣшно, стало быть, невѣрно; это подало предлогъ выставить намѣренія императора въ дурномъ свѣтѣ и мѣшать его исполненію. То же было съ реформами по судебной части. Іосифъ повсюду нашелъ взяточничество, недостатокъ равенства передъ закономъ, лице-

пріятіе къ знатнымъ и медленность дѣлопроизводства. Онъ хотѣлъ устранить все это. Но привилегированные классы, чиновники и судьи составили союзъ противъ введенія равенства передъ закономъ и противъ безпристрастія въ судѣ; поэтому императоръ увидѣлъ надобность принять на самого себя надзоръ за судилищами, а съ этимъ неразлучны были ошибки и суровости. Притомъ, не довѣряя юристамъ, онъ часто руководился не законами, а своимъ личнымъ чувствомъ справедливости и позволялъ себѣ иногда усиливать наказанія. Это дало возможность обвинять его въ жестокости и въ нарушеніи законовъ, хотя онъ не былъ жестокъ, а только хотѣлъ обуздывать аристократовъ.

Онъ хотѣлъ автократическимъ насиліемъ ввести въ жизнь права разума, сокрушивъ привилегіи и обычаи; это впутало его въ опасную ссору съ его бельгійскими подданными и едва не впутало въ войну съ Голландіею, подвергло и риску войны съ Франціею. Ссору его съ бельгійцами мы разскажемъ въ одномъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ, потому что главная важность ея въ томъ, что она служила прелюдіею къ великой французской революціи. Ссора съ Голландіею произошла изъ-за тѣхъ статей утрехтскаго мира, по которымъ устье Шельды было заперто для мореплаванія, и въ бельгійскихъ крѣпостяхъ стояли голландскіе гарнизоны (стр. 28). Іосифъ находилъ эти стѣснительныя условія неразумными и несправедливыми. Ему казалось, что онъ можетъ требовать ихъ уничтоженія, основываясь на томъ, что Голландія не всегда исполняла обязанности, за исполненіе которыхъ пользовалась такими чрезвычайными выгодами. Онъ и Кауницъ хотѣли поднять это дѣло еще при жизни Маріи Терезіи; они убѣждали ее объявить недѣйствительнымъ баррьерный договоръ, то есть, ту часть утрехтскаго трактата, которая давала голландцамъ право содержать гарнизоны въ бельгійскихъ крѣпостяхъ; но императрица не согласилась на это. Вскорѣ послѣ того, какъ Іосифъ принялъ правленіе по смерти матери, онъ сдѣлалъ поѣздку изъ Бельгіи въ Голландію, и это путешествіе еще больше утвердило его въ намѣреніи отмѣнить условія утрехтскаго мира, невыгодныя для Бельгіи; ему показалось, что причина благосостоянія Голландіи заключается въ томъ, что устье Шельды заперто. Это мнѣніе подтверждалось для него тѣмъ, что въ 1722 и 1731 годахъ англичане, нуждаясь въ расположеніи голландцевъ, принудили Австрію согласиться на дополнительныя условія, которыми еще крѣпче прежняго запиралось устье Шельды и вообще стѣснялась австрійская и бельгійская морская торговля.

Іосифъ повелъ дѣло, по своему обыкновенію, круто и насильственно и тѣмъ поставилъ себя въ большое затрудненіе. Возвратившись изъ поѣздки, онъ тотчасъ потребовалъ удаленія голландскихъ войскъ изъ Бельгіи. Начались переговоры; Кауницъ велъ ихъ рѣзкимъ тономъ; они кончились тѣмъ, что голландцы въ 1783 принуждены были отозвать свои войска. Іосифъ и его министръ, пользуясь затруднительными обстоятельствами, въ которыхъ находилась Голландія, приняли противъ нея насильственныя мѣры. Голландія въ теченіе XVIII вѣка очень отстала отъ другихъ государствъ въ развитіи своихъ силъ и богатства, а своею торгашескою политикою и вѣчными внутренними раздорами попала на дурной счетъ у другихъ государствъ. Франція и Англія, заключая между собою въ 1783 версальскій миръ, третировали Голландію, какъ безсильное государство. Она не могла теперь разсчитывать ни на чью помощь, а одна не могла вести войну съ могущественною державою, частью по скупости, частью по недовѣрію къ принцу Лудвигу Эрнсту Брауншвейгскому (стр. 125), умѣвшему сохранить силу и по совершеннолѣтіи наслѣдственнаго штатгальтера Вильгельма V. Голландцы запустили и привели въ большой упадокъ свое войско и флотъ. Пользуясь этими обстоятельствами, Іосифъ грозилъ голландцамъ и требовалъ открытія устья Шельды для мореплаванія. Но это требованіе, а въ особенности способъ, какимъ онъ вынуждалъ Голландію къ уступкѣ, возстановили противъ него всю Европу. Іосифъ началъ съ того, что предъявилъ притязанія на нѣкоторые голландскіе города и округи. Потомъ онъ сказалъ, что отступится отъ этихъ притязаній, если Голландія согласится открыть устье Шельды. Начались переговоры. Іосифъ не сталъ ждать ихъ результата, а просто объявилъ голландцамъ (въ августѣ 1784), что требуетъ немедленнаго открытія устья Шельды и почтетъ объявленіемъ войны всякое препятствіе, какое будетъ поставлено плаванію бельгійскихъ судовъ. Раз-

судительный Кауницъ удерживалъ, но не могъ удержать его отъ этой опрометчивости: Іосифъ и тутъ, какъ всегда, не слушался никакихъ совѣтовъ.

Скоро явились результаты его неблагоразумія. Европа не могла спокойно допустить такого образа дѣйствій, безъ всякихъ церемоній низвергающаго трактаты. Даже Лудовикъ XVI французскій вступился за Голландію, какъ ни старалась его супруга склонить его на сторону своего брата: интересы Франціи и общественное мнѣніе заставили короля поддерживать голландцевъ, если не прямымъ, то косвеннымъ образомъ. Надѣясь на защиту Франціи, голландцы въ 1784 встрѣтили пушечными выстрѣлами бельгійскій корабль, хотѣвшій выйдти изъ Шельды въ море, и заставили его вернуться. Въ отвѣтъ на это императоръ двинулъ войска; тогда въ Голландіи поднялось національное движеніе, какого уже давно въ ней не бывало. Весь народъ вооружился. Ненавистнаго принца Брауншвейгскаго заставили уѣхать изъ Голландіи. Голландцы рѣшились воевать, не смотря на то, что войско ихъ было въ дурномъ состояніи. Тутъ Іосифъ упалъ духомъ; въ рѣшительную минуту онъ испугался своей опрометчивости. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Верженъ, воспользовался слабостью императора, предложилъ Голландіи посредничество Франціи и вступилъ въ тѣсную дружбу съ голландцами, хотя не начиналъ прямыхъ враждебныхъ дѣйствій противъ брата супруги своего короля. Въ январѣ 1785 Іосифъ принялъ рѣшеніе или, лучше сказать, приговоръ Франціи; Верженъ повелъ дѣло такъ, что Франція получила отъ него честь, Австрія — стыдъ. Іосифъ отказался отъ своихъ притязаній на голландскіе округи и отъ требованія открыть устье Шельды, и взялъ зато денегъ отъ голландцевъ.

О величинѣ этого вознагражденія императоръ и Голландія торговались съ февраля до сентября и не могли сойтись. Іосифъ требовалъ сначала 15,000,000 гульденовъ; голландцы предлагали ему 3,000,000. Потомъ Іосифъ спустился на 10,000,000; скупые голландцы не хотѣли давать больше 5,000,000. Наконецъ Верженъ разсчиталъ, что для Франціи будетъ менѣе убытка, если добавить отъ себя 5,000,000 Іосифу, чѣмъ подвергаться расходамъ войны за Голландію и волновать всю Европу. Благодаря этому; въ ноябрѣ устроилось примиреніе. Іосифъ получилъ два форта и нѣсколько милліоновъ гульденовъ; но его всѣ порицали за опрометчивость и трусость; уваженіе къ нему уменьшилось, и онъ, противъ своего разсчета, оказалъ большую услугу французскому правительству. Франція заступалась за Голландію, даже заплатила за нее деньги; поэтому антиоранской партіи не трудно было теперь отвлечь Голландію отъ союза съ Англіею; которая ничего для нея не сдѣлала, и заключить оборонительный союзъ съ Франціею. Этотъ союзъ измѣнялъ отношенія, цѣлое столѣтіе существовавшія между морскими державами, и угрожалъ совершеннымъ измѣненіемъ взаимнаго положенія Франціи, Англіи и Голландіи; но скоро онъ, какъ мы увидимъ, былъ разорванъ Питтомъ Младшимъ при помощи прусскихъ штыковъ.

8. Попытка Іосифа II преобразовать нѣмецкую имперію и его усилія увеличить на счетъ ея Австрію.

Нѣмецкія правительства, подражавшія Фридриху II въ его военной системѣ управленія, были запуганы Іосифомъ II, который хотѣлъ исправить застарѣлые недостатки имперія. Сдѣлавшись самостоятельнымъ правителемъ Австріи только въ 1780, Іосифъ только съ этого времени могъ начать удовлетворять свою жажду преобразованій въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ. Но императоромъ онъ сдѣлался еще въ 1765; потому первыми опытами преобразованій были у него усилія произвести улучшенія въ устройствѣ имперіи. Онъ началъ попыткою улучшить имперскія судилища. Опытъ не могъ быть удаченъ, потому что и въ характерѣ самого Іосифа и во всемъ бытѣ и организаціи имперіи находились непреодолимыя препятствія его успѣху.

Со времени Максимиліана I. нѣмецкая имперія имѣла два судилища (т. IV, стр. 306), вецларскій имперскій палатный судъ, члены котораго назначались имперскими правительствами, и вѣнскій имперскій при-

дворный совѣтъ, членовъ котораго назначалъ императоръ. Оба судилища имѣли одинаковую власть и одинъ кругъ дѣйствій; истецъ могъ выбирать самъ, въ какомъ судѣ вести дѣло. Но вѣнскаго придворнаго суда избѣгали, потому что онъ не былъ вполнѣ самостоятеленъ, какъ вецларскій судъ. Оба судилища имѣли тотъ недостатокъ, какимъ до сихъ поръ страдаетъ англійскій судъ канцлерства: производство въ нихъ было очень медленно и запутанно; но кромѣ того въ обоихъ судилищахъ владычествовало взяточничество; дѣла рѣшались въ угожденіе лицамъ и по духу партій; было возмутительное злоупотребленіе по счетамъ судебныхъ пошлинъ. Потому всѣ были согласны въ необходимости преобразовать эти трибуналы, особенно вѣнскій придворный совѣтъ. Но когда Іосифъ вздумалъ реформировать ихъ, всѣ поднялись противъ него. Да и самъ онъ затруднилъ свое дѣло тѣмъ, что взялся за него слишкомъ торопливо и автократично. Онъ не подумалъ, что имѣетъ дѣло съ юристами, для которыхъ форма всегда важнѣе содержанія. Онъ не хотѣлъ понимать и того, что онъ государь нѣмецкой имперіи только по имени, что не можетъ разсчитывать на повиновеніе, а тѣмъ болѣе на содѣйствіе членовъ имперіи. Отъ него не зависѣлъ даже и тотъ единственный министръ, который существовалъ въ имперіи: имперскій вице-канцлеръ былъ подчиненъ не императору, а курфирсту майнцскому, который назначалъ его.

Мѣсяцевъ черезъ восемь по своемъ избраніи въ императоры, въ апрѣлѣ 1766, Іосифъ послалъ имперскому придворному совѣту повелѣніе, указывавшее этому судилищу на его недостатки и требовавшее отмѣны ихъ. Неторопливые члены суда два года не давали никакого отвѣта. Недождавшись его, Іосифъ издалъ кабинетное повелѣніе, которымъ думалъ живо отмѣнить хотя нѣкоторые вопіющіе недостатки. Но въ этомъ онъ потерпѣлъ неудачу, потому что имперскій придворный совѣтъ крѣпко держался своихъ закоснѣлыхъ формъ. Такую же судьбу имѣла и попытка Іосифа преобразовать имперскій палатный судъ. Для реформы его, Іосифъ прибѣгъ было къ конституціонному праву такъ называемой визитаціи, т. е., добился того, что имперскій сеймъ по согласію съ императоромъ назначилъ коммисію для изслѣдованія недостатковъ и злоупотребленій судилища и для окончанія залежавшихся въ немъ процесовъ. Такой визитаціи не было съ 1587. Теперь, послѣ множества хлопотъ, она была назначена, но, тянувшись десять лѣтъ, имѣла лишь тотъ результатъ, что число членовъ суда, уменьшившееся до 17 человѣкъ, было увеличено до прежней цифры 25 человѣкъ; были пересмотрѣны нѣкоторые процесы, и нѣкоторые судьи и агенты были наказаны за взяточничество. На то, чтобы успѣхъ визитаціи былъ лучше, у имперіи не достало охоты давать деньги на имперскую юстицію, а у членовъ имперіи — жертвовать своими частными правами и обычною формалистикою для пользы цѣлой имперіи. Но зато было написано очень много ученыхъ сочиненій по этому дѣлу, и притомъ, на тогдашнемъ ученомъ юридическомъ языкѣ, не болѣе арабскаго понятномъ для націи.

Такую же упорную оппозицію встрѣтилъ императоръ, когда черезъ нѣсколько времени задумалъ въ интересахъ своей династіи такое дѣло, осуществленіе котораго было бы благотворно не только для Австріи, но и для всей Германіи. Онъ хотѣлъ пріобрѣсти часть Баваріи подъ власть своей династіи. Смертью Максимиліана Іосифа Баварскаго, 30 декабря 1777, прекратилась Баварская линія Виттельсбахскаго дома, и Баварія досталась курфирсту пфальцскому, Карлу Теодору, изъ Зульцбахской линіи Виттельбаховъ. У Карла Теодора не было законныхъ дѣтей; поэтому курфиршества баварское и пфальцское должны были перейти послѣ него во владѣніе герцога Пфальцъ-Цвейбрюкенскаго, ближайшаго его родственника, одного изъ мелкихъ нѣмецкихъ государей. Но, не имѣя законныхъ, Карлъ Теодоръ имѣлъ побочныхъ дѣтей, которые были ему милѣе, чѣмъ герцогъ Цвейбрюкенскій. Императоръ вздумалъ, что легко будетъ убѣдить Карла Теодора уступить Австріи всю Нижнюю Баварію и нѣкоторыя другія части его владѣній, если создать блистательное положеніе для его побочныхъ дѣтей. Онъ началъ переговоры съ Карломъ Теодоромъ еще при жизни Максимиліана Іосифа, и черезъ нѣсколько дней по смерти Максимиліана министръ Карла Теодора въ Вѣнѣ подписалъ договоръ объ уступкѣ, которой желалъ Іосифъ. На этомъ договорѣ была основана вся надежда императора. Правда, онъ предъявлялъ и права на нѣкоторую часть Баваріи, но они были болѣе, чѣмъ сомни-

тельны, хотя австрійскіе юристы не полѣнились написать много ученыхъ дедукцій въ доказательство ихъ справедливости. Отъ великихъ державъ Іосифъ согласія не ждалъ: Англія, Франція и Испанія были тогда заняты войною, возникшею изъ-за возстанія сѣверо-американскихъ колоній противъ Англіи, а Франція, кромѣ того, была связана съ Австріею союзомъ и родствомъ государей. Пруссія, оставаясь одна, не получая иностранныхъ субсидій, не могла, по мнѣнію Іосифа, начать войну за герцога Цвейбрюкенскаго.

Первое препятствіе представилъ Іосифу областной баварскій патріотизмъ. Баварская принцесса Клеменса и одинъ изъ баварскихъ министровъ успѣли вытребовать, чтобы Карлъ Теодоръ еще при жизни Максимиліана Іосифа подписалъ и прислалъ въ Мюнхенъ актъ, которымъ принималъ Баварію въ свое владѣніе. Разумѣется, при жизни Максимиліана этотъ актъ лежалъ безъ дѣйствія, но въ самый же день смерти Максимиліана онъ былъ обнародованъ, и все наслѣдство Максимиліана было объявлено перешедшимъ подъ власть Карла Теодора. Но это не остановило Іосифа. Опираясь на договоръ свой съ Карломъ Теодоромъ, онъ тотчасъ двинулъ войска въ Нижнюю Баварію и сталъ приводить ея жителей къ присягѣ себѣ. Ни Карлъ Теодоръ, ни его наслѣдникъ, герцогъ Цвейбрюкенскій, не протестовали противъ этой быстрой мѣры императора. Такимъ образомъ дѣло удалось бы Іосифу, если бы, противъ всякаго ожиданія, не вмѣшался въ него Фридрихъ II. Король прусскій имѣлъ твердое рѣшеніе, ни подъ какимъ видомъ не допускать расширенія австрійскаго могущества въ Германіи. Онъ тайно послалъ служившаго у него графа Герца дѣйствовать на Карла Теодора. Курфирстъ не убѣждался его доводами; тогда Герцъ завелъ интригу въ Мюнхенѣ, чтобы при содѣйствіи баварской партіи, особенно герцогиии Клеменсы, возбудить герцога Цвейбрюкенскаго къ протесту. Герцогъ уже прислалъ было приказаніе своему посланнику въ Мюнхенѣ подписать договоръ Іосифа съ Карломъ Теодоромъ. Герцъ и герцогиня Клеменса убѣдили посланника дѣйствовать иначе: онъ не подписалъ договора и убѣдилъ герцога торжественно протестовать противъ нарушенія правъ его получить въ наслѣдство всю Баварію. Это дало Фридриху желанный предлогъ явно вступиться въ дѣло. Онъ сталъ самымъ энергическимъ тономъ поддерживать протестъ герцога въ Вѣнѣ и въ имперскомъ сеймѣ, и нашлось довольно людей, которые подъ видомъ справедливости и свободы Германіи стали помогать прусскому посланнику противъ императора; нѣмецкіе государи, духовенство и аристократія не любили Іосифа, какъ нововводителя, называли его тираномъ, стремящимся къ неограниченной власти надъ имперіею. Въ концѣ марта 1778 Фридрихъ могъ уже объявить, что станетъ всѣми своими силами защищать права герцога Цвейбрюкенскаго, если австрійцы не выведутъ немедленно своихъ войскъ изъ Баваріи. Онъ вступилъ въ союзъ съ курфирстомъ саксонскимъ, предъявлявшимъ права на аллодіальныя владѣнія Максимиліана Іосифа, и съ герцогами Мекленбургскими, предъявлявшими права на баварское графство Лехтейнбергъ.

Очень вѣроятно, что Іосифъ сталъ бы рѣшать вопросъ силою оружія, но мать его думала иначе и хотѣла покончить дѣло дипломатическимъ путемъ. Начались переговоры и шли до конца іюня, не приводя ни къ чему; у Фридриха еще въ маѣ было собрано 100,000 войска на австрійской границѣ, и въ концѣ іюня онъ двинулъ его въ Баварію. Черезъ двѣ недѣли Фридрихъ остановилъ походъ и возобновилъ переговоры, надѣясь на русское посредничество, которое предпочиталъ риску войны. Лаудонъ, командовавшій австрійскою арміею, также не хотѣлъ начать нападенія. Такимъ образомъ эта война, называемая войною за баварское наслѣдство или, въ насмѣшку, картофельною войною, ограничилась ничтожными стычками, хотя перемиріе было заключено не раньше слѣдующей весны. Однако пруссаки отъ дурной погоды, дурныхъ дорогъ, отъ болѣзней и отъ недостатка продовольствія по плохому устройству провіантской части потеряли больше людей, чѣмъ стоили бы имъ двѣ рѣшительныя битвы. У австрійцевъ обнаружилась неудовлетворительность новыхъ военныхъ учрежденій, введенныхъ Іосифомъ; она раскрылась такъ явно, что Лаудонъ прямо высказалъ это императору. Прусская армія (бывшая подъ командою самого Фридриха и его брата Генриха) въ особенности пострадала при отступленіи, которое происходило въ дождливое, холодное осеннее время. Выйдя изъ Богеміи, пруссаки продолжали всю зиму занимать часть австрійской Силезіи.

Въ началѣ марта 1779 было заключено перемиріе при посредничествѣ Россіи со стороны Пруссіи, Франціи—со стороны Австріи. Ни отъ Россіи, ни отъ Франціи Іосифъ не могъ ждать содѣйствія своимъ планамъ. У Россіи уже было собрано войско на галиційской границѣ на помощь Пруссіи; французское министерство, не смотря на родство короля съ Іосифомъ, не имѣло охоты увеличивать силу Габсбургскаго дома на счетъ нѣмецкихъ государей. Да и Марія Терезія, безъ вѣдома сына, еще въ 1778 предложила примириться съ Фридрихомъ на условіи совершенно отказаться отъ притязаній на Баварію, если Пруссія надолго откажется отъ своего права вступить во владѣніе Ансбахомъ и Байрейтомъ. Потомъ угрозы Россіи заставили Марію Терезію безусловно принять условія мира, составленныя Франціею. Замыселъ Іосифа былъ совершенно покинутъ его матерью. За это онъ такъ поссорился съ нею, что потомъ до самой ея смерти почти вовсе не принималъ участія въ управленіи наслѣдственными австрійскими владѣніями.

Окончательные переговоры велись на Тешенскомъ конгресѣ; 13 мая былъ подписанъ миръ, почетный для Пруссіи. Австрія была принуждена объявить недѣйствительнымъ договоръ, заключенный съ Карломъ Теодоромъ, и вмѣсто 250 квадратныхъ миль, которыя хотѣлъ пріобрѣсти Іосифъ, получила только 34 квадратныя мили, землю между Дунаемъ, Инномъ и Зальцахомъ. Она вполнѣ признала права Пруссіи на наслѣдство Ансбахомъ и Байрейтомъ, которыя прежде оспаривала. Курфирстъ саксонскій, предъявлявшій притязанія на аллодіальныя владѣнія Максимиліана Іосифа Баварскаго, также получилъ при помощи Фридриха выгодныя условія: за отказъ отъ этихъ притязаній ему было дано 6,000,000 гульденовъ, и Австрія согласилась, чтобы перешла въ феодальную зависимость отъ него Шенбургская область, которая прежде была въ феодальной зависимости отъ Австріи. Мекленбургъ при посредничествѣ Австріи и Пруссіи получилъ отъ императора и имперіи jus de non appellando, т. е. право имѣть свои собственныя аппеляціонныя судилища. Но какъ ни почетенъ былъ для Пруссіи тешенскій миръ, какъ ни гордились пруссаки славою, что защитили отъ императора «свободу Германіи», всетаки войною за баварское наслѣдство Фридрихъ поставилъ себя въ фальшивое положеніе. Поддержавъ баварскій мѣстный патріотизмъ противъ нѣмецкаго національнаго чувства, онъ ослабилъ имперію: онъ открылъ Россіи путь къ вмѣшательству во внутреннія дѣла Германіи, самъ сдѣлался кліентомъ русскаго правительства и тѣмъ заставилъ вступить въ кліентство къ Россіи императора, проникнутаго искреннимъ нѣмецкимъ патріотизмомъ. Послѣ тешенскаго мира Іосифъ обратилъ всю свою заботу на то, чтобы пріобрѣсти расположеніе русской императрицы и отвлечь ее отъ союза съ Фридрихомъ. Это было главною цѣлью первой поѣздки его въ Россію. Онъ достигъ полнаго успѣха, и результатомъ было усиленіе выгоднаго для Россіи, гибельнаго для Германіи, соперничества между Пруссіею и Австріею. Вскорѣ по возвращеніи Іосифа изъ Россіи умерла Марія Терезія (въ ноябрѣ 1780); Іосифъ могъ теперь, не стѣсняясь ничѣмъ, начать въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ ту дѣятельность, о которой мы уже говорили.

О реформахъ въ имперіи Іосифъ перестал думать послѣ того, какъ испыталъ неудачу въ своей благонамѣренной попыткѣ улучшить имперскую юстицію. Императорскую власть, чрезвычайно малую, онъ сталъ употреблять на то, чтобы доставлять выгоды себѣ, какъ австрійскому государю, на счетъ имперіи. Король прусскій постоянно мѣшалъ ему въ этомъ. Когда Іосифъ хотѣлъ доставить своему брату архіепископство кельнское, дѣло дошло до того, что онъ и Фридрихъ отдали этотъ имперскій вопросъ на рѣшеніе Екатерины II и Потемкина. Въ другомъ случаѣ Фридриху и не понадобилось подавать имперскому сейму примѣръ сопротивленія: всѣ члены сейма сами поднялись на императора, который тутъ былъ явно неправъ и хотѣлъ нарушить права всѣхъ нѣмецкихъ государей. Въ средніе вѣка императоры могли давать свѣтскому человѣку право владѣть землею, принадлежащею церкви, это называлось: давать ему «грамату на прокормленіе» (Panis-Brief); этотъ обычай вышелъ изъ употребленія еще съ XIV вѣка, но формальнымъ образомъ не былъ уничтоженъ. Императоръ вздумалъ въ 1783 возобновить его, чтобы давать награды австрійскимъ придворнымъ и сановникамъ. Онъ сталъ выдавать имъ граматы на владѣніе землями, принадлежавшими католическимъ и евангелическимъ церквамъ, даже такими землями, которыя уже давно были секуляризованы. Но съ перваго же раза онъ потерпѣлъ неудачу: всѣ члены сейма

отказались признать дѣйствительность такихъ распоряженій, а у Іосифа не было силы бороться.

Удачнѣе было другое дѣло Іосифа: онъ отнялъ власть распоряжаться духовными дѣлами въ австрійскихъ земляхъ у тѣхъ не австрійскихъ епископовъ, къ епархіямъ которыхъ принадлежали, по старинному порядку, нѣкоторыя части австрійскихъ земель; напримѣръ, къ епархіи епископа люттихскаго земли въ Бельгіи, къ регенсбургской епархіи—земли въ Богеміи, къ епархіямъ констанцской и курской (Chur)—въ переднемъ эрцгерцогствѣ Австрійскомъ. Съ епископа пассаускаго Іосифъ даже вытребовалъ денежное вознагражденіе, кромѣ того что отнялъ у него часть епархіи, лежавшую въ австрійскихъ владѣніяхъ. Еще хуже досталось отъ него архіепископу зальцбургскому (Коллоредо), о которомъ мы уже упоминали, какъ объ одномъ изъ архіепископовъ, хотѣвшихъ въ 1785 доставить независимость нѣмецкой католической церкви (стр. 181). Онъ отличался истинною религіозностью, нелюбовью къ святошеству и іезуитству, всегда былъ преданъ Габсбургскому дому и отказался отъ значительной доли изъ той половины своего духовнаго округа, которая находилась въ австрійскихъ владѣніяхъ. Но Іосифъ мучилъ его новыми требованіями, даже прибѣгалъ къ насилію; императоръ вынуждалъ его отказаться отъ архіепископской власти надъ епископами Штиріи и Каринтіи. Архіепископъ не соглашался; тогда его австрійскія помѣстья были секвестрованы. Но потомъ Іосифъ разсудилъ, что не должно доводить его до раздраженія, и возвратилъ ему помѣстья. Эта шаткость ободрила другихъ сопротивляться требованіямъ императора. Съ свѣтскими независимыми членами имперіи, имѣвшими владѣнія въ австрійскихъ земляхъ, Іосифъ поступалъ какъ съ австрійскими вассалами.

Такой образъ дѣйствій, внушаемый Іосифу его вѣнскими юристами, пробуждалъ и поддерживалъ недовѣріе къ старому испанскому духу Габсбургской династіи. Вслѣдствіе этого реформъ Іосифа не поддерживали многіе изъ людей, которые при другомъ образѣ дѣйствій императора стали бы помогать ему, а король прусскій, пользуясь неблагоразумными насиліями Іосифа, возбуждалъ противъ него имперію. Особенно важно дѣло, бывшее въ 1785. Іосифъ вздумалъ присоединить Баварію къ Австріи, давъ Бельгію въ вознагражденіе Цвейбрюкенской династіи, которая должна была получить Баварію. Обмѣнъ былъ невыгоденъ для Цвейбрюкенской династіи, но былъ бы полезенъ для австрійской націи. Осторожный Кауницъ одобрялъ этотъ планъ Іосифу удалось склонить на свою сторону курфюрста баварскаго, такъ что Карлъ Теодоръ былъ готовъ обмѣнять Баварію на Бельгію. Россія и Франція были согласны допустить это; онѣ даже уговаривали и герцога Цвейбрюкенскаго согласиться. Но герцогъ не захотѣлъ мѣняться; тогда Россія и Франція объявили, что должны будутъ защищать условія, постановленныя тешенскимъ миромъ. Іосифъ бросилъ свою попытку, потому что Фридрихъ II или, лучше сказать, его министръ, графъ Герцбергъ, уже успѣлъ привлечь на сторону Пруссіи нѣмецкихъ государей, запугавъ ихъ переговорами Іосифа съ Карломъ Теодоромъ; онъ уже завелъ съ важнѣйшими изъ этихъ государей переговоры, чтобы составить союзъ противъ императора. Это дѣло удалось. Договоръ о коалиціи, извѣстный подъ именемъ союза нѣмецкихъ государей, былъ заключенъ 23 іюня 1785 королемъ прусскимъ, курфирстами саксонскимъ и ганноверскимъ; черезъ нѣсколько времени къ нимъ присоединились почти всѣ сколько-нибудь значительные нѣмецкіе государи, въ томъ числѣ майнцскій, баденскій, гессенъ-кассельскій, мекленбургскій. Цѣль союза опредѣлялась въ договорѣ слѣдующимъ образомъ: нѣмецкіе государи соединяются для того, чтобы общими силами охранять цѣлость и существующее устройство имперскихъ округовъ и защищать неприкосновенность владѣній и власти, семейныхъ, фамильныхъ и наслѣдственныхъ договоровъ всѣхъ членовъ имперіи. Иными словами это значило, что союзъ не допуститъ императора произвести никакой реформы, чтобы австрійское вліяніе усиливалось на счетъ прусскаго, и чтобы значительные владѣтели могли удерживать въ прежней зависимости мелкихъ владѣтелей, покровителемъ которыхъ былъ императоръ. Послѣ всего этого неудивительно, что императоръ не захотѣлъ помогать архіепископамъ, которые вслѣдъ за образованіемъ союза нѣмецкихъ государей начали было дѣйствовать въ пользу независимости нѣмецкой

церкви (стр. 181); онъ видѣлъ въ этомъ дѣлѣ только то, что оно увеличило бы силу духовныхъ государей. Софисты, въ родѣ Іоганна фонъ Мюллера, превознесли союзъ нѣмецкихъ государей какъ патріотическій подвигъ, спасшій такъ называемую нѣмецкую свободу; да и люди съ свѣтлымъ взглядомъ, съ чувствомъ строгой справедливости, были такъ обольщены внѣшностью дѣла, что ждали отъ него добрыхъ и важныхъ слѣдствій. Но не дальше какъ черезъ годъ, съ кончиною Фридриха, этотъ устроенный имъ союзъ лопнулъ, какъ мыльный пузырь.

X. РОССІЯ, ПОЛЬША И ТУРЦІЯ

ВО ВРЕМЯ ПЕРВАГО РАЗДѢЛА ПОЛЬШИ.

---

1. Россія и Польша отъ смерти Петра III до барской конфедераціи.

Екатерина II слѣдовала философскимъ идеямъ своего времени и блистала какъ просвѣщенная дама, бывшая въ перепискѣ съ знаменитѣйшими французскими литераторами и сама писавшая чувствительныя пьесы для образованія своихъ внуковъ. Поэтому неудивительно, что цѣлый свѣтъ прославлялъ ее какъ великую правительницу, какъ философку, покровительницу науки и искусства, создательницу образованности и благосостоянія русской націи. Въ особенности восхваляли ее тѣ французскіе философы-софисты, которые, подобно іезуитамъ, хотѣли свободы мысли только для своего образа мыслей. Впрочемъ мы будемъ говорить о томъ, что дѣлалось и было исполнено въ правленіе этой государыни, а не будемъ говорить о ней самой; не будемъ говорить и объ изданныхъ ею узаконеніяхъ, изъ которыхъ иныя сами по себѣ очень хороши; о нихъ нѣтъ надобности говорить, потому что ходъ дѣлъ и судьба народовъ опредѣляются не законами и учрежденіями, а только фактами и дѣлами.

Съ самаго начала царствованія Екатерины обстоятельства расположились очень благопріятно для ея стремленія блистать славою великой государыни. Въ ея распоряженіи было много даровитыхъ людей, потому что тогда всякій человѣкъ съ умомъ въ головѣ могъ составить себѣ въ Россіи карьеру; а три сосѣднія государства, Швеція, Данія и Польша, при вступленіи Екатерины на престолъ, уже находились въ зависимости отъ Россіи. Швеція до самаго переворота, произведеннаго Густавомъ III, была въ прямомъ подчиненіи русскому вліянію. Датское правительство было поставлено въ очень трудное положеніе притязаніями Петра III на Шлезвигъ-Гольштейнъ и осталось въ зависимости отъ Россіи даже по заключеніи договора объ этомъ дѣлѣ, потому что договоръ долженъ былъ оставаться неисполненнымъ до совершеннолѣтія Павла, сына Екатерины (стр. 191). Наконецъ Польша со временъ Петра Великаго, а еще больше со смерти Августа II, была, можно сказать, почти подъ русскою властью, и въ семилѣтнюю войну русскіе распоряжались въ ней, какъ въ своей провинціи. Екатерина съ самаго начала своего царствованія поступала съ нею, какъ въ наше время англичане поступаютъ съ остъ-индскими государствами. Первый поводъ къ тому представили отношенія Курляндіи къ Россіи и къ Польшѣ.

Во время реформаціи Готтгольдъ Кеттлеръ при польской помощи объявилъ себя государемъ Курляндіи, и страна эта сдѣлалась вассальнымъ польскимъ владѣніемъ (т. V. стр. 104). Тогдашними договорами было опредѣлено, что по прекращеніи Кеттлеровой династіи герцогство Курляндское должно присоединиться къ Польшѣ. Въ 1737 Кеттлерова династія прекратилась. Но курляндское рыцарство, чтобы избѣжать присоединенія, заранѣе выбрало въ герцоги сына Августа II Польскаго, графа **Морица**, прославившагося впослѣдствіи подъ именемъ маршала де Сакса (стр. 109). Но едва Морицъ явился въ Курляндію, какъ

русскіе прогнали его, и герцогство осталось занято русскими войсками. Когда въ 1737 умеръ послѣдній потомокъ Кеттлера, русская императрица Анна, вдова его предшественника, заставила курляндское дворянство, не смотря на его сопротивленіе, выбрать въ герцоги Бирона (стр. 45, 47, 125, 158). Король польскій, Августъ III, также принужденъ былъ признать его герцогомъ, но получилъ хотя то удовлетвореніе, что Биронъ формально призналъ себя вассаломъ Польши. Когда по смерти императрицы Анны Биронъ былъ сосланъ въ Сибирь, русское правительство, постоянно занимавшее Курляндію своими войсками, стало поступать съ нею, какъ съ завоеванною провинціею. Наконецъ императрица Елисавета назначила герцогомъ Курляндскимъ принца Карла Саксонскаго; онъ былъ младшій сынъ короля польскаго Августа III. Когда умерла императрица Елисавета, а черезъ полгода преемникъ ея, Петръ III, Екатерина II приказала принцу Карлу уступить герцогство Бирону, возвращенному Петромъ изъ ссылки. Биронъ управлялъ Курляндіею такъ, какъ англійскіе вассальные государи въ Остъ-Индіи правятъ своими землями; опираясь на русскую защиту, онъ тиранизировалъ страну, желая, чтобы ея жителямъ опротивѣла національная самостоятельность, т. е., подготовлялъ приближавшееся присоединеніе Курляндіи къ Россіи.

Какъ въ Курляндіи господствовалъ русскій вассалъ подъ именемъ герцога, такъ въ Польшѣ распоряжался русскій посланникъ. Сначала Екатерина назначила своимъ посланникомъ въ Варшавѣ Кайзерлинга, человѣка, отличавшагося дипломатическими знаніями, искусствомъ подкупать и интриговать. Но когда прямое насиліе стало казаться лучшимъ средствомъ для осуществленія русскихъ цѣлей, въ Варшаву былъ посланъ генералъ князь Репнинъ, племянникъ Панина, извѣстнаго намъ изъ исторіи Петра III (стр. 159). Дядя его, бывшій у Екатерины министромъ иностранныхъ дѣлъ, составилъ планъ увеличить Россію на счетъ Польши. Случайнымъ образомъ, намѣреніе Панина сошлось съ планами Фридриха II; изъ этого произошелъ союзъ между Россіею и Пруссіею, результаты котораго стали гибельны для всей Европы. Испытавъ въ семилѣтнюю войну внутреннюю слабость своей военной державы, Фридрихъ Великій видѣлъ надобность найти себѣ поддержку въ союзѣ съ другою военною державою. Лудовикъ XV ненавидѣлъ его; Георгъ III Англійскій былъ къ нему нерасположенъ; Марія Терезія не могла забыть потерю Силезіи; поэтому только въ Россіи представлялась ему опора, въ которой онъ нуждался. Тогдашніе виды Россіи на Польшу и раздоръ между польской аристократіей помогли успѣху исканій прусскаго короля.

Постоянные раздоры между польскими магнатами произвели въ Польшѣ совершенную анархію, когда умеръ Августъ III (въ октябрѣ 1763). Поддерживать внутреннее разстройство Польши было въ интересѣ Россіи; съ этимъ разсчетомъ Панинъ и императрица рѣшили сдѣлать королемъ польскимъ человѣка безъ достоинствъ, безъ энергіи, безъ ума, чтобы онъ совершенно зависѣлъ отъ Россіи. Такого человѣка они нашли въ польскомъ дворянинѣ Станиславѣ Понятовскомъ, самомъ пустомъ изъ всѣхъ людей, когда-либо пользовавшихся властью. Станиславъ былъ вполнѣ придворный, имѣлъ всѣ блестящія качества такъ называемаго хорошаго общества, особенно отличался знаніемъ новыхъ языковъ и мастерствомъ въ болтовнѣ о литературѣ, музыкѣ и театрѣ. Но изъ качествъ, какія нужны для управленія государствомъ, у него не было ни одного. Чтобы возвести на польскій престолъ своего кліента, русская императрица сблизилась съ Фридрихомъ II, съ которымъ до той поры не хотѣла имѣть тѣсныхъ отношеній. Въ апрѣлѣ 1764 между Россіею и Пруссіею былъ заключенъ договоръ на 8 лѣтъ; онъ былъ для народовъ Европы источникомъ множества бѣдствій, продолжающихся до нашего времени, потому что послужилъ образцомъ многочисленныхъ позднѣйшихъ трактатовъ, ставившихъ судьбу слабыхъ государствъ въ зависимость отъ соглашеній и армій сильныхъ державъ. По русско-прусскому договору 1764 право силы было примѣнено къ Польшѣ и Турціи; позднѣйшіе договоры подобнаго рода располагали свободою и правами гражданъ другихъ государствъ и посѣяли вражду между государями и ихъ народами. Обнародованныя условія перваго изъ этихъ несчастныхъ договоровъ содержали въ себѣ только то, что Россія и Пруссія гарантируютъ другъ другу неприкосновенность всѣхъ владѣній и будутъ помогать другъ другу въ оборонительныхъ войнахъ. Но тайными условіями державы эти обязались возвести на польскій престолъ Станислава По-

пятовскаго и всѣми своими силами мѣшать всякому улучшенію польской конституціи, иначе сказать, рѣшили поддерживать въ Польшѣ безпорядокъ и безсиліе, чтобы она совершенно зависѣла отъ двухъ иноземныхъ державъ.

Довольно привести два—три факта, чтобы видно было, какъ печально было то состояніе польскаго государства, которое Россія и Пруссія рѣшились поддерживать насиліемъ. Въ этомъ государствѣ или, по польскому выраженію, въ республикѣ, только одно сословіе пользовалось политическими правами—дворянство. Изъ остальныхъ сословій поселяне были крѣпостными дворянъ, а горожане были исключены отъ всякаго участія въ законодательствѣ и даже отъ всѣхъ должностей. Крѣпостные были преданы безусловному произволу господъ. Итакъ, одни дворяне составляли государство. Дворянскихъ семействъ было до 100,000. Но только немногія изъ нихъ, богатыя, составляли управляющій классъ. Остальные дворяне, въ числѣ которыхъ было много нищихъ, находились въ зависимости отъ небольшаго числа могущественныхъ фамилій. Дворянство распадалось на четыре класса. Первый классъ составляли нѣсколько самыхъ высшихъ фамилій, которыя владѣли цѣлыми княжествами, имѣли милліоны дохода, могли содержать войска, держали въ своей службѣ тысячи другихъ дворянъ. Большая часть ихъ были обременены долгами, вели расточительную жизнь, воевали между собою изъ-за власти и при этомъ нисколько не задумывались брать деньги отъ иностранцевъ и призывать на помощь себѣ иностранныя войска. Второй и третій классы составляли дворяне, занимавшіе высшія гражданскія и духовныя должности, бывшіе воеводами, старостами, кастелянами или имѣвшіе богатыя пребенды. Четвертый классъ составляла масса дворянства, люди бѣдные, служившіе у другихъ дворянъ. Первые два класса были настоящимъ правительствующимъ сословіемъ. Вся правительственная власть находилась въ рукахъ сейма, а на сеймѣ господствовали богатые и знатные члены. Сеймъ издавалъ законы, избиралъ короля, вмѣшивался, какъ повелитель, во всѣ отрасли управленія. Правда, номинальною главою правительства былъ король; но онъ имѣлъ такъ мало вѣса и силы, что три высшіе сановника, завѣдывавшіе судебною частью (великій канцлеръ), финансами (великій казначей) и государственною полиціею (великій маршалъ) были не обязаны давать ему отчетъ. Сеймъ, соединявшій въ себѣ всю государственную власть, былъ связанъ страннымъ закономъ, отнимавшимъ у него возможность принять какое бы то ни было важное рѣшеніе: въ сеймѣ было соблюдаемо правило, называвшееся liberum veto; по этому правилу одинъ отрицательный голосъ отнималъ силу у всякаго рѣшенія всего остальнаго сейма. Кромѣ того дворяне имѣли право составлять при политическихъ раздорахъ такъ называемыя конфедераціи, которыя шли одна на другую цѣлыми арміями, чтобы сила рѣшила, на чьей сторонѣ будетъ верхъ. Въ этихъ конфедераціяхъ уже не допускалось liberum veto, и дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ. Если отъ этихъ конфедерацій и антиконфедерацій распространялась уже слишкомъ большая анархія, прибѣгали къ средству, похожему на военную диктатуру: конфедераціи сливались въ общую конфедерацію, которая временно устраняла обыкновенныя власти, и вся государственная сила переходила въ руки предводителя этой конфедераціи. Всѣ начальства, даже высшіе государственные сановники, сенатъ и самъ король, были подчинены этому общему союзу дворянства, и всякій дворянинъ, неприсоединявшійся къ нему, лишался своихъ привилегій.

Изъ этого видимъ, что въ то время, какъ Россія стала первостепенною военною державою, Польша не имѣла ни единства, ни порядка, ни правительства, ни арміи въ настоящемъ смыслѣ этихъ словъ. Неудивительно, что Россія могла поступать съ нею, какъ съ вассальнымъ государствомъ. По смерти Августа III двѣ партіи цѣлый годъ боролись изъ-за выбора новаго короля. Наконецъ партія Чарторійскихъ, при помощи русскихъ, успѣла разбить и вытѣснить за границу другую партію, въ которой главными предводителями были Радзивилъ и Браницкій. Тогда въ сентябрѣ 1764 Станиславъ Понятовскій былъ выбранъ королемъ; главную роль при выборѣ играли русскія войска. Побѣдившая партія думала, что выборомъ русскаго кліента можно будетъ установить болѣе сильное правительство и ввести болѣе порядка въ государствѣ. Но русскій посланникъ Репнинъ разрушилъ эти надежды своими приказаніями. Онъ не допустилъ ни одной изъ тѣхъ реформъ, которыя были предположены Чарторійскими, и пред-

ставилъ новому правительству три требованія, которыя должны были или поссорить короля съ націею, или возбудить войну съ Россіею. Репнинъ требовалъ, чтобы Польша уступила Россіи нѣкоторыя провинціи, заключила съ нею оборонительный и наступательный союзъ и возвратила не католическому дворянству или диссидентамъ равныя съ католиками политическія права. Первое требованіе было принято безусловно; по второму послѣ долгаго сопротивленія Польша заключила съ Россіею оборонительный союзъ. Третье требованіе, тайная цѣль котораго была очевидна, было отвергнуто; но русскіе силою заставили исполнить его.

Первоначально диссиденты имѣли одинаковыя права съ католиками; но съ начала XVII вѣка іезуиты стали хлопотать, чтобы измѣнить это, и при Августѣ II и Августѣ III, въ 1717 и 1736, диссиденты формальными рѣшеніями сейма были устранены отъ всѣхъ должностей и отъ участія въ сеймѣ. Напрасно потомъ диссиденты всячески старались о возвращеніи потерянныхъ правъ. Вскорѣ по вступленіи Понятовскаго на престолъ прежнія рѣшенія противъ нихъ были подтверждены въ полной силѣ. Это послужило для Россіи и Пруссіи предлогомъ вмѣшаться во внутреннія дѣла Польши. Екатерина собрала на границѣ русскую армію и послала въ Варшаву Сальдерна, имя котораго намъ знакомо по дѣламъ Россіи съ Даніею (стр. 191); онъ долженъ былъ помогать Репнину своими юридическими знаніями. Вмѣстѣ съ Репнинымъ онъ вынудилъ у польскаго правительства обѣщаніе, что на слѣдующемъ сеймѣ будутъ исполнены требованія Россіи и Пруссіи въ пользу диссидентовъ. Фридрихъ II приказалъ своему посланнику въ Варшавѣ поддерживать во всемъ Репнина, но хитро предоставилъ однимъ русскимъ всю военную и насильственную часть дѣла. Сеймъ собрался осенью 1766. Репнинъ заранѣе ввелъ въ Польшу 20,000 русскаго войска, грозилъ польскимъ епископамъ потерею помѣстій и отправленіемъ въ Россію, если они осмѣлятся сказать на сеймѣ хотя одно слово противъ требованій Россіи. Враги диссидентовъ не имѣли опоры ни въ одной иностранной державѣ; только Франція прислала имъ денегъ.

При такомъ положеніи дѣлъ открылся сеймъ 1 сентября 1766. Россія и Пруссія требовали отъ него политическаго уравненія диссидентовъ съ католиками и отмѣны всѣхъ реформъ, сдѣланныхъ Чарторійскими для улучшенія государственнаго устройства. Сеймъ охотно согласился отмѣнить почти всѣ эти реформы, но отказалъ во всякой уступкѣ диссидентамъ. На совѣщаніяхъ о правахъ диссидентовъ глава католической и французской партіи, епископъ краковскій Солтыкъ, сдѣлалъ большую неосторожность. Еще до открытія сейма онъ разослалъ энергическія пастырскія посланія, которыя принесли большую пользу русскимъ и пруссакамъ, выставивъ эти правительства передъ Европою въ такомъ свѣтѣ, будто они въ духѣ вѣка защищаютъ терпимость, хотя въ Польшѣ дѣло шло не о религіозной терпимости иновѣрцевъ, а просто о политическихъ правахъ ихъ. На сеймѣ Солтыкъ для возбужденія фанатизма своихъ соотечественниковъ замѣшалъ въ дѣло папу, уговоривъ нунція произнести рѣшительную рѣчь и протестовать. Результатомъ было лишь то, что Англія и Данія были принуждены противъ воли присоединиться къ Россіи и Пруссіи по вопросу о диссидентахъ.

Солтыкъ и его партія достигли своей цѣли: сеймъ отказалъ диссидентамъ во всякой уступкѣ. По закрытіи сейма (въ декабрѣ 1766) диссиденты стали составлять конфедераціи. Россія и Пруссія покровительствовали этимъ конфедераціямъ и въ союзѣ съ ними требовали, чтобы рѣшенія сейма были измѣнены. Католики также стали составлять конфедераціи. Такимъ образомъ, въ маѣ 1767 было не меньше 178 этихъ союзовъ, образовавшихся для рѣшенія вопроса вооруженной силой. Русскіе постоянно вводили въ Польшу новыя войска и старались о томъ, чтобы привлечь на свою сторону одного изъ могущественнѣйшихъ людей католической партіи, который сталъ бы во главѣ диссидентской конфедераціи, вліяніемъ своимъ отвлекъ бы массу націи отъ Чарторійскихъ и склонилъ бы своихъ единовѣрцевъ образовать генеральную конфедерацію. Они нашли такого человѣка въ Радзивилѣ, не задолго передъ тѣмъ возвратившемся изъ-за границы. Онъ былъ во враждѣ съ Чарторійскими; чтобы отмстить имъ, онъ сдѣлался орудіемъ русскихъ. Въ іюнѣ 1767 онъ созвалъ большое собраніе поляковъ; русскія войска окружили это собраніе и грозили ему. Такимъ образомъ католики были

принуждены объявить, что составляютъ генеральную конфедерацію въ пользу диссидентовъ, и назначить Радзивила главою этой конфедераціи. Онъ самъ скоро понялъ, что обманулся и сталъ только орудіемъ для русскихъ. Но не смотря на его сопротивленіе, Репнинъ въ сентябрѣ заставилъ его объявить, что созывается генеральная конфедерація, общая съ диссидентами.

Въ октябрѣ открылся новый сеймъ. Репнинъ черезъ Радзивила предоставилъ ему свои требованія. Они встрѣтили на сеймѣ сопротивленіе, хотя русскія войска вступили въ Варшаву. Тогда Репнинъ арестовалъ въ самой Варшавѣ и отправилъ въ Сибирь главныхъ предводителей оппозиціи, епископа краковскаго Солтыка, епископа кіевскаго Залускаго, честнаго патріота и замѣчательнаго ученаго, и двухъ графовъ Ржевускихъ. Онъ прислалъ генеральной конфедераціи письменное объясненіе этой мѣры, говоря, что сосланныя лица оскорбили достоинство русской императрицы, нападая на чистоту ея столь дружественныхъ, безкорыстныхъ и благотворныхъ для поляковъ намѣреній. Черезъ три дня сеймъ назначилъ коммисію, которой поручилъ составить въ пользу диссидентовъ законы, требуемые Репнинымъ. Они были составлены, и сеймъ принялъ ихъ. Засѣданія коммисіи представляли печальное зрѣлище. Нѣкоторыя изъ нихъ происходили во дворцѣ Репнина и въ его присутствіи. Репнинъ диктовалъ коммисіи ея рѣшенія.

Точно также, какъ рѣшенія въ пользу диссидентовъ, были предписаны коммисіи и приняты сеймомъ другія рѣшенія, какія Россія и Пруссія находили нужными для поддержанія анархіи въ Польшѣ, чтобы Польша оставалась безсильна. Къ величайшему позору польской аристократіи важнѣйшія лица ея пользовались такими обстоятельствами для своего обогащенія. Сеймъ далъ награды русскимъ офицерамъ, исполнявшимъ мѣры Репнина, далъ также очень большое жалованье королю, князю Радзивилу и другимъ вельможамъ. Но этого мало: въ февралѣ 1768 сеймъ поставилъ Польшу подъ постоянную опеку Россіи; онъ принялъ договоръ о дружественномъ союзѣ съ Россіею; по этому договору Россія признавалась охранительницею польской конституціи, т. е., получала право вмѣшиваться во всѣ польскія дѣла.

Разумѣется, это униженіе привело многихъ въ ярость. Черезъ нѣсколько дней въ Барѣ въ Подоліи составилась конфедерація для отнятія правъ, данныхъ диссидентамъ. Дѣло это было начато Пулавскимъ и Красинскимъ, людьми, которые сами по себѣ не имѣли большой силы; но они поставили главою конфедераціи графа Потоцкаго, который былъ зять короннаго гетмана Браницкаго. Притомъ Радзивилъ былъ недоволенъ ролью, которую его заставили играть; кромѣ того конфедераты разсчитывали на поддержку французскаго правительства, главою котораго былъ тогда Шаузёль и которое уже обѣщало свою помощь католической партіи въ Польшѣ.

2. Первая турецкая война Екатерины.

Французы прислали офицеровъ и денегъ въ помощь конфедераціи, составившейся въ Барѣ противъ Россіи и противъ диссидентовъ. Но Австрія вообще была согласна съ намѣреніями Россіи и Пруссіи; она не согласилась на предложеніе Франціи вступиться въ польскія дѣла и помогать барской конфедераціи. Данія, Швеція и Англія гарантировали рѣшенія сейма въ пользу диссидентовъ. Такимъ образомъ, Франція была принуждена искать поддержки конфедератамъ въ Турціи и стала возбуждать ее къ войнѣ съ Россіею. Французы успѣли въ своемъ планѣ, благодаря тому, что русскія войска перешли турецкую границу, преслѣдуя отрядъ конфедератовъ, и сожгли маленькій турецкій городъ Балту, въ которомъ укрылись преслѣдуемые (въ іюлѣ 1768). Турки были очень раздражены этимъ, и французскому посланнику, графу Вержену (стр. 193), удалось склонить ихъ объявить войну Россіи. Но имъ нужно было долго готовиться; русскіе въ это время успѣли взять главный оплотъ конфедератовъ, Краковъ, и запугать поляковъ грабежемъ, рѣзнею и сожженіемъ селъ и городовъ. Репнинъ былъ отозванъ изъ Варшавы, и на его мѣсто присланъ князь Волконскій, человѣкъ болѣе мягкій; Россіи нужно было обольстить правительство и магнатовъ

любезностью и обѣщаніями, чтобы Польша не воспользовалась начинавшеюся войною съ турками.

Турки въ это время были уже не страшны: они давно перестали быть воинственною націею и не хотѣли вводить у себя новыхъ военныхъ учрежденій; а русскіе со времень Петра Перваго приняли всѣ эти усовершенствованія. Начиная войну, турки больше всего надѣялись на татарскія кочевыя племена, жившія по сѣверному берегу Чернаго моря и бывшія турецкими вассалами. Эти татары постоянно вредили Россіи своими хищническими набѣгами, а когда началась война, стали еще опаснѣе русскимъ, потому что султанъ назначилъ ханомъ ихъ даровитѣйшаго человѣка во всей турецкой имперіи, Крымъ-Гирея.

Первый (1769) годъ войны прошелъ безъ всякаго результата по неспособности и великаго визиря, и русскаго главнокомандующаго, князя Голицына. Потомъ Голицына смѣнилъ Румянцевъ, начальствовавшій въ семилѣтнюю войну арміею, осаждавшею Кольбергъ (стр. 154). Онъ былъ очень хорошій полководецъ, какъ и новый великій визирь; но Румянцевъ оказалъ большіе успѣхи, такъ что русскіе въ этомъ году подвинулись до Бухареста. Въ слѣдующемъ (1770) году русскія силы состояли изъ трехъ корпусовъ, которыми командовали Румянцевъ, Репнинъ (братъ варшавскаго посланника) и храбрый Бауэръ. Они нанесли великому визирю и татарскому хану нѣсколько страшныхъ пораженій, брали крѣпость за крѣпостью и страшно опустошили земли между Дунаемъ и Крымомъ.

Въ 1771 русскіе дѣйствовали главнымъ образомъ противъ Крыма, въ то же время тѣснили турокъ флотомъ и возбуждали къ возстанію христіанъ, подвластныхъ султану. Въ іюнѣ Долгорукій завоевалъ Крымъ и назначилъ тамъ хана, подвластнаго Россіи. Турки одержали нѣкоторые успѣхи надъ войсками Румянцева, но не умѣли воспользоваться этими успѣхами; въ октябрѣ Румянцевъ, Вейсманъ и Милорадовичъ перешли Дунай и нанесли непріятелю полное пораженіе. По римскому обычаю, Румянцевъ получилъ за это титулъ Задунайскаго, Долгорукій — титулъ Крымскаго; а Алексѣю Орлову, командовавшему флотомъ со славою для себя и для своей императрицы, былъ данъ титулъ Чесменскаго, по имени Чесменской гавани, гдѣ онъ одержалъ главную побѣду. Алексѣй Орловъ былъ одинъ изъ трехъ упомянутыхъ выше братьевъ Орловыхъ.

Григорій Орловъ былъ осыпанъ всевозможными почестями, титулами, помѣстьями и богатствами; всѣ государственныя кассы были въ его распоряженіи, такъ что онъ игралъ милліонами, какъ рублями. Братъ его Алексѣй, подобно ему отличавшійся чрезвычайною физическою силою и надменностью, былъ обезображенъ шрамомъ на лицѣ. И онъ былъ осыпанъ всѣмъ, что имѣетъ цѣну и привлекательность для важныхъ людей. Онъ и его братъ были главными лицами на блистательныхъ праздникахъ императрицы, и она повѣсила портреты Григорія и Алексѣя Орлова рядомъ съ своимъ въ императорскомъ эрмитажѣ, чтобы увѣковѣчить ихъ память. Для Алексѣя была устроена морская экспедиція, расходы на которую были баснословны.

Эта колоссальная экспедиція была предпринята, какъ объявлялось Европѣ, для уничтоженія турецкаго флота и освобожденія подвластныхъ султану христіанъ, а въ дѣйствительности только для прославленія русской императрицы. Алексѣй Орловъ былъ главнымъ командиромъ, братъ его, Ѳедоръ — его помощникомъ. Вся Европа ахала отъ удивленія, слыша, что русское оружіе должно разбить цѣпи турецкихъ христіанъ и возстановить греческое царство. Всѣ изумлялись блестящимъ дѣяніямъ императрицы, которую украсили именемъ Великой; всѣ превозносили и восхищались русскимъ великолѣпіемъ и могуществомъ, нисколько не думая о томъ, какія громадныя суммы истрачены на эту экспедицію, и о невыразимыхъ бѣдствіяхъ, которымъ эта экспедиція подвергла несчастныхъ грековъ. Притомъ слава, которую пріобрѣли флотъ и войско императрицы, была не заслугою Алексѣя Орлова, а исключительно принадлежала командовавшему подъ его начальствомъ Спиридову, и англійскимъ офицерамъ, находившимся почти на всѣхъ корабляхъ; изъ этихъ офицеровъ особенно много содѣйствовалъ русскимъ побѣдамъ адмиралъ Эльфинстонъ, командовавшій одною изъ эскадръ флота.

Русскіе агенты возмутили грековъ еще до прибытія русскаго флота. Когда онъ пришелъ, было высажено на берегъ нѣсколько русскихъ батальоновъ поддерживать инсургентовъ. Но этихъ батальоновъ было недостаточно, а сами греки были способны только на хищническіе набѣги и на мстительныя жестокости. Когда русскіе покинули ихъ, они подверглись ужасающему мщенію турокъ. На морѣ русскіе были счастливы. 5 іюля Спиридовъ разбилъ турецкій флотъ у Хіоса; разбитый флотъ на свое несчастіе ушелъ въ тѣсную Чесменскую гавань; тамъ онъ былъ запертъ и сожженъ, такъ что отъ огня уцѣлѣло только шесть мелкихъ кораблей, захваченныхъ русскими. Алексѣй Орловъ тотчасъ уѣхалъ въ Петербургъ и праздновалъ тамъ великолѣпнѣйшіе тріумфы. По его возвращеніи въ Турцію командиры русскаго флота совершили еще нѣсколько славныхъ подвиговъ, которыхъ мы не станемъ перечислять.

Въ 1772 открылся въ Фокшанахъ мирный конгресъ; Григорій Орловъ явился на него съ такою пышностью, съ какою являлись людямъ только самые могущественные государи. Онъ держалъ себя на конгресѣ съ высокомѣріемъ повелителя, непризнающаго на свѣтѣ никого и ничего, кромѣ себя и своей воли. Говорятъ, онъ нарочно оскорблялъ турокъ въ Фокшанахъ, чтобы война возобновилась. Но проживъ мѣсяцъ, онъ уѣхалъ изъ Фокшанъ.

Переговоры были прерваны отъѣздомъ Орлова, потомъ возобновлены, но русскіе и турки не успѣли согласиться, и весною 1773 война возобновилась. Русскими командовали Румянцевъ, Вейсманъ, Долгорукій, Суворовъ и Каменскій; турки противились имъ въ этомъ году искуснѣе прежняго: Гассанъ-паша, турецкій главнокомандующій, былъ хорошій генералъ, а французскіе офицеры произвели улучшенія въ турецкой арміи. Но рѣшительныхъ дѣйствій въ 1773 не было. Зимою турки могли бы заключить очень выгодный миръ, потому что казакъ Пугачевъ угрожалъ Россіи междоусобною войною, а поляки, надъ которыми совершился тогда первый раздѣлъ ихъ государства, казалось, рѣшились на серьезное сопротивленіе. Но улемы, т. е. богословы-юристы, турецкіе іезуиты, по слѣпому фанатизму заставили пропустить благопріятное время. Въ январѣ слѣдующаго (1774) года турки были совершенно разбиты, потому что въ ихъ войскѣ водворился безпримѣрный безпорядокъ, и Румянцевъ окружилъ армію великаго визиря подъ Шумлою такъ, что турки не могли ни отступить, ни напасть на русскихъ. Теперь они должны были согласиться на миръ. Россія желала его по политическимъ причинамъ; поэтому Румянцевъ предложилъ тѣже условія, какія предлагались прежде, и миръ былъ заключенъ въ Кучукъ-Кайнарджи въ іюлѣ 1774. Кучукъ-Кайнарджійскій договоръ обрекалъ турецкую имперію полнѣйшему распаденію. Правда, Россія возвращала сдѣланныя ею завоеванія, кромѣ Азова и нѣсколькихъ другихъ городовъ. Но она получала свободу плаванія по Черному и по Мраморному морямъ съ свободнымъ пропускомъ ея судовъ черезъ Дарданеллы, отнимала у турокъ власть надъ татарскими землями по Черному морю, ослабляла зависимость Молдавіи и Валахіи отъ Турціи, принимала эти княжества подъ свое покровительство и давала туркамъ предписанія о томъ, каковы должны быть ихъ отношенія къ европейскимъ путешественникамъ, посланникамъ и консуламъ.

3. Первый раздѣлъ Польши и возстаніе Пугачева.

Между тѣмъ польское государство было приведено въ самое печальное состояніе и лишено прекраснѣйшихъ своихъ областей могущественными сосѣдями. При началѣ турецкой войны по Польшѣ ходили русскіе солдаты, а буйные конфедераты получали отъ французовъ деньги; кромѣ того Шуазёль, тогдашній французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, прислалъ имъ офицеровъ, въ числѣ которыхъ былъ Дюмурье, прославившійся потомъ въ революціонную войну. Русскія субсидіи и любезности русскаго посланника Волконскаго отвлекали поляковъ отъ соединенія на защиту родины, такъ что они не воспользовались выгоднымъ для нихъ временемъ турецкой войны. Но русскія войска оставались въ Польшѣ, и поляки начали питать къ русскимъ непримиримую ненависть. Множество поль-

скихъ дворянъ было отослано въ Россію генералами **Веймарномъ**, **Девицемъ** и **Суворовымъ** (Суворовъ положилъ основаніе своей военной славѣ побѣдою надъ поляками въ 1770). Черезъ нѣсколько времени Екатерина отозвала Волхонскаго изъ Варшавы и прислала на его мѣсто Сальдерна, который столько же отличался суровостью, сколько познаніями и дипломатическимъ искусствомъ.

Сальдернъ началъ съ того, что подавилъ партію, стремившуюся примирить всѣ конфедераціи другъ съ другомъ и съ правительствомъ, чтобы отстранить вмѣшательство чужихъ державъ. Уничтоживъ эту партію, Сальдернъ сталъ повелительно говорить съ конфедераціями, съ жителями Варшавы и съ самимъ королемъ. Король, нисколько не заботясь о всеобщемъ бѣдствіи и хаосѣ, продолжалъ вести свою веселую и блестящую придворную жизнь. Конфедераты уничтожили и послѣдній остатокъ уваженія націи къ нему. Пулавскій съ отрядомъ конфедератовъ 3 ноября 1771 окружилъ короля на улицѣ и увезъ его, чтобы держать въ своей власти; но счастливый случай освободилъ короля, когда его успѣли отвезти только на три часа отъ Варшавы. Австрія, которая прежде давала конфедератамъ тайную поддержку, теперь согласилась съ Россіею и Пруссіею завладѣть частью польскаго государства. Условившись въ этомъ, русскіе ввели въ Польшу войска, безъ которыхъ могли на время обойтись на Прутѣ и на Дунаѣ, совершенно побѣдили и разсѣяли конфедератовъ. Тогда три державы, согласившіяся увеличить свои владѣнія на счетъ Польши, окончательно условились о дѣлежѣ. По уничтоженіи конфедератовъ имъ оставалось имѣть дѣло только съ ничтожнымъ правительствомъ Понятовскаго, а русскія войска уже занимали Польшу; поэтому дѣлежъ польскихъ областей (**первый раздѣлъ Польши**) не представлялъ никакихъ затрудненій.

До сихъ поръ нельзя опредѣлительно рѣшить вопроса, кто былъ первымъ составителемъ плана, чтобы Россія, Австрія и Пруссія соединились для дѣлежа Польши, да для исторіи и не важно, кто первый вздумалъ это. Фактически достовѣрно слѣдующее. Когда Екатерина начала свою первую турецкую войну, Кауницъ нашелъ нужнымъ устранить прежнюю враждебность между Австріею и Пруссіею и устроить тѣсную дружбу между ними. Съ этою цѣлью въ августѣ 1769 императоръ Іосифъ II отправился въ Нейссе посѣтить короля прусскаго, бывшаго тогда въ Силезіи. Черезъ годъ Фридрихъ II заплатилъ визитъ, пріѣхавъ къ Іосифу въ его лагерь близъ моравскаго мѣстечка Нейштадта. На обоихъ этихъ свиданіяхъ была рѣчь о польскихъ и турецкихъ дѣлахъ; говорятъ, что тутъ и былъ составленъ планъ раздѣла польскихъ провинцій между тремя державами. При нейштадскомъ свиданіи былъ и Кауницъ, содѣйствіе котораго было особенно важно, потому что Марія Терезія не хотѣла слышать о такомъ насиліи, и нужно было очень много труда, чтобы вынудить у нея согласіе. Вскорѣ послѣ нейштадтскаго свиданія, братъ Фридриха, Генрихъ, отправился посѣтить свою сестру, королеву шведскую, чтобы подъ этимъ предлогомъ съѣздить по пути въ Петербургъ, не возбуждая шума такимъ визитомъ, и переговорить съ Екатериною. Онъ прожилъ въ Петербургѣ до января 1771 и покончилъ соглашеніе о раздѣлѣ Польши. Но надобно было еще довольно много времени на то, чтобы Россія, Австрія и Пруссія условились между собою о подробностяхъ дѣлежа. Лѣтомъ это было порѣшено, и 3 августа 1771 былъ заключенъ окончательный договоръ. Между тѣмъ, какъ мы говорили, русскія войска разсѣяли конфедератовъ и заняли Польшу. Заключивъ договоръ о дѣлежѣ, условившіяся въ немъ державы заняли тѣ части Польши, какія присудили себѣ взять. Только уже послѣ этого явился манифестъ, объявлявшій полякамъ и остальному свѣту о произведенномъ раздѣлѣ. Основанія и оправданія этому дѣлу, выставляемыя манифестомъ, совершенно походятъ на тѣ, какія приводилъ Бонапартъ въ своихъ декретахъ.

Къ тому была прибавлена и насмѣшка: потребовали отъ польскаго короля и сейма формальнаго согласія на расхищеніе польскихъ областей. Станиславъ Понятовскій обнародовалъ протестъ, написанный великимъ канцлеромъ польскимъ; онъ очень основательно опровергалъ софизмы манифеста, изданнаго Россіею, Австріею и Пруссіею, но, конечно, не помогъ дѣлу. Три державы принудили польскій сенатъ созвать сеймъ. Изъ 120 сенаторовъ явилось въ засѣданіе только человѣкъ 30; получивъ отъ нихъ распоряженіе о созваніи сейма (19 апрѣля),

имъ уже не дозволили снова имѣть засѣданій. Князь Чарторійскій и нѣкоторые другіе магнаты, устроивъ частное собраніе, протестовали противъ созванія сейма, но это осталось безъ послѣдствій. Какъ только открыли сеймъ, его заставили принять форму конфедераціи, передать всѣ свои права комитету, составленному изъ его членовъ. Комитетъ долго и очень твердо отказывался согласиться на требованія трехъ державъ. Но его принудили покориться требованію трехъ державъ (въ августѣ 1773). Снова былъ собранъ сеймъ; онъ имѣлъ форму конфедераціи; поэтому на немъ для рѣшенія нужно было не единогласіе, а только большинство голосовъ; договоръ о раздѣлѣ польскихъ областей былъ принятъ большинствомъ, но только 2 голосовъ.

Польская нація теряла по этому договору третью часть своихъ владѣній; Россія получила 2,200 квадр. миль съ 1, 500,000 населенія; Австрія—болѣе 1,500 квадр. миль съ 2,500,000 населенія; Пруссія 700 квадр. миль съ 900,000 населенія, т. е. Россія получила самую большую, но наименѣе населенную и плодородную долю, Австрія самую плодородную и доходную, Пруссія самую меньшую, но самую важную въ политическомъ отношеніи. Польское государство потеряло 5,000,000 населенія и сохранило пространство только въ 9,570 квадр. миль.

По уступкѣ такихъ огромныхъ областей сенатъ, король и сеймъ были принуждены произвести въ польской конституціи тѣ измѣненія, какихъ требовали иноземцы. Сеймъ сопротивлялся до апрѣля 1775, и во все это время народъ среди мира подвергался всѣмъ страданіямъ войны. Наконецъ въ апрѣлѣ 1775 измѣненія были приняты. Сущность ихъ была слѣдующая: Польша объявляется на вѣчныя времена избирательнымъ королевствомъ; никакой иностранецъ не можетъ быть избранъ въ короли; форма правленія должна оставаться республиканскою; исполнительная власть передается постоянному совѣту изъ 36 лицъ.

Въ то время, когда Екатерина предписывала законы полякамъ и туркамъ и отнимала у нихъ земли, въ русскомъ государствѣ поднялось и было подавлено возстаніе. Источникомъ его было распространенное въ простомъ народѣ мнѣніе, будто императоръ Петръ III живъ. Являлось уже нѣсколько обманщиковъ, выдававшихъ себя за Петра; наконецъ 1773 это имя принялъ простой донской казакъ, Пугачевъ, нашелъ приверженцевъ между раскольниками, къ которымъ принадлежали почти всѣ уральскіе казаки, и скоро собралъ большое войско. Онъ повелъ его съ рѣки Яика или Урала внутрь Россіи. Неосторожность генераловъ, посланныхъ противъ него, доставила ему нѣсколько успѣховъ надъ войсками императрицы. Народъ стекался массами къ мнимому императору Петру; даже подъ Москвою и въ самой Москвѣ народъ ждалъ только его приближенія, чтобы подняться. Бунтъ былъ страшенъ еще потому, что татары, киргизы и башкиры готовились воспользоваться имъ для возстанія. Но свирѣпости, совершавшіяся грубыми полчищами Пугачева, отталкивали отъ него всякаго образованнаго и вліятельнаго человѣка, который могъ бы придать возстанію значеніе, да и самъ Пугачевъ былъ не такой человѣкъ, который могъ бы привести дѣло къ удачному концу и внушить довѣріе угнетеннымъ. Раскольникъ и грубый варваръ, онъ раздражалъ духовенство и народъ разрушеніемъ церквей и монастырей, не сдерживалъ канибальской ярости своихъ дикихъ ордъ, а въ военныхъ движеніяхъ дѣлалъ ошибки, навлекавшія на него неминуемую гибель.

Разбивъ войска императрицы, онъ пошелъ на сѣверъ и уже чеканилъ монету съ своимъ портретомъ, какъ законный государь. Весной и лѣтомъ 1774 генералъ Михельсонъ разъ шесть или семь разбивалъ его войска, и они два раза покидали его; но оба раза около него собиралось новое войско, и возстаніе возобновлялось страшнѣе прежняго. Наконецъ ошибками, о которыхъ мы упомянули, Пугачевъ погубилъ себя. Ему надобно было, во что бы то ни стало, овладѣть Москвою, центромъ стараго русскаго элемента, а онъ вмѣсто того пошелъ на Казань и застоялся въ этомъ городѣ, занимаясь грабежомъ; это дало время Михельсону снова настигнуть и прогнать его. Спускаясь внизъ по Волгѣ, онъ опять собралъ до 20,000 человѣкъ; они опустошали на своемъ пути всѣ поля и убивали тысячи людей; но 24 августа 1774 были перебиты и разсѣяны Михельсономъ. Пугачевъ переплылъ Волгу, скрылся въ степи, имѣя при себѣ

человѣкъ 60 вѣрнѣйшихъ друзей. Тутъ въ ноябрѣ постигла его гибель. Лучшій его другъ, попавшись въ плѣнъ, согласился выдать его; съ нѣсколькими другими сообщниками этотъ человѣкъ схватилъ Пугачева и представилъ русскимъ командирамъ. Они посадили его въ клѣтку, какъ хищнаго звѣря, и привезли въ Москву; тамъ въ январѣ 1775 онъ былъ казненъ съ нѣсколькими своими приверженцами; изувѣченный трупъ его былъ выставленъ на позоръ и черезъ нѣсколько дней сожженъ.

XI. ВНУТРЕННЯЯ ИСТОРІЯ АНГЛІИ

ВО ВРЕМЯ ПИТТА СТАРШАГО И ОТПАДЕНІЕ АМЕРИКАНСКИХЪ КОЛОНІЙ.

---

1. Англія и Сѣверо-американскія колоніи до министерства Норта.

Между тѣмъ какъ въ другихъ государствахъ цивилизованнаго свѣта дѣлались реформы или революціи, чтобы утвердить военную монархію на счетъ духовной и свѣтской аристократіи, въ Англіи, въ Сѣверной Америкѣ, Голландіи и Бельгіи начались народныя движенія, происходившія изъ демократическихъ принциповъ или по крайней мѣрѣ имѣвшія съ ними связь. Мы сначала скажемъ о внутреннихъ волненіяхъ въ Англіи и объ отпаденіи Сѣверной Америки, происшедшемъ въ одно время съ ними; потомъ перейдемъ къ движеніямъ, бывшимъ въ Бельгіи и въ Голландіи.

Въ Англіи съ 1760 царствовалъ Георгъ III, государь, котораго мать и ея довѣренный другъ, лордъ Бьютъ, воспитали въ понятіяхъ не пригодныхъ для короля Англіи. Взойдя на престолъ, онъ тотчасъ сталъ вмѣшиваться въ правительственныя дѣла, скоро вытѣснилъ изъ министерства Питта Старшаго, рожденнаго быть правителемъ государства (стр. 123), и замѣстилъ его лордомъ Бьютомъ, шотландцемъ, неимѣвшимъ фамильныхъ связей въ Англіи и лишеннымъ всѣхъ талантовъ, которыми Питтъ справедливо пріобрѣлъ славу, не смотря на свой недостатокъ—чрезвычайную гордость. Когда Бьютъ былъ принужденъ уступить власть другимъ министрамъ, король поссорился съ ними, съ аристократіею, въ рукахъ которой была власть, и съ гражданами Лондона; раздоры эти были такъ сильны, что составляютъ главное содержаніе исторіи его царствованія до 1784. Министры и аристократы видѣли опасность своей привычной власти въ монархической гордости Георга и въ продолжающемся вліяніи лорда Бьюта на короля. Поэтому они нападали на Георга и его любимца. Но часть аристократіи, не довольствуясь обыкновенными интригами, призвала на помощь себѣ демократическія идеи, которыя проповѣдовалъ Руссо. Этимъ были возбуждены сильныя народныя движенія, продолжавшіяся съ 1764 до 1783. При всемъ грозномъ своемъ видѣ они нисколько не измѣнили существующаго порядка, но имѣли на политическія понятія націи такое вліяніе, что въ Англіи возникла радикальная партія, которая въ прежнее время не существовала. Въ объясненіе этихъ движеній, да и всей новѣйшей исторіи Англіи, надобно замѣтить, что со временъ Вальполя, имена «виги» и «тори» уже не обозначали противоположности въ политическомъ образѣ мыслей и въ стремленіяхъ двухъ партій, носившихъ эти названія. Тори и виги были, начиная съ этого времени, не больше, какъ двѣ разныя группы аристократическихъ фамилій съ ихъ кліентами, боровшіяся между собою за должности, пенсіи, парламентскія мѣста и другія внѣшнія выгоды власти и различавшіяся между собою только оттѣнками своего аристократизма.

Сильное демократическое движенiе, въ теченiе долгихъ лѣтъ грозившее, повидимому, революцiею, было произведено въ Англiи парижскимъ миромъ, заключеннымъ въ февралѣ 1763 (стр. 157). Сначала главнымъ дѣятелемъ былъ демагогъ и журналистъ Вилькcъ, человѣкъ пошлый, глубоко презираемый всѣми честными людьми, но получившiй совершенно незаслуженное безсмертiе, благодаря ненависти къ нему короля, министровъ и парламента. Онъ отличался талантомъ писать умно, ѣдко и гладко, и умѣлъ попадать въ тонъ толпы именно потому, что былъ пошлъ. Нѣкоторое время онъ былъ другомъ разгульныхъ аристократовъ и товарищемъ ихъ пирушекъ, получилъ чрезъ нихъ мѣсто въ нижней палатѣ и служилъ для нихъ составителемъ политическихъ памфлетовъ. Но потомъ онъ поссорился съ ними, сталъ преслѣдовать ихъ грязными пасквилями, имѣлъ за это дуэль, потомъ подвергался суду, запутывался въ другiя дурныя дѣла и былъ преслѣдуемъ кредиторами. Въ 1763 въ газетѣ «Сѣверный Британецъ» онъ напалъ на королевскую тронную рѣчь, объявлявшую о заключенiи мира, лично на короля и на министровъ. Его статья была такъ груба, что онъ навѣрно былъ бы осужденъ, если бы его подвергли обыкновенному законному суду. Но король и дѣйствовавшие по его порученiю министры, Эгремонтъ и Галифаксъ, нарушили въ своемъ раздраженiи законныя формы, которыя нигдѣ такъ не уважаются народомъ, какъ въ Англiи. Этимъ они сами дали Вильксу оружiе противъ себя и обратили дѣло ничтожнаго памфлетиста въ дѣло всей нацiи.

По распоряженiю министровъ Вильксъ былъ арестованъ. Но скоро (6 мая 1763) судъ обыкновенныхъ тяжбъ (Cour of Common Pleas) освободилъ его, потому что членъ парламента не можетъ быть арестованъ за то, что пишетъ. Министры стали преслѣдовать Вилькса посредствомъ безусловно преданнаго имъ парламента, который, въ угожденiе имъ, нарушилъ собственныя свои права: онъ рѣшилъ, что статья Вилькса есть противозаконный пасквиль, возбуждающiй къ мятежу, хотя по закону такое рѣшенiе можетъ постановлять только судъ. Но парламентъ, принявъ такое рѣшенiе, изгналъ Вилькса изъ числа своихъ членовъ и велѣлъ сжечь рукою палача тотъ нумеръ газеты, въ которомъ была напечатана осужденная статья. Эти мѣры измѣняли существующiй законъ по дѣлу одного человѣка въ угожденiе королю, и потому вызвали сильное волненiе. 17 чел. верхней палаты публично протестовали противъ такого образа дѣйствiй парламента и правительства. Столичная чернь почти ежедневно бушевала и дѣлала насилiя, а когда хотѣли сжечь статью Вилькса, то она прогнала полицiю и вырвала статью у палача. Судилища принимали жалобы на людей, которые исполняли распоряженiе министровъ противъ Вилькса, присудили ихъ заплатить вознагражденiе и назначили штрафъ больше того, какой былъ бы назначенъ при другихъ обстоятельствахъ. Король былъ такъ неблагоразуменъ, что принялъ это дѣло за свое личное. Онъ заплатилъ изъ своей кассы штрафы, наложенные на виновныхъ, и объявилъ, что не дастъ никакой должности или награды никому изъ участвовавшихъ въ процессѣ Вилькса и въ торжествахъ, дававшихся въ честь ему.

Вмѣстѣ съ этимъ правительство предало Вилькса суду за другой памфлетъ, въ которомъ были очень грязныя, безнравственныя выходки и осмѣивались нѣкоторые перы. Англичане, народъ строго осуждающiй нарушенiе религiозныхъ и нравственныхъ приличiй, должны были отвернуться отъ Вилькса, какъ отъ человѣка безбожнаго и безнравственнаго, а многочисленные кредиторы Вилькса грозили посадить его въ тюрьму за долги, когда онъ по исключенiи изъ парламента потерялъ привилегiю парламентскихъ членовъ; поэтому онъ разсудилъ уѣхать изъ Англiи, чтобы во Францiи выждать болѣе благопрiятнаго времени. Онъ не явился къ суду и былъ приговоренъ считаться лишеннымъ правъ (outlaw), пока не явится въ судъ и не подчинится его власти. Черезъ четыре года (въ 1768), когда борьба съ королемъ и министрами разгорѣлась очень сильно, оппозицiя нашла полезнымъ для своихъ плановъ призвать Вилькса въ Англiю и снова доставить ему мѣсто въ парламентѣ.

Между тѣмъ у Англiи началась ссора съ Сѣверо-американскими колонiями, имѣвшая результаты чрезвычайно важные для новѣйшей исторiи. Она была возбуждена попыткою Георга и его министровъ подвергнуть Сѣвероамериканскiя колонiи налогамъ, установленнымъ англiйскимъ парламентомъ. Соб-

ственно говоря, не было бы несправедливо требовать налоговъ отъ колоній, потому что Англія главнымъ образомъ для ихъ выгоды принимала участіе въ семилѣтней войнѣ, такъ сильно увеличившей ея государственный долгъ. Да и сами американцы не отказывались давать отъ себя деньги на государственные расходы; они были готовы платить больше, чѣмъ сколько доставилъ бы требуемый отъ нихъ налогъ, но платить добровольно. Они были совершенно правы, отвергая власть англійскаго парламента установлять налоги въ Америкѣ; они не соглашались, чтобы парламентъ установлялъ у нихъ налоги, потому что они не имѣли въ немъ представителей и притомъ большинство его членовъ были представители не англійскаго народа, а англійской аристократіи. Они основывали свой отказъ на положительномъ правѣ и на документахъ, но также и на общемъ естественномъ и человѣческомъ правѣ. Такимъ образомъ въ спорѣ между Англіею и Америкою шелъ вопросъ объ общихъ принципахъ, а новое не могло тогда ужиться со старымъ; поэтому борьба сѣверо-американцевъ съ Англіею была зародышемъ европейскихъ революцій, которыя начались вслѣдъ за нею. Общечеловѣческій характеръ сѣверо-американской революціи виденъ изъ рѣчей Питта Старшаго, изъ саркастическихъ статей демократическаго направленія, печатавшихся тогда въ одной изъ англійскихъ газетъ подъ именемъ «Писемъ Юніуса», изъ громаднаго впечатлѣнія, которое онѣ производили, изъ совѣщаній сѣверо-американскаго конгреса; но разумѣется, всего очевиднѣе онъ изъ самаго хода сѣверо-американской революціи. Мы приведемъ только два отрывка изъ рѣчей Питта. Въ 1765 онъ говорилъ парламенту: «Право установлять налоги не принадлежитъ ни правительству, ни законодательной власти; всякій налогъ есть добровольный даръ, даваемый исключительно нижнею палатою, а содѣйствіе верхней палаты и короны нужно при этомъ лишь для формы. Но нижняя палата представляетъ собою только великобританскій народъ; поэтому она можетъ дарить только то, что принадлежитъ великобританскому народу. Говорить, что она можетъ распоряжаться собственностью американцевъ, — чистая нелѣпость.» Въ заключеніе своей знаменитой рѣчи, произнесенной въ маѣ 1774 въ верхней палатѣ, Питтъ говоритъ: «Мое твердое и непоколебимое убѣжденіе, которое я унесу съ собою въ гробъ, всегда было то, что наша страна не имѣетъ права установлять налоговъ въ американскихъ колоніяхъ. Ихъ установленіе противно всѣмъ принципамъ справедливости и политическаго благоразумія; оно противно тому существенному и вѣчному естественному праву, которое служитъ основнымъ принципомъ британской конституціи, тому праву, что все, честно пріобрѣтенное человѣкомъ, есть его безусловная собственность, которою онъ можетъ располагать свободно и которая не можетъ быть взята у него безъ его согласія.»

Споръ начался весною 1765. По согласію съ министерствомъ, главою котораго, послѣ отставки лорда Бьюта (въ 1763) былъ лордъ Гренвиллъ, англійскій парламентъ установилъ въ сѣверо-американскихъ колоніяхъ штемпельную пошлину. Это произвело въ нихъ величайшее волненіе, и результатомъ было то, что въ октябрѣ 1765 въ Нью-Йоркѣ собрался конгресъ депутатовъ отъ колоній, которыхъ тогда было 13. Онъ отправилъ жалобы и возраженія въ Англію и организовалъ формальное сопротивленіе сбору пошлины. Споръ въ Сѣверной Америкѣ скоро дошелъ до размѣровъ, очень затруднительныхъ для англійскаго правительства и тяжелыхъ для англійскихъ купцовъ. Никто не хотѣлъ покупать гербовую бумагу, никто не хотѣлъ и служить сборщикомъ штемпельной пошлины. Гербовую бумагу повсюду уничтожали, жгли бумаги и контроли сборщиковъ пошлины. Гражданскія судилища прекратили дѣлопроизводство, чтобы не употреблять гербовой бумаги. Морская торговля остановилась, потому что для отправленія корабля надобно было бы брать гербовую бумагу; отъ этого грозили огромныя потери англійскимъ фабрикантамъ и англійскимъ кредиторамъ американскихъ купцовъ.

Въ это время Георгъ III уже удалилъ изъ кабинета лорда Гренвилля и его товарищей за то, что они непремѣнно хотѣли дать отставку всѣмъ друзьямъ лорда Бьюта, которые занимали вліятельныя должности. Главою новаго министерства, составившагося въ іюлѣ 1765, былъ маркизъ Рокингемъ. Новые министры, вступая въ кабинетъ, рѣшились отмѣнить штемпельную пошлину; но

при упрямствѣ короля и многихъ англичанъ они не могли сдѣлать этого раньше марта 1766, когда помощью авторитета сѣверо-американскаго купца Бенджамена Франклина успѣли склонить общественное мнѣніе въ пользу этой мѣры. Бенджаменъ Франклинъ, получившій съ этой поры величайшее вліяніе на Сѣверную Америку и на ея отношенія къ Англіи, былъ истый типъ сѣверо-американца. Онъ обладалъ всѣми качествами такъ называемыхъ практическихъ людей; мысли его были исключительно обращены на реальныя цѣли жизни; ему были смѣшны,—хотя онъ, какъ человѣкъ разсчетливый, не высказывалъ этого публично или вслухъ,—всякая восторженность и идеальность. Родившись въ большой бѣдности, онъ трудомъ и умомъ пріобрѣлъ себѣ значительное состояніе и давно доставилъ себѣ и своимъ друзьямъ сильное вліяніе, какъ основатель типографій и журналистъ. Давно пріобрѣлъ онъ и ученую знаменитость философскими и политическими сочиненіями, наблюденіями и опытами по физикѣ, въ особенности открытіемъ электричества громовыхъ облаковъ. Благодаря всему этому, онъ сталъ, какъ политическій человѣкъ и литераторъ, важнѣйшимъ лицомъ во всѣхъ тринадцати областяхъ своего отечества. Въ 1757 пенсильванцы выбрали его своимъ агентомъ при англійскомъ министерствѣ, а когда Рокингемъ вздумалъ опереться на его авторитетъ, онъ былъ посланъ и въ Лондонъ съ такимъ же порученіемъ. По настоянію Рокингема, Франклинъ былъ приглашенъ въ парламентъ, какъ человѣкъ хорошо знакомый съ положеніемъ дѣлъ въ Сѣверной Америкѣ и почитаемый безпристрастнымъ, чтобы объяснить парламенту положеніе вопроса въ Сѣверной Америкѣ. Эти объясненія, сообщенныя газетами и особою брошюрою всей публикѣ, произвели дѣйствіе, какого желало министерство: парламентъ скоро согласился принять мѣру, которая, отмѣняя штемпельный налогъ, съ тѣмъ вмѣстѣ должна была,—по крайней мѣрѣ такъ надѣялись,—удовлетворить короля и тѣхъ англичанъ, которые раздѣляли его образъ мыслей. Парламентъ уничтожилъ штемпельный налогъ, но при этомъ объявилъ, что Англія имѣетъ и сохраняетъ право установлять налоги въ Сѣверной Америкѣ. Американцы остались довольны этимъ рѣшеніемъ, потому что, какъ люди практическіе, смотрѣли только на фактическую его сторону, не придавая важности словамъ; притомъ вслѣдъ за этимъ рѣшеніемъ было сдѣлано еще нѣсколько распоряженій, благопріятныхъ Сѣверной Америкѣ. Но иначе приняли дѣло Георгъ и строгіе аристократы.

Они были такъ раздражены оборотомъ, какой далъ дѣлу Рокингемъ, что министерство было принуждено выйти въ отставку. Главою новаго министерства сталъ герцогъ Графтонъ, человѣкъ бездарный, важный только по своему фамильному вліянію. Членами министерства были друзья и родственники лорда Бьюта, которыхъ Георгъ имѣлъ орудіями и считалъ опорами своего упрямаго произвола. Но чтобы придать министерству популярность, въ него приняли троихъ патріотовъ, Питта Старшаго, котораго сдѣлали перомъ съ титуломъ графа Чатама, лорда Шельборна, друга Питта, и верховнаго судью Пратта, котораго также сдѣлали перомъ съ титуломъ лорда Камдена. Лордъ Чатамъ полагалъ, что удовлетворитъ своихъ аристократическихъ товарищей, предоставивъ имъ выгоды и внѣшнія почести, а управленіе дѣлами удержитъ за собою и за своими друзьями, которые, подобно ему, только изъ патріотизма согласились вступить въ министерство Графтона и друзей Бьюта. Но скоро онъ увидѣлъ, что ошибся; притомъ его здоровье было уже слабо; поэтому онъ удалился отъ участія въ дѣлахъ (еще въ 1767), а черезъ нѣсколько времени (въ октябрѣ 1768) и вовсе сложилъ съ себя имя министра.

Приближенные короля, составлявшіе новое министерство, были всѣ до одного люди въ родѣ герцога д'Эгильйона и другихъ блестящихъ версальскихъ развратниковъ; эти царедворцы не имѣли отечества, а знали только свой кружокъ и самихъ себя; цѣль у нихъ была только милость короля, награда—удовлетвореніе своему тщеславію. Скоро они сдѣлали своимъ товарищемъ лорда Норта, давъ ему мѣсто канцлера казначейства. Это былъ человѣкъ посредственнаго ума, но ловкій ораторъ, а въ особенности человѣкъ отличавшійся презрѣніемъ къ политической нравственности и къ общественному мнѣнію. Само собою разумѣется, что министерство, составленное изъ такихъ людей, приняло къ исполненію любимую мысль короля—установленіе налога въ Сѣверной Америкѣ; но не раньше, какъ въ 1770 министерству удалось исполнить это. Въ парламентѣ, который су-

ществовалъ до той поры,—онъ былъ созванъ въ маѣ 1768, — большинство безусловно слѣдовало за министрами; но партія Рокингема составляла сильную оппозицію, и она стала еще грознѣе, когда осенью 1768 изъ министерства вышли лорды Чатамъ и Шельборнъ, а вслѣдъ за ними и лордъ Камденъ.

Выборы въ этотъ парламентъ возвратили въ Англію демагога Вилькса. Оппозиція хотѣла воспользоваться его журналистскимъ талантомъ и демагогическимъ вліяніемъ, поэтому заплатила его долги и доставила ему мѣсто въ нижней палатѣ, а чтобы онъ имѣлъ больше значенія, оппозиція сдѣлала его представителемъ не какого-нибудь маленькаго мѣстечка, въ которомъ выборы зависятъ отъ одной фамиліи, а представителемъ графства Миддльсекскаго, къ которому принадлежитъ Лондонъ. Выборъ былъ торжествуемъ съ необыкновенною радостью, какъ побѣда народа надъ королемъ и министрами. Но прежде, чѣмъ вступить въ парламентъ, Вильксу надобно было явиться въ судъ, чтобы быть возстановленнымъ въ политическихъ правахъ. Онъ явился въ судъ 27 мая 1768 при большомъ волненіи народа, разгоряченнаго демагогами, а можетъ быть, и полицейскими мѣрами. Еще больше волненія было при открытіи парламента (10 мая 1768). Толпа такъ шумѣла и бушевала, что были призваны войска, стрѣляли по народу и убили больше 20 человѣкъ. Этимъ воспользовались, чтобы разжечь сильнѣйшую ненависть къ правительству. Но парламентъ былъ тогда открытъ только для формы, и черезъ нѣсколько времени его засѣданія было отсрочены до ноября. Въ этотъ промежутокъ времени процессъ Вилькса былъ рѣшенъ однимъ изъ высшихъ судилищъ. Пренія процесса продолжались съ 10 до 18 іюня при безпримѣрномъ стеченіи народа и кончились очень суровымъ приговоромъ, потому что президентомъ суда былъ лордъ Мансфильдъ, человѣкъ безусловно преданный королю. Вильксъ былъ присужденъ къ десяти-мѣсячному заключенію въ тюрьму, къ штрафу въ 1,000 фунтовъ и къ представленію поручительства на семь лѣтъ въ томъ, что не будетъ вновь нарушать законовъ. Онъ апеллировалъ къ верхней палатѣ, такъ что на зиму готовились новыя сцены волненія. Надобно было ожидать, что смятенія будутъ еще сильнѣе прежнихъ, потому что раздраженіе народа было очень увеличено опрометчивостью одного изъ министровъ, лорда Веймута. Онъ написалъ приказъ, въ которомъ хвалилъ энергію солдатъ, стрѣлявшихъ по народу; Вильксъ напечаталъ этотъ приказъ съ такимъ злымъ комментаріемъ, что Веймутъ при возобновленіи засѣданій парламента обвинялъ его въ нарушеніи парламентскихъ привилегій.

Возобновивъ засѣданія, въ ноябрѣ 1768, парламентъ началъ свою дѣятельность опрометчивымъ порицаніемъ Вилькса за его нападеніе на лорда Веймута. Въ февралѣ парламентъ сдѣлалъ еще худшую неосторожность: онъ исключилъ Вилькса изъ числа своихъ членовъ, все за ту же обиду, нанесенную Веймуту. Раньше того, въ январѣ, верхняя палата отвергла апелляцію Вилькса. Всѣ эти ошибки служили только тому, что раздраженіе народа усиливалось, а оппозиція искусно пользовалась имъ. Безъ большихъ трудовъ она устроила, что Вильксъ былъ снова избранъ при новомъ выборѣ, назначенномъ въ графствѣ Миддльсекскомъ по его исключеніи. А между тѣмъ уже происходили сцены, какія бываютъ только въ революціонныя времена. Почти ежедневно народъ, возбуждаемый оппозиціею, производилъ смятенія; правительственная партія дѣйствовала противъ нихъ военною силою. Въ посмѣяніе была отпразднована политическимъ фарсомъ годовщина провозглашенія республики въ 1649. И при этомъ случаѣ министры заставили солдатъ стрѣлять въ народъ.

Въ это время революціоннаго волненія явился писатель, съ необыкновенною силою мысли и слова вооружившійся на министровъ и всю владычествующую аристократію; имя этого человѣка осталось тайною. Его статьи, называвшіяся «Письмами Юніуса», печатались въ одной изъ лондонскихъ газетъ, начиная съ 21 января 1769, и потомъ много разъ были перепечатаны отдѣльною книгою. Онъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ людей въ государствѣ — это доказывается тѣмъ, что ему были близко знакомы всѣ политическіе люди и подробности дѣлъ. Его письма — замѣчательное произведеніе и по литературному достоинству; въ этомъ отношеніи, какъ и по силѣ ихъ вліянія съ ними можно сравнять только «Письма съ Горы» Руссо и рѣчи Мирабо. Юніусъ противопоставлялъ первобытный демократическій характеръ англійской конституціи аристократическому характеру

ея въ позднѣйшія времена, ярко изображалъ контрастъ англо-саксонскаго народнаго права, составляющаго истинную основу ея, съ военно-феодальнымъ порядкомъ, который былъ внесенъ норманами и потомъ обратился въ чистое господство аристократіи. Эти письма было громовыми ударами, потому что идея ихъ была нова, высказывалась ясно и сжато, сильно и рѣзко, да и потому, что авторъ съ небывалою смѣлостью разоблачалъ современную исторію и съ революціонною дерзостью топталъ въ грязь первыхъ людей государства.

Авторъ писемъ говорилъ съ презрѣніемъ о личности Вилькса; но дѣло Вилькса стало національнымъ дѣломъ, потому что оно служило ему для рѣзкой полемики противъ парламента и правительства. Когда Вильксъ былъ избранъ во второй разъ, нижняя палата снова объявила его недостойнымъ засѣдать въ ней: но графство Миддльсекское еще два раза выбирало его при повтореніи выборовъ. Оппозиція сдѣлала подписку въ его пользу, обезпечила ему средства жизни, устроила, что городъ Лондонъ далъ ему право гражданства и сдѣлалъ его своимъ альдерменомъ. Парламентъ былъ такъ неблагоразуменъ, что рѣшился на явное насиліе: онъ призналъ депутатомъ Миддльсекскаго графства того кандидата, который получилъ больше голосовъ, чѣмъ другіе, кромѣ Вилькса, получившаго большинство. Это вызвало очень сильныя волненія въ народѣ и самую рѣзкую полемику противъ парламента и правительства. Лондонъ въ концѣ 1769 находился, можно сказать, въ состояніи мятежа. Представленія, которыя подавалъ королю лондонскій городской совѣтъ, были написаны такимъ тономъ, какой послышался потомъ во Франціи во время революціи. Въ письмахъ Юніуса также были угрозы и восклицанія чисто революціоннаго характера. Графтонъ не могъ долго удержаться противъ такихъ нападеній: 28 января 1770 онъ вышелъ въ отставку.

2. Англія и Сѣверо-американскія колоніи съ 1770 до провозглашенія независимости колоній (въ 1776).

По удаленіи Графтона лордъ Нортъ сдѣлался главою новаго министерства. Онъ былъ всѣмъ ненавистенъ, однако болѣе десяти лѣтъ сохранялъ власть тѣмъ, что презиралъ всякія правила чести, справедливости и нравственности, тѣмъ, что былъ боекъ на слова и наглъ. Да и парламентъ былъ ему твердою опорою: господствующая партія видѣла, что среднее сословіе прониклось демократическими тенденціями; стало быть для сохраненія іерархіи надобно было держаться энергически. Лордъ Нортъ и его парламентскіе друзья очень хорошо знали, что если только будутъ имѣть мужество, то не выйдетъ ничего особенно страшнаго изъ движенія, кажущагося такимъ грознымъ; они знали, что оно въ сущности не опасно, потому что англичане до самыхъ нисшихъ слоевъ націи въ теченіе вѣковъ прониклись глубокимъ уваженіемъ ко всему аристократическому, что лондонскіе купцы и юристы, враждующіе противъ короля и аристократіи, не дадутъ дѣлу дойти до взрыва. Вскорѣ по составленіи новаго министерства Лондонъ получилъ совершенно революціонный видъ. Въ мартѣ 1770 лордъ-меръ Бекфордъ и альдермены въ сопровожденіи безчисленнаго множества гражданъ, подали королю адресъ, въ самыхъ смѣлыхъ выраженіяхъ порицавшій министровъ, парламентъ и самаго короля; министры имѣли неосторожность составить для короля отвѣтъ, чрезвычайно оскорбительный для лондонскихъ гражданъ. Король сказалъ имъ, что содержаніе ихъ адреса обидно для него, оскорбительно для парламента и противно основаніямъ конституціи.

Оппозиція пробовала начать въ парламентѣ дѣло объ этомъ отвѣтѣ, но не имѣла успѣха. По окончаніи парламентскихъ засѣданій (23 мая 1770) лордъ-меръ съ альдерменами и городскимъ совѣтомъ снова явился къ королю, жалуясь на полученный отвѣтъ, требуя удаленія министровъ и распущенія парламента. Король далъ отвѣтъ, также приготовленный для него министрами: онъ рѣшительно отвергъ требованія лондонскаго городскаго совѣта и выразилъ порицаніе ему. Бекфордъ, рѣшительный демократъ и республиканецъ, отвѣчалъ на это поступкомъ, нарушавшимъ этикетъ и всѣ принятые обычаи. Онъ попросилъ позво-

ленія сказать нѣсколько словъ на полученный имъ отвѣтъ; король не имѣлъ столько присутствія духа и находчивости, чтобы безъ дальнѣйшаго разговора встать и удалиться или сказать Бекфорду, что аудіенція кончена. Бекфордъ въ присутствіи цѣлаго двора произнесъ демократическую рѣчь въ томъ тонѣ, какимъ говорилъ парижскій меръ Петіонъ въ 1791. Говорятъ, король былъ такъ раздраженъ этою рѣчью, что лицо его налилось кровью. Чтобы охранить его отъ повторенія подобныхъ сценъ, министры запретили лорду-меру являться къ королю съ какимъ бы то ни было адресомъ. Впрочемъ вся ссора лондонскихъ купцовъ и юристовъ съ королемъ не стоила бы того, чтобы упоминать о ней, если бы она происходила не въ такое время.

Обвиняя короля и министровъ въ нарушеніяхъ свободы и правъ націи, ихъ порицали и за то, что для выгодъ своей партіи они замѣщаютъ должности людьми неспособными и для сохраненія мира жертвуютъ честью Англіи. Особенно упрекали ихъ за то, что они не вытребовали отъ Испаніи значительную сумму призовыхъ денегъ, которыя она была должна еще съ семилѣтней войны англійскимъ матросамъ и солдатамъ; за то, что они не поддержали Паоли и корсиканцевъ (стр. 119), и за невыгодное окончаніе спора съ Испаніею о Фокландскихъ островахъ. Споръ этотъ состоялъ въ слѣдующемъ. Въ 1769 испанцы вооруженною силою уничтожили англійскую колонію на Фокландскихъ островахъ; министры, вмѣсто того, чтобы объявить войну, вступили въ переговоры, которые кончились тѣмъ, что Англія получила пустое удовлетвореніе и отказалась отъ колоніи; чтобы не осталось никакихъ документовъ объ этомъ дѣлѣ, переговоры велись изустно. Министры подверглись за это страшнымъ нападеніямъ, какъ предатели отечества и его чести; особенно нападалъ на нихъ Юніусъ. Но они хорошо знали характеръ и духъ своего народа, потому спокойно пренебрегали всѣмъ этимъ шумомъ, какъ дѣломъ не имѣющимъ важности, которую оно могло бы пріобрѣсти только отъ вмѣшательства аристократическихъ противниковъ, а они не имѣли противъ себя аристократической партіи.

Во время этихъ сильныхъ движеній въ Англіи постоянно возрастало и волненіе въ Сѣверной Америкѣ. Въ 1767 Тоуншендъ, канцлеръ казначейства въ министерствѣ герцога Графтона, пріискалъ новую тонкость для исполненія плана брать изъ кармана американцевъ деньги на расходы Англіи по ихъ дѣламъ. Америка могла получать товары только изъ Англіи. Тоуншендъ вздумалъ, что можно установить пошлину на товары, отправляемые въ Америку, потому что англичане, конечно, имѣютъ право облагать пошлиною свои товары. Такъ и было исполнено. Но американцы разрушили этотъ замыселъ, условившись вовсе не покупать англійскихъ товаровъ, пока на нихъ существуетъ особенная пошлина. Исполнить это было легко, потому что нужно было остановить торговлю лишь нѣсколькихъ оптовыхъ негоціантовъ, выписывавшихъ товары изъ Англіи. Черезъ нѣсколько времени (въ 1770) лордъ Нортъ придумалъ третій способъ брать налогъ съ Сѣверной Америки, не вредя англійской торговлѣ; сущность дѣла по прежнему была не въ количествѣ денегъ, ожидаемыхъ отъ налога, а въ правѣ Англіи брать налогъ съ Америки. По совѣту лорда Норта было рѣшено отмѣнить всѣ пошлины съ товаровъ, ввозимыхъ въ Америку, кромѣ небольшой пошлины съ чая, которая удерживалась только для сохраненія принципа. Разумѣется, это не могло кончить спора, потому что подобныя дѣла не рѣшаются полумѣрами; продолженіе раздора было тѣмъ неизбѣжнѣе, что лордъ Нортъ прямо объявилъ въ парламентѣ, что правительство никогда не признаетъ равноправность колоній съ метрополіею и что пошлина съ чая будетъ отмѣнена тогда лишь, если Америка повергнется къ ногамъ министровъ и парламента.

Американцы поступили по прежнему: они условились рѣшительно не покупать никакихъ товаровъ, обложенныхъ пошлиною. Въ 1771 и 1772 ихъ оптовые торговцы или не выписывали чаю, или получали его контрабандою. Убытокъ, понесенный отъ этого остъ-индскою компаніею, заставилъ англійское правительство прибѣгнуть къ новой мѣрѣ: положено было, чтобы сама компанія платила пошлину въ Англіи и продавала въ Америкѣ чай въ розничной торговлѣ черезъ своихъ агентовъ. Этимъ разстроилось бы соглашеніе не выписывать чаю и былъ бы нанесенъ большой убытокъ американскимъ оптовымъ торговцамъ. Но при настроеніи умовъ, господствовавшемъ въ Америкѣ, и эта мѣра не могла имѣть

другаго дѣйствія, кромѣ того, что усилила раздраженіе и оппозицію; такой результатъ былъ тѣмъ вѣрнѣе, что Бенджаменъ Франклинъ, бывшій агентомъ трехъ американскихъ колоній въ Лондонѣ, лилъ масло въ огонь. Онъ съ самаго начала раздора игралъ двойную роль и въ то время, какъ повидимому еще старался о примиреніи, на самомъ дѣлѣ уже велъ колоніи къ полному отторженію отъ Англіи. Въ декабрѣ 1772 онъ успѣлъ достать рядъ очень рѣзкихъ писемъ, присылавшихся въ Лондонъ высшими англійскими сановниками въ Америкѣ, и въ 1773 напечаталъ ихъ въ Америкѣ. Они увеличили раздраженіе американцевъ и увлекли среднее сословіе колоній къ насильственному образу дѣйствій. Первый примѣръ этому подала колонія Массачусетсъ. Бостонъ, главный городъ ея, съ 1769 былъ въ сильной враждѣ съ двумя губернаторами, которые одинъ послѣ другаго были назначаемы въ эту колонію. Теперь городское начальство обратилось къ капитанамъ кораблей, привезшихъ чай, и вытребовало у нихъ обѣщаніе, что они не будутъ выгружать свой товаръ на берегъ. Губернаторъ по жалобѣ остъ-индской компаніи велѣлъ выгружать чай. Тогда толпа горожанъ, переодѣтыхъ индѣйцами, вошла на корабли и побросала въ море весь грузъ чая, состоявшій изъ 342 ящиковъ (18 декабря 1773).

Незадолго передъ тѣмъ Франклинъ пріобрѣлъ новыхъ друзей своимъ демократическимъ принципамъ и соотечественникамъ и увеличилъ число враговъ англійскаго министра защитою своего и сѣверо-американскаго дѣла передъ тайнымъ королевскимъ совѣтомъ. Когда онъ напечаталъ письма губернатора и вице-губернатора Массачусетской колоніи, массачусетское законодательное собраніе прислало королю просьбу отозвать этихъ сановниковъ; министерство представило эту просьбу на разсмотрѣніе тайнаго королевскаго совѣта, т. е. собранія всѣхъ лицъ, когда-либо занимавшихъ высшія государственныя должности. Генералъ-прокуроръ Веддерборнъ защищалъ передъ этимъ собраніемъ принципы, считавшіеся во всей Европѣ устарѣлыми, и позволилъ себѣ очень грубыя и бранныя выраженія о Франклинѣ, массачусетскомъ собраніи и всей Америкѣ. Франклинъ очень ловко воспользовался этимъ и пріобрѣлъ себѣ и своимъ соотечественникамъ расположеніе всей Европы, имѣвшей тогда космополитическое направленіе. Возражая генералъ-прокурору, въ рѣчи котораго не было ничего, кромѣ юридической техники съ ея софизмами, Франклинъ говорилъ о справедливости, законѣ, свободѣ и кротости. Разумѣется, такія слова не могли пособить ему и его дѣлу въ тайномъ совѣтѣ, но имѣли то слѣдствіе, что вся Европа, даже часть государей и аристократовъ, приняла сторону сопротивлявшихся, которые опирались на положительное право противъ несправедливаго произвола. Тайный совѣтъ далъ очень строгое рѣшеніе. Онъ объявилъ жалобу Массачусетской колоніи неосновательною, оскорбительною и революціонною. Точно также сурово поступило министерство. Тотчасъ по рѣшеніи дѣла тайнымъ совѣтомъ оно отставило Франклина отъ должности намѣстника американскаго генералъ-почтмейстера, которую онъ занималъ.

Когда пришло въ Лондонъ извѣстіе о насильственныхъ дѣйствіяхъ, произведенныхъ въ Бостонѣ, парламентъ поступилъ съ такою же опрометчивою горячностью, какъ тайный совѣтъ и министерство. 14 марта 1774 онъ принялъ «билль о Бостонской гавани», постановлявшій, что Бостонская гавань закрывается на срокъ, какой найдетъ нужнымъ король. 31 марта этотъ билль былъ утвержденъ королемъ; министерство отправило въ Бостонъ четыре военные корабля и послало въ Массачусетсъ новаго губернатора, генерала Геджа. Вскорѣ послѣ того туда были отправлены 4 полка солдатъ. Полномочіемъ, даннымъ Геджу, парламентъ ниспровергалъ демократическую конституцію Массачусетса и замѣнялъ его независимое управленіе властью военнаго начальника. Результатомъ было то, что законодательное собраніе Массачусетса пригласило всѣ остальныя провинціи назначить депутатовъ для общаго собранія, которое приняло бы мѣры сопротивленія англійскому правительству. Геджъ тотчасъ послѣ этого распустилъ массачусетское законодательное собраніе. Но приглашеніе собранія было исполнено, и въ іюлѣ 1774 открылся въ Филадельфіи конгрессъ, на который всѣ колоніи, за исключеніемъ одной, прислали депутатовъ. Большая часть членовъ этого конгреса были опытные юристы, умѣвшіе говорить и писать, хорошо знакомые съ исторіею и съ источниками англійскаго права. Они составили множество писемъ, манифестовъ и объясненій, которые произвели

сильное впечатлѣніе въ Англіи и въ остальной Европѣ, благодаря между прочимъ тому, что тогда господствовало космополитическое направленіе. Притомъ дѣловые люди, писавшіе эти документы, не запутывались въ теоріи и общія мѣста, а высказывали принципы, основываясь на положительномъ англійскомъ правѣ и на изслѣдованіи характера коренной англо-саксонской конституціи съ ея обычнымъ правомъ, въ духѣ Юніусовыхъ писемъ. Они доказывали законность своихъ требованій текстами граматъ, по которымъ были основаны колоніи. Они сдѣлали своею союзницею массу англійскаго народа, объяснивъ, что они страдаютъ за то, что защищаютъ англійскую конституцію, за то, что отстаиваютъ гарантированныя ею права противъ парламентской олигархіи. Изъ ихъ записокъ и объясненій одни были написаны для англійскаго народа, другія для короля, иныя для сѣверо-американцевъ, иныя для французскаго населенія сосѣдней англійской провинціи Канады, иныя для генерала Гейджа; было еще нѣсколько разныхъ объясненій, изъ которыхъ особенно замѣчательна «Декларація человѣческихъ правъ». Она черезъ два года, съ небольшими измѣненіями, была поставлена введеніемъ къ объявленію независимости; она важна еще и потому, что служила источникомъ самыхъ печальныхъ недоразумѣній во время французской революціи.

Просьба, поданная конгресомъ королю, не отклонила съ прежняго пути ни короля, ни парламентъ, которому была сообщена министрами. Она не могла произвести на нихъ выгоднаго впечатлѣнія уже потому, что американцы шли все дальше и дальше. Филадельфійскій конгресъ, кончая свои засѣданія, назначилъ собраться второму конгресу въ Массачусетсѣ; народъ вооружался, формировалось регулярное войско, составилось, не смотря на запрещеніе губернатора, новое законодательное собраніе выбрало своимъ президентомъ полковника Ганкока, отставленнаго отъ службы Гейджемъ, и назначило его командиромъ своихъ войскъ. Въ февралѣ 1775 американцы начали борьбу съ англійскими войсками; 19 апрѣля между англійскимъ отрядомъ и массачусетскою милиціею произошло сраженіе при Лексингтонѣ, въ которомъ англичане потеряли нѣсколько сотъ человѣкъ убитыми и которое считается началомъ войны за свободу Сѣверной Америки.

Въ маѣ 1775 въ Филадельфіи открылся второй конгресъ; онъ избралъ своимъ президентомъ полковника Ганкока, хотя Ганкокъ былъ исключенъ изъ амнистіи, незадолго передъ тѣмъ обнародованной Гейджемъ. Конгресъ отправилъ новую просьбу къ королю, но съ тѣмъ вмѣстѣ опредѣлилъ сформировать американское союзное войско. Онъ былъ такъ счастливъ, что командиромъ этого войска могъ назначить человѣка, обладавшаго большими военными талантами и уже имѣвшаго значительную военную опытность. То былъ Джорджъ Вашингтонъ, виргинскій землевладѣлецъ. Еще въ 1755 онъ показалъ себя хорошимъ генераломъ въ войнѣ Англіи съ Франціею (стр. 140) и съ военными дарованіями соединялъ большіе политическіе таланты и правительственную дальновидность. Не такъ удачно выбралъ конгресъ его помощниковъ. Всѣ эти помощники, Вардъ, Чарльзъ Ли и Гетсъ, служившій прежде въ англійскомъ войскѣ, были люди не имѣвшіе талантовъ, требуемыхъ трудностью ихъ задачи выдерживать войну противъ регулярныхъ старыхъ боевыхъ войскъ, командуя недисциплинированною и неопытною милиціею. Но плохи были и англійскіе командиры: Гейджъ и вновь пріѣхавшіе весною 1775 съ 10,000 войскомъ генералы Гоу, Клинтонъ и Бургойнъ.

Англичане смотрѣли съ глубокимъ презрѣніемъ на американское войско, необученное, непривычное къ дисциплинѣ, терпѣвшее недостатокъ въ деньгахъ и въ военныхъ запасахъ. Но вскорѣ по прибытіи къ нимъ подкрѣпленій, ихъ надменность подверглась страшному униженію: презираемое американское войско разбило ихъ въ сраженіи при Бонкерсгиллѣ (16 іюня 1775). Само по себѣ дѣло это было не значительно, но оно важно тѣмъ, что сильно оскорбило гордость англичанъ и внушило американцамъ самоувѣренность. Американская милиція два раза отбила англичанъ отъ Бонкерсгилля и шла впередъ, пока не остановила ее сильная канонада англійскаго флота; потеря англичанъ, простиравшаяся до 1,100 чел., была вдвое больше американской.

Между тѣмъ какъ въ Америкѣ эгоизмъ высокомѣрной аристократіи и наглость министровъ-олигарховъ произвели кровопролитную междоусобную войну,

въ Англіи явились новыя причины усиленія многолѣтней борьбы за свободу и права гражданъ. Послѣ скандальной сцены, произведенной лордомъ-меромъ Бекфордомъ на королевской аудіенціи въ 1770, лондонскій городской совѣтъ имѣлъ почти непрерывныя ссоры съ правительствомъ, и сильныя народныя движенія нарушали спокойствіе города, а въ парламентѣ одно горячее преніе смѣнялось другимъ.

Въ 1771 парламентъ присвоилъ себѣ власть, принадлежавшую лондонскому городскому совѣту, велѣвъ арестовать нѣсколькихъ типографщиковъ, дѣлавшихъ подлоги при перепечаткѣ парламентскихъ рѣчей. Лордъ-меръ освободилъ арестованныхъ и посадилъ въ тюрьму полицейскихъ служителей парламента, которые сдѣлали этотъ арестъ. Парламентъ приказалъ арестовать лорда-мера и одного изъ альдерменовъ и держалъ ихъ подъ арестомъ до конца своей сессіи. Все это волновало народъ и вызывало революціонныя сцены. Въ слѣдующемъ году парламентъ принялъ билль о поднятіи береговъ Темзы новою насыпью; лондонскіе горожане почли этотъ билль нарушеніемъ ихъ права собственности. Городской совѣтъ рѣшилъ подать жалобу королю и постановилъ, чтобы всѣ граждане сопровождали лорда-мера, когда онъ отправится подавать жалобу. Король запретилъ эту процесію, но принялъ жалобу. Она говорила о парламентѣ, какъ о власти, дѣйствующей произвольно и всегда вредившей народу. Король отвѣчалъ съ достоинствомъ, но, выразивъ порицаніе городскому совѣту, чрезвычайно раздражилъ городъ, такъ что въ пику ему лордомъ-меромъ на 1775 годъ былъ выбранъ Вильксъ. Подъ его управленіемъ лондонскій городской совѣтъ вступился въ сѣвероамериканскія дѣла и поручилъ ему подать королю представленіе по поводу кровопролитія, начавшагося въ Америкѣ; въ смѣлыхъ выраженіяхъ онъ защищалъ американцевъ и порицалъ министровъ. Король отвѣчалъ также рѣзко и объявилъ, что не будетъ больше давать аудіенцій лорду-меру и городскому совѣту.

Важность этихъ ссоръ и скандаловъ увеличивалась тѣмъ, что Франклинъ, лордъ Чатамъ, Шериданъ, Камденъ, Фоксъ и другіе рѣчами, брошюрами и статьями агитировали англійскій народъ въ пользу демократическихъ или по крайней мѣрѣ антифеодальныхъ принциповъ. Великіе ораторы, какъ лордъ Чатамъ, Камденъ, Рокингемъ, Боркъ, Чарльзъ Фоксъ, самымъ энергическимъ образомъ возставали въ парламентѣ противъ враждебныхъ мѣръ, принимаемыхъ парламентомъ и министерствомъ въ Америкѣ. Б о р к ъ и Ф о к с ъ положили основаніе своей славѣ ревностью, съ которою защищали тогда въ нижней палатѣ дѣло конституціонной свободы. Боркъ, родившійся въ Ирландіи, отличался силою ума, остротою ироніи, ораторскимъ талантомъ и многосторонностью познаній; но у него не было прочности убѣжденій, составляющей душу истиннаго краснорѣчія. Ему неизвѣстна была сила внутренняго убѣжденія и истиннаго одушевленія; онъ, какъ ловкій адвокатъ, воодушевлялся только суетнымъ стремленіемъ блистать и съ одинаковымъ жаромъ игралъ всякую роль, какую бралъ. Поэтому его рѣчи и сочиненія были надуты, риторичны, диѳирамбичны, разукрашены изысканными метафорами, мишурнымъ лиризмомъ, всевозжными блестками многознанія. Но нельзя однако не сказать, что въ нихъ есть мѣста классическаго достоинства и есть много полезнаго. При всей напыщенности и лиризмѣ своихъ словъ Боркъ былъ человѣкъ чисто прозаическій и практичный; при всемъ своемъ наружномъ энтузіазмѣ и философскомъ направленіи своего многознанія онъ имѣлъ только матеріальныя цѣли и постоянно соображался съ своими житейскими выгодами. Только такой человѣкъ могъ поочередно ратовать за вещи, прямо противоположныя, и ратовать съ одинаковымъ жаромъ и утрировкою. Въ первую половину своей дѣятельности (съ 1774) онъ съ революціонной яростью ратовалъ за демократическіе принципы новаго времени; во вторую половину (съ 1790) еще съ большею горячностью ратовалъ противъ нихъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ какъ одинъ изъ ученыхъ наемниковъ англійской аристократіи: въ первомъ періодѣ онъ состоялъ въ службѣ маркиза Рокингема, который ввелъ его въ нижнюю палату представителемъ одного изъ избирательныхъ мѣстечекъ, зависѣвшихъ отъ фамиліи Рокингема, а потомъ, играя роль Петра Амьенскаго въ крестовомъ походѣ старой Европы противъ новой, получалъ отъ Питта Младшаго пенсію въ 2,000 фунтовъ.

Чарльзъ Фоксъ былъ человѣкъ совершенно иного рода. Онъ былъ по природѣ ораторъ и государственный человѣкъ, остался до могилы вѣренъ себѣ и своимъ убѣжденіямъ. Въ его рѣчахъ нѣтъ потому ни напыщенности, ни фальшиваго паѳоса, ни парадированья многознаніемъ, ни поддѣльнаго одушевленія; въ нихъ все натурально, все разумно и просто, и одушевленіе у него неподдѣльно. Фоксъ былъ младшій сынъ лорда Голланда, о которомъ мы упоминали въ исторіи Георга II (стр. 144); онъ былъ введенъ отцомъ въ нижнюю палату, когда былъ еще 23-лѣтнимъ юношею (въ 1772) и когда еще не могъ вотировать, не имѣя законнаго совершеннолѣтія. Тогда, по обычаю аристократовъ, ему было дано мѣсто въ министерствѣ. Онъ велъ въ это время обыкновенную жизнь молодыхъ англійскихъ аристократовъ, т. е. волочился, охотился, давалъ пирушки, покупалъ и продавалъ лошадей и собакъ, проводилъ по цѣлымъ днямъ и ночамъ въ игорныхъ домахъ. Онъ былъ такой страстный игрокъ, что на 30 году спустилъ все свое состояніе, потомъ вѣчно былъ преслѣдуемъ кредиторами и часто не имѣлъ денегъ на самые необходимые домашніе расходы. Но онъ отличался отъ другихъ молодыхъ аристократовъ тѣмъ, что, при всемъ этомъ сумасшедшемъ кутежѣ, серьезно и усердно занимался классическими науками. Недальше, какъ въ 1774, онъ былъ удаленъ изъ министерства, потому что безпорядочная жизнь, *просвѣщенныя понятія, либеральныя убѣжденія* этого геніальнаго человѣка не подходили ни къ односторонней морали и церковному правовѣрію Георга III, ни къ убѣжденіямъ политики лорда Норта. Нортъ объявилъ молодому человѣку отставку въ такихъ насмѣшливыхъ выраженіяхъ, что отъ этого, быть можетъ, нѣсколько зависѣло то личное ожесточеніе, съ которымъ Фоксъ дѣйствовалъ потомъ противъ Норта и короля въ парламентѣ.

Въ октябрѣ 1774 открылся новый парламентъ. Американскія дѣла были главнымъ предметомъ его совѣщаній. И въ этомъ парламентѣ большинство безусловно подавало голоса за министерство и короля. Оппозицію въ нижней палатѣ составляли приверженцы Рокингема и Шельберна. Въ парламентѣ засѣдалъ и Вильксъ, выбранный лордомъ-меромъ на 1775: теперь его допустили безъ возраженій. Достигнувъ своихъ личныхъ цѣлей, онъ разсудилъ, что пора ему бросить прежнюю роль, и говорилъ теперь очень консервативно. Въ первыхъ засѣданіяхъ парламента начались пренія объ американскихъ дѣлахъ. Никакіе доводы не могли склонить большинство принять мирныя предложенія, которыя оппозиція хотѣла сдѣлать американцамъ. 1 февраля 1775 лордъ Чатамъ внесъ въ верхнюю палату билль примиренія. Его условія были составлены для Чатама Франклиномъ, который, тогда уже стремясь къ полному отдѣленію своей родины отъ Англіи, хотѣлъ еще отсрочить этотъ результатъ, чтобы американцы могли потомъ говорить, что сдѣлали все зависящее для сохраненія единства. На преніяхъ объ этомъ биллѣ, лордъ Чатамъ, герцоги Ричмондъ и Манчестеръ, Шельбернъ, Камденъ и Темпль также блистательно, какъ потомъ Мирабо и Барнавъ въ французскомъ учредительномъ собраніи, защищали права народа. По внушенію Рокингема, Боркъ въ нижней палатѣ произнесъ въ защиту мира и гражданской свободы рѣчь, которая положила основаніе его славѣ. Но ни блестящая рѣчь Борка въ нижней палатѣ, ни разумные доводы лорда Чатама и другихъ въ верхней палатѣ не могли отвратить разрыва между Англіею и Америкою. Напрасно и Фоксъ началъ свою карьеру великаго оратора и геніальнаго государственнаго человѣка рѣчью, въ которой нападалъ на противниковъ Америки и защищалъ дѣло ея съ новой стороны, еще не затронутой другими. Обѣ палаты отвергли всѣ мирныя предложенія и приняли суровыя, враждебныя американцамъ рѣшенія, внесенныя въ парламентъ министерствомъ.

Американцы сожгли рѣчь, которою былъ открытъ парламентъ, и уже замѣнили англійскій флагъ національнымъ. Въ апрѣлѣ, какъ мы говорили, уже было дано сраженіе (при Лексингтонѣ). Въ маѣ Франклинъ возвратился изъ Европы, и, подъ его руководствомъ, американцы пошли еще дальше. Онъ убѣдился, что въ высшихъ слояхъ французской націи господствуетъ энтузіазмъ къ прогрессу человѣчества, къ идеальному и идиллическому быту. Онъ зналъ, что сыновья первыхъ французскихъ аристократовъ и почти всѣ дамы парижскихъ салоновъ, по тщеславію, по гуманности и по модѣ, восторженно мечтаютъ о политической свободѣ (какъ теперь хвастовство богатствомъ или знатностью, денежныя спеку-

ляціи и мелкія политическія интриги наполняютъ души ихъ потомковъ). На этомъ настроеніи большинства французской аристократіи Франклинъ построилъ очень прозаическій и практическій планъ. Его разсчетъ былъ совершенно вѣренъ: энтузіазмъ во Франціи былъ тогда уже такъ силенъ, что едва началась сѣверо-американская революція, вся французская молодежь высшихъ классовъ потребовала, чтобы Франція объявила войну Англіи, а одинъ изъ самыхъ знатныхъ и богатыхъ молодыхъ аристократовъ, маркизъ Лафайеттъ, который одинъ изъ всѣхъ сохранилъ до могилы мечты своей юности, громко объявилъ, что какъ бы ни поступили другіе, но онъ соединитъ свое знамя со знаменемъ американскаго народа. Еще важнѣе для успѣха Франклинова плана было то, что опытный и разсчетливый графъ Верженъ, управлявшій тогда иностранною политикою Франціи, хотѣлъ воспользоваться раздоромъ Англіи съ Америкою, чтобы отмстить за стыдъ парижскаго мира и возстановить морскою войною славу своей націи, утраченную въ сухопутной борьбѣ семилѣтней войны. Франклинъ рѣшилъ вести своихъ соотечественниковъ къ формальному и полному отдѣленію отъ Англіи, но былъ убѣжденъ, что Америка не можетъ освободиться безъ чужой помощи, а помощи можно было ждать только отъ Франціи. Но и Франція стала бы помогать Америкѣ лишь тогда, когда Америка объявитъ себя независимою; поэтому, сдѣлавшись членомъ конгреса, Франклинъ тотчасъ сталъ настаивать, чтобы американскія колоніи объявили себя независимою державою.

Лѣтомъ 1775, какъ мы говорили, произошло сраженіе при Бонкерсгиллѣ. Гоу, назначенный на мѣсто Геджа главнокомандующимъ англійскихъ войскъ въ Америкѣ, осенью былъ совершенно запертъ Вашингтономъ въ Бостонѣ, такъ что радъ былъ, когда въ мартѣ слѣдующаго года успѣлъ сѣсть на корабли и уплыть, бросивъ почти всѣ свои военные запасы. Онъ уѣхалъ въ Новую Шотландію и ждалъ тамъ обѣщанныхъ подкрѣпленій. Войска, посланныя въ подкрѣпленіе ему, состояли почти исключительно изъ нѣмцевъ, купленныхъ англійскимъ министерствомъ: набрали 20,000 человѣкъ нѣмцевъ и отправили на службу въ Америку. Больше всѣхъ поставилъ людей англичанамъ ландграфъ Гессенъ-Кассельскій. Другимъ, отличившимся въ этомъ дѣлѣ, былъ маркграфъ Аншпахскій: онъ заковывалъ въ цѣпи нахватанныхъ людей, чтобы они не убѣжали. Въ англійскомъ парламентѣ говорили о нѣмцахъ съ величайшимъ презрѣніемъ за эту торговлю людьми. Фридрихъ Великій точно также говорилъ объ этомъ безчеловѣчномъ и гнусномъ дѣлѣ. Онъ говорилъ, что ему слѣдовало бы брать съ этихъ проводимыхъ черезъ его земли людей ту пошлину, какая берется съ прогоняемаго скота, потому что они проданы, какъ скотъ.

3. Сѣверо-американская война въ 1775 — 1781 годахъ.

Мы говорили, что, возвратившись въ Америку и сдѣлавшись членомъ конгреса, Франклинъ тотчасъ началъ настаивать, чтобы американскія колоніи объявили себя независимою республикою. 69-лѣтній старикъ, дальновидный и хитрый, не сталъ бы дѣлать этого, если бы это не было нужно по настроенію, господствовавшему во Франціи, отъ помощи которой зависѣла возможность освобожденія Америки. Еще въ маѣ 1775 былъ представленъ конгресу проектъ провозглашенія независимости; въ февралѣ 1776 онъ былъ напечатанъ во всѣхъ англійскихъ газетахъ. Конгресъ пригласилъ законодательныя собранія всѣхъ колоній прислать этимъ депутатамъ полномочія вотировать это рѣшеніе. Это было еще до пріѣзда Франклина. Франклинъ, возвратившись съ извѣстіями о неистовой враждебности парламента и англійскихъ старовѣровъ, безъ труда убѣдилъ конгресъ тотчасъ заняться вопросомъ о совершенномъ отдѣленіи Америки отъ Англіи и объ учрежденіи независимой республики. Только двѣ колоніи, Мериландъ и Пенсильванія, были противъ этого рѣшенія; но сила господствующаго настроенія умовъ заставила и ихъ принять его, когда независимость была провозглашена конгресомъ. Комитетъ конгреса, составленный изъ Франклина, Джефферсона, Джона Адамса, Шермана и Ливингстона, написалъ акты, которыми учреждалась республика. Изъ нихъ особенно важно объявленіе

независимости, заслужившее всеобщую похвалу и въ Америкѣ, и въ Европѣ. Оно было написано Джефферсономъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исправлено Франклиномъ и Адамсомъ. Конгресъ принялъ его 4 іюля 1776. Особенно важно въ этомъ документѣ отвлеченное опредѣленіе неотъемлемыхъ правъ человѣка. Эта часть акта написана кратко, связно, умѣренно, ясно и предназначалась для массы народа. Правда, что она—вещь чисто теоретическая, и что теорія эта могла имѣть приложеніе только въ возникающемъ государствѣ, какъ сѣверо-американская республика, но никакъ не можетъ получить практическаго значенія въ государствахъ, имѣющихъ исторію; но именно, по своей теоретичности, она произвела сильное впечатлѣніе на тогдашнюю Европу, и къ несчастію, софисты нашего столѣтія воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы выводить изъ американскаго «объявленія независимости» все дурное, что случилось во французскую революцію. Конституція новой республики, принятая конгресомъ уже спустя много времени послѣ провозглашенія независимости (въ апрѣлѣ 1777), была составлена подъ преобладающимъ вліяніемъ Франклина и Ганкока и потому имѣла чисто демократическій характеръ. Такъ напримѣръ, она установляла не двѣ палаты, а только одну.

Провозглашеніе независимости было дѣло смѣлое и очень рискованное. Граждане новой республики были практическіе реалисты, поселяне, купцы, адвокаты, т. е. люди ни мало не расположенные къ рыцарскому энтузіазму, неимѣвшіе ни охоты, ни способности сдѣлаться солдатами регулярнаго войска. Кромѣ того, у нихъ не было денегъ, не было ни оружія, ни военныхъ запасовъ, да и людей въ ихъ милиціи было мало. Но все это вознаграждалось тѣмъ, что у нихъ былъ союзникомъ тщеславный энтузіазмъ знатныхъ французовъ, обезпечивавшій имъ скорую помощь французскаго правительства. Американцы еще задолго до провозглашенія независимости вступили въ переговоры съ французскимъ министерствомъ, получали изъ Франціи деньги, оружіе, волонтеровъ, особенно офицеровъ. Одинъ изъ членовъ конгреса, Д и н ъ, еще въ мартѣ 1776 былъ посланъ въ Парижъ американскимъ агентомъ; онъ убѣдилъ поступить въ американскую службу многихъ молодыхъ аристократовъ (между прочимъ и нѣмца, б а р о н а ф о н ъ К а л ь б а), и само французское министерство вело съ нимъ сношенія черезъ маркиза Лафайетта, пылавшаго энтузіазмомъ къ американскому дѣлу; въ 1776 оно согласилось послать въ Америку денегъ и цѣлые грузы военныхъ запасовъ. Въ сентябрѣ 1776 конгресъ отправилъ въ Парижъ Франклина и Л и, чтобы они вмѣстѣ съ Диномъ начали явные и офиціальные переговоры. Но французскіе министры, опасаясь англичанъ, не захотѣли имѣть съ ними прямыхъ сношеній и вели дѣла черезъ посредниковъ.

Появленіе Франклина въ Парижѣ было важнымъ событіемъ для цѣлой Европы, потому что тонъ, господствовавшій въ Парижѣ, опредѣлялъ тогда тонъ всего знатнаго европейскаго свѣта. Франклинъ сдѣлался оракуломъ Парижа, домъ его—центромъ образованнаго общества; всѣ вліятельные люди, всѣ ученые и литераторы ухаживали за нимъ. Они обожали его, какъ главнаго представителя идей, которыми была проникнута вся Франція, какъ основателя государства, въ которомъ, благодаря вліянію ихъ сочиненій, примѣнены на практикѣ свободные политическіе принципы. Они даже сравнивали его, американца и купца, съ Катонами и Фабіями римской республики. Даже простота внѣшности этого не нарядного республиканца и гуманнаго квакера, простота, составлявшая самый рѣзкій контрастъ съ пышностью парижской жизни, содѣйствовала тому, что восхищеніе имъ доходило до сумасбродства. Франклинъ извлекъ всю возможную пользу для своего дѣла изъ этого поклоненія себѣ; руководясь своимъ инстинктомъ и натурою, онъ оказался такимъ дипломатомъ, передъ которымъ были олухами ловкіе парижскіе дипломаты. Но, разумѣется, онъ не могъ склонить французское правительство къ признанію американской республики, пока оно не увидѣло изъ военныхъ дѣйствій американскаго народа, что онъ принимаетъ это дѣло такъ же серьезно, какъ люди провозгласившіе его независимость. Но война имѣла неблагопріятный для американцевъ ходъ въ то время, когда Франклинъ находился въ Парижѣ. Когда прибыли въ Америку новыя англійскія войска и купленные нѣмцы, непріятель (въ концѣ 1776) вытѣснилъ американцевъ изъ Канады, занялъ Лонгъ-Айландъ, Родъ-Айландъ, Нью-Йоркъ и вошелъ въ Нью-Джерси. Зимою онъ даже могъ бы перейти Делаваръ и взять Филадельфію, и этого не случилось только потому, что англійскій

главнокомандующій, лордъ Гоу, былъ очень плохой генералъ, а лордъ Джерменъ, министръ колоній, главный распорядитель дѣлами по американской войнѣ въ Лондонѣ,—очень плохой министръ. Но при военныхъ неудачахъ американцевъ нельзя было ждать, чтобы французскіе министры офиціально приняли сторону Америки. Потому Франклинъ сдерживалъ юношескій энтузіазмъ Лафайетта, желая выждать, пока дѣла примутъ другой оборотъ. Но Лафайетта нельзя было удержать. Онъ и такъ ждалъ уже полгода, купивъ на свои деньги фрегатъ, накупивъ оружія и военныхъ принадлежностей, сформировавъ отрядъ изъ отборныхъ солдатъ и офицеровъ. Въ апрѣлѣ 1777 онъ отплылъ съ этимъ отрядомъ и счастливо прибылъ въ Америку. Вашингтонъ принялъ его очень дружески; конгресъ сдѣлалъ его генералъ-маіоромъ, впрочемъ конгресъ далъ ему это званіе лишь послѣ долгаго соображенія, и видно было, что рѣшеніе принято лишь по разсчету на вліяніе, которымъ Лафайеттъ пользуется при французскомъ дворѣ.

Между тѣмъ война опять приняла оборотъ, выгодный для американцевъ. Конгресъ, наученный опытомъ неудачъ, ввелъ нужныя измѣненія въ военномъ устройствѣ, которое прежде было слишкомъ демократично, и на извѣстное время далъ Вашингтону нѣчто въ родѣ диктатуры надъ войскомъ. Черезъ нѣсколько времени Вашингтонъ, воспользовавшись ошибками и небрежностью англійскаго главнокомандующаго Гоу, одержалъ двѣ побѣды, которыя сами по себѣ были невелики, но возвратили американцамъ довѣріе къ собственнымъ силамъ. 26 декабря онъ неожиданно аттаковалъ и разбилъ 1,500 отрядъ гессенцевъ, которыхъ генералъ Грантъ поставилъ авангардомъ въ Трентонѣ, не позаботившись обезпечить имъ сообщеніе съ главнымъ войскомъ. Черезъ недѣлю онъ разбилъ другой отрядъ, также одиноко стоявшій въ Принстонѣ подъ командою лорда Корнваллиса, хорошаго генерала. Послѣ этого лордъ Гоу по непостижимой бездарности полгода простоялъ въ Новомъ Брауншвейгѣ, не дѣлая ничего. Получивъ новыя подкрѣпленія изъ Англіи, онъ сталъ предлагать американцамъ сраженіе; но Вашингтонъ, какъ отличный генералъ, не захотѣлъ безъ нужды рисковать славою, которую пріобрѣло его войско, а принудить его къ битвѣ было нельзя, потому что онъ огородился хорошими окопами. Наконецъ англійскій главнокомандующій отказался отъ своего плана идти на Филадельфію изъ Нью-Джерси и посадилъ свои войска на корабли, чтобы подойти къ Филадельфіи съ моря. Въ концѣ августа онъ вышелъ на берегъ въ Чизапикскомъ заливѣ и пошелъ вдоль по Делавару. Вашингтонъ хотѣлъ загородить ему путь въ Пенсильванію и рѣшился дать битву. У него было 14,000 войска, въ которомъ между прочимъ находилось много польскихъ эмигрантовъ подъ командою извѣстнаго Пулавскаго (стр. 222) и много французовъ, имѣвшихъ военную опытность. На рѣкѣ Брандивайнѣ 11 сентября 1777 произошла рѣшительная битва. Тутъ Вашингтону пришлось сражаться не съ Гоу, а съ Корнваллисомъ и съ гессенскимъ генераломъ фонъ Книпгаузеномъ; англичане успѣли зайти ему въ тылъ; онъ потерпѣлъ совершенное пораженіе, и Лафайетъ, самъ участвовавшій въ битвѣ, говоритъ, что если бы англичане воспользовались побѣдою, то легко уничтожили бы все американское войско. Но англичане оплошали въ преслѣдованіи. Вашингтонъ имѣлъ время по возможности собрать свои разсѣянныя войска. 26 сентября англичане взяли Филадельфію. Вашингтонъ, отступившій въ лѣса за Филадельфіею, 3 октября аттаковалъ непріятеля при Джермантонѣ, думая, что застигнетъ англичанъ врасплохъ, какъ при Трентонѣ. Но на этотъ разъ они были осторожны, и онъ былъ снова разбитъ. Однако побѣда принесла имъ мало пользы, судьба новаго государства была рѣшена не побѣдами англичанъ въ Пенсильваніи, а несчастіемъ, постигшимъ другую ихъ армію, вторгнувшуюся изъ Канады въ Нью-Йоркскую область.

Въ 1776 англичанами въ Канадѣ командовалъ отличный генералъ, Карльтонъ; онъ разбилъ и вытѣснилъ изъ Канады вторгнувшуюся туда американскую милицію. Но, по несчастію для англійскаго войска, общественное мнѣніе въ Англіи было враждебно министерству, и министерство, чтобы держаться, должно было дѣлать командирами людей съ большими фамильными связями и сильнымъ парламентскимъ вліяніемъ, предпочтительно передъ хорошими генералами, каковы были Карльтонъ и Корнваллисъ. По этому разсчету у Карльтона отняли команду, когда онъ дошелъ уже до озеръ, составляющихъ южную границу Канады, и отдали начальство надъ арміею Бургойну. Въ іюнѣ и іюлѣ 1777 Бургойнъ шелъ все

дальше впередъ, вошелъ въ Нью-Йоркскую область и направился на городъ Альбани. Но американцы загородили ему дорогу. Ему слѣдовало бы сѣсть на суда и плыть по Гудсоновой рѣкѣ; но вмѣсто того онъ пошелъ по чрезвычайно трудной дорогѣ, такъ что въ три недѣли не могъ пройти больше тридцати верстъ. Въ южной части Нью-Йоркской области стоялъ англійскій корпусъ Клинтона и могъ бы его выручить; но Клинтонъ не имѣлъ никакихъ инструкцій отъ главнокомандующаго Гоу и потому долго стоялъ безъ дѣйствія. Наконецъ Клинтонъ двинулся на сѣверъ и уже былъ близко къ Бургойну, когда Бургойнъ, отчаявшись дойти до Альбани, пошелъ назадъ. Съ іюля до октября онъ потерялъ въ своемъ походѣ больше 4,000 человѣкъ. 10 октября находился около Саратоги. Тутъ онъ вдругъ увидѣлъ, что американцы подъ командою Гетса окружили его. Войска Бургойна были изнурены, провіанта у нихъ оставалось лишь на нѣсколько дней, и 15 октября онъ былъ принужденъ сдаться Гетсу на капитуляцію, условія которой были не постыдны: англичане выходили изъ лагеря съ оружіемъ, слагали его лишь послѣ церемоніальнаго марша и отпускались въ Европу съ обѣщаніемъ не служить противъ американцевъ. Но послѣднее условіе было отвергнуто конгресомъ. Армія, взятая такимъ образомъ въ плѣнъ, простиралась отъ 6 до 7 тысячъ человѣкъ.

Саратогская капитуляція доставила американцамъ большое количество оружія и, что еще важнѣе, давно желанный союзъ Франціи. Извѣстіе, что взято въ плѣнъ цѣлое войско, про побѣды котораго при командованіи Карльтона было столько трезвона, произвело во Франціи такое впечатлѣніе, что недальше, какъ черезъ два дня по полученіи депешъ о капитуляціи, Верженъ далъ первую публичную аудіенцію американскимъ уполномоченнымъ и началъ съ ними офиціальные переговоры. Скоро (6 февраля 1778) были подписаны два договора, которыми Франція признавала независимость Америки и обязывалась помогать американцамъ всѣми своими силами, пока ихъ независимость не будетъ признана Англіею. 20 марта уполномоченные были представлены королю и приняты при дворѣ. Эта сцена произвела очень глубокое впечатлѣніе на всю Европу и, можно сказать, была уже явленіемъ революціоннаго времени: весь дворъ и публика, собравшаяся вокругъ дворца, участвовали въ ней. Когда посланники явились въ королевскихъ залахъ, раздались, нарушая всякій этикетъ, громкіе аплодисменты и радостные крики. Когда они потомъ пошли изъ королевскихъ комнатъ черезъ дворъ къ министру иностранныхъ дѣлъ, публика точно также привѣтствовала ихъ. Честь эта оказывалась въ особенности старику Франклину, который былъ кумиромъ дня и приводилъ всѣхъ въ восторгъ, какъ идеалъ республиканской добродѣтели и простоты. Даже молодой король и его супруга были очарованы контрастомъ ненапудренныхъ волосъ, круглой шляпы и простаго суконнаго кафтана республиканца съ завитыми, напудренными головами и богато-вышитыми костюмами своихъ придворныхъ. Послѣ того двое уполномоченныхъ отправились на родину, а Франклинъ остался во Франціи и получилъ званіе полномочнаго посланника республики. Какъ практическій простолюдинъ и умный купецъ, онъ принялъ всѣ оказываемыя ему любезности только за счастливые случаи, изъ которыхъ надобно извлекать выгоду, и онъ умѣлъ извлекать ее.

Вмѣсто того, чтобы тотчасъ объявить войну Франціи, англійское министерство въ февралѣ и въ мартѣ показывало видъ, будто ничего не знаетъ о союзѣ, заключенномъ Франціею съ Америкою. Только въ іюнѣ оно начало войну съ Франціею. Военныя событія 1778 и 1779 гг. мы пропускаемъ, потому что они неважны для всеобщей исторіи; только дѣйствіями 1780 и 1781 гг. была рѣшена судьба республики. Изъ предъидущихъ двухъ лѣтъ надобно для связи упомянуть только, что въ апрѣлѣ 1778 англійскимъ главнокомандующимъ на мѣсто Гоу былъ сдѣланъ Клинтонъ, лѣтомъ 1778 у американскихъ береговъ явился д'Этенъ съ французскимъ флотомъ, а англичане, уже имѣвшіе тамъ флотъ подъ командою адмирала лорда Гоу, прислали еще лорда Байрона съ новымъ флотомъ.

Важнѣйшимъ дѣятелемъ въ 1780 былъ Лафайеттъ: благодаря его усиліямъ, французы, прежде помогавшіе американцамъ только деньгами и флотомъ, прислали наконецъ въ Америку и войско. Практики и эгоисты американцы хотѣли освободиться, но не хотѣли давать денегъ на это, и уклонялись отъ всякихъ военныхъ пожертвованій: поэтому ихъ правительство терпѣло недостатокъ и въ день-

гахъ, и въ военныхъ запасахъ; и въ войскѣ; особенно вредило ихъ дѣлу то, что у нихъ вовсе не было дисциплинированныхъ солдатъ. Поэтому много разъ являлась у нихъ мысль просить Францію о присылкѣ вспомогательнаго войска. Но это всѣмъ и даже самому Вашингтону казалось вещью неудобною, при совершенномъ различіи французскаго и американскаго національнаго характера, вслѣдствіе чего у французскихъ волонтеровъ были постоянныя ссоры съ американцами. Но Лафайетъ думалъ иначе. Энтузіазмъ заставилъ его въ 1779 отправиться во Францію; онъ разсчитывалъ, что при своемъ сильномъ вліяніи убѣдитъ правительство послать войско въ Америку. Онъ достигъ этого, впрочемъ не легко: войско было послано лишь въ 1780, когда военнымъ министромъ сдѣлался близкій родственникъ Лафайетта, маршалъ маркизъ Сегюръ. Возвратившись въ Америку съ извѣстіемъ о скоромъ прибытіи французскаго войска, онъ былъ принятъ американцами съ шумнымъ восторгомъ.

Франція отправила 6,000 войска подъ командою графа Рошанбо. Появленіе этихъ войскъ въ Америкѣ важно не столько по участію, которое онѣ приняли въ войнѣ, сколько по вліянію, которое имѣлъ этотъ фактъ на взрывъ французской революціи. Американцы не погибли бы, еслибы и не получили французской помощи, потому что невозможно было долго занимать войсками огромную далекую страну, все населеніе которой было проникнуто однимъ духомъ. Но чтобы оцѣнить важность вліянія этого событія на французскую революцію, достаточно вспомнить одинъ фактъ: главными людьми въ оппозиціи, боровшейся въ 1789 за конституціонное право во Франціи, были французскіе офицеры, участвовавшіе въ американской войнѣ, Лафайеттъ, Рошанбо, Шарль Ламетъ, Кюстинъ, виконтъ де Ноайль и другіе.

Французское войско вышло на берегъ въ Родъ-Айландѣ 10 сентября 1780. Этотъ островъ былъ покинутъ англичанами, которымъ войска были нужны въ другихъ мѣстностяхъ, и французы заняли его безъ сопротивленія. Въ это время театръ военныхъ дѣйствій былъ перенесенъ англичанами на югъ: Клинтонъ и Корнваллисъ покорили Георгію и Южную Каролину, гдѣ было очень много роялистовъ, или, какъ они называли себя лоялистовъ (сохранившихъ вѣрность). Вашингтонъ послалъ туда барона фонъ Кальба съ 2,000 регулярнаго войска. Населеніе Южной Каролины и Георгіи возстало противъ англичанъ и собрало для борьбы съ ними свою плохую милицію; сосѣднія колоніи, Виргинія и Сѣверная Каролина, видя себя въ опасности, также выставили милицію. Главное начальство надъ всѣми этими силами было поручено генералу Гетсу. Но когда 10 августа 1780 Корнваллисъ аттаковалъ американцевъ при городкѣ Камденѣ, вся милиція разбѣжалась по первому выстрѣлу, и устоялъ только полкъ регулярнаго войска. Американцы были такъ разсѣяны, что ихъ не осталось и сотни человѣкъ; вся ихъ артиллерія досталась въ руки англичанъ. Болѣе 1,000 человѣкъ американцевъ было убито, въ томъ числѣ и баронъ фонъ Кальбъ; а между тѣмъ, Корнваллисъ ввелъ въ это дѣло только 1,500 или 1,600 человѣкъ изъ своего войска. Всѣ надежды, возложенныя англичанами иа эту побѣду, были черезъ мѣсяцъ разрушены сильнымъ пораженіемъ англійскаго отряда полковника Фергьюсона въ западной части сѣверной Каролины. Фергьюсонъ имѣлъ неосторожность аттаковать американскую милицію въ лѣсистой горной мѣстности, гдѣ нельзя было обратить ее въ бѣгство однимъ быстрымъ общимъ натискомъ, отъ котораго она почти всегда бѣжала въ открытомъ полѣ, и гдѣ милиціонеры могли пользоваться своею ловкостью въ стрѣльбѣ, обороняясь изъ-за деревьевъ, загородей и скалъ. Весь отрядъ Фергьюсона, отъ 1,400 до 1,500 человѣкъ, былъ перебитъ или взятъ въ плѣнъ.

Мы не станемъ слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ этой войны на югѣ, потому что ее нельзя разсказывать безъ ландкартъ и большихъ подробностей. Довольно сказать, что и въ этомъ походѣ до весны 1781, какъ во всей американской войнѣ, силы той и другой стороны падали или возвышались не отъ потерь или выигрышей въ сраженіяхъ, а отъ слуховъ о побѣдахъ или пораженіяхъ. Генералъ Корнваллисъ постоянно выказывалъ себя въ этой партизанской войнѣ однимъ изъ лучшихъ генераловъ своего времени, но счастье постоянно отнимало у него плоды его успѣховъ. Американцами командовалъ Гринъ, смѣнившій Гетса, удаленнаго послѣ дѣла при Камденѣ.

Война на сѣверѣ велась въ теченіе нѣкотораго времени очень вяло, хотя тамъ были оба главнокомандующіе и американцамъ помогалъ французскій корпусъ, который для правильныхъ сраженій одинъ былъ важнѣе всей ихъ милиціи. Англійскій главнокомандующій Клинтонъ ослабилъ себя отсылкой большаго числа войскъ на югъ, а французы долго стояли безъ всякаго дѣйствія на Родъ-Айландѣ. Вашингтонъ въ это время былъ опечаленъ и поставленъ въ опасное положеніе измѣною одного изъ своихъ друзей и помощниковъ, генерала Арнольда. Арнольдъ блистательно дѣйствовалъ въ началѣ войны; за это Вашингтонъ имѣлъ къ нему большое личное уваженіе, и было время, когда Арнольда считали важнѣйшимъ генераломъ послѣ Вашингтона и Гетса. Но потомъ онъ былъ преданъ военному суду за утайку денегъ и присужденъ къ выговору отъ главнокомандующаго. Съ той поры онъ вошелъ въ измѣнническія сношенія съ Клинтономъ и, когда въ 1780 Вашингтонъ возвратилъ ему свое довѣріе, условился съ Клинтономъ воспользоваться порученною властью, чтобы сдать англичанамъ важную крѣпость Вестъ-Пойнтъ, съ которою англичанамъ доставалось и все нагорье по Гудсоновой рѣкѣ. Но замыселъ былъ открытъ, потому что въ руки американцевъ попался англійскій маіоръ Андре, имѣвшій по этому дѣлу тайное свиданіе съ Арнольдомъ. Узнавъ это, Арнольдъ поспѣшно бѣжалъ. Ему удалось уйти къ англичанамъ, но Андре былъ признанъ военнымъ судомъ шпіономъ и приговоренъ къ висѣлицѣ. Напрасно Клинтонъ старался спасти его переговорами, напрасно всѣ американцы выражали къ нему состраданіе: Вашингтонъ даже не согласился на просьбу несчастнаго, чтобы его не вѣшали, а разстрѣляли. Въ Америкѣ Вашингтона сильно порицали за эту суровость; а въ Англіи Андре прославляли и превозносили, какъ мученика.

На югѣ республики въ концѣ апрѣля 1781 Корнваллисъ произвелъ одно изъ самыхъ смѣлыхъ дѣлъ во всю войну. Онъ убѣдился, что въ Георгіи, Южной Каролинѣ и Сѣверной Каролинѣ нельзя добиться никакихъ рѣшительныхъ результатовъ, поэтому, бросивъ эти области, онъ сдѣлалъ трудный и очень смѣлый походъ въ Виргинію, чтобы соединиться съ присланнымъ туда корпусомъ Филипса. Онъ преодолѣлъ чрезвычайныя трудности пути, избѣжалъ большой опасности, въ которую былъ поставленъ Лафайеттомъ, и соединился съ Филипсомъ. Клинтонъ тотчасъ прислалъ ему подкрѣпленія; Лафайеттъ также присоединилъ къ своему войску разные американскіе отряды; американскій генералъ Гринъ двинулся изъ Сѣверной Каролины въ Виргинію, поэтому всѣ видѣли, что въ Виргиніи рѣшится наконецъ судьба республики; только Клинтонъ ничего не видѣлъ. Вашингтонъ, задумавъ однимъ ударомъ уничтожить англійское войско въ Виргиніи, обманулъ Клинтона, и непостижимая близорукость англійскаго главнокомандующаго была причиною того, что полное пораженіе Корнваллиса осенью 1781 навсегда уничтожило надежду англичанъ покорить американцевъ.

Между тѣмъ въ это время дѣла американцевъ были такъ дурны, что гораздо скорѣе можно было ждать погибели, чѣмъ сохраненія республики. Всѣ средства къ веденію войны были уже истощены, и казалось, что конгресъ будетъ принужденъ заключить миръ на какихъ бы то ни было условіяхъ. Изъ всего американскаго флота уцѣлѣло только два фрегата; остальные корабли были всѣ потеряны. Войска ихъ терпѣли такой недостатокъ во всемъ, что въ разныхъ мѣстахъ уже готовы были мятежничать, и Вашингтонъ въ одномъ изъ своихъ писемъ въ іюлѣ 1781 высказывалъ опасеніе, что будетъ принужденъ распустить свое войско по недостатку провіанта. У конгреса не было денегъ, и кредитные билеты, которыми онъ покрывалъ военные расходы, такъ упали отъ чрезмѣрнаго выпуска, что въ 1777 серебряный долларъ стоилъ уже 113 долларовъ, а въ 1780 даже 11,000 долларовъ бумажными деньгами.

Вашингтонъ рѣшилъ войну хитростью, которая была хорошо обдумана и совершенно удалась. Условившись съ командирами французскаго флота и войска, онъ сталъ дѣлать движенія, какъ будто намѣреваясь при помощи французовъ отнять у англичанъ Нью-Йоркъ. Онъ устроилъ такъ, что Клинтонъ перехватилъ его письма, говорившія объ этомъ мнимомъ намѣреніи, и былъ такимъ образомъ обманутъ относительно пункта, на который Вашингтонъ готовился обратить всѣ свои силы. Клинтону слѣдовало бы послать какъ можно больше под-

крѣпленій Корнваллису въ Виргинію, а онъ вмѣсто того послалъ Корнваллису приказаніе отправить часть войска изъ Виргиніи въ Нью-Йоркъ. Потомъ Вашингтонъ, соединившись съ французскимъ корпусомъ Рошанбо и дѣлая фальшивые марши, какъ бы угрожалъ Нью-Йорку, долго еще обманывалъ Клинтона и вдругъ пошелъ въ Виргинію. Онъ двинулся туда такъ неожиданно, что не успѣлъ Клинтонъ задержать его, и онъ былъ уже подлѣ Корнваллиса, когда Клинтонъ все еще думалъ, что онъ хочетъ идти на Нью-Йоркъ. Вашингтонъ двинулся въ Виргинію 19 августа, 5 сентября стоялъ уже у Чизапикскаго залива. По счастью для него, въ этотъ самый день произошла битва между французскимъ и англійскимъ флотами; она осталась нерѣшительною, но имѣла тотъ результатъ, что французскій адмиралъ де-Грасъ все-таки сохранилъ господство въ Чизапикскомъ заливѣ. Вскорѣ пришелъ туда и Барра, съ французскою эскадрою, при которой были транспортныя суда и тяжелая артиллерія. На этихъ транспортныхъ судахъ 25 сентября американско-французское войско переправилось въ Виргинію. Тогда повторилось тоже, что произошло въ 1777 подъ Саратогою. Корнваллисъ былъ запертъ въ плохо-укрѣпленномъ Йорктонѣ и отрѣзанъ отъ подвоза провіанта. Напрасно ждалъ онъ Клинтона. Клинтонъ не могъ сѣсть на корабли раньше 19 октября; Корнваллисъ оборонялся цѣлый мѣсяцъ съ неимовѣрными лишеніями и усиліями, но наконецъ ему было совершенно отрѣзано сообщеніе съ моремъ, и онъ былъ принужденъ сдаться; капитуляція была подписана 19 октября. Корнваллисъ и его офицеры были отпущены на честное слово, но солдаты остались въ плѣну и число ихъ простиралось до 5—6 тысячъ, изъ которыхъ только 4,000 были еще въ силахъ нести службу; также остались въ плѣну около 500 человѣкъ матросовъ. Американцамъ досталось множество военныхъ запасовъ, превосходный артиллерійскій паркъ, нѣсколько англійскихъ военныхъ кораблей и другихъ судовъ. Но важнѣе всего было то, что йорктонская капитуляція рѣшила судьбу войны: послѣ нея даже такіе люди, какъ лордъ Нортъ и его товарищи, отчаялись въ возможности покорить Америку. Здѣсь мы прерываемъ разсказъ о сѣверо-американской войнѣ, потому что дальнѣйшій ходъ ея болѣе принадлежитъ европейской, чѣмъ американской исторіи.

XII. АНГЛІЯ

И ОТНОШЕНІЯ ЕЯ КЪ ОСТАЛЬНОЙ ЕВРОПѢ СЪ 1778 ПО 1784.

1. Внутренняя исторія Англіи и ея морская война съ Франціей и Испаніей съ 1778 по 1781.

Исходъ войны въ Сѣверной Америкѣ былъ невозвратно рѣшенъ еще въ 1781. Между тѣмъ въ Англіи продолжались безпокойства, и кромѣ того ей приходилось вести морскую войну съ двумя державами. Ходъ этой войны имѣлъ гораздо менѣе значенія для Сѣверной Америки, чѣмъ для развитія европейскихъ отношеній. Намъ остается вкратцѣ упомянуть о дальнѣйшемъ ходѣ войны, которую вели сѣверные американцы при помощи Франціи и Испаніи. Зато мы должны обратить вниманіе. на внутреннія дѣла Англіи и на попытки морскихъ державъ европейскаго материка положить конецъ морскому могуществу Англіи.

Министерство Норта продолжало идти своей дорогой, не обращая вниманія на враждебное настроеніе народа. Въ теченіе дорого стоившей войны министерство дважды (въ 1777 и въ 1778) заставляло парламентъ черезъ своихъ сторонниковъ значительно увеличивать бюджетъ королевскаго двора. Чатамъ, Фоксъ, Боркъ тщетно боролись противъ министра, дѣйствовавшаго съ желѣзною послѣдовательностью и пользовавшагося поддержкою знатныхъ фамилій. Наконецъ врагамъ двора удалось пріобрѣсти больше вліянія и низвергнуть ненавистное министерство, но тогда только, когда англійскій народъ, привыкшій къ побѣдамъ и завоеваніямъ, началъ испытывать въ войнѣ одно униженіе за другимъ. Борьба между министромъ и оппозиціей разгорѣлась, когда Франція заключила союзъ съ Сѣверной Америкой (въ февралѣ 1778), вслѣдствіе чего у ней вспыхнула война съ Англіей. Лордъ Чатамъ напалъ на министровъ съ безграничной запальчивостью; но 11 мая 1778 онъ умеръ послѣ продолжительной болѣзни, во время которой являлся въ верхнюю палату, опираясь на костыли. Когда онъ явился туда въ послѣдній разъ, 7 апрѣля, здоровье его было уже такъ разстроено, что онъ едва могъ говорить и связывать мысли и, кончивъ рѣчь, безъ чувствъ упалъ на свое кресло.

Между тѣмъ англичане начали морскую войну съ Франціей. Первое генеральное сраженіе произошло 27 іюля 1778 при Уессанѣ. Оно осталось нерѣшеннымъ и не имѣло ни малѣйшаго вліянія на ходъ войны, но зато было очень важно для внутренней исторіи обѣихъ державъ. Въ Англіи короля и его ненавистнаго министра упрекали за то, что, противъ обыкновенія, начало войны не ознаменовалось побѣдой; когда министры, чтобы свалить съ себя вину, отдали главнокомандующаго, адмирала Кеппеля, подъ военный судъ, и судъ оправдалъ его съ почетомъ, настроеніе противъ министровъ сдѣлалось еще озлобленнѣе, а положеніе ихъ еще труднѣе. Во Франціи битва при Уессанѣ оказала пагубное вліяніе на королеву Марію Антуанету и Филиппа герцога Шартрскаго (впослѣдствіи герцогъ Орлеанскій или Филиппъ Эгалите.) Герцогъ участвовалъ въ бою въ номинальномъ званіи командира одной эскадры и, по об-

щему мнѣнію, выказалъ такую трусость, что долженъ былъ оставить морскую службу. Но изгнаніе его изъ службы приписали ненависти королевы, которую къ несчастію впутывали во все. Впрочемъ на этотъ разъ публика была права. Королева дѣйствительно выхлопотала отставку Филиппа и назначеніе своего любимца, графа д'Артуа, въ должность великаго адмирала Франціи, которой добивался герцогъ Шартрскій.

Въ Англіи ненависть къ министерству была такъ сильна, что не смотря на пораженія, претерпѣваемыя французскимъ флотомъ въ Сѣверной Америкѣ, въ Вестъ-Индіи и въ Остъ-Индіи, лучшіе адмиралы отказывались принять начальство, пока морскимъ вѣдомствомъ управляетъ лордъ Сандвичъ. Лѣтомъ 1779 Англія пріобрѣла новаго врага на морѣ, а именно: французамъ удалось убѣдить испанскаго короля Карла III принять участіе въ войнѣ, не смотря на его отвращеніе къ сѣверо-американцамъ и къ ихъ республиканскимъ идеямъ. Морское владычество Англіи подвергалось тогда крайней опасности, какой еще не подвергалось въ XVIII столѣтіи ни разу; Карлъ III довелъ испанскій флотъ, соединившійся съ французскимъ, до одинаковой силы съ послѣднимъ, а англійскія морскія силы были разсѣяны по разнымъ морямъ. Непріятельскій флотъ угрожалъ въ іюнѣ высадкой въ Англію, и только несогласіе предводителей этого флота, явившагося въ Англіи передъ Плимутомъ, спасло англичанъ отъ разоренія богатыхъ плимутскихъ верфей и арсеналовъ.

Въ слѣдующемъ (1780) году англичане имѣли больше успѣха, но зато имъ пришлось потерпѣть отъ внутреннихъ безпокойствъ. Парламентскимъ закономъ 1778 въ Англіи и въ Ирландіи была уничтожена часть жестокихъ постановленій, изданныхъ противъ католиковъ въ царствованіе Вильгельма III. Это смягченіе фанатическаго закона хотѣли впослѣдствіи распространить и на Шотландію; но тутъ фанатики подняли крикъ: «прочь папство (no popery)!» Вскорѣ волненіе проникло и въ Англію. Во главѣ движенія сталъ сумасбродный фанатикъ, сэръ Джорджъ Гордонъ, и возбудилъ бушующую слѣпую толпу не только противъ католиковъ, но и противъ парламента, котораго самъ былъ членомъ. Въ то же время американскій пиратъ Поль Джонсъ дѣлалъ набѣги на британскіе берега. Тогда въ Англіи поднялись смуты гораздо болѣе серьезныя, чѣмъ въ 1763—1775 годахъ. Лондонскій народъ и нѣсколько тысячъ фанатическихъ шотландцевъ, прибывшихъ въ столицу, взялись, по наущенію Гордона, за оружіе, когда парламентъ не согласился на ихъ требованія. Они разрушили католическія капеллы двухъ посланниковъ и дома знатныхъ католиковъ и протестантовъ, говорившихъ о смягченіи законовъ. Они отворили городскія тюрьмы, и нѣсколько сотъ тяжкихъ преступниковъ разбѣжались по городу, убивая, поджигая и грабя. Дикая чернь скоро овладѣла столицей, которая горѣла въ 36 мѣстахъ, какъ крѣпость, взятая штурмомъ; Лондону угрожало полнѣйшее паденіе его благосостоянія. Одинъ очевидецъ утверждаетъ, что даже въ самый разгаръ французской революціи Парижъ не подвергался такому бѣдствію, какъ Лондонъ въ это время. Парламентъ долженъ былъ на 13 дней отложить свои засѣданія, и король, опираясь на мнѣніе государственнаго атторнея Веддерборна, провозгласилъ въ городѣ военное положеніе, при чемъ имѣлъ мужество сдѣлать это безъ подписей министровъ или, говоря другими словами, взять это на свою личную отвѣтственность. Слѣдствіемъ этой мѣры было страшное кровопролитіе. Народъ и войска вступили въ бой, при чемъ погибли тысячи человѣкъ. Наконецъ разъяренная толпа была побѣждена войсками. Зачинщикъ всѣхъ смутъ, Гордонъ, вышелъ однако безнаказанно изъ дѣла, а между тѣмъ увлеченные имъ фанатики поплатились жизнью. Ошибка въ формальностяхъ обвинительнаго акта, благодаря странностямъ англійскаго судопроизводства, спасла Гордона. Въ этотъ несчастный для Лондона годъ англійскому министерству, недовольному всѣми своими адмиралами, посчастливилось пріобрѣсти въ главнокомандующіе флотомъ, назначеннымъ въ Вестъ-Индію, лучшаго англійскаго моряка, Родни. Ему было дано порученіе заѣхать по дорогѣ снабдить снарядами и подкрѣпленіями Гибралтаръ, которому угрожала осада. Судьба очень благопріятствовала плаванію Родни. Во-первыхъ, соединенный французско-испанскій флотъ, стоявшій въ Брестѣ, былъ еще неготовъ къ отплытію и, слѣдовательно, не могъ преслѣдовать его. Потомъ Родни случайно встрѣтилъ значительный флотъ испанскихъ транспортныхъ судовъ

и взялъ его. Кромѣ того двѣ испанскія эскадры, которыя должны были, соединясь, аттаковать Родни, были разлучены бурей, и одна изъ нихъ встрѣтилась съ вдвое сильнѣйшимъ англійскимъ флотомъ при мысѣ Санъ Винцентѣ. Въ происшедшемъ сраженіи испанцы, не смотря на храброе сопротивленіе, потерпѣли такое пораженіе, что изъ всей эскадры спаслось только четыре корабля.

Послѣ этой побѣды Родни поплылъ сначала къ Гибралтару и исполнилъ въ точности все порученіе. Потомъ онъ отправился въ Вестъ-Индію, гдѣ встрѣтилъ французскаго адмирала Гишана, прежде чѣмъ послѣдній соединился съ ожидаемымъ испанскимъ флотомъ. Гишанъ долго избѣгалъ рѣшительнаго сраженія, но англійскому адмиралу наконецъ удалось принудить его къ бою. Сраженіе осталось нерѣшеннымъ, и Родни громко жаловался на англійское министерство, которое, назначая морскихъ офицеровъ, руководствовалось не достоинствами, способностями и заслугами, а приверженностью ихъ къ извѣстной партіи, родствомъ и вліяніемъ. Французскій флотъ успѣлъ соединиться съ испанскимъ; но климатъ, дурное содержаніе и заразительныя болѣзни помѣшали французамъ и испанцамъ достигнуть цѣли ихъ — завоеванія Ямайки, и Гишанъ возвратился въ іюлѣ въ Европу. Такимъ образомъ Англія осталась въ 1780 непобѣдимою на морѣ. Зато она потерпѣла огромную потерю деньгами и купеческими кораблями. Кромѣ того въ августѣ былъ взятъ непріятелемъ большой англійскій флотъ, на которомъ везли военные запасы въ Остъ и Вестъ-Индію. Его взялъ испанскій адмиралъ Луисъ де Кордова, и почти въ тоже время американцы взяли 14 кораблей изъ флота, назначеннаго въ Канаду. Всѣ эти несчастные случаи были поставлены въ вину англійскому министерству, хотя зависѣли только отъ несчастныхъ стеченій обстоятельствъ.

2. Союзъ Вооруженнаго Нейтралитета и морская война между Англіей, Франціей, Голландіей и Испаніей до 1782 года.

Въ 1780 война совершенно неожиданно приняла новое направленіе, потому что морскія державы, остававшіяся нейтральными, заключили между собою союзъ, который серьезно угрожалъ морскому могуществу Англіи. Тогда былъ заключенъ союзъ такъ называемаго Вооруженнаго Нейтралитета, которымъ полагалось положить предѣлъ морскому владычеству англичанъ. Россія находилась во главѣ этого союза. Императрица Екатерина II, хотя была на сторонѣ англичанъ и даже вела переговоры съ англійскимъ посланникомъ Гаррисомъ (впослѣдствіи лордъ Мальмесбери) о тѣсномъ союзѣ между Англіей и Россіей, но ея министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Панинъ, представилъ ей этотъ союзъ дѣломъ по сущности не только выгоднымъ Англіи, но которое и самой императрицѣ можетъ доставить славу и значеніе, какъ покровительницѣ слабыхъ. Екатерина изъявила свое согласіе, и 26 февраля 1780 всѣ нейтральныя державы были приглашены поддерживать заодно съ Россіей принципъ!: «на свободномъ кораблѣ грузъ свободенъ!» и принудить воюющія державы признать его. Согласно этому акту, нейтральные корабли могли перевозить всѣ товары, за исключеніемъ только дѣйствительно военныхъ снарядовъ въ земли, гдѣ происходитъ война; кромѣ того только тѣ гавани считались въ блокадѣ, въ которыя въѣздъ дѣйствительно прегражденъ военными кораблями. Франція и Испанія тотчасъ признали предложенныя Россіей права нейтралитета. Англія желала бы объявить себя противъ этого союза; но въ такомъ случаѣ ей пришлось бы открыто вступить въ войну съ Россіей. Она поступила иначе. Англійское правительство, хотя приступило къ русскому нейтральному союзу и спокойно смотрѣло, какъ къ нему мало-по-малу присоединились всѣ нейтральныя морскія державы, но старалось удержать Голландію отъ участія въ немъ, потому что только это государство съ своимъ флотомъ и капиталами могло доставить правамъ нейтралитета значеніе. Притомъ, прибѣгнувъ подъ защиту началъ, возвѣщенныхъ Россіей, голландцы могли привлечь къ себѣ англійскую торговлю. Англійскимъ ми-

нистрамъ удалось задержать интригами присоединеніе голландцевъ къ нейтральному союзу, пока не нашелся поводъ объявить имъ войну. Одно это обстоятельство придало значеніе союзу вооруженнаго нейтралитета, который самъ по себѣ былъ и остался мимолетнымъ явленіемъ подобно многимъ другимъ дипломатическимъ мѣрамъ.

Номинальнымъ штатгальтеромъ республики Семи Соединенныхъ Провинцій былъ тогда Вильгельмъ V Оранскій, а въ сущности правилъ уже извѣстный намъ воспитатель и руководитель его, герцогъ Лудвигъ Эрнстъ Брауншвейгскій (стр. 125, 209). Достигнувъ въ 1776 совершеннолѣтія, молодой принцъ сдѣлался просто орудіемъ герцога, который сѣлъ на его мѣсто. Онъ уговорилъ принца заключить съ нимъ договоръ, такъ называемый консультаціонный актъ, которымъ Вильгельмъ обязался слѣдовать во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ совѣтамъ своего бывшаго опекуна. Хотя этотъ противозаконный договоръ содержался въ тайнѣ, но по отношеніямъ принца Вильгельма къ герцогу можно было подозрѣвать о его существованіи. Это возбудило ожесточеніе противъ герцога тѣмъ болѣе, что всѣ были недовольны его управленіемъ. Неудовольствіе доставило большое значеніе и вліяніе антиоранской партіи или, какъ ее называли въ Нидерландахъ, патріотической партіи. Эта партія, хотѣвшая отнять власть у штатгальтера, передать ее генеральнымъ штатамъ и провинціальнымъ чинамъ, была чрезвычайно опасна для Оранскаго дома, потому что въ рукахъ у нея были не только богатства, но и всѣ почти правительственныя мѣста. Она была всего сильнѣе въ провинціи Голландіи, особенно въ Амстердамѣ, превосходившемъ всѣ прочіе города богатствомъ и громадной торговлей. Патріоты имѣли большое вліяніе не только на провинціальное управленіе, но и на генеральные штаты. Оранская партія состояла изъ голландскихъ землевладѣльцевъ и была сильнѣе въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ находились обширныя помѣстья Оранскаго дома, какъ напримѣръ въ Зеландіи и Гельдернѣ; кромѣ того простой народъ почти всюду былъ преданъ штатгальтеру. Обѣ партіи слѣдовали совершенно противоположной внѣшней политикѣ. Правительственная партія примкнула къ Англіи, потому что искала и нашла опору противъ патріотовъ въ англійской королевской фамиліи, находившейся въ родственныхъ отношеніяхъ съ Оранскимъ домомъ; патріоты были расположены къ французамъ и хотѣли заключить союзъ съ ними и съ сѣверо-американцами.

Обоюдное недовѣріе двухъ почти равносильныхъ партій парализировало силу правительства, вслѣдствіе чего всѣ справедливыя и разумныя предложенія его оставлялись безъ вниманія. Нельзя было принять никакой энергической мѣры, такъ что даже усиленіе арміи и флота было невозможно, потому что штатгальтеръ находился во главѣ военнаго вѣдомства, и всякое усиленіе арміи и флота должно было усилить его власть. Къ этому неудобству присоединялись другія. Богатые и знатные нидерландцы съ половины XVII столѣтія совершенно потеряли единодушіе и безкорыстіе, безъ которыхъ федеративная республика не можетъ держаться. Кромѣ того они лишили Нидерландскую республику уваженія своимъ духомъ торгашества, вѣчными раздорами и мелочностью въ политикѣ. У нихъ не могло возникнуть послѣдовательнаго и энергическаго правительства, вслѣдствіе врожденной вялости и нерѣшительности голландцевъ и особенно вслѣдствіе запутанныхъ формъ и отношеній федеральной республики, гдѣ города, какъ напримѣръ Амстердамъ, и цѣлыя провинціи находились въ такой независимости отъ генеральныхъ штатовъ и центральныхъ властей, что могли даже заключать съ иностранными государствами отдѣльные договоры, не сообщая ихъ генеральнымъ штатамъ. Наконецъ ненависть и раздоръ партій усиливались еще тѣмъ, что торговля Голландіи, нѣкогда цвѣтущая, и ея морское могущество перешли по большей части къ Англіи. Это несчастіе, зависѣвшее отъ разныхъ политическихъ обстоятельствъ и отношеній, приписывалось винѣ правительства. Даже въ упадкѣ флота обвиняли штатгальтерское правительство, хотя оно всегда старалось не допускать этого, и старанія его не удавались только вслѣдствіе зависти и скупости провинціальныхъ штатовъ и городскихъ магистратовъ.

При подобныхъ обстоятельствахъ было совершенно естественно, что политическія отношенія Голландіи все болѣе и болѣе запутывались и ухудшались. Англичане позволяли себѣ совершать надъ голландцами формальное насиліе и

нарушать права, утвержденныя за ними договорами. Такъ поступали они въ семилѣтнюю войну, когда англійское правительство совершенно произвольно объявляло ежегодно множество голландскихъ кораблей призами. Въ началѣ сѣвероамериканской войны англичане поступали противъ Голландіи еще хуже. Весною 1780 они объявили, что разрываютъ мореплавательный договоръ, заключенный сто лѣтъ тому назадъ (1674) и обезпечивавшій голландцамъ нѣкоторыя преимущества на случай войны Англіи съ другими государствами. Этимъ они лишили Голландію всѣхъ выгодъ нейтралитета, и ея торговлѣ угрожала совершенная гибель. Голландцамъ было необходимо или поспѣшно и рѣшительно вооружаться, или, какъ можно скорѣе, примкнуть къ нейтральному союзу, предложенному Россіей. Но на первое не согласились генеральные штаты, изъ скаредности не утвердившіе усиленія арміи; кромѣ того они понадѣялись на Францію и потому согласились только усилить флотъ 32 кораблями. Второму помѣшали герцогъ Лудвигъ Эрнстъ и принцесса Фридерика-Софія-Вильгельмина, сестра Фридриха Вильгельма I Прусскаго, въ 1767 вышедшая замужъ за Вильгельма V. Она питала къ Англіи довѣріе и сочувствіе и спохватилась слишкомъ поздно. Притомъ въ Голландіи всѣ дѣла велись очень медленно. Это дало англичанамъ время и возможность объявить Голландіи войну. Предлогомъ къ войнѣ послужило имъ объявленіе, будто они имѣютъ письменныя доказательства изъ бумагъ, взятыхъ въ 1780 на захваченномъ сѣверо-американскомъ кораблѣ, что въ 1778 между городомъ Амстердамомъ и Сѣверной Америкой заключенъ тайный торговый договоръ. Англія объявила войну Голландіи 20 декабря 1780. Голландцы, хотя рѣшили вступить въ нейтральный союзъ еще 20 ноября, но объявленіе объ этомъ пришло въ Петербургъ только 20 декабря, и императрица Екатерина, любившая англичанъ, воспользовалась этимъ и объявила, что Голландія, какъ уже не нейтральная, не можетъ быть принята въ союзъ.

Въ морской войнѣ, которую въ 1781 Англіи пришлось вести разомъ противъ Франціи, Испаніи и Голландіи, рѣзко выказалась разница между національными характерами англичанъ и французовъ. Первые, вѣчно думавшіе только о наживѣ, поступали какъ пираты, особенно противъ голландцевъ, которые такъ долго были вѣрнѣйшими друзьями ихъ; французы, напротивъ, еще до заключенія договора съ голландцами, великодушно возвращали имъ безвозмездно призы, взятые у нихъ англичанами и перехваченные французскими кораблями. Также благородно и безкорыстно вели себя французы и относительно Сѣверной Америки; побуждаемые господствовавшимъ между ними энтузіазмомъ, они проливали свою кровь за чужую свободу и вошли изъ-за сѣверо-американцевъ въ долги, не думая извлекать изъ этой войны никакой пользы для себя.

Еще не объявляя войну Голландіи, англичане захватили множество голландскихъ кораблей. Впослѣдствіи адмиралы ихъ, Родни и Воганъ, дѣйствовали противъ голландцевъ и даже противъ своихъ соотечественниковъ съ такой же жестокостью и алчностью, какъ въ XVIII столѣтіи англійскіе намѣстники въ Остъ-Индіи, Клайвъ и Уорренъ Гестингсъ, а въ новѣйшее время Бонапартъ и его маршалы. Родни и Воганъ заняли въ февралѣ 1781 вестъ-индскій островъ св. Евстафія, главный складъ голландско-американской торговли, взяли при этомъ у непріятеля около 300 кораблей, и хотя островъ сдался на капитуляцію, позволили себѣ на немъ самыя ужаснѣйшія и жесточайшія притѣсненія. Они конфисковали даже собственность англійскихъ купцовъ и смѣялись надъ обвиненіями, которыя Боркъ и другіе подняли на нихъ въ парламентѣ. Они отвѣчали на эти обвиненія въ томъ надменно грубомъ тонѣ, который такъ любятъ солдаты. Французы совершили на морѣ славные подвиги подъ начальствомъ де Грасса и маркиза де Буль е; когда въ ноябрѣ Буль е удалось отнять у англичанъ островъ святаго Евстафія, французы, въ противоположность Родни и Вогану, вели себя не какъ разбойники, а какъ рыцари. Они оставили плѣннымъ англійскимъ офицерамъ всю частную собственность ихъ и предоставили всю добычу въ пользу жителей, ограбленныхъ Родни и Воганомъ.

Въ этомъ (1781) году голландцамъ пришлось поплатиться за свои раздоры, скаредность и малодушіе, по которымъ они отказали штатгальтеру въ необходимыхъ средствахъ для войны. Голландскія колоніи, Суринамъ, Демерари и Эссеквебо, были взяты англичанами, потому что Голландія не могла послать на помощь

имъ ни военныхъ кораблей, ни войска. Хотя въ началѣ слѣдующаго года французы возвратили ихъ, но зато голландцы теряли въ Остъ-Индіи одну колонію за другой. Они потеряли тогда послѣднее свое значеніе, какъ нація, зависящая отъ чужой милости. Голландцы не могли удержать за собой торговлю даже въ Балтійскомъ морѣ, потому что англичане стерегли ихъ гавани. Они лишились бы и острова Цейлона и Капа, если бы ихъ не спасъ французскій адмиралъ Сюфранъ. Всѣ эти опасности и потери усилили ожесточеніе противъ герцога Лудвига-Эрнста Брауншвейгскаго, которому, какъ иностранцу, приписывали всю вину.

Въ 1782 французы подъ начальствомъ Булье дѣйствовали вначалѣ счастливо въ американскихъ моряхъ; но вскорѣ англичане снова пріобрѣли перевѣсъ въ этихъ странахъ. Въ Европѣ августа 5 между голландскимъ и англійскимъ флотами произошло самое кровопролитное сраженіе во всю войну. Битва происходила у песчаной отмели въ Сѣверномъ морѣ, называемой Доггербанкъ. Битва осталась нерѣшенной и кончилась тѣмъ, что оба флота не могли болѣе держаться и разошлись. Но голландцы были въ восторгѣ, что вышли изъ битвы непобѣжденными и стали боготворить адмираловъ, которые командовали въ сраженіи. Однако послѣдніе очень жаловались на двусмысленныя приказанія, которыя имъ давало штатгальтерское правительство. Такое же неудовольствіе противъ своего правительства выражалъ и Гайдъ Паркеръ, командиръ англійскаго флота, хотя въ Англіи его тоже привѣтствовали побѣдителемъ.

3. Англія и Сѣверо-американская война до Версальскаго мира.

Оборотъ, принятый войной, дурно подѣйствовалъ въ Англіи на положеніе лорда Норта. Это обнаружилось въ послѣднихъ засѣданіяхъ парламента, распущеннаго въ сентябрѣ 1780, и въ новомъ парламентѣ, открытомъ въ октябрѣ того же года. Не смотря на всѣ старанія лорда Норта и его товарищей на выборахъ въ новый парламентъ, оппозиція въ немъ была сильнѣе, чѣмъ въ старомъ. Къ оппозиціи новаго парламента принадлежали два человѣка, вышедшіе въ первый разъ на политическое поприще въ 1780 и пріобрѣвшіе большое значеніе не только для Англіи, но и для всей Европы. Люди эти были Шериданъ и третій сынъ лорда Чатама, Вильямъ Питтъ Младшій. Они рѣзко отличались другъ отъ друга талантомъ, характеромъ и направленіемъ, и хотя оба принадлежали тогда къ оппозиціи, но шли къ совершенно различнымъ цѣлямъ. Судьба ихъ тоже была совершенно непохожа. Шериданъ пріобрѣлъ еще славу поэта и писателя; онъ былъ остроумный, горячій, краснорѣчивый ораторъ, но не годился въ государственные люди и дипломаты; въ своей политической жизни онъ пошелъ за Фоксомъ и, подобно ему, до конца жизни остался вѣренъ этому направленію. Напротивъ того, Питтъ былъ рожденъ и воспитанъ дипломатомъ и государственнымъ человѣкомъ; онъ всегда соображался съ обстоятельствами и шелъ постоянно къ чисто политической цѣли, никогда отъ нея не отклоняясь. При этомъ онъ никогда не терялъ спокойствія, хладнокровія, достоинства и умѣренности и, пренебрегая всякими прикрасами рѣчи, говорилъ постоянно откровенную правду. Шериданъ отъ распутства и пьянства впалъ въ нужду и несчастіе, тогда какъ Питтъ умеръ въ обладаніи царской власти, къ которой стремился съ самаго начала и которой достигъ въ 1784. При первомъ же появленіи этихъ людей выказалась разница ихъ характеровъ. Они примкнули къ оппозиціи, которой руководили тогда Рокингемъ и Шельборнъ. Но Шериданъ прямо предался этимъ вожакамъ, а Питтъ съ самаго начала пользовался оппозиціей только для личныхъ своихъ цѣлей. Въ своей первой рѣчи Питтъ пощадилъ дворъ, обруганный Фоксомъ, потому что хотѣлъ основать свою власть на расположеніи короля. Онъ уже тогда умѣлъ говорить такъ, чтобы впослѣдствіи не оказаться, подобно Борку, въ противорѣчіи самъ съ собой. Предметомъ своей первой парламентской рѣчи Шериданъ избралъ разбойническіе поступки, совершенные по приказанію двора войсками во время Гордоновскихъ безпорядковъ, хотя за три мѣсяца передъ тѣмъ Фоксъ говорилъ о томъ же предметѣ, но не возбудилъ большаго вниманія; этимъ Шериданъ зарекомендовалъ себя только либеральнымъ ораторомъ, но не государствен-

нымъ человѣкомъ. Питтъ, напротивъ того, избралъ для своего дебюта не только удобную минуту, но и хорошій предметъ; поэтому у него послѣдствія были совершенно иныя, чѣмъ у Шеридана. Питтъ началъ свое поприще въ парламентѣ рѣчью, гдѣ защищалъ предложеніе Борка о прекращеніи безотчетнаго употребленія общественныхъ денегъ и о преобразованіяхъ въ королевскомъ бюджетѣ; но онъ говорилъ такъ умѣренно, что впослѣдствіи могъ безъ явнаго отступничества дѣлать совершенно противное тому, что говорилъ. Всѣ были удивлены, что молодой 22-лѣтній человѣкъ выказалъ въ своей первой рѣчи болѣе практическихъ и основательныхъ качествъ, чѣмъ блестящихъ способностей; но никто не подозрѣвалъ, что можетъ выйдти изъ его тогдашнихъ рѣчей, гдѣ онъ защищалъ одно дѣло съ Фоксомъ, но щадя личность короля, чтобы впослѣдствіи имѣть возможность поддерживать властью престола государственную аристократію.

Уже осенью 1781 съ Питтомъ соединилось много членовъ парламента, которые хотѣли только низвергнуть министерство Норта, но не измѣнять существующаго порядка. Соединенная оппозиція раздѣлялась на двѣ партія, совершенно различныхъ взглядовъ и принциповъ, а именно на сторонниковъ Шельборна, къ которымъ принадлежалъ Питтъ и прежняя партія его отца, и на сторонниковъ Рокингема, въ числѣ которыхъ знаменитѣйшими были Фоксъ и Боркъ. Обѣ аристократическія партіи соединились для низверженія министерства, съ которымъ боролись съ осени 1781 до марта 1782. Они хитро воспользовались неудачами въ Америкѣ и напали сначала на членовъ министерства порознь. Уже въ январѣ 1782 имъ удалось принудить выйдти въ отставку правителя американскихъ дѣлъ, лорда Джермена, который было возведенъ, подъ именемъ виконта Саквилля, въ званіе пера, не смотря на протестъ многихъ перовъ (стр. 149 — 150). Потомъ принялись за управлявшаго морскимъ вѣдомствомъ лорда Сандвича, столь же ненавистнаго и неспособнаго, какъ и лордъ Джерменъ. Нападки оппозиціи не удались, потому что у графа Сандвича былъ такой же мѣдный лобъ, какъ и у самого лорда Норта; но преданіе его суду было отвергнуто такимъ слабымъ большинствомъ голосовъ, что звѣзда лорда Норта видимо закатывалась. Хотя до шестимѣсячныхъ парламентскихъ каникулъ, во время которыхъ министръ могъ бы еще утвердиться, оставалось только недѣля, Нортъ упалъ духомъ и не рѣшился болѣе бороться съ бурей. 20 марта онъ подалъ въ отставку.

Тогда король Георгъ III былъ принужденъ избирать министровъ изъ ненавистной ему оппозиціи. Это было для него тѣмъ болѣе непріятно, что дѣло министерства Норта онъ считалъ личнымъ, и притомъ большинство оппозиціи стремилось не къ простой перемѣнѣ министра, а къ совершенному измѣненію правительственнаго порядка, существовавшаго со смерти Георга II. Оппозиція хотѣла совершенно устранить личное вліяніе короля и его креатуръ, и потому король былъ принужденъ даже удалить отъ себя людей, которые давно составляли его домашній кружокъ и къ которымъ онъ былъ лично привязанъ. Георгъ III долженъ былъ сносить отказы въ синекурахъ, которыми владѣли его друзья, потому что ему пришлось составить новое министерство изъ членовъ оппозиціи. Онъ не могъ ограничить своего выбора Шельборномъ и его сторонниками, желавшими по возможности не удаляться съ стараго пути; вмѣстѣ съ ними ему пришлось взять въ министры Рокингема и Шеридана, Борка, Фокса и другихъ, частью совершенно ненавистныхъ ему людей, потому что Шельборнъ не чувствовалъ въ себѣ столько силы, чтобы одному управлять государствомъ.

До сихъ поръ эти люди постоянно настаивали въ парламентѣ на признаніи независимости Сѣверной Америки. Сдѣлавшись министрами, имъ пришлось, чтобы не измѣнять себѣ, дѣйствовать въ пользу возстановленія мира. Предложенія ихъ были отвергнуты непріятелями, потому что патріотическая партія пріобрѣла перевѣсъ въ Нидерландахъ, и военное счастье нигдѣ не улыбалось англичанамъ. Только въ Вестъ-Индіи, гдѣ англичане лишились всѣхъ своихъ острововъ за исключеніемъ только трехъ, Родни блестящей побѣдой доставилъ имъ перевѣсъ. Когда главному владѣнію англичанъ, Ямайкѣ, стала угрожать высадка французовъ и испанцевъ, Родни хотѣлъ, во что бы то ни стало, помѣшать соединенію непріятельскихъ флотовъ. Онъ далъ французскому адмиралу де Грессу битву при островѣ Доминикѣ, которая осталась нерѣшенной. Апрѣля 12 онъ принудилъ его къ второй битвѣ въ проливѣ между Гваделупой и Доминикой

при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ для непріятеля. Смѣлымъ маневромъ Родни одержалъ рѣшительную побѣду. Онъ разорвалъ всѣмъ своимъ флотомъ непріятельскую линію, раздѣлилъ его флотъ на двѣ части и, хотя непріятель нѣсколько часовъ стойко выдерживалъ битву, нанесъ ему такое пораженіе, что французы потеряли 8 линейныхъ кораблей и 7,000 человѣкъ дессанта, между тѣмъ какъ англичане понесли очень слабую потерю. Самъ де Грассъ послѣ храбраго сопротивленія попался въ плѣнъ.

Побѣда Родни едва могла считаться вознагражденіемъ за островъ Минорку, потерянный Англіей два мѣсяца тому назадъ. Испанскій король Карлъ III давно преслѣдовалъ планъ изгнать англичанъ изъ ихъ владѣній на испанской почвѣ, съ Минорки и изъ Гибралтара, который они пріобрѣли въ началѣ столѣтія (стр. 10). Минорка была отнята у нихъ въ семилѣтнюю войну, но возвращена по парижскому миру (стр. 157) Съ 1779 Карлъ съ французами держалъ Гибралтаръ въ тѣсной блокадѣ. Въ іюлѣ 1781 онъ послалъ Минорку 8,000 испанскихъ солдатъ, которые неожиданно высадились и быстро взяли весь островъ. Только одна маленькая крѣпость держалась храбростью своего слабаго гарнизона и коменданта Мѐрри противъ сильнаго и снабженнаго огромнымъ количествомъ орудій осаднаго войска. Эта горсть храбрецевъ сдала крѣпость (5 февраля 1782), только когда голодъ и болѣзни лишили ее возможности защищаться и когда непріятель предложилъ почетную капитуляцію.

Завоеваніе Минорки возродило въ королѣ Карлѣ надежду отнять у англичанъ Гибралтаръ. Чтобы аттаковать эту крѣпость съ успѣхомъ, онъ хотѣлъ совершенно отрѣзать ей сообщенія съ моремъ соединенными французскимъ, испанскимъ и голландскимъ флотами. Но штатгальтеръ и голландскіе начальники, преданные Оранской партіи и потому расположенные къ англичанамъ, разстроили этотъ замыселъ, объявивъ, что въ этомъ году поздно высылать большіе военные корабли. Тогда привели въ исполненіе другой планъ, такой же сумасбродный, какъ походъ царя Ксеркса въ Грецію, и имѣвшій для Испаніи такія же гибельныя слѣдствія, какъ этотъ походъ для персидскаго государства. Карлъ III принялъ планъ французскаго инженера д'Арсона, чтобы вмѣсто шлюбокъ, слишкомъ слабыхъ для перевозки тяжелыхъ орудій, выстроить такъ называемыя *пловучія батареи*, т. е. большія, но плоскодонныя суда, на которыхъ помѣстилось болѣе 300 тяжелыхъ орудій; онѣ были прикрыты крышами изъ толстаго теса, защищеннаго мокрымъ пескомъ, сырыми кожами и слоемъ пробковаго дерева. Эти суда обошлись ужасно дорого; полагали, что покрышку ихъ ядра не пробьютъ; они должны были подойти какъ можно ближе къ крѣпости и разрушить ее, между тѣмъ какъ съ суши непріятельскія укрѣпленія должна была аттаковать 52-тысячная армія. Все это было основано на пустыхъ теоретическихъ разсчетахъ, вслѣдствіе чего съ самаго начала возбудило въ опытныхъ, практическихъ военныхъ людяхъ такое недовѣріе, что между прочимъ двое умныхъ испанскихъ адмираловъ рѣшительно противились этому колосальному и въ высшей степени убыточному предпріятію. Англійскіе офицеры въ Гибралтарѣ, особенно комендантъ, лордъ Эллiотъ, смѣялись надъ этими постройками, предвидя вѣрную добычу. Элліотъ надѣялся на каленыя ядра. Своей отличной артиллеріей онъ недавно въ три дня разрушилъ огромныя новыя укрѣпленія, воздвигнутыя непріятелемъ на сушѣ въ продолженіе девяти мѣсяцевъ. Когда 13 сентября къ гибралтарскимъ скаламъ приблизилось десять пловучихъ батарей, Элліотъ велѣлъ пускать въ нихъ каленыя ядра, и тогда не замедлило оказаться, что покрышка, казавшаяся столь хорошей, не можетъ предохранить такую громадную массу дерева отъ горѣнія. Вскорѣ восемь батарей охватились огнемъ, а двѣ остальныя были взяты англичанами. Изъ 5,000 солдатъ дессанта 1,500 погибло самымъ ужаснымъ образомъ, 400 человѣкъ было вытащено англичанами изъ воды, а остальнымъ удалось спастись. Славу Элліота раздѣлилъ англійскій адмиралъ Гоу, который успѣшно привелъ въ Гибралтаръ флотъ въ 34 линейныхъ корабля съ припасами и подкрѣпленіями, хотя ему пришлось проходить мимо непріятельскаго флота въ 64 вымпела, въ томъ числѣ 42 линейныхъ корабля.

Во время этого нелѣпаго нападенія на Гибралтаръ, мирные переговоры были уже начаты. Министерство, состоявшее изъ Шельборна и Рокингема, поспѣшило послать уполномоченнаго въ Парижъ вести переговоры съ французами и съ

Бенджаменомъ Франклиномъ. Конгресъ съ своей стороны уполномочилъ Дже, Джона Адамса и Лауренса. Англійскіе министры заранѣе обѣщали признать независимость Сѣверной Америки и даже заявили, что хотя признаніе это имѣетъ быть выражено только въ мирномъ договорѣ, однако къ сѣверо-американцамъ будутъ теперь же относиться, какъ къ самостоятельной націи. Тѣмъ не менѣе переговоры затянулись, потому что англійское министерство, составленное изъ противоположныхъ элементовъ, съ самаго начала стояло нетвердо, и либеральная часть его имѣла слишкомъ мало вліянія на короля и на народъ. Въ іюлѣ 1782 министерство распалось вслѣдствіе смерти Рокингема, послѣ чего Шельборнъ отважился образовать правительство исключительно изъ своихъ приверженцевъ. Относительно мирныхъ переговоровъ оно имѣло то преимущество, что король, чтобы отдѣлаться отъ войны и черезъ это менѣе зависѣть отъ парламента, исполнялъ всѣ желанія министровъ. Главнымъ лицомъ въ новомъ министерствѣ былъ въ дѣйствительности не Шельборнъ, а Питтъ, вступившій въ него въ званіи канцлера казначейства. Онъ не только поддерживалъ новое министерство своимъ талантомъ въ нижней палатѣ, т. е. на рѣшительномъ боевомъ поприщѣ, но и удержалъ за собой вѣрность всей партіи лорда Чатама, потому что защищалъ доходы, синекуры и всѣ преимущества, которыми дорожила аристократія. Помощникомъ его, казначеемъ флота, былъ шотландецъ Дундасъ, впослѣдствіи лордъ Мельвиль; съ 1781 онъ былъ и остался вѣрнѣйшимъ приверженцемъ Питта.

Въ мирныхъ переговорахъ новые министры исполнили всѣ желанія сѣверо-американцевъ, чтобы поскорѣе разъединить ихъ съ ихъ союзниками. Они достигли своей цѣли. Хотя Франклинъ требовалъ, чтобы американцы остались вѣрны договору, заключенному съ Франціей, въ силу котораго Сѣверная Америка и Франція должны были заключать мирные договоры непремѣнно вмѣстѣ, но его опровергли Дже и Адамсъ. Какъ истые янки, они имѣли въ виду только свои выгоды. Ноября 30 1782 въ Парижѣ были подписаны прелиминарныя статьи договора между англичанами и сѣверо-американцами помимо французскаго министра Вержена, которому американцы были всѣмъ обязаны. Американцы выпутались крючкотворствомъ, давъ прелиминарному договору названіе временныхъ статей съ мнимымъ обязательствомъ подписать ихъ только по заключеніи французскихъ и англійскихъ прелиминарій. Такая неблагодарность и такой обманъ позорятъ начало сѣверо-американской республики. Напротивъ того, французское правительство поступило очень честно. Оно могло послѣдовать примѣру американцевъ и, покинувъ Испанію, получить гораздо выгоднѣйшія условія мира. Вмѣсто того оно пожертвовало своими выгодами, чтобы угодить испанскому королю Карлу III, которому хотѣлось снова завладѣть Гибралтаромъ, и который поэтому не соглашался на миръ. Голландіи пришлось больше всего поплатиться, потому что это государство не возбуждало въ друзьяхъ уваженія, а въ врагахъ — страха. Если бы въ Голландіи господствовало единодушіе, если бы такъ называемые патріоты по крайней мѣрѣ теперь оказали довѣріе своему штатгальтеру, они добились бы отъ Англіи, которая давно предлагала имъ возобновленіе договора 1674, гораздо лучшихъ условій; но они безразсудно и слѣпо ненавидѣли Англію и собственное правительство. Вслѣдствіе этого Голландія лишилась важной для своей торговли колоніи на Коромандельскомъ берегу, должна была предоставить англичанамъ свободное плаваніе въ водахъ Остъ-Индіи и не получила ни малѣйшаго вознагражденія за большія потери, понесенныя во время войны ея торговлей. Зато Испанія завладѣла обѣими Флоридами и островомъ Миноркой. Французамъ была возвращена часть уступокъ, сдѣланныхъ по ту сторону океана по миру 1763 (стр. 157). Кромѣ того они пріобрѣли право укрѣплять Дюнкирхенъ и освободились отъ надзора, который Англія въ силу прежнихъ договоровъ имѣла надъ этимъ городомъ; это условіе было особенно лестно для французской чести. Формальное заключеніе мира послѣдовало 3 сентября 1783 въ Версалѣ.

4. Внутреннія дѣла Англіи при Коалиціонномъ министерствѣ.

Въ сѣверо-американско-французскую войну Англія пріобрѣла два преимущества. Она опять ослабила морское могущество Франціи, Испаніи и Голландіи и разстроила попытку европейскихъ морскихъ державъ подорвать ея морскую силу. Однако миръ былъ унизителенъ для британской гордости, потому что, какъ бы то ни было, версальскій миръ былъ самымъ почетнѣйшимъ для Франціи и самымъ невыгоднѣйшимъ для Англіи. Когда въ январѣ 1783 въ Англіи были обнародованы мирныя прелиминаріи, противъ короля поднялись всѣ. Даже лордъ Нортъ заговорилъ въ оппозиціи тоже самое, что Фоксъ; и между этими двумя людьми, которые прежде дѣлали другъ другу самые страшные упреки относительно чести, нравственности и права, составился союзъ для низверженія министерства Шельборна. Республиканецъ Фоксъ сталъ открыто называть своимъ другомъ лорда Норта, котораго въ теченіе 16 лѣтъ ругалъ угнетателемъ свободы. Оба они пользовались обстоятельствами, чтобы коварнымъ отреченіемъ отъ своихъ принциповъ и чести навязать себя въ министры честному и благочестивому королю. Они объявили въ парламентѣ о своемъ союзѣ 16 и 17 февраля 1783 и съ этого дня стали открыто мѣтить въ преемники Шельборну. Они не требовали уничтоженія мирныхъ прелиминарій, потому что на нихъ согласилась верхняя палата; они не требовали и обвиненія министровъ. Они довольствовались просто порицаніемъ ихъ образа дѣйствій, потому что хотѣли только вытѣснить министровъ и занять ихъ мѣста. 22 февраля Шельборнъ уступилъ обстоятельствамъ. Но Питтъ еще пять недѣль уговаривалъ короля держаться и не предавать въ руки безсовѣстной коалиціи судьбу государства, пользованіе синекурами и пенсіями. Наконецъ нижняя палата потребовала новаго министерства, и государственная машина совершенно остановилась. Тогда 2 апрѣля Георгъ былъ принужденъ покориться необходимости. Во главѣ назначеннаго Коалиціоннаго министерства стоялъ герцогъ Портлендъ; Фоксу были ввѣрены иностранныя дѣла; лорду Норту внутреннія; Боркъ и Шериданъ хотя не были приняты въ кабинетъ, однако получили важныя мѣста.

Новое министерство имѣло за себя большинство въ парламентѣ, потому что онъ былъ избранъ подъ вліяніемъ лорда Норта и потому что прежніе либеральные члены находились теперь въ союзѣ съ абсолютистами. Напротивъ того, король какъ былъ, такъ и остался врагомъ своихъ новыхъ министровъ и жаждалъ минуты, когда можно будетъ отставить ихъ. Чтобы упрочить власть за собой и за своими союзниками, Фоксу пришла мысль надолго подчинить парламентъ олигархіи своего министерства или, какъ объяснялъ Питтъ въ оппозиціи, доставить коалиціи либераловъ и абсолютистовъ такое могущество, чтобы никакія перемѣны не могли низвергнуть ее или поколебать ея значеніе. Для этой цѣли Фоксъ прибѣгнулъ къ такому хитрому средству, что король ничего не замѣтилъ и согласился на этотъ планъ, и даже большинство государственныхъ людей не поняло замысловъ министра. Фоксъ скрылъ свой планъ пожертвовать интересами короля, парламента и народа для упроченія позорной коалиціи, давъ ему скромный видъ проекта реформы Остъ-Индской компаніи.

Акціонеры Остъ-Индской компаніи, имѣвшіе право избирать изъ своей среды директоровъ важнѣйшей для всей Англіи и Шотландіи торговли въ Остъ-Индіи и Китаѣ, были владѣтелями обширнѣйшаго царства въ Остъ-Индіи. Тысячи людей существовали на ихъ счетъ, находя на службѣ компаніи занятія и средства къ жизни. Это давало директорамъ необыкновенное значеніе въ Англіи. Вообще такое положеніе дѣлъ, что горсть англичанъ, подданныхъ и купцовъ на родинѣ, были царями въ Азіи, имѣло пагубныя слѣдствія. Но Остъ-Индская компанія была гибельна для англійской націи еще по другой причинѣ. Директоры такъ дурно вели дѣла ея, что не только чиновники и генералы ихъ въ Индіи совершали неслыханныя злодѣянія для своего обогащенія, но даже торговля общества шла дурно, и ему грозило банкротство, которое уничтожило бы англійскій кредитъ и повергло бы въ несчастіе безчисленное множество людей. Первое,

когда открылось, возбудило негодованіе неиспорченной части націи. Послѣдствія втораго обстоятельства обнаруживались уже неоднократно, потому что парламентъ, желая избѣгнуть банкротства, долженъ былъ помогать компаніи своими милліонами, т. е., другими словами, англійскому народу приходилось искупать своими деньгами грѣхи частной торговой компаніи. Вслѣдствіе этого народу безспорно принадлежало право вмѣшаться въ завѣдываніе финансовыми дѣлами этого общества и въ управленіе владѣніями, завоеванными англійскими войсками. Въ 1773 лордъ Нортъ, какъ глава министерства, составилъ парламентскій актъ, въ силу котораго управленіе Остъ-Индской компаніей и ея дѣйствія въ Остъ-Индіи преобразовывались и подчинялись контролю министерства, что увеличивало власть и силу министровъ и въ особенности вліяніе ихъ на парламентскіе выборы. Лордъ Клайвъ, великій полководецъ, завоевавшій на службѣ компаніи большую часть Индіи (стр. 152), но совершившій при этомъ страшныя жестокости и разбойничества и нажившій несмѣтное богатство, былъ обвиненъ въ парламентѣ въ преступленіяхъ, но оправданъ. Потомъ генералъ-губернаторомъ Остъ-Индіи былъ сдѣланъ Уорренъ Гестингсъ, который поступалъ точно такъ же и потому впослѣдствіи былъ также обвиненъ парламентомъ.

Законъ 1773, какъ и всѣ другія постановленія, оказался безполезнымъ. Въ 1783 правительство и оппозиція рѣшили подчинить надзору англійскаго правительства управленіе Остъ-Индской компаніей и ея владѣніями. Этимъ воспользовался Фоксъ, чтобы въ ноябрѣ 1783 предложить парламенту такъ называемый индійскій билль, которымъ, подъ видомъ преобразованія учрежденій Остъ-Индской компаніи и управленія Остъ-Индіей, министерство и парламентъ дѣлались совершенно независимыми отъ короля и народа и подчинялись коалиціи. Этимъ биллемъ компанію предполагалось подчинить коммисіи изъ семи членовъ; но такъ какъ коммисія избиралась парламентомъ, т. е. министерствомъ, подъ вліяніемъ котораго избирался и самъ парламентъ, то въ коммисію могли войти только безусловные сторонники министровъ. Дѣйствительно, Фоксъ тотчасъ предложилъ парламенту семь человѣкъ — все родственниковъ министровъ. Хотя они назначались только на 4 года, но этимъ министерство тѣмъ вѣрнѣе достигало своей цѣли. Дѣло въ томъ, что надъ акціонерами былъ повѣшенъ мечъ, который каждые 4 года грозилъ паденіемъ; кромѣ того коалиція была увѣрена въ большинствѣ голосовъ въ будущемъ парламентѣ, предстоявшемъ черезъ 4 года, такъ какъ всѣ заинтересованные въ дѣлѣ компаніи должны были всѣми силами стараться составить парламентъ, согласный съ министерствомъ.

Индійскій билль былъ поспѣшно трижды прочитанъ и принятъ въ нижней палатѣ, такъ что уже 9 декабря его можно было перенести въ верхнюю. И тутъ въ первое и второе засѣданія онъ прошелъ, не смотря на горячія возраженія лорда Темпля, герцога Ричмонда и лорда Терло, и министерство было уже увѣрено въ побѣдѣ, потому что третье чтеніе билля было обыкновенно пустой формальностью. Но въ это время королю открыли глаза, и въ послѣднюю рѣшительную минуту онъ сдѣлалъ шагъ, противный конституціи, но разстроившій все дѣло. Онъ объявилъ своимъ друзьямъ въ верхней палатѣ запиской на имя лорда Темпля, подписанной имъ самимъ, что будетъ считать своимъ врагомъ всякаго, кто подастъ голосъ за индійскій билль. Вслѣдствіе этого билль не прошелъ, но вызвалъ революціонныя нападки на короля и на палату перовъ. Нижняя палата объявила поступокъ лорда Темпля тяжкимъ преступленіемъ, и сами министры говорили въ парламентѣ рѣчи, которыя запальчивостью и грубостью превосходили даже газетныя статьи Вилькса и письма Юніуса. Послѣ такихъ нападокъ министрамъ было, конечно, невозможно оставаться въ должности. Однако они добровольно не вышли; король прождалъ ихъ отставки цѣлый день и наконецъ самъ отставилъ ихъ въ ночь съ 18 на 19 декабря. Совѣтниками короля были Питтъ и лордъ Темпль. Имъ сообща досталось управленіе дѣлами; но Питтъ не терпѣлъ совмѣстничества и вскорѣ на 24 году жизни сдѣлался полнымъ властелиномъ.

Прежде всего Питтъ принялся за перемѣны въ высшихъ административныхъ сферахъ; однако противъ общаго ожиданія онъ не распустилъ парламентъ и съ большимъ политическимъ тактомъ продолжалъ борьбу противъ него, пока не приготовилъ публику пасквилями и статьями и не запугалъ парламентъ, такъ что

онъ не посмѣлъ отказать въ бюджетѣ. 22 декабря парламентъ большинствомъ голосовъ составилъ въ высшей степени враждебный королю адресъ; Питтъ далъ на него уклончивый отвѣтъ и рѣзко прекратилъ бурю, когда парламентъ началъ волноваться. Уже въ январѣ 1784 онъ успѣлъ привлечь на свою сторону верхнюю палату, что было нетрудно, потому что Питтъ явился защитникомъ привилегій и представителемъ добраго стараго времени. Въ то же время онъ продолжалъ дѣйствовать на народъ, представлялъ ему индійскій билль коалиціи нападеніемъ на частную собственность и нарушеніемъ конституціи. Вскорѣ со всѣхъ сторонъ посыпались адресы въ пользу новаго министерства, и уже въ концѣ января нижняя палата принуждена была сдѣлать на нѣкоторое время видъ, будто ищетъ пути къ примиренію переговорами объ устройствѣ смѣшаннаго министерства. Въ началѣ слѣдующаго мѣсяца верхняя палата, опираясь на общественное мнѣніе, почувствовала себя въ силахъ сдѣлать нападеніе на все, что дѣлала до сихъ поръ нижняя палата. Хотя Фоксъ нѣсколько разъ проводилъ въ нижней палатѣ адресы, которыми положительно и въ сильныхъ выраженіяхъ требовалось отставки министерства, но въ мартѣ оппозиціонная партія была уже такъ слаба, что послѣдній изъ этихъ адресовъ прошелъ только большинствомъ одного голоса. Такъ какъ Фоксъ лишился расположенія народа, то не могъ болѣе стѣснять управленія. Марта 9 бюджетъ былъ одобренъ нижней палатой. Питтъ, не торопясь, оставилъ еще парламентъ на нѣсколько недѣль и распустилъ его только 29 марта.

Выборы въ новый парламентъ были вообще неблагопріятны коалиціи, и Питтъ получилъ большинство голосовъ, которое ему было нужно, чтобы подавить демократическое движеніе, начавшееся въ 1763, и въ тоже время возвысить аристократію надъ королемъ. Кромѣ того ему очень кстати пришлась открытая ссора между Георгомъ III и сыномъ его, впослѣдствіи королемъ Георгомъ IV. Такъ какъ Фоксъ и Шериданъ приняли сторону наслѣднаго принца и вступились за него въ парламентѣ, то хотя, съ одной стороны, задача Питта усложнилась, потому что ему пришлось обратить личныя дѣла короля въ свои собственныя, но, съ другой стороны, тоже обстоятельство сдѣлало его необходимымъ королю, если Георгъ не хотѣлъ попасть въ руки своихъ враговъ. Новый индійскій билль былъ первымъ, который Питтъ подалъ на утвержденіе новому парламенту. Въ силу этого билля главный надзоръ надъ Остъ-Индской компаніей и ея владѣяніями былъ навсегда предоставленъ правительственному учрежденію (Board of control), которое назначалось королемъ и дѣйствіе котораго распространялось на всѣ дѣла компаніи за исключеніемъ ея торговли и собственности. Кромѣ того королю было предоставлено назначать высшихъ начальниковъ въ Остъ-Индію, утверждать всѣхъ тамошнихъ важныхъ чиновниковъ и смѣнять ихъ. Это доставило то вліяніе, которое Фоксъ своимъ биллемъ хотѣлъ удержать исключительно за своимъ министерствомъ, всякому министерству, назначенному законнымъ порядкомъ. Потомъ Питтъ медленно и осторожно провелъ аристократическую или консервативную реакцію. Онъ замѣнилъ демократическое движеніе, колебавшее Англію въ послѣднія 20 лѣтъ, другимъ, цѣлью котораго было сохраненіе всѣхъ старыхъ злоупотребленій, всѣхъ синекуръ и пожалованныхъ имѣній и всѣхъ привилегій знатныхъ фамилій. Движеніе это возрастало съ 1784 въ такой же мѣрѣ, какъ на материкѣ, казалось, исчезало все старое. Поэтому Питтъ былъ впослѣдствіи въ такой же непримиримой враждѣ съ французскими республиканцами, а потомъ съ Бонапартомъ, какъ вообще все старое съ новымъ.

XIII. ПРЕДВѢСТІЯ

ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ВЪ БЕЛЬГИИ, ВЪ ГОЛЛАНДІИ И ВО ФРАНЦІИ.

1. Бельгія.

Правительство Бельгіи было также запутанно, какъ и голландское. Съ XV столѣтія оно нисколько не измѣнилось и потому нисколько не согласовалось съ потребностями времени. У бельгійцевъ было множество старинныхъ привилегій, правъ и обычаевъ, и каждая провинція, каждое мѣстечко, каждый городъ имѣлъ свои особенныя права; большая часть этихъ правъ не основывалась даже на писанныхъ документахъ, а была просто дѣломъ обычая; однако правители, вступая въ управленіе, принимали присягу въ соблюденіи ихъ. Они обязывались управлять въ совершенно національномъ духѣ, замѣщать должности только туземцами, не арестовывать никакого гражданина самовольно и не лишать его законнаго суда. Три главные суда, гельдернскій, брабантскій и мехельнскій, были, подобно двумъ нѣмецкимъ имперскимъ судамъ, совершенно независимы, и согласно конституціи, пользовались политическими правами. На подобныя права имѣли притязаніе и французскіе парламенты; но во Франціи правительство постоянно отвергало ихъ. Въ Бельгіи же распоряженія правительства не имѣли силы безъ предварительнаго разсмотрѣнія и утвержденія этихъ судовъ. Каждая провинція имѣла свои особые чины, избранные изъ духовенства, дворянства и городовъ и обладавшіе не только законодательной властью и правомъ утверждать подати, но частію даже правомъ возвышать, распредѣлять и употреблять налоги, а комитеты ихъ могли даже вмѣшиваться въ управленіе. Хотя сеймы и трибуналы часто злоупотребляли своими привилегіями, но масса народа была средневѣковыхъ временъ, какъ въ Англіи; она была такъ предана привилегированнымъ классамъ, что нація постоянно была готова жертвовать имуществомъ и кровью за свою знать и ея такъ называемую свободу. Въ XVI столѣтіи бельгійцы принимали участіе въ возстаніи противъ Филиппа II, потому что имъ угрожало уничтоженіе ихъ старыхъ вольностей и правъ; но едва наслѣдникъ Филиппа II призналъ ихъ, какъ они разошлись съ возставшими заодно съ ними голландскими провинціями, потому что подъ испанскимъ владычествомъ католическая религія была болѣе обезпечена, чѣмъ въ союзѣ съ ихъ протестантскими соотечественниками.

Это смѣшеніе религіи съ политикой или, другими словами, непоколебимая приверженность къ старой религіи, къ наслѣдственному вѣрованію и къ древнимъ церковнымъ празднествамъ и обрядамъ всегда была главной чертой характера бельгійскаго народа. На немъ основывалось и громадное вліяніе духовенства, и его безусловная власть надъ суевѣрнымъ и богомольнымъ народомъ. Могущество духовенства поддерживалось еще тѣмъ, что большая часть земель находилась во владѣніи церкви, и аббатства, епископства и духовныя владѣнія служили надѣломъ младшимъ сыновьямъ дворянства, такъ что интересы духовенства были тѣсно связаны съ интересами свѣтской аристократіи. Въ Бельгіи духовенство было многочисленнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Кромѣ множества монаховъ и священни-

ковъ, архіепископа и семи епископовъ, въ Бельгіи было 107 аббатовъ, изъ которыхъ многіе получали по 300,000 гульденовъ въ годъ. Вліяніе духовенства распространялось даже на тѣ классы народа, которые не принадлежали ни къ дворянству, ни къ суевѣрной толпѣ, потому что всѣ школы и даже левенскій университетъ находились исключительно подъ руководствомъ духовенства; слѣдовательно, оно давало образованіе и направленіе всѣмъ чиновникамъ юстиціи и правительства.

Эти обстоятельства ясно показываютъ, что въ Бельгіи лежалъ особенный національный отпечатокъ на всѣхъ обычаяхъ, учрежденіяхъ, взглядахъ и на всей жизни, что, слѣдовательно, эта страна, какъ Венгрія, была отдѣльнымъ государствомъ австрійскаго дома, но никогда не могла быть или считаться австрійской провинціей. Изъ этого ясно слѣдуетъ, что жителямъ такой страны было легко противодѣйствовать безъ явнаго возмущенія всякой попыткѣ произвести въ ней какое-нибудь самовольное измѣненіе черезъ полицію, военную силу или бюрократію. Само австрійское правительство давало Бельгіи видъ самостоятельнаго государства, назначая въ Брюссель штатгальтеровъ обыкновенно изъ принцевъ, хотя главой бельгійской администраціи былъ кромѣ того императорскій министръ въ Брюсселѣ же. Штатгальтеры держали дворъ и имѣли при себѣ дипломатическій корпусъ. При Іосифѣ II штатгальтершей бы сестра его, Христина, жена герцога Саксенъ-Тешенскаго.

Іосифъ II поступилъ весьма опрометчиво, стараясь ввести въ Бельгію свои благонамѣренныя теоріи государственнаго устройства, управленія, юстиціи, школъ и церкви. Онъ неизбѣжно долженъ былъ вызвать этимъ возстаніе, которое скоро обратилось въ полную революцію, потому что въ Бельгіи все было тѣсно связано между собою, и даже сами правительственныя лица поддерживали борьбу противъ императора. Самъ Іосифъ кромѣ того сдѣлалъ большую ошибку, назначивъ министромъ въ Брюссель неспособнаго князя Штаремберга, который передалъ всѣ дѣла хитрому монаху Крумпипену, а тотъ распоряжался такъ, что незамѣтно для князя мѣшалъ реформамъ Іосифа.

Іосифъ началъ свои реформы въ Бельгіи съ церкви и съ школъ, но на первомъ же шагу встрѣтилъ сопротивленіе со стороны духовенства и юристовъ. Въ ноябрѣ 1781 юристы не допустили обнародовать въ Бельгіи эдиктъ Іосифа о вѣротерпимости (стр. 177). Но Іосифъ настоялъ на своемъ; онъ приказалъ упразднить многіе монастыри, запретилъ аппелировать къ папѣ, отнялъ у епископовъ право рѣшать брачныя дѣла, запретилъ обнародывать окружныя посланія, пока они не утверждены правительствомъ, уменьшилъ число процесій и произвелъ реформы въ университетѣ. Въ судопроизводствѣ онъ тоже намѣревался сдѣлать значительныя измѣненія, но остановился, когда вспыхнули безпокойства. За то въ дѣлахъ религіи онъ шелъ упорно. Въ 1786 онъ отнялъ у левенскаго университета, находившагося подъ вѣдѣніемъ архіепископа мехельнскаго, нунція и эксъ-іезуитовъ, его исключительную привилегію на народное просвѣщеніе, и основалъ генеральную семинарію подъ надзоромъ правительства, гдѣ всѣ священники должны были получать образованіе при содѣйствіи нѣмецкихъ учителей, назначаемыхъ правительствомъ. Они проповѣдывали догматы и церковное право не въ духѣ римской куріи и тридентскаго собора, а по принципамъ и рѣшеніямъ древнихъ соборовъ. Ожесточенное духовенство, увидавъ, что этимъ угрожаютъ его господству надъ направленіемъ народа, завопило противъ всего этого дѣла, выставляло императора врагомъ религіи и возмущало учениковъ генеральной семинаріи. Въ декабрѣ 1786 ученики сдѣлали формальное возстаніе, а правительство съ перепуга послало противъ нихъ солдатъ, которые принялись стрѣлять. Такъ какъ въ числѣ жертвъ были дѣти знатнѣйшихъ фамилій, то негодованіе распространилось по всей странѣ. Между тѣмъ правительство послѣ первой жестокости впало въ противоположную ошибку. Оно прекратило военныя мѣры, приняло отъ студентовъ адресъ, наполненный самыми неумѣренными требованіями, старалось дѣйствовать на нихъ убѣжденіемъ и доводами и слушало ихъ возраженія. Студенты же, чтобы уничтожить генеральную семинарію, бѣжали изъ нее, какъ изъ зачумленной.

Все это привело императора къ старой несчастной мысли, что ему не на кого положиться. Онъ думалъ — и на этотъ разъ былъ правъ — что ему измѣ-

няютъ его собственные чиновники и потому сталъ дѣйствовать по своему личному усмотрѣнію. Онъ удалилъ нунція, вызвалъ архіепископа мехельнскаго въ Австрію, отозвалъ лѣниваго Штаремберга и назначилъ на его мѣсто умнаго графа Бельджіозо. Но онъ до того не понималъ настоящей причины зла, что не только оставилъ проныру Крумпипена въ должности, но даже вскорѣ, учреждая императорскій совѣтъ для приведенія въ исполненіе своихъ намѣреній, поставилъ Крумпипена во главѣ его. Іосифъ не остановился на измѣненіи личнаго состава правительства: такъ какъ старыя іерархическія и аристократическія учрежденія были совершенно несовмѣстны съ его планами, онъ хотѣлъ прибѣгнуть противъ нихъ даже къ насильственнымъ мѣрамъ. Въ январѣ 1787 онъ простымъ приказомъ измѣнилъ все судопроизводство и администрацію и, не принимая въ соображеніе существовавшихъ порядковъ, раздѣлилъ всю страну на округи. Поступокъ этотъ возбудилъ къ возстанію не только фанатическую толпу, давно подстрекаемую священниками и монахами, но и дворянство, адвокатовъ и чиновниковъ, которымъ помѣшали въ ихъ старой рутинѣ или у которыхъ отняли прежнія выгоды. Въ апрѣлѣ вспыхнуло полное возмущеніе. Одинъ богатый человѣкъ, сплутовавшій въ поставкѣ на армію, былъ вызванъ въ Вѣну для слѣдствія, и это послужило предлогомъ къ открытому возстанію. Граждане столицы вооружились и подали чинамъ жалобы въ самыхъ запальчивыхъ выраженіяхъ. Мѣстное правительство, которое въ сущности совершенно не сочувствовало планамъ Іосифа, воспользовалось этимъ, чтобы уничтожить предписанное измѣненіе въ судопроизводствѣ. Этой слабостью воспользовались зачинщики возстанія для своихъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Города и сословія требовали безусловной отмѣны императорскихъ повелѣній, а Брабантскій совѣтъ, одинъ изъ трехъ высшихъ судовъ, объявилъ недѣйствительными всѣ приговоры новыхъ судовъ. Въ то же время народъ преслѣдовалъ всѣхъ, кто сочувствовалъ намѣреніямъ императора. Правительство перваго монарха того времени было такъ слабо, что согласилось на уступки, требуемыя священниками и дворянами, хотя не имѣло права соглашаться. Оно уступило всѣмъ требованіямъ.

Императоръ былъ очень недоволенъ дѣйствіями своего правительства, но рѣшился дѣйствовать сначала кротостью. Онъ далъ амнистію, велѣлъ пріостановить свои распоряженія и вызвалъ въ Вѣну намѣстничество и депутатовъ сословій всѣхъ провинцій, чтобы, какъ онъ предполагалъ, убѣдить ихъ доводами. Но возстаніе продолжалось. Долго не хотѣли посылать депутатовъ; штатгальтершѣ долго не позволяли ѣхать; брабантскіе чины собирались обратиться къ Франціи, которая однажды уже вступилась за ихъ конституцію. При такихъ обстоятельствахъ императоръ хотѣлъ было послать въ Бельгію войско, но вскорѣ раздумалъ и послалъ только одинъ полкъ. Вѣроятно, къ уступчивости его побудили безпокойства, вспыхнувшія въ Голландіи, или турецкая война, которую онъ тогда предпринималъ. Кромѣ того онъ открыто сознался, что народъ въ Бельгіи находится совершенно во власти духовенства и дворянства и что поэтому гораздо лучше сойтись пока съ этими привилегированными классами и выжидать болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Іосифъ устроилъ свиданіе съ бельгійскими депутатами, на которомъ дозволилъ съ одной стороны возстановить старыя учрежденія, кромѣ монастырей, а съ другой ограничилъ свои реформы пока только духовнымъ образованіемъ. Такимъ образомъ ради сохраненія мира онъ ограничился полумѣрами, но достигъ ими не мира, а только перемирія, потому что обѣ стороны остались не довольны и озлоблены. Послѣ того герцогиня Христина возвратилась въ Бельгію, однако безъ графа Бельджіозо, мѣсто котораго занялъ графъ Траутманнсдорфъ. Главнокомандующимъ былъ назначенъ генералъ д'Альтонъ.

Къ несчастію, императоръ, чтобы не дать погибнуть всѣмъ своимъ реформамъ, захотѣлъ удержать генеральную семинарію, такъ какъ въ Бельгіи не было почвы для догматическаго и философскаго образованія. Кромѣ того Іосифъ, ради этого заведенія, прибѣгнулъ къ насилію, вмѣсто того чтобы прежде всего пріобрѣсти довѣріе народа. Прежде чѣмъ въ Бельгію прибыли Траутманнсдорфъ и д'Альтонъ, левенскіе студенты нагрубили нѣмецкимъ профессорамъ; духовенство, особенно глава его, архіепископъ мехельнскій, отказались прекратить эти безпорядки, потому что эти профессоры признавали законодательную власть не за

папою, а за соборами. Съ левенскимъ университетомъ и съ духовенствомъ начались переговоры о генеральной семинаріи, которые привели только къ тому, что вызвали въ Брюсселѣ и въ другихъ городахъ народное возстаніе. Это должно было имѣть вредныя послѣдствія, потому что начальники гражданской и военной частей, Траутманнсдорфъ и д'Альтонъ, были между собою несогласны, а императоръ не соглашался ни съ тѣмъ, ни съ другимъ. Траутманнсдорфъ хотѣлъ для успокоенія умовъ идти умѣреннымъ путемъ, а д'Альтонъ стоялъ за строгія и рѣшительныя мѣры. Въ довершеніе Крумпипенъ, бывшій уже вице-президентомъ новаго государственнаго совѣта, держалъ руку духовенства и препятствовалъ правительству. Главнымъ руководителемъ народнаго возстанія былъ адвокатъ Ванъ-деръ-Нотъ. Въ августѣ 1788 его хотѣли арестовать, но онъ бѣжалъ въ Голландію, гдѣ, соединясь съ Ванъ-Эйпеномъ и другими эмигрантами, образовалъ революціонный комитетъ и своими прокламаціями и письмами руководилъ движеніемъ въ Бельгіи.

Въ началѣ 1789 императоръ былъ снова вызванъ сопротивленіемъ брабантскаго и геннегаускаго сеймовъ къ насильственному нарушенію конституціи. Въ собраніи этихъ сеймовъ гражданскіе депутаты, подстрекаемые Ванъ-деръ-Нотомъ и брюссельцами, отказали въ концѣ 1788 въ согласіи на главныя подати, и это принудило императора въ январѣ 1789 объявить, что онъ намѣренъ ввести совершенно новое государственное устройство. Хотя впослѣдствіи, когда сеймъ покорился, Іосифъ отложилъ это дѣло, однако въ маѣ потребовалъ отъ брабантскихъ чиновъ уменьшенія представительства третьяго сословія. Это возобновило распрю и произвело полную революцію. Императору измѣняли его собственные намѣстники и чиновники; Траутманнсдорфъ и Крумпипенъ, т. е. само правительство, втайнѣ вызывали грозное народное движеніе. Д'Альтонъ утверждаетъ это въ письмѣ къ императору отъ 21 мая; то же говоритъ, но не такъ рѣзко, одинъ изъ первыхъ тогдашнихъ правительственныхъ лицъ, фонъ-Бергъ, въ своихъ мемуарахъ: «Траутманнсдорфъ, — говоритъ фонъ-Бергъ: — всегда преувеличенно грозилъ, но не желалъ исполнять угрозы, и когда иногда былъ принужденъ дѣйствовать, ограничивался полумѣрами. Онъ грозилъ народу войсками, но никогда не пользовался ими, дѣлая этимъ войска ненавистными и презрѣнными.» При такихъ обстоятельствахъ неудивительно, что планы Ванъ-деръ-Нота и его товарищей удались, а намѣренія императора рушились.

Когда въ іюнѣ 1789 брабантскій сеймъ отказалъ на предложенное Іосифомъ измѣненіе въ представительствѣ городовъ и во взиманіи податей, императоръ велѣлъ 18 іюня исполнить эти реформы насильственно. Сейму отъ имени императора было прочитано повелѣніе военною силою исполнить январскій рескриптъ. Этотъ смѣлый шагъ былъ предпринятъ въ то самое время, когда европейскіе народы были въ высшей степени взволнованы французскимъ національнымъ собраніемъ и ждали отъ Франціи свободы и счастія. Кромѣ того насильственный путь, на который императоръ вступилъ въ іюнѣ 1789, не могъ привести его къ желанной цѣли уже потому, что духовенство всюду возбуждало слѣпо преданный ему народъ. Австрійское войско въ Бельгіи едва простиралось до 20,000 человѣкъ и не могло получить подкрѣпленій по нерасположенію къ императору другихъ державъ. Образъ дѣйствій Траутманнсдорфа и примѣръ сценъ, происходившихъ тогда во Франціи, придавали мужество противникамъ императора. Вскорѣ въ разныхъ городахъ вспыхнули безпокойства и возмущенія, и крестьяне взбунтовались во всей странѣ. Вліяніе французской революціи выразилось учрежденіемъ особенной партіи въ Бельгіи, которую называли вонкистами по имени учредителя, адвоката Ванъ-деръ-Вонка. Партія эта исповѣдовала принципы Ламета и Лафайетта и боролась не только съ автократіей императора, но и съ іерархіей и феодализмомъ бельгійскихъ учрежденій. Однако она соединилась съ Ванъ-деръ-Нотомъ и собрала за границей въ Голландіи вооруженное скопище подъ начальствомъ отставнаго австрійскаго полковника, Ванъ-деръ-Мерша.

Ванъ-деръ Нотъ, Ванъ Эйпенъ и другіе члены революціоннаго комитета рѣшились дѣйствовать; время было удобное, тѣмъ болѣе, что въ то время Австрія была въ неловкихъ отношеніяхъ съ Голландіей, Англіей и Пруссіей. Голландское правительство не только помогало бельгійскимъ эмигрантамъ совѣтами, но поддерживало Ванъ-деръ-Нота и въ переговорахъ, которые онъ старался завязать

съ Англіей и съ Пруссіей. Въ Англіи Питтъ Младшій не хотѣлъ связываться съ бельгійскими революціонерами. За то въ Берлинѣ голландскій посланникъ добился для Ванъ-деръ-Нота отъ министра Герцберга изустнаго увѣренія, что король, вѣроятно, приметъ участіе въ бельгійцахъ, когда они изгонятъ австрійцевъ и обратятся къ нему черезъ свои чины, а не черезъ революціонный комитетъ. Теперь оставалось Ванъ-деръ-Мершу вторгнуться въ Бельгію съ двумя или тремя тысячами человѣкъ, которыя онъ умѣлъ собрать и организовать. 24 октября Ванъ-деръ-Мершъ вступилъ въ Бельгію; хотя его скопище было малочисленно и совершенно неустроено, но австрійскіе генералы распоряжались такъ скверно, что 27 октября потерпѣли пораженіе. Вскорѣ Ванъ-деръ-Мершъ былъ принужденъ отступить; но одна колонна его милиціи пробралась въ Гентъ и вслѣдствіе новой ошибки австрійцевъ и двусмысленныхъ дѣйствій Траутманнсдорфа захватила цитадель этого города. Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого было провозглашеніе независимости фландрскаго сейма 23 ноября 1789 и изданіе республиканской конституціи. Этому примѣру вскорѣ послѣдовали и остальныя провинціи. Это было тѣмъ легче сдѣлать, что австрійскія войска вскорѣ совершенно деморализовались и переходили къ мятежникамъ. Уже 17 декабря Ванъ-деръ-Нотъ во главѣ своего революціоннаго комитета торжественно вступилъ въ Брюссель, гдѣ еще за четыре дня была провозглашена независимость всей Бельгіи. Въ послѣднихъ числахъ 1789 всѣ провинціи, за исключеніемъ Люксембургской, гдѣ держался генералъ Бендеръ, были освобождены отъ австрійскихъ войскъ и соединены въ самостоятельную республику. Учрежденіе этой новой республики состоялось быстро и безъ хлопотъ, потому что она основывалась на іерархіи и феодализмѣ, существовавшихъ еще съ среднихъ вѣковъ, и на случай надобности имѣла верховнаго законодателя въ лицѣ папы. Конгресъ депутатовъ, собравшійся въ Брюссель, сталъ преслѣдовать всѣхъ, кто, подобно Ванъ-деръ-Вонку и Ванъ-деръ-Мершу, исповѣдовалъ либеральные взгляды новѣйшаго времени.

Іосифъ II умеръ въ февралѣ 1790, не успѣвъ сдѣлать попытки покорить бельгійцевъ. Его брату и преемнику, Леопольду II, по разнымъ обстоятельствамъ было гораздо легче предпринять это. Бельгійская аристократія вскорѣ увидѣла, что ей будетъ гораздо лучше подъ слабымъ управленіемъ высшаго австрійскаго дворянства, котораго Іосифъ не могъ терпѣть, но которое Леопольдъ немедленно возстановилъ во всѣхъ своихъ владѣніяхъ, чѣмъ подъ господствомъ духовенства, адвокатовъ и цеховыхъ гражданъ. Кромѣ того французскія событія внушили ей трепетъ къ имени республики. Лѣтомъ и осенью 1790 она вступила въ тайное соглашеніе съ императорскимъ дворомъ.

Двѣ другія причины, по которымъ новая республика пала въ томъ же году, какъ основалась, состояли, во-первыхъ, въ политикѣ Англіи, Голландіи и Пруссіи, которая заставила французскую революцію желать возстановленія австрійскаго господства въ Бельгіи, и во вторыхъ, въ ограниченности Ванъ-деръ-Нота и другихъ предводителей господствовавшей партіи, обманутой иностранными дипломатами. Ихъ водили за носъ, пока Леопольдъ не кончилъ всѣхъ приготовленій для покоренія Бельгіи. Въ іюлѣ 1790 Австрія, Пруссія, Голландія и Англія на Рейхенбахскомъ конгресѣ приняли рѣшеніе возстановить въ Бельгіи старый порядокъ. Послѣ того посланники Англіи, Голландіи и Пруссіи съѣхались въ Гаагу и подъ видомъ вмѣшательства составили о Бельгіи протоколы. Если бы Ванъ-деръ-Нотъ, Ванъ-Эйпенъ и товарищи ихъ были люди со смысломъ, они не дозволили бы иностраннымъ дипломатамъ говорить за себя, а приняли бы предложенную австрійскимъ правительствомъ въ мартѣ 1790 полнѣйшую амнистію и возстановленіе всего на прежнемъ основаніи и порѣшили бы дѣло сами. Но они были слишкомъ ограниченны и слишкомъ самоувѣренны. Гаагскій конгресъ постановилъ возвратить Бельгію подъ австрійское господство и убѣдилъ императора назначить бельгійцамъ срокъ для добровольнаго подчиненія. Когда срокъ этотъ прошелъ, жалкое бельгійское войско, гдѣ многіе офицеры уже вышли въ отставку по неудовольствію, разсѣялось само собою. Австрійцы двинулись въ концѣ ноября 1790 изъ Люксембурга въ Бельгію и безъ борьбы заняли всю страну. Ванъ-деръ-Нотъ и другіе вожди республики обратились въ бѣгство. Архіепископъ мехельнскій, доселѣ дѣйствовавшій заодно съ ними, остался дома, ибо, какъ впослѣдствіи французскій епископъ Талейранъ, обладалъ способностью переходить, смотря

по обстоятельствамъ, отъ одной крайности къ другой. 12 декабря, въ годовщину изгнанія австрійцевъ изъ Брюсселя, онъ совершилъ торжественное молебствіе въ честь подавленія возстанія, имъ самимъ возбужденнаго. Уничтоженіе бельгійской адвокато-поповской республики усилило общее сочувствіе къ французскимъ событіямъ и подготовило французамъ путь къ завоеванію Бельгіи, что черезъ два года и случилось. Много недовольныхъ бельгійцевъ бѣжало въ Парижъ, и въ 1792 эти эмигранты помогли французамъ завоевать свою родину.

По покореніи бельгійцевъ императорскія войска отправились въ сосѣднее епископство люттихское, принадлежавшее къ нѣмецкой имперіи, рѣшать споръ жителей съ епископомъ въ пользу послѣдняго. Люттихскія смуты были не столько предвѣстникомъ, сколько уже слѣдствіемъ французской революціи, ибо до сихъ поръ люттихцы обращались всегда къ вѣчно разсуждавшимъ и ничего нерѣшавшимъ нѣмецкимъ сеймамъ и имперскимъ судамъ, никогда некончавшимъ ни одного дѣла, а теперь обратились къ началамъ естественнаго права, возвѣщеннаго во Франціи въ противоположность положительному закону. Люттихскія дѣла важны для нѣмецкой исторіи, но для всеобщей исторіи главное значеніе ихъ заключается въ томъ, что и въ Люттихѣ множество людей бѣжало отъ возстановленнаго поповскаго владычества, и эти свободно-мыслящіе люттихцы дѣйствовали въ Парижѣ точно также какъ бельгійскіе эмигранты.

2. Голландія.

Семь Соединенныхъ Нидерландскихъ Провинцій уже много потерпѣли и черезъ свои внутреннія распри въ войнѣ съ Англіей 1780—83 гг. (стр. 7), и въ своей ссорѣ съ Іосифомъ II (т. V, стр. 209—210). Упадокъ ихъ далъ новую пищу ихъ разладу. Ссоры шли главнымъ образомъ изъ-за того, имѣютъ ли сеймы или, какъ ихъ называли въ Нидерландахъ, штаты соединенной республики и отдѣльныхъ провинцій правительственную власть, или она принадлежитъ штатгальтеру. Жена тогдашняго штатгальтера, Вильгельма V, Фридерика-Софія-Вильгельмина, сестра Фридриха Вильгельма II Прусскаго, и другъ и бывшій опекунъ его, Лудвигъ Эрнстъ Брауншвейгскій, (стр. 5) дали этой ссорѣ личный характеръ, ибо по лѣни и неспособности Вильгельма они правили за него и помогали Англіи на счетъ голландцевъ. Герцогъ Брауншвейгскій подвергся наконецъ общему презрѣнію за неудачи англійской войны. Тогда онъ счелъ за лучшее убраться изъ Нидерландовъ (октябрь 1784), когда сдѣлалась извѣстна исторія консультаціоннаго акта (стр. 5), за который его обвинили въ измѣнѣ.

Распри партій, республиканской или патріотической и оранской, также мало касались собственно народныхъ интересовъ, какъ борьба виговъ и тори въ Англіи. Голландскіе республиканцы или патріоты даже не прикидывались, какъ виги въ Англіи, что желаютъ идти за прогрессомъ. Они были вполнѣ аристократами и старались удержать все старое. Оранская партія скорѣе была готова на реформы, требуемыя временемъ. Измѣненіе конституціи было особенно необходимо въ томъ отношеніи, что для поддержки нѣкогда цвѣтущей торговли и морскаго могущества было необходимо болѣе солидарное и согласное правительство. Но объ этой реформѣ нечего было и думать, потому что какъ генеральные штаты или общее правительство, составленное изъ депутатовъ всѣхъ провинцій, такъ и провинціальные штаты или чины ревностно охраняли свою верховную власть и старались ограничить вліяніе и силу штатгальтера. Въ этихъ собраніяхъ господствовали городскіе магистраты, сами избиравшіе своихъ членовъ; изъ нихъ выбиралось большинство членовъ штатовъ, и въ весьма немногихъ провинціяхъ вліяніе штатгальтера или дворянства перевѣшивало вліяніе городовъ. Притомъ городскимъ бургомистрамъ были подчинены крѣпостные коменданты, и каждый городъ, каждая провинція могли держать особыя войска. Только общая армія Семи Провинцій находилась въ зависимости отъ генералъ-капитана или штатгальтера.

По многимъ причинамъ центромъ всей республики была Голландская провинція, по которой и всю республику называютъ Голландіей; въ собственной Голландіи городъ Амстердамъ, столь же важный для Нидерландовъ, какъ Лон-

донъ для Англіи, имѣлъ рѣшительный голосъ. Мы не вдаемся въ лабиринтъ ссоръ и распрей, возбуждавшихся нидерландской конституціей. Достаточно замѣтить, что штаты отняли наконецъ у принца Вильгельма V главное начальство надъ своей арміей, и вслѣдствіе этого онъ удалился въ свои помѣстья, а жена его, Фридерика-Софія-Вильгельмина, вмѣшала въ голландскія дѣла своего брата, короля Фридриха Вильгельма II Прусскаго.

По удаленіи принца Брауншвейгскаго принцесса управляла всѣмъ одна и уже давно завязала переговоры съ Англіей, чтобы уничтожить анти-оранскую партію. Предварительно она старалась уговорить дядю своего Фридриха Великаго, дѣйствовать деспотическимъ военнымъ путемъ въ пользу ея мужа. Но Фридрихъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы согласиться на это, хотя къ этому убѣждали его и его министръ Герцбергъ, и главнокомандующій его войскъ, герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій. Герцбергъ думалъ, что прусскими штыками можно сдѣлать все, а принцъ считалъ себя съ семилѣтней войны величайшимъ полководцемъ (стр. 149) и, подстрекаемый своимъ дядей, Лудвигомъ Брауншвейгскимъ, хотѣлъ пріобрѣсти въ Голландіи новую военную славу. Въ августѣ 1786 умеръ Фридрихъ Великій, и ему наслѣдовалъ племянникъ его, Фридрихъ Вильгельмъ II. При немъ сестра его, принцесса Оранская, исполнила свои намѣренія. Новый король былъ ея орудіемъ, и она поддерживала старанія Герцберга и Фердинанда Брауншвейгскаго, желая удалить принца изъ Берлина, потому что его вліяніе мѣшало ей. Вслѣдствіе этого въ Голландію были бы тотчасъ двинуты прусскія войска, если бы тогда не побоялись французскаго правительства.

Незадолго передъ тѣмъ Франція сошлась съ голландскими республиканцами, и политика, казалось, тѣмъ болѣе побуждала французское правительство держать наготовѣ войско, что въ 1784 въ Гаагу былъ присланъ посланникомъ отъ новаго англійскаго президента министровъ, Питта Младшаго, тотъ самый Гаррисъ или лордъ Мальмесбери, который во времена американской войны выказалъ свои дипломатическіе таланты при дворѣ императрицы Екатерины II (стр. 4). Этотъ мастеръ дипломатическаго искусства, управлявшій вмѣстѣ съ принцессой Оранской дѣлами штатгальтера, деньгами и интригами погубилъ господствовавшую республиканскую партію, перессорилъ ее и употреблялъ всѣ средства, чтобы убѣдить пруссаковъ начать военныя дѣйствія. Послѣднее сначала не удалось ему, потому что Фридрихъ Вильгельмъ II, подорвавшій свое здоровье распутствомъ, былъ неспособенъ ни на какое твердое рѣшеніе и пока Верженъ управлялъ иностранными дѣлами Франціи, боялся начинать войну. Вслѣдствіе этого въ 1786 Фридрихъ Вильгельмъ стянулъ войска на Гельдернскую границу и послалъ графа фонъ-Герца въ Голландію хлопотать заодно съ французами о соглашеніи между штатами и штатгальтеромъ. Эти хлопоты, которыя едва ли кто считалъ серьезными, ни къ чему не привели. Большую важность имѣла смерть Вержена въ февралѣ слѣдующаго года (1787); по смерти его французское министерство было такъ занято тогдашнимъ созваніемъ перваго собранія нотаблей, что не заботилось о голландскихъ дѣлахъ.

Въ первые мѣсяцы 1787 партіи въ Семи Провинціяхъ сдѣлались смѣлѣе и запальчивѣе. 9 мая въ Утрехтской провинціи дѣло дошло даже до битвы между солдатами и гражданами; 26 мая штатгальтеръ издалъ военный манифестъ, въ которомъ съ угрозою говорилъ о голландскихъ штатахъ. Вслѣдъ затѣмъ принцесса уѣхала изъ Нимвегена въ Гаагу, что было весьма странно при тогдашнихъ обстоятельствахъ. У нея не было въ этомъ городѣ никакого дѣла; кромѣ того Гаага была резиденціей непріязненныхъ ей штатовъ Голландіи; чтобы доѣхать туда, ей надо было проѣзжать мѣста, занятыя вооруженными и ожесточенными врагами ея мужа. Не безъ основанія утверждаютъ, что принцесса появленіемъ своимъ въ Гаагѣ хотѣла возбудить народъ къ возстанію; она напрашивалась на личное оскорбленіе въ Гаагѣ или дорогою, чтобы получить предлогъ заставить прусскаго короля заступиться за нее. Между Шонговеномъ и Гудой 28 іюня ее остановилъ одинъ крестьянинъ или лавочникъ, служившій офицеромъ въ милиціи; при этомъ онъ обошелся съ ней очень грубо. Потомъ подоспѣли другіе офицеры, болѣе свѣтскіе; они очень вѣжливо извинялись за поведеніе своего товарища, однако не пустили принцессу и задержали ее до полученія дальнѣйшихъ распоряженій отъ голландскихъ штатовъ. Эти распоряженія такъ замедлили, что прин-

цесса, прождавъ два дня, отправилась въ обратный путь. Прусскій король дѣйствительно потребовалъ удовлетворенія за свою сестру. Голландскіе штаты, разсчитывавшіе на французскую помощь, вывертывались въ ожиданіи ее, давая уклончивые отвѣты на дерзкія ноты прусскаго кабинета; но во Франціи во главѣ министерства стоялъ архіепископъ санскій, Ломени-де-Бріенъ, неспособный къ смѣлымъ предпріятіямъ; онъ доказывалъ невозможность вести войну печальнымъ состояніемъ финансовъ и угрожающимъ положеніемъ Англіи. Вслѣдствіе этого въ сентябрѣ въ голландскую провинцію двинулось тремя колонами 22,000 человѣкъ прусскаго войска; главной колонной предводительствовалъ герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій; въ то же самое время и штатгальтеръ двинулся съ своими войсками.

Голландцы, противъ которыхъ были и генеральные штаты, очутились одни на произволъ судьбы; ихъ покинули не только французы, но и всѣ остальныя провинціи, за исключеніемъ Гренингена и Оберъ-Исселя. Вслѣдствіе этого пруссакамъ было очень легко справиться съ ними, тѣмъ болѣе, что сволочь, которую навербовалъ нанятый Голландіей рейнграфъ фонъ Зальмъ, позорно разбѣжалась. Въ теченіе мѣсяца голландцы были подчинены принцу Оранскому. Предводители патріотической партіи и многіе демократы тотчасъ обратились въ бѣгство. Остальные противники штатгальтера лишились должностей, и мѣста ихъ были розданы сторонникамъ Оранскаго дома; принцъ снова получилъ главнокомандованіе всѣми нидерландскими войсками и гораздо больше вліянія на выборы городскихъ магистратовъ, чѣмъ прежде. Пруссаки, изъ которыхъ 6,000 человѣкъ осталось въ Голландіи на шесть мѣсяцовъ, вели себя примѣрно. Имъ часто приходилось удерживать толпу, настроенную въ пользу Оранскаго дома, которая, грабя и убивая, преслѣдовала демократовъ и патріотовъ. Эмигранты отправились во Францію и подготовили тамъ новую революцію, какъ бѣжавшіе бельгійцы и люттихцы.

Это дѣло принесло выгоду только Англіи. Ея ловкій дипломатъ Гаррисъ добился, чтобы прусскіе штыки уничтожили французскую партію въ Нидерландахъ и чтобы это государство снова вошло въ тѣсныя сношенія съ Англіей. Послѣднее было достигнуто заключеніемъ оборонительнаго договора въ апрѣлѣ 1788 между Голландіей, Пруссіей и Англіей. Для французскаго правительства сдѣлалось пагубнымъ предательство голландцевъ прусскимъ войскамъ изъ-за одной угрозы Англіи. Это предательство возмутило чувство чести націи и ея военную гордость, чѣмъ потомъ воспользовалась оппозиція, чтобы облегчить себѣ переходъ къ революціи. Несвоевременное великодушіе прусскаго короля стоило пруссакамъ значительныхъ денегъ; король не обязалъ богатыхъ голландцевъ уплатить ему расходы похода, хотя прусскіе финансы пришли въ то время въ разстройство. Еще большимъ бѣдствіемъ для Пруссіи было то обстоятельство, что легкая побѣда надъ голландцами утвердила герцога Фердинанда Брауншвейгскаго въ увѣренности въ своихъ военныхъ способностяхъ и усилила въ дворянскихъ офицерахъ прусской арміи военное самолюбіе и гордое презрѣніе къ гражданамъ; это навлекло на герцога и на прусскую армію позоръ 1792 въ Шанпани и въ 1806 при Іенѣ. Король Фридрихъ Вильгельмъ II былъ, подобно Лудовику XV, еще съ юныхъ лѣтъ нравственно испорченъ и развращенъ физически и палъ еще раньше французскаго короля. Какъ и Лудовикъ, онъ былъ человѣкъ чувственный и имѣлъ съ этимъ худшимъ изъ французскихъ королей двѣ общія черты: при своихъ плотскихъ грѣхахъ онъ искалъ успокоенія и утѣшенія въ слѣпой вѣрѣ и церковныхъ обрядахъ и попалъ совершенно во власть къ своимъ любовницамъ и ихъ родственникамъ. Этимъ воспользовались ханжи въ родѣ министровъ Вёлнера и Бишофсвердера, чтобы изгнать изъ теологіи раціонализмъ и силою сохранить старое ученіе церкви. Подъ ихъ вліяніемъ въ іюлѣ 1788 Фридрихъ Вильгельмъ издалъ религіозный эдиктъ, которымъ воспрещалось всякое отступленіе отъ господствующей религіи какъ въ церквахъ, такъ и на кафедрахъ подъ страхомъ отлученія. Это нападеніе на господствующее направленіе было и осталось безъ всякихъ послѣдствій, потому что тогда даже въ высшихъ классахъ было въ модѣ невѣріе. Касательно Фридриха Вильгельма довольно сказать, что жена каммергера Рица, графиня фонъ-Лихтенау, играла въ Берлинѣ

роль Помпадуръ, и прусская придворная знать была, какъ французская, надута презрѣніемъ къ простому народу; за это прусскій народъ тяжело поплатился въ 1792 и 1806 въ борьбѣ съ французами.

3. Франція.

По удаленіи Тюрго и Мальзерба (стр. 159) управленіе внѣшними дѣлами во Франціи получилъ графъ Верженъ. Этотъ ловкій и опытный государственный человѣкъ съ самаго начала возъимѣлъ намѣреніе воспользоваться отпаденіемъ сѣверо-американцевъ отъ Англіи, чтобы снова пріобрѣсти отъ Англіи войной все потерянное въ 7-лѣтнюю войну. Но при совершенно разстроенномъ состояніи финансовъ нельзя было вести войну, если не измѣнить радикальными реформами взиманіе податей или такъ поднять чѣмъ-нибудь кредитъ, чтобы можно было сдѣлать новый заемъ. Первое тщетно старался привести въ исполненіе Тюрго; за второе взялся одинъ парижскій банкиръ, Неккеръ. Онъ полагалъ, что, принявъ управленіе финансами, возстановитъ довѣріе и будетъ въ состояніи сдѣлать заемъ, потому что, какъ банкиръ и какъ-политико-экономическій писатель, пріобрѣлъ репутацію честнаго, опытнаго, ловкаго и умнаго купца. Въ 1777 ему поручили управленіе финансами безъ жалованья; но такъ какъ онъ былъ протестантъ и мѣщанскаго сословія, то ему не дали званія генералъ-контролера финансовъ, а лишь скромный титулъ директора финансовъ.

Неккеръ родился въ Женевѣ. Ловкими и счастливыми спекуляціями онъ пріобрѣлъ въ Парижѣ большое состояніе и значительный кредитъ. Кромѣ того онъ надѣлалъ много шуму своими статьями о финансахъ, особенно своимъ нападеніемъ на торговую систему Тюрго (стр. 439). Характеръ и манеры его имѣли всѣ тѣ особенности, которыми вообще отличаются женевцы или такъ называемые теперь доктринеры; онъ очень много думалъ о себѣ, гордился своими знаніями и теоріями, какъ другіе гордятся рожденіемъ, и обладалъ систематическимъ морально-педантическимъ тономъ, рѣзко противорѣчившимъ манерамъ, господствовавшимъ тогда при французскомъ дворѣ; этотъ тонъ былъ особенно непріятенъ королевѣ. Тѣмъ не менѣе Неккеръ, котораго дочь его, госпожа Сталь, расхвалила до смѣшнаго, какъ государственный человѣкъ оказалъ большія услуги Франціи. Вступивъ въ министерство, онъ сдѣлалъ все, чего можно было ожидать при тогдашнихъ обстоятельствахъ, и не налагая новыхъ податей, добылъ суммы, необходимыя для войны съ Англіей. Онъ пріобрѣлъ ихъ системою займовъ, которую могъ ввести легче, чѣмъ кто-либо, потому что, какъ банкиръ, понималъ дѣловую сторону этого и пользовался личнымъ кредитомъ. Но его способъ не могъ искоренить зла, которымъ страдали государственные финансы; это средство только задержало на нѣкоторое время результаты зла, но самое зло только еще болѣе увеличило. Неккеръ думалъ, что строгой экономіей, которую онъ предписалъ двору, можетъ вывести государство изъ страшно стѣснительнаго положенія. Уже это доказываетъ, какъ мало онъ годился въ министры для большаго государства, потому что средства, годныя для маленькаго государства или для большаго частнаго хозяйства, не могли надолго помочь цѣлой націи. Революція была вызвана вовсе не состояніемъ финансовъ, какъ многіе полагаютъ. Причина ея лежала гораздо глубже. Она была зрѣлымъ плодомъ всего, что совершалось со смерти Лудовика XIV.

Даже по своему личному характеру и манерамъ Неккеръ не могъ удержаться при такомъ дворѣ, каковъ былъ французскій. Онъ своей личностью и особенно своимъ тщеславіемъ съ самаго начала опротивѣлъ королевѣ и придворнымъ. Его нравственные принципы, образъ его жизни и его протестантизмъ дѣлали его ненавистнымъ двору, а его самохвальство внушало и королю отвращеніе къ нему. Ко всѣмъ этимъ недостаткамъ, по которымъ онъ не могъ удержаться на мѣстѣ, присоединилось еще то обстоятельство, что всѣ его планы и предложенія подвергались критикѣ королевы, принцевъ и всей ихъ свиты и даже прямо зависѣли отъ стараго ментора короля, Морепа (стр. 201), потому что самъ Неккеръ, какъ простой директоръ финансовъ, не имѣлъ права присут-

ствовать при засѣданіяхъ министровъ и долженъ былъ проводить все черезъ Морепа Въ январѣ 1781 Неккеръ предпринялъ дѣло, показавшееся придворной челяди неслыханнымъ нововведеніемъ, а ему самому доставило большое значеніе въ публикѣ; тогда дворъ окончательно пришелъ въ негодованіе и свергнулъ его. Дѣло было въ томъ, что Неккеръ издалъ книгу, озаглавленную Compte-rendu, Отчетъ—въ которой повѣдалъ публикѣ все положеніе финансовъ. Неккеру хотѣлось и удалось облегчить этой мѣрой займы; но кромѣ того онъ хотѣлъ и себя восхвалить. Когда вскорѣ по выходѣ книги онъ потребовалъ мѣста въ министерствѣ, дворъ подъ предлогомъ, что онъ протестантъ, отказалъ ему въ просьбѣ, чѣмъ заставилъ добровольно подать въ отставку. Отставка Неккера въ маѣ 1781 имѣла два важныя послѣдствія. Во-первыхъ, здѣсь, какъ и при отставкѣ Тюрго, оказалось, что король по недостатку твердости и убѣжденій постоянно колеблется и что окружающіе могутъ помыкать имъ, какъ угодно, такъ что только сильнымъ противодѣйствіемъ можно принудить его и дворъ на что-нибудь доброе. Во-вторыхъ, Неккеръ незаслуженно пріобрѣлъ въ глазахъ народа большое значеніе, потому только, что его возненавидѣлъ дворъ, что онъ былъ безкорыстенъ, хотѣлъ обуздать монархическую расточительность и требовалъ гласности въ государственныхъ дѣлахъ. Это обмануло и его самого относительно своихъ качествъ. Съ этихъ поръ онъ вообразилъ себя великимъ государственнымъ человѣкомъ, хотя въ наше время при испорченныхъ нравахъ и искусственныхъ отношеніяхъ для этого нужны совершенно другія качества, чѣмъ свойства честнаго и разумнаго человѣка или ловкаго и опытнаго банкира. Впослѣдствіи Неккеръ счелъ себя способнымъ взяться за спасеніе государства, но долженъ былъ со срамомъ отступиться по недостатку истинныхъ политическихъ способностей.

После Неккера въ управленіи финансами быстро смѣнились Жоли-де-Флёри Д'Ормесонъ (1781 — 1783). Они не могли удержаться надолго, потому что не могли справиться съ финансами государства съ 50 милліонами ежегоднаго дефицита. Наконецъ въ 1783 министромъ финансовъ сдѣлался геніальный негодяй, научившійся при управленіи собственнымъ разстроеннымъ состояніемъ выпутываться временными средствами. То былъ Калонъ. Вмѣшательствомъ своимъ въ дѣло Ла-Шалоте (стр. 198) онъ пріобрѣлъ расположеніе двора и ненависть парламента. Послѣднее очень затрудняло ему занятіе министерскаго мѣста, потому что онъ нуждался въ парламентѣ при всякомъ финансовомъ предпріятіи. Онъ обладалъ такими качествами, которыя при другихъ обстоятельствахъ, можетъ быть, сдѣлали бы изъ него отличнаго дипломата, но въ то серьезное время были не только недостаточны, но даже вредны. Калонъ былъ одаренъ блестящими суетными талантами, былъ отличный ораторъ, умѣлъ изъ всего очень ловко извлекать пользу и дѣлалъ все скоро и легко. Подобно Тюрго, онъ пріобрѣлъ даже дѣловую опытность, занимая высшія должности, и сдѣлалъ себѣ имя, какъ публицистъ. Но по направленію и взглядамъ онъ принадлежалъ къ духу стараго времени и, какъ человѣкъ изъ школы Эгильйона и roués—шелопаевъ—составлялъ рѣзкій контрастъ съ Тюрго и Неккеромъ.

Человѣкъ этотъ не заботясь о будущемъ и не обращая вниманія на нравственность, употреблялъ всѣ средства для пріобрѣтенія денегъ. Онъ дѣлалъ займы на самыхъ тяжкихъ условіяхъ, требовалъ платежей раньше сроковъ, обманывалъ свѣтъ постоянными увѣреніями въ скорой уплатѣ государственныхъ долговъ; исправнымъ платежемъ процентовъ и разными плутнями онъ увеличилъ доходъ на 100 милліоновъ. Въ то же время онъ все болѣе и болѣе увеличивалъ расходы, потому что потребности двора казались ему важнѣе всего остальнаго, и онъ держался теоріи, что блескъ и роскошь—необходимыя принадлежности монархіи и что роскошь двора поощряетъ промышленность и искусство. Онъ уплатилъ милліоны долговъ королевскихъ братьевъ, которые не замедлили опять промотаться, прикупилъ ко множеству королевскихъ дворцовъ еще Ранбулье и Сенъ-Клу; доставалъ деньги на блестящія постройки и на придворныя празднества, которыя въ это время стали чаще, блистательнѣе и роскошнѣе, чѣмъ когда-либо прежде; далъ королевѣ 20,000,000. Все это черезъ 4 года привело легкомысленнаго министра финансовъ къ необходимости созвать нотаблей, несобиравшихся съ 1626; это было въ высшей степени опасное средство, но необходимое, чтобы придать дальнѣйшимъ вымогательствамъ законный видъ.

Скандалъ, извѣстный подъ именемъ исторіи ожерелья, случился во время управленія Калона финансами. Эта исторія усилила общее презрѣніе къ королевѣ и поссорила короля съ знатью и духовенствомъ, между тѣмъ какъ въ это время, передъ созваніемъ нотаблей, онъ всего болѣе нуждался въ ихъ расположеніи. Первый французскій аристократъ, принцъ де-Роганъ, кардиналъ, великій милостынедатель Франціи, архіепископъ страсбургскій и слѣдовательно, владѣтельный членъ германской имперіи, оскорбилъ королеву насмѣшками надъ ея матерью, Маріей Терезіей, въ письмахъ къ позорной любовницѣ Лудовика XV, Дюбарри, вслѣдствіе чего Марія Антуанетта сдѣлалась его злѣйшимъ врагомъ. Но онъ не могъ жить безъ милостей двора и, гоняясь за ними, позволялъ разнымъ пройдохамъ и развратницамъ водить себя за носъ. Онъ познакомился въ Страсбургѣ съ однимъ шарлатаномъ, который обманывалъ всю Европу, подъ именемъ графа Каліостро, фокусами, дѣланіемъ золота и другими плутнями (стр. 172). Каліостро возобновилъ знакомство съ кардиналомъ въ 1785 въ Парижѣ и воспользовался его глупостью и тщеславіемъ, чтобы добыть себѣ значительную сумму денегъ. Онъ познакомилъ кардинала съ одной искательницей приключеній низкаго происхожденія, которая, выйдя замужъ за отставнаго офицера, называла себя графиней де-Ла-Моттъ-Валуа; она предложила себя кардиналу въ посредницы между нимъ и королевой, съ которой, какъ она увѣряла, она находится въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ. Она обманула Рогана, который писалъ черезъ нее письма къ королевѣ, получалъ на нихъ отвѣты и разъ въ сумерки имѣлъ свиданіе съ Маріей Антуанетой или, какъ утверждаютъ, съ одной развратницей, выдавшей ему себя за королеву. Однажды ему передали письмо, будто бы отъ королевы, гдѣ говорилось, что королевѣ хотѣлось бы имѣть ожерелье, которое продавалось двумя придворными ювелирами за 1,600,000 ливровъ, но что ей не хочется открыто покупать его и потому она просить кардинала купить его отъ ея имени съ тѣмъ, что она заплатитъ по срокамъ. Кардиналу даже вручили купчую, подписанную королевой, которую надо было передать ювелирамъ. Онъ получилъ ожерелье, которое передалъ Ла-Моттъ, а она черезъ своего мужа продала брильянты отдѣльно въ Англіи. Когда насталъ срокъ платежа, ювелиры обратились прямо къ королевѣ. Королева пришла въ негодованіе. Король тоже былъ до крайности взбѣшенъ. Онъ арестовалъ кардинала въ полномъ облаченіи и началъ противъ него процессъ. Каліостро, Ла-Моттъ и другіе соучастники были тоже арестованы; но такъ какъ викарій Рогана тотчасъ уничтожилъ всю переписку его съ госпожею Ла-Моттъ, то слѣдствіе не могло раскрыть, кто далъ обманщицѣ предлогъ къ воровству, королева или кардиналъ. Впослѣдствіи этимъ воспользовались многочисленные враги королевы, чтобы бросить на нее тѣнь и распространить противъ нея дурные толки. Парижскій парламентъ велъ процессъ и въ августѣ 1786 совершенно оправдалъ кардинала, изгналъ Каліостро изъ страны, присудилъ госпожу Ла-Моттъ къ розгамъ, позорному клейму и пожизненному заключенію, и изъ ненависти къ двору составилъ свой приговоръ такъ, что набросилъ подозрѣніе на королеву. Король лишилъ кардинала должности великаго милостынедателя и изгналъ изъ Парижа. Эта месть только увеличила ожесточеніе большей части членовъ высшаго дворянства, которое давно уже было недовольно королевой за ея предпочтеніе къ Полиньякамъ и другимъ любимцамъ.

Истощивъ всѣ средства для добыванія денегъ, Калонъ уговорилъ короля созвать нотаблей, т. е. собраніе принцевъ, перовъ, высшаго духовенства, парламентскихъ членовъ, депутатовъ провинціальныхъ чиновъ и бургомистровъ городской аристократіи. Это собраніе не могло имѣть законодательной силы, потому что члены его раздѣляли всѣ преимущества общественной жизни и потому, конечно, отвергли бы всякое улучшеніе. Нельзя утвердительно сказать, имѣлъ ли при этомъ Калонъ намѣреніе провести силой аристократіи то, чего не могъ добиться инымъ способомъ, или хотѣлъ устроить какую-нибудь новую плутню. Сами нотабли еще до своего съѣзда считали, что министръ финансовъ хочетъ только разыграть роль либерала и обратить ненависть за несогласіе на реформы на привиллегированныя сословія. Созваніе нотаблей не имѣло другаго результата, кромѣ того, что дало націи поводъ требовать общаго собранія сословій (Etats-généraux), котораго не было съ 1614. 22 февраля 1787 было открыто собраніе нотаблей.

Калонъ, какъ бы желая слѣдовать примѣру Неккера и явиться реформаторомъ, представилъ собранію разные проекты реформъ, невыгодные для привиллегированныхъ сословій. При этомъ онъ сдѣлалъ большую неосторожность, задѣвъ въ первой своей рѣчи управленіе Неккера явной ложью. Неккеръ не преминулъ отвѣтить ему и раскрыть ложь и софистику Калона, чѣмъ подлилъ масла въ огонь. Впрочемъ еще въ 1784, когда Калонъ поссорился за свои мѣры съ парламентомъ, Неккеръ издалъ брошюру противъ его финансовой системы. Брошюра была запрещена; но Неккеръ, предвидя запрещеніе, напечаталъ второе изданіе въ Швейцаріи, которое вслѣдствіе запрещенія перваго распространялось еще быстрѣе. Въ 1787 слабый король еще разъ уступилъ своему министру финансовъ. Онъ изгналъ Неккера изъ Парижа за отвѣтъ на нападеніе Калона. Это обратило Неккера въ мученика; къ нему съѣзжались въ провинцію слушать его мнѣнія, какъ къ оракулу.

Когда Калонъ увидалъ, что собраніе нотаблей не соглашается на его предложеніе и даже старается изгнать его, онъ, чтобы удержаться и подняться въ глазахъ народа, обнародовалъ свои проекты и направленныя противъ нихъ рѣшенія собранія, хотя до тѣхъ поръ всѣ совѣщанія нотаблей держались въ тайнѣ. Это принудило и нотаблей обнародовать свои совѣщанія. Такимъ образомъ они отступили отъ системы стараго монархическаго и аристократическаго времени и двинулись по пути къ революціи; потому что этимъ поступкомъ они признали права общественнаго мнѣнія и необходимость отстранить отъ себя всякую тѣнь подозрѣнія въ преданности строго аристократическому и консервативному духу. Кромѣ того они рѣшились изъ мести формально обвинить Калона. При этомъ оказалось, что между нотаблями весьма значительные люди признаютъ необходимость радикальныхъ реформъ и даже неизбѣжность революціи. Ла-Файеттъ высказалъ это совершенно открыто и рѣшительно въ рѣчахъ, которыя говорилъ, какъ членъ собранія нотаблей. Король поступалъ по своему всегдашнему обыкновенію: онъ долго не зналъ, что дѣлать, и наконецъ 9 апрѣля внезапно рѣшился отставить министра финансовъ. Когда вскорѣ послѣ того парижскій парламентъ началъ противъ Калона процессъ, онъ счелъ благоразумнымъ уѣхать въ Англію. Король удержалъ его систему, но такъ изуродовалъ ее, что всѣ остались недовольны, особенно друзья Неккера и парламента.

Преемникъ Калона былъ архіепископъ санскій, Ломени де Бріенъ. При назначеніи онъ получилъ титулъ перваго министра, потому что былъ кардиналъ и, слѣдовательно, имѣлъ преимущество передъ всѣми прочими министрами. Бріенъ принадлежалъ къ тому извѣстному классу людей, который много говоритъ о свободѣ, принимаетъ личину философовъ или филантроповъ, но при этомъ дѣйствуетъ деспотически и заботится о себѣ и своихъ на счетъ общаго блага. 25 мая онъ закрылъ собраніе нотаблей рѣчью, наполненною фразами, въ которой напыщенно говорилось о различныхъ правахъ, но сообщалъ только о предстоящемъ изданіи шести законовъ. Законы эти касались попытки, уже сдѣланной Неккеромъ, устроить провинціальныя собранія совѣтовъ для уравнительнаго распредѣленія податей, учредить финансовую палату, отмѣнить отяготительные налоги, натуральныя повинности и внутреннія таможни; кромѣ того былъ опредѣленъ новый заемъ въ 6 милліоновъ. Такъ какъ этихъ милліоновъ хватило бы очень ненадолго, а при упадкѣ общественнаго кредита займы стали очень трудны, то Бріену пришлось думать о новомъ налогѣ. Онъ предписалъ гербовый сборъ со всѣхъ классовъ и поземельный налогъ, извѣстный подъ именемъ вспомоществованія, касавшійся преимущественно дворянства. Это навлекло на новаго министра финансовъ сильныя непріятности съ парламентомъ, который не хотѣлъ утвердить эти налоги и въ пылу борьбы далъ даже отзывъ весьма опасный для самого себя, именно, что только собраніе сословій (États-généraux) имѣетъ право установлять новые налоги (іюль 1787). Въ Парижѣ уже начиналось опасное народное движеніе, и парламентскихъ совѣтниковъ, державшихъ руку министерства, встрѣчали насмѣшками и злобой, а противниковъ ихъ съ восторгомъ. Говорятъ даже, что герцогъ Орлеанскій, смертельный врагъ королевы, распутнѣйшій человѣкъ при распутномъ дворѣ, но получившій огромное богатство по наслѣдству отъ своего тестя, герцога де-Пантьевра, давалъ деньги для возбужденія черни.

Чтобы дѣйствовать противъ парламента, Бріенъ и король рѣшились на мѣру, столь часто употребляемую, устроить торжественное королевское засѣданіе (Lit de justice) (стр. 197). Но настроеніе всей націи было уже столь недоброжелательно, что даже парламентъ, составленный изъ членовъ привиллегированныхъ классовъ, дѣйствовалъ въ высшей степени революціонно. Онъ объявилъ вынужденное внесеніе въ протоколъ повелѣній недѣйствительнымъ и еще разъ рѣшительно потребовалъ созванія сословій, а нѣкоторые члены парламента позволили себѣ даже при крикахъ толпы, окружавшей собраніе, злыя насмѣшки противъ министерства и двора. Когда сопротивленіе парламента становилось все упорнѣе, министры вообразили, что можно выйти изъ затрудненія изгнаніемъ парламента, разсчитывая, что парламентскіе члены, слишкомъ привыкшіе къ парижской жизни, выкупятъ уступчивостью свое возвращеніе. 14 августа нѣкоторые парламентскіе члены были перевезены гвардейскими офицерами въ Труа. Но всѣ нисшія судебныя мѣста объявили себя въ пользу парламента, а высшія равнодушно смотрѣли на передрягу. Городъ Парижъ принялъ такое революціонное направленіе, что уже тогда королева не смѣла проѣзжать по улицамъ. Но министры не ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ. Въ сентябрѣ старшіе парламентскіе члены заключили съ дворомъ соглашеніе, въ силу котораго парламентъ возвратился 21 сентября въ Парижъ. Тамъ народъ принялъ ихъ съ неописаннымъ восторгомъ. Онъ еще не зналъ, что въ заключенномъ соглашеніи, главная суть котораго держалась въ тайнѣ даже отъ младшихъ парламентскихъ членовъ, благо народа было пожертвовано въ пользу перваго министра. Съ другой стороны, и министерство было обмануто, потому что младшіе члены парламента вскорѣ разстроили все устроенное въ тайнѣ.

Рѣшено было, что парламентъ дастъ согласіе на постепенный заемъ въ 40 милліоновъ ливровъ. Съ этою цѣлью было совершенно неожиданно устроенно 19 ноября 1787 такъ называемое королевское засѣданіе, гдѣ въ отличіе отъ Lit de justice члены имѣли право говорить; но присутствіе короля такъ стѣсняло ихъ, что они не могли свободно обсуждать и рѣшать дѣла, на что министерство и разсчитывало. Засѣданіе было открыто софистически-льстивой рѣчью министра юстиціи, Л а м у а н ь о н а; чтобы получить согласіе на заемъ, онъ дѣлалъ въ своей рѣчи два предложенія, которыхъ либеральныя партія давно настойчиво требовала. Первое состояло въ томъ, чтобы по прошествіи 4 лѣтъ, назначенныхъ для заключенія займовъ, созвать общее собраніе сословій, а второе предполагало дать Франціи полную вѣротерпимость, отмѣнить всѣ жестокіе законы противъ протестантовъ и вызвать реформатовъ, бѣжавшихъ послѣ отмѣны нантскаго эдикта за границу. Эти либеральные планы могли имѣть лишь одинъ результатъ— оскорбить однихъ, не удовлетворивъ другихъ, потому что одно задѣвало за живое всѣхъ привиллегированныхъ, а другое — всѣхъ фанатиковъ и янсенистовъ. Но правительство само же обличило себя въ дальнѣйшей рѣчи Ламуаньона, гдѣ онъ проповѣдывалъ теорію безусловныхъ правъ короля, созданную при Лудовикѣ XV въ 1766 и подвергавшуюся тогда общимъ нападкамъ (стр. 199). Поводомъ къ этой рѣчи послужила начатая гласная подача голосовъ парламентскихъ членовъ; Ламуаньонъ остановилъ ее и, ссылаясь на эти королевскія права, велѣлъ замѣнить ее тайной подачей, чтобы можно было потомъ измѣнить счетъ голосовъ и внести выгодное правительству рѣшеніе въ протоколъ, какъ свободное постановленіе большинства и безъ прибавленія фразы: «В н е с е н о п о и м е н н о м у к о р о л е в с к о м у п р и к а з у». При этомъ случаѣ эгоистическая часть либеральной партіи пустила въ ходъ безконечно развратнаго, лѣниваго и алчнаго герцога Орлеанскаго, впослѣдствіи еще болѣе опозорившаго себя подъ именемъ Филиппа Эгалите; она пользовалась имъ, какъ главой ближайшей боковой линіи царствующаго дома, чтобы низвергнуть старшую линію. По этикету въ присутствіи короля нельзя было говорить безъ его приглашенія. Герцогъ нарушилъ это правило, спросивъ короля: «Lit de justice ли это засѣданіе?» Вмѣсто того, чтобы заставить его замолчать, король отвѣчалъ: «Нѣтъ, это королевское засѣданіе». Послѣ того герцогъ сдѣлался еще смѣлѣе и потребовалъ, чтобы въ протоколъ занесли слова: «Внесено по именному королевскому приказу». Король растерялся и испугавшись поднявшагося въ собраніи волненія, удалился, забывъ приказать закрыть засѣданіе. Поэтому оно продолжалось и кончилось тѣмъ, что послѣ самыхъ ярыхъ рѣ-

чей даже старшіе члены взяли назадъ свои голоса, прежнія рѣшенія были объявлены въ протоколѣ незаконными, а проектированный заемъ лишенъ гарантіи парламента.

Тогда король по своему слабому характеру бросился изъ одной крайности въ другую. Онъ вычеркнулъ изъ протокола это постановленіе, сослалъ герцога Орлеанскаго въ провинцію и арестовалъ двухъ самыхъ яростныхъ парламентскихъ ораторовъ, Фрето и Сабатье. Но парламентъ горячо заступился за своихъ членовъ. Онъ объявилъ королю, что если герцогъ виновенъ, то точно также виновны всѣ парламентскіе члены. Онъ требовалъ забвенія событій, продолженіе которыхъ привело бы наконецъ къ полному ниспроверженію всѣхъ законовъ, къ униженію достоинства судовъ и къ торжеству враговъ французскаго имени. Въ тоже время не только всѣ прочіе парламенты государства, но даже всѣ провинціальныя сословныя собранія приняли угрожающее положеніе, а въ Бретани дѣло дошло до открытаго возстанія. Король въ своемъ смущеніи опять прибѣгнулъ къ либеральнымъ мѣрамъ. Въ декабрѣ 1787 онъ обѣщалъ въ теченіе 5 лѣтъ созвать общее собраніе сословій. Но это не помѣшало парижскому парламенту идти прежнимъ путемъ. Въ январѣ 1788 онъ объявилъ королевское повелѣніе объ арестѣ членовъ (стр. 200) и другія мѣры послѣднихъ ста лѣтъ противными конституціи и въ рѣзкихъ словахъ потребовалъ освобожденія арестованныхъ. Ламуаньонъ и другіе убѣдили короля прибѣгнуть къ крутой административной мѣрѣ канцлера Мопу въ 1770 (стр. 200), т. е. замѣнить парламентъ новымъ судебнымъ учрежденіемъ подъ властью правительства. Но пока тайно приготовлялись къ этой мѣрѣ, тѣже люди уговорили нерѣшительнаго короля уступить. Апрѣля 17 арестованные парламентскіе члены были освобождены, а герцогу Орлеанскому дозволено возвратиться въ Парижъ. Но въ тоже время король постарался заранѣе узаконить всякую будущую произвольную мѣру, открыто объявивъ себя источникомъ всей власти и всѣхъ законовъ, а судей и сословія только исполнительными совѣтниками своей воли.

Парламентъ немедленно возразилъ на это самымъ рѣзкимъ актомъ, какой когда-либо былъ изданъ имъ. Мая 4 онъ подалъ королю представленіе такого же содержанія и въ такомъ же тонѣ, какъ знаменитое Petition of right англійскаго парламента (т. V, стр. 473). Это парламентское объявленіе, какъ въ свое время этотъ актъ въ Англіи, возвѣстило всему свѣту, что автократическая правительственная система уже несуществуетъ, что полная революція не только предстоитъ, но даже уже началась. Въ немъ опровергалось обвиненіе, будто парламенты хотятъ воздвигнуть на мѣсто монархіи свою аристократію. На счетъ предполагаемаго уничтоженія парламентовъ въ немъ говорилось, что съ насильственнымъ устраненіемъ ихъ вся нація лишится своихъ правъ. Парламентъ въ своемъ манифестѣ прямо говорилъ о конституціонномъ ограниченіи королевской власти; онъ проповѣдовалъ теоріи, ничуть непротиворѣчившія тому, чего впослѣдствіи требовало собраніе сословій. Тонъ, которымъ все это высказывалось, и нападки на министровъ свидѣтельствовали о наступленіи революціи. Одновременно съ подачею этого представленія королю парламентъ принялъ одно изъ тѣхъ рѣшеній, которыя всегда бываютъ предвѣстниками бурь. Онъ объявилъ себя безсмѣннымъ и формальной присягой обязалъ всѣхъ своихъ членовъ не исполнять приказаній, направленныхъ противъ существованія парламента, А между тѣмъ эдиктъ о его распущеніи былъ уже напечатанъ и черезъ 4 дня обнародованъ. По нашему мнѣнію, этимъ эдиктомъ началась революція 1789, какъ революція 1830 іюльскими ордонансами, хотя въ обоихъ случаяхъ переворотъ былъ, конечно, подготовленъ давно.

Министры зашли слишкомъ далеко, чтобы отступать. Въ ночь того дня, когда парламентъ поступилъ такъ рѣшительно, они послали нѣсколько батальоновъ гренадеръ арестовать двухъ самыхъ ярыхъ парламентскихъ членовъ д'Эпремениля и Гуалара-де-Монсабера. Эти солдаты вторглись въ залу засѣданій и пробыли въ ней пять часовъ, пока д'Эпремениль и Монсаберъ, которыхъ они лично не знали, сами не вышли и не предали себя въ ихъ власть. Черезъ три дня (8 мая) парламенту былъ объявленъ на Lit de justice эдиктъ объ его уничтоженіи, какъ политическаго учрежденія. Попеченіе о расходахъ, свободѣ и правахъ гражданъ было отнято у него и передано такъ называемой Cour plenière, состоящей изъ короля, принцевъ, перовъ, 4 епископовъ, 6 генераловъ, прези-

депта парижскаго парламента, нѣсколькихъ государственныхъ совѣтниковъ и депутатовъ — лишь по одному отъ каждой провинціи. Судебная власть парламента была также ограничена, и судьи изъяты изъ-подъ зависимости отъ него, что было важнымъ покушеніемъ на права французовъ. Для этого были учреждены Grands Baillages, т. е. провинціальные верховные суды; число членовъ парламентскихъ было значительно сокращено. Эта сильная мѣра послужила только къ тому, чтобы еще болѣе подвинуть націю на путь революціи. Всѣ парламенты протестовали противъ насилія; суды сдѣлали тоже самое, и даже когда король касировалъ ихъ приговоръ, они стояли на своемъ; всюду начались безпокойства и возстанія; даже часть войска возстала противъ министровъ; образовались политическія общества, и Парижъ былъ наводненъ брошюрами, въ которыхъ уже появлялось слово революція. Люди изъ первыхъ фамилій государства примкнули къ гражданамъ и одушевляли ихъ къ открытому возстанію; многія значительныя лица давали тайно деньги на возбужденіе народной массы. Даже тѣ толпы бродягъ, которыя впослѣдствіи играли главную роль въ кровавыхъ сценахъ революціи, уже тогда стекались въ Парижъ, направляемыя неизвѣстной рукой. Самыя сильныя возстанія были въ Дофине и Бретани. Въ Дофине, гдѣ уже прежде дворянство и духовенство отказались отъ средневѣковыхъ привиллегій и соединились въ одну палату съ третьимъ сословіемъ, сословія взяли подъ свое покровительство гренобльскій парламентъ, а граждане и крестьяне отбили войска, которыми хотѣли принудить его къ послушанію. Въ Бретани дворянство давно было въ ссорѣ съ буржуазіей, исповѣдывавшей принципы Руссо и Франклина, и эта ссора послужила въ 1788 удобнымъ поводомъ къ образованію политическихъ клубовъ, распространившихся впослѣдствіи по всей Франціи; вначалѣ они носили невинное названіе кабинетовъ для чтенія. Бретанское дворянство, какъ и народъ, съ жаромъ приняло сторону своего парламента. Триста дворянъ объявили въ Реннѣ безчестнымъ всякаго, кто займетъ мѣсто въ новомъ судѣ. Народъ ругалъ солдатъ, посланныхъ противъ бретанскаго парламента, и офицеры не смѣли мстить за оскорбленія; правительству пришлось даже отставить всѣхъ офицеровъ одного полка, а другой полкъ весь распустить.

Въ іюлѣ 1788 правительство такъ устрашилось этими явленіями, что рѣшилось снова сойти съ пути строгостей и обратиться отъ парламентовъ и провинціальныхъ собраній сословій, съ которыми оно никакъ не могло сговориться, къ государственному собранію всѣхъ сословій. Августа 8 явился кабинетный указъ, объявлявшій, что къ 1 мая 1789 сзывается собраніе государственныхъ сословій, а Cour Plenière и новые суды (Grands Baillages) откладываются на неопредѣленное время. Черезъ 14 дней былъ отставленъ Бріенъ, а въ сентябрѣ столь же ненавистный Ламуаньонъ. На мѣсто перваго въ министерство былъ призванъ Неккеръ; потому что ссора съ парламентами такъ убавила государственные доходы, что уплаты производились частью бумагою, частью совершенно остановились, и потому правительство считало возможнымъ выпутаться изъ затруднительнаго положенія только назначеніемъ либеральнаго министра финансовъ. Бріенъ, по требованію королевы, былъ сдѣланъ кардиналомъ, хотя ненависть народа къ нему была такъ велика, что онъ долженъ былъ бѣжать въ Италію. Кромѣ того королева поступила неосмотрительно, написавъ къ нему два дружескія письма, которыя въ слѣдующемъ году были напечатаны и еще болѣе убѣдили всѣхъ, что Марія-Антуанета старается возстановлять мужа противъ общественнаго мнѣнія и что поэтому королю нельзя вѣрить. Впослѣдствіи Бріенъ, какъ членъ учредительнаго собранія, дѣйствовалъ противъ папы и былъ лишенъ кардинальскаго сана.

Послѣ отставки Бріена и Ламуаньона знатные интриганы, въ томъ числѣ и герцогъ Орлеанскій, подстрекнули народъ сжечь дома этихъ министровъ. Они были убѣждены, что Неккеръ будетъ принятъ только тогда, если дворъ и королева будутъ находиться въ постоянной тревогѣ и страхѣ. Убійства и увѣчья, совершенныя при этомъ солдатами надъ гражданами, послужили къ паденію и ненавистнаго военнаго министра, брата кардинала де Бріена, и къ усиленію вражды между народомъ и королемъ. Парижскій парламентъ началъ процессъ противъ начальства, приказавшаго войскамъ стрѣлять во время городскихъ безпокойствъ.

Вслѣдъ затѣмъ парламентъ въ угоду двору издалъ распоряженіе противъ народныхъ сходбищъ на площадяхъ и улицахъ. Кромѣ того онъ сдѣлалъ другой поступокъ, навсегда погубившій его популярность и прежнее вліяніе на народъ. Объявивъ въ сентябрѣ королевскимъ эдиктомъ, чтобы собраніе сословій собралось къ 1 январю 1789, Неккеръ хотѣлъ дать третьему сословію двойное противъ другихъ сословій число депутатовъ и думалъ соединить всѣ три сословія въ одно собраніе. Парламентъ, внося этотъ эдиктъ въ протоколъ, присовокупилъ къ нему дополнительную статью, чтобы предстоящее собраніе сословій не уклонялось отъ формы 1614, когда всѣ три сословія совѣщались порознь, составляли три голоса и имѣли по равному числу депутатовъ. Эта дополнительная статья парламента разстроила намѣренія Неккера измѣнить посредствомъ собранія сословій средневѣковую систему налоговъ и ихъ распредѣленія. Вслѣдствіе этого Неккеръ сталъ искать другаго авторитета для своего плана, отвергнутаго парламентомъ. Съ ослѣпленіемъ, понятнымъ только въ такомъ отъявленномъ доктринерѣ, онъ вздумалъ найти себѣ поддержку въ собраніи нотаблей и собралъ на 6 ноября тѣхъ самыхъ нотаблей, которые за годъ передъ тѣмъ созывались Калономъ. Онъ собралъ ихъ только для того, чтобы спросить мнѣнія ихъ о томъ, какъ должны происходить засѣданія собранія сословій. Нотабли, какъ и слѣдовало ожидать, высказались противъ предложенія Неккера.

Въ этомъ вполнѣ выказались убѣжденія парламента и нотаблей, т. е. тѣхъ классовъ общества, которые до сихъ поръ одни имѣли значеніе въ государствѣ; оказалось, что они стоятъ въ разрѣзъ съ новыми государственными теоріями и со всѣми даровитыми писателями, которые требовали и доказывали, что по примѣру сословій Дофине три сословія государства должны соединиться въ одно собраніе и подавать голоса поголовно, чтобы такимъ образомъ два первыя сословія не могли имѣть больше вліянія, чѣмъ третье. Пересуды о собраніи сословій были вызваны самимъ правительствомъ, потому что Бріенъ самъ пригласилъ отъ имени короля всѣ провинціальныя вѣдомства, всѣ магистраты, всѣ академіи, всѣхъ ученыхъ людей сообщить правительству свои взгляды на собраніе сословій. Явившіяся вслѣдствіе этого брошюры почти всѣ потребовали измѣненія конституціи и уничтоженія всѣхъ привиллегій, которыми пользовались отдѣльные классы, доказывая, что это потребность времени и единственное средство спасти государство отъ гибели. Это такъ устрашило высшіе классы, что пять принцевъ заранѣе протестовали противъ всякой реформы, и одинъ изъ нихъ, принцъ Конти, предлагалъ даже запретить печатаніе всѣхъ политическихъ брошюръ. Принцы, правда, не успѣли поставить на своемъ въ собраніи нотаблей; но тѣмъ не менѣе собраніе это, засѣдавшее до 12 декабря, подало голосъ противъ мнѣнія Неккера. При этомъ парламентъ сдѣлалъ попытку, хотя немного поздно, возвратить потерянное расположеніе народа. Онъ объявилъ, что рѣшеніе о числѣ депутатовъ третьяго сословія принадлежитъ министерству. Единственный результатъ этого приговора парламента заключался въ томъ, что 27 декабря Неккеръ сдѣлалъ шагъ, съ котораго ему слѣдовало начать. Кабинетнымъ повелѣніемъ было предписано созвать собраніе и устроить избирательные совѣты. Собраніе было назначено къ 1 маю 1789, и приказывалось, чтобы въ третьемъ сословіи было столько же депутатовъ, сколько въ двухъ первыхъ вмѣстѣ. Къ несчастью, по вліянію, кажется, королевы, главный вопросъ, будутъ ли три сословія совѣщаться порознь или вмѣстѣ въ одной залѣ, былъ предоставленъ на рѣшеніе самихъ государственныхъ сословій. Этимъ правительство само вызвало борьбу между сословіями, не обращая вниманія на общественное мнѣніе, враждебное двумъ первымъ.

Мы проходимъ молчаніемъ безпокойства и волненія, происходившія при выборахъ депутатовъ, волненія, принявшія особенно дурное направленіе въ Бретани. Упомянемъ только про три ошибки, сдѣланныя правительствомъ по случаю выборовъ, которыя имѣли вліяніе на дальнѣйшій ходъ дѣла. Во-первыхъ, правительство мало заботилось о результатахъ выборовъ, тогда какъ противники его всюду имѣли большое вліяніе на нихъ. Во-вторыхъ, оно забыло приказать, чтобы избиратели по избраніи депутатовъ разъѣхались по домамъ, не предпринимая никакого другаго дѣла. Это имѣло особенно вредныя послѣдствія въ Парижѣ, потому

что тогдашніе избиратели состояли изъ важнѣйшихъ людей, пользовались довѣріемъ своихъ согражданъ и слѣдовали господствовавшему тогда высокому взгляду на свои гражданскія права. Третья ошибка правительства заключалась въ томъ, что собраніе сословій было созвано не въ какой-нибудь городъ, отдаленный отъ взволнованнаго и легко волнуемаго Парижа, а въ Версаль, гдѣ засѣданія его открылись 5 мая 1789.

XIV. ХОДЪ И ХАРАКТЕРЪ

АНГЛІЙСКОЙ, ФРАНЦУЗСКОЙ И НѢМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ОБРАЗОВАНІЯ ОТЪ НАЧАЛА XVIII СТОЛѢТІЯ ДО ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

---

1. Англійская литература и образованіе.

а) Перемѣна въ общемъ тонѣ жизни и образованія.

Мы не касаемся ни эстетическихъ качествъ упоминаемыхъ нами произведеній мысли, ни научной стороны литературы; мы указываемъ только на отношенія между жизнью и образованіемъ, т. е. на то, какъ вліяла литература на взгляды, учрежденія и житейскія отношенія народовъ. Съ этой стороны англійская литература второй половины XVIII столѣтія представляетъ только двѣ главныя черты, на которыя слѣдуетъ обратить вниманіе. Первая заключается во вліяніи французскаго образованія на литературу англичанъ. Это вліяніе въ Англіи, какъ во Франціи и въ Германіи, изгнало изъ литературы все національное и классическое и замѣнило его условнымъ и всеобщимъ образованіемъ, т. е. ввело на мѣсто національнаго и классическаго просвѣщенія небольшаго числа ученыхъ плоское, безцвѣтное, риторическое, шаткое образованіе массы. Вторая главная черта заключается въ томъ замѣчательномъ явленіи, что идеи политической свободы, вызвавшія во Франціи полнѣйшее измѣненіе порядка, также сильно проявлялись въ Англіи, не произведя однако никакой перемѣны въ существующихъ отношеніяхъ и въ унаслѣдованныхъ предразсудкахъ.

Опошляющее вліяніе французской литературы на англійскую выказалось еще въ сочиненіяхъ Честерфильда, Фильдинга и Ричардсона, о которыхъ мы говорили (стр. 64—65). Въ романахъ Ричардсона, Смоллета и Гольдсмита уже замѣтенъ переходъ къ сантиментальности. Скучныя религіозныя бредни «Ночныхъ размышленій» Юнга совершенно соотвѣтствовали духу времени, которое не могло переварить твердаго, сильнаго и естественнаго, любило чувствительность, риторику и плоскость. Другой родъ сантиментализма, юморъ, состоявшій изъ смѣси остроты и чувствительности, былъ изобрѣтенъ Стерномъ. Два главныя сочиненія этого писателя, «Тристамъ Шенди» и «Сантиментальное Путешествіе», совершенно принадлежатъ къ тому направленію, которое господствовало тогда во всѣхъ европейскихъ литературахъ; въ этихъ двухъ сочиненіяхъ, въ особенности въ послѣднемъ, видѣнъ переходъ къ безцвѣтному характеру космополитизма, который приняла въ новѣйшее время англійская, французская и нѣмецкая литература. По успѣху, который встрѣтили въ Англіи сочиненія Стерна, можно думать, что мнѣніе общества о церкви измѣнилось, потому что, не смотря на крикъ, поднятый нѣкоторыми ханжами, эта смѣсь морали и чувствительности съ остротами и похабностью очень понравилась большинству публики. Но зато тутъ же выказалось, какіе прочные корни пустили въ жизнь и обычаи Англіи аристократизмъ и церковность, потому что сантиментализмъ не могъ такъ глубоко проникнуть въ Англіи, какъ проникъ въ Германіи и во Франціи. Сантименталь-

ное путешествіе Стерна было встрѣчено гораздо лучше въ Германіи и во Франціи, чѣмъ въ Англіи. Въ Германіи оно вполнѣ подходило подъ характеръ чувствительнаго настроенія эпохи Вертеровъ, Зигвартовъ и тому подобныхъ сочиненій; во Франціи ему проложили дорогу романы Руссо и плаксивыя драмы.

Когда въ Англіи литература стала все болѣе и болѣе принимать характеръ общеевропейскій, сущность котораго состояла въ болтовнѣ и развлеченіи, дамы и салоны должны были пріобрѣсти тамъ, какъ и во Франціи (стр. 71), преобладающее вліяніе на авторство и на критику. Дѣйствительно, въ Лондонѣ, какъ и въ Парижѣ, разныя барыни и руководимые ими кружки раздавали патенты на умъ, образованность и авторскую славу. Вслѣдствіе вліянія этихъ барынь англійская литература, прежде серьезная и чисто національная, мало-по-малу приняла характеръ той пошлой и растянутой ясности, той разсудочной, всегда умѣренной посредственности, той риторики, неутомимой въ описаніяхъ и изображеніяхъ, которыми до сихъ поръ отличается такъ называемая свѣтская литература. У англичанъ только Байронъ внесъ еще въ нее нѣкоторую оригинальность. Замѣчательно, что и въ Лондонѣ, какъ въ Парижѣ, дворъ не имѣлъ вліянія на тонъ и образованіе. Въ Англіи это еще страннѣе, потому что извѣстно, что тамъ дворъ всегда пользовался гораздо большимъ уваженіемъ, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. Литературные дамскіе салоны Англіи были гораздо ниже остроумныхъ кружковъ (Bureaux d'esprit) Парижа. Относительно литературы и образованія Англія и Франція такъ сблизились, что литературные салоны въ Лондонѣ и Парижѣ взаимно восхваляли своихъ членовъ. Гаррикъ и Гиббонъ, напримѣръ, пользовались въ Парижѣ такимъ же уваженіемъ, какимъ въ Лондонѣ Райналь и другіе французы.

Англійскіе литературные салоны господствовали всего сильнѣе въ 1770—1785 гг. Но и прежде барыни и салонное образованіе играли въ Англіи роль. Еще передъ семилѣтней войной общество, собиравшееся у леди Уортли Монтегю въ Твикенгамѣ было почти также знаменито, какъ салонъ госпожи дю-Деффанъ и другихъ парижскихъ дамъ (стр. 73 — 75). Въ салонѣ этой дамы, пріобрѣвшей своими стараніями о введеніи оспопрививанія и своими путевыми письмами европейскую славу, бывали Аддисонъ, Стиль, Попъ, Юнгъ и другіе подражатели элегантно риторическаго характера французской литературы. Другая дама, по имени Елисавета Монтегю, собирала въ Лондонѣ съ 1772 по 1785 общество, которое, какъ общество госпожъ Тансенъ, Жофренъ, дю Деффанъ и другихъ парижскихъ дамъ, задавало тонъ всей публикѣ и литературѣ. Эта барыня приняла несносный диктаторскій тонъ, свойственный большей части ученыхъ англичанокъ и англійскихъ туристовъ. Она выступила въ свѣтъ какъ писательница и пріобрѣла такую славу, что даже Вольтеръ во Франціи и Джонсонъ въ Англіи удостоили возражать на одну изъ ея статей.

Обѣ эти дамы строго держались, по старому англійскому обычаю, придворнаго тона, манеръ и костюма, тогда какъ въ салонѣ мистрисъ Вези разговоръ былъ свободнѣе, и неудобный придворный костюмъ былъ брошенъ; за это членовъ этого общества упрекали въ ученомъ неряшествѣ, и тогда было пущено въ ходъ насмѣшливое прозвище Синихъ чулковъ, которое съ тѣхъ поръ обыкновенно дается ученымъ женщинамъ. Въ салонѣ мистрисъ Вези критикъ Джонсонъ игралъ роль литературнаго диктатора и пророка. Человѣкъ этотъ былъ вполнѣ представителемъ разсудочной, правильной, грамматической поэзіи, которая по его милости вытѣснила естественную поэзію истиннаго вдохновенія. По своей грубой природѣ, которой было противно все неанглійское, онъ былъ идеаломъ, полнымъ воплощеніемъ Джона Буля, и потому въ Англіи ему также покланялись, какъ Вольтеру во Франціи. Приговоры, произносимые имъ о литературѣ въ салонахъ, считались оракульскими изрѣченіями. Онъ особенно непріязненно относился ко всѣмъ, кто, подобно ему, не слѣдовалъ девизу: «Король и церковь», и не возставалъ противъ всякаго прогресса. Въ его обвинительныхъ приговорахъ выказывается вся грубость и наглость односторонняго англичанина—консерватора; выраженія дуракъ, мерзавецъ, собака — встрѣчаются у него на каждомъ шагу. Диктатура Джонсона въ салонѣ госпожи Вези и восхищеніе, которое онъ возбуждалъ тамъ, даютъ понятіе о тамошнемъ тонѣ и о принципахъ, воодушевлявшихъ этотъ кружокъ.

То же можно сказать и объ обществѣ мистрисъ Трель, открывшей свой салонъ еще раньше леди Монтегю. Здѣсь также господствовалъ Джонсонъ. Салонъ мистрисъ Трель пользовался знаменитостью и привлекалъ иностранцевъ особенно потому, что въ немъ можно было встрѣтить знаменитѣйшаго актера того вѣка, величайшаго знатока Шекспира, Гаррика. Въ этомъ кружкѣ бывалъ и Пѣльтни, впослѣдствіи графъ Батъ, который во времена Вальполя нападалъ на дворъ ядовитыми сатирами, а впослѣдствіи, когда попалъ въ знать, нашелъ этотъ дворъ превосходнымъ. Тамъ же блистали многія барыни, большею частью писательницы; изъ нихъ слѣдуетъ упомянуть объ извѣстной миссъ Борне, придворной дамѣ жены Георга III.

Всѣ эти кружки были гораздо ниже современныхъ имъ французскихъ салоновъ, которые пользовались значеніемъ во всей Европѣ. По ихъ тону неудивительно, что въ нихъ могъ блистать звѣздой первой величины какой-нибудь Орасъ Вальполь (стр. 40 и 27). Его письма и статьи, отличавшіяся только натянутой оригинальностью, считались тогда англичанами образцами остроумія.

b) Историки Робертсонъ, Юмъ и Гиббонъ.

Въ исторіографіи также произошла перемѣна вслѣдствіе французскаго вліянія, хотя изъ трехъ великихъ англійскихъ историковъ того времени, Робертсона, Юма и Гиббона, только двое послѣднихъ принадлежатъ французскому направленію. Робертсонъ, напротивъ того, по своимъ взглядамъ, пріемамъ и своему въ высшей степени практическому направленію, оставался всегда тѣмъ, чѣмъ былъ, т. е. истымъ шотландцемъ; въ отношеніи прогресса заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ пролагалъ путь новому направленію; самъ же онъ мало представлялъ его. Не стоитъ поэтому останавливаться на его сочиненіяхъ, изъ которыхъ «Исторія Карла V» весьма полезна, какъ историческое чтеніе, хотя взгляды Робертсона, какъ и слогъ его, не самостоятельное произведеніе генія, а плодъ ума и трудолюбія.

Совершенно иной взглядъ на человѣческую жизнь и совершенно другой способъ изложенія находимъ мы у соотечественника Робертсона, Юма. Юмъ родился глубокимъ мыслителемъ и остроумнымъ скептическимъ критикомъ. Онъ былъ рано оторванъ отъ тихой однообразной жизни своего отечества и увлеченъ въ движеніе, которое потрясало тогда государство и литературу, между тѣмъ какъ Робертсонъ никогда не покидалъ своего отечества. Юмъ родился философомъ и потому къ исторіи пришелъ не такъ, какъ Робертсонъ, не черезъ богословіе, не черезъ всосанные съ дѣтства взгляды на жизнь или на практическія потребности, и даже не черезъ изученіе источниковъ и иностранныхъ писателей. Его одушевляло серьезное желаніе доискаться истины. Вслѣдствіе этого онъ прошелъ черезъ всѣ философскія системы, основательно разобралъ всѣ мнѣнія, изучая не книги, а жизнь, и пріобрѣлъ на этомъ пути твердый самостоятельный взглядъ. Исторія была для него не цѣлью, а средствомъ. Онъ пользовался ею, чтобы свой взглядъ на государство и правительство, вынесенный изъ изученія самой жизни, основать исторически и распространить между образованнымъ классомъ. При такомъ отношеніи къ исторіи онъ стоитъ неизмѣримо выше софистовъ нашего времени, вносящихъ въ исторію разныя политическія системы своихъ мелкихъ партій, и тупыхъ книгоѣдовъ, которые даютъ не картину жизни и ея движенія, а безконечныя компиляціи. Однако Юмъ не пожертвовалъ, подобно Вольтеру, исторіей для философіи. Правда, онъ обращался съ источниками поверхностно; но какъ основательный мыслитель, умѣлъ распредѣлять извѣстные ему факты такъ, что они даютъ у него понятіе о внутренней связи божественнаго съ человѣческимъ.

Юмъ относится къ французамъ совершенно иначе, чѣмъ Гиббонъ. У Гиббона не было своей философіи, и онъ усвоилъ себѣ парижскую; Юмъ же, несмотря на свою тѣсную дружбу съ парижскими энциклопедистами и академиками, держался совершенно самостоятельныхъ воззрѣній. Кромѣ того Юмъ писалъ не для того, чтобы составить себѣ имя, какъ Гиббонъ, а по сочувствію къ возрож-

денію человѣчества. Онъ сближался съ людьми, которые старались тогда уничтожить средневѣковые предразсудки и гадости, и ревностно старался распространять новые взгляды, направленные противъ механической и іерархической религіи. Но онъ не замѣнялъ, подобно Вольтеру, устарѣвшіе принципы похабностью и утонченной чувственностью или, подобно Руссо, невыносимой сантиментальностью. Въ политическомъ отношеніи Юмъ былъ и остался консерваторомъ и строгимъ монархистомъ. За это сторонники англиканской церкви не такъ яро проклинали его, какъ Гиббона, раціонализмъ и лукавая иронія котораго приводили ихъ въ ярость.

Гиббонъ сходится съ Юмомъ только въ томъ, что оба они приняли вкусъ и направленіе французовъ и рѣшились, заодно съ Вольтеромъ, освѣтить свѣтомъ новой жизни исторію среднихъ вѣковъ. Но Юмъ перешелъ къ французскому образованію отъ англійскаго, которое вполнѣ усвоилъ себѣ; Гиббонъ же, напротивъ того, съ самой юности принялъ чисто французское направленіе и всю жизнь былъ болѣе французъ, чѣмъ англичанинъ. Гиббонъ на 16 году пріѣхалъ въ Лозанну, гдѣ прожилъ 5 лѣтъ и получилъ парижское образованіе, хотя съ нѣкоторымъ протестантскимъ оттѣнкомъ. Онъ съ раннихъ лѣтъ стремился не къ благодати познаній, не къ счастливой внутренней жизни, а къ почестямъ и славѣ. Вслѣдствіе этого онъ съ самаго начала очень легко отнесся къ религіи и чувствамъ; онъ дважды сряду мѣнялъ религію и изъ холоднаго эгоизма разорвалъ любовныя отношенія съ дѣвушкой, въ высшей степени достойной, но бѣдной. Въ послѣднее время своего пребыванія въ Лозаннѣ 19-лѣтній Гиббонъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы познакомиться съ литературными знаменитостями и, какъ можно скорѣе, прославиться. Возвратясь въ Англію, откуда онъ хотѣлъ отправиться во Францію, онъ издалъ книгу, не только написанную по французски, но и по содержанію предназначенную только для французскихъ писателей, чтобы доставить ей доступъ къ нимъ. Это вполнѣ удалось ему, хотя не стоило большихъ трудовъ, ибо Гиббонъ всѣмъ своимъ существомъ принадлежалъ французамъ.

Его знаменитое твореніе «Исторія упадка и паденія римской имперіи» по плану и исполненію также совершенно французское. Какъ нашъ Іоганнъ фонъ-Мюллеръ, Гиббонъ имѣлъ только одну цѣль — сдѣлаться извѣстнымъ и великимъ человѣкомъ. Чтобы достигнуть этой цѣли, онъ долженъ былъ обратиться къ риторикѣ и софистикѣ, какъ славолюбивые завоеватели прибѣгаютъ къ вѣроломной политикѣ. Онъ предназначалъ свое знаменитое сочиненіе, вышедшее въ 1776, не для небольшаго числа истинныхъ ученыхъ и не для презираемаго имъ народа, а для свѣтскихъ людей, и потому свои взгляды, сужденія и форму совершенно примѣнилъ къ направленію, господствовавшему въ знатныхъ кружкахъ, ненавидѣвшихъ и презиравшихъ все средневѣковое. Онъ вполнѣ достигнулъ своего желанія, потому что, какъ человѣкъ умный, умѣлъ прилежаніемъ, начитанностью, разсчетливымъ благоразуміемъ и искусной рѣчью прикрывать недостатокъ силы мысли и истиннаго вдохновенія. Эти качества Гиббона, особенно его необыкновенный описательный талантъ и умѣніе пользоваться иностранными источниками, сдѣлали его великимъ и знаменитымъ въ глазахъ свѣта. Что касается его стиля, то Гиббонъ умѣлъ лучше всѣхъ англичанъ облекать въ англійскія формы французскіе обороты и выраженія. Поэтому, хотя изложеніе и языкъ его не настоящіе англійскіе, однако его тѣмъ не менѣе справедливо причисляютъ къ классическимъ писателямъ Англіи, какъ Виланда, не смотря на его галлицизмы, считаютъ образцовымъ писателемъ нѣмецкой націи.

Въ жизни и поступкахъ Гиббонъ былъ однимъ изъ тѣхъ доктринерныхъ софистовъ, которые обманываютъ народъ мнимымъ энтузіазмомъ къ свободѣ и праву и которые такъ расплодились въ новѣйшее время. Гиббонъ не былъ созданъ для дѣятельной жизни и общества: ему мѣшали безобразная наружность, полнѣйшій недостатокъ практическихъ способностей и неумѣніе разговаривать. Тѣмъ не менѣе онъ вмѣшался въ общественную жизнь и при этомъ пожертвовалъ для блеска убѣжденіями. Ратуя съ жаромъ въ своемъ историческомъ сочиненіи за свѣтъ, свободу и право противъ обмана, деспотизма и суевѣрія, онъ при самомъ выходѣ перваго тома этого сочиненія принялъ отъ лорда Норта мѣсто въ парламентѣ и слѣпо служилъ ему противъ свободы. Въ награду за это онъ получилъ мѣсто, на которомъ ему приходилось за большую плату мало работать. Самъ онъ не-

достойнымъ образомъ оправдываетъ въ своихъ мемуарахъ это поведеніе. Къ несчастью, въ наше время примѣръ многихъ ученыхъ, сдѣлавшихъ тоже самое, могъ бы послужить ему ловкимъ оправданіемъ.

c) Ораторы и политическіе писатели временъ сѣверо-американской войны.

Вниманіе свѣта было обращено не столько на этихъ историковъ, сколько на людей, которые словомъ и перомъ непосредственно участвовали въ современной политической жизни. Люди эти боролись также настойчиво и также горячо за политическую свободу, какъ французскіе революціонеры. Даже въ нападкахъ своихъ на короля и министерство они были ничуть неумѣреннѣе, чѣмъ впослѣдствіи Мара въ французской революціи, и обладали неменьшими талантами, знаніями и уваженіемъ народа, чѣмъ Мирабо, Барнавъ и другіе. Тѣмъ не менѣе буря, потрясавшая Англію съ 1763 по 1783, имѣла совершенно другой исходъ, чѣмъ вспыхнувшее движеніе умовъ во Франціи. Причину этому нельзя искать въ характерѣ англійской конституціи, какъ вообще тогда думали, а скорѣе въ томъ, что въ Англіи испоконъ вѣковъ непоколебимо утверждены извѣстныя понятія, обычаи и права, а съ ними и сословныя преграды.

Мы уже не разъ упоминали о журналистѣ Джонѣ Вильксѣ, человѣкѣ, который самъ по себѣ былъ ничтоженъ, но получилъ временное значеніе и мѣсто въ исторіи за преслѣдованія и разныя случайныя обстоятельства (стр. 227). Сначала онъ втерся въ клубъ развратныхъ людей высшаго званія, которые, подобно французскому регенту и его свитѣ (стр. 36), позволяли себѣ безстыдную безнравственность. Разойдясь съ этими людьми, онъ сталъ демагогомъ и поступилъ, какъ политическое орудіе, на службу къ другой партіи, которая извлекла большую пользу изъ его саркастической революціонной манеры писать, могущественно вліявшей на возбужденіе народа. Его литературный талантъ состоялъ въ сущности въ томъ, что онъ ловко умѣлъ пользоваться настроеніемъ минуты. Значеніе его было эфемерное, какъ вообще значеніе демагоговъ дюжиннаго полета. Въ немъ нельзя было предполагать нравственныхъ убѣжденій или твердыхъ политическихъ принциповъ. Впослѣдствіи онъ снова перешелъ отъ республиканцевъ къ партіи короля и въ 1784 дѣйствовалъ въ пользу его, какъ истинно благонамѣренный человѣкъ.

Неизвѣстный авторъ «Писемъ Юніуса», выходившихъ сначала отдѣльно въ газетѣ, былъ такой же односторонній писатель, какъ Вильксъ, но гораздо болѣе талантливый (стр. 231). Кто бы онъ ни былъ, онъ замѣчателенъ тѣмъ, что старался провести демократическій элементъ въ Англіи, пропитанной сверху до низу аристократизмомъ. Значеніе его основывается не столько на содержаніи писемъ и на ихъ дѣйствительномъ достоинствѣ, сколько на языкѣ и тонѣ. Письма эти отличаются такой рѣдкой силой, остротой, краткостью и чистотою языка, что до сихъ поръ ставятся въ образецъ чистаго англійскаго слога. По своему ѣдкому, рѣзкому, личному и даже пристрастному тону они занимаютъ въ исторіи мѣсто рядомъ съ «Письмами съ горы» Руссо. За содержаніе ихъ можно порицать автора, который безъ всякаго снисхожденія осмѣиваетъ всѣ аристократическіе предразсудки и тѣмъ не менѣе защищаетъ тѣже самые предразсудки противъ сѣверо-американцевъ; Юніусъ даже нападаетъ на лорда Чатама за его борьбу въ пользу Америки.

Эдмондъ Боркъ былъ почти также запальчивъ, какъ Юніусъ; но слогъ у него совершенно иной, и онъ былъ человѣкъ неискренній, себялюбивый, стремился только къ личнымъ выгодамъ. Мы уже (стр. 236) упоминали о характерѣ рѣчей и статей Борка, о томъ, какъ онъ переходилъ въ политикѣ отъ одной крайности къ другой. Прибавимъ, что въ одной изъ своихъ рѣчей, въ которымъ онъ отстаивалъ прежде демократическія идеи, онъ зашелъ такъ далеко, что ставилъ въ вину правительствамъ всякое недовольство народа и языкомъ жирондистовъ возбуждалъ народъ къ возстанію. Но даже въ этихъ рѣчахъ видно, что, не смотря на свой ярый республиканизмъ, онъ умѣетъ щадить тѣхъ ари-

стократовъ, которые, подобно Рокингему, вытащили его въ люди или доставили ему матеріальныя выгоды. Также яро и съ такимъ же декламаторскимъ паѳосомъ, какъ прежде свободу и прогресъ, Боркъ защищалъ потомъ деспотизмъ и мракъ. Характеръ его краснорѣчія замѣчателенъ тѣмъ, что для произведенія впечатлѣнія Боркъ пускалъ въ ходъ ученость, прикрасы, картины, поэтическій паѳосъ и заученную жестикуляцію; однажды даже, говоря въ парламентѣ противъ якобинцевъ, онъ вынулъ нарочно принесенный для этого кинжалъ.

Фоксъ и Шериданъ были совершенно противоположны Борку по характеру, направленію и краснорѣчію. Фоксъ былъ истинный республиканецъ между англійскими государственными людьми и съ первыхъ шаговъ своего политическаго поприща ясно показалъ, какая разница между естественнымъ краснорѣчіемъ, древнеклассическимъ, простымъ, сильнымъ, чистымъ и разумнымъ слогомъ и высокопарностью, риторикой, ученымъ пустоцвѣтомъ. Фоксъ опирался на природныя способности, на основательное образованіе, на истинныя и твердыя убѣжденія и взгляды; онъ говорилъ на англійскомъ языкѣ, какъ Лессингъ на нѣмецкомъ, безъ всякихъ слѣдовъ подражанія или школы; подобно Лессингу, высказывалъ въ немногихъ словахъ много мыслей и возбуждалъ въ своихъ слушателяхъ не дурацкое удивленіе и минутный восторгъ, а развивалъ въ нихъ знанія, убѣжденія и мысль. Фоксъ съ увлекательною силою ратовалъ противъ испорченности англійской аристократіи и въ первой же своей рѣчи высказалъ такіе же взгляды, какіе впослѣдствіи проповѣдовалъ во французскомъ національномъ собраніи Мирабо, съ которымъ Фоксъ вообще имѣлъ много общаго. Онъ возставалъ не только противъ министровъ, но и противъ самого короля, и впослѣдствіи становился все крайнѣе и революціоннѣе, пока наконецъ разошелся съ монархической системой окончательно, отрѣзавъ себѣ всѣ пути къ отступленію. Республиканизмъ его зашелъ такъ далеко, что даже въ одеждѣ онъ держался простоты Франклина, а впослѣдствіи якобинскаго цинизма. Говорили, что въ Гордоновскихъ смутахъ (стр. 4) онъ игралъ ту же роль, какую, по увѣренію враговъ Мирабо, послѣдній игралъ въ октябрѣ 1789 въ Версали.

Къ государственнымъ людямъ и ораторамъ, волновавшимъ міръ талантами во время возгорѣвшейся войны между Англіей и Сѣверной Америкой, надо причислить и Бенджамена Франклина. Онъ пріобрѣлъ извѣстность не только своими заслугами въ новой американской республикѣ, но и въ Европѣ, гдѣ помогалъ распространять политическія идеи новѣйшаго времени. О жизни и политической дѣятельности Франклина въ Англіи, Франціи и Сѣверной Америкѣ, мы уже говорили (стр. 229). Относительно его характера надо принять въ соображеніе то, что вся жизнь его была школою демократіи, потому что онъ родился въ бѣдности и выучился сначала добывать себѣ средства къ существованію и обуздывать себя, а потомъ уже явился основателемъ государства. Вслѣдствіе этого онъ былъ чуждъ тщеславія и другихъ обыкновенныхъ пороковъ аристократіи. Франклинъ родился государственнымъ человѣкомъ и дипломатомъ; онъ обладалъ не только практическимъ смысломъ, тактомъ и холоднымъ разсчетливымъ умомъ, но и горячимъ рвеніемъ къ благу человѣчества, кроткой, разумной религіозностью, принципами нравственности и честности. Посредствомъ необыкновенной ловкости, хитрости и сдержанности, онъ умѣлъ отлично руководить своими соотечественниками и пріобрѣлъ имъ друзей и союзниковъ въ старой Европѣ, съумѣвъ и здѣсь возбудить въ обществѣ новую жизнь. Онъ принималъ главное участіе въ составленіи манифестовъ и объявленій новорожденной американской республики. Американская «Декларація» была не то, что возвѣщенія перваго французскаго національнаго собранія, въ которыхъ права человѣка и права гражданъ являлись просто теоріей или безусловными догматами, нетребующими доказательствъ. Франклинъ же и его сотрудники выводили эти права изъ старыхъ англо-саксонскихъ народныхъ правъ, слѣдовательно, основывали ихъ практически и положительно (стр. 234). Эти объявленія произвели въ Европѣ необыкновенное впечатлѣніе и вслѣдствіе этого пріобрѣли величайшее значеніе для политическаго направленія новѣйшаго времени, потому что истины эти, выраженныя въ скромныхъ словахъ, составляли ученіе новой государственной жизни, къ которому стали съ тѣхъ поръ стремиться народы Европы.

Физическія сочиненія Франклина принадлежатъ не жизни, а наукѣ, а всѣ

прочія имѣли непосредственное дѣйствіе на человѣчество, какъ и вся практическая дѣятельность Франклина. Эти работы Франклина можно назвать какъ по цѣли, такъ и по формѣ и содержанію настоящими народными статьями. И авторъ ихъ, какъ человѣкъ въ высшей степени практическій, благоразумный, умный, привыкшій къ правильной дѣятельности и ко всему положительному, былъ чисто народнымъ писателемъ. Какъ въ своихъ сочиненіяхъ, такъ и всей своей жизнью онъ училъ, что строгій порядокъ и честность — единственныя средства достичь гражданину независимости въ жизни, единственная надежда получить блаженство по смерти, что посредствомъ этихъ качествъ бѣдный можетъ сдѣлаться богатымъ и низкій знатнымъ безъ всякой перемѣны общественнаго порядка. Эти сочиненія, Альманахъ Бѣднаго Ричарда, Пословицы Стараго Генриха и др., имѣли цѣлью пробудить и распространить нравственность, порядокъ и дѣятельность. Но авторъ, никогда не теряя изъ виду дѣйствительной жизни и оставаясь вѣрнымъ природному характеру своихъ соотечественниковъ, постоянно возвращается къ бережливости и умѣнію пріобрѣтать, что для корыстныхъ сѣверо-американцевъ важнѣе всякой морали.

Какъ народный писатель, Франклинъ составляетъ переходъ къ двумъ распространителямъ радикализма, имѣвшимъ большое значеніе въ Америкѣ и Англіи. То были Прайсъ и Томасъ Пайнъ. Оба они были природные англичане и были приглашены въ Сѣверную Америку хитрымъ Франклиномъ, который призналъ ихъ полезными союзниками для своихъ соотечественниковъ. Только Пайнъ послѣдовалъ приглашенію. Какъ республиканскій писатель, онъ пріобрѣлъ въ Сѣверной Америкѣ большое значеніе и большія средства. Прайсъ, какъ духовное лицо, ученый и писатель, заслужилъ большое уваженіе въ Англіи и жилъ тамъ при отличной обстановкѣ. Оба они, не смотря на свои совершенно противоположные характеры, преслѣдовали съ одинаковымъ жаромъ одну и ту же цѣль, вслѣдствіе чего были для Англіи истиннымъ источникомъ радикализма. Они выступили на писательское поприще въ одно время съ Боркомъ, но всегда были вѣрны своимъ демократическимъ принципамъ, за что впослѣдствіи подвергались ярымъ нападкамъ Борка. Когда Пайну поручено было сѣверо-американскимъ конгресомъ вести переговоры въ Парижѣ, онъ вошелъ въ сношенія съ французскими республиканцами и во время французской революціи былъ даже выбранъ въ конвентъ.

Во время сѣверо-американской войны эти писатели направили свои нападки даже на англійскую конституцію и доказали на основаніи разума и опыта, что положительное право англичанъ съ основанными на немъ іерархіей и аристократіей противно человѣческой природѣ и человѣческимъ правамъ. Далѣе, они возбуждали гуманность и чувство національной чести противъ намѣреній министровъ относительно Америки и противъ жестокостей, которыми Клайвъ и ему подобные обогащались въ Остъ-Индіи и создавали меркантильное величіе Англіи (стр. 253). Еще до французской революціи Пайнъ написалъ книгу «Здравый смыслъ», гдѣ съ такимъ же успѣхомъ, какъ недавно авторъ «Словъ Вѣрующаго» *) воспользовался ветхимъ завѣтомъ и христіанскимъ ученіемъ для революціонныхъ цѣлей. Сочиненіе это было разсчитано на вѣру англичанъ въ библію и на ихъ ненависть къ папѣ; въ немъ монархія изображалась чѣмъ-то въ родѣ папизма.

5. Французская литература и образованность.

а) Дидро, Мармонтель, Рейналь и Бюффонъ.

Мы уже говорили (стр. 202), что въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Лудовика XV и въ первое время Лудовика XVI нѣкоторые политическіе писатели пробудили у французовъ надежду на возможность посредствомъ проведенія извѣстной политико-экономической системы уничтожить матеріальное зло, удручавшее народы, и создать такой же прогрессъ въ благосостояніи, какимъ

*) «Paroles d'un Croyant» Ламнэ.

пользовалась тогда Англія. Эти такъ называемые физіократы или экономисты, хотя имѣли въ виду измѣненіе существовавшаго порядка и особенно недружелюбно относились къ привилегіямъ, корпораціямъ и феодальнымъ преимуществамъ, но не соглашались съ религіозными и политическими взглядами школы Вольтера, хотя также возставали противъ политическаго насилія. При шаткомъ положеніи правительства, когда почва подъ престоломъ все болѣе и болѣе осыпалась, статьи о финансахъ и правительственныхъ мѣрахъ, о государствѣ и церкви то запрещались, то снова дозволялись. Лудовикъ XV вообще покровительствовалъ экономистамъ, а наслѣдникъ его даже назначилъ въ 1774 одного изъ физіократовъ, Тюрго, министромъ. Тюрго въ союзѣ съ своимъ другомъ, Мальзербомъ, сдѣлалъ попытку произвести сверху политико-экономическую реформу, чтобы предупредить насильственную революцію снизу. Извѣстно, что попытка была уничтожена духовенствомъ, парламентами и дворомъ.

Романы Дидро важны въ томъ отношеніи, что они показываютъ намъ тонъ и вкусъ, господствовавшіе въ то время въ высшихъ кружкахъ Европы. Дидро писалъ всѣ свои сочиненія только для этихъ кружковъ, какъ всѣ тогдашніе риторы и софисты Франціи; ихъ произведенія читались и оцѣнивались только салонами, а не народомъ. Изъ Парижа всѣ дворы и салоны всей Европы снабжались тогда сочиненіями, какъ парижскіе модные магазины снабжали всѣхъ знатныхъ барынь туалетами. Это доходило до такихъ размѣровъ, что иностранныя царствующія лица держали въ Парижѣ агентовъ, которые высылали имъ литературный товаръ. Восхищеніе, которое возбуждали въ высшихъ кружкахъ Европы сочинители Франціи, осмѣивавшіе все старое, значеніе, которое эти кружки придавали французской риторикѣ и изяществу, сочиненія, возбуждавшія ихъ восторгъ — все соотвѣтствовало общему направленію того времени. Сами по себѣ эти сочиненія не имѣютъ большаго значенія и прочнаго основанія. Теперь тѣ самые кружки, которые тогда восхищались ими, восторгаются другой риторикой, служащей совершенно противоположнымъ идеямъ.

Въ романахъ Дидро встрѣчаются часто такія неприличныя двусмысленности. что надо имѣть много нравственной порчи, чтобы читать ихъ безъ отвращенія, Мы остановимся только на романѣ «Монахиня» (La Réligieuse). Этотъ романъ заключаетъ въ себѣ въ формѣ признаній монахини изображеніе испорченности женскихъ монастырей. Онъ рисуетъ основанную на жизненномъ опытѣ картину вопіющихъ злоупотребленій. Монастырская жизнь того времени описывается съ исторической вѣрностью и искренностью, съ необыкновенною живостью, тономъ, совершенно свободнымъ, по крайней мѣрѣ въ первой части, отъ обычныхъ сальностей и небрежности Дидро. Все это изображено такъ, что каждый читатель съ душой долженъ ужаснуться состоянія государства и церкви, при которомъ возможны были вещи, разсказываемыя въ этомъ романѣ. Въ этомъ впечатлѣніи романа заключается его историческое значеніе. Къ сожалѣнію, надо взглянуть и на другую сторону книги, замѣчательную относительно тона и вкуса тогдашняго высшаго свѣта. Во второй части этого романа Дидро впадаетъ въ свой неприличный тонъ и изображаетъ грязныя сцены монастырской жизни, расписывая ихъ подробно, обстоятельно, увлекательно и намѣренно возбуждая чувственность картинами, которыхъ постыдились бы Ювеналъ и Петроній.

Это чрезвычайно странно въ такомъ человѣкѣ, какъ Дидро. Онъ не могъ находить удовольствія въ пустой жизни и наслажденіяхъ высшаго круга, которому, какъ сынъ ремесленника, былъ въ душѣ чуждъ, хотя и былъ принятъ въ немъ. Онъ негодовалъ искренно противъ господствовавшаго въ немъ лицемѣрія и задолго до смерти вышелъ изъ него въ простую домашнюю жизнь. При своей непристойности онъ отличался въ рѣчи необыкновенной строгостью и изысканной краткостью, свойственными стоическимъ историкамъ и риторамъ временъ римской имперіи; его страсть сопоставлять контрасты напоминаетъ римскаго сатирика Персія и современника Дидро, д'Аланбера. Въ заключеніе надо еще сказать, что самое ярое нападеніе Дидро на существовавшую правительственную систему заключалось въ дифирамбѣ, напечатанномъ по смерти его, гдѣ онъ проповѣдуетъ полную анархію во всемъ и нападаетъ съ вакханическою яростью, почти съ свирѣпостью, на монархію и церковь.

Совершенно иными способами, чѣмъ Дидро, Ольбакъ и другіе, боролся

противъ существовавшей іерархической и монархической системы **Мармонтель**. Этотъ писатель стремился прославиться какъ беллетристъ и поэтъ. Вслѣдствіе этого онъ поклонялся Вольтеру и примкнулъ къ полемическому и отрицательному направленію его, что было естественнымъ слѣдствіемъ этого поклоненія. Но при этомъ, какъ умный софистъ, онъ остерегся разойтись и съ высшимъ обществомъ; напротивъ того, хотя онъ принадлежалъ къ такъ называемымъ философамъ, но воспѣвалъ Лудовика XV и съумѣлъ заслужить расположеніе герцога д'Эгильона и Помпадуръ. Онъ пріобрѣлъ способность играть подобную роль въ жизни еще въ юности, потому что, подобно Вольтеру, Дидро, Рейналю и другимъ, былъ воспитанъ въ одной изъ іезуитскихъ школъ, которыя были учреждены только для изощренія памяти и для пріученія ума къ риторикѣ и діалектической ловкости; поэтому изъ нихъ вышло множество молодыхъ людей, готовившихся служить церкви, но явившихся бойцами противъ нея. Въ этой школѣ Мармонтель научился больше заботиться о формѣ и выраженіи, чѣмъ о содержаніи и сущности; такимъ образомъ изъ него вышелъ риторъ и софистъ. Онъ умѣлъ писать въ придворномъ тонѣ и обладалъ способностью вращаться въ тѣсномъ кружкѣ идей; поэтому, не смотря на свои ограниченныя способности, онъ весьма скоро достигъ своей цѣли и сдѣлался знаменитостью.

Изъ всѣхъ сочиненій Мармонтеля имѣли вліяніе только его разсказы. Они возбудили одобреніе, но подѣйствовали вредно. Мармонтель, правда, не осмѣивалъ добродѣтель и не облекалъ порокъ въ ея одѣяніе, подобно своимъ товарищамъ по академіи; но онъ представилъ его легкимъ и пріятнымъ; онъ приписалъ источникомъ правдѣ и человѣколюбію утонченность и раздраженіе чувства, какъ напримѣръ, непріятное зрѣлище страждущаго—источникомъ состраданію. Подобно Виланду, онъ старался сдѣлать занимательными скучныя сантиментальности и чопорную мораль, примѣшивая къ нимъ сцены разврата. Этимъ онъ дѣйствовалъ на нравственность пагубнѣе, чѣмъ Дидро своими романами. Послѣдній возбуждалъ злобу и отвращеніе въ людяхъ чистыхъ и нравственныхъ, а Мармонтель, напротивъ того, увлекалъ невинныхъ скользкой нравственностью, которую представлялъ читателю.

Въ двухъ важнѣйшихъ сочиненіяхъ своихъ, «Велисаріи» и «Инкахъ», Мармонтель примѣнилъ ту же систему къ государству и его отношеніямъ. Въ первомъ онъ воспользовался извѣстнымъ преданіемъ о несправедливости императора Юстиніана къ Велисарію (т. II, стр. 271), чтобы провести въ публикѣ политическое ученіе и совѣты, направленные противъ господствовавшей государственной и церковной полиціи. Для втораго сочиненія ему послужили матеріаломъ злодѣйства, совершенныя завоевателями Перу, чтобы представить въ ужасномъ и трогательномъ видѣ религіозный фанатизмъ. Оба эти сочиненія не имѣли вліянія на свое время; для этого они были слишкомъ незначительны какъ въ философскомъ, такъ и въ историческомъ отношеніи, и по своей формѣ и тону не подходили подъ господствовавшій въ то время во Франціи вкусъ. Тѣмъ не менѣе публика приняла ихъ на короткое время очень благосклонно, потому что ей нравились всякія нападки на старину и потому что чувствовалась потребность замѣнить Телемакъ Фенелона, мало-по-малу вышедшій изъ моды, другимъ добродѣтельнымъ романамъ, болѣе соотвѣтствующимъ духу времени. На успѣхъ этихъ сочиненій во Франціи имѣлъ вліяніе пріемъ, оказанный имъ иностранными дворами. Ихъ неопредѣленная политика была встрѣчена громкимъ сочувствіемъ особенно при русскомъ, шведскомъ и австрійскомъ дворахъ. Императрица Екатерина II сама перевела даже отрывокъ изъ Велисарія о вѣротерпимости и напечатала его. Даже Марія Терезія, не смотря на противодѣйствіе архіепископа вѣнскаго, позволила напечатать Велисарія въ Австріи. Наслѣдный принцъ Брауншвейгскій Фердинандъ былъ въ такомъ восторгѣ отъ Мармонтеля, что, представляя его женѣ, сказалъ: «Вотъ авторъ Велисарія и нравственныхъ разсказовъ, съ которымъ вы такъ желали познакомиться!» Только Фридрихъ II понялъ направленіе этихъ романовъ и ихъ автора. Во Франціи вначалѣ Сорбонна не дозволила печатать Велисарія, но господствовавшее направленіе было такъ сильно, а правительство такъ колебалось подъ вліяніемъ духа времени, что герцогъ Эгильонъ назначилъ даже Мармонтеля офиціальнымъ исторіографомъ.

Для насъ сочиненія Мармонтеля замѣчательны для оцѣнки направленія и

вкуса нѣмецкихъ государей того времени. Они были совершенно проникнуты риторикой и поверхностнымъ изяществомъ французскаго образованія. Вслѣдствіе этого они покланялись революціоннымъ парижскимъ софистамъ, между тѣмъ какъ Клопштокъ былъ принужденъ переселиться въ Данію. Шиллеръ едва могъ существовать, Фоссъ долженъ былъ сдѣлаться учителемъ въ Гадельнѣ, Лессингъ, никогда не облачавшій, подобно Мормонтелю, порокъ въ добродѣтель, подвергался преслѣдованію за свои философскія и историческія сомнѣнія.

Въ одно время съ Мармонтелемъ сдѣлался историческою личностью другой писатель, въ сочиненіяхъ котораго также не было внутренняго содержанія. Мы говоримъ о бывшемъ священникѣ-іезуитѣ Р е й н а л ѣ, одномъ изъ главныхъ членовъ ольбаковскаго общества (стр. 74). Онъ получилъ одинаковое образованіе съ Дидро, Мармонтелемъ и другими, и, подобно имъ, пользовался пріобрѣтенной такимъ образомъ риторикой и діалектикой для удовлетворенія своего тщеславія и для борьбы со всѣмъ отжившимъ въ церкви и государствѣ. Его главное сочиненіе—вышедшая въ 1770 г. исторія европейскихъ торговыхъ колоній въ обѣихъ Индіяхъ. Книга эта была написана имъ безъ предварительнаго приготовленія, безъ руководящей основной мысли и съ заключеніями, часто противорѣчившими другъ другу, потому что тщеславному Рейналю хотѣлось только написать историко-политическое сочиненіе въ духѣ такъ называемыхъ экономистовъ, такъ какъ подобныя произведенія были тогда въ модѣ. Въ этомъ его поддерживалъ Дидро, который, какъ истинный энтузіастъ, работалъ для всякаго, кто откликался на его смѣлое ученіе. Онъ диктовалъ смѣлому автору вещи, которыя не рѣшался самъ высказывать. Вотъ почему ничтожное сочиненіе Рейналя произвело такое впечатлѣніе.

Благосклонный пріемъ книги, рекомендованной даже Тюрго, принесъ Рейналю ту пользу, что онъ вошелъ въ сношенія со многими вліятельными людьми и получалъ со всѣхъ сторонъ и концовъ статистическія, коммерческія и другія данныя, благодаря которымъ могъ придать въ 1771 дѣйствительную цѣну второму изданію. Во второмъ изданіи книга сдѣлалась для Франціи полезнымъ сочиненіемъ, потому что распространила подъ блестками риторики полезныя знанія въ такихъ слояхъ общества, гдѣ до сихъ поръ относительно такихъ наукъ, какъ географія, политика и статистика, господствовало непроходимое невѣжество. Такъ какъ все исходившее изъ Парижа особенно цѣнилось, то и вліяніе книги Рейналя распространилось очень далеко. Даже самъ Фридрихъ Великій обратилъ большое вниманіе на эту книгу и ея автора въ то самое время, когда съ пренебреженіемъ отталкивалъ прилежнаго, основательнаго и надежнаго, хотя скучнаго ученаго статистика Бюшинга, принадлежавшаго къ его собственнымъ чиновникамъ. Второе изданіе Рейналь обработалъ въ тонѣ и духѣ демократіи, потому что такова была тогда мода въ Парижѣ. Вслѣдствіе этого Сорбонна предала книгу проклятію, а парижскій парламентъ сжегъ ее рукою палача и приказалъ арестовать автора. Но книга и авторъ пріобрѣли черезъ это еще больше значенія. Рейналь бѣжалъ изъ Франціи и возвратился только въ 1788. Впослѣдствіи онъ, Мармонтель и другія подобныя личности сами открыли свѣту глаза на пустоту и ничтожество своихъ стремленій. На старости лѣтъ они открыто сознались, что никогда не знали, къ чему идутъ съ своей философіей и куда она можетъ привести. Мармонтель сдѣлался кающимся грѣшникомъ и, состарѣвшись, принялся хвалить тѣ самыя учрежденія, которыя прежде такъ порицалъ.

Хотя мы вполнѣ цѣнимъ заслуги Б ю ф ф о н а въ описаніяхъ природы, въ наукѣ и просвѣщеніи, хотя мы далеки отъ того, чтобы приравнивать его къ риторикамъ и софистамъ, однако находимъ, что онъ, какъ и они, слѣдовалъ господствующему настроенію. Онъ поклонялся модѣ, хотя былъ по природѣ знатенъ, склоненъ къ придворной жизни и консерватизму и потому удалился изъ кружка Ольбака, Эльвесіуса и Гримма, какъ скоро стремленія этихъ людей оказались не аристократическими и не исключительными, а напротивъ того проникали въ народъ и угрожали старинѣ. Историческое значеніе Бюффона заключается въ томъ, что онъ риторическимъ сочиненіемъ о естественной исторіи изгналъ богословіе изъ естествознанія, какъ Монтескьё избавилъ политическія науки отъ односторонняго ученія каноническаго и римскаго права. Такимъ образомъ тонъ салоновъ и духъ времени были такъ сильны, что даже человѣкъ знатный, осторожный,

вообще нелюбившій политики и непитавшій никакой вражды къ религіи и церкви, соединился съ какимъ-нибудь Руссо, д'Аланберомъ и подобными писателями противъ предразсудковъ среднихъ вѣковъ.

Рядомъ съ этимъ значеніемъ сочиненій Бюффона для общедуховнаго развитія надо замѣтить и чисто-стилическую сторону его сочиненій. Сочиненія его замѣчательны тѣмъ, что по внѣшней формѣ были произведеніемъ самаго тщеславнаго старанія и утонченности и при этомъ вышли все-таки серьезны, хороши и ясны. Кондорсе справедливо помѣстилъ Бюффона во второй изъ друхъ классовъ, на которые раздѣлилъ французскихъ писателей по характеру ихъ стиля. Кондорсе говоритъ, что одни писатели, какъ Буало, Расинъ, Фенелонъ, Массильонъ и Вольтеръ, дѣйствовали на умъ и пониманіе читателя, а другіе, какъ Корнель, Боссю, Монтескье, Руссо и Бюффонъ — на воображеніе, на подкупъ чувства и на увлеченіе безъ истиннаго убѣжденія. Бюффонъ, подобно нашему Фридриху Генриху Якоби, выдѣлывалъ, вытачивалъ свой стиль. Онъ обработывалъ свои статьи такъ, что не отдавалъ въ печать ни одной страницы, не обдумавъ старательно красоту каждаго періода.

b) Письма съ горы, Руссо.

Намъ приходится еще разъ возвратиться къ Руссо (стр. 74 — 80, 84 — 86), потому что одно изъ его сильныхъ демократическихъ сочиненій, «Письма съ горы», по своему направленію принадлежитъ совершенно послѣднему времени передъ революціей. Это сочиненіе, которое мы ставимъ въ одинъ разрядъ съ ярыми нападками на англійскую конституцію и правительство временъ американской революціи, было направлено противъ господствовавшей въ Женевѣ олигархіи. Въ нихъ проповѣдывается ученіе демократіи, теоретически и философски разобранное въ Contrat social, и слѣдовательно, не вполнѣ понятное для всякаго читателя; въ «Письмахъ съ горы» оно развивается такъ, что становится понятнымъ для всякаго простаго гражданина, если только онъ съ молодыхъ лѣтъ принималъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Это обстоятельство доставило «Письмамъ» такое вліяніе, что можно сказать, что они потрясли всю старую систему въ Европѣ также сильно, какъ потрясали ее либеральные ораторы и писатели при Георгѣ III въ Англіи, Франклинъ, Прайсъ, Пайнъ и другіе въ Сѣверной Америкѣ.

Происхожденіе этого сочиненія совпадаетъ съ знаменитой книгой Руссо «Эмиль или о воспитаніи». Малый женевскій совѣтъ въ угоду французскому правительству велѣлъ сжечь «Эмиля» рукою палача и приказалъ арестовать автора, котораго Фридрихъ Великій пріютилъ въ княжествѣ Нефшательскомъ. Это заставило Руссо отказаться отъ права женевскаго гражданства (май 1763). Этотъ поступокъ Руссо произвелъ въ Женевѣ безпокойства, частью потому, что съ Руссо поступили несогласно съ конституціей, частью потому, что граждане гордились такимъ человѣкомъ, какъ Руссо, и не хотѣли, чтобы съ нимъ обращались, какъ съ преступникомъ. Здѣсь неумѣстно описывать запутанныя учрежденія Женевской республики, что было бы необходимо для подробнаго изложенія тамошнихъ безпокойствъ, вызвавшихъ «Письма съ горы». Скажемъ лишь, что одинъ изъ женевскихъ аристократовъ, генералъ-фискалъ Троншенъ, нанесъ сильный ударъ демократическому дѣлу въ Женевѣ мастерски написанной книгой, которую онъ озаглавилъ «Письмами изъ деревни», и что депутація великаго совѣта уговорила Руссо написать опроверженіе на эту книгу. Руссо исполнилъ желаніе согражданъ и въ отвѣтъ на книгу Троншена написалъ девять писемъ подъ заглавіемъ «Письма съ горы». Они были тайно напечатаны въ Голландіи и совершенно неожиданно пущены въ свѣтъ.

«Письма съ горы» раздѣлены на двѣ книги; въ первой шесть писемъ, а во второй три. Въ первой книгѣ разсматриваются дѣйствія женевцевъ противъ Руссо, при чемъ разбираются вопросы о церковной полиціи, о государственной религіи, о духѣ христіанства, о существованіи протестантизма и другіе церковные и богословскіе вопросы, потому что мѣры женевскаго магистра противъ

Руссо и его «Эмиля» состояли собственно въ осужденіи раціональныхъ воззрѣній «Савойскаго викарія» (стр. 79). Во второй книгѣ, т. е. въ трехъ послѣднихъ письмахъ, Руссо разбираетъ политическую сторону дѣла и по поводу женевскихъ происшествій, развиваетъ теорію демократіи, очерченную въ Общественномъ Договорѣ; онъ защищаетъ ее здѣсь противъ нападокъ аристократіи. Другими словами въ первой книгѣ Руссо заодно съ Лессингомъ борется противъ средневѣковой церковной полиціи и противъ консисторіальнаго богословія правовѣрнаго протестантизма; во второй онъ заодно съ Франклиномъ, Фоксомъ, Прайсомъ и Томасомъ Пейномъ ратуетъ за новый порядокъ въ государствѣ. Хотя предметомъ обѣихъ книгъ служатъ его личныя дѣла и дѣйствія маленькой Женевской республики, но, подобно Лессингу, Руссо, отлично владѣетъ труднымъ искусствомъ сдѣлать занимательнымъ и поучительнымъ самый, повидимому, мелкій, сухой и недостойный предметъ.

Во второмъ письмѣ Руссо разсматриваетъ вопросъ, считать ли преступникомъ гражданина протестантскаго государства, который не вѣритъ въ какой-нибудь догматъ своей церкви. Руссо ссылается на самую сущность реформаціи которая дозволяетъ всякому толковать писаніе по своему, лишь бы только вѣрить въ божественность евангелія. Возставая противъ насилія въ вѣрѣ, Руссо прямо объявляетъ, что если бы его стали принуждать подчиниться въ вопросахъ религіи чужому мнѣнію, онъ предпочелъ бы перейти въ католицизмъ, и что всякій искренній и послѣдовательный человѣкъ сдѣлалъ бы тоже; онъ обличаетъ тотъ новый папизмъ, который возникъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ у протестантовъ, съ его нелѣпымъ стремленіемъ навязывать посредствомъ государственной полиціи богословскія выдумки; вслѣдствіе чего реформація была извращена въ самомъ своемъ основаніи. Руссо высказываетъ глубокое уваженіе къ Кальвину, хотя этотъ реформаторъ былъ не только скверный человѣкъ, но, что еще хуже въ немъ—плохой богословъ. Чистое ученіе Христа имѣетъ за себя полную симпатію Руссо, который глубоко вникаетъ въ сущность христіанской религіи, какъ религіи сердца; Руссо развиваетъ умѣренный раціонализмъ, заключающій въ себѣ уже все, чему черезъ десять лѣтъ училъ Лессингъ, а черезъ двадцать—всѣ нѣмецкіе богословы, но что теперь опять проклинается и преслѣдуется, какъ ересь.

Во второй книгѣ или въ письмахъ о новомъ государственномъ правѣ и политической системѣ Руссо, конечно, дѣлаетъ много промаховъ, какъ всякій, кто занимается измышленіемъ государственныхъ теорій безъ основательнаго изученія исторіи и безъ знанія неизмѣнныхъ свойствъ человѣческой природы. Но именно эта односторонность писемъ Руссо доставила имъ большое значеніе въ глазахъ той публики, которая руководится простымъ чувствомъ и увлекается фанатизмомъ. Руссо излагаетъ въ нѣсколькихъ положеніяхъ всю сущность своего общественнаго договора; но эти положенія у него не школьныя опредѣленія, не ученыя фразы, а лозунги для народа. Онъ пользуется для своихъ цѣлей раздорами женевскихъ сословій, своимъ собственнымъ приговоромъ и тому подобными несправедливостями противъ другихъ гражданъ, какъ авторъ писемъ Юніуса пользовался современными ему происшествіями, чтобы проводить свои идеи объ устройствѣ государства и правахъ народа. Онъ показываетъ женевцамъ, что всякая сила по самой природѣ своей одержима стремленіемъ усиливаться и что поэтому свобода безъ залога и власти есть ложь и обманъ. Но вслѣдъ за этимъ положеніемъ онъ высказываетъ другое, которое доказываетъ, что онъ или не зналъ народной массы, или не хотѣлъ ее знать изъ любви къ своимъ теоріямъ. Онъ утверждаетъ, что подвластный народъ всегда безусловно честенъ и справедливъ, тогда какъ владычествующіе и правящіе непремѣнно одержимы склонностью къ тираніи. Замѣчательно однако, что «Письма съ горы» гораздо менѣе встревожили партію стараго порядка, чѣмъ «Эмиль» или «Исповѣдь Савойскаго викарія».

3. Нѣмецкая литература и просвѣщеніе.

а) Начало вліянія новизны на богословіе и на высшія учебныя заведенія.

«Литературныя письма» Лессинга, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, дали нѣмецкой литературѣ рѣшительное и прочное направленіе (стр. 96); но еще прежде этого духъ времени началъ вліять на чисто ученую сферу и на учебныя заведенія, которыя до сихъ поръ были совершенно недоступны новой пробуждавшейся жизни. Въ тоже время движеніе, ограничивавшееся вначалѣ, лишь изящной литературой, распространилось мало-по-малу и на другія области, благодаря стараніямъ нѣкоторыхъ литературныхъ дѣятелей.

Узость нѣмецкой жизни, недостатокъ общаго центра и отсутствіе руководящаго столичнаго города, состояніе нѣмецкой народной литературы и господствовавшее во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ педантство придали университетамъ въ Германіи гораздо больше значенія, чѣмъ они имѣли въ другихъ странахъ, Всякій, непринадлежавшій къ офранцуженнымъ высшимъ кружкамъ, пріобрѣталъ духовную пищу въ университетахъ, и все принятое въ нихъ почиталъ путеводною звѣздой во всѣхъ своихъ воззрѣніяхъ и дѣйствіяхъ. Но нѣмецкіе университеты имѣли къ націи лишь то отношеніе, что приготовляли или, лучше сказать, дрессировали молодыхъ людей къ государственнымъ и церковнымъ должностямъ. Даже философскія лекціи, которыя слушались тогда всѣми студентами, были дѣломъ нахлѣбниковъ науки. На національную литературу университетскіе профессоры смотрѣли съ глубокимъ презрѣніемъ, какъ вообще на все человѣческое образованіе.

Такое положеніе высшаго учебнаго преподаванія должно было съ одной стороны придать нѣкоторымъ профессорамъ такое вліяніе, какое въ настоящее время немыслимо; а съ другой, заставить умныхъ людей стараться замѣнить цеховую рабскую дѣятельность присяжныхъ ученыхъ свободнымъ знаніемъ, основаннымъ на внутреннемъ интересѣ. Таковы были Шпальдингъ и Реймарусъ, первый—проповѣдникъ въ Берлинѣ, другой учитель въ гамбургской гимназіи. Оба они выступили на свое поприще въ половинѣ столѣтія, возставъ въ популярныхъ сочиненіяхъ противъ догматики консисторій и школъ и противъ ханжества, до котораго дошли піэтисты. Они пытались сдѣлать религію протестантовъ дѣломъ сердца и помирить ее съ разумомъ. Реймарусъ, какъ ученый знатокъ древности, естественной исторіи и философіи, особенно прославился сочиненіемъ «Важнѣйшія истины естественной религіи». Шпальдингъ дѣйствовалъ частью переводами умѣренныхъ англійскихъ сочиненій, частью проповѣдями, но преимущественно книгой «О назначеніи человѣка», явившейся въ 1748 и выдержавшей очень много изданій; эта книга принесла также большую пользу для улучшенія нѣмецкаго литературнаго языка. Она возбудила гнѣвъ фанатиковъ, особенно самаго яростнаго изъ нихъ, гамбургскаго главнаго пастора Гёце, который неистово нападалъ на всякое свободное движеніе и наконецъ осмѣлился напасть на Лессинга. Неподражаемая сатира и иронія, которыми Лессингъ поразилъ его, оставили ему незавидное, но безсмертное имя въ исторіи нѣмецкой литературы.

Одновременно съ Шпальдингомъ и Реймарусомъ либеральное направленіе проводили въ чиновничьихъ кружкахъ чиновники Юстусъ Мезеръ и Ф. К. фонъ Мозеръ. Мёзеръ былъ всею душою преданъ установленному порядку, но признавалъ необходимость его измѣненія. Онъ дѣйствовалъ, конечно, очень осмотрительно и осторожно, думая, что новое только тогда можетъ сдѣлаться національнымъ и прочнымъ, если оно медленно вытѣснитъ старое. Онъ писалъ для того круга, къ которому самъ принадлежалъ, желая быть посредникомъ между этимъ кругомъ и народомъ и показать чиновному міру, какъ можно и должно дѣйствовать на народъ нравственно. Впрочемъ у него не слѣдуетъ ожидать ни высоваго полета мысли, ни горячаго усердія, ни вольнаго языка: это былъ человѣкъ созданный по природѣ только для практическаго дѣла и нечувствовавшій

никакой склонности къ идеальному; онъ провелъ всю свою жизнь въ Вестфаліи и долженъ былъ заниматься не только прозаическими служебными обязанностями вообще, но и входить въ ежедневныя сношенія съ гордыми, пропитанными феодальнымъ духомъ духовными и свѣтскими аристократами. Для этихъ людей юмористическій тонъ, избранный Мёзеромъ, былъ превосходнымъ средствомъ убѣдить ихъ подъ видомъ шутки въ необходимости прогресса, не напугавъ ихъ этимъ страшилищемъ.

Краткое указаніе на нѣкоторыя сочиненія Мёзера покажетъ, какимъ образомъ и съ какой стороны онъ дѣйствовалъ. Въ одномъ изъ первыхъ своихъ сочиненій, «Арлекинъ или защита дикокомическаго», Мёзеръ выступаетъ противъ узкихъ литературныхъ воззрѣній и противъ піэтистическихъ враговъ театра, принимая подъ защиту народную форму и тотъ родъ остроумія, который Готтшедъ и его послѣдователи хотѣли совсѣмъ изгнать со сцены. Другое сочиненіе было направлено противъ «Исповѣди савойскаго викарія» Руссо (стр. 79). Этимъ сочиненіемъ онъ хотѣлъ показать необходимость для народа положительной, основанной на откровеніи религіи, и оно, какъ произведеніе опытнаго наблюдателя и знатока людей, составляетъ рѣзкую противоположность съ чисто-идеальными цѣлями, которыя имѣлъ передъ глазами Руссо. Въ одно время съ этимъ сочиненіемъ (1765) явилось «Введеніе въ Оснабрюкскую исторію» Мёзера, гдѣ проводились принципы Болингброка, Вольтера и Юма. Историческій матеріалъ для этого произведенія Мёзеръ извлекъ не только изъ хроникъ и письменныхъ документовъ, но и изъ сохранившихся въ Вестфаліи старыхъ обычаевъ, законовъ и учрежденій, и обработалъ его такъ, что вышло не столько настоящая исторія, сколько изслѣдованіе основаній и связи этихъ учрежденій, обычаевъ и отношеній. Еще важнѣе мелкія статьи, которыя Мёзеръ помѣщалъ въ 1766—1782 въ одномъ мѣстномъ листкѣ и потомъ издалъ отдѣльно подъ заглавіемъ «Патріотическія фантазіи». Ихъ значеніе для прогресивнаго развитія націи заключается въ томъ, что способъ, какимъ опытный практическій человѣкъ разбиралъ совершенно спеціальныя, мѣстныя обстоятельства, пробуждалъ въ народѣ стремленіе обсуждать свои общественныя отношенія.

Ф. К. Мозеръ, императорскій имперскій гофратъ и министръ при разныхъ мелкихъ дворахъ, искренностью и смѣлостью провосходитъ всѣхъ высшихъ чиновниковъ Германіи вплоть до нашего времени. Напротивъ того, по языку и тону, а также по духу и формѣ своего религіознаго міровоззрѣнія онъ принадлежитъ вполнѣ старому времени. Въ книгѣ «Господинъ и слуга», явившейся въ 1759, Мозеръ отважился напасть на эгоизмъ и кастовый духъ сословій, на лакейство юристовъ и чиновниковъ, и снова пробудилъ въ душѣ своихъ соотечественниковъ любовь къ отечеству, извратившуюся со временъ Лютера и Гуттена до чувства рабства и наемной службы. Эта книга, не смотря на свою безвкусную, допотопную форму и языкъ, пріобрѣла во всей Германіи огромное значеніе, и авторъ ея при всемъ своемъ осторожномъ маскированіи фактовъ возбудилъ къ себѣ сильное недоброжелательство; это доказываетъ, въ какомъ печальномъ положеніи находились тогда школьное воспитаніе и преподаваніе и политическая литературная дѣятельность. Изъ остальныхъ сочиненій Мозера имѣлъ значеніе только «Патріотическій архивъ» но онъ принадлежитъ впрочемъ къ журналистикѣ, о которой будетъ говориться ниже.

Теперь мы обратимся къ двумъ одновременнымъ богословамъ, Михаэлису и Землеру, которые имѣли къ послѣдующему религіозному просвѣщенію почти такое же отношеніе, какое Мёзеръ и Мозеръ къ развитію политическому. Оба они дѣйствовали осторожно, оставались при старомъ и какъ писатели, подобно Мозеру, не поднялись выше посредственности; несмотря на то, они внесли новый свѣтъ въ мракъ еврейской и христіанской исторіи, въ толкованіе библіи и въ догматику. Чтобы понять и оцѣнить ихъ заслуги, необходимо разъяснить тогдашнее состояніе протестантскаго богословія и высшаго образованія вообще.

Послѣ Лютера и Кальвина, какъ извѣстно, протестантское богословіе хотѣли привязать къ извѣстнымъ догматамъ и этимъ сдѣлать его совершенно чуждымъ прогресивнаго развитія. Въ реформатской церкви этого достигли постановленіями дордрехтскаго синода и тридцатью девятью параграфами англиканской церкви (т. V, стр. 64 и стр. 589), а въ лютеранской — катехизисами (т. V,

стр. 143). Это привело къ тому, что свободномыслящіе люди въ Англіи были исключаемы изъ государственной церкви, а въ Германіи старались помочь себѣ изворотливымъ толкованіемъ. Поэтому протестантское богословіе стало въ Германіи въ зависимость отъ несогласныхъ между собою воззрѣній университетскихъ профессоровъ. Уже въ семнадцатомъ столѣтіи они изобрѣли новый родъ схоластики, т. е. на мѣсто чистаго библейскаго ученія, которое Лютеръ объявилъ единственной нормой вѣроисповѣданія, поставили разныя хитросплетенія и систематическое умствованіе. Въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія ученики гальскаго философа, Христіана Вольфа, придумали новый родъ ученой разработки богословія. Изъ случайныхъ замѣчаній остроумнаго и проницательнаго Лейбница, Вольфъ сдѣлалъ школьную систему и въ то же время придумалъ новый методъ философствованія, названный имъ математическимъ. По этому методу предметы, которымъ мы вѣримъ, т. е. о которыхъ мы имѣемъ умственныя представленія—идеи, но которые никакъ не можемъ уловить чувствами, какъ чувственныя представленія—образы, должны быть понимаемы, доказываемы и подраздѣляемы, какъ математическіе предметы. Послѣдователи Вольфа примѣнили этотъ методъ ко всѣмъ отраслямъ знанія и внесли въ нѣмецкія головы страшную путаницу особенно тѣмъ, что главную заслугу видѣли не въ основательности, къ которой стремился Вольфъ, а въ придуманной имъ хитрой терминологіи и въ претензіи втиснуть всѣ знанія въ рамки системы. Въ богословіи ученики Вольфа, особенно Якобъ Зигмундъ Баумгартенъ, братъ вышеупомянутаго (стр. 93) основателя школьной эстетики, дали господство такъ называемому математическому методу. Они вызвали этимъ очень странное явленіе. Въ короткое время не только лекціи и учебники профессоровъ богословія уснастились аксіомами, опредѣленіями, различіями, демонстраціями и т. д., но даже приходскіе священники сочиняли свои проповѣди по математическому методу, вслѣдствіе чего онѣ сдѣлались сухи и совершенно безплодны для ума и сердца слушателей.

Но математика слишкомъ противорѣчитъ сущности всякой религіи, чтобы смѣшеніе ихъ могло долго держаться. Къ тому же пришло время, когда съ одной стороны университеты должны были потерять привиллегію давать законы духу, а съ другой, богословы, какъ Шпальдингъ, старались пробить дорогу разуму въ вопросы вѣры, или какъ Мосгеймъ и Ерузалемъ, желали облечь старую догматику въ изящную оболочку, или наконецъ, какъ Эрнести, требовали понятнаго и критическаго объясненія библіи. Но на протестантское богословіе подѣйствовало еще то обстоятельство, что занятіе классическими древностями проникнулось тогда совсѣмъ новымъ духомъ, и вслѣдствіе того выросло цѣлое поколѣніе, направленное къ изученію древнихъ, слѣдовательно, къ дѣйствительному изслѣдованію и размышленію и къ болѣе очищенному вкусу въ поэзіи и искусствѣ. Эта перемѣна въ классическомъ изученіи была полезна не для одного преобразованія богословія; она оказала сильное вліяніе на возрожденіе литературы и образованія. Поэтому мы должны упомянуть объ этомъ преобразованіи классическаго изученія и высшаго школьнаго образованія, при чемъ Гёттингенъ получилъ для нѣмецкой культуры такое же значеніе, какимъ впослѣдствіи пользовались Веймаръ и Іена.

Это преобразованіе началось съ критики и теоріи прекраснаго. Готтшедъ, Рамлеръ, Зульцеръ, Баумгартенъ и другіе (стр. 93) заколотили эстетику въ сухія французскія правила или въ демонстраціи Вольфовой философіи. Поэтому они были совершеннымъ тормазомъ для успѣховъ поэзіи и искусства, пока Лессингъ и Винкельманъ не вывели націю на новую дорогу — одинъ въ литературѣ, другой въ изящныхъ искусствахъ. Оба они черпали свою теорію прекраснаго непосредственно изъ сочиненій и произведеній искусства грековъ, которые имѣли совершенно одинаковое устройство съ народами германскаго племени и потому должны служить для послѣднихъ единственнымъ источникомъ истиннаго вкуса. Оба, но Винкельманъ раньше, подѣйствовали этимъ на преобразованіе высшаго школьнаго образованія. Однако вліяніе ихъ было лишь посредственное. Дѣйствительныя перемѣны въ высшемъ образованіи явились только тогда, когда филологъ Гейне, въ Гёттингенѣ, не только популяризировалъ въ своихъ археологическихъ лекціяхъ геніальныя воззрѣнія Винкельмана, но и въ объясненіяхъ древнихъ сочиненій обращалъ преимущественно вниманіе на ихъ пониманіе и на усвоеніе ихъ отдѣльныхъ красотъ, тогда какъ прежде молодыхъ людей упражняли

почти исключительно въ грамматической долбяжкѣ и въ болтовнѣ по-латыни. Этимъ путемъ Гейне сдѣлался однимъ изъ реформаторовъ нѣмецкаго преподаванія. Изъ его семинаріи вышли толпы учителей гимназій, которые разнесли свѣтъ восемнадцатаго столѣтія въ высшія школы. Даже для разработки нѣмецкаго языка былъ полезенъ новый родъ изученія древнихъ. Родному языку снова старались возвратить формы древнихъ языковъ. Этимъ, конечно, нѣмецкій языкъ насиловали; но зато онъ вырабатывался, и публика пріобрѣтала больше знаній древняго міра, чѣмъ выворачиваніемъ наизнанку древнихъ писателей, выворачиваніемъ, которымъ заранѣе предписывалось восхищаться. Въ этомъ отношеніи большую заслугу пріобрѣлъ Фоссъ. Въ его переводѣ Гомера «Иліада» и «Одиссея» сдѣлались въ извѣстной степени нѣмецкими поэмами и воспитательной книгой для нѣмецкаго юношества. Онѣ дѣйствовали на нѣмецкій языкъ, стихосложеніе и образъ мыслей, какъ Лютеровъ переводъ библіи, потому что душа Фосса была также родственна Гомеровой, какъ духъ Лютера—духу пророковъ и апостоловъ.

Широкимъ и часто тривіальнымъ способомъ объясненія сочиненій древнихъ Гейне не мало способствовалъ, правда, распространенію пошлости и поверхностности. Этому вредному вліянію противодѣйствовалъ величайшій нѣмецкій филологъ новаго времени, Ф. А. Вольфъ изъ Галле. Онъ посредствомъ строгаго грамматическаго и критическаго изслѣдованія снова ввелъ въ изученіе классиковъ усердіе, глубину и основательность.

Вліяніе Землера и Михаэлиса, къ которымъ мы снова возвращаемся, представляетъ такой замѣчательный переходъ отъ стараго протестантскаго богословія къ новому роду разработки религіозныхъ вопросовъ, что слѣдуетъ познакомиться ближе съ личнымъ развитіемъ и дѣятельностью этихъ писателей. Они получили образованіе въ Галле и были опутаны въ такой степени господствовавшимъ тамъ піэтистическимъ духомъ и стремленіями, что хотя получили непобѣдимое отвращеніе къ чисто благочестивой дисциплинѣ и догматическимъ стѣсненіямъ, но всю жизнь не могли привыкнуть дышать свободно. Оба они, хотя никогда не отставали совершенно отъ стараго протестантскаго богословія, явились однако реформаторами. Впрочемъ оба они только проложили путь смѣлымъ реформамъ такъ называемыхъ раціоналистовъ, къ которымъ сами не принадлежали. По характеру, направленію и дѣятельности они очень отличались другъ отъ друга. Михаэлисъ стремился къ славѣ и къ свѣтскимъ выгодамъ; Землеръ же искалъ открыто и честно только истины. Первый былъ широкъ и популяренъ и обнаруживалъ притязаніе на универсальность знанія и вліянія; второй, напротивъ, всю свою жизнь стремился съ неутомимымъ прилежаніемъ проникнуть въ глубь знанія, никогда не выпускалъ изъ вида чисто-научной цѣли и писалъ только для ученыхъ богослововъ. При этомъ Землеръ былъ такъ честенъ, что не скрывалъ ни одного изъ своихъ изслѣдованій или открытій, хотя бы даже его благочестивое чувство смущалось имъ, какъ чѣмъ-то грѣховнымъ.

Землеръ не имѣлъ ничего общаго съ новымъ духомъ, вѣявшимъ изъ Англіи и Франціи; Михаэлисъ, напротивъ того, былъ увлеченъ на свой путь именно этимъ духомъ и старался примирить съ нимъ библейское ученіе. Для этого Михаэлисъ занимался политическими и экономическими науками и изученіемъ природы. Въ совершенномъ противорѣчіи съ духомъ глубокой древности и востока онъ смотрѣлъ на Моисеево законодательство, какъ на мудро придуманную политическую систему, и сдѣлалъ изъ Моисея Монтескьё евреевъ. Михаэлисъ достигъ цѣли своихъ стремленій—славы и почета. Даже д'Аланберъ, знавшій о немъ и о его трудахъ только по слухамъ, цѣнилъ его заслуги. Онъ предложилъ ему не только сотрудничество въ энциклопедіи, но и рекомендовалъ его королю Фридриху Великому; Михаэлисъ однако не нашелъ удобнымъ промѣнять Гёттингенъ на Берлинъ. Судьба Землера была иная, хотя наиболѣе уважаемые ученые богословы даже католической церкви признавали его трудолюбіе, ревность и заслуги; но, не смотря на то, сторонники старины проклинали его, какъ и Михаэлиса, а друзья новаго порядка стали презирать, когда онъ вздумалъ остановить науку и изслѣдованіе.

b) „Литературныя Письма“ и „Всеобщая Нѣмецкая Библіотека“.—Николаи и братья Якоби.

Въ 1759 Лессингъ и его друзья возобновили попытку устроить критическій трибуналъ и этимъ путемъ доставить себѣ родъ диктатуры, чтобы положить предѣлъ всему слабому и посредственному въ національной литературѣ, помочь и доставить господство хорошему и самобытному. Попытка эта была сдѣлана Литературными письмами, явившимися въ Берлинѣ въ 1759—1765 гг. Главными сотрудниками въ нихъ были Николаи и Мендельсонъ. Самъ Лессингъ вскорѣ отдѣлился. Критика въ этихъ «письмахъ» поразила всѣхъ необыкновеннымъ остроуміемъ и рѣзкостью; она была иногда даже оскорбительна, такъ что противъ «Литературныхъ писемъ» поднялся громкій крикъ; но приговоры ихъ были справедливы и оказали благодѣтельное вліяніе на литературу. Нѣмецкая публика увидѣла, въ какихъ заблужденіяхъ ее держали. Были обнаружены слабости и недостатки писателей, которымъ совершенно незаслуженно удивлялись, какъ поэтамъ и философамъ. Литературныя Письма старались привести нѣмецкій народъ отъ риторической поэзіи французовъ къ англійской серьезности и оригинальности; они познакомили Германію съ Шекспиромъ, какъ съ истинно великимъ поэтомъ, и тѣмъ помогли нѣмецкой поэзіи освободиться по крайней мѣрѣ отъ *пошлости. Способныхъ писателей, избравшихъ ошибочный путь, они поставили* на вѣрную дорогу. Наконецъ своимъ критическимъ пріемомъ, формой и языкомъ они показали, что есть иная литература, чѣмъ тяжелый, деревянный слогъ школьныхъ ученыхъ, плоская проза Готшеда и его учениковъ и благочестивая пискотня подражателей Клопштока.

Критика «Литературныхъ писемъ» дѣйствовала необыкновенно благодѣтельно особенно тѣмъ, что авторы ихъ умѣли открывать съ тонкимъ тактомъ всякій родъ геніяльности и учили отличать истинныя заслуги отъ мнимыхъ. Этими письмами большая часть значительнѣйшихъ писателей того времени была впервые оцѣнена въ Германіи правильно. Критика «Литературныхъ писемъ» отвратила Виланда отъ ханженской чувствительности и драматическихъ работъ, къ которымъ онъ былъ совершенно неспособенъ, и указала ему тотъ родъ поэзіи, который сдѣлалъ его любимцемъ народа. Этими «письмами» Гаманъ, не смотря на враждебность, съ какой на него нападали, былъ отрекомендованъ націи, какъ оригинальный и остроумный писатель, и въ то же время доказана важность подобныхъ людей для успѣховъ литературы, хотя справедливо осуждалась причудливая манера и языкъ Гамана. «Литературныя письма» обратили впервые вниманіе націи на Винкельмана, какъ на человѣка съ необыкновеннымъ талантомъ, который въ искусствѣ и его оцѣнкѣ вывелъ нѣмцевъ на истинный путь. Наконецъ «Письма» эти сдѣлали то, что Кантъ при первомъ своемъ появленіи былъ встрѣченъ, какъ одинъ изъ немногихъ людей, способныхъ преподавать новыя и великія идеи сильнымъ и достойнымъ языкомъ.

Могущественное вліяніе «Литературныхъ писемъ» и особенно большой ихъ сбытъ навели разсчетливаго Николаи на мысль воспользоваться умственнымъ движеніемъ Германіи для обширнаго предпріятія, какъ было сдѣлано во Франціи энциклопедистами, чтобы распространить новыя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ знанія. Съ этимъ намѣреніемъ онъ основалъ «Всеобщую нѣмецкую библіотеку». Такъ какъ онъ съумѣлъ привлечь къ себѣ самыхъ просвѣщенныхъ и знающихъ людей Германіи, то, не смотря на его чисто купеческія тенденціи, новый журналъ дѣйствовалъ первое время на нѣмецкую литературу благотворно. Онъ потрясъ могущество профессоровъ извѣстныхъ университетовъ. Между профессорами этого рода былъ особенно знаменитъ Клоцъ въ Галле, привлекавшій къ себѣ грубый студентскій міръ своей безпутной жизнью, шутовскимъ тономъ своихъ лекцій, литературнымъ забіячествомъ и безчисленнымъ множествомъ рецензій, въ которыхъ онъ ругалъ самымъ грубымъ образомъ всякаго умнаго и истинно ученаго человѣка, создавая славу и значеніе своимъ креатурамъ. Этотъ идолъ галлевскихъ студентовъ, явившійся съ самаго начала противникомъ нико-

лаивскаго трибунала, былъ низложенъ Лессингомъ и Гердеромъ, которые превосходили его не только умомъ, вкусомъ и познаніями, но и грубостью и остроуміемъ. Но и Николаи недолго пользовался своимъ искусственнымъ значеніемъ критика; съ него скоро была снята маска и обнаружена его слабость. Онъ былъ односторонній самоучка и полузнайка, понимавшій только плоское, реальное и полезное, и по своей тщеславной, пустой, прозаической натурѣ не хотѣлъ знать ни увлеченія, ни энтузіазма, ни глубокой, проникающей философіи. При томъ онъ былъ на столько заносчивъ, что считалъ себя способнымъ управлять духомъ времени и обществомъ и отважился являться судьей и рѣшителемъ въ философіи, богословіи, поэзіи, однимъ словомъ—во всемъ возможномъ, не имѣя ни о чемъ понятія. Въ своей близорукости онъ шелъ такъ далеко, что въ качествѣ редактура «Всеобщей нѣмецкой библіотеки» не только дѣлалъ произвольныя поправки въ присылаемыхъ критикахъ, но даже разсылалъ рецензентамъ нѣчто въ родѣ предписаній, въ которыхъ указывалъ, какъ и что писать. Изъ его сочиненій только романъ «Зебальдъ Нотанкеръ» имѣлъ значеніе; но вовсе не по внутреннему достоинству или манерѣ и языку, а единственно потому, что эта книга была сатирой, служившей духу новаго времени и направленной противъ правовѣрныхъ фанатиковъ и ханжей. Но и эта сатира носила на себѣ отпечатокъ свойственной сочинителю ограниченности, по которой Николаи былъ способенъ разсматривать каждую вещь только съ ея поверхности и все, что не было очевидно и полезно, преслѣдовалъ самымъ пошлымъ образомъ.

Такъ какъ лучшее мѣсто въ «Зебальдѣ Нотанкерѣ» есть описаніе двухъ братьевъ Якоби, то здѣсь кстати упомянуть и о нихъ. Фридрихъ Генрихъ и Іоганнъ Георгъ Якоби по характеру не могли бы никогда выдти изъ семейнаго и житейскаго круга, къ которому первоначально принадлежали. Они имѣли всѣ характеристическія черты, которыя люди этого сорта стараются имѣть: были вкрадчивы, любили важничать, много думали о себѣ и о своихъ близкихъ; но въ то же время были тихи, дружественны, добросердечны и беззаботны въ своемъ самовосхищеніи. Эти черты, на которыхъ вертится николаивское описаніе Якоби, отражаются во всѣхъ сочиненіяхъ братьевъ. Старшій, Іоганнъ Георгъ, былъ пустой поэтъ, распѣвавшій на манеръ Петрарки, годившійся развѣ только въ пѣвцы нѣжнымъ дамамъ и сладкимъ кавалерамъ; да и младшій, Фридрихъ Генрихъ, съ своей изысканной прозой и съ своимъ измышленнымъ родомъ философіи, былъ созданъ для того же круга. Впрочемъ онъ дѣйствительно обладалъ философской мыслью и способностями, но расточалъ ихъ передъ публикой, совершенно неспособной къ пониманію истинной философіи, и потому не оставилъ ни одного сочиненія, которое обезпечило бы ему значительное мѣсто въ исторіи нѣмецкой литературы. Если, не смотря на то, онъ въ теченіе своей жизни игралъ въ литературѣ не малую роль, то это объясняется частію его элегантнымъ философскимъ диллетантизмомъ, частію характеромъ его писанія. У него, какъ у Бюффона (стр. 283), слогъ былъ главное дѣло. Якоби, подобно послѣднему, во всемъ, что писалъ, выработывалъ съ необычайнымъ прилежаніемъ форму и языкъ, и этимъ достигъ своей цѣли, потому что всегда найдется много людей, поклоняющихся красивой формѣ безъ содержанія. Что касается до его міровоззрѣнія, то это было нѣчто среднее между философіею и фантазіею. Эта нелѣпость, какъ и самодовольство Якоби, объясняются исторіею его жизни. Онъ былъ первоначально полукупецъ, полуученый, образовался кое-какъ нѣмецкимъ чтеніемъ, уроками одного французскаго ученаго и женевскимъ знакомствомъ. По природѣ добродушный и мягкій, онъ случайно очень разбогатѣлъ и жилъ тогда гостепріимнымъ бариномъ въ своемъ имѣніи Пемпельфортѣ, окруженный сестрами, знакомыми и кліентами, смотрѣвшими на него какъ на необычайное существо и боготворившими его. Весьма естественно, что онъ пришелъ къ очень высокому мнѣнію о самомъ себѣ и привыкъ какъ въ житейскихъ отношеніяхъ, такъ и въ книгахъ играть роль оракула, но ни въ чемъ не проявлялъ оригинальности и чуждался природы, мѣсто которой у него занимало искусство.

c) Первое время дѣятельности Гердера, Виланда и Лессинга.

Противъ критиковъ «Литературныхъ писемъ» и «Всеобщей нѣмецкой библіотеки» смѣло возсталъ Гердеръ. Этотъ человѣкъ, выступившій въ критикѣ особнякомъ, безъ всякихъ связей, владѣлъ какъ разъ качествами, которыхъ большею частію недоставало нѣмецкимъ писателямъ. Онъ имѣлъ больше воображенія, чѣмъ практическаго смысла, больше разностороннихъ, чѣмъ основательныхъ познаній, больше жара, чѣмъ постоянной силы; поэтому въ его прозѣ всегда былъ виденъ поэтъ и соединялъ воображеніемъ то, что старался раздѣлять разсудкомъ. Гердеръ по природѣ, и по ходу и духу своего развитія, по многосторонности своего образованія рано вступилъ на своеобразный путь, котораго никогда потомъ не оставлялъ. Онъ имѣлъ смѣлость явиться судьей искусства уже на двадцать четвертомъ году и показалъ народу, какимъ образомъ его литература можетъ возвыситься. Это онъ сдѣлалъ въ своихъ «Отрывкахъ нѣмецкой литературы», первое и второе собраніе которыхъ вышли въ 1767. Въ этой книгѣ Гердеръ предлагаетъ разныя правила, столь же безплодныя, какъ и всѣ прочія теоріи; не смотря на то, оригинальность гердеровской мысли и языка, а также его тонкій, благородный и легкій тонъ и мѣткость приговоровъ произвели на нѣмецкій народъ, привыкшій къ плоскому ученому педантизму и нелѣпому пустословію, совершенно неожиданное впечатлѣніе. «Отрывки» Гердера дѣйствовали благодѣтельно особенно тѣмъ, что ихъ критика была направлена преимущественно противъ людей, подобныхъ Николаи и Клоцу. Зато они съ самаго начала имѣли и вредное вліяніе. Хотя Гердеръ, какъ человѣкъ умный и съ вѣрнымъ сужденіемъ, и какъ прозаикъ превосходилъ всѣхъ своихъ современниковъ, кромѣ Лессинга, однако принесъ вредъ нѣмецкому образованію, потому что заговорилъ прямо тономъ пророка и законодателя, оригинальничая сравненіями и взглядами. Онъ завелъ тотъ оракульскій тонъ, который потомъ приняли Фихте и братья Шлегели, а въ наше время молодые публицисты, философы и литераторы.

Не критиками и теоріями оказалъ Виландъ услугу нѣмецкой литературѣ и образованію, а оригинальными поэтическими произведеніями. Онъ пробудилъ интересъ и участіе къ нѣмецкой литературѣ въ той части націи, которая до того времени принадлежала вполнѣ французскому образованію. Чтобы Германія пріобрѣла дѣйствительно національную литературу, нужно было, чтобы эта часть публики получила охоту читать нѣмецкія книги и вошла бы снова въ духовную связь съ другими классами. Кромѣ того нужно было доставить большинству публики доступъ къ результатамъ новой французской философіи. Всего этого можно было достигнуть тѣмъ, чтобы вмѣсто сухихъ, лишенныхъ вкуса учебниковъ, дать нѣмцамъ сочиненія, которыя пріятнымъ и понятнымъ образомъ сообщили бы образованнымъ классамъ соотвѣтственное міровоззрѣніе, и чтобы для тѣхъ классовъ, которые читали только французскія книги, создать легкій, пріятный родъ поэзіи, доставляющей развлеченіе и занятіе и читаемой безъ напряженія.

Всего этого Виландъ достигъ своими сочиненіями. Изъ всѣхъ нѣмецкихъ писателей и поэтовъ Виландъ былъ единственный, владѣвшій необходимыми качествами для подобной дѣятельности. Виландъ не имѣлъ геніальности, изобрѣтательнаго, творческаго духа; но былъ человѣкъ съ талантомъ и владѣлъ имъ ловко и съ тонкимъ тактомъ; умѣлъ приноровиться къ потребностямъ своихъ читателей; рано имѣлъ случай познакомиться съ произведеніями новаго времени и освоиться со вкусомъ такъ называемаго высшаго общества. Поэтому онъ принялъ тонъ, единственно пригодный для читателей этого класса, и писалъ книги легкія, острыя, занимательныя, а иногда чувствительныя; словомъ, такія, какъ то общество, для котораго онѣ назначались. Своими сочиненіями Виландъ сдѣлалъ много и для языка. Виландъ, Лессингъ и Гердеръ изгнали скуку и безвкусицу педантизма и создали совершенно новые роды выраженій и слога,—каждый свой особый. Лессингъ писалъ языкомъ благороднымъ, сильнымъ, сжатымъ и строго логическимъ, для читателей, привыкшихъ къ серьезному поученію и логически вѣрнымъ доказательствамъ. Гердеръ, съ своимъ, хотя тоже благороднымъ, но мягкимъ и бога-

тымъ картинами, оборотами и неожиданностями стилемъ, былъ созданъ для читателей подвижныхъ, любящихъ переходить быстро отъ одного предмета къ другому и ищущихъ не столько поученія, сколько интересной бесѣды. Наконецъ, языкъ Виланда, хотя не былъ чистъ и постоянно напоминалъ французскіе образцы, но отличался легкостію, пріятностію, ясностію и живостію.

Виландъ началъ свое литературное поприще ханженскими и мечтательными стихами; но какъ практическій человѣкъ, думающій о выгодѣ, онъ скоро увидѣлъ, что на этомъ пути не составишь карьеры, и потому измѣнилъ направленіе. Къ сожалѣнію, онъ старался выправлять для своей публики не только новую французскую и итальянскую, но и древнегреческую литературу, потому что черезъ это его языкъ выигрывалъ въ чистотѣ и плавности. Это особенно замѣтно въ романѣ «Агатонъ», гдѣ Виландъ разсказываетъ въ греческой оболочкѣ собственную задушевную, чисто нѣмецкую исторію. Въ «Агатонѣ» Виландъ нападаетъ на мечтательность и модную чувствительность; книга получила значеніе для нѣмецкой литературы впрочемъ не поэтому, а потому, что познакомила массу публики пріятнымъ образомъ съ результатами новой французской философіи и помогла вытѣснить французскія книги изъ нѣмецкой жизни. Въ этомъ главное ея значеніе. Николаи и его сотрудники, вздумавъ приложить масштабъ своей скучной морали къ «Агатону», выказали себя въ высшей степени смѣшными особенно тѣмъ, что высшіе классы нѣмецкой націи только потому уважали и предпочитали французовъ, что соотечественники преслѣдовали ихъ своими моральными проповѣдями. Впрочемъ философія, развитая въ «Агатонѣ», не болѣе, какъ ученіе Эльвесіуса въ греческой оболочкѣ; сущность и цѣль этого ученія въ романѣ Виланда яснѣе, чѣмъ въ сочиненіяхъ самого Эльвесіуса.

Въ стихотвореніяхъ Виланда, особенно въ комическихъ разсказахъ, явившихся въ 1765, нѣмцамъ въ первый разъ былъ данъ образчикъ легкой поэзіи на французскій ладъ, которая совершенно неожиданно нарушила серафимскія грезы и нѣжное воркованье христіанскихъ пѣвцовъ. Этими комическими разсказами, которые впрочемъ иногда плоски, грубоваты и соблазнительны, Виландъ сдѣлался любимцемъ народа. Изъ остальныхъ его сочиненій перваго времени выдается особенно Музаріонъ, не потому только, что въ этомъ романѣ нѣсколько чище языкъ и тонъ, но собственно потому, что въ немъ пріятнымъ образомъ нарисовано счастіе, составляющее середину между чисто чувственнымъ наслажденіемъ и враждебными жизни мистическими мечтами.

Тюммель, небывшій ни университетскимъ ученымъ, ни, какъ Виландъ, писателемъ по профессіи, написалъ идилическій разсказъ «Вильгельмина». Книга эта замѣчательна въ томъ отношеніи, что, какъ Фоссова Луиза и Гётевскій Германъ и Доротеа, содержитъ въ себѣ вѣрное изображеніе общественнаго состоянія нѣмецкаго и чиновничьяго міра той эпохи прошедшаго столѣтія, когда бюргеръ еще не сознавалъ себя, когда дворянство и придворные блистали еще по старому, пасторы и чиновники пресмыкались, а крестьяне бѣдствовали.

Мы обращаемся теперь къ Лессингу, который въ то время закончилъ и закрѣпилъ нѣмецкое образованіе превосходнымъ произведеніемъ краснорѣчія и поэзіи и удивительною критикою. Въ этомъ человѣкѣ соединялись не только всѣ таланты, необходимые для реформатора духовной жизни нѣмцевъ, но кромѣ того — и что рѣдко соединяется вмѣстѣ — по своему характеру и настроенію онъ имѣлъ право на подобную задачу. Лессингъ былъ проникнутъ чистѣйшей преданностію истинѣ. Поэтому онъ былъ совершенно свободенъ отъ педантизма и суетности, этихъ основныхъ недостатковъ нѣмецкаго ученаго міра. Онъ не унижалъ никогда своего достоинства употребленіемъ средствъ, которыми тщеславные и мелкіе люди усиливаются создать себѣ славу и значеніе: онъ никогда не составлялъ партіи, не льстилъ силѣ или богатству, не стремился къ блеску почета или господству въ ученомъ кругу. Между тѣмъ онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ чрезвычайно рѣдкихъ ученыхъ, которые, достигнувъ славы, не дѣлаются заносчивы и никогда не выходятъ изъ своей природной колеи. Такъ напр. онъ признавалъ самъ, что имѣетъ больше критическаго дара и вкуса, чѣмъ поэтическихъ наклонностей, и потому писалъ стихи лишь для того, чтобы подкрѣпить свои правила примѣрами. Наконецъ онъ никогда не развивалъ и не питалъ свой умъ произведеніями нѣмецкаго педантства и книжной учености или

французской риторикой и односторонностью, а черпалъ изъ чистаго источника настоящаго человѣческаго образованія — въ сочиненіяхъ классической древности.

Относительно могущественнаго вліянія Лессинга на образованіе и литературу нѣмцевъ необходимо указать прежде всего на то вліяніе, которое этотъ великій человѣкъ оказалъ даже формой и языкомъ своихъ сочиненій. Лессингъ былъ первый и до сихъ поръ единственный изъ нѣмцевъ, умѣвшій пользоваться нѣмецкимъ языкомъ такъ, что писалъ строго логически, основательно, поучительно и между тѣмъ занимательно, живо, остро и прекрасно. Онъ владѣлъ даже труднымъ искусствомъ говорить о чисто философскихъ и ученыхъ предметахъ такъ, что каждый образованный человѣкъ не только могъ понимать его, но даже увлекался его изложеніемъ. А между тѣмъ для этого Лессингъ не пускался на потѣшаніе читателя, не старался возбуждать воображеніе картинами, неожиданными оборотами и другими искусственными средствами. При этомъ онъ отличался отъ многихъ другихъ писателей, обогатившихъ и улучшившихъ нѣмецкій языкъ, тѣмъ, что писалъ по образцу древнихъ, всегда просто, сжато, спокойно и разсудительно и никогда не ломалъ нѣмецкаго языка.

Сочиненіе, которымъ Лессингъ началъ свою реформаторскую дѣятельность, была изданная имъ въ 1766 книжка «Лаокоонъ или о границахъ между живописью и поэзіею». Это сочиненіе показало нѣмцамъ ясно и понятно, что принимаемыя ими за стихотворное искусство поэтическая живопись и риѳмованье въ дѣйствительности вовсе не поэзія, а риторика. Въ то же время сочиненія Винкельмана дали всей Европѣ новый критическій взглядъ на древнее искусство, а Лессинговъ Лаокоонъ измѣнилъ господствовавшую въ Германіи школьную теорію прекраснаго въ поэзіи.

Годъ спустя драмой «Минна фонъ Барнгельмъ», Лессингъ пріобрѣлъ безсмертную заслугу, пробудивъ въ нѣмецкомъ народѣ самоуваженіе и національную жизнь. Эта драма описываетъ нѣмецкія событія, нѣмецкіе обычаи и чувства. Свою окраску она получила въ національномъ чувствѣ, пробужденномъ семилѣтней войной; вся піэса вертится на этой войнѣ, на которую вся Германія смотрѣла какъ на народную геройскую борьбу съ посторонней превосходной силой и противъ духа тьмы; кромѣ того Лессингъ придалъ ей особенный національный духъ тѣмъ, что карикатурнымъ изображеніемъ француза далъ излиться негодованію нѣмецкаго народа на иностранцевъ, которые тогда при всѣхъ дворахъ и во всѣхъ высшихъ обществахъ искали и находили свои выгоды на счетъ народа. Наконецъ, кромѣ общаго, піэса возбуждала еще интересъ частный, потому что главнымъ лицомъ былъ одинъ изъ тѣхъ храбрыхъ прусскихъ воиновъ, которые по заключеніи Губертсбургскаго мира повсюду искали пристанища и возбуждали общее участіе.

Лессингъ имѣлъ сначала мысль сдѣлать театръ образовательнымъ учрежденіемъ для жизни и для свободнаго изображенія ближайшихъ народныхъ обстоятельствъ. Но на это было необходимо согласіе правительствъ, на полученіе котораго нельзя было имѣть даже надежды. Поэтому Лессингъ сталъ искать другаго средства. То, чего онъ не могъ доставить политической жизни народа посредствомъ театра, онъ хотѣлъ сдѣлать для нѣмецкой литературы путемъ критики. Въ 1767 онъ былъ приглашенъ въ директоры гамбургскаго театра, гдѣ тогда аккерманское общество, Экгофъ и другіе, создали превосходный нѣмецкій театръ. Чтобы достигнуть своей цѣли, онъ началъ издавать «Гамбургскую драматургію», періодическое изданіе; это была необыкновенная издательская спекуляція, а дѣло, предпринятое въ виду строго ученыхъ и національныхъ цѣлей и потому осталось до сихъ поръ классическимъ произведеніемъ нѣмецкой литературы. Оно имѣло величайшее вліяніе на вкусъ и въ тоже время на жизнь, нравы и взгляды нѣмецкаго народа. Этимъ періодическимъ изданіемъ Лессингъ изгналъ послѣдніе остатки Готшедовскихъ нелѣпостей и показалъ своимъ соотечественникамъ разницу между риторикой и поэзіею, между искуственностью и дѣйствительнымъ искусствомъ; онъ противопоставилъ французскому драматическому стихотворному искусству греческое, испанское и англійское, какъ теоріи французовъ — теорію Аристотеля; тонкой, неотразимой критикой онъ сдѣлалъ то, что вслѣдъ затѣмъ нѣмцы отвернулись отъ Вольтера, котораго прежде считали недостижимымъ, и отъ французской драмы, которую почитали единственно истинной. Съ тѣхъ поръ они взяли себѣ въ образецъ драматической поэзіи Шекспира. Чтобы доказать это, намъ

пришлось бы прослѣдить всѣ критики Лессинга въ «Драматургіи», что здѣсь совершенно невозможно.

Мы не будемъ говорить о трагедіи Лессинга «Эмилія Галотти», явившейся въ 1771 и написанной съ исключительной цѣлью показать народу, что нѣмецкая трагедія вовсе не невозможна, если даже и не достигнетъ высоты греческой. Мы обратимся теперь къ другой сторонѣ дѣятельности Лессинга, имѣвшей по своимъ послѣдствіямъ тоже громадное значеніе. По случаю своего «Лаокоона» Лессингъ вступилъ въ споръ съ извѣстнымъ галлевскимъ профессоромъ Клоцомъ (стр. 290) и въ 1768 написалъ противъ него «Антикварскія письма». Они обогатили нѣмецкую литературу мастерскимъ произведеніемъ ироніи и сатиры, произведеніемъ, неуступающимъ лучшимъ сочиненіямъ этого рода всѣхъ племенъ и всѣхъ народовъ, Филиппикамъ Демосѳена, рѣчамъ Цицерона противъ Катилины, письмамъ Лютера, полемическимъ манифестамъ Гуттена, письмамъ Юніуса и письмамъ Руссо къ архіепископу парижскому. Клоцъ хотѣлъ сначала привлечь къ себѣ Лессинга похвалами. Но когда это не удалось, онъ отважился напасть на великаго человѣка. Противъ него и его сотоварищей Лессингъ написалъ «Антикварскія письма», которыми уничтожилъ все это товарищество со всѣмъ его значеніемъ. Но «Антикварскія письма» имѣли еще другое значеніе. Лессингъ воспользовался своимъ нападеніемъ на эту жалкую компанію, чтобы пролить новый свѣтъ на древнее искусство и показать недосягаемый образецъ популярнаго обсужденія ученыхъ вопросовъ.

Въ 1769 противъ Лессингова «Лаокоона» Гердеръ написалъ свои «Критическіе лѣса». Это полемическое сочиненіе имѣетъ значеніе не по взглядамъ Гердера на искусство, а потому, что своимъ языкомъ и формой доказываетъ распространеніе и прогресъ нѣмецкаго просвѣщенія. Гердеръ и Лессингъ хотѣли научить образованную публику философіи искусства и дѣлали это совершенно различнымъ образомъ по тону и языку. При всей своей живости и при всемъ остроуміи Лессингъ оставался постоянно спокойнымъ, логичнымъ и сжатымъ. Гердеръ, напротивъ, имѣлъ такъ называемый цвѣтистый слогъ и рано покинулъ естественность и спокойствіе, чтобы пойти инымъ путемъ, по которому потомъ за нимъ слѣдовали Іоганнъ фонъ Мюллеръ и еще болѣе Жанъ Поль. Но онъ не терялъ однако изъ виду, какъ Іоганнъ фонъ Мюллеръ, свойствъ нѣмецкаго языка и цѣль краснорѣчія, и вдохновеніе не переходило у него въ опьяненіе, какъ у Жанъ Поля. Въ своихъ «Критическихъ лѣсахъ» Гердеръ направилъ свои удары и противъ Клоца и помогъ Лессингу уничтожить его значеніе. Въ этой борьбѣ онъ выказалъ, что ни по языку и по способу изложенія, ни въ отношеніи основательности знанія классиковъ не можетъ равняться съ Лессингомъ.

Критика Лессинга вывела народъ на совершенно новый путь. Это всего яснѣе изъ того, что даже такой человѣкъ, какъ Клопштокъ, котораго читали болѣе, чѣмъ какого-либо другаго поэта, котораго даже формальнымъ образомъ боготворили, потерялъ наконецъ свое значеніе и вліяніе. Клопштокъ достигъ вершины своей славы, когда въ 1769—1773 напечаталъ послѣднюю часть своей «Мессіады» и большую часть своихъ одъ. Значеніе его было такъ велико, что даже Лессингъ и Гердеръ, оба въ отношеніи вкуса и сужденія стоявшіе высоко надъ всѣми своими современниками, были вынуждены осторожно говорить противъ поэта, котораго, не задумываясь, ставили рядомъ съ Тассо, Виргиліемъ и даже съ Гомеромъ. Въ своихъ «Литературныхъ письмахъ» Лессингъ острой критикой могъ бы отклонить благочестиваго Клопштока отъ его слезъ, воздыханій, ангеловъ, благоговѣйности и догматики и обратить къ эпической правдѣ, къ радостямъ жизни и къ здоровой дѣятельности, какъ вывелъ своимъ рѣзкимъ порицаніемъ чувствительнаго и благочестиваго Виланда на путь, болѣе согласный съ его натурой. Но тогда онъ еще не могъ отважиться на это, и потому его порицаніе Мессіады должно было ограничиться одной внѣшней формой стиховъ. Гердеръ въ своихъ «Отрывкахъ нѣмецкой литературы» помѣстилъ подробную критику Мессіады; но онъ выражался очень скромно и приписывалъ этому произведенію такія качества, которыя въ настоящее время признать трудно. Не смотря на то, тогда всѣ негодовали на строгость его сужденія.

Впрочемъ тонъ, къ которому подстроивался Клопштокъ, и его своеобразное благочестіе и идеальное вдохновеніе не могли имѣть вреднаго вліянія на время,

потому что противорѣчили его прогрессивному духу. Что касается формы, стиха и языка, то нельзя отрицать, что Клопштокъ относительно выработки языка пріобрѣлъ безсмертную заслугу. Его попытки съ 1757 въ драматической поэзіи также принадлежали не новой, свѣжей жизни, а старому церковному и школьному времени. Клопштокъ превращалъ въ драмы ветхозавѣтныя исторіи; но свѣтъ хотѣлъ уже видѣть на сценѣ другихъ героевъ, чѣмъ тѣ, о которыхъ проповѣдывалось съ каѳедръ. Клопштокъ не могъ также возбудить интереса къ древнему германству, которое прославлялъ въ другихъ драмахъ. Храбрость вербованныхъ и запродаваемыхъ нѣмецкихъ солдатъ была въ то время также далека отъ героизма, какъ и отъ свободы, и народу было вовсе нелюбопытно знать, что двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ Германъ разбилъ римлянъ. Время Клопштока требовало уже поэзіи, родственной съ новой жизнію, и исторіи, которая могла бы быть дѣйствительной учительницей.

d) Краткое указаніе на преобразованіе нѣмецкой философіи.

Могущественное движеніе, возникшее въ нѣмецкой національной литературѣ, должно было — если только слѣдовало возникнуть новой жизни — положить конецъ и господству университетскихъ профессоровъ и уничтожить ихъ школьную философію. Образованному свѣту нужна была философія, изложенная понятно, нечуждая жизни, не голыя системы аудиторій, не мудрствованія, опредѣленія и разное педантство. Даже для ученой жизни, если хотѣли, чтобы она не замерла въ школьномъ педантизмѣ, было необходимо установить совершенно новый рядъ спекулятивной и систематической философіи. Эту потребность ясно понялъ прежде всѣхъ Кантъ и вполнѣ удовлетворилъ ей. Что касается популярной философіи, требуемой временемъ, то она была создана ранѣе Реймарусомъ, Лессингомъ, Гердеромъ, Мендельсономъ и другими. Но эта новая философія не была однако настоящимъ систематическимъ знаніемъ, а только остроумными разсужденіями, изслѣдованіями, сравненіями и дѣленіями литературы и ея предметовъ, что грозило превратить наконецъ всякое серьезное стремленіе въ пустую болтовню. Слѣдовательно, она составляла переходъ отъ старой отжившей школьной философіи къ перевороту, произведенному въ наукѣ Кантомъ. Это переходное время было временемъ войны, освободившей Германію отъ путъ ея школьныхъ педантовъ, пробудившей ее къ жизни и упражнявшей силы; оно было необыкновенно полезно для всеобщей нѣмецкой литературы.

Въ началѣ этого періода процвѣтала въ университетахъ школьная философія Вольфа (стр. 287). Но впрочемъ уже тогда два знаменитые профессора — Дарьесъ во Франкфуртѣ на Одерѣ и Крузіусъ въ Лейпцигѣ, отдѣлились отъ Вольфа, а послѣдній даже составилъ систему враждебную Вольфовой. Однако оба они, хотя были знамениты и хотя лекціи ихъ привлекали множество слушателей, не могли удовлетворить потребностямъ времени, какъ и Вольфъ. Поэтому ихъ дѣятельность не выходила изъ круга университетской жизни. Федеръ, читавшій съ 1768 въ Гёттингенѣ и придумавшій родъ эклектической или скорѣе диллетантической философіи, былъ еще незначительнѣе. Онъ уже чувствовалъ, что Германія недолго будетъ искать своего спасенія въ системахъ и мудрствованіяхъ и что при большомъ значеніи поэзіи и классическаго изученія философія должна, какъ онъ выражался, сдѣлать уступку времени. Слѣдовательно, въ 1760—1780 школьная философія находилась въ состояніи полнаго упадка. Зато тѣмъ больше было значеніе и вліяніе того, что предлагалось не съ каѳедръ въ видѣ сухихъ компендіевъ и съ терминологіей, понятной только ученымъ, а въ легко читаемыхъ и со вкусомъ написанныхъ книгахъ и даже въ легкой формѣ писемъ и романовъ для дамъ. Таковы были очень популярныя сочиненія Лессинга, Гердера, Мендельсона, Виланда, Ф. Г. Якоби, І. Г Шлоссера и другихъ. Хотя въ этихъ сочиненіяхъ не излагалось никакой философской системы, однако авторовъ ихъ признавали философами.

Такимъ образомъ философія перешла отъ педантовъ къ беллетристамъ. Черезъ это очень много выиграли съ одной стороны поэзія, искусство, литера-

тура и языкъ нѣмецкаго народа, а съ другой—философіи, какъ наукѣ, грозила опасность полной погибели. Поэтому слѣдовало найти дорогу, которая отъ красивыхъ разговоровъ и философскаго диллетантизма вела бы къ глубокому мышленію и къ новому истинно-философскому образованію. Французскіе философы и то, что заимствовалъ у нихъ Виландъ и что онъ облекъ въ греческія формы, рѣшительно не могли служить этому. Точно также мало могъ служить грубый, сухой, чисто практическій раціонализмъ, которымъ Николаи и его сотрудники поражали религію и даже литературу и искусство. Только Гердеръ, Ф. І. Якоби, Шлоссеръ и въ особенности Лессингъ и Гаманъ были въ состояніи создать этотъ переходъ и приготовить мѣсто въ возстановленной Кантомъ новой дѣйствительно научной философіи.

Потребность въ возрожденіи научной философіи почувствовалась прежде всего въ остзейскихъ прибрежьяхъ. Тамъ для удовлетворенія этой потребности работалъ въ особенности Гаманъ не только своими сочиненіями, но и своими частными письмами, которыя имѣли значительное вліяніе на первое распространеніе Кантовой философіи. Этотъ человѣкъ, отличавшійся оригинальностью характера и самостоятельностью сужденій, предался мистицизму въ такое время, когда чувствовалось и требовалось совершенно противоположное; но онъ владѣлъ большимъ критическимъ и сатирическимъ талантомъ и своими связями съ остроумнѣйшими писателями пріобрѣлъ весьма значительное вліяніе. Находя разсудочную религію недостаточной, а рефлективную философію неудовлетворительной и требуя лучшаго, онъ пользовался большимъ уваженіемъ не только мечтателей и мистиковъ, но и разсудительныхъ людей. Кромѣ того имѣли чрезвычайное вліяніе его письма, которыми онъ мѣнялся со всѣми тогдашними знаменитостями и которыя въ противоположность его книгамъ были писаны яснымъ и простымъ языкомъ. Они скорѣе открыли доступъ Кантовой философіи въ обществѣ, чѣмъ могли бы открыть печатныя сочиненія.

Преобразователь всей философской науки, Эммануилъ Кантъ изъ Кёнигсберга, усмотрѣлъ необходимость революціи въ наукѣ, какъ Руссо и Монтескьё предвидѣли французскій государственный переворотъ. Онъ далъ понять это еще въ своихъ первыхъ сочиненіяхъ. Но онъ высказывалъ это преимущественно на лекціяхъ, которыя читалъ въ самомъ отдаленномъ нѣмецкомъ университетѣ. Поэтому задолго до того, какъ Германія обратила на него свое вниманіе, на родинѣ его Гердеръ, Гаманъ и другіе уже признали его великимъ человѣкомъ. Онъ цѣлые десятки лѣтъ постоянно читалъ въ университетѣ лекціи и рядомъ сочиненій доказалъ свой геній и наконецъ въ 1781 издалъ свою знаменитую «Критику чистаго разума», произведшую переворотъ въ нѣмецкой наукѣ и литературѣ. Но даже послѣ этого прошло еще много лѣтъ, прежде чѣмъ его философія распространилась повсюду и обнаружила свое могущественное вліяніе. И то этому помогли два случайныя обстоятельства. Одно состояло въ томъ, что Рейнгольдъ (стр. 160), прибывшій въ 1783 въ Веймаръ и признававшій въ Кантовомъ ученіи разрѣшеніе всѣхъ главныхъ вопросовъ философіи, сдѣлавшись съ 1787 профессоромъ въ Іенѣ, своими лекціями и множествомъ сочиненій обратилъ на Кантову философію вниманіе всей Германіи. Вторымъ обстоятельствомъ было то вліяніе, какимъ пользовались тогда въ Германіи литературныя періодическія изданія. Два журнала, мнѣнія которыхъ принимались за изреченія оракула, берлинская «Всеобщая нѣмецкая библіотека» и только что передъ тѣмъ основанная въ Іенѣ «Литературная газета», провозгласили ученому міру Кантову философію, какъ совершенно новый свѣтъ. Кромѣ того она была рекомендована читающему обществу «Нѣмецкимъ Меркуріемъ», назначеннымъ для салоновъ, имѣвшимъ множество читателей и издаваемымъ тестемъ Рейнгольда, Виландомъ.

Сочиненія Канта, возбудивъ интересъ всего образованнаго міра, произвели огромное впечатлѣніе и пріобрѣли значеніе, какимъ не пользовалась въ прошедшемъ столѣтіи ни одна книга. Его философія сдѣлалась скоро господствующей во всѣхъ университетахъ; она вызвала множество періодическихъ изданій; и способные и неспособные вступали въ борьбу за дѣло, о которомъ немногіе могли судить, хотя результаты его касались всѣхъ. Даже способнѣйшіе изъ такъ называемыхъ раціоналистовъ теологическаго міра встрѣтили съ радостію философію, дѣлавшую человѣка самостоятельнымъ. Въ литературѣ Кантъ своимъ со-

чиненіемъ 1764 «О чувствѣ прекраснаго и возвышеннаго» положилъ первое основаніе новой эстетикѣ и пріобрѣлъ громадное вліяніе «Критикой разсудка», вышедшей въ 1790. Даже тогдашніе корифеи нѣмецкой поэзіи, Гете и Шиллеръ, приняли новое ученіе о прекрасномъ, и хотя сами не сдѣлались кантіанцами, однако слѣдовали основаніямъ, установленнымъ Кантомъ.

e) Лафатеръ, Базедовъ и реформы въ воспитаніи и преподаваніи.

Переворотъ, совершенно преобразовавшій въ прошломъ столѣтіи нѣмецкую литературу и образованіе, совершился тѣмъ быстрѣе, что во второй половинѣ столѣтія Германія сдѣлалась центромъ умственной жизни. Города Іена и Веймаръ, изъ которыхъ въ первомъ соединились всѣ первоклассные богословы и философы, а во второмъ—первые поэты и прозаики, сдѣлались на нѣкоторое время для нѣмецкой литературы и науки тѣмъ же, чѣмъ Лондонъ и Парижъ служили для Англіи и Франціи. Въ Іенѣ протестантская теологія была преобразована соотвѣтственно прогресу. Въ Веймарѣ при посредствѣ Кантовой философіи возникла литература, приведшая въ изумленіе всѣ народы Европы силой и шириной полета́ мысли.

Этой литературной революціи предшествовали нѣкоторыя очень различныя движенія, о которыхъ поэтому здѣсь слѣдуетъ упомянуть. Мы обратимъ сначала вниманіе на мистическую партію, главой и предводителемъ который былъ тогда Лафатеръ. При этомъ мы увидимъ, что даже такой старовѣръ, какъ Лафатеръ, вторилъ духу времени, хотя, конечно, на свой ладъ. Лафатеръ былъ и оставался постоянно мечтательнымъ послѣдователемъ той боязливой протестантской религіозности, которая считаетъ необходимыми для спасенія всѣ внѣшнія формы религіозной дисциплины и пользуется всякимъ средствомъ для возбужденія искусственнаго благочестія. Онъ былъ просто суевѣръ и позволялъ увлекать себя всякому мечтателю или плуту, какому-нибудь Гаснеру, Месмеру, Сенъ-Мартену (стр. 172), Юнгу-Штиллингу. Тѣмъ не менѣе онъ былъ въ то же время ученикомъ и апостоломъ ученія свободы Руссо, былъ искренно преданъ проповѣдуемому имъ естественному воспитанію, не былъ ни преслѣдователемъ, ни лицемѣромъ, ни ханжой, а былъ человѣкъ дѣйствительно благочестивый и въ то же время вѣротерпимый, ненавидѣвшій господствовавшую консисторію, каѳедральную и катехическую протестантскую теологію.

Лафатеръ родился въ 1741 въ Цюрихѣ и жилъ тамъ, служа проповѣдникомъ. Въ молодости онъ прожилъ нѣкоторое время въ Берлинѣ, познакомился тамъ съ новой духовной жизнью сѣверной Германіи и ея руководителями, и своими талантами, образованіемъ и характеромъ заслужилъ уваженіе всей Германіи. Впослѣдствіи (1767) онъ увеличилъ свою извѣстность своими швейцарскими пѣснями и (1768) поучительнымъ сочиненіемъ, которое озаглавилъ: «Виды въ вѣчность». Въ немъ онъ двадцати семи лѣтъ отъ роду уже принялъ на себя роль распространителя и герольда религіозной мечтательности. Въ 1769 онъ перевелъ сочиненіе женевца Бонне, въ которомъ изслѣдованіе природы принималось за основаніе ортодоксальнаго ученія. Въ предисловіи къ этому переводу Лафатеръ приглашаетъ еврея Моисея Мендельсона, жившаго въ Берлинѣ и находившагося съ нимъ въ дружескихъ сношеніяхъ, или опровергнуть доказательства Бонне, или перейти въ христіанство. Этимъ Лафатеръ вызвалъ споръ, возбудившій величайшее вниманіе.

Мендельсонъ пріобрѣлъ большую извѣстность еще въ 1755 сочиненіемъ, написаннымъ въ сотрудничествѣ съ Лессингомъ (стр. 113), а потомъ другими работами. Онъ старался провести философію изъ школы въ жизнь и въ то же время успѣлъ облечь ее въ понятный и достойный языкъ; онъ много помогъ также тому, что французская философія уступила въ Германіи мѣсто болѣе глубокому мышленію и лучшимъ теоріямъ. Его уважали всѣ партіи, какъ изслѣдователя честнаго, основательнаго, скромнаго и трудолюбиваго. Только ортодоксы ненавидѣли его и не вѣрили ему, какъ еврею. Въ особенности предосудитель-

нымъ казалось имъ его классическое сочиненіе: «Федонъ или о безсмертіи души», потому что въ сущности это была защита естественной религіи, произведшая большое впечатлѣніе своимъ благороднымъ чистымъ языкомъ и своимъ мягкимъ, чуждымъ всякой полемики, свободнымъ тономъ. Поэтому Мендельсоновъ «Федонъ» сдѣлался предметомъ спора, вызваннаго упомянутымъ приглашеніемъ Лафатера, защитника необходимости вѣрить въ христіанское откровеніе. Мендельсонъ отвѣтилъ благочестивому поборнику осторожно и дружески, показалъ, какъ смѣшно подобное приглашеніе, и воспользовался случаемъ, чтобы доказать публикѣ, что устарѣвшей теологической діалектикой, подобной Бонне, можно съ такимъ же успѣхомъ защищать божественное происхожденіе буддизма и ислама. Вслѣдствіе этого Лафатеръ, сознавъ, что поступилъ нетерпимо, взялъ назадъ свое приглашеніе; послѣ того мистики, мечтатели и суевѣры, видѣвшіе опасность, грозящую ихъ ортодоксіи, признали его своимъ главой и патріархомъ. Въ Германіи и за границей на него смотрѣли, какъ на крѣпкую опору старой религіи, и обращались къ нему за оракульскими изрѣченіями. Это сдѣлало его главнымъ лицомъ необыкновенно оживленнаго протестантскаго движенія того времени. Самъ же онъ шелъ все дальше по пути, на который вступилъ. Въ 1772, хотя ему было только тридцать лѣтъ, онъ издалъ свой дневникъ, гдѣ обнаруживалъ ханжество и училъ чуть не монастырской религіозной дисциплинѣ, хотя въ то же время проводилъ свободные взгляды, соотвѣтственные духу времени.

Эта двойственность Лафатера и безграничное вліяніе, которое онъ имѣлъ на мягкихъ и добродушныхъ людей, очень много содѣйствовали тому, что совершенно революціонныя идеи Базедова о воспитаніи и преподаваніи почти всюду нашли себѣ доступъ, ибо Лафатеръ первый объявилъ себя въ пользу удивительныхъ плановъ этого человѣка. Базедовъ, стремленія котораго представляютъ замѣчательное явленіе того чрезвычайнаго времени, получилъ очень небрежное воспитаніе и былъ притомъ человѣкъ очень нечистоплотный, пьющій и задорный. Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что значитъ человѣческое образованіе и величіе человѣческаго духа, и слѣдовательно, былъ также мало способенъ преобразовать воспитаніе юношества, какъ Руссо — государство и церковь. Тѣмъ не менѣе талантомъ, дерзостію и безграничнымъ рвеніемъ ему удалось совершенно измѣнить въ Германіи воспитаніе и преподаваніе, тогда какъ Руссо, далеко превосходившій его какъ мыслитель и писатель, не могъ достигнуть этого ни въ своемъ родномъ городѣ, ни во Франціи. Базедовъ какъ Руссо, Мирабо, Мара, Дантонъ и другіе, служитъ блистательнымъ доказательствомъ справедливости той мысли, что радикальныя реформы невозможно производить чисто нравственными средствами и что для нихъ нужны люди или съ сильнымъ предпріимчивымъ духомъ, способнымъ на преступленія, какъ Дантонъ, или люди безгранично смѣлые, какъ Базедовъ.

При вступленіи своемъ на общественное поприще Базедовъ нашелъ школьное образованіе въ такомъ же состояніи, въ какомъ Мирабо нашелъ французскую монархію въ 1789; домашнее воспитаніе было даже еще плачевнѣе. Онъ старался сначала улучшить университетское преподаваніе, но скоро почувствовалъ, что на такое дѣло у него не достаетъ силъ, и потому обратился къ улучшенію низшихъ и среднихъ школъ и частнаго воспитанія. Съ 1763 онъ наводнялъ Германію цѣлые годы сочиненіями о религіи и о религіозномъ воспитаніи, въ которыхъ высказывался съ необузданной свободой противъ ортодоксальной протестантской системы. За это его преслѣдовали правовѣрные священники, консисторіи и правительственныя власти; но это гоненіе послужило только къ тому, что дало ему славу мученика и доставило много послѣдователей.

Въ 1767 онъ пришелъ къ мысли написать большое сочиненіе, чтобы перестроить все воспитаніе на совершенно новыхъ основаніяхъ. Въ 1768 онъ издалъ объявленіе объ этомъ такъ называемомъ «Элементарномъ сочиненіи»; это объявленіе было просто заявленіе о предстоящемъ спасеніи человѣчества новымъ методомъ воспитанія и преподаванія. Базедовъ приглашалъ весь свѣтъ на покрытіе расходовъ, которыхъ требовало изданіе его большаго сочиненія, говоря, что въ этомъ изданіи заинтересовано все человѣчество. Заявленіе имѣло успѣхъ, который только тогда и можно понять, если вспомнить, что то было время идеальнаго настроенія и того великаго всеобщаго энтузіазма къ просвѣщенію человѣ-

ства, которымъ мы обязаны нашею новою литературою. Первымъ слѣдствіемъ Базедовскаго приглашенія были запросы и письма отъ богатыхъ и великодушныхъ мужчинъ и женщинъ всѣхъ сословій. Это дало Базедову мысль и средства предпринять въ отвѣтъ на частныя письма журналъ, въ которомъ онъ развилъ планъ своего духовнаго чудеснаго леченія. Подписка на «Элементарное сочиненіе» шла быстро, тѣмъ болѣе, что Базедовъ въ своемъ честномъ и безкорыстномъ энтузіазмѣ не пренебрегалъ даже ролью шарлатана. Государи, министры, ученые Германіи, Даніи и Швеціи, академіи берлинская и петербургская одобряли и рекомендовали «Элементарное сочиненіе». Дѣло удалось вполнѣ, хотя правовѣрные обвиняли Базедова въ ереси. Уже въ маѣ 1771 было собрано 15,000 талеровъ.

Въ 1769 и 1770 Базедовъ издалъ на пробу три маленькія книжки, украшенныя красивыми гравюрами, которыя уже заглавіями предвѣщали предстоящую революцію въ воспитаніи. Книжки эти давали родителямъ отрадную надежду, что дѣти ихъ могутъ сдѣлаться добродѣтельными и мудрыми безъ всякаго труда и напряженія, потому что Базедовъ говорилъ, что у него ученіе должно обратиться въ игру. Книжки его были приняты публикою, находившейся тогда въ идеальномъ настроеніи и помнившей мучительное зубреніе латинскихъ школъ, съ величайшимъ одобреніемъ. Напрасно возстали нѣкоторые, напр. Шлецеръ, противъ вѣтренаго порыва и старались доказать нѣмцамъ, что отъ Базедова и его книжекъ съ картинками нельзя ожидать дѣйствительно хорошаго образованія юношества. Они проповѣдовали въ пустынѣ. Несогласіе новой жизни съ старымъ методомъ воспитанія и преподаванія доставили человѣку, невладѣвшему ни научнымъ, ни домашнимъ, ни общежительскимъ образованіемъ, значеніе законодателя и диктатора въ области воспитанія. Даже люди, основательно образованные, увлеклись господствовавшимъ сознаніемъ необходимости реформы устарѣвшихъ порядковъ и горячо взялись за дѣло Базедова. Къ числу этихъ людей мы причисляемъ не только мечтательнаго Лафатера, но и его соотечественника Изелина, писателя, одушевленнаго истинною любовію къ человѣчеству и, какъ публицистъ пользовавшагося большимъ значеніемъ, и благороднаго І. Г. Шлоссера, который былъ далекъ отъ сочинительства и несбыточныхъ проектовъ. Въ то время отъ сантиментальнаго воспитанія съ такою же твердою увѣренностію ожидали спасенія, какъ нынче ждутъ отъ матеріальнаго прогреса.

Въ 1774 вышло наконецъ «Элементарное сочиненіе». У Базедова планъ зрѣлъ за планомъ, и онъ тотчасъ составилъ новый проектъ. Онъ задумалъ устроить большую филантропическую школу, гдѣ молодежь воспитывалась и училась бы по новому методу и гдѣ приготовлялись бы для нея учителя; въ то же время предполагалось устроить цѣлую фабрику книгъ для воспитательной реформы. На основаніе этого заведенія филантропическій князь Дессаускій назначилъ Базедову огромное по тому времени жалованье; кромѣ того за нимъ было оставлено и содержаніе его по прежней должности въ службѣ у датскаго правительства. Новое учебное заведеніе или, какъ назвалъ его Базедовъ, Филантропіумъ, было открыто въ Дессау въ декабрѣ 1774. Заглавіе программы, которою Базедовъ провозгласилъ открытіе заведенія показываетъ лучше всякаго разбора духъ основателя и характеръ господствовавшаго энтузіазма. Оно гласило: «Основанный въ Дессау Филантропіумъ, школа друзей человѣчества и добрыхъ познаній для учащихся и молодыхъ учителей, для бѣдныхъ и богатыхъ, по довѣренности публики для повсемѣстнаго усовершенствованія системы воспитанія по плану «Элементарнаго сочиненія». Государямъ, изслѣдователямъ и сѣятелямъ добра, человѣколюбивымъ обществамъ и частнымъ лицамъ рекомендуетъ Базедовъ». Такъ какъ вначалѣ заведеніе шло несовсѣмъ хорошо, то Базедовъ имѣлъ смѣлость публично грозить, что отстранитъ отъ человѣчества свою покровительственную руку, если къ пасхѣ 1776 не получитъ на Филантропіумъ десять тысячъ дукатовъ. Въ то же время графъ Залисъ завелъ учебное заведеніе въ Маршлинцѣ въ Граубинденѣ; о немъ надо упомянуть особенно потому, что извѣстный и тогда уже преслѣдуемый, какъ еретикъ, Бартъ былъ его директоромъ и назначенъ на это мѣсто самимъ благочестивымъ Лафатеромъ, который, слѣдовательно, для прогреса человѣчества отложилъ въ сторону свои религіозные предразсудки. Нѣмецкое общество, возбужденное сочиненіями Руссо и шарлатанствомъ Базедова, отчасти оставило старое педантство и отказалось отъ прежней рутины въ воспитаніи.

Вмѣсто того, чтобы убивать въ юношествѣ чувственность, въ которой прежде видѣли слѣдствіе Адамова грѣха, теперь начали больше полагаться на природу, чѣмъ на воспитаніе. Кромѣ того въ душѣ ребенка старались насаждать только то, что приноситъ непосредственные плоды, и вводить въ его духъ лишь то, что непосредственно ясно. Серьезность, строгость, дѣйствительное развитіе духа, основательность, привычка къ труду и дѣятельности были слѣдовательно забыты. Этотъ новый методъ воспитанія и преподаванія былъ, разумѣется, также односторонен и ошибоченъ, какъ и старый: тѣмъ не менѣе онъ подготовилъ полное преобразованіе школьной системы въ нынѣшнее столѣтіе. Кромѣ того при этой педагогической революціи много выиграли бюргеры и крестьяне, т. е. именно тѣ классы, которые при революціяхъ обыкновенно остаются съ носомъ; напротивъ того, высшіе классы и ученое сословіе потеряли, потому что повсюду учредились нѣмецкія школы, въ которыхъ учили реальному и образовали гражданъ, какихъ требуетъ современная жизнь. Реформы Руссо и Базедова пригодились и женщинамъ, ибо прежде воспитаніе женщинъ было заброшено, а теперь онѣ были освобождены отъ роли служанокъ. Даже паденіе учебнаго заведенія Базедова, непросуществовавшаго и десяти лѣтъ, имѣло важныя послѣдствія. Для нѣмецкаго образованія оно было тѣмъ же, чѣмъ смѣшеніе языковъ при вавилонскомъ столпотвореніи для начала культуры въ Азіи. Дессаускіе учители разсыпались по всей Германіи, устроили учебныя заведенія и, каждый на свой ладъ, проводили идеи Базедова. Изъ безчисленнаго множества учебныхъ заведеній, учреждавшихся тогда, подобно фабрикамъ, знаменитѣйшими были школа Кампе подъ Гамбургомъ и существующая до сихъ поръ Зальцманова школа въ Шнепфенталѣ близъ Готы.

Своимъ стремленіемъ преобразовать систему воспитанія Базедовъ привелъ въ возбужденное состояніе все нѣмецкое общество. Это движеніе продолжалось еще долгое время послѣ того, какъ его идея не выдержала пробы, и возникъ совершенно новый родъ литературы—педагогическая. О воспитаніи и преподаваніи было написано безчисленное множество сочиненій, и еще больше выходило дѣтскихъ книгъ, которыми со времени Базедова нѣмецкій міръ наводняется безостановочно. Между множествомъ людей, дѣйствовавшихъ на благо образованія и воспитанія, двое своими дѣйствительными заслугами завоевали себѣ почетное мѣсто. То были баденскій чиновникъ и впослѣдствіи городовой синдикъ І. Г. Шлоссеръ и наслѣдственный владѣлецъ Рэкана, фонъ Роховъ. Первый, хотя платоникъ, противодѣйствовалъ утопическимъ мечтаніямъ фантазеровъ и въ изданномъ въ 1771 «Нравоучителѣ для сельскаго населенія» представилъ образецъ того, какъ можно помочь народу безъ революцій. Это сочиненіе, написанное въ духѣ Тюрго и экономистовъ (стр. 202), принадлежало къ числу лучшихъ народныхъ книгъ Германіи. Роховъ сочиненіями, назначенными для дѣтей сельскаго населенія, старался распространить полезныя знанія и благосостояніе. Но кромѣ того онъ пріобрѣлъ большую заслугу еще тѣмъ, что устроилъ въ своемъ имѣніи первую образцовую школу для сельскихъ учителей.

Во вновь возникшей литературѣ дѣтскихъ книгъ знаменитѣйшими писателями были Кампе и Зальцманъ. Они положили конецъ педантической и піэтической системѣ воспитанія, но за то проложили путь поверхности и притязательности и ослабили способность понимать истинную поэзію.

Впрочемъ вся тогдашняя дѣтская литература долго придерживалась этого направленія, дѣйствовавшаго вредно на духъ націи. Молодой умъ направляли постоянно только на то, что очевидно и непосредственно полезно въ узкомъ кругѣ индивидуальной жизни. Внутренней жизни, напротивъ того, предлагали холодную, скучную, разслабляющую мораль или же старались пробудить добродушную, ограниченную домашнимъ кругомъ чувствительность, которую тогдашнее поколѣніе принимало за добродѣтель, какъ предъидущее считало моленія, пѣнія и правильное посѣщеніе церкви религіей. Если потому дѣтскія книги имѣли заслугу въ томъ, что вмѣсто непрактическихъ знаній прежняго времени пробудили сознаніе жизненности, за то онѣ опутали молодые умы разсчетливостію и матеріальными интересами. Изъ всѣхъ этихъ сочиненій по внутреннему содержанію выдается явившаяся въ 1781 книга, написанная не столько для дѣтей, сколько для народа — «Лингартъ и Гертруда» Песталоцци. Въ ней Песталоцци, не

идеализируя, но съ нѣкоторымъ сентиментальнымъ оттѣнкомъ, согласно тогдашнему настроенію, нарисовалъ мастерскимъ образомъ швейцарскую деревенскую общину во всѣхъ ступеняхъ ея душевнаго настроенія и образа мыслей. Поселяне, священникъ и помѣщикъ нарисованы совершенно вѣрно. Что касается языка, то хотя Песталоцци вполнѣ владѣлъ тономъ народной рѣчи, но относительно правильности и чистоты долженъ былъ прибѣгать къ посторонней помощи. Впрочемъ это обстоятельство не наносило вначалѣ никакого ущерба сущности книги; при послѣдующихъ же изданіяхъ ктото захотѣлъ помочь автору и исказилъ истинный характеръ этого сочиненія, вызваннаго искреннимъ сочувствіемъ къ судьбѣ бѣднѣйшихъ классовъ народа. Поправка растянула разсказъ и превратила книгу въ сбродъ скучныхъ поученій, что отняло у нея главнѣйшія ея преимущества — живость повѣствованія и краткость нравоученія.

f) Спекуляціи Барта на духъ времени.

Своекорыстіе воспользовалось для своихъ грязныхъ цѣлей величественнымъ переворотомъ въ духовной жизни нѣмцевъ. Нѣкоторые изъ вышеупомянутыхъ сочиненій для юношества были уже плодами спекуляціи, основанной писателями и книгопродавцами на измѣнившихся воззрѣніяхъ на жизнь и воспитаніе. Но хуже всего воспользовался пробудившеюся потребностію новыхъ взглядовъ и новыхъ формъ жизни Б а р т ъ. Жизнь этого человѣка безъ твердыхъ убѣжденій, погруженнаго въ низкій развратъ и руководимаго только страстью къ деньгамъ и къ наслажденію, можетъ показать всего нагляднѣе, какъ страстно желалъ тогда свѣтъ освободиться наконецъ отъ умственнаго гнета и подышать свободно. Бартъ былъ лишенъ научнаго образованія, но съумѣлъ придать себѣ видъ великой учености. Онъ не имѣлъ никогда намѣренія искать истину и разрушать заблужденія; но умѣлъ пользоваться моднымъ безвѣріемъ, чтобы подъ маской либерализма и подъ личиной любви къ человѣчеству дѣлать выгодныя спекуляціи на духъ времени. Ему удалось это, потому что онъ былъ смѣлъ до безстыдства и умѣлъ писать не только популярно, но нравственно и даже трогательно. Онъ началъ свое грязное дѣло еще въ Эрфуртѣ, гдѣ двадцати восьми лѣтъ (1768) сдѣлался профессоромъ философіи. Такъ какъ сочиненія, которыя онъ тамъ издавалъ, держались еще въ предѣлахъ нравственности, то самъ добрякъ Землеръ не узналъ волка въ овечьей шкурѣ и рекомендовалъ его на каѳедру богословія въ Гисенъ (1772). Здѣсь Бартъ писалъ разныя теологическія книги, выступалъ все смѣлѣе противъ протестантскаго церковнаго ученія и наконецъ издалъ свой пресловутый переводъ новаго завѣта. Въ этомъ переводѣ или, скорѣе, передѣлкѣ, онъ уничтожилъ весь духъ востока, изгладилъ весь національный колоритъ, задушилъ всякое религіозное чувство, изгналъ всѣ выраженія и обороты, уже установившіеся въ церкви и по своему таинственному значенію сроднившіеся съ нашимъ чувствомъ; онъ замѣнилъ ихъ холодной, сухой, многоглаголивой, безвкусной прозой, составленной изъ модныхъ словъ. Эта дерзкая профанація того, что для всѣхъ было свято, подняла на Барта ужаснѣйшую бурю. Онъ былъ тотчасъ удаленъ отъ своей должности и былъ бы покинутъ всѣми друзьями религіи, если бы фанатики, между которыми, конечно, отличался и извѣстный пасторъ Гёцъ, не шумѣли противъ него уже слишкомъ сквернымъ образомъ. Какъ велика была ненависть къ педантизму, какъ сильно было стремленіе къ распространенію въ Германіи разсудительныхъ религіозныхъ воззрѣній, можно видѣть изъ того, что бартовскій переводъ библіи, не смотря на то, что оскорблялъ даже здравый смыслъ, выдержалъ въ девять лѣтъ три изданія.

Какъ разъ въ то время, когда Барта хотѣли формально удалить изъ Гисена, онъ получилъ приглашеніе въ директоры филантропіума въ Маршлинцѣ. Здѣсь онъ игралъ роль Базедова, не владѣя ни одною искрою его честнаго одушевленія. Черезъ годъ (1776) онъ былъ приглашенъ графомъ Лейнингеномъ на должность генералъ-суперинтенданта въ Дюркгеймъ, чтобы основать филантропіумъ въ сосѣднемъ городѣ Гейдесгеймѣ. Онъ выказалъ себя и здѣсь, какъ вездѣ, человѣкомъ грязно корыстнымъ и распутнымъ. Тѣмъ не менѣе его постоянно про-

славляли, какъ талантливаго человѣка и мученика просвѣщенія, потому что онъ вторилъ въ тонъ времени и потому что партія старовѣровъ преслѣдовала его совершенно безразсуднымъ и несправедливымъ образомъ. Въ 1779 по ходатайству этой партіи Бартъ былъ обвиненъ имперскимъ придворнымъ совѣтомъ въ безвѣріи, лишенъ своего мѣста и приговоренъ къ изгнанію, если не отречется отъ своихъ мнѣній. Этотъ приговоръ былъ постановленъ безъ формальнаго процеса и безъ предварительнаго спроса у государя и у Corpus Evangelicorum. Слѣдовательно, это было нарушеніе правъ протестантовъ и покушеніе на свободное пользованіе разумомъ; поэтому дѣло Барта сдѣлалось дѣломъ государственнымъ и жизненнымъ вопросомъ для всѣхъ разсудительныхъ и свободномыслящихъ людей. Преслѣдуемый обратился къ двумъ знаменитѣйшимъ защитникамъ свободнаго изслѣдованія библіи — пробсту Теллеру въ Берлинѣ и профессору Землеру въ Галле. Первый вступился за преслѣдуемое въ лицѣ Барта дѣло свободы и выхлопоталъ у прусскаго правительства поддержать Барта деньгами и допустить его приватъ-доцентомъ философіи въ Галле. Землеръ же, который уже видѣлъ опасность, грозившую отъ современной философіи сущности христіанства, противодѣйствовалъ допущенію Барта въ Галле и публично называлъ его врагомъ вѣры.

За это Землера ославили обскурантомъ. Выступая противъ Барта, онъ руководился въ особенности двумя мѣстными соображеніями. Во-первыхъ, онъ боялся за галльскій университетъ, гдѣ уже и безъ того извѣстный Клоцъ (стр. 290) основалъ школу безнравственности; онъ ждалъ всего дурнаго отъ человѣка, присутствіе котораго всюду считалось нравственной заразой. Кромѣ того онъ безпокоился, что Бартъ будетъ поддерживать деизмъ, именно въ то время проповѣдуемый въ Галле профессоромъ Эбергардомъ. Этотъ ученый, о которомъ мы должны упомянуть здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ, дѣйствовалъ не столько научно на мыслителей и изслѣдователей, сколько ораторски на публику и какъ разносторонне-образованный, спокойныхъ и умѣренныхъ мнѣній человѣкъ пользовался большимъ уваженіемъ. Въ своемъ періодическомъ изданіи и въ книгѣ «Апологія Сократа» онъ проповѣдовалъ чистый деизмъ и нападалъ на всю старую догматику тѣмъ же поверхностнымъ образомъ, какъ французскіе философы и какъ Николаи и его сообщники. Впослѣдствіи его отщелкалъ за это Лессингъ, который владѣлъ слишкомъ большимъ умомъ и истинно философскимъ образованіемъ, чтобы предпочесть поверхностный, лишенный содержанія деизмъ старой догматической системѣ протестантизма, которая по крайней мѣрѣ послѣдовательна.

Относительно дальнѣйшей судьбы Барта остается еще замѣтить, что онъ до конца жизни оставался скитальцемъ, въ 1789 на основаніи прусскаго религіознаго эдикта (стр. 263 и 264) былъ приговоренъ къ годичному тюремному заключенію и умеръ въ 1792 отъ послѣдствій своего распутства.

g) Гёттингенскій союзъ бардовъ.

Нѣсколько молодыхъ поэтовъ и «Альманахъ Музъ», — періодическое изданіе Бойе — сдѣлали Геттингенъ тѣмъ же для нѣмецкой поэзіи, чѣмъ Базедовъ сдѣлалъ Дессау для педагогіи. Молодые поэты, поселившіеся въ Гёттингенѣ съ 1772, были одушевлены благороднымъ стремленіемъ къ истинному просвѣщенію и горячей любовью къ отечеству. Вмѣсто обыкновеннаго студенческаго время препровожденія они вели юношески-поэтическую жизнь и стремились дружно къ прекрасной цѣли — поднять себя и народъ отъ наживныхъ заботъ и ученаго педантства къ поэзіи и одушевленію, къ любви, дружбѣ и природѣ, отъ окоченѣвшей протестантской догматики къ религіозности, отъ раболѣпія и партикуляризма къ свободѣ, самоуваженію и національному чувству. Такъ какъ они были еще молоды и юны въ жизни, т. е. не владѣли еще ни опытомъ, ни фиософіею, то впали въ поэтическую мечтательность. Поэтому весьма естественно, что они для достиженія своей цѣли образовали святой союзъ, такъ называемый Союзъ Рощи (Hainbund), и что въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ переходили всѣ границы; напримѣръ, съ одной стороны, они съ крайнимъ одушевленіемъ поклонялись Клопштоку, какъ своему учителю и руководителю, а съ

другой — шли слишкомъ далеко въ своемъ отвращеніи къ Виланду, который все-таки пробудилъ въ толпѣ интересъ къ литературѣ и такимъ образомъ проложилъ путь имъ самимъ. Тѣмъ не менѣе союзъ этихъ поэтовъ, какъ и «Альманахъ Музъ», въ которомъ они помѣщали свои стихотворенія, также важны для исторіи нѣмецкой литературы, какъ остроумные дамскіе салоны Парижа для литературы французской. Вліяніе, которое имѣли гёттингенскіе поэты, распространялось, конечно, не на всю націю, а только на извѣстные сословія и кружки; но это-то и имѣло большую цѣну. Средніе классы націи или бюргерскіе кружки, — до сихъ поръ составляющіе гордость націи, предаваемой юнкерами и приставшими къ нимъ денежными аристократами, — получили поэзію, соотвѣтствующую ихъ развитію. Поэты эти не были, правда, геніи; но поэзія ихъ была богата содержаніемъ, образовательна, возвышенна. Изъ членовъ Гёттингенскаго союза мы назовемъ преимущественно Гельти, Фосса, двухъ Штольберговъ, Миллера изъ Ульма и Лейзевица. Бойе, гораздо старше ихъ лѣтами, и профессоръ математики Кестнеръ, сдѣлавшійся извѣстнымъ поэтомъ благодаря своимъ эпиграммамъ, присоединились къ этимъ юношамъ. Кестнеръ былъ полезенъ для нихъ преимущественно своимъ знаменитымъ именемъ, а Бойе открылъ имъ свой «Альманахъ Музъ», получившій вслѣдствіе этого большое значеніе. Клаудіусъ и Бюргеръ были дружны съ молодыми поэтами, хотя не были членами ихъ союза. Послѣдній имѣлъ несчастіе попасть въ Галле въ безпутную толпу кліентовъ тайнаго совѣтника Клоца и потому рано очутился въ водоворотѣ безнравственности. Такимъ образомъ нація обманулась въ единственномъ человѣкѣ, который могъ привлечь низшіе классы къ новой гражданской поэзіи.

Дѣятельность геттингенскихъ бардовъ вполнѣ объяснится взглядомъ на двухъ главныхъ изъ нихъ, на Фосса и Гельти. Они были пѣвцы сельской и гражданской жизни средняго сословія сѣверной Германіи, соединявшей еще тогда простоту отношеній съ живымъ нѣжнымъ чувствомъ и хорошимъ образованіемъ. Впрочемъ между собой они были непохожи. Гельти имѣлъ гораздо больше Фосса скандинавскихъ и германскихъ чертъ меланхоліи и потому стоялъ ближе къ восточно-христіанскому чувству ничтожества всѣхъ человѣческихъ дѣйствій и стремленій. Фоссъ, напротивъ, не чувствовалъ влеченія къ востоку и былъ настроенъ яснѣе, потому что у грековъ и римлянъ, по которымъ онъ себя образовалъ, онъ искалъ и находилъ свѣтлое и ясное міровоззрѣніе. Собственно философія, т. е. стремленіе изслѣдовать внутреннюю сущность вещей, была ему чужда, и потому онъ не могъ подняться выше средняго уровня поэзіи, не могъ вполнѣ оцѣнить поэтическій и философскій духъ христіанства. Однако въ своей сферѣ онъ былъ высокъ и оказывалъ на народъ очень значительное вліяніе. Онъ изобразилъ съ поэтической стороны жизнь средняго сословія, которое при ограниченномъ доходѣ должно отказывать себѣ во многихъ наслажденіяхъ; своимъ поэтическимъ искусствомъ, приближавшимся къ прозѣ этой жизни, онъ примирилъ эти сословія съ дѣйствительностію. О великой заслугѣ, которую Фоссъ пріобрѣлъ введеніемъ Гомера въ нѣмецкую жизнь, было уже говорено (стр. 288).

Клаудіусъ, подобно Фоссу, ограничивалъ свою поэзію жизнью нѣмецкаго мѣщанства. Какъ добродушный религіозный мечтатель, онъ писалъ больше въ духѣ народной религіозности, тогда какъ Фоссъ писалъ въ духѣ времени. Поэтому нѣкоторыя стихотворенія его сдѣлались народными пѣснями и останутся въ народѣ, вѣроятно, навсегда. Впослѣдствіи Клаудіусъ принялся за остроумничаніе и манерность, но имѣлъ въ этомъ лишь ограниченное мимолетное значеніе. Къ прогрессу Клаудіусъ не стоитъ ни въ какомъ отношеніи. Уже въ 1775 онъ объявилъ войну всякому движенію впередъ. Позже онъ погрузился даже въ пошлую мистику Сенъ-Мартена и мартинистовъ (стр. 172).

h) Время „Вертера“ и „Зигварта“ и начало фабрикаціи романовъ.

Клаудіусъ и Гёльти стояли уже очень близко къ тому роду чувствительности, которая, подобно нервной горячкѣ, распространилась въ концѣ семидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія по всей Германіи, и которой очень содѣй-

ствовалъ одинъ изъ геттингенскихъ бардовъ, Миллеръ. Это странное настроеніе, проникнувшее почти весь народъ, было усилено въ высшей степени ложнымъ впечатлѣніемъ, которое произвело одно раннее произведеніе Гёте. Поэтому мы должны обратить прежде всего вниманіе на начало дѣятельности этого поэта.

Гёте началъ свое поприще двадцати трехъ лѣтъ въ 1772 совершенно независимо отъ всякой партіи, и вскорѣ всѣ партіи, почти безъ всякаго противорѣчія, признали его величайшимъ геніемъ націи. Одно изъ первыхъ его произведеній, «Гёцъ фонъ Берлихингенъ», явившееся въ 1773, взволновало всю Германію. Юные поклонники природы и греческой геройской силы въ Геттингенѣ привѣтствовали эту драму какъ начало новой эры нѣмецкаго театра и признали автора ея своимъ союзникомъ въ борьбѣ съ берлинской критикой и эстетикой и съ французско-греческой манерой Виланда. Относительно послѣдней Гете высказался еще раньше очень рѣзко въ пасквилѣ противъ Виланда. Вліяніе «Геца фонъ Берлихингена» и насмѣшки надъ безсильными и бездушными подражателями французовъ обнаружилось тотчасъ въ появленіи такъ называемыхъ мощныхъ геніевъ. Явилось множество ультралиберальныхъ молодыхъ людей, которые осмѣивали педантство и установившіеся обычаи на зло всякому правилу, всякому порядку и дисциплинѣ; они завели борьбу на жизнь и смерть противъ деревяннаго педантическаго направленія нѣмецкихъ ученыхъ и противъ берлинцевъ, противъ поэтической школы Глейма и Клопштока и противъ легкомысленности Виланда. Ихъ бурное появленіе было спасительно, потому что оно было необходимой реакціей противъ господствующаго пошлаго, сладкаго, жалобнаго тона петраркистовъ. Этотъ совершенно неестественный тонъ проникъ даже въ жизнь. Онъ наполнялъ письма Клопштока, Виланда, І. Г. и Ф. Г. Якоби, которыя поэтому производятъ иногда отвратительное впечатлѣніе. Онъ господствовалъ даже во всѣхъ хотя немного образованныхъ семействахъ и, какъ прежде піэтистическій тонъ, пораждалъ ханжество.

Изъ мощныхъ геніевъ знаменитѣйшими были Ленцъ и Клингеръ; къ нимъ причисляли вначалѣ и Гёте; но онъ принялъ участіе въ ихъ стремленіяхъ лишь настолько, на сколько пользовался для своихъ поэтическихъ цѣлей каждымъ современнымъ движеніемъ. Уже въ слѣдующемъ 1774 онъ написалъ драму Клавиго, гдѣ, къ удивленію публики, также строго удовлетворилъ требованіямъ правильной французской драматургіи, какъ въ Гёцѣ геніальнымъ нарушеніемъ всякихъ правилъ привелъ въ восторгъ поклонниковъ Шекспира.

Совершенно такія же причины побудили Гете написать въ томъ же году романъ «Страданія молодаго Вертера». Въ этомъ сочиненіи онъ воспользовался случайнымъ обстоятельствомъ и вызваннымъ имъ настроеніемъ публики, чтобы создать мастерское произведеніе. Впечатлѣніе, произведенное Вертеромъ, ясно доказываетъ, какъ неспособна публика понимать чисто умственно поэтическія созданія. Толпа забываетъ форму изъ-за содержанія, приписываетъ каждой книгѣ дидактическую цѣль и потому не въ состояніи понять искусство. Никто не призналъ величія искусства въ гётевомъ изображеніи силы страсти, уничтожившей слабаго человѣка именно потому, что онъ былъ слабъ; никто не замѣтилъ художественной силы, которая придала нѣмецкому языку, слывшему грубымъ и жесткимъ, нѣжность, мягкость и легкость. Всѣ обратили вниманіе только на историческую сторону разсказа, слабаго героя романа произвели въ мученики, каждую сцену и лицо книги принимали за дѣйствительность, воодушевлялись Вертеромъ, какъ будто онъ данъ въ образецъ для подражанія, и позволили овладѣть собою такому головокруженію, какого еще никогда не бывало въ жизни нѣмецкаго народа.

Противъ Вертера съ запальчивостію возстала правовѣрная партія, находя, что подобная поэзія опасна церкви. Главнымъ ораторомъ опять явился извѣстный пасторъ Гёце въ Гамбургѣ, который хватался съ живостію за всякій случай, чтобы вступать въ бой за старую вѣру. Гёце издалъ противъ Вертера нѣчто въ родѣ пастырскаго посланія, — подобно тому, какъ архіепископъ парижскій противъ «Эмиля» Руссо. Въ немъ онъ изобразилъ автора развратителемъ народа, губителемъ правилъ и порядка, предалъ книгу проклятію, какъ источникъ всякаго зла, да тутъ же кстати хватилъ и добраго стараго Землера, объявивъ его родоначальникомъ всякаго подобнаго безвѣрія. Неистовство и бѣшенство гамбургскаго

сіонскаго стража не остались тщетными. Это доказалъ между прочимъ магистратъ Франкфурта-на-Майнѣ, который стѣснилъ выходившее во Франкфуртѣ періодическое изданіе, редижируемое Гете, Шлоссеромъ и Меркомъ, и получилъ за то отъ Геце трогательное благодарственное посланіе. Съ другой стороны, противъ страданій Вертера поднялись и прозаическіе французско-берлинскіе критики и плоскіе моралисты. Ихъ предводитель и папа, Николаи, попытался осмѣять книгу Гете въ пародіи, но потерпѣлъ такую страшную неудачу, что многіе его друзья устыдились его произведенія, и даже Виландъ, котораго партія Николаи считала величайшимъ поэтомъ, высказался противъ этого пасквиля, хотя Гете недавно оскорбилъ его своимъ пасквилемъ.

Съ другой стороны многіе, кто, согласно господствовавшему направленію, находилъ наслажденіе въ нѣжномъ, расплывающемся чувствѣ и сантиментальности, доведенной до меланхоліи Клопштокомъ, любовными поэтами, пѣвшими на манеръ Петрарки, элегіями и идилліями гёттингенскихъ бардовъ — вся эта часть читателей впала относительно Вертера въ противоположное заблужденіе. Одинъ изъ гёттингенцевъ — Миллеръ изъ Ульма, былъ главнымъ представителемъ этой партіи. Онъ переложилъ геніальное произведеніе Гёте на языкъ и чувства среднихъ сословій, для которыхъ поэзіей служила слезливая проза и искусственная чувствительность. По примѣру Гёте онъ написалъ романъ, который, хотя возникъ изъ господствовавшаго настроенія, но вполнѣ принадлежалъ геттингенскому элегическому направленію. Романъ этотъ явился въ 1776 подъ заглавіемъ: «Зигвартъ, монастырская исторія» и надѣлалъ неописаннаго шума. По внѣшности онъ былъ совершенно въ родѣ Вертера; но въ сущности отличался отъ него, какъ аффектація отъ природы. Въ «Зигвартѣ» чувственность стремится не наслаждаться, а только любоваться, что совершенно противоестественно. Старость у него не зрѣла, юность лишена своего естественнаго характера. Все носитъ на себѣ отпечатокъ туманности и меланхоліи. Языкъ, хотя чистъ, но это проза, а не поэзія. Не смотря на все это, книга имѣла благодѣтельное вліяніе, потому что во многихъ кругахъ пробудила наклонность къ поэзіи и чувствомъ гуманности помогла вытѣснить грубость.

Позднѣйшіе романы Миллера принадлежали уже къ числу фабричныхъ произведеній, изготовлявшихся для продажи; этотъ сортъ романовъ скоро образовалъ особенный отдѣлъ въ нѣмецкой литературѣ и до сихъ поръ составляетъ чуму для умственной жизни нѣмцевъ. Романы эти писались людьми, пользовавшимися новымъ вкусомъ, чтобы создавать себѣ извѣстность или заработывать деньги. Они исковеркали отцевъ и матерей, какъ почитатели Руссо и Базедова испортили своимъ воспитаніемъ дѣтей, строгому и серьезному образованію они противопоставили непреодолимыя препятствія, ибо авторы ихъ снисходили до читателей; вмѣсто того, чтобы принуждать читателей возвышаться до писателей; они пріучили публику смѣшивать сантиментальность и фантазерство съ поэзіею и геніальностію. Къ этимъ фабрикантамъ романовъ принадлежали, кромѣ ульмскаго Миллера, Іоганнъ Готтвертъ Мюллеръ изъ Ицегое, педагоги Зальцманъ и знаменитый впослѣдствіи драматургъ Коцебу, начавшій свое поприще въ 1785 сантиментальнымъ романомъ.

Драматическіе писатели, Иффландъ, Юнгеръ, Брецверъ и Гросманъ, также принадлежатъ къ этому разряду писателей, потому что приготовляли для публики, воспитанной на романахъ, трогательныя драмы по образу Дидро, гдѣ проповѣдовали мораль въ родѣ Кампе и Зальцмана, разводили фальшивую чувствительность пошлыхъ романовъ и напечатлѣвали все это со сцены въ сердца зрителей.

і) Дѣятельность Лессинга и Гердера въ отношеніи протестантизма.

Когда воспитаніе передѣлали на совершенно новыхъ началахъ, протестантское богословіе потерпѣло рѣшительное преобразованіе. Новое богословіе вышло изъ Іены. Тамъ осторожный Хрисбахъ, человѣкъ въ родѣ Землера, старался

провести прогрессъ и въ богословіе и хотѣлъ поучать протестантской религіи безъ догматики, издавъ очень популярный катехизисъ. Ему помогали Паулусъ и Эйхгорнъ. Впрочемъ второй скоро переселился въ Геттингенъ. Они хотѣли возстановить первобытное христіанство, очистивъ его отъ всѣхъ прибавокъ и согласовавъ съ требованіями разума. Они приняли за основное положеніе въ экзегетикѣ, будто къ библіи слѣдуетъ примѣнять такую же критику, какая примѣняется къ сочиненіямъ грековъ и римлянъ, что нужно обращать вниманіе на грамматику, національный духъ и мѣстные нравы и что слѣдуетъ совершенно отказаться отъ теорій откровенія. Какъ ни были важны подобныя стремленія для теологіи, тѣмъ не менѣе они дѣйствовали только на внѣшнюю, ученую и историческую часть религіознаго ученія. Дѣйствительною же сущностію ихъ завладѣла новая философія. Значительнѣйшій между людьми, которые тогда обнаружили преобразовательное вліяніе на религіозное знаніе, былъ опять-таки Лессингъ, величайшій реформаторъ нѣмецкой литературы послѣ Гете. Чтобы понять и оцѣнить теологически-философскую дѣятельность этого человѣка, мы должны бросить сначала взглядъ на три партіи, на которыя распалась свободномыслящая часть протестантскихъ богослововъ. Одна хотѣла сдѣлать религію единственно нравственнымъ поученіемъ безъ всякаго возбужденія фантазіи и чувства. Сюда принадлежали всѣ критики и реформаторы-педагоги; они, подобно Николаи, Кампе и Зальцману, могли понимать только практическое. Вторая партія, къ которой принадлежалъ Эбергартъ въ Галле, доказывала, что протестантизмъ есть чистый деизмъ и чисто разсудочная религія. Третья партія хотѣла возсоздать такъ называемое первобытное христіанство, которое дозволяло бы привести себя въ согласіе съ прогрессивнымъ развитіемъ человѣческаго духа. Къ ней принадлежали, хотя съ совершенно различными направленіями, Грисбахъ, Эйхгорнъ, Паулусъ, Планкъ и Шпиттлеръ.

Лессингъ явился рѣшительнымъ противникомъ всѣхъ этихъ партій. Его свѣтлый, проницательный умъ нашелъ стремленіе раціоналистовъ замѣнить христіанство придуманной ими новой религіей не менѣе ложнымъ, какъ и тупоголовое упрямство защитниковъ старой вѣры, нехотѣвшимъ допускать никакого свѣта, никакого прогреса, соотвѣтствующаго потребностямъ времени, тогда какъ даже католицизмъ до Тридентскаго собора дѣлалъ уступки. Лессингъ не былъ безусловно противъ догматической системы протестантизма, вышедшей изъ схоластики среднихъ вѣковъ; онъ питалъ даже уваженіе къ ея послѣдовательности и считалъ слабымъ все, что новаторы хотѣли поставить на ея мѣсто. Поэтому онъ вступился сначала за старую догматику, которая какъ система имѣла извѣстное философское значеніе, противъ деистической поверхностности и противъ изобрѣтеній такъ называемой моральной религіи или, другими словами, противъ религіи, чуждой всякой поэзіи, всякой символики, всякой связи съ сердцемъ. Дѣятельность Лессинга на теологическомъ поприщѣ принесла несомнѣнно большую пользу истинной религіозности даже тогда, когда онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ напасть на послѣдователей стараго ученія; ибо онъ не хотѣлъ дѣлать переворота, а только возвратить обезображенному, злоупотребляемому и не узнаваемому протестантизму уваженіе мыслящихъ людей. Но фанатики въ своемъ слѣпомъ усердіи не допустили этого. Они напали на Лессинга съ страшной яростію и начали ожесточенную войну съ этимъ миролюбивымъ и умѣреннымъ человѣкомъ. Тогда Лессингъ направилъ острое оружіе своего ума противъ заносчивости и неразумія протестантскихъ инквизиторовъ. Въ этомъ спорѣ очень пострадала народная вѣра. Но онъ имѣлъ чрезвычайно благодѣтельное вліяніе въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, человѣкъ, напавшій на старую религію протестантскихъ катехизисовъ съ глубокимъ философскимъ умомъ, съ основательной ученостію и изъ горячей любви къ истинѣ, потрясъ ее гораздо сильнѣе односторонныхъ и поверхностныхъ англійскихъ деистовъ или пустыхъ тщеславныхъ парижскихъ энциклопедистовъ. Во-вторыхъ, въ этой борьбѣ Лессингъ, творецъ новаго нѣмецкаго языка, выказалъ всю его силу и благородство и этимъ пріобрѣлъ себѣ такую же огромную заслугу, какую нѣкогда пріобрѣли въ этомъ отношеніи Гуттенъ и Лютеръ въ спорѣ своемъ съ папистами.

Лессингъ началъ съ того, что напечаталъ въ своихъ «Литературныхъ прибавленіяхъ» нѣкоторыя рукописи, найденныя имъ во время управленія вольфен-

бюттельской библіотекой, впрочемъ съ примѣчаніями, показывавшими его собственныя воззрѣнія. Прежде всего онъ сообщилъ два маленькихъ разсужденія Лейбница. Онъ воспользовался ими, чтобы высказать свои воззрѣнія на деистовъ, раціоналистовъ и плоскихъ моралистовъ. Онъ показалъ, какая разница между теологіей или религіею, какъ наукой, и вѣрой, какъ чувствомъ. Онъ вызвалъ этимъ яростную бурю со стороны пастора Геце и другихъ фанатиковъ, которые излили на него свою безумную злобу въ выходившихъ въ Гамбургѣ «Ученыхъ извѣстіяхъ». Это побудило его направить свое оружіе противъ другой крайности теологическаго міра. Онъ воспользовался для этого такъ называемыми вольфенбюттельскими отрывками, которые издавалъ по частямъ съ 1774. Авторъ этихъ критическихъ разсужденій о догматахъ протестантской церкви сдѣлался извѣстенъ только въ нашемъ столѣтіи; то былъ Реймарусъ. Притѣсняемый господствовавшимъ въ его родномъ городѣ Гамбургѣ фанатическимъ лютеранствомъ, онъ написалъ эти «Отрывки», въ которыхъ рѣзко возсталъ не только на богослововъ, но и на самое христіанство. Однако, не желая явиться передъ нѣмецкой публикой вторымъ Бартомъ, онъ сохранилъ свое сочиненіе въ тайнѣ и положилъ его въ вольфенбюттельскую библіотеку. Опубликованіе его Лессингомъ было ужаснѣйшимъ ударомъ для протестантскихъ фанатиковъ и ихъ деревянной догматики, потому что это сочиненіе было произведеніемъ одного изъ образованнѣйшихъ и ученѣйшихъ людей своего времени, который владѣлъ большими философскими способностями и основательными теологическими знаніями. При опубликованіи его Лессингъ имѣлъ намѣреніе пробудить и въ религіи тотъ умственный прогрессъ, который возбудилъ въ искусствѣ и поэзіи нѣмецкаго народа. Однако онъ изъ трусости напечаталъ его только въ «Литературныхъ прибавленіяхъ», доступныхъ одному ученому міру, и въ довершеніе увѣрялъ, что, издавая это сочиненіе, желаетъ только содѣйствовать успѣхамъ науки, а самъ не раздѣляетъ мнѣній автора. Онъ даже сдѣлалъ къ каждому отрывку примѣчаніе, гдѣ показывалъ, какъ и чѣмъ можно опровергнуть взгляды неизвѣстнаго автора. Но къ счастію, фанатики, особенно пасторъ Геце, увлекшись своимъ слѣпымъ фанатизмомъ, разгласили это дѣло на всю публику. Благодаря имъ, ученый споръ, какъ нѣкогда споръ Лютера съ Эккомъ и Эмзеромъ, сдѣлался народнымъ дѣломъ.

Здѣсь невозможно слѣдить за ходомъ спора. Главное заключалось въ томъ, что фанатики, мудрость которыхъ оказывалась недостаточной противъ Реймаруса, принялись поносить грубѣйшей бранью издателя отрывковъ, травили на него даже государственную полицію и всѣмъ этимъ довели его до крайности. Лессингъ увидѣлъ себя наконецъ вынужденнымъ напечатать анонимное рѣзкое осужденіе христіанства для всей публики и самому взяться за перо, чтобы рядомъ брошюръ совершенно уничтожить фанатиковъ. Эти брошюры, особенно манифестъ, явившійся подъ заглавіемъ «Анти-Геце» противъ главнаго гамбургскаго пастора, составляютъ лучшія полемическія произведенія въ нѣмецкой литературѣ. Они написаны самымъ чистымъ, яснымъ, живымъ языкомъ, метки и до-нельзя остроумны, хотя въ то же время въ нихъ нѣтъ ни брани, ни ругательствъ, ни декламацій, ни пустословія.

Споръ правовѣрныхъ съ Лессингомъ нанесъ ударъ старой догматикѣ. Тогдашнее поколѣніе, стремившееся къ свободѣ, знало лучше теперешняго, что значитъ находиться подъ властію пасторовъ; неудивительно поэтому, что оно поняло сущность Лессинговой полемики совершенно иначе, чѣмъ онъ самъ думалъ; въ этомъ были виноваты слѣпые послѣдователи старины, доведшіе его до крайности своею бранью, ругательствами и преслѣдованіями, нехотѣвшіе знать философіи, неслушавшіе никакихъ совѣтовъ и нежелавшіе уступить ни одного слова изъ своей догматики. Впрочемъ запальчивость Лессинга нужно объяснять главнымъ образомъ его горячей преданностью истинѣ и его искреннею любовью къ нѣмецкому народу. Онъ чувствовалъ больнѣе, чѣмъ кто-либо, что положеніе Германіи не допускаетъ никакой свободной дѣятельности; поэтому, по его мнѣнію, каждому нѣмцу слѣдовало тѣмъ упорнѣе защищать право мыслить и писать о религіозныхъ и научныхъ предметахъ и нападать на противниковъ этого, какъ на враговъ человѣчества. Кромѣ того онъ чувствовалъ, какъ всякій мыслящій человѣкъ, что человѣческая сущность заключается не въ зазубренномъ знаніи, а въ стремленіи къ знанію, что, слѣдовательно, истина состоитъ въ изысканіи и изслѣдованіи, а не въ запоминаніи и самодовольномъ пребываніи при пріобрѣтенномъ.

Въ одномъ изъ своихъ памфлетовъ онъ говоритъ: «Если бы Богъ предлагалъ мнѣ въ своей правой рукѣ всю истину; а въ лѣвой — вѣчное стремленіе къ ней съ условіемъ вѣчно ошибаться и заблуждаться, я смиренно припалъ бы къ его лѣвой рукѣ и сказалъ бы: «Отче, дай! Чистая истина тебѣ одному!»

Въ своемъ «Натанѣ» Лессингъ наглядно показалъ разницу между механической религіозной обрядностью—ханжествомъ—и истинной религіею сердца. Въ этой драмѣ онъ показалъ, какъ гнусно судить ближняго по его вѣрованіямъ, а не по поступкамъ. «Натанъ» нанесъ сильный ударъ старому правовѣрію и нетерпимости.

Для общества было очень полезно, что одновременно съ разсудочностью Лессинга на него вліяло сердечное чувство Гердера, который какъ разъ занималъ середину между философской мыслію Лессинга и мечтательностью Лафатера. Хотя Лессингъ также признавалъ важность положительной религіи для внутренней жизни и для ея борьбы съ жизнію внѣшнею, но при немъ былъ необходимъ человѣкъ, какъ Гердеръ, который могъ бы поддержать поэзію въ религіи. Мы уже называли Гердера главою особой эстетической школы (стр. 295). Сдѣлавшись въ 1770 придворнымъ проповѣдникомъ въ Бюккебургѣ, онъ обратился къ теологіи и своимъ вліяніемъ на нее пріобрѣлъ новое значеніе въ исторіи нѣмецкаго образованія. Его отношеніе къ теологическимъ вопросамъ, волновавшимъ тогда нѣмецкій образованный міръ, было также своеобразно, какъ вся его дѣятельность. Гердеръ по характеру былъ больше поэтъ, чѣмъ философъ, и съ молодости отличался впечатлительностію, стремительностію и властолюбіемъ; онъ во всемъ искалъ поэзіи и не признавалъ истины, если она не согласовалась съ созданіями его собственной фантазіи. Однако онъ не былъ ни ханжой, ни политическимъ богословомъ, и никогда не служилъ господствовавшему мнѣнію.

Такой человѣкъ не могъ ни пристать къ существующимъ партіямъ, ни проложить себѣ дорогу между ними. Онъ перессорился со всѣми, потому что слѣдовалъ собственному направленію и потому что при своей запальчивости не обращалъ ни на что вниманія. Правовѣрные были недовольны имъ, какъ и Лессингомъ, хотя онъ возставалъ на новаторовъ своего времени и нападалъ на лучшую частъ берлинскихъ раціоналистовъ, особенно на Шпольдинга. Но его поэтическое чувство также не переваривало прозы катехизисовъ, какъ и ученія раціоналистовъ, и притомъ какъ критикъ онъ пошелъ по пути, который могъ вести куда угодно—и къ старовосточному пантеизму, и къ христіанству; поэтому правовѣрнымъ онъ казался человѣкомъ, который старается рядомъ съ еретиками-раціоналистами, въ родѣ Лессинга, устроить общину поэтическихъ еретиковъ мечтателей.

Тенденціи теологическихъ сочиненій Гердера и ихъ вліяніе можно объяснить немногими словами. Онъ взялъ подъ свою защиту народную религію противъ господствовавшихъ раціоналистическихъ и практическихъ взглядовъ и ихъ холодной, тощей прозы. Чтобы поддержать народную религію, онъ не пользовался ни софистикой, ни мечтательностію, ни лицемѣріемъ, но хотѣлъ помощью своей богатой фантазіи дать совершенно новый видъ старому ученію и создать для него новую опору. Для этой цѣли онъ хотѣлъ замѣнить религіозную философію религіозной поэзіею, хотѣлъ посредствомъ ея вновь зажечь въ теологіи духа вкусъ и жизнь, и думалъ примирить этимъ способомъ старое религіозное ученіе съ измѣнившимся направленіемъ времени. Его христіанство нашло поэтому доступъ преимущественно въ высшія условія и у всѣхъ тѣхъ, кто находилъ «Вольфенбюттельскіе отрывки» слишкомъ вольными, Барта—человѣкомъ безъ вкуса, раціоналистовъ—поверхностными и опрометчивыми, а защитниковъ старой вѣры—врагами времени и его потребностей.

Мы не можемъ останавливаться на отдѣльныхъ сочиненіяхъ, въ которыхъ Гердеръ примирялъ старое съ новымъ и судилъ европейскія и христіанскія свидѣтельства и практическую теологію не какъ философъ и ученый, а какъ поэтъ. Эти сочиненія (о древнѣйшихъ свидѣтельствахъ человѣческаго рода, объ изученіи теологіи, о духѣ европейской поэзіи и др.), конечно, не могли вести науку впередъ; но они, какъ всѣ сочиненія Гердера, пробуждали въ богословахъ поэтическое чувство и много помогли тому, что между нѣмцами сохранилось признаніе божественнаго въ человѣкѣ. Это была большая заслуга для такого времени, когда не только историки, философы и статистики, какъ Николаи, Эбергартъ и гетти-

генскій профессоръ Мейнерсъ, но и педагоги и теологическіе раціоналисты, какъ Бартъ, требовали, чтобы священники, народные учители и воспитатели были непремѣнно людьми прозаическими и работали только для внѣшней и непосредственной пользы. Нельзя однако отрицать также, что теологическія сочиненія Гердера, какъ и вообще всѣ его произведенія, были вообще вредны для образованія народа. Своимъ стремленіемъ всюду находить поэзію и связывать несоединимыя вещи, онъ только вредилъ и поэзіи, и религіи, и политической жизни. Онъ усилилъ наклонность нѣмецкаго ума переноситься изъ области разсудка въ сферу мечтаній и бредней. Это довело его наконецъ до сближенія съ мистиками и фантазерами въ родѣ Клаудіуса, Лафатера и Юнга-Штиллинга.

Кромѣ богословскихъ сочиненій Гердеръ далъ замѣчательнѣйшій и образцовый трудъ — собраніе и переводы любимѣйшихъ и своеобразнѣйшихъ народныхъ пѣсенъ всѣхъ народовъ и временъ. Къ этому предпріятію онъ былъ очень способенъ, потому что самъ былъ поэтической натуры. Въ 1784 онъ издалъ всемірную исторію подъ заглавіемъ: «Идеи для философіи исторіи человѣчества». Здѣсь онъ создалъ новый родъ исторіи, какъ создалъ новый родъ поэзіи и философіи. Это сочиненіе очевидно соотвѣтствовало потребностямъ массы публики, потому что его много читали и часто брали въ образецъ. Но это сочиненіе лишено всякаго историческаго научнаго значенія. Гердеръ обращается съ исторіею, какъ съ эпическимъ стихотвореніемъ. Ему, во что бы то ни стало, хотѣлось доказать извѣстную связь между прогресомъ человѣчества и развитіемъ нѣкоторыхъ идей и тенденцій; но доказать этого онъ не могъ. Онъ говоритъ тономъ пророка, безцеремонно обходитъ неподходящіе къ его теоріямъ факты, связываетъ непримиримое и даже дерзаетъ предписывать свои законы естествознанію, о которомъ не имѣлъ и понятія. Зато его исторія очень по вкусу любителямъ вычурности, остроумничанья и фантастическихъ измышленій. Поэтому понятно, что въ наше время человѣкъ, какъ Кинэ, лишенный основательныхъ познаній и переводившій Гердера, почти не зная по-нѣмецки, своимъ переводомъ гердеровыхъ идей привелъ въ восторгъ французовъ, ставшихъ романтиками, пантеистами и чуть не мистиками. Да и нѣмецкая публика Гердера состояла изъ тѣхъ людей, которые потомъ покланялись Жанъ Полю. Сначала сочиненія Гердера имѣли огромное вліяніе. Но когда распространилась философія Канта, и Гердеръ, одинъ изъ всѣхъ реформаторовъ нѣмецкой литературы, вздумалъ пойти противъ теченія, вліяніе это погибло.

k) Лафатеръ, Лихтенбергъ и Юнгъ-Штиллингъ.

Публика Гердера состояла изъ людей, которые не переваривали старой вѣры въ томъ видѣ, какъ ее проповѣдовалъ какой-нибудь Геце, но въ то же время не хотѣли отказываться отъ понятій, всосанныхъ съ дѣтства. Гердера прославляли всѣ принимавшіе поэзію за религію. Напротивъ того, Лафатеръ былъ оракуломъ тѣхъ, кто хотѣлъ соединить сантиментальность, получившую господство, съ религіозной мечтательностью, какъ приверженцы Клопштока, или по примѣру Юнга-Штиллинга, замѣнить ее этими бреднями.

Мы уже говорили о характерѣ Лафатера (стр. 297). Онъ пріобрѣлъ огромное значеніе новоизобрѣтенною имъ наукою — физіогномикою или систематическимъ искусствомъ узнавать по наружности человѣка его характеръ и свойства. Это было давнишнее гаданіе, старое, какъ свѣтъ; но до Лафатера никогда не возводилось на степень точной науки. Лафатеръ далъ ему значеніе, о которомъ современныя сумасбродства, френологія, магнетизмъ, спиритизмъ и столоверченіе, не могутъ дать и приблизительнаго понятія. Лафатеру очень много содѣйствовалъ его другъ и соотечественникъ, фонъ Циммерманъ. Какъ великосвѣтскій врачъ, кавалеръ многихъ орденовъ и членъ многихъ академій, авторъ разныхъ сочиненій, привлекшихъ вниманіе профановъ, Циммерманъ, состоявшій даже въ перепискѣ съ Екатериной II и Фридрихомъ Великимъ, превосходно зналъ искусство пускать пыль въ глаза. Вскорѣ весь знатный свѣтъ не только въ Германіи, но и въ другихъ странахъ, пришелъ въ такой же восторгъ отъ плана Лафатера напи-

сать большое физіогномическое руководство, какъ отъ базедовскаго педагогическаго «Элементарнаго сочиненія»; подписка на него шла также успѣшно, и когда книга вышла (1775—1778), то сдѣлалась главнымъ предметомъ разговора во всѣхъ знатныхъ кругахъ; знать стекалась къ Лафатеру какъ на богомолье къ пророку и посылала ему свои силуэты въ Цюрихъ, а онъ щедро производилъ ее въ геніи и въ образцы всѣхъ добродѣтелей. Физіогномическое сумасбродство сдѣлалось также скоро господствующимъ, какъ Зигвартовская чувствительность. Лафатеровская лихорадка свирѣпствовала даже въ маленькихъ городкахъ. Лафатеръ пріобрѣлъ этимъ на нѣсколько десятковъ лѣтъ необыкновенное значеніе. Это значеніе было бы совершенно непостижимо, если бы Лафатеръ считался только просто достойнымъ гражданиномъ, хорошимъ человѣкомъ, добродѣтельнымъ священникомъ и второстепеннымъ поэтомъ; но дѣло въ томъ, что уже тогда онъ считался главой всѣхъ враговъ прогреса.

Сумасбродства публики и смиренно-надменный оракульскій, напыщенный и до смѣшнаго натянутый тонъ Лафатера побудили величайшаго нѣмецкаго сатирика, Лихтенберга, энергически напасть на лафатеровскія бредни. Лихтенбергъ былъ духомъ сродни Гогарту и, какъ объяснитель его, занимаетъ мѣсто въ ряду замѣчательнѣйшихъ писателей Германіи. Онъ соединялъ въ себѣ все, что было нужно, чтобы вытравить настоящей сатирой господствующую безсмыслицу сантиментальности, мечтательности и напыщенности. Онъ осмѣялъ глупую науку физіогномику въ маленькой остроумной сатирѣ, гдѣ нападалъ не столько на самого Лафатера, сколько на тѣ продѣлки, которыми онъ и Циммерманъ достигли значенія. Онъ хотѣлъ противодѣйствовать вредному вліянію ихъ фразъ и взаимныхъ восхваленій, которыми они пускали пыль въ глаза обществу. Лихтенбергъ показалъ народу, какъ злоупотребляютъ его заблужденіями и простотой; не имѣя возможности отстаивать себя разумными доводами, Циммерманъ защищался грубостями. Лихтенбергъ воспользовался этимъ, чтобы въ короткомъ сатирическомъ письмѣ, которое, какъ Лессинговъ «Анти-Геце», представляетъ образецъ остроумной полемики, заклеймить стремленіе Циммермана и ему подобныхъ, ихъ чванство, хвастовство титулами, орденами и великосвѣтскими связями, ихъ презрѣнное кумовство. Конечно, и Лихтенбергъ, какъ Лессингъ, не могъ отучить нѣмцевъ отъ слабости давать обманывать и водить себя на помочахъ. Лафатеръ и Циммерманъ остались въ глазахъ знатныхъ, суетныхъ и сумасбродныхъ людей достойными удивленія творцами новой науки, пока ихъ не затмили другіе шарлатаны. Каждый знатный путешественникъ, проѣзжавшій черезъ Ганноверъ, прежде всего искалъ познакомиться съ Циммерманомъ, а въ Цюрихъ къ Лафатеру тянулись цѣлые караваны пилигримовъ, какъ къ папѣ въ Римъ.

Съ этого времени партіи опредѣлились рѣзче. Лафатеръ и его послѣдователи сблизились даже съ католиками и іезуитами. Между людьми этой партіи выдается въ своемъ родѣ замѣчательная личность, Юнгъ-Штиллингъ. Его значеніе было признано Гете, Гердеромъ и Лафатеромъ, т. е. людьми совершенно различныхъ направленій. Юнгъ-Штиллингъ родился въ Вестфаліи и съ молокомъ матери всосалъ господствовавшія тамъ понятія о Богѣ, создавшемъ міръ и управляющемъ имъ, какъ человѣкъ дѣлаетъ и заводитъ часы. Сначала онъ былъ портной и послѣ удивительныхъ приключеній, въ которыхъ видѣлъ непосредственное вмѣшательство божественнаго перста, сдѣлался профессоромъ въ университетѣ. Его странная судьба, его своеобразныя представленія, его искреннее благочестіе, беззаботность, съ какой онъ жилъ въ своемъ твердомъ вѣрованіи, его оригинальныя воззрѣнія на Промыслъ — все это дѣлало его для такихъ людей, какъ Гете и Гердеръ, любопытнѣйшимъ субъектомъ. Они побудили его описать свою жизнь (1778). Эта автобіографія, написанная сквернымъ языкомъ, есть верхъ нелѣпости, хотя съ ней могутъ потягаться и сантиментальные романы, причуды Kraft-Genies и кривлянье юмористовъ. Для извѣстныхъ классовъ книга эта просто составила эпоху, и Юнгъ-Штиллингъ пріобрѣлъ очень скоро гораздо больше значенія, чѣмъ заслуживалъ по своимъ умственнымъ способностямъ, познаніямъ и талантамъ. Это подстрекнуло его приняться за сочинительство мистическихъ романовъ, совершенно пошлыхъ и ничтожныхъ.

1) Исторіографія.

Между нѣмецкими исторіографами второй половины прошлаго столѣтія Пюттеръ былъ истиннымъ представителемъ чуждаго жизни университетскаго образованія и ученыхъ стремленій, сохранившихся въ нѣмецкихъ университетахъ даже послѣ революціи въ нѣмецкой литературѣ и воспитаніи. Пюттеръ читалъ въ Геттингенѣ лекціи германскаго права и государственной исторіи Германіи; эти лекціи привлекали множество слушателей; кромѣ того онъ излагалъ и печатно свою историко-юридическую мудрость. Его государственная исторія Германіи по справедливости считалась идеаломъ единственнаго рода національной исторіи, существовавшаго тогда въ Германіи—исторіи документальной и юридической; объ изслѣдованіи внутренняго развитія, о живомъ усвоеніи жизни и людей не было тогда рѣчи. Вмѣстѣ съ Пюттеромъ въ Геттингенѣ читалъ лекціи Гаттереръ. Онъ оказалъ дѣйствительную заслугу прогресу нѣмецкаго просвѣщенія своими географическими трудами.

Два другіе геттингенскіе профессора Шлецеръ и Шпиттлеръ были гораздо важнѣе Пюттера и Гаттерера. Шлецеръ оказалъ услугу прогресу Германіи на пути свободной жизни своимъ періодическимъ изданіемъ, о которомъ мы скажемъ ниже. Его всемірная исторія также имѣетъ значеніе. Эта книга явилась почти одновременно съ Гердеровой философіей исторіи, но относится къ ней, какъ проза къ поэзіи. Шлецеръ понималъ только внѣшнюю, матеріальную сторону жизни; онъ признавалъ только чувственно великое и физически сильное и почти не считалъ существенными качествами человѣка фантазію, чувство, великодушіе. Въ своихъ историческихъ сужденіяхъ онъ обращалъ вниманіе исключительно на хорошее управленіе, порядокъ, безопасность и юстицію. Поэтому онъ питалъ отвращеніе къ безпокойнымъ, неподчиняющимся полицейскимъ уставамъ грекамъ, зато китайцевъ, монголовъ, турокъ и русскихъ считалъ достойными тщательнаго изученія, высоко цѣнилъ Петра Великаго, Лудвига Эрнста Брауншвейгскаго, лорда Норта и, напротивъ того, бранилъ Франклина, Лафайета и голландскихъ патріотовъ. Впрочемъ, при всей односторонности своего міросозерцанія, Шлецеръ пріобрѣлъ большую заслугу. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые подготовили путь исторіографіи, требуемой нашимъ временемъ, введя въ нѣмецкую ученую исторіографію основанія Болингброка и Вольтера (стр. 303 и 307). Въ то время какъ Шлецеръ смотрѣлъ на явленія жизни исключительно съ реальной стороны, Шпиттлеръ писалъ въ духѣ времени, жаждавшаго свободныхъ учрежденій. Онъ началъ съ изслѣдованія церковной исторіи и каноническаго права и рано издалъ руководство къ церковной исторіи, которое, какъ и всѣ его сочиненія, было предназначено для образованной публики. Въ этой книгѣ онъ осязательнымъ образомъ изображаетъ надувательства іерархіи и вооружается не только противъ папизма, но и противъ пасторства вообще, слѣдовательно, и противъ фанатизма протестантскаго духовенства и его стремленій удержать народъ неизмѣнно при мѣрѣ въ катехизисы. Впослѣдствіи Шпиттлеръ вполнѣ предался политической исторіи. Онъ написалъ спеціальныя исторіи нѣкоторыхъ нѣмецкихъ государствъ и писалъ такъ, что, взявъ вопросъ съ чисто политической стороны, дѣлалъ разсмотрѣніе его полезнымъ для свободнаго движенія въ государственной жизни, хотя въ то же время, какъ человѣкъ, имѣвшій въ виду сдѣлаться министромъ, при всей своей любви къ истинѣ не шелъ дальше извѣстнаго предѣла. Онъ исторически показывалъ нѣмецкимъ бюргерамъ, какъ надо поступать, чтобы по примѣру предковъ защищать свои права противъ чиновниковъ и олигархіи привиллегированныхъ классовъ. Во всеобщей исторіи онъ также преимущественно отмѣчалъ успѣхи политической свободы.

По тому же пути слѣдовалъ Домъ, который, къ сожалѣнію, слишкомъ рано удалился въ практическую жизнь и потому оставилъ только одно сочиненіе — «Достопамятности изъ исторіи своего времени». Эта книга, т. е. исторія, но написанная не по документамъ и неписаннымъ источникамъ, а по непосредственному наблюденію, есть единственное нѣмецкое сочиненіе въ этомъ родѣ; въ нѣ-

мецкой литературѣ нѣтъ другаго, гдѣ государственный человѣкъ писалъ бы о политическихъ событіяхъ своего времени просто, ясно, откровенно и честно. У Дома нѣтъ и слѣда ни софистики, ни риторики. Исторія разсматривается съ точки зрѣнія свободномыслящаго нѣмецкаго государственнаго человѣка и нигдѣ не обращена въ политическія назиданія, какъ у доктринеровъ.

Домъ служилъ нѣкоторое время въ Касселѣ въ одномъ высшемъ учебномъ заведеніи, которое было тамъ основано, но скоро закрыто. Въ этомъ же заведеніи въ то же время служили двое людей, совершенно различныхъ по характеру, стремленіямъ и судьбѣ, Георгъ Форстеръ и Іоганнъ фонъ Мюллеръ. Форстеръ, одинъ изъ величайшихъ героевъ Германіи, былъ благороденъ любилъ свободу, жилъ бѣдственно и умеръ въ отчаяніи, потому что лелѣялъ прекрасныя мечты о человѣческихъ правахъ и слишкомъ поздно узналъ жесткую дѣйствительность. Іоганнъ фонъ Мюллеръ былъ софистъ, риторъ и холопъ, пользовался громкой славой, какъ исторіографъ, и блаженствовалъ подъ милостями высшаго дворянства. Онъ написалъ Исторію Швейцаріи, стоившую ему великаго труда и наполненную ученостію и цитатами. Это было, что теперь называется объективная исторія, написанная выверченнымъ слогомъ. Мюллеръ прославлялъ въ ней швейцарскую свободу и представилъ въ блестящемъ свѣтѣ учрежденія, нравы и законы среднихъ вѣковъ. Она доставила ему необыкновенную славу между учеными и знатью. Но эта слава имѣла очень вредное вліяніе, въ чемъ и состоитъ все значеніе книги. Извѣстность Мюллера побудила цѣлое поколѣніе писателей подражать ему и даже пойти дальше его. Что за тварь былъ этотъ Мюллеръ, видно изъ того, что послѣ прославленія свободныхъ швейцарцевъ и ихъ героевъ онъ игралъ роль придворнаго въ Майнцѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ и наконецъ былъ даже министромъ Іеронима Бонапарта, причемъ также усердно защищалъ бонапартизмъ, какъ прежде іерархію и феодальную аристократію.

m) Отношеніе литературы къ правительствамъ и къ журналистикѣ.

О свободѣ прессы, о гласности, о свободной жизни, конечно, нельзя было и думать въ государствѣ, гдѣ всѣ учрежденія составляли полнѣйшее противорѣчіе всему этому. Поэтому для Германіи было великимъ счастіемъ, что многіе государи и министры, по примѣру Іосифа II и Фридриха Великаго, покровительствовали прогресу націи.

Пока былъ живъ Фридрихъ Великій, прусское правительство благопріятствовало и содѣйствовало прогресу. Подъ его защитой и къ великой досадѣ всѣхъ обскурантовъ, въ Берлинѣ выходила Всеобщая Нѣмецкая Библіотека. Оно опредѣлило деиста Эбергарта профессоромъ въ Галле и дало убѣжище преслѣдуемому Барту. Мелкія правительства, кромѣ имперскихъ городовъ, также покровительствовали прогресу, глядя на императора и на прусскаго короля или, какъ государи дессауской и баденскій, изъ благороднаго искренняго сочувствія. Въ Брауншвейгѣ, Лессингъ и Мовильонъ, преслѣдуемый какъ иллюминатъ и революціонеръ, нашли защиту въ герцогѣ, пока позволяли обстоятельства. Въ Веймарѣ вдовствующая герцогиня Анна Амалія и ея сынъ, Карлъ Августъ, окружили себя людьми, какъ Гете, Гердеръ и Шиллеръ, создавшіе истинную поэзію.

Даже въ католическихъ владѣніяхъ правительства приняли участіе въ передовыхъ ученыхъ и выказали рвеніе къ просвѣщенію и улучшеніямъ. Въ мрачной мюнстерской странѣ благородный министръ Фюрстенбергъ старался ввести новый порядокъ въ свѣтскихъ и духовныхъ дѣлахъ. Въ Пфальцѣ при Карлѣ Теодорѣ, который тамъ былъ окруженъ совершенно иными совѣтниками, чѣмъ впослѣдствіи въ Баваріи, Мангеймъ былъ долгое время центромъ нѣмецкой музыки и нѣмецкой драматической поэзіи. Въ Эрфуртѣ, еще принадлежавшемъ къ курфиршеству майнцскому, университетъ изъ вертепа поборниковъ злоупотребленій превратился въ убѣжище смѣлыхъ защитниковъ новаго свѣта. Даже Бартъ былъ тамъ нѣкоторое время профессоромъ. Городъ этотъ поднялся при Карлѣ фонъ Дальбергѣ, который прожилъ въ немъ много лѣтъ съ 1772 въ качествѣ на-

мѣстника курфирста. Здѣсь жилъ даже нѣкоторое время Виландъ. Дальбергъ пріобрѣлъ себѣ тогда репутацію нѣмецкаго Мецената, былъ боготворимъ, какъ благородный, свободномыслящій человѣкъ, и присоединился къ той части иллюминатовъ, которая хотѣла возвратить католическую религію къ ея первоначальной чистотѣ. Въ самомъ Майнцѣ предшественники Дальберга на архіепископскомъ престолѣ, Эмерихъ Іосифъ и Карлъ Іосифъ, усердно старались изгнать изъ своего курфиршества духъ среднихъ вѣковъ. Карлъ Іосифъ, чтобы пробудить новую жизнь въ майнцскомъ университетѣ, собралъ въ немъ нѣсколько знаменитыхъ людей, частью даже протестантовъ, какъ Іоганнъ фонъ Мюллеръ и Георгъ Форстеръ. Въ Кёльнѣ, Трирѣ, Бамбергѣ и Вюрцбургѣ также обнаружилось вліяніе новаго свѣта.

Что касается періодическихъ изданій, то мы уже упоминали о «Всеобщей нѣмецкой библіотекѣ» (стр. 289). Этотъ журналъ Николаи былъ органомъ ученыхъ. Въ 1773 Виландъ и Ф. Г. Якоби основали журналъ для беллетристической литературы. Новый журналъ, какъ показывало его названіе «Нѣмецкій Меркурій», былъ подражаніе французскому «Mercure de France» и, подобно ему, былъ назначенъ для знатной публики. Это была просто спекуляція, потому что Виландъ, насколько впрочемъ допускалъ его вообще честный характеръ, не пренебрегалъ никакими купеческими замашками, чтобы доставить своимъ произведеніямъ побольше публики и этимъ пріобрѣсти себѣ и своему семейству внѣшнее обезпеченіе. Основывая журналъ, Виландъ и Якоби имѣли въ виду издавать свои произведенія дешевымъ способомъ и безъ риску; кромѣ того Виландъ своимъ уважаемымъ именемъ долженъ былъ помогать распространенію трудовъ братьевъ Якоби, а за это Ф. Г. Якоби обязался не только сотрудничать у него, но въ случаѣ надобности и помогать ему деньгами. Ясно, стало быть, что отъ «Нѣмецкаго Меркурія» нельзя было ожидать хорошаго вліянія на государство, жизнь и литературу.

Иное дѣло журналъ Шлёцера, который онъ издавалъ съ 1775 подъ названіемъ «Переписки», а съ 1782 подъ новымъ заглавіемъ «Государственныхъ Вѣдомостей». Шлёцеръ былъ, правда, запальчивъ, одностороненъ и не совсѣмъ безпристрастенъ въ своихъ приговорахъ; но какъ человѣкъ очень правдивый, онъ былъ врагомъ всѣхъ обскурантовъ и горячимъ защитникомъ естественнаго права и здраваго человѣческаго смысла. Онъ посвятилъ свой журналъ не наукѣ и учености, а самой жизни, избравъ цѣлью своей журнальной дѣятельности исправленіе правительственныхъ порядковъ. Не смотря на природную горячность и страстность, онъ имѣлъ однако благоразуміе, необходимое при тогдашнемъ состояніи нѣмецкой прессы. Это онъ доказалъ съ самаго начала тѣмъ, что не касался ганноверскихъ дѣлъ. Его журналъ имѣлъ необычайное значеніе, тѣмъ болѣе, что Шлёцеръ только сообщалъ факты. Онъ нападалъ то на городскихъ аристократовъ, то на деспотовъ въ рясахъ и на іезуитовъ, то на высокоблагородныхъ имперскихъ дворянъ. Напрасно обиженные обращались съ жалобами къ государю Шлёцера, королю Георгу III Англійскому; королю нравились «Государственныя Вѣдомости», потому что Шлёцеръ нарочно бранилъ сѣвероамериканцевъ. Императоръ Іосифъ II также очень благосклонно смотрѣлъ на борьбу Шлёцера съ іезуитами и на его бичеваніе духовныхъ злоупотребленій. Наконецъ всѣ понемногу убѣдились, какъ выгодно извлечь на свѣтъ Божій то, что до сихъ скрывалось чиновниками и канцеляріями во мракѣ таинственности.

Одновременно съ журналомъ Шлёцера возникъ другой, предназначенный для національной литературы; это былъ «Нѣмецкій музей», основанный Домомъ и редактированный сначала имъ и Бойе, а потомъ однимъ Бойе. Это былъ безспорно лучшій популярный журналъ, какой когда-либо выходилъ въ Германіи. Въ «Нѣмецкомъ Музеѣ» самые замѣчательные нѣмецкіе прозаики помѣщали свои первыя работы, какъ «Альманахъ музъ», также редактируемый Бойе, заключалъ въ себѣ лучшія произведенія легкой поэзіи. Сотрудники «Нѣмецкаго музея» очень расходились между собой по направленію, образованію и образу мыслей, но всѣ сходились въ одномъ — въ усердіи къ духовному возрожденію націи. Бойе и Домъ владѣли всѣми качествами, необходимыми, чтобы вести подобное предпріятіе; ихъ уважала вся Германія; они обладали вкусомъ, большими, разносторонними познаніями и, что рѣдкость въ нѣмецкихъ ученыхъ, вѣрнымъ практиче-

скимъ тактомъ. Искренняя дружба, которая соединяла тогда всѣхъ прогрессивныхъ людей, иногда даже лично незнакомыхъ, облегчала имъ трудъ.

Даже гёттингенская ученая аристократія нашла необходимымъ выйдти изъ своей гордой замкнутости и содѣйствовать новой, всеобщей духовной жизни. Оно издавало подъ руководствомъ Георга Форстера и Лихтенберга «Гёттингенскій магазинъ науки и литературы», періодическое изданіе, которое, какъ и «Нѣмецкій музей», до сихъ поръ не потеряло литературнаго достоинства. Главною его цѣлью было сдѣлать доступными народу нѣкоторыя части знанія и въ то же время противодѣйствовать модной чувствительности, бреднямъ и ханжеству. Всѣ гёттингенскіе профессоры, чувствовавшіе въ себѣ способность писать въ духѣ времени, доставляли въ него статьи, при чемъ показали себя практически способнѣе, чѣмъ прославленные Базедовъ и Кампе и сентиментальные книжные фабриканты того времени. Даже зарывшійся въ документы и фоліанты историкъ и правовѣдъ Пюттеръ и старый богословъ Михаэлисъ не отставали отъ товарищей. Кестнеръ далъ статью о Кетлерѣ, гдѣ старался доказать необходимость для Германіи болѣе свободнаго порядка. Форстеръ доставилъ статьи объ Отаити и о Бюффонѣ, принадлежащія къ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ нѣмецкой прозаической литературы. Шлёцеръ и въ этомъ журналѣ, какъ и въ своемъ собственномъ, рѣзко возставалъ противъ злоупотребленій въ мелкихъ государствахъ. Гейне описывалъ упадокъ англійской школьной системы, чтобы показать нѣмцамъ, какъ необходимо преобразовывать время отъ времени университеты. Лихтенбергъ помѣстилъ между прочимъ свою лучшую сатиру «Посланіе луны къ землѣ», гдѣ нападаетъ въ высшей степени тонко и мѣтко на сантиментальную лихорадку восьмидесятыхъ годовъ. Другъ Лессинга, Реймарусъ, также участвовалъ въ этомъ журналѣ.

«Гёттингенскій историческій магазинъ» издавался Мейнерсомъ и Шпиттлеромъ позже, съ 1787. Шпиттлеръ съ перваго же тома показалъ, какъ ловко умѣетъ пользоваться начавшейся французской революціей, чтобы дать нѣмцамъ политическія понятія; къ сожалѣнію, онъ вскорѣ отказался отъ литературной дѣятельности и измѣнилъ себѣ и отечеству.

Нѣсколько лѣтъ ранѣе (1784) К. Ф. Мозеръ (стр. 285) уже пытался дѣйствовать подобнымъ образомъ посредствомъ своего «Патріотическаго архива». Но онъ не имѣлъ такого широкаго взгляда на государственныя науки и на исторію своего времени, какъ Шлёцеръ и Шпиттлеръ. Мозеръ смѣло обличалъ распутство дворовъ, произволъ судовъ и другія вопіющія злоупотребленія, но не для того, чтобы сообщить историческія свѣдѣнія, а съ назидательной цѣлью. Особенно заботился онъ объ уничтоженіи гнуснаго служенія изъ-за хлѣба, объ искорененіи ложныхъ понятій объ отношеніяхъ гражданъ къ службѣ, раболѣпнаго, чуждаго патріотизма чиновничьяго духа; онъ клеймилъ софистическихъ юристовъ и историковъ, которые, служа своимъ кормильцамъ, готовы защищать все, что угодно. Мозеръ старался указать главный источникъ, изъ котораго возникаетъ духъ холуйства и отсутствіе самостоятельности, отсутствіе патріотизма и недостатокъ нравственнаго мужества. Онъ полагалъ, что его слѣдуетъ искать въ условіяхъ университетовъ и ученой жизни, и потому рѣзко нападалъ на тщеславіе и цеховой духъ профессоровъ, на грубую студенческую жизнь, на ремесленный способъ занятій, состоящій единственно въ зубреніи.

Надо замѣтить, что все это говорилъ далеко не новаторъ, не саркастическій сатирикъ, не мечтатель, не либералъ, а сухой, зачерствѣлый, практическій, дѣловой историко-богословъ стараго закала, набравшійся опыта на чиновничьей службѣ у мелкихъ государей. Мозеръ даже вполнѣ принадлежалъ старому времени; онъ былъ ревностный приверженецъ стараго протестантизма и консисторіальной религіи, и потому, рядомъ съ своими запальчивыми нападеніями на старыя злоупотребленія, помѣщалъ благочестивыя статьи, которымъ настоящее мѣсто было скорѣе въ какомъ-нибудь нравоучительномъ трактатѣ, чѣмъ въ «Патріотическомъ архивѣ». Этимъ онъ вредилъ собственной цѣли сдѣлать то, чего самъ желалъ и чего требовало время.

Почти одновременно съ Мозеромъ началъ свой журналъ фонъ Гекингъ «О Германіи и для Германіи». Въ немъ, какъ въ англійскихъ газетахъ, внутренняя исторія нѣмецкихъ государствъ обсуживалась такъ, что предметомъ критики

были больше личности, чѣмъ общество, и все, чего нельзя было затронуть юридически, предавалось суду неподкупнаго человѣческаго разума. Такая попытка была въ высшей степени трудна даже для человѣка, который пользовался всюду уваженіемъ, какъ дворянинъ, патріотъ и поэтъ, и, какъ человѣкъ очень богатый, владѣлъ необходимыми средствами, чтобы приносить для своего журнала большія денежныя жертвы. Но Гёккингъ имѣлъ съ самаго начала столько непріятностей отъ своего смѣлаго предпріятія, что отказался отъ него уже въ 1785 и передалъ его своему другу, отважному соборному капитуларію, президенту фонъ Бибра въ Фульдѣ, который прежде былъ его товарищемъ по редакціи. Фонъ Бибра продолжалъ предпріятіе въ духѣ основателя. Гёккингъ началъ журналъ статьей, лучше которой нельзя было выбрать. Первые выпуски новаго журнала заключали корреспонденцію барона фонъ Мюнстеръ-Ландегге съ правительствомъ графовъ фонъ Гогенлое, недавно возведенныхъ въ князья; это былъ пресмѣшной споръ о мѣстничествѣ. Эта корреспонденція была замѣчательна не только по грубому канцелярскому тону тогдашнихъ чиновниковъ, но и потому, что давала понятіе о непостижимомъ чванствѣ и высокомѣріи тогдашняго иммедіатнаго дворянства,— качествахъ, кажется, опять воскресающихъ въ нынѣшней аристократіи.

Быстрый ходъ французской революціи положилъ конецъ этому органу гласности, какъ и журналу Шлёцера. Консервативный страхъ обуялъ государей, дворянство, всѣхъ привиллегированныхъ и въ томъ числѣ ученыхъ Германіи. Онъ породилъ реакцію, при которой свободное обсужденіе внутренней политики уже не могло имѣть мѣста.

XV. ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ

ДО ВОЙНЫ 1792 ГОДА.

---

1. До взятія Бастиліи (14 іюля 1789).

Пятаго мая было открыто собраніе государственныхъ сословій (Etats-généraux). Они начали свою дѣятельность при самыхъ серьезныхъ и сомнительныхъ обстоятельствахъ. Еще при выборахъ депутатовъ всюду проявлялось революціонное настроеніе; до открытія собранія былъ раззоренъ и сожженъ домъ одного богатаго аристократа въ Парижѣ. Въ числѣ представителей трехъ сословій были безспорно лучшіе люди Франціи, люди, получившіе образованіе въ старыхъ строгихъ французскихъ школахъ и обладавшіе не только знаніями, но и опытностью въ дѣлахъ. Собраніе распадалось на двѣ самыя крайнія партіи, какія тогда были; съ одной стороны, дворянство, кромѣ небольшаго числа людей либеральнаго направленія, прислало самыхъ ярыхъ противниковъ всякаго улучшенія, а съ другой—третіе сословіе избрало преимущественно приверженцевъ радикальныхъ преобразованій. Но демократическій элементъ бралъ перевѣсъ. Кромѣ депутатовъ третьяго сословія, въ числѣ депутатовъ духовенства было двѣсти пять священниковъ, которые большею частью по рожденію и направленію принадлежали къ третьему сословію. Изъ депутатовъ дворянства многіе, какъ Лафайетъ, были преданы господствовавшимъ политическимъ идеямъ; партія же старины была ослаблена отсутствіемъ двадцати одного депутата Бретани, потому что тамошнее дворянство, злясь на ходъ дѣлъ, не произвело выборовъ.

Въ числѣ депутатовъ третьяго сословія было до двухсотъ адвокатовъ—количество безспорно черезъ-чуръ большое, потому что этотъ классъ людей привыкъ и принужденъ придавать самому неправому дѣлу хорошій оттѣнокъ и защищать его софистикой и риторикой. Между ними былъ и старшій Робеспьеръ изъ Арра; впрочемъ въ первомъ національномъ собраніи онъ игралъ весьма незначительную роль. Еще пагубнѣе этого множество адвокатовъ вліяли самые благороднѣйшіе члены собраніи, именно тѣ люди, которые защищали право, добродѣтель и свободу и явились, бредя и мечтая, въ общество людей себѣ на умѣ. Они заблуждались тѣмъ легче, чѣмъ прямѣе и чище было ихъ направленіе, чѣмъ болѣе придавали они вѣса словамъ и системамъ, и чѣмъ менѣе знали людей. Изъ благородныхъ идеалистовъ и теоретиковъ перваго времени французской революціи Лафайетъ, напримѣръ, былъ готовъ пожертвовать всѣмъ за свои убѣжденія. Онъ оставался до конца жизни вѣренъ мечтѣ своей молодости, что для него было, конечно, весьма доблестно, но для праваго дѣла часто пагубно. Такимъ же фанатическимъ одушевленіемъ и такой же неизмѣнной вѣрностью своему идеалу отличался священникъ, впослѣдствіи епископъ Грегуаръ, ярый янсенистъ. То былъ человѣкъ чудной души, истинный энтузіастъ, но безъ всякаго знанія свѣта и людей. Онъ прибылъ изъ своего далекаго деревенскаго прихода въ испорченный парижскій свѣтъ и въ своемъ благочестивомъ фанатизмѣ противъ двора, папизма и безнравственности съ самаго начала проявилъ самое демократическое направленіе. Барнавъ сначала также былъ благороднымъ энтузіастомъ, но потомъ перешелъ отъ респуб-

лики къ монархіи, послѣ того какъ проводилъ (въ іюнѣ 1791), по порученію національнаго собранія, короля Лудовика въ Парижъ изъ его несчастной попытки бѣжать. За это во время террора его казнили. Той же участи подвергся Бальи за филантропическое тщеславіе и сантиментальное одушевленіе, вызвавшее его изъ кабинета къ практической политической дѣятельности. Бальи былъ очень ученый астрономъ и кромѣ того прославился сочиненіемъ «О происхожденіи искусствъ и наукъ», гдѣ также теоретически увлекался прошедшимъ, какъ впослѣдствіи настоящимъ, когда сдѣлался депутатомъ города Парижа въ національномъ собраніи.

Депутаты, принадлежавшіе къ классу энтузіастовъ, сами того не замѣчая, служили пѣшками людямъ совершенно противоположнаго разряда, но въ которыхъ было достаточно хитрости, знанія людей и смѣтливости, чтобы овладѣть и руководить движеніемъ. Самые замѣчательные изъ этихъ людей были графъ де Мирабо и епископъ отенскій, Талейранъ-Перигоръ. Въ отношеніи знанія свѣта и средствъ дѣйствовать въ немъ, какъ и въ нравственномъ отношеніи, оба они были совершенно равны; но первый былъ все-таки благороднѣе и былъ искренный патріотъ. Они оба принадлежали къ высшей аристократіи и были до того запутаны въ долгахъ, что не могли болѣе вести жизнь знатныхъ господъ. Оба были люди практическіе, смѣялись надъ всякаго рода нравственными и политическими идеалами и пользовались своими способностями, опытностью и связями, чтобы доставлять себѣ средства къ блеску и наслажденіямъ. Мирабо былъ сынъ поклонника политической экономіи Кэне и провелъ молодость въ развратѣ и порокахъ самаго дурнаго свойства; однако онъ не забывалъ укрѣплять свой умъ необыкновенною дѣятельностью, пріобрѣтая глубокое знаніе человѣческихъ страстей, слабостей и интригъ не изъ книгъ, а изъ житейскаго опыта. Своими кутежами и распутствомъ онъ такъ ожесточилъ своего отца, человѣка въ высшей степени горячаго, тирана въ отношеніи жены и дѣтей, что тотъ запряталъ его надолго въ тюрьму, добывъ на это королевскій указъ (lettre de cachet). Потомъ молодой Мирабо соблазнилъ одну знатную замужнюю даму и бѣжалъ съ нею въ Голландію, гдѣ постыдно измѣнилъ ей и бросилъ ее. Въ Голландіи онъ пріобрѣталъ средства къ существованію литературой. Отецъ его между тѣмъ преслѣдовалъ его, какъ позорное пятно своей фамиліи, и въ 1777 молодой Мирабо былъ арестованъ, привезенъ во Францію и снова посаженъ на нѣсколько лѣтъ въ тюрьму. Освободившись, онъ поступилъ на службу къ правительству знатнымъ шпіономъ при разныхъ дворахъ, особенно при прусскомъ. Это коротко познакомило его съ нѣмецкими дворами, государственнымъ правомъ и учрежденіями, и дало ему довольно рѣдкое тогда преимущество. Талейранъ также обладалъ имъ, изучивъ все это во время своего студенчества въ страсбургскомъ университетѣ. Когда начались выборы въ собраніе государственныхъ сословій, правительство могло бы подкупить Мирабо также легко, какъ подкупило впослѣдствіи; но дворяне его провинціи, Прованса, не только не выбрали его въ депутаты, а даже исключили изъ своей среды, какъ недостойнаго. Отвергнутый дворянствомъ, Мирабо принялся играть роль борца за права третьяго сословія. Чтобы попасть въ депутаты третьяго сословія города Э, Мирабо промѣнялъ свой графскій титулъ на званіе мѣщанина и торговца сукнами. Его выбрали, хотя, конечно, не за эту перемѣну, а потому что фамилія Мирабо была въ Э очень извѣстна, и самъ онъ, какъ прозелитъ, подавалъ большія надежды.

Рядомъ съ Мирабо и Талейраномъ отличался между такъ называемыми практическими людьми аббатъ Сіэйсъ. Онъ прославился учеными работами, какъ діалектикъ и софистъ, потомъ пріобрѣлъ громкую славу, какъ публицистъ, нѣсколькими политическими сочиненіями. Во время собранія нотаблей въ 1778 онъ издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ «Что такое третье сословіе?», гдѣ живо и ясно развивалась любимая современная тема, что только третье сословіе есть нація. Сочиненіе это было распространено богатыми людьми въ безчисленномъ множествѣ экземпляровъ и доставило автору такое значеніе, что онъ былъ избранъ депутатомъ отъ Парижа. Онъ во все время революціи игралъ роль въ высшей степени ловкаго софиста, пріобрѣлъ большое значеніе и вѣсъ, особенно тѣмъ, что умѣлъ находить среди растянутыхъ рѣчей другихъ и среди шаткихъ взглядовъ на текущія событія вѣрную точку зрѣнія и мѣткое словцо; метафизи-

ческій туманъ, въ который онъ кутался, доставлялъ ему видъ оракула, краткія и острыя изрѣченія котораго неразъ рѣшали вопросы. На ряду съ Сійэсомъ, Мирабо и Талейраномъ едва ли стоитъ упоминать про герцога Орлеанскаго, хотя ему также приписывали большое значеніе. Все его вліяніе на революцію въ сущности ограничивалось тѣмъ, что ловкіе люди умѣли вытягивать изъ него суммы, шедшія на поощреніе движенія. У него никогда не было ни партіи, ни твердаго плана, а если бы и былъ какой-нибудь планъ, то онъ по непослѣдовательности не могъ бы вести его.

Что касается правительства, то тамъ были лишь слабость, раздоры и колебанія. Дворъ и правительство сами помогали движенію. Неккеръ, тогда самый значительный человѣкъ въ министерствѣ, дѣлалъ это сознательно и намѣренно, потому что, при ненависти къ нему двора, не могъ достигнуть своихъ цѣлей иначе, какъ доставивъ перевѣсъ третьему сословію; онъ содѣйствовалъ революціи, но потомъ уже, конечно, не могъ остановить движеніе. Самъ король былъ изъ числа тѣхъ такъ называемыхъ добрыхъ людей, которые подчиняются всякому вліянію, соглашаются со всякимъ мнѣніемъ, вѣчно служатъ игрушкою пройдохамъ Онъ постоянно колебался то туда, то сюда, смотря по тому, кто бралъ надъ нимъ верхъ—принцы, царедворцы или сила событій. Вожди движенія давно знали, что послѣдовательностью отъ него можно добиться всего, а иначе ничего. Король и его окружающіе совершенно не понимали положенія дѣлъ. Вмѣсто того, чтобы по крайней мѣрѣ хотя наканунѣ собранія членовъ скрыть различіе между сословіями и прикрыть привиллегіи, о которыхъ такъ кричали, они выставляли ихъ напоказъ самымъ рѣзкимъ образомъ на аудіенціи, данной 4 мая депутатамъ. Для этой аудіенціи дворянству былъ предписанъ великолѣпный костюмъ, а третьему сословію—самый простой; первыя два сословія были приняты въ главной залѣ, а третье—въ другой комнатѣ; для первыхъ открывали обѣ половинки дверей, а для послѣдняго только одну. Кромѣ того общее неудовольствіе и смутное положеніе дѣлъ были очевидны изъ инструкцій (cahiers), данныхъ депутатамъ избирателями. Изъ нихъ видно, что народъ въ смятеніи, охватившемъ уже все, стремился къ неопредѣленному, теоретическому и потому недосягаемому идеалу. При такихъ условіяхъ и самое твердое правительство едва ли могло бы остановить потокъ.

Тотчасъ, по открытіи собранія (5 мая) при провѣркѣ полномочій, возникъ споръ о вопросѣ, обсуждать ли и рѣшать ли сословіямъ каждому особо, или всѣмъ тремъ соединиться въ одно собраніе. Этотъ споръ ясно показалъ безсиліе правительства и нравственный перевѣсъ третьяго сословія. Министры въ своихъ вступительныхъ рѣчахъ не рѣшились требовать соединенія трехъ сословій, а только намекали, что оно желательно. Депутаты же третьяго сословія въ короткое время съумѣли осуществить это желаніе. Они съ самаго начала создали себѣ силу, которою запугали правительство и такимъ образомъ достигли всего. Достичь этой силы имъ помогло само правительство, дозволивъ избирателямъ остаться въ сборѣ и предпринимать дальнѣйшія дѣла, кромѣ выборовъ. Такимъ образомъ организовались политическіе клубы, считавшіе себя представителями своихъ согражданъ и дѣйствовавшіе сообразно этому. Парижское избирательное собраніе третьяго сословія уже 8 мая позволило себѣ формально протестовать противъ государственнаго совѣта. Черезъ два дня оно объявило себя безсмѣннымъ, т. е. придало себѣ значеніе какъ бы втораго національнаго собранія. Уже въ іюнѣ, не смотря на приказаніе правительства закрыть собраніе, депутація его была почетно принята настоящимъ національнымъ собраніемъ. Предводители движенія съ самаго начала прибѣгли къ народной помощи. Уже 9 мая парижское избирательное собраніе третьяго сословія допустило на свои засѣданія депутацію рыбныхъ торговокъ; вслѣдъ за нею допустили депутацію фруктовщицъ, а потомъ рыночныхъ торговокъ (dames de la halle), которыя благодарили собраніе за его протестъ и поручили его попеченію интересы народа.

Гласность засѣданій и печатаніе протоколовъ о дѣйствіяхъ сословій помогли въ маѣ достиженію того, къ чему стремились руководители третьяго сословія. Въ собраніи сословій публика, состоявшая преимущественно изъ работниковъ, рукоплескала всякому смѣлому слову, а между тѣмъ за дверями залы наносились оскорбленія членамъ аристократическаго направленія. Печатаніе преній распространило газеты, издаваемыя въ самомъ революціонномъ направленіи, и всѣ раз-

говоры въ частныхъ кружкахъ вертѣлись исключительно на политическихъ вопросахъ партій.

Споръ о раздѣльной или общей повѣркѣ полномочій длился цѣлый мѣсяцъ. Всѣ невыгоды его пали исключительно на ненавистное большинство депутатовъ двухъ первыхъ сословій, потому что меньшинство ихъ, руководимое Талейраномъ, Грегуаромъ, Лафайетомъ и герцогомъ Орлеанскимъ, сильно поддерживало третье сословіе. Споръ кончился, только когда депутаты третьяго сословія, достаточно увѣрившись въ благопріятномъ настроеніи французскаго народа и въ слабости правительства, сочли возможнымъ сдѣлать рѣшительный шагъ съ полной увѣренностью въ послѣдствіяхъ. Іюня 10 третье сословіе рѣшило принять имя Національнаго Собранія, если другія сословія не явятся къ нему для провѣрки полномочій. Черезъ два дня это рѣшеніе было приведено въ исполненіе, чему помогло несогласіе между духовенствомъ и дворянствомъ. Іюня 13 къ собранію третьяго сословія присоединилось трое священниковъ, а въ слѣдующіе дни еще шестнадцать, 16 и 17 Сійэсъ и Мирабо, главные вожаки третьяго сословія, увлекли его на послѣдній шагъ, открывшій революцію. Депутаты гражданъ объявили, что собраніе, состоящее изъ представителей девяноста шести сотыхъ всей націи, не можетъ долѣе оставаться въ бездѣйствіи изъ-за упрямства депутатовъ извѣстныхъ классовъ и что потому, они соединяются подъ именемъ Національнаго Собранія, какъ представители французскаго народа, и не разойдутся, пока не кончатъ преобразованія государства. Чтобы обезпечить себя со стороны правительства, Собраніе приняло другое рѣшеніе при чемъ употребило выраженіе décréter, издавать указъ, какъ до сихъ поръ выражалось только правительство. Было постановлено, что всѣ взимаемые налоги беззаконны, потому что установлены безъ согласія народа, и что депутаты дозволяютъ взыскивать ихъ только на время существованія Собранія. Это былъ намекъ двору, чтобы онъ не вздумалъ распустить собраніе. А чтобы увлечь въ интересы собранія народъ и капиталистовъ, къ постановленію этому было присовокуплено, что Національное Собраніе изслѣдуетъ причины господствующей дороговизны и берется правильно выплачивать проценты государственнаго долга до учрежденія новой конституціи.

Король испугался этого рѣшенія и высказалъ свое неудовольствіе на него. Но остановить движеніе было уже невозможно, и послѣдній поступокъ третьяго сословія перенесъ при громкомъ сочувствіи народа верховное значеніе съ короля на представителей народа. Дворъ придумалъ устроить королевское засѣданіе всѣхъ трехъ сословій и совершенно неожиданно объявить на немъ конституцію, изобрѣтенную правительствомъ. Надо было сдѣлать разныя приготовленія къ этому засѣданію и для этой цѣли отмѣнить засѣданія трехъ сословій 20 и 21 іюня. Странно, что президентъ Національнаго Собранія, Б а л ь и, получилъ офиціальное увѣдомленіе объ отмѣнѣ засѣданія 20 іюня только за нѣсколько минутъ до сбора депутатовъ. Вслѣдствіе этого большинство депутатовъ уже собралось у входа въ залу Собранія, но нашли ее запертой и окруженной стражей. Депутаты рѣшились противиться слабому правительству. Они отправились, сопровождаемые громадной толпой, въ королевскую з а л у д л я и г р ы в ъ м я ч ъ, держали тамъ совѣщаніе, стоя, и единогласно приняли рѣшеніе, которымъ формально провозгласили власть народа. Въ этомъ постановленіи, подписанномъ и клятвенно утвержденномъ всѣми депутатами, было сказано: «Національное Собраніе имѣетъ цѣлью дать государству новую конституцію; поэтому оно не можетъ допустить никакого препятствія къ продолженію своихъ совѣщаній; всѣ члены обязуются присягою не расходиться и собираться тамъ, гдѣ потребуютъ обстоятельства, пока конституція не будетъ окончена и утверждена на прочномъ основаніи». На слѣдующій день сто сорокъ депутатовъ духовенства присоединились къ третьему сословію, такъ что теперь большинство духовенства было соединено съ гражданами. Примѣру ихъ послѣдовали двое членовъ дворянскаго сословія, и сорокъ четыре дворянскихъ депутата протестовали противъ постановленій большинства своего сословія.

23 іюня происходило к о р о л е в с к о е з а с ѣ д а н і е. Хотя проектъ конституціи, который король представилъ сословіямъ въ этомъ засѣданіи, былъ составленъ Неккеромъ, но королева и ея партія такъ измѣнили его, что Неккеръ не призналъ его и, чтобы открыто показать это, не присутствовалъ на королевскомъ

засѣданіи. Вожаки собранія были извѣщены объ этомъ заранѣе либеральными вельможами. Акту конституціи предшествовали пятнадцать диктаторскихъ статей, направленныхъ противъ нововведеній и противъ затѣваемаго преобразованія государственнаго порядка. Король произнесъ рѣчь, продиктованную ему министрами; въ ней слышался угрожающій тонъ, совершенно несогласный съ слабымъ характеромъ короля; притомъ самъ Лудовикъ XV не позволилъ бы себѣ говорить подобнымъ тономъ съ прежнимъ парламентомъ. Королевская рѣчь заключалась слѣдующими словами: «Я приказываю вамъ, господа, немедленно разойтись, собраться завтра утромъ каждому сословію въ особой, назначенной для него залѣ и тамъ продолжать свои засѣданія. Повелѣваю моему оберъ-церемоніймейстеру распорядиться приготовить эти залы». Послѣ этихъ словъ король вышелъ изъ собранія, подавъ ими сигналъ къ революціи; они только показали націи, что изъ нея возникла болѣе могучая власть, чѣмъ власть короля. Эти слова были бы умѣстны только въ такомъ случаѣ, если бы засѣданіе окружили солдатами и, какъ Бонапартъ 19 брюмера VIII года, разогнали депутатовъ штыками.

Не смотря на королевское повелѣніе разойтись, депутаты третьяго сословія остались въ залѣ. Ихъ президентъ, Бальи, съ своими академическими фразами и сантиментальнымъ патріотизмомъ не годился дѣйствовать въ такую критическую минуту. Тогда Мирабо, присвоивая роль президента, заговорилъ противъ правительства неслыханнымъ тономъ. Своимъ громовымъ голосомъ онъ крикнулъ оберъ-церемоніймейстеру: «Вы, милостивый государь, не можете служить представителемъ короля передъ Національнымъ Собраніемъ; вы не имѣете здѣсь ни мѣста, ни голоса, ни права напоминать намъ слова короля. Мы собрались здѣсь по волѣ народа, и прогнать насъ отсюда можно только штыками.» Король, которому врядъ ли доподлинно передали эти слова, поступилъ также безхарактерно и вяло, какъ въ 1787 въ парламентѣ съ наглымъ герцогомъ Орлеанскимъ (стр. 269). Когда ему доложили о сопротивленіи депутатовъ его повелѣнію, онъ отвѣчалъ: «Ну, если господа депутаты третьяго сословія не хотятъ уходить изъ залы, такъ пускай остаются!» Это поощрило депутатовъ республиканскаго направленія принять смѣлое рѣшеніе, придавшее бодрость и робкимъ членамъ. Всѣ депутаты были объявлены неприкосновенными, и всѣ чиновники, военные и гражданскіе, которые исполнили бы противъ нихъ какой-нибудь приказъ, признаны подлежащими строгому взысканію.

На упорное сопротивленіе депутатовъ король отвѣчалъ уступками, хотя прежде, когда его просили, упрямился. Народъ и солдаты съ этихъ поръ потеряли къ правительству и довѣріе, и страхъ. Король просилъ Неккера, вышедшаго было изъ министерства, снова принять управленіе дѣлами и согласился на одну мѣру, еще яснѣе выказавшую его безсиліе. Въ засѣданіяхъ 24, 25 и 26 іюня множество духовныхъ лицъ и депутатовъ изъ дворянъ, между ними герцогъ Орлеанскій и епископъ Талейранъ, перешли къ третьему сословію. Тогда 27 іюня король потребовалъ письмомъ, чтобы и остальное духовенство и дворянство послѣдовало этому примѣру. А между тѣмъ Національное Собраніе, президентъ его Бальи и Неккеръ, ставшій на нѣкоторое время кумиромъ народа, чествовались громкими криками при иллюминаціяхъ и фейерверкахъ и осыпались похвалами въ газетахъ.

Поступки Бальи, Неккера и тому подобныхъ грошовыхъ либераловъ ясно показываютъ, какъ глупы были эти люди и до чего они не понимали, куда идутъ. Бальи пустилъ въ Національное Собраніе депутацію парижскихъ избирателей, отвелъ ей даже почетное мѣсто, не подозрѣвая, конечно, какихъ посѣтителей увидитъ вскорѣ эта зала. Неккеръ, довольный самъ собой выше всего, тоже не видѣлъ настоящаго положенія дѣлъ и спокойно дозволялъ возбуждать въ Парижѣ народъ и склонять солдатъ къ непослушанію. Неккеру пришла даже въ голову мысль перенести въ Парижъ женевское учрежденіе, національную гвардію, т. е. доставить парижанамъ, уже образовавшимъ изъ своей избирательной коллегіи нѣчто въ родѣ особаго Національнаго Собранія, еще организованное войско. Вскорѣ разнесся слухъ, что дворъ хочетъ отставить Неккера и замышляетъ насильственныя мѣры; это заставило гражданъ запастись оружіемъ. Потомъ уговорили Національное Собраніе подать королю адресъ съ требованіемъ учредить національную гвардію во всемъ государствѣ; король еще не успѣлъ

отвѣтить, какъ всюду приступили къ формированію ея. Устройствомъ національной гвардіи очень спѣшили, потому что вожаки движенія знали о тайномъ замыслѣ двора стянуть въ Парижъ войска и разогнать Національное Собраніе.

Іюля 11 окружающіе слабаго короля уговорили его отставить Неккера и его товарищей и принудить ихъ немедленно выѣхать изъ Франціи. Мѣста ихъ были заняты придворными, готовыми на все. Этотъ поступокъ короля взволновалъ весь Парижъ. По всѣмъ улицамъ ходили толпы народа; фанатическіе защитники свободы принимали на себя предводительство ими или говорили имъ рѣчи, увлекая взволнованную массу въ открытое возстаніе. Придворная челядь, ослѣпленная высокомѣріемъ, отвѣчала на это самыми слабыми мѣрами. Она не заботилась даже о содержаніи войскъ и объ уплатѣ имъ жалованья и своимъ неразумнымъ и грубымъ обращеніемъ еще болѣе возмущала народъ. Даже гвардія была озлоблена на своихъ начальниковъ дворянъ и на прибытіе иностранныхъ полковъ, вызванныхъ правительствомъ въ Парижъ.

Изъ фанатиковъ, возбуждавшихъ тогда толпу демократическими рѣчами, всѣхъ вліятельнѣе былъ Камиль Демуленъ. Этотъ пылкій юноша писалъ увлекательныя брошюры и былъ въ то время главнымъ ораторомъ въ саду Пале-Ройяля, центрѣ сходокъ всѣхъ классовъ парижскаго населенія. Демуленъ первый сталъ проповѣдовать громко, что свободу можно пріобрѣсти и упрочить только убійствами и кровью; іюля 12 онъ устроилъ въ Пале-Ройялѣ каѳедру изъ стульевъ, призвалъ съ нея народъ къ оружію и самъ сталъ во главѣ толпы, которая двинулась по улицамъ и тотчасъ вступила въ бой съ войсками. При этомъ Демуленъ далъ патріотамъ отличительный знакъ, тѣсно соединившій ихъ и показавшій, какъ они многочисленны и какъ слаба противная партія. Знакъ этотъ былъ сначала зеленый листокъ или зеленая лента. Но такъ какъ зеленый цвѣтъ былъ цвѣтъ графа д'Артуа, то его тотчасъ перемѣнили на трехцвѣтную кокарду, краснаго и голубаго цвѣтовъ города Парижа и бѣлаго — королевскаго дома. Въ ночь съ 12 на 13 іюля нѣсколько сотъ гвардейцевъ примкнуло къ вооруженной толпѣ гражданъ. Этотъ переходъ нашелъ вскорѣ подражаніе, и французская армія стала быстро уничтожаться, потому что вскорѣ недовольные аристократическіе офицеры начали покидать службу. Распаденіе арміи навело такой ужасъ на колеблющееся правительство, что въ самую рѣшительную минуту оно удалило изъ города иностранные полки, появленіе и поведеніе которыхъ такъ оскорбило гвардію. Переходъ солдатъ къ народу имѣлъ самыя важныя послѣдствія, потому что новая парижская національная гвардія была организована унтеръ-офицерами регулярнаго войска, завѣдывавшими всѣмъ механизмомъ военной службы въ прежней арміи; изъ нихъ впослѣдствіи вышли величайшіе генералы революціоннаго времени.

Парижское избирательное собраніе воспользовалось распаденіемъ арміи и страхомъ, который это нагнало на правительство, чтобы взять въ руки управленіе городомъ. Оно принудило магистратъ, предсѣдателемъ котораго былъ до сихъ поръ купеческій голова (prévôt des marchands), назначаемый королемъ, принять въ свою среду людей изъ народа; и этотъ новый городской совѣтъ учредилъ постоянный комитетъ безопасности, распредѣленный на шестьдесятъ городскихъ округовъ и обязанный заботиться прежде всего объ устройствѣ національной гвардіи. Новое городское войско должно было состоять изъ шестнадцати легіоновъ и простираться числомъ до сорока восьми тысячъ человѣкъ. Оно было учреждено 13 іюля. Національное собраніе согласилось на учрежденіе парижской національной гвардіи и на измѣненіе городскаго управленія. Оно просило короля утвердить то и другое и удалить войска изъ Парижа; когда король не согласился, оно постановило враждебное ему рѣшеніе, побудившее градскую стражу, полицейскихъ солдатъ и всю гвардію, находившуюся въ Парижѣ, перейти въ національное войско.

Утромъ 14 іюля вооруженныя толпы парижскаго населенія напали на Домъ Инвалидовъ и принудили выдать имъ тридцать тысячъ ружей и двадцать пушекъ. Около полудня народная масса бросилась къ Бастиліи. Это былъ единственный пунктъ, съ котораго городъ можно было тревожить и откуда можно было облегчить войскамъ, стоявшимъ у воротъ на Марсовомъ полѣ, нападеніе на народъ. Вотъ почему Бастилію желали уничтожить и почему народъ направился

на нее. Но кромѣ того ему хотѣлось также раздѣлаться съ гнусной тюрьмой, гдѣ томилось безчисленное множество жертвъ произвола. Будь въ Бастиліи хорошій гарнизонъ, народъ побоялся бы напасть на нее; но въ ней было всего тридцать два швейцарца и восемьдесятъ шесть инвалидовъ. Въ нападеніи національная гвардія не участвовала. Его вела вооруженная толпа горожанъ, къ которой присоединилось нѣсколько королевскихъ гвардейцевъ. Губернаторъ Бастиліи, маркизъ де Лоне, дѣйствовалъ вяло. Онъ не осмѣлился ни какъ слѣдуетъ защищать ввѣренную ему крѣпость съ опасностью жизни своей и своихъ солдатъ, ни сдать ее безъ боя. Онъ допустилъ густую толпу пробраться во внутренность двора, и когда послѣ этого Бастилію уже нельзя было спасти, началъ стрѣльбу, погубившую около ста человѣкъ. Вслѣдствіе этого губернаторъ, трое солдатъ и четыре офицера были убиты. Головы ихъ были насажены на копья и съ торжествомъ обносились по городу. На слѣдующей недѣлѣ президентъ парижскаго магистрата Флессель, государственный совѣтникъ Фулонъ и зять его, Бертье, были умерщвлены жестокимъ образомъ, и головы ихъ также носились на копьяхъ. Окончательное разрушеніе Бастиліи послѣдовало нѣсколько позже.

2. Отъ взятія Бастиліи до праздника Федераціи (14 іюля 1790).

Въ то время какъ въ Парижѣ свирѣпствовали убійства, Національное Собраніе въ Версали приняло на себя спартанскій видъ, какъ будто спокойно работая надъ новой конституціей. Съ другой стороны, дворъ былъ въ такой невѣроятной безпечности, что въ ночь съ 13 на 14 іюля при немъ давался балъ. Вечеромъ 14, когда пришло извѣстіе о парижскихъ событіяхъ и когда Національное Собраніе отправило къ королю двѣ депутаціи, Лудовикъ согласился только обѣщать отозвать войска изъ окрестностей Парижа и признать новый парижскій магистратъ съ условіемъ, что король самъ назначитъ ему президента. Но утромъ 15 іюля, когда дворъ узналъ въ подробности страшныя происшествія прошедшаго дня, тонъ его совершенно измѣнился. Слабый король своими поступками окончательно лишилъ себя всякаго значенія. Онъ явился въ Національное Собраніе безъ свиты, сопровождаемый только братьями, безъ всякой помпы, хотя именно теперь ему и слѣдовало бы поддерживать хотя внѣшнее достоинство своего сана. Онъ въ первый разъ назвалъ собраніе его революціоннымъ именемъ и сознался въ своемъ безсиліи, предоставивъ собранію принять мѣры для возстановленія порядка, хотя объ этомъ слѣдовало позаботиться ему самому.

Національное Собраніе послало въ Парижъ восемьдесятъ восемь депутатовъ подъ предводительствомъ Лафайета и Бальи. Эта депутація передала парижанамъ въ ратушѣ вѣсть объ униженіи короля и о его готовности къ уступкамъ. Ее приняли съ шумнымъ восторгомъ. Въ тотъ же день предводители депутаціи были назначены начальниками Парижа, превращеннаго въ республику. Бальи былъ назначенъ президентомъ большаго парижскаго совѣта подъ именемъ мера, а Лафайетъ получилъ командованіе національною гвардіею или арміею этой республики (15 іюля). На слѣдующій день король уволилъ новыхъ министровъ и вызвалъ обратно Неккера декретомъ, къ которому былъ присовокупленъ манифестъ Національнаго Собранія. 17 іюля король отправился въ Парижъ, не подумавъ, что этимъ выражаетъ одобреніе отпаденію народа отъ старой системы и подвергаетъ себя насмѣшкамъ. Онъ пріѣхалъ въ столицу съ очень большой свитой и былъ встрѣченъ у городскихъ воротъ новымъ меромъ и новымъ главнокомандующимъ національной гвардіи, хотя они еще не были утверждены имъ въ этихъ должностяхъ. Бальи обращался съ нимъ почти какъ съ плѣнникомъ и прямо сказалъ ему, что какъ нѣкогда Генрихъ IV завоевалъ свой народъ, такъ теперь народъ завоевалъ своего короля. Также оскорбительно было для короля все, что встрѣтило его въ Парижѣ. Его повезли подъ конвоемъ національной гвардіи въ ратушу; тамъ Бальи поднесъ ему новую кокарду, установленную безъ его согласія, и Лудовикъ, принужденный одобрить все совершившееся, долженъ былъ надѣть кокарду на шляпу и показаться въ ней въ окно народу. Съ этихъ поръ онъ сталъ смотрѣть на всѣ принимаемыя обязательства какъ на вынужденныя обѣ-

щанія, имѣющія силу, только пока продолжается насиліе; однако онъ не могъ скрыть своего неудовольствія на новый порядокъ, вслѣдствіе чего всѣ перестали вѣрить его словамъ и мѣрамъ его двора и министровъ.

Въ ночь передъ пріѣздомъ Людовика въ Парижъ всѣ принцы и царедворцы, навлекшіе на себя ненависть народа, какъ неисправимые приверженцы феодальной системы, выѣхали изъ Версаля за границу. Въ числѣ ихъ были младшій братъ короля, графъ д'Артуа, принцъ де Конде, Полиньяки и другіе. Такъ началась эмиграція, продолжавшаяся три года и строившая потомъ козни въ чужихъ краяхъ въ пользу старой монархіи. Это усилило общую ненависть либеральныхъ партій къ королю. При королѣ остались, кромѣ его жены и дѣтей, двѣ незамужнія тетки, незамужняя сестра, Елисавета, и старшій братъ, графъ Провансскій. Съ этихъ поръ жена руководила имъ еще болѣе прежняго. Она питала отвращеніе ко всякаго рода перемѣнамъ и считала старое феодальное дворянство прочнѣйшей опорой престола, какъ сама объявила 24 іюня представлявшейся ей дворянской депутаціи.

Іюля 30 Неккеръ возвратился въ Парижъ. Народъ ожидалъ отъ него невозможнаго, а доктринеры и энтузіасты поклонялись ему, какъ кумиру; поэтому онъ былъ принятъ съ восторгомъ, отъ котораго совершенно опьянѣлъ. Самъ онъ и дочь его, мадамъ де Сталь, такъ обрадовались своему тріумфу, что вообразили, будто восторгъ народа относится лично къ министру-банкиру, а не къ идеѣ свободы, къ политическому ученію салоновъ, а не къ принципу демократіи. Но время салонныхъ доктринъ, безцѣльной пустой болтовни и празднаго измышленія системъ уже прошло; ихъ замѣнила энергія демократовъ. Самый послѣдовательный, самый умный и опытный изъ этихъ людей Мирабо, на другой же день по возвращеніи Неккера воспользовался первой возможностью, чтобы унизить тщеславнаго человѣка и показать ему, что время его прошло. Мирабо выхлопоталъ, чтобы Національное Собраніе кассировало рѣшеніе парижскихъ избирателей и ратуши, принятое по просьбѣ Неккера и состоявшее въ оправданіи и освобожденіи генерала Безанваля, арестованнаго, какъ врагъ народа. Мирабо, мотивируя кассацію Національнаго Собранія, сказалъ, что парижскіе избиратели— ничто иное, какъ простой клубъ, а парижская дума — лишь административная власть, и потому ни тѣ, ни другая не имѣютъ права выходить изъ предѣловъ городскаго управленія и прощать уголовныхъ преступниковъ.

Іюльскіе дни съ 12 по 17 число составляютъ важную эпоху въ исторіи французской революціи. Королевской власти перестали бояться, и старый порядокъ рушился, новый же еще не успѣлъ установиться. Не было ни полиціи, ни юстиціи, и страсти, взволнованныя событіями, разгуливали безпрепятственно. Разгулъ ихъ доходилъ иногда до крайности, потому что старый порядокъ сдѣлалъ народъ невѣжественнымъ, грубымъ и жаждущимъ мести. Религія потеряла свое вліяніе. Даже нравственность и чувство чести упали, потому что консервативная партія первая подавала дурной примѣръ для достиженія своей цѣли. Газеты, размножившіяся донельзя, помогали разгаранію страстей народа. Уже тогда каждый день выходило огромное количество летучихъ листковъ и прокламацій; ежедневные и еженедѣльные журналы размножались съ каждымъ мѣсяцемъ. Ихъ издавали Мирабо, Бареръ, Бриссо, Мара, Камиль Демуленъ, Горза, Маре, Прюдомъ, Фреронъ и другіе. Каковъ былъ тонъ ихъ, можно судить между прочимъ по тому, что Камиль Демуленъ совѣтовалъ вѣшать враговъ народа безъ суда и расправы и называлъ себя генералъ-прокуроромъ фонаря. Въ провинціяхъ слѣдствія уничтоженія стараго порядка и проповѣди мести были еще ужаснѣе, чѣмъ въ Парижѣ, потому что тамъ иго феодализма было ощутительнѣе. Въ Провансѣ, Франшъ-Конте, Эльзасѣ и Лотарингіи повторились сцены нѣмецкой крестьянской войны: помѣщиковъ преслѣдовали мечомъ и огнемъ; замки ихъ разрушали. Въ одномъ Дофинэ народъ сжегъ въ три мѣсяца тридцать шесть помѣщичьихъ усадьбъ. Вскорѣ началось систематическое преслѣдованіе такъ называемыхъ аристократовъ. Всюду сформировалась демократическая полиція, осматривавшая всѣхъ проѣзжихъ, и Національное Собраніе назначило полицейскій комитетъ для распечатыванія писемъ, обыскиванія бумагъ въ квартирахъ и хватанія подозрительныхъ лицъ.

Съ 14 числа Національное Собраніе занималось исключительно учрежденіемъ новой конституціи. Большинство депутатовъ было помѣшано на «Духѣ Законовъ» Монтескьё (стр. 311 — 313) и на идеяхъ друзей Франклина и Вашингтона. Руководители ихъ, Лафайетъ, Ларошфуко-Ліанкуръ и другіе, хотя были люди честные, но увлекали Національное Собраніе въ то, что Наполеонъ называлъ потомъ идеологіей, и въ августѣ, сами того не подозрѣвая, ниспровергли тремя декретами все, что желали сохранить. Декреты эти были: манифестъ о правахъ человѣка, уничтоженіе всѣхъ феодальныхъ правъ и отмѣна десятины въ пользу духовенства.

Манифестъ о правахъ человѣка предоставилъ отвлеченнымъ теоріямъ рѣшеніе практическихъ вопросовъ, которые слѣдовало рѣшать исторически и фактически; вмѣсто того, чтобы соображаться съ существующими соціальными данными, какія выработала тысячелѣтняя исторія Франціи, въ руководство взяли по примѣру сѣверо-американцевъ (стр. 232) фиктивныя представленія о первобытномъ состояніи человѣка. Тщетно старался Мирабо, какъ практическій человѣкъ, отсрочить обсужденіе этихъ правъ до окончанія новой конституціи, т. е. въ сущности на неопредѣленное время. Восторженные теоретики не обратили вниманія даже на совѣтъ такого же энтузіаста Грегуара, который хотѣлъ по крайней мѣрѣ издать съ объясненіемъ правъ человѣка и объясненіе его обязанностей. Въ утреннее засѣданіе 4 августа было рѣшено предпослать это объявленіе акту конституціи, и къ концу этого мѣсяца семнадцать параграфовъ его были готовы.

Въ ночномъ засѣданіи 4 — 5 августа былъ постановленъ второй декретъ. На основаніи слуховъ изъ провинцій о пожарахъ и разореніяхъ помѣщиковъ, графъ де Ноайль, зять Лафайета, предложилъ возстановить спокойствіе и порядокъ отмѣною тягостныхъ ленныхъ налоговъ и барщины, составляющихъ настоящія причины безпокойствъ. Его поддержали Монморанси, Лафайетъ, двое Ламетовъ, Ларошфуко-Ліанкуръ и другіе. Все собраніе возгорѣлось возвышеннѣйшимъ энтузіазмомъ; духовные и свѣтскіе депутаты наперерывъ приносили въ жертву на алтарь отечества свои права и привиллегіи. Въ ту же ночь были приняты всѣ предложенія, въ силу которыхъ были уничтожены всѣ сословныя привиллегіи. Эти декреты были обнародованы немедленно во всѣхъ церквахъ государства. Но не прошло и нѣсколькихъ дней послѣ 4 августа, какъ большая часть депутатовъ раскаялась въ своемъ честномъ порывѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого безпримѣрнаго самопожертвованія, 10 августа, было рѣшено безусловно отмѣнить духовную десятину. Потомъ духовенство и его имущество постигли дальнѣйшія мѣры. Сійэсъ противился отмѣнѣ духовной десятины, доказывая, что отъ этого выиграютъ только помѣщики и богачи, потому что вмѣсто нихъ священниковъ придется содержать государству, т. е. всему народу, и что слѣдовательно, сохраненіе духовной десятины сбережетъ государству весьма значительный расходъ.

Издавъ эти три декрета, Національное Собраніе принялось обсуждать шесть главныхъ пунктовъ новой конституціи. При обсужденіи этихъ пунктовъ ясно обнаружилось, что собраніе распалось на двѣ партіи, революціонную и монархическо-конституціонную. Первая, къ которой принадлежали Мирабо, Барнавъ, депутаты Бретани и другіе, стремились къ полнѣйшему перевороту. Вторая, во главѣ которой были Неккеръ, Мунье, Лальи Толандаль, Клермонъ-Тоннеръ и другіе, старалась помѣшать первой и, напротивъ того, устроить конституціонное правленіе въ духѣ Монтескьё, на подобіе англійскаго. Эта партія работала надъ главными вопросами, рѣшенными съ 28 августа по 12 сентября. Было рѣшено, что депутаты, избираемые народомъ для законодательства, не будутъ раздѣлены на двѣ палаты, а будутъ составлять одно политическое тѣло; срокъ имъ былъ назначенъ двухгодичный; этотъ парламентъ долженъ былъ засѣдать постоянно; король не имѣлъ права уничтожать его декреты, а могъ только на четыре года отсрочивать ихъ; притомъ было положено, что законы, издаваемые имъ, не нуждаются въ утвержденіи короля, который былъ такимъ образомъ лишенъ всякаго вліянія на законодательство. У короля была даже отнята власть надъ арміей: еще 10 августа было постановлено, чтобы войска присягали

не одному королю, а также націи и закону и чтобы они не дѣйствовали противъ народа иначе, какъ по требованію городскихъ властей.

Все это увеличивало обоюдное недовѣріе двора и Національнаго Собранія, а въ королевѣ возбудило заклятую ненависть къ либерализму и либераламъ. Неккеръ потерялъ всякое значеніе, а Марія Антуанетта не скрывала своихъ чувствъ. Революціонеры воспользовались этимъ, чтобы еще болѣе запутать дѣла и потомъ ловить рыбу въ мутной водѣ. Эта партія, господствовавшая въ окружныхъ собраніяхъ и въ Общинномъ Совѣтѣ Парижа, сначала хлопотала перевести короля и Національное Собраніе изъ Версаля въ Парижъ, гдѣ они были бы у нея въ рукахъ. Для этой цѣли она воспользовалась дороговизной хлѣба и неосторожностью двора. Относительно дороговизны народу было внушено, что присутствіе короля въ Парижѣ можетъ помочь бѣдѣ. Съ другой стороны, народъ оскорблялъ королеву почти ежедневно, и она составила съ своей партіей планъ подавить революцію военной силой. Исполненіе этого плана началось съ того, что стали возбуждать въ солдатахъ монархическій энтузіазмъ и въ этихъ стараніяхъ сдѣлали неосторожность, которой воспользовались революціонеры. На подкрѣпленіе версальскому гарнизону былъ вызванъ фландрскій полкъ, и 1 октября гвардія давала ему обѣдъ. Королева явилась съ мужемъ на этотъ праздникъ, подстрекала солдатъ кричать виваты монархіи и ругательства депутатамъ и народу. Этимъ тотчасъ воспользовались враги ея, Мирабо, герцогъ Орлеанскій и другіе. Они распространили въ газетахъ и рѣчахъ слухъ, что Версаль замышляетъ недоброе противъ Національнаго Собранія и принимаетъ мѣры къ подавленію его. Парижскій народъ тотчасъ взволновался и рѣшился массой двинуться въ Версаль, чтобы принудить дворъ переѣхать въ Парижъ. Это было приведено въ исполненіе 5 октября; герцогъ Орлеанскій далъ деньги на это движеніе.

Утромъ 5 октября народная масса двинулась по улицамъ Парижа подъ предводительствомъ героя штурма Бастиліи, Мальяра, мясника Журдана, гордаго своимъ прозвищемъ «Головорѣзъ» (Coupe-Tête), и красавицы амазонки Теруань де Мерикуръ. Бурная толпа грозила сначала булочнымъ, потомъ вышла на Гревскую площадь передъ ратушей, пробралась въ ратушу, взяла тамъ оружіе и три пушки, стоявшія на площади, и въ одиннадцать часовъ отправилась къ Версалю. Національная гвардія, собравшись, потребовала, чтобы и ее вели туда. Лафаетъ тщетно старался удержать ее. Увидавъ, что она пойдетъ и безъ него, онъ для сохраненія своего значенія просилъ Общинный Совѣтъ дать ему приказъ вести національную гвардію въ Версаль для предотвращенія несчастія. Въ пять часовъ вечера онъ выступилъ и прибылъ въ Версаль въ одиннадцать часовъ вечера, тогда какъ вооруженный народъ былъ тамъ уже въ три часа. Большинство народа отправилось сначала къ зданію Національнаго Собранія, а меньшая часть къ дворцу, гдѣ вступила въ рукопашный бой съ гвардіей. По требованію большинства, Національное Собраніе отправило своего президента, Мунье, вынудить у короля согласіе на конституцію и манифестъ о правахъ, на которые онъ до сихъ поръ упорно не соглашался; кромѣ того требовали, чтобы онъ пособилъ противъ голода свирѣпствовавшаго въ Парижѣ. Мунье встрѣтилъ во дворцѣ депутацію двѣнадцати женщинъ и дѣвушекъ, посланную отъ женщинъ простонародья требовать, чтобы король тотчасъ письменно согласился на всѣ требованія.

Объ этомъ сообщили Національному Собранію и народу. Въ это время явился Лафайетъ съ парижской національной гвардіей. Дорогою онъ еще разъ заставилъ войска присягнуть ему на вѣрность и послушаніе и немедленно по приходѣ обѣщалъ президенту Національнаго Собранія и королю совершенную безопасность для королевской фамиліи, если ему позволятъ распоряжаться. Вслѣдъ затѣмъ онъ занялъ своими лучшими войсками всѣ посты дворца, кромѣ внутреннихъ, оставшихся въ рукахъ тѣлохранителей и швейцарцевъ. Въ три часа утра Національное Собраніе закрыло засѣданіе. Съ этой минуты до разсвѣта все было спокойно. Въ шесть часовъ парижскій народъ, ночевавшій большею частію въ пустыхъ залахъ Національнаго Собранія, вдругъ бросился на дворецъ и пробрался въ него черезъ боковыя ворота, которыя непонятнымъ образомъ оказались безъ караула. Тамъ къ толпѣ примкнули и національные гвардейцы, Разъяренная толпа вступила въ бой съ тѣлохранителями, надѣла головы убитыхъ на пики и

носила ихъ передъ окнами короля; народъ ворвался было въ спальню королевы и выбилъ дверь съ очевиднымъ намѣреніемъ убить ее. Королева была спасена только тѣмъ, что одинъ тѣлохранитель отчаянно защищалъ дверь, пока не палъ, и что дамы поспѣшно увели ее въ комнату короля. Тамъ вся королевская фамилія сидѣла въ осадномъ положеніи и въ смертельномъ страхѣ, между тѣмъ какъ толпа убивала солдатъ во дворѣ и во дворцѣ. Наконецъ явился Лафайетъ съ отрядомъ національной гвардіи, который поспѣшно собралъ. Онъ спасъ жизнь нѣсколькимъ солдатамъ; но самому королю не могъ принести большой пользы. Лафайетъ отправился къ нему и уговорилъ его и даже, по требованію народа, королеву выйти, показаться народу на балконъ. Короля встрѣтили криками: «Въ Парижъ!» и онъ согласился на это требованіе, обѣщавъ отправиться въ Парижъ въ тотъ же день вмѣстѣ съ народомъ. Самъ Лафайетъ посовѣтовалъ ему согласиться. Въ заключеніе король, Лафайетъ и бывшіе солдаты королевской гвардіи, служившіе въ національной гвардіи, просили съ балкона толпу. стоявшую внизу, помиловать плѣнныхъ тѣлохранителей.

Въ этотъ день и Національное Собраніе способствовало посрамленію короля и его достоинства. Президентъ Мунье хотѣлъ, чтобы собраніе, открывшее свое засѣданіе въ одиннадцать часовъ, отправилось во дворецъ, какъ просилъ дворъ; но по вліянію Мирабо большинство воспротивилось этому. Вслѣдствіе этого къ королю послали только депутацію. Вслѣдъ затѣмъ, по предложенію Мирабо и Барнава, было постановлено, что Національное Собраніе должно быть неразлучно съ особою короля и потому переѣдетъ за нимъ въ Парижъ. Въ часъ начался поѣздъ королевской фамиліи въ Парижъ. Король и семейство его ѣхали, какъ арестанты, посреди толпы по крайней мѣрѣ въ двадцать тысячъ человѣкъ. За ними тащили 40—50 обезоруженныхъ тѣлохранителей, какъ бы военноплѣнныхъ, а впереди несли съ торжествомъ головы убитыхъ солдатъ. Національная гвардія сопровождала народъ, какъ почетный конвой. Сто членовъ Національнаго Собранія сопровождали короля въ видѣ депутаціи. Король и семейство его всю дорогу подвергались насмѣшкамъ народа. Только въ шесть часовъ вечера добралось это шествіе до парижской ратуши и только въ девять часовъ король и семья его прибыли на отдыхъ въ Тюильри. Октября 19 прибыло въ Парижъ и Національное Собраніе.

Дни 5 и 6 октября были роковые дни для конституціонной монархіи. и для репутаціи ея основателя, Лафайета. Но зато цѣль похода парижскаго народа на Версаль была вполнѣ достигнута. Весь блескъ королевскаго величія исчезъ; ореолъ тысячнаго владычества разсѣялся; народъ перестаiъ видѣть въ королѣ все государство, и съ этой поры государь сталъ для него простымъ смертнымъ. Лафайетъ, послуживъ 6 октября противъ воли цѣлямъ Мирабо и Орлеана, заставилъ потомъ Національное Собраніе предписать подвергнуть зачинщиковъ похода на Версаль слѣдствію и наказанію судебнымъ порядкомъ. Потомъ онъ застращалъ герцога Орлеанскаго и принудилъ его оставить на время Францію. Но слѣдствіе осталось безъ результатовъ. Національное Собраніе объявило, что нѣтъ никакого повода къ обвиненію, а герцогъ Орлеанскій возвратился уже въ іюлѣ слѣдующаго года.

Когда Національное Собраніе было переведено въ Парижъ, то съ одной стороны начались интриги придворныхъ, принцевъ и королевы съ эмигрантами и иностранными державами, а съ другой, учрежденіе парижскаго народнаго правительства было окончено, и оно или, лучше сказать, люди, руководившіе парижскимъ народомъ, получили господство надъ Національнымъ Собраніемъ. Еще въ августѣ анархія была такъ сильна, что Національное Собраніе, чтобы положить ей конецъ, старалось скорѣе окончить главныя черты новаго государственнаго устройства. Каждое сословіе захватило частицу государственной власти; гвардейцы, цехъ портныхъ, прислуга и т. д. образовали отдѣльныя совѣщательныя корпораціи. Каждый округъ города служилъ мѣстомъ сборища отдѣльныхъ народныхъ собраній и кромѣ того присвоилъ себѣ законодательную власть; въ каждомъ образовалось по комитету, которые, подобно ратушѣ, отдавали приказы, держали революціонную народную полицію, преслѣдовали непопулярныхъ людей и брали ихъ подъ арестъ. Такимъ образомъ полиція и правосудіе находились въ частныхъ рукахъ, и въ нихъ господствовалъ такъ называемый законъ Линча.

Народъ овладѣлъ правительственною властью и господствовалъ надъ Національнымъ Собраніемъ; разные клубы служили для выраженія его мнѣній.

Изъ нихъ якобинскій клубъ вскорѣ сдѣлался почти настоящимъ правительствомъ. Этотъ грозный клубъ образовался изъ бретанскаго клуба, учрежденнаго депутатами Бретани тотчасъ по открытіи собранія сословій въ Версали. Когда Національное Собраніе перешло въ Парижъ, клубъ послѣдовалъ за нимъ въ столицу, гдѣ, кромѣ депутатовъ собранія, принялъ въ члены много частныхъ гражданъ. Онъ нанялъ помѣщеніе въ упраздненномъ якобинскомъ монастырѣ, вслѣдствіе чего получилъ названіе якобинскаго. Значеніе его быстро возрастало, такъ что вскорѣ необходимо было принадлежать къ нему, чтобы считаться хорошимъ патріотомъ. Нѣкоторое время главную роль въ немъ играли либеральные мечтатели, уже помышлявшіе о республикѣ, какъ Петіонъ, Бюзо, Грегуаръ и Тюріо. Они, конечно, не могли представить себѣ, что выйдетъ впослѣдствіи изъ ихъ клуба. Сначала къ якобинцамъ принадлежалъ и Лафайетъ съ своими друзьями. Только когда въ маѣ 1790 клубъ якобинцевъ сталъ слишкомъ многочисленъ, рѣчи его слишкомъ яры, засѣданія слишкомъ бурны, знатные господа конституціонной партіи отдѣлились отъ него и составили отдѣльное собраніе, такъ называемый клубъ 1789. Клубъ этотъ получилъ названіе фейльянскаго, потому что собирался въ бернардинскомъ монастырѣ. Онъ съ самаго начала возбудилъ недоброжелательство и поднялся въ іюлѣ 1791 лишь на короткое время, чтобы вскорѣ совершенно пасть.

Главными органами крайнихъ якобинцевъ были еще въ концѣ 1789 два журналиста, редакторъ «Друга Народа», выходившаго съ 12 сентября 1789, Мара, и редакторъ другой подобной газеты, Фреронъ. Камилль Демуленъ говорилъ въ Палѣ-Роялѣ и въ участкахъ уже тономъ террора. Къ этой крайней партіи принадлежалъ и Дантонъ, который своимъ талантомъ, блестящимъ остроуміемъ, оригинальнымъ народнымъ краснорѣчіемъ и своимъ громовымъ голосомъ, заглушавшимъ шумъ бушующей толпы, пріобрѣлъ такое же безпримѣрное вліяніе, какъ Мара рѣзкимъ тономъ своей газеты. Онъ и другіе люди этого направленія, будучи членами клуба якобинцевъ, составили кромѣ того еще другое общество, потому что въ клубѣ якобинцевъ умѣренные демократы долго имѣли перевѣсъ. Это новое общество получило названіе клуба кордельеровъ, такъ какъ собиралось въ францисканскомъ монастырѣ. Здѣсь соединились самые рѣшительные республиканцы, убѣжденные, что безъ полнаго разрушенія стараго порядка никогда нельзя добиться новаго гражданскаго устройства. Въ числѣ ихъ были и такіе люди, какъ Грегуаръ и Ланжюине, идеалисты, говорившіе однако также рѣзко, какъ Дантонъ, потому что справедливо боялись, чтобы правительственная власть не перешла къ банкирамъ и либеральному дворянству, что, какъ доказываетъ опытъ нашего времени, ничѣмъ не лучше.

Чтобы дать понятіе объ ужасномъ тонѣ, въ какомъ говорили и писали тогда люди крайней революціонной партіи, мы приведемъ образецъ изъ «Друга Народа», Мара. 1 ноября 1790 въ этой газетѣ явилось слѣдующее обращеніе къ народу: «Не ходите въ ваши глупыя секціонныя собранія, гдѣ мошенники (fripons) могутъ оглушить васъ своей преступной трескотней и погасить вашъ пылъ! Собирайтесь только на площадяхъ; соберитесь выбрать военнаго трибуна; выберите его не болѣе, какъ дня на три, но съ самой высшей властью, чтобы онъ велъ васъ и безъ милосердія срубалъ преступныя головы, которыя вотъ уже пятнадцать мѣсяцевъ куютъ замыслы противъ вашего счастья. Прежде всего спѣшите въ Сенъ-Клу, приведите назадъ въ городъ короля и посадите въ тюрьму австріячку, ея зятя, вашего мера и генерала (т. е. Бальи и Лафайета), закуйте всѣхъ министровъ въ цѣпи, захватите ихъ бумаги; вы узнаете изъ нихъ всю глубину адскаго коварства, направленнаго противъ васъ!»

Возвратимся къ Національному Собранію. Оно начало свою дѣятельность въ Парижѣ изданіемъ противъ анархіи и возмущеній такъ называемаго марціальнаго закона; но этотъ законъ былъ безполезенъ, потому что для такихъ мѣръ нужно имѣть солдатъ и полицію; а тутъ даже въ самомъ собраніи была сильная партія, считавшая безпокойства и смуты необходимыми. Національное Собраніе ревностно занималось выработкой конституціи и съ октября 1789 до іюля 1790 издало много важныхъ узаконеній.

Ноября 2 1789 Національное Собраніе издало декретъ, которымъ лишило старую іерархію всѣхъ ея внѣшнихъ опоръ, какъ 4 августа подорвало феодальное дворянство, а 6 ноября монархію. По предложенію епископа Талейрана, всѣ церковныя имѣнія были объявлены государственною собственностью, и содержаніе церкви, платежъ жалованья духовенству, призрѣніе бѣдныхъ, были переданы въ гражданское вѣдомство. Этотъ декретъ уничтожилъ политическое существованіе духовенства. Въ первой половинѣ слѣдующаго года были изданы другія постановленія, довершившія это дѣло. Въ февралѣ 1790 были запрещены монашескіе обѣты и уничтожены всѣ духовные ордена, за исключеніемъ только тѣхъ, которые были посвящены воспитанію и попеченіямъ о больныхъ. Въ апрѣлѣ начались пренія о положеніи и устройствѣ церкви, а въ іюлѣ и ноябрѣ результатомъ этихъ совѣщаній явились важныя узаконенія, извѣстныя подъ названіемъ гражданской конституціи духовенства (constitution civile du clergé). Конфискація и распродажа имѣній церкви обратили тысячи людей, бывшихъ до сихъ поръ батраками и арендаторами, въ землевладѣльцевъ. Народу было предоставлено самому выбирать себѣ священниковъ. Духовенство было объявлено общинными служителями и было обязано подъ страхомъ строгихъ наказаній присягать на вѣрность народу, королю и закону, т. е. новому порядку вещей. Отказывавшихся отъ этой присяги лишали должностей, а если они тѣмъ не менѣе продолжали отправлять духовную службу, ихъ наказывали какъ государственныхъ преступниковъ. Въ другое время Національное Собраніе могло бы погубить свою популярность этими мѣрами противъ духовенства и учрежденій церкви; но тогда религія была лишена всякаго внутренняго значенія, и отказъ большинства духовныхъ лицъ дать требуемую присягу только увеличилъ ненависть къ нимъ невѣрующей массы. Въ тѣхъ мѣстностяхъ Франціи, гдѣ еще господствовалъ религіозный фанатизмъ, начались безпокойства и кровавыя распри; обѣ партіи были до крайности ожесточены; Національное Собраніе было вынуждено строго преслѣдовать священниковъ, не давшихъ присяги, а ихъ было множество, потому что изъ всѣхъ епископовъ присягнули только четверо, а изъ священниковъ очень немногіе.

Также радикально преобразовало Національное Собраніе и судопроизводство, которое при своей прежней организаціи не могло согласоваться съ новымъ порядкомъ. Еще въ ноябрѣ 1789 дѣятельность парламентовъ была на время пріостановлена. Въ мартѣ 1790 начали серьезно заниматься новымъ устройствомъ юстиціи, и въ сентябрѣ оно было готово и введено; парламенты и всѣ прочіе суды навсегда уничтожились. На мѣсто ихъ былъ учрежденъ судъ присяжныхъ и введено новое законодательство, общее для всего государства и основанное на принципѣ равенства. Тогда же были отмѣнены и запрещены всѣ титулы, гербы и почетныя отличія. Въ январѣ 1790 было рѣшено новое политическое раздѣленіе государства на департаменты, уѣзды (переименованные во время консульства въ округи), кантоны и общины, и собразно этому раздѣленію преобразована администрація. Эти учрежденія сохранились до сихъ поръ, но, конечно, съ потерей всего, что было въ нихъ демократическаго, и потому служатъ теперь только на пользу правительственной централизаціи. Національное Собраніе, напротивъ того, держалось твердо началъ демократіи и самоуправленія. Во имя ихъ были учреждены муниципалитеты, т. е. общинныя управленія, и въ маѣ 1790 Парижъ получилъ общинную конституцію съ учрежденіемъ общинной думы, которая вскорѣ сдѣлалась владыкой конвента, а черезъ него всей Франціи.

Парижъ былъ раздѣленъ на сорокъ восемь кварталовъ или секцій, вмѣсто прежнихъ шестидесяти; имъ было запрещено устроивать сходки, которыя было дозволено собирать только для выборовъ, по приглашенію городскихъ административныхъ властей. Эти власти были: канцелярія, магистратъ и большой совѣтъ. Канцелярія (bureau) состояла изъ шестнадцати администраторовъ подъ предсѣдательствомъ парижскаго мера, какъ главы городской республики; она управляла своими дѣлами. Магистратъ (le conseil municipal) былъ подчиненъ ей и состоялъ изъ тридцати двухъ муниципальныхъ совѣтниковъ, а общій совѣтъ (le conseil général), собираемый только въ важныхъ случаяхъ,—изъ девяноста шести нотаблей. Парижское городское управленіе, какъ и всѣ прочіе муниципа-

литеты и департаментскія управленія, имѣли, слѣдовательно, формы монархическія и аристократическія, но въ сущности были основаны на полнѣйшей демократіи, засѣдавшей въ собраніяхъ секцій, гдѣ все рѣшалось по числу, а не по вѣсу голосовъ, и гдѣ избирались и общинные чиновники, и депутаты въ Національное Собраніе.

Въ мартѣ 1790 была обнародована такъ называемая Красная Книга, которая окончательно уронила монархію въ глазахъ народа. Книга эта, которую Неккеръ тщетно старался укрыть отъ Національнаго Собранія, заключала въ себѣ роспись тайныхъ расходовъ Лудовика XVI и его ближайшихъ родственниковъ, ихъ семействъ и двора. Обнаруженные изъ нея факты нанесли жестокіе удары чести нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, которыя оказались подкупленными. Такъ напримѣръ, узнали, какую подлую роль игралъ Мирабо. На повѣрку вышло, что онъ еще въ 1776 продалъ правительству свою рукопись, въ которой нападалъ на него; потомъ уже въ 1789 получилъ 195,000 ливровъ за обѣщаніе, данное на честномъ словѣ, мѣшать дѣйствіямъ Національнаго Собранія.

Послѣ этого намъ, конечно, не стоитъ слѣдить за дальнѣйшей дѣятельностью Мирабо въ его двойной роли демагога и королевскаго наемнаго слуги; не стоитъ разбирать, какъ далеко простирался его патріотизмъ и когда именно онъ продалъ его. Въ началѣ 1790 Мирабо свернулъ съ своего революціоннаго пути и старался прекратить нападки на существовавшій порядокъ, которыя становились все смѣлѣе и сильнѣе. Онъ вступилъ въ тайное соглашеніе съ дворомъ, получалъ отъ него деньги и составлялъ для него планы противъ Національнаго Собранія. Мы очень сомнѣваемся, чтобы онъ могъ спасти монархію, какъ надѣялся дворъ. Во всякомъ случаѣ вѣрно то, что хотя онъ и продался, но былъ слишкомъ остороженъ, чтобы пожертвовать чѣмъ нибудь изъ выгодъ, завоеванныхъ націей съ мая 1789. Впрочемъ вопросъ остался нерѣшеннымъ, потому что Мирабо умеръ въ апрѣлѣ 1791.

3. Отъ праздника Федераціи до закрытія Учредительнаго Національнаго Собранія (20 сентября 1791).

Смятеніе, господствовавшее во всемъ государствѣ, мятежный характеръ движенія, тягость переходнаго состоянія между уничтоженіемъ и возстановленіемъ порядка—все это навлекло на Національное Собраніе около половины 1790 много горькихъ порицаній и, казалось, охладило энтузіазмъ націи. Чтобы оживить его, устроили необыкновенное національное торжество, извѣстное подъ названіемъ праздника Федераціи и происходившее 14 іюля 1790 на Марсовомъ полѣ въ Парижѣ. Ему предшествовала другая сцена, поразительно выказавшая различіе между національными характерами нѣмцевъ и французовъ; то былъ фарсъ, разыгранный въ Національномъ Собраніи 19 іюня барономъ Клотсомъ. Этотъ энтузіастъ, родившійся въ прусскомъ городѣ Клеве, но воспитанный въ Парижѣ и извѣстный своими атеистическими и республиканскими взглядами, явился въ Національное Собраніе съ такъ называемымъ посольствомъ отъ человѣчества благодарить Собраніе отъ имени всего человѣческаго рода. Для этой цѣли онъ собралъ человѣкъ шестьдесятъ различныхъ націй. Національное Собраніе приняло его съ почетомъ, и весь Парижъ пришелъ въ восторгъ: но разсудительные и серьезные люди, видѣвшіе эту театральную сцену, назвали его пустымъ фарсомъ.

Совершенно иное значеніе имѣлъ праздникъ Союза 14 іюля, имѣвшій дѣйствительно величественный характеръ. Его значеніе заключалось въ идеѣ федераціи или братскаго союза между народомъ, арміей и національною гвардіею, торжественно возвѣщеннаго и скрѣпленнаго присягою. Въ Парижъ были собраны депутаты отъ всѣхъ полковъ арміи, по одному человѣку отъ каждыхъ двухъ сотенъ національной гвардіи и по шести депутатовъ отъ каждаго кантона. Предстоявшій праздникъ возбуждалъ такой энтузіазмъ, что все населеніе Парижа безъ различія сословій принимало участіе въ земляныхъ работахъ, производившихся на Марсовомъ полѣ для приготовленія къ празднику. Среди поля былъ

насыпанъ холмъ, и на немъ поставленъ алтарь отечества вышиною въ двадцать пять футовъ. Вокругъ холма были устроены амфитеатромъ мѣста для депутатовъ народа, войска и для публики; кромѣ того болѣе 100,000 человѣкъ присутствовало, стоя. Съ одной стороны были приготовлены крытыя мѣста для короля, его семейства и Національнаго Собранія; тронъ для короля стоялъ въ самой серединѣ, а направо отъ него на одинаковой высотѣ былъ поставленъ стулъ для президента Національнаго Собранія.

Для судьбы новой конституціи было неблагопріятнымъ предзнаменованіемъ, что весь день шелъ дождь, а для религіи было дурнымъ предвѣстіемъ, что обѣдню на торжествѣ служилъ Талейранъ, человѣкъ, по жизни, убѣжденіямъ и дѣятельности совершенно подобный Мирабо. Праздникъ открылся музыкальной увертюрой, разыгранной тысячей двумя стами артистовъ. Потомъ Талейранъ, какъ жрецъ отечества, отслужилъ мессу съ тремя стами священниковъ въ трехцвѣтныхъ шарфахъ и благословилъ знамена восьмидесяти трехъ департаментовъ при грохотѣ трехсотъ барабановъ. Затѣмъ къ алтарю отечества подошелъ Лафайетъ съ депутатами и первый принесъ гражданскую присягу, которую депутаты повторяли за нимъ. Потомъ присягнули король и президентъ Національнаго Собранія; не вставая съ своихъ мѣстъ. Сотни тысячъ восторженныхъ кликовъ, громъ пушекъ, трубные звуки и безчисленные барабаны торжествовали этотъ актъ соединенія. Цѣль празднества была вполнѣ достигнута, потому что послѣ него въ французахъ снова вспыхнулъ энтузіазмъ. Къ сожалѣнію, негодный герцогъ Орлеанскій нашелъ предлогъ воспользоваться торжествомъ федераціи, чтобы возвратиться во Францію, гдѣ тотчасъ принялся за свои прежнія продѣлки.

Между тѣмъ козни эмигрантовъ и вмѣшательство иностранныхъ правительствъ и аристократіи много способствовали успѣху намѣреній якобинцевъ. Эмиграція, состоявшая изъ совершенно развращенной части дворянства, особенно графъ д'Артуа, заводили сначала изъ Турина, потомъ изъ Вормса и Кобленца интриги, которымъ были нечужды ни король, ни супруга его, ни конституціонное министерство. Нѣмецкіе бароны и князья, имѣвшіе помѣстья въ Эльзасѣ и въ другихъ провинціяхъ Франціи и лишенные декретомъ 4 августа 1789 всѣхъ своихъ феодальныхъ правъ, просили защиты у германской имперіи; императоръ Леопольдъ II, наслѣдовавшій въ 1790 брату своему, Іосифу II, совѣтовался съ королемъ прусскимъ, какъ возстановить во Франціи старую монархію, дворянство и духовенство, хотя въ сущности былъ далекъ отъ мысли оказать имъ дѣйствительную помощь. Въ Англіи Питтъ находилъ нужнымъ соблюдать осторожный нейтралитетъ; зато вся аристократія, какъ и нѣмецкая, была въ смертельномъ ужасѣ отъ событій во Франціи, и кліентъ ея, Боркъ, разойдясь съ вигами, истощалъ свои ораторскія способности въ неистовыхъ проповѣдяхъ крестоваго похода противъ демократіи французовъ. Все это доставило парижскимъ демагогамъ важное политическое значеніе и облегчило имъ достиженіе ихъ цѣлей. Они пріобрѣли значеніе истинныхъ патріотовъ, между тѣмъ какъ противники ихъ выказались измѣнниками, которые стараются удержать свои помѣстья и привиллегіи предательскимъ союзомъ съ иностранцами. Все это въ высшей степени увеличило значеніе, вліяніе и силу якобинцевъ. Быть членомъ ихъ клуба сдѣлалось необходимымъ просто для личной безопасности. Ихъ главный клубъ въ Парижѣ имѣлъ болѣе тысячи членовъ и шестьсотъ побочныхъ клубовъ въ провинціяхъ; такимъ образомъ они составляли формальную организованную власть съ арміей, которой имъ служилъ весь простой народъ Франціи.

Конституціонисты и ихъ клубъ фельяновъ подвергались угрозамъ народа, нападкамъ органовъ клуба якобинцевъ и парижской народной общины, рѣчей и статей Демулена, Дантона, Мара, Фрерона и другихъ. Тѣмъ не менѣе большинство членовъ Національнаго Собранія и даже парижской общины осталось вѣрно конституціоннымъ принципамъ. Это выказывалось при многихъ случаяхъ. Въ августѣ 1790 Бальи былъ снова избранъ въ парижскіе меры. Въ сентябрѣ, когда Неккеръ долженъ былъ бѣжать, чтобы избѣжать народной ненависти, народъ задержалъ его; но Національное Собраніе освободило его, издавъ для этого нарочный декретъ. То же повторилось въ концѣ февраля 1791, когда были задержаны при попыткѣ бѣгства тетки короля.

Въ это время обнаружились и горькія послѣдствія государственнаго банкротства Франціи. Декабря 19 1789 Національное Собраніе положило выпустить

ассигнаты, т. е. облигаціи, обезпеченныя конфискованными церковными имуществами. Ассигнаты выдавались на извѣстныя, прямо указываемыя въ нихъ имѣнія, при продажѣ которыхъ полагалось принимать ихъ въ уплату вмѣсто денегъ. Но вскорѣ стали выдавать ассигнаты на національныя имущества вообще, вслѣдствіе чего можно было выпускать ихъ въ безграничномъ количествѣ. Они обратились просто въ бумажныя деньги, размножившіяся безмѣрно и подвергшіяся общей судьбѣ всякихъ бумажныхъ денегъ; мало-по-малу они совершенно потеряли всякую цѣнность, что повергло въ нищету многихъ капиталистовъ и перевело богатства прежнихъ землевладѣльцевъ — аристократовъ въ руки разбогатѣвшихъ мѣщанъ.

Новая конституція оказалась несостоятельной уже въ концѣ 1790, прежде чѣмъ была окончена и введена, потому что при опасности, грозившей изъ-за границы, при распаденіи внутренняго порядка, при очевидномъ государственномъ банкротствѣ — народу могли помочь только революціонныя мѣры. Король только въ концѣ 1790 согласился утвердить декреты, касавшіеся церкви; онъ утвердилъ ихъ наконецъ противъ воли, но не допускалъ къ себѣ присяжныхъ священниковъ, вслѣдствіе чего демократы начали считать всѣ его завѣренія лицемѣріемъ. Демократами руководилъ тогда Дантонъ, который съ Демуленомъ и другими кордельерами былъ уже сильнѣе Лафайета, Бальи и ихъ партіи. По смерти Мирабо Дантонъ сдѣлался какъ бы преемникомъ его; но онъ вращался въ болѣе низкихъ сферахъ и, какъ человѣкъ не столь тонкій и изящный, меньше возбуждалъ вниманія въ высшихъ кружкахъ. Зато на народъ онъ имѣлъ безграничное вліяніе. Онъ былъ способнѣе всѣхъ руководить низшими классами, которые увлекалъ своимъ оригинальнымъ краснорѣчіемъ и громовымъ голосомъ. Камиль Демуленъ, стремившійся, подобно Дантону, къ уничтоженію всего стараго, былъ лучшимъ помощникомъ и другомъ его. Этотъ пылкій юноша былъ школьнымъ товарищемъ Робеспьера, съ которымъ былъ прежде въ тѣсной дружбѣ; но впослѣдствіи его гораздо болѣе привлекъ Дантонъ, какъ человѣкъ, хотя горячій и безнравственный, но сердечный, чѣмъ Робеспьеръ съ своей холодной, черствой, завистливой и властолюбивой душой. Демократическіе и республиканскіе якобинцы раздѣлялись на три партіи, которыя впрочемъ тогда были еще въ хорошихъ отношеніяхъ и перессорились только черезъ три года. Одна партія состояла изъ республиканцевъ философовъ, риторовъ и доктринеровъ, которыхъ впослѣдствіи называли **Жирондистами**. Другая заключала демагоговъ, какъ Мара и Робеспьеръ. Къ третьей принадлежали разрушители и отрицатели клуба кордельеровъ. **Госпожа Роланъ** была добрымъ геніемъ этихъ трехъ партій, собиравшихся у нее въ домѣ, какъ предводители конституціонной партіи собирались у дочери Неккера, **госпожи де Сталь**. Республиканка Роланъ рѣзко отличалась отъ госпожи де Сталь и всѣхъ подобныхъ бабъ. Она не старалась блистать геніальностью и вліяніемъ на мужчинъ, но желала вдохновлять друзей своей идеей или своей мечтой о свободѣ и республикѣ. Это была женщина простая, нелишенная женственности, читавшая не одни романы и повѣсти, а самыя серьезныя книги. Она имѣла свойственный французамъ риторическій взглядъ на древнюю исторію и мечтала объ идеалахъ героевъ и учрежденій, никогда несуществовавшихъ, да и невозможныхъ. Впослѣдствіи госпожѣ де Сталь удалось невредимо пробраться сквозь огонь и воду, тогда какъ Роланъ пала жертвою своихъ идеаловъ, но смертью пріобрѣла незабвенное имя, потому что осталась до конца вѣрна своей вѣрѣ въ высшее назначеніе жизни и не пала духомъ ни передъ судомъ, ни въ тюрьмѣ, ни на эшафотѣ.

Когда Мирабо умиралъ (2 апрѣля 1791), власть была уже въ рукахъ якобинцевъ. Это было такъ очевидно, что на похоронахъ его, гдѣ присутствовало все Національное Собраніе и клубъ якобинцевъ, уже состоявшій изъ 1800 членовъ, президентъ Собранія хотѣлъ уступить первое мѣсто призиденту клуба, на что однако тотъ не согласился. Въ томъ же мѣсяцѣ якобинцы доказали, что и войско ихъ многочисленнѣе и послушнѣе конституціоннаго войска. 18 апрѣля Лафайетъ, желая доказать Европѣ, что Лудовикъ XVI вовсе не въ плѣну у парижскаго народа, хотѣлъ сопровождать его съ національной гвардіей въ Сенъ-Клу, гдѣ король хотѣлъ исповѣдаться у неприсяжнаго священника. Но народъ, руководимый якобинцами, остановилъ королевскую карету, и когда главнокомандующій національной гвардіи приказалъ своимъ войскамъ идти впередъ, они не повиновались.

Король долженъ былъ возвратиться, а Лафайетъ, глубоко оскорбленный, на три дня сложилъ начальство.

Комитеты клуба якобинцевъ организовали дипломатическую полицію съ хорошими шпіонами, такъ что знали въ точности все, что дѣлается при иностранныхъ дворахъ въ пользу короля. Они пользовались этимъ, чтобы подкапывать значеніе короля, совѣтники короля своимъ коварствомъ только помогали имъ. Лудовикъ XVI былъ лишенъ престола такими же людьми и частью даже тѣми же самыми фамиліями, которыя въ новѣйшее время погубили Карла X.

Эти люди еще въ октябрѣ 1790 внушили королю мысль бѣжать, но дѣйствовали такъ неосторожно, что всѣ задолго знали ихъ намѣренія. Притомъ, дѣло не удалось по ихъ же безтолковости. Графъ д'Артуа и Калонъ вели въ Мантуѣ переговоры съ императоромъ, который повредилъ королю, издавъ манифестъ, послужившій прямо въ пользу враговъ монархіи. Леопольдъ говорилъ въ своемъ манифестѣ, выпущенномъ только въ іюлѣ 1791, что дѣло Лудовика XVI есть общее дѣло всѣхъ монарховъ; императоръ грозилъ французамъ местью иностранныхъ державъ и передавалъ внутреннія дѣла Франціи на судъ министровъ иностранныхъ королей. Самъ Лудовикъ XVI своимъ бѣгствомъ выставилъ и себя, и монархію въ такомъ неблагопріятномъ свѣтѣ, что демагоги не могли желать ничего лучшаго. Уже составивъ планъ бѣгства, онъ имѣлъ неосторожность утвердить 2 іюня декреты Національнаго собранія, а 10 написалъ противъ нихъ протестъ, который послѣ его побѣга былъ сообщенъ Національному Собранію.

Побѣгъ, предпринятый ночью съ 20 на 21 іюня, доказываетъ полнѣйшее ослѣпленіе и неисправность придворныхъ, которые даже въ такую минуту не могли отказаться отъ своихъ интригъ, высокомѣрія и этикета. Тогда каждый гражданинъ смотрѣлъ на знать съ ненавистью, и дѣло могло удаться только при большой осмотрительности, а они дѣлали ошибку за ошибкой. Напримѣръ, побѣгъ былъ изъ-за разныхъ пустяковъ отсроченъ на два дня. Потомъ по требованію этикета посадили гувернантку королевскихъ дѣтей на мѣсто въ каретѣ, назначенное сначала дюжему гвардейскому капитану. Далѣе, прежде сговорились съ Булье (стр. 248), главнокомандующимъ войскъ въ Лотарингіи, чтобы онъ выставилъ пикеты по дорогѣ отъ Шалона на Марнѣ до Монмеди, куда ѣхали; но такъ какъ побѣгъ былъ отсроченъ на два дня, то Булье пришлось снять пикеты и потомъ опять выставить ихъ, что возбудило вниманіе жителей. Наконецъ извѣстно было, что короля всякій знаетъ въ лицо по портретамъ на монетахъ, а его посадили въ великолѣпную карету, страшно тяжелую и дорогой потребовавшую починки. При такихъ условіяхъ, разумѣется, не могло помочь, что Лудовику дали паспортъ камердинера русской баронессы. Сопровождавшій его шведскій графъ Ферзенъ дѣлалъ безпрестанныя неосторожности. Братъ Лудовика, графъ Прованскій, бѣжалъ въ тотъ же день, но кратчайшимъ путемъ и счастливо добрался до Бельгіи. Уже въ Шалонѣ почтмейстеръ узналъ короля, но какъ человѣкъ благонамѣренный, промолчалъ. Въ Сенъ-Мену почтмейстеръ Друэ, узнавъ бѣглецевъ, поспѣшно послалъ сына по кратчийшей дорогѣ на слѣдующую станцію въ Варенъ, распорядиться объ арестованіи Лудовика. Когда бѣглецы прибыли въ Варенъ, тамошніе граждане загородили мостъ. Однако Лудовикъ могъ бы спастись, еслибы позволилъ сопровождавшимъ его тѣлохранителямъ проложить дорогу силой. Но на это онъ не могъ рѣшиться, и потому народъ задержалъ его и далъ знать о поимкѣ его Національному Собранію.

Въ Парижѣ побѣгъ короля сдѣлался извѣстнымъ еще 21 іюня въ семь часовъ утра. Лафайетъ, національные гвардейцы котораго стояли на караулѣ во дворцѣ, былъ заподозрѣнъ, что зналъ о побѣгѣ, потому что всѣмъ казалось совершенно невѣроятнымъ, чтобы онъ не замѣчалъ въ послѣднее время суеты и хлопотъ придворной прислуги. Аристократы обвиняли его, что онъ смотрѣлъ на бѣгство сквозь пальцы, чтобы потомъ захватить короля совершенно въ свою власть; демократы говорили, что онъ нарочно ничего не замѣчалъ въ угоду своему двоюродному брату, ненавистному Булье. Узнавъ о побѣгѣ короля, онъ тотчасъ послалъ за нимъ своего генералъ-адъютанта Ромефа; Національно Собраніе, получивъ донесеніе изъ Варена, съ своей стороны послало трехъ своихъ членовъ, Латуръ-Мобуа, Петіона и Барнава, чтобы привезти бѣглецовъ и защитить ихъ дорогой отъ народа. Возвращеніе королевской фамиліи въ Парижъ нанесло

смертельный ударъ монархіи; депутаты дали ему видъ провоза арестантовъ ;сами они и Ромефъ сидѣли въ королевскихъ экипажахъ рядомъ съ плѣнниками, а тѣлохранителей везли связанныхъ на козлахъ, и въ Парижѣ народъ поколотилъ ихъ.

Неудавшійся побѣгъ повлекъ за собою весьма печальныя для короля послѣдствія. Во первыхъ, протестъ, оставленный Лудовикомъ, могъ служить документомъ, доказывающимъ, что онъ не считаетъ себя связаннымъ ни словомъ, ни присягою; во вторыхъ, побѣгъ далъ поводъ сдѣлать пробу вести управленіе безъ короля. Значеніе королевскаго протеста было еще усилено письменнымъ объясненіемъ, которое король далъ послѣ своей поимки по совѣту Барнава. Оно имѣло цѣлью извинить и оправдать первый протестъ. Вслѣдствіе этого король лишился всякаго довѣрія и доказалъ народу свою слабость. Это пришлось очень кстати мечтательнымъ республиканцамъ и еще болѣе кстати анархистамъ. Послѣдніе, какъ Мара, Дантонъ и другіе, пріобрѣли съ этихъ поръ полное основаніе для своихъ обвиненій противъ монархіи, а госпожа Роланъ и ея друзья, Петіонъ, Бюсо, Бриссо и другіе, возмечтали о легкомъ осуществленіи своего республиканскаго идеала.

Второе пагубное послѣдствіе побѣга заключалось въ томъ, что король былъ на нѣкоторое время отстраненъ отъ управленія, которое велось республикански. 25 іюня Національное Собраніе рѣшило временно пріостановить дѣйствіе королевской власти, и декретъ этотъ исполнялся до сентября, когда работы Національнаго Собранія были окончены. Законодательная власть формально взяла въ руки все управленіе государствомъ, поставила министровъ подъ свой непосредственный надзоръ и передала всѣ отрасли администраціи своимъ комитетамъ и коммиссарамъ. Тѣлохранители были уничтожены, члены королевской фамиліи отданы подъ караулъ національной гвардіи, какъ арестанты, а король подвергся формальному судебному преслѣдованію. Такимъ образомъ народъ имѣлъ время отвыкнуть отъ королевской власти. Монархическо-конституціонная партія помогала демократамъ и республиканцамъ, оставивъ короля до окончанія своихъ дѣлъ подъ страхомъ кары. Она уговорила друзей короля въ Національномъ Собраніи на необдуманный поступокъ. Послѣдніе, къ которымъ со времени бѣгства короля принадлежалъ и Барнавъ, не только отказались принимать участіе въ судѣ надъ королемъ, но и протестовали противъ всѣхъ декретовъ, изданныхъ во время его устраненія отъ управленія. Этотъ поступокъ двухсотъ девяноста одного депутата доставилъ крайней партіи такой перевѣсъ, что уже тогда едва отклонили обвиненіе короля. Большинство, конечно, рѣшило этотъ вопросъ въ пользу короля, но семеро депутатовъ, подавшіе голоса за обвиненіе, Грегуаръ, Петіонъ, Бюзо, Вадье, Робеспьеръ, Пютренъ и Эбраръ, заслужили уваженіе и похвалы народа, такъ что конституціонное большинство, чтобы не лишиться общественнаго расположенія, было принуждено прибавить къ оправданію короля нѣкоторыя оговорки.

Руководители демократіи воспользовались благопріятнымъ королю рѣшеніемъ Національнаго Собранія, какъ 5 октября 1789 дороговизною. Они подали Національному Собранію просьбу, составленную Бриссо и Ла Клозомъ, другомъ герцога Орлеанскаго, гдѣ требовали, чтобы весь французскій народъ рѣшилъ, можетъ ли продолжаться власть Лудовика. Эта просьба была положена 17 іюля для собиранія подписей на алтарь отечества, воздвигнутый въ прошломъ году на Марсовомъ полѣ. Намѣреніе ихъ состояло въ томъ, чтобы подъ предлогомъ подписыванія просьбы собрать народъ и потомъ возбудить его къ насилію противъ Національнаго Собранія, какъ 5 октября 1789 его возбудили противъ короля въ Версали. Люди, руководившіе всѣмъ этимъ дѣломъ, были впослѣдствіи предводителями крайнихъ республиканцевъ, Дантонъ, Петіонъ, Бюзо, Бриссо, Лежандръ, Фабръ д'Эглантинъ, Фреронъ, Роберъ, Мара, Шометъ и Камиль Демуленъ. Они воспламенили народъ рѣчами и старались уговорить толпу силою ворваться въ Національное Собраніе. Наконецъ явились Лафайетъ и меръ Бальи съ національной гвардіей. Согласно марціальному закону, они потребовали, чтобы народъ разошелся, и когда на требованіе ихъ отвѣчали камнями, Бальи приказалъ стрѣлять. При первомъ залпѣ вся безчисленная толпа, объятая паническимъ страхомъ, разбѣжалась, оставивъ четырнадцать или, какъ говорятъ другіе, болѣе

ста человѣкъ убитыхъ. Съ тѣхъ поръ народъ, разумѣется, возненавидѣлъ Лафайета и Бальи. Бальи впослѣдствіи поплатился жизнью за свою жестокость въ этотъ день. Впрочемъ пока его крутая мѣра напугала якобинцевъ, и многіе изъ страха вышли изъ клуба, такъ что изъ всѣхъ депутатовъ Національнаго Собранія, бывшихъ якобинцами, въ клубѣ осталось только шесть человѣкъ. Всѣ остальные перешли къ фельянамъ. Національная гвардія хотѣла совершенно уничтожить якобинцевъ и кордельеровъ, разоривъ ихъ клубы, но конституціонисты нуждались въ демагогахъ противъ слѣпыхъ приверженцевъ старины и потому не могли рѣшиться уничтожить источники безпокойствъ. По тѣмъ же причинамъ и Національное Собраніе не воспользовалось случаемъ подавить волненіе. Клубъ былъ, правда, стѣсненъ, газета Мара запрещена, изданъ новый законъ противъ мятежей, и назначено судебное слѣдствіе; но всѣ эти строгости продолжались очень недолго, и вскорѣ якобинцы стали страшнѣе прежняго.

Вслѣдъ за тѣмъ Національное Собраніе окончило свои конституціонныя работы. Въ августѣ конституція была еще разъ пересмотрѣна, и потомъ Національное Собраніе само объявило ее оконченною и представило на разсмотрѣніе королю. Король принялъ новую конституцію и 14 сентября торжественно присягнулъ ей въ Національномъ Собраніи. Этимъ окончилось временное прекращеніе его власти и арестъ, подъ которымъ его до сихъ поръ держали съ семействомъ.

Конституція, составленная Національнымъ Собраніемъ, оказалась несостоятельною не только по тогдашнему положенію дѣлъ, но и потому, что она вообще была нелѣпая смѣсь американской демократіи съ англійской аристократіей. Однако Франція обязана ей нѣкоторыми существенными выгодами, которыми впрочемъ французы воспользовались только впослѣдствіи и которыя имъ пришлось еще купить десятилѣтними страданіями всякаго рода. Главная выгода заключалась въ томъ, что на мѣсто произвола и неопредѣленныхъ обычаевъ водворился опредѣленный законный порядокъ. Всѣ феодальныя права и всѣ пошлины и десятины были уничтожены. Прекратилась продажность мѣстъ. Финансы были приведены въ систематическій порядокъ, и введено новое равномѣрное распредѣленіе податей по состояніямъ. Продажа церковныхъ имуществъ и земель доставила тысячамъ бобылей собственность и дала возможность существовать, не нищенствуя. Была введена полнѣйшая вѣротерпимость. Монашескіе обѣты, цехи и гильдіи были уничтожены. Судопроизводство было совершенно преобразовано, и отмѣнены всѣ варварскія казни, завѣщанныя средними вѣками. Былъ введенъ судъ присяжныхъ, объявлена свобода печати, обезпечена личная безопасность, совершенно уничтожены произвольные аресты, и уничтожены права первородства и произвольныя завѣщанія. Отмѣнѣ этихъ двухъ золъ исключительно приписываютъ умноженіе населенія во Франціи, которое, не смотря на страшныя потери, въ слѣдующее десятилѣтіе увеличилось на одну пятую.

По необдуманному великодушію Національное Собраніе 16 мая 1791 постановило по предложенію Робеспьера, что всѣ члены его устраняются отъ выборовъ въ Законодательное Національное Собраніе, которое по новой конституціи должно было собраться тотчасъ по закрытіи Учредительнаго. Это помогло цѣлямъ людей, желавшихъ новой революціи. Парижскіе граждане были на сторонѣ демократическихъ депутатовъ и потому съумѣли оставить за ними значеніе, котораго конституціонисты по закрытіи учредительнаго собранія совершенно лишились. Въ іюнѣ Робеспьеръ былъ выбранъ публичнымъ обвинителемъ парижскаго уголовнаго суда, Петіонъ—президентомъ его, а Бюзо—вице-президентомъ. Вскорѣ по закрытіи учредительнаго собранія (16 ноября) Петіонъ былъ избранъ на мѣсто Бальи меромъ Парижа. Въ то же время другой членъ крайней партіи, Манюэль, былъ сдѣланъ *прокуроромъ* или *синдикомъ* парижской общинной Думы, а Дантонъ—его помощникомъ. Мѣсто главнокомандующаго парижской національной гвардіи было уничтожено еще учредительнымъ собраніемъ. Гражданское войско Парижа было раздѣлено на шесть легіоновъ, и назначено шесть начальниковъ ихъ, которые должны были занимать должность главнокомандующаго поочередно, по мѣсяцу каждый. Одинъ изъ нихъ, пивоваръ Сантерръ, былъ другъ герцога Орлеанскаго; онъ имѣлъ больше всѣхъ значенія, потому что пользовался большимъ вліяніемъ на предмѣстья, т. е. на главную массу простонародья, какъ Лафайетъ на средній классъ. Такимъ образомъ, когда новое Національное Собраніе откры-

вало свою дѣятельность, значеніе, которымъ до сихъ поръ пользовались Лафайетъ, Бальи, Ламетъ и другіе конституціонисты, перешло къ демократамъ. Выборы въ это собраніе производились также совершенно подъ вліяніемъ враговъ новой конституціи, въ чемъ было виновато также Учредительное Собраніе, потому что оно издало избирательный законъ, предававшій выборы въ руки народной массы, и тѣмъ поставило ихъ въ зависимость отъ клуба якобинцевъ. Это вполнѣ объясняетъ паденіе новой конституціи, которая просуществовала едва одиннадцать мѣсяцевъ. Наконецъ, надо принять въ соображеніе, что по этой конституціи Законодательное Собраніе не имѣло надъ собой ни верхней палаты, ни короля, который былъ сдѣланъ равнымъ собранію, потому что не могъ распускать и закрывать его; его министры не имѣли въ собраніи ни мѣста, ни голоса, а самъ онъ не могъ имѣть ни малѣйшей иниціативы. Такимъ образомъ очень естественно, что Національное Собраніе, составленное изъ республиканцевъ, съ самаго начала стало стремиться къ ниспроверженію конституціи. Между членами его не было почти ни одного, который безусловно желалъ бы соблюдать свою присягу новой конституціи.

4. Дѣятельность Законодательнаго Національнаго Собранія до жирондистскаго министерства (мартъ 1792).

Законодательное Національное Собраніе открыло свои засѣданія 1 октября 1791 при обстоятельствахъ весьма сомнительныхъ для прочности новаго конституціоннаго правительства и для возстановленія порядка и спокойствія. Король ненавидѣлъ конституцію, которую былъ принужденъ принять поневолѣ, хотя только она могла спасти его. Дворъ съ королевой, руководившій слабымъ королемъ, строилъ противъ конституціи заговоры. Эмиграція тоже интриговала у иностранныхъ державъ противъ новаго порядка. Король и всѣ окружавшіе его тайно поддерживали ее. При дворѣ составился тѣсный кружокъ заговорщиковъ, подъ руководствомъ министра Бертрана де Мольвиля, стремившійся погубить конституцію и прозванный въ насмѣшку австрійскимъ комитетомъ. Эти неисправимые люди по близорукости поддерживали даже планы демагоговъ, потому что надѣялись, что когда якобинцы ниспровергнутъ конституцію, то въ общемъ смятеніи можно будетъ снова учредить прежнюю монархію. Вслѣдствіе этого они совершенно безполезно тратили милліоны на подкупы, на журнальныя статьи и на шпіоновъ.

Что касается конституціонной партіи, то мы уже сказали, что она сама безразсудно устранила своихъ вождей отъ участія въ новомъ Національномъ Собраніи. Кромѣ того она лишилась власти и въ парижской общинной думѣ, которая еще въ ноябрѣ 1791 забрала въ свои руки полицію и правосудіе и образовала полицейскій комитетъ, облеченный судебной властью и преслѣдовавшій конституціонистовъ, какъ самыхъ ненавистныхъ враговъ своихъ. Только парижская департаментская директорія состояла еще, подобно всѣмъ прочимъ департаментскимъ управленіямъ, большею частью изъ людей конституціоннаго направленія. Эта партія, подобно двору, обманывалась самымъ несчастнымъ образомъ и сама готовила себѣ гибель. Ея руководители надѣялись сохранить монархію, хотя бы пришлось помѣшать возврату къ старинѣ полнѣйшимъ ниспроверженіемъ всего существующаго. Но они боролись тупымъ оружіемъ противъ врага, который съ смѣлостью поднималъ на нихъ всѣ народныя силы. Вслѣдствіе этого знатные приверженцы свободы, за исключеніемъ Лафайета и немногихъ другихъ, еще въ октябрѣ 1791 совершенно упали духомъ и въ слѣдующемъ же году, попавъ между двухъ крайнихъ партій, были принуждены примкнуть къ королю и къ своимъ смертельнымъ врагамъ, эмигрантамъ.

Такимъ образомъ власть перешла къ республиканцамъ, которые, не смотря на различіе своихъ конечныхъ цѣлей, дѣйствовали еще единодушно. Сами обстоятельства воздвигли новую правительственную власть, хотя никто не составлялъ для нея опредѣленной программы. Опорой этой чисто охлократической власти былъ клубъ якобинцевъ и столичное простонародье. Клубъ якобинцевъ, имѣвшій

отдѣленія во всѣхъ городахъ государства, былъ, можно сказать, высшимъ административнымъ мѣстомъ. Народъ служилъ ему тѣмъ, чѣмъ полиція и войско служили прежде правительству. Онъ доставлялъ клубу послушаніе и своимъ волненіемъ запугивалъ противниковъ демократіи. Даже парижская городская община, уже ставшая чѣмъ-то въ родѣ демократической республики, должна была угождать простому народу. Высшій классъ парижской буржуазіи былъ отчасти самъ виноватъ въ постигшихъ его бѣдствіяхъ. Богатые и знатные люди удалились въ первое же время Законодательнаго Собранія. Они предоставили народнымъ массамъ не только городскія должности и дѣла, но и предали въ ихъ руки вооруженную силу, потому что покинули ряды національной гвардіи, гдѣ ихъ замѣнили простолюдины. Въ февралѣ 1792 образовался вооруженный отрядъ копейщиковъ, а національная гвардія еще въ 1789 получила артиллерію, въ которой служили слесаря, кузнецы, каретники, плотники, мясники и другіе ремесленники.

Законодательное Національное Собраніе почти все состояло изъ людей, стремленія которыхъ далеко опережали новую конституцію. Въ числѣ 745 его членовъ было триста адвокатовъ, семьдесять присяжныхъ священниковъ и очень мало помѣщиковъ. Большинство депутатовъ было моложе тридцати лѣтъ; многимъ едва было законныхъ двадцать пять лѣтъ. Между депутатами было нѣсколько приверженцевъ монархіи, но они были принуждены вторить крайней оппозиціи, если не хотѣли подпасть обвиненію въ антипатріотическомъ направленіи. Притомъ они боялись возвращенія къ старинѣ и при извѣстномъ направленіи двора не могли слишкомъ рѣшительно противодѣйствовать республиканскимъ мечтателямъ.

Большинство собранія состояло изъ республиканцевъ двухъ разныхъ партій, конституціонистовъ или фейльяновъ и якобинцевъ. Нѣкоторое время они дѣйствовали заодно въ якобинскомъ клубѣ, а потомъ распались на двѣ враждебныя партіи. Одна изъ этихъ партій предполагала возможнымъ основать рѣчами и ученіемъ гражданскую республику образованныхъ сословій; другая хотѣла уничтожить все старое и произвести въ народѣ бурное движеніе, чтобы посредствомъ него создать совершенно новыя человѣческія отношенія. Первая партія состояла преимущественно изъ юристовъ Нормандіи, Бретаніи и южныхъ приморскихъ городовъ, и назывались жирондистами, потому что лучшіе ораторы ея были изъ департамента Жиронды. Другую назвали впослѣдствіи Горою, потому что члены ея занимали въ палатѣ верхнія мѣста съ лѣвой стороны. Она состояла изъ якобинцевъ, впослѣдствіи ставшихъ террористами; сборнымъ пунктомъ ея были якобинскій клубъ и маленькій клубъ кордельеровъ. Къ этой партіи принадлежали и нѣкоторые своекорыстные плуты, которые хотѣли только ловить рыбу въ мутной водѣ, какъ, напримѣръ, грязный капуцинскій монахъ Шабо, котораго довѣрчивый мечтатель, епископъ Грегуаръ, назначилъ своимъ генералъ-викаріемъ; но тутъ были и такіе люди, какъ хромой адвокатъ Кутонъ изъ Клермона, владычествовавшій потомъ во времена террора вмѣстѣ съ Робеспьеромъ. Въ Жирондѣ лучшими людьми можно назвать адвокатовъ Гаде, Верньо и Жансоне изъ департамента Жиронды, Инара, купца изъ департамента Вара, профессоровъ Коха, Арбогаста и Корна изъ Страсбурга, маркиза Кондорсе, извѣстнаго, какъ острый діалектикъ и академическій философъ, и въ особенности Бриссо, именемъ котораго назвали впослѣдствіи всю эту партію, когда противъ нея хотѣли возбудить ненависть. Бриссо, съѣздивъ въ Сѣверную Америку, восхитился тамошней демократіей и гораздо болѣе сходился съ ярыми якобинцами, чѣмъ съ своими жирондистскими друзьями. Онъ тотчасъ заявилъ, что Франціи необходима децентрализація и потому нужно уронить значеніе Парижа. Вслѣдствіе этого парижане сдѣлались орудіемъ враговъ Бриссо и его партіи.

Ослѣпленіе братьевъ короля, бѣжавшихъ въ Германію, и неосторожность неприсяжныхъ священниковъ, къ которымъ принадлежало большинство сельскихъ священниковъ и почти всѣ епископы, дали партіи насилія съ самаго начала благовидный предлогъ склонить законодательное собраніе къ разрушительнымъ мѣрамъ. Неприсяжные священники прямо высказывали свою ненависть къ новому порядку и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ возстановили противъ него народъ. Бѣжавшіе принцы обнародовали манифестъ 10 сентября 1791, гдѣ съ презрѣніемъ

не признавали ничего совершившагося съ мая 1789 и наводили сомнѣніе на искренность королевской присяги конституціи. Всѣмъ этимъ пользовались крайніе якобинцы, органомъ которыхъ въ этомъ дѣлѣ былъ Кутонъ. По предложенію Кутона, 5 октября было рѣшено отмѣнить королевскіе титулы Sire и Majesté и на торжественныхъ засѣданіяхъ собранія сравнять короля съ президентомъ, поставивъ ему кресло на одной ступени съ президентомъ и по лѣвую его руку. Но рѣшеніе это на другой день было отмѣнено, потому что произвело дурное впечатлѣніе на народъ, который еще не отвыкъ отъ монархическихъ порядковъ.

Въ октябрѣ и ноябрѣ были изданы строгіе декреты противъ неприсяжныхъ священниковъ и противъ эмигрантовъ. Ихъ обвиняли въ сопротивленіи закону и въ заговорѣ противъ отечества, и вслѣдствіе этого священники были взяты подъ надзоръ полиціи, а эмигранты, которые не возвратятся къ 1 января, осуждены на смерть, а имущество ихъ предписано конфисковать. Король возсталъ противъ этихъ декретовъ, ободренный просьбой парижской департаментской директоріи, состоявшей изъ конституціонистовъ. Но это побудило враговъ монархіи и конституціи къ дальнѣйшимъ смѣлымъ поступкамъ. Въ Авиньонѣ, главномъ городѣ папскаго графства того же имени, въ концѣ октября были убиты народомъ нѣкоторые граждане, недовольные насильственнымъ присоединеніемъ графства къ Франціи по декрету учредительнаго національнаго собранія.

Важнѣйшимъ предметомъ занятій законодательнаго собранія въ первое полугодіе было принятіе военныхъ мѣръ противъ внѣшнихъ враговъ. Ближайшимъ поводомъ къ этимъ мѣрамъ послужили поддержанныя императоромъ Леопольдомъ жалобы нѣмецкихъ владѣльцевъ на лишеніе ихъ феодальныхъ правъ (стр. 324, 330). Кромѣ того французы были оскорблены военными приготовленіями эмигрантовъ въ Германіи, вышеупомянутымъ (стр. 332) манифестомъ императора и переговорами Австріи, Пруссіи и другихъ государствъ о Франціи; въ этихъ переговорахъ тайно принималъ участіе и французскій дворъ. Хотя правительство съ самаго начала 1792 выставило на восточной границѣ три арміи подъ начальствомъ Р о ш а н б о, Л ю к н е р а и Лафайетта, но ему не довѣряли, тѣмъ болѣе, что оно оставалось совершенно спокойно, тогда какъ Австрія и Пруссія заключили 7 февраля 1792 совершенно военный договоръ и присылали французскому министерству грозныя и оскорбительныя ноты. Одна изъ самыхъ ярыхъ нотъ была составлена самимъ французскимъ дворомъ при содѣйствіи Барнава, Дюпора и другихъ либеральныхъ роялистовъ, и послана въ Вѣну для пересылки въ Парижъ; они полагали возможнымъ напугать республиканцевъ. При такихъ обстоятельствахъ крайней партіи якобинцевъ было необходимо какимъ бы то ни было средствомъ возбудить войну и воспользоваться положеніемъ дѣлъ, чтобы низвергнуть министерство. Бриссо, какъ членъ комитета иностранныхъ дѣлъ, уже въ октябрѣ представилъ это дѣло законодательному собранію. Въ январѣ 1792 было наконецъ рѣшено отвѣчать императору, что если онъ не исполнитъ къ 1 марту всѣхъ требованій Франціи, то ему будетъ объявлена война. Когда декретъ этотъ былъ утвержденъ, министры разными хитростями отсрочивали приведеніе его въ исполненіе и старались замедлить докладъ, составленный комитетомъ иностранныхъ дѣлъ. Но они вызвали этимъ такое ожесточеніе, что были наконецъ низвергнуты. Бриссо возсталъ на нихъ съ крайнимъ жаромъ. Какъ докладчикъ комитета, онъ разъяснилъ интриги, веденныя министрами и королемъ; вслѣдствіе этого министръ иностранныхъ дѣлъ Д е л е с с а р ъ былъ 10 марта обвиненъ и арестованъ.

Когда вслѣдствіе этого министерство пало, король принялъ пагубное при тогдашнихъ обстоятельствахъ рѣшеніе выбрать министровъ изъ рядовъ оппозиціи и назначить министерство изъ жирондистскихъ якобинцевъ, ненавистныхъ ему и вскорѣ открыто выступившихъ противъ него. Членами новаго министерства были: Р о л а н ъ—министръ внутреннихъ дѣлъ, Д ю р а н т о н ъ—юстиціи, Л а к о с т ъ—морской, К л а в ь е р ъ изъ Женевы — финансовъ, С е р в а н ъ — военный, Д ю м у р ь е—иностранныхъ дѣлъ. Всѣ эти министры, за исключеніемъ послѣдняго, были люди честные, но дюжинные и потому совершенно неспособные управлять государствомъ въ такую бурю. Въ сущности всѣмъ министерствомъ руководила жена Ролана. Она присутствовала при министерскихъ преніяхъ, происходившихъ въ кабинетѣ ея мужа, и имѣла, хотя скромное и молчаливое, но очень сильное

вліяніе. Единственный способный и опытный человѣкъ изъ новыхъ министровъ, Дюмурье, былъ прежде тайнымъ агентомъ Лудовика XV въ Польшѣ и Швеціи и служилъ въ польской военной службѣ (стр. 222). Впослѣдствіи военный министръ Сенъ-Жерменъ пользовался имъ въ своихъ реформахъ военнаго вѣдомства (стр. 204); наконецъ онъ распоряжался крѣпостными работами въ Шербургѣ. На революцію онъ съ самаго начала смотрѣлъ, какъ на хорошій случай составить себѣ карьеру, и дѣйствовалъ въ пользу интригановъ, которые могли быть ему полезны въ достиженіи почестей и значенія. Поэтому онъ примкнулъ сначала къ жирондистамъ, но сдѣлавшись съ ихъ помощью министромъ, сблизился съ крайнею партіею якобинцевъ. Въ тотъ самый день, какъ онъ былъ назначенъ министромъ, онъ вошелъ на подмостки якобинскаго клуба въ красной шапкѣ галерныхъ преступниковъ, тогда какъ трое товарищей его никогда не принадлежали къ этому клубу, а два остальные (Роланъ и Клавьеръ) по крайней мѣрѣ министрами никогда не посѣщали его. Впослѣдствіи Дюмурье перешелъ къ партіи Дантона и Робеспьера и наконецъ измѣнилъ и имъ, и своему отечеству.

Новому министерству слѣдовало бы, согласно желанію Бриссо, тотчасъ объявить войну; но самые крайніе изъ республиканцевъ, уже тогда считавшіе Робеспьера своимъ вождемъ, не хотѣли сначала и слышать о войнѣ. Робеспьеръ къ сильному огорченію своему игралъ въ первомъ національномъ собраніи очень незначительную роль, но зато въ якобинскомъ клубѣ былъ значительнымъ лицомъ еще съ 1789. Когда въ іюнѣ 1791 при первой вѣсти о побѣгѣ короля у Ролана зашла рѣчь о томъ, чтобы воспользоваться этимъ и учредить республику, Робеспьеръ насмѣшливо спросилъ: что за штука республика? Точно также, когда жирондисты требовали войны, онъ стоялъ за миръ и въ якобинскомъ клубѣ говорилъ рѣзкія рѣчи противъ короля, попадавшія и въ министерство. Онъ и Демуленъ были убѣждены, что побѣдоносная армія послужитъ бриссотистамъ, чтобы вмѣстѣ съ Лафайетомъ основать на развалинахъ монархіи правительство честолюбивой знати.

Но войны было уже невозможно избѣжать. Она началась бы уже потому, что Дюмурье, разыгрывая роль республиканца и желая пріобрѣсти популярность, ввелъ въ дипломатическій языкъ тотъ грубой тонъ, которымъ французы говорили съ державами Европы до реставраціи. Война стала неизбѣжною, когда умеръ императоръ Леопольдъ (1 марта 1792), и ему наслѣдовалъ молодой, неопытный и зависѣвшій отъ женщинъ и придворныхъ сынъ его, Францъ II.

XVI. МОНАРХИЧЕСКАЯ ЕВРОПА

ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ ВРЕМЯ ДО ФРАНЦУЗКОЙ РЕВОЛЮЦІИ И ВЪ ПЕРВЫЕ ЕЯ ГОДЫ.

I. Россія до второй турецкой войны императрицы Екатерины II.

Едва Екатерина II окончила свою первую турецкую войну (стр. 220 — 222), какъ пріобрѣлъ власть **графъ Потемкинъ**. Григорій Орловъ и Потемкинъ долго сохраняли свое вліяніе на Екатерину, такъ что вліяніе ихъ продолжалось почти во все время царствованія императрицы. Въ 1772 Орловъ былъ вытѣсненъ Васильчиковымъ (стр. 221). Въ 1774 онъ снова занялъ свой прежній постъ, но въ томъ же году его замѣнилъ Потемкинъ. Этотъ послѣдній, скоро подчинилъ себѣ все управленіе государственными дѣлами и сохранилъ его до самой смерти, потому что, какъ и Орловъ, имѣлъ всѣ необходимыя качества для удовлетворенія желаній Екатерины. Онъ вскорѣ съумѣлъ сдѣлать себя необходимымъ для государыни.

Потемкинъ былъ настоящій вельможа. Онъ смотрѣлъ съ полнѣйшимъ презрѣніемъ на все, обращался со всѣми безъ исключенія грубо и деспотически и, не задумываясь, жертвовалъ своей минутной прихоти, честолюбію или планамъ своей государыни всѣми сокровищами государства и жизнью тысячъ людей. Кромѣ того онъ былъ користолюбивѣйшій человѣкъ въ государствѣ и, не смотря на свою истинно царскую роскошь, накопилъ себѣ такое громадное богатство, что по смерти его (1791) имущество его было оцѣнено въ пятьдесятъ два милліона рублей, хотя, вѣроятно, стоило еще гораздо болѣе.

Всѣ удивлялись Потемкину, хотя никто не могъ признать въ немъ ни одной, дѣйствительно высокой черты характера; всѣ его боялись и терпѣливо сносили его безмѣрное высокомѣріе. Напрасно преемники Потемкина въ важной для Екатерины придворной должности старались открыть глаза императрицѣ; всѣ они должны были преклоняться передъ человѣкомъ, съ которымъ сама Екатерина не могла разстаться, потому что онъ своей деспотической энергіей, не смотря ни на какія препятствія, приводилъ въ исполненіе громадныя предпріятія, которыя возвышали ея славу; къ тому же онъ умѣлъ отвлекать русскихъ вельможъ отъ заговоровъ въ пользу сына ея, Павла, какъ страхомъ, который внушалъ имъ, такъ и праздниками, которые ихъ забавляли.

Владычество Потемкина начинается съ кучукъ-кайнарджійскаго мира, вслѣдствіе котораго татарскія владѣнія на Черномъ морѣ отдѣлились отъ Турціи и были провозглашены независимыми (стр. 222). Присоединить эти земли къ русскому государству было первымъ планомъ, занимавшимъ Потемкина, и обстоятельства много благопріятствовали ему въ этомъ, потому что Францiя и Англія, безъ которыхъ Турція не могла вооружиться, именно въ то время вели между собой войну (стр. 239). При подчиненіи татаръ Потекинъ поступалъ также, какъ англичане поступаютъ съ владѣніями индѣйскихъ князей. Онъ прежде всего возбудилъ въ Крыму недовольство, поддерживалъ его и вытѣснилъ наконецъ такимъ

образомъ крымскаго хана, преданнаго туркамъ, а вслѣдъ затѣмъ заставилъ выбрать покровительствуемаго Россіей Шагинъ-Гирея. Потомъ, сосредоточеніемъ русскихъ войскъ близъ Крыма, раздражилъ турецкаго султана, побудилъ новоизбраннаго хана, увидѣвшаго себя между равно угрожающими ему подданными и турками, искать помощи въ Петербургѣ, и послалъ еще войско въ Крымъ подъ начальствомъ Суворова (1778). Султанъ долженъ былъ скоро подчиниться требованію Потемкина и признать водвореннаго Россіей хана правителемъ Крыма. Достигнувъ этого, Потемкинъ съумѣлъ, льстя самолюбію Шагинъ-Гирея и обѣщая ему блестящую будущность, довести его до того, что тотъ все болѣе и болѣе началъ чуждаться своего народа; отказался отъ своей религіи и уступилъ свое ханство Екатеринѣ, чтобы въ званіи русскаго подполковника имѣть возможность вести блестящую, покойную и полную довольства жизнь. Но Шагинъ-Гирея обманули самымъ постыднымъ образомъ, потому что коростолюбивый Потемкинъ не выдавалъ ему выговоренной годовой суммы, хотя сумма эта стояла въ отчетахъ, подаваемыхъ императрицѣ. Когда Шагинъ-Гирей въ 1786 обратился съ жалобой къ самой Екатеринѣ, Потемкинъ сослалъ его въ Калугу, гдѣ онъ впалъ въ страшную бѣдность, бѣжалъ въ Турцію, но по повелѣнію султана былъ удавленъ, какъ измѣнникъ и ренегатъ.

Послѣ отреченія хана русскія войска заняли Крымъ и другія принадлежащія къ нему татарскія земли (апрѣль 1783). Татары, которымъ подчиненіе Россіи русскіе выставляли за величайшее благо, напрасно старались отстаивать свою свободу. Потемкинъ употребилъ противъ нихъ крайнее средство терроризма. Болѣе тридцати тысячъ татаръ всякаго возраста и пола погибло въ потокахъ крови; слѣдовательно, число противниковъ Россіи значительно уменьшилось, а остальные были напуганы страшнымъ примѣромъ. Тогда объявили Крымъ и большую часть Кубани русскими губерніями и дали имъ новыя названія Тавриды и Кавказа: Потемкинъ получилъ титулъ князя Таврическаго и назначенъ генералъ-губернаторомъ завоеванныхъ земель и адмираломъ Чернаго моря.

Султанъ долженъ былъ спокойно смотрѣть на покореніе Крыма, потому что не могъ ожидать себѣ помощи отъ Европы; Франція думала только о томъ, какъ бы покончить сѣверо-американскую войну, Англія же была занята безпорядками, которые такъ выдвинули Питта въ слѣдующемъ году. Іосифъ II Австрійскій еще въ 1780 поддался вліянію Екатерины и заключилъ съ ней въ Царскомъ Селѣ договоръ, по которому обязался предоставить турокъ и татаръ ихъ участи. Наконецъ Фридрихъ Великій желалъ и надѣялся съ помощью Россіи пріобрѣсти польскіе города Торнъ и Данцигъ. Что касается султана, ему не только было необходимо согласиться на уступку татарскихъ земель, но онъ былъ вынужденъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ поляки, формальнымъ согласіемъ своимъ придать завоеванію видъ законнаго пріобрѣтенія.

Тотчасъ послѣ того Потемкинъ снова занялъ свою государыню новыми гигантскими планами и предпріятіями. Въ ненужной войнѣ съ Персіей съ единственной цѣлью завоеваній въ Азіи онъ снова жертвовалъ деньгами и людьми. Онъ вошелъ въ сношенія съ Китаемъ, и хотя хвастался ими, но они не повели не къ чему; онъ водворилъ шестьдесятъ тысячъ казаковъ въ землѣ татаръ и наконецъ составилъ планъ новаго великолѣпнаго предпріятія, которое требовало баснословныхъ суммъ, но въ сущности было ничто иное, какъ тонко обдуманная колоссальная лесть императрицѣ. Такъ какъ Екатерина мечтала въ это время съ своимъ другомъ Вольтеромъ о созданіи новаго греческаго государства, Потемкинъ ухватился за эту мысль и рѣшился устроить сначала полугреческое государство на берегу Чернаго моря. Начало было сдѣлано постройкой столицы этого будущаго государства. Будто колдовствомъ въ самое короткое время явилось подобіе большаго города, на что было употреблено восемнадцать милліоновъ, большую часть которыхъ Потемкинъ впрочемъ удержалъ у себя; городъ этотъ получилъ названіе Херсона, но такъ какъ мѣсто для него было выбрано неудачно, то построенная впослѣдствіи Одесса далеко оставила его за собой. Превращенныя въ намѣстничество пустыни, которыхъ Херсонъ сталъ столицей, Потемкинъ съ свойственною ему лестью назвалъ «Екатеринославскимъ». Въ Новороссіи

былъ также построенъ имъ городъ, который онъ наименовалъ Екатеринославомъ.

Когда основаніе Херсона было окончено, Потемкинъ, чтобы достойнымъ образомъ отпраздновать его, задалъ такой праздникъ, какому едва ли кто-нибудь задавалъ равный въ Европѣ. Только въ царствѣ Аббасидовъ или Великаго Могола была извѣстна такая баснословная роскошь; но на западѣ, конечно, нигдѣ такъ не злоупотребляли деньгами гражданъ и не издѣвались такъ надъ общественнымъ мнѣніемъ, какъ въ то время въ Россіи. Это празднество соединялось съ торжествомъ присяги, которую Екатерина должна была принимать въ новомъ городѣ, и имѣло кромѣ того цѣлью выказать великолѣпіе и пышность, долженствующія ослѣпить глаза всего свѣта. Въ январѣ 1789 Екатерина выѣхала на этотъ праздникъ въ Херсонъ. Потемкинъ выѣхалъ ранѣе, чтобы приготовить кулисы для театра, который, такъ сказать, простирался отъ Петербурга до Херсона. Изъ приглашенныхъ августѣйшихъ особъ были Іосифъ II и польскій король Станиславъ; Потемкинъ и Екатерина хотѣли воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы договориться съ первымъ о раздѣлѣ Турціи; послѣдній же былъ приглашенъ только для того, чтобы подлѣ его политической ничтожности рѣзче выдавался ихъ великолѣпный монархическій блескъ.

Путешествіе было совершено съ расточительностью и жестокостью къ народу, вполнѣ достойными характеровъ геніальной Екатерины и ея друга. Свита императрицы была такъ велика, что на каждой станціи надо было приготовить до пятисотъ шестидесяти лошадей; чтобы можно было продолжать путь и ночью, на каждыхъ пятидесяти саженяхъ были разложены громадные костры, которые зажигались по мѣрѣ приближенія императрицы и распространяли на всю окрестность почти дневной свѣтъ. Потемкинъ выходилъ, казалось, изъ предѣловъ возможности, чтобы выказать власть и величіе своей государыни въ самомъ блестящемъ свѣтѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ и ее привести въ восторгъ видомъ благоденствія своихъ подданныхъ. Онъ выстроилъ множество однодневныхъ деревень, куда велѣлъ набрать съ разныхъ сторонъ до ста тысячъ человѣкъ крестьянъ, одѣтыхъ въ новыя платья; собралъ громадныя стада рогатаго скота, которыя должны были пастись около дороги. Тотчасъ по проѣздѣ Екатерины всѣ эти отрадныя видѣнія мгновенно исчезали, и въ степи все принимало прежній видъ дикости и пустыни. Такая же участь постигла и великолѣпныя зданія, въ которыхъ Екатерина проводила иногда ночи, и магазины, выстроенные въ Херсони, чтобы тѣшить ея очи.

Кромѣ того Екатерину особенно радовало, что въ Кіевѣ должны были приносить ей присягу новые русскіе подданные, польскіе дворяне: Сапѣга, Любомірскій, Потоцкій, Браницкій и другіе. Впослѣдствіи пріѣхалъ король Станиславъ, который допустилъ, чтобы ему прислали въ видѣ милостыни сто тысячъ рублей на дорогу, и просилъ императрицу даровать право наслѣдства польскаго престола его племяннику.

Императоръ Іосифъ II, пріѣхавшій въ Херсонъ ранѣе Екатерины, выѣхалъ ей на встрѣчу до Кайдака; онъ очень хорошо понялъ, что Потемкинъ обманываетъ императрицу, показывая ей благоденствіе, образованіе и густое населеніе ея народа, но не смотря на это, согласился на ея планы въ отношеніи Турціи и объявилъ въ Херсонѣ, что приметъ участіе въ войнѣ, которая должна начаться съ этимъ государствомъ. Пруссія, политикой которой управлялъ тогда еще Герцбергъ, и господствующая въ Англіи аристократія со страхомъ слѣдили за намѣреніями Іосифа и Екатерины. Они прибѣгли не только, какъ мы видѣли, къ возбужденію волненій въ Бельгіи, но и къ помощи Швеціи и Польши чтобы поставить этихъ государей въ затруднительное положеніе, но не приняли дѣятельнаго участія въ дѣлахъ Турціи.

2. Густавъ III и Екатерина II.

Въ то время какъ загорѣлась война между Россіей и Турціей, шведскій король Густавъ III уже снова потерялъ любовь крестьянскаго и мѣщанскаго сословій, между тѣмъ ему необходима была эта поддержка, чтобы противустоять дворянству. Онъ, къ несчастію своему, увлекся блескомъ двора Екатерины II и, не имѣя ея средствъ, не желалъ однако уступать ей въ роскоши. Императрица, имѣвшая даръ узнавать людей съ перваго взгляда, уже давно разгадала Густава и мастерски пользовалась его слабостями. Она имѣла нѣсколько свиданій съ романтическимъ шведскимъ королемъ и такъ умѣла обворожить его лестью, деньгами и празднествами, что онъ только въ 1786 рѣшился противодѣйствовать видамъ ея на Турцію. При второмъ своемъ свиданіи съ Екатериной (іюль 1783) онъ принялъ подарокъ въ двѣсти тысячъ рублей, предложенный ему подъ видомъ вознагражденія за путевыя издержки. Эти деньги онъ употребилъ на поѣздку въ Италію, гдѣ въ Неаполѣ его принялъ и угощалъ самымъ блестящимъ образомъ тотъ самый русскій посланникъ, который впослѣдствіи такъ грубо обращался съ нимъ въ его собственной столицѣ.

Густавъ сдѣлалъ огромную услугу своему государству, избавивъ его отъ ига корыстолюбивой и надменной касты дворянъ, и сначала добросовѣстно пользовался ввѣренной ему монархической властью. Но онъ самъ подкапывалъ свой тронъ, тратя на содержаніе двора, на великолѣпные праздники, на роскошныя путешествія, оперы, комедіи и искусства такія громадныя суммы, что совершенно истощилъ государственную казну. Финансовый кризисъ, въ который онъ впалъ черезъ это, уронилъ его во мнѣніи низшихъ сословій. Это обстоятельство было очень ловко употреблено шведскимъ дворянствомъ и русской императрицей, чтобы погубить его. Шведское дворянство, какъ аристократія другихъ государствъ, играло тогда дурную роль, которая доказывала, что дворянство невсегда составляетъ поддержку трона. Въ Австріи аристократія не только удерживала императора Іосифа въ его стремленіяхъ, но по смерти его снова привела все въ прежній порядокъ. Польское дворянство въ то же самое время продавало свое государство тому, кто дороже давалъ. Шведское дворянство сначало противодѣйствовало своему королю употребить свою власть на освобожденіе государства отъ чужой зависимости, затѣмъ освободилось отъ своего правителя, противодѣйствовавшаго ему, посредствомъ убійства, употребивъ, слѣдовательно, самое заговорщицкое средство.

Въ 1786 Густавъ долженъ былъ собрать сеймъ, чтобы справится съ финансовымъ кризисомъ. На этомъ сеймѣ дворянство выказало себя его открытымъ врагомъ. Изъ четырехъ предложеній, сдѣланныхъ Густавомъ, было принято только одно. Король былъ такъ раздраженъ этимъ, что въ рѣчи, которую произнесъ при распущеніи сейма, въ его словахъ ясно слышалась угроза.

Вслѣдъ затѣмъ онъ сталъ слушать англійскихъ и прусскихъ агентовъ, которые убѣждали его воспользоваться предстоящей войной Турціи и Россіи, чтобы отмстить послѣдней за Швецію. Еще до начала этой войны онъ заключилъ съ Турціей оборонительный союзъ, вооружилъ войско и флотъ, чтобы напасть на Россію съ сѣвера, когда главныя ея силы будутъ сосредоточены на югѣ. По правиламъ конституціи, наступательная война не могла начаться безъ согласія сейма, а получить это согласіе нечего было и думать, потому что дворянство было въ высшей степени раздражено противъ короля, и русскій посланникъ употреблялъ между тѣмъ всѣ усилія, чтобы возмутить всю шведскую націю. Кромѣ того король очень хорошо зналъ, что генералы и офицеры его войска, принадлежавшіе къ высшему дворянству, имѣютъ тайныя сношенія съ Россіей. Король захотѣлъ придать видъ оборонительной войны войнѣ наступательной, этимъ старался отнять у недовольныхъ законный предлогъ къ отказу отъ повиновенія. Чтобы достигнуть этой цѣли, онъ прибѣгнулъ къ хитрости. Онъ заставилъ русскихъ оружіемъ защищать издавна оспариваемое у нихъ право на владѣніе какимъ-то мостомъ на границѣ Швеціи, или, какъ говорятъ достовѣрные источни-

ки, велѣлъ шведскимъ солдатамъ надѣть русскіе мундиры и напасть на своихъ соотечественниковъ, и тогда объявилъ, что ведетъ оборонительную войну.

Почти такимъ же образомъ Потемкинъ поступилъ съ турками, но какъ человѣкъ практическій и энергичный, достигъ предположенной цѣли, тогда какъ Густавъ не успѣлъ въ этомъ. Потемкинъ и Екатерина предполагали основать новое византійское государство на мѣсто турецкаго, и сдѣлать государемъ его втораго внука Екатерины, Константина. Для этого имъ было необходимо содѣйствіе императора Іосифа II. Они съумѣли склонить его принять участіе въ покореніи и раздѣлѣ турецкой имперіи; но заключенный съ Іосифомъ договоръ заключался въ томъ, что онъ обязанъ былъ помочь имъ только въ случаѣ нападенія со стороны турокъ. Тогда Потемкинъ употребилъ всѣ старанія, чтобы довести турокъ до объявленія войны. Онъ началъ съ того, что предъявилъ султану въ высшей степени несправедливыя требованія, черезъ своихъ сообщниковъ поселялъ раздоръ въ разныхъ частяхъ Турціи, и когда султанъ съ совершенно справедливымъ гнѣвомъ сталъ требовать отчета въ его дѣйствіяхъ, онъ давалъ самые уклончивые и безсмысленные отвѣты. Это такъ раздражило султана, что въ 1787 онъ объявилъ Россіи войну. Ходъ этой войны мы разскажемъ въ слѣдующемъ параграфѣ.

Хотя шведскій король вооружалъ флотъ и армію въ Карльскронѣ и кромѣ того собралъ еще въ Финляндіи отъ тридцати до сорока тысячъ войска, а Екатерина выставила свои лучшія войска на границахъ Турціи, однако ей нечего было его опасаться, потому что какъ сношенія русскихъ съ шведскимъ дворянствомъ, такъ и личная слабость короля вполнѣ обезпечивали ее. Шведы при самомъ началѣ войны уже нуждались въ самомъ необходимомъ, а король мѣшкалъ именно тогда, какъ слѣдовало спѣшить, какъ прежде необдуманно спѣшилъ. Кромѣ того, даже при важныхъ обстоятельствахъ предстоящей войны Густавъ не могъ отказаться отъ своихъ ежедневныхъ забавъ. При выѣздѣ своемъ на мѣсто дѣйствія войны онъ составилъ себѣ такой поѣздъ, что можно было думать, что онъ отправляется на какой-нибудь турниръ или веселый праздникъ; онъ выѣхалъ изъ воротъ Стокгольма въ какомъ-то пестромъ шелковомъ камзолѣ, въ шляпѣ съ перомъ и въ башмакахъ съ красными лентами. Даже на полѣ сраженія онъ совершенно подражалъ рыцарямъ и палладинамъ временъ сагъ и преданій; привезъ съ собой пѣвцовъ, танцоровъ и поэтовъ; дѣлалъ репетиціи представленій и концертовъ; задавалъ праздники по случаю посвященія одного рыцаря въ орденъ; праздновалъ торжественныя вступленія и проч. Всѣмъ этимъ онъ ясно доказалъ свою неспособность, какъ полководца.

Братъ его, герцогъ Карлъ Зюдерманландскій, командовавшій флотомъ, тоже оказался плохимъ начальникомъ. Онъ началъ съ того, что сдѣлалъ непростительную ошибку, пропустивъ благопріятную минуту. Именно, когда 22 іюня 1788 онъ встрѣтился съ тремя русскими линейными кораблями, имѣя при себѣ флотъ въ пять разъ сильнѣйшій, онъ не сдѣлалъ нападенія изъ страха первому открыть войну, между тѣмъ какъ война и безъ того должна была открыться. Мѣсяцъ спустя (17 іюля) на него напалъ русскій флотъ, превосходившій его силой, подъ командой Грейга, и не смотря на мужественную оборону шведовъ, онъ долженъ былъ бѣжать въ Свеаборгскую гавань, гдѣ вмѣстѣ съ своимъ флотъ былъ запертъ русскими.

Самъ Густавъ хотѣлъ въ началѣ августа мѣсяца штурмовать крѣпость Фридрихсгамъ, но надѣлалъ въ своихъ распоряженіяхъ столько промаховъ, что состоявшіе въ заговорѣ командиры многихъ полковъ отказались вести своихъ солдатъ на штурмъ. Напрасно король употреблялъ всевозможныя средства, чтобы привести войска въ должную дисциплину; онъ скоро былъ вынужденъ выѣхать обратно въ Стокгольмъ. Онъ поручилъ командованіе войсками брату своему, Карлу, поведеніе котораго было тогда также двусмысленно, какъ потомъ, въ первое десятилѣтіе нашего вѣка. Когда Густавъ возвратился въ Стокгольмъ, дворяне, служившіе въ его войскѣ, исполнили давно задуманную ими измѣну. Нѣсколько офицеровъ еще 9 августа, когда король находился при войскѣ, подписали письмо, посланное императрицѣ Екатеринѣ. Императрица отвѣчала имъ, какъ законнымъ представителямъ всего шведскаго дворянства. Прежде нежели былъ полученъ отвѣтъ императрицы, офицеры заключили въ Аняльскомъ помѣстьѣ на самой русской границѣ (12 августа) союзъ между собою; тутъ же

написали объявленіе, которое вскорѣ имѣло двѣнадцать тысячъ подписей, въ томъ числѣ и подпись герцога Карла; въ этомъ объявленіи они изъявили несогласіе на войну съ Россіей, требовали собранія сейма и заключенія перемирія съ императрицей.

Послѣдняя мѣра была имъ выгодна по крайней мѣрѣ тѣмъ, что запертый въ Свеаборгской бухтѣ шведскій флотъ могъ возвратиться домой. Едва Густавъ возвратился въ Стокгольмъ, какъ долженъ былъ позаботиться о предотвращеніи другой опасности, которая грозила ему и его государству съ запада. Датчане вслѣдствіе договора съ Россіей вступили въ Швецію и достигли города Готенбурга, въ которомъ находился весьма слабый гарнизонъ подъ начальствомъ коменданта, который если не былъ измѣнникомъ, то по крайней мѣрѣ навѣрное былъ трусомъ; граждане города рѣшительно отказались защищаться. Шведамъ, слѣдовательно, угрожала опасность потерять второй по важности городъ государства; но Густавъ съумѣлъ отвратить эту опасность и снова пріобрѣлъ этимъ утраченную имъ любовь и уваженіе своего народа. Онъ выслалъ изъ Стокгольма войско, лично призвалъ къ оружію поселянъ многихъ провинцій, поспѣшилъ самъ въ Готенбургъ, побудилъ гражданъ его къ защитѣ города, отъ которой они прежде отказывались, поспѣшилъ поправить укрѣпленія и такимъ образомъ сдѣлалъ взятіе города невозможнымъ. Датчане надѣялись быстро взять Готенбургъ, но надежда ихъ разлетѣлась въ прахъ отъ присутствія духа и дѣятельности шведскаго короля; они были припуждены двумя другими иностранными властями вернуться въ свое отечество. Пруссія и Англія заключили въ августѣ между собою союзъ, въ которомъ рѣшена была обоюдная помощь и который, очевидно, былъ заключенъ противъ Австріи и Россіи. Они отправили въ Готенбургъ своихъ посланниковъ, которые угрозами побудили датчанъ къ отступленію и къ прекращенію всякихъ враждебныхъ предпріятій.

Теперь Густавъ могъ открыто противиться дворянамъ, въ надеждѣ на горожанъ и поселянъ. Онъ еще изъ Готенбурга созвалъ сеймъ къ февралю 1789, и на этомъ сеймѣ, какъ въ 1772, ловко и хитро воспользовался завистью и недовольствомъ горожанъ и поселянъ противъ дворянъ. Онъ не только дозволилъ послѣднимъ выказать всю свою заносчивость, но старался даже побудить ихъ къ этому. Когда раздраженіе, произведенное несогласіемъ дворянъ съ намѣреніями короля, достигло послѣдней крайности, Густавъ, надѣясь на эти два сословія и на стокгольмскихъ гражданъ, задумалъ новый государственный переворотъ, воспользовавшись при этомъ постановленіемъ сейма 1786, въ которомъ говорилось что согласіе трехъ сословій даетъ рѣшенію законную силу. Увѣрившись, что своимъ краснорѣчіемъ убѣдилъ три сословія, онъ велѣлъ дворянамъ выйдти изъ засѣданія и не возвращаться, пока они не принесутъ сеймовому маршалу удовлетвореніе за нанесенное оскорбленіе. Дворянство протестовало противъ постановленія сейма 1786, потому что въ немъ не говорилось ничего о привиллегіяхъ, налогахъ и основныхъ законахъ. Густавъ поступилъ также, какъ въ 1772 (стр. 183); онъ прежде всего устроилъ такъ, что три остальныя сословія уполномочили его 20 февраля употребить всѣ необходимыя средства, чтобы сеймъ могъ продолжать заниматься дѣлами. Тогда онъ собралъ обѣ смѣны дворцоваго караула и велѣлъ арестовать болѣе тридцати человѣкъ дворянъ, находившихся во главѣ оппозиціи; онъ велѣлъ также арестовать участниковъ Аняльскаго союза и привести ихъ въ Стокгольмъ, чтобы судить военнымъ судомъ. Когда дворяне были такимъ образомъ лишены всѣхъ смѣлыхъ предводителей и напуганы грозящей имъ участью, Густавъ снова собралъ на другой день всѣ четыре сословія (21 февраля) и предложилъ имъ такъ называемый «актъ безопасности», къ которомъ дворянство лишалось въ пользу другихъ сословій части своихъ привиллегій, и уничтожались установленныя въ 1772 нѣкоторыя ограниченія королевской власти.

Почти до половины марта дворянство упорно сопротивлялось этому. Наконецъ Густавъ приказалъ сеймовому маршалу подписать актъ отъ имени дворянства, велѣлъ войску быть наготовѣ и волновать стокгольмскихъ гражданъ, а самъ отправился въ сопровожденіи восторженныхъ криковъ народа въ домъ дворянскаго собранія. Тамъ онъ старался подѣйствовать на дворянъ то краснорѣчіемъ, то страхомъ солдатъ и раздраженной толпы народа. Онъ вполнѣ достигъ своей цѣ-

ли, потому что дворянство уступило и наконецъ подписало актъ безопасности. Этимъ актомъ не только горожане и поселяне получали равныя съ дворянами права уголовнаго суда, занятія должностей и пріобрѣтенія земель, но и корона получила свое прежнее значеніе. Густавъ долженъ былъ съ этого времени царствовать самодержавно, заключать по своей волѣ миръ и начинать войну, раздавать всѣ должности; государственный совѣтъ долженъ былъ служить только верховнымъ судилищемъ, а сеймъ созываться лишь въ особенныхъ случаяхъ, напр. для установленія чрезвычайныхъ налоговъ и въ случаѣ желанія короля узнать мнѣніе подданныхъ. Такъ какъ сеймъ принялъ на себя долги короля и согласился дать денегъ на продолженіе войны, то Густавъ сталъ диктаторомъ и самодержцемъ. Съ ненавистными ему дворянами онъ поступилъ мягко: изъ участниковъ Аняльскаго союза, которыхъ военный судъ, какъ государственныхъ измѣнниковъ, приговорилъ къ казни, только одинъ былъ казненъ; изъ остальныхъ нѣкоторые совершенно прощены, другіе сосланы или изгнаны изъ отечества. Мѣсто всѣхъ этихъ офицеровъ заступили оставшіеся вѣрными нѣмецкіе офицеры, которые нимало не заботились о конституціи, а думали только о военныхъ доблестяхъ, дисциплинѣ въ службѣ и повышеніи въ чинахъ. Это, конечно, было большой выгодой для продолженія войны, но Россія уже достигла своей цѣли, время для войны было пропущено, и всѣ приготовленія въ Россіи кончены.

Въ 1789 Густавъ снова розыгрывалъ роль полководца и своимъ неблагоразумнымъ вмѣшательствомъ въ военныя распоряженія вредилъ успѣху всѣхъ предпріятій. Онъ хотѣлъ прямо напасть на Петербургъ и потому предприиялъ штурмъ Фридрихсгама, но онъ не удался, и шведы не только должны были отказаться отъ своего предпріятія, но потерпѣли еще значительный уронъ и къ осени должны были отступить къ самой границѣ. Сраженія шведскаго флота съ русскимъ, которымъ командовали Чичаговъ, принцъ Нассау-Зигенъ и многіе британскіе офицеры, были тоже весьма неудачны.

Въ слѣдующемъ году (1790) Густавъ снова попробовалъ штурмовать Фридрихсгамъ, но это снова не удалось ему. Не смотря на это, онъ все еще не отказывался отъ мечты своей напасть на Петербургъ. Онъ отправилъ большую часть войскъ моремъ, а самъ достигъ Выборга съ другою частью войска и остановился въ девяти миляхъ отъ Петербурга. Такъ какъ успѣхъ этого безумнаго предпріятія зависѣлъ вполнѣ отъ того, чтобы шведы одни удержались въ морѣ, то цѣль Карла Зюдерманландскаго должна была состоять въ томъ, чтобы помѣшать соединиться двумъ рускимъ флотамъ, стоявшимъ, одинъ въ Кронштадтѣ, а другой въ Ревелѣ; но Густавъ разстроилъ и тутъ весь планъ своимъ вмѣшательствомъ. Онъ велѣлъ своему брату оставить позицію между двумя непріятельскими флотами и спѣшить на Выборгскую бухту, гдѣ уже находился шведскій гребной флотъ. Это дало русскимъ возможность не только соединиться, но и запереть весь шведскій флотъ въ Выборгской бухтѣ. Шведы были бы совершенно уничтожены, если бы рыцарскій духъ короля не принесъ на этотъ разъ пользу его народу. Когда они были доведены до послѣдней крайности, герцогъ Карлъ собралъ военный совѣтъ и предложилъ сдаться на капитуляцію; но полковникъ Стендингъ предложилъ отчаянную попытку прорваться сквозь непріятельскій флотъ, и король согласился на это предложеніе. Эта попытка была вдвойнѣ опасна, потому что шведы рисковали потерять не только свой флотъ, но и лучшее свое войско, находившееся на корабляхъ; удалась эта попытка единственно по ошибкѣ Чичагова.

Тѣмъ не менѣе предпріятіе это было пагубно для шведовъ и принесло имъ только ту выгоду, что спасло ихъ военную славу. Они разбили (3 іюля) непріятельскій флотъ, но при этомъ потеряли семь линейныхъ кораблей, три фрегата и болѣе тридцати другихъ судовъ, и отъ шести до семи тысячъ солдатъ.

Но потомъ, при нападеніи на ихъ гребной флотъ принца Нассаускаго, они одержали блестящую побѣду. Это было величайшее пораженіе, претерпѣваемое русскими со временъ Семилѣтней войны; они потеряли почти весь флотъ и до четырнадцати тысячъ плѣнными и убитыми.

Но черезъ мѣсяцъ послѣ этого Густавъ вдругъ совершенно неожиданно заключилъ съ Россіей миръ, потому что средства его совершенно истощились, онъ и сталъ мечтать о другомъ геройскомъ подвигѣ; онъ захотѣлъ быть Готфридомъ

Бульонскимъ крестоваго похода, затѣваемаго въ то время противъ Франціи аристократіей Европы. Императрица россійская всячески старалась укрѣплять въ немъ это желаніе. Густавъ тотчасъ вошелъ съ ней въ переговоры, и 14 августа 1790, миръ уже былъ заключенъ въ Верелѣ. Этимъ миромъ возстановлялся порядокъ, существовавшій до войны. Итакъ, совершенно напрасно лилась шведская кровь, и были растрачены капиталы бѣднѣйшаго изъ государствъ Европы. Война эта вполнѣ доказала шведскому народу всю ничтожность блеска и стремленій Густава.

3. Австрія и Россія въ войнѣ съ Турціей отъ 1787 до 1792.

Въ войнѣ съ турками, начавшейся въ 1787, Потемкинъ былъ по имени главнокомандующимъ, но Россія обязана славой, пріобрѣтенной въ этой войнѣ, не ему, а подчиненнымъ его, Репнину, Павлу Потемкину, Суворову, Каменскому, Голицыну и Кутузову, которые всѣ прославили болѣе или менѣе свои имена въ послѣдующихъ войнахъ. Изъ этихъ генераловъ Суворовъ былъ, безспорно, однимъ изъ величайшихъ полководцевъ новѣйшаго времени. Кромѣ того онъ постоянно корчилъ изъ себя оригинала. Онъ ѣлъ и пилъ съ солдатами, терпѣлъ съ ними всѣ лишенія и становился на колѣни передъ каждой иконой, даже на дорогѣ, не смотря нерѣдко на страшную грязь.

Суворовъ ознаменовалъ начало второй турецкой войны Екатерины въ 1787 тѣмъ, что при Кинбурнѣ, близъ крѣпости Очакова, разбилъ нѣсколько тысячъ турокъ и потомъ устройствомъ батареи помогъ принцу Нассаускому побѣдить непріятельскій флотъ. Вскорѣ послѣ того турки потерпѣли значительные уроны на морѣ и на Кавказѣ отъ другихъ русскихъ генераловъ. Собственно же война началась только въ 1788, когда австрійскія войска тоже вступили въ Турцію.

Императоръ Іосифъ II, объявившій въ февралѣ 1788 войну Турціи, былъ обязанъ по договору или платить русскимъ субсидіи, или прислать имъ на помощь часть своего войска. Но онъ вознамѣрился выслать всѣ свои силы, чтобы потомъ получить долю въ завоеваніяхъ. Вооруженная имъ армія состояла изъ двухъ сотъ сорока пяти тысячъ человѣкъ пѣхоты и тридцати шести тысячъ кавалеріи, при коихъ находилось до восьми сотъ девяноставосьми орудій. Хотя при вооруженіи войска не жалѣли никакихъ издержекъ, однако война доказала, что во всемъ были недостатки, потому что чиновная аристократія Австріи, играющая тамъ такую важную роль, поставила правиломъ отъ всего ограждать высшее сословіе, такъ что противъ виновныхъ не принималось никакихъ мѣръ. Къ тому же, императоръ Іосифъ, по неудачному совѣту Ласси (стр. 207), принялъ на себя командованіе войсками.

Чтобы противодѣйствовать замысламъ Австріи и Россіи противъ Турціи, Англія и Пруссія заключили между собой въ августѣ 1788 вышеупомянутый (стр. 344) союзъ. По этому договору англичане должны были дать прусскому королю возможность защищать турокъ вооруженной силой. Но заступничество Пруссіи оказалось излишнимъ, потому что, съ одной стороны, личное присутствіе Іосифа въ войскѣ мѣшало дѣйствіямъ австрійцевъ, а съ другой, шведскій король своимъ неожиданнымъ нападеніемъ на Россію отвлекъ ея вниманіе и помѣшалъ ей двинуться впередъ съ обычной быстротой. Съ самаго начала войны австрійцы впали въ такія ошибки, что были побиваемы вездѣ, такъ что императоръ Іосифъ былъ скоро принужденъ самыми настойчивыми просьбами склонить народнаго австрійскаго героя Лаудона къ принятію на себя команды. Тогда осенью 1788 австрійское войско добилось нѣкотораго успѣха. Лаудонъ, выговорившій себѣ право распоряжаться независимо отъ повелѣній императора, сдѣлалъ тогда нѣсколько завоеваній въ Кроаціи и Босніи; самъ императоръ въ то время протѣснился до Бѣлграда, а австрійскій корпусъ, подкрѣпленный русскими, занялъ Молдавію и принудилъ турокъ сдать крѣпость Хотинъ.

Самое значительное дѣло русскихъ въ 1788 было взятіе штурмомъ Очакова. Потемкинъ уже давно напрасно осаждалъ эту крѣпость; осада не удава-

лась ему, потому что страшные холода были гибельны для его арміи. Потемкинъ и тутъ поступилъ по своему. Онъ велѣлъ 16 декабря штурмовать городъ со стороны моря, которое уже окончательно замерзло и, пожертвовавъ жизнью четырехъ тысячъ людей, взялъ городъ, который предоставилъ на разграбленіе. Императрица велѣла раздать всѣмъ солдатамъ, участвовавшимъ въ штурмѣ, выбитую въ честь этого событія медаль, а Потемкину подарила огромную сумму денегъ и дала званіе казацкаго гетмана.

Въ 1789 году соединенные таланты Суворова и Лаудона дали рѣшительное направленіе войнѣ. Потемкинъ, который и въ этомъ году былъ главнокомандующимъ русскихъ войскъ, занялъ, правда, всѣ земли отъ Очакова до устья Дуная, но стоялъ цѣлые семь мѣсяцевъ передъ Измаиломъ, не находя возможности взять его. Въ это время Суворовъ и Лаудонъ совершали самые блестящіе подвиги. Послѣдній былъ въ настоящее время главнокомандующимъ всѣхъ австрійскихъ войскъ, послѣ того какъ Ласси былъ удаленъ по причинѣ ошибокъ, надѣланныхъ имъ въ прошломъ году, а императоръ, слабое здоровье котораго окончательно разстроилось въ походѣ, принужденъ былъ удалиться изъ арміи. Лаудонъ былъ въ этомъ году преимущественно занятъ осадой Бѣлграда. Остальная армія, дѣйствовавшая въ соединеніи съ войсками Суворова, была подъ командой принца Саксенъ-Кобургскаго. Этотъ генералъ принадлежалъ къ старой австрійской школѣ, извѣстной своимъ медленнымъ, методическимъ веденіемъ войны, и потому былъ совершенно неспособенъ къ великимъ предпріятіямъ, такъ что, казалось бы, одно воспоминаніе о походѣ 1789 года должно было остановить австрійскій кабинетъ отъ назначенія его главнокомандующимъ во время французской войны. Пока принцъ Кобургскій методически прохаживался взадъ и впередъ передъ Фокшанами, многочисленное турецкое войско напало на него, при чемъ онъ такъ сильно испугался, что вмѣсто того, чтобы самому принять какое-нибудь смѣлое рѣшеніе, прибѣгнулъ къ помощи Суворова. Этотъ замѣчательный полководецъ, дѣйствовавшій всегда быстро и рѣшительно, послѣ неимовѣрно ускореннаго марша, появился 30 іюля вечеромъ въ австрійскомъ лагерѣ, гдѣ тотчасъ по его прибытіи дано было сраженіе, въ которомъ соединенныя русскія и австрійскія войска аттаковали укрѣпленный турецкій лагерь, быстро разстроили непріятельскіе ряды и забрали ихъ багажъ, артиллерію, знамена и запасы.

Въ сентябрѣ при Мартинешти, на рѣкѣ Рымникѣ, повторилось совершенно то же и такимъ же образомъ, какъ 30 іюля при Фокшанахъ; великій визирь угрожалъ напасть на принца Кобургскаго съ большимъ войскомъ; принцъ снова обратился къ Суворову, который также скоро подоспѣлъ къ нему на помощь. И на этотъ разъ (22 сентября) турки были побѣждены, благодаря таланту Суворова, какъ полководца, и храбрости русскихъ и австрійскихъ солдатъ; турки потерпѣли еще большій уронъ, нежели въ прошлый разъ. Въ обоихъ сраженіяхъ австрійскіе солдаты доказали, что если бы ими хорошо распоряжались, они были бы непобѣдимы. Ихъ неспособный полководецъ былъ за эту побѣду сдѣланъ фельдмаршаломъ, хотя въ обоихъ случаяхъ только вполнѣ подчинялся приказаніямъ Суворова и ни разу не съумѣлъ воспользоваться выпадавшими на его долю выгодами. Настоящій же побѣдитель, Суворовъ, получилъ въ награду отъ императора Іосифа титулъ имперскаго графа, а отъ императрицы Екатерины почетное названіе Рымникскаго. Вскорѣ послѣ побѣды при Мартинешти Лаудонъ взялъ крѣпость Бѣлградъ (8 октября). Итакъ, опасно заболѣвшій императоръ Іосифъ, всю жизнь свою преслѣдуемый духовенствомъ и привилегированными сословіями, угрожаемый Англіей и Пруссіей, которыя поддерживали Бельгію, по крайней мѣрѣ въ послѣдніе дни своей жизни имѣлъ утѣшеніе видѣть свои войска побѣдителями турокъ.

Успѣхи войскъ Австріи и Россіи начали наконецъ угрожать существованію турецкой имперіи. Правительства Англіи и Пруссіи рѣшились защищать не только шведскаго короля и мятежныхъ бельгійцевъ, но и возмутить противъ Россіи Польшу и подать Турціи непосредственную помощь. Держась своей обычной политики, чтобы не разрывать совершенно отношеній своихъ къ Россіи, Англія, повидимому, не принимала во всемъ этомъ никакого участія, но искусно дѣйствовала черезъ своего союзника. Въ Пруссіи во главѣ государственныхъ дѣлъ стоялъ замѣчательный политикъ графъ Герцбергъ. Въ январѣ 1790 онъ заключилъ че-

резъ своего посланника въ Константинополѣ союзъ съ турками, который обезпечивалъ султану владѣніе его государствомъ въ прежнемъ составѣ; впрочемъ позже, по перемѣнѣ обстоятельствъ, при ратификаціи трактата сдѣланы были большія ограниченія. Въ то же самое время Герцбергъ предлагалъ союзъ и Польшѣ, если она уступитъ Пруссіи города Торнъ и Данцигъ. Въ Варшаву былъ посланъ генералъ Калькрейтъ подъ предлогомъ командованія союзнымъ прусско-польскимъ войскомъ, посылаемымъ на помощь туркамъ. Другія прусскія войска были собраны въ Силезіи. Казалось, Пруссія уже совершенно готова начать войну съ Австріей, когда умеръ императоръ Іосифъ II, 20 февраля 1790. Личное свиданіе между новымъ императоромъ Леопольдомъ II и королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ II разстроило планы Герцберга или, говоря правильнѣе, планы эти были разстроены обскурантами при прусскомъ дворѣ и врагами всякаго улучшенія въ Австріи, которые старались всѣми силами низвергнуть Герцберга. 21 іюня Герцбергъ и уполномоченный австрійскаго кабинета Шпильманъ собрались для переговоровъ въ Рейхенбахѣ, гдѣ присутствовали и посланники Англіи и Голландіи. Послѣдніе требовали возстановленія statu quo въ Турціи; Герцбергъ же соглашался оставить за Австріей сдѣланныя Лаудономъ завоеванія, если при этомъ Галиція будетъ уступлена Польшѣ, которая въ свою очередь уступитъ Пруссіи города Торнъ и Данцигъ. Противъ предложенія Герцберга возражали посланники Англіи и Голландіи.

Австрійскій уполномоченный тайно вошелъ въ сношенія съ самимъ Фридрихомъ Вильгельмомъ и его пріятелями-ханжами, предложилъ покончить турецкую войну и возвратить всѣ завоеванныя земли съ условіемъ, чтобы Пруссія, Англія и Голландія помогли императору въ покореніи бельгійцевъ. Фридрихъ Вильгельмъ согласился на предложеніе Шпильмана, и Герцбергъ долженъ былъ противъ своей воли подписать 27 іюля такъ называемую рейхенбахскую конвенцію.

На основаніи этой конвенціи Австрія заключила 1790 съ турками перемиріе при Георгевѣ, а въ 1791 году былъ заключенъ миръ при Шистовѣ. Россія же продолжала войну до конца 1791.

Въ декабрѣ 1790 Суворовъ, по приказанію Потемкина, взялъ такъ долго тщетно осаждаемый Измаилъ, по примѣру Очакова, взятаго два года тому назадъ, штурмомъ, стоившимъ, по различнымъ показаніямъ русскимъ, отъ двухъ до пятнадцати тысячъ человѣкъ. Въ донесеніи своемъ Суворовъ говоритъ, что при штурмѣ было убито до тридцати тысячъ турокъ и до десяти тысячъ взято въ плѣнъ. Послѣ покоренія Измаила Потемкинъ уѣхалъ въ Петербургъ (октябрь 1790) и предоставилъ командованіе войсками Репнину, который вторгнулся въ Болгарію, гдѣ отрядъ его войска подъ начальствомъ Кутузова напалъ на турокъ при Бабадагѣ и разбилъ ихъ, между тѣмъ какъ кубанскіе татары были уже совершенно покорены. Послѣ этого Репнинъ съ сорока-тысячнымъ корпусомъ двинулся на великаго визиря, который былъ во главѣ стотысячнаго войска, и совершенно разбилъ его подъ Мачиномъ, не дожидаясь пріѣзда Потемкина (іюль 1791). Потемкинъ былъ въ высшей степени раздраженъ этимъ дѣйствіемъ Репнина, а потому старался подорвать переговоры о мирѣ, только что начатые послѣднимъ. Но онъ умеръ 15 октября 1791 на пятьдесятъ пятомъ году отъ рожденія. По смерти его императрица тѣмъ болѣе поспѣшила заключеніемъ мира, что для достиженія ея плановъ касательно Польши ей необходимы были войска, находившіяся въ Турціи. По условіямъ этого мира, заключеннаго въ Галацѣ въ августѣ 1791 и подписаннаго 9 января 1792 въ Яссахъ, Россія получила всѣ земли между Днѣстромъ и Бугомъ и удержала за собой Очаковъ.

4. Второй раздѣлъ Польши.

Неудавшееся въ Турціи предпріятіе императрицы Екатерины покорить цѣлое государство было вполнѣ достигнуто ею послѣ Ясскаго мира въ Польшѣ. Покореніе Польши по ея внутреннему устройству, не представляло особенныхъ затрудненій, если только сдѣлать два другія сосѣднія государства участниками въ раз-

дѣлѣ добычи. Уже въ то время, до котораго доведена выше (стр. 224) исторія Польши, всѣ были также увѣрены въ неминуемой гибели Польши, какъ въ настоящее время въ непрочности турецкаго государства. Не вдаваясь въ подробное описаніе смутъ, доведшихъ Польшу до погибели, мы должны ограничиться тѣмъ, что изложимъ въ короткихъ словахъ ходъ событій.

Измѣненіемъ конституціи Польши въ 1775 (стр. 224) Россія уже утвердила въ ней свое владычество. Это зависѣло въ особенности отъ того, что управленіе дѣлами было поручено не королю, а такъ называемому постоянному совѣту, составленному изъ лицъ, преданныхъ Россіи и дѣйствовавшихъ по приказаніямъ русскаго посланника. Но въ 1788 общее политическое положеніе Европы клонилось, казалось, къ тому, чтобы уничтожить владычество Россіи въ Польшѣ.

Король Станиславъ Понятовскій возбудилъ противъ себя негодованіе лучшей части своего народа поѣздкой своей въ Россію, гдѣ велъ себя какъ рабъ Потемкина (стр. 218). Не смотря на то, онъ и часть дворянства, состоявшая на жалованьи у Россіи, надѣялись составить польско-русскій союзъ противъ Турціи. Для этой цѣли осенью 1788 былъ созванъ сеймъ. Но такъ какъ на сеймахъ принято рѣшать дѣла только по единогласному согласію всѣхъ (стр. 341), то рѣшили, согласно обычаямъ и конституціи государства, превратить сеймъ въ генеральную конфедерацію, гдѣ дѣла рѣшались по большинству голосовъ. Но на этотъ разъ русскій посланникъ и его сообщники ошиблись въ разсчетѣ. Патріотическая партія перехватила у нихъ изъ рукъ образованіе конфедерацій, и избирательныя собранія дали даже депутатамъ на сеймъ инструкціи насчетъ реформъ въ конституціи и возстановленія независимости государства. Къ этому еще сильно способствовало то обстоятельство, что Пруссія и Англія заключили въ то время между собой союзъ противъ Россіи и Австріи, и Пруссія не только выставила свое войско на польскую границу, но и объявила, что никогда не согласится на союзъ Польши съ Россіей противъ Турціи. Все это дало возможность патріотической партіи поляковъ, опираясь на Пруссію, открыто воспротивиться королю, явному приверженцу русскихъ, русскому посланнику и состоявшему подъ ихъ покровительствомъ постоянному совѣту.

Сеймъ, открытый 6 октября 1788 и уже 17 числа того же мѣсяца превратившійся въ конфедерацію, тотчасъ отклонилъ всякую мысль о наступательномъ союзѣ съ Россіею. Потомъ, возлагая всѣ свои надежды на Пруссію, приславшую составленную съ помощью англійскаго посланника ноту, въ которой предлагала свою помощь, сеймъ рѣшился приступить къ преобразованію конституціи. Прежде всего онъ желалъ устранить постоянный совѣтъ. Для этой цѣли было положено увеличить войско и учредить собственно военный совѣтъ, неподчиненный никакой высшей инстанціи и совершенно независимый отъ короля. Напрасно русскій посланникъ въ своей нотѣ угрожалъ полякамъ, если они измѣнятъ что-нибудь въ установленной конституціи 1775 года. Пруссія совершенно противной деклараціей уговаривала сеймъ идти по принятому имъ пути. Уже въ январѣ 1789 постоянный совѣтъ былъ отмѣненъ; но вмѣсто того, чтобы тотчасъ приняться за преобразованіе конституціи, сеймъ провелъ цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ въ пустыхъ спорахъ о вещахъ, нестоющихъ вниманія, произнося великолѣпныя рѣчи, наполненныя цвѣтистыми фразами о любви къ отечеству.

Когда наконецъ въ сентябрѣ 1789 сеймъ снова возвратился къ вопросу о преобразованіяхъ, на Пруссію уже нельзя было надѣяться, хотя сеймъ еще не подозрѣвалъ этого. Едва прусскій кабинетъ понялъ, какіе виды имѣетъ на Польшу Россія, какъ въ тайнѣ рѣшился воспользоваться своими отношеніями къ Польшѣ, чтобы склонить ее къ уступкѣ городовъ Торна и Данцига. Въ апрѣлѣ прусскій посланникъ въ Варшавѣ, честный нѣмецъ, былъ отозванъ, и на мѣсто его присланъ итальянецъ Луккезини, тотъ самый, который впослѣдствіи составилъ съ Ломбардомъ и Гаугвицемъ тріумвиратъ, столь гибельный для Германіи, а впослѣдствіи даже для самой Пруссіи. Луккезини пустилъ въ ходъ въ Варшавѣ свое итальянское дипломатическое искусство.

Онъ предложилъ полякамъ союзъ, но при этомъ такъ ловко пользовался дипломатическимъ языкомъ, что въ сущности король прусскій ничуть не былъ связанъ этимъ союзомъ. Еще до начала этихъ переговоровъ сеймъ составилъ

комитетъ для составленія проекта новой конституціи и потомъ былъ распущенъ 31 декабря до февраля 1790. Въ это время члены сейма старались приготовить своихъ согражданъ къ предстоящей перемѣнѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ получить отъ нихъ полномочіе для превращенія сейма въ родъ конституціоннаго національнаго собранія. Но всѣ эти лица, принадлежавшія къ высшему дворянству и такъ много толковавшія о патріотизмѣ и радикальныхъ реформахъ, доказали на дѣлѣ, что всѣ ихъ стремленія ограничивались желаніемъ учредить чисто-аристократическое правленіе по примѣру Англіи. Знатнѣйшіе изъ нихъ вошли въ сношенія съ Россіей и Австріей, брали взятки и окончательно губили свое отечество, продолжая прикидываться патріотами. Къ числу ихъ принадлежалъ коронный гетманъ Браницкій, женатый на племянницѣ Потемкина, графъ Жевусскій, самъ король Станиславъ, канцлеръ Малаховскій, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ роднымъ братомъ его, благороднымъ сеймовымъ маршаломъ, епископъ Коссаковскій, президентъ конституціоннаго комитета, его братъ, находившійся давно генераломъ на русской службѣ, литовскій маршалъ графъ Щенсный, Потоцкій и многіе другіе.

Изъ этого можно судить, какъ несправедливы были жестокіе упреки, которые поляки дѣлали прусскому министру иностранныхъ дѣлъ, честному Герцбергу, за то, что онъ не основывалъ никакихъ плановъ на мимолетномъ польскомъ энтузіазмѣ, а смотрѣлъ на отношенія свои къ Польшѣ, какъ на средство къ достиженію чисто-прусскихъ цѣлей. Что думать о конституціи, которой измѣняютъ и которую продаютъ, прежде нежели она состоялась? Если знатнѣйшіе дворяне и самъ король продавали себя, то понятно, что Пруссія и Австрія, не желая жертвовать своими подданными ради другаго народа, должны были отказаться отъ всякой мысли вырвать у Россіи ея добычу. Худо только, что онѣ рѣшились раздѣлить ее съ нею. Тѣмъ не менѣе въ паденіи Польши надо обвинять не Пруссію.

Союзъ между Пруссіей и Польшей былъ заключенъ 29 марта 1790, а ратификованъ 5 апрѣля, при чемъ Пруссія, намѣревавшаяся тогда начать войну съ Австріей, должна была прежде всего отказаться отъ требованія городовъ Торна и Данцига. Этотъ союзъ обязывалъ оба государства взаимно помогать другъ другу въ случаѣ нападенія извнѣ; но такъ какъ Пруссія ни на минуту не теряла изъ виду своего плана расширенія своихъ владѣній на счетъ Польши, то переговоры о торговомъ союзѣ были оставлены до другаго времени. Наконецъ комитетъ сейма представилъ проектъ преобразованія конституціи. Пока все это происходило и пока сеймъ разсматривалъ проектъ, русскіе и предатели изъ поляковъ употребляли всѣ свои старанія, чтобы протянуть настоящій порядокъ дѣлъ до окончанія турецкой войны. Россія и польскіе измѣнники вполнѣ достигли своей цѣли, потому что комитетъ представилъ проектъ свой только послѣ двухлѣтнихъ соображеній. Въ это время обстоятельства уже измѣнились. Вліяніе Герцберга въ Берлинѣ было значительно ослаблено обскурантами, а Бишофсвердеръ съ вышеупомянутымъ тріумвиратомъ уже начали свои дѣйствія. Кромѣ того сеймъ совершенно напрасно раздражилъ прусскій кабинетъ, на отрѣзъ объявивъ, что никогда не согласится на уступку хотя малѣйшей части польскаго государства.

Итакъ, только 2 мая 1791 комитетъ передалъ сейму проектъ о реформѣ конституціи. Сеймъ изъявилъ свое согласіе почти въ тотъ же день, и въ такой театрально-праздничной формѣ, что сцену, происшедшую по этому случаю, можно сравнить развѣ съ той, которую разыграли 14 іюля 1790 на Марсовомъ полѣ въ Парижѣ. Король мастерски выполнилъ при этомъ случаѣ свою роль. Въ блестящей рѣчи своей онъ убѣждалъ принять проектъ единодушнымъ провозглашеніемъ, первый принесъ присягу новой конституціи и отправился со всѣмъ собраніемъ процессіей въ соборъ, гдѣ отслужили благодарственный молебенъ и еще разъ повторили присягу при громкихъ крикахъ собравшейся толпы народа. Форменное подписаніе новой конституціи было совершено 5 мая. Члены оппозиціи были такъ напуганы согласіемъ большинства и господствовавшей тогда восторженностью по случаю возрожденія Польши, что подписались безпрекословно. Говорить о сущности новой польской конституціи было бы излишне, потому что она никогда не осуществилась и осталась только проектомъ и теоріей, а объ такихъ учрежденіяхъ можно судить только по опыту. Однако необходимо упомянуть о нѣкоторыхъ пунктахъ этой конституціи. *Престолъ польскій былъ признанъ наслѣдствен-*

нымъ и послѣ короля Станислава долженъ былъ перейдти къ курфирсту саксонскому и его потомкамъ. Далѣе, королю и министрамъ было предоставлено больше вліянія на дѣла и больше власти, нежели прежде. Дворянство сохранило всѣ свои привиллегіи, но и среднее сословіе получило политическое значеніе, такъ какъ оно было допущено къ должностямъ и къ участію въ сеймахъ. Наконецъ всякія конфедераціи были запрещены и отмѣнено liberum veto (стр. 218).

Въ это время вліяніе заподозрѣннаго въ либерализмѣ графа Герцберга было почти уничтожено въ Пруссіи, и между Пруссіей, Австріей и Англіей существовалъ уже нѣмой союзъ противъ всего новаго. Тѣмъ не менѣе Пруссія еще не перемѣнила своихъ отношеній къ Польшѣ и постоянно изъявляла свое одобреніе на все, что тамъ дѣлалось. Намъ кажется, что Россія не могла бы такъ легко привести въ исполненіе своихъ видовъ на Польшу, еслибы безстрастный Леопольдъ II, котораго трудно было подвинуть на воинскіе подвиги или на какіе бы то ни было сильные перевороты, прожилъ бы долѣе. Извѣстно, чта на Пильницкой конференціи Леопольда съ Фридрихомъ Вильгельмомъ въ августѣ 1791 было тайно положено гарантировать независимость и нераздѣльность Польши и утверждено наслѣдство польскаго престола за курфирстомъ саксонскимъ. Только въ маѣ 1792, когда виды Россіи на Польшу стали уже ясны, прусскій кабинетъ измѣнилъ свой образъ дѣйствій. Тотчасъ послѣ рѣшительнаго отказа въ малѣйшей уступкѣ Пруссіи изъ владѣній польской монархіи, прусскій кабинетъ и преемникъ Леопольда II, Францъ II, вошли въ сношеніе съ Россіей и, по прежнему тайно, отмѣнили свое рѣшеніе гарантировать цѣлость и независимость Польши. Но поляки еще вполнѣ разсчитывали на заступничество Пруссіи и тѣмъ болѣе раздражились формальнымъ отказомъ въ немъ, что ввѣрились льстивымъ словамъ Луккезини. Прусскій кабинетъ навлекъ на себя этими поступками много горькихъ упрековъ; онъ могъ бы избѣгнуть ихъ, если бы приближенные Фридриха Вильгельма не прибѣгали къ такимъ хитрымъ дипломатическимъ уловкамъ. Люди, совершенно подчинившіе своему вліянію прусскаго короля, заставляли его играть роль вѣрнаго союзника Польши до мая 1792, вмѣсто того чтобы посовѣтовать ему съ самаго начала открыто сознаться, что онъ будетъ заботиться только о своихъ собственныхъ интересахъ, находя невозможнымъ спасать націю, которой измѣняютъ ея собственные король и дворянство. Польскіе измѣнники старались не только замедлить, насколько возможно, принятіе новой конституціи въ видахъ пользы Россіи, но и по принятіи ея предпринимали разныя мѣры, поселявшія недовольство и раздоръ. Они дѣлали заговоры противъ новаго порядка и постоянно входили въ сношенія съ русскими, которымъ открывали легчайшій способъ овладѣть ихъ отечествомъ. Наконецъ они рѣшились открыто просить помощи у Россіи въ защитѣ такъ называемой независимости Польши и 14 мая составили въ Тарговицахъ конфедерацію, хотя новыми постановленіями запрещались всевозможныя конфедераціи. Манифестъ, изданный тарговицкими конфедератами, ясно доказываетъ, что они были подкуплены Россіей и служили ей орудіями. Этотъ манифестъ помѣченъ числомъ, когда многіе изъ подписавшихся, какъ-то Браницкій, Щенсный, Потоцкій и Жевусскій, были еще въ дорогѣ изъ Петербурга. Русскій посланникъ въ Варшавѣ уже черезъ 4 дня по изданіи манифеста объявилъ, что императрица будетъ оружіемъ поддерживать требованія тарговицкой конфедераціи. Ясно, стало быть, что манифестъ былъ написанъ не въ Тарговицахъ, а въ Петербургѣ. Наконецъ русскія войска давно уже шли въ Польшу, и три названные измѣнника вернулись только съ ними. Также несомнѣнно предательство короля, потому что онъ назначилъ явнаго измѣнника, Браницкаго, военнымъ министромъ.

Въ самый день учрежденія тарговицкой конфедераціи Луккезини, успокоивавшій до сихъ поръ поляковъ изворотливыми увѣреніями въ дружбѣ, которыя всегда сообщалъ имъ изустно, вдругъ заговорилъ совершенно другимъ языкомъ. Когда польскій сеймъ объявилъ прусскому посланнику, что противъ русскихъ уже собрана армія подъ начальствомъ племянника короля, Іосифа Понятовскаго, Луккезини, который до сихъ поръ дружески благодарилъ сеймъ за всякое извѣщеніе, отвѣчалъ, что его король не можетъ принимать извѣщеній о военныхъ распоряженіяхъ сейма. 18 мая 1792 русскій посланникъ потребовалъ не-

медленнаго уничтоженія новой конституціи и полнаго упованія на великодушіе и безкорыстіе, которыя руководятъ всѣми поступками императрицы. Когда вслѣдствіе этого Станиславъ обратился за помощью Пруссіи, обѣщанною по договору, прусскій посланникъ отвѣчалъ ему, что такъ какъ его король не принималъ ни малѣйшаго участія въ составленіи конституціи, то и не считаетъ себя обязаннымъ защищать ее. 8 іюня Фридрихъ Вильгельмъ самъ послалъ польскому королю письмо, въ которомъ не только порицалъ восхваленную имъ прежде конституцію, но и угрожалъ Польшѣ новымъ раздѣломъ. Пруссія готова, говорилось въ этомъ письмѣ, посовѣтоваться съ Австріей и Россіей насчетъ принятія мѣръ для возстановленія спокойствія въ Польшѣ. Теперь полякамъ оставался одинъ только путь спасенія, но и тотъ былъ загражденъ имъ ихъ собственнымъ королемъ. Станиславъ, который по своему малодушію и изъ личныхъ своихъ выгодъ, отступалъ передъ всякой рѣшительной мѣрой, удерживалъ при себѣ лучшую часть войскъ, въ то время когда польская армія уже сражалась съ русской, и тайно велъ переговоры. Въ то же время тарговицкіе конфедераты составили конфедерацію въ Литвѣ, вслѣдствіе которой эта провинція отдѣлилась отъ остальной Польши.

Польское войско раздѣлилось на три отряда: первымъ командовалъ самъ главнокомандующій, Іосифъ Понятовскій, вторымъ — Михаилъ Віельгорскій, третьимъ — Косцюшко. Косцюшко получилъ свое военное образованіе во Франціи, служилъ во время американской войны волонтеромъ, и такимъ образомъ изъ него образовался полководецъ. Если бы подобный полководецъ попалъ не въ среду польскихъ измѣнниковъ, онъ, вѣроятно, спасъ бы свое отечество. 17 іюля 1792 при Дубенкѣ произошло сраженіе, въ которомъ четыре тысячи поляковъ подъ начальствомъ Косцюшко удержались на своей позиціи противъ восемнадцати тысячъ русскихъ. Не смотря на это важное сраженіе, Косцюшко былъ принужденъ отступить, потому что русскіе, пройдя черезъ Галицію, угрожали его тылу. Черезъ шесть дней послѣ битвы при Дубенкѣ король Станиславъ утвердилъ тарговицкую конфедерацію, которую переименовалъ въ генеральную, чтобы придать ей законный видъ.

Въ концѣ 1792 русскіе заняли всю Польшу. Въ январѣ 1793 они внезапно отступили отъ сѣверозападной границы во внутренность Польши, чтобы дать мѣсто вступающему прусскому войску. 4 января 1793 между Россіей и Пруссіей былъ заключенъ союзъ и окончательно рѣшенъ раздѣлъ Польши; вслѣдствіе господствовавшаго тогда политическаго положенія всѣхъ странъ въ Европѣ, не только Австрія дала въ тайнѣ свое согласіе на этотъ раздѣлъ, но и Англія не высказала противъ этого ничего. Тотчасъ по смерти Леопольда II Австрія и Пруссія въ надеждѣ на поддержку англійской аристократіи начали съ Франціей войну. Но война эта имѣла такой печальный исходъ, что уже въ началѣ зимы французы заняли часть Австріи. Это подвинуло завоевательные планы, о которыхъ Пруссія и Россія уже давно вели переговоры, но исполненіе которыхъ было отложено до окончанія французской войны. Прусскій кабинетъ обѣщалъ свое дальнѣйшее участіе въ войнѣ съ Франціей на томъ только условіи, что Австрія и Англія не воспротивятся договору его съ Россіей касательно Польши. Такимъ образомъ былъ заключенъ 4 января 1793 вышеупомянутый союзъ между Пруссіей и Россіей. Австрія должна была дать свое согласіе въ надеждѣ получить поддержку въ войнѣ съ Франціей и пріобрѣсти долю въ добычѣ. Англія находила свою выгоду въ томъ, что Россія становилась во враждебное отношеніе къ Франціи и кромѣ того предоставляла ей нѣкоторыя выгодныя условія торговли.

Мёллендорфъ, командовавшій прусской арміею, тотчасъ по вступленіи своемъ въ Польшу, обнародовалъ такъ называемую декларацію, которая должна была оправдать поведеніе прусскаго короля. Но въ ней приводились тѣ же софизмы, которые употреблялись всѣми завоевателями. Такъ, свое вторженіе въ Польшу пруссаки объяснили учрежденіемъ въ Польшѣ той самой конституціи, которую полгода тому назадъ Фридрихъ Вильгельмъ офиціально одобрялъ и съ которой онъ еще ранѣе поздравлялъ польскаго короля. Кромѣ того, чтобы успокоить въ особенности аристократическій парламентъ Англіи и завистливую аристократію Австріи, прибѣгли къ страшному призраку якобинства. Вотъ что говорилось въ деклараціи по этому поводу: «Ужасные принципы французскихъ демокра-

товъ все болѣе и болѣе распространяются въ Польшѣ; тамъ уже открываются настоящіе якобинскіе клубы; Пруссія считаетъ себя обязанной, чтобы предохранить свой народъ отъ этой заразы, занять на время нѣкоторыя польскі і провинціи для искорененія въ нихъ якобинства, и т. д.

Вторженіе Пруссіи было страшнымъ ударомъ для тарговицкихъ конфедератовъ, хотѣвшихъ передать Польшу одной Россіи безъ участія Пруссіи и Австріи. Большая часть изъ нихъ тотчасъ оставила конфедерацію, которая назначила собраніе, сначала въ Брестѣ, потомъ въ Гродно. Остальные легко поддались увѣщаніямъ генерала Игельстрома и посланника Сиверса, и покорились власти иностранныхъ державъ. Для законнаго признанія своихъ требованій не только конфедератами, но уполномоченными отъ цѣлой націи, Пруссія и Россія рѣшились переименовать гродненское конфедераціонное собраніе въ сеймъ и уговорить короля переѣхать въ Гродно. Все это было исполнено. Русскія войска вступили въ Гродно, чтобы держать короля и сеймъ въ страхѣ. Кромѣ того, посланники Пруссіи и Россіи издали совершенно тождественныя деклараціи о якобинствѣ и демократизмѣ. Въ этихъ деклараціяхъ говорилось, что Россія и Пруссія не могутъ ничѣмъ лучше предохранить Польшу отъ окончательной погибели, какъ присоединеніемъ сосѣднихъ польскихъ провинцій къ своимъ владѣніямъ. Только двое изъ конфедератовъ осмѣлились протестовать противъ этой ноты, но и тѣ, не желая лишиться своего благосостоянія, должны были скорѣйшимъ образомъ выѣхать изъ Гродно. Остальные выбрали своимъ главой Понинскаго, хотя сеймъ 1788 года уличилъ его въ подкупѣ и открытомъ грабежѣ и изгналъ изъ отечества. Чтобы не допустить въ сеймъ ни одного депутата, осмѣливающагося не признавать заранѣе правильнымъ каждый шагъ русской партіи, посланники употребляли и подкупы, и военную силу. Понятно, что сеймъ этотъ не могъ быть тѣмъ, чѣмъ долженъ бы быть на самомъ дѣлѣ. Не смотря на это, онъ уступилъ только силѣ.

Когда Пруссія и Россія потребовали 19 іюня отъ него уступки цѣлыхъ провинцій, сеймъ отвѣчалъ обоимъ государствамъ въ совершенно различномъ тонѣ. Россіи онъ отвѣчалъ смиренно и покорно, Пруссіи смѣло и презрительно. Игельстромъ и Сиверсъ отвѣтили на смиренный тонъ сейма тѣмъ, что велѣли посадить въ тюрьму (2 іюля) нѣкоторыхъ членовъ, а къ домамъ другихъ поставили караулъ. 22 іюля сеймъ наконецъ согласился на уступки, которыхъ требовала отъ него Россія, но тѣмъ упорнѣе сталъ относиться къ Пруссіи. Впрочемъ сопротивленіе это было непродолжительно, потому что Россія настойчиво поддерживала своего союзника. Сеймъ долженъ былъ уполномочить депутатовъ, которые вели переговоры съ Россіей, подписать уступки, требуемыя Пруссіей, но съ оговоркой, что договоръ этотъ будетъ ратификованъ тогда только, когда съ Пруссіей будетъ заключенъ при посредничествѣ Россіи торговый договоръ и постановлены условія на счетъ нѣкоторыхъ другихъ еще нерѣшенныхъ съ Пруссіей вопросовъ. Но 21 сентября Сиверсъ потребовалъ безусловнаго исполненія требованій Пруссіи. Всѣ эти обстоятельства, какъ и второй раздѣлъ Польши, тѣсно связаны съ ходомъ французской войны. Извѣстіе о рѣшеніи сейма пришло въ прусскій лагерь, гдѣ находился самъ Фридрихъ Вильгельмъ, тотчасъ послѣ одержанной имъ небольшой побѣды. И побѣдой, и извѣстіемъ ловко воспользовались Луккезини, герцогъ Брауншвейгскій и нѣкоторые другіе, желавшіе помѣшать королю въ его намѣреніи поддержать Австрію; они подъ благовиднымъ предлогомъ удалили короля изъ лагеря и тотчасъ начали вести интригу противъ Австріи.

Въ государственномъ совѣтѣ по этому случаю было рѣшено, что Пруссія будетъ продолжать войну, что Австрія и Англія будутъ оплачивать Пруссіи военныя издержки, что Россія обязана постоянно поддерживать требованія Пруссіи въ Польшѣ и что Фридрихъ Вильгельмъ тотчасъ отправится въ свои польскія владѣнія. Прусскій король немедленно выѣхалъ изъ своего лагеря, а русское правительство, чтобы дать возможность прусскому войску остаться на Рейнѣ, приказало своему посланнику въ Гродно поддерживать требованія Пруссіи въ случаѣ необходимости даже военной силой. Еще до полученія этого приказа Сиверсъ и прусскій посланникъ Бухгольцъ распустили тарговицкую конфедерацію, которая представила имъ нѣкоторыя затрудненія, и передали управленіе

дѣлами снова слабому королю и вновь заведенному постоянному совѣту, или лучше сказать, учредили новую королевскую конфедерацію, которая была тотчасъ подписана всѣми членами сейма.

Сеймъ все еще медлилъ исполненіемъ всѣхъ требованій Пруссіи, но какъ, не смотря на всѣ угрозы, на новый вызовъ къ поданію голосовъ не послѣдовало никакого отвѣта, маршалъ сейма объявилъ, что надо понимать молчаніе членовъ за согласіе и подписалъ договоръ объ уступкѣ провинцій; примѣру его послѣдовали всѣ депутаты. Но въ тотъ же день (24 сентября) всѣ протестовали, и протестація эта была впослѣдствіи обнародована какъ сеймовой манифестъ. Послѣ того, 14 октября по предложенію подкупленнаго депутата, графа Анквича, заключили новый дружескій союзъ съ Россіей. Само собой разумѣется, что этотъ несчастный сеймъ уничтожилъ всѣ тѣ немногія улучшенія, которыя успѣлъ сдѣлать предъидущій, и всѣ дѣйствовавшія въ немъ лица, начиная съ короля Станислава, были награждены почестями, орденами, имѣніями и большими суммами денегъ. При второмъ раздѣлѣ Польши Россія получила четыре тысячи квадратныхъ миль земли съ тремя милліонами жителей, а Пруссія болѣе тысячи квадратныхъ миль съ населеніемъ около трехъ съ половиной милліоновъ. Такимъ образомъ Польша потеряла третью часть своей прежней области.

5. Третій раздѣлъ Польши.

Послѣ втораго раздѣла Польши, прусскія и русскія войска составляли пограничную стражу на новыхъ границахъ. Часть русскаго войска осталась въ Польшѣ и имѣла свою главную квартиру въ Варшавѣ. На мѣсто Сиверса, который, не смотря на всю свою жестокость, выказывалъ иногда чувство стыда и состраданія, назначили настоящаго русскаго генерала Игельстрома. Онъ держалъ себя съ польскимъ королемъ и знатнѣйшими людьми государства такъ, какъ будто они были уже русскіе подданные, и вообще выказывалъ такой безпощадный деспотизмъ, что казалось, будто преднамѣренно хотѣлъ довести до бунта польское дворянство, отличающееся тщеславіемъ и обидчивостью, какъ и французская нація; дѣйствительно, не далѣе, какъ черезъ полгода загорѣлось возстаніе. Впрочемъ не одно поведеніе Игельстрома было тому причиной.

Еще въ то время, какъ король Станиславъ подписалъ тарговицкую конфедерацію, многіе недовольные выѣхали изъ отечества. Они поселились въ Дрезденѣ и Лейпцигѣ, гдѣ курфирстъ саксонскій (Фридрихъ Августъ III) покровительствовалъ имъ и отказывался выдать ихъ, не смотря на требованія Россіи. Въ числѣ этихъ эмигрантовъ находились Игнатій Потоцкій, сеймовой маршалъ Малаховскій, Коллонтай, Мостовскій, Косцюшко и другіе. Они составили въ Саксоніи заговоръ для освобожденія своего отечества. Но изъ нихъ только Косцюшко и Заіончекъ, возвратившійся въ Варшаву, пробуждали народъ и подвергали свою жизнь опасности. Косцюшко, котораго заговорщики назначили главнокомандующимъ, прежде всего попробовалъ возбудить сочувствіе французовъ и турокъ; но это не удалось ему, и онъ долженъ былъ, чтобы избѣгнуть русскихъ шпіоновъ, удалиться на время въ Италію. Въ это время Заіончекъ успѣлъ склонить на свою сторону польскія войска, находившіяся въ Варшавѣ, а одинъ богатый банкиръ — тамошнее среднее сословіе. Король Станиславъ, знавшій все это, не только не имѣлъ духу принять участіе въ этомъ предпріятіи, но даже извѣстилъ о немъ русскаго посланника. Игельстромъ потребовалъ (начало 1794) распущенія большей части польскихъ войскъ, чтобы заговорщики не могли употребить ихъ, какъ послѣднее отчаянное средство. Но онъ сдѣлалъ этимъ только то, что возстаніе возгорѣлось ранѣе, нежели было предположено. Заговорщики были вынуждены поспѣшить своимъ дѣломъ, чтобы не дать время состояться приказу короля и его военнаго совѣта распустить войска.

Косцюшко, самъ не вѣря въ успѣхъ своего предпріятія, отправился съ маленькимъ отрядомъ въ Краковъ. Русскій гарнизонъ отдалъ этотъ городъ безъ боя, а находившіеся тамъ четыреста поляковъ перешли къ Косцюшко, который былъ провозглашенъ 24 марта генералиссимусомъ польскаго народа. Войско его

быстро увеличивалось отовсюду стекавшимися къ нему инсургентами и между прочимъ цѣлымъ отрядомъ войска подъ начальствомъ полковника Мадалинскаго. Присоединеніе этого отряда произошло слѣдующимъ образомъ. Когда Игельстромъ издалъ приказъ уменьшить польское войско на половину, его для этого сначала раздѣлили на отряды; но Мадалинскій, вмѣсто того чтобы распустить свой отрядъ, отправился съ нимъ въ Краковъ. Здѣсь была составлена прокламація, призывавшая къ оружію всю молодежь краковскаго воеводства, и для продовольствія войскъ была введена система патріотическихъ реквизицій, по примѣру Франціи.

Между тѣмъ Игельстромъ послалъ отъ шести до семи тысячъ русскихъ подъ начальствомъ Денисова и Тормасова преслѣдовать Мадалинскаго; Косцюшко поспѣшилъ имъ на встрѣчу и, встрѣтясь съ ними 4 апрѣля при Рославицахъ, напалъ на нихъ и одержалъ побѣду. Эта побѣда возбудила величайшій энтузіазмъ въ легко воспламеняющейся польской націи. Скоро послѣ того Игельстромъ самъ вызвалъ кровавое возстаніе въ Варшавѣ. Чтобы удержать распространеніе возстанія, онъ потребовалъ отъ польскаго правительства арестованія многихъ знатныхъ лицъ, объявленія всѣхъ инсургентовъ преступниками, передачи арсенала русскимъ и обезоруженія всего польскаго войска. Этимъ воспользовались заговорщики, чтобы склонить на свою сторону горожанъ Варшавы и находившееся тамъ войско. Такимъ образомъ 17 апрѣля возгорѣлось въ Варшавѣ общее возстаніе. Русскій гарнизонъ, состоявшій изъ восьми тысячъ человѣкъ, былъ вытѣсненъ, около двухъ тысячъ солдатъ убито въ продолженіе двухъ дней, дворецъ Игельстрома послѣ кровопролитной битвы взятъ штурмомъ и разграбленъ. Самъ Игельстромъ долженъ былъ бѣжать, чтобы спасти свою жизнь, въ прусскій лагерь близъ Варшавы. Къ чести поляковъ нужно замѣтить, что когда польское правительство потребовало, чтобы были возвращены суммы, расхищенныя изъ дворца Игельстрома, онѣ тотчасъ были выданы до копѣйки. Возстаніе въ Варшавѣ опять превратило малодушнаго короля Станислава въ страстнаго патріота. Но на него нельзя было положиться, и потому было учреждено регентство, а Косцюшко, провозглашенный диктаторомъ еще въ Краковѣ, былъ утвержденъ въ этомъ званіи.

Возстаніе распространилось не только по Литвѣ, но и по всему польскому королевству. Во многихъ мѣстностяхъ вспышки этого возстанія сопровождались такими ужасными сценами дикаго народнаго правосудія, которыя живо напоминаютъ тогдашній Парижъ. Въ Варшавѣ безъ суда и процеса были казнены, генералы Забѣлло и Ожаровскій, епископъ Коссаковскій, князь епископъ Масальскій, графъ Анквичъ и еще шесть или восемь знатныхъ господъ.

Пруссія поспѣшила двинуть свои войска въ Польшу; въ тоже время двинулся къ Кракову русскій отрядъ подъ начальствомь Денисова; Косцюшко намѣревался напасть на послѣднихъ, пока они не соединились съ пруссаками; но это ему не удалось; едва онъ напалъ на русскихъ 6 іюля, при Щекоцинахъ, какъ прусское войско, подоспѣвшее къ нимъ и превосходившее его силою, заставило его отступить. Не смотря на то, что онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, онъ благополучно достигъ Варшавы. Но когда 10 іюля онъ вступилъ въ этотъ городъ, то получено уже было извѣстіе, что поляки побѣждены въ Литвѣ и что городъ Краковъ находится во власти пруссаковъ. Съ этой минуты о спасеніи Польши нечего было и думать.

Война сосредоточилась теперь около Варшавы. Къ ней двинулись въ іюлѣ пруссаки въ числѣ сорока тысячъ человѣкъ. Они соединились съ русскимъ отрядомъ въ десять тысячъ человѣкъ подъ командой Ферзена у самой Варшавы; сюда же между тѣмъ приближался Суворовъ съ главной арміей русскихъ. Чтобы принять участіе въ предположенномъ раздѣлѣ и помѣшать излишнему усиленію Пруссіи, Австрія тоже послала свое войско въ Польшу. Россія уже предложила ей новый раздѣлъ Польши. Австрійскія войска заняли Малую Польшу.

Варшава была слабо защищена, но около нея были расположены четыре прекрасно укрѣпленные лагеря, соединявшіеся между собою. Расположенныя въ Варшавѣ и около нея войска, фланги которыхъ прикрывались Вислой, были подъ командой людей, составившихъ себѣ имя въ эту войну и позже, при Наполеонѣ; то были Косцюшко, Іосифъ Понятовскій, Домбровскій, Заіончекъ и Макрановскій. Исходъ ихъ войны съ пруссаками легко было предвидѣть, потому

что пруссаки вели войну совершенно по старой методѣ и кромѣ того были подъ командой самого короля и его любимцевъ, совершенно неспособныхъ къ дѣлу; вслѣдствіе этого всѣ нападенія на четыре польскіе лагеря, какъ и бомбардированіе самаго города, остались безъ послѣдствій. Когда же пришло извѣстіе, что прусско-польскія провинціи возстали и угрожаютъ тылу прусскаго войска, малодушные окружающіе короля такъ потерялись, что осада Варшавы была снята, и быстрое отступленіе арміи 6 сентября сильно походило на бѣгство.

Поляки послали на помощь прусскимъ инсургентамъ нѣсколько отрядовъ войска подъ начальствомъ Домбровскаго, Мадалинскаго и Іосифа Понятовскаго. Успѣхъ ихъ въ битвахъ былъ таковъ, что они угрожали даже Помераніи и Бранденбургу. Но они уже не могли быть полезными польскому дѣлу, а между тѣмъ къ Варшавѣ приближалась главная русская армія подъ начальствомъ Суворова. Совершивъ усиленными переходами путь отъ своей главной квартиры въ Херсонѣ до границъ Польши, Суворовъ аттаковалъ и почти совершенно истребилъ польскій отрядъ подъ начальствомъ Сѣраковскаго и спѣшилъ уже къ Варшавѣ. При этомъ извѣстіи Косцюшко рѣшился употребить послѣднія средства, прежде нежели Суворовъ достигнетъ города. Онъ послалъ Сѣраковскому новыя войска, чтобы задержать какъ-нибудь русскихъ, приказалъ литовскому войску идти имъ въ тылъ, а самъ намѣревался напасть на Ферзена до соединенія его съ Суворовымъ. Съ этой цѣлью онъ приказалъ одному изъ своихъ подчиненныхъ, Понинскому, преграждать русскимъ переходъ черезъ Вислу, пока онъ самъ не соединится съ нимъ. Но Понинскій не задержалъ русскихъ и не пришелъ на помощь своимъ, когда Ферзенъ напалъ на нихъ при Мацеевицахъ. Была ли то ошибка или неудача Понинскаго, но этому несчастному обстоятельству Польша обязана своей окончательной гибелью. Косцюшко съ своимъ войскомъ сражался съ отчаянной храбростью, но не дождавшись Понинскаго, долженъ былъ уступить превосходной силѣ русскихъ и потерпѣлъ полное пораженіе. Дорогою цѣною отдана была русскимъ эта побѣда; но шесть тысячъ поляковъ было убито, шесть сотъ человѣкъ, большею частью тяжелораненыхъ, были взяты въ плѣнъ русскими. Въ числѣ послѣднихъ находился самъ Косцюшко съ тремя другими генералами и со всѣмъ штабомъ.

Послѣ битвы подъ Мацеевицахъ Ферзенъ соединился съ корпусомъ Суворова, состоявшимъ изъ тридцати тысячъ челвѣкъ. Хотя изъ нихъ въ походъ можно было взять только двадцать двѣ тысячи, Суворовъ рѣшился однако штурмовать укрѣпленное предмѣстье Варшавы, Прагу. Это предмѣстье, отдѣляющееся отъ Варшавы Вислой, было защищено тридцатью тысячами поляковъ и тремя укрѣпленными линіями, на которыхъ находилось до ста орудій тяжелаго калибра. Чтобы достичь этихъ укрѣпленій, надо было взять находившійся передъ ними хорошо укрѣпленный польскій лагерь. Не смотря на все это, Суворовъ рѣшился штурмовать Прагу и расположенный передъ ней лагерь. Трудно было бы себѣ представить, какимъ образомъ могъ удаться этотъ штурмъ Суворову, у котораго не было тяжелой артиллеріи, а всего только восемьдесятъ шесть полевыхъ орудій, еслибы мы не знали, что Ферзенъ уничтожилъ лучшее польское войско, а стоявшее передъ Прагой, какъ турецкое, не могло выдержать аттаки въ штыки. 24 октября Суворовъ взялъ польскій лагерь штурмомъ, при чемъ до тысячи человѣкъ поляковъ утонуло въ Вислѣ, до двухъ тысячь пало на мѣстѣ, и столько же взято въ плѣнъ. Тогда Суворовъ началъ дѣлать распоряженія для штурмованія укрѣпленныхъ линій Праги. Онъ ускорилъ насколько было возможно приготовленія, потому что хотѣлъ покончить дѣло до прихода пруссаковъ, которые, подавивъ возстаніе въ Великой Польшѣ, уже подвигались къ Варшавѣ. Онъ не щадилъ при этомъ крови своихъ собственныхъ солдатъ. 4 ноября приступили къ штурму Праги, для защиты которой прибыли изъ Варшавы всѣ способные владѣть оружіемъ. Послѣ пятичасоваго жестокаго сраженія русскіе наконецъ овладѣли укрѣпленіями. Тотчасъ послѣ этого на улицахъ Праги снова началась ожесточенная борьба, и восемь тысячъ поляковъ легло въ ней. Кромѣ того, когда русскіе зажгли не только большую часть Праги, но и мостъ черезъ Вислу, то цѣлыя толпы людей, спасавшихся бѣгствомъ въ Варшаву, обрушились съ мостомъ въ рѣку. По показаніямъ, за достовѣрность которыхъ мы однако не ручаемся, въ одной Прагѣ погибло двѣнадцать тысячъ поляковъ. Потеря русскихъ въ этомъ смѣломъ пред-

пріятіи Суворова неизвѣстна. Русскіе до смѣшного уменьшаютъ ее. На слѣдующій день Варшава сдалась на капитуляцію, а 6 ноября Суворовъ уже занялъ ее.

Судьба Польши была рѣшена. Объ участи ея или скорѣе о томъ, какимъ образомъ раздѣлить послѣдніе остатки когда-то обширнаго государства, Австрія, Пруссія и Россія вели переговоры въ продолженіе цѣлаго года. Королю Станиславу, который подчинялся всему, оставляли титулъ правителя, пока онъ былъ нуженъ. Въ Варшавѣ Суворовъ, а въ Гродно, куда король переѣхалъ по приказанію русскихъ, намѣстникъ польско-русскихъ провинцій, Репнинъ, совершенно затмѣвали его. 25 ноября 1795 онъ самъ подписалъ актъ своего отреченія, а союзныя державы положили ему ежегодную пенсію въ двѣсти тысячъ червонцевъ и взяли на себя всѣ его долги. Вскорѣ послѣ этого императоръ Павелъ вызвалъ его въ Петербургъ, гдѣ онъ умеръ въ 1798. Составленный между тремя державами договоръ о третьемъ раздѣлѣ Польши былъ подписанъ только 24 октября 1795. Переговоры Австріи и Пруссіи о новыхъ границахъ продолжались еще годъ. По послѣднему раздѣлу Польши, Австрія получила воеводства: Сандомірское и Люблинское, почти все воеводство Краковское и земли, лежащія по правому берегу Вислы до Буга,—всего восемсотъ тридцать четыре квадратныя мили. Россія получила Литву и Волынь, большую часть Самогитіи и часть Малой Польши,—всего около двухъ тысячъ квадратныхъ миль; наконецъ Пруссіи досталась остальная часть Польши, составляющая тысячу квадратныхъ миль, съ столицей ея, Варшавой.

6. Англія, Австрія, Пруссія и Швеція въ отношеніи къ французской революціи.

Преобразованія французской революціи внушали страхъ всей феодальной и іерархической Европѣ, и опасенія, чтобы не былъ потрясенъ существовавшій тогда во всѣхъ земляхъ средневѣковый порядокъ, вызвали со стороны всѣхъ правителей интриги противъ Франціи, разразившіяся наконецъ войной. Мы начнемъ съ Англіи разсказъ о томъ, какимъ образомъ правительства и аристократіи Европы старались уничтожить систему, водворившуюся во Франціи.

Политика, которой слѣдовало правительство Англіи, отличалась отъ политики континентальной, хотя цѣль у нихъ была общая. Аристократіи Англіи, во главѣ которой съ 1784 стоялъ Питтъ, нечего было опасаться, чтобы духъ французской революціи проникъ въ англійскій народъ, зараженный самообожаніемъ и привязанностью къ старому порядку вещей. Англія хотѣла только, какъ и прежде, уничтожить морскія силы Франціи и подавить всякую морскую торговлю, кромѣ британской. Но когда континентальныя правительства объявили, что готовы за англійскія деньги поддерживать оружіемъ дѣло аристократіи и іерархіи противъ Франціи, Питтъ склонилъ парламентъ къ уплачиванію имъ субсидій, разсчитавъ, что, каковъ бы ни былъ исходъ войны на континентѣ, власть Англіи на морѣ все-таки усилится, а слава ея флота еще болѣе ослѣпитъ англійскій народъ и крѣпче прикуетъ его къ своей олигархіи.

Что касается исторіи внутренняго управленія Англіи, то можно сказать, что послѣ того какъ Питтъ утвердилъ свое могущество индійскимъ биллемъ, онъ умѣлъ привязать къ себѣ всѣхъ: аристократію—сохраненіемъ старыхъ злоупотребленій ея власти, короля—увеличеніемъ его доходовъ, народъ—благоразумной администраціей, лживымъ стараніемъ отстранять всѣ причины неудовольствія, и громкими обѣщаніями будущихъ улучшеній. Какъ хорошо онъ умѣлъ обманывать Джона Булля, можетъ служить доказательствомъ процесъ, который онъ затѣялъ съ однимъ изъ кровопійцъ Остъ-Индіи, Уорреномъ Гестингсомъ. Этотъ процесъ, производившійся въ палатѣ перовъ и продолжавшійся съ 1788 до 1795 года, долго занималъ публику и надѣлалъ много шуму, какъ примѣръ равенства передъ закономъ въ Англіи; въ дѣйствительности же онъ былъ ничто иное, какъ судебная комедія. Процесъ этотъ кончился оправданіемъ знатнаго подсудимаго, такъ жестоко угнетавшаго бѣдныхъ индійцевъ.

Въ 1788 возобновленное Питтомъ владычество аристократіи и капиталистовъ подверглось опасности вслѣдствіе того, что въ королѣ Георгѣ III впервые обна-

ружились признаки умопомѣшательства, которые съ тѣхъ поръ не оставляли его до самой смерти. Это обстоятельство заставило парламентъ предложить учредить регентство (декабрь 1788); по праву, регентство должно было достаться принцу Уэльскому, который совершенно разошелся съ своимъ отцомъ и былъ въ большой дружбѣ съ оппозиціонной партіей, такъ что вся система Питта была въ большой опасности. Но хитрый политикъ и тутъ не потерялся. Чтобы достигнуть своей цѣли, онъ сталъ дѣйствовать будто бы противъ консервативныхъ принциповъ; напримѣръ, когда Фохсъ сталъ защищать законное наслѣдственное право принца на регентство, Питтъ объявилъ, что только народъ посредствомъ парламента можетъ рѣшить вопросъ о регентствѣ, какъ и всѣ остальные вопросы; другими словами, Питтъ поддерживалъ революціонный принципъ французовъ—признаніе за народомъ верховной власти. Побѣда осталась за нимъ, но къ счастію, король выздоровѣлъ уже въ февралѣ 1789.

Когда французская революція начала волновать и Англію, Питтъ съумѣлъ оградить свой народъ отъ вліянія этихъ нововведеній, не выставляя однако себя врагомъ Франціи. Въ Англіи существовала небольшая партія радикаловъ, которая съ восторгомъ глядѣла на французскую революцію. Эта партія съ большой смѣлостью заговорила противъ аристократическаго элемента въ управленіи Англіи; она послала поздравительный адресъ въ первое національное собраніе въ Парижъ и демократическими воззваніями старалась возмутить англійскую націю. Но Питтъ съумѣлъ найти вѣрное средство для предотвращенія этой опасности: противъ голоса радикаловъ онъ возвысилъ голосъ консерваторовъ, но изъ осторожности самъ не вмѣшался въ этотъ крикъ и удержался отъ всякой горячей демонстраціи и отъ всякихъ формальныхъ обязательствъ противъ революціи. Довольно было малѣйшаго побужденія, чтобы подстрекнуть даже враждебныхъ министерству членовъ парламента, полныхъ надменной, чисто-аристократической заносчивости, на протестъ и негодованіе противъ французовъ. Самый ярый изъ этихъ господъ, Боркъ, который недавно сошелся съ консервативной партіей, въ началѣ 1790 впервые и уже навсегда сталъ подъ знамена Питта.

Боркъ былъ тогда трубой старой Англіи; онъ подавлялъ всякаго хладнокровнаго защитника естественнаго права горячностью, доходившей почти до бѣшенства. Это было тѣмъ предосудительнѣе, что его рѣчи были заранѣе выработаны и заучены; слѣдовательно, эту горячность нельзя приписать взрыву чувства. До сихъ поръ Боркъ былъ горячимъ сторонникомъ истины, свободы и закона, но внезапно перешелъ на противоположную сторону, началъ свирѣпствовать, какъ всѣ ренегаты, и свирѣпствовалъ до самой смерти противъ всего, за что прежде ратовалъ. Питтъ радовался, что изъ этого человѣка, стоявшаго тогда на апогеѣ славы, могъ сдѣлать полезное орудіе для своей политики; Боркъ не только привлекъ къ нему значительное число членовъ парламента, но заставлялъ молчать всѣхъ, кто желалъ реформъ, тѣмъ, что, поощряя гордость, національное самолюбіе и предразсудки Джона Булля, выставлялъ ихъ друзьями французовъ, мятежниками и безбожниками. Боркъ не ограничивался тѣмъ, что высказывалъ свои убѣжденія въ блестящихъ рѣчахъ въ парламентѣ; въ 1790 онъ издалъ подъ названіемъ «Размышленія о французской революціи» — сочиненіе, сдѣлавшееся закономъ для всѣхъ враговъ прогреса. Въ этомъ сочиненіи выставлялъ величественную борьбу французовъ за свободу и права какимъ-то преступленіемъ и вмѣнялъ всѣ печальныя излишества взволнованной массы въ вину тѣмъ благороднымъ людямъ, которые пожертвовали счастіемъ своего поколѣнія для блага будущихъ. Боркъ всѣми силами стремился произвести своей книгой то же дѣйствіе, какое имѣли журналы Мара и Камила Демулена. Онъ желалъ, чтобы европейскія государства употребляли въ защиту феодализма и іерархіи тѣ же средства, энергію и терроризмъ, которыя были употреблены по внушенію ярыхъ демократовъ народомъ во Франціи для ниспроверженія стараго порядка.

Противная партія могла бы оставить безъ отвѣта всѣ выходки и декламаціи Борка; но Боркъ проводилъ политическую теорію, которую можно и даже должно было опровергать, такъ какъ она была гораздо послѣдовательнѣе и тверже, чѣмъ французскія теоріи Лафайетовъ, Бальи, Грегуаровъ и др. Боркъ самымъ остроумнымъ образомъ доказывалъ привиллегированнымъ, что предразсудки ихъ—мудрость, а надменность—твердость, и остроумной діалектикой оправдывалъ всѣ на-

мѣренія и стремленія аристократіи. Чтобы отразить подобное ученіе, необходимо было противопоставить ему ученіе совершенно противоположное и защищать его съ такой же эксцентричною горячностью. Это осуществилъ писатель американской демократіи, впослѣдствіи знаменитый демократъ, Томасъ Пэнъ; онъ издалъ сочиненіе подъ названіемъ «Человѣческія права» (Rights of men). Въ немъ Пэнъ также безмѣрно нападалъ на англійскую конституцію, какъ Боркъ превозносилъ ее. Онъ требовалъ совершеннаго переворота существующаго порядка и проповѣдовалъ демократическую теорію государства. Слогъ, которымъ писалъ Пэнъ, имѣлъ ту сжатость, ядовитость и пылкость, которыя придавали такую громадную силу «Другу Народа» Мара и «Письмамъ Юніуса». И дѣйствительно, книга Пэна произвела столь же глубокое и сильное впечатлѣніе на извѣстную часть низшаго класса англійской націи, какъ книга Борка на большую часть людей средняго и высшаго классовъ. Оба писателя могутъ сравниться съ полководцами двухъ армій, которыя сражались за и противъ новаго соціальнаго устройства, а книги ихъ могутъ почитаться арсеналами этихъ армій.

Главнымъ защитникомъ свободныхъ воззрѣній въ парламентѣ былъ Фоксъ, который уже по своей натурѣ былъ не въ состояніи отражать несправедливыя нападки Борка на свободу и на естественныя права съ той безпощадной жестокостью, которая одна можетъ достигнуть цѣли въ борьбѣ съ фанатизмомъ и слѣпымъ предразсудкомъ. Онъ былъ такъ далекъ отъ подобной жестокости, что надѣялся не только поддержать дружбу съ человѣкомъ, убѣжденія котораго составляли рѣзкую противоположность его понятіямъ, но доходилъ до того, что предостерегалъ своего бывшаго друга отъ преувеличиваній, которыя могли принести вредъ его партіи во Франціи и несчастному королю Лудовику. Но Боркъ не платилъ ему за это ни малѣйшей благодарностью. Онъ открыто разорвалъ всѣ сношенія съ своими прежними друзьями въ парламентѣ, и хотя Фоксъ прослезился отъ волненія, не хотѣлъ и слушать дружескихъ словъ, которыми тотъ старался смягчить его. Тогда онъ открыто отказался отъ всякой либеральной идеи и объявилъ себя защитникомъ предразсудковъ и злоупотребленій. Вспыльчивость его достигла съ этихъ поръ крайнихъ предѣловъ, и французы изъ его рѣчей въ парламентѣ всегда знали заранѣе, чего могутъ ожидать отъ англійскаго правительства, что было для нихъ очень выгодно. Исполненію завѣтной мечты Борка, устроить нѣчто въ родѣ крестоваго похода европейскихъ государствъ противъ революціонной Франціи, способствовала перемѣна, возникшая тогда въ отношеніяхъ Англіи къ Пруссіи и Австріи. Питтъ, какъ извѣстно, еще въ 1767 очень ловко сдѣлалъ Пруссію своимъ орудіемъ, чтобы пріобрѣсти безъ значительныхъ издержекъ, съ одной стороны, вліяніе въ Голландіи и Бельгіи, а съ другой—препятствовать видамъ Россіи и Австріи на Турцію. По смерти Іосифа II (1790) Австрія и Пруссія начали слѣдовать одинаковой политической системѣ, и эти державы все тѣснѣе и тѣснѣе сближались между собой, а также съ Англіей и Россіей, потому что имѣли одну общую цѣль—подавить французскую республику. Прежде всего бросимъ взглядъ на перемѣну внутренней политики Пруссіи и Австріи.

Братъ и преемникъ Іосифа II, Леопольдъ II, при самомъ вступленіи своемъ на престолъ, выказалъ, въ противоположность своему образу дѣйствій въ Тосканѣ, явную приверженность къ старому порядку. Кардиналъ-архіепископъ Мигацци снова получилъ то вліяніе, которое потерялъ при Іосифѣ (стр. 178). Леопольдъ издалъ цензурный эдиктъ, совершенно тождественный съ знаменитымъ религіознымъ эдиктомъ Фридриха Вильгельма II; этимъ эдиктомъ не отмѣнялась свобода прессы, данная Іосифомъ, но запрещалось критически относиться къ правительственнымъ распоряженіямъ и теологическимъ вопросамъ. Кромѣ того, система доносовъ была доведена до совершенства, такъ что правительству было извѣстно каждое тайно произнесенное слово. Доносчиковъ, къ числу которыхъ принадлежали многіе профессоры и литераторы, осыпали почестями. Между этими людьми замѣчательны въ особенности экс-іезуиты Гоффманъ, Гашка и Гофштеттеръ (стр. 171). По поводу французской революціи императора пугали призракомъ якобинской пропаганды, чтобы побудить его къ объявленію войны.

Та же реакція противъ религіозныхъ и политическихъ воззрѣній предшественника Фридриха Вильгельма II (Фридриха II) произошла и въ Пруссіи. И здѣсь

всѣхъ людей съ либеральнымъ направленіемъ замѣнили ревностными приверженцами старины. Графъ Герцбергъ, принцъ Генрихъ и герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій, всѣ трое, болѣе или менѣе сочувствующіе французамъ, были замѣщены Бишофсвердеромъ, Вёлльнеромъ, Луккезини и другими, которые всѣми силами старались увлекать короля все болѣе и болѣе назадъ. Они внушили ему глубокую ненависть ко всему французскому и такимъ образомъ подготовляли мало-по-малу войну съ Франціей.

Еще во время Рейхенбахской конвенціи прусскій и австрійскій кабинеты рѣшились въ самомъ источникѣ подавить распространяющіяся изъ Франціи идеи. Но такъ какъ Леопольдъ былъ противъ войны съ Франціей, то приверженцамъ старины удалось объявить ее только послѣ его смерти.

Пока Боркъ подвигалъ Англію на монархическій крестовый походъ противъ Франціи, Бишофсвердеръ старался о томъ же въ Пруссіи, а Шпильманъ и другіе въ Австріи, Густавъ III тоже рѣшился принять участіе въ этомъ походѣ.

Послѣ того какъ Густавъ III, съ разрѣшенія сейма 1789, расширилъ свои права, ему вошла въ голову мысль, устроить крестовый походъ и вступиться за французскаго короля, олицетворявшаго въ себѣ монархическое начало, какъ нѣкогда Густавъ Адольфъ вступился за протестантскихъ владѣтельныхъ князей Германіи и за ихъ вѣру. Императрица Екатерина еще во время верельскаго мира старалась укрѣпить его въ этомъ романическомъ предпріятіи, видя въ немъ средство занять короля. Густавъ завелъ переписку съ братьями французскаго короля, съ которыми давно былъ очень друженъ (стр. 192), со всѣми эмигрантами и съ маркизомъ Буйе, принималъ участіе въ приготовленіяхъ къ бѣгству Лудовика и ѣздилъ весной 1791 въ Ахенъ на совѣщаніе съ французскими эмигрантами. Онъ дѣйствительно воображалъ себя призваннымъ провидѣніемъ возстановить власть французскаго короля съ помощью своего войска. Но когда неудача побѣга Лудовика разрушила этотъ планъ, онъ тотчасъ принялся обдумывать другой, еще болѣе романическій. Онъ хотѣлъ собрать шведское войско и вмѣстѣ съ русскимъ отрядомъ, обѣщаннымъ ему Екатериною, отправиться на англійскихъ корабляхъ къ устью Сены, проникнуть оттуда въ Парижъ и уничтожить французскую республику. Шведское дворянство съ негодованіемъ смотрѣло на это глупое намѣреніе. Его раздражало, во-первыхъ, то, что Густавъ тратилъ на исполненіе своего фантастическаго плана громадныя суммы денегъ, а во-вторыхъ, что онъ, вслѣдствіе этого плана, вполнѣ отдался въ руки русскихъ и жертвовалъ интересами Турціи и Польши державѣ, которая и безъ того присвоила себѣ часть шведскихъ владѣній. Другія сословія также совершенно охладѣли къ королю по тѣмъ же самымъ причинамъ. Кромѣ того, Густавъ, чтобы оградить себя русскимъ покровительствомъ противъ своихъ собственныхъ подданныхъ, заключилъ въ октябрѣ 1791 союзъ, которымъ Екатерина II видимо хотѣла окончательно запутать его въ свои сѣти. Густавъ и Екатерина взаимно гарантировали другъ другу не только свои владѣнія, но и права свои, т. е. другими словами, Екатерина въ случаѣ отказа шведскаго сейма выплачивать королю требуемыя суммы предлагала ему для убѣжденія сейма русскіе штыки. Она даже просто брала его на жалованье, ибо въ продолженіе восьми лѣтъ онъ долженъ былъ получать отъ Россіи субсидіи. Хитрая Екатерина предложила ему, въ видѣ займа, еще значительную сумму на веденіе войны съ Франціей; при этомъ займѣ она поставила условіемъ поручительство сейма, для чего Густавъ былъ принужденъ снова собрать его. Сеймъ былъ созванъ въ январѣ 1792, но не въ Стокгольмѣ, а въ маленькомъ городкѣ Гефле, гдѣ король надѣялся лучше съ нимъ сладить. Но надежда эта обманула его. Всѣ четыре сословія государства были раздражены противъ него, потому что въ то самое время, когда отъ недостатка звонкой монеты билеты государственнаго займа упали со ста на шестьдесятъ, онъ хотѣлъ взвалить на шведскій народъ еще новыя тяжести. Густавъ требовалъ, чтобы сеймъ уплатилъ издержки послѣдней войны, принялъ на себя новый государственный долгъ и поручительство въ обѣщанномъ Россіей займѣ, далъ возможность совершить предполагаемый крестовый походъ на Францію или, какъ онъ выразился весьма неясно, далъ средства на приведеніе въ исполненіе извѣстныхъ плановъ. На все это сеймъ съ самаго начала оказалъ такое сопротивленіе, что Густавъ черезъ четыре недѣли (24 февраля 1792) долженъ былъ распустить его.

Распущеніе сейма имѣло весьма дурное послѣдствіе: распространился слухъ, что король хочетъ измѣнить старую конституцію; мы не знаемъ, справедливъ ли былъ этотъ слухъ, но достовѣрно, что онъ укрѣпилъ въ дворянахъ мысль, что только смертью Густава они могутъ сохранить свои преимущества. Шведское дворянство, рѣшившись на убійство, было въ одинаковомъ положеніи съ французскими демократами; какъ тѣ, такъ и другіе не могли достигнуть своихъ цѣлей, пока король былъ живъ; какъ тѣ, такъ и другіе рѣшились прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ. Но какъ въ Парижѣ, такъ и въ Стокгольмѣ только весьма небольшое число людей было посвящено—въ Швеціи въ намѣреніе убить короля, а во Франціи—въ тайный планъ добиться черезъ народъ судебнаго приговора и казни короля. Но и здѣсь, и тамъ всѣ остальные спокойно смотрѣли на все это и при случаѣ даже способствовали дѣлу. Въ особенности можно сказать это о большей части дворянства Швеціи. Главнымъ зачинщикомъ убійства Густава былъ семидесятидвухлѣтній генералъ Пехлинъ. Его сообщники были частью хладнокровные честолюбцы, частью лица, въ глазахъ которыхъ преступленіе извинялось предразсудками касты. Для приведенія въ исполненіе своего замысла заговорщики выбрали трехъ молодыхъ людей, капитана Анкарстрёма и графовъ Рибинга и Горна; всѣ трое, изъ коихъ первый былъ раздраженъ противъ короля нанесеннымъ ему оскорбленіемъ и руководствовался слѣдовательно личной ненавистью, поклялись убить короля и бросили жребій, кому совершить это. Жребій выпалъ Анкарстрёму. 17 марта 1792 убійство было совершено на придворномъ маскарадѣ въ Стокгольмѣ. Анкарстрёмъ выстрѣлилъ въ короля изъ пистолета, заряженнаго тремя пулями. Король былъ смертельно раненъ, но прожилъ еще четырнадцать дней, въ которые успѣлъ учредить регентство надъ своимъ малолѣтнимъ сыномъ. Всѣ сословія и горожане Стокгольма, за исключеніемъ сословія дворянъ, были такъ раздражены убійствомъ, что убійцамъ нечего было и думать извлечь изъ него какую-нибудь выгоду.

Регентомъ былъ назначенъ братъ короля, герцогъ Карлъ Зюдерманландскій. Онъ поступилъ съ убійцей и съ его сообщниками мягче, нежели обыкновенно поступаютъ съ преступниками изъ плебеевъ. Изъ пяти заговорщиковъ, приговоренныхъ къ смерти, казненъ былъ только Анкарстрёмъ; четверо другихъ, Риббингъ, Горнъ, подполковникъ Лиліегорнъ и лейтенантъ Эренсвёрдъ, были изгнаны изъ Швеціи. Глава всего заговора, Пехлинъ, съ другимъ заговорщикомъ были заключены въ крѣпость.

7. Приготовленія къ революціонной войнѣ.

Предначертанный планъ этого сочиненія не позволяетъ намъ распространяться о всѣхъ хитростяхъ и интригахъ, которыя въ продолженіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ велись въ Австріи и Пруссіи, чтобы подвинуть эти государства на крестовый походъ противъ революціонной Франціи. Главныя лица, возбуждавшія всѣ эти интриги, были французскіе эмигранты: графъ д'Артуа и его уполномоченный, знаменитый Калонъ, король Лудовикъ XVI и агентъ его, баронъ де Бретейль, графъ Этіенъ де Дюрфоръ, уполномоченный королевы Маріи Антуанетты, и весь дворъ прусскаго короля, состоявшій изъ мистиковъ и фаворитокъ. Но напрасны были всѣ эти старанія; хладнокровный Леопольдъ II умѣлъ всегда уклониться отъ окончательнаго рѣшенія, а еще болѣе холодная политика Англіи думала только о своихъ выгодахъ и въ борьбѣ за принципы желала оставаться нейтральной. Еще при своемъ коронованіи Леопольдъ II объявилъ намѣреніе вступиться за германскихъ владѣтельныхъ князей, у которыхъ актомъ 4—5 августа 1789 отняты были феодальныя права въ земляхъ, которыя они имѣли на французской почвѣ. Въ декабрѣ 1790 онъ обращался по этому поводу къ французамъ отъ имени германскаго союза, и въ этомъ обращеніи слышалась угроза; но къ дѣятельной защитѣ притѣсненныхъ владѣтельныхъ князей онъ былъ не склоненъ. Къ тому же Франція предложила имъ денегъ въ вознагражденіе за убытокъ; но немногіе изъ владѣтельныхъ князей были настолько благоразумны, чтобы принять это вознагражденіе: другіе отказались отъ него въ надеждѣ на

помощь, обѣщанную имъ императоромъ отъ имени имперіи. Между тѣмъ, въ первые мѣсяцы 1791 король прусскій еще колебался, не сблизиться ли ему по совѣту Герцберга, цѣлью котораго было ограничить могущество Россіи, съ конституціонистами Франціи. Но убѣжденія эмигрантовъ и уполномоченныхъ французскаго двора взяли верхъ надъ внушеніями благоразумной политики, и самъ Герцбергъ долженъ былъ подать въ отставку; что же касается императора Леопольда и императрицы Екатерины, то ни тотъ, ни другая никогда и не думали серьезно объ антиреволюціонной войнѣ; оба старались выдвинуть впередъ рыцарскаго шведскаго короля, и Леопольдъ даже въ дѣлѣ защиты владѣтельныхъ князей Германіи сослался на Густава, такъ какъ Швеція гарантировала неприкосновенность вестфальскаго мира. Въ маѣ 1791 Леопольда снова уговорили составить враждебную декларацію противъ французовъ: но она содержала только совершенно ненужныя угрозы, чѣмъ сильно повредила Лудовику XVI. Въ томъ же мѣсяцѣ Леопольдъ созвалъ въ Мантуѣ конгресъ, въ которомъ участвовали: самъ императоръ, графъ д'Артуа, Калонъ и графъ Дюрфоръ. Результатомъ этого конгреса былъ циркуляръ, подписанный въ Падуѣ 6 іюля, который тоже весь заключался только въ угрозахъ; приводить же ихъ въ дѣйствіе Леопольдъ вовсе и не думалъ. Лордъ Эльджинъ, присланный англійскимъ правительствомъ на конгресъ въ Мантуѣ, не принималъ официальнсго участія ни въ какихъ совѣщаніяхъ и преніяхъ, хотя объявилъ отъ имени Питта, что заранѣе одобряетъ все, что будетъ предпринято противъ Франціи.

Въ Пруссіи между тѣмъ по удаленіи Герцберга совершенно воцарился обскурантизмъ, и послѣдователи его съ жаромъ преслѣдовали любимую мечту свою, войну съ Франціей. Хитрый австрійскій кабинетъ воспользовался этимъ, чтобы побудить Россію поскорѣе заключить миръ съ Турціей. 25 іюля 1791 Австрія заключила съ Пруссіей предварительный союзный договоръ, которымъ положили созвать конгресъ и на этомъ конгресѣ рѣшить, какія мѣры предпринять противъ Франціи. Конгресъ былъ созванъ въ Пильницѣ въ августѣ, и 27 августа между Австріей и Пруссіей былъ заключенъ союзъ противъ Франціи. Но опытный въ этихъ дѣлахъ баронъ Шпильманъ съумѣлъ такимъ образомъ составить договорный актъ, что по смыслу его война съ Франціей могла состояться только по соглашеніи съ Россіей на счетъ дѣлъ Турціи и Польши. Австрійскій кабинетъ и въ Пильницѣ сдѣлалъ грубую неосторожность, повредившую защищаемому имъ дѣлу во Франціи. На пильницскій конгресъ явились неприглашенными графъ д'Артуа, Калонъ, Булье и нѣкоторые другіе эмигранты; они успѣли таки добиться, чтобы въ обнародованномъ Пруссіей и Австріей манифестѣ были выставлены глупыя угрозы, которыя на этотъ разъ уже прямо предвѣщали скорый походъ на Францію. Этотъ манифестъ сильно повредилъ Лудовику XVI, потому что французскіе принцы обнародовали его именно въ то время, когда король французскій принялъ новую конституцію, и тѣмъ болѣе, что они присовокупили къ манифесту еще особую декларацію, въ которой прямо говорилось, что Лудовикъ, не смотря на свою присягу, принимаетъ участіе въ замыслахъ эмигрантовъ и враговъ французской конституціи и намѣренъ всячески покровительствовать имъ. Въ сущности пильницскій конгресъ былъ ничто иное, какъ мистификація. Императоръ Леопольдъ тотчасъ отрекся отъ заключеннаго договора, а англійскіе министры объявили въ парламентѣ, что знать не знаютъ о пильницскомъ конгресѣ.

Когда эмигранты убѣдились, что императоръ Леопольдъ вовсе не расположенъ сражаться за нихъ, они обратились за помощью къ Россіи и Швеціи. Россія въ точности послѣдовала примѣру Леопольда, а Швеція объявила готовность обнажить за нихъ мечъ, вслѣдствіе чего Густавъ III и маркизъ Булье составили планъ войны, и приготовленія къ ней тотчасъ начались въ Швеціи. Французскіе эмигранты, главная резиденція которыхъ была въ Кобленцѣ, Вормсѣ и Эттенгеймѣ, навербовали цѣлое войско во владѣніяхъ курфирстовъ кёльнскаго и трирскаго, епископовъ страсбургскаго и вормскаго. Но смерть Густава разрушила всѣ эти воздушные замки.

Одного взгляда, брошеннаго на Францію, будетъ достаточно, чтобы показать, какое вліяніе имѣли на нее всѣ угрозы и приготовленія европейскихъ государствъ. Въ 1792 во Франціи уже дошли до того, что необходимо было со-

вершенно перевернуть все старое, чтобы утвердить новыя начала. За это дѣло могли взяться только люди, необращавшіе вниманія на нравственность, на обычаи, и дѣйствовавшіе съ отвагой и смѣлостью, недопускавшими ни малѣйшаго колебанія. Къ числу такихъ людей, конечно, не принадлежали ни конституціонисты, ни умѣренные республиканцы, ни Робеспьеръ, не имѣвшій тогда еще власти, ни Мара, который былъ человѣкъ слова, а не дѣла. Нужны были люди, способные воспламенить народъ и употреблять грубую силу, чтобы съ корнемъ вырвать все старое, чтобы новое могло привиться; такими людьми были Демуленъ, Фреронъ, Геберъ, Дантонъ и другіе; они то и захватили въ 1792 всю власть въ свои руки; къ числу ихъ принадлежали также Кондорсе, Бюзо, Грегуаръ и многіе другіе, смотрѣвшіе на силу какъ на средство достигнуть цѣли, и надѣявшіеся всегда во время сдержать возбужденныя силы. Но всѣ они должны были впослѣдствіи уступить мѣсто такимъ людямъ, какъ Б а р р а, Ф у ш е, М е р л е н ъ, К а м б а с е р е с ъ и С і й э с ъ, которые, какъ холодные эгоисты, умѣли изъ всего извлекать выгоду.

Изъ исторіи французской революціи мы можемъ сдѣлать очень важный выводъ—а именно, повторить всѣмъ извѣстную старую истину, что при каждомъ переворотѣ сначала всегда впадаютъ изъ одной крайности въ другую и что потомъ хладнокровіе и разсудительность непремѣнно одерживаютъ верхъ. Поэтому обвинять нѣкоторыхъ республиканцевъ за то, что они впослѣдствіи покорились деспотизму Наполеона, какъ будто изъ-за какихъ нибудь выгодъ, было бы несправедливо. Конечно, Робеспьеръ и Мара никогда не подчинились бы этому деспотизму; но даже Камилъ Демуленъ охладѣлъ, когда увидѣлъ, въ какія руки онъ предалъ власть; самъ Дантонъ утомился въ борьбѣ; иначе ничто не могло бы его одолѣть. Но эти два человѣка, умирая, вѣрили, что все-таки, хотя страшными мѣрами, достигли искорененія злоупотребленій для пользы будущихъ поколѣній.

XVII. ИСТОРІЯ

ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ И ПЕРВОЙ КОАЛИЦІОННОЙ ВОЙНЫ ДО ГОСУДАРСТВЕННАГО ПЕРЕВОРОТА 18 ФРУКТИДОРА.

---

1. Французская революція съ весны 1792 до ниспроверженія монархіи.

Война, давно грозившая вспыхнуть между Франціей и обѣими нѣмецкими великими державами, сдѣлалась неизбѣжною, когда 1 марта 1792 умеръ императоръ Леопольдъ II, а во Франціи въ то же время власть перешла въ руки якобинцевъ. Сынъ и наслѣдникъ Леопольда, Францъ II, былъ слишкомъ молодъ и несамостоятеленъ, чтобы не увлечься планами абсолютистовъ; съ другой стороны, якобинскіе министры, въ особенности Дюмурье, возбудили бы войну уже тѣмъ грубымъ тономъ, который приняли въ отношеніи иностранныхъ кабинетовъ, если бы даже ее не требовалъ народъ, волнуемый крайнею партіею.

Францъ II былъ нечуждъ добрыхъ намѣреній и съ самаго начала выказалъ чисто практическій смыслъ; но его воспитатели, графъ Францъ фонъ Коллоредо, баронъ фонъ Шлизнихъ и бывшій іезуитъ Дисбахъ, не дали развиться его и безъ того слабому характеру, не пріучили его къ занятіямъ государственными дѣлами. Вторая жена его, дочь Фердинанда IV и жестокой Маріи-Каролины неаполитанскихъ (стр. 117), была, подобно ему, занята мелочами. Разсказы о разговорахъ и увеселеніяхъ царствующей четы, и составъ кабинета, назначеннаго по вступленіи Франца II на престолъ, не даютъ высокаго мнѣнія о государственныхъ способностяхъ молодаго правителя Старшій государственный канцлеръ Кауницъ совершенно отстранился отъ дѣлъ; вице-канцлеръ Филиппъ Кобенцель и баронъ Шпильманъ были вскорѣ отставлены, и управленіе государствомъ передано въ руки людей совершенно другаго рода. Сначала новый императоръ назначилъ министрами графа Коллоредо и барона фонъ Шлизниха, которые, ни тотъ, ни другой, не были способны управлять кораблемъ австрійскаго государства среди величайшихъ бурь, какія когда либо потрясали Европу. Изъ этихъ двухъ людей, которыхъ въ Вѣнѣ называли двумя императорами, одинъ (Шлизнихъ) былъ вскорѣ вытѣсненъ, а другой служилъ орудіемъ камарильи, которая съ тѣхъ поръ господствовала при австрійскомъ дворѣ. Эта камарилья поставила черезъ годъ по восшествіи императора на престолъ барона фонъ Тугута во главѣ правительства. То былъ лукавый и опытный въ искусствахъ турецкаго гарема придворный. Онъ отличался достойными удивленія и ловкостью и увертливостью; но бѣда въ томъ, что онъ считалъ честность качествомъ недостойнымъ дипломата. Тугутъ началъ свое дипломатическое поприще посланникомъ въ Константинополѣ и въ мирныхъ переговорахъ въ Фокшанахъ (стр. 229) съумѣлъ получить отъ турокъ большія суммы и себѣ, и своему правительству за пустое обѣщаніе помощи. Потомъ, при переговорахъ о баварскомъ наслѣдствѣ, Тугутъ тщетно старался по-

бѣдить своими жалкими плутнями Фридриха Великаго и Герцберга. Послѣ того онъ былъ нѣкоторое время посланникомъ при дворѣ Маріи Каролины неаполитанской. Потомъ правительство послало его въ Дунайскія княжества, гдѣ ему открылось поприще развить свои дипломатическія способности въ восточномъ вкусѣ въ интригахъ между русскими и греками. Наконецъ, онъ отправился чрезвычайнымъ посломъ въ Парижъ по дѣламъ, которыя настоящій посланникъ императора, вѣроятно, посовѣстился взять на себя. Наживъ въ Парижѣ большое состояніе, онъ уѣхалъ въ Вѣну, куда былъ вызванъ въ 1793 управлять иностранными дѣлами.

Новый австрійскій кабинетъ былъ преданъ французскимъ эмигрантамъ и ихъ дѣлу. Вслѣдствіе этого онъ тотчасъ началъ переговоры съ прусскимъ дворомъ объ оказаніи эмигрантамъ помощи. Филиппъ Кобенцль, который тогда еще былъ вице-канцлеромъ, вызвалъ войну нотой отъ 5 апрѣля 1792, поданной французскому посланнику. Въ этой нотѣ Кобенцль дерзко требовалъ, чтобы французское правительство возвратило папѣ графство Авиньонское и возстановило старыя феодальныя права нѣмецкихъ князей, имѣвшихъ владѣнія въ Эльзасѣ и Лотарингіи. Кромѣ того, онъ говорилъ, что французская монархія должна быть утверждена на основаніяхъ, принятыхъ въ королевскомъ засѣданіи 23 іюня 1789 (стр. 320). Когда эта нота пришла 20 апрѣля въ Парижъ, Дюмурье въ тотъ же день предложилъ законодательному собранію объявить войну. Предложеніе было принято въ тотъ же вечеръ, а на слѣдующій день далъ свое согласіе и король.

Когда Франція объявила войну австрійцамъ, Пруссія обѣщала имъ помощь. Но обѣ державы были неготовы къ войнѣ, и потому не могли извлечь пользы изъ анархическаго состоянія Франціи и изъ отсутствія у французовъ опытныхъ генераловъ, которые всѣ эмигрировали и были замѣнены людьми неопытными. Имперія была также приглашена принять участіе въ войнѣ; но она рѣшилась только на оборонительную войну. Австрія и Пруссія потеряли лучшее время въ долгихъ совѣщаніяхъ и въ кропотливомъ наборѣ и устройствѣ войскъ. Въ Пруссіи король Фридрихъ Вильгельмъ II, герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій и маркизъ де Буйе составили три различные плана похода. Пруссаки повредили себѣ еще самоувѣренностью, считая свои войска непобѣдимыми. Въ Германіи господствовало твердое убѣжденіе, что французовъ также легко обратить въ бѣгство, какъ въ прошломъ году разогнали голландцевъ (стр. 263). Генералъ-маіоръ фонъ Бишофсвердеръ сказалъ офицерамъ генеральнаго штаба: «Не накупайте много лошадей; дѣло обдѣлается скоро. Въ Парижѣ чадъ свободы уже началъ расходиться; мы живо уничтожимъ въ Бельгіи армію адвокатовъ и къ осени будемъ снова дома». Фердинандъ Брауншвейгскій, назначенный главнокомандующимъ прусской арміи, говорилъ также самоувѣренно на парадѣ своимъ офицерамъ. «Господа! не берите много вещей и не дѣлайте большихъ издержекъ! Это просто военная прогулка.» Вслѣдствіе такой самоувѣренности и медленности, которой особенно отличалась Австрія, открытіе кампаніи было отложено до іюля. Такимъ образомъ энергическіе люди, водворявшіе во Франціи новый порядокъ вещей, не смотря на страшную анархію, имѣли время приготовиться.

Эти люди скоро сообщили своему живому народу военный пылъ. Они воспользовались даже грозящей опасностью, чтобы поскорѣе окончательно низвергнуть весь старый порядокъ. Въ то самое время, когда въ нѣмецкой имперіи 11 іюля въ послѣдній разъ происходило торжество коронаціи императора, т. е. задавались празднества, во Франціи, гдѣ уже не было разъединяющихъ сословныхъ перегородокъ, газеты, клубы и муниципалитеты возбуждали въ народѣ патріотическое одушевленіе. Національное собраніе было принуждено демагогами принять рѣшительныя мѣры. Даже приверженцы старины должны были вторить республиканцамъ изъ страха народа.

Еще 30 марта 1792, по предложенію депутатовъ Кинета и Бэзира, національное собраніе конфисковало всѣ имущества эмигрантовъ. Въ апрѣлѣ были уничтожены всѣ духовныя и свѣтскія орденскія общества и запрещено носить всякую духовную одежду. Вслѣдъ затѣмъ было выпущено 1900 милліоновъ новыхъ ассигнатовъ, хотя старые упали почти до третьей части своей цѣны. За

мѣсяцъ до этого были оправданы и вознаграждены, по предложенію Колло д'Эрбуа, восемьдесятъ семь участниковъ въ событіяхъ послѣдней осени въ Авиньонѣ (стр. 337) за добрыя гражданскія чувства. Въ апрѣлѣ, по предложенію того же депутата, былъ кассированъ судебный приговоръ, произнесенный два года тому назадъ надъ мятежнымъ швейцарскимъ полкомъ, и солдаты этого полка, приговоренные къ галерамъ, были не только оправданы; но даже почетно приняты въ засѣданіе національнаго собранія. Журналы, клубы и народныя собранія проповѣдовали, что во время революціи и для блага будущихъ поколѣній преступленіе можетъ быть добродѣтелью, а стыдъ честью. Правда въ началѣ мая національное собраиіе составило обвинительный актъ противъ Мара, который возбуждалъ въ своей газетѣ солдатъ перебить генераловъ; но Дантонъ своимъ вліяніемъ избавилъ его отъ суда.

Всѣ эти рѣшенія, все далѣе увлекавшія французскій народъ на поприще революціи, были приняты не сгоряча, а обдуманно и подготовлены руководителями національнаго собранія и народа. Французскій народъ былъ подъ вліяніемъ фанатизма къ свободѣ, который вызывалъ тогда необыкновенныя явленія, какъ въ другія времена религіозный фанатизмъ. Даже смирные и благочестивые люди, какъ Грегуаръ, раздѣляли этотъ энтузіазмъ и увлекаясь имъ, рѣшались на поступки, какихъ можно бы ожидать только отъ какого-нибудь Мара. Другіе образованные люди, какъ напримѣръ Петіонъ, Манюэль, Бриссо и Кондорсе, шли этимъ путемъ даже сознательно. Они видѣли, что королевскую власть нельзя ниспровергнуть законными средствами, а лишь грубымъ насиліемъ народа, и потому примкнули къ Мара, Дантону и другимъ зачинщикамъ тѣхъ страшныхъ сценъ лѣта 1792, которыя низложили религію и монархію.

Первая буря постигла духовенство. 25 мая національное собраніе рѣшило, что каждый, неприсяжный священникъ подлежитъ депортаціи, если того потребуютъ двадцать человѣкъ въ его приходѣ. Потомъ стали стараться объ уничтоженіи королевской гвардіи, увеличенной далеко за законные предѣлы и набранной изъ разнаго сброда. Такимъ образомъ хотѣли лишить государя опоры, предоставленной ему по конституціи. Распространился слухъ о предстоящемъ новомъ побѣгѣ короля, который будто бы предполагается устроить съ помощью гвардіи; тогда депутаты Шабо и Базиръ своими рѣчами о наступающей контръ-революціи привели въ ужасъ національное собраніе и парижскій народъ. Мая 28 національное собраніе объявило свои засѣданія непрерывными и приказало всѣмъ властямъ быть постоянно въ сборѣ, чтобы имѣть возможность каждую минуту принять необходимыя мѣры. Наконецъ 30 мая, по предложенію Базира, было рѣшено распустить королевскую гвардію.

Послѣ того революціонеры сдѣлали еще шагъ впередъ. Они составили себѣ особое войско, чтобы держать имъ въ страхѣ парижскую національную гвардію, единственную силу, которой еще можно было бояться, и чтобы имѣть возможность предпринять штурмъ на Тюйльри. Иниціатива въ этомъ дѣлѣ шла отъ одного изъ членовъ правительства, военнаго министра Сервана. Іюня 8 онъ предложилъ національному собранію созвать въ Парижъ къ предстоящему празднику федераціи 14 іюля двадцать тысячъ человѣкъ провинціальной національной гвардіи, по пяти отъ каждаго кантона, и составить изъ нихъ войска, чтобы потомъ послать ихъ на границу, какъ бы линейные полки. Такъ какъ выборъ войсковыхъ депутатовъ или, какъ ихъ называли, федератовъ всюду зависѣлъ въ кантонахъ отъ клубовъ, то очевидно было, къ чему это клонится. Конституціонисты въ національномъ собраніи, понявъ это, горячо возстали противъ предложенія Сервана; но республиканцы прибѣгли къ очень простой хитрости. Они протянули засѣданіе до поздней ночи и пустили предложеніе на голоса, только когда большая часть противниковъ ихъ удалилась; такимъ образомъ предложеніе прошло.

Рѣшенія національнаго собранія нужно было, согласно конституціи, представить на утвержденіе королю. Министры, желая поставить короля въ затруднительное положеніе, представили ему это рѣшеніе вмѣстѣ съ декретомъ о высылкѣ неприсяжныхъ священниковъ, навѣрно зная, что онъ не утвердитъ ни того, ни другаго. Когда король произнесъ veto, госпожа Роланъ написала ему крайне оскорбительное письмо. Это посланіе умной фанатички, но смотрѣвшей на дѣло

совершенно по-женски, было подписано министрами и послано королю, что со стороны министровъ совершенно непостижимо. Когда король промолчалъ, они прочитали ему письмо въ совѣтѣ министровъ. Недовольствуясь и этимъ, они сообщили посланіе національному собранію, которое разослало его въ напечатанныхъ экземплярахъ по всѣмъ департаментамъ. Не смотря на всѣ эти оскорбленія, король упорно не соглашался утвердить рѣшенія. Это принудило министровъ въ половинѣ іюня выйти въ отставку. Остались только двое, Дюрантонъ и Лакостъ. Они составили новое министерство, призвавъ въ него трехъ конституціонистовъ. Но это министерство продержалось только до 9 іюля. Дюмурье, всегда ходившій кривыми путями, и при этомъ случаѣ не забылъ себя. Онъ завелъ связи съ самыми крайними якобинцами и черезъ нихъ добился главнокомандованія на войнѣ.

Нисшіе классы народа были возбуждены къ возстанію противъ короля и его новаго министерства, и это возстаніе вспыхнуло 20 іюня. Утромъ этого дня изъ предмѣстьевъ собралось тысячъ 8—10 человѣкъ работниковъ подъ предлогомъ праздновать годовщину собранія въ Мячной Залѣ (стр. 319). Однимъ изъ главныхъ предводителей ихъ былъ Сантерръ, тогда батальонный командиръ національной гвардіи и по профессіи хозяинъ пивовареннаго завода; его обыкновенно называютъ просто пивоваромъ, хотя онъ былъ такой же пивоваръ, какъ аѳинскій демагогъ Клеонъ—кожевникъ (т. I, стр. 215). Собравшаяся толпа, имѣвшая съ собою нѣсколько пушекъ, двинулась сначала къ зданію засѣданій національнаго собранія. Она ворвалась въ залу, прошла черезъ нее и бросилась къ Тюильри, чтобы, какъ говорила, испросить у короля утвержденіе двухъ декретовъ. Полиція могла бы принудить эту буйную толпу разойтись, особенно при помощи національной гвардіи; но во главѣ полиціи стояли ярые якобинцы, которые были главными членами парижскаго инсуррекціоннаго комитета. Меръ Петіонъ созвалъ національную гвардію тогда только, когда увидѣлъ, что возстаніе не достигло своей настоящей цѣли. Національное собраніе играло при этомъ подозрительную роль; оно отстрочило засѣданіе до полудня въ то самое время, какъ народъ шелъ ко дворцу, и только къ вечеру послало въ Тюильри депутацію. Въ Тюильри король во избѣжаніе кровопролитія велѣлъ отворить ворота. Народъ безпрепятственно проникъ до самой комнаты короля, который позаботился только спрятать свою семью. Толпа оттиснула короля въ амбразуру окна, гдѣ онъ два часа терпѣлъ съ свойственнымъ ему пассивнымъ мужествомъ удушливый жаръ и грубыя выходки простонародья. Около него стояло нѣсколько вѣрныхъ національныхъ гвардейцевъ, сестра его, Елисавета, христіанская доброта которой возбуждала уваженіе даже въ самыхъ грубыхъ людяхъ, и старый маршалъ де Муши. Батальонъ національной гвардіи изъ зажиточныхъ гражданъ, собравшись наскоро, успѣлъ защитить королеву и ея дѣтей отъ бушующей толпы, ворвавшейся и въ ея комнаты. На требованіе народа, подстрекаемаго республиканцами, утвердить декреты Лудовикъ не сдался, но зато ему пришлось самому участвовать въ униженіи древней монархіи. Ему надѣли на голову красную шапку галерныхъ невольниковъ и заставили выпить пива изъ бутылки, которой потчивалъ его какой-то нахалъ. Только въ половинѣ шестаго явился Петіонъ съ національной гвардіей. Онъ потребовалъ, чтобы толпа разошлась, и она тотчасъ удалилась изъ дворца.

Попытка 20 іюня легко могла погубить своихъ зачинщиковъ. Многіе были недовольны оскорбленіями, нанесенными королю; большая часть департаментскихъ совѣтовъ громко высказала это неудовольствіе; обвинительныя письма съ тысячами подписей прибывали въ національное собраніе ежедневно; департаментская директорія Парижа уволила 6 іюля Петіона и Манюэля на время отъ должностей, за то, что они пренебрегли въ этотъ день своими обязанностями. Всѣмъ этимъ могъ воспользоваться Лафайетъ, занявшій мѣсто Рошанбо въ командованіи Сѣверной арміей. Ему слѣдовало быстрой рѣшимостью спасти короля и конституцію; но онъ былъ неспособенъ на это. Онъ уговаривалъ короля произнести veto и 16 іюня прислалъ рѣзкое письмо въ національное собраніе, которое возбудило противъ него сильное неудовольствіе. Услыхавъ о происшествіи 20 іюня, онъ пріѣхалъ 28 числа въ Парижъ. Здѣсь онъ прежде всего явился въ Національное Собраніе и съ рѣзкими упреками сталъ требовать

чтобы виновные были наказаны, а якобинцы уничтожены. Но этимъ онъ ничего не добился, кромѣ того, что большинство собранія пришло въ негодованіе, такъ что его съ трудомъ спасли отъ преданія суду. Послѣ того онъ отправился къ королю и уговаривалъ его уѣхать съ семействомъ въ Нормандію, гдѣ преобладала конституціонная партія. Но королева слишкомъ ненавидѣла его, чтобы довѣриться ему. Только на другой день онъ обратился къ національной гвардіи. Она накануне была твердо увѣрена, что Лафайетъ поведетъ ее на якобинцевъ; но такъ какъ онъ не явился, а тратилъ дорогое время въ препирательствахъ и разговорахъ, то она потеряла довѣріе къ нему. На слѣдующій день она собралась въ небольшомъ числѣ, и Лафайету пришлось вернуться къ арміи.

Происшествія и рѣшенія, послѣдовавшія за 20 іюня, быстро повели за собою паденіе монархіи. Уже 2 іюля національное собраніе, уничтоживъ генеральные штабы національной гврдіи во всѣхъ большихъ городахъ и сдѣлавъ пикинеровъ главнымъ войскомъ, дало возможность руководителямъ движенія нанести въ слѣдующемъ мѣсяцѣ послѣдній ударъ монархіи. 7 іюля въ національномъ собраніи произошла одна изъ тѣхъ театральныхъ сценъ, которыя такъ часты въ жизни такого увлекающагося народа, какъ французы, но которыя не имѣли нималѣйшаго вліянія на ходъ дѣлъ. Депутатъ Ламуретъ, епископъ ліонскій, уговаривалъ въ этотъ день членовъ національнаго собранія прекратить раздоры и такъ тронулъ ихъ своею патетическою рѣчью, что всѣ присутствующіе и даже зрители на галереяхъ стали обниматься съ восторженными криками и клялись забыть всѣ несогласія. Примиреніе это называется мирнымъ лобзаніемъ Ламурета. Оно просуществовало, разумѣется, очень недолго. Уже въ слѣдующіе дни поводомъ къ раздорамъ послужило множество поданныхъ петицій съ требованіемъ возвратить должности Петіону и Манюэлю. Іюля 9 министры принуждены были выйти въ отставку, потому что національное собраніе яростно нападало на нихъ и на короля. Преемникамъ ихъ тотчасъ связали руки. Революціонеры воспользовались внѣшней войной, чтобы 11 числа принудить національное собраніе объявить отечество въ опасности и предписать поголовное возстаніе. Это привело всю страну въ возбужденное революціонное состояніе, которое называли кризисомъ. Всѣ граждане были призваны къ оружію, національное собраніе и общинныя управы были объявлены дѣйствующими непрерывно, и все управленіе перешло въ руки этихъ управъ. Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого провозглашенія было возвращеніе Петіона и Манюэля. Всѣ спокойные граждане попали подъ надзоръ и съ тѣхъ поръ жили въ постоянномъ страхѣ среди ежедневной тревоги, подымаемой такъ называемыми федератами, которые впослѣдствіи стали террористами.

2. Французская революція до закрытія законодательнаго національнаго собранія.

Въ половинѣ лѣта 1792 важнѣйшіе представители Жиронды, Бриссо, Гаде и Верньо, увидѣли, куда метятъ Робеспьеръ, Мара, Дантонъ, Камиль Демуленъ и ихъ партія. Вслѣдствіе этого они сблизились съ королемъ. Но Лудовикъ не принялъ условій, которыя они предлагали ему для его спасенія, и тогда они нѣкоторое время играли пассивную роль, уступивъ поле дѣйствія крайнимъ республиканцамъ и нѣкоторымъ горячимъ головамъ изъ своей партіи, которыя въ августѣ нанесли наконецъ монархіи смертельный ударъ. Изъ жирондистовъ въ ниспроверженіи монархіи участвовали главнымъ образомъ Манюэль, Барбару, Бюзо и Петіонъ; всѣмъ имъ уже черезъ шесть мѣсяцевъ пришлось горько раскаяться въ этомъ.

Поводомъ къ послѣднему удару, разразившемуся 10 августа, послужило вторженіе австрійцевъ и пруссаковъ во Францію и манифестъ ихъ главнокомандующаго, герцога Фердинанда Брауншвейгскаго. Этотъ манифестъ былъ наполненъ самыми свирѣпыми угрозами противъ господствовавшихъ во Франціи людей и понятій о народныхъ правахъ. Онъ былъ изданъ подъ вліяніемъ дышавшей местью партіи графа д'Артуа и его друга, Калона, которые полагали, что, только

угрожая страшными наказаніями, можно спасти жизнь короля. Манифестъ пруссаковъ достигъ до Парижа какъ разъ въ то время, когда кордельеры, якобинцы и энтузіасты изъ жирондистовъ порѣшили, что для спасенія національной чести не остается ничего кромѣ учрежденія республики. Такимъ образомъ угрозы манифеста послужили только къ тому, что намѣренія республиканцевъ легче осуществились.

Прежде обыкновенно слишкомъ преувеличено говорили о томъ впечатлѣніи, которое произвелъ этотъ манифестъ на французскій народъ, и поэтому впослѣдствіи многіе начали совершенно отрицать, чтобы онъ имѣлъ какое-нибудь значеніе. Несомнѣнно однако, что жирондисты очень ловко воспользовались имъ, чтобы возбудить парижскій народъ къ новому возстанію, цѣлью котораго было арестованіе или убійство короля и провозглашеніе республики. На этотъ разъ они не пустили дѣло на волю случая, какъ 20 іюня, а начертали строго опредѣленный планъ и сдѣлали всѣ нужныя приготовленія. При этомъ особенно отличались два талантливыхъ адвоката, исполненные искренняго энтузіазма, Камиль Демуленъ и Барбару. Демуленъ своими рѣчами взволновалъ Парижъ, а Барбару призвалъ съ юга 600 отчаянныхъ молодцовъ, называвшихся марсельцами, потому что были собраны преимущественно въ Марсели, откуда былъ родомъ и самъ Барбару. Шабо, Базиръ и Дантонъ поднимали парижскій народъ и руководили имъ въ возстаніи. Ихъ поддерживали журналисты, какъ Мара и Фреронъ, и спеціально устроенный для этой цѣли инсуррекціонный комитетъ. Парижскій мэръ Петіонъ, которому слѣдовало бы охранять порядокъ, держался въ сторонѣ; его прокуроръ, Манюэль, находился подъ вліяніемъ Дантона. Въ то время, какъ народъ возбуждали, часть войска удалили изъ Парижа, и національное собраніе, осаждаемое петиціями о низверженіи короля, объявило комитеты сорока восьми секцій Парижа въ непрерывномъ засѣданіи. Въ предводители народа въ нападеніи на Тюйльри былъ избранъ Сантерръ; но такъ какъ онъ былъ не воинъ и по характеру слишкомъ мягкосердеченъ, то въ помощники ему назначили отставнаго сержанта Вестермана, который впослѣдствіи пріобрѣлъ славу какъ полководецъ. Марсельцами и народомъ изъ предмѣстья Сенъ-Марсо предводительствовалъ Фурнье, по прозванію Американецъ, потому что былъ прежде плантаторомъ въ Вестъ-Индіи.

Когда все было готово къ бою, назначенному 10 августа, наканунѣ вечеромъ во всѣхъ сорока восьми секціяхъ рѣшили, что державный народъ принимаетъ верховную правительственную и законодательную власть. Въ то же время былъ назначенъ комитетъ для управленія этою властью въ качествѣ намѣстника народа. Въ полночь былъ данъ сигналъ пушечнымъ выстрѣломъ, послѣ чего народъ двинулся изъ предмѣстьевъ въ городъ. Прежде всего онъ бросился на парижскую ратушу, потому что національная гвардія была готова защищать короля, и Дума, созвавъ ее, могла подавить возстаніе въ самомъ началѣ. Толпа людей, называвшихъ себя уполномоченными державнаго народа, ворвалась въ ратушу, разогнала городской совѣтъ и назначила новый. Изъ прежнихъ членовъ его въ новой городской Думѣ остались Петіонъ и Манюэль, что доказываетъ ихъ участіе въ дѣлѣ. Петіонъ былъ по собственному желанію подвергнутъ домашнему аресту, чтобы не являться въ Тюйльри по обязанности мэра.

Тюйльри и площадь передъ дворцомъ охранялись девятью стами человѣкъ швейцарской гвардіи и тысячью восемьюстами національныхъ гвардейцевъ, состоявшихъ изъ гражданъ надежныхъ кварталовъ, подъ предводительствомъ бывшаго гвардейскаго офицера Манда, человѣка вѣрнаго и умнаго. По излишней осторожности король не рѣшился призвать въ Парижъ остальную швейцарскую гвардію, стоявшую за нѣсколько часовъ пути отъ столицы, а четыреста дворянъ, находившихся при немъ, были плохо вооружены и только повредили ему, намѣренно отдаливъ его отъ національной гвардіи. Конституціонные роялисты, собравшіеся въ Тюльри, также не могли принести королю пользы, потому что для боя не годились и популярностью не пользовались. Жандармы, стоявшіе вокругъ дворца, были совершенно ненадежны, потому что состояли изъ солдатъ прежней гвардіи, которая измѣнила еще въ 1789. Прежде чѣмъ нападать на Тюйльри, новому городскому совѣту было необходимо отнять у командира національной гвардіи письменное полномочіе дѣйствовать противъ силы силой, которое онъ

вытребовалъ себѣ у мера, потомъ арестовать и замѣнить его Сантерромъ. Манда потребовали въ ратушу. Не подозрѣвая ничего дурнаго, онъ тотчасъ по полученіи приказанія явился въ Думу. Но тутъ его арестовали и отправили въ тюрьму, гдѣ якобинецъ Росиньоль убилъ его или, по крайней мѣрѣ, приказалъ убить. Такимъ образомъ національная гвардія, стоявшая передъ дворцомъ, была лишена своего предводителя, а съ нимъ и полномочія дѣйствовать оружіемъ. Король и его совѣтники сидѣли, сложа руки, не зная, за что взяться. Наконецъ въ 6 часовъ утра, послѣ четырехчасовыхъ совѣщаній и размышленій, растерявшійся король рѣшился выйдти къ своимъ защитникамъ, расположеннымъ передъ дворцомъ. Но его видъ, костюмъ и обращеніе, а также окружавшіе его люди произвели на національную гвардію самое неблагопріятное впечатлѣніе. Она поколебалась, а жандармы покинули свои посты. Народъ безпрепятственно ворвался въ садъ и во множество дворовъ, которые въ то время еще окружали резиденцію короля, какъ особый городокъ, что теперь давно исчезло. Однако бушующая толпа не рѣшилась проникнуть во внутренность дворца, защищаемаго швейцарцами. Храбрые швейцарцы и вѣрная горсть національной гвардіи могли бы еще отбить толпы народа, тѣмъ болѣе, что и прокуроръ-синдикъ парижской департаментской директоріи, Рёдереръ, прибывшій съ товарищами въ Тюйльри, еще въ половинѣ восьмаго издалъ отъ имени директоріи прокламацію противъ возстанія. Но вялость короля и его бабья заботливость о семьѣ все испортили. Тогда въ восемь часовъ Рёдереръ далъ ему самый пагубный совѣтъ, какой можно было дать при настоящихъ обстоятельствахъ. Видя, что національная гвардія расходится, а король совершенно растерялся, Рёдереръ посовѣтовалъ ему искать спасенія въ національномъ собраніи, т. е. у злѣйшихъ враговъ своихъ. Можетъ быть, совѣтъ былъ данъ отъ чистаго сердца; но впослѣдствіи Рёдерера укоряли за него, какъ за предательство, потому что народъ и національное собраніе навѣрно не рѣшились бы прибѣгнуть противъ короля къ открытому насилію. Лудовикъ, какъ всѣ слабые люди, ухватился за совѣтъ, который представлялъ ему на минуту выходъ изъ затрудненія, не думая о послѣдствіяхъ. Онъ отправился съ семьей подъ прикрытіемъ вѣрныхъ національныхъ гвардейцевъ въ зданіе засѣданія національнаго собранія, которое засѣдало тогда въ теперешней улицѣ Риволи. На пути народъ не трогалъ ихъ; одинъ страшный крикунъ даже несъ на рукахъ дофина черезъ толпу. Въ національномъ собраніи королевской фамиліи отвели въ нижнемъ ярусѣ такую узкую ложу, что въ ней едва можно было повернуться.

Только къ десяти часамъ толпы народа рѣшились сдѣлать правильное нападеніе на внутренность дворца. Сначала это удалось; но когда марсельцы убили на лѣстницѣ нѣсколько швейцарцевъ, солдаты начали стрѣлять, и вся толпа разсыпалась. Въ одинъ мигъ всѣ дворы дворца и дворцовая площадь опустѣли, и швейцарцы двинулись впередъ, при чемъ многіе изъ нападавшихъ лишились жизни. Даже тутъ король еще могъ бы все спасти, потому что стоявшіе подъ Парижемъ отряды швейцарцевъ шли въ городъ, и вѣрные батальоны національной гвардіи выражали готовность подать помощь. Но и въ эту рѣшительную минуту слабость короля все погубила. Національное собраніе испугалось, увидавъ, что ему грозитъ опасность лишиться всѣхъ выгодъ, доставленныхъ ему захватомъ короля въ свою власть; тогда нѣкоторые депутаты подошли къ королю съ угрозами и такъ напугали его, что онъ приказалъ швейцарцамъ не стрѣлять и искать вслѣдъ за нимъ спасенія въ національномъ собраніи. Этотъ поступокъ короля доставилъ народу побѣду. Изъ сотни швейцарцевъ, вышедшихъ по приказанію короля изъ дворца, только треть избѣгла народной мести; остальные были перебиты возвратившимися толпами. Той же участи подверглись многія другія лица, которыхъ нападающимъ указывали. Въ народѣ нѣсколько сотъ человѣкъ заплатило за побѣду жизнью подъ пулями швейцарцевъ. Число убитыхъ 10 августа съ обѣихъ сторонъ считается до пяти тысячъ, хотя это, конечно, преувеличено. Изъ девятисотъ швейцарцевъ погибло семьсотъ пятьдесятъ. Народъ, взявъ дворецъ, разграбилъ и разорилъ его, что было рѣшено также заранѣе. Весь городъ былъ нѣсколько дней преданъ въ жертву убійствамъ и безпорядкамъ.

Король съ семействомъ долженъ былъ провести шестнадцать часовъ въ узкой каморкѣ, куда ихъ заперли. Они чуть не задохлись отъ жара. Наконецъ имъ и ихъ свитѣ отвели четыре комнаты въ ближайшемъ зданіи. Три дня сряду

приводили ихъ въ національное собраніе, гдѣ имъ приходилось выслушивать разсужденія объ уничтоженіи монархіи и о созданіи на развалинахъ ея новаго государственнаго порядка. Комитетъ собранія, гдѣ докладчикомъ былъ Кондорсе, еще во время боя въ Тюйльри внесъ въ собраніе предложеніе объ отмѣнѣ монархіи и объ учрежденіи республики, и въ слѣдующіе три дня эти предложенія были приняты. Но такъ какъ это рѣшеніе состояло изъ двѣнадцати статей и было мотивировано семью пунктами, то изготовить ихъ немедленно было невозможно. Сущность ихъ состояла въ томъ, что королевская власть отмѣняется и созывается новое національное учредительное собраніе. Это собраніе, которое было названо національной конвенціей или конвентомъ, должно было выработать новую конституцію, основанную на свободѣ и равенствѣ, т. е. придать законную форму республикѣ, уже провозглашенной этимъ рѣшеніемъ законодательнаго собранія. Выборы въ конвентъ были отданы въ руки нисшихъ классовъ и ихъ руководителей; съ этою цѣлью былъ изданъ законъ, дававшій право голоса всѣмъ французамъ немоложе двадцати одного года, а всякій, немоложе двадцати четырехъ лѣтъ, могъ быть выбранъ въ депутаты; кромѣ того каждому избирателю было назначено по франку за каждый часъ пути, который ему придется сдѣлать на мѣсто выборовъ, и по три франка въ день за все время, которое онъ проведетъ на выборахъ. На мѣсто королевскаго правительства національное собраніе назначило временное министерство, которое должно было управлять подъ надзоромъ комитета національнаго собранія. Министрами были назначены: Роланъ — министромъ внутреннихъ дѣлъ, Серванъ — военнымъ, Клавьеръ — финансовъ, Монжъ — морскимъ, Лебренъ — иностранныхъ дѣлъ и Дантонъ — юстиціи. Назначеніе Дантона совершенно отдало Францію въ руки террористовъ, потому что Дантонъ получилъ государственную печать, которая прикладывалась къ декретамъ національнаго собранія, безъ чего они не могли войти въ дѣйствіе; притомъ онъ руководилъ и парижской думой, которая съ 10 августа управляла всею Франціей.

Національное собраніе назначило королевской фамиліи помѣщеніе въ Люксанбургскомъ дворцѣ, сказавъ, что она будетъ жить тамъ подъ охраной гражданъ и закона. Но парижская дума потребовала, чтобы ее перевели 14 августа въ такъ называемый Тампль, древній дворецъ ордена Тампліеровъ. Этимъ она устранялась изъ-подъ контроля правительства и передавалась во власть общиннаго совѣта. Съ 10 августа общинный совѣтъ былъ подъ вліяніемъ уже не политическихъ мечтателей, какъ Петіонъ и Манюэль, а практическихъ демагоговъ, какъ Дантонъ, Мара, Робеспьеръ, Шометъ, Тальенъ, Фреронъ и другіе люди, хотѣвшіе полнаго разрушенія стараго порядка и основанія на развалинахъ его совершенно новаго государственнаго устройства. Даже національное собраніе стало просто орудіемъ людей, господствовавшихъ въ парижскомъ общинномъ совѣтѣ, и было принуждено узаконять все, чего желала дума.

Средствами для достиженія своей цѣли Дантонъ и его партія избрали возбужденіе народа и застращиваніе враговъ его. Уже въ августѣ они подготовили противъ приверженцевъ стараго порядка нѣчто въ родѣ Варѳоломеевской ночи. Во всей Франціи шли сотни арестовъ такъ называемыхъ аристократовъ; принимались разныя мѣры, чтобы преградить имъ возможность бѣжать за границу; домашніе обыски и распечатываніе писемъ были организованы въ обширныхъ размѣрахъ; національная гвардія всюду превращена въ орудіе демократовъ. Августа 17 было учреждено чрезвычайное судилище, которое подъ именемъ трибунала 10 августа было предшественникомъ позднѣйшаго революціоннаго трибунала; было издано распоряженіе, чтобы всѣ парижскіе бѣдняки получали ежедневно изъ общинной кассы жалованье.

Сентября 2 1792 началось выполненіе страшнаго плана, получившаго названіе сентябрьскихъ убійствъ. Убійства были организованы систематически и производились шайками наемныхъ убійцъ. Онѣ отправлялись каждое утро по сигналу колокола въ тюрьмы убивать заключённыхъ аристократовъ. Убійства кончились также пунктуально, какъ начались, и это можетъ служить доказательствомъ, что они дѣлались по предписаніямъ свыше. Въ Парижѣ убійства продолжались съ 2 по 6 сентября. Самъ министръ юстиціи, Дантонъ, слѣдовательно, лицо, которому было ввѣрено правосудіе, былъ главнымъ зачинщи-

комъ и распорядителемъ убійствъ. Стало быть, въ сущности убійства были судебныя казни, совершаемыя по приговору правосудія. Арестованныхъ приводили въ судъ и послѣ допроса приговаривали къ смерти. Изъ арестованныхъ смерти избѣгали очень немногіе; ихъ имена были отмѣчены заранѣе на особыхъ листахъ. Убійцы получали по квитанціямъ изъ общинной кассы плату за то, что они называли работой на тюрьмахъ. Мы не станемъ описывать сентябрьскихъ убійствъ, потому что знаемъ, чего стоятъ всѣ трогательныя и занимательныя описанія, и не вѣримъ анекдотамъ, сообщаемымъ въ нихъ изрѣченіямъ и рѣчамъ и вообще всѣмъ обстоятельнымъ разсказамъ о подобныхъ происшествіяхъ; притомъ всѣ разсказчики противорѣчатъ другъ другу. Также несогласны показанія писателей о числѣ убитыхъ 2 — 6 сентября въ Парижѣ. Извѣстно только, что въ тюрьмахъ содержалось три тысячи человѣкъ и что изъ нихъ послѣ сентябрьскихъ дней осталось въ живыхъ только нѣсколько сотъ. Въ провинціяхъ систематической рѣзни не было, хотя командированные туда коммисары требовали начать ее. Только три или четыре общины послѣдовали примѣру Парижа и убили нѣсколько сотъ аристократовъ. Зато 9 сентября изъ Парижа отправилась въ Версаль шайка убійцъ, чтобы убить бывшаго министра Делессара и еще человѣкъ пятьдесятъ государственныхъ преступниковъ, которые до сихъ поръ содержались въ Орлеанѣ и были привезены въ Версаль подъ предлогомъ представить ихъ въ Парижѣ въ трибуналъ 10 августа. Страшный Фурнье (стр. 369) предводительствовалъ этой шайкой и разстроилъ всѣ попытки версальскаго общиннаго совѣта спасти несчастныхъ. Дантонъ съ балкона канцлерства благодарилъ возвращавшихся въ Парижъ убійцъ за ихъ «доблестное усердіе», при чемъ самъ сказалъ, что говоритъ не какъ министръ юстиціи, а какъ министръ революціи.

Сентябрьскія убійства, подобно Варѳоломеевской ночи, затѣянной учениками іезуитовъ, были холодной, разсчитанной политической мѣрой. Но въ противоположность Варѳоломеевской ночи она достигла своей цѣли. Она связала съ Дантономъ и его партіей всѣхъ приверженцевъ новаго порядка, отрѣзавъ имъ путь отступленія; ибо въ случаѣ реакціи месть не могла постигнуть настоящихъ убійцъ, людей темныхъ, набранныхъ частью изъ осужденныхъ преступниковъ; она должна была постичь тѣхъ, которые допустили, что ихъ философско-гражданскую революцію основали на потокахъ крови. Во-вторыхъ, они имѣли вліяніе на выборы въ національный конвентъ; послѣ нихъ никто, конечно, не отважился подать голосъ въ пользу кого-нибудь, кромѣ извѣстныхъ якобинцевъ. Въ-третьихъ, они доставили свободное поприще и власть новому поколѣнію революціи. Національное собраніе приказало 2 сентября продать конфискованныя имущества эмигрантовъ, и такимъ образомъ поземельная собственность перешла въ другія руки.

3. Первая Коалиціонная война до измѣны Дюмурье.

Посылая свои войска во Францію, Австрія и Пруссія думали, что имѣютъ дѣло съ народомъ, распавшимся на партіи, безъ войска и безъ правительства. Съ одной стороны онѣ, конечно, были правы; но упустили изъ виду, что во Франціи уже развивается совершенно новый порядокъ, въ которомъ на обломкахъ стараго поколѣнія быстро возникнетъ новое, полное гигантской силы и титаническаго генія. Правда, во Франціи господствовала анархія; но цивилизація скоро взяла свое. Способные и образованные люди скоро нашлись при новыхъ порядкахъ; новые чиновники, обязанные должностями только своимъ талантамъ и знаніямъ, совершили чудеса, потому что новый порядокъ былъ имъ сроденъ. Самое анархическое возбужденіе народныхъ силъ придавало имъ страшную энергію. Новое войско было одушевлено національнымъ духомъ и надеждою на возвышеніе. Полководцы изобрѣли совершенно новую систему войны, къ которой враги были неподготовлены. Могли ли устоять противъ такихъ войскъ арміи и генералы коалиціи, когда у нея солдаты были наемники, а командиры, назначенные по титуламъ, происхожденію, связамъ и тому подобнымъ соображеніямъ, упорно держались тупыхъ правилъ стараго методическаго военнаго искусства и притомъ были связаны по рукамъ и ногамъ лицами, сопровождавшими армію въ такомъ мно-

жествѣ, что затрудняли даже прокормленіе войскъ. Вотъ почему союзники побѣждали только, пока за старой французской арміей не сформировалось новыхъ войскъ.

Чтобы вполнѣ понять это, надо взглянуть на личности, имѣвшія у союзниковъ главное вліяніе на дѣла вообще и на веденіе войны въ особенности. Въ совѣтахъ союзниковъ оказывали свое пагубное вліяніе не только французскіе принцы, но и такіе люди, какъ Калонъ и генералъ-маіоръ Гейманъ, агентъ Лудовика XVI въ Берлинѣ. Этотъ Гейманъ интригами пріобрѣлъ большое значеніе, а между тѣмъ велъ сношенія съ Дюмурье и служа обѣимъ сторонамъ, обѣихъ обманывалъ. Въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ съ нимъ интриговали австрійскій вице-канцлеръ, Филиппъ Кобенцль, и графъ Гаугвицъ, котораго въ маѣ 1792 Фридрихъ Вильгельмъ II назначилъ посланникомъ при императорскомъ дворѣ. Первый (стр. 365) поступалъ по образцу людей стараго французскаго двора, при которомъ онъ воспитался. Графъ Гаугвицъ, бывшій впослѣдствіи злымъ геніемъ Пруссіи въ союзѣ съ Луккезини и Ломбардомъ, уже въ началѣ войны повредилъ коалиціи своими связями съ всесильнымъ генералъ-адъютантомъ короля, полковникомъ Манштейномъ. Кромѣ того его поддерживала одна королевская любовница. Онъ усвоилъ себѣ многостороннее и поверхностное образованіе знати, былъ чуждъ всякихъ принциповъ и относился къ государственнымъ дѣламъ также небрежно, какъ во Франціи Калонъ (стр. 265). Онъ пріобрѣлъ вліяніе на короля больше всего умѣніемъ соединять съ легкомысліемъ развратника мистицизмъ, достойный какого-нибудь Бишофсвердера. Главнокомандующій союзныхъ войскъ, герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій, былъ тоже больше французъ, чѣмъ нѣмецъ (стр. 149). Притомъ, какъ придворный, онъ исполнялъ всѣ прихоти короля, не имѣя однако духа покинуть и собственныхъ плановъ. Такимъ образомъ онъ не могъ дѣйствовать въ войнѣ послѣдовательно и предпочиталъ слѣдовать совѣтамъ французскихъ агентовъ, чѣмъ генераловъ союзной арміи.

Французы выставили противъ союзниковъ три арміи — одну въ Эльзасѣ и Лотарингіи подъ начальствомъ генерала Люкнера, который вскорѣ былъ смѣненъ Викторомъ де Брольи, а потомъ Бирономъ; другую на Мозелѣ и Маасѣ подъ начальствомъ Лафайета; третью — на сѣверной границѣ подъ начальствомъ Рошанбо, мѣсто котораго въ самомъ началѣ войны занялъ Люкнеръ. Въ іюнѣ къ этимъ генераламъ присоединился еще Дюмурье, при которомъ находился его воспитанникъ, молодой сынъ герцога Орлеанскаго, Лудовикъ Филиппъ. Дюмурье былъ присланъ въ армію Люкнера и интриговалъ противъ Лафайета, чтобы съ помощью республиканцевъ самому сдѣлаться главнокомандующимъ. Онъ имѣлъ сильную опору въ этой партіи, которая хотѣла черезъ него разстроить планы Лафайета, Люкнера и другихъ генераловъ въ пользу монархіи. Когда послѣ паденія монархіи Лафайетъ вздумалъ произвести контръ-революцію, Дюмурье оказалъ республиканцамъ важную услугу. Лафайетъ предполагалъ возможнымъ возстановить монархію посредствомъ своего войска и многихъ департаментскихъ управъ монархическаго направленія; но онъ былъ неспособенъ на такое предпріятіе, потому что больше привыкъ къ салонамъ и доктринернымъ обществамъ, чѣмъ къ дѣятельной жизни. Ему слѣдовало дѣйствовать быстро, но вмѣсто того въ рѣшительную минуту онъ долго копался и этимъ далъ якобинцамъ возможность отклонить отъ него войска. Это было имъ тѣмъ легче, что его окружили Дюмурье и другіе агенты ихъ. Когда Лафайетъ сдѣлалъ свое покушеніе, національное собраніе издало противъ него и его друзей обвинительный декретъ и послало хромаго адвоката Кутона коммисаромъ въ армію. Едва Кутонъ прибылъ къ войску, какъ оно покинуло Лафайета, которому пришлось подумать о собственномъ спасеніи. Въ самую ночь пріѣзда Кутона (20 августа) Лафайетъ бѣжалъ изъ Франціи съ Александромъ Ламетомъ, Латуръ-Мобуромъ и Бюро де Пюзи, которые, подобно ему, были членами учредительнаго собранія и принадлежали къ монархической конституціонной партіи. За границей бѣглецы были, разумѣется, задержаны, и въ угоду эмигрантамъ прусское и австрійское правительства поступили съ ними, какъ съ государственными преступниками. Пять лѣтъ таскали ихъ изъ тюрьмы въ тюрьму, пока наконецъ въ 1797 Бонапартъ не принудилъ австрійцевъ освободить Лафайета и товарищей его несча-

стія. Послѣ бѣгства Лафайета Люкнеръ былъ отставленъ и замѣненъ Келлерманомъ, а Дюмурье назначенъ главнокомандующимъ.

Союзники сдѣлали огромную ошибку тѣмъ, что не поторопились воспользоваться раздорами конституціонныхъ и республиканскихъ офицеровъ и двинулись во Францію тогда только, когда начальство надъ французскими войсками принялъ энергическій, талантливый и свѣдущій Дюмурье, совершенно преобразовавшій свою армію. Фердинандъ Брауншвейгскій перевелъ свои войска за границу только 19 августа. Но и тутъ, вмѣсто того, чтобы быстро идти впередъ, онъ остался вѣренъ методической медленности, къ которой привыкъ въ семилѣтнюю войну. Этимъ онъ доставилъ живому и ловкому Дюмурье возможность раньше его занять тѣснины въ Аргонскомъ лѣсѣ, черезъ которыя союзникамъ слѣдовало проходить на пути въ Парижъ черезъ Шалонъ. Союзники овладѣли этими тѣснинами только въ половинѣ сентября, взявъ 23 августа маленькую крѣпость Лонгви, а 2 сентября Верденъ. Но тутъ они вступили въ Шанпань, гдѣ дороги были совершенно испорчены отъ дождей; кромѣ того въ союзной арміи распространились заразительныя болѣзни, и она терпѣла отъ недостатка продовольствія.

Кромѣ того Дюмурье задерживалъ союзниковъ искусной дипломатіей и довелъ ихъ наконецъ до того, что отступленіе стало имъ также опасно, какъ и наступленіе. Ему помогали сами прусскіе министры. Достовѣрно извѣстно, что между Дюмурье и совѣтниками прусскаго короля шли подозрительные переговоры; но что именно обѣщали они другъ другу и какъ далеко зашли эти переговоры— до сихъ поръ неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, еслибы союзники слѣдовали совѣтамъ Клерфе, командовавшаго австрійскимъ корпусомъ при прусской арміи, они могли бы по крайней мѣрѣ избѣгнуть бѣдствія. Но Клерфе не слушали и завели переговоры, упустивъ дорогое время. Наконецъ, очутившись въ невозможности идти впередъ, союзники стали думать уже о томъ, какъ бы возвратиться восвояси съ остатками совершенно разстроеннаго войска. Король Фридрихъ Вильгельмъ увидѣлъ наконецъ безтолковость происковъ своихъ приближенныхъ, которые завели съ Дюмурье переговоры въ надеждѣ достигнуть измѣной генерала того, чего нельзя было достигнуть силой. Тогда король приказалъ дать рѣшительное сраженіе. Но его, къ счастью, не послушали, потому что въ случаѣ битвы пруссакамъ пришлось бы еще хуже. Они завели было 20 сентября при Вальми перестрѣлку съ Келлерманомъ, но, потерявъ въ канонадѣ нѣсколько тысячъ человѣкъ, возвратились въ лагерь, не вступая въ бой.

Тогда снова начались переговоры. Мы не рѣшаемся повторять того, что разсказываютъ о соглашеніи союзниковъ съ Келлерманомъ, вслѣдствіе котораго французы не преслѣдовали пруссаковъ при отступленіи ихъ къ границѣ. Отступленіе пруссаковъ началось уже 30 сентября. Оно предало въ руки непріятеля австрійцевъ и всю Бельгію. Голодъ, болѣзни и безпрестанные дожди привели прусское войско въ такое жалкое положеніе, что въ немъ прекратился всякій порядокъ. Французы легко могли бы совершенно уничтожить его, но вмѣсто того вовсе не преслѣдовали пруссаковъ. Говорятъ, будто Дюмурье и друзья его въ парижскомъ конвентѣ уже тогда надѣялись отвлечь Пруссію отъ Австріи и съ этою цѣлью щадили пруссаковъ. Мы не можемъ утверждать этого; зато можемъ положительно сказать, что австрійцы съ радостью отдавали Бельгію, потому что надѣялись, что это заставитъ Англію и Голландію принять участіе въ войнѣ. Интриганы при прусскомъ дворѣ продолжали свои козни, начатыя въ походѣ; но старанія ихъ разстроилъ король, который и слышать не хотѣлъ о вѣроломствѣ и о союзѣ съ Франціей.

По отступленіи пруссаковъ революціонное движеніе распространилось изъ Франціи по верховьямъ лѣваго берега Рейна и въ Савойю. Сардинскій король подъ вліяніемъ эмигрантовъ вмѣшался въ войну коалиціи съ Франціей, и французы послали въ Савойю войско подъ начальствомъ генерала Монтескью. Когда въ концѣ сентября оно вступило въ Савойю, жители, ожесточенные строгостью своего короля, приняли его съ такимъ восторгомъ, что сардинскія войска, боясь попасться врагу, ушли изъ страны почти безъ выстрѣла. Въ концѣ сентября французы подъ начальствомъ Кюстина явились на лѣвомъ берегу Рейна и встрѣтили восторженный пріемъ со стороны народа, что очень понятно при тогдашнемъ положеніи нѣмецкой имперіи. Крупные имперскіе владѣтели на Рейнѣ,

особенно духовные курфирсты и курфирстъ пфальцскій, и не думали защищаться и даже помогали французамъ, что также легко объясняется составомъ ихъ дворовъ и способомъ управленія.

Лѣвый берегъ Рейна былъ раздробленъ на множество княжествъ, графствъ, помѣстій имперскихъ дворянъ, округовъ, свободныхъ городовъ, епископствъ и аббатствъ; всѣ эти владѣтели постоянно враждовали между собою. Всѣ злоупотребленія среднихъ вѣковъ тяжело ложились на гражданъ и па крестьянъ, глубоко презираемыхъ остальными сословіями и притѣсняемыхъ начальствомъ; если подати были въ то время меньше, чѣмъ теперь, зато народъ не имѣлъ времени работать по множеству католическихъ празднествъ, крестныхъ ходовъ и богослуженій. Неудивительно, стало быть, что народъ съ радостью встрѣчалъ французовъ, которые обѣщали ему освобожденіе и въ то время еще не старались силою обращать жителей въ французовъ. Изъ нѣмецкихъ рейнскихъ государей курфирстъ баварско-пфальцскій, Карлъ Теодоръ, былъ, какъ извѣстно (стр. 135), орудіемъ духовенства и развратницъ, а чиновники его неслыханно грабили пфальцскій народъ. Курфирстъ съ самаго начала революціи держался двусмысленной политики, потому что думалъ только о томъ, какъ бы спасти свое юлихское герцогство, которому первому грозилъ непріятель. Онъ далъ, правда, контингентъ на имперскую войну, укрѣпилъ Мангеймъ и позволилъ австрійцамъ набрать въ своихъ владѣніяхъ отрядъ войска; но когда Кюстинъ двинулся къ Шпейеру и Вормсу, Карлъ Теодоръ объявилъ себя нейтральнымъ и такимъ образомъ погубилъ своихъ подданныхъ, которыхъ стали грабить и свои, и чужіе. Также поступили и сосѣдніе владѣтели Бадена, Виртемберга и Гессенъ-Дармштадта. Они даже вели тайные переговоры съ врагами имперіи. Ландграфъ Гессенъ-Кассельскій, В и л ь г е л ь м ъ IX, присоединилъ 6,000 человѣкъ къ прусской арміи, когда она переходила черезъ его страну во Францію; но онъ сдѣлалъ это только для прусскаго короля, который притомъ обязался содержать этотъ корпусъ. Изъ трехъ духовныхъ курфирстовъ лучше всѣхъ былъ Максимиліанъ Кельнскій, братъ императора Іосифа II. Но изъ любви къ своей сестрѣ, Маріи Антуанетѣ, онъ слишкомъ щедро поддерживалъ эмигрантовъ, раззоряя для нихъ своихъ подданныхъ. Курфирстъ трирскій, Клементъ Венцеславъ, возбудилъ къ себѣ общую ненавистъ корыстолюбіемъ и алчностью и притомъ поддерживалъ іезуитовъ, которыхъ ни въ Майнцѣ, ни въ Кельнѣ не терпѣли, и покровительствовалъ эмигрантамъ, окончательно ожесточившимъ противъ него его подданныхъ высокомѣріемъ и развратомъ. Въ Майнцѣ Эммерихъ Іосифъ, умершій въ 1774, былъ отцомъ своихъ подданныхъ и истинно христіанскимъ пастыремъ. Но преемникъ его, Карлъ Іосифъ фонъ Эрталь, былъ человѣкъ и правитель другаго покроя. Онъ содержалъ блестящій дворъ, щедро поощрялъ искусства и науки, украсилъ свою резиденцію университетомъ, куда призвалъ знаменитѣйшихъ людей, и расточалъ придворнымъ льстецамъ и любовницамъ деньги, вымученныя съ подданныхъ. Между тѣмъ укрѣпленія столицы были совершенно запущены, а майнцскія войска, куда офицеры назначались не только по рожденію, но даже часто по красивой физіономіи, находились въ такомъ состояніи, что когда Кюстинъ подступилъ къ Майнцу, ихъ не посмѣли выслать противъ него.

Пока австрійскія и имперскія войска занимали лѣвый берегъ Рейна, Биронъ, командовавшій въ Эльзасѣ слабымъ французскимъ войскомъ, не могъ и думать о нападеніи въ этой странѣ на пруссаковъ съ тылу. Но въ сентябрѣ большая часть союзныхъ войскъ, стоявшихъ въ окрестностяхъ Майнца, Вормса и Шпейера, была отозвана къ главнымъ силамъ, и тогда Биронъ послалъ черезъ границу генерала Кюстина съ небольшимъ отрядомъ. Этотъ отрядъ состоялъ почти только изъ національной гвардіи; потомъ къ нему присоединилось нѣсколько тысячъ возставшихъ крестьянъ. Они быстро заняли Шпейеръ и Вормсъ, и потомъ прямо пошли на Майнцъ. Ландграфъ Гессенъ-Дармштадтскій могъ бы преградить имъ путь къ этому городу своимъ храбрымъ и стройнымъ войскомъ. Но онъ отослалъ свои войска въ Гиссенъ подъ предлогомъ, что имперія еще не объявила войну. При появленіи французовъ подъ Майнцомъ, курфирстъ, его совѣтники, члены архіепископскаго капитула и дворянства обратились въ бѣгство. Кюстинъ подошелъ къ Майнцу съ своими національными гвардейцами, крестьянами и отрядомъ гусаръ, не имѣя даже тяжелой артиллеріи; тѣмъ не менѣе важнѣйшій оплотъ нѣ-

мецкой имперіи сдался ему 21 октября безъ сопротивленія. Внезапная сдача крѣпости, которую потомъ французы защищали противъ пруссаковъ и гессенцевъ до половины слѣдующаго года, была такъ непостижима, что ее можно было объяснить только измѣной. Подозрѣніе пало на подполковника Эйкенмейера, имѣвшаго большое вліяніе на коменданта Гимниха и перешедшаго потомъ во французскую службу. Однако впослѣдствіи онъ оправдывался въ своемъ сочиненіи, недавно вновь изданномъ въ исправленномъ и дополненномъ видѣ, и вину его очень трудно доказать.

Послѣ сдачи Майнца на лѣвомъ берегу Рейна образовались клубы на французскій ладъ, и ожесточеніе противъ дворянскаго, духовнаго и чиновничьяго правленія выразилось такъ горячо, что аристократія и іерархія всюду обратились въ бѣгство. Курфирстъ трирскій также струсилъ, а земскіе чины Трира завели съ Кюстиномъ переговоры о сдачѣ Кобленца, хотя Кюстину нельзя было и думать забираться такъ высоко по Рейну. Пользуясь безобразіемъ средневѣковыхъ порядковъ, Кюстинъ могъ бы произвести возстаніе въ курфиршествахъ трирскомъ и кельнскомъ, что грозило бы пруссакамъ съ тылу; но отуманенный своимъ успѣхомъ, онъ безразсудно кинулся впередъ въ протестантскія земли на той сторонѣ Рейна, гдѣ народъ не такъ легко переходитъ отъ одной крайности къ другой. Онъ занялъ Франкфуртъ и майнцскую крѣпость Кенигштейнъ, взялъ съ Франкфурта контрибуцію и проникъ въ Веттерау до Наугейма. Но пруссаки и гессенцы двинулись противъ него и 2 декабря взяли Франкфуртъ. Кюстину пришлось отступить за Рейнъ. При занятіи Франкфурта союзники безполезно пожертвовали цѣлымъ отрядомъ гессенцевъ, пославъ его штурмовать городъ въ то время, когда французы и безъ того уже выходили изъ него.

Нѣмецкая имперія рѣшилась наконецъ 23 ноября выставить армію; однако война была объявлена только 22 марта слѣдующаго года. Какъ нѣмцы копались, такъ парижскій конвентъ торопился. Майнцъ былъ изобильно снабженъ запасами и артиллеріей; въ гарнизонъ посланы лучшіе офицеры, а въ завоеванныя области были отправлены коммисарами самые рѣшительные граждане. Савойя была присоединена къ Франціи; жители Майнца должны были послать депутацію просить о принятіи ихъ въ французскую республику. Управленіе всѣми дѣлами было совершенно въ рукахъ партіи Дантона. Самъ Дантонъ первенствовалъ въ главныхъ столичныхъ клубахъ и въ конвентѣ и имѣлъ огромное вліяніе на народъ, а другой главный членъ этой партіи, Дюмурье, былъ замѣчательный полководецъ. Сюда же примазался и гнусный герцогъ Орлеанскій. Младшій сынъ его, Лудовикъ Филиппъ, былъ воспитанъ г-жей Жанлисъ такъ, чтобы, смотря по обстоятельствамъ, умѣть играть роль демократа, республиканца или либерала, и такимъ образомъ прокладывать себѣ дорогу къ престолу. Дюмурье въ томъ же духѣ довершалъ воспитаніе молодаго герцога, имѣя тайное намѣреніе возстановить монархію, возведя на мѣсто презираемыхъ Бурбоновъ Орлеанскій домъ. Но это было невозможно уже по ничтожеству герцога Орлеанскаго, и притомъ счастье вскорѣ измѣнило Дюмурье. Герцогъ возбудилъ тогда противъ себя своею низостью и грязною алчностью еще худшее презрѣніе. Онъ связался съ Мара, но потомъ не далъ ему обѣщанныхъ денегъ, за что Мара обругалъ его въ объявленіяхъ, прибитыхъ къ стѣнамъ. Во время выборовъ въ конвентъ онъ такъ ясно высказалъ свое честолюбіе и малодушіе, что и жирондисты, и партія Робеспьера не могли обманываться насчетъ его намѣреній. Чтобы попасть въ депутаты конвента, онъ, по совѣту Манюэля, принялъ отъ парижской общинной Думы имя Филиппа Эгалите и благодарилъ за это въ высокопарныхъ революціонныхъ фразахъ, въ которыхъ лицемѣріе такъ и сквозило.

Въ октябрѣ Дюмурье пришлось изыскивать средство къ зимнему походу въ Бельгію, хотя нетолько жирондисты, но и военный министръ Пашъ, не задолго передъ тѣмъ занявшій мѣсто Сервана, и даже Мара и Робеспьеръ, противодѣйствовали ему во всемъ. Съ помощью Дантона, Сантерра и другихъ друзей герцога Орлеанскаго, онъ выхлопоталъ, чтобы Келлермана, непосвященнаго въ его тайные планы, послали главнокомандующимъ въ альпійскую армію. Вслѣдъ затѣмъ Дюмурье, получивъ подкрѣпленія, поспѣшилъ завоевать Бельгію, потому что только побѣдою и обогащеніемъ людей, приставленныхъ къ нему въ званіи коммисаровъ и поставщиковъ, могъ привести въ исполненіе свои задушевныя на-

мѣренія. Онъ быстро двинулся со всѣми своими силами противъ австрійскаго главнокомандующаго, герцога Саксенъ-Тешенскаго, желая аттаковать его до соединенія его съ Клерфе; герцогъ былъ такъ простъ, что вступилъ въ сраженіе, недождавшись прибытія всѣхъ войскъ Клерфе. Сраженіе произошло 6 ноября при деревнѣ Жемаппѣ. Австрійцы потерпѣли такое страшное пораженіе, что Клерфе, которому герцогъ Саксонскій 14 ноября сдалъ главное начальство, былъ принужденъ предоставить французамъ Бельгію. Уже 26 ноября французы взяли Люттихъ, а въ декабрѣ овладѣли всей Бельгіей.

Тогда по всей странѣ разсыпались цѣлыя грабительскія полчища коммисаровъ, подрядчиковъ и всевозможныхъ искателей приключеній. Эти люди поступали отвратительнымъ образомъ даже съ французскими солдатами, подвергая ихъ для своего обогащенія страшнымъ лишеніямъ. Дюмурье не смѣлъ тронуть этихъ разбойниковъ и воровъ, потому что пользовался ими для своихъ интригъ, можетъ быть, даже, хотя это не рѣшено, раздѣлялъ ихъ грязные барыши. Положеніе войска поправилось, только когда антиорлеанская партія въ Парижѣ, справедливо не довѣряя генералу Дюмурье, послала въ армію самыхъ крайнихъ республиканцевъ. Но зато они, какъ коршуны, напали на богатыхъ и набожныхъ бельгійцевъ. Главнымъ коммиссаромъ арміи былъ назначенъ жестокій Ронсенъ, который, будучи начальникомъ революціонной арміи, свирѣпствовалъ по всему Парижу, а потомъ въ Ліонѣ и въ Вандеѣ наводилъ на всѣхъ ужасъ. Дюмурье давно палъ бы, если бы не пользовался покровительствомъ состоявшихъ при немъ депутатовъ конвента другой партіи, Камю, Госюена, Дантона и Лакруа. Впрочемъ съ Дантономъ и Лакруа онъ вскорѣ разошелся, потому что воспротивился ихъ революціоннымъ мѣрамъ въ Бельгіи. Если вѣрить словамъ Дюмурье, то оказывается, что онъ гораздо вѣрнѣе судилъ объ отношеніяхъ Франціи къ завоеваннымъ странамъ, чѣмъ тщеславные республиканцы, хотѣвшіе навязывать свою національность другимъ народамъ, или чѣмъ Бонапартъ, подражавшій Цезарю и Карлу Великому. Дюмурье полагалъ, что слѣдуетъ не присоединять Люттихъ, Бельгію, лѣвый берегъ Рейна и Савойю къ Франціи, а объявить ихъ самостоятельными республиками и привязать къ Франціи благодѣяніями и союзами.

Война, возобновившись въ февралѣ 1793, приняла гораздо болѣе обширные размѣры, потому что Англіи удалось устроить между европейскими державами новый союзъ. Образованіе этой такъ называемой первой коалиціи было тѣсно связано съ положеніемъ и характеромъ англійскаго аристократическаго правительства и его политики. Англійскій народъ очень похожъ на римскій временъ Цезаря. Національная гордость, національная слава, презрѣніе ко всѣмъ иностранцамъ (foreigner т. е. barbarus) и извѣстная свобода, которую правительство благоразумно уступаетъ толпѣ, вознаграждаютъ Джона Буля, какъ нѣкогда ромулидовъ, за высокомѣріе всепоглощающей аристократіи, испорченной, но не обезсиленной, и отличающейся, подобно римской, практическими достоинствами. Всякій англичанинъ воображаетъ, что раздѣляетъ славу и благосостояніе своей націи, хотя милліоны ихъ живутъ въ страшной нищетѣ; каждый считаетъ Англію лучшимъ государствомъ въ мірѣ, а себя самымъ свободнымъ гражданиномъ, хотя съ бѣднымъ у нихъ обходятся какъ съ преступникомъ. Аристократія ловко пользуется этимъ національнымъ предразсудкомъ; она съ давнихъ поръ составляетъ іерархію страны, а съ шестнадцатаго столѣтія ее поддерживаетъ еще плутократія, и обѣ онѣ, хотя, повидимому, раздѣлены на двѣ враждебныя партіи, держатъ въ своихъ рукахъ власть и пользуются государственными доходами. Внѣшняя политика англичанъ передается изъ поколѣнія въ поколѣніе въ неизмѣнномъ направленіи. Англійское дворянство смотритъ на иностранныя державы только какъ на орудія, годныя для англійскихъ цѣлей, а на ихъ раздоры и революціи, какъ на средство расширить англійское могущество, распространить торговлю и мореплаваніе Англіи.

Англійской аристократіи французская революція была нестрашна уже потому, что во Франціи республика не могла долго удержаться. Первый министръ Англіи, Питтъ, былъ убѣжденъ въ этомъ, и взглядъ его раздѣляли всѣ истые англичане, какъ ни кричалъ Боркъ о французской революціи и о ея принципахъ и какъ ни обольщали себя обманчивыми надеждами немногіе радикалы Англіи. Англійское министерство употребило втихомолку старанія, чтобы возбудить войну противъ

Франціи, но само не принимало въ ней участія, пока этого не потребовали его собственные интересы. Такое время настало, когда французы послѣ сраженія при Жемаппѣ стали грозить Голландіи. Но и тутъ министры и парламентъ не столько желали возстановить во Франціи монархію, сколько лишить Францію ея морскихъ силъ, колоній и торговли, пока континентальныя державы, поддерживаемыя англійскими деньгами, будутъ уничтожать другъ друга въ войнѣ.

Когда первый министръ Англіи рѣшился начать войну, парижскій конвентъ помогъ ему привести это рѣшеніе въ исполненіе. Конвентъ издалъ 19 ноября 1792 прокламацію ко всѣмъ народамъ Европы, призывая ихъ возстать противъ правительствъ и обѣщая возставшимъ помощь Франціи. Въ то же время конвентъ почетно принималъ депутацію англійскихъ республиканцевъ. Это возбудило въ закоренѣлыхъ англичанахъ опасенія за церковь, монархію и благосостояніе Англіи, а между тѣмъ Питтъ предлагалъ вѣнскому и берлинскому кабинетамъ составить противъ Франціи коалицію, и они приняли его предложеніе. Чтобы усилить опасенія тупоумно-патріотической партіи, Питтъ принялъ чрезвычайныя, но совершенно безполезныя мѣры, будто бы для обезпеченія Лондона, созвалъ парламентъ, выразилъ въ прокламаціи, напечатанной по этому поводу, преувеличенную тревогу и позаботился, чтобы въ парламентъ было выбрано побольше глупыхъ крикуновъ и французоненавистниковъ. Благоразумные люди называли этихъ людей алармистами; регентомъ ихъ хора былъ, конечно, Боркъ. Послѣ казни Лудовика XVI парламентъ далъ Питту средства начать войну съ Франціей и направить противъ нея силы всей Европы. Условившись предварительно съ Австріей и Пруссіей, онъ въ мартѣ и апрѣлѣ 1793 склонилъ Сардинію, Испанію и Португалію, а въ іюлѣ Неаполь вступить въ коалицію. Съ Екатериной II Россійской онъ заключилъ два договора, въ силу которыхъ императрица обѣщала принять участіе въ войнѣ, чего однако не исполнила; она обѣщала также ограничить французскую торговлю и дать англійской извѣстныя привиллегіи, а за это Англія обязалась не препятствовать русскимъ дѣйствіямъ въ Польшѣ и дозволить пруссакамъ занять Данцигъ. Англичане дали на предстоящую войну субсидіи Испаніи, Сардиніи, Неаполю и нѣмецкимъ государствамъ, особенно Гессенъ-Касселю и Пфальцъ-Баваріи. Ландграфъ Гессенъ-Кассельскій за деньги согласился, чтобы солдатъ его посылали на бойню не только на Рейнъ, но и въ Англію и въ Ирландію.

По плану союзниковъ, пруссаки съ частью имперской арміи должны были напасть на Францію черезъ Майнцъ, австрійцы съ другой частью имперцевъ двинуться въ Бельгію, а англичане и голландцы дѣйствовать на фландрскомъ берегу. Но прежде чѣмъ австрійцы и англичане открыли военныя дѣйствія, Дюмурье аттаковалъ Голландію, предупредивъ такимъ образомъ непріятеля. При походѣ въ Голландію ему оказали большія услуги изгнанные голландскіе патріоты (стр. 263); французскія войска дѣйствовали тѣмъ успѣшнѣе, что революція выдвинула на высокія должности въ арміи людей способныхъ, какъ напр. Вестерманъ, который въ нѣсколько мѣсяцевъ изъ сержантовъ сдѣлался полковникомъ; генералъ д'Арсонъ, отличный инженерный офицеръ старой французской арміи, хотя потерпѣвшій неудачу въ изобрѣтеніи пловучихъ батарей передъ Гибралтаромъ, въ девяностыхъ годахъ вмѣстѣ съ Карно составлялъ для французскихъ армій отличные планы.

Вступивъ въ Голландію, французы дѣйствовали сначала также счастливо, какъ въ прошломъ году на Рейнѣ и въ Бельгіи. Австрійцы, хотя состояли подъ главнымъ начальствомъ принца Саксенъ-Кобургскаго, который незадолго передъ тѣмъ вполнѣ доказалъ свою неспособность въ войнѣ съ турками, получили сильныя подкрѣпленія и были совершенно преобразованы Клерфе. Передовой корпусъ ихъ шелъ подъ начальствомъ Клерфе и одного австрійскаго принца, который впослѣдствіи своимъ талантомъ пріобрѣлъ большую славу своему дому и нѣмецкому народу. То былъ эрцгерцогъ Карлъ, братъ императора Франца, изучавшій тогда военное дѣло подъ руководствомъ Клерфе.

Австрійцы, начавъ войну въ первыхъ числахъ марта, выручили Маастрихтъ, только что осажденный генераломъ Мирандой, и стали съ тыла грозить главнымъ силамъ французовъ, шедшимъ на Голландію. Это заставило Дюмурье отказаться отъ вторженія въ Голландію и обратить всѣ свои силы на защиту Бельгіи. Между тѣмъ высадились англичане и двинулись противъ него. Такимъ образомъ его

армія очутилась въ самомъ затруднительномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что и жители страны были ожесточены противъ французовъ суровыми мѣрами якобинцевъ. Дюмурье хотѣлъ быстрымъ движеніемъ впередъ возстановить упавшій духъ своихъ войскъ. Ему удалось 15 марта выиграть небольшое сраженіе, но черезъ три дня онъ былъ совершенно разбитъ при Нервинденѣ (18 марта) и потерялъ до семи тысячъ человѣкъ убитыми и плѣнными и большую часть пушекъ; послѣ пораженія войска его, состоявшія почти все изъ новобранцевъ, совершенно разстроились. Побѣдой при Нервинденѣ австрійцы были обязаны молодому эрцгерцогу Карлу, который разбилъ лѣвое крыло французовъ и тѣмъ принудилъ ихъ къ отступленію въ то время, какъ осторожный систематикъ, принцъ Кобургскій, уже готовился уступить имъ поле битвы.

Послѣ сраженія при Нервинденѣ Дюмурье постигла та же участь, что Лафайета; онъ лишился расположенія своихъ солдатъ и потерялъ довѣріе конвента. Но онъ съумѣлъ своимъ дипломатическимъ искусствомъ снискать себѣ друзей и защитниковъ между врагами Франціи. Людямъ, господствовавшимъ въ Парижѣ, давно было извѣстно, что онъ задумалъ возстановить во главѣ своихъ солдатъ монархію и возвести на престолъ Орлеанскій домъ. Съ этою цѣлью онъ завелъ переговоры съ принцемъ Кобургскимъ. Между ними былъ заключенъ формальный договоръ, въ силу котораго Дюмурье обязался идти съ своимъ войскомъ на Парижъ, разогнать конвентъ и дать австрійцамъ, обѣщавшимъ ему свою помощь, всѣ крѣпости въ залогъ. Со стороны австрійцевъ переговоры велъ опозорившійся впослѣдствіи австрійскій полковникъ Макъ. Послѣ переговоровъ Дюмурье отступилъ за Брюссель. Но планъ разстроился, потому что конвентъ, давно уже извѣщенный объ измѣнѣ Дюмурье, принялъ своевременныя мѣры, и войска въ рѣшительную минуту покинули Дюмурье. Конвентъ издалъ 30 марта приказъ арестовать Дюмурье. Это было поручено исполнить коммисіи, составленной изъ депутатовъ Камю, Кинета, Банкаля и Ламарка, а командованіе войскомъ передано на время тогдашнему военному министру Бернонвилю. По пріѣздѣ этихъ пяти депутатовъ въ лагерь, Дюмурье велѣлъ арестовать ихъ и передалъ австрійцамъ, какъ заложниковъ за королевскую фамилію, арестованную въ Парижѣ (2 апрѣля). Но когда онъ началъ уговаривать войска возмутиться и хотѣлъ передать непріятелю двѣ крѣпости, его не впустили въ эти крѣпости, а изъ одной даже начали стрѣлять въ него. Ему ничего не оставалось, какъ спасаться, и 4 апрѣля онъ отправился въ лагерь австрійцевъ. Изъ войска за нимъ послѣдовало только полторы тысячи пѣхоты и кавалеріи.

4. Французская революція отъ открытія Конвента до учрежденія Комитета Общественнаго Спасенія.

Выборы въ національный конвентъ происходили подъ вліяніемъ террора, господствовавшаго во Франціи съ 10 августа, и потому были произведены въ республиканскомъ духѣ. Большинство депутатовъ состояло изъ жирондистовъ, т. е. умѣренныхъ республиканцевъ, которые, не смотря на свою восторженную любовь къ свободѣ, не одобряли рѣшительныхъ мѣръ якобинцевъ. Притомъ они сами распадались на множество разныхъ партій и не имѣли дѣльнаго руководителя; признанные вожди ихъ, Бриссо де Варвиль и Роланъ, по именамъ которыхъ враги называли жирондистовъ бриссотистами и роландистами, были неспособны служить политическими вожаками. Меньшинство конвента состояло изъ партіи, извѣстной подъ именемъ Горы (стр. 336). Эта партія хотѣла довести революцію до полнаго истребленія всего стараго и для достиженія своей цѣли не останавливалась ни передъ чѣмъ. Члены ея были люди энергическіе, неутомимо дѣятельные и тѣсно связанные между собою; поэтому они достигли господства, хотя сначала составляли меньшинство. Къ ихъ числу принадлежали Дантонъ, Мара, братья Робеспьеры, Кутонъ, Сенъ-Жюстъ, Шабо, Бильо-Варенъ, Коло д'Эрбуа, живописецъ Давидъ, Вадье, Базиръ и т. д. Гора раздѣлялась на двѣ партіи; но онѣ были въ тѣсномъ союзѣ противъ жирондистовъ и направили оружіе другъ противъ друга только по уничтоженіи

общихъ враговъ. Одни изъ нихъ были такъ называемые кордельеры, предводимые Дантономъ. Другая партія, которую собственно и называли Горою или Святою Горою, считала своимъ главою Робеспьера, а Мара—главнымъ своимъ журналистомъ.

Конвентъ, открывшись 21 сентября 1792, на слѣдующій же день по всѣмъ формамъ объявилъ Францію республикой. Этимъ объявленіемъ начался совершенно новый порядокъ. Конвентъ немедленно принялъ мѣры, чтобы основать на развалинахъ средневѣковыхъ государственныхъ формъ новыя учрежденія, соотвѣтствующія духу новаго времени. Депутаты конвента, разосланные въ департаменты съ неограниченнымъ полномочіемъ, всюду возстановили порядокъ и миръ. Администрація и полиція были ввѣрены комитету конвента, а министры только смотрѣли за исполненіемъ его предписаній и за текущимъ производствомъ дѣлъ. Другіе комитеты занимались установленіемъ новыхъ учрежденій и законовъ. Французы обязаны имъ всѣмъ, что есть теперь у нихъ хорошаго, и эти блага будутъ всегда памятникомъ революціи. Въ комитетахъ конвента засѣдали опытнѣйшіе и умнѣйшіе члены его. Они чуждались шумныхъ преній, столь обыкновенныхъ въ общихъ засѣданіяхъ конвента, который вполнѣ довѣрялъ имъ и соглашался на всѣ ихъ предложенія. Самъ конвентъ во всѣхъ рѣшеніяхъ своихъ, вызываемыхъ текущими потребностями, слѣдовалъ вліянію парижской общинной Думы, державшей его въ зависимости, и слѣдовательно, подчинялся клубу якобинцемъ.

Одинъ изъ его комитетовъ, наблюдательный комитетъ (comité de surveillance), завѣдывалъ государственной полиціей; онъ состоялъ изъ тридцати членовъ. Двадцать четыре депутата составляли комитетъ военныхъ дѣлъ; пятнадцать — комитетъ контроля; двадцать два—финансовый комитетъ. Законодательный комитетъ былъ избранъ весьма тщательно и независимо отъ всякихъ партій. Результаты его дѣятельности, хотя исковерканные имперіей, до сихъ поръ считаются лучшимъ гражданскимъ сокровищемъ французовъ и нѣмцевъ лѣваго берега Рейна. Сорокъ восемь юристовъ, выработанныхъ практикой, составляли этотъ комитетъ. Всѣ они вышли изъ старыхъ школъ, которыя были такъ дурны для массы, но за то тѣмъ образовательнѣе для немногихъ, имѣвшихъ возможность пользоваться ими. Для составленія конституціи былъ тоже назначенъ особый комитетъ; и хотя всѣ три партіи конвента знали, что пока и думать нечего о конституціи, но тѣмъ не менѣе надо было дѣлать видъ, что хотятъ освободить народъ отъ произвола конвента. Этотъ комитетъ состоялъ изъ жирондистовъ Жансоне, Верньо, Кондорсе, Брисо, Петіона и Барера и изъ членовъ Горы, Дантона и Томаса Пайна и хитраго діалектика Сійэса, который участвовалъ до возстановленія монархіи во всѣхъ конституціонныхъ совѣщаніяхъ, съумѣлъ удержаться среди всѣхъ политическихъ переворотовъ и, помалчивая, благополучно пережилъ самое опасное время конвента. Такимъ образомъ конституціонный комитетъ состоялъ преимущественно изъ жирондистовъ. Этимъ впослѣдствіи воспользовались противники ихъ, чтобы вооружить народъ противъ Жиронды, которая будто бы умышленно оставляетъ его такъ долго безъ конституціи; да и дѣйствительно, она, подобно франкфуртскому собранію 1818 — 49, только толковала и совѣщалась, ничего не дѣлая.

Эти комитеты предназначались также къ тому, чтобы положить конецъ чрезмѣрному преобладанію парижской общинной Думы и страшному вліянію якобинскаго клуба; поэтому сформированіе ихъ не могло обойтись безъ сильной борьбы двухъ партій конвента. Жирондистское большинство конвента старалось уничтожить вліяніе террористовъ, особенно грознаго Дантона. Съ этою цѣлью оно потребовало судебнаго слѣдствія надъ сентябрскими убійствами, взводило на Дантона клеветы, обвиняя его въ продажности и кражѣ, и принудило его выйти изъ министерства, издавъ законъ, по которому никто не могъ одновременно быть министромъ и депутатомъ. Робеспьеръ и Мара также подверглись нападкамъ за свое крайнее направленіе. За то противники Жиронды свергли военнаго министра Сервана и назначили на его мѣсто сторонника Робеспьера, Паша. Кромѣ того въ ноябрѣ открытіе желѣзнаго стѣннаго шкафа въ королевскомъ дворцѣ дало имъ сильное орудіе противъ главныхъ членовъ Жиронды, которые были справедливо заподозрѣны въ тайныхъ сношеніяхъ съ королемъ. Лудовикъ XVI заказалъ въ маѣ 1792 желѣзный шкафъ для храненія своихъ бумагъ и ве-

лѣлъ сдѣлать его въ стѣнѣ тюильрійскаго дворца; въ ноябрѣ слесарь, вдѣлывавшій шкафъ, донесъ о немъ государственной полиціи черезъ комитетъ конвента. Конвентъ назначилъ коммисію для разсмотра бумагъ, находившихся въ шкафу. Когда впослѣдствіи бумаги были обнародованы, жирондистскихъ членовъ этой коммисіи обвинили въ уничтоженіи многихъ документовъ, а именно писемъ, писанныхъ королю Бриссо, Верньо и другими жирондистами.

Такимъ образомъ съ октября между умѣренными депутатами, составлявшими большинство конвента, и меньшинствомъ, превосходившимъ ихъ энергіей и единствомъ, началась ожесточенная борьба. Въ этой борьбѣ между жирондистами отличался благородный Л а н ж ю и н е, человѣкъ, не знавшій страха во все продолженіе революціи и никогда не уклонявшійся изъ политическихъ разсчетовъ отъ того, что считалъ справедливымъ. Въ то время онъ съ непоколебимой твердостью настаивалъ, чтобы надъ сентябрьскими убійствами было назначено слѣдствіе и чтобы виновные были наказаны. Его предложеніе было принято, и Ланжюине впослѣдствіи постоянно возобновлялъ его; но противная партія съумѣла затянуть это дѣло, а потомъ и совсѣмъ прекратить его. Гладкій Бареръ представлялъ рѣзкую противоположность честному Ланжюине и другимъ революціонерамъ, все время оставшимся вѣрными своимъ убѣжденіямъ. Бареръ, подобно Талейрану и Фуше, при совершенномъ отсутствіи принциповъ, обладалъ искусствомъ невредимо проскользать мимо всѣхъ опасностей и при каждой перемѣнѣ заранѣе обезпечивать за собою мѣсто между торжествующими. Въ 1790 онъ былъ умѣреннымъ роялистомъ, потомъ примкнулъ къ Жирондѣ, впослѣдствіи сдѣлался ея Іудою Искаріотскимъ, товарищемъ Робеспьера, и искусными академическими рѣчами, которыми украшалъ отчеты о казняхъ террора, пріобрѣлъ прозваніе Анакреона гильотины. Его змѣиная натура выказалась съ самаго начала дѣятельности конвента, когда онъ подвергся большой опасности вслѣдствіе найденныхъ въ желѣзномъ шкафу бумагъ, но съумѣлъ очень ловко выпутаться изъ бѣды.

Партія Горы видѣла, что можетъ пріобрѣсти перевѣсъ въ конвентѣ только самыми крутыми мѣрами. Вслѣдствіе этого она стала требовать преданія короля суду и нашла полное сочувствіе въ народѣ. Судъ надъ королемъ доставлялъ ей ту выгоду, что жирондистамъ приходилось или потерять популярность, принявъ сторону короля, или сдѣлаться участниками въ казни Лудовика и во всемъ прочемъ, что должно было навлечь на нихъ ненависть сторонниковъ стараго порядка. Жиронда желала сохранить арестованнаго короля, потому что онъ могъ въ случаѣ надобности послужить ей орудіемъ противъ крайней партіи. Но еще съ сентября народъ, возбуждаемый журналистами и клубами, сталъ требовать смерти короля, и всякое противорѣчіе было бы смертнымъ приговоромъ тому, кто осмѣлился бы выразить его. Тогдашнее настроеніе французскаго народа описывается двумя очевидцами такъ. «На всѣхъ улицахъ, говорятъ они, встрѣчались агитаторы на подмосткахъ; собравъ вокругъ себя толпу народа звуками какихъ-нибудь инструментовъ, они начинали между собой разговоръ, въ которомъ король Лудовикъ представлялся каннибаломъ, и всегда кончали представленіе словами, что свобода не можетъ упрочиться, пока не падетъ голова тирана. По вечерамъ публика, собиравшаяся въ Палеройялѣ, кричала: «На гильотину Капета, на гильотину!» Народныя общества писали изъ департаментовъ конвенту, что Капетъ долженъ жизнью поплатиться за свои преступленія. Раненые 10 августа были принесены въ залу конвента, гдѣ требовали мести. Ораторы секцій приходили въ конвентъ и требовали смертнаго приговора Капету».

Большинство членовъ конвента, въ томъ числѣ умнѣйшіе и честнѣйшіе люди, раздѣляли этотъ фанатизмъ народа. Эти чувства гораздо больше руководили конвентомъ, чѣмъ разсчетъ политикановъ и трусость тайныхъ роялистовъ. Они одушевляли и пылкаго Дантона, и утопически добродѣтельнаго Грегуара, и чувствительнаго, нѣжнаго маркиза Сенъ-Жюста, пламеннаго поклонника Руссо, благоговѣйно цитировавшаго его «Общественный Договоръ», и другихъ ораторовъ.

Предложеніе предать короля суду было формально сдѣлано 7 ноября. Уже 13 числа начались объ этомъ пренія. Ноября 20 Роланъ, какъ министръ, сообщилъ конвенту бумаги, найденныя въ желѣзномъ шкафу; на нихъ должно было быть основано обвиненіе. Декабря 3 лучшіе юристы, составлявшіе законодатель-

ный комитетъ, прочли докладъ, и тотчасъ было составлено обвиненіе. Процесъ Лудовика XVI вели, какъ процессъ противъ англійскаго короля Карла I, т. е. это была просто только формальность, потому что смерть его была дѣло рѣшенное заранѣе. Впрочемъ обнаруженные документы ясно доказывали, что Лудовикъ, когда еще пользовался властью, предоставленной ему конституціей, сносился съ врагами народа и давалъ имъ деньги, это была явная государственная измѣна съ какой угодно точки зрѣнія. Но конвентъ въ противность судебнымъ учрежденіямъ, установленнымъ съ 1790, явился въ процесѣ короля одновременно и обвинителемъ, и судьей. Всѣ попытки нарядить надъ королемъ особый судъ, какъ надъ Карломъ I въ Англіи, были тщетны. Конвентъ самъ былъ и присяжнымъ, и судьей. Декабря 6 была назначена коммисія изъ двадцати одного депутата, которые должны были составить обвинительный актъ. Уже 10 числа коммисія прочла докладъ, а на слѣдующій день король былъ приведенъ въ конвентъ на допросъ.

Въ преніяхъ объ этомъ Барерь прямо говоритъ, что, подвергая короля суду, конвентъ имѣетъ въ виду только политическую цѣль. «Наша юная республика, говоритъ онъ, должна быть упрочена. Изгнаніе Тарквинія было также предохранительной мѣрой, которую римляне приняли при основаніи своей республики. Не станемъ же тратить время на юридическія тонкости!» Тщетно протестовали противъ этихъ дѣйствій десять человѣкъ, которые съ 1789 съ жаромъ боролись за свободу и право и за это были избраны въ конвентъ. Къ этимъ людямъ принадлежали Луве, Фоше и благороднѣйшій изъ всѣхъ юристовъ конвента, янсенистъ Ланжюине, высказавшій себя при процесѣ короля вдвойнѣ благороднымъ, потому что никогда не былъ преданъ Лудовику, никогда не принадлежалъ къ роялистамъ, слѣдовательно, боролся не за личныя симпатіи, не за свои привычки, а за безсмертное дѣло добродѣтели и справедливости. Страшной противоположностью этимъ людямъ въ этомъ случаѣ былъ пронырливой Барерь, еще принадлежавшій къ одной съ ними партіи. Какъ президентъ конвента 11 декабря, онъ долженъ былъ допрашивать короля и потомъ составить отчетъ о допросѣ. Онъ составилъ его съ своимъ обычнымъ лукавствомъ, такъ что, слѣдуя общему направленію, оставлялъ себѣ на всякій случай лазейку.

Съ той минуты, какъ былъ рѣшенъ процессъ противъ короля, съ нимъ стали обращаться какъ съ государственнымъ преступникомъ и называть Лудовикомъ Капетомъ. Въ этомъ былъ ловкій разсчетъ уничтожить послѣдніе лучи ореола, окружавшаго монархію въ глазахъ народа. Самъ Лудовикъ велъ себя и въ тюрьмѣ, и въ судѣ съ пассивнымъ терпѣніемъ женщины, а не съ твердостью мужа, сознающаго свою невинность.

Процесъ протянулся до половины января 1793, потому что большинство употребляло всѣ усилія для спасенія короля, насколько это было возможно ему, не раздражая противъ себя народа. При этомъ всѣхъ благороднѣе, мужественнѣе, изобрѣтательнѣе на юридическія уловки былъ честный Ланжюине. Жансоне, Верньо и другіе старались выхлопотать хотя отсрочку. Но краснорѣчіе жирондистовъ было безсильно противъ желѣзной послѣдовательности террористовъ и противъ голоса націи. Уже въ послѣдніе мѣсяцы 1792 крикуны говорили въ народѣ о необходимости повторить десятое августа или второе сентября. Во всякомъ новомъ пораженіи на войнѣ обвиняли жирондистовъ; каждый выдающійся человѣкъ этой партіи обзывался въ газетахъ и клубахъ интриганомъ, измѣнникомъ и мошенникомъ.

Послѣ допроса короля въ конвентѣ начало процеса было отложено на 26 декабря. Королю позволили взять трехъ защитниковъ. Онъ избралъ семидесятивосьмилѣтняго Мальзерба, великодушно предложившаго ему себя (стр. 202), почти такого же стараго Тронше и бодраго еще де Сеза. Послѣдній произнесъ защитительную рѣчь 26 декабря, когда король былъ снова приведенъ въ конвентъ. Четыре дня, 14 — 17 января, шли пренія по тремъ вопросамъ: виноватъ ли король, нужно ли предлагать произнесенный надъ нимъ приговоръ на утвержденіе народа и какому подвергнуть его наказанію. Уже самая постановка этихъ вопросовъ низвергала Жиронду въ яму, которую она сама годъ тому назадъ изъ республиканскаго усердія выкопала конституціонистамъ. Тщетно старались Гаде и Ланжюине дать дѣлу другой оборотъ. На ихъ слова Кутонъ воскликнулъ: «Вотъ уже три часа толкуемъ мы о королѣ! Республиканцы ли мы?

Нѣтъ, мы рабы!» Его поддержали со всѣхъ сторонъ, и предложенные вопросы были приняты. Января 15 Лудовикъ XVI былъ признанъ виновнымъ огромнымъ большинствомъ голосовъ. Въ тотъ же день, не смотря на старанія многихъ членовъ, былъ отрицательно рѣшенъ 424 голосовъ противъ 283 второй вопросъ о томъ, допустить ли аппеляцію къ народу. Третій вопросъ рѣшался съ 16 до вечера 17 числа. Предварительно рѣшили, чтобы депутаты подавали голоса гласно. Эта была очень хитрая мѣра, потому что большинство побоялось явно обнаружить приверженность къ королю, а вмѣстѣ съ тѣмъ не могло и скрыть своего участія въ цареубійствѣ. Какъ много мужества нужно было имѣть немногимъ людямъ, рѣшившимся произнести: «нѣтъ», и какъ извинительна отчасти слабость произнесшихъ противъ убѣжденія: «да» — можно судить изъ слѣдующихъ словъ одного очевидца о настроеніи парижскаго народа: «Простолюдины, говоритъ онъ, вооруженные палками и саблями, заняли входы въ залу засѣданія. Они встрѣчали всякаго входившаго депутата, говорившаго въ эти дни о помилованіи, возгласами: «Или твою голову, или его!» На почетныхъ мѣстахъ галереи противъ ораторской трибуны сидѣли нарядныя дамы, точно въ театрѣ. Знакомые депутаты разговаривали съ ними и приносили имъ лимонадъ. Онѣ съ любопытствомъ смотрѣли на это новое зрѣлище, внимательно всматривались въ выраженіе лицъ депутатовъ, когда они подавали съ каѳедры свои голоса, замѣчали, какимъ тономъ они произносили свои рѣшенія. Вокругъ зданія публика пила вино и водку, держала пари за казнь и противъ казни короля, накалывала, какъ за игорными столами въ Палеройялѣ, на картахъ число голосовъ за и противъ. На всѣхъ лицахъ видно было нетерпѣніе и утомленіе; на иныхъ изображались гнѣвъ и негодованіе.»

Передъ окончательной подачей голосовъ двое юристовъ попробовали послѣднее средство спасти короля. Л е г а р д и и Ланжюине предложили, чтобы осужденіе короля на смерть не могло состояться иначе, какъ по рѣшенію двухъ третей голосовъ. Это предложеніе было тоже отвергнуто, и шумъ возросъ до невѣроятности. Однако изъ 721 депутата только 361 подали голосъ безусловно за казнь. Чтобы составить даже абсолютное большинство, надо было сосчитать въ числѣ смертныхъ приговоровъ и тѣхъ, кто по трусости согласился на смертную казнь, но съ отсрочкой или съ другими условіями. Тогда нѣкоторые смѣлые депутаты стали надѣяться, что если бы протянуть время, то фанатизмъ поутихнетъ, и въ этихъ видахъ предложили отложить казнь: но и это предложеніе было 19 числа отвергнуто 380 голосами противъ 310. Также тщетны были попытки иностранныхъ правительствъ спасти Лудовика. Король Карлъ IV испанскій далъ своему посланнику въ Парижѣ два милліона, чтобы подкупить значительнѣйшихъ депутатовъ, предлагая кромѣ того строгій нейтралитетъ въ войнѣ и союзъ съ новой республикой, лишь бы пощадили жизнь короля. Но конвентъ отвѣчалъ на всѣ эти предложенія, что республика не хочетъ имѣть никакого дѣла съ королями.

Казнь была совершена 21 января. Съ одной стороны это преступленіе дѣйствительно упрочило революцію, создавъ въ нѣкоторомъ родѣ плотину, надолго остановившую смѣшеніе стараго съ новымъ. Но съ другой — казнь Лудовика XVI была политической ошибкой, потому что глубоко оскорбила большинство французовъ и всѣ иностранныя правительства, сдѣлала ненавистнаго большинству государя мученикомъ и тѣсно связала личность короля съ дѣломъ монархіи.

Послѣ казни короля якобинцы начали съ Жирондою борьбу на смерть. Они хотѣли уничтожить весь существующій порядокъ и всѣхъ, кто не раздѣлялъ ихъ фанатизма, и только потомъ уже возвратиться къ законному порядку. Они шли къ своей цѣли съ непоколебимой твердостью, опираясь на народъ. Ихъ трибуны и публицисты, Мара и другіе, ежедневно говорили націи, что отнынѣ она не должна терпѣть во Франціи ничего, кромѣ хижинъ, хлѣба, желѣза и воиновъ. Противники, философы Жиронды, по образованію и краснорѣчію стояли выше ихъ; но у нихъ также не было смысла, здраваго пониманія народныхъ интересовъ, потребностей настоящаго, такъ что они не могли осуществить свой идеалъ буржуазной просвѣщенной республики. Они пали первой жертвой стремленій Робеспьера и его партіи.

Уже въ январѣ вождямъ партіи насилія удалось вытѣснить изъ министерства жирондиста Ролана. Жирондисты согласились на это только съ условіемъ, чтобы и военный министръ Пашъ, принадлежавшій къ партіи якобинцевъ, былъ также уволенъ; но якобинцы доставили Пашу мѣсто парижскаго мера, а такъ какъ парижская общественная дума, оба синдика которой, Шометъ и Геберъ, были также якобинцы, управляла всей Франціей, то Пашъ сталъ еще вліятельнѣе прежняго. Роланъ остался безъ должности; военнымъ министромъ былъ назначенъ Бернонвиль, и Жиронда имѣла въ немъ сильную опору, пока въ апрѣлѣ Дюмурье не схватилъ его и не выдалъ врагамъ (стр. 337). Февраля 25 партія насилія подняла народное возстаніе, направленное противъ хлѣбныхъ торговцевъ и богачей, причемъ хлѣбныя и мелочныя лавки были разграблены, и народъ требовалъ установленія таксы на всѣ товары. Ни конвентъ, ни дума ничего не могли сдѣлать. На другой день большинство въ конвентѣ съ ожесточеніемъ напало на Мара, который 25 февраля въ своей газетѣ вызывалъ народъ напасть на торгашей и капиталистовъ. Надъ нимъ было назначено слѣдствіе, и было объявлено, что зачинщики возстанія будутъ наказаны; но декретъ этотъ остался безъ послѣдствій, потому что никто не хотѣлъ выполнять его. Черезъ двѣ недѣли защитники Мара, Робеспьеръ и Дантонъ, воспользовались его вліяніемъ на народъ, чтобы основать свою будущую диктатуру.

Террористическія мѣры, распространеніе тревожныхъ слуховъ и нѣкоторыя распоряженія, исторгнутыя у конвента парижской думой, подготовили рѣшеніе конвента 10 марта 1793. Въ этотъ день протестантскій священникъ Жанъ Бонъ Сентъ-Андре предложилъ въ конвентѣ учредить чрезвычайный судъ, дѣйствовавшій подъ именемъ революціоннаго трибунала. Дантонъ, называвшій самъ себя министромъ революціи, ухватился за это предложеніе. Небрезгливый на средства и орудія, онъ взялъ себѣ для этой цѣли въ услуженіе мерзкаго юриста Канбасереса, который былъ Трибоніаномъ и республики, и потомъ имперіи. Другая такая же тварь, Мерленъ де Дуэ, соединился съ Канбасересомъ, чтобы обратить новый судъ въ политическую машину, посредствомъ которой можно было бы губить всякаго человѣка, нераздѣлявшаго мнѣній власти, не прибѣгая однако къ гнусной инквизиціи. Тщетно возстали Ланжюине и Гаде противъ учрежденія такого трибунала; тщетно старались они ограничить его по крайней мѣрѣ только Парижемъ. Съ трудомъ добились они даже того, чтобы дѣла рѣшались не самими судьями, а присяжными. Впослѣдствіи всѣ ограниченія, которыми обставила этотъ судъ еще могущественная въ то время Жиронда, были отмѣнены.

Въ тотъ самый день, 15 марта, когда конвентъ учреждалъ революціонный трибуналъ, на него было произведено такое же нападеніе, какъ 10 августа 1792 на короля. Якобинцы задумали прогнать или убить министровъ, потомъ насильственно вторгнуться въ конвентъ и исключить изъ него враждебныхъ имъ депутатовъ. Но попытка эта была разстроена военнымъ министромъ Бернонвилемъ, который съ 400 брестскихъ федералистовъ разогналъ толпу. Руководители остались въ сторонѣ и, видя что попытка не удалась, промолчали. Предводителями народной толпы были Фурнье, Лазутскій и другія орудія Дантона, Мара и Робеспьера.

Измѣна Дюмурье въ началѣ апрѣля подала новый поводъ къ подозрѣніямъ и арестамъ. Герцогъ Орлеанскій былъ въ числѣ арестованныхъ по приказанію конвента и отвезенъ какъ государственный преступникъ сначала въ тюрьму въ Орлеанъ, а потомъ въ Марсель. Онъ никогда не пользовался значеніемъ, и его презирали всѣ партіи. Дантонъ пользовался имъ какъ орудіемъ, но былъ принужденъ отступиться отъ него, потому что Робеспьеръ терпѣть не могъ герцога. Въ то же время жирондисты дали якобинцамъ возможность еще болѣе возстановить противъ нихъ парижанъ. Еще въ мартѣ они видѣли, что въ Парижѣ имъ придется уступить противникамъ, потому что все управленіе дѣлами перешло къ тамошней общинной думѣ и къ якобинскимъ клубамъ. Тогда Бриссо возсталъ противъ централизаціи въ Парижѣ всей администраціи и просвѣщенія, и жирондистовъ обвинили въ намѣреніи разбить Францію по образцу Сѣверной Америки на нѣсколько республикъ, которыя составили бы федеративное государство. Правда, превосходная мысль Бриссо очень понравилась Барбару, Гаде, Кондорсе и

другимъ жирондистами; но они не приняли никакихъ мѣръ къ исполненію ея. Тѣмъ не менѣе Гора ловко воспользовалась этимъ дѣломъ, чтобы возстановить противъ жирондистовъ парижскій народъ, и названіе федералистовъ или бриссотистовъ стало также ненавистно, какъ прежде названіе аристократа.

Также искусно воспользовались якобинцы общимъ смятеніемъ, распространеннымъ измѣной Дюмурье. Они расширили при этомъ власть революціоннаго трибунала, сдѣлавъ его орудіемъ своей партіи, и положили первое основаніе террористической системѣ. Уже 25 марта, то есть черезъ недѣлю послѣ пораженія Дюмурье, было учреждено подъ именемъ комитета общественнаго спасенія (comité de salut public) новое административное вѣдомство изъ двадцати пяти членовъ, чтобы предлагать законы, какіе сочтетъ нужными для защиты республики отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Апрѣля 6, когда въ Парижъ пришло извѣстіе о бѣгствѣ Дюмурье, комитетъ общественной безопасности, который сначала былъ назначенъ служить отраслью комитета спасенія, былъ отдѣленъ отъ него, и оба комитета были преобразованы и получили огромную власть. Комитетъ спасенія былъ высшимъ административнымъ мѣстомъ и состоялъ изъ девяти (а потомъ изъ десяти) членовъ, которые должны были руководить и наблюдать за всѣми дѣйствіями исполнительной власти, предлагать конвенту законы по дѣламъ управленія, указывать принципы, которыми слѣдуетъ руководствоваться, и въ случаяхъ крайней необходимости дѣйствовать по усмотрѣнію. Прежній комитетъ спасенія былъ переименованъ въ комитетъ общественной безопасности (comité de sureté générale) и получилъ значеніе государственной инквизиціи и исполнительной власти. Совѣщанія обоихъ комитетовъ должны были происходить втайнѣ, и въ крайнихъ случаяхъ они могли соединиться. Такимъ образомъ система террора была готова, и оставалось только привести ее въ дѣйствіе. Но Жиронда еще имѣла перевѣсъ и въ конвентѣ, и въ его комитетахъ.

5. Французская революція отъ учрежденія комитета общественнаго спасенія до господства террористовъ.

Учрежденіе комитетовъ спасенія и безопасности положило основаніе господству сторонниковъ Дантона и партіи Робеспьера, хотя противники ихъ, жирондисты, все еще составляли большинство въ конвентѣ. Возрастающая анархія и война съ коалиціей всей Европы грозили государству гибелью, и спасти его можно было только возстановленіемъ единства власти и энергіей. Но для этого нужна была неумолимая послѣдовательность и умъ практическихъ людей, а не умствованія и доктринерство партіи, преслѣдовавшей какую-то отвлеченную философскую цѣль и потому терявшейся въ трудныхъ обстоятельствахъ. Дѣйствительно, энергія демагоговъ спасла Францію не только отъ внѣшнихъ враговъ, но и отъ всѣхъ старыхъ золъ.

Въ борьбѣ съ жирондистами якобинцы дѣйствовали тѣми же средствами, которыми низвергли монархію. Народные публицисты, изъ которыхъ Мара былъ самый грубый, но зато и самый способный, возстановили народъ противъ жирондистовъ. Ихъ подозрѣвали въ участіи въ измѣнѣ Дюмурье. На нихъ сваливали внутреннюю анархію и несчастія на войнѣ, говоря, что ихъ противодѣйствіе ослабляетъ силу правительства. Жиронда думала, что уничтожитъ замыслы своихъ противниковъ погубивъ прежде всего главное ихъ орудіе. Апрѣля 12 она настояла въ конвентѣ арестовать Мара и предать суду, постановивъ предварительно, что депутатъ, обвиненный въ государственномъ преступленіи, долженъ быть судимъ революціоннымъ трибуналомъ. Но преслѣдованіе только придало Мара еще больше значенія. Якобинскіе судьи и присяжные революціоннаго трибунала совершенно оправдали его, и государственный обвинитель при гласномъ ходѣ процесса ставилъ вопросы такъ, что далъ Мара возможность въ отвѣтахъ своихъ выставить государственными преступниками самихъ обвинителей. Когда виновный былъ оправданъ, народъ торжественно отнесъ его обратно въ конвентъ.

Главная сила Горы заключалась въ народѣ и въ парижской думѣ. Опи были тѣсно связаны между собою. Во всѣхъ сорока восьми секціяхъ были организованы революціонные комитеты, которые могли ежеминутно призвать къ оружію противъ конвента всю фанатическую народную массу. Дума приняла мѣры, чтобы при каждомъ волненіи ее поддерживали члены этихъ комитетовъ. Какъ скоро дума утвердила декреты революціонныхъ комитетовъ, члены конвента, руководившіе всѣмъ этимъ, принудили своихъ умѣренныхъ товарищей принять и обнародовать требуемые декреты. Въ числѣ этихъ декретовъ были принудительные налоги на богатыхъ, установленіе таксы на хлѣбъ, удаленіе ненадежныхъ войскъ изъ Парижа и замѣна ихъ толпами головорѣзовъ и другія распоряженія. Жиронда, все болѣе и болѣе угрожаемая, обратилась наконецъ за защитой къ своимъ избирателямъ. Многіе департаменты откликнулись на это воззваніе адресами, въ которыхъ предлагали прислать въ Парижъ вооруженную силу. Нѣкоторые большіе города, какъ напр. Ліонъ и Марсель, воспротивились безпорядкамъ, производимымъ коммиссарами конвента и ихъ сторонниками. Но это только возбудило энергію якобинцевъ. Уличные безпорядки становились все чаще и грознѣе, а въ залѣ засѣданія конвента слушатели шумѣли, когда жирондистское большинство пыталось провести какой-нибудь декретъ въ свою пользу, и даже сами депутаты не разъ вступали въ рукопашную.

Наконецъ Жиронда рѣшилась было на смѣлый, энергическій поступокъ, который спасъ бы ее, если бы въ ней не было измѣнника. Мая 18 1793 Гаде произнесъ въ конвентѣ блестящую рѣчь противъ демагоговъ и ободрилъ ею даже трусовъ, которые изъ страха всегда соглашались съ Горой. Два предложенные имъ декрета были приняты значительнымъ большинствомъ. Первымъ изъ нихъ уничтожалась парижская дума, а вторымъ постановлялось назначить намѣстниковъ депутатовъ, которые составили бы новый конвентъ въ Буржѣ, если бы парижскій конвентъ потерпѣлъ насиліе. Но планъ Гаде былъ разрушенъ предателемъ Бареромъ, который такимъ образомъ отстранилъ отъ главъ партіи террора губительный ударъ. Какъ членъ комитета общественнаго спасенія, Бареръ предложилъ назначить для охраненія конвента коммисію изъ двѣнадцати депутатовъ съ чрезвычайной полицейской властью, поручивъ ей разобрать дѣйствія парижской думы и представить о нихъ отчетъ конвенту для дальнѣйшихъ мѣропріятій. Предложеніе было принято, и назначена коммисія, члены которой были названы инспекторами залы. Какъ всякая полумѣра при такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, это, конечно, не могло помочь.

Инспекторы залы съ самаго начала встрѣтили сильныхъ враговъ въ мерѣ Пашѣ, общинномъ прокурорѣ Шометѣ, стоявшемъ тогда во главѣ думы, его помощникѣ, Геберѣ, и даже въ министрѣ Гара. Геберъ въ своей газетѣ (Pére Duchesne), читавшейся исключительно простымъ народомъ, превосходилъ въ сальности и грубости даже Мара и возбуждалъ народъ къ новому возстанію. За это 25 мая инспекторы залы арестовали его съ двумя другими лицами. Это было сигналомъ къ возстанію толпы, постоянно волновавшейся съ 1791. Мая 26 волненіе господствовало на всѣхъ улицахъ. На другой день негодующіе ворвались въ залу конвента, смѣшались съ депутатами и приняли участіе въ подачѣ голосовъ. Президентъ конвента жирондистъ Инаръ, своею твердостью долго сдерживалъ толпу въ предѣлахъ порядка; но къ вечеру на президентское кресло сѣлъ Эро де Сешель, креатура Дантона, котораго всегда выбирали въ президенты, когда подготовляли какой-нибудь ударъ. Едва робкіе члены конвента удалились, какъ президентъ провелъ декретъ объ освобожденіи арестованныхъ и объ истребованіи у инспекторовъ залы отчета въ ихъ арестованіи.

Это было прелюдіей къ новому возстанію. Въ общемъ собраніи секцій 30 мая якобинцы провозгласили поголовное возстаніе, временную пріостановку дѣйствія всѣхъ властей и учрежденіе инсуррекціоннаго совѣта. Президентомъ его былъ назначенъ д'Опсанъ, арестованный вмѣстѣ съ Геберомъ, а въ сущности руководителемъ былъ послѣдній. Ни меръ Пашъ, ни прокуроръ Шометъ не противились учрежденію этой новой власти. Комитетъ общественнаго спасенія также не принялъ энергическихъ мѣръ, хотя въ немъ были еще люди различныхъ партій. Мало того, по внушенію друга Дантона, Лакруа, комитетъ вслѣдъ за учрежденіемъ инсуррекціоннаго совѣта велѣлъ ударить въ набатъ во всѣхъ сек-

ціяхъ и назначилъ командиромъ національной гвардіи на мѣсто Сантерра, уѣхавшаго въ Вандею, одного изъ самыхъ недостойныхъ людей, Анріо.

Утромъ 31 мая парижскій народъ съ депутаціей секцій вторгнулся къ залу засѣданій конвента, требуя уничтоженія зальной коммисіи и обвиненія двадцати двухъ депутатовъ. Но не смотря на шумъ и угрозы, народъ, вѣроятно, не рѣшился бы совершить открытое насиліе, и всѣ надежды, возлагаемыя на возстаніе, рушились бы, если бы Барерь снова не подлѣлъ Жиронду. По его предложенію коммисія инспекторовъ залы была уничтожена, и такимъ образомъ конвентъ лишенъ всякой защиты. Этотъ декретъ возстановилъ спокойствіе только на минуту. Уже вечеромъ 1 іюня опять поднялось возстаніе съ цѣлью принудить конвентъ обвинить ненавистныхъ депутатовъ Жиронды. Толпа людей, получавшихъ жалованье изъ государственной казны подъ предлогомъ, что изъ нихъ предполагается образовать революціонную армію, окружила ночью залу засѣданія конвента. Когда засѣданіе было закрыто, толпа осталась вокругъ зданія, гдѣ ее щедро угощали виномъ и съѣстнымъ.

Въ воскресенье, 2 іюня, ненавидимые народомъ депутаты не рѣшились явиться въ конвентъ. Только немногіе на этотъ разъ не испугались и имѣли смѣлость придти, въ томъ числѣ Ланжюине, который всегда былъ тамъ, гдѣ можно было пожертвовать жизнью за нравственность и справедливость. Въ конвентѣ онъ тотчасъ вошелъ на ораторское мѣсто и началъ энергически требовать прекращенія безпорядковъ. Мясникъ Лежандръ и почтмейстеръ Друэ (стр. 333) грозили ему кулаками и приставили къ груди пистолетъ; но онъ остался на трибунѣ и продолжалъ говорить, даже когда Анріо окружилъ конвентъ свой революціонной силой и поставилъ передъ входомъ пушки. Барерь и тутъ хотѣлъ разыграть свою вѣроломную роль, но Ланжюине остановилъ его. Видя, что конвентъ не хочетъ выдавать народу своихъ членовъ, коварный Барерь предложилъ опальнымъ депутатамъ великодушно пожертвовать собой ради мира и добровольно выйти изъ собранія. Ланжюине отвѣчалъ на это коварное предложеніе, что жертвъ, правда, рѣжутъ, но не подвергаютъ поруганію. Барерь и Эро де Сешель, бывшій опять президентомъ, не рѣшались явно исполнить требованіе народа и прикинулись, будто желаютъ спасти своихъ опальныхъ товарищей.

Не станемъ описывать грозныхъ сценъ 2 іюня, какъ Анріо съ своими людьми окружалъ конвентъ; не станемъ передавать пикантныхъ анекдотовъ, декламацій и рѣчей, которыми изобилуютъ всѣ событія французской исторіи. Конвентъ рѣшился наконецъ выйти процессіей къ народу просить за опальныхъ депутатовъ; но толпа осмѣяла его и загнала какъ стадо барановъ назадъ въ залу. Тогда по предложенію Кутона конвентъ рѣшилъ исполнить требованіе народа. Онъ приказалъ арестовать тридцать четыре депутата, въ томъ числѣ двѣнадцать инспекторовъ залы, и министровъ Клавьера и Лебрена. Впрочемъ нѣкоторымъ изъ нихъ удалось спастись бѣгствомъ. Черезъ нѣсколько дней семьдесятъ три депутата отказались принимать участіе въ засѣданіяхъ конвента и протестовали противъ ареста своихъ товарищей и противъ всѣхъ изданныхъ безъ нихъ декретовъ. За это ихъ также арестовали и предали суду за то, что они мѣшали дѣятельности правительства.

Многіе изъ нихъ были спасены Робеспьеромъ отъ казни и по смерти его стали снова играть значительную роль въ конвентѣ. Сами по себѣ жирондисты были люди честные и не заслужили той участи, которая постигла ихъ и которая поэтому въ отношеніи ихъ является несправедливостью; но нельзя отрицать, что только уничтоженіемъ этой партіи можно было придать правительству необходимую силу, чтобы побѣдить внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Тоже можно сказать и вообще о системѣ, господствовавшей во Франціи съ 2 іюня. Эта такъ называемая система террора была сопряжена со многими прискорбными и несправедливыми явленіями. Но если принять въ соображеніе результаты, то оказывается, что она дала Франціи новые нравы, учрежденія и законы и доставила ей торжество надъ Европой.

Правительственная власть сосредоточилась въ комитетѣ общественнаго спасенія. До 10 іюля, когда изъ него вышелъ Дантонъ, въ немъ было еще нѣкоторое разногласіе между членами, но съ 11 іюля, когда комитетъ былъ преобразо-

ванъ, онъ пріобрѣлъ полное единство и твердость, что доставило ему страшную силу. Членами комитета въ послѣднюю половину террора (съ декабря 1793 до іюля 1794) были Робеспьеръ, Сенъ-Жюстъ, Кутонъ, Бареръ, Бильо-Варенъ, Карно, Коло д'Эрбуа, Прріеръ, Ленде и Жанъ-Бонъ-Сентъ-Андре. Изъ нихъ первые трое были полными властелинами Франціи, и потому ихъ называютъ тріумвирами. Изъ сочленовъ ихъ только Карно могъ бы противодѣйствовать имъ; но они предоставили ему военное вѣдомство, вслѣдствіе чего онъ былъ такъ заваленъ работой, что слишкомъ поздно открылъ глаза на злоупотребленія комитета общественнаго спасенія.

Комитетъ общественной безопасности былъ просто орудіе комитета общественнаго сословія, не имѣлъ права подавать голосъ и только принималъ приказанія. Конвентъ, потерявъ при низверженіи Жиронды цѣлую треть своихъ членовъ, которую потомъ уже не замѣщали, снизошелъ также въ подчиненное положеніе. Онъ сдѣлался машиною комитета спасенія, который черезъ него давалъ своимъ приказамъ законную форму и устраивалъ нужныя ему сцены. Однако правители умно пользовались свободными членами конвента, обладавшими талантами и образованностью стараго времени въ соединеніи съ любовью къ свободѣ или съ нравственной испорченностью, съ честолюбіемъ, тщеславіемъ и малодушіемъ. Карно было поручено управленіе военнымъ вѣдомствомъ. Бареръ своимъ цвѣтистымъ краснорѣчіемъ служилъ комитету спасенія докладчикомъ и рупоромъ. Мерленъ де Дуэ и Канбасересъ, ученѣйшіе юристы, составляли законы, которые впослѣдствіи послужили основаніемъ Наполеоновскому Своду. Главнымъ орудіемъ комитета спасенія былъ революціонный трибуналъ. Это судебное учрежденіе было въ рукахъ такихъ же энергичныхъ людей, какъ и комитетъ спасенія. Въ числѣ слугъ прежняго министерства нашлось довольно тварей, которыя готовы были служить всякой несправедливости. Вообще надо замѣтить, что все дурное, совершавшееся въ революцію, дѣлалось людьми стараго образованія, а не народомъ, который разилъ враговъ, какъ молотъ или мечъ, но не участвовалъ въ политическихъ интригахъ и юридическихъ убійствахъ. Впослѣдствіи при Наполеонѣ эти люди предложили ему свои услуги, а пока служили революціи. Такія твари водятся во всѣхъ странахъ и націяхъ. Такъ, президенты революціоннаго трибунала, Монтане, д'Опсанъ, Германъ, Дюма и Коффеналь, были все люди стараго порядка. Дюма былъ прежде монахъ, слѣдовательно богословъ, а прочіе были юристы стараго времени. Фукье-Тенвиль, пріобрѣвшій печальную знаменитость въ должности публичнаго обвинителя при революціонномъ трибуналѣ, былъ прежде, прокуроромъ въ уголовномъ судѣ Шатле; двое помощниковъ его были прежде прокуроромъ въ уголовномъ судѣ Шатле; двое помощниковъ его были прежде одинъ священникомъ, другой—юристомъ. Во главѣ безпощадныхъ присяжныхъ стоялъ д'Антонель, сынъ маркиза и бывшій капитанъ королевскихъ войскъ. Присяжные этого судилища, получавшіе съ 2 іюля ежедневно по восемнадцати франковъ кормовыхъ, находились, какъ и конвентъ, постоянно подъ страхомъ, потому что закономъ 26 имъ было предписано подавать голоса гласно, и такимъ образомъ имъ предстояло или осуждать обвиненныхъ къ смерти, или подвергать опасности собственную жизнь. О казняхъ, совершенныхъ революціоннымъ трибуналомъ, мы не станемъ распространяться. Довольно сказать, что въ одномъ Парижѣ съ марта 1793 до іюня 1794 было казнено 576 человѣкъ, а въ теченіе іюня и іюля 1794—1,285 человѣкъ.

6. Жирондистскія и роялистскія возстанія въ провинціяхъ.

Потерпѣвъ пораженіе въ правительствѣ, жирондисты стали возбуждать противъ Парижа и конвента возстанія въ провинціяхъ. Они достигли своей цѣли только въ семи или восьми департаментахъ Нормандіи и Бретани. Другіе департаменты, хотя сочувствовали имъ, но хотѣли сначала посмотрѣть, какъ пойдетъ дѣло. Предпріятіе жирондистовъ послужило поэтому только къ тому, чтобы доставить врагамъ ихъ высокое значеніе и утвердить принятую ими систему террора. Уже первая попытка движенія противъ Парижа, предпринятая жирондистами

въ іюлѣ 1793 съ національной гвардіей Нормандіи, совершенно не удалась. Національные гвардейцы хотя возмутились, но по естественной реакціи выбрали себѣ въ предводители не жирондистовъ, а конституціониста Вимпфена и роялиста Пюизе; впрочемъ ихъ быстро разсѣяли, и террористы послали въ Нормандію и Бретань коммисаровъ конвента, которые въ примѣръ прочимъ казнили сотни и даже тысячи подозрительнымъ людей.

Въ то самое время, когда такъ печально кончился жирондистскій походъ противъ Парижа, фанатизмъ одной молодой дѣвушки поразилъ якобинцевъ въ одномъ изъ главныхъ вождей ихъ. Шарлота Корде изъ Кана познакомилась въ родительскомъ домѣ съ жирондистомъ Барбару и такъ увлеклась его республиканскимъ одушевленіемъ и красотой его наружности, что рѣшилась пожертвовать собой для освобожденія міра отъ грознаго Мара, котораго считала главнымъ препятствіемъ къ осуществленію жирондистской идеальной республики. Не сказавъ никому о своихъ намѣреніяхъ, она отправилась въ Парижъ, выхлопотала 13 іюля доступъ къ Мара и заколола его. Такъ какъ она даже не старалась бѣжать, то была тотчасъ арестована и 17 іюля казнена. Она осталась твердою до послѣдней минуты и непоколебимо сохранила убѣжденіе, что освободила свое отечество отъ тирана. Якобинцы съумѣли извлечь пользу и изъ убійства Мара. Они воздали его праху торжественныя почести, похоронили его въ Пантеонѣ, повѣсили въ конвентѣ картину, изображавшую его смерть, и почтили его память празднествами, забавлявшими народъ, которому тогда не доставало религіозныхъ праздниковъ.

Возстанія разныхъ городовъ и департаментовъ всѣ имѣли самый несчастный исходъ, потому что противъ страшной энергіи и единства Робеспьера и его товарищей враги ихъ дѣйствовали нерѣшительно и несогласно. Мы скажемъ объ этихъ возстаніяхъ вкратцѣ. Во многихъ городахъ на югѣ и западѣ революціонные клубы были уничтожены, якобинцы арестованы или изгнаны, собраны войска, и организованы обширныя сношенія, которыми предполагалось отнять управленіе Франціей у Парижа и у тамошнихъ якобинцевъ. Но всѣ эти движенія были лишены прочнаго основанія и связи между собой, такъ что коммисарамъ и войскамъ конвента было нетрудно подавить ихъ.

Возмутившійся городъ Марсель былъ 25 августа занятъ войсками конвента и попалъ подъ власть коммисаровъ конвента, Фрерона и Барра. Они учредили въ немъ революціонный трибуналъ безъ присяжныхъ, назначивъ судьями галерныхъ каторжниковъ и другихъ униженныхъ и угнетенныхъ. Фрерону хотѣлось даже разрушить и срыть всѣ зданія и гавани въ городѣ. Въ своихъ офиціальныхъ донесеніяхъ онъ называлъ Марсель «безъимянной общиной».

Въ Тулонѣ возстаніе было тѣмъ преступнѣе, что сопровождалось прямой измѣной. Роялисты и жирондисты открыли 28 августа городскія ворота англичанамъ. Войска конвента осадили и взяли городъ 19 декабря, при чемъ отличился двадцати трехъ-лѣтній капитанъ Наполеонъ Бонапартъ, командовавшій осадной артиллеріей. Онъ доказалъ депутатамъ конвента, что планъ, присланный изъ Парижа и одобренный главнокомандующимъ, генераломъ Карто, поведетъ дѣло слишкомъ медленно, и предложилъ другой планъ. Вслѣдствіе этого Карто былъ удаленъ, и на его мѣсто назначенъ Дюгомье, который дѣйствовалъ по плану Бонапарта и быстро взялъ городъ. Англичане, удаляясь, увели пятнадцать кораблей, сожгли богатые морскіе запасы города и двадцать французскихъ военныхъ судовъ, въ томъ числѣ одиннадцать линейныхъ кораблей, хотя все это было передано имъ городомъ не какъ побѣдившимъ врагамъ, а на сохраненіе, какъ союзникамъ. Измѣна, причинившая государству такія громадныя потери въ то время, какъ Франціи и безъ того со всѣхъ сторонъ грозили враги, требовала примѣрнаго наказанія, и противъ кровавыхъ дѣйствій въ городѣ Фрерона и Барра сказать нечего. Фреронъ казнилъ 800 человѣкъ и впослѣдствіи самъ говорилъ, что слѣдовало бы казнить 10,000; Барра, происходившій отъ одной изъ древнѣйшихъ аристократическихъ фамилій, справедливо писалъ товарищамъ, что во всемъ Тулонѣ не нашелъ никого изъ порядочныхъ людей (honnêtes gens), кромѣ галерныхъ каторжниковъ.

Но въ Бордо коммисаръ конвента, подлый Тальанъ, совершалъ дѣйствительно злодѣйства изъ гнусныхъ своекорыстныхъ цѣлей. Въ Нантѣ Карье также позволялъ себѣ безполезныя жестокости. Онъ разстрѣливалъ людей мас-

сами и въ довершеніе изобрѣлъ такъ называемыя утопленія (noyades) или республиканскіе браки. Эти мерзкія злодѣйства, позорившія республику и вскорѣ достойно наказанныя, состояли въ томъ, что мужчинъ связывали съ женщинами попарно и топили въ Луарѣ или набивали людьми барки и вдругъ погружали ихъ въ воду посредствомъ отворявшагося люка. Такія же прискорбныя злоупотребленія позволялъ себѣ Лебонъ въ Арра, а Менье въ Оранжѣ.

Въ Ліонѣ характеръ возстанія былъ не жирондисто-республиканскій, а роялистскій. Тамъ нѣкоторое время игралъ роль Мара бывшій священникъ Шалье, и руководимый имъ народъ преслѣдовалъ по примѣру парижанъ богатыхъ и знатныхъ. Но 4 февраля 1793 роялисты уничтожили якобинскій клубъ, образовали изъ сторонниковъ своей партіи правильные баталіоны и приняли рѣшительныя мѣры противъ Шалье и фанатиковъ. Тогда республиканцы исходатайствовали черезъ Мара и Робеспьера присылку коммисаровъ конвента и войска. Мая 29 въ городѣ произошло формальное сраженіе. Якобинцы были побѣждены и частью изгнаны, частью взяты въ плѣнъ. Плѣнныхъ, въ томъ числѣ и Шалье, предали смерти. Господствовавшая въ Парижѣ партія выслала противъ Ліона цѣлую армію. Ліонскимъ роялистамъ осталось тогда только отчаянно защищаться. Они воспользовались всѣми оборонительными средствами города и снярядили подъ руководствомъ умныхъ офицеровъ сильное войско. Посланное противъ нихъ войско конвента подъ командой Дюбуа-Крансе, опытнаго артиллерійскаго офицера изъ старыхъ дворянъ, разрушило въ августѣ бомбами лучшую часть Ліона, именно ту, гдѣ жили богатѣйшіе граждане. Впослѣдствіи въ осадную армію прибыли коммисарами конвента Кутонъ, Колло д'Эрбуа, Фуше и другіе депутаты; они съ усиленнымъ рвеніемъ продолжали бомбардированіе и, когда городъ былъ принужденъ голодомъ и внутреннимъ противодѣйствіемъ низшихъ классовъ, отворить 9 октября ворота, дѣйствовали по истребительной системѣ террора съ страшнѣйшей строгостью и послѣдовательностью до апрѣля 1794. Они валили дома цѣлыми улицами и ежедневно совершали казни. Наконецъ Колло д'Эрбуа и начальникъ революціонной арміи Ронсенъ, чтобы скорѣе раздѣлаться съ виновными, изобрѣли такъ называемыя митральяды, состоявшія въ томъ, что осужденныхъ сгоняли связанными вмѣстѣ толпой на площадь и разстрѣливали изъ пушекъ картечью. Октября 12 конвентъ, по предложенію Барера, рѣшилъ разрушить Ліонъ, кромѣ домовъ бѣдняковъ, и переименовать эти остатки «Освобожденной Общиной» — Commune Affranchie. Это предположеніе не состоялось, но разрушеніе домовъ, казни и митральяды продолжались безостановочно. При этомъ особенно отличался Фуше, который впослѣдствіи занималъ во Франціи первыя мѣста, титуловался герцогомъ Отрантскимъ и служилъ министромъ полиціи деспота.

При истребленіи своихъ враговъ люди революціи обнаружили такую же энергію, практичность и послѣдовательность, имѣли такой же успѣхъ, какъ 2 декабря 1851 Канроберъ и Сентъ-Арно. Какъ эти генералы безпощадно рѣзали пролетаріевъ и соціалистовъ, такъ конвенціонисты наоборотъ давили идеальныхъ мечтателей и трусливыхъ буржуазовъ. Но и тѣмъ, и другимъ побѣда досталась легко, потому что они не стѣснялись нравственными соображеніями. Гораздо болѣе опасный врагъ встрѣтился республиканцамъ въ самомъ народѣ, когда имъ пришлось выдержать упорную борьбу съ жителями Вандеи. Въ этой провинціи еще господствовалъ духъ стараго времени; жители твердо держались старой вѣры и своихъ священниковъ, и между дворянствомъ и крестьянами сохранились вполнѣ патріархальныя отношенія, потому что оба сословія стояли очень близко другъ къ другу по нравственности и по образованію, и крестьянинъ дѣлилъ продуктъ земли съ помѣщикомъ. Поэтому вандейцы были съ самаго начала революціи недовольны всѣмъ, что дѣлалось въ Парижѣ. Казнь короля привела ихъ въ ожесточеніе, а декретъ конвента, замѣнявшій прежнюю вербовку войскъ правильными рекрутскими наборами, вызвалъ открытое возстаніе. Въ возстаніи вандейцы имѣли отличнѣйшихъ офицеровъ и пользовались условіями своей страны, которая была вся изрѣзана изгородями, рвами и плотинами, не имѣла проѣзжихъ дорогъ и, слѣдовательно, чрезвычайно затрудняла движенія регулярныхъ войскъ. Но всего хуже для республиканцевъ было мужество отчаянія, энергія глубоко вкоренившихся предразсудковъ и непоколебимое единодушіе, одушевлявшія вандейцевъ.

Возстаніе въ Вандеѣ началось 11 марта 1793 въ двухъ общинахъ и быстро сдѣлалось всеобщимъ, такъ что уже въ апрѣлѣ образовалась цѣлая армія, называвшаяся католической и королевской арміей, и вся страна была раздѣлена по военному на дивизіи. Изъ пяти главныхъ предводителей трое, д'Эльбе, Боншанъ и Ла Рошжакленъ, принадлежали къ старому дворянству, а двое, Катлино и Стофле, къ нисшему сословію. Катлино былъ зажиточный крестьянинъ и занимался извозомъ, а Стофле — егерь одного помѣщика. Кромѣ этихъ пяти человѣкъ отличался героизмомъ и талантами отставной флотскій офицеръ Шарретъ, пока не впалъ въ прежній развратъ. Инсургенты успѣшно вели войну, пока въ іюнѣ, увлеченные счастьемъ, не рѣшились перенести борьбу за границы своей страны и напасть на городъ Нантъ, одинъ изъ главныхъ центровъ республиканизма. Они были отбиты съ большой потерей, при чемъ палъ Катлино, недавно избранный главнокомандующимъ.

Тогда Вандею можно было бы быстро покорить, если бы у республиканцевъ были другіе предводители. Но ими командовали сначала Мену, потомъ Биронъ, двое неспособныхъ офицеровъ монархическаго времени. Подъ начальствомъ Бирона командовалъ пивоваръ Сантерръ, бывшій сержантъ Вестерманъ, который въ одинъ годъ дослужился до генерала, и освистанный авторъ глупыхъ трагедій Ронсенъ, опозорившійся въ Бельгіи въ должности военнаго коммисара и потомъ въ Ліонѣ, предводительствуя такъ называемой революціонной арміей (стр. 390). Сантерръ и Ронсенъ были совершенно неспособны командовать войсками, а Вестерманъ, хотя обладалъ военными способностями, дѣйствовалъ такъ жестоко, что только усилилъ ожесточеніе бунтовщиковъ. Въ іюлѣ Биронъ былъ отозванъ, и по предложенію Ронсена на его мѣсто присланъ слесарный подмастерье Росиньоль, который еще въ 1800 самъ похвалялся, что во время сентябрьскихъ убійствъ собственноручно зарѣзалъ 68 священниковъ. Съ нимъ и съ Ронсеномъ была послана революціонная армія, отъ которой хотѣли отдѣлаться въ столицѣ. Ронсенъ и Росиньоль систематическими поджогами или такъ называемыми адскими колоннами довели крестьянъ Вандеи до отчаянія. Даже та часть населенія, которая до сихъ поръ оставалась нейтральною, ожесточилась и возстала, когда конвентъ декретомъ 1 августа приказалъ сжечь въ Вандеѣ всѣ дома, лѣса и хлѣбныя поля и не оставлять въ живыхъ ни единаго существа. Въ это время роялисты побѣдили бы, если бы въ началѣ осени къ республиканцамъ въ Вандею не прибыли умные генералы и опытные дисциплинированныя войска. Это были гарнизоны Майнца и Валансьена; въ концѣ іюля они были принуждены послѣ храбраго сопротивленія сдать союзникамъ эти крѣпости и обязаться при капитуляціи въ теченіе года не служить противъ союзниковъ. Поэтому ихъ послали въ Вандею, а тамошнія плохія войска двинули на восточную границу, гдѣ перемѣшавшись съ другими и попавъ подъ предводительство болѣе способныхъ генераловъ, они вскорѣ совершили геройскіе подвиги.

Новыми войсками командовали отличные генералы, какъ Клеберъ и Аксо. Имъ помогло завоевать Вандею то, что противники ихъ вздумали осенью 1793 вступить въ союзъ съ англичанами. Главныя силы вандейцевъ покинули свою удобную мѣстность, чтобы завладѣть какой-нибудь гаванью въ Бретани. Октября 17 — 19 они перешли Луару и очутились въ незнакомой мѣстности, въ открытой странѣ, тогда какъ въ своей провинціи были неприступны и непобѣдимы. Республиканцы нѣсколько разъ поражали ихъ и наконецъ уничтожили всѣхъ, кромѣ нѣсколькихъ сотъ. Изъ предводителей ихъ Боншанъ палъ на полѣ битвы, а д'Эльбе, смертельно раненый, былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ.

Съ этихъ поръ (декабрь 1793 и январь 1794) вандейцы изъ героевъ и рыцарей, великодушныхъ бойцовъ за престолъ и алтарь, обратились подъ начальствомъ Шаретта и Стофле въ настоящихъ разбойниковъ. Убійства, грабежи и опустошенія прекратились съ обѣихъ сторонъ только съ паденіемъ тираніи комитета общественнаго спасенія. Послѣ паденія Робеспьера новые правители стали хлопотать о примиреніи и дѣйствовать кротостью. Въ декабрѣ 1794 по совѣту Карно Вандеѣ была дана полнѣйшая амнистія, и тотчасъ приняты мѣры для строгаго исполненія ея. Но Шарретъ, Стофле, эмигранты и Англія долго еще мѣшали замиренію и успокоенію.

Всѣ эти возстанія, особенно жирондистскія, заставили господствовавшую партію поторопиться изданіемъ конституціи. Такъ какъ жирондисты обвиняли ее въ тираніи и предлогомъ къ возмущенію ставили требованіе конституціи, то они рѣшились изданіемъ ея пресѣчь подобные толки. Для составленія ея была назначена коммисія подъ предсѣдательствомъ Эро-де-Сешеля, которая составила ее такъ поспѣшно, что проектъ былъ представленъ конвенту уже 10 іюня. Черезъ двѣ недѣли новая конституція была разсмотрѣна и одобрена имъ. Іюня 24 она была разослана по департаментамъ, чтобы представить ее на утвержденіе общихъ собраній. Конечно, она была всюду принята и 10 августа провозглашена съ подобающимъ торжествомъ. Но какъ только жирондистскія возстанія были подавлены и такимъ образомъ достигнута цѣль, для которой издали конституцію, какъ 10 октября (на другой день по взятіи Ліона) конвентъ давно изготовленнымъ декретомъ уничтожилъ все это эфемерное построеніе. Онъ объявилъ, что дѣйствіе новой конституціи пріостанавливается до заключенія мира, а пока будетъ продолжаться революціонное правленіе, и все подчиняется по прежнему комитету спасенія, обязанному отдавать отчетъ конвенту.

Декретъ этотъ былъ изданъ по предложенію Сенъ-Жюста, республиканскаго энтузіаста, но убѣжденнаго, что въ революціи необходимы мужество, энергія и полная безпощадность. Это убѣжденіе руководило правительствомъ террора, какъ доказываютъ всѣ его распоряженія. Декретомъ 17 сентября было повелѣно брать подъ арестъ всѣхъ такъ называемыхъ подозрительныхъ, и этой кличкѣ было придано такое обширное значеніе, что ее можно было примѣнить къ кому угодно. Октября 3 конвентъ объявилъ, чтобы въ процессахъ по политическимъ преступленіямъ, въ случаѣ если большинство судей признаетъ обвиненнаго невиннымъ, мнѣнія ихъ не считались, а если голоса раздѣлятся поровну, то приглашались бы подавать мнѣніе посторонния лица; такимъ образомъ обвиненные не могли избѣжать приговора, и преданіе суду было равносильно осужденію. Въ тотъ же день конвентъ отдалъ подъ судъ революціоннаго трибунала много собственныхъ членовъ, въ томъ числѣ благороднѣйшихъ защитниковъ свободы, и королеву. Октября 16 королева была казнена; 31 октября той же участи подверглись двадцать одинъ республиканскій депутатъ, между прочимъ Верньо, Лазурсъ, Бриссо, Жансоне, Легарди и т. д., а 6 ноября герцогъ Орлеанскій. Вскорѣ казнь постигла бывшихъ депутатовъ Бальи, Манюеля и Барнава, генераловъ Гушара и Бирона, бывшаго министра Лебрена и т. д. Число арестованныхъ въ декабрѣ 1793 въ Парижѣ по политическимъ подозрѣніямъ, судя по официальнымъ даннымъ, простиралось до 4,830 человѣкъ.

7. Франція подъ владычествомъ тріумвировъ.

Новая правительственная система, названная въ декретѣ 10 октября революціонной, была окончательно организована 3 декабря по плану Бильо-Варена и Базира, и начался терроръ уже въ совершенно законной формѣ. Съ этого времени десять членовъ комитета общественнаго спасенія или, вѣрнѣе, трое изъ нихъ, Робеспьеръ, Сенъ-Жюстъ и Кутонъ, которымъ остальные подчинялись, безгранично распоряжались жизнію, свободой и имуществомъ своихъ согражданъ. По ихъ приказанію каждый французъ долженъ былъ идти въ солдаты и подъ страхомъ смерти отдавать по назначенной цѣнѣ все, что у него требовали. Коммисары конвента, комитета общественнаго спасенія и подчиненнаго ему комитета общественной безопасности, разосланные всюду, стояли выше всѣхъ властей, пользовались неограниченной властью, преслѣдовали знатныхъ и богатыхъ и возвышали нисшихъ и бѣдныхъ. Наряду съ этими двумя комитетами стоялъ трибуналъ, рѣшавшій вопросы о жизни и имуществѣ людей безъ всякихъ юридическихъ околичностей, безъ аппеляціи и безъ адвокатовъ. Все старое и всѣ его приверженцы были обречены на погибель. Противъ кого не было уликъ въ антипатріотическихъ дѣйствіяхъ, того казнили, какъ подозрительнаго, и, слѣдовательно, ни одинъ врагъ правительства не могъ избѣжать казни.

Этимъ, конечно, новое правительство достигло своей цѣли уничтожить все старое, но достигло такъ, что впослѣдствіи, когда было уничтожено новое, Францію поразили тѣ же бѣдствія, которыми теперь страдаютъ Германія и Англія. Истинная религія была уничтожена, а суевѣрія и фанатизма мечъ разрушителей не коснулся, и потому они потомъ снова поднялись. Уважаемая галликанская церковь упала, и вмѣсто ея встала папистская и іезуитская. Памятники прошлаго были разрушены, но только для того, чтобы въ наше время опять явиться на сцену смѣшнымъ, несообразнымъ съ нашими нравами и взглядами рококо. Академіи, которымъ Европа была обязана великими услугами, были уничтожены, но потомъ возникли изъ праха уже въ видѣ пустыхъ отличій. Королевскія гробницы были поруганы и разбиты; зато впослѣдствіи Тьеръ съ Лудовикомъ Филиппомъ, питомцемъ Дюмурье, могли разыгрывать комедію съ прахомъ Наполеона, при чемъ отличались въ золотѣ тѣ самые люди, которые нѣкогда танцовали санкюлотами вокругъ древа свободы.

Уничтожая старое, диктаторски вводили новые нравы, учрежденія и формы жизни. Демократическій комитетъ общественнаго спасенія былъ убѣжденъ, что приказами можно создать религію, нравы, понятія и отношенія. Впрочемъ надо отдать справедливость, что нѣкоторыя нововведенія были разумны. Такъ напримѣръ, новая мѣра и вѣсъ до такой степени соотвѣтствовали научнымъ и практическимъ потребностямъ, что ни бурбонская, ни наполеоновская реакціи не могли вывести ихъ изъ употребленія. Также былъ преобразованъ счетъ времени: годъ былъ раздѣленъ на двѣнадцать равныхъ мѣсяцевъ съ пятью дополнительными днями, а мѣсяцы, состоявшіе изъ тридцати дней, раздѣлены на три декады каждый; прежнія названія дней были замѣнены астрономическими и естественнонаучными. Годъ начинался съ перваго дня республики (22 сентября 1792). Были измѣнены названія даже улицъ, городовъ и деревень; запрещено праздновать воскресенія и праздники, и назначены другіе дни для отдыха и веселія и т. д. Чтобы легче уничтожить старое и ввести новое, республиканцы пользовались фанатическимъ настроеніемъ низшихъ классовъ и даже платили изъ государственной кассы своимъ орудіямъ изъ народа. 15 ноября 1793 конвентъ ассигновалъ сумму на народныя общества, необходимыя для распространенія хорошихъ принциповъ, а декретомъ 5 сентября всякому бѣдному гражданину или, какъ тогда выражались, каждому санкюлоту было положено по сорока су въ день за участіе въ секціонныхъ собраніяхъ.

Мы не станемъ разбирать множества законовъ, изданныхъ въ этомъ смыслѣ, потому что всѣ они были направлены къ одной и той же цѣли. Мы только упомянемъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ нелѣпыхъ сценъ и процессій, устраиваемыхъ разными Шометами, Геберами, Моморо, тщеславнымъ дуракомъ Клоотсомъ и другими черезъ-чуръ рьяными сторонниками Дантона; мы упомянемъ о нихъ, потому что впослѣдствіи тріумвиры воспользовались ими, чтобы уничтожить Дантона и его партію. Чтобы освободить народъ отъ страха чего бы то ни было высшаго, эти люди предавали посмѣянію не только церковь и духовенство, но и самую религію. Они оскверняли церковныя святыни и разыгрывали въ церквахъ и по улицамъ театральныя сцены, въ которыхъ насмѣхались надъ религіей и обрядами. Даже залу конвента они обратили въ арену своего богохульства. Ноября 7 по случаю одной процессіи они устроили тамъ скандальную сцену, въ которой парижскій епископъ Гобе изъ страха согласился принять главную роль. Онъ торжественно отрекся отъ своего духовнаго званія, и примѣру его послѣдовали всѣ остальные священники, засѣдавшіе въ конвентѣ, въ томъ числѣ и протестантскій пасторъ Жюльенъ. Только мужественный Грегуаръ не побоялся смерти. Онъ громко объявилъ, что остается католикомъ и священникомъ и именно тутъ публично явился въ своемъ священническомъ облаченіи. Зато аббатъ Сійэсъ, вѣчно молчавшій, вдругъ возговорилъ, что несказанно радъ побѣдѣ разума надъ суевѣріемъ и фанатизмомъ.

Вслѣдъ затѣмъ конвентъ издалъ нелѣпый декретъ, которымъ вмѣсто христіанской религіи, принадлежащей всему человѣчеству, а не однимъ французамъ, учреждалъ новую религію, какъ учредилъ французскую республику вмѣсто французской монархіи. Декретъ этотъ гласилъ: «Католическая религія отмѣняется, и учреждается религія разума.» Новой богинѣ назначили храмомъ церковь Париж-

ской Божьей Матери, и водвореніе ея торжественно ознаменовали такъ называемымъ празднествомъ Разума (10 ноября). Другія церкви были также отданы разнымъ другимъ аллегорическимъ божествамъ, какъ Свобода, Юность, Супружеская вѣрность и т. д. На публичныхъ торжествахъ, совершаемыхъ въ честь новыхъ божествъ, фигурировали развратныя женщины. Жена Моморо изображала богиню Разума. Конвенту ежедневно присылали объявленія объ отреченіи отъ религіи, обыкновенно писанныя ругательнымъ тономъ. Геберъ требовалъ даже разрушенія всѣхъ церковныхъ колоколенъ, почему-то будто бы несогласныхъ съ принципомъ свободы.

Неудовольствіе, вызванное цинизмомъ и богохульствомъ приверженцевъ Дантона, дало хитрому Робеспьеру желанный поводъ освободиться отъ этихъ людей и отъ ихъ главы, истиннаго основателя республики. Какъ разъ въ то время, когда онъ задумалъ погубить Дантона и его сторонниковъ, многіе изъ нихъ были пойманы въ мошенничествахъ. Робеспьеру это было очень кстати. Одинъ изъ самыхъ ярыхъ богоотступниковъ, Геберъ, взялъ съ военнаго министра 120,000 франковъ за экземпляры своей газеты (Père Duchesne) будто бы для раздачи солдатамъ, чтобы поддержать въ нихъ санкюлотизмъ. Другіе дантонисты, между ними пасторъ Жюльенъ, бывшій капуцинъ Шабо, адвокатъ Базиръ, театральный сочинитель Фабръ Эглантинъ, занимались лихвенными биржевыми спекуляціями и носился слухъ, будто самъ Дантонъ дѣлитъ съ ними выгоды. Вскорѣ нѣкоторые изъ названныхъ дантонистовъ взяли полмилліона ливровъ съ директоровъ остъ-индской компаніи и за это поддѣлали въ ихъ пользу важные документы. Подлогъ былъ доказанъ, и Робеспьеръ воспользовался имъ для своихъ цѣлей. Адвокатъ Амаръ, одно изъ его орудій, въ конвентѣ, предложилъ 18 ноября подвергнуть этихъ отъявленныхъ мошенниковъ наказанію; за нихъ, конечно, никто не могъ заступиться, и они были арестованы, за исключеніемъ Жюльена, который спасся бѣгствомъ. Но партія дантонистовъ была еще сильна и многочисленна, и Робеспьеру пришлось искать противъ нея иныхъ средствъ. Онъ воспользовался неудовольствіемъ, возбужденнымъ атеизмомъ многихъ дантонистовъ, выставлявшихъ свое невѣріе на показъ, чтобы привлечь на свою сторону лучшую часть депутатовъ конвента и народа и истребить корень противной партіи. Ноября 20 Клоотсъ и его единомышленники устроили процессію въ конвентъ, причемъ канониры были одѣты въ священническія ризы, церковную утварь везли на ослахъ и несли на носилкахъ, подвергая насмѣшкамъ и поруганію, и пѣли сальныя пѣсни. Эта крайность неприличія, возмутившая и Дантона, побудила Робеспьера на другой же день объявить себя въ якобинскомъ клубѣ противъ атеизма, который онъ назвалъ аристократическимъ дѣломъ. Такимъ образомъ всѣ честные люди, не потерявшіе нравственности и понятія приличія, увидѣли въ Робеспьерѣ единственную опору противъ безобразной распущенности фанатиковъ и плутовъ, называвшихъ себя дантонистами. Всѣ приверженцы порядка примкнули къ нему, считая богохульство, распутство и мошенничество этихъ безобразниковъ вопіющихъ зломъ, которое необходимо пресѣчь. Всѣ депутаты, до сихъ поръ изъ страха молчавшіе, увидѣли, что могутъ наконецъ заговорить, и конвентъ принялъ мѣры противъ осмѣянія религіи и ея обрядовъ. Въ концѣ ноября подобные маскарады были запрещены, и объявлено, что религіозная свобода должна быть неприкосновенна.

Съ этой минуты надъ головами кордельеровъ висѣлъ мечъ, и разладъ между ними и приверженцами Робеспьера обратился въ открытую борьбу. Въ декабрѣ якобинцы исключили изъ своего клуба всѣхъ кордельеровъ. Съ другой стороны Камилъ Демуленъ объявилъ въ началѣ 1794 формально войну тріумвирамъ и ихъ террорической системѣ. Въ своей газетѣ (Le vieux cordelier) онъ рѣзко возсталъ противъ деспотизма и жестокости ихъ. Дантонъ, будучи гораздо сильнѣе Робеспьера, легко могъ бы обрушить грозу на голову противниковъ. Но онъ не сдѣлалъ этого частью потому, что облѣнился и сталъ безпеченъ, особенно когда женился на молоденькой красавицѣ, частью же потому, что изъ патріотизма не хотѣлъ начинать истребительной борьбы патріотовъ другъ противъ друга. Такимъ образомъ этотъ гигантъ при всемъ своемъ страшномъ могуществѣ палъ отъ змѣинаго пронырства Робеспьера. Дантонъ и Демуленъ были люди честные и возвышенные, и Дантонъ заслуживаетъ названія героя. Своей безграничной смѣ-

лостью они освободили Францію и потому считали, что все уже сдѣлано, что надо прекратить терроръ и казни и наслаждаться пріобрѣтенными благами. Этому соотвѣтствовало и личное настроеніе ихъ, особенно Дантона. Онъ какъ бы утомился своею титанической дѣятельностью и желалъ спокойствія. Поэтому онъ предоставилъ трезвому и неутомимому Робеспьеру хозяйничать въ комитетѣ общественнаго спасенія и въ рѣшительную минуту удалился въ свой родной городъ Арси-сюръ-Объ, гдѣ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ съ молодой женой, забывъ всѣ парижскія интриги. Возвратясь въ столицу, онъ все еще не хотѣлъ начинать борьбу съ Робеспьеромъ, имѣя о немъ очень невысокое мнѣніе и считая себя выше всякой опасности. Наконецъ онъ спохватился, но было уже поздно.

Робеспьеръ дѣйствовалъ противъ Дантона, не торопясь, потому что очень хорошо зналъ, насколько противникъ превосходитъ его талантомъ и могуществомъ. Онъ уничтожалъ одного за другимъ его сторонниковъ и напалъ на него, только когда совершенно увѣрился въ успѣхѣ предпріятія. Тутъ онъ имѣлъ то преимущество, что народъ любилъ его, а Дантона и друзей его ненавидѣлъ. Робеспьеръ всегда заискивалъ расположенія массы, а Дантонъ презиралъ людскія мнѣнія. Кромѣ того Дантонъ допустилъ негодяевъ и глупцовъ скомпрометировать его имя, прикрывая имъ свой развратъ, подлости и эгоистическій матеріализмъ. Напротивъ того, Робеспьеръ былъ человѣкъ нравственный, неподкупный, ненавидѣлъ развратъ и роскошь, велъ себя въ повседневной жизни въ высшей степени скромно, такъ что народъ боготворилъ его, какъ семейство столяра Леба, у котораго онъ нанималъ квартиру.

Онъ прибѣгнулъ противъ Дантона и его партіи къ средствамъ, уже неоднократно пускавшимся въ ходъ въ революцію. Въ Парижѣ распустили слухъ о мнимомъ заговорѣ и издали законъ, по которому можно было хватать кого угодно. Мнимый заговоръ состоялъ въ томъ, что будто кордельеры взяли отъ иностранныхъ державъ деньги и образовали такъ называемую иностранную партію для уничтоженія конвента и низверженія республики. Марта 13 1794 Сенъ-Жюстъ прочиталъ конвенту докладъ объ этомъ заговорѣ и предложилъ отъ имени соединенныхъ комитетовъ спасенія и безопасности законъ, значительно расширявшій понятіе подозрительнаго человѣка. Кромѣ роялистовъ, аристократовъ и іерархистовъ этотъ законъ указывалъ еще три разряда политическихъ преступниковъ — развратниковъ, т. е. мошенническихъ спекулянтовъ, ультра-революціонеровъ и умѣренныхъ. Сенъ-Жюстъ подробно охарактезировалъ только двѣ первыя категоріи. Объ умѣренныхъ онъ упомянулъ лишь вскользь, имѣя въ виду причислить всѣхъ своихъ враговъ къ двумъ первымъ.

Едва былъ изданъ законъ, предложенный Сенъ-Жюстомъ, какъ его тотчасъ примѣнили къ девятнадцати лицамъ, за которыхъ никто не могъ вступиться, потому что то были отъявленные негодяи. Тутъ были сентябрьскіе убійцы, какъ напримѣръ, генералъ революціонной арміи Ронсенъ, плуты спекулянты и продажные агенты, въ томъ числѣ люди, нѣкогда шпіонившіе за Дюмурье, и безсмысленные богохульники, какъ Моморо, Клоотсъ и Геберъ. Нѣкоторыхъ такъ называемыхъ развратныхъ, т. е. отъявленныхъ мошенниковъ, какъ Шабо, Базира и Фабра д'Эглантина, намѣренно оставили пока въ покоѣ, чтобы казнить потомъ заодно съ Дантономъ и тѣмъ нанести ему при казни позоръ. Меръ Пашъ, принадлежавшій къ той же категоріи, ускользнулъ отъ расправы какъ тутъ, такъ и потомъ, и впослѣдствіи сдѣлался важной особой. Марта 24 девятнадцать обвиненныхъ были казнены. Казнь Ронсена лишила правительство средствъ удержать потомъ за собою власть, потому что вслѣдствіе его смерти революціонная армія была 27 марта распущена, и не было больше человѣка, который могъ бы стать въ главѣ вооруженнаго народа въ случаѣ возстанія.

Тогда всѣ уже ясно видѣли, что вскорѣ бѣда постигнетъ и тѣхъ людей, которые своимъ умомъ и энергіей основали республику полтора года тому назадъ. Однако Дантонъ могъ бы еще спастись или по крайней мѣрѣ дорого продать свою жизнь. Но онъ былъ такъ великодушенъ, благороденъ и преданъ отечеству, что отвергнулъ предложеніе Вестермана, который хотѣлъ собрать своихъ солдатъ и народъ предмѣстій и напасть на правительство. Робеспьеръ такъ боялся талантовъ и силы характера Дантона и его партіи, что считалъ нужнымъ для арестованія ихъ получить согласіе не только обоихъ правительственныхъ комитетовъ,

но и многочисленнаго законодательнаго комитета. Получивъ это согласіе, тріумвиры рѣшились въ ночь съ 30 на 31 марта арестовать Дантона и его друзей, Демулена, Лакруа и Филиппо, который обличалъ злодѣйства, совершавшіяся въ Вандеѣ, и требовалъ ихъ наказанія. На слѣдующее утро тріумвиры предложили конвенту обвинить арестованныхъ съ нѣкоторыми другими людьми, какъ сообщниковъ герцога Орлеанскаго, Дюмурье и Фабра д'Эглантина. Конвентъ согласился, какъ соглашался всегда на всѣ требованія, хотя большинство членовъ его было расположено къ обвиненнымъ. Въ процессъ Дантона и Демулена запутали еще одиннадцать человѣкъ, въ томъ числѣ не только честныхъ и порядочныхъ, какъ Вестерманъ и Эро де Сешель, но коварно припутали и извѣстныхъ мошенниковъ, какъ Фабръ д'Эглантинъ, Базиръ и Шабо. Перваго апрѣля начался процессъ въ революціонномъ трибуналѣ и продолжался до 4 числа. Дантонъ и Дюмуленъ смутили судей своей непоколебимой твердостью; въ продолженіе всего допроса въ залѣ суда происходилъ страшный шумъ и смятеніе. Когда, наконецъ, Дантонъ и Демуленъ потребовали на лицо своихъ обвинителей и шестнадцати депутатовъ въ свидѣтели, т. е. когда они изъ обвиненныхъ захотѣли сдѣлаться обвинителями, то даже такіе люди, какъ президентъ Германъ и государственный обвинитель Фукье Тенвиль, оробѣли и, струсивъ, прибѣгли къ неслыханному средству. Въ половинѣ послѣдняго засѣданія трибунала они обратились къ комитету спасенія и потребовали, чтобы для этого чрезвычайнаго случая былъ изданъ исключительный законъ. Сенъ-Жюстъ поспѣшилъ въ конвентъ и предложилъ этотъ законъ. Чтобы имѣть основаніе требовать его, тріумвиры прибѣгли къ услугамъ шпіона, котораго заперли въ тюрьму вмѣстѣ съ обвиненными и который донесъ, что слышалъ, какъ одинъ изъ нихъ сказалъ, будто ихъ могло бы освободить возстаніе. Эти слова были сочтены за доказательство существованія тюремнаго заговора, и, основываясь на этомъ, конвентъ издалъ декретъ, которымъ давалъ революціонному трибуналу право осудить обвиненныхъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій и поступать такъ впредь съ каждымъ, кто окажетъ неуваженіе конвенту или произведетъ смуту и безпокойство. Въ силу этого декрета обвиненные были тотчасъ уведены и на слѣдующій день (4 апрѣля) приговорены къ смерти. Апрѣля 5 ихъ взвели на эшафотъ. Они сохранили мужество до послѣдней минуты. Черезъ недѣлю были казнены еще восемнадцать человѣкъ, принадлежавшіе къ врагамъ тріумвировъ, между ними епископъ Гобе и низкій плутъ Шометъ. Послѣдняго нарочно не казнили раньше, чтобы его обществомъ опозорить павшихъ героевъ.

Тріумвиры, казалось, побѣдили; но имъ предстояла безнадежная борьба съ страшными врагами. Они убили Дантона и друзей его, какъ Эро-де-Сешель и и Демуленъ; но остались безчисленные негодяи, называвшіе себя дантонистами и бывшіе заклятыми врагами Робеспьера и Сенъ-Жюста, которые не давали имъ мошенничать и развратничать въ волю. Съ ними соединились роялисты и другіе враги республики и нравственности. Вслѣдствіе этого Робеспьеру пришлось довести свою жестокость до крайности. Противъ него было даже большинство сочленовъ его въ комитетѣ общественнаго спасенія. Уже къ 1 маю число арестованныхъ въ Парижѣ простиралось до восьми тысячъ; потомъ оно возрастало ежедневно, хотя въ началѣ ежедневно казнили по дюжинѣ, по двѣ, потомъ по три и наконецъ даже по четыре дюжины человѣкъ. Но злодѣевъ было такъ много и они были такъ дерзки, что каждая казнь вызывала необходимость еще десяти, и тріумвирамъ, только чтобы держаться, приходилось обратить Францію въ пустыню. Оказывалось, что Дантонъ былъ правъ, предсказавъ передъ смертью скорую гибель своимъ убійцамъ. Іюня 10 (22 преріаля) конвентъ по предложенію Кутона постановилъ не допускать въ революціонный трибуналъ свидѣтелей, ибо, какъ выразился конвентъ, совѣсть судей и присяжныхъ, одушевленныхъ патріотизмомъ и любовью къ справедливости, служитъ достаточной порукой за справедливость рѣшеній. Въ силу того же декрета революціонный трибуналъ былъ раздѣленъ на четыре сената, въ каждомъ по три судьи и по девяти присяжныхъ на жалованьи; всѣ эти сенаты засѣдали рядомъ и одновременно.

Весной 1794 въ число жертвъ, принесенныхъ господствовавшей системѣ ужаса, попалась сестра Лудовика XVI, Елисавета (10 мая). Въ это же время Робеспьеру вздумалось явиться пророкомъ республиканскаго бога. Онъ всегда

былъ мистикъ, вѣрилъ разнымъ прорицателямъ и юродивымъ, а теперь, чувствуя, что власть его колеблется, что надъ головой его постоянно виситъ гибель, сдѣлался еще суевѣрнѣе, такъ что не могъ обойтись безъ какой-нибудь религіи. Казнивъ за невѣріе и кощунство Клоотса, Моморо и другихъ ультра-революціонеровъ, онъ задумалъ сдѣлаться основателемъ новой вѣры. Мая 7 онъ произнесъ въ конвентѣ высокопарную рѣчь о религіи и нравственности и о связи ихъ съ республиканскими принципами, и принудилъ собраніе издать декретъ о признаніи высшаго существа и безсмертія души. Въ то же время онъ приказалъ учредить четыре большихъ національныхъ праздника въ воспоминаніе 14 іюля 1789, 10 августа 1792, 21 января и 31 мая 1793; кромѣ того декады, т. е. воскресенья республиканскаго календаря, были также объявлены праздничными днями и посвящены высшему существу, человѣчеству, французскому народу, благодѣтелямъ человѣчества, свободѣ, юношеству, земледѣлію и т. д. Создавъ такимъ образомъ республиканскую религію и новые обряды для нея, Робеспьеръ устроилъ 8 іюня (20 преріаля) такъ называемое празднество Высшаго Существа, театральную сцену, украшенную процессіями, торжественными рѣчами, гимнами и символическими дѣйствіями, при чемъ самъ диктаторъ игралъ роль первосвященника новой религіи. Все это возбудило съ одной стороны насмѣшки его товарищей, а съ другой — неудовольствіе невѣрующихъ и католиковъ. Вообще въ это время Робеспьеръ совершенно занесся въ чуждую ему область теорій. Этотъ холодный человѣкъ, способный только къ голой практикѣ, вздумалъ фантазировать по примѣру своего друга, идеалиста Сенъ-Жюста; но пока онъ смотрѣлъ на звѣзды, изъ-подъ ногъ его ускользала почва, и наконецъ люди практики, негодяи и плуты, какъ Коло д'Эрбуа и Бильо Варенъ, низвергли его.

Противники тріумвировъ въ комитетѣ общественнаго спасенія пріобрѣтали, низвергнувъ ихъ, то преимущество, что могли потомъ свалить на нихъ всѣ казни, а сами умыть руки, будто ни къ чему непричастные. Они тѣмъ легче могли впослѣдствіи притвориться невинными, что каждый членъ комитета общественнаго спасенія имѣлъ свою спеціальную часть. Уже въ іюнѣ тріумвиры могли ясно видѣть намѣренія своихъ противниковъ; тогда уже видно было, что какъ въ конвентѣ, такъ и въ обоихъ правительственныхъ комитетахъ большинство не повинуется имъ слѣпо. Робеспьеръ счелъ даже за лучшее не присутствовать больше въ засѣданіяхъ комитета общественнаго спасенія. Тріумвиры хотѣли прибѣгнуть къ своему обыкновенному средству, чтобы спастись отъ угрожавшей имъ опасности. Они изобрѣли мнимый заговоръ, чтобы уничтожить враговъ своихъ, какъ участниковъ его. Главной опорой ихъ былъ безусловно преданный имъ клубъ якобинцевъ, въ то время еще всесильный въ Парижѣ, такъ какъ членами его были не только судьи и государственные обвинители революціоннаго трибунала, но и меръ Флеріо и члены думы. Кромѣ того тріумвиры могли опереться на страшную милицію Парижа, существовавшую подъ названіемъ національной гвардіи, потому что ею командовалъ Анріо, на жизнь и смерть преданный якобинцамъ.

Когда Коло д'Эрбуа и Бильо Варенъ, вожди союза, составившагося противъ тріумвировъ, увидѣли изъ дѣйствій клуба якобинцевъ, что имъ угрожаетъ опасность, они рѣшились предупредить свою погибель низверженіемъ тріумвировъ. Карно, долго молчавшій, погруженный въ свои занятія, также возсталъ наконецъ противъ замысловъ тріумвировъ. Бареръ еще выжидалъ узнать, откуда подуетъ вѣтеръ, чтобы, смотря по этому, направить свои паруса. Остальные члены комитета общественнаго спасенія, Ленде, Пріеръ и Жанъ-Бонъ-Сентъ-Андре, давно привыкли идти по одной дорогѣ съ Карно. Къ этимъ противникамъ тріумвировъ примкнули Фуше, Тальанъ, Фреронъ, Лежандръ, Тюріо, Бурдонъ и другіе депутаты конвента. Бурдонъ, Лежандръ и Тюріо, друзья Дантона, руководились желаніемъ отмстить за смерть своего вождя, а Фуше, Фреронъ и Тальанъ воспользовались случаемъ, чтобы загладить свои жестокости въ Ліонѣ, Марсели и Бордо. Тальанъ и Фреронъ превратились тогда изъ санкюлотовъ въ изящныхъ франтовъ, особенно Тальанъ, женатый на богатой и свѣтской дамѣ, госпожѣ де-Фонтене, урожденной Кабарюсъ, которую онъ спасъ изъ тюрьмы и взялъ на время въ жены. Онъ игралъ роль усерднаго новообращеннаго приверженца аристократизма.

Тріумвиры пытались возобновить противъ своихъ враговъ сцены 31 мая и 2 іюня 1793 (стр. 387), но встрѣтили въ нихъ не такое сопротивленіе, какое оказали имъ въ эти дни жирондисты, потому что нынѣшніе враги ихъ сидѣли въ революціонной почвѣ крѣпко и имѣли значительную партію. Тріумвиры начали свое нападеніе тѣмъ, что исключили Фуше и другихъ противниковъ своихъ изъ клуба якобинцевъ и тѣмъ указали, кого хотятъ уничтожить. Потомъ 8 термидора (26 іюля) Робеспьеръ сказалъ въ конвентѣ рѣчь съ цѣлью подготовить собраніе къ выслушанію на другой день доклада Сенъ-Жюста о заговорѣ. Рѣчь была встрѣчена одними ропотомъ, другими молчаніемъ, а Фреронъ заговорилъ противъ Робеспьера такъ дерзко, что диктаторъ долженъ былъ убѣдиться, что крысы начинаютъ покидать гибнущій корабль правительства. Тогда и Барерь расхрабрился; вечеромъ того же дня онъ громко и смѣло высказался противъ тріумвировъ. Обѣ партіи приготовились въ тотъ же вечеръ и на слѣдующее утро къ предстоящей борьбѣ. Въ засѣданіяхъ обоихъ комитетовъ Сенъ-Жюстъ работалъ одинъ, помимо прочихъ членовъ, надъ составленіемъ обвинительнаго акта, облеченнаго въ форму доклада отъ имени комитетовъ, хотя онъ не сообщилъ его товарищамъ, не смотря на ихъ требованіе. Послѣдніе узнали о замыслахъ тріумвировъ съ другой стороны и стали также готовить докладъ. Но ихъ докладъ поспѣлъ только къ полудню слѣдующаго дня, когда Сенъ-Жюстъ уже началъ читать свой конвенту. Въ докладѣ комитетовъ предлагалось обвинить Робеспьера со всѣми его товарищами, издать прокламацію къ народу и преобразовать парижскую національную гвардію.

Утромъ 9 термидора (27 іюля) конвентъ подъ предсѣдательствомъ сначала Коло д'Эрбуа, а потомъ стариннаго врага Робеспьера, Тюріо, занялся сначала второстепенными дѣлами. Потомъ Сенъ-Жюстъ началъ читать свой докладъ. Но тутъ вошли члены комитетовъ со своимъ докладомъ, и едва они показались, какъ Сенъ-Жюсту помѣшали продолжать чтеніе. Тщетно старался онъ возвысить голосъ; тщетно Робеспьеръ употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы помочь ему; тщетно присланы были въ залу якобинцы, чтобы улучить минуту, когда надо будетъ призвать Анріо съ милиціей. Всѣ кулаки, нѣкогда съ успѣхомъ дѣйствовавшіе по мановенію Дантона, сжались и поднялись на правителей; страшный шумъ не позволилъ Робеспьеру и Сенъ-Жюсту говорить; якобинцы, сторожившіе въ залѣ, были вытолканы, и говорить было поручено Тальяну. Тутъ шумъ сдѣлался еще сильнѣе. Все собраніе стѣснилось около каѳедры, и когда Робеспьеръ еще разъ попытался заговорить, со всѣхъ сторонъ раздались крики: «Не тебѣ говорить! Долой тирана!» Ни ему, ни Сенъ-Жюсту не дали говорить, и когда Тальянъ во время смятенія заговорилъ противъ правителей, всѣ трусы воспылали храбростью. Такимъ образомъ къ великой радости умѣренныхъ, мерзавцы и мошенники одержали побѣду. Когда голоса тріумвировъ были заглушены, на трибуну вошелъ Барерь, чтобы прочесть докладъ комитетовъ. По предложенію его рѣшено было преобразовать національную гвардію, издать къ народу прокламацію и арестовать Робеспьера, Сенъ-Жюста и Кутона. Ихъ тотчасъ арестовали. Вслѣдъ затѣмъ былъ арестованъ по приказанію правительственныхъ комитетовъ и начальникъ національной гвардіи Анріо, уже призывавшій народъ къ оружію.

Одержавъ побѣду, конвентъ разошелся. Когда въ семь часовъ вечера онъ собрался опять, дѣло приняло уже другой оборотъ. Якобинцы созвали секціи; преданная имъ дума также не дремала; Коффеналь освободилъ изъ подъ-ареста Анріо, который съ многочисленной артиллеріей двинулся на Тюйльри, гдѣ конвентъ только что открылъ свое засѣданіе. Вскорѣ и другіе арестованные были освобождены. Ихъ повели въ ратушу, гдѣ къ нимъ собрались приверженцы. Къ счастью для конвента, Робеспьеръ былъ неспособенъ быстро дѣйствовать въ такихъ критическихъ случаяхъ, гдѣ нужна была львиная сила Дантона. Диктаторъ терялъ время въ обсужденіяхъ, а между тѣмъ канониры, узнавъ, что Анріо осужденъ конвентомъ, отказались повиноваться ему. Конвентъ воспользовался нерѣшительностью своихъ враговъ и поспѣшно сдѣлалъ оборонительныя распоряженія. Онъ объявилъ Робеспьера и друзей его внѣ закона, разослалъ по враждебнымъ якобинцамъ кварталамъ коммисаровъ призывать ихъ къ оружію и назначилъ депутата Барра главнокомандующимъ всей вооруженной силы. Послѣдній, дѣйствовавшій прежде въ званіи коммисара конвента въ Марсели и Тулонѣ,

доказалъ свою жестокость и энергію (стр. 389); онъ хотя не обладалъ военными способностями, но умѣлъ выбирать хорошихъ подчиненныхъ. Около трехъ часовъ утра 10 термидора собранныя коммисарами конвента шайки со всѣхъ сторонъ двинулись на ратушу, передъ которой толпился народъ и ждалъ приказанія своихъ предводителей. Толпа была разсѣяна. Войска конвента ворвались въ ратушу и въ половинѣ четвертаго арестовали осужденныхъ. Жандармъ Мерда, подойдя къ Робеспьеру, пистолетнымъ выстрѣломъ раздробилъ ему челюсть *). Сенъ-Жюстъ не противился насилію, Леба застрѣлился. Робеспьеръ младшій бросился изъ окна, но не нашелъ желанной смерти. Хромой Кутонъ былъ взятъ подъ столомъ, куда легъ, какъ бы убитый. Анріо забился въ помойную яму, откуда былъ вытащенъ багромъ, весь испачканный.

Арестованные, въ числѣ двадцати двухъ человѣкъ, были въ тотъ же день казнены. Правительственные комитеты объявили, что опальныхъ нечего судить, а просто только доказать ихъ тожество. Фукье Тенвиль тщетно пытался отсрочить казнь; конвентъ дѣйствовалъ такъ же, какъ при казни Дантона: онъ приказалъ трибуналу немедленно распорядиться казнью. Приказъ былъ исполненъ, и незадолго до окончанія засѣданія конвентъ получилъ извѣстіе, что головы арестованныхъ пали. Въ числѣ казненныхъ 10 термидора были двое Робеспьеры, Сенъ-Жюстъ, Кутонъ, Анріо, президентъ революціоннаго трибунала Дюма и меръ Флёріо. Въ слѣдующіе два дня было казнено еще семьдесятъ два якобинца, приверженцы Робеспьера, въ томъ числѣ, большая часть членовъ парижской думы.

Успѣхъ 9 термидора, какъ говоритъ одинъ изъ самыхъ правдивыхъ авторовъ множества мемуаровъ того времени, депутатъ конвента Т и б о д о, былъ дѣломъ случая, какъ большая часть великихъ событій. «Когда предпріятія, прибавляетъ Тибодо, не удаются, люди обвиняютъ судьбу, а когда удаются, приписываютъ ихъ своему умѣнью. Такъ и послѣ паденія тріумвировъ каждый приписывалъ себѣ болѣе или менѣе важное участіе въ этомъ дѣлѣ.» Тибодо, принадлежавшій къ немногимъ спокойнымъ и разумнымъ друзьямъ свободы того времени, также вѣрно и метко судитъ о значеніи возстанія противъ Робеспьера. Онъ говоритъ, что цѣлью возстанія было не уничтоженіе тираніи, а только перемѣна тирановъ. Дѣйствительно, низверженіе тріумвировъ не имѣло ничего общаго съ перемѣной правительственной системы. Такая перемѣна повела бы за собою судебное слѣдствіе надъ зачинщиками и учредителями террора, т. е. надъ побѣдителями тріумвировъ или, какъ ихъ называли, т е р м и д о р і а н ц а м и. Терроръ даже усилился послѣ 9 термидора. Термидоріанцы, какъ Фуше, Барра, Фреронъ, Лежандръ и Тальанъ, были охвостье дантонистовъ, люди безъ совѣсти и принциповъ, не мечтатели, какъ Сенъ-Жюстъ, а холодные, разсчетливые преступники. Конечно, такіе люди не могли долго удержать власть въ своихъ рукахъ, потому что возстановили противъ себя народъ и ни въ комъ не имѣли опоры.

8. Первая коаляціонная война въ 1793 и 1794 годахъ.

Война которую союзная Европа вела противъ Франціи, уже черезъ полгода приняла несчастный для союзниковъ исходъ. Это, какъ и слѣдующія побѣды французовъ, объяснятся очень просто тѣмъ, что для нихъ война была дѣломъ національнымъ, а для враговъ ихъ дѣломъ политики. Кромѣ того у союзниковъ всѣ генералы и государи были постоянно въ несогласіи между собою, тогда какъ у французовъ Карно съ неограниченною властью одинъ управлялъ всѣми военными дѣлами. Этотъ опытный и геніальный воинъ противопоставилъ старому методу непріятельскихъ полководцевъ новоизобрѣтенную систему военнаго искуства. Господствовавшій терроръ давалъ ему возможность не стѣсняться въ своихъ мѣрахъ ничѣмъ. Все необходимое для войны, люди, деньги, порохъ, пушки

*) У Шлоссера здѣсь повторяется старая ложь о самоубійствѣ Робеспьера. Эта выдумка такъ рѣшительно опровергнута теперь, что я позволилъ себѣ для возстановленія правды измѣнить разсказъ автора. *Ред.*

и припасы, брались тогда во Франціи всюду, гдѣ находились, и смерть угрожала каждому, кто вздумалъ бы воспротивиться этимъ наборамъ и поборамъ. Противъ энергіи такого правительства и противъ храбрости народной арміи устарѣвшіе систематическіе полководцы союзниковъ были, конечно, не въ силахъ устоять.

Герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій, выходя въ 1794 въ отставку, публично заявилъ, что союзники съ тѣми ограниченными средствами, которыя доставляютъ имъ ихъ государственныя учрежденія, не въ состояніи противиться колосальному демократическому единству французовъ. Но и самъ онъ принадлежалъ къ числу генераловъ, нерѣшавшихся отказаться отъ стараго методическаго веденія войны, хотя имѣлъ дѣло съ фанатическимъ народомъ и съ его новой военной системой. Таковъ же былъ и преемникъ его въ главнокомандованіи, Мёллендорфъ, и австрійскій главнокомандующій принцъ Кобургскій, и герцогъ Йоркскій, сынъ Георга III, командовавшій англійскими войсками. Клерфе и эрцгерцогъ Карлъ составляли, правда, исключеніе, но не пользовались вліяніемъ въ кабинетѣ, и предпріятіямъ ихъ мѣшали политическія интриги, непрекращавшіяся во время войны ни на минуту, и недостатокъ продовольствія и припасовъ. Союзники такъ мало заботились о военныхъ потребностяхъ, что когда въ 1793 пруссаки осадили Майнцъ, а австрійцы Валансьенъ и Конде, ни у тѣхъ, ни у другихъ не оказалось даже артиллеріи, и имъ пришлось занимать ее у голландцевъ. Планы походовъ составлялись такъ, что и самый умный генералъ не могъ сдѣлать ничего путнаго. Напримѣръ, когда въ февралѣ 1794 обсуждали планъ кампаніи этого года, на совѣтъ собрали не только всѣхъ полковыхъ командировъ и генераловъ, но и многое множество принцевъ и графовъ. Непріятелю приходилось имѣть дѣло съ бумажными произведеніями подобныхъ собраній, тогда какъ самъ онъ руководился твердой рукой и смѣлыми головами.

Даже между генералами союзниковъ господствовали раздоры. Напримѣръ, въ 1793 соперничество между Фердинандомъ Брауншвейгскимъ и австрійскимъ генераломъ Вурмзеромъ вызвало странное распоряженіе, чтобы всѣ приказы перваго къ послѣднему отдавались не имъ, а самимъ прусскимъ королемъ. Разладъ между правительствами былъ еще сильнѣе, потому что каждое преслѣдовало свою частную цѣль. При первомъ же предпріятіи, послѣдовавшемъ послѣ измѣны Дюмурье, австрійцы доказали, что хотятъ воспользоваться коалиціей, чтобы надѣлать завоеваній въ свою пользу. Взявъ крѣпости Конде и Валансьенъ, они обратили ихъ въ свою собственность, хотя говорили, что будутъ брать французскія владѣнія только какъ залогъ, для возвращенія ихъ законному монарху Франціи. Это возбудило въ прочихъ союзникахъ большое недовѣріе и заставило ихъ послѣдовать этому примѣру. Тогдашній великій пенсіонарій Голландіи, ванъ Спигель, прямо говорилъ, что державамъ слѣдуетъ торопиться забрать каждой отведенный ей участокъ Франціи. Эта пагубная политика была введена въ австрійскій кабинетъ вмѣстѣ съ интригами и плутнями извѣстнымъ барономъ Тугутомъ (стр. 365). У пруссаковъ, король которыхъ былъ поклонникомъ графини Лихтенау (стр. 264), также дѣйствовали Люккезини и Гаугвицъ. Въ началѣ 1791 они пріобрѣли новую опору своей политикѣ, имѣвшей цѣлью расширеніе Пруссіи въ ущербъ Германіи, въ лицѣ министра Гарденберга. Гарденбергъ служилъ прежде у послѣдняго маркграфа Ансбахскаго и Байрейтскаго и уговорилъ его еще при жизни уступить свою область пруссакамъ (1791). Онъ былъ назначенъ правителемъ этого новаго прусскаго владѣнія, пріобрѣлъ въ этомъ званіи большое вліяніе на прусскій дворъ и въ началѣ 1794 прибылъ на Рейнъ не защищать эту германскую рѣку, а мѣшать ея защитѣ. Съ этой минуты прусскій кабинетъ только и думалъ, какъ бы отдѣлаться отъ войны съ Франціей, чтобы обезпечить себѣ добычу, завоеванную въ Польшѣ. Объ участіи въ войнѣ германской имперіи историку не слѣдуетъ упоминать, потому что пришлось бы говорить только о совѣщаніяхъ и о томъ, что должно было случиться, а не о томъ, что дѣйствительно случилось.

Послѣ бѣгства Дюмурье союзники хотѣли отбросить французовъ съ верхняго Рейна и изъ Бельгіи и вторгнуться во Францію. На верхнемъ Рейнѣ австрійцы подъ начальствомъ Вурмзера двинулись въ Эльзасъ. Въ то же время

пруссаки осадили Майнцъ. Французы исправили эту крѣпость, снабдили ее орудіями и гарнизономъ въ двѣ тысячи человѣкъ подъ начальствомъ умныхъ генераловъ. Вслѣдствіе этого только голодомъ можно было принудить ее къ сдачѣ. Майнцъ капитулировалъ 22 іюля послѣ тѣсной осады съ 14 апрѣля. Въ то же время на сѣверѣ сдались Конде и Валансьенъ. Тамъ на мѣсто Дюмурье былъ сначала назначенъ Даньеръ, но былъ вскорѣ убитъ, и послѣ него командовалъ Кюстинъ. Кюстинъ не могъ спасти Конде, осажденнаго съ апрѣля, и потому по сдачѣ крѣпости въ іюлѣ былъ арестованъ, а въ августѣ казненъ. Преемникъ его по начальству былъ Гушаръ. Онъ также не могъ спасти Валансьена, осажденнаго герцогомъ Йоркскимъ. Городъ сдался уже 28 іюля.

По завоеваніи Конде и Валансьена дальнѣйшія предпріятія пошли очень плохо. Герцогъ Йоркскій сталъ лагеремъ передъ Дюнкирхеномъ, чтобы завоевать для Англіи эту укрѣпленную гавань. Но австрійцы и пруссаки раздѣлили свои силы, чтобы по старой методѣ брать одну крѣпость за другой и тратить время на марши и контръ-марши. Между тѣмъ комитетъ общественнаго спасенія создалъ страшную народную военную силу, которая составила десять армій подъ начальствомъ умныхъ генераловъ. Карно, вступивъ 13 августа въ комитетъ спасенія, изобрѣлъ совершенно новую систему веденія войны. По этой системѣ, въ противоположность медленнымъ дѣйствіямъ союзниковъ, предполагалось дѣйствовать быстро, нападать внезапно огромными массами и не дорожить людьми. Для французовъ война имѣла такое великое значеніе, что имъ нечего было задумываться надъ пожертвованіями. Чтобы спасти осажденный Дюнкирхенъ, французы подкрѣпили незамѣтно отъ союзниковъ армію Гушара свѣжими войсками, которыя пріѣхали въ лагерь на почтовыхъ. Тогда Гушаръ аттаковалъ герцога Йоркскаго 8 сентября, разбилъ его на голову при Гандскотѣ и выручилъ Дюнкирхенъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ отбросилъ голландцевъ и англичанъ во Фландрію, но когда австрійцы подоспѣли къ нимъ на помощь, былъ 15 сентября разбитъ и въ ноябрѣ поплатился за это жизнью, подобно Кюстину. Вмѣсто него главнокомандующимъ сѣверной арміи былъ назначенъ Журданъ. Когда австрійцы угрожали Мобежу, Журданъ получилъ приказаніе дать сраженіе, во что бы то ни стало. Такимъ образомъ 15 октября при Ватиньи онъ аттаковалъ Клерфе; но былъ отбитъ. Ночью французская армія получила значительныя подкрѣпленія, и на другой день Карно, находившійся при Журданѣ въ званіи депутата конвента, принялъ начальство надъ одной дивизіей и одержалъ полную побѣду. Многіе спеціалисты говорятъ впрочемъ, что герцогъ Кобургскій напрасно поторопился вслѣдствіе этой битвы снять осаду Мобежа. Мы не будемъ рѣшать этого; во всякомъ случаѣ французы были побѣдителями, когда въ ноябрѣ обѣ стороны отправились на зимнія квартиры.

Такой же исходъ имѣла война и на верхнемъ Рейнѣ, гдѣ французскія войска были сначала стѣснены, но потомъ одержали верхъ вслѣдствіе эгоизма, раздоровъ и медленности союзниковъ. Тамъ пруссаки долго не хотѣли поддерживать генерала Вурмзера, когда онъ намѣревался двинуться въ Эльзасъ. Наконецъ они дали ему помощь, и 14 сентября онъ совершенно разбилъ при Пирмазенсѣ слабый французскій корпусъ, но ничего отъ этого не выигралъ, потому что король Фридрихъ Вильгельмъ вслѣдъ затѣмъ послалъ изъ эльзасской арміи много войскъ въ Польшу, куда отправился вскорѣ и самъ (стр. 399). Октября 13 австрійцамъ и пруссакамъ удалось взять штурмомъ Вейсенбургскія линіи, рядъ окоповъ, возведенныхъ Вобаномъ; этимъ они проложили себѣ путь въ Эльзасъ. Но очевидное намѣреніе прусскаго кабинета не принимать дальнѣйшаго участія въ войнѣ разрушило всѣ предпріятія союзниковъ. Французы послали на верхній Рейнъ свѣжія войска съ двумя молодыми геніальными полководцами, Гошемъ и Пишгрю. Гошъ обратился противъ пруссаковъ, а Пишгрю противъ австрійцевъ. Первый потерпѣлъ 30 ноября при Кайзерслаутернѣ пораженіе; но Фердинандъ Брауншвейгскій не воспользовался своей побѣдой и замедлилъ послать помощь генералу Вурмзеру. Вурмзеръ не могъ привести въ исполненіе своего плана прекратить постоянно усиливавшіяся нападенія Пишгрю, перейдя въ наступленіе; Фердинандъ не поддерживалъ его, потому что находилъ, что старый Вурмзеръ слишкомъ хлопочетъ о завоеваніи Эльзаса. Между тѣмъ французы успѣли собраться съ силами и въ концѣ декабря отняли Вейсен-

бургскія линіи. Тогда союзники должны были уступить имъ всю страну до Вормса.

На югѣ и западѣ самой Франціи республиканцы также одержали побѣды. Въ октябрѣ они усмирили возмутившійся Ліонъ; въ декабрѣ взяли Тулонъ, занятый англичанами; и хотя испанцы въ Пиринеяхъ въ томъ же мѣсяцѣ вторглись во Францію, но Дюгомье вскорѣ выгналъ ихъ и перенесъ войну въ Испанію.

Въ слѣдующемъ 1794 дѣла союзниковъ пошли еще хуже. Пруссаки отозвали въ январѣ Фердинанда Брауншвейгскаго и замѣнили его старикомъ Меллендорфомъ, который, какъ и предшественникъ его, былъ неспособенъ побѣдить французовъ и продолжалъ недовѣрчиво относиться къ австрійцамъ. Императорскіе генералы проводили время въ разсужденіяхъ и въ составленіи плановъ, которые никогда не выполнялись. Люди, которымъ императоръ Францъ предоставилъ управленіе государствомъ, дѣлали даже, хотя напрасно, мирныя предложенія французамъ. Прусскій кабинетъ еще весною вышелъ бы изъ коалиціи, если бы англичане и голландцы не склонили его субсидіями обязаться и впредь принимать за деньги участіе въ войнѣ и держать противъ Франціи 62-тысячную армію. Но это не помогло. Когда планъ похода былъ составленъ, Меллендорфъ подъ всевозможными предлогами откладывалъ свое содѣйствіе, потому что не хотѣлъ идти въ Нидерланды, гдѣ должны были происходить главныя дѣйствія, а желалъ дѣйствовать особо.

Кампанія, открытая только въ половинѣ апрѣля, шла сначала счастливо для союзниковъ. Но это вскорѣ измѣнилось, потому что комитетъ общественнаго спасенія принялъ самыя энергическія мѣры. Противъ Нидерландовъ были посланы три арміи подъ предводительствомъ полководцевъ, стяжавшихъ безсмертную славу въ военной исторіи. Между Сарою и Мозелемъ стоялъ Журданъ съ такъ называемой Мозельской арміей; подъ его начальствомъ служили Шанпіоне, Лефевръ и Бернадотъ. Между Филиппвилемъ и Шарлеманомъ была расположена Арденская армія подъ начальствомъ Шарбонье, у котораго служили Клеберъ, Марсо и Мареско. Наконецъ отъ Живе до Дюнкирхена стояла Сѣверная армія подъ командой Пишгрю, при которомъ состояли Моро, Сугамъ и другіе превосходные генералы. Что могли сдѣлать противъ такихъ полководцевъ Кобургъ или Йоркъ? Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ стычекъ Клерфе былъ разбитъ 29 апрѣля при Мескронѣ. Хотя союзники на слѣдующій день взяли крѣпость Ландреси, но, во-первыхъ, непріятель уже угрожалъ ихъ центру, а во-вторыхъ, они не могли согласиться между собой о планѣ своихъ дѣйствій. Австрійскій генералъ Маккъ, приносившій всюду съ собою несчастіе, расположилъ императора Франца, прибывшаго въ Нидерланды, въ пользу своего плана; австрійскій и прусскій кабинеты стали стараться свалить все бремя войны на англичанъ и голландцевъ. Моро и Сугамъ одержали 18 мая при Тюркуанѣ рѣшительную побѣду надъ герцогомъ Йоркскимъ. Потомъ между французами и австрійцами во Фландріи и на Санбрѣ произошелъ цѣлый рядъ битвъ, гдѣ съ обѣихъ сторонъ пало множество людей; но французамъ почти ежедневно присылали новыя подкрѣпленія, тогда какъ австрійцы, напротивъ того, получали или очень слабыя подкрѣпленія, или вовсе не получали ихъ. Пока храбрые австрійскіе солдаты дѣлали все, что могли, и Клерфе выбивался изъ силъ, Тугутъ и Кобургъ уговорили императора Франца на военномъ совѣтѣ 24 мая покинуть Бельгію на произволъ судьбы и принять участіе въ предстоящемъ раздѣлѣ Польши. Впрочемъ это намѣреніе хранилось пока въ глубокой тайнѣ. Пруссаки также не хотѣли ничего дѣлать, хотя Англія и Голландія, заплатившія имъ субсидіи, требовали ихъ содѣйствія. Карно воспользовался этими обстоятельствами, чтобы быстро завоевать Бельгію, соединивъ три французскія арміи подъ однимъ начальствомъ и присоединивъ къ нимъ еще 15,000 человѣкъ изъ рейнской арміи. Всю эту соединенную военную силу, состоявшую изъ 90,000 человѣкъ, Карно отдалъ подъ начальство Журдану (въ началѣ іюня).

Послѣ трехъ неудачныхъ попытокъ перейти Санбру Журданъ наконецъ переправился 16 іюня при четвертой попыткѣ, но въ первой битвѣ при Флерюсѣ былъ отбитъ и принужденъ отступить. Іюня 25 онъ переправился

въ пятый разъ, принудилъ къ сдачѣ Шарльруа и на слѣдующій день далъ австрійцамъ вторую битву при Флерюсѣ, въ которой австрійцы были разбиты. Хотя побѣда была далеко не рѣшительная, но принцъ Кобургскій отступилъ такъ стремительно, что послѣдствія сраженія сдѣлались очень важны. Вмѣсто того, чтобы соединиться съ герцогомъ Йоркскимъ и дать еще генеральное сраженіе, онъ бѣжалъ, и французы неудержимо стремились впередъ, такъ что предводители англійскихъ и голландскихъ войскъ были вскорѣ принуждены подумать о защитѣ Голландіи. Теперь было необходимо сохранить связь между Голландіей и Рейномъ и удержать за собой пути въ Лимбургъ и Люксембургъ; это обязаны были сдѣлать пруссаки; но Меллендорфъ не оказалъ англичанамъ и голландцамъ никакого содѣйствія.

На верхнемъ Рейнѣ Меллендорфъ и герцогъ Альбертъ Саксенъ-Тешенскій, замѣнившій Вурмзера, еще въ маѣ аттаковали французскую рейнскую армію и разбили ее при Кайзерслаутернѣ. Тѣмъ не менѣе Меллендорфъ ограничивался оборонительными дѣйствіями и поднялъ такія же дрязги съ герцогомъ Альбертомъ, какія происходили между Фердинандомъ Брауншвейгскимъ и Вурмзеромъ. Кромѣ того союзники сдѣлали на верхнемъ Рейнѣ двойную ошибку, разсѣявъ свои силы по длинной линіи отъ Шпейера до Трира и не воспользовавшись ослабленіемъ французской рейнской арміи, отъ которой, какъ извѣстно, нѣсколько дивизій ушло въ Нидерланды. Достигнувъ своей цѣли въ Нидерландахъ, французамъ было нетрудно отбросить на Рейнѣ пруссаковъ и австрійцевъ на ихъ прежнія позиціи и преградить имъ путь въ Люксембургъ.

Однако Меллендорфъ дѣйствовалъ еще успѣшно въ окрестностяхъ Кайзерслаутерна и Гундсрюка, когда 16 сентября король прусскій объявилъ вѣнскому правительству, что отзываетъ свои войска съ Рейна, потому что они нужны ему въ Польшѣ. Австрія и Пруссія стали горячо обвинять другъ друга, и въ то же время обѣ упрекали нѣмецкую имперію. Австрія грозила даже отозвать свои войска и оставить Германію на произволъ судьбы. Но англичане удержали ее отъ этого, давъ ей два милліона фунтовъ стерлинговъ субсидіи, за что она обязалась продолжать войну и замѣнить принца Кобургскаго генераломъ Клерфе. Такимъ-то образомъ Кобургъ закончилъ навсегда свое безславное поприще. Однако назначеніе способнаго Клерфе сначала не принесло австрійцамъ никакой пользы, потому что въ армію былъ сначала присланъ Маккъ и потому что уже нельзя было возстановить связи между союзными арміями. Пишгрю оттѣснилъ англичанъ отъ голландцевъ, и Журданъ, армія котораго простиралась до 80,000 человѣкъ, стоялъ между ними и австрійцами. Голландцы были принуждены отступать, не останавливаясь; въ октябрѣ и ноябрѣ они лишились всѣхъ своихъ пограничныхъ крѣпостей. Еще въ октябрѣ Журданъ принудилъ и австрійцевъ уступить весь лѣвый берегъ Рейна до самаго Майнца, а 26 числа вступилъ въ Кобленцъ. Въ томъ же мѣсяцѣ Меллендорфъ перевелъ пруссаковъ обратно за Рейнъ. Къ концу года на всемъ лѣвомъ берегу Рейна у союзниковъ остались только Майнцъ и Люксембургъ.

9. Внутренняя исторія Франціи отъ паденія Робеспьера до распущенія конвента въ октябрѣ 1795.

Термидоріанцы, Фуше, Тальанъ, Барерь, Бильо Варенъ, Барра, Коло д'Эрбуа, Лежандръ, Вадье и другіе, уничтожая тріумвировъ, не предполагали измѣнять господствовавшую систему; имъ пришлось даже противодѣйствовать этому, потому что иначе усилился бы монархизмъ, и они лишились бы плодовъ своей побѣды. Съ другой стороны они были настолько предусмотрительны, что видѣли, что счастливый исходъ войны несомнѣнно долженъ привести къ возвращенію къ старымъ принципамъ, которые совершенно пренебрегались, только пока государство находилось въ опасности. Кромѣ того они были принуждены обратиться противъ своихъ демократическихъ враговъ за помощью къ знатнымъ и богатымъ и даже снова принять въ конвентъ жирондистовъ. Большинство депутатовъ конвента никогда не было крайними революціонерами, но до сихъ поръ

не могло противиться энергическому меньшинству своихъ товарищей, и теперь ему пришлось бояться паденія созданнаго имъ новаго государственнаго порядка безъ іерархіи, безъ священниковъ и безъ дворянскихъ привиллегій, если державный народъ и революціонный трибуналъ будутъ лишены возможности дѣйствовать. Такимъ образомъ послѣ 9 термидора положеніе дѣлъ было неопредѣленно и заставляло правительствующихъ лицъ дѣйствовать непослѣдовательно, прибѣгая то къ роялистамъ противъ террористовъ, то къ террористамъ противъ монархистовъ. Эта система колебаній пережила даже конвентъ, а между тѣмъ, не смотря на господствующую анархію и тиранію негодяевъ, возвысившихся въ термидорѣ, принципы мира, порядка и спокойствія все болѣе и болѣе пріобрѣтали приверженцевъ.

Конвентъ сохранилъ правительственные комитеты общественнаго спасенія и безопасности, но ограничилъ кругъ ихъ дѣятельности, предоставивъ первому исключительно иностранныя дѣла, а второму—высшую полицію. Кромѣ того они были лишены права арестовывать депутатовъ конвента, и было опредѣлено ежемѣсячно смѣнять по четыре члена въ каждомъ комитетѣ и избирать на мѣсто ихъ новыхъ. Революціонный трибуналъ также не былъ уничтоженъ, но зато черезъ пять дней послѣ паденія Робеспьера конвентъ отмѣнилъ страшный судебный законъ 22 преріала (стр. 396). Революціонные комитеты общинъ, хотя просуществовали еще нѣсколько времени, но число ихъ было ограничено, и секціямъ позволено дѣлать собранія только разъ въ декаду; сверхъ того была отмѣнена выдача по сорока су каждому приходящему на сходку гражданину, что устранило бѣдный классъ народа изъ этихъ собраній. Тогда снова пріобрѣли свое прежнее вліяніе салонные дамы и господа.

Салоны открылись во множествѣ, служа представителями разныхъ партій. Такъ въ салонѣ господина Девена, гдѣ предсѣдательствовала жена Девена, собирались роялисты, хотя тутъ же бывали и такіе люди, какъ Тибодо и Маре. Салонъ госпожи Тальанъ (урожденной Кабаррюсъ, вдовы Фонтене) посѣщали бывшіе террористы, укрощенные знатными барынями. Третій салонъ для изящнаго общества открыла жена банкира Рекамье. Эта женщина, блиставшая красотою и достойная уваженія, держалась тѣхъ же политическихъ принциповъ, что и госпожа Сталь, и собирала у себя людей, непринадлежавшихъ исключительно ни къ какой партіи. Впослѣдствіи госпожа Сталь тоже открыла свой салонъ фейльанамъ 1791 года, считавшимъ свободу и благосостояніе только средствомъ, а не цѣлью. Въ этомъ обществѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ Талейранъ, возвратившійся осенью 1795 изъ Англіи; онъ посѣщалъ и салонъ Девена.

Борьба, возобновившая въ Парижѣ послѣ 9 термидора революціонныя сцены послѣднихъ лѣтъ, шла не за интересы партій и мнѣній. Она была вызвана желаніемъ мести и уничтоженія отдѣльныхъ лицъ. Термидоріанцы состояли изъ остатковъ кордельеровъ. Они должны были ради собственнаго существованія стараться сломить силу якобинцевъ, своихъ бывшихъ друзей, и въ этомъ нашли поддержку въ парижской знатной молодежи, которой хотѣлось снова украсить жизнь изяществомъ стараго времени. При этомъ термидоріанцы и весь конвентъ были въ чрезвычайно неловкомъ положеніи, потому что все, что можно было сказать противъ якобинцевъ, падало на всѣхъ депутатовъ конвента вообще; кромѣ того, нельзя было и явно оскорблять народъ, который былъ еще нуженъ противъ начинавшей проявляться роялистской реакціи. Якобинскій клубъ, насильно закрытый Лежандромъ 9 термидора, былъ черезъ четыре дня открытъ съ согласія самого Лежандра; хотя потомъ на него постоянно нападали и причиняли ему всевозможныя непріятности, однако онъ просуществовалъ до окончательнаго закрытія еще полгода. Уже въ августѣ конвентъ рѣшилъ арестовать Фукье-Тенвиля, Лебона, Россиньоля и другихъ прислужниковъ Робеспьера. Вслѣдъ затѣмъ Фреронъ, Барра и Лежандръ предложили арестовать Карье, Бильо Варена, Коло д'Эрбуа, Барера и другихъ; но имъ удалось выхлопотать обвинительный декретъ только противъ Карье; но и этотъ декретъ былъ приведенъ въ исполненіе только 21 ноября. Декабря 16 Карье былъ приговоренъ къ смерти и на слѣдующій день казненъ. Октября 16 Фреронъ, Тальанъ и друзья ихъ добились, чтобы конвентъ запретилъ якобинскимъ клубамъ взаимныя сношенія; этимъ была разстроена вся революціонная организація Франціи и сломлена сила главнаго парижскаго клуба.

Постепенное уничтоженіе якобинцевъ было дѣломъ не однихъ декретовъ конвента; оно сопровождалось уличными схватками, потому что термидоріанцы только страхомъ могли заставить конвентъ рѣшиться уничтожить клубъ. Фреронъ, которому самому было только 26 лѣтъ, собралъ съ Тальяномъ множество молодыхъ людей изъ знатныхъ и богатыхъ фамилій и составилъ изъ нихъ родъ преторіанцевъ или попросту уличныхъ разбойниковъ. Эти развращенные юноши, вооруженные тростями, носили извѣстный мундиръ и назывались золоченымъ юношествомъ (la jeunesse dorée) или мюскаденами, раздушенными. Они наняли себѣ въ помощь толпу буяновъ и негодяевъ, дразнили, ругали и били якобинцевъ всюду, гдѣ только встрѣчали. Лозунгомъ ихъ былъ крикъ: «Да здравствуетъ конвентъ!» Они сочинили глупую пѣсню «Пробужденіе народа» (Reveil du peuple), желая противопоставить ее марсельезѣ народа. Въ Тюльерійскомъ саду, въ Палероялѣ и въ разныхъ улицахъ они почти ежедневно дрались съ клубистами и съ работниками предмѣстій. Иногда они становились у входа въ клубъ и нападали на входившихъ якобинцевъ. Ноября 9 они пробрались съ своими халуями даже въ зданіе клуба, избили палками собравшихся якобинцевъ и выгнали хлыстами присутствовавшихъ женщинъ, съ хохотомъ крича имъ, чтобы впредь онѣ знали бы только свою стряпню. Правительство легко могло бы прекратить всѣ эти безпорядки; но оно ничего не дѣлало, потому что давно ждало предлога, чтобы окончательно закрыть клубъ якобинцевъ. Предлогомъ послужила новая драка, случившаяся 11 ноября. Собравшіеся комитеты спасенія, безопасности, военный и законодательный велѣли въ тотъ же день запереть залу клуба; конвентъ утвердилъ 12 ноября это распоряженіе и такимъ образомъ навсегда положилъ конецъ пережившему себя клубу. Черезъ полгода монастырь якобинцевъ былъ даже разрушенъ по приказанію конвента, и мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, обращено въ рыночную площадь.

Декабря 2 конвентъ оказалъ милость роялистамъ, а черезъ шесть дней жирондистамъ. Сперва онъ отмѣнилъ жестокіе декреты противъ роялистскихъ инсургентовъ Вандеи и Бретани и объявилъ амнистію всѣмъ, кто положитъ оружіе. Потомъ 8 декабря были освобождены жирондисты, сидѣвшіе въ заключеніи, и даже снова приняты въ конвентъ. Они тотчасъ потребовали возвращенія въ конвентъ и тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые были осуждены и бѣжали. Но имъ удалось выхлопотать это только послѣ продолжительной и трудной борьбы. Только 9 марта 1795 въ конвентъ снова были приняты Ланжюине, Инаръ, Ла-Ревельеръ Лепо и нѣкоторые другіе. Иные возвратились еще позже.

Господствующіе люди согласились возвратить жирондистовъ въ конвентъ преимущественно потому, что нуждались въ ихъ помощи для составленія и проведенія обвинительнаго декрета противъ депутатовъ Барера, Вадье, Бильо Варена и Коло д'Эрбуа. Декретъ этотъ достался имъ съ большимъ трудомъ и вызвалъ смуты и насильственныя попытки друзей Робеспьера и Дантона противъ конвента. Демократы пробудили въ парижскомъ народѣ и въ нѣкоторыхъ депутатахъ прежній фанатизмъ къ свободѣ и возбудили народъ къ повторенію сценъ 10 августа 1792 и 2 іюня 1793. Городъ и въ особенности зала засѣданія конвента нѣсколько разъ обращались въ арену побоищъ. Это ужасало всѣхъ благоразумныхъ людей, потому что приверженцы старины старались воспользоваться безпорядками, чтобы уничтожить все новое. Кромѣ того въ февралѣ 1795 былъ сдѣланъ важный шагъ къ уничтоженію народнаго владычества, существовавшаго въ Парижѣ четыре года, имѣя своимъ центромъ парижскую думу. Конвентъ особымъ декретомъ раздѣлилъ Парижъ на двѣнадцать отдѣльныхъ муниципалитетовъ съ двѣнадцатью думами и мерами; такимъ образомъ онъ сломилъ власть парижской республики и значеніе ея мера, превосходившее значеніе прежняго короля.

Не стоитъ подробно разсказывать о тогдашнихъ парижскихъ смутахъ, потому что они были повтореніемъ прежнихъ и возбуждались прежними же средствами. Народъ подстрекали требовать немедленнаго введенія конституціи 1793 года, и, какъ 5 октября 1789, воспользовались страшной дороговизной, вызванной паденіемъ ассигнатовъ и затруднительнымъ подвозомъ жизненныхъ припасовъ. Непосредственной цѣлью возмутителей было спасеніе четырехъ обвиненныхъ депутатовъ. Уже 1 жерминаля (21 марта) 1795, множество женщинъ и муж-

чинъ ворвались въ залу конвента съ крикомъ: «Хлѣба и конституцію 1793 года» Но золотая шайка Фрерона, подкрѣпленная комитетомъ спасенія наемными драчунами, выручила осажденный конвентъ. Враги воспользовались неудавшимся предпріятіемъ якобинской партіи, какъ буржуазія пользовалась потомъ съ 1830 всѣми безпокойствами, чтобы дѣлать вещи, о которыхъ прежде и подумать бы не смѣла. По предложенію аббата Сійэса, который опять открылъ ротъ, когда опасность миновала, конвентъ возстановилъ въ строжайшей формѣ уничтоженный прежде марціальный законъ. Въ то же время онъ постановилъ на случай, если его разгонятъ, собраться въ Шалонѣ новому конвенту, который вступилъ бы въ Парижъ военной силой.

Вслѣдъ затѣмъ противъ четырехъ обвиненныхъ террористовъ начался процессъ; но въ этихъ преніяхъ конвентъ перессорился, потому что нѣкоторые значительные депутаты, какъ Карно, Пріеръ и Ленде, приняли сторону обвиненныхъ, виновныхъ только въ такихъ поступкахъ, въ которыхъ признавали себя виновными защитники ихъ. Это дало поводъ къ новымъ безпокойствамъ. Жерминаля 7 народъ снова ворвался въ залу конвента и хотя былъ изгнанъ въ тотъ же день, но 11 жерминаля (31 марта) возобновилъ нападеніе и не достигъ своей цѣли, только благодаря твердости президента Пеле де ла Лозера. На слѣдующій день, 12 жерминаля или 1 апрѣля, народъ повторилъ попытку, которая на этотъ разъ удалась бы, если бы между демократами былъ какой-нибудь Дантонъ. Въ полдень народъ выломалъ двери въ залу конвента и занималъ ее въ продолженіе четырехъ часовъ. Но шумъ былъ такъ силенъ, что голоса демократическихъ депутатовъ были заглушены, и они не могли постановить декретовъ, которыхъ желали. Въ это время правительственные комитеты собрали вооруженныхъ буржуазовъ изъ зажиточныхъ секцій. Къ шести часамъ они явились подъ Тюйльри съ шайками Фрерона; прибытіе ихъ такъ напугало демократическихъ депутатовъ, что они сами просили народъ разойтись. Однако бушующая толпа всю ночь провела при оружіи, и на слѣдующій день конвентъ приступилъ къ энергическимъ мѣрамъ. Четверо обвиненныхъ депутатовъ были безъ дальнѣйшихъ преній осуждены на ссылку, а генералъ Пишгрю, случайно находившійся въ Парижѣ, назначенъ главнокомандующимъ въ городѣ. Въ помощники ему даны депутаты Барра и Мерленъ де Тіонвиль. Они приняли командованіе не только надъ національной гвардіей, но и надъ солдатами и офицерами арміи, бывшими въ Парижѣ въ отпуску. Когда народъ, какъ предвидѣли, вознамѣрился отбить четырехъ ссылаемыхъ террористовъ, Пишгрю напустилъ на него эти войска, произвелъ кровопролитіе и принудилъ всѣ секціи положить оружіе. Потомъ онъ сложилъ съ себя власть, ввѣренную ему только на время опасности. Въ слѣдующіе дни было арестовано еще нѣсколько террористическихъ депутатовъ. Что же касается четырехъ ссыльныхъ, то только двое изъ нихъ, Коло д'Эрбуа и Бильо Варенъ, были отправлены въ Гвіану, гдѣ первый умеръ уже въ январѣ 1796, а второй въ 1801 бѣжалъ и до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1819, игралъ роль въ американскихъ событіяхъ. Двумъ другимъ, Вадье и Бареру, удалось бѣжать еще во Франціи, и впослѣдствіи Барерь служилъ шпіономъ первому консулу.

Послѣ возстанія 12 жерминаля конвентъ съ жаромъ принялся за составленіе конституціи, чтобы покончить всѣ толки о невозможной конституціи 1793. Въ то же время, по предложеніямъ депутатовъ, принимавшихъ участіе во всѣхъ жестокостяхъ террора, продолжались судебныя преслѣдованія за эти самыя жестокости. Такъ между прочимъ, въ маѣ революціонный трибуналъ присудилъ къ смерти и казнилъ прежнихъ своихъ обвинителя и президента, Фукье Тенвиля и Германа, и пятнадцать судей и присяжныхъ. Такъ какъ эти люди были виновнѣе своихъ обвинителей, то при процессѣ ихъ обнаружились и преступленія тѣхъ, которые теперь розыгрывали роль умѣренныхъ. Преслѣдованіями и казнями конвентъ возбудилъ къ себѣ во всемъ государствѣ ненависть и презрѣніе, потому что очевидно было, что онъ руководствуется при этомъ только частной местью и эгоизмомъ. Ожесточеніе противъ него поддерживалось также общимъ обнищаніемъ, которое вмѣнялось ему въ вину. И дѣйствительно, правительство конвента, раздѣленное на множество комитетовъ, не могло дѣйствовать быстро и рѣшительно, и несостоятельность его съ каждымъ днемъ становилась очевиднѣе. Бѣдность и дороговизна возрастали, потому что всѣ средства поднять какъ-нибудь совер-

шенно упавшіе ассигнаты остались безплодными. Особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ апрѣлѣ арестовали за терроризмъ умнаго Канбона, управлявшаго финансами, послѣдніе пришли въ такое разстройство, что не на что было даже кормить и одѣвать войска.

При такихъ обстоятельствахъ было совершенно естественно, что возстанія въ апрѣлѣ и маѣ повторились. Когда конвентъ началъ замышлять конституцію съ двумя палатами, когда 11 апрѣля онъ принялъ послѣднихъ жирондистовъ въ депутаты, якобинцы, лишенные всякой надежды на возвращеніе къ власти, рѣшились опять попытать счастія въ народномъ возстаніи. Оно вспыхнуло 1 апрѣля (20 мая) и было ужаснѣе и опаснѣе всѣхъ происходившихъ съ 9 термидора. Руководители возстанія были до того смѣлы, что наканунѣ напечатали планъ его и роздали народу. Конвентъ только въ послѣднюю минуту рѣшился принять энергическія мѣры, потому что боялся, чтобы ими не воспользовались роялисты для произведенія контръ-революціи. Онъ объявилъ свои засѣданія непрерывными, послалъ двѣнадцать депутатовъ призывать на свою защиту буржуазовъ, заранѣе осудилъ въ ссылку всякаго, кто явится предводителемъ народной толпы, поручилъ военному комитету двинуть противъ народа линейныя войска, и такъ какъ Барра случайно былъ въ отсутствіи, назначилъ главнокомандующимъ Дельма, который еще 9 термидора служилъ помощникомъ Барра.

Перваго преріала вооруженные отряды буржуазовъ собрались только къ полудню, тогда какъ народъ поднялся рано, и когда конвентъ открылъ свое засѣданіе, всѣ трибуны были уже заняты густыми толпами, преимущественно женщинъ, которыя всѣми силами старались мѣшать преніямъ. Вслѣдъ затѣмъ въ залу засѣданія ворвались еще толпы, чтобы поддержать террористическихъ депутатовъ, которые припасли нѣкоторые декреты и намѣревались провести ихъ силою. Сначала толпу разсѣяли, но въ скоромъ времени она ворвалась снова, и въ залѣ собранія долго господствовало смятеніе. Президентъ конвента, тайный роялистъ Буасси д'Англа отличился мужествомъ. Онъ не уступилъ никакимъ угрозамъ террористовъ и гражданъ, наполнявшихъ залу и приказывавшихъ ему предложить конвенту ихъ революціонные декреты. Толпа положительно осадила его кресло. Передъ глазами его убили депутата Феро, хотѣвшаго защищать его, и держали передъ нимъ его отрѣзанную голову; на него наступали съ пиками и штыками; но онъ съ непоколебимой твердостью отказалъ требованіямъ. Въ девять часовъ вечера, послѣ семичасоваго смятенія въ залѣ, народъ завладѣлъ конвентомъ, и когда измученнаго Буасси смѣнилъ на президентскомъ мѣстѣ Вернье, толпа заставила его принять предложеніе демагоговъ. Этими декретами отмѣнялись всѣ постановленія конвента съ 9 термидора, правительственныя власти на время отрѣшались, учреждался комитетъ изъ самыхъ крайнихъ террористовъ, и якобинецъ назначался главнокомандующимъ военной силы. Исполнивъ свое дѣло, народъ большею частью удалился изъ залы и разошелся по домамъ; тогда явились созванные вооруженные буржуазы, выгнали остальной народъ изъ залы и дали собранію возможность уничтожить только что принятые декреты и декретировать арестованіе множества террористическихъ депутатовъ.

Конвентъ былъ спасенъ національною гвардіею, которая состояла изъ буржуазовъ, взявшихся за оружіе только потому, что ихъ имуществу грозила опасность; спасеніе же конвента, который былъ имъ ненавистенъ, ни мало не интересовало ихъ, и они были бы даже рады его паденію. Къ счастью для конвента, военный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Дельма, призвалъ линейныя войска, стоявшія невдалекѣ отъ Парижа, и они пришли въ городъ, когда 2-го преріала народъ опять поднялся. Работники предмѣстій, составлявшіе главную силу якобинской партіи, сражались мужественно и успѣшно противъ буржуазовъ; но увидавъ противъ себя регулярныя войска подъ начальствомъ генерала Мену, согласились вступить въ переговоры и выдали свои пушки и оружіе. Такимъ образомъ въ маѣ 1795 въ первый разъ судьбу французскаго государства рѣшила армія и съ тѣхъ поръ, особенно съ 1832 и потомъ опять съ 1848 это сдѣлалось обыкновеннымъ явленіемъ. Подавивъ возстаніе 1 преріала, конвентъ началъ жестоко преслѣдовать демократовъ. Зачинщики возстанія, въ томъ числѣ многіе члены конвента, были арестованы; кто не успѣлъ бѣжать, подвергся строгому наказанію.

Шесть депутатовъ конвента и тридцать одинъ человѣкъ гражданъ были приговорены къ смерти; остальные арестованные частью сосланы, частью присуждены къ заключенію. Все это дѣлалось военнымъ судомъ, который замѣнилъ революціонный трибуналъ, закрытый 31 мая. Женщинамъ былъ запрещенъ входъ въ залу конвента. Дивизія линейнаго войска изъ заслуженныхъ солдатъ осталась въ Парижѣ гарнизономъ. Всѣ офицеры якобинскаго направленія были частью арестованы, частью отставлены. Но подавленіе террористической партіи придало новыя силы роялистамъ, и конвенту пришлось такъ бояться ихъ, что уже осенью онъ велѣлъ вооружить для своей защиты нѣсколько тысячъ гражданъ, недавно обезоруженныхъ.

Вслѣдъ затѣмъ была составлена и принята новая конституція. Коммисія изъ одинадцати депутатовъ, въ томъ числѣ Дону, Буасси д'Англа, Ла Ревельеръ-Лепо, Ланжюине и Тибодо, составила проектъ конституціи скорѣе, чѣмъ обыкновенно дѣлаются подобныя вещи. Аббатъ Сіэсъ, всегда умѣвшій придать себѣ видъ глубокаго государственнаго мудреца, былъ тоже выбранъ въ эту коммисію; но законъ запрещалъ члену правительства принимать участіе въ конституціонномъ комитетѣ, и онъ предпочелъ остаться въ комитетѣ общественнаго спасенія. Проектъ, выработанный коммисіей, былъ принятъ конвентомъ съ немногими измѣненіями.

Новая конституція, называемая конституціей III-го года или директоріальной, совершенно отдѣлила администрацію отъ законодательства. Первая была поручена директоріи изъ пяти человѣкъ, а послѣднее двумъ палатамъ, совѣту пятисотъ и совѣту старѣйшихъ. Члены обѣихъ палатъ выбирались хотя народомъ, но не непосредственно, а черезъ выборныхъ. Совѣтъ пятисотъ, членомъ котораго нельзя было быть моложе тридцати лѣтъ, получилъ исключительное право предлагать новые законы, но не имѣлъ относительно ихъ рѣшительнаго голоса, а только совѣщательный. Совѣтъ старѣйшихъ состоялъ изъ двухсотъ пятидесяти депутатовъ не моложе сорока лѣтъ, непремѣнно женатыхъ или вдовыхъ. Они должны были разсматривать законы, предлагаемые совѣтомъ пятисотъ и или безусловно принимать, или безусловно отвергать ихъ. Пять директоровъ, которые также должны были имѣть по крайней мѣрѣ сорокъ лѣтъ отъ роду, избирались совѣтомъ старѣйшихъ изъ списка пятидесяти человѣкъ, составляемаго совѣтомъ пятисотъ. На обязанности ихъ лежала только администрація, и они были совершенно отдѣлены отъ обѣихъ палатъ; потому что имъ не было предоставлено ни права предлагать, ни права утверждать законы, ни имѣть какое бы то ни было вліяніе на обсужденіе и изданіе ихъ. Уже одно это доказываетъ несостоятельность новой конституціи. Кромѣ того въ ней не было принято мѣръ для возстановленія и утвержденія порядка и для учрежденія сильнаго и прочнаго правительства, потому что обѣ палаты и директорія должны были частью ежегодно смѣняться. Въ палатахъ третья часть членовъ ежегодно замѣщалась новоизбранными, а изъ пяти директоровъ выходилъ ежегодно одинъ по жребію, и на мѣсто выбирался новый. Конституція была представлена на утвержденіе или одобреніе всего народа, что, конечно, всегда бываетъ пустой формальностью, и 6 сентября принята почти единогласно.

Конвентъ присовокупилъ къ новой конституціи два дополнительныя постановленія, заодно съ ней представленныя на утвержденіе народа. Эти прибавленія носили на себѣ явные признаки эгоизма и властолюбія и потому вызвали въ Парижѣ кровавое возстаніе. Члены конвента боялись, что при ненависти, которую они навлекали на себя, ихъ не выберутъ въ новыя законодательныя вѣдомства и что поэтому роялисты пріобрѣтутъ въ нихъ огромное вліяніе, уничтожатъ всѣ новыя учрежденія и примутся съ жестокой яростью преслѣдовать сторонниковъ республики. Чтобы предупредить такое несчастіе, они приняли мѣру, какъ разъ противоположную тому, что сдѣлало учредительное національное собраніе передъ своимъ закрытіемъ. Учредительное собраніе въ порывѣ великодушія устранило всѣхъ своихъ членовъ отъ выбора въ смѣнявшее его законодательное собраніе (стр. 334); конвентъ же напротивъ того, двумя декретами 5 и 13 фруктидора (22 и 30 августа) постановилъ, чтобы двѣ трети членовъ новыхъ палатъ были выбраны изъ членовъ конвента и что, если при выборѣ

этихъ двухъ третей одно и то же лицо получитъ голоса въ разныхъ мѣстахъ, то взамѣнъ его будутъ выбираться новые кандидаты уже не народомъ, а самимъ конвентомъ.

Эти прибавленія возбудили общее негодованіе. Но съ другой стороны, всѣ были такъ рады, что наконецъ отдѣлываются отъ конвента, что ему не предстояло опасности отъ департаментовъ, тѣмъ болѣе, что члены конвента, какъ бывшіе якобинцы, отлично умѣли обращаться съ народомъ. Конвентъ тревожило только настроеніе парижской буржуазіи. Оно высказалось еще при рѣшеніи вопроса о первомъ прибавленіи (5 фруктидора). Граждане богатыхъ кварталовъ громко выразили неудовольствіе, устроили совѣщательныя собранія секцій и послали въ конвентъ протестующія депутаціи; словомъ, они взяли на себя роль, которую прежде игралъ народъ предмѣстій. Это движеніе въ столицѣ такъ напугало конвентъ, что онъ стянулъ къ Парижу войска; но этимъ только усилилъ раздраженіе парижанъ. Секція Лепелетье или прежняя секція монахинь св. Ѳомы (des filles de St. Thomas), которая нѣкогда долѣе всѣхъ стояла за монархію, учредила центральный правительственный комитетъ для всѣхъ секцій, который, подобно думѣ 1793 и 1794, казалось, хотѣлъ забрать въ свои руки все правительство и законодательство государства. Конвентъ объявилъ участіе въ этомъ комитетѣ государственнымъ преступленіемъ. Въ отвѣтъ на это секція напомнила ему теорію народнаго самодержавія, еще признаваемую офиціально. Все это предвѣщало рѣшительную борьбу и такъ воспламенило надежды роялистовъ, что въ Парижъ стали стекаться конституціонисты 1791 и вандейскіе мятежники. Они возбуждали народъ къ возстанію. При вотированіи новой конституціи и ея прибавленій (6 сентября) парижскіе граждане приняли первую, но послѣднія отвергли. Они были убѣждены, что также поступитъ большинство департаментскихъ собраній, и потому центральный комитетъ ихъ рѣшилъ войти въ сношеніе со всѣми общинами государства. Противъ этого рѣшенія конвентъ издалъ 7 сентября грозный законъ, запрещавшій сношенія между общинами подъ страхомъ смертной казни. Черезъ двѣ недѣли (21 сентября) конвентъ попытался запугать монархическую партію исключеніемъ изъ государственной службы всѣхъ неприсяжныхъ священниковъ, всѣхъ ихъ родственниковъ и всѣхъ родственниковъ эмигрантовъ.

Между тѣмъ обѣ стороны готовились къ рѣшительной борьбѣ. Конвентъ вооружалъ и обучалъ тѣхъ самыхъ работниковъ, отъ которыхъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ его спасли буржуазы; послѣдніе держали наготовѣ тѣ самые батальоны, которыми тогда выручили конвентъ. 23 сентября конвентъ объявилъ, что въ департаментскихъ собраніяхъ какъ конституція, такъ и прибавленія приняты значительнымъ большинствомъ. Что касается прибавленій, то это была ложь, потому что они были отвергнуты тремя четвертями голосовъ. Парижане не дались въ обманъ. Когда конвентъ предписалъ приступить къ выборамъ въ новое законодательное собраніе, они организовали 3 октября (11 вандемьера) изъ своихъ избирателей родъ правительственнаго собранія. Это собраніе пренебрегло декретомъ конвента, запрещавшимъ избирателямъ разныхъ секцій сходиться и дѣйствовать сообща. Тогда конвентъ объявилъ себя въ непрерывномъ засѣданіи и поручилъ генералу Мену, какъ главнокомандующему войсками въ Парижѣ и окрестностяхъ, выступить противъ буржуазовъ съ войсками и толпами работниковъ. Но Мену былъ въ душѣ преданъ дѣлу, противъ котораго его посылали, и потому, вмѣсто того чтобы прибѣгнуть къ силѣ, вступилъ въ переговоры съ предводителями парижанъ; подъ предлогомъ, что его войска заперты въ улицѣ Вивіенъ и могутъ быть уничтожены, онъ вошелъ съ буржуазіей въ соглашеніе и велѣлъ войскамъ отступить изъ занятыхъ улицъ (4 октября или 12 вандеміера). Онъ былъ за это смѣненъ и нѣсколько дней спустя преданъ военному суду, но по ходатайству Бонапарта оправданъ.

Барра, котораго конвентъ назначилъ главнокомандующимъ всѣми вооруженными силами, предложилъ на мѣсто Мену другаго генерала, владѣвшаго всѣми необходимыми качествами, чтобы покончить раздоръ съ буржуазіей военно-террористическимъ способомъ. То былъ двадцатишестилѣтній корсиканецъ Н а п о л е о н ъ Б о н а п а р т ъ. Взятіе Тулона прославило его во всей Европѣ (стр. 389). Потомъ онъ находился въ связи съ террористами и за это послѣ 9 тер-

мидора нѣкоторое время просидѣлъ подъ арестомъ и въ маѣ 1795 былъ уволенъ отъ службы. Въ ночь 4—5 октября военный комитетъ назначилъ его главнокомандующимъ войсками конвента. Ихъ было всего шесть тысячъ человѣкъ; но толпы парижанъ, далеко превосходившія ихъ числомъ, были смѣсь республиканцевъ, конституціонистовъ и роялистовъ и не могли тягаться съ регулярнымъ войскомъ и террористами изъ предмѣстій, не имѣя притомъ и предводителя, который могъ бы помѣряться съ такимъ человѣкомъ, какъ Бонапартъ. Раннимъ утромъ 13 вандеміера (5 октября) борьба была уже рѣшена заранѣе. Бонапартъ тотчасъ по назначеніи завладѣлъ при помощи капитана Мюрата пушками, взятыми у террористовъ и стоявшими подъ городомъ; и тогда могъ картечью и штыками быстро разсѣять парижанъ, неимѣвшихъ орудій. Онъ разставилъ свои войска и орудія вокругъ Тюильри и спокойно ждалъ нападенія. Между тѣмъ приближавшееся войско буржуазовъ стояло въ нерѣшимости. Около пяти часовъ вечера изъ одного дома раздался по войскамъ выстрѣлъ. Бонапартъ тотчас открылъ картечный огонь. Не смотря на отчаянное сопротивленіе парижанъ, изъ которыхъ множество было убито, побѣда конвента была рѣшена въ одинъ часъ. Утромъ слѣдующаго дня она была довершена, и военныя коммисіи или военные суды, назначенные 7 октября, скоро избавили конвентъ отъ противниковъ. Спаситель конвента былъ назначенъ губернаторомъ Парижа съ титуломъ главнокомандующаго внутренней арміи. Но онъ тщательно избѣгалъ сближаться съ ненавистнымъ конвентомъ. Услуга, оказанная конвенту, и женитьба въ мартѣ 1796 на Жозефинѣ, вдовѣ генерала Богарне, доставили ему такое значеніе, что уже весной 1796 онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ итальянской арміею.

Конвентъ закрылся 26 октября. Въ послѣднія недѣли своего господства онъ такъ жестоко преслѣдовалъ своихъ враговъ, что уже тогда поколебалъ вѣру въ прочность существованія республики. Выборъ депутатовъ въ законодательныя палаты, направленный по его желанію, обезпечилъ ему господство и въ новой конституціи. Брюмера 3 (октября 25) онъ далъ амнистію, но исключилъ изъ нея всѣхъ гражданъ, принимавшихъ участіе въ вандеміерскомъ движеніи, и лишилъ ихъ—какъ прежде эмигрантовъ и ихъ родныхъ—права занимать какія-либо общественныя должности. Наконецъ, его члены въ совѣтѣ пятисотъ и совѣтѣ старѣйшихъ руководили выборами директоровъ и заставили выбрать такихъ людей, которые не могли измѣнить его системѣ. Въ директоры были выбраны Сійэсъ, Ребель, Барра, Ла Ревельеръ-Лепо и Леретурнеръ. Сійэсъ, находя, что обстоятельства еще сомнительны, отказался съ свойственнымъ ему лицемѣріемъ, и на мѣсто его былъ выбранъ Карно.

10. Исторія французскихъ войнъ съ 1795 до 1797.

а) Вандейская война и Базельскій миръ.

Жители Вандеи остались непоколебимо вѣрны старой вѣрѣ и старымъ политическимъ учрежденіямъ. Въ 1793 и 1794 они противились слишкомъ высоко парившимъ творцамъ новаго порядка и дѣйствовали успѣшнѣе союзныхъ великихъ державъ Европы (стр. 390). Заодно съ ними подняли оружіе противъ республики роялисты сосѣднихъ провинцій, особенно Бретани, называемые обыкновенно шуанами. Конвентъ прекратилъ эту опустошительную войну на западѣ, объявивъ въ началѣ 1795 амнистію на легкихъ условіяхъ; онъ честно соблюлъ ее, и вожди роялистовъ, Шаретъ, Стофле и другіе, заключили въ февралѣ 1796 въ Ла Жоне и въ Ла Мабиле мирный договоръ, признавъ республику отъ имени своихъ возмутившихся согражданъ. За это имъ было предоставлено свободно исповѣдывать религію, обѣщано удовлетвореніе за убытки, понесенные страною, и предоставлено право держать войска подъ названіемъ территоріальной гвардіи, чтобы сохранять водворенные порядокъ и спокойствіе.

Генералъ Гошъ, командовавшій на западѣ республиканскими войсками, справедливо не довѣрялъ этому миру, потому что часть роялистскихъ пред-

водителей не приняла заключеннаго договора, а другая смотрѣла на этотъ миръ какъ на перемиріе, такъ какъ роялисты на считали себя обязанными соблюдать вѣрность республиканцамъ, врагамъ святой церкви. Кромѣ того Гошъ отлично зналъ, что коноводы эмигрантовъ и англійскій кабинетъ неусыпно стараются снова разжечь потухшее пламя возстанія. Кротостью и уступками при строгомъ управленіи Гошъ съумѣлъ возстановить въ своей арміи дисциплину и водворить на западѣ спокойствіе хорошими военными мѣрами. Онъ, подобно Бонапарту, обладалъ большими военными, административными и политическими талантами, и кромѣ того отличался честнымъ характеромъ и великодушіемъ. Но предвидя новую вспышку возмущенія, онъ требовалъ дальнѣйшихъ военныхъ приготовленій. За это въ Парижѣ его обвинили, будто онъ хочетъ удержать свою власть на неопредѣленне время, и вслѣдствіе этого у него отняли значительную часть войскъ. Однако это послужило ему же на славу, когда уже черезъ мѣсяцъ послѣ мира въ Ла Мабиле оказалось, какъ правъ онъ былъ и какъ умно распорядился для предстоящей новой войны, не разсѣявъ, подобно своимъ предшественникамъ, войска по открытымъ мѣстностямъ, а собравъ ихъ въ укрѣпленныхъ лагеряхъ.

Чтобы Австрія не отказалась, подобно Пруссіи, отъ участія въ войнѣ, Питтъ обѣщалъ императору Францу еще субсидіи и въ то же время въ договорѣ, заключенномъ 4 мая 1795, обязался сдѣлать въ пользу австрійской арміи диверсію на западѣ. Съ этою цѣлью Питтъ снарядилъ три эмиграціонныхъ войска, которыя должны были, подъ прикрытіемъ англійскаго флота, снабженныя множествомъ военныхъ припасовъ, высадиться на берегу Бретани и возбудить на западѣ Франціи новое общее возстаніе. Въ этомъ дѣлѣ Англія видѣла еще ту выгоду, что оно избавляло ее отъ множества тягостныхъ гостей. Въ эмиграціонныя войска были зачислены всѣ военноплѣнные республиканцы, хотя, разумѣется, можно было предвидѣть, что они перебѣгутъ къ своимъ.

Первое эмиграціонное войско высадилось 26 іюня 1795 на полуостровѣ Киберонѣ, на западномъ берегу Бретани, у залива того же имени. Эмигрантамъ удалось тотчасъ завоевать фортъ Пантьевръ, лежащій на узкой полосѣ земли. Къ нимъ присоединилось нѣсколько тысячъ крестьянъ и шуановъ, впрочемъ совершенно негодныхъ въ дѣло. Имъ слѣдовало быстро идти впередъ, но они промѣшкали, тогда какъ Гошъ поспѣшно привелъ свои войска и расположился укрѣпленнымъ лагеремъ у входа въ полуостровъ. Роялисты аттаковали непріятельскій лагерь 16 іюля, наканунѣ прибытія своего втораго корпуса, но были отбиты, и 20 іюля генералъ Гошъ взялъ штурмомъ фортъ Пантьевръ. Черезъ перебѣжчиковъ онъ зналъ все, что дѣлается у непріятеля. Взятіе Пантьевра принудило эмигрантовъ спасаться бѣгствомъ на англійскіе корабли. Гошъ дозволилъ бы имъ уйти, но на это не согласились депутаты конвента, Тальанъ и Бладъ, изъ которыхъ первый опять превратился изъ умѣреннаго въ крайняго. Принятыя ими мѣры принудили эмигрантовъ положить оружіе. По увѣренію роялистовъ, Гошъ заключилъ при этомъ на словахъ капитуляцію съ однимъ изъ предводителей эмигрантовъ; но республиканскіе писатели опровергаютъ это Какъ бы то ни было, но изъ войска эмигрантовъ спасся только фурштатъ, а восемьсотъ эмигрантовъ было взято въ плѣнъ, отдано подъ военный судъ и казнено. Питтъ, говоря объ этомъ въ англійскомъ парламентѣ, гдѣ на него сильно нападали за неудачу предпріятія, обнаружилъ холодный эгоизмъ истаго англичанина, для котораго иностранцы или, какъ ихъ называли римляне, варвары, ничто иное, какъ матеріалъ для выработки англійскихъ цѣлей. Оправдываясь, онъ замѣтилъ, что вѣдь неудача не стоила ни одной капли англійской крови. На это Шериданъ справедливо отвѣчалъ ему: «Зато англійская честь текла изъ всѣхъ поръ».

Когда попытка двухъ первыхъ эмиграціонныхъ корпусовъ такъ постыдно не удалась, Гошъ двинулся къ Сенъ-Мало, куда направлялся третій корпусъ непріятеля. Этимъ отрядомъ командовалъ графъ д'Артуа. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ ихъ задерживали разныя причины, и когда наконецъ 2 октября они высадились на прибрежный островъ, дѣло было уже рѣшено, и въ ноябрѣ они возвратились въ Англію. Впрочемъ главная цѣль предпріятія—диверсія въ пользу Австріи, была вполнѣ достигнута. Чего стоило это предпріятіе Англіи, можно

судить потому, что въ фортѣ Пантьеврѣ Гошъ нашелъ, кромѣ большой суммы денегъ, семьдесятъ тысячъ полныхъ вооруженій, платья и припасовъ на 40,000 человѣкъ и взялъ у берега шесть кораблей, нагруженныхъ провіантомъ.

Умныя распоряженія Гоша сдѣлали дальнѣйшія вспышки возстанія невозможными. Въ концѣ августа конвентъ ввѣрилъ ему начальство надъ такъ называемой арміей Океана, т. е. надъ всѣми силами, расположенными на западѣ и простиравшимися до 100 тысячъ человѣкъ. Ему было въ то время только 27 лѣтъ. Онъ расположилъ своихъ солдатъ по всей странѣ, привлекъ къ себѣ заблуждавшихся жителей мѣрами кротости, преслѣдовалъ предводителей разбойничьихъ шаекъ съ непоколебимой строгостью и, будучи красивымъ офицеромъ и блистая въ салонахъ, вывѣдывалъ черезъ женщинъ всѣ секреты мужчинъ. Онъ также неограниченно господствовалъ въ западной Франціи, какъ Бонапартъ въ Италіи. Стофле, Шаретъ и другіе предводители шаекъ, вздумавъ продолжать борьбу, подверглись преслѣдованію Гоша и были наконецъ взяты въ плѣнъ. Такъ какъ ихъ взяли съ оружіемъ въ рукахъ, то Гошъ отдалъ ихъ подъ военный судъ и въ февралѣ и мартѣ 1796 разстрѣлялъ. Въ іюлѣ 1796 онъ могъ донести директоріи, что междоусобная война на западѣ совершенно прекращена и спокойствіе всюду возстановлено.

Когда Вандея была успокоена, Гошу было дано порученіе въ Ирландіи. Въ Ирландіи въ народѣ господствовало сильное неудовольствіе противъ гнета англійскаго правительства и ирландскаго парламента. Ирландскіе католики еще до французской революціи задумали отложиться отъ Англіи. Тщетно старался Питтъ умѣрить фанатизмъ оранжистовъ и англиканъ. Онъ возбудилъ только противъ себя страшный взрывъ негодованія этой партіи и неудовольствіе короля Георга, отчаянно державшагося за все старое. Это принудило его отступиться отъ предложенныхъ мѣръ кротости. Въ Ирландію былъ нарочно посланъ въ санѣ лорда-лейтенанта или вице-короля строгій англиканскій юристъ, лордъ Камденъ, чтобы возстановить старую систему преслѣдованій. Въ мартѣ 1796 цѣлыя графства были объявлены на военномъ положеніи, и ирландскіе оранжисты заключили формальный союзъ для истребленія папистовъ. Это заставило католиковъ прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ, и они устроили тайный заговоръ. Черезъ своихъ эмигрантовъ они заключили въ Парижѣ союзъ съ французской директоріей и расположили къ себѣ генерала Гоша. Былъ составленъ планъ общаго возстанія Ирландіи. Директорія одобрила этотъ планъ и приказала въ концѣ 1796 приготовить въ Брестѣ флотъ и войско.

По причинѣ превосходства англійскихъ силъ на морѣ это предпріятіе пришлось хранить въ тайнѣ до самой минуты исполненія его и приступить къ нему только зимою, вслѣдствіе чего оно совершенно не удалось. Флотъ, едва выйдя въ море, былъ разбитъ и разсѣянъ бурями. Часть его достигла 24 декабря 1796 Ирландіи: но такъ какъ Гоша, который одинъ зналъ тайну экспедиціи, не было при этой эскадрѣ, то начальствовавшій ею адмиралъ, не ожидая его, возвратился въ Брестъ. Вслѣдъ затѣмъ прибылъ и Гошъ съ другими кораблями, но къ великому своему сожалѣнію былъ принужденъ отказаться отъ предпріятія. Эта попытка стоила французскому правительству большихъ денегъ, трехъ линейныхъ кораблей и многихъ другихъ судовъ, уничтоженныхъ бурями и англичанами.

При высадкѣ французовъ большинство ирландскаго населенія не выказало имъ ни малѣйшаго сочувствія и даже вооружалось, чтобы отражать ихъ. Тѣмъ не менѣе англійское правительство продолжало дѣйствовать съ безпощадною жестокостью. Въ 1797 французы опять пытались высадить въ Ирландію войска съ помощью голландскаго флота подъ командою де-Винтера; но и эта попытка послужила только къ доставленію англичанамъ блестящей побѣды, одержанной надъ этимъ флотомъ лордомъ Донканомъ, что опять доказало превосходство англичанъ на морѣ. Когда такимъ образомъ ирландцы были лишены надежды на помощь Франціи, ирландскій парламентъ и вице-король лордъ Камденъ принялись за неслыханныя звѣрства, чтобы водворить въ Ирландіи мертвую тишину. Они принудили этимъ руководителей католическаго заговора опять попытать счастья въ возстаніи; но его пришлось отложить до конца лѣта 1798, потому что между ирландцами и французскою директоріею господствовало недовѣріе. Въ это время англичане разузнавали о заговорѣ и даже сами поджигали вол-

ненія, чтобы имѣть законныя доказательства противъ заговорщиковъ и чтобы запугать страну политическими процессами. Они воздвигли политическія гоненія въ февралѣ и мартѣ 1798, когда арестовали главныхъ заговорщиковъ и членовъ тайной революціонной директоріи, учрежденной въ Ирландіи; при этомъ военные суды, парламентъ и солдаты наперерывъ свирѣпствовали противъ заговорщиковъ. Тогда возстаніе наконецъ вспыхнуло, но страна поднялась не вся сразу, а графствами, одно за другимъ. Притомъ французы не прислали ни военной помощи, ни оружія. Возстаніе было легко подавлено. Оно послужило англичанамъ поводомъ ввести въ Ирландіи систему террора. На мѣсто лорда Камдена былъ назначенъ генералъ лордъ Корнваллисъ, и учреждена специальная коммисія для суда надъ заговорщиками. Противъ кого она не могла найти уликъ, того губили старымъ ужаснымъ способомъ парламентскихъ приговоровъ въ формѣ спеціальныхъ законовъ (bill of attainder).

Лордъ Корнваллисъ возстановилъ въ Ирландіи спокойствіе тѣмъ же средствомъ, какъ Гошъ въ Вандеѣ и Бретани. Онъ далъ общую амнистію и принялъ военныя мѣры, чтобы захватывать мятежниковъ разомъ со всѣхъ сторонъ. Когда инсургенты были всюду подавлены и обезоружены, прибыло французское вспомогательное войско (22 августа 1798). Оно пріѣхало на маленькой эскадрѣ и состояло всего изъ 1,100 человѣкъ дессанта подъ начальствомъ генерала Гюмбера. Конечно, онъ не могъ ничего сдѣлать и послѣ нѣсколькихъ славныхъ битвъ былъ принужденъ капитулировать (8 сентября). Вслѣдъ затѣмъ изъ Бреста вышла вторая французская флотилія, но 12 октября была разбита адмираломъ Уорреномъ. Одинъ изъ руководителей ирландскаго возстанія, извѣстный ученый писатель Горнъ Тукъ, былъ взятъ при этомъ въ плѣнъ и, не смотря на свое званіе французскаго офицера и положеніе военно-плѣннаго, не смотря даже на декретъ, изданный въ его пользу верховнымъ судомъ, былъ преданъ суду кроваваго трибунала, учрежденнаго въ Дублинѣ подъ названіемъ военнаго суда, который приговорилъ его къ смерти. Онъ предупредилъ казнь самоубійствомъ. Съ тѣхъ поръ въ Ирландіи настала мертвая тишина, и какъ мы увидимъ впослѣдствіи, въ 1801 островъ совершенно подпалъ подъ произволъ англійскаго правительства, когда ирландскій парламентъ былъ соединенъ съ англійскимъ.

Во время первыхъ попытокъ французовъ произвести высадку въ Ирландію, многія государства, участвовавшія въ коалиціи противъ Франціи, были принуждены искать мира. Великій герцогъ Тосканскій, Фердинандъ III, братъ императора Франца, первый изъ государей помирился съ Франціей и призналъ республику. Въ февралѣ 1795 онъ заключилъ мирный договоръ съ Франціей. Австрійскій кабинетъ тоже сошелся бы съ французами, если бы осенью 1794 Англія не соблазнила его шестью милліонами фунтовъ стерлинговъ, выданныхъ подъ видомъ займа. Пруссія начала переговоры съ французами въ то время, когда войска ея еще сражались на Рейнѣ. Наконецъ на нѣмецкомъ сеймѣ въ Регенсбургѣ изъ пятидесяти семи голосовъ тридцать шесть потребовали заключенія мира.

Мы не входимъ въ подробности переговоровъ, кончившихся оставленіемъ Пруссіею и Сѣверною Германіею общаго дѣла всей Германіи. Прусскій кабинетъ завелъ первые переговоры съ французами черезъ Мёллендорфа, а въ концѣ 1794 послалъ въ Базель для переговоровъ графа Гольца; въ февралѣ 1795 этотъ министръ умеръ, и на его мѣсто былъ присланъ Гарденбергъ, чтобы заключить мирный договоръ съ французскимъ посланникомъ въ Швейцаріи, Бартелеми. Этотъ договоръ, извѣстный подъ именемъ базельскаго мира, былъ заключенъ 5 апрѣля 1795, не смотря на усилія англичанъ воспрепятствовать ему. Главныя статьи его были составлены самимъ Гаугвицемъ. Этотъ несчастный договоръ предалъ французамъ Голландію и лѣвый берегъ Рейна, отдѣлилъ сѣверную половину Германіи отъ южной и обезпечилъ прусскому кабинету участіе въ дѣлежѣ нѣмецкой имперіи, на который въ договорѣ прямо намекалось. Пруссія согласилась на занятіе французами лѣваго берега Рейна и обѣщала свое посредничество всѣмъ имперскимъ членамъ, которые, подобно ей, пожелаютъ покинуть имперію на произволъ судьбы и начать переговоры съ Франціей. Далѣе, всѣмъ нѣмецкимъ областямъ къ сѣверу отъ демаркаціонной линіи, проведенной черезъ

всю имперію, давался нейтралитетъ, слѣдовательно, въ томъ числѣ всему курфюршеству Ганноверскому, что для тайныхъ намѣреній Пруссіи было чрезвычайно важно. Такимъ образомъ южная часть имперіи была предана во власть французовъ и австрійскаго кабинета, преданнаго Англіи. Кромѣ того, въ одной тайной статьѣ пруссаки обязались не мѣшать дѣйствіямъ французовъ противъ Голландіи и вообще противъ всѣхъ занятыхъ ими странъ. Пруссія формально согласилась на распространеніе французскихъ границъ до Рейна съ тѣмъ, чтобы и ей было дано вознагражденіе.

Испанія вскорѣ также заключила съ фуанцузской республикой миръ. Подъ управленіемъ опытнаго Аранды (стр. 167), котораго король Карлъ IV назначилъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, Испанія избѣгала войны съ Франціей до самой смерти Лудовика XVI. Но въ ноябрѣ 1792 мѣсто Аранды занялъ Годой, человѣкъ безъ способностей, безъ познаній и безъ патріотизма. Онъ сдѣлался другомъ королевы Луизы Маріи, а для государства вторымъ королемъ, и при немъ Испанія приняла участіе въ крестовомъ походѣ Европы противъ Франціи. Однако выскочка, презираемый соотечественниками, скоро раскаялся въ этомъ, когда въ 1794 французскія войска побѣдоносно вступили въ Испанію (стр. 400); кромѣ того, онъ искалъ во французскомъ правительствѣ опоры противъ ненависти испанской знати и потому въ концѣ того же года завелъ переговоры о мирѣ. Чтобы привести переговоры къ желанному концу, онъ послалъ въ маѣ 1795 въ Базель Иріарте. Дѣло въ началѣ затянулось, потому что Испанія требовала освобожденія дѣтей Лудовика XVI, дофина или, какъ называли его роялисты, Лудовика XVII, и принцессы Маріи Терезіи, а конвенту было невозможно отпустить за границу претендента. Но затрудненіе это было устранено въ іюнѣ смертью французскаго принца, послѣдовавшей 8 числа, и готовностью французовъ отпустить его сестру. Іюля 22-го 1795 миръ былъ заключенъ въ Базелѣ. Онъ былъ такъ выгоденъ для Испаніи, что за него Годой получилъ отъ своего государя титулъ князя Мира, де ла Пасъ, и даже народъ считалъ его нѣкоторое время опорой государства. Желая сдѣлать Годоя своимъ слугой, чтобы чрезъ него уничтожить главный источникъ англійской торговли и пріобрѣсти содѣйствіе испанскаго флота противъ Англіи, конвентъ возвратилъ Испаніи всѣ свои завоеванія, кромѣ испанской доли острова Санъ-Доминго. Сверхъ того, испанскому королю было предоставлено посредничество въ отношеніяхъ Франціи къ Неаполю, Пармѣ и папѣ. О французской принцессѣ были заведены переговоры между республикой и Австріей, вслѣдствіе которыхъ въ декабрѣ 1795 Марія Терезія была вымѣнена за пятерыхъ депутатовъ, выданныхъ Дюмурье австрійцамъ въ апрѣлѣ 1793 (стр. 378), и за военноплѣнныхъ Друэ, Маре и Семонвиля. Вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ Вѣну принцесса вышла замужъ за своего двоюроднаго брата, герцога Ангулемскаго.

Другія государства вскорѣ послѣдовали примѣру Пруссіи и Испаніи. Въ августѣ заключилъ миръ съ французской республикой Гессенъ-Кассель. Швеція прислала въ апрѣлѣ въ Парижъ посланника, желая снова имѣть представителя передъ парижскимъ правительствомъ. Венеція и Швейцарія покорились ему. Португалія и папа увѣряли даже, что никогда не состояли въ войнѣ съ Франціей. Неаполь, чтобы избавиться отъ испанскаго посредничества, хотѣлъ завязать переговоры. Даже Сардинія была непрочь отъ этого. Голландія же была уже покорена французами. Слѣдовательно, къ тому времени, когда во Франціи была введена новая конституція, большая часть Европы склонилась передъ республикой.

b) Покореніе Голландіи и война въ Германіи въ 1795 и 1796 годахъ.

Въ концѣ 1794 французы занимали весь лѣвый берегъ Рейна, за исключеніемъ Майнца и Люксембурга, покорили часть голландскихъ крѣпостей и оттѣснили англичанъ и голландцевъ за Ваалъ и Лекъ. Но проникнуть въ собственную

Голландію казалось невозможнымъ какъ по позднему времени года, такъ въ особенности вслѣдствіе плачевнаго состоянія французскихъ войскъ. Алчность коммисаровъ и поставщиковъ заставляла ихъ терпѣть недостатокъ во всемъ, даже въ необходимѣйшихъ жизненныхъ средствахъ и въ обуви. Зато вторгнувшись въ Голландію, французы нашли могущественнаго союзника въ господствовавшемъ тамъ неудовольствіи; притомъ множество бѣжавшихъ голландскихъ демократовъ составляли во французской арміи цѣлыя роты и находились въ связи съ своими соотечественниками (стр. 262—263). Если бы удалось покорить Голландію, то, демократизовавъ ее, французы не только навсегда отдѣлили бы ее отъ англичанъ, но могли бы помочь деньгами богатыхъ голландцевъ нуждѣ своей арміи и своего правительства. Поэтому, когда сильные холода въ декабрѣ 1794 дали возможность вторгнуться въ Голландію по замерзшимъ болотамъ, рѣкамъ и каналамъ, Пишгрю, главнокомандующій Сѣверною арміею, тотчасъ двинулся въ походъ и 27 декабря предпринялъ смѣлую попытку покорить Голландію своими истомленными нуждою и лишеніями войсками.

Въ нѣсколько недѣль попытка эта была успѣшно окончена. Французамъ помогла неспособность англійскихъ генераловъ. Уже въ половинѣ января англійскія и ганноверскія войска, находившіяся въ Голландіи, съ состоявшимъ при нихъ небольшимъ туземнымъ отрядомъ, были вынуждены отступить въ Вестфалію и Восточную Фрисландію. При этомъ отступленіи они такъ страдали отъ лишеній и холода, что находились не въ лучшемъ видѣ, чѣмъ наполеоновская армія при отступленіи къ Рейну въ 1813 году послѣ сраженія подъ Лейпцигомъ. Января 20 Пишгрю вступилъ въ Амстердамъ, откуда за два дня выѣхалъ штатгальтеръ Вильгельмъ V, искавшій убѣжища въ Англіи. Французскія войска были разставлены по всѣмъ Семи Провинціямъ; они кормились, одѣвались и получали жалованье на счетъ голландцевъ. Голландцы опытомъ узнали, какъ вредно народу очутиться беззащитнымъ по лѣности и скупости. Кромѣ французовъ ихъ вскорѣ ограбили и защитники, друзья ихъ, англичане, захватившіе безвозвратно голландскіе военные и купеческіе корабли, находившіеся въ англійскихъ гаваняхъ; сверхъ того, они завладѣли всѣми голландскими колоніями, за исключеніемъ острова Явы. Слѣдовательно, и на этотъ разъ они воспользовались всѣми выгодами войны, потому что уничтожили уже часть французскаго флота и завоевали французскія колоніи въ Вестъ-Индіи.

Покоренная страна была превращена въ вассальное государство Франціи, въ формѣ самостоятельной демократической республики, подъ именемъ Батавской. Но прежде чѣмъ приступили къ политическому преобразованію страны, французы поспѣшили заключить договоръ съ старымъ голландскимъ правительствомъ, генеральными штатами, зная, что съ демократами будетъ не такъ легко сладить, какъ съ опытными дѣловыми людьми. Договоръ этотъ, подписанный уже 16 мая 1795, отдалъ Франціи во владѣніе Венлоо, штатъ Лимбургъ, Маастрихтъ, штатъ Фландрію, далъ ей право держать гарнизоны въ Флиссингенѣ и свободное плаваніе по Шельдѣ, Маасу и Рейну. Кромѣ того, онъ обязывалъ голландцевъ уплатить сто милліоновъ гульденовъ за военныя издержки и содержать въ военное время 25,000 французскаго войска. Это условіе поставило новую республику въ постоянную зависимость отъ Франціи. Оно было тѣмъ тяжелѣе, что Франція безпрестанно мѣняла свои двадцать пять тысячъ человѣкъ, отзывала однихъ и присылала другихъ, которыхъ опять приходилось одѣвать и вооружать заново на голландскій счетъ.

По разнымъ причинамъ война въ Германіи разгорѣлась жарко только въ августѣ. Однако французы еще съ весны осаждали Майнцъ, а въ іюнѣ принудили къ сдачѣ Люксембургъ. Дѣйствовавшія противъ нихъ нѣмецкія войска были на половину ослаблены несчастнымъ базельскимъ миромъ. Виртембергъ, Баденъ, Пфальцъ-Баварія и другія южно-германскія государства съ нетерпѣніемъ ожидали минуты, когда можно будетъ также отказаться отъ дѣла отечества. Такимъ образомъ вся тяжесть войны обрушилась на австрійцевъ. Въ 1795 они геройски и счастливо дрались за нѣмецкую честь, хотя не было уже никакой надежды отстоять лѣвый берегъ Рейна. Въ продолженіе зимы они сдѣлали громадныя приготовленія и къ своему счастью въ апрѣлѣ отозвали своего неспособнаго

главнокомандующаго, герцога Саксенъ- Тешенскаго. На мѣсто его фельдмаршаломъ и главнокомандующимъ обѣихъ армій верхняго и нижняго Рейна, къ которымъ принадлежали и остатки имперской арміи, былъ назначенъ Клерфе. Хотя въ іюлѣ верхнерейнская армія была опять отдѣлена отъ главной арміи средняго и нижняго Рейна, но главнокомандующимъ ея былъ назначенъ старикъ Вурмзеръ, давно пріобрѣвшій извѣстность хорошаго генерала. У французовъ Сѣверная армія, стоявшая въ Голландіи, была въ августѣ ввѣрена Моро, а Пишгрю сдѣланъ главнокомандующимъ Рейнской и Мозельской армій. Журданъ остался во главѣ Санбръ-маасской арміи. Изъ этихъ трехъ генераловъ одинъ былъ измѣнникъ, чего французское правительство никакъ не подозрѣвало. Пишгрю былъ подкупленъ Бурбонами и состоялъ въ сношеніяхъ съ принцемъ Конде, командовавшимъ корпусомъ эмигрантовъ въ арміи Вурмзера, и съ англійскимъ министромъ Виктемомъ, который, будучи посланникомъ въ Швейцаріи, опозорился своимъ безсовѣстнымъ дипломатическимъ искусствомъ и возбудилъ къ себѣ даже въ Англіи ненависть и презрѣніе. Пишгрю надѣялся расположить свои войска въ пользу монархіи и повести ихъ на Парижъ.

Только въ сентябрѣ начались значительныя дѣйствія кампаніи 1795 года. Они открылись тѣмъ, что Журданъ переправилъ свою армію повыше Дюссельдорфа черезъ Рейнъ. Онъ могъ сдѣлать это только благодаря тому, что съ одной стороны, чтобы обойти непріятеля, не побоялся нарушить демаркаціонную линію, установленную базельскимъ миромъ, а съ другой стороны, пфальцъ-баварскій министръ фонъ Гомпешъ сдалъ ему городъ Дюссельдорфъ съ 350 орудіями и множествомъ оружія, не обративъ вниманія на доводы императорскаго генерала. Движеніе Журдана принудило австрійцевъ отступить къ Майну. Въ то же время (20 сентября) пфальцъ-баварскій министръ Оберндорфъ по первому востребованію сдалъ войскамъ Пишгрю укрѣпленный Мангеймъ, хотя часть арміи Вурмзера шла на помощь городу. Однако черезъ четыре дня при Гандшухсгеймѣ двѣ дивизіи Пишгрю, которыя должны были взять Гейдельбергъ, были разбиты, и Вурмзеръ съ Клерфе тотчасъ перешли въ наступленіе, чтобы съ одной стороны выручить осажденный Майнцъ, а съ другой—возвратить Мангеймъ, Клерфе двинулся на Ниддскій мостъ на Майнѣ при Гехстѣ и, не обращая вниманія на демаркаціонную линію, перешелъ черезъ Майнъ, въ чемъ онъ былъ совершенно правъ, потому что Журданъ также не уважилъ въ бергскомъ княжествѣ нейтральную почву, да притомъ императоръ не признавалъ базельскаго мира. Это привело французовъ въ такое разстройство, что 21 октября они поспѣшно отступили на лѣвый берегъ Рейна и замѣнили осаду Майнца простой блокадой. Между тѣмъ положеніе Вурмзера на верхнемъ Рейнѣ было очень опасно, потому что Пфальцъ-Баварія непремѣнно желала соблюдать нейтралитетъ и потому что онъ не могъ довѣрять находившемуся при его арміи корпусу герцога Виртембергскаго, который велъ переговоры съ французами. Его выручили измѣнническіе замыслы Пишгрю, который дѣлалъ только самое необходимое. Октября 18 Вурмзеръ началъ осаду Мангейма; 22 ноября гарнизонъ его, состоявшій изъ 10,000 человѣкъ, долженъ былъ сдаться въ плѣнъ, потому что Клерфе 29 октября совершенно разбилъ и разсѣялъ французское войско, осаждавшее Майнцъ. Послѣ этихъ неудачъ Пишгрю и Журданъ были принуждены отступить.

Къ концу года было заключено перемиріе на неопредѣленное время. Причиною этого были отчасти планы Конде и Пишгрю. Клерфе отправился въ Вѣну, чтобы прекратить злоупотребленія поставщиковъ, которые обогащались заодно съ министрами и офицерами его арміи насчетъ солдатъ; но онъ ничего не могъ сдѣлать противъ сильной австрійской аристократіи, и потому отказался отъ должности, не имѣя возможности быть полезнымъ націи, которая однако до самой смерти его, послѣдовавшей въ 1798, считала его спасителемъ нѣмецкой чести. Въ началѣ слѣдующаго года на его мѣсто поступилъ его достойный воспитанникъ, двадцатичетырехлѣтній эрцгерцогъ Карлъ. У французовъ Пишгрю былъ удаленъ 18 марта 1796, потому что директорія получила достовѣрныя свѣдѣнія объ его измѣнѣ, хотя юридическихъ уликъ не было. Онъ удалился въ свое имѣніе, гдѣ не переставалъ хлопотать о возвращеніи Бурбоновъ. Главнокомандующимъ Рейнской арміей былъ назначенъ вмѣсто него, другъ его, Моро.

Весною слѣдующаго 1796 года Бонапартъ началъ свои блестящія дѣйствія въ Италіи и, къ удивленію всего свѣта, съ самаго начала одерживалъ побѣду за побѣдой. Эрцгерцогъ Карлъ прекратилъ 21 мая перемиріе, чтобы сдѣлать диверсію въ пользу итальянской арміи. Противъ него на правомъ берегу Рейна выступилъ Журданъ, который между тѣмъ хорошо укрѣпилъ Дюссельдорфъ, но 15 іюня былъ разбитъ эрцгерцогомъ при Вецларѣ и принужденъ отступить на лѣвый берегъ Рейна. Во время этого отступленія часть его войска была еще разъ разбита генераломъ Крайемъ при Кирхейнѣ (близъ Альтенкирхена на южной границѣ Бергскаго княжества). Но эти побѣды ни къ чему не послужили австрійцамъ, потому что дѣйствія Бонапарта принуждали ихъ отсылать въ Италію войска и лучшихъ генераловъ рейнской арміи. Вслѣдствіе этого Журданъ уже 28 іюня могъ снова перейти за Рейнъ, и лѣвый берегъ до самаго Майнца опять былъ занятъ французами. Въ числѣ австрійскихъ генераловъ, посланныхъ тогда въ Италію, былъ и Вурмзеръ. Онъ выступилъ 17 іюня съ 25,000 человѣкъ. Мѣсто его занялъ Латуръ, а эрцгерцогъ былъ сдѣланъ главнокомандующимъ всѣхъ императорскихъ войскъ въ Германіи.

Счастливымъ оборотомъ войны на Рейнѣ французы были обязаны не только побѣдамъ Бонапарта, но и тайнымъ переговорамъ, которые многіе южнонѣмецкіе государи завязали съ ними, чтобы, по примѣру Пруссіи, принести свое отечество въ жертву своимъ частнымъ выгодамъ. По этой-то причинѣ Журданъ, отступивъ послѣ вецларскаго сраженія, старался завлечь эрцгерцога Карла подальше вверхъ по Рейну. По той же причинѣ Моро, сдѣлавъ видъ, что хочетъ напасть на Мангеймъ, вмѣсто того перешелъ 24 іюня подъ Стразбургомъ Рейнъ. Не встрѣтивъ никакого противодѣйствія со стороны швабскихъ войскъ, онъ при первомъ приступѣ взялъ крѣпость Кель, затѣмъ быстро повернулъ въ Швабію, оттѣснилъ поспѣшившаго противъ него эрцгерцога и старался отрѣзать ему сообщеніе съ Австріею. Въ то же время армія Журдана, прогнавъ австрійцевъ за Майнъ, появилась въ южной Германіи и проникла черезъ Франконію на Дунай. Тогда южно-германскія государства могли привести въ исполненіе давно задуманное намѣреніе отпасть отъ имперіи. Прежде всѣхъ заключилъ 17 іюля перемиріе съ Франціею Виртембергъ; за нимъ послѣдовали Баденъ, Швабскій округъ и имперскіе чины Франконіи. Всѣ купили себѣ право послать въ Парижъ посланниковъ для покупки мира контрибуціями и всякими жертвами, далеко превосходившими все, что было сдѣлано ими для имперіи во время войны. Въ августѣ и Саксонія отозвала свои полки отъ имперской арміи. Пользуясь затруднительнымъ положеніемъ императорской арміи, прусскій кабинетъ заключилъ съ Франціею тайный договоръ о раздѣлѣ нѣмецкой имперіи. Въ этомъ договорѣ, заключенномъ 5 августа 1796, прусскій король повторилъ свое обѣщаніе помочь французамъ удержать въ постоянномъ владѣніи лѣвый берегъ Рейна и обязался доставить новой Батавской республикѣ, бывшей въ сущности французской провинціей, часть епископства мюнстерскаго, за что ему слѣдовало получить остальную часть епископства, а зятю его, штатгальтеру Вильгельму V Голландскому—Вюрцбургъ и Бамбергъ съ курфиршескимъ титуломъ.

Журданъ шелъ черезъ Верхній Пфальцъ на Дунай, а Моро къ Аугсбургу, какъ вдругъ эрцгерцогъ Карлъ далъ войнѣ другой оборотъ. Онъ опередилъ генерала Моро въ Баваріи, пріобрѣлъ тамъ въ подкрѣпленіе 15,000 отличныхъ венгерскихъ гренадеровъ и 21 августа внезапно перешелъ на лѣвый берегъ Дуная, чтобы аттаковать одинъ корпусъ арміи Журдана, зашедшій слишкомъ далеко подъ начальствомъ Бернадота. Ему удалось разсѣять этотъ корпусъ и тѣмъ принудить Журдана отступить изъ Верхняго Пфальца. Онъ безостановочно преслѣдовалъ отступавшаго непріятеля, ослаблялъ его стычками, не вступая въ рѣшительную битву, и наконецъ разбилъ 3 сентября при Вюрцбургѣ, послѣ чего прогналъ его за Рейнъ. Потерпѣвъ пораженіе въ чужой землѣ, французскія войска всегда падаютъ духомъ и приходятъ въ совершенное разстройство. Такъ было и съ арміей Журдана, отступленіе которой приняло видъ безпорядочнаго бѣгства. Тутъ возстали нѣмецкіе крестьяне, бывшіе нечета своимъ чиновникамъ; они взялись за оружіе въ Шпессартѣ, Оденвальдѣ, на Рейнѣ, на Майнѣ и на Ланѣ, образовали ополченіе и разбивали всѣхъ проходившихъ французовъ, которые разбѣгались. Что еще держалось изъ арміи Журдана, было разбито и раз-

сѣяно 16 сентября при Лимбургѣ и 20 числа при Альтенкирхенѣ. Остатки ея спѣшили перебраться через Рейнъ, на правомъ берегу котораго во власти французовъ остались только Дюссельдорфъ и Нейвидскіе окопы. Вскорѣ послѣ того Журданъ вышелъ въ отставку. Французская директорія поспѣшно создала новую армію и назначила главнокомандующимъ Бернонвиля.

Между тѣмъ Моро проникъ изъ Швабіи въ Баварію. Аристократическіе любимцы курфирста Карла Теодора измѣннически предали французамъ крѣпости Мангеймъ и Дюссельдорфъ. Вообще курфирста постоянно окружали измѣнники и трусы, и потому онъ заключилъ 7 сентября съ Моро перемиріе, не постыдившись купить его гораздо большими жертвами своихъ подданныхъ, чѣмъ они когда либо несли за имперію. Но храбрые австрійцы, которымъ соотечественники измѣнили, уже съ 11 сентября начали освобождать Баварію и Швабію, и въ то же время въ Швабіи поднялись угнетаемые друзьями и врагами крестьяне. Австрійцы со всѣхъ сторонъ побѣдоносно наступали на Моро. Эрцгерцогъ предоставилъ своимъ генераламъ преслѣдовать Журдана, а самъ поспѣшилъ на верхній Рейнъ, чтобы отрѣзать непріятелю отступленіе во Францію. Моро уже 20 сентября перенесъ свою главную квартиру въ Ульмъ и очутился въ чрезвычайно опасномъ положеніи, однако спасъ свою армію превосходнымъ отступленіемъ и къ концу октября безъ большихъ потерь прибылъ въ Гюннингенъ, не допустивъ, подобно Журдану, совершеннаго разстройства и уничтоженія своей арміи. Такимъ образомъ эрцгерцогъ Карлъ отнялъ у французовъ весь правый берегъ Рейна до Келя, въ январѣ 1797 принудилъ къ сдачѣ и эту крѣпость и въ февралѣ взялъ Гюннингенскій тетъ-де-понъ на капитуляцію. Послѣ того на Рейнѣ было заключено перемиріе. Но эрцгерцогъ долженъ былъ тотчасъ спѣшить въ Австрію спасать Вѣну, которой грозилъ Бонапартъ.

c) Война въ Италіи и Леобенскіе прелиминаріи.

Французы вторгнулись въ Италію еще въ 1792. Осенью этого года они завоевали Савойю и вскорѣ присоединили ее къ своему государству (стр. 374 и 376). Но за Альпы они не переходили ни въ этомъ, ни въ слѣдующемъ году. И въ Италіи, какъ вездѣ, войска ихъ страшно терпѣли отъ обмановъ поставщиковъ и коммисаровъ. Тѣмъ не менѣе, когда въ 1795 базельскій миръ и счастливыя военныя дѣйствія въ Германіи дали возможность прислать въ Италію значительныя подкрѣпленія, они разбили въ концѣ этого года и австрійцевъ, и сардинцевъ.

Въ февралѣ 1796 Бонапартъ былъ назначенъ главнокомандующимъ итальянской арміей. Хотя тогда ему было всего двадцать семь лѣтъ, но директорія чувствовала себя обязанной ему и желала по политическимъ и военнымъ причинамъ поставить его во главѣ итальянской арміи. Бонапартъ уже отличился какъ отличный генералъ, обладающій прозорливостью полководца и государственнаго человѣка и всегда умѣющій искусно пользоваться каждой ошибкой непріятеля. Кромѣ того, какъ полуитальянецъ, онъ былъ способнѣе другихъ генераловъ вести войну въ Италіи. Наконецъ директоріи было необходимо пріобрѣсти расположеніе способныхъ генераловъ, потому что у нея были страшные враги, съ которыми рано или поздно ей предстояло вступить въ опасную борьбу. Уже первые выборы въ законодательныя палаты ввели въ нихъ отъявленныхъ роялистовъ, такъ что можно было навѣрно предположить, что первое же пополненіе палатъ доставитъ этой партіи большинство голосовъ. Хотя Бонапартъ своими произвольными дѣйствіями въ Италіи возбудилъ въ директорахъ зависть и опасеніе, но зато показалъ, какъ необходимъ онъ имъ, потому что не только съумѣлъ прокормить свое войско, но даже ухитрился послать значительныя денежныя суммы въ Парижъ и въ арміи, дѣйствовавшія въ Германіи. Какъ велики были эти суммы, можно судить по тому, что въ 1797 Бонапартъ объявилъ своимъ солдатамъ, что заплатилъ за все одиннадцатимѣсячное содержаніе ихъ и кромѣ того послалъ во Францію тридцать милліоновъ. Но правительству доставались далеко не всѣ вымогаемыя деньги; большая часть попадала въ руки термидоріанской сволочи, посылаемой въ Италію подъ названіемъ коммисаровъ.

Въ то время, какъ директорія посылала въ Италію своего способнѣйшаго генерала, австрійскіе министры сдѣлали двойную ошибку: во-первыхъ, пославъ главнокомандующимъ противъ молодаго геніальнаго французскаго полководца семидесятилѣтняго старика, валлонца Больe, а во-вторыхъ, оставивъ противъ его воли командиромъ сильнаго корпуса его арміи неспособнаго и безпечнаго генерала Аржанто. Кромѣ того Больe былъ стѣсненъ во всѣхъ предпріятіяхъ своими союзниками, потому что сардинскій кабинетъ, руководимый другими политическими воззрѣніями, чѣмъ австрійскій, съ недовѣріемъ наблюдалъ за каждымъ его шагомъ. На этихъ недоразумѣніяхъ своихъ противниковъ Бонапартъ основалъ свои военные и политическіе планы.

Марта 27 Бонапартъ прибылъ въ главную квартиру французской арміи, расположенной на югѣ морскихъ Альпъ и Апениnъ, отъ Ниццы до генуезскихъ владѣній. Онъ нашелъ армію въ самомъ печальномъ положеніи. Солдаты терпѣли недостатокъ во всемъ, такъ что многіе ходили босикомъ, а офицеры уже давно должны были довольствоваться вмѣсто полнаго жалованья 8 франками въ мѣсяцъ. Слѣдовательно, Бонапартъ долженъ былъ уже потому спѣшить рѣшительными дѣйствіями, чтобы какъ можно скорѣе доставить своимъ войскамъ продовольствіе, платье, деньги и лошадей. Это намѣреніе онъ сообщилъ своимъ солдатамъ, открывая кампанію штурмомъ Апенинскаго хребта, съ намѣреніемъ отдѣлить австрійцевъ отъ сардинцевъ и затѣмъ проникнуть въ богатыя равнины Піемонта и Ломбардіи. Онъ возбудилъ мужество солдатъ своимъ оригинальнымъ краснорѣчіемъ, близкимъ къ фанфаронству, которое до сихъ поръ повторяется у французовъ въ книгахъ и съ каѳедръ, умиляетъ ихъ и встрѣчается даже въ академическихъ фразахъ разныхъ Вильменей.

Въ тринадцать дней Бонапартъ достигъ своей цѣли. Выступивъ съ арміей 10 апрѣля, онъ разбилъ австрійцевъ и сардинцевъ при Монтеноте, Миллезимо, Дего, Чевѣ и Мондови и отбросилъ ихъ другъ отъ друга. Побѣдами и грозою взрыва демократическаго заговора, нити котораго находились въ его рукахъ, онъ такъ напугалъ короля Виктора Амедея III Сардинскаго, что тотъ предложилъ вступить въ мирные переговоры. Уже 28 апрѣля Викторъ Амедей заключилъ съ Бонапартомъ перемиріе, которое потомъ было обращено въ Парижѣ въ миръ на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Это перемиріе можно считать началомъ той хитрой политики Бонапарта, которою онъ во всѣхъ своихъ войнахъ выигрывалъ гораздо больше, чѣмъ своими блестящими побѣдами. Сардинскій король долженъ былъ уступить французамъ Савойю и Ниццу навсегда, сдать на неопредѣленное время всѣ свои крѣпости, кромѣ Турина, открыть французскимъ войскамъ постоянный путь черезъ Піемонтъ, заплатить контрибуціи и обязаться снабжать французовъ жизненными припасами. Миръ, заключенный съ Сардиніею, и дальнѣйшее побѣдоносное шествіе Бонапарта заставили герцоговъ Пармскаго и Моденскаго подчиниться повелѣніямъ французскаго главнокомандующаго. Уже въ маѣ оба они заключили съ Бонапартомъ перемиріе. При этомъ случаѣ Бонапартъ началъ систематическій грабежъ произведеній искусства, которымъ потомъ сопровождалъ каждый мирный договоръ свой. Картины, статуи, книги и рукописи, все это грабилось для Парижа, чтобы видомъ этихъ трофеевъ и блескомъ столицы удовлетворять суетности французовъ и внушать имъ восторгъ къ Бонапарту. За это французскіе и итальянскіе риторы также безмѣрно восхваляли Бонапарта, какъ нѣкогда греческіе риторы прославляли римскихъ героевъ, грабившихъ Грецію. Такому же грабежу подвергались и государственныя казначейства и монастыри; сокровища ихъ служили на удовлетвореніе нуждъ директоріи и французской арміи. Герцогъ Фердинандъ I Пармскій состоялъ въ родствѣ съ испанскимъ королемъ, и Бонапартъ хотѣлъ показать видъ, что изъ уваженія къ Испаніи хочетъ пощадить его, потому что французамъ хотѣлось употребить Испанію противъ Англіи. Тѣмъ не менѣе герцогъ былъ принужденъ заплатить два милліона франковъ, доставить тысячу семьсотъ лошадей и значительную массу провіанта и выдать двадцать картинъ по выбору французовъ. Гораздо суровѣе было поступлено съ герцогомъ Геркулесомъ III Райнальдомъ Моденскимъ. Онъ выдалъ также двадцать картинъ, заплатилъ семь съ половиною милліоновъ чистыми деньгами и два съ половиною милліона хлѣбомъ. Кромѣ того ихъ обоихъ обманули, приказавъ имъ по заключеніи перемирія хло-

потать о мирѣ въ Парижѣ; слѣдовательно, директорія удержала за собою право ограбить ихъ вторично. Съ герцогомъ Пармскимъ миръ былъ заключенъ 5 ноября. Герцога Моденскаго долго водили за носъ, и наконецъ Бонапартъ 5 октября объявилъ ему, что въ интересахъ Франціи прекращаетъ перемиріе и занимаетъ герцогство.

Заключивъ перемиріе съ Сардиніею, Бонапартъ тотчасъ обратился на австрійцевъ. Мая 7 онъ перешелъ По, но не тамъ, гдѣ слѣдовало ожидать по условіямъ договора съ Сардиніей, а значительно ниже, и настигъ отступавшихъ за Адду австрійцевъ при Лоди. Здѣсь 10 мая Бонапартъ совершилъ знаменитый переходъ черезъ мостъ на Аддѣ. Французы трубятъ о немъ безъ всякой мѣры, говорятъ, что это величайшій подвигъ во всемірной исторіи, разсказываютъ, будто огромное множество австрійскихъ орудій извергало на французовъ смерть и разрушеніе, что солдаты не отваживались идти впередъ и что тутъ Бертье и другіе генералы стали во главѣ колонны и повели ее на штурмъ моста подъ ужаснѣйшимъ картечнымъ огнемъ. Какъ мало правды въ этихъ разсказахъ, видно изъ того, что самъ Бертье пишетъ въ своемъ донесеніи, что мостъ былъ взятъ съ перваго приступа. Тѣмъ не менѣе всѣ знающіе люди удивляются, какимъ образомъ мостъ въ триста шаговъ длины, уставленный орудіями, могъ быть взятъ штурмомъ. Непосредственныя слѣдствія битвы при Лоди были очень значительны. Миланъ и Ломбардія были ея цѣною, и австрійскія войска должны были отступить частію къ Мантуѣ, частію въ Тироль. Кромѣ того они упали духомъ, тогда какъ французскія войска проникли съ великимъ довѣріемъ къ Бонапарту, и вся Европа удивлялась его дѣламъ.

Мая 14 Бонапартъ вступилъ въ Миланъ, цитадель котораго продержалась до 27 іюня. Республиканскіе мечтатели встрѣтили его криками восторга, на которые онъ отвѣтилъ пустыми фразами и все-таки стянулъ съ города двадцать милліоновъ франковъ контрибуціи. Такимъ же вымогательствамъ подверглись и другіе города Ломбардіи. При дальнѣйшемъ преслѣдованіи австрійцевъ Бонапартъ далъ и венеціанскимъ аристократамъ почувствовать свою тяжелую руку. Не обращая вниманія на нейтралитетъ венеціанской республики, онъ поставилъ въ ея городахъ гарнизоны; объявилъ, что пребываніе въ Веронѣ графа Провансскаго, называвшаго себя Лудовикомъ XVIII, есть оскорбленіе для Франціи, грубѣйшими угрозами запугалъ венеціанскако коменданта Вероны и заставилъ его сдать форты города. От преслѣдованія австрійскаго войска Бонапартъ снова обратился противъ средней Италіи, чтобы и тамъ покорить одно государство за другимъ и собрать для директоріи контрибуціи. Напуганный король неаполитанскій поспѣшилъ предложить миръ. Но ему дали только перемиріе на довольно выгодныхъ условіяхъ, потому что Бонапарту нужно было пока только лишить австрійскую армію бывшихъ при ней четырехъ полковъ хорошей неаполитанской кавалеріи. Перемиріе было заключено 5 іюня при посредничествѣ испанскаго посланника и обязало Неаполь держать нейтралитетъ. Заключеніе мира затянулось до октября. Даже папа Пій VI, когда французскія войска вступили въ его владѣнія, сталъ просить мира. Но его римская хитрость не помогла ему, потому что онъ имѣлъ дѣло съ корсиканцемъ, который былъ хитрѣе и энергичнѣе папы и его кардиналовъ. Въ перемиріи, заключенномъ 23 іюня, Бонапартъ принудилъ папу заплатить пятнадцать съ половиною милліоновъ франковъ наличными деньгами, пять съ половиною милліоновъ натурою, отдать сто художественныхъ произведеній и пятьсотъ рукописей и уступить часть своихъ владѣній. Великій герцогъ Тосканскій, хотя давно находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Франціею, долженъ былъ отдать часть своихъ сокровищъ, которыя жадные директоры заставляли Бонапарта выжимать изъ Италіи. Поводъ къ этому дали англійскіе товары, лежавшіе въ Ливорно. Въ этомъ городѣ было отобрано товаровъ на 10—12 милліоновъ.

Когда австрійцы выступили изъ Ломбардіи, Бонапартъ началъ осаду Мантуи, находившейся еще въ ихъ власти. Но въ концѣ іюля онъ получилъ извѣстіе, что Вурмзеръ, пришедшій съ Рейна съ значительнымъ подкрѣпленіемъ, сформировалъ въ Тиролѣ шестидесятитысячную армію и оттѣснилъ французовъ, стоявшихъ подъ командою Массена на тирольской границѣ. При этомъ извѣстіи Бонапартъ тотчасъ оставилъ осаду Мантуи, чтобы рѣшить судьбу крѣпости

битвой въ полѣ. Вурмзеръ самъ облегчилъ ему побѣду, потому что, какъ передъ нимъ Больё, пребывая вѣренъ старой методической системѣ войны, раздѣлилъ свое войско, тогда какъ Бонапартъ и тогда, какъ впослѣдствіи, дѣйствовалъ на одинъ пунктъ всѣми силами, какими могъ располагать, и билъ непріятеля по частямъ. Австрійскій главнокомандующій повелъ половину своей арміи, которую раздѣлилъ еще на нѣсколько частей, по долинѣ Эча, а другую, подъ командою генерала Квоздановича, послалъ по западной сторонѣ Гардскаго озера черезъ Рива и Сало. Бонапартъ пошелъ сначала на Квоздановича. Онъ разбилъ его два раза въ теченіе нѣсколькихъ дней и прогналъ назадъ къ сѣверному концу Гардскаго озера. Между тѣмъ Вурмзеръ дошелъ до Мантуи, и доставилъ городу подкрѣпленія, но когда 2 августа вышелъ изъ города, корпуса Квоздановича уже не существовало. Бонапартъ двинулся ему на встрѣчу и 5 августа разбилъ его въ рѣшительной битвѣ при Кастильоне, въ которой отличились въ особенности Ожеро и Массена. Лишившись въ этой битвѣ двухъ тысячъ убитыми и тысячи взятыми въ плѣнъ, Вурмзеръ былъ принужденъ отступить съ тяжкими потерями къ Тиролю, а Бонапартъ опять осадилъ Мантую.

Въ Тиролѣ Вурмзеръ получилъ подкрѣпленія, которыя почти уравняли его силы съ французскими, но, двинувшись въ Ломбардію, онъ повторилъ свою ошибку, опять раздѣливъ свои силы. Самъ онъ двинулся по долинѣ Бренты, чтобы чрезъ Бассано выйти къ Мантуѣ; другую часть велъ Давыдовичъ чрезъ долину Эча. Сентября 5 послѣдній былъ разбитъ при Роведо и затѣмъ прогнанъ чрезъ долину Эча до Querymarka. Послѣ того Бонапартъ со всѣми своими силами повернулъ въ долину Бренты, чтобы аттаковать Вурмзера съ тылу. Сентября 8 онъ нагналъ его при Бассано, почти безъ боя взялъ двѣ тысячи плѣнныхъ и тридцать орудій и раздѣлилъ австрійскую армію на двѣ части. Одна, подъ начальствомъ Квоздановича спаслась отступленіемъ въ Фріуль; самъ Вурмзеръ съ остальными шестнадцатью тысячами человѣкъ пробился къ Мантуѣ. Подъ стѣнами этой крѣпости австрійскій главнокомандующій отважился дать еще битву, но (14 и 15 октября) былъ снова разбитъ, потерялъ болѣе двухъ тысячъ человѣкъ и съ трудомъ достигъ города. Затѣмъ французы довольствовались простой блокадой крѣпости въ увѣренности, что, при скопленіи въ Мантуѣ огромнаго числа людей, лишенія и недостатки, а также испаренія болотъ и озеръ, окружающихъ городъ, скоро уничтожатъ гарнизонъ.

Послѣ этихъ побѣдъ Бонапартъ занялся основаніемъ въ Верхней Италіи республикъ — Циспаданской и Транспаданской. Первая должна была составиться изъ владѣній, отошедшихъ отъ папы и изъ герцогства Моденскаго. Бонапартъ воспользовался народнымъ движеніемъ въ Реджіо, чтобы обвинить герцога Моденскаго въ нарушеніи мира и объявить его лишеннымъ престола. Въ тоже время онъ старался стѣснить аристократію, господствовавшую въ Генуѣ, чтобы потомъ совершенно ее свергнуть. Предлогомъ къ этому послужило то обстоятельство, что англичане захватили французскій фрегатъ подъ пушками Генуи. Въ видѣ вознагражденія за этотъ фрегатъ, Генуя должна была заплатить два милліона франковъ, и подъ видомъ безпроцентнаго займа дать еще два милліона. Между тѣмъ Неаполь успѣлъ во время (10 октября) заключить миръ съ директоріею.

Чтобы спасти Мантуу, Австрія выставила въ октябрѣ новую армію. Но и она была раздѣлена на двѣ части и должна была соединиться подъ Вероной, чтобы отогнать французовъ отъ Мантуи съ помощью Вурмзера, который въ тоже время сдѣлалъ бы вылазку. Главныя силы подъ командой Альвинци шли изъ Фріуля на Бассано; другой корпусъ подъ начальствомъ Давыдовича — изъ Тироля вдоль Эча. Въ началѣ австрійцы дѣйствовали довольно успѣшно и оттѣснили непріятеля; но послѣ этихъ первыхъ успѣховъ Давыдовичъ простоялъ нѣсколько дней въ совершенномъ бездѣйствіи и этимъ далъ французамъ возможность быстро кинуться на Альвинци. Ноября 15 Бонапартъ напалъ на него при Арколе и въ трехдневной битвѣ разбилъ его наголову. Самъ онъ былъ отброшенъ за Бренту, а Давыдовичъ къ Триденту. Такимъ образомъ задуманная выручка Мантуи совершенно не состоялась.

Съ усиліями достойными удивленія, Австрія собрала четвертую армію въ теченіе полугода. Она состояла изъ сорока пяти тысячъ человѣкъ, и когда въ

началѣ 1797 тронулась въ походъ, ее снова раздѣлили на двѣ колонны. Одна подъ командой Проверы пошла черезъ Бассано и Падуу прямой дорогой на Мантуу; другая, болѣе сильная, шла подъ предводительствомъ Альвинци вдоль Эча. Бонапартъ двинулся немедленно на Альвинци и 14 января одержалъ надъ нимъ при Риволи такую блистательную побѣду, что взялъ въ плѣнъ десять тысячъ человѣкъ; не теряя времени, онъ аттаковалъ Проверу, достигшаго уже 15 числа Мантуи и думавшаго соединиться съ гарнизономъ этой крѣпости и аттаковать осаждавшихъ французовъ. Аттака была назначена 16 числа; но Бонапартъ съ Массена прибыли подъ Мантуу еще наканунѣ ночью и приняли такія мѣры, что въ этотъ самый день, 16 числа, въ 10 часовъ утра Провера съ шестью тысячами семью стами человѣкъ долженъ былъ положить оружіе. Слѣдствіемъ этой почти безпримѣрной побѣды была сдача Мантуи, гарнизонъ которой пострадалъ такъ сильно отъ лишеній и болѣзней, что изъ двадцати восьми тысячъ человѣкъ семь тысячъ умерло, а шесть тысячъ лежало въ госпиталяхъ. Бонапартъ предоставилъ генералу Вурмзеру почетную капитуляцію. Самъ Вурмзеръ съ семью стами человѣкъ и со всѣмъ своимъ штабомъ получилъ право удалиться; но пятнадцать тысячъ человѣкъ войска сдались военноплѣнными.

Послѣ паденія Мантуи пришла очередь папы Пія VI. Еще во время перваго появленія Вурмзера въ Италіи папа началъ дѣлать вооруженія и устроивать свои войска при помощи австрійскихъ офицеровъ. Развязавъ себѣ руки, Бонапартъ ухватился за этотъ поводъ, чтобы взять съ папы еще сильнѣйшія контрибуціи, чѣмъ прежде. При этомъ онъ доказалъ свою ловкость въ обманахъ и хитростяхъ. Хотя на него шла новая австрійская армія подъ начальствомъ эрцгерцога Карла, онъ объявилъ 1 февраля перемиріе съ папой нарушеннымъ и приготовился идти прямо на Римъ. Этимъ онъ достигъ своей цѣли тѣмъ легче, что трусливые наемники папы перебѣгали къ нему цѣлыми толпами. Папа просилъ мира и былъ тѣмъ уступчивѣе, чѣмъ неумолимѣе показывалъ себя Бонапартъ. Бонапарту удалось такимъ образомъ принудить папу принять очень тяжелыя условія. Мирнымъ договоромъ, заключеннымъ 19 февраля 1797 въ Толентино, папа уступилъ Франціи Авиньонъ, Венесенъ, Болнови, Феррару и Романью, отдалъ Анкону подъ французскій гарнизонъ и заплатилъ сверхъ недоплаченныхъ шестнадцати милліоновъ прежней контрибуціи еще пятьнадцать милліоновъ. При походѣ противъ папы были ограблены сокровища Лоретты, на которую директорія давно точила зубы. Хотя хитрые попы давно замѣнили золото и драгоцѣнные камни, украшавшіе чудотворный образъ Богородицы, фальшивыми каменьями и мишурой, однако французамъ еще осталась богатая пожива.

Въ мартѣ Бонапартъ открылъ кампанію противъ эрцгерцога Карла, принявшаго начальство надъ новой императорской арміей, назначенной въ Италію. Тотчасъ послѣ битвы при Риволи Бонапартъ послалъ генерала Жубера преслѣдовать Альвинци въ Тироль, гдѣ Жуберъ еще стоялъ. Самъ Бонапартъ былъ гораздо сильнѣе эрцгерцога, потому что былъ подкрѣпленъ двумя дивизіями Рейнской арміи подъ командой Дельма и Бернадота. Онъ поспѣшилъ аттаковать эрцгерцога, стоявшаго на Тальяменто всего съ двадцатью тысячами человѣкъ въ ожиданіи подкрѣпленій съ Рейна. При **Вальвасоне** онъ принудилъ 16 марта слабое войско эрцгерцога къ отступленію. Карлъ пошелъ въ Каринтію и Штирію, а Бонапартъ послѣдовалъ за нимъ съ такой быстротой, что прибылъ въ Клагенфуртъ уже 30 марта, тогда какъ эрцгерцогъ только наканунѣ вышелъ оттуда. Но здѣсь Бонапартъ очутился очень въ критическомъ положеніи. Онъ не имѣлъ никакихъ извѣстій о Жуберѣ и въ тоже время узналъ, что весь Тироль возсталъ, что жители Венгріи, Кроаціи, Крайна, Каринтіи и Штиріи угрожаютъ подняться поголовно и что Тріестъ, только-что впустившій французскія войска, принудилъ ихъ удалиться. Бонапарту грозила опасность потерять сообщеніе съ Италіей, а австрійцы каждое мгновеніе могли получить подкрѣпленіе съ Рейна. Въ этомъ сомнительномъ положеніи онъ написалъ 31 марта изъ Санктъ-Вейта эрцгерцогу, открывая ему надежду на выгодный миръ, и въ тоже время самъ подвинулся еще ближе къ Вѣнѣ, такъ что ему оставалось до нея только 18 миль. Эрцгерцогъ согласился вступить въ переговоры, и 7 апрѣля 1797 было заключено перемиріе. Одиннадцать дней спустя прелиминаріи были уже подписаны.

Это неожиданное прекращеніе войны было дѣло интриги, затѣянной королевой Маріей Каролиной неаполитанской (стр. 117) чрезъ своего посланника въ Вѣнѣ, маркиза де-Галло, чтобы отклонить опасность, грозившую ея государству. Всѣ были изумлены быстрому заключенію предварительныхъ условій; но общее изумленіе еще болѣе возрасло, когда узнали, что переговоры, рѣшившіе судьбу Германіи, Италіи, Венгріи и Австріи, велъ неаполитанецъ маркизъ де-Галло. Де-Галло склонилъ императора къ поспѣшному заключенію мира чрезъ императрицу, дочь неаполитанской королевы, имѣвшую на него огромное вліяніе. Въ тоже время онъ вступилъ въ тайные переговоры съ Бонапартомъ. Одинъ изъ министровъ императора, презрѣнный Тугутъ, былъ также посвященъ въ интригу. Со стороны эрцгерцога Карла они оградили себя тѣмъ, что привлекли на свою сторону графа Бельгарда, состоявшаго при немъ менторомъ, впрочемъ не открывая ему своего секрета. Этимъ путемъ они добились согласія императора на заключеніе мира и довели его до того — что несказанно удивило даже Бонапарта, — что онъ поручилъ все дѣло чужому посланнику. Маркизу де-Галло было поручено вести предварительные переговоры. Хотя въ товарищи ему былъ назначенъ графъ Мерфельдъ, но это было сдѣлано больше для формы. Переговоры происходили въ замкѣ, близъ Леобена, и уже 18 апрѣля 1797 былъ подписанъ Леобенскій предварительный договоръ. Окончательное заключеніе мира было отложено до 1 октября. Ни одна сторона не считала эти условія прочными. Они служили только прикрытіемъ порѣшеннаго раздѣла венеціанской республики, который хотѣли скрыть отъ Англіи. Условія хранились въ глубокой тайнѣ и до сихъ поръ неизвѣстны. Впрочемъ они и не любопытны, потому что все это было чистое надувательство.

Въ тотъ самый день, когда были подписаны леобенскіе прелиминаріи, снова началась война на Рейнѣ. Апрѣля 18 Санбрская и Маасская арміи подъ предводительствомъ Гоша перешли Рейнъ у Нейвида. Рейнская же и Мозельская арміи подъ начальствомъ Моро начали переправляться черезъ Рейнъ на другой день у Страсбурга. Моро взялъ крѣпость Кель съ перваго подступа и уже готовился произвести на австрійскую армію общее нападеніе, когда извѣстіе о заключенномъ въ Леобенѣ перемиріи принудило его прекратить враждебныя дѣйствія. Между тѣмъ Гошъ аттаковалъ врасплохъ и разбилъ неспособнаго генерала Вернека, стоявшаго на нижнемъ Рейнѣ. Затѣмъ безъ всякихъ остановокъ онъ проникъ до Франкфурта, и только случай помѣшалъ ему занять этотъ городъ, прежде чѣмъ до него дошло извѣстіе о перемиріи. Обѣ французскія арміи остались на правой сторонѣ Рейна, и нѣмцы долго кормили и обогащали ихъ.

11. Преобразованія Бонапарта въ Италіи.

По окончаніи войны Бонапартъ продолжалъ дѣйствовать диктаторски, и французская директорія не смѣла ни въ чемъ прекословить ему, потому что ей безъ него нельзя было обойтись. Его безпощадное насиліе постигло прежде всего венеціанскую республику, которую онъ хотѣлъ принести въ жертву примиренію съ Австріей. Еще во время войны онъ показалъ трусливымъ и своекорыстнымъ аристократамъ, господствовавшимъ въ Венеціи, что не признаетъ за слабостью никакихъ правъ передъ силой. Хотя Венеція находилась въ мирѣ съ Франціею, онъ занялъ ея города, Верону, Брешію, Бергамо и Крему. Жителей этихъ городовъ уговорили самовольно отложиться отъ Венеціи и требовать присоединенія къ Милану, которому они нѣкогда принадлежали. Венеціанскій сенатъ одобрялъ и признавалъ все частію изъ страха и по слабости, частію потому, что видѣлъ, что его хотятъ поймать въ ловушку; онъ даже спокойно узаконялъ разбой и вымогательства, производимые французами въ его владѣніяхъ. Когда въ мартѣ и апрѣлѣ 1797 Бонапартъ проникъ въ глубину Австріи, народонаселеніе венеціанской области взволновалось, и волненіе распространилось по всей странѣ отъ Бергамо до Истріи; сотни французовъ были перебиты раздраженными крестьянами. Это возстаніе могло бы погубить Бонапарта, который такъ далеко забрался

въ непріятельскія владѣнія. Но вмѣсто того, чтобы поддержать возстаніе, жалкій венеціанскій сенатъ послалъ къ Бонапарту уничиженное посольство. Бонапартъ, только что подписавшій Леобенское перемиріе, принялъ его очень грубо и грозно.

Цѣль Бонапарта заключалась въ томъ, чтобы сдѣлать городъ Венецію беззащитнымъ и навязать ему французскій гарнизонъ, затѣмъ, ограбивъ, передать его австрійцамъ въ вознагражденіе. Онъ притворился ужасно негодующимъ на венеціанское правительство за прокламацію, подписанную однимъ венеціанскимъ губернаторомъ и призывавшую народъ истреблять французовъ, хотя губернаторъ и венеціанскій сенатъ увѣряли, что непричастны къ этому дѣлу. Бонапартъ написалъ венеціанскому сенату грубѣйшее письмо, а его подчиненный, генералъ Жюно, доставилъ и прочелъ это письмо въ сенатѣ, прибавивъ и отъ себя жестокія оскорбленія въ томъ же тонѣ. Робкій сенатъ молча снесъ и это; но тутъ подвернулось дѣло одного французскаго капера, который, вопреки полицейскимъ уставамъ республики, проникъ во внутреннюю гавань Венеціи и былъ наказанъ. Это послужило предлогомъ обрушить на республику новыя напасти, хотя сенатъ заявилъ готовность дать какое угодно удовлетвореніе. Мая 2 Бонапартъ объявилъ Венеціи войну. Онъ велѣлъ занять всѣ ея владѣнія на твердой землѣ и послалъ отрядъ въ лагуны, чтобы отрѣзать островной городъ отъ материка. Изъ венеціанскихъ сенаторовъ только двое предлагали отчаянно сопротивляться, чтобы по крайней мѣрѣ спасти свою честь; но испорченная венеціанская аристократія не имѣла ни малѣйшаго понятія объ истинной свободѣ и чести. Кромѣ того въ Венеціи была французская партія, во главѣ которой стояли сенаторы Баталія и Дона, а секретарь французскаго посольства, Вильтаръ, оставшійся въ городѣ, не смотря на объявленіе войны, велъ по порученію Бонапарта давно завязанныя интриги. Когда французы объявили войну, сенатъ рѣшился подчиниться всему. Онъ отправилъ къ Бонапарту двухъ пословъ, но генералъ не далъ имъ аудіенціи. Не смотря на то, главы нѣкогда столь гордой венеціанской аристократіи рѣшились обезоружить превосходный флотъ республики и распустили славонскіе полки, состоявшіе изъ десяти тысячъ храбрыхъ и желавшихъ боя солдатъ. Этого мало: сенатъ распустилъ и самъ себя, чтобы дать мѣсто новому демократическому правительству, которое должно было отдать городъ во власть французовъ. Уничтоженіе старой аристократической конституціи было рѣшено 750 голосами противъ пяти. Аристократы не постыдились выговорить себѣ при этомъ нѣчто въ родѣ милостыни. Новое правительство обязалось выплачивать и впредь пенсіи и капиталы, которые до сихъ поръ городъ раздавалъ обѣднѣвшимъ благороднымъ фамиліямъ.

Мая 12 составился новый совѣтъ, избранный изъ людей разныхъ сословій и даже различныхъ національностей. Онъ удалилъ изъ города бунтовавшихъ славонцевъ и просилъ стоявшаго въ лагунахъ французскаго генерала Бараге д'Илье прислать тайно въ городъ часть своихъ войскъ. Мая 16 въ Венецію вступило четыре тысячи французовъ. Въ тотъ же день коммисія, назначенная еще старымъ сенатомъ, заключила мирный договоръ. Но Бонапартъ не хотѣлъ утверждать его, потому что, какъ самъ сознается въ одномъ письмѣ, велъ переговоры о мирѣ только съ цѣлью пріобрѣсти право грабить городъ. Дѣйствительно, все время до передачи города австрійцамъ богатую Венецію выжимали, какъ губку, и пользовались военными снарядами, лежавшими въ ея арсеналахъ. По окончаніи грабежа и по заключеніи мира между Австріею и Франціею Венеція была отдана Австріи.

Совершенно также поступалъ Бонапартъ и съ генуэзской республикой. Французскій посланникъ въ Генуѣ Файну игралъ здѣсь роль Вильтара. Одобряемые имъ генуэзскіе демократы, имѣвшіе связи съ ломбардскими, французскими и сардинскими революціонерами, потребовали перемѣны конституціи. Потомъ диктаторъ Италіи воспользовался возстаніемъ низшихъ классовъ населенія, которые въ Генуѣ, какъ въ Венеціи и въ Бернѣ, были преданы своей аристократіи, чтобы написать генуэзскому правительству грубое письмо. Оно было прочтено генуэзскому малому совѣту адъютантомъ Бонапарта, Лавалетомъ, который велъ себя также дерзко, какъ Жюно въ Венеціи. Вслѣдъ затѣмъ Лавалетъ заставилъ генуэзцевъ принять договоръ, которымъ ихъ аристократическая республика превращалась въ демократическую подъ названіемъ **Лигурійской**.

Новая республика была окончательно устроена къ 15 августа. Ее поставили въ зависимость отъ Франціи, тѣмъ, что подчинили ея войско французскимъ генераламъ.

Ломбардія, герцогство Моденское и земли, отнятыя у Венеціи и Церковной области, составили государство подъ именемъ Цисальпинской республики. Она была организована совершенно по образцу французской республики и провозглашена торжественно 9 іюля. Тоскана, Парма, Сардинія, Неаполь и даже Италія должны были отправить посланниковъ въ Миланъ съ поздравленіями новому государству, грозившему имъ бѣдой. Австрія признала Цисальпинскую республику только при заключеніи мира. Съ Сардиніею, гдѣ по смерти короля Виктора Амедея III царствовалъ сынъ его, Карлъ Эмануилъ VI, Бонапартъ уже 5 мая 1797 заключилъ оборонительный и наступательный союзъ. Король сардинскій обязался отдать свою превосходную армію въ распоряженіе Бонапарта и снабжать французскія войска и чиновниковъ продовольствіемъ всякій разъ, какъ они будутъ проходить и проѣзжать по его владѣніямъ.

12. Внутренняя исторія Франціи до государственнаго переворота 18 фруктидора.

Итакъ, Бонапартъ дѣйствовалъ въ Италіи какъ бы глава государственной власти Франціи. Также независимо распоряжался во главѣ своихъ войскъ Гошъ. Третій генералъ, Пишгрю, еще въ 1795 предложилъ свои услуги роялистамъ для возстановленія стараго порядка. Наконецъ четвертый, Моро, взявъ въ апрѣлѣ 1797 австрійскій обозъ, нашелъ въ немъ измѣнническую переписку Пишгрю, но до сентября не давалъ директоріи знать о ней. Такой безцеремонный образъ дѣйствій генераловъ объясняется ничтожествомъ и безсиліемъ правительства директоріи. Подобно генераламъ, вся нація не имѣла къ правительству ни уваженія, ни довѣрія, и каждый былъ убѣжденъ въ близости государственнаго переворота. Такое положеніе вещей открывало Бонапарту честолюбивыя надежды. Австрія также нарочно затягивала мирные переговоры, надѣясь, что во Франціи скоро все перемѣнится.

Изъ пяти директоровъ только Карно, управлявшій военною частію, былъ человѣкъ вполнѣ достойный уваженія. Двое другихъ, Летурнёръ и Ла Ревейлеръ-Лепо, не имѣли никакого значенія, а послѣдній даже подвергся общему посмѣянію своими хлопотами основать новую религію, которую онъ величалъ теофилантропизмомъ. Изъ остальныхъ двухъ—Барра былъ пропитанъ аристократическою гордостію, блисталъ стариннымъ развратомъ и безпутствомъ и въ 1797 тайно продался Бурбонамъ. Другой, Рёбель, завѣдывавшій иностранными дѣлами, былъ человѣкъ дѣятельный и способный для гражданскихъ дѣлъ, но пользовался своимъ положеніемъ для своего обогащенія и обдѣлывалъ очень скверныя дѣла съ мошенничавшими спекулянтами, поставщиками и коммисарами. Подобные люди для юной республики не годились, потому что тамъ требовались энергія, честность и умъ. Чтобы удержаться, директорія лавировала между двумя партіями—умѣренными и демагогами, прибѣгала къ жалкимъ плутнямъ, запустила изъ-за нихъ государственныя дѣла и скоро возбудила къ себѣ общую ненависть. Больше всего жаловались во Франціи на безпорядокъ въ финансахъ. Онъ былъ естественнымъ слѣдствіемъ злоупотребленій выпускомъ бумажныхъ денегъ и усилился вслѣдствіе грабительской системы директоровъ, которые постоянно разсчитывали только, какъ бы пособить текущей надобности. Легкомысленное обращеніе съ ассигнатами (стр. 330) давно уронило ихъ цѣну, что не только поставило въ затруднительное положеніе финансы государства, но потрясло и благосостояніе гражданъ. Въ октябрѣ 1795 ассигнаты уже такъ упали, что за три тысячи франковъ ассигнаціями давали только пять талеровъ наличными деньгами. Это паденіе продолжалось и дальше, хотя въ январѣ 1796 для прекращенія дальнѣйшаго выпуска ассигнатовъ было уничтожено изготовлявшее ихъ заведеніе. Правительство увидѣло себя въ необходимости прибѣгнуть къ тайному банкротству. Закономъ 18 марта 1796 были учреждены подъ именемъ мандатовъ новыя

бумажныя деньги съ принудительнымъ курсомъ, обезпеченныя извѣстными національными имуществами; этими бумагами хотѣли выкупить небольшую часть ассигнатовъ, а затѣмъ остальную объявить лишенной цѣны. Но и мандаты постигла судьба ассигнатовъ; уже 9 августа правительство должно было объявить, что само принимаетъ ихъ по биржевому курсу. Курсъ хотѣли установить прочно полицейскими взысканіями, но скоро увидѣли несостоятельность подобныхъ мѣръ и 4 февраля 1797 издали новый законъ, которымъ принудительный курсъ мандатовъ отмѣнялся, и слѣдовательно, новыя бумажныя деньги предоставлялись своей судьбѣ.

Потрясеніе финансовъ и неудовольствіе, возникшее вслѣдствіе этого между директорами и обѣими законодательными палатами, доставили необыкновенное значеніе Бонапарту, который помогалъ директоріи выживаемыми милліонами и за это считалъ себя въ правѣ говорить съ правительствомъ повелительнымъ тономъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это положеніе вещей вызвало въ странѣ общее неудовольствіе и даже ненависть къ законамъ и учрежденіямъ революціи. Народъ былъ особенно раздраженъ закономъ 3 брюмера (стр. 410), который все еще не отмѣняли и который устранялъ отъ дѣлъ именно тѣхъ людей, кому народъ довѣрялъ. Подъ общимъ именемъ р о я л и с т о в ъ директорія преслѣдовала всѣхъ своихъ противниковъ, хотя многіе изъ нихъ не желали возстановленія монархіи, а хотѣли только положить конецъ ничтожному правительству безъ принциповъ и чести. Къ этой партіи принадлежалъ даже директоръ Карно, потому что былъ убѣжденъ въ невозможности возврата старыхъ безобразій.

Въ это время пріобрѣли большое значеніе принципы коммунизма, стоявшіе въ 1793 и 1794 на второмъ планѣ. Представители ихъ негодовали на спекулирующихъ, обманывающихъ и тиранствующихъ директоровъ. Главой этой партіи былъ демократъ Друэ (стр. 332), котораго два года таскали по австрійскимъ тюрьмамъ и возвратили во Францію въ концѣ 1795 (стр. 367). Рядомъ съ нимъ главою якобинской партіи считался молодой Б а б ё ф ъ, принявшій по обычаю террора имена К а я Г р а к х а. Этотъ писатель, отличавшійся пылкимъ фанатизмомъ, издавалъ газету «Народный трибунъ», впрочемъ не въ смѣломъ революціонномъ тонѣ Мара, а въ очень умѣренномъ и спокойномъ. Люди, какъ Друэ и Бабёфъ, въ то время еще не могли быть опасны правительству; но за ними скрывались другіе, хотѣвшіе разрушенія порядка, чтобы половить рыбу въ мутной водѣ. То были термидоріанцы, какъ Фуше, Тальянъ, Амаръ, Вадье, и другіе, въ томъ числѣ даже шестьдесятъ членовъ законодательныхъ палатъ. Изъ самыхъ директоровъ двое, Ребель и Барра, имѣли связи съ этой партіей, потому что только тѣмъ и держались, что травили якобинцевъ противъ роялистовъ и наоборотъ. Въ февралѣ 1796 они даже предлагали вождю якобинцевъ, Бабёфу, мѣсто министра финансовъ. Струсивъ потомъ непреклонныхъ якобинцевъ, они возбудили къ себѣ общее презрѣніе, заведя съ Бабёфомъ переговоры о примиреніи, какъ съ равною властью. Примиреніе было, разумѣется, невозможно. Тогда директорія рѣшилась опять прибѣгнуть противъ якобинцевъ къ открытому насилію.

Мая 10-го 1796 директоры склонили законодательныя палаты уполномочить ихъ выслать изъ Парижа всѣхъ подозрительныхъ. Потомъ сдѣлали обыскъ у Друэ, арестовали его, Бабёфа и другихъ демократовъ и назначили особую судную коммисію въ Вандомѣ. Но демократы были необходимы правительству, какъ союзники противъ роялистовъ; поэтому Друэ выпустили, а процесъ Бабефа затянули въ долгій ящикъ. Это, конечно, поддержало безпорядокъ. Когда онъ усилился до крайности, было рѣшено казнить нѣсколько второстепенныхъ демагоговъ, чтобы запугать анархистовъ и даже совершенно уничтожить ихъ партію. Для этой цѣли друзей арестованныхъ коммунистовъ коварно подстрекнули сдѣлать попытку увлечь войска, въ которыхъ господствовалъ демократическій духъ; эти войска стояли въ разныхъ лагеряхъ вокругъ Парижа; ихъ хотѣли возмутить и съ ихъ помощью освободить заключенныхъ. Какъ и можно было предвидѣть, попытка эта не удалась;. послѣ чего назначенъ былъ военый судъ, приговорившій къ смерти всѣхъ, кого надо было уничтожить.

Процесъ Бабефа тянулся до весны 1797. Когда наконецъ въ мартѣ и апрѣлѣ онъ былъ приведенъ къ концу, все взволновалось. Якобинцы толпами стекались въ Вандомъ и возобновили засѣданіе клуба. Народъ сочувствовалъ, рукоплескалъ

имъ, пѣлъ революціонныя пѣсни; даже караульные солдаты у зданія суда принимали участіе въ шумѣ. Обвиненные, особенно Бабефъ, осмѣяли судъ, обличивъ позорныя дѣйствія властелиновъ. Чтобы спасти Амара, Росиньоля, Вадье и другихъ террористовъ, которыхъ хотѣли употребить противъ роялистовъ, коммисія объявила, что никакого заговора не существовало. Вслѣдствіе этого большая часть обвиненныхъ были оправданы, а другіе преданы законному суду. Такимъ образомъ плуты спаслись, и свирѣпость коммисіи постигла только невинныхъ. Бабефъ и д'Арте были приговорены къ смерти, но закололись кинжалами въ глазахъ судей. Товарищи ихъ были осуждены въ ссылку.

Всѣ были такъ ожесточены противъ недостойнаго господства директоріи, состоявшей изъ отребья конвента, что многіе желали возвращенія монархіи. Другіе были просто подкуплены эмигрантами, какъ генералы Пишгрю и Вильо, отличившійся въ Вандеѣ. Общее неудовольствіе отразилось на выборахъ въ маѣ 1797 въ законадательные совѣты; результатъ ихъ былъ совершенно враждебенъ директоріи, такъ что съ этихъ поръ большинство депутатовъ состояло изъ роялистовъ. Въ числѣ выбранныхъ были Пишгрю и Вильо. Пишгрю былъ даже выбранъ огромнымъ большинствомъ голосовъ въ президенты совѣта пятисотъ, а на мѣсто выбывшаго по жребію директора Летурнера былъ избранъ посланникъ въ Швейцаріи, Бартелеми, который, какъ бывшій маркизъ, слылъ противникомъ существующаго порядка и составилъ съ Карно оппозиціонное меньшинство въ директоріи. Въ то же время были уничтожены декретъ 10 мая 1796 о ссылкахъ (стр. 426) и ненавистный декретъ 3 брюмера 1795 (стр. 410).

Такимъ образомъ законодательная власть начала открытую борьбу съ тремя директорами, составлявшими большинство въ правительствѣ. При этомъ на ея сторонѣ находились оба остальные члены правительства. Обѣ стороны учредили особые клубы. Большинство совѣтовъ и ихъ партіи, такъ называемые роялисты, сдѣлали своимъ сборнымъ мѣстомъ клубъ Клиши; партія же директоріи стала стараться возстановить старый якобинизмъ и открыла клубъ подъ названіемъ конституціоннаго кружка. Три директора возлагали главнымъ образомъ надежду на генераловъ Гоша и Бонапарта, изъ которыхъ первый командовалъ тогда Санбръ-маасской арміей, а второй недавно окончилъ войну съ Австріей и диктаторствовалъ въ Италіи. Гошъ и Бонапартъ имѣли личныя причины поддержать трехъ директоровъ противъ законодательныхъ палатъ, потому что послѣднія сильно нападали на нихъ за произвольное распоряженіе государственными деньгами, что очень оскорбляло ихъ. Трое директоровъ обратились сначала къ Гошу, армія котораго была ближе. Они предложили ему военное министерство и назначили возвратившагося во Францію Талейрана министромъ иностранныхъ дѣлъ. Гошъ согласился на это предложеніе и, какъ пылкій молодой человѣкъ, рѣшился уничтожить большинство въ палатахъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій открытой силой. Онъ двинулъ свои войска къ Парижу, не обращая вниманія на статью конституціи, запрещавшую приближать войска къ столицѣ ближе двѣнадцати часовъ пути. Но вскорѣ Гошъ увидѣлъ, что его обманули. Люди, съ которыми онъ связался, были не честные и рѣшительные дѣятели, а хитрые интриганы. Они не задумались свалить на него вину, когда противъ движенія его войскъ поднялся ропотъ. Кромѣ того они оклеветали генерала, когда его обвиняли въ злоупотребленіи государстенными суммами, хотя и тутъ онъ дѣйствовалъ по ихъ приказаніямъ. Гошъ такъ разсердился на эту низость, что разошелся съ тремя директорами, грозилъ распубликовать ихъ ложь и обманъ и, пылая негодованіемъ, уѣхалъ къ своей арміи въ Германію. Тамъ 18 сентября онъ умеръ, и внезапную смерть его приписываютъ отравѣ, хотя впрочемъ доказательствъ на это нѣтъ.

Трое директоровъ обратились къ Бонапарту. Онъ дѣйствовалъ гораздо хитрѣе и осторожнѣе, чѣмъ горячій Гошъ. Онъ не сближался съ тремя негодяями и выказывалъ имъ холодность, чтобы его не сочли ихъ орудіемъ, но тайно далъ имъ своихъ генераловъ и офицеровъ и исполнялъ все, чего они желали. Въ іюлѣ 1797, когда военнымъ министромъ былъ назначенъ генералъ Шереръ, креатура Рёбеля, онъ устроилъ въ своей арміи собранія въ родѣ клубовъ, и эти клубы писали адреса противъ роялистовъ, похожіе какъ двѣ капли воды на адреса санкюлотовъ 1793. Бонапартъ далъ отпускъ множеству офицеровъ и солдатъ и

послалъ ихъ въ Парижъ, а за ними отправилъ туда же генерала Ожеро, чтобы соединить ихъ подъ его начальствомъ. Онъ выбралъ этого генерала, парижскаго уроженца, потому что Ожеро былъ человѣкъ грубый, отличный рубака и вполнѣ способенъ къ назначенной ему роли, а съ другой стороны, по ограниченности не могъ пріобрѣсти политическаго значенія. Бертье, прежде бредившій Америкой и англійской конституціей, а потомъ служившій деспотизму Бонапарта и за это ставшій княземъ, былъ также присланъ въ Парижъ съ демократами Клеберомъ и Бернадотомъ.

Тогда трое директоровъ сговорились съ Талейраномъ, Сіэйсомъ и другими и стали готовить государственный переворотъ. Госпожа де-Сталь, стоявшая тогда на сторонѣ якобинцевъ, дѣйствовала въ пользу ихъ и старалась доставить имъ новыхъ сторонниковъ изъ депутатовъ. Насиліе, замышляемое противъ законодательныхъ палатъ, состояло въ томъ, чтобы Ожеро, назначенный 8 августа комендантомъ Парижа, неожиданно окружилъ солдатами зданіе засѣданія совѣтовъ и арестовалъ нѣкоторыхъ депутатовъ и директоровъ Карно и Бартелеми. Вслѣдъ затѣмъ предполагалось сослать всѣхъ такъ называемыхъ роялистовъ и тѣмъ навсегда лишить ихъ возможности вредить. Совѣтъ пятисотъ, замѣтивъ приближавшую бурю, старался выпутаться изъ бѣды безсильными жалобами военному министру, точно также безполезными декретами объ ограниченіи свободы печати и т. п. Онъ не могъ исполнить своего намѣренія возстановить парижскую національную гвардію и былъ даже осмѣянъ гвардіей, образованной для его же защиты. Понятно, нельзя было сомнѣваться, что онъ будетъ побѣжденъ въ предстоящей борьбѣ.

Фруктидора 18 IV года (4 сентября 1797), Ожеро, связавшійся тогда съ такими людьми, какъ Сантерръ, Росиньоль и т. п., привелъ въ исполненіе безъ малѣйшихъ затрудненій порученное ему насиліе. Утромъ этого дня онъ занялъ входы въ зданіе палатъ, схватилъ собственными руками президента совѣта пятисотъ, Пишгрю, и начальника гвардіи законодательнаго корпуса, Рамеля, и приказалъ арестовать Бартелеми и множество депутатовъ. Карно удалось избѣжать ареста и уйти за границу. Пока производились эти аресты, собралось меньшинство депутатовъ, чтобы придать законный видъ совершившемуся насилію. Для этой цѣли было заранѣе приготовлено множество декретовъ. Ими между прочимъ были объявлены недѣйствительными выборы большей части департаментовъ, возстановлены главныя статьи уничтоженнаго закона 3 брюмера, введена новая присяга не только на вѣрность республикѣ, но и на ненависть къ монархіи; многіе возвратившіеся эмигранты подверглись изгнанію и наконецъ, Карно, Бартелеми и многіе депутаты были приговорены безъ дальнѣйшихъ разсужденій къ ссылкѣ въ убійственную Гвіану. Кромѣ того туда же были сосланы издатели, собственники, директоры, редакторы и сотрудники сорока одного журнала. Всѣ періодическія изданія и газеты были отданы на цѣлый годъ подъ надзоръ полиціи; 12 парижскихъ меровъ были смѣнены и замѣнены нужными людьми; всюду были учреждены такъ называемыя полицейскія центральныя бюро. На мѣсто двухъ сверженныхъ директоровъ были выбраны Мерленъ де-Дуэ и Нефшато, изъ которыхъ первый былъ извѣстный юристъ и негодяй (стр. 385), а послѣдній былъ такъ называемый хорошій человѣкъ, т. е. недальный и безхарактерный. Съ ссыльными во время перевозки ихъ къ морю и переѣзда въ Гвіану обращались хуже и грубѣе, чѣмъ съ разбойниками. Нѣкоторымъ изъ нихъ, въ томъ числѣ Пишгрю, Бартелеми, Рамелю и Вильо, посчастливилось бѣгствомъ избѣжать медленной смерти, ожидавшей ихъ въ смертоносномъ климатѣ Гвіаны. Впрочемъ многіе изъ нихъ, какъ напр. Пишгрю, заслуживали худшей участи, потому что изъ переписки, захваченной Моро (стр. 425), оказалось, что Пишгрю получалъ отъ англичанъ деньги и былъ запутанъ въ жалкія итриги принца Конде, дипломата Викгема и другихъ тварей, служившихъ двойными шпіонами.

13. Кампо-Формійскій миръ.

Мирные переговоры, начатые Леобенскимъ договоромъ, были отложены, потому что обѣ стороны ждали выгодъ отъ государственнаго переворота въ Парижѣ, который давно можно было предвидѣть. Наконецъ, въ августѣ Бонапартъ, убѣжденный, что этотъ государственный переворотъ удастся въ его пользу, сталъ пугать австрійскій кабинетъ угрозами и приготовленіями къ походу. Сентября 1, т. е. за три дня до 18 фруктидора, онъ пріѣхалъ въ замокъ Пассеріано близь Удине, гдѣ должны были окончиться переговоры. Австрія тоже послала туда посланниковъ; но они прибыли туда только черезъ три недѣли послѣ 18 фруктидора, исходъ котораго оказался совершенно иной, чѣмъ ожидали дворы. Австрійскимъ уполномоченнымъ номинально былъ графъ Лудвигъ фонъ Кобенцль, а въ дѣйствительности неаполитанскій маркизъ де- Галло, дѣйствовшій по инструкціямъ такого человѣка, какъ Тугутъ, неспособнаго ни къ одной высокой мысли, а тѣмъ менѣе къ патріотическому чувству. Со стороны французовъ Бонапартъ велъ переговоры одинъ и съ совершенно неограниченной властью, такъ какъ Кларкъ, котораго Карно прислалъ наблюдать за нимъ, былъ отозванъ по низверженіи Карно. Вслѣдствіе этого неудивительно, что мирный договоръ, наконецъ подписанный 17 октября въ Кампо-Форміо, деревнѣ близъ Удине, оказался совершенно инымъ, чѣмъ слѣдовало ожидать по Леобенскимъ прелиминаріямъ и по манифесту императора Франца, изданному въ іюлѣ.

Въ силу Кампо-Формійскаго мира Австрія уступила свои владѣнія въ Италіи Цизальпинской республикѣ, а Бельгію Франціи. Венеція со всей своей областью была раздѣлена между Франціей, Австріей и Цизальпинской республикой. Герцогу Моденскому, владѣнія котораго Бонапартъ присоединилъ къ Цизальпинской республикѣ, былъ обѣщанъ въ вознагражденіе Бризгау, т. е. его вознаграждали на счетъ нѣмецкой имперіи. Относительно нѣмецкой имперіи было условлено, что съ ней будетъ немедленно заключенъ другой миръ и для этой цѣли соберется конгрессъ въ Раштатѣ. Но въ четырнадцати тайныхъ статьяхъ мирнаго договора было все заранѣе рѣшено, и конгрессъ долженъ былъ послужить только на то, чтобы привести ихъ въ исполненіе. Въ этихъ тайныхъ статьяхъ германскій императоръ признавалъ за французами весь лѣвый берегъ Рейна и обѣщалъ черезъ двадцать дней по ратификаціи договора вывести свои войска изъ Майнца, Мангейма и остальныхъ пограничныхъ крѣпостей, т. е. обязывался предать имперію беззащитною ея исконному врагу, не давая ей даже времени уговориться съ нимъ. Мы пройдемъ молчаніемъ другія статьи, потому что онѣ были частью совершенно невыполнимы и, слѣдовательно, подобно Леобенскимъ прилиминаріямъ, только служили къ обману.

По заключеніи Кампо-Формійскаго мира явились признаки, что и Швейцаріи предстоитъ революція отъ французскаго вліянія. Поводомъ къ этому послужило недовольство жителей Вальтелины, отнятой три столѣтія тому назадъ граубинденцами у герцогства Миланскаго (стр. 167), и съ которой съ тѣхъ поръ постоянно обращались, какъ съ завоеванной провинціей. Ободренные вторженіемъ французовъ въ Тироль, вальтелинцы возстали въ іюнѣ 1797 и просили вмѣшательства Бонапарта. Бонапартъ вступился за нихъ и въ іюлѣ потребовалъ, чтобы граубинденцы начали съ нимъ переговоры о присоединеніи Вальтелины къ тремъ кантонамъ граубинденской федеративной республики въ качествѣ четвертаго равноправнаго штата. Но господствовавшія въ Граубинденѣ знатныя фамиліи, которыя постоянно смотрѣли на Вальтелину, какъ на страну, обязанную поддерживать и обогащать ихъ, не хотѣли согласиться на это условіе. Онѣ тянули переговоры до тѣхъ поръ, что наконецъ стало поздно поладить добромъ. По заключеніи Кампо-Формійскаго мира Бонапартъ не имѣлъ болѣе причины щадить граубинденцевъ. Онъ прекратилъ переговоры и безъ дальнѣйшихъ разсужденій присоединилъ Вальтелину къ Цизальпинской республикѣ, хотя въ Кампо-Формійскомъ договорѣ, гдѣ подробно перечислялись всѣ владѣнія этой республики, о Вальтелинѣ не было упомянуто ни слова.

Въ концѣ 1797 Бонапартъ возвратился въ Парижъ. Пять якобинцевъ, управлявшіе съ 18 фруктидора Франціей, встрѣтили его съ торжествомъ. Однако онъ не сошелся съ ними. При его пріемѣ Талейранъ произнесъ довольно смѣшную рѣчь. Банапартъ же, напротивъ того, въ своемъ привѣтствіи высказалъ директоріи горькія истины, сказавъ между прочимъ, что счастье французскаго народа должно покоиться на лучшихъ законахъ. Барра отвѣчалъ ему глупой лестью въ родѣ того напр., что природа истощила всѣ свои сокровища, чтобы создать Бонапарта. Тогда Бонапартъ еще осмѣивалъ подобныя фразы. Онъ шелъ спокойно и обдуманно къ своей цѣли и явился въ виду общей мелочности и несостоятельности единственнымъ великимъ человѣкомъ.

XVIII. ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ

ОТЪ 18 ФРУКТИДОРА ДО УЧРЕЖДЕНІЯ КОНСУЛЬСТВА.

1. Французская директорія и ея отношенія къ слабѣйшимъ государствамъ.

Съ 18 фруктидора Франція была на военномъ положеніи и внутри, и въ отношеніи Европы. Подъ именемъ директоровъ ею управляли бывшіе термидоріанцы. Исторія слѣдующихъ годовъ Франціи представляетъ картину анархіи и внутреннихъ безпорядковъ. Ея свирѣпые генералы и грабительское правительство и не думали подавлять ихъ или по невозможности, или по нежеланію, а между тѣмъ предписывали законы чужимъ народамъ, грабили ихъ и на добычу кое-какъ вели дѣла ничтожной директоріи. Такія насилія были возможны по безсилію прочихъ европейскихъ государствъ и ихъ управленій. За исключеніемъ англійскаго, въ Европѣ не было ни одного правительства, которое обладало бы достаточными матеріальными и нравственными силами. Притомъ французы имѣли друзей во всѣхъ государствахъ. Друзья эти протягивали имъ руку помощи, а иностранныя правительства не только не спѣшили соединить свои силы противъ общаго врага, но постоянно старались перехитрить другъ друга; руководимыя желаніемъ попользоваться на счетъ сосѣда, они даже способствовали исполненію французскихъ замысловъ.

Въ Пруссіи король обладалъ личнымъ мужествомъ, но въ политическихъ дѣлахъ былъ робокъ; жалкіе ханжи злоупотребляли его довѣріемъ; Гаугвицъ, Луккезини, Ломбардъ и другіе интриганы вели его кривыми путями; онъ самъ помогалъ имъ сбивать себя съ настоящаго пути, стараясь возвысить себя и свою родину безъ всякихъ жертвъ и безъ всякаго риска. Эти люди побудили его держаться пагубной системы нейтралитета, порожденной базельскимъ миромъ, и заключить не менѣе пагубный договоръ 1796 (стр. 413 и 417). Австрія держалась той же политики подъ вліяніемъ людей, во всѣхъ отношеніяхъ безнравственныхъ и способныхъ на всякое преступленіе, въ родѣ Тугута, Лербаха и т. п. Въ Испаніи господствовалъ человѣкъ, не имѣвшій ни чести, ни образованія, лишенный знаній и опытности и презираемый всѣми (стр. 414). Этотъ человѣкъ могъ отважиться на заключеніе базельскаго мира, руководствуясь исключительно личнымъ интересомъ и не обращая вниманія, что война съ Франціею популярна между испанцами, которые видѣли въ ней борьбу съ врагами Бога и государей. Годъ спустя князь Мира для сохраненія своего положенія рѣшился даже заключить съ Франціею наступательный и оборонительный союзъ, который былъ прямо направленъ противъ Англіи и потому долженъ былъ имѣть своимъ послѣдствіемъ уничтоженіе морскихъ и сухопутныхъ силъ Испаніи. Этотъ договоръ, подписанный 19 августа 1796 въ Ильдефонсѣ, заставилъ Испанію объявить Англіи войну; война была объявлена 8 октября, и Испанія должна была расточать свои средства, чтобы дать Франціи возможность привести въ исполненіе свои планы противъ Англіи.

Союзъ между Франціею и Испаніею возбудилъ такія опасенія въ королѣ португальскомъ, что онъ тотчасъ началъ искать примиренія съ Франціею. Въ это время королемъ португальскимъ былъ Іоаннъ VI. Онъ управлялъ страною сначала подъ именемъ матери своей Маріи (стр. 183); но такъ какъ Марія въ 1792 лишилась разсудка, то съ 1799 онъ началъ царствовать уже собственнымъ именемъ. Вслѣдствіе воспитанія въ духѣ монашескомъ, король этотъ былъ склоненъ только къ механическому исполненію религіозныхъ обрядовъ и церемоній. Имъ управляли его духовные отцы, какъ другими государями управляютъ временщики. Когда онъ пытался заключить миръ съ французскимъ революціоннымъ правительствомъ, правительство это стребовало съ него множество денегъ и все-таки не дало ему возможности достигнуть своей цѣли. Его уполномоченный, Аранхо де-Азеведо, заключилъ съ Барра и Талейраномъ въ 1797 весьма выгодный договоръ, который былъ утвержденъ французскимъ правительствомъ; но въ то же время онъ обязался немедленно уплатить Франціи шесть милліоновъ. Англичане, отъ которыхъ Португалія была въ зависимости со времени вступленія на престолъ дома Браганца, успѣли замедлить ратификацію договора въ Лиссабонѣ, и когда прошелъ назначенный для этой ратификаціи срокъ, французы съ радостію отказались отъ него, но полученныхъ денегъ, конечно, не возвратили.

Такимъ же образомъ директорія пыталась обмануть сѣверо-американцевъ. Въ 1794 сѣверо-американцы предоставили англичанамъ тѣже торговыя преимущества, которыя въ 1778 дали французамъ въ благодарность за помощь, оказанную имъ во время войны за освобожденіе. Эта уступка была сдѣлана сѣвероамериканцами Англіи для того, чтобы получить возможность перевозить во Францію на своихъ корабляхъ англійскіе товары во время войны между Англіею и Франціею. Договоръ этотъ заключалъ въ отношеніи къ Франціи обманъ и потому содержался въ великой тайнѣ. Въ 1796 онъ сдѣлался извѣстенъ французамъ, и они тотчасъ прекратили всякія сношенія съ Сѣверною Америкою. Черезъ годъ переговоры возобновились, но не привели къ желанной цѣли; Барра и Талейранъ вслѣдствіе своей безграничной расточительности и страсти къ азартной игрѣ постоянно нуждались въ деньгахъ; они хотѣли воспользоваться разрывомъ съ Сѣверною Америкою для поправленія своихъ личныхъ дѣлъ. Когда переговоры прекратились, сѣверо-американцы обнародовали донесенія своихъ посланниковъ, и такимъ образомъ позорное поведеніе французскаго правительства сдѣлалось извѣстно всему міру. Изъ этихъ донесеній было видно, что Барра и Талейранъ просили у сѣверо-американскихъ уполномоченныхъ для французской республики заемъ въ тридцать два милліона, а для себя взятку въ милліонъ двѣсти тысячъ франковъ; только это предложеніе было сдѣлано ими не лично, а чрезъ посредство своихъ креатуръ. Послѣ того сѣверо-американцы нѣсколько разъ обнаруживали враждебныя намѣренія, и въ 1798 дѣло между республиками едва не дошло до войны.

Директоріи хотѣлось обобрать и ганзейскіе города, которые очень обогатились во время войны. Подъ видомъ займа съ нихъ потребовали контрибуцію. На этотъ разъ имъ удалось вывернуться, но въ 1799 Бонапартъ вынудилъ Гамбургъ заплатить два съ половиною милліона за то, что городъ выдалъ англичанамъ ирландскихъ эмигрантовъ.

На Раштадтскомъ конгрессѣ, который былъ открытъ 6 декабря 1797, трое уполномоченныхъ директоріи вели себя самымъ дерзкимъ образомъ. Этому, конечно, нечего удивляться. Великія державы Германіи сами предавали общее отечество иностранцамъ. Въ Раштадтѣ Австрія и Пруссія вели себя двулично, разыгрывая передъ публикой одну роль, а тайно дѣйствуя совершенно иначе; впрочемъ посланники Австріи даже публично дозволяли себѣ противорѣчивые поступки. Пруссія допустила французовъ во время раштадтскихъ переговоровъ до того стѣснить Эренбрейтштейнъ, расположенный на правомъ берегу Рейна, что гарнизонъ этой крѣпости былъ вынужденъ сдаться на капитуляцію въ январѣ 1799. Австрія обѣщала сдать имперскую крѣпость Майнцъ, но медлила исполненіемъ этого обѣщанія; когда же Бонапартъ явился въ Раштадтъ и грозно потребовалъ сдачи Майнца, Австрія не только согласилась, но даже заключила тайное условіе, на основаніи котораго императорскія войска должны были удалиться за Лехъ и Иннъ. Въ апрѣлѣ 1799 всѣ германскія державы изъ-

явили согласіе на формальную уступку лѣваго берега Рейна; Австрія и Пруссія согласились тайно еще прежде. Свѣтскихъ владѣтелей этого берега было положено вознаградить секуляризаціей духовныхъ владѣній. Но французскіе посланники стали предъявлять новыя требованія. Они требовали, чтобы Эренбрейтштейнъ и неудобныя для нихъ укрѣпленія на правомъ берегу Рейна были срыты, чтобы Кассель былъ отданъ Франціи со всѣми островами Рейна, наконецъ, чтобы судоходство по Рейну было освобождено отъ всѣхъ таможенныхъ сборовъ. Австрія старалась медлить исполненіемъ мирнаго трактата, заключеннаго въ Кампо-Форміо, и новыя французскія требованія дали ей предлогъ удержать свои войска въ Баваріи. Она продолжала занимать Ульмъ, Ингольштадтъ и Филиппсбургъ.

Въ тоже время французская директорія напала на орденъ мальтійскихъ рыцарей, на египетскихъ мамелюковъ и на Швейцарію, хотя эти нападенія не были ничѣмъ вызваны. Мысль о нападеніи на Мальту и Египетъ принадлежала великому человѣку, которому все казалось исполнимымъ, потому что ему удалось многое, что другимъ казалось невозможнымъ. Еще въ 1796 эта мысль явилась въ головѣ Бонапарта, и онъ уже тогда строилъ планъ напасть изъ Египта на англичанъ въ Индіи. Пять директоровъ съ удовольствіемъ согласились на эти замыслы; для нихъ это былъ давно желанный случай услать за море, въ другую часть свѣта, опаснаго человѣка. На исполненіе этого предпріятія они сосредоточили всѣ силы государства. Въ Тулонѣ оснастили флотъ, собрали значительную армію, и Бонапартъ былъ назначенъ главнокомандующимъ съ неограниченнымъ полномочіемъ. Все это дѣло хранилось въ тайнѣ между Бонапартомъ, Талейраномъ и директорами. Даже военный министръ Шереръ и адмиралъ Брюйи, назначенный начальникомъ флота, только спустя долгое время узнали о цѣли сооруженій. Въ обществѣ распространяли слухъ, что готовится высадка въ Англію. Этотъ слухъ обманулъ англичанъ; они никакимъ образомъ не могли представить себѣ, чтобы такой практическій человѣкъ, какъ Бонапартъ, пустился въ такое фантастическое предпріятіе. Англичане усилили свой флотъ въ Гибралтарѣ, чтобы напасть на французовъ, когда они изъ Тулона пойдутъ въ Атлантическій океанъ; въ воды же Тулона они послали крейсировать только три военные корабля подъ начальствомъ Нельсона. Когда аваріи принудили Нельсона на короткое время удалиться, Бонапартъ воспользовался этимъ и 19 мая 1798 вышелъ въ море. Французскій флотъ благополучно приплылъ къ острову Мальтѣ, и 9 іюня войска высадились.

Французскіе рыцари мальтійскаго ордена еще въ 1797 вступили въ измѣническія сношенія съ Бонапартомъ. Не смотря на это, островъ могъ бы сопротивляться до прибытія англійскаго флота, если бы гроссмейстеръ ордена, фонъ Гомпешъ, не былъ достойнымъ однофамильцемъ баварскаго министра, сдавшаго въ 1796 Дюссельдорфъ (стр. 416) Гомпешъ безъ возраженій исполнилъ желаніе измѣнниковъ и безъ сопротивленія согласился на капитуляцію, которая передала безъ выстрѣла въ руки французовъ превосходно укрѣпленный островъ, нѣкогда отразившій всѣ силы Солимана Великолѣпнаго (т. V, стр. 1—2). Гомпешу обѣщали княжество въ Германіи, но когда онъ пошелъ на эту приманку, его обманули и осмѣяли. О княжествѣ не было и помину; ему не дали даже пенсіи, которую Бонапартъ обѣщалъ ему. Гомпешу дали только пятнадцать тысячъ франковъ, и онъ долженъ былъ удовольствоваться этимъ. Бонапартъ овладѣлъ всѣми сокровищами, судами, запасами и пушками ордена и 19 іюня отправился въ Египетъ. На Мальтѣ онъ оставилъ военнымъ начальникомъ генерала Вобуа съ четырьмя тысячами войска и Реньо де Сенъ-Жанъ д'Анжели—коммисаромъ директоріи, а гражданскимъ губернаторомъ назначилъ одного изъ измѣнниковъ рыцарей. На пути въ Египетъ Бонапарта сопровождала счастливая звѣзда, которая никогда не покидала его до похода въ Россію. О дальнѣйшемъ ходѣ египетской экспедиціи мы будемъ говорить впослѣдствіи, а теперь перейдемъ къ насиліямъ, которыя французская директорія дозволяла себѣ въ отношеніи ею же учрежденныхъ союзныхъ республикъ, Батавской, Цизальпинской, Гельветической и Римской.

Въ Батавской республикѣ французы утвердили за собой право дѣлать произвольные поборы и начали съ того, что измѣнили личный составъ правительства (стр. 415). Только въ 1796 они позволили созвать національное учредительное

собраніе для составленія новой конституціи. Въ Голландіи началась жестокая борьба между якобинцами и умѣренными, въ которой главную роль играли начальникъ батавской арміи, Дендельсъ, и три француза, генералъ Жуберъ, посланникъ Делакруа и его секратарь, Дюканжъ. Конституція, начертанная національнымъ собраніемъ, была отвергнута, потому что въ ней было слишкомъ мало демократическихъ началъ, и неопредѣленное положеніе республики продолжалось до 18 фруктидора. Послѣ этого переворота французскіе якобинцы произвели и въ Голландіи насильственный переворотъ и вручили власть своимъ друзьямъ. Депутаты противной партіи были разсажены по тюрьмамъ, а остальныхъ заставили учредить конституцію по образцу французской. Въ апрѣлѣ 1798 эту конституцію насильственно навязали народу; тѣ самые депутаты, которые сочиняли ее, выбрали самовольно новыхъ представителей и правительство изъ пяти директоровъ. Правительство это вскорѣ поссорилось съ генераломъ Дендельсомъ и съ тремя французами, распоряжавшимися въ Голландіи. Наконецъ Дендельсъ отправился въ Парижъ, гдѣ привлекъ на свою сторону французское правительство и возвратился въ Голландію съ порученіемъ смѣнить тамошнюю директорію. 19 іюня 1798 ему удалось привести это въ исполненіе. Директоры были удалены, и ихъ министры, находившіеся въ тайныхъ сношеніяхъ съ Дендельсомъ, заняли ихъ мѣста. Со стороны властителей Франціи было очень характеристично, что они поручили Дендельсу выгнать изъ Голландіи съ помощью французскихъ войскъ французскаго же посланника, Делакруа, принадлежавшаго къ умѣреннымъ. Тогда наконецъ вмѣсто силою навязанныхъ голландцамъ представителей явились законные.

Такая же участь ожидала и Цизальпинскую республику. Бонапартъ былъ расположенъ къ итальянцамъ. Но когда они лишились возможности пользоваться его защитою, имъ пришлось не мало пострадать отъ французской директоріи. Въ февралѣ 1798 Талейранъ и директоры вздумали принудить Цизальпинскую республику къ заключенію торговаго и союзнаго трактата, на основаніи котораго республика должна была содержать двадцать пять тысячъ французскаго войска и уплачивать на ихъ содержаніе восемнадцать милліоновъ франковъ ежегодно. Когда цизальпинскій совѣтъ старѣйшинъ отказался утвердить этотъ договоръ, двадцать одинъ человѣкъ его членовъ были арестованы по распоряженію парижской директоріи, три директора смѣнены, и взыскана контрибуція. Вслѣдъ затѣмъ французскій посланникъ въ Миланѣ, Труве, заставилъ съ помощью французскихъ войскъ учредить новую конституцію, которая должна была положить конецъ волненіямъ итальянскихъ демократовъ. Чтобы совершить этотъ переворотъ, Труве сначала добился смѣны начальника французскихъ войскъ, крайняго демократа Брюна. Онъ своевольно назначилъ новыхъ директоровъ и членовъ законодательныхъ палатъ. Однако, по проискамъ Брюна, Труве былъ немедленно отозванъ въ Парижъ, а въ Миланъ посланы Брюнъ, въ качествѣ генерала, и Фоше, въ качествѣ посланника. Они поступали чрезвычайно произвольно и потому были смѣнены, а на мѣсто ихъ присланы генералъ Жуберъ и посланникъ Риво. Жуберъ не вмѣшивался въ дѣла, а Риво подражалъ своимъ предшественникамъ, и еще въ томъ же году депутаты и директоры Цизальпинской республики были смѣнены въ четвертый разъ. Казалось, парижскіе директоры умышленно всюду стараются уничтожать порядокъ, чтобы давать своимъ креатурамъ случаи ловить рыбу въ мутной водѣ.

Тринадцать швейцарскихъ кантоновъ сохраняли свое средневѣковое устройство, не смотря на неоднократное напоминаніе о требованіяхъ современности. Положеніе ихъ было дотого неестественно, что жители цѣлыхъ провинцій, напримѣръ, Ваадтландъ и Тургау, считались исключительно подданными. Во всѣхъ кантонахъ, исключая демократическихъ, управленіе было въ рукахъ нѣсколькихъ фамилій или небольшаго числа гражданъ. Въ Швейцаріи всюду господствовало неудовольствіе, и многіе уважаемые люди находились въ изгнаніи или бѣжали за границу, особенно изъ Ваадтланда. Эти эмигранты большею частью удалились въ Парижъ и оттуда старались произвести въ своемъ отечествѣ революцію. Самый значительный между изгнанниками былъ ваадтландецъ Лагарпъ, воспитатель русскаго великаго князя Александра. Когда въ 1794 онъ хотѣлъ возвратиться изъ Петербурга въ отечество, его туда не пустили. Съ 1797 парижская директорія стала поступать враждебно въ отношеніи Швейцаріи; ей хотѣлось завладѣть значи-

тельными сокровищами, которыя были собраны въ Бернѣ и другихъ аристократическихъ городахъ, чтобы покрыть ими издержки египетскаго похода. Орудіемъ своимъ она избрала двухъ знатныхъ швейцарцевъ, которые должны были служить ея цѣлямъ, сами того не вѣдая и не желая. Однимъ изъ нихъ былъ эмигрантъ Лагарпъ, а другимъ—одинъ изъ правителей Базеля, оберъ-цунфтмейстеръ Петръ Оксъ. Оксъ понималъ несостоятельность старой швейцарской системы правленія и образовалъ въ Базелѣ партію прогресса; онъ составилъ планъ полнаго объединенія Швейцаріи. Онъ пріѣхалъ въ Парижъ подъ предлогомъ полученія какого-то стараго базельскаго долга. Въ Парижѣ онъ составилъ планъ конституціи единой и нераздѣльной республики, которую Ребель и Барра рѣшили ввести въ Швейцаріи.

Въ декабрѣ 1797 директорія съ явнымъ насиліемъ въ отношеніи швейцарцевъ заняла совершенно безцеремонно принадлежавшія швейцарскому союзу долины Мюнстера и Эргеля. Въ январѣ 1798 французы отняли у Швейцаріи городъ Мюльгаузенъ, а въ февралѣ Биль и присоединили ихъ къ Франціи. Въ январѣ французскій корпусъ подъ начальствомъ Менара былъ посланъ къ швейцарской границѣ и расположился около Женевскаго озера. Этими враждебными мѣрами воспользовались подчиненные кантону Берну жители Ваадтланда и сельское населеніе Базеля, возстали и потребовали равноправности. Граждане Базеля были такъ умны, что уступили справедливымъ требованіямъ сельскаго населенія. Въ Бернѣ, напротивъ, вздумали подавить волненіе Ваадтланда и послали туда войска подъ начальствомъ полковника Вейса. Французы объявили, чтъ окажутъ помощь жителямъ Ваадтланда; 21 января Менаръ перешелъ границу и тотчасъ провозгласилъ независимость Ваадтланда. Народъ поднялся и въ другихъ кантонахъ; вездѣ преобразовывались конституціи—въ однихъ мѣстахъ съ согласія правительствъ, а въ другихъ—противъ ихъ желанія.

Въ февралѣ между Берномъ и Франціею окончательно возгорѣлась война. На мѣсто Менара былъ назначенъ Брюнъ; другой французскій корпусъ подъ начальствомъ Шауенбурга направился къ Берну съ сѣверо-востока. Большая часть кантоновъ прислали, правда, Берну помощь: но положеніе бернцевъ было все-таки весьма затруднительно; на нихъ напали съ двухъ сторонъ, и они должны были раздѣлить свои силы. Почти въ одно время произошло два сраженія; въ одномъ часть швейцарскихъ войскъ осталась побѣдительницею, а въ другомъ другая часть была разбита, и немедленно послѣ того французы заняли Бернъ.

Съ этого времени французы грабили швейцарскіе кантоны самымъ безстыднымъ образомъ, и грабежи не прекратились даже, когда они (12 апрѣля 1798) преобразовали швейцарскую конфедерацію въ Гельветическую республику. Въ Бернѣ Брюнъ тотчасъ по вступленіи въ городъ захватилъ сорокъ два милліона франковъ; французы овладѣли всѣми общественными кассами, богато снабженными магазинами и арсеналами и всею государственною казною; по самымъ вѣроятнымъ свидѣтельствамъ, въ этой казнѣ было двѣнадцать милліоновъ франковъ. Грабили даже родовыя деньги частныхъ фамилій. Точно такимъ же образомъ грабили и обирали Фрейбургъ, Золотурнъ, Цюрихъ, Люцернъ и другіе кантоны. Впрочемъ Брюнъ и бывшій при немъ гражданскій коммисаръ обнаруживали нѣкоторую умѣренность; поэтому оба они были отозваны, и вмѣсто нихъ назначены Шауенбургъ, Рубьеръ и зять Ребеля, Рапина. Съ цѣлой толпою французскихъ искателей приключеній эти господа производили безмѣрные грабежи и насилія и даже не спрашивались новаго правительства, назначеннаго самими же французами. Французская директорія дала Гельветической республикѣ конституцію, которая уничтожила всѣ прежніе кантоны и вмѣсто нихъ создала единое и нераздѣльное государство съ центральнымъ правительствомъ по образцу французскаго; оно состояло изъ двухъ законодательныхъ палатъ и директоріи изъ пяти лицъ. Женева была отдѣлена отъ Гельветической республики и присоединена къ Франціи подъ именемъ департамента Лемана. Малые кантоны сначала защищали свои древнія учрежденія вооруженной рукою; но французскія войска заставили ихъ покориться.

Грознымъ тираномъ свирѣпствовалъ въ Швейцаріи Рапина. Онъ объявлялъ французскою собственностію все, что казалось ему годнымъ для себя или для директоріи; онъ бралъ заложниковъ всякій разъ, какъ это ему приходило на умъ; самыя уважаемыя лица подвергались арестамъ и высылались изъ страны; для

газетъ онъ учредилъ цензуру; онъ запрещалъ народу повиноваться установленнымъ властямъ, если онѣ распоряжались несогласно его желаніямъ; онъ не задумался удалить изъ директоріи двухъ директоровъ и назначить на ихъ мѣсто другихъ. Это показалось слишкомъ дерзкимъ даже господствовавшимъ въ Парижѣ пяти якобинцамъ. Они приказали генералу Шауенбургу замѣстить удаленныхъ директоровъ лицами по выбору членовъ законодательныхъ палатъ Гельветической республики. Совѣты выбрали двухъ зачинщиковъ революціи, Лагарпа и Окса; Оксъ догадался очень скоро, что цѣль французовъ состоитъ въ уничтоженіи швейцарской самостоятельности. Къ тому же убѣжденію пришелъ и Лагарпъ, но гораздо позже. Наконецъ въ августѣ французы заключили съ Гельветической республикой договоръ, которымъ обязались очистить страну, какъ скоро кантоны присягнутъ исполнять конституцію. За исключеніемъ Унтервальдена всѣ дали эту присягу. Жители Унтервальдена въ числѣ двухъ тысячъ человѣкъ отважились 8 сентября противостать французскому двѣнадцатитысячному корпусу близъ Станца. Они были побѣждены, не смотря на отчаянное мужество, и французы отмстили за понесенныя тяжкія потери варварскими убійствами, поджогами и грабежами.

Незадолго дотого Римъ подвергся такимъ же насиліямъ и грабежамъ. Даже въ Римѣ, гдѣ народъ знать не хотѣлъ нововведеній, существовала революціонная партія; но эта партія была нелюбима народомъ и поддерживалась ломбардцами, французами и другими иностранцами. Еще въ 1793 папа Пій VI поссорился съ французской республикой, когда чернь взяла приступомъ отель французскаго агента Басвиля и убила его. Когда нѣсколько лѣтъ спустя папа былъ вынужденъ войдти съ французскимъ правительствомъ въ соглашеніе, ему пришлось жестоко поплатиться за это происшествіе. Месть разразилась въ 1796 при заключеніи съ Бонапартомъ перемирія и мира въ Толентино (стр. 421 и 423). Для уплаты тяжкихъ контрибуцій, взысканныхъ Бонапартомъ при этомъ случаѣ, папа и римская знать должны были пожертвовать всѣми сокровищами римскихъ церквей и дворцовъ. Но это не удовлетворило жадность директоріи. Іосифъ Бонапартъ, братъ генерала, получившій по его протекціи должность посланника въ Римѣ, былъ принужденъ, хотя противъ воли, безпрестанно оскорблять папу; въ тоже время якобинцы и революціонные французскіе генералы старались поддерживать въ Римѣ и другихъ городахъ Церковной Области постоянное волненіе — что, какъ извѣстно, въ Италіи нетрудно. Отель французскаго посланника въ Римѣ былъ средоточіемъ движенія. Декабря 28 1797 дѣло дошло до кроваваго взрыва народнаго негодованія, явленія, весьма желательнаго для цѣлей директоріи. Папа предоставилъ черни принять полицейскія мѣры противъ республиканцевъ; 28 декабря чернь стала преслѣдовать триста человѣкъ римскихъ республиканцевъ до самаго отеля французскаго посланника; она тѣснила даже враждебныхъ французамъ папскихъ солдатъ, которые были расположены передъ домомъ посланника. Іосифъ Бонапартъ съ французскимъ генераломъ Дюфо были принуждены выйти къ толпѣ, чтобы водворить миръ или чтобы запугать римлянъ угрозами, какъ говорили потомъ ихъ противники. Дюфо держалъ въ рукахъ обнаженную саблю и былъ окруженъ преслѣдуемыми республиканцами. Папскіе солдаты сдѣлали залпъ, и одна пуля убила Дюфо. Этотъ несчастный выстрѣлъ сочли преднамѣреннымъ, и Іосифъ Бонапартъ немедленно выѣхалъ изъ Рима.

Послѣ того было сдѣлано распоряженіе, чтобы Бертье, назначенный Бонапартомъ главнокомандующимъ французскими войсками въ Миланѣ, немедленно выступилъ въ Римъ и занялъ этотъ городъ (въ февралѣ 1798). Онъ не оскорблялъ папу, и сначала въ городѣ не было замѣтно никакого революціоннаго движенія. Но съ нимъ явились въ городъ два коммисара директоріи. Они стали обращаться съ папою, какъ съ плѣнникомъ, и 15 февраля объявили его свѣтскую власть прекращенною. Затѣмъ они заставили такъ называемое народное собраніе провозгласить Римскую республику. Папа не хотѣлъ отказаться отъ своихъ правъ; поэтому 20 февраля его увезли въ Тоскану. Больному восьмидесятилѣтнему старику не дали даже умереть спокойно; въ 1799 его утащили во Францію, гдѣ онъ въ скоромъ времени кончилъ жизнь.

Римская республика также получила конституцію, составленную по образцу французской, съ той разницею, что названія, употребительныя во Франціи, были замѣнены здѣсь древними римскими названіями консуловъ, сената и трибуната. Съ установленіемъ новыхъ учрежденій порядокъ въ церковной области окончательно прекратился, особенно послѣ того, какъ Бертье былъ отозванъ, и на его мѣсто назначенъ Массена. Массена съ коммисарами директоріи возвелъ грабежъ въ систему, и его штабъ-офицеры усердно слѣдовали его примѣру. Дошло до того, что даже подчиненные ему оберъ-офицеры вознегодовали, находя такой образъ дѣйствій позорнымъ для французской націи. Въ тоже время солдаты терпѣли крайнюю нужду, между тѣмъ какъ генералы и подрядчики утопали въ роскоши. Подобное же пренебреженіе къ нуждамъ солдатъ за нѣсколько времени передъ тѣмъ возбудило въ Мантуѣ съ ихъ стороны возстаніе. Февраля 24, незадолго до отъѣзда Бертье, офицеры собрали сходку и написали жалобу съ изложеніемъ злоупотребленій генераловъ и коммисаровъ. Когда Массена вздумалъ употребить военную строгость, его осмѣяли и отказали ему въ повиновеніи. Послѣ того онъ оставилъ Римъ, и генералъ Дальманъ временно принялъ главное начальство (27 февраля).

Тогда и римляне возстали противъ своихъ притѣснителей. Но они не могли сладить съ дисциплинированнымъ войскомъ и должны были жестоко поплатиться за возстаніе. Послѣ ужасныхъ сценъ убійствъ и грабежей была устроена республиканская комедія. Сначала изгнаны были кардиналы, и 20 марта отпразднованы основаніе новой республики и союзъ ея съ Франціею, причемъ были произнесены напыщенныя рѣчи, и жителей увеселяли пѣснями, играми и танцами. Возстаніе арміи кончилось тѣмъ, что четыре офицера подали директоріи жалобу, написанную въ сильныхъ выраженіяхъ; директорія уступила и на мѣсто Массена назначила въ Римъ главнокомандующимъ генерала Гувіона Сенъ-Сира.

2. Россія, Англія, Австрія, Пруссія, Неаполь и отношенія ихъ къ Французской республикѣ.

До сихъ поръ Россія не принимала участія въ войнѣ съ Франціею. Екатерина II воспользовалась этою войною, занимавшею великія державы запада, чтобы безпрепятственно окончить завоеваніе Польши. По достиженіи своихъ цѣлей въ Польшѣ она рѣшилась побороть французскую революцію оружіемъ. Для этой цѣли она заключила договоръ съ Австріею, Пруссіею и Англіею, но еще до утвержденія его умерла $^{6}/_{17}$ ноября 1796.

Сынъ и наслѣдникъ Екатерины, Павелъ I, отклонилъ этотъ договоръ и сталъ дѣйствовать въ другомъ направленіи. Екатерина все свое вниманіе сосредоточивала на иностранной политикѣ; Павелъ хотѣлъ сначала исключительно заняться внутренними дѣлами. Съ одной стороны, онъ находилъ недостаточнымъ то, что было сдѣлано его матерью, а съ другой, питалъ неодолимое отвращеніе къ французамъ и къ ихъ революціи. Павелъ питалъ сочувствіе къ благу и истинѣ, нерѣдко проявлялъ великодушіе и трогательную доброту. Такъ напр., онъ тотчасъ по восшествіи на престолъ освободилъ изъ плѣна Косцюшко и его товарищей по оружію, выказавъ искреннее сочувствіе къ несчастному положенію Польши. Впрочемъ мы не будемъ говорить о внутренней исторіи Россіи; насъ будутъ занимать только отношенія русскаго правительства къ заграничнымъ событіямъ. Иностранная политика Павла опредѣлялась свойствами его характера и въ значительной степени направлялась англичанами, которые прилагали къ этому большое стараніе.

Въ Англіи Питтъ сдѣлалъ нѣсколько покушеній примириться съ французскою республикою. Но это дѣлалось только для того, чтобы обмануть англійскій народъ, который громко роптал на правительство. У англичанъ было много поводовъ къ неудовольствію. Война остановила торговлю; не смотря на тягостное положеніе страны, министры раздавали огромныя суммы иностраннымъ кабинетамъ въ видѣ субсидій; они расточали государственную казну на синекуры и пенсіи для своихъ родственниковъ и креатуръ. Парламентъ до того злоупотреб-

лялъ правомъ распоряжаться государственною казною, что въ 1797 министры потрясли кредитъ банка, а между тѣмъ храбрые защитники страны терпѣли горькую нужду. Матросы королевскаго флота возстали. Матросы, служившіе на флотѣ, стоявшемъ въ Ла-Маншѣ, въ февралѣ 1797 первые отказались повиноваться. Правительство напрасно старалось помочь горю обычною строгостью, и Питтъ долженъ былъ дать амнистію. Отступая отъ всѣхъ правилъ, которыхъ должно держаться мудрое правительство, матросамъ даже заплатили извѣстную сумму денегъ. Это возбудило возстаніе и между матросами на флотѣ Нѣмецкаго моря. Они стали дѣлать еще большія требованія. Правительство прибѣгнуло къ силѣ. Передъ мятежниками закрылись всѣ гавани, и прекращены были всѣ подвозы, такъ что они вынуждены были наконецъ просить пощады. Всѣмъ, кромѣ зачинщиковъ, даровано было прощеніе, зачинщиковъ же казнили.

Мятежи между матросами также мало ослабили могущество Англіи, какъ и одновременное съ ними возстаніе въ Ирландіи (стр. 412). Въ 1797 англичане опять доказали міру, что на морѣ ни одинъ изъ ихъ враговъ не можетъ состязаться съ ними. Въ февралѣ адмиралъ Джервисъ съ пятнадцатью кораблями одержалъ при мысѣ Санъ-Винцентѣ блистательную побѣду надъ непріятельскимъ флотомъ изъ двадцати семи судовъ. Въ октябрѣ вышеупомянутою (стр. 413) побѣдою лорда Донкана англичане уничтожили всѣ надежды Франціи на успѣхъ ирландскаго возстанія. Въ слѣдующемъ году они даже окончательно подавили его.

Въ томъ же году (1798) англичанамъ удалось устроить новый союзъ противъ Франціи. Исполненіе этого замысла облегчили сами французскіе демократы, которые вездѣ выказывали величайшее пренебреженіе къ существующимъ правамъ. Директорія возстановила этимъ противъ себя даже императора Павла, который не имѣлъ ни малѣйшей склонности вмѣшиваться во французскія дѣла. Пять директоровъ нанесли ему личное оскорбленіе, не допустивъ русскаго уполномоченнаго къ переговорамъ въ Раштадтѣ. Уже прежде этого Россіи грозила опасность потерять свое вліяніе на грековъ и турокъ, потому что по миру въ Кампо-Форміо французы присвоили себѣ Іоническіе острова. Павелъ, который признавалъ законнымъ только монархическое правленіе, основанное на такъ называемомъ божественномъ правѣ, сдѣлался вслѣдствіе всего этого орудіемъ своекорыстной англійской политики.

Въ Австріи французы также помогли первому министру Англіи достигнуть своей цѣли. Въ февралѣ 1798 директорія послала генерала Бернадота посланникомъ въ Вѣну. Бернадотъ долженъ былъ употребить всѣ усилія, чтобы свергнуть министра Тугута, который возобновилъ сношенія съ Англіею. Это казалось весьма удобоисполнимымъ, потому что Бернадотъ могъ представить императору фактическія доказательства, что Тугутъ имѣлъ воспрещенныя сношенія съ французами. По различнымъ обстоятельствамъ Бернадотъ не могъ добиться аудіенціи у императора до апрѣля. Это обстоятельство подало ненавидѣвшимъ Бернадота бонапартистамъ поводъ не только сильно порицать его въ парижскихъ журналахъ, но даже набросить на него тѣнь подозрѣнія. Нападкамъ своихъ враговъ Бернадотъ старался противодѣйствовать весьма рѣзкимъ поведеніемъ въ Вѣнѣ. Онъ потребовалъ воспрещенія праздника, устроеннаго вѣнскою молодежью въ годовщину выступленія волонтеровъ противъ французовъ. Когда правительство не удовлетворило его желанія, онъ въ день праздника (11 апрѣля) выставилъ на балконѣ своего отеля знамя съ надписью: «Свобода и равенство». Онъ этимъ до того раздражилъ вѣнскій народъ, что чернь шумною толпою собралась кругомъ отеля и выбила въ немъ окна. Полиція спокойно наблюдала за дѣйствіями толпы; чернь взяла домъ приступомъ, переломала въ немъ мебель, сорвала французское знамя и сожгла его на базарной площади; только тогда подоспѣло войско, неспѣшившее прекращать волненіе, не смотря на многократныя требованія Бернадота. Бернадотъ тотчасъ потребовалъ паспорта, и никакія предложенія и уговоры не могли убѣдить его замедлить свой отъѣздъ. Его поведеніе не заслужило одобренія ни со стороны директоріи, ни со стороны Бонапарта.

Англія начала усердно составлять коалицію; въ Вѣнѣ, Неаполѣ, Петербургѣ и Берлинѣ она дѣлала все возможное, чтобы привести въ исполненіе свои намѣренія. Съ помощью королевы неаполитанской и императора русскаго она до-

стигла своей цѣли скорѣе, чѣмъ могла ожидать. Правительство въ Неаполѣ было вполнѣ въ рукахъ склонной къ интригамъ королевы Маріи Каролины. Во время договоровъ при Леобенѣ и Кампо-Форміо она была весьма полезна французамъ; но затѣмъ сдѣлала Неаполь орудіемъ англійскаго вліянія, за что ей сильно доставалось отъ парижскихъ газетъ, даже отъ офиціальныхъ, тѣмъ болѣе, что она сама давала къ этому много поводовъ своимъ развратнымъ поведеніемъ. Одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ неаполитанскихъ министровъ, Актонъ, вполнѣ былъ преданъ Англіи, а жена англійскаго посланника лорда Гамильтона, которая прежде была актрисою, а потомъ между прочимъ любовницею Нельсона, управляла Маріею Каролиною по своему произволу. Поэтому королеву легко было расположить къ союзу противъ Франціи. Все это вынудило французскаго генерала Бертье потребовать отставки Актона и удаленія англійскаго посланника; съ этими требованіями онъ обратился немедленно по занятіи Рима и присовокупилъ къ нимъ другія, еще несравненно болѣе тягостныя. Въ затруднительномъ своемъ положеніи Марія Каролина просила помощи у Австріи; въ маѣ 1798 Тугутъ заключилъ съ нею тайный договоръ, на основаніи котораго Австрія и Неаполь тѣсно соединились между собою для отраженія общими силами всякихъ внѣшнихъ нападеній. Немедленно послѣ того Марія Каролина и ея орудія ввели въ Неаполь систему ужаснѣйшаго террора. Всякое свободное выраженіе преслѣдовалось съ неслыханною яростью; всякій образованный человѣкъ дѣлался предметомъ подозрѣнія; все, что напоминало собою французскій костюмъ и французскія манеры, считалось признакомъ революціоннаго образа мыслей. Всѣ тюрьмы были наполнены арестованными; чтобы вынуждать у нихъ признанія, употреблялись всякаго рода муки.

Лѣтомъ Нельсонъ два раза появлялся близъ Неаполя съ своимъ флотомъ и чрезъ посредство леди Гамильтонъ вовлекъ дворъ въ такіе неосторожные поступки, что окончательно ожесточилъ французовъ. Нѣкоторое время Нельсонъ напрасно отыскивалъ всюду флотъ, который доставилъ Бонапарта въ Египетъ. Между тѣмъ флотъ этотъ счастливо достигъ Абукирскаго рейда. Въ этомъ рейдѣ Нельсонъ засталъ французскій флотъ, когда онъ возвратился отъ береговъ Сиріи къ устьямъ Нила. Наперекоръ распоряженіямъ Бонапарта, флотъ остановился тутъ на якорѣ; послѣ высадки, произведенной 1 іюля, французскій адмиралъ, Брюйи, счелъ необходимымъ остаться вблизи египетскихъ береговъ, пока не получитъ извѣстій о счастливомъ ходѣ задуманнаго предпріятія. Кромѣ того Брюйи полагалъ, что въ абукирской гавани его флотъ можетъ подвергнуться нападенію только съ одной стороны. Но Нельсонъ, прибывъ, тотчасъ увидѣлъ, что можетъ вдвинуть часть своихъ кораблей въ пространство между берегомъ и французскимъ флотомъ и такимъ образомъ поставить французскіе корабли между двухъ огней. Этимъ маневромъ Нельсонъ 1 августа въ сраженіи при Абукирѣ нанесъ французамъ страшное пораженіе. Всѣ ихъ военные корабли были уничтожены или взяты; адмиралъ Брюйи убитъ, и только четыре судна подъ начальствомъ адмирала Вильнева спаслись къ острову Мальтѣ. Бонапартъ обвинялъ въ этомъ несчастьи адмирала Вильнева, про котораго говорили, что вся его дивизія не сдѣлала ни одного выстрѣла. Впрочемъ и англійскій флотъ сильно пострадалъ въ сраженіи. Нельсонъ долженъ былъ пробыть при Абукирѣ двѣ недѣли, чтобы исправить свой флотъ хотя настолько, чтобы онъ могъ довезти до Неаполя взятую добычу. Когда онъ прибылъ въ Неаполь, Марія Каролина была такъ неосторожна, что приготовила ему самый блистательный пріемъ. Такое поведеніе было тѣмъ болѣе неумѣстно, что ей слѣдовало употребить всѣ старанія, чтобы сохранить съ Франціею миръ, пока ея союзники не приготовятся къ войнѣ.

Въ Пруссіи англичане напрасно старались достигнуть такого же успѣха, какимъ усилія ихъ увѣнчались въ Неаполѣ, въ Россіи и въ Австріи. По смерти Фридриха Вильгельма II (16 ноября 1797) въ Пруссіи царствовалъ сынъ его, Фридрихъ Вильгельмъ III. Новый король отличался чистотою нравовъ, не любилъ роскоши и, подобно доброму отцу семейства, любилъ строгость и порядокъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ робокъ, осмотрителенъ и избѣгалъ всякаго рѣшительнаго шага; въ это время волненій и тягостной борьбы онъ старался сохранить нейтралитетъ для своего государства. Онъ окружалъ себя посредственностями и дозволялъ руководить собою людямъ, которые были недо-

стойны его. Не смотря на все это, его восшествіе на престолъ произвело благодѣтельную перемѣну въ придворной жизни и въ частной жизни королевскаго семейства. Бишофсвердеръ и графиня Лихтенау со всѣми окружавшими ихъ развратными ханжами должны были тотчасъ оставить Берлинъ, а въ февралѣ 1798 былъ изгнанъ и Вельнеръ. Однако самые вредные люди изъ окружавшихъ прежняго короля, Луккезини, Гаугвицъ и Ломбардъ, остались. Къ нимъ присоединился еще достойный товарищъ ихъ, Лекокъ. Въ администраціи, въ финансовомъ управленіи, въ дѣлахъ церковныхъ и въ народномъ просвѣщеніи все измѣнилось къ лучшему, но внѣшняя политика осталась въ рукахъ прежнихъ интригановъ. Не смотря на усовершенствованія, сдѣланныя во время войны, войско оставалось въ прежнемъ положеніи. Кёкерицъ, Менкенъ и Шуленбургъ были болѣе другихъ достойны уваженія въ числѣ лицъ, которыя пріобрѣли вліяніе со вступленіемъ на престолъ новаго короля. Кёкерицъ былъ генералъ-адъютантомъ и другомъ короля. Менкенъ былъ очень полезенъ для Пруссіи; онъ раздѣлялъ взгляды перваго французскаго національнаго собранія; ему приписываютъ цѣлый рядъ распоряженій, которыя соотвѣтствовали духу времени и сдѣлали короля популярнымъ. Заслуга Шуленбурга состояла въ томъ, что онъ ввелъ порядокъ въ разстроенное финансовое управленіе; вмѣсто запутаннаго и безпорядочнаго управленія множества чиновниковъ, онъ ввелъ простоту и единство прежней администраціи.

Въ дѣлахъ внѣшней политики король продолжалъ держаться нейтралитета, не смотря на всѣ хлопоты Англіи. Гаугвицъ и его товарищи продолжали безъ вѣдома короля свои интриги. Австрія и Пруссія, какъ и прежде, противодѣйствовали другъ другу. Въ Раштадтѣ прусскій уполномоченный долженъ былъ защищать коварныя статьи базельскаго мира, а австрійскіе уполномоченные защищали тайныя статьи мира въ Кампо-Форміо, направленныя во вредъ Пруссіи. Прусскій уполномоченный долженъ былъ вступиться за Карла-Теодора, курфирста баварскаго, и за его наслѣдника, герцога Цвейбрюкенскаго, отъ которыхъ Австрія, по мирному договору въ Кампо-Форміо, должна была пріобрѣсти часть владѣній. Онъ долженъ былъ также позаботиться, чтобы наслѣдственный штатгальтеръ Голландіи получилъ вознагражденіе въ Германіи, не смотря на сопротивленіе Австріи.

Между тѣмъ англійскій посланникъ въ Петербургѣ успѣлъ склонить русскаго императора къ войнѣ съ Франціею. Дѣло это началось еще въ мартѣ 1797 по поводу торговаго договора съ Англіею. Послѣ этого договора англійскій посланникъ уговорилъ Павла вступиться за нераздѣльность Баваріи, обезпеченную тешенскимъ миромъ (стр. 213). Затѣмъ французы поступили очень неосторожно, не позволивъ русскому посланнику участвовать въ раштадтскихъ переговорахъ, и въ то же время заявили такія требованія въ отношеніи Германіи, что раздражили государя, считавшаго себя защитникомъ слабыхъ противъ сильныхъ. Наконецъ когда Бонапартъ предпринялъ свой походъ въ Египетъ, миролюбивыя чувства Павла были окончательно возмущены. Было уже весьма нетрудно склонить императора слѣдовать внѣшней политикѣ матери. Какъ скоро его политика приняла это направленіе, онъ по совѣту англичанъ приблизилъ къ себѣ двухъ людей, которые служили его матери, но при немъ впали въ немилость. Суворовъ былъ снова сдѣланъ начальникомъ войскъ, а Репнина (стр. 217 и стр. 346) Павелъ назначилъ посланникомъ въ Берлинъ съ тѣмъ, чтобы онъ склонилъ прусскаго короля къ союзу съ Англіею, Австріею и Россіею. Это была весьма трудная задача. Репнинъ считался однимъ изъ самыхъ знатныхъ русскихъ вельможъ; онъ жилъ въ Берлинѣ съ такимъ великолѣпіемъ, что расположилъ къ себѣ и къ своимъ цѣлямъ прусскій дворъ и высшее дворянство: но короля никакимъ образомъ невозможно было отклонить отъ его любимой мысли о сохраненіи нейтралитета. Въ своихъ взглядахъ король поддерживался людьми, которые имѣли вліяніе при его предшественникѣ; они противодѣйствовали союзу между Англіею, Австріею и Россіею, потому что союзъ этотъ уничтожилъ бы плоды созданнаго ими базельскаго мира. Австрійскій посланникъ, извѣстный своимъ дипломатическимъ искусствомъ, Лудвигъ Кобенцль, потерпѣлъ неменьшее пораженіе, чѣмъ Репнинъ. Кобенцль былъ полуфранцузъ; онъ получилъ образованіе въ Страсбургѣ и по убѣжденіямъ, по поступкамъ былъ совер-

шенно достоинъ своего товарища по университету, Талейрана; незадолго до этого онъ успѣлъ такъ устроить дѣла въ Раштадтѣ, что переговоры съ Франціею окончательно остановились. Тугутъ послалъ его въ Петербургъ, чтобы дѣйствовать тамъ въ пользу предположенной коалиціи; во время своего проѣзда черезъ Берлинъ онъ напрасно употреблялъ все свое искусство, чтобы измѣнить расположеніе короля. Французы также послали въ Берлинъ посланника, который долженъ былъ противодѣйствовать русскимъ и англичанамъ, и, если возможно, тянуть короля на сторону Франціи. Для этого посольства былъ избранъ Сійэсъ; онъ былъ болѣе другихъ способенъ дѣйствовать на Гаугвитца и Ломбарда и кромѣ того состоялъ въ сношеніяхъ съ почтеннымъ Менкеномъ и другими лицами, нерасположенными къ устарѣлымъ прусскимъ учрежденіямъ. Сійэсъ, какъ революціонный ораторъ и бывшій другъ Мирабо, не могъ пріобрѣсти никакого значенія въ глазахъ прусскаго короля и прусскаго дворянства; но зато онъ былъ полезенъ для своей родины другимъ способомъ. Онъ хитро сообщилъ прусскому королю тайныя статьи мира въ Кампо-Форміо, и тѣмъ уничтожилъ всѣ старанія Россіи и Англіи; затѣмъ онъ вошелъ въ тайныя сношенія съ секретаремъ Репнина, Оберомъ, урожденнымъ французомъ, и добылъ отъ него всѣ тайныя бумаги русскаго посланника.

Пока дипломаты такимъ образомъ хитрили, французы заняли Мальту и дали этимъ императору Павлу не только поводъ, но, повидимому, и законное основаніе къ войнѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ нападеніемъ на Египетъ они вынудили султана кинуться въ объятія старинныхъ своихъ враговъ — русскихъ. Мальтійскимъ орденомъ Павелъ живо интересовался, еще будучи наслѣдникомъ, и находился съ нимъ въ тѣсныхъ личныхъ сношеніяхъ. Чтобы имѣть въ Россіи отрасль этого ордена, онъ по своемъ восшествіи на престолъ, возстановилъ въ Польшѣ великій пріоратъ его; онъ значительно увеличилъ доходы ордена въ Россіи и въ ноябрѣ 1797 объявилъ себя его протекторомъ. По занятіи Мальты французами рыцари этого ордена, жившіе въ Россіи, просили у императора защиты, и онъ не только исполнилъ ихъ просьбу, но въ октябрѣ 1797 позволилъ избрать себя гроссмейстеромъ ордена. Турецкій султанъ Селимъ III былъ возстановленъ противъ французовъ по многимъ причинамъ. Они заняли венеціанскіе острова близъ береговъ его государства. Бонапартъ во время своего египетскаго похода старался занять турокъ въ ихъ собственныхъ предѣлахъ, а потому пытался войдти въ сношенія съ мятежнымъ Али-пашею Янинскимъ. Высадка Бонапарта въ Египтѣ была явно враждебнымъ дѣйствіемъ въ отношеніи султана, такъ что 5 сентября 1798 султанъ объявилъ французамъ войну. Но еще до объявленія ея онъ соединился съ Россіею и Англіею; русскій флотъ привезъ въ гавань Константинополя четыре тысячи солдатъ. Формальные союзные договоры были заключены съ Портою позже; договоръ съ Россіею состоялся 23 декабря, а съ Англіею — во второй день слѣдующаго года.

Еще ранѣе заключенъ былъ союзъ между Австріею и Россіею, и въ концѣ 1798 императоръ Павелъ отправилъ на Дунай сорокопятитысячный корпусъ для подкрѣпленія австрійцевъ въ Италіи. Союзъ съ Неаполемъ былъ заключенъ Павломъ 29 ноября, а съ англичанами 29 декабря.

3. Вторая коалиціонная война до возвращенія Бонапарта изъ Египта.

а) Военныя дѣйствія весною 1799. Возникновеніе и уничтоженіе Партенопейской республики.

Слѣпая ярость королевы неаполитанской и окружающихъ ея лицъ вызвала войну ранѣе, чѣмъ предполагали союзники. Въ сентябрѣ и октябрѣ 1798 въ неаполитанскихъ владѣніяхъ были силою набраны крестьяне, и австрійскимъ офицерамъ поручено было приготовить ихъ къ строевой службѣ. Во главѣ этого войска стоялъ полковникъ Макъ (стр. 259), знаменитый своею страстью къ военнымъ соображеніямъ и къ солдатскимъ ученіямъ. Оно менѣе всего было способно сражаться съ французами. Самообольщеніе Каролины Маріи и ея министровъ до-

ходило до того, что они считали себя способными дѣлать завоеванія даже безъ помощи своихъ союзниковъ. 25 ноября неаполитанцы неожиданно напали на римскую республику съ пяти сторонъ. Шампіоне, который командовалъ тамъ французскими войсками, тотчасъ очистилъ Римъ и Анкону и сосредоточилъ свои войска на сѣверѣ. Когда французы, повидимому, очистили Церковную Область, король Фердинандъ IV 29 ноября занялъ Римъ съ корпусомъ въ тридцать тысячъ человѣкъ. Лишь только Шампіоне обратился на нихъ, неаполитанское войско съ своимъ невѣжественнымъ начальникомъ и робкимъ королемъ мигомъ разсѣялось въ прахъ. Уже 10 декабря король въ величайшемъ страхѣ бѣжалъ въ Неаполь. Его войско нигдѣ не оказывало сопротивленія; даже весьма сильная позиція, которую Макъ занялъ между Капуею и Неаполемъ, была оставлена, хотя французы не имѣли необходимыхъ средствъ для осады.

Быстрая сдача сильно укрѣпленной Капуи произошла въ январѣ, вслѣдствіе жалкаго поведенія короля Фердинанда; она должна была имѣть непосредственнымъ своимъ послѣдствіемъ занятіе Неаполя. 21 декабря растерявшійся король переправился въ Сицилію; вице-королемъ онъ назначилъ жалкую креатуру своей жены, принца Пиньятелли, и приказалъ сжечь неаполитанскій флотъ; такимъ образомъ онъ лишилъ своихъ подданныхъ всѣхъ средствъ сопротивляться на морѣ. Такія дѣйствія и присоединившіяся къ нимъ постороннія обстоятельства породили въ лаццарони города Неаполя убѣжденіе, что знать, отличавшаяся республиканскимъ образомъ мыслей, заодно съ иностранцами, находившимися въ арміи, измѣнила имъ и ихъ королю. Лаццарони, этотъ низшій классъ неаполитанскаго народа, отличаются страшной энергіей; они рѣшились на отчаянную борьбу съ французами и угрожали смертію и истребленіемъ всѣмъ, кого считали ихъ приверженцами. Чтобы защитить себя отъ свирѣпой толпы, часть дворянства и нѣкоторые генералы рѣшились сдать немедленно городъ приближающемуся непріятелю. Вице-король, не посовѣтовавшись съ городскими властями, вошелъ съ Шампіоне въ переговоры; тогда народъ съ своей стороны устроилъ революціонное правительство, и изъ лаццарони и гражданъ составилось инсуррекціонное войско.

Анархія въ Неаполѣ достигла высшей степени, когда Пиньятели и Макъ 10 января 1799 вымолили у французовъ перемиріе и обязались сдать Капую со всѣми военными запасами, передать имъ многія другія укрѣпленія и собрать для нихъ въ городѣ Неаполѣ контрибуцію въ десять милліоновъ франковъ. Когда лаццарони узнали объ этомъ договорѣ, то взяли приступомъ арсеналъ и многія укрѣпленія города; они ходили по улицамъ, грабили и убивали, умерщвляли всякаго, кто не былъ ни лаццарони, ни священникомъ, и нагнали такой страхъ на принца Пиньятелли, что онъ по примѣру короля предоставилъ городъ и государство своей судьбѣ и бѣжалъ въ Сицилію. Уже прежде этого главнокомандующій Макъ испугался угрозъ и насмѣшекъ своихъ солдатъ и бѣжалъ въ лагерь къ Шампіоне. Лаццарони били въ набатъ, собрали тысячи поселянъ въ городъ и въ слѣпой ярости пошли на встрѣчу приближавшимся французамъ. Республиканцы также взялись за оружіе и вырвали изъ рукъ черни захваченныя ею укрѣпленія. 20 января Шампіоне четырьмя колоннами вошелъ въ Неаполь, чтобы соединиться на серединѣ города. Лаццарони и поселяне защищались отчаяннымъ образомъ, однако были побѣждены тактикою и превосходнымъ оружіемъ французовъ; но каждый шагъ впередъ французы покупали тяжкими потерями. Бой продолжался всю ночь. На другой день Шампіоне желалъ прекратить кровопролитіе и искалъ какого-нибудь начальства, съ которымъ можно было бы войдти въ переговоры; но всякое начальство исчезло, и городское управленіе разошлось. Двадцать третьяго числа рѣзня возобновилась съ удвоенною яростью. Лаццарони сражались безъ предводителей и безъ всякаго порядка; ихъ соотечественники республиканцы, стрѣляли въ нихъ съ фортовъ; наконецъ они отчаялись въ побѣдѣ и разошлись.

Только тогда Шампіоне овладѣлъ наконецъ городомъ. Неаполитанскіе республиканцы провозгласили республику. Мы не будемъ говорить о конституціи и устройствѣ этого новаго государства; устройство это лишено было всякаго прочнаго основанія и не могло удержаться. Новую республику, въ честь древняго имени города Неаполя, назвали Партенопейскою республикою. Партенопейская республика со дня своего учрежденія имѣла туже судьбу, какъ и

Батавская и Гельветическая. Изъ Парижа явилась толпа піявокъ и стала обирать завоеванную землю для насыщенія своей алчности и корыстолюбія директоровъ. Независимо отъ этого французскіе офицеры и солдаты пускались на всевозможные кутежи, и Неаполь долженъ былъ давать имъ для этого средства; наконецъ онъ заплатилъ контрибуцію въ семьдесятъ пять милліоновъ. Шанпіоне былъ безкорыстнѣе, чѣмъ большинство генераловъ временъ революціи; но онъ позволилъ распоряжаться собою одному отчаянному парижскому демократу и ослабилъ дисциплину. Не смотря на это, онъ былъ вынужденъ выгнать Фепу, коммисара, присланнаго изъ Парижа, а съ нимъ и всѣхъ прочихъ креатуръ директоріи. За это онъ былъ смѣненъ, въ оковахъ перевезенъ изъ Рима въ Миланъ и отданъ подъ военный судъ; но судъ оправдалъ его. Главнокомандующимъ въ Неаполѣ былъ сдѣланъ Макдональдъ.

Въ то время, когда Шанпіоне овладѣлъ Неаполемъ, директорія распорядилась занять Пьемонтъ, чтобы въ предстоящей войнѣ сдѣлать безвреднымъ Карла Эммануила IV Сардинскаго. Поводомъ и предлогомъ къ этому послужили попытки возстанія, произведенныя въ Пьемонтѣ демократами съ помощью французскихъ, цизальпинскихъ и лигурійскихъ республиканцевъ. Попытки эти не удались, и послѣдовала кровавая месть. Послѣ того въ іюнѣ 1798 французскій посланникъ при сардинскомъ дворѣ, Генгене, и главнокомандующій войсками въ Ломбардіи, генералъ Брюнъ, вступились за мятежниковъ, принудили Карла Эммануила дать амнистію и заставили его дозволить французскимъ войскамъ занять туринскую цитадель. Съ этихъ поръ король въ своей столицѣ былъ похожъ на плѣнника, Генгене и Брюнъ постоянно оскорбляли его, а демократы глумились надъ нимъ. Послѣ того какъ неаполитанцы напали на Церковную Область, преемникъ Брюна Жуберъ, велѣлъ обезоружить пьемонтское войско. Нѣсколько времени спустя французскіе генералы, Аликсъ, Груши и Клозель, до того измучили робкаго короля угрозами и оскорбленіями, что 9 декабря 1797 онъ согласился подписать продиктованный Клозелемъ актъ отреченія, которымъ и уступилъ Пьемонтъ Франціи. Впослѣдствіи эти генералы прославились усердными бонапартистами, а въ то время служили орудіями всякаго рода насилій со стороны директоріи. Карлъ Эммануилъ съ семействомъ тотчасъ отправился въ Сардинію. Онъ счастливо доѣхалъ туда прежде, чѣмъ получено было распоряженіе директоріи объ его арестованіи и о доставленіи его плѣннымъ во Францію. Въ Сардиніи онъ издалъ протестъ противъ вынужденнаго у него акта отреченія. Французы еще менѣе поцеремонились съ братомъ императора Франца, Фердинандомъ III Тосканскимъ. Въ тотъ же день (12 марта 1799), когда императору была объявлена война, объявили войну и герцогу, потому что онъ благосклонно принялъ неаполитанскій отрядъ, отплывшій въ декабрѣ изъ Ливорно; притомъ считали невозможнымъ оставить брата императора въ тылу французскихъ войскъ.

Французы начали войну 1 марта 1799, раньше, чѣмъ она была объявлена, вѣроятно потому, что чрезъ Обера (стр. 441) получили бумаги, изъ которыхъ узнали весь планъ дѣйствій непріятелей. Марта 1 Жуберъ перешелъ черезъ Рейнъ у Базеля и Келя. Его войска получили знаменательное названіе дунайской арміи. Въ то же время подчиненный ему Бернадотъ занялъ Мангеймъ, Гейдельбергъ и осадилъ Филиппсбургъ. 5 сентября 1798 директорія ввела конскрипцію, въ силу которой всякій французъ долженъ былъ служить въ военной службѣ отъ двадцатаго до двадцать пятаго года; такимъ образомъ французское войско было значительно увеличено. Часть этого войска, подъ главнымъ начальствомъ Журдана, была расположена по лѣвому берегу Рейна до Дюссельдорфа; другая часть, подъ начальствомъ подчиненнаго ему Массена, заняла Швейцарію. Начальство надъ такъ называемою итальянскою арміею поручено было Шереру, недавно удаленному отъ должности военнаго министра. Третій корпусъ подъ начальствомъ Брюна стоялъ въ Батавской республикѣ, которой угрожали англичане. Четвертый корпусъ подъ начальствомъ Макдональда находился въ Неаполѣ. Со стороны коалиціи эрцгерцогъ Карлъ начальствовалъ значительною арміею въ южной Германіи. Получивъ извѣстіе, что Журданъ проникнулъ до Оффенбурга, онъ перешелъ черезъ Дунай. Другая австрійская армія вступила въ Граубюнденъ еще въ концѣ прошлаго года, когда Франція вынудила Гельветическую республику открыть два пути для ея войскъ. Начальство надъ этою арміею имѣлъ генералъ

Готце, урожденный швейцарецъ. На Эчѣ въ Италіи расположилась третья армія. Ею начальствовалъ Меласъ; но такъ какъ Меласъ былъ боленъ и могъ прибыть только 4 апрѣля, то впредь до его прибытія начальство принялъ Край. Во главѣ русскихъ находился Суворовъ. Они двигались весьма медленно отъ Дуная черезъ Каринтію и только въ половинѣ апрѣля дошли до Вероны. Суворову подчинены были и австрійскія войска въ Италіи. Суворовъ принялъ главное начальство съ условіемъ, чтобы его не обязывали исполнять распоряженія королевы неаполитанской и придворнаго военнаго совѣта, находившагося во власти Тугута. Онъ соглашался получать приказанія отъ одного императора. Вѣнскіе интриганы уничтожили плоды этой предосторожности тѣмъ, что внушали императору всѣ приказанія, которыя должны были посылаться Суворову.

Еще прежде, чѣмъ эрцгерцогъ Карлъ направилъ свои войска противъ Журдана, гельветическая армія дошла до Граубиндена и оттѣснила австрійцевъ за Куръ. Затѣмъ Массена старался проникнуть въ Швабію и соединиться съ Журданомъ. Марта 22 онъ потерпѣлъ значительный уронъ при Фельдкирхѣ и былъ отброшенъ назадъ. Журданъ и эрцгерцогъ Карлъ въ то же время сразились при Острахѣ въ Зигмарингенѣ (21 марта), но результатъ боя былъ нерѣшительный. Вскорѣ 25 марта они снова сразились при Штокахѣ. Но и тутъ побѣда была сомнительна; австрійцы однако достигли своей цѣли, а Журданъ долженъ былъ отказаться отъ своихъ намѣреній и перевести свои войска за Рейнъ. Эрцгерцогъ не воспользовался своими преимуществами и до конца апрѣля оставался въ бездѣйствіи. Эрцгерцогъ сваливаетъ въ этомъ случаѣ вину на Тугута и придворный военный совѣтъ; они сосредоточили всѣ свои помыслы на Тиролѣ и Италіи, взяли у него часть войскъ и такъ неполитично поступали съ швейцарцами, что возбудили въ нихъ подозрѣнія, вслѣдствіе которыхъ швейцарцы не оказали имъ никакой помощи. Когда Журданъ послѣ битвы при Штокахѣ былъ смѣненъ, и значительная часть его войскъ соединена съ гельветическою арміею, Массена имѣлъ достаточно времени, чтобы подкрѣпиться свѣжими войсками и занялъ весьма крѣпкую позицію при Цюрихѣ. Только въ концѣ апрѣля эрцгерцогъ могъ сдѣлать попытку проникнуть въ верхнія Альпы и соединиться съ Суворовымъ. Послѣдствіемъ этого былъ въ маѣ рядъ кровопролитныхъ стычекъ, начиная отъ Граубиндена и до Шафгаузена и Тургау; въ то же время въ малыхъ кантонахъ произошло возстаніе, которое впрочемъ было скоро усмирено Сультомъ. Въ началѣ іюня эрцгерцогу удалось вытѣснить Массена изъ Цюриха; но онъ занялъ новую укрѣпленную позицію близъ Альпійскихъ горъ.

Въ это время въ Раштадтѣ было совершено международное преступленіе, которое наполнило Европу ужасомъ. 13 апрѣля императорскій посланникъ выѣхалъ изъ Раштадта и объявилъ конгрессъ отложеннымъ. Прочіе германскіе посланники и французскіе хотѣли продолжать совѣщанія, но черезъ десять дней закрыли конгрессъ. Апрѣля 28 вечеромъ французскіе посланники, Бонье, Робержо и Жанъ Дебри, выѣхали изъ Раштадта, такъ какъ Барбачи, командовавшій императорскими войсками, стоявшими въ окрестностяхъ, воспретилъ имъ дальнѣйшее пребываніе въ этомъ городѣ. На разстояніи четверти часа пути отъ Раштадта на нихъ напала конница, которая носила мундиры шеклеровскихъ гусаръ. Солдаты отобрали у нихъ всѣ бумаги, вытащили ихъ изъ кареты и двоихъ убили; третій, Дебри, спасся только тѣмъ, что заползъ въ канаву. Женщинамъ и прислугѣ дозволили продолжать путешествіе. Это избіеніе посланниковъ считалось нѣкоторыми дѣломъ директоріи, которая будто бы хотѣла возбудить такимъ образомъ ненависть народа къ Австріи. Въ настоящее время положительно извѣстно, что нападеніе на посланниковъ сдѣлано было по распоряженію Тугута и самаго безсовѣстнаго и развращеннаго изъ дипломатовъ того времени, графа Лербаха; они дѣйствовали съ помощью Барбачи; ихъ цѣль состояла не въ томъ, чтобы убить посланниковъ, а въ томъ, чтобы овладѣть нѣкоторыми бумагами, которыя могли бы послужить документальнымъ доказательствомъ ихъ измѣны.

26 марта началась война въ Италіи. Она приняла несчастный для французовъ оборотъ еще прежде, чѣмъ тамъ появились русскіе. Причиною былъ главнокомандующій Шереръ, пьяница, извѣстный своими вымогательствами и подлогами. Съ 26 по 30 марта онъ безъ всякаго успѣха нападалъ на всю австрійскую

линію, которая опиралась на Верону; 6 апрѣля онъ былъ разбитъ при Маньяно, долженъ былъ удалиться за Минчіо и предоставить Брешію на произволъ судьбы. 2 апрѣля прибылъ Меласъ, чтобы принять главное начальство надъ австрійцами вмѣсто Края, черезъ десять дней явился и Суворовъ съ первымъ русскимъ отрядомъ. 21 апрѣля храбрый Край овладѣлъ Брешіею. Черезъ нѣсколько дней смѣнили Шерера и на его мѣсто назначили Моро; но у него было только восемьнадцать тысячъ способныхъ къ бою солдатъ, а Суворовъ наступалъ на него съ восьмидесятью тысячами. Послѣ упорнаго боя при Кассано 27 апрѣля Моро долженъ былъ отступить за Адду, очистить миланскую территорію и прикрыться крѣпостями Тортоной и Александріей. Суворовъ занялъ Миланъ, и Цизальпинская республика кончила свое существованіе.

Не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ уничтожилась и Партенопейская республика. Она не имѣла ни войска, ни финансовъ, и единственною опорою ей служилъ французскій корпусъ подъ начальствомъ Макдональда. Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ 1798 года разбойническое и фанатическое сельское населеніе собиралось толпами и угрожало городамъ. Во главѣ его стояли люди, которые прикрывались религіозными и монархическими принципами, чтобы плодить убійства и грабежи. Въ числѣ этихъ предводителей были разбойники и убійцы по профессіи, въ родѣ Микелло Пацца, котораго народъ, удивлявшійся его неистовствамъ, прозвалъ Фра-Дьяволо (братъ дьяволъ); но кромѣ того тутъ же находились священники, въ томъ числѣ даже одинъ епископъ и одинъ кардиналъ. Кардиналъ этотъ былъ Фабриціо Руффо; онъ былъ удаленъ за подлогъ изъ папской службы, но, не смотря на это, вскорѣ достигъ званія кардинала. Въ Палермо онъ получилъ отъ неаполитанскаго двора неограниченное полномочіе, съ которымъ явился въ Калабріи, набралъ толпы разбойниковъ и убійцъ, и окружилъ себя звѣрскимъ и жестокимъ сельскимъ населеніемъ этой провинціи. Въ то время, какъ подъ предводительствомъ подобныхъ людей въ Абруцахъ, Апуліи, Кампаніи и другихъ провинціяхъ совершались самыя ужасныя дѣла, восторженные поклонники свободы и дамы въ салонахъ столицы смѣшили міръ игрою въ республику и свободу.

Макдональдъ и въ особенности его помощникъ Дюгемъ сражались съ мятежниками успѣшно. Но ходъ войны въ сѣверной Италіи заставилъ Макдональда 7 іюня отправиться туда съ частью войска; и тогда Руффо съ своими адскими толпами и съ помощью высадившихся англичанъ, русскихъ и турокъ направился къ Неаполю и очутился въ ближайшихъ его окрестностяхъ. 13 іюня онъ штурмовалъ городъ, а 14 числа вошелъ въ него среди страшнаго кровопролитія. Въ городѣ дрались до 18 числа, причемъ совершались страшныя убійства и грабежи. Республиканцы стрѣляли съ укрѣпленій въ бандитовъ, турокъ и русскихъ; престарѣлый адмиралъ Карачіоло, который проводилъ короля въ Сицилію и возвратился въ Неаполь, чтобы служить своему отечеству, поддерживалъ эту стрѣльбу съ флота. 19 іюня Руффо предложилъ перемиріе, потому что не считалъ себя въ силахъ взять укрѣпленія. Это предложеніе было принято, и съ помощью посредничества французскаго генерала Межана былъ заключенъ договоръ между Руффо и республиканцами. Межанъ, который занималъ съ оставшимися французами укрѣпленіе Сантъ-Эльмо, навлекъ на себя этимъ посредничествомъ подозрѣніе въ измѣнѣ. Республиканцы были совершенно правы, что не довѣряли такому человѣку, какъ Руффо; они потребовали, чтобы уполномоченные Англіи, Россіи и Турціи поручились за соблюденіе капитуляціи. На основаніи этой капитуляціи республиканцы не должны были понести никакого ущерба ни въ отношеніи личности, ни имущества; они должны были имѣть право удалиться съ военными почестями; какъ всѣ военноплѣнные, они должны были отправиться моремъ въ Тулонъ или остаться на родинѣ, не подвергаясь никакимъ преслѣдованіямъ. Межанъ долженъ былъ получить заложниковъ въ обезпеченіе исполненія этихъ условій.

Заложники дѣйствительно были доставлены въ укрѣпленіе Сантъ-Эльмо, и республиканцы посажены на корабли. Въ это самое время въ неаполитанской гавани явился Нельсонъ съ своимъ флотомъ, и вмѣстѣ съ нимъ пріѣхала посланная королевою фурія, леди Гамильтонъ. Нельсонъ былъ рабски подчиненъ ей, и Неаполь сдѣлался свидѣтелемъ самымъ возмутительныхъ сценъ; здѣсь проис-

ходило тоже, что въ 1793 и 1794 дѣлалось каждый день въ Парижѣ. Лаццарони и шайки Руффо свирѣпствовали какъ тигры; все богатое и образованное населеніе сдѣлалось ихъ жертвою; улицы были наполнены кучами тѣлъ. Распубликанцы, находившіеся на корабляхъ, неуспѣвшихъ выѣхать изъ гавани, были задержаны вопреки договору. Межанъ не только предоставилъ арестованныхъ на волю судьбы, но дозволилъ даже отнять у своихъ солдатъ данныхъ ему заложниковъ. Все это онъ сдѣлалъ, не смотря на то, что заложники были у него въ рукахъ и что его пушки господствовали надъ городомъ. Король пріѣхалъ въ Неаполь вмѣстѣ съ Нельсономъ, но тотчасъ возвратился на нѣсколько дней въ Палермо. Онъ объявилъ городъ лишеннымъ всѣхъ прежнихъ правъ и назначилъ кровавую политическую судебную коммисію, которая дѣйствовала совершенно также, какъ французскіе революціонные трибуналы во время террора. Сорокъ тысячъ человѣкъ были приговорены къ смерти и столько же къ изгнанію; утверждаютъ, что болѣе четырехъ тысячъ было въ самомъ дѣлѣ казнено. Многіе другіе были до смерти замучены въ темницахъ самаго ужаснаго устройства. Въ этой мрачной странѣ преслѣдованія и истязанія обратились на самыхъ благородныхъ и замѣчательныхъ людей, отличившихся въ литературѣ и въ искусствѣ. Здѣсь мы упомянемъ только объ Элеонорѣ Фонсека де Пиментель, которая для Неаполя была тоже, что Сталь для Франціи; о Маріа Пагано, восторженномъ философѣ и сочинителѣ партенопейской конституціи; о благородномъ врачѣ и естествоиспытателѣ Чирильо; всѣ они должны были поплатиться жизнью за свои человѣколюбивые замыслы. Знаменитый композиторъ Чимароза перенесъ безчисленныя страданія. Русское посредничество избавило его отъ смерти; но онъ вскорѣ погибъ, вслѣдствіе перенесеныхъ мученій, которыя окончательно разстроили его организмъ и ослабили его душевныя силы.

Позорна и безчестна была роль, которую въ этомъ дѣлѣ играли англичане и боготворимый ими Нельсонъ. Нельсонъ предоставилъ палачамъ мачты своего флота, чтобы вѣшать на нихъ осужденныхъ; на его адмиральскомъ кораблѣ засѣдалъ кровожадный судъ, который произносилъ приговоры надъ самыми почтенными неаполитанскими моряками. Когда судъ этотъ захотѣлъ отложить процессъ адмирала Карачіоло, оказавшаго странѣ великія услуги, Нельсонъ не только воспротивился этому, но произвольно измѣнилъ приговоръ, осуждавшій адмирала на пожизненное заключеніе, осудилъ его на смерть и приказалъ привести свое рѣшеніе въ исполненіе на неаполитанскомъ фрегатѣ, стоявшемъ возлѣ его корабля. До этого времени Карачіоло былъ другомъ Нельсона. Казнь Карачіоло вскорѣ дала жестокій урокъ королю Фердинанду; но и этотъ урокъ не подѣйствовалъ на его сердце, совершенно лишенное способности чувствовать. Выброшенное въ море тѣло престарѣлаго адмирала плавало въ водѣ, когда король въѣзжалъ въ неаполитанскую гавань изъ Палермо. Волна приподняла верхнюю часть тѣла, и король, стоявшій на носу корабля, увидалъ лицо адмирала, съ которымъ прежде былъ такъ друженъ. Онъ громко вскрикнулъ «Карачіоло!» и, подобно леди Макбетъ у Шекспира, спросилъ: «Чего хочетъ этотъ мертвецъ?» Одинъ священникъ отвѣчалъ: «Онъ проситъ христіанскаго погребенія». «О, пусть получитъ!» сказалъ король и въ раздумьи отправился въ свою каюту. Впечатлѣніе было мимолетное, и Фердинандъ остался такимъ, какимъ былъ съ дѣтства.

b) Война въ Италіи, Германіи и Швейцаріи.

Въ Верхней Италіи Моро долженъ былъ отступить передъ побѣдоносными войсками русскихъ до Тортоны и Александріи. Въ то время, когда Суворовъ проникъ до границы Дофине, Моро продолжалъ отступать и сосредоточилъ свои силы въ Генуезской области, гдѣ ожидалъ подкрѣпленій, которыя Макдональдъ долженъ былъ привести ему изъ южной Италіи. 7 іюня Макдональдъ оставилъ Неаполь и совершилъ возбудившій всеобщее удивленіе переходъ до цѣпи горъ, которая отдѣляетъ Генную отъ восточной Ломбардіи. Оттуда онъ однако направился не прямо къ Ривьера-ди-Леванте, а пошелъ по дорогѣ, ведущей въ долину рѣки По. Онъ надѣялся нечаянно напасть тамъ на австрійскую армію. Это уда-

лось бы ему, если бы Суворовъ не подоспѣлъ и не спасъ плоды прежнихъ побѣдъ. 17 іюня между Суворовымъ и Макдональдомъ произошло кровопролитное сраженіе при Треббіи. Сраженіе это продолжалось три дня и кончилось совершенной побѣдой русскихъ; при отступленіи своемъ къ Генуѣ Макдональдъ потерялъ еще нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Уже въ то время Суворовъ поссорился съ австрійцами; онъ видѣлъ, что они хотятъ заставить коалицію служить своимъ эгоистическимъ цѣлямъ, и кромѣ того его постоянно стѣсняли приказаніями, которыя вѣнскимъ интриганамъ удавалось посылать къ нему чрезъ посредство своего императора. Дошло до того, что австрійскимъ генераламъ велѣно было отдавать приказанія, совершенно противоположныя тому, что приказывалъ ихъ главнокомандующій! Поведеніе австрійцевъ поставило Суворова въ ложное положеніе относительно его собственнаго государя, и это вынуждало его скрывать отъ него настоящее положеніе дѣлъ. Уже въ іюлѣ Суворовъ желалъ сложить съ себя начальство, но потомъ согласился на предложенный англичанами способъ уладить дѣла. Условились такъ, чтобы Суворовъ отправился въ Швейцарію и тамъ соединился съ другимъ русскимъ корпусомъ, который находился подъ начальствомъ Корсакова и направлялся въ Швейцарію черезъ Швабію. Здѣсь Суворовъ долженъ былъ смѣнить эрцгерцога, а эрцгерцогъ долженъ былъ направиться противъ Рейнской арміи. Вѣнскій кабинетъ, который стремился къ пріобрѣтенію Верхней и Средней Италіи, получалъ такимъ образомъ возможность дѣйствовать въ этихъ мѣстахъ, какъ ему угодно. Императоръ Павелъ хотѣлъ во что бы то ни стало возстановить Италію въ прежнемъ видѣ, но Кобенцль, который все еще жилъ въ Петербургѣ, умѣлъ такъ устроить дѣла посредствомъ своихъ дипломатическихъ хитростей, что Павелъ далъ согласіе на перемѣщеніе русскихъ войскъ изъ Италіи.

Суворовъ на нѣсколько недѣль отложилъ свой походъ въ Швейцарію, потому что въ послѣднее время французы получили въ Италіи значительныя подкрѣпленія. Главнокомандующимъ въ Италіи директорія назначила вмѣсто Моро Жубера; Жуберъ черезъ тѣснину Бокета перешелъ Аппенины и хотѣлъ спасти крѣпость Тортону, которая должна была попасть въ руки австрійцевъ, какъ передъ тѣмъ Мантуа. Суворовъ, съ своею обыкновенною стремительностью пошелъ ему на встрѣчу, и 15 августа при Нови произошло рѣшительное сраженіе. Это было самое кровопролитное сраженіе во все время революціонныхъ войнъ. Жуберъ былъ убитъ съ самаго начала, и Моро, который по его просьбѣ остался еще на нѣсколько времени въ Италіи, принялъ главное начальство. Моро былъ не въ состояніи выполнить планъ сраженія, составленный несогласно съ его взглядами и съ его личнымъ характеромъ; кромѣ того лѣвое его крыло было обойдено Меласомъ. Французы были совершенно разбиты. Моро потерялъ множество людей и всю свою артиллерію. Съ остатками своего войска онъ долженъ былъ удалиться въ Геную. Русскіе также понесли значительныя потери; они должны были устремляться къ побѣдѣ черезъ груды тѣлъ своихъ соотечественниковъ.

Послѣ этой битвы Суворовъ отправился въ Швейцарію; у него оставалось не болѣе двадцати тысячъ чел. войска. Часть австрійскихъ войскъ еще до прибытія Корсакова направилась къ Рейну, не смотря на то, что Суворовъ изъ Италіи предупреждалъ эрцгерцога Карла и предсказывалъ ему послѣдствія такой поспѣшности. Прежде чѣмъ Суворовъ достигъ Альпъ, Массена всюду съ успѣхомъ напалъ на остатки австрійской арміи и занялъ всѣ долины, по которымъ Суворовъ долженъ былъ проходить. Въ это время Корсаковъ занялъ позицію эрцгерцога при Цюрихѣ; но у него было только двадцать четыре тысячи войска; оставленные эрцгерцогомъ австрійцы составляли не болѣе двадцати тысячъ, между тѣмъ какъ французовъ было въ Швейцаріи до семидесяти тысячъ. Къ этой несоразмѣрности въ силахъ присовокупилось еще то, что Корсаковъ съ самаго начала постоянно ссорился съ австрійцами.

Прежде чѣмъ Суворовъ перешелъ черезъ Альпы, случилось предсказанное имъ несчастье. 24 сентября Массена приказалъ Сульту, Лоржу и другимъ генераламъ на всѣхъ пунктахъ аттаковать русскихъ и австрійцевъ. Ему удалось совершенно отрѣзать австрійцевъ отъ русскихъ, при чемъ нѣсколько генераловъ и между прочимъ Готце были убиты и пять генераловъ взяты въ плѣнъ. 26

сентября французы штурмомъ вошли въ Цюрихъ, занятый Корсаковымъ, и отняли у русскихъ сто пушекъ. Корсаковъ, который дѣлалъ самыя грубыя ошибки, съ дерзостью возобновилъ бой на другой день. Онъ потерялъ остальную артиллерію и долженъ былъ отступить къ Шафгаузену. Французы поступили самымъ низкимъ образомъ съ своими союзниками, швейцарцами, въ особенности генералы Массена и Сультъ, которыхъ они такъ восхваляютъ. Они отдали городъ Цюрихъ на произволъ солдатъ и дозволили всѣмъ штабъ-офицерамъ вымогать для себя деньги; кромѣ того они взяли контрибуцію въ восемьсотъ тысячъ франковъ. Столько же долженъ былъ заплатить и городъ Базель.

Между тѣмъ Суворовъ съ величайшими затрудненіями совершилъ свой переходъ черезъ тѣснину Сенъ-Готарда, въ которой въ то время не было еще устроено дороги. Онъ все-таки поспѣлъ бы во время въ Цюрихъ, если бы австрійцы не задержали его слишкомъ долго; но они не исполнили своего обѣщанія и не приняли никакихъ мѣръ для обезпеченія его войска. 25 сентября онъ вошелъ въ Альтдорфъ. Такъ какъ австрійцы послѣ случившагося въ Цюрихѣ несчастія не могли сохранить своей позиціи, то онъ долженъ былъ проложить себѣ дорогу въ Граубинденъ черезъ долины Шехенскую, Муота и Линтъ. Онъ шелъ по дорогамъ и черезъ высоты, которыя и въ настоящее время кажутся непроходимыми для войска; онъ отразилъ во время похода наступавшихъ на него французовъ и черезъ Гларнерскія Альпы счастливо дошелъ до Граубиндена. Отъ южныхъ подошвъ Альпъ и до Граубиндена онъ потерялъ неменѣе трети своего войска; съ остальными онъ пошелъ въ Линдау къ Баденскому озеру и далѣе на Лехъ; онъ твердо рѣшился не дозволять коварному вѣнскому кабинету долѣе злоупотреблять имъ и его людьми. Императоръ Павелъ, поступавшій съ коалиціею искренно, понялъ наконецъ настоящія намѣренія австрійцевъ и разсорился съ ними совершенно. Онъ послалъ Суворову приказаніе со всѣмъ войскомъ тотчасъ возвратиться въ Россію. Въ январѣ 1800 Суворовъ выступилъ въ походъ и умеръ въ маѣ, черезъ нѣсколько недѣль по прибытіи своемъ въ Петербургъ.

Между тѣмъ въ Италіи Меласъ велъ войну съ прежнимъ педантствомъ, руководствуясь мелочными соображеніями австрійскаго кабинета. Вмѣсто того, чтобы со всею своею силою кинуться на Шампіоне, который командовалъ Альпійскою арміею и стоялъ близъ Вара, уничтожить его и затѣмъ обратиться противъ Моро, стоявшаго близъ Генуи, онъ разсѣялъ свои силы и думалъ только о томъ, какъ бы поскорѣе завладѣть чужою собственностью. Одинъ изъ главныхъ его отрядовъ подъ начальствомъ Края долженъ былъ овладѣть пьемонтской крѣпостью въ долинѣ Аоста; съ другимъ онъ послалъ Фрёлиха занять Анкону и Римъ. Руководствуясь старыми правилами, самъ Меласъ старался брать крѣпость за крѣпостью. Это дало Шампіоне и Моро возможность значительно увеличить свои силы. Когда послѣ того Моро былъ отозванъ въ Германію, Шампіоне соединилъ его корпусъ съ своимъ и спустился въ долину Ломбардіи; только тогда Меласъ отважился дать рѣшительное сраженіе. 4 ноября сраженіе это произошло при Фосано и Савильяно. Шампіоне былъ разбитъ и потерялъ половину своего войска. Послѣ того у французовъ изъ всѣхъ ихъ завоеваній остались только Генуа, графства Ницца и Тенде и часть провинціи Мондови.

Въ Средней Италіи они также лишились всѣхъ своихъ завоеваній. Въ концѣ сентября неаполитанцы съ помощью англичанъ заняли Римъ. Незначительный гарнизонъ этого города, находившійся подъ начальствомъ Гарнье, былъ на англійскихъ корабляхъ перевезенъ въ свое отечество. Въ ноябрѣ Анкона сдалась австрійскому генералу Фрёлиху послѣ продолжительной осады; съ паденіемъ этого города въ Церковной области исчезли послѣдніе слѣды французскаго владычества. Область эта сдѣлалась добычею австрійцевъ и неаполитанцевъ. Австрійцы послѣ взятія Анконы считали пограничныя провинціи своею завоеванною собственностію; неаполитанцы вели себя въ Римѣ такъ, какъ будто имъ досталось наслѣдіе папы Пія VI. Папа этотъ умеръ 29 августа во французскихъ владѣніяхъ, и только черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ этого въ Венеціи собрался конклавъ, который выбралъ ему преемника. Неаполитанцы, не упоминая даже о папѣ, устроили въ Римѣ по своимъ соображеніямъ правленіе и администрацію; при этомъ они обложили тяжкими податями даже духовныя имущества и самое духовенство. Въ

то же время они свирѣпствовали на истинно неаполитанскій ладъ противъ всего либеральнаго или подозрѣваемаго въ либерализмѣ.

Въ Германіи французы въ 1799 нѣсколько разъ переходили Рейнъ, но каждый разъ австрійцы оттѣсняли ихъ назадъ. Германская имперія играла въ этой войнѣ самую жалкую роль, не смотря на то, что она велась отчасти на ея территоріи. Въ іюнѣ 1799 императоръ предложилъ имперскому собранію возобновить войну; послѣ многихъ проволочекъ 16 сентября предложеніе было принято большинствомъ, но рѣшеніе это не имѣло силы, потому что большинство состояло изъ слабѣйшихъ членовъ. Вся сѣверная часть имперіи, а на югѣ Баденъ и Гессенъ-Дармштадтъ отказались принимать участіе въ войнѣ. Изъ всѣхъ сѣверныхъ государей только шведскій король Густавъ IV изъявилъ готовность выставить контингентъ, который онъ былъ обязанъ выставлять въ качествѣ герцога Передней Помераніи; но его примѣръ не нашелъ ни одного подражателя во всей сѣверной части имперіи. Баварія и Виртембергъ только тогда согласились принять участіе въ войнѣ, когда Англія заплатила имъ субсидіи. Императорскій кабинетъ по справедливости не пользовался никакимъ довѣріемъ, потому что имѣлъ въ виду исключительно увеличеніе своего могущества. Курфирстъ баварскій, хотя выслалъ наконецъ войска, но и тутъ не намѣревался серьезно вести войну: ему были извѣстны тайныя статьи мира въ Кампо-Форміо (стр. 429), которыми хотѣли обобрать его владѣнія. Онъ сохранилъ бы нейтралитетъ, если бы не нуждался въ англійскихъ деньгахъ и если бы его земли не были заняты австрійцами. Въ Баваріи и Куръ-Пфальцѣ въ это время царствовалъ уже не Карлъ Теодоръ; онъ умеръ въ февралѣ 1799. Ему наслѣдовалъ **Максимиліанъ Іосифъ**, который былъ до сего времени герцогомъ Пфальцъ-Цвейбрюкенскимъ. Максимиліанъ долженъ былъ держаться австрійцевъ потому, что прежде находился во французской королевской службѣ и не могъ ожидать ничего хорошаго отъ якобинцевъ.

c) Военныя дѣйствія Англіи и Россіи противъ Батавской республики.

Императоръ Павелъ, отдѣлившись отъ австрійцевъ, разорвалъ союзъ и съ Англіею; его одинаково разочаровали и эгоистическая политика британской аристократіи, и іезуитская дипломатія Вѣны. Осенью 1799 себялюбивые британцы употребили во зло честныя намѣренія союзника своего, русскаго императора, чтобы соединенными силами обобрать у голландцевъ остатки ихъ флота и такимъ образомъ удержать французовъ отъ высадки въ Ирландію или въ Англію. Настоящія свои намѣренія они прикрыли предлогомъ возстановленія въ Голландіи наслѣдственнаго штатгальтера Вильгельма V и необходимостью сдѣлать диверсію для облегченія военныхъ дѣйствій въ Италіи. Замышляя это предпріятіе, англичане и русскіе разсчитывали на помощь оранской партіи въ Голландіи, но жестоко ошиблись, потому что народъ, который прежде былъ приверженъ Оранскому дому, по большей части обратился въ республиканцевъ и демократовъ; даже аристократическіе враги Оранскаго дома, называвшіе себя патріотическою партіею, были доведены до такой крайности, что должны были примкнуть къ демократамъ. Батавскіе директоры пріобрѣли въ странѣ большое значеніе; французы не держали въ Голландіи своего войска и даже дозволили организовать батавскую армію. Батавскіе генералы Дендельсъ и Дюмонсо и начальники десяти или двѣнадцати тысячъ французовъ, присланныхъ парижскою директоріею имъ на помощь, Брюнъ и **Вандамъ**, были люди дѣятельные и способные, а главнокомандующій англійскими и русскими войсками, герцогъ Йоркскій, былъ человѣкъ весьма вялый и неспособный.

Съ непостижимою медленностью англичане не приступали къ выполненію своего предпріятія до августа, хотя оно было рѣшено еще въ іюнѣ. Такимъ образомъ они дали французамъ и голландцамъ время приготовиться къ оборонѣ, а свои собственныя войска подвергли всѣмъ опасностямъ, сопряженнымъ съ осеннимъ временемъ въ Голландіи. Англичане еще болѣе повредили этому пред-

пріятію тѣмъ, что назначили главнымъ начальникомъ не генерала Аберкромби, отличавшагося прекрасными способностями, а герцога Йоркскаго, который уже давно вполнѣ доказалъ свою неспособность (стр. 401 и 402). 27 августа Аберкромби съ первымъ отдѣленіемъ англійской арміи высадился на Гельдерѣ, самой крайней точкѣ сѣверной Голландіи. Находившійся тамъ голландскій гарнизонъ былъ тотчасъ разбитъ и принужденъ къ отступленію. Это счастливое начало войны привело къ исполненію англійскихъ намѣреній, т. е. къ уничтоженію голландскаго флота. Какъ скоро на Гельдерѣ явилось оранское знамя, матросы и солдаты стоявшаго вблизи флота взбунтовались и принудили своего адмирала сдать англичанамъ флотъ, состоявшій изъ одиннадцати линейныхъ кораблей и тринадцати другихъ судовъ. 10 сентября Аберкромби отбилъ нападеніе генерала Брюна. 15 сентября высадилось первое отдѣленіе русскихъ подъ начальствомъ Германа, и затѣмъ пріѣхалъ изъ Англіи герцогъ Йоркскій. Съ того дня, какъ онъ принялъ главное начальство, дѣла пошли самымъ неуспѣшнымъ образомъ.

Сентября 19 герцогъ близъ Бергена напалъ на Брюна; на правомъ и лѣвомъ крылѣ, гдѣ командовали Аберкромби и Германъ, побѣда была на сторонѣ англичанъ, но герцогъ, командовавшій центромъ, распоряжался такъ плохо, что сраженіе было проиграно, и союзники должны были отступить. Послѣ этого герцогъ расположился въ болотистыхъ мѣстахъ и въ теченіе двухъ недѣль оставался въ бездѣйствіи; тутъ онъ потерялъ множество людей вслѣдствіе свирѣпствовавшей тамъ осенней лихорадки. Въ то же время армія страдала отъ недостатка продовольствія, потому что въ этомъ отношеніи не было принято никакихъ мѣръ. Затѣмъ 2 и 3 октября союзники съ успѣхомъ сражались при Алькмарѣ и оттѣснили непріятеля къ окрестностямъ Гарлема; но вслѣдъ за этимъ Брюнъ получилъ подкрѣпленія, возобновилъ 6 октября бой при Кастрикумѣ и принудилъ герцога отступить за Алькмаръ. Въ самомъ скоромъ времени нужда и болѣзни приняли въ союзномъ войскѣ такіе размѣры, что герцогъ согласился на самую постыдную капитуляцію, которую когда-либо рѣшались предложить англійскому генералу за исключеніемъ капитуляціи при Саратогѣ (стр. 239). На основаніи этой капитуляціи, заключенной 19 октября, англичане должны были не только сдать въ исправности всѣ устроенныя ими укрѣпленія, но исправить въ ноябрѣ передъ отплытіемъ всѣ поврежденія, которыя были сдѣланы ими въ плотинахъ и шанцахъ. Кромѣ того, герцогъ согласился на условіе, неимѣвшее никакой связи съ настоящей экспедиціею: восемь тысячъ французовъ и голландцевъ, находившихся въ Англіи въ плѣну, должны были получить освобожденіе. Зато голландскій флотъ остался во власти англичанъ.

4. Бонапартъ въ Египтѣ и Сиріи.

Стоившій такихъ огромныхъ расходовъ походъ Бонапарта въ Египетъ окончательно не удался; не смотря на это, онъ болѣе всякаго другаго предпріятія способствовалъ увеличенію власти и славы Бонапарта, развитію науки и просвѣщенія въ Европѣ и усовершенствованію военнаго искусства французовъ новаго времени, которое приняло такіе величественные размѣры. Этотъ походъ чрезвычайно возвысилъ славу французской арміи и ея величайшаго полководца; кромѣ того въ немъ принимали участіе лучшіе французскіе генералы и первостепенные ученые и художники, которые сдѣлали въ Египтѣ важныя открытія въ области исторіи, египетскихъ древностей и естественныхъ наукъ; всѣ эти открытія были собраны въ блистательномъ изданіи, названномъ Déscription de l'Egypte. Изъ школы Моро къ вышеупомянутымъ генераламъ принадлежали Дезе и Клеберъ, изъ школы Бонапарта-Бертье, Рейнье, Мюратъ, Ланнъ, Даву, Жюно, Мармонъ и другіе. Изъ числа ученыхъ и художниковъ мы назовемъ только для примѣра естествоиспытателей Жоффруа и Делиля, химика Бертоле, врачей Деженета и Ларрея, антикварія и художника Денона, математика и физика Монжа, бывшаго морскаго министра первыхъ временъ республики (стр. 371).

Египетъ въ это время только номинально принадлежалъ Турціи. Тамъ господствовали беи мамелюковъ, рабовъ, привезенныхъ съ Кавказа и обращенныхъ въ солдатъ; они составляли что-то въ родѣ рыцарскаго сословія. Самый могущественный между многочисленными беями мамелюковъ былъ Мурадъ, а послѣ него самый значительный Ибрагимъ. Когда французы 1 іюля 1798 высадились въ Египетъ, имъ пришлось имѣть дѣло преимущественно съ этими двумя личностями. Какъ скоро Мурадъ узналъ о ихъ прибытіи, онъ вышелъ имъ на встрѣчу изъ Каира. Іюля 13 у Хебрисѣ онъ встрѣтился съ французскимъ войскомъ, изнуреннымъ жаромъ, жаждой и походомъ. Однако оказалось, что самое храброе и энергическое войско не въ состояніи состязаться съ тактикой и стратегіею новѣйшаго времени. Мурадъ былъ отброшенъ съ потерею. Черезъ восемь дней, 21 іюля, онъ снова вступилъ съ французами въ битву въ окрестностяхъ Каира; эта битва извѣстна подъ именемъ битвы при пирамидахъ и всего болѣе прославилась напыщеннымъ воззваніемъ Бонапарта къ солдатамъ, что на подвиги ихъ сорокъ столѣтій смотрятъ съ высоты пирамидъ. Мамелюки снова были разбиты, и цѣною этой побѣды было взятіе французами Каира. Мурадъ удалился въ Верхній Египетъ, куда за нимъ послѣдовалъ Дезе. Ибрагимъ, который вслѣдствіе соперничества съ Мурадомъ безучастно смотрѣлъ на сраженіе, направился къ Суэзскому перешейку, но 19 августа Бонапартъ нагналъ его при Сомахіэ и разбилъ. Ибрагимъ нашелъ убѣжище у намѣстника Сенъ-Жанъ д'Акра, Джеззаръ-паши, и паша началъ приготовляться къ войнѣ. Бонапартъ поспѣшилъ предупредить нападеніе паши на Египетъ и быстро сдѣлалъ всѣ нужныя въ Египтѣ распоряженія.

Организацію, которую Бонапартъ далъ завоеванной странѣ, мы описывать не будемъ: она была скоропреходящимъ явленіемъ. Организація эта однако показала въ Бонапартѣ большое искусство въ дѣлахъ гражданскаго управленія и большую проницательность въ выборѣ людей; онъ доказалъ, что вполнѣ обладаетъ всѣми необходимыми для государя способностями. Съ этимъ можно согласиться, не повторяя напыщенныхъ фразъ, которыми французы стараются сдѣлать изъ своего Бонапарта какого-то полубога. Въ сущности все, что Бонапартъ сдѣлалъ въ Египтѣ, состояло въ примѣненіи къ восточной странѣ западно-европейскихъ системъ и формъ управленія, которыя вовсе не соотвѣтствовали ея потребностямъ. Достоинство этого творенія видно изъ того, что эта прославленная организація подала поводъ къ страшному возстанію въ Каирѣ. Въ Египтѣ введены были чуждое странѣ судебное устройство, европейская финансовая система, свойственныя Европѣ многописаніе и регистратура и даже комедія мнимаго участія народа въ управленіи, и съ этою цѣлью созвано собраніе такъ называемыхъ нотаблей. Египтяне были доведены до отчаянія систематическими истязаніями и вымогательствами, которыя навязывались имъ подъ видомъ благодѣяній; послѣдствіемъ этого былъ мятежъ въ Каирѣ, начавшійся 21 октября; религіозный фанатизмъ и старанія турокъ и мамелюковъ произвести безпорядки были лишь второстепенными причинами этого возстанія. Заговоръ до самой послѣдней минуты сохранялся въ величайшей тайнѣ; на французовъ напали совершенно неожиданно, и многіе были перебиты. Бонапартъ немедленно принялъ ужасныя мѣры. Его пушки обратили въ развалины мечети, гдѣ мятежники старались укрѣпиться; городъ былъ зажженъ, и французская инфантерія кинулась со штыками на безоружныя или вооруженныя чѣмъ попало толпы народа; среди кроваваго боя французы брали одну улицу за другою. По распоряженію Бонапарта въ теченіе двухъ дней продолжались убійства и разрушались зданія. Когда наконецъ все это прекратилось, тысячи труповъ покрывали улицы. Возстаніе доставило французскому главнокомандующему то преимущество, что для него стало возможно поступать съ крайнимъ безразличіемъ и жестокостью, и онъ могъ пополнить недостатокъ въ деньгахъ, который причинялъ ему большія затрудненія. Съ другой стороны политическія послѣдствія возстанія были чрезвычайно вредны для Бонапарта и для французовъ. Страшное кровопролитіе, совершенное французами въ Каирѣ, произвело ужасное впечатлѣніе на всемъ востокѣ и придало управленію Бонапарта характеръ тираніи.

Вскорѣ послѣ возстанія Дезе подчинилъ французамъ весь Верхній Египетъ рядомъ побѣдъ, одержанныхъ надъ Мурадъ-беемъ. Въ то же время Бонапартъ

предпринялъ походъ для завоеванія Сиріи съ тринадцатитысячною арміею. Походъ этотъ былъ совершенно необходимъ, потому что Бонапартъ долженъ былъ овладѣть берегами и гаванями Сиріи, чтобы избѣгнуть одновременнаго нападенія Джеззаръ-паши, турокъ и англичанъ. Русскій флотъ выступилъ въ море, чтобы овладѣть Іоническими островами; турки приготовлялись сдѣлать высадку въ Египтѣ; англичане взялись поддержать ихъ и охранять египетскіе и сирійскіе берега. Англичане снабдили Джеззаръ-пашу оружіемъ и военными снарядами, а султанъ назначилъ его сераскиромъ отправленныхъ противъ французовъ турецкихъ и арабскихъ скопищъ; онъ даже заранѣе назначилъ его египетскимъ пашею.

Во время сирійскаго похода Бонапарта повторилось то, что нѣкогда удалось нѣсколькимъ тысячамъ грековъ подъ начальствомъ Мильтіада, Ѳемистокла и Кимона противъ безчисленныхъ полчищъ персовъ. Въ обоихъ случаяхъ способность полководцевъ и духъ войскъ вполнѣ вознаградили недостатокъ числа и физической силы. Кромѣ того Бонапартъ умѣлъ словами и прокламаціями довести до высшей степени пыла національную гордость и воинственную самоувѣренность французовъ; онъ вызывалъ удивительные подвиги преувеличенными и ложными донесеніями о своихъ побѣдахъ. Въ январѣ 1799 французы изъ Каира направились въ Сирію. Они начали съ того, что подъ начальствомъ Рейнье напали на пограничное укрѣпленіе Эль-Аришъ, 13 февраля разбили прибывшихъ для освобожденія осажденныхъ мамелюковъ и тотчасъ заставили это укрѣпленіе сдаться. Арнауты, которые оставляли гарнизонъ укрѣпленія, получили дозволеніе удалиться свободно съ тѣмъ, чтобы никогда не сражаться противъ французовъ. Они однако немедленно нарушили данное слово и отправились въ Яфу. Тамъ они защищались съ такимъ мужествомъ, что французы могли взять этотъ плохо укрѣпленный городъ только 6 марта, и то съ большими потерями. Бонапартъ не утвердилъ капитуляцію, данную храбрымъ защитникамъ этого города, и приказалъ разстрѣлять весь оставшійся въ живыхъ гарнизонъ, около двухъ тысячъ человѣкъ. 18 марта французское войско прибыло къ городу Сенъ-Жанъ д'Акру (Акконъ); городъ этотъ былъ укрѣпленъ такъ, какъ укрѣплялись города въ средніе вѣка, и имѣлъ очень толстыя стѣны. Стѣны эти могли быть разрушены только пушками самаго большаго калибра; между тѣмъ англійскій коммодоръ Сидни Смитъ незадолго до того отнялъ у французовъ корабли, нагруженные тяжелою артиллеріею. Сверхъ того Сидни Смитъ снабдилъ городъ военными припасами и далъ ему англійскихъ и французскихъ инженеровъ. Французскіе инженеры были изъ числа эмигрантовъ, и между ними самый замѣчательный былъ Фелиппо. При другихъ обстоятельствахъ это укрѣпленіе не задержало бы французовъ и двухъ дней; но теперь они стояли передъ нимъ и не могли достигнуть никакого успѣха. Они не только страдали отъ болѣзней и недостатка съѣстныхъ припасовъ, но каждую минуту ожидали, что къ нимъ въ лагерь проникнетъ чума, свирѣпствовавшая въ Акрѣ. 16 апрѣля Бонапартъ при горѣ Ѳаборѣ разбилъ присланныя для освобожденія осажденныхъ турецкія и арабскія полчища; но положеніе французовъ чрезъ это не улучшилось, не смотря на то, что они послѣ этого съ 7 по 12 мая нѣсколько разъ штурмовали городъ и разъ даже проникли въ него. Потерявъ множество лучшихъ своихъ солдатъ и офицеровъ, Бонапартъ долженъ былъ рѣшиться снять осаду и очистить Сирію. Такимъ образомъ экспедиція не удалась; но она доставила французамъ и ихъ предводителю великую славу. Потеря, которую понесли французы въ теченіе всей сирійской экспедиціи, не составляла и двухъ тысячъ человѣкъ, хотя въ ихъ рядахъ свирѣпствовала чума и хотя они должны были идти по степямъ на разстояніи ста двадцати часовъ пути.

Мая 20 французы начали отступленіе, а 14 іюня Бонапартъ былъ уже въ Каирѣ. Оттуда онъ долженъ былъ тотчасъ направиться противъ Мурадъ-бея, который отъ преслѣдованій Дезе кинулся въ Средній Египетъ; въ тоже время онъ долженъ былъ защититься противъ одиннадцати или пятнадцати тысячъ турокъ, высадившихся при Абукирѣ и овладѣвшихъ этимъ укрѣпленіемъ. Мурадъ и его сподвижники ушли отъ французовъ, но турки были побѣждены; они не могли противостоять военнымъ способностямъ Бонапарта и вѣрности и точности, съ которыми всѣ его приказанія исполнялись въ его войскѣ. Въ первомъ бою ему удалось отрѣзать тысячу турокъ, а въ другомъ три тысячи. Затѣмъ въ рѣ-

шительномъ сраженіи при Абукирѣ былъ уже совсѣмъ разбитъ, но по грубому восточному обыкновенію турки немедленно разсѣялись по полю битвы, чтобы рѣзать головы и этимъ дали Бонапарту случай тотчасъ одержать надъ ними совершенную побѣду (25 іюля). Часть турокъ изрубили, другую вогнали въ море, третью забрали въ плѣнъ; остатки спаслись въ абукирскомъ укрѣпленіи, которое было взято французами штурмомъ на другой день.

Чтобы принудить Бонапарта очистить Египетъ, Сидни Смитъ послалъ ему пачку европейскихъ газетъ. Извѣстія, которыя онъ изъ нихъ почерпнулъ, убѣдили его, что въ Европѣ для него больше дѣла, чѣмъ въ Египтѣ; онъ не рѣшился прекратить египетскую экспедицію, но самъ вознамѣрился возвратиться во Францію. Онъ передалъ главное начальство старшему изъ своихъ генераловъ, Клеберу, и 22 августа отплылъ въ Европу въ сопровожденіи Лантаа, Мармона, Мюра, Андреосп, Бертье, Бессіера, Монжа, Бертоле и др. Счастье, которое сопровождало его при переѣздѣ въ Египетъ, охраняло его и на возвратномъ пути; онъ не попалъ въ руки ни одному изъ многочисленныхъ англійскихъ военныхъ кораблей, крейсировавшихъ въ то время въ Средиземномъ морѣ, и 9 октября присталъ къ берегу въ гавани Фрежюса.

5. Событія во Франціи отъ государственнаго переворота 18 фруктидора до паденія директоріи 18 и 19 брюмера.

Когда Бонапартъ возвратился изъ Египта, Франція находилась въ такомъ положеніи, что новый государственный переворотъ былъ неизбѣженъ. Директорія не только позволяла себѣ самыя постыдныя насилія въ отношеніи своихъ союзниковъ, но и съ самими французами поступала, пренебрегая всѣми правами и самыми первыми предписаніями нравственности. Когда напр., весною 1798 выборы законодательныхъ совѣтниковъ не согласовались съ желаніями директоровъ, они, не задумавшись, насильственно кассировали часть ихъ. Единственная предосторожность, которую они при этомъ приняли, заключалась въ томъ, что они призвали на помощь законодательство. Закономъ 11 мая (22 флореала) 1798 шестьдесятъ избраній были безъ всякой церемоніи признаны недѣйствительными; сказано было только, что избранные депутаты—анархисты. Не менѣе насильственно вынудили директоры въ іюлѣ 1798 полномочіе себѣ дѣлать обыски и произвольные аресты. Чтобы сохранить деспотическую власть, которою пользовалась во имя свободы, директорія стала употреблять средства временъ террора. При этомъ ограничились тѣмъ, что дали дѣлу другой видъ. Вмѣсто революціонныхъ трибуналовъ употреблялись военныя коммисіи и военные суды, вмѣсто гильотины—разстрѣляніе. Разстрѣлянію дали такіе обширные размѣры, что наконецъ солдаты стали отказываться служить палачами.

Не смотря на насильственное распоряженіе 11 мая, оппозиція значительно усилилась въ обоихъ совѣтахъ третью депутатовъ, вступившею въ нихъ 20 мая 1798. Тоже самое случилось и при дополнительныхъ выборахъ, происходившихъ въ мартѣ 1799. Это вызвало самыя жестокія нападки на директорію. Въ маѣ оба совѣта выбрали Сійэса, на мѣсто Ребеля, который долженъ былъ выйти изъ директоровъ. Сама директорія сдѣлала Сійэса важнымъ лицомъ, поручивъ ему посольство въ Берлинѣ (стр. 441), а выборъ совѣтовъ возвелъ этого хитраго и пронырливаго эгоиста въ число адвокатовъ, управлявшихъ страною. На этотъ разъ Сійэсъ принялъ избраніе, отъ котораго отказался при учрежденіи директоріи; это служитъ доказательствомъ, что уже въ то время начались интриги, сдѣлавшія Бонапарта главою государства, и что Сійэсъ былъ посвященъ въ эту тайну.

По занятіи своего мѣста въ директоріи Сійэсъ соединился съ большинствомъ совѣтниковъ и съ товарищемъ своимъ, Барра, противъ прочихъ директоровъ, Мерлена де Дуе, Ла Ревельера-Лепо и Трейлара. Трейларъ вступилъ 13 мая 1798 на мѣсто Франсуа де Нефшато, вышедшаго по жребію. Вскорѣ три послѣднихъ директора были вынуждены выйти изъ управленія. Трейлара удалили 17 іюня 1799 на основаніи статьи конституціи, въ силу которой депутатъ могъ быть

избранъ въ директоры только черезъ годъ по оставленіи имъ законодательнаго собранія. Устраненіе Мерлена и Ла Ревельера могло быть произведено только революціоннымъ путемъ. Это было выполнено такъ называемою революціею 30 преріала VII года. Совѣты потребовали отъ директоріи отчета о состояніи республики, и когда отчетъ этотъ не былъ доставленъ въ теченіе одиннадцати дней, совѣтъ пятисотъ 16 іюня (28 преріала) объявилъ себя въ непрерывномъ засѣданіи. На слѣдующій день поздно вечеромъ директоры представили свой отчетъ. Этимъ отчетомъ воспользовались 18 іюня (30 преріала) для самыхъ энергическихъ нападокъ на существующее управленіе. Приступили даже къ назначенію коммисіи, которая подъ предсѣдательствомъ брата Бонапарта, Люсіана, должна была предложить удаленіе Мерлена и Ла Ревельера. Это вынудило ихъ выйти добровольно. На мѣсто удаленныхъ трехъ директоровъ руководители партіи Бонапарта, въ особенности Сійэсъ и Люсіанъ Бонапартъ, добились назначенія людей, неимѣвшихъ ни вліянія, ни приверженцевъ. Избраны были адвокаты Гое и Рожеръ Дюко и генералъ Муленъ. Гое, извѣстный адвокатъ, совершенно не годился въ правители; Дюко былъ даже посредственнымъ адвокатомъ, а Муленъ ничѣмъ не отличился ни на полѣ битвы, ни въ арміи. Барра и Сійэсъ остались единственными правителями Франціи. Барра пользовался всеобщею ненавистью, какъ человѣкъ, для котораго наслажденія и блескъ составляли единственную цѣль жизни, а значеніе Сійэса основывалось болѣе на преданіи о его способностяхъ, чѣмъ на дѣйствительной опытности, практической ловкости и знаніи дѣлъ.

Съ революціею 30 преріала, казалось, возвратились времена 1793. 6 іюля 1799 учрежденъ былъ даже новый клубъ якобинцевъ, и въ немъ послышались рѣчи временъ терроризма. Новые министры, директоры и большинство совѣтниковъ были искренніе или притворные якобинцы. Талейранъ, дѣйствовавшій заодно съ павшими директорами, долженъ былъ удалиться вмѣстѣ съ ними. На его мѣсто былъ назначенъ его другъ, жирондистъ Рейнаръ, виртембергецъ, обладавшій большими талантами и обширными свѣдѣніями. Министромъ финансовъ былъ сдѣланъ Ленде, дѣятель временъ террора. Судебное управленіе было ввѣрено Канбасересу; военное—генералу Бернадоту, который, какъ и Ожеро, разыгрывалъ въ то время роль яраго демократа и радикала. Министромъ полиціи сдѣланъ былъ Фуше, человѣкъ пригодный для всѣхъ возможныхъ партій и готовый служить всякому, кого считалъ способнымъ взять верхъ надъ другими; на это мѣсто вывелъ его Сійэсъ, когда клубъ якобинцевъ сдѣлался опасенъ для директоріи и началъ подозрѣвать Сійэса въ приверженности къ орлеанской партіи. Фуше съумѣлъ помочь этому затрудненію своими старыми пріемами, не смотря на то, что совѣтъ пятисотъ защищалъ якобинцевъ. Сначала Фуше далъ демагогамъ расходиться до того, что друзья свободы начали убѣждаться, что противъ нихъ необходимо употребить насиліе. Затѣмъ, съ помощью своихъ шпіоновъ и агентовъ, онъ произвелъ между якобинцами раздоры и вызвалъ уличные скандалы. Такимъ образомъ все было приготовлено, чтобы оправдать употребленіе силы, и 13 августа онъ распорядился закрыть клубъ. Онъ однако невполнѣ подавилъ якобинцевъ, потому что они были необходимы для борьбы съ приверженцами старой монархіи.

Роялисты въ различныхъ городахъ и департаментахъ пытались возобновить народныя движенія въ пользу королевской власти; преслѣдованія, которыя на нихъ воздвигались за это, были возмутительны. Для этой цѣли 12 іюля были изданы законы о заложникахъ. Этими законами предписывалось, въ случаѣ какихъ-либо безпорядковъ, немедленно брать подъ арестъ всѣхъ дворянъ и всѣхъ родственниковъ эмигрантовъ и держать ихъ въ заключеніи въ качествѣ заложниковъ; если во время безпорядковъ будетъ убитъ чиновникъ, покупщикъ бывшихъ коронныхъ имуществъ или бывшій солдатъ республики, то всѣ они облагаются значительною денежною пенею и четверо изъ нихъ отправляются въ ссылку. По случаю позорной растраты государственныхъ денегъ уже въ іюнѣ старались поправить дѣла мѣрою, напоминавшею комитетъ общественной безопасности. Іюня 28 изданъ былъ законъ о произведеніи насильственнаго займа между богатыми людьми; кого считать богатымъ—было неопредѣлено. Въ сентябрѣ директорія, опираясь на Люсіана Бонапарта и на большинство въ совѣтѣ старѣй-

шинъ, сдѣлала распоряженіе о запрещеніи большаго числа журналовъ и объ арестованіи болѣе шестидесяти редакторовъ; мало того, она требовала, чтобы арестованныя лица были приговорены къ ссылкѣ. Это требованіе сдѣлалось поводомъ къ такимъ сценамъ въ обоихъ совѣтахъ, какія случались только въ 1793—1795 годахъ. Журданъ, демократъ по убѣжденіямъ, игралъ при этомъ главную роль; онъ требовалъ даже, чтобы отечество было объявлено въ опасности. Его предложеніе было отвергнуто, но директоры были вынуждены увеличить число войскъ въ Парижѣ и удалить изъ военнаго министерства Бернадота, который присоединился къ демократамъ.

Все это поддерживало и увеличивало господствовавшіе въ государствѣ безпорядки. Весь народъ желалъ перемѣны. Всѣ смотрѣли на возвратившагося Бонапарта, какъ на человѣка, посланнаго судьбою спасти Францію отъ анархіи. Можно ли послѣ этого сѣтовать на Бонапарта, что онъ послѣдовалъ общему желанію и выполнилъ волю народа съ помощью вооруженной силы. Возвращеніе Бонапарта имѣло связь съ революціею 30 преріала, хотя письма, которыя посланы были ему въ то время директоріею съ просьбою о возвращеніи, были получены имъ только по прибытіи во Францію. Извѣстно, что о положеніи дѣлъ въ Европѣ онъ узналъ не только изъ газетъ, присланныхъ ему Сидни Смитомъ, но еще подъ Акрой получилъ письмо отъ брата Жозефа, въ которомъ изображалось положеніе Франціи. Увѣряютъ, что онъ говорилъ на Святой Еленѣ, что директорія дала ему право возвратиться во всякое время. Во всякомъ случаѣ это возвращеніе не было поступкомъ, исполненнымъ послѣ продолжительнаго и хладнокровнаго размышленія; онъ рѣшился быстро, надѣясь на себя и на свое счастье.

Во Франціи Бонапартъ вездѣ встрѣчалъ восторженный пріемъ, въ которомъ обнаруживались уваженіе, удивленіе, благодарность и свѣтлая надежда. Даже въ Парижѣ не только солдаты, офицеры и генералы, но и начальники національной гвардіи стекались къ нему, чтобы выражать ему свои чувства. Всѣ требовали, чтобы онъ спасъ страну, которую Барра хотѣлъ продать Бурбонамъ, а Журданъ— отдать въ жертву террористамъ 1793 года. Даже Моро предлагалъ ему свои услуги для совершенія государственнаго переворота. Бернадотъ велъ себя безучастно. Онъ не хотѣлъ быть орудіемъ въ чужихъ рукахъ, а самъ имѣлъ слишкомъ мало значенія и вліянія, чтобы сопротивляться съ успѣхомъ. Журданъ также не рѣшался явиться открытымъ врагомъ Бонапарта. Ожеро уже давно надѣлъ личину якобинства, чтобы ловить въ мутной водѣ; но Бонапартъ зналъ слишкомъ хорошо и его, и Фуше; онъ былъ увѣренъ, что при низкомъ образѣ ихъ мыслей они тотчасъ перейдутъ на его сторону, какъ скоро счастье будетъ ему благопріятствовать. Въ салонахъ и въ средѣ денежныхъ людей также желали, чтобы Бонапартъ произвелъ насильственный переворотъ. Однако всѣ держались за кулисами и ждали, пока дѣло будетъ приведено къ счастливому концу. Денежными людьми Бонапартъ воспользовался въ этомъ случаѣ точно также, какъ пользовался ими въ 1796 въ Италіи. Онъ занялъ у нихъ деньги, необходимыя въ Парижѣ для произведенія всякой революціи, и потомъ бросилъ ихъ, какъ негодную выжатую губку. Изъ числа директоровъ Барра былъ противникомъ Бонапарта, но уже потерялъ свое политическое значеніе и имѣлъ вліяніе только въ Парижѣ. Сійэсъ давно интриговалъ заодно съ бонапартистами; онъ однако не имѣлъ никакого понятія о настоящихъ намѣреніяхъ Бонапарта. Рожеръ Дюко слѣпо слѣдовалъ совѣтамъ Сійэса. Гое и Муленъ, принадлежавшіе къ партіи республиканцевъ, почти совсѣмъ не имѣли ни репутаціи, ни значенія, ни приверженцевъ.

Не было никакой надобности вести дѣло въ пользу Бонапарта тайно; уже 4 брюмера (26 октября) было извѣстно, что готовится государственный переворотъ. Въ то время дѣла были въ такомъ положеніи, что переворотъ этотъ не могъ быть насильственной перемѣной, въ родѣ той, которая была произведена 18 фруктидора; всѣ чувствовали потребность въ измѣненіи самой конституціи. Для такого переворота былъ необходимъ диктаторъ, а диктаторомъ могъ быть только Бонапартъ. При учрежденіи диктатуры хотѣли однако сохранить видъ и формы права; военную силу хотѣли употребить только въ видѣ угрожающей демонстраціи и такимъ образомъ заставить законадательные совѣты издать нужные декреты; это казалось тѣмъ возможнѣе, что только въ совѣтѣ старѣйшинъ большинство было республиканское. Для этой цѣли 18 брюмера внезапно начались

военныя приготовленія; директорію даже не увѣдомили объ этомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ рано утромъ собралась коммисія изъ членовъ совѣта старѣйшинъ, такъ называемые инспекторы залъ и сто сорокъ семь депутатовъ, со стороны которыхъ нельзя было ожидать сопротивленія. Собраніе это основалось на статьѣ конституціи, которою совѣту старѣйшинъ предоставлялось измѣнять мѣсто засѣданій законодательныхъ собраній, и постановило именемъ всего совѣта старѣйшинъ, что засѣданія обоихъ совѣтовъ должны происходить, начиная съ слѣдующаго дня, въ Сенъ-Клу. На Бонапарта было возложено исполнить это распоряженіе, и онъ былъ назначенъ начальникомъ всей вооруженной силы, находящейся въ Парижѣ и его окрестностяхъ. Бонапартъ принялъ возложенную на него обязанность и тотчасъ отправился въ совѣтъ старѣйшинъ, чтобы принять требуемую отъ него присягу, но прежде всего сдѣлалъ всѣ нужныя военныя распоряженія для дальнѣйшихъ дѣйствій. Хотя въ совѣтѣ пятисотъ собрана была только избранная часть членовъ, но и то постановленія совѣта старѣйшинъ встрѣтили сильныя возраженія; эти возраженія были устранены Люсіаномъ Бонапартомъ, который въ теченіе брюмера былъ предсѣдателемъ пятисотъ; опроверженіе было возможно потому, что конституціонныя формы были соблюдены. Наконецъ оба совѣта разошлись съ тѣмъ, чтобы на другой день собраться въ Сенъ-Клу. Изъ числа трехъ непріязненныхъ директоровъ Барра согласился удалиться добровольно, когда ему оставили его богатства, а слѣдовательно, и средства роскошничать попрежнему. Двое другихъ, Гое и Муленъ, были задержаны подъ арестомъ до окончанія переворота; никѣмъ незамѣченные, они снова сдѣлались столь же неизвѣстны, какъ были прежде. Вечеромъ 18 брюмера у Бонапарта собрались на совѣтъ его друзья; тутъ было рѣшено, что законодательные совѣты добровольно отложатъ на время свои засѣданія и что на это время учреждено будетъ временное правительство; вмѣстѣ съ тѣмъ были составлены инструкціи для Люсіана Бонапарта и для другихъ депутатовъ-бонапартистовъ. Кромѣ того всюду были разставлены часовые, хотя открытой силы не употреблялось, и часть либеральныхъ депутатовъ была удержана отъ посѣщенія на слѣдующій день собранія въ Сенъ-Клу. Мюрату поручено было начальствовать войсками, посланными въ Сенъ-Клу.

Брюмера 19 утромъ въ Сенъ-Клу вездѣ были разставлены солдаты. Самъ Бонапартъ съ инспекторами залъ находился въ комнатѣ, изъ которой давалось направленіе всему дѣлу. Законодательные совѣты должны были собраться въ двѣнадцать часовъ, но открытіе засѣданій замедлилось до двухъ часовъ. Въ совѣтѣ старѣйшинъ оказалось большое неудовольствіе; жаловались, что въ засѣданіе вчерашняго дня было приглашено только сто сорокъ семь депутатовъ. Въ совѣтѣ пятисотъ было еще болѣе шума. Предсѣдатель этого совѣта, Люсіанъ Бонапартъ, не могъ воспрепятствовать постановленію, которымъ отъ депутатовъ потребовали присяги, что они будутъ охранять конституцію. Принесеніе этой присяги потребовало цѣлыхъ двухъ часовъ времени. Все это смутило бонапартистовъ; было ясно, что дѣло нельзя устроить адвокатскими уловками и что придется употребить силу. Первый опытъ былъ сдѣланъ въ совѣтѣ старѣйшинъ. Бонапартъ явился туда въ сопровожденіи гренадеровъ. Гренадеры остановились у дверей, а онъ обратился къ собранію съ рѣчью; но его часто прерывали, и онъ самъ нѣсколько разъ останавливался. Онъ запутался до того, что началъ говорить о какомъ-то мнимомъ заговорѣ, во главѣ котораго Барра и Муленъ будто бы хотѣли поставить его; тогда поднялся дикій шумъ. Кричали, что онъ одинъ истинный заговорщикъ. Другіе кричали: «Объявите его лишеннымъ гражданства, пошлите его въ ссылку». Бонапартъ старался прекратить бурю, грозя солдатами. Онъ сказалъ, что видитъ ихъ шапки въ залѣ и ихъ штыки вдали. Угроза эта помогла, и Бонапартъ оставилъ залу, чтобы дать собранію время посовѣтоваться. Онъ однако не возвратился, но тотчасъ отправился во враждебный ему совѣтъ пятисотъ, твердо рѣшившись употребить тамъ, вмѣсто словъ, силу. Онъ приказалъ гренадерамъ, слѣдовать за собою. Они исполнили приказаніе съ крикомъ: «Да здравствуетъ Бонапартъ!»

Когда онъ въ сопровожденіи четырехъ гренадеровъ и нѣсколькихъ генераловъ вступилъ въ залу засѣданія совѣта пятисотъ, тамъ готовилось противъ него формальное постановленіе. Видъ мундировъ и штыковъ усилилъ негодова

ніе. Всѣ депутаты вскочили съ своихъ мѣстъ, громко протестовали противъ употребленія оружія и силы, со всѣхъ сторонъ кричали: «долой тирана, лишите его гражданства, пошлите его въ ссылку». Впослѣдствіи придумали, что будто бы депутаты обнажили кинжалы; что одинъ изъ гренадеровъ былъ раненъ, защищая Бонапарта; несправедливость этой выдумки въ настоящее время доказана; не смотря на это, самъ Бонапартъ и его жена осыпали почестями и подарками гренадера, который имѣлъ неосторожность ранить себя при этомъ случаѣ; они старались выдать его за спасителя Бонапарта. Генералъ совершенно растерялся, когда депутаты подняли гвалтъ; онъ умѣлъ распоряжаться на полѣ сраженія, но чувствовалъ себя не на своемъ мѣстѣ среди шумнаго собранія ораторовъ. Лефевръ и гренадеры вытащили его изъ толпы и вывели. Послѣ того Люсіанъ Бонапартъ принялъ на себя ту роль, которую слѣдовало бы играть его брату. Сначала онъ хотѣлъ предупредить, чтобы собраніе не объявило Бонапарта лишеннымъ правъ; но ему не дали даже сказать слова. Тогда онъ сбросилъ съ себя костюмъ президента. Лефевръ послалъ на его спасеніе гренадеровъ, и подъ ихъ защитою онъ вышелъ изъ зала. По выходѣ онъ сѣлъ на лошадь и вмѣстѣ съ братомъ ѣздилъ передъ рядами солдатъ, къ которымъ Наполеонъ еще прежде обращался съ рѣчью. Люсіанъ громко кричалъ своему брату, «что эти разбойники, эти люди, которые и прежде были источникомъ всѣхъ безпорядковъ, грозили ему, президенту собранія, кинжалами»; онъ именемъ закона требовалъ отъ него, какъ отъ главнокомандующаго, чтобы онъ разогналъ этихъ людей партіи, и съ своей стороны объявлялъ совѣтъ пятисотъ распущеннымъ». «Ваше требованіе, господинъ президентъ, будетъ исполнено», отвѣчалъ Бонапартъ. Онъ тотчасъ отдалъ Мюрату приказаніе, котораго тотъ давно ожидалъ. Мюратъ послалъ въ залъ начальника бригады съ солдатами, и тотъ съ помощью штыковъ заставилъ членовъ совѣта повыскакать изъ оконъ. Къ счастью, окна были такъ низки, что доходили до земли.

Этотъ насильственный переворотъ былъ совершенъ въ половинѣ шестаго вечера. Вмѣстѣ съ нимъ уничтожена была конституція. Нужно было создать новую, а до того времени учредить временное правительство. Для того и для другаго нуженъ былъ видъ законности. Въ тотъ же вечеръ собранъ былъ совѣтъ старѣйшинъ, и даже часть пятисотъ, правда весьма незначительная, собралась въ качествѣ законодательнаго собранія. Обоимъ собраніямъ были сдѣланы предложенія, которыя наканунѣ вечеромъ рѣшено было имъ сдѣлать; они должны были обсудить ихъ и сдѣлать постановленія. Люсіанъ Бонапартъ произнесъ при этомъ рѣчь, сочиненную и написанную заранѣе; цѣль этой рѣчи заключалась не въ томъ, чтобы дѣйствовать на собраніе — это было совершенно излишне; эта рѣчь составляла что-то въ родѣ манифеста; ее должны были отпечатать въ газетахъ для оправданія всего совершившагося. Для вида назначена была коммисія, которая должна была разсмотрѣть предложенія. Эта коммисія въ туже ночь представила свои соображенія, и оба совѣта одинъ за другимъ приняли ея предложенія. Такимъ образомъ 20 брюмера утромъ рано учреждено было временное правительство Франціи и назначена была коммисія для начертанія новой конституціи.

Сущность сдѣланныхъ постановленій была слѣдующая: директорія распускается, и шестьдесятъ депутатовъ обоихъ совѣтовъ исключаются. Временно учреждается правительство, во главѣ котораго ставятся три лица съ титуломъ консуловъ. Консулами назначаются Бонапартъ, Сійэсъ и Рожеръ Дюко. Засѣданія законодательнаго собранія отлагаются до 1 вентоза (20 февраля 1800). Передъ закрытіемъ своихъ засѣданій каждый изъ обоихъ совѣтовъ назначаетъ двадцать пять членовъ, которые составятъ коммисію, обязанную написать не только новую конституцію, но и новое уложеніе. По постановленіи всего этого новые правители, облеченные диктаторскою властію, были приведены къ присягѣ, и была сочинена прокламація къ французскому народу. Затѣмъ 20 брюмера днемъ въ четыре часа консулы и совѣтники возвратились въ Парижъ. Съ этой минуты французское государство превратилось въ военную монархію, прикрытую формами гражданскаго управленія. Это превращеніе принесло бы пользу Франціи и всей Европѣ, если бы великій умъ, который создалъ этотъ новый порядокъ, съумѣлъ идти тѣмъ путемъ, которымъ шелъ до сихъ поръ.

6. Правленіе Бонапарта во Франціи и учрежденіе Консульства.

Съ 19 брюмера Бонапартъ самодержавно управлялъ Франціею. Коммисія, состоявшая изъ пятидесяти депутатовъ, была пустою формальностью, а раздѣленіе власти между тремя лицами сдѣлано было только для вида. Члены коммисіи и метафизикъ Сіейсъ, который помогалъ имъ писать конституцію, могли съ помощью своей доктринерской и теоретической мудрости дѣлать какія угодно глубокомысленныя соображенія, — Бонапартъ принуждалъ ихъ измѣнять все, что не согласовалось съ его цѣлями. Среди своихъ товарищей Бонапартъ въ первое же засѣданіе самовольно принялъ предсѣдательство, а Сіейсъ съ самаго начала оставилъ всякую надежду играть первую роль; онъ велъ себя также, какъ велъ нѣкогда въ конвентѣ; онъ молчалъ и предоставлялъ дѣла своему теченію. Ему приписываютъ даже знаменательное изрѣченіе: «У насъ есть властелинъ. Бонапартъ хочетъ дѣлать все, можетъ и умѣетъ дѣлать все. Въ жалкомъ нашемъ положеніи гораздо лучше подчиниться, чѣмъ произвести раздоръ, который безъ сомнѣнія погубилъ бы насъ». Когда Сіейсъ подчинился, Рожеръ Дюко не могъ и помышлять о томъ, чтобы имѣть какое-нибудь значеніе. Оба дозволили вознаградить себя деньгами и имѣніями за утраченное значеніе; этимъ они вскорѣ заслужили всеобщее презрѣніе и были забыты.

Еще прежде чѣмъ былъ готовъ проектъ новой конституціи, Бонапартъ успѣлъ окружить себя самыми замѣчательными дѣловыми людьми Франціи. При выборѣ этихъ людей онъ обращалъ вниманіе только на годность ихъ; прежнее ихъ положеніе въ борьбѣ партій нисколько его не стѣсняло; но онъ устранялъ всѣхъ, кто руководствовался не одними личными побужденіями и не одною страстью къ наслажденіямъ. Годныхъ для себя людей онъ могъ найти только въ томъ классѣ, который соединялъ образованіе и знанія временъ монархіи съ опытностію въ дѣлахъ, пріобрѣтенною во время революціи. Ученѣйшаго и работавшаго съ желѣзнымъ прилежаніемъ М а р е, Бонапартъ назначилъ генеральнымъ секретаремъ временнаго консульства. Бертье былъ назначенъ военнымъ министромъ; онъ былъ плохъ какъ полководецъ, но незамѣнимъ какъ начальникъ главнаго штаба. Бонапартъ самъ былъ весьма способенъ къ финансовому управленію и сдѣлалъ лучшій выборъ, какой только возможно было сдѣлать. Избранный имъ министръ финансовъ завѣдывалъ дѣлами при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ и оставался на своемъ мѣстѣ до 1814. То былъ Г о д е н ъ, получившій впослѣдствіи титулъ герцога Гаэтскаго. Министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ сдѣланъ Талейранъ. Вмѣстѣ съ Годеномъ и Бертье онъ служилъ главною подпорою возникавшей державѣ Бонапарта. Однако Бонапартъ въ теченіе всей своей жизни не вѣрилъ ему и также мало довѣрялся Талейрану, какъ и Фуше, безсовѣстному министру полиціи во время директоріи; Фуше однако остался въ этой должности. Бонапартъ употреблялъ ихъ и впослѣдствіи постоянно; дипломатическіе таланты Талейрана казались необходимыми; что касается до Фуше, то Бонапартъ прибѣгалъ къ нему, потому что имѣлъ преувеличенное понятіе о его хитрости и о связяхъ его съ людьми всѣхъ партій. Онъ удержалъ также и министра юстиціи Канбасереса. Неудачно были выбраны только морской министръ Ф о р ф е и министръ внутреннихъ дѣлъ, математикъ и астрономъ Л а п л а с ъ; они скоро были замѣнены другими лицами.

Лучшія орудія Бонапарта принадлежали большею частью къ дѣятелямъ террора; не смотря на это, онъ гораздо болѣе боялся демократовъ-фанатиковъ, чѣмъ роялистовъ. Онъ сначала даже сблизился съ роялистами и оказалъ имъ большое снисхожденіе, а въ то же время принялъ весьма жестокую мѣру противъ фанатиковъ-демократовъ. 13 ноября (22 брюмера) былъ отмѣненъ законъ о заложникахъ (стр. 254), черезъ нѣсколько дней законъ о насильственномъ займѣ (стр. 255). Послѣ того Бонапартъ велѣлъ освободить арестованныхъ священниковъ и эмигрантовъ. Уже прежде (11 ноября) изданъ былъ декретъ объ изгнаніи тридцати семи лицъ, названныхъ неисправимыми революціонными мечтателями, въ томъ числѣ Менье (стр. 390), Фурнье (стр. 369) и тому подобные люди; не

избѣгнулъ этой участи и генералъ Журданъ. Всѣ они должны были отправиться въ ссылку въ зловредный климатъ Гвіаны. Но черезъ нѣсколько дней Журданъ *былъ исключенъ изъ списка*, и *тотчасъ послѣ этого* Бонапартъ назначилъ его даже генералъ-губернаторомъ Пьемонта. Затѣмъ отмѣнены были и всѣ эти ссылки, и назначавшіяся въ изгнаніе лица были только отданы подъ надзоръ полиціи. Но и полицейскій надзоръ былъ вскорѣ отмѣненъ.

Новая конституція составлялась весьма поспѣшно. Она была подписана консулами 22 фримера (13 декабря); черезъ одиннадцать дней (24 декабря), прежде чѣмъ народъ успѣлъ принять или отвергнуть ее, изданъ былъ особый законъ, которымъ объявлялось, что она вступаетъ въ свою силу. Конституція сохранила имя и форму республиканскаго управленія или, какъ выразился Сійэсъ, — въ идеалѣ идею народнаго господства; но въ сущности она учреждала монархію, прикрытую лишь тѣмъ, что управленіе было поручено не одному, а тремъ лицамъ. Имъ дано было названіе консуловъ, и они назначены были на десять лѣтъ; настоящаго правителя однако отличили и дали ему титулъ перваго консула. Два другихъ консула имѣли голосъ только совѣщательный. Первому консулу предоставлено было назначать на должности, объявлять войну и заключать миръ. Онъ управлялъ съ помощью государственнаго совѣта и членовъ этого совѣта назначалъ самъ. Этимъ государственнымъ совѣтомъ Бонапартъ воспользовался весьма умно. Въ немъ онъ соединилъ лучшія силы по всѣмъ отраслямъ государственной дѣятельности, и добытые революціею результаты французской интеллигенціи выдавалъ за собственную мудрость. Монархическая власть перваго консула была нѣкоторымъ образомъ замаскирована тѣмъ, что ему не дано было права назначать въ нѣкоторыя должности и что для этихъ назначеній учреждено было особенное присутственное мѣсто. Присутственное мѣсто это состояло изъ восьмидесяти пожизненныхъ членовъ и называлось сенатомъ. Сенатъ самъ замѣщалъ открывавшіяся въ немъ вакансіи, но его право на избраніе ихъ ограничивалось только однимъ изъ трехъ кандидатовъ, предлагаемыхъ первымъ консуломъ. Сенатъ избиралъ изъ такъ называемыхъ національныхъ списковъ консуловъ, народныхъ представителей, кассаціонныхъ судей и государственныхъ контролеровъ. Національные списки составлялись слѣдующимъ образомъ. Народъ избиралъ для всей Франціи пятьсотъ тысячъ гражданъ, способныхъ къ занятію общественныхъ должностей. Изъ числа этихъ пятисотъ тысячъ гражданъ избиралось пятьдесятъ тысячъ способныхъ къ занятію должностей по управленію департаментами, а изъ этихъ пятидесяти тысячъ пять тысячъ. Эти послѣдніе пять тысячъ одни считались способными служить народными представителями и занимать высшія должности. Засѣданія сената были закрытыя; его занятія незначительны; но такъ какъ каждый членъ получалъ двадцать пять тысячъ франковъ содержанія, то сенатъ немедленно превратился въ собраніе дармоѣдовъ, а впослѣдствіи сдѣлался орудіемъ произвола.

Народные представители и законодатели составляли двѣ палаты. Одна называлась трибунатомъ, а другая законодательнымъ собраніемъ. Одна состояла изъ ста, а другая изъ трехъсотъ членовъ; въ обѣихъ палатахъ ежегодно смѣнялась пятая часть членовъ. Ни одна изъ нихъ не имѣла права инициативы; всѣ проекты законовъ могли быть предлагаемы только правительствомъ. Обсужденіе дозволено было только въ трибунатѣ, который долженъ былъ опредѣлять достоинство дѣлаемыхъ предложеній. Законодательное собраніе могло только принимать или отвергать законы. Публичность засѣданій ограничивалась тѣмъ, что допускалось не болѣе двухъ сотъ слушателей.

Въ конституціи консулами на первые десять лѣтъ назначены были Бонапартъ, Канбасересъ и Лебренъ. Бонапартъ самъ избралъ ихъ своими товарищами, потому что они были люди весьма способные и трудолюбивые, но менѣе всего обладали возвышенной душою и чувствомъ своего достоинства; они и не старались достигнуть перваго мѣста, а на второмъ не могли удержаться безъ его помощи. Оба они были созданіями и приверженцами стараго времени; не смотря на это, Канбасересъ игралъ во время революціи роль отчаяннаго якобинца (стр. 384 и 388), Лебренъ защищалъ съ такимъ же усердіемъ идеи, господствовавшія во время революціи, съ какимъ прежде поддерживалъ мѣры канцлера Мопу и страшнаго министра финансовъ дю-Терре (стр. 199 и 201). Первый кон-

сулъ помѣстился въ Тюйльри, потому что это зданіе было прежде королевскимъ дворцомъ. Онъ тотчасъ началъ устраивать себѣ дворъ. Дворъ этотъ сначала былъ очень простъ; но скоро Бонапартъ и его жена начали возстановлять придворные обычаи, тонъ и этикетъ королевскихъ временъ; ее уже не называли гражданкою, а madame. Произошла самая странная смѣсь стараго съ новымъ.

Слѣдуя принципу примиренія и смѣшенія партій, Бонапартъ возвратилъ изъ числа изгнанныхъ 18 фруктидора всѣхъ, кого считалъ неопаснымъ для своихъ цѣлей и въ то же время способными приносить пользу отечеству. Карно получилъ также дозволеніе возвратиться и 2 апрѣля 1800 былъ даже назначенъ военнымъ министромъ на мѣсто Бертье, котораго присутствіе въ арміи было совершенно необходимо. Франція осталась недоступною только для Пишгрю и другихъ неисправимыхъ приверженцевъ Бурбоновъ. Были отмѣнены праздники 10 августа и 21 января, учрежденные для празднованія уничтоженія королевской власти. Два другихъ національныхъ праздника, 14 іюля и 22 сентября, были оставлены Бонапартомъ для вида и на время. Свобода печати была уничтожена декретомъ. Число политическихъ журналовъ было ограничено тринадцатью, и этимъ журналамъ угрожало воспрещеніе, если бы они показали себя враждебными правительству. Французы, способные такъ легко увлекаться, были обмануты; но не смотря на это, господство Бонапарта было во многихъ отношеніяхъ популярно. Бонапартъ лишилъ всякаго вліянія на администрацію и правительство одностороннихъ людей, какъ преданныхъ чиновничьей рутинѣ и духу кастъ, такъ и чистыхъ теоретиковъ. Всему управленію онъ далъ такое устройство, что каждый талантъ находилъ для себя просторъ. Онъ старался вознаградить народъ за лишеніе свободы разными выгодами внутри государства, а главное, политическимъ и военнымъ превосходствомъ надъ иностранцами.

Въ отношеніи своей иностранной политики Бонапартъ при вступленіи въ званіе перваго консула показывалъ видъ миролюбія. Онъ сдѣлалъ двѣ попытки къ миру, которыя оказались неудачными и которыми онъ упрочилъ за собою одобреніе французскаго народа для всѣхъ своихъ военныхъ предпріятій и удовлетворилъ этотъ народъ, который прежде всего отличается національною гордостью и воинственными наклонностями. Онъ предлагалъ миръ англійскому королю Георгу III въ частномъ письмѣ весьма дружелюбнаго содержанія; письмо это разсчитано было исключительно для вліянія на французовъ; Бонапартъ очень хорошо зналъ, что въ Англіи сношенія съ заграничными державами предоставлены не королю, а министрамъ, и что англичане не рѣшатся вступить въ сношенія съ правительствомъ, только что возникшимъ. Холодный и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ грубый отвѣтъ, данный на письмо Бонапарта англійскимъ министромъ Гренвилемъ, оскорбилъ гордость французовъ, возбудилъ вновь ихъ національную ненависть и сдѣлалъ популярною предстоявшую войну. Тоже самое впечатлѣніе произвели и мирныя предложенія, сдѣланныя Бонапартомъ австрійскому кабинету. Предложенія эти ни въ какомъ случаѣ не могли быть приняты, потому что Бонапартъ требовалъ возвращенія всѣхъ завоеваній, сдѣланныхъ въ 1799.

Бонапартъ, желавшій двинуть войска за границу и потому нуждавшійся въ спокойствіи внутри Франціи, съумѣлъ распространить среди роялистовъ убѣжденіе, что онъ возстановитъ старую церковь и старое государство. Уже во время директоріи партія роялистовъ поднялась въ Вандеѣ и въ Бретани; она не оставалась спокойною и въ другихъ мѣстахъ. Бонапартъ былъ вынужденъ во многихъ департаментахъ прекратить дѣйствіе конституціи и послать противъ мятежниковъ войска. Онъ напугалъ партію роялистовъ направленнымъ противъ нее общимъ судебнымъ преслѣдованіемъ. Мѣры эти произвели желаемое дѣйствіе. Часть предводителей роялистовъ, въ томъ числѣ священникъ Бернье и Бурмонъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи маршаломъ, не только подчинились, но уговорили все дворянство и все духовенство Вандеи и Бретани послѣдовать ихъ примѣру. Это принудило примириться съ консульствомъ даже людей, связанныхъ неразрывными узами съ эмигрировавшими принцами, какъ то, геркулеса Жоржа Кадудаля и безстрашнаго Соль-де-Гризоля (январь и февраль 1800). Послѣ этого объявлена была амнистія, и возстановлено дѣйствіе конституціи.

Въ отношеніи роялистовъ Бонапартъ принялъ странное положеніе. Они не-

навидѣли его, крамольничали и интриговали, даже прибѣгали къ покушеніямъ на убійство, за то, что онъ не возстановилъ Бурбоновъ, а съ ними и всю старую систему. Съ другой стороны, жена Бонапарта, его братъ Іосифъ и его лучшіе слуги чувствовали неодолимое влеченіе къ старымъ обычаямъ, модамъ и разговорамъ. Самъ Бонапартъ долѣе другихъ сохранялъ простоту, естественность и прямоту; но наконецъ и онъ поддался вліянію людей, которые постоянно снова обращались къ старымъ формамъ. Поддавшись этимъ вліяніямъ, Бонапартъ уже не старался создать новые порядки, а стремился возстановить старое и слить его съ новымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ вызвать къ дѣятельности и людей стараго времени. Эмигранты были по большей части исключены изъ списка лицъ, подлежащихъ ссылкѣ, и самый списокъ этотъ былъ объявленъ законченнымъ. Возвращавшіеся не только получали обратно оставшіяся непроданными имѣнія, но съ удовольствіемъ принимались при новомъ дворѣ. Но имъ не нравилось смѣшанное и иногда чисто мѣщанское общество новаго двора; они смѣялись надъ нимъ и надъ его этикетомъ; съ помощью денегъ, которыя получались ими отъ Питта и отъ торіевъ, они устраивали одинъ заговоръ за другимъ.

Сначала подъ личнымъ наблюденіемъ Бонапарта все было прекрасно устроено въ администраціи, въ финансахъ и въ судѣ. При этомъ онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ два важныя преимущества: онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи лучшихъ дѣловыхъ людей, а революція породила до него безчисленное множество хорошихъ законовъ и постановленій, такъ что ему оставалось только выбирать лучшее. Онъ уже тогда незамѣтнымъ образомъ вложилъ въ администрацію тѣ начала, на которыхъ впослѣдствіи построилъ зданіе своего деспотизма. Эти начала появились съ 17 февраля 1800, со времени введенія префектуръ и связаннаго съ ними механизма администраціи. Вся администрація была такъ устроена, что всѣ нити гражданской жизни соединялись въ рукахъ бюрократіи, совокуплявшей ихъ выше въ одной рукѣ правителя. Такимъ образомъ Франція снова попала въ руки прежнихъ интендантовъ. Новые интенданты отличались отъ королевскихъ только именемъ. Въ каждомъ департаментѣ былъ префектъ, совѣтъ префектуры и генеральный совѣтъ; въ каждомъ дистриктѣ или округѣ (стр. 328) былъ помощникъ префекта и совѣтъ. Префекты, совѣтники разныхъ совѣтовъ, полицейскіе коммисары и меры городовъ, имѣющихъ болѣе пяти тысячъ жителей, назначались первымъ консуломъ; меры и члены городскихъ совѣтовъ въ малыхъ городахъ назначались префектами.

7. Конецъ второй коалиціонной войны и Люневильскій миръ.

Введя во Франціи новые порядки, Бонапартъ немедленно принялъ всѣ нужныя мѣры для войны. Онъ усилилъ армію съ помощью конскрипціи, введенной въ 1798. Изъ большаго числа испытанныхъ имъ во время его походовъ солдатъ и офицеровъ, онъ составилъ такъ называемую консульскую гвардію. Эта гвардія составила ядро и резервъ войска; она постоянно увеличивалась новыми батальонами храбрецовъ. Военныхъ, вышедшихъ въ отставку, Бонапартъ разными средствами побудилъ снова поступить на службу. Даже Журданъ и Бернадотъ согласились служить и перестали толковать о республикѣ. Много гражданъ поступили въ военную службу волонтерами; они хотѣли раздѣлять славу и выгоды побѣдъ, которыхъ навѣрно ожидали подъ предводительствомъ Бонапарта. Планъ Бонапарта состоялъ въ томъ, чтобы внезапно напасть на Италію и тамъ нанести главный ударъ. Въ то же время Моро долженъ былъ съ Рейнскою арміею проникнуть въ Германію. Планъ этотъ онъ тщательно скрывалъ. Враги никакъ не могли угадать его, тѣмъ болѣе, что конституція прямо воспрещала первому консулу отлучаться за границу, но конституція мало заботила Бонапарта. Европа обманулась также размѣщеніемъ войскъ и шумомъ, который умышленно надѣлали по поводу собранія резервной арміи въ Дижонѣ. Эта армія, которую всѣ считали главною частью войска, состояла изъ самой малой и самой плохой части военныхъ силъ, предназначенныхъ дѣйствовать въ Италіи. Главная армія была расположена на Женевскомъ озерѣ и на Ронѣ. Сверхъ того войска были такъ рас-

положены, что не было никакой возможности сказать, какая часть изъ нихъ предназначается въ Германію, какая въ Италію. Номинально главнокомандующимъ былъ Бертье; Бонапартъ принялъ на себя главное начальство только въ маѣ, когда войска уже двинулись. Кромѣ этой арміи, другая стояла подъ начальствомъ Сюше на Варѣ, а третья подъ начальствомъ Массена въ Генуѣ и ея окрестностяхъ.

Приготовленіямъ Бонапарта австрійцы противопоставили такія же распоряженія, какъ и прежде. Эрцгерцогъ Карлъ и даже императрица возстали противъ Тугута и его придворнаго военнаго совѣта, потому что понимали, что всѣ усилія въ полѣ будутъ безплодны, пока подобные люди будутъ распоряжаться въ администраціи. Однако Тугутъ сохранилъ свое значеніе съ помощью англичанъ. а эрцгерцогъ Карлъ долженъ былъ уступить начальство надъ войсками въ Германіи Краю, который впрочемъ былъ храбрый и опытный военачальникъ. Въ Италіи по-прежнему командовалъ Меласъ. Ему навязали противъ воли планъ похода, составленный Бурбонами по совѣту бѣжавшаго изъ заключенія генерала Вильо и одобренный лордомъ Кейтомъ, адмираломъ англійскаго флота, расположеннаго близъ Генуи. Меласъ хотѣлъ поспѣшно взять Генуя и потомъ встрѣтить французовъ въ сѣверной Италіи; вмѣсто того ему было приказано соединиться съ Кейтомъ для поддержанія возстанія въ Провансѣ, котораго не произошло, но которое, по увѣренію Вильо, непремѣнно должно было произойдти. Меласу дозволено было оставить въ альпійскихъ тѣснинахъ только слабые отряды; онъ долженъ былъ раздѣлить свою армію на двѣ части. Съ одною изъ этихъ частей Оттъ началъ осаду Генуи, и осада эта протянулась такъ долго, что прежде ея окончанія Бонапартъ успѣлъ явиться въ Италію. Съ главною частью арміи Меласъ долженъ былъ аттаковать расположеннаго въ Провансѣ Сюше, идя при томъ вдоль морскаго берега, чтобы Кейтъ могъ подкрѣпить его. Бонапартъ не могъ ожидать болѣе благопріятнаго для себя расположенія, когда отъ Женевскаго озера направился къ Альпамъ и сталъ переходить черезъ горы; главныя силы французской арміи находились въ самыхъ южныхъ частяхъ Верхней Италіи.

Въ Германіи французы занимали большую часть укрѣпленныхъ мѣстъ на правомъ берегу Рейна. Швейцарія была также въ ихъ власти; только Граубинденъ занимали австрійцы. Въ концѣ апрѣля Моро перешелъ черезъ Рейнъ между Базелемъ и Келемъ и внезапнымъ поворотомъ обманулъ австрійскаго главнокомандующаго. 3 мая австрійцы должны были при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ принять бой при Энгенѣ и, не смотря на храбрость своихъ войскъ, были оттѣснены съ большою потерею. Черезъ два дня ихъ снова принудили къ бою при Мескирхѣ и заставили уступить поле битвы, впрочемъ безъ большой потери. Австрійскій главнокомандующій отступилъ къ Ульму и занялъ тамъ укрѣпленный лагерь, но дорогою потерялъ много людей. При Ульмѣ Край и Моро состязались до половины іюня въ искусныхъ маневрахъ. Моро не удалось принудить Края къ бою. Наконецъ французы искусно перешли черезъ Дунай ниже Ульма; вслѣдствіе этого произошло рѣшительное сраженіе при Гехштедтѣ, въ той же мѣстности, гдѣ нѣкогда Евгеній и Мальборо одержали блистательную побѣду (стр. 11); Край возобновлялъ бой три дня сряду (съ 17 по 19 іюня), но былъ разбитъ, не только понесъ большія потери, но долженъ былъ оставить свою дунайскую позицію и уступить французамъ находившіеся тамъ магазины, что было гораздо важнѣе. Всѣ ожидали, что онъ еще разъ вступитъ въ рѣшительную битву, но онъ отступилъ за Изаръ, и затѣмъ Моро оттѣснилъ его за Иннъ. Такимъ образомъ Моро получилъ возможность сноситься съ итальянскою арміею чрезъ Форальбергъ, ибо австрійцы должны были оставить и укрѣпленный лагерь свой при Фельдкирхѣ, который они храбро и долго защищали; они очистили и весь Граубинденъ. Только послѣ этого Моро согласился на перемиріе. Перемиріе это было заключено 15 іюля при Парсдорфѣ близъ Мюнхена, между Моро и австрійскими уполномоченными, Дитрихштейномъ и Лагори.

Въ то же самое время въ Италіи рѣшены были и исходъ войны и судьба средней Европы. Только что Бонапартъ назначилъ всѣхъ префектовъ и всѣхъ прочихъ чиновниковъ, опредѣляемыхъ правительствомъ, какъ 6 мая онъ отправился къ Женевскому озеру, гдѣ расположены были его войска, чтобы перейдти черезъ С. Бернардъ и вторгнуться въ Италію. Корпусъ, переведенный имъ че-

резъ тѣснину С. Бернарда, составлялъ лишь незначительную часть войскъ, предназначенныхъ дѣйствовать въ Италіи. Главные отряды направились въ то же время подъ начальствомъ Монсея и другихъ генераловъ черезъ С. Готардъ, Симплонъ, Малый С. Бернардъ, Монъ-Сенисъ и Монъ-Женевръ. Одно это обстоятельство доказываетъ, какъ смѣшны похвалы, расточаемыя французами своему идолу Бонапарту по поводу перехода черезъ Большой Бернардъ. Затрудненія, которыя въ теченіе трехъ дней преодолѣвались его корпусомъ при переходѣ черезъ Бернардъ, сравнивали даже съ переходомъ Аннибала черезъ Альпы, обитаемыя тогда дикими галлами. Хвалители забываютъ, что Бонапартъ располагалъ всѣми силами Франціи и Швейцаріи, что цѣлыя толпы восторженныхъ итальянцевъ и валлисцевъ помогали ему уравнивать дорогу, что монахи сенъ-бернардской гостинницы уже задолго передъ тѣмъ получили деньги для заготовленія запасовъ. Переходъ Бонапарта черезъ Альпы не можетъ даже сравниться съ походомъ Суворова въ восточной части швейцарскихъ Альповъ. Бонапарту не приходилось даже, подобно Суворову, опасаться непріятеля, потому что поблизости его не было. Быстрый и блестящій успѣхъ похода Бонапарта слѣдуетъ болѣе всего приписать ошибкамъ, надѣланнымъ австрійскими военачальниками. Не смотря на все это, переходъ черезъ ущелье Бернарда, черезъ вершину горы, покрытую снѣгомъ и льдами, и по скату до долины Аоста заслуживаютъ удивленія. Переходъ отъ Мартиньи до Аоста былъ исполненъ 17 — 21 мая. Самая затруднительная часть похода была въ концѣ долины Аоста; при выходѣ изъ этой долины было укрѣпленіе Бардъ; пушки этого укрѣпленія обстрѣливали весь выходъ. Ланнъ, который шелъ впереди, долженъ былъ отступить съ большимъ урономъ. Бонапартъ подвергался опасности быть задержаннымъ въ долинѣ, гдѣ его войска не могли найти никакого продовольствія. Онъ избѣжалъ этого тѣмъ, что приказалъ солдатамъ разчистить дорогу черезъ гору Альбаредо и по этой дорогѣ обошелъ укрѣпленіе. По прямой дорогѣ пошли только обозъ и артиллерія. Все это было сдѣлано тихо, ночью и не безъ потерь.

Прежде чѣмъ Бонапартъ вступилъ на почву Италіи, Меласъ занялъ Ниццу, раздѣлилъ Сюше и Массена и приказалъ Отту осадить Геную. Получивъ извѣстіе о движеніи французской арміи, онъ 24 мая отправился къ Турину. Вмѣсто того, чтобы двинуть туда всѣ силы, онъ взялъ только половину ихъ. Другую половину онъ потребовалъ къ себѣ, только когда узналъ, что самъ Бонапартъ въ Италіи. Утверждаютъ, что Меласъ ничего не зналъ объ огромныхъ приготовленіяхъ, которыя дѣлались французами въ теченіе цѣлаго мѣсяца для перехода черезъ Альпы; во всякомъ случаѣ нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ началъ двигаться слишкомъ поздно. Когда Оттъ получилъ отъ него приказаніе оставить осаду Генуи и поспѣшить къ нему на помощь, гарнизонъ этого города былъ готовъ сдаться на капитуляцію. Оттъ былъ задержанъ этимъ, и его походъ въ Пьемонтъ замедлился. Массена и Сультъ защищали Геную съ упорствомъ, которое въ глазахъ ихъ соотечественниковъ прославило ихъ великими полководцами; нельзя однако не признать ихъ дѣйствій безчеловѣчными; чтобы удержаться въ Генуѣ нѣсколько лишнихъ дней, они отдали на жертву голодной смерти многія тысячи солдатъ и жителей. Когда 4 іюня они сдались на капитуляцію, у нихъ оставалось всего восемь тысячъ человѣкъ, похожихъ болѣе на остовы человѣческіе, чѣмъ на живыхъ людей; утверждаютъ, что двадцать тысячъ жителей погибло отъ голода; но это, можетъ быть, преувеличено.

Отъ подножія Альповъ французы двигались быстро. 2 іюня Бонапартъ былъ уже въ Миланѣ и былъ принятъ съ безграничнымъ восторгомъ; онъ возстановилъ Цизальпинскую республику, но учредилъ только временное правительство. Черезъ нѣсколько дней онъ отправился отыскивать Меласа, который расположился около Александріи, гдѣ ожидалъ генерала Отта. Оттъ шелъ такъ быстро, что въ два дня прошелъ разстояніе четырехдневнаго пути; но приблизившись къ Монтебелло, онъ сдѣлалъ важную ошибку; встрѣтившись здѣсь съ корпусомъ Ланна, онъ 9 іюня принялъ сраженіе, не зная, поспѣшитъ ли Меласъ къ нему на помощь. Въ сраженіи при Монтебелло Бонапартъ подкрѣплялъ Ланна свѣжими войсками. Оттъ былъ отброшенъ, и французскіе риторы увѣряютъ даже, что онъ былъ совершенно разбитъ. Потери французовъ были также велики, какъ и потери австрійцевъ. Вслѣдъ затѣмъ Бонапарту счастье послужило еще болѣе. Іюня 14

Меласъ встрѣтился съ Бонапартомъ при Маренго. За два дня передъ этимъ Дезе возвратился изъ Египта, и его присутствіе много способствовало побѣдѣ французовъ. Въ сраженіи при Маренго австрійцы сначала одержали побѣду на всѣхъ пунктахъ. Тогда восьмидесятилѣтній Меласъ утомился отъ усилій и, убѣжденный въ побѣдѣ, оставилъ поле битвы. Заступившій его мѣсто Цахъ не замѣтилъ, что артиллерія Мармона поражаетъ австрійскіе полки гренадеръ. Воспользовавшись произведеннымъ ею безпорядкомъ, Дезе тотчасъ кинулся на нихъ съ пѣхотой. Подъ Цахомъ была бѣшеная лошадь, которая его понесла, и онъ такъ далеко отсталъ отъ своихъ, что его взяли въ плѣнъ. Увидавъ счастливый оборотъ, данный сраженію Дезе, генералъ Келлерманъ, сынъ побѣдителя при Вальми (стр. 374), безъ всякаго приказанія, но съ большимъ успѣхомъ сдѣлалъ кавалерійскую аттаку и нанесъ такимъ образомъ австрійцамъ полное пораженіе. Они потеряли третью часть войска и въ безпорядкѣ оставили поле сраженія. Бонапартъ также потерялъ четвертую часть своей арміи; въ числѣ павшихъ былъ и Дезе, одинъ изъ самыхъ благородныхъ людей между генералами и друзьями Бонапарта.

Немедленно послѣ того Бонапартъ оказался еще счастливѣе въ кабинетѣ, чѣмъ на полѣ битвы. Съ помощью своей ловкости и искусства своихъ чиновниковъ и по милости неспособности и безпомощности австрійскихъ генераловъ онъ одержалъ еще более выгодную дипломатическую побѣду. Меласъ, хотя находился послѣ битвы въ затруднительномъ положеніи, но положеніе это вовсе не было отчаяннымъ: Бонапартъ потерялъ много людей и не имѣлъ въ своей власти ни одного укрѣпленнаго города; даже миланская цитадель не принадлежала ему. Но австрійскій главнокомандующій и его совѣтники до такой степени потеряли всякое присутствіе духа, что были рѣшительно неспособны принять какое-нибудь смѣлое рѣшеніе и на другой же день послѣ битвы просили перемирія. Бонапартъ воспользовался напавшею на нихъ робостью, чтобы истребовать отъ Меласа и его помощника по дипломатической части, графа Сенъ-Жюльена, согласіе на такія условія, при которыхъ для Австріи было невозможно съ успѣхомъ возобновить войну. Для этого онъ воспользовался плѣннымъ генераломъ Цахомъ, котораго съ обычной ловкостью умѣлъ расположить въ свою пользу. Меласъ былъ доведенъ до того, что 16 іюня заключилъ столь невыгодное перемиріе при Александріи, что почти непонятно, какъ могъ онъ рѣшиться на это. На основаніи этого перемирія австрійцы должны были отступить за Минчіо, передать французамъ немедленно Тортону, Александрію, цитадели Милана и Турина, Піаченцу, Геную и другіе города и выдать имъ двѣ тысячи пушекъ и двадцать тысячъ центнеровъ пороха.

По заключеніи перемирія Сенъ-Жюльенъ повезъ въ Вѣну предложенныя Бонапартомъ условія мира. Во время его пріѣзда въ Вѣнѣ подписывался договоръ съ Англіей, на основаніи котораго Англія обязывалась выдать императору двадцать четыре милліона гульденовъ субсидіи, а Австрія обязывалась не вступать ни въ какіе мирные переговоры безъ участія Англіи. Тугутъ, чтобы выиграть время, сдѣлалъ видъ, будто хочетъ заключить миръ съ Франціею и послалъ для переговоровъ въ Парижъ графовъ Сенъ-Жюльена и Нейперга. Онъ потому избралъ именно этихъ людей, что зналъ, что они дозволятъ обвинить себя потомъ въ мнимомъ произвольномъ нарушеніи предѣловъ данныхъ имъ полномочій. Сенъ-Жюльенъ и Нейпергъ въ іюлѣ заключили предварительный договоръ; но договоръ этотъ былъ отвергнутъ подъ предлогомъ, что посланные вышли изъ предѣловъ данныхъ имъ полномочій, и оба графа для вида были наказаны. Бонапартъ не прекратилъ перемирія, когда вѣнскій кабинетъ не утвердилъ предварительнаго договора и когда посланному имъ для переговоровъ Дюроку было не дозволено переѣхать за границу. Ему хотѣлось во что бы то ни стало спасти Мальту, которую осаждали англичане и которая вскорѣ (5 сентября) была взята; онъ хотѣлъ также послать подкрѣпленія въ Египетъ. Для того и другаго нужно было прекращеніе военныхъ дѣйствій на морѣ, а слѣдовательно, заключеніе перемирія или мира съ Англіею. Онъ ждалъ пока англичане не объявятъ, желаютъ ли договариваться вмѣстѣ съ австрійцами. Англійскіе министры сначала соглашались на переговоры, но требовали, чтобы перемиріе не касалось Мальты и Египта; вскорѣ они даже совсѣмъ отказались вести переговоры.

Чтобы успокоить Бонапарта, императоръ Францъ назначилъ на мѣсто Тугута-полуфранцуза, Лудвига Кобенцля. Потомъ, пославъ Кобенцля въ Люневиль для возобновленія переговоровъ съ французами, онъ назначилъ на его мѣсто втораго Тугута, графа Лербаха. Дѣла въ Вѣнѣ шли старымъ порядкомъ. Тугутъ не только сохранилъ все свое вліяніе, но въ Вѣну пріѣхали неаполитанская королева, Нельсонъ и лэди Гамильтонъ. Сочинители плановъ въ придворномъ военномъ совѣтѣ довели войско до такого положенія, что оно лишилось мужества и было во всѣхъ отношеніяхъ недовольно. Армію подкрѣпили только рекрутами; отставили дѣльнаго Края и съ нимъ тридцать штабъ-офицеровъ. Тугутъ и его сообщники хотѣли назначить главнокомандующимъ эрцгерцога Карла, но онъ отказался, потому что отъ него требовали, чтобы онъ повиновался фантазіямъ придворнаго военнаго совѣта. Наконецъ начальство ввѣрено было девятнадцатилѣтнему юношѣ, эрцгерцогу Іоанну, и къ нему приставленъ былъ въ качествѣ совѣтника фельдцейхмейстеръ Лауеръ. Все это дѣлалось въ то время, когда Бонапартъ, воспользовавшись перемиріемъ, усилилъ армію Моро и послалъ въ Германію другую армію подъ начальствомъ Ожеро. Когда въ сентябрѣ срокъ перемирія кончился, австрійцы должны были просить о его возобновленіи и за это уступили французамъ крѣпости Филиппсбургъ, Ульмъ и Ингольштадтъ съ богатыми принадлежавшими къ нимъ запасами. Французы срыли ихъ укрѣпленія.

По окончаніи втораго срока перемирія война возобновилась. Ударъ должна была нанести германская армія, а итальянская, подъ начальствомъ Массена, должна была играть второстепенную роль. Моро получилъ значительныя подкрѣпленія. Къ нему были присланы подъ начальство генералы, пользовавшіеся большою славою и военнымъ значеніемъ, напримѣръ, Лекурбъ, Груши, Ней, Ришпансъ и Суамъ. Когда началась война, Ожеро явился подъ Майнцомъ съ французско-голландскимъ войскомъ. Связь съ Италіею поддерживалъ Макдональдъ, расположившійся въ Граубинденѣ. 24 ноября Ожеро началъ непріязненныя дѣйствія тѣмъ, что черезъ Ашаффенбургъ проникъ во Франконію. Черезъ нѣсколько дней Моро двинулся на Иннъ. Австрійцы поспѣшили помочь своимъ врагамъ одержать побѣду; придворный военный совѣтъ, по своему обыкновенію, сочинилъ планъ похода и начальниками войскъ сдѣлалъ людей совершенно неспособныхъ измѣнять его, примѣняясь къ обстоятельствамъ. Изъ Вѣны было прислано строгое приказаніе какъ можно скорѣе дать генеральное сраженіе. Въ дѣлѣ при Ампфингѣ австрійскія войска имѣли нѣкоторое преимущество, и это такъ ободрило совѣтниковъ молодаго принца, стоявшаго во главѣ арміи, что они сдѣлались весьма склонны послѣдовать вѣнскимъ приказаніямъ. Моро воспользовался этимъ, чтобы завлечь австрійцевъ въ равнину Гогенлиндена близъ Мюнхена и 3 декабря разбить тамъ совершенно. Французы совершили немного военныхъ подвиговъ, которые могли бы сравниться съ побѣдою Моро при Гогенлинденѣ, хотя справедливо, что побѣдѣ этой способствовали дурныя распоряженія начальниковъ непріятельской арміи. У австрійцевъ взято было въ плѣнъ одиннадцать тысячъ человѣкъ, и сто пушекъ остались въ рукахъ побѣдителя. Моро вполнѣ воспользовался своею побѣдою; онъ безостановочно преслѣдовалъ разбитую армію, которая при отступленіи постоянно терпѣла новыя потери; онъ зашелъ такъ далеко, что ему оставался только суточный переходъ до Вѣны.

Только тогда удалены были отъ дѣлъ Тугутъ и Лербахъ, и эрцгерцогъ Карлъ принялъ главное начальство. Эрцгерцогъ объявилъ, что придворный совѣтъ довелъ Австрію до такого положенія, въ которомъ ей остается только спасти себя миромъ, а не войною. Поэтому 25 декабря онъ заключилъ новое перемиріе. При заключеніи этого перемирія въ Штейерѣ Австрія должна была согласиться на такія условія, которыя дали Бонапарту возможность предписать всѣ статьи послѣдовавшаго затѣмъ мира. Насиліямъ и вымогательствамъ французовъ предоставлены были Франконія, Баварія и Верхняя Австрія; имъ переданы были Вюрцбургъ, Браунау, Кюфштейнъ и другія крѣпости; имъ открыты были всѣ дороги и тѣснины, нужныя для сношеній съ итальянскою арміею черезъ Каринтію и Штирію.

Еще до возобновленія войны въ Италіи мѣсто Массена заступилъ Брюнъ. Бонапартъ смѣнилъ Массена, потому что онъ также расплодилъ грабительства и насилія, какъ прежде въ Римѣ (стр. 437), и этимъ уничтожилъ въ арміи всякую

дисциплину. Брюнъ во время перемирія занялъ Тоскану, потому что тамъ набиралось всеобщее ополченіе, къ которому должны были присоединиться неаполитанскія и англійскія войска. Войска эти должны были высадиться въ Ливорно и угрожать французамъ съ тылу. Когда кончился срокъ перемирію, Брюнъ на сѣверной границѣ Италіи стоялъ лицомъ къ лицу съ сильной австрійской арміею подъ начальствомъ Бельгарда; армія эта получала постоянныя подкрѣпленія отъ генерала Гиллера, командовавшаго въ Тиролѣ. Брюнъ старался, оставивъ за собою Минчіо, проникнуть въ Венеціанскую область; чтобы дать ему возможность сдѣлать это, Макдональдъ и Монсей получили приказаніе перейти часть Альповъ, одинъ изъ Граубинденa, а другой изъ Пескьеры. Эти переходы предприняты были въ декабрѣ. Они, особенно походъ Макдональда изъ Граубиндена въ Валь-Камоника и оттуда чрезъ Тональ на Эчъ, справедливо возвысили славу французскихъ войскъ, потому что были предприняты при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и совершались по непроходимымъ дорогамъ; но они стоили множества людей и однако не принесли бы никакой пользы, если бы Моро не одержалъ побѣды въ Германіи и не возстановилъ сообщенія съ Италіею. Макдональдъ и Монсей достигли своей цѣли, и Брюнъ въ январѣ 1801 проникнулъ до Тревизо. Здѣсь онъ принялъ предложенное ему перемиріе. Перемиріе это заключено было 16 января въ Тревизо и доставило французамъ обладаніе многими значительными крѣпостями. Бонапартъ не утвердилъ перемирія, потому что Мантуа осталась въ рукахъ австрійцевъ. Впослѣдствіи въ Люневилѣ, гдѣ велись мирные переговоры, онъ наряду со многими другими тягостными условіями добился и того, чтобы ему была сдана Мантуа.

Января 1 1801 въ Люневилѣ открытъ былъ конгрессъ для заключенія мира; на конгрессѣ этомъ французскимъ уполномоченнымъ былъ Іосифъ Бонапартъ, а австрійскимъ—Кобенцль. Такъ какъ Австрія отдѣлилась отъ Англіи и была оставлена Россіею и Пруссіею, то должна была принять всѣ условія, которыя предписаны были ей Франціею. Уже 9 февраля былъ подписанъ миръ, составлявшій въ новой исторіи одно изъ самыхъ богатыхъ послѣдствіями событій. Основаніемъ Люневильскому миру послужилъ договоръ при Кампо-Форміо. Императоръ предоставилъ на произволъ французовъ Италію и Германію. Въ отношеніи Германіи онъ подписалъ условія, которыхъ не имѣлъ права подписывать безъ согласія сейма. Согласно съ договоромъ при Кампо-Форміо, было постановлено, во-первыхъ, что не только герцогъ Моденскій, но и великій герцогъ Тосканскій должны получить вознагражденіе въ Германіи (Тоскана, въ угоду Испаніи, была предназначена герцогу Пармскому). Во-вторыхъ, князья, имѣвшіе земли на лѣвомъ берегу Рейна, и вмѣстѣ съ ними всѣ, кого хотѣли наградить, должны были получить вознагражденія и награды изъ имущества лицъ, неимѣвшихъ покровителей между великими державами. Сейму предоставлено было разрѣшеніе вопроса о вознагражденіяхъ; впрочемъ очень хорошо было извѣстно, что вопросъ этотъ будетъ разрѣшенъ имъ по повелѣніямъ изъ-за границы. Сеймъ уже 7 марта принялъ навязанныя ему условія.

Что касается Пармы, то на основаніи мира при Люневилѣ судьба ея отдана была въ руки Бонапарта. Такъ какъ герцогъ Пармскій былъ близкій родственникъ испанскому королю, то страна эта оставлена была въ его владѣніи до его смерти въ 1802. Послѣ того Парма была присоединена къ Франціи. Наслѣдный принцъ Пармскій, Лудовикъ, двоюродный братъ и зять испанскаго короля, былъ вознагражденъ тѣмъ, что ему отдали Тоскану и дали титулъ короля Этруріи. Бонапартъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы пригласить его въ Парижъ. Тамъ, подъ предлогомъ блестящаго пріема, его показывали французамъ какъ Бурбона, принимающаго покровительство отъ перваго консула.

I. ЕВРОПЕЙСКІЯ СОБЫТІЯ

ОТЪ ЛЮНЕВИЛЬСКАГО МИРА ДО ПРЕСБУРГСКАГО МИРА.

---

1. Отношенія Франціи къ Россіи, Испаніи и Португаліи.

Передъ заключеніемъ Люневильскаго мира первому консулу удалось наконецъ привлечь на свою сторону русскаго императора. Императоръ Павелъ съ 1799 былъ очень разгнѣванъ на англійскую и австрійскую аристократію, потому что она хотѣла злоупотреблять имъ для своихъ цѣлей. Сначала онъ разорвалъ связь съ Австріей, и когда она не покидала своихъ завоевательныхъ видовъ на Италію, выслалъ изъ Россіи ея посланника, Лудвига Кобенцля. Между тѣмъ Бонапартъ и его опытные дѣльцы начали такъ искусно пользоваться слабостями Павла и такъ ловко льстить ему, что состоялся союзъ между Россіей и Франціей. Они тѣмъ легче достигли своей цѣли, что рыцарственный Павелъ чувствовалъ невольную симпатію къ такому герою, какъ Бонапартъ.

Бонапартъ началъ съ того, что обмундировалъ заново 6 — 7 т. чел. русскихъ плѣнныхъ, которыхъ Англія и Австрія не хотѣли вымѣнять на французовъ, снабдилъ ихъ оружіемъ и отослалъ въ Россію, написавъ при этомъ случаѣ Павлу самое лестное для чести русскихъ войскъ письмо. Потомъ онъ предложилъ сдать императору, какъ великому магистру іоаннитовъ, островъ Мальту, сильно стѣсненный англичанами. Онъ предвидѣлъ, что англичане не согласятся на это, какъ и случилось, и такимъ образомъ несогласіе между Россіей и Англіей усилилось. Въ итальянскихъ дѣлахъ Бонапартъ также всячески угождалъ Павлу. Императоръ непремѣнно желалъ возстановленія папы, возвращенія Пьемонта Сардиніи и обезпеченія независимости Неаполя. Бонапартъ поручилъ Мюрату возстановить новаго папу, Пія VII, избраннаго 14 марта 1800 въ Венеціи, во всѣхъ его свѣтскихъ и духовныхъ правахъ, не выводя однако французскихъ войскъ изъ Церковной Области. Онъ не возвратилъ Сардиніи Пьемонта, но зато предложилъ вознагражденіе. Неаполемъ Бонапартъ распорядился такъ хитро, что Павелъ остался весьма польщенъ. Когда сраженіе при Маренго разрушило надежды королевы Каролины Маріи на австрійцевъ, она лично обратилась къ рыцарственному императору Павлу съ просьбой о защитѣ. Ему очень понравилось, что такая государыня, по характеру совершенно русская, припадаетъ къ его стопамъ, и онъ послалъ своего оберъ-егермейстера Левашева ходатайствовать за нее въ Парижъ, хотя имѣлъ тамъ уже двухъ посланниковъ (Шпренгпортена и Колычева). Первый консулъ принялъ Левашева съ необыкновеннымъ парадомъ, и когда потомъ оберъ-егермейстеръ отправился въ Италію, распорядился, чтобы и Мюратъ, который въ то время угрожалъ Неаполю во главѣ такъ называемой резервной арміи, оказалъ ему блестящія почести. При посредничествѣ Левашева 28 марта 1801 между Франціей и Неаполемъ былъ заключенъ мирный договоръ, который, не смотря на угодливость перваго консула къ русскому императору, навязалъ неаполитанскому королю очень тяжелыя условія. Онъ потерялъ мало земли, но зато долженъ былъ закрыть свои гавани англичанамъ, содержать

у себя на свой счетъ 12 т. французскаго войска, возвратить все награбленное въ Римѣ и дать амнистію всѣмъ политическимъ бѣглецамъ и арестантамъ. Такимъ образомъ, повидимому, угождая русскому императору, Бонапартъ среди мира овладѣлъ всей Италіей: неаполитанскія крѣпости и гавани были имъ заняты, папа былъ совершенно въ его рукахъ, новый владѣтель Тосканы — первый назначенный имъ король (т. IV, стр. 468) — находился у него подъ опекою, а Пьемонтъ превратился въ французскую провинцію.

Чтобы польстить русскому императору, Бонапартъ воспользовался еще любимымъ планомъ Павла возстановить вооруженный нейтралитетъ, нѣкогда устроенный Екатериной II (стр. 3). Весной 1800 Павелъ обратился къ Даніи, Швеціи и Пруссіи съ приглашеніемъ заключить союзъ вооруженнаго нейтралитета подъ предводительствомъ Россіи, чтобы защищать торговыя суда нейтральныхъ державъ отъ обысковъ англичанъ. Бонапартъ тотчасъ вызвался поддержать это предложеніе, которое доставляло ему случай повредить англичанамъ черезъ нейтральныя государства. Поступки англичанъ помогли осуществленію плана Павла и намѣренію перваго консула. Они принудили къ сдачѣ шведскіе и датскіе фрегаты, конвоировавшіе купеческія суда и недозволявшіе обыскивать ихъ. Мало того, въ августѣ 1800 они угрожали Копенгагену бомбардировкой, и принудили датское правительство, во главѣ котораго въ то время стоялъ графъ Христіанъ фонъ-Бернсторфъ, сынъ графа Петра фонъ-Бернсторфа, оказавшаго странѣ такія услуги (стр. 188), заключить договоръ съ признаніемъ за англичанами права дѣлать обыски на судахъ. Вскорѣ (5 сентября) пала Мальта, и англичане отказались отдать ее русскому императору, какъ гроссмейстеру мальтійскаго ордена. Это привело Павла въ такое негодованіе, что онъ конфисковалъ 300 англійскихъ судовъ, стоявшихъ въ русскихъ гаваняхъ.

Декабря 16 союзъ вооруженнаго нейтралитета былъ формально заключенъ Россіей, Даніей и Швеціей, а на другой день къ нему приступила и Пруссія. При этомъ случаѣ прусское правительство опять опозорилось. Хотя приступивъ къ нейтралитетному союзу, оно всячески виляло передъ Англіей, и даже когда угроза русскаго императора заставила его двинуть въ Ганноверъ войска, продолжало давать англичанамъ двусмысленныя объясненія. За это Англія пощадила Пруссію, но зато съ прочими союзниками обошлась очень круто. Въ январѣ 1801 Англія, не объявляя войны, захватила всѣ русскіе, датскіе и шведскіе корабли, которые могла взять, и послала противъ Даніи два флота подъ начальствомъ Нельсона и Гайдъ Паркера, тогда какъ Россія и Швеція не могли прислать Даніи помощи вслѣдствіе льда на Балтійскомъ морѣ. 30 марта 1801 англійскіе флоты явились передъ Копенгагеномъ и на отказъ Даніи отстать отъ нейтралитетнаго союза отвѣчали 2 апрѣля нападеніемъ на датскій флотъ и баттареи. Въ этихъ обстоятельствахъ маленькая Данія проявила патріотизмъ, возбудившій восторгъ всей Европы. Весь Копенгагенъ взялся за оружіе, хотя превосходство непріятельскихъ силъ не оставляло никакой надежды на успѣхъ борьбы. Четыре часа датчане выдерживали разрушительный огонь Нельсона, который, по собственному сознанію, потерялъ 1000 человѣкъ убитыми. Наконецъ послѣ страшныхъ потерь въ людяхъ и имуществѣ они были принуждены уступить превосходному непріятелю; но умный министръ, управлявшій ими, все-таки отстоялъ при этомъ ихъ право и честь. Апрѣля 9 было заключено перемиріе, которое оставило нерѣшеннымъ самый принципъ нейтралитетнаго союза и только обязало Данію выйти изъ него на извѣстный срокъ. Англійскій флотъ вступилъ потомъ въ Балтійское море, чтобы принудить и Швецію отступиться отъ союза; Пруссію же не трогали. Шведскій король отвергъ требованіе наглыхъ пиратовъ, но, разумѣется, былъ бы подавленъ превосходствомъ силъ, если бы въ это время нейтралитетный союзъ не былъ уничтоженъ самъ собою внезапной смертью императора Павла 11 (23) марта 1801.

Едва прошло нѣсколько дней, какъ новый императоръ, Александръ I, завелъ мирные переговоры съ Англіей. Впрочемъ онъ заявилъ, что не уступитъ въ главномъ пунктѣ спора, и Бонапартъ послалъ въ Петербургъ одного изъ лучшихъ своихъ дипломатовъ, Дюрока, чтобы помѣшать переговорамъ. Однако они кончились благопріятно для Англіи, потому что графъ Паленъ, игравшій въ первое время царствованія Александра главную роль и державшій сторону

Франціи, поссорился съ другимъ вліятельнымъ лицомъ, княземъ Зубовымъ, и этимъ далъ возможность низвергнуть себя. Вскорѣ послѣ Палена былъ удаленъ и Зубовъ, и тогда англійскій посланникъ въ союзѣ съ новымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Панинымъ, склонилъ молодаго императора къ уступкѣ и такимъ образомъ снова отдалилъ Россію отъ Франціи. Уже 17 іюня 1801 былъ заключенъ договоръ, которымъ Россія вторично отказалась отъ системы вооруженнаго нейтралитета и предала Англіи своихъ скандинавскихъ союзниковъ. Швеція и Данія были, конечно, принуждены покориться всѣмъ требованіямъ Англіи. Пруссія отозвала свои войска изъ Ганновера только въ октябрѣ; но это промедленіе было сдѣлано для пользы самихъ же англичанъ.

Пока такимъ образомъ Англія подчиняла себѣ весь сѣверъ Европы, на югѣ Бонапартъ старался отторгнуть отъ нея единственное тамошнее государство, которое до сихъ поръ было недоступно его вліянію. То была Португалія, съ которою англичане давно обращались, какъ съ подвластной провинціей (стр. 431). Слабый король Іоаннъ VI принялъ было въ 1793 участіе въ первой коалиціонной войнѣ, но послѣ неудачъ рѣшился жить въ мирѣ съ Франціей и съ 1793 завелъ съ ней переговоры о мирномъ трактатѣ (стр. 432). Трактатъ не состоялся, вслѣдствіе чего Іоаннъ снова сблизился съ Англіей и впустилъ англійскія войска въ свои крѣпости.

Такъ какъ Англія господствовала на морѣ, то Бонапартъ могъ напасть на Португалію лишь въ союзѣ съ Испаніей. Помощь этого государства было нетрудно пріобрѣсти, потому что правитель его, Годой, не имѣлъ между соотечественниками приверженцевъ и потому нуждался въ поддержкѣ Франціи. Вслѣдствіе этого онъ поставилъ Испанію въ такую же зависимость отъ Франціи, въ какой Португалія находилась отъ Англіи. Годой не имѣлъ ни познаній, ни опытности въ дѣлахъ. Но какъ любимецъ королевы, онъ былъ неограниченнымъ властелиномъ Испаніи, и его частные интересы служили цѣлями испанской политики. Бонапартъ воспользовался этимъ человѣкомъ для своихъ видовъ въ Испаніи, и такимъ образомъ ничтожный фаворитъ удостоился чести служить агентомъ величайшему герою всего вѣка и самому энергическому правителю въ Европѣ. Могущество и значеніе, которыхъ Годой достигъ при испанскомъ дворѣ, превосходятъ все, чего достигали фавориты и временщики даже во Франціи при Лудовикѣ XV. Онъ женился на двоюродной сестрѣ короля, пользовался правами принца крови, не смотря на строжайшій этикетъ испанскаго двора, имѣлъ особую гвардію, титуловался герцогомъ Алькудіа и княземъ Мира, хотя до него ни одинъ испанецъ не носилъ княжескаго титула, былъ генералиссимусомъ арміи и занималъ всѣ высшія государственныя должности; мало того, особымъ декретомъ онъ былъ назначенъ первымъ министромъ или, точнѣе, опекуномъ короля (Consultador General). Онъ былъ въ высшей степени расточителенъ, развратенъ, страстно любилъ роскошь и потому, недовольствуясь присвоеніемъ подъ видомъ подарка части королевскихъ имуществъ, пользовался своимъ положеніемъ для биржевыхъ спекуляцій и продавалъ должности, чины и ордена. Но онъ не позаботился, какъ обыкновенно дѣлаютъ подобные люди, припрятать себѣ богатство на черный день; когда наконецъ его прогнали изъ Испаніи, онъ жилъ въ большой крайности до самой смерти въ 1854.

Пославъ въ октябрѣ 1800 посланникомъ въ Мадридъ своего брата, Люсіана, Бонапартъ склонилъ черезъ Годоя испанское правительство принять участіе въ хищническомъ нападеніи на Португалію. Франція и Испанія заключили договоръ, условившись общими силами покорить Португалію и потомъ раздѣлить ее, какъ была раздѣлена Польша. Годой самъ предводительствовалъ испанскими войсками, снаряженными въ этотъ походъ. Однако Бонапартъ не довѣрялъ ему, потому что король испанскій былъ тесть Іоанна VI; поэтому Бонапартъ назначилъ командиромъ французскихъ войскъ генерала Гувіона Сенъ-Сира, извѣстнаго своей непреклонностью. Но Годой разстроилъ все дѣло еще до прибытія французскихъ войскъ. Онъ быстро объявилъ Португаліи войну, далъ въ маѣ 1801 нѣсколько стычекъ португальскимъ войскамъ, а между тѣмъ снесся съ португальскимъ министромъ Альфоенсомъ и 6 іюня совершенно неожиданно заключилъ въ Бадахосѣ миръ, подписанный и Люсіаномъ Бонапартомъ отъ имени Франціи. Въ договорѣ не было ни слова о главномъ — объ удаленіи англичанъ изъ порту-

гальскихъ гаваней, и Португалія только уступала Испаніи клочекъ земли, а Франціи обязалась выплатить извѣстную сумму. Бонапартъ, войска котораго были уже въ Испаніи, взбѣсился на Годоя, но скоро помирился съ нимъ, потому что началъ въ то время съ Англіей мирные переговоры и не хотѣлъ затруднять ихъ. Впрочемъ и Испанія, и Португалія дали ему удовлетвореніе. Португалія обязалась договоромъ 29 сентября закрыть англичанамъ гавани, уступить Франціи часть Гвіаны и уплатить ей 20 милліоновъ. Испанія договоромъ 1 октября въ Санъ-Ильдефонсо уступила Франціи Луизіану и приняла на себя разныя обременительныя обязательства.

Дѣйствія Бонапарта въ Испаніи и Португаліи много способствовали склонить англійскую олигархію къ миру или по крайней-мѣрѣ къ временному прекращенію войны. Обратимся теперь къ дѣламъ Англіи и къ ея отношеніямъ къ Бонапарту.

2. Англія во время учрежденія консульства.

Внутреняя исторія Англіи и ея отношенія къ Франціи, кромѣ важности ихъ для всеобщей исторіи, чрезвычайно поучительны еще потому, что показываютъ, какое могущество давали первому консулу въ борьбѣ съ цвѣтущимъ благосостояніемъ Англіи новыя учрежденія Франціи, чуждыя феодализма, несвязанныя аристократическими и денежными интересами, свободныя отъ предразсудковъ; мы видимъ, что они всегда склонили бы побѣду на его сторону, если бы онъ не измѣнилъ имъ. Въ то время какъ Бонапартъ вновь создавалъ торговлю и промышленность въ государствѣ, только что избавленномъ отъ бремени долговъ и унаслѣдованныхъ злоупотребленій, Англія подъ владычествомъ капиталистовъ достигла той точки блеска и силы, съ которой возможно лишь обратное движеніе внизъ. Среди величайшаго внѣшняго блеска большинство ея гражданъ все тягостнѣе ощущало недостатки ея аристократической конституціи.

Къ общему изумленію, могущество Англіи не пострадало даже отъ значительныхъ уступокъ, которыя онѣ въ 1783 въ первый разъ сдѣлала своимъ врагамъ (стр. 253), и отъ новыхъ опасныхъ соперниковъ, явившихся ей въ ея демократическихъ заатлантическихъ соотечественникахъ. Напротивъ того, именно въ это время Британія достигла апогея процвѣтанія въ торговлѣ, промыслахъ, мореплаваніи, богатствѣ и политическомъ значеніи; она вдвойнѣ возвратила себѣ на Индѣ и Гангѣ все, что потеряла въ Америкѣ. Но какъ ни была ослѣплена Европа и какъ ни продолжаетъ она ослѣпляться блескомъ Англіи, видомъ ея счастія и свободы, однако въ дѣйствительности государство это съ конца XVIII вѣка страдаетъ тремя страшными недугами, которые подкапываютъ основы ея конституціи и жизни, и рано или поздно доведутъ это искуственное построеніе до полнаго ужаснаго разрушенія. Во-первыхъ, въ ней страшно свирѣпствуетъ бичъ капитала съ его непремѣннымъ закономъ поглощенія мелкихъ капиталовъ крупными, машинной работой и акціонерными предпріятіями, что влечетъ за собой уничтоженіе мелкой промышленной дѣятельности, обнищаніе низшихъ сословій, экспропріацію крестьянскаго сословія — словомъ, пролетаріатъ, который губитъ сущность старинной конституціи, оставляя только форму, обращаемую въ мертвое орудіе преступныхъ цѣлей господствующихъ классовъ. Эти классы одержимы тѣмъ же зломъ, которое постигло нѣкогда аристократію Рима, когда она достигла всемірнаго владычества. Съ закоренѣлымъ гордымъ презрѣніемъ взираютъ они съ высоты своего величія на все остальное человѣчество, считая его рабами и бездушными машинами, рожденными для неблагодарнаго труда на другихъ; впрочемъ и сами они, какъ всѣ чрезмѣрные богачи, пользуются только внѣшностью счастья. Съ этимъ первымъ недугомъ, котораго никто не замѣчаетъ подъ цвѣтущей оболочкой здоровья, связанъ, какъ естественное послѣдствіе его, другой. Съ тѣхъ поръ какъ въ собственной Англіи всѣ земли перешли въ руки небольшаго числа семействъ и какъ фабрики постоянно привлекаютъ въ города множество рабочихъ и потомъ отпускаютъ ихъ на всѣ четыре стороны, число людей живущихъ исключительно поденщиной, умножилось до невозможности, и

явилась страшная несообразность въ распредѣленіи богатствъ. Громадное большинство народа обратилось въ нищенство, а тутъ его постигли еще несказанныя бѣдствія вслѣдствіе мѣропріятій противъ бѣдныхъ; эти бѣдствія свирѣпствуютъ даже въ Лондонѣ, какъ доказало недавнее слѣдствіе въ приходѣ св. Панкратія. Зато общество, забравшее въ свои руки всѣ общественныя богатства, пользуется всѣми выгодами, которыя съумѣло извлечь даже изъ тяжкой борьбы съ Бонапартомъ и изъ громаднаго національнаго долга, созданнаго этой войной. Между тѣмъ для уплаты процентовъ этого долга налагаются пошлины на первыя жизненныя потребности, и бремя, стало быть, падаетъ исключительно на бѣдныхъ. Наконецъ, третій недугъ британскаго государства составляетъ неестественное отношеніе въ Ирландіи между милліонами голодающихъ католиковъ и небольшимъ числомъ протестантскихъ англійскихъ землевладѣльцевъ.

Въ теченіе XVIII вѣка государственный долгъ Англіи постоянно возрасталъ вслѣдствіе субсидій и военныхъ расходовъ. Къ концу американской войны онъ дошелъ до 346 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (1,600 милліоновъ руб.) (стр. 228), въ 1793—1803 гг. до 600 милліоновъ фунтовъ (3,900 милліоновъ руб.). Впослѣдствіи, къ 1814, онъ простирался даже до 1,054 милліоновъ фунтовъ (около 7 милліардовъ руб.). Пагубнѣйшимъ слѣдствіемъ такого непомѣрнаго разростанія долговъ было уменьшеніе средняго сословія и умноженіе низшаго, потому что страшное бремя налоговъ повергло тысячи семействъ въ нищету. Въ силу одного древняго закона общины должны были содержать своихъ неимущихъ членовъ. Результатомъ этого являлись новые налоги на общины и дальнѣйшее разореніе небогатыхъ людей. Впослѣдствіи перемѣнили систему и стали преслѣдовать нищету, какъ преступленіе. Всюду завели такъ называемые рабочіе дома, куда бѣдняковъ сажаютъ, какъ въ тюрьмы, и заставляютъ работать, какъ каторжниковъ.

Французская война, которая въ концѣ XVIII столѣтія много способствовала воспроизведенію этихъ результатовъ, до 1799 была вообще національна, потому что соотвѣтствовала англійскимъ предразсудкамъ, была выгодна для морскаго могущества и для торговли Англіи и льстила британской гордости. Правда, на континентѣ громадныя суммы, розданныя Бурбонамъ, ихъ приверженцамъ и защитникамъ, пропали даромъ. Но на морѣ война постоянно шла со славой, распространяла владѣнія и могущество Англіи и уничтожала морскія силы другихъ націй. Въ Остъ-Индіи, Африкѣ и Вестъ-Индіи англичане завоевали французскія, голландскія и испанскія колоніи. Въ Остъ-Индіи они покорили кромѣ того множество мелкихъ владѣтелей Декана и Гангской области, а въ 1799 имъ удалось наконецъ побѣдить и ограбить султана Карнатикскаго, Т и п п о-С а и б а, который, подобно отцу своему, Г а й д е р ъ-А л и, былъ упорнѣйшимъ и могущественнѣйшимъ противникомъ ихъ въ Остъ-Индіи. Мы увидимъ, сверхъ того, что и на востокѣ англичане лишили французовъ ихъ завоеваній и вліянія. Они принудили державы сѣвера признать ихъ разбойничье морское право, при чемъ пріобрѣли вліяніе и на торговлю ихъ. Они воспользовались египетской экспедиціей Бонапарта, чтобы овладѣть Мальтой и отнять у французовъ Іоническіе острова, которые были объявлены республикой и договоромъ въ мартѣ 1800 отданы подъ общее покровительство Россіи и Турціи. Англичане нанесли континентальнымъ державамъ огромныя потери на морѣ. Такъ, Франція въ войнѣ съ ними лишилась по 1801 годъ 338 военныхъ судовъ, въ томъ числѣ 60 линейныхъ кораблей и 173 фрегата; въ то же время голландцы потеряли 25 линейныхъ кораблей и 82 фрегата. Испанцы, хотя избѣгали борьбы съ Англіей, однако уже къ концу 1798 поплатились 8 кораблями и 14 фрегатами. Такимъ образомъ англичане также успѣшно усиливали свое могущество на морѣ, какъ французы на землѣ. Но когда въ 1800 сухопутная война приняла для нихъ такой дурной оборотъ, они поняли, что было бы безполезно продолжать воевать на морѣ съ державой, у которой больше не было ни торговли, ни колоній. Вслѣдствіе этого, какъ только они увѣрились, что французамъ не удержаться въ Египтѣ, они завели съ Бонапартомъ мирные переговоры.

3. Окончаніе египетской экспедиціи.

Возвращаясь въ августѣ 1799 изъ Египта, Бонапартъ ввѣрилъ оставляемую тамъ армію генералу Клеберу (стр. 453). Онъ оставилъ ему очень неопредѣленныя и стѣснительныя инструкціи. Клеберъ былъ тѣмъ болѣе недоволенъ, что Бонапартъ увезъ съ собою всѣхъ лучшихъ генераловъ. Притомъ онъ былъ убѣжденъ въ невозможности удержаться въ Египтѣ. Уже въ концѣ сентября онъ завелъ переговоры съ англійскимъ коммодоромъ Сидни Смитомъ, крейсировавшимъ у египетскихъ береговъ, чтобы при его посредничествѣ и за его поручительствомъ заключить договоръ съ турками. Этотъ договоръ состоялся въ январѣ 1800 подъ именемъ капитуляціи при Эль-Аришѣ или Салахіэ; по условіямъ его, Клеберъ отдалъ нѣкоторыя крѣпости великому визирю, прибывшему въ Египетъ съ многочисленной арміей. Но когда послѣ того Клеберъ сосредоточилъ войска на берегу для переправы во Францію, Сидни Смитъ отказался утвердить договоръ, потому что англійское министерство приказало его начальнику, адмиралу лорду Кейту, требовать сдачи французской арміи военноплѣнною. Клеберъ и его войска пришли въ негодованіе, и онъ воспользовался этимъ настроеніемъ ихъ, чтобы разогнать огромную, но жалкую турецкую армію. Сраженіе произошло 20 марта 1800 при развалинахъ древняго города Геліополиса. Клеберъ обратилъ въ бѣгство нестройныя толпы турокъ, взялъ ихъ богатый лагерь и всю ихъ артиллерію, потерявъ едва нѣсколько сотъ человѣкъ. Потомъ онъ поспѣшилъ назадъ въ Каиръ, гдѣ между тѣмъ жители взбунтовались и при содѣйствіи турецкаго отряда тѣснили гарнизонъ. На усмиреніе столицы Клеберу пришлось посвятить нѣсколько недѣль. Онъ воспользовался этимъ возстаніемъ, какъ Бонапартъ прежнимъ, чтобы пособить своимъ денежнымъ затрудненіямъ грабежемъ, вымогательствами и жестокими казнями. Однако и послѣ полной побѣды своей Клеберъ остался убѣжденъ въ необходимости очистить Египетъ. Между тѣмъ англійское министерство перемѣнило мнѣніе, убѣдившись, наконецъ, что туркамъ однимъ не выгнать французовъ изъ Египта и что, слѣдовательно, Англіи опять придется пожертвовать много людей и денегъ. Эль-Аришскій договоръ былъ бы возобновленъ, если бы 14 іюня 1800 одинъ мусульманскій фанатикъ не зарѣзалъ генерала Клебера. Послѣ него начальство принялъ старшій по немъ генералъ Мену. Этотъ бывшій маркизъ былъ способенъ командовать только на парадахъ. Онъ былъ слѣпой поклонникъ Бонапарта и ожидалъ отъ него невозможнаго; надѣясь поэтому отстоять Египетъ, онъ отвергъ условія прежняго договора, предлагаемыя англичанами и турками.

Бонапартъ съ своей обычной геніальностью и изумительной дѣятельностью дѣлалъ все зависящее отъ него, чтобы доставить египетской арміи подкрѣпленія; но это оказалось невозможнымъ, и слабое французское войско осталось въ Египтѣ на произволъ судьбы. Англичане прислали въ Египетъ 7 т. своего остъ-индскаго войска и 15 т. наемниковъ, предназначавшихся въ Португалію; великій визирь повелъ въ Египетъ новыя скопища изъ Палестины, а турецкій флотъ явился у египетскихъ береговъ. Генералъ Аберкромби, командовавшій наемнымъ корпусомъ, рѣшилъ судьбу Египта и французскихъ войскъ еще до прибытія остъ-индскихъ полковъ. Онъ высадился при Абукирѣ 7 и 8 марта 1801. Мену выступилъ противъ него и 21 марта аттаковалъ его на мѣстѣ древняго города Канопа. Но, къ несчастію, его боевой планъ былъ выданъ англичанамъ, и самъ онъ выказалъ такую неспособность, какой между французскими генералами не было примѣра во всю 22-лѣтнюю войну. Однако французскія войска сражались такъ храбро, что сраженіе осталось нерѣшеннымъ, и самъ Аберкромби былъ убитъ. Послѣ сраженія Мену послалъ генерала Бельяра съ отрядомъ войска защищать Каиръ, а самъ двинулся къ Александріи. Бельяръ далъ непріятелю нѣсколько славныхъ, но неуспѣшныхъ сраженій и, не желая напрасно губить людей, 27 іюня 1801 сдалъ Каиръ англичанамъ. Ему была дана почетная и выгодная капитуляція. Войска его получили право возвратиться во Францію съ оружіемъ и артиллеріей. Мену были предложены тѣ же условія, если онъ приметъ ихъ въ

теченіе 10 дней. Но онъ отвергъ ихъ и погубилъ цвѣтъ превосходнѣйшаго войска среди лишеній, чумы и безполезнаго неравнаго боя. Наконецъ 2 сентября онъ былъ принужденъ капитулировать. Впрочемъ англичане дали ему тѣ же условія, какія предлагали прежде, и, подобно Бельяру, онъ былъ перевезенъ во Францію на англійскихъ корабляхъ. Всего изъ Египта во Францію возвратилось не болѣе 20 т. человѣкъ.

4. Амьенскій миръ.

Удаленіе французовъ изъ Египта устранило главное препятствіе къ миру между Англіей и Франціей. Переговоры велись уже полгода. Но Питтъ и его товарищи не могли заключить этого мира, потому что съ ихъ стороны это было бы позорнымъ противорѣчіемъ всей ихъ прежней дѣятельности. Вслѣдствіе этого они на время удалились отъ правленія, предоставивъ его людямъ близкимъ къ нимъ, но небывшимъ, подобно имъ, заклятыми врагами всего новаго. Предлогомъ къ выходу въ отставку имъ послужило религіозное упорство короля Георга III, который упрямо противился всякому снисхожденію къ ирландскимъ католикамъ и влачилъ свою несчастную жизнь до 1820.

Въ 1798, послѣ тщетныхъ попытокъ свергнуть съ помощью Франціи англійское иго, ирландцы были силою покорены (стр. 413). Тогда англичане рѣшились лишить ихъ послѣднихъ остатковъ самостоятельности. Для этого было положено соединить ирландскій парламентъ съ англійскимъ съ тѣмъ, чтобы въ общемъ парламентѣ Ирландія имѣла очень мало представителей. Для приданія этому дѣлу законнаго вида его постановили черезъ самый ирландскій парламентъ, гдѣ большинство было предано министерству, а чтобы ирландскіе католики, не имѣвшіе въ парламентѣ представителей со временъ Карла I, по этому случаю опять не взбунтовались, Питтъ обѣщалъ имъ возстановленіе ихъ правъ или такъ называемую эмансипацію католиковъ. Послѣ долгихъ жаркихъ преній въ мартѣ 1800 министерское большинство ирландскаго парламента постановило соединить его съ англійскимъ, и по рѣшеніи условій этого соединенія оно состоялось въ февралѣ 1801. Но католики были обмануты, потому что король не согласился на эмансипацію. Это послужило Питту предлогомъ 10 февраля 1801 выйти изъ министерства. Изъ товарищей его только двое остались въ новомъ министерствѣ, главами котораго были Аддингтонъ, лордъ Гауксбери и лордъ Ильдонъ.

Уже въ мартѣ новые министры завели мирные переговоры съ Франціей. Видя, что они затягиваются, Бонапартъ съ большимъ трезвономъ началъ дѣлать снаряженія, какъ бы замышляя высадку въ Англію. Пресловутый морской герой Нельсонъ дважды пытался истребить французскій флотъ въ булоньской гавани, но былъ отраженъ. Англичане испугались не на шутку, и 1 октября 1801 мирныя прелиминаріи были подписаны. Для заключенія мира были отправлены въ Амьенъ лордъ Корнуэльсъ и Жозефъ Бонапартъ, и 27 марта 1802 подписали миръ. Амьенскій миръ былъ въ сущности лишь перемиріе, но тѣмъ не менѣе для Бонапарта былъ величайшимъ тріумфомъ, какой онъ когда-либо торжествовалъ. Изъ всѣхъ своихъ завоеваній англичане сохранили только Тринидадъ и Цейлонъ — колоніи, отнятыя не у французовъ, а у испанцевъ и голландцевъ. Кромѣ того Англія обязалась возвратить Мальту іоаннитамъ. Правда, за это французы должны были очистить Неаполь и Церковную Область; но это не было жертвой, потому что Наполеонъ занималъ эти государства именно для того только, чтобы принудить Англію къ миру. Сверхъ того, къ выгодѣ Франціи въ договорѣ не упоминалось ни о правѣ англичанъ обыскивать корабли, ни объ эмигрантахъ, ни о Сардиніи и о прочихъ государствахъ. Участь ихъ, какъ участь духовныхъ владѣній въ Германіи, которыя Люневильскимъ миромъ было рѣшено раздѣлить, была предоставлена Франціи. Вдобавокъ при переговорахъ англичане какъ бы признали перваго консула протекторомъ Голландіи и Испаніи, и наконецъ онъ и въ Англіи явился въ блестящемъ свѣтѣ народу, который съ восторгомъ привѣтствовалъ Амьенскій миръ.

5. Консульство Бонапарта съ 1800 до 1803.

Бонапартъ воспользовался кратковременнымъ миромъ съ Англіей, чтобы присоединить къ Франціи Голландію, Швейцарію, Верхнюю Италію, нѣкоторыя мелкія и среднія нѣмецкія государства. Но прежде, чѣмъ слѣдовать за нимъ по этому пути, нужно взглянуть, какимъ образомъ онъ относился къ своей собственной націи и какъ устроилъ на свой ладъ всѣ учрежденія Франціи.

Первоначально Бонапартъ имѣлъ мысль не возстановлять старой монархіи, а создать новую, взявъ въ основаніе законы и учрежденія 1789, соотвѣтствовавшіе потребностямъ времени. Но и для этого ему нужны были люди стараго времени, приверженные къ стариннымъ формамъ и къ внѣшнему блеску и желавшіе возстановленія того и другаго. Эти люди и даже родные Бонапарта тянули его на путь реакціи, отдаляя отъ народа и революціи и сближая съ государями и монархическими принципами. Притомъ и самъ Бонапартъ, хотя ненавидѣлъ все дурное, долженъ былъ поощрять обманъ, потому что былъ принужденъ прикрывать формами сущность и прибѣгать къ помощи старинной дипломатіи и революціонныхъ софизмовъ для своихъ замысловъ. Наконецъ, вслѣдствіе связей и сношеній съ негодными людьми и собственной склонности къ деспотизму, онъ началъ считать людей пѣшками и думать, что цѣль оправдываетъ всякое средство.

Такимъ образомъ, величайшій правитель и полководецъ нашего вѣка явился въ отношеніи французской націи врагомъ прогресса и реакціонеромъ. Вмѣсто того, чтобы создать что-нибудь новое, Бонапартъ соединилъ новое съ старымъ такъ, что послѣднее должно было непремѣнно рано или поздно побѣдить и не только подготовить паденіе самого Бонапарта, но и положить начало тому внутреннему разладу, которымъ страждетъ наше время. Поэтому для нашего времени въ высшей степени поучительно разъяснить духъ Бонапартовскаго управленія Франціей, но разъяснить просто, безъ похвалъ или порицаній, предоставляя фактамъ самимъ говорить за себя. Такое разъясненіе лучше всего докажетъ, какъ несовмѣстны порядки прошлаго вѣка и кастовый духъ его съ свободнымъ движеніемъ, которое составляетъ первую потребность современности.

Возстановивъ старыя монархическія и іерархическія формы подъ новыми названіями, Бонапартъ, хотя не тронулъ благъ, дарованныхъ Франціи новыми разумными силами, но не тронулъ лишь настолько, насколько они не были противны его цѣлямъ. Онъ пользовался даровитѣйшими и опытнѣйшими государственными людьми Франціи, но только тѣми, въ комъ видѣлъ подобное своему собственному отвращеніе ко всему идеальному и готовность служить всему, что можетъ доставить почетъ и барышъ. Главной опорой его власти были блескъ его личности и суетность французской націи. Онъ только упустилъ изъ виду, что каковы бы ни были личныя качества правителя, на нихъ однихъ нельзя основывать государственныхъ учрежденій. Что касается втораго обстоятельства, то только обожатели Бонапарта могутъ увѣрять, будто французовъ могло удовлетворить лишь возвращеніе къ старымъ обычаямъ и предразсудкамъ.

Января 17 1800 была возстановлена въ новой формѣ прежняя цензура. Закономъ этого дня число политическихъ журналовъ было ограничено тринадцатью, и имъ грозили притѣсненіями, если они будутъ непріязненно относиться къ правительству. Зато самъ Бонапартъ безцеремонно ругалъ въ своихъ офиціальныхъ газетахъ всякое неправившееся ему правительство и членовъ его. Такимъ образомъ пресса, по крайней мѣрѣ газеты, съ самаго начала сдѣлалась его орудіемъ. Мы уже говорили (стр. 460), какое сильное оружіе дало правительству учрежденіе префектуръ въ февралѣ 1800 года.

Бонапартъ старался подавить въ печати всякое свободное выраженіе мыслей. Онъ хотѣлъ прекратить распространявшееся безвѣріе, но не учрежденіемъ свободной національной церкви, соотвѣтствующей духу времени, а возстановленіемъ старыхъ порядковъ. Вихрь революціи, казалось, уничтожилъ французскую церковь съ ея формами, какъ уничтожилъ папство. Національный соборъ изъ

конституціонныхъ и республиканскихъ епископовъ собрался въ Парижѣ 29 іюня 1801 и громогласно заявилъ, что французская церковь не нуждается въ папѣ. Но Бонапартъ въ своемъ стремленіи примирить новое съ старымъ ошибся и въ церковныхъ дѣлахъ, жертвуя новымъ старому. Онъ съ самаго начала вошелъ въ тѣсныя сношенія съ папой Піемъ VII, избраннымъ 14 марта 1800 въ Венеціи подъ вліяніемъ французской партіи. Бонапартъ обѣщалъ ему покровительство и послѣ битвы при Маренго (стр. 463), при въѣздѣ въ Миланъ, согласился, чтобы тамошній архіепископъ встрѣтилъ его съ церковнымъ торжествомъ.

Вслѣдъ затѣмъ, возвратясь 3 іюля въ Парижъ, онъ началъ вводить старыя придворныя церемоніи и сословныя отношенія, уничтоженныя французской революціей. Въ Тюйльри начались торжественные пріемы, при которыхъ всѣ высшіе сановники и государственные люди являлись по чинамъ; снова послышались старыя риторически льстивыя фразы. Опять явились лесть и низкопоклонство, достигшія высшаго совершенства въ старой Франціи; этому не могъ противодѣйствовать даже самъ Бонапартъ. До какой степени дошла лесть во времена консульства и какъ должно было усилиться вслѣдствіе этого въ Бонапартѣ презрѣніе къ людямъ, можно судить по слѣдующимъ двумъ примѣрамъ, относящимся къ 1802. Порталисъ, одинъ изъ первыхъ государственныхъ людей, окружавшихъ Бонапарта, не постыдился сказать ему въ лицо, что на его особѣ покоится судьба всего человѣчества и что передъ нимъ умолкнетъ весь міръ. Тогдашній президентъ сената произнесъ торжественную рѣчь, украшая ее фразами, что въ одномъ имени Бонапарта заключается цѣлая держава, что все зависитъ отъ личности перваго консула, который живетъ лишь для счастія французовъ, красы всѣхъ народовъ и т. п. Какъ мастеръ въ лести, особенно отличался Фонтанъ, который, какъ извѣстно, былъ покровителемъ и образцомъ Шатобріана. Этотъ роялистскій эмигрантъ былъ прощенъ по ходатайству Люсіана Бонапарта и получилъ мѣсто въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Съ тѣхъ поръ онъ посвятилъ свое перо новому правительству, какъ прежде по англійскому найму писалъ за Бурбоновъ. Новое правительство открывало надежду на богатства, блескъ и наслажденія. Поэтому немудрено, что вскорѣ, по примѣру Фонтана, ренегатами сдѣлались всѣ лица въ родѣ обожателей г-жи Сталь, какъ Нарбоннъ и другіе, никогда несмотрѣвшіе на дѣло свободы серьезно. Къ нимъ присоединились съ одной стороны конституціонные демократическіе софисты, юристы и моты, какъ Лебрёнъ, Канбасересъ, Маре и Талейранъ, съ другой — демократическіе генералы, Бернадотъ, Ожеро, Брюнъ, Журданъ и другіе. Но зато въ числѣ дѣятелей революціи нашлись люди, которые хотя поступили на службу къ новому правителю, но не льстили ему. Нельзя не видѣть доказательства высокаго ума Бонапарта въ уваженіи, которое онъ оказывалъ такимъ людямъ. Между ними особенно выдавались Карно, Ланжюпне и Лафайетъ. Они примкнули къ системѣ Бонапарта изъ патріотизма, считая диктатуру необходимой; но при этомъ они остались вѣрны своимъ убѣжденіямъ и безстрашно сопротивлялись всякой попыткѣ возстановить старую монархію съ ея недостатками.

Рѣшительному автократическому направленію, мало-по-малу принятому Бонапартомъ, способствовала постоянная оппозиція неисправимыхъ роялистовъ, жаркихъ демократовъ и доктринерствующихъ либеральныхъ болтуновъ парижскихъ салоновъ. Либеральные болтуны изъ салона Сталь и другихъ изящныхъ обществъ, гдѣ представителемъ либеральныхъ идей былъ Бенжаменъ Констанъ, были вдвойнѣ противны первому консулу, потому что, какъ человѣкъ практическій, онъ ненавидѣлъ все схоластическое и теоретическое или, какъ онъ выражался, идеологію. Эти пустые люди могли вредить ему только тѣмъ, что своими рѣчами обнаруживали фактъ, что правленіе, которое онъ хотѣлъ учредить, въ дѣйствительности совсѣмъ нетаково, какимъ онъ выставляетъ его въ своихъ официальныхъ заявленіяхъ. Но со стороны Бонапарта было большимъ промахомъ, что онъ обратилъ противъ этого сорта людей произволъ своего полицейскаго управленія. Въ концѣ 1803 г-жа Сталь была изгнана; до сихъ поръ онъ терпѣлъ ее въ Парижѣ ради ея связей съ парижскимъ обществомъ. Изгнаніе придало ей въ глазахъ свѣта больше значенія, чѣмъ она заслуживала, и она не преминула увеличить его книгой о своемъ изгнаніи, въ которой удаленіе модной дамы представляла народнымъ несчастіемъ. Демократы и роялисты въ своемъ ослѣпленіи не

понимали и не цѣнили хорошихъ дѣйствій Бонапарта. Одни желали имѣть въ немъ Брута, который возстановилъ бы ихъ утопическую свободу. Другіе думали, что Бонапартъ долженъ поступить какъ нѣкогда Монкъ въ Англіи (т. V, стр. 378 и 384), т. е. уступить свое мѣсто жившему за границей претенденту, называвшему себя Лудовикомъ XVIII. Неудивительно, что Бонапартъ выбиралъ государственныхъ людей между роялистами, потому что все вокругъ него клонилось къ обычаямъ, предразсудкамъ и блестящей жизни стараго времени. Но тѣмъ не менѣе онъ принялъ къ себѣ въ службу ярыхъ демократовъ, какъ Фуше, Канбасереса и Барера, видя, что они готовы дѣйствовать въ его духѣ. Но болѣе всего онъ любилъ людей, подобныхъ своему адъютанту и довѣренному, Дюроку, которые умѣли соединять старое съ новымъ, дѣла съ придворной службой. Какъ демократы, такъ и роялисты устраивали противъ Бонапарта множество заговоровъ. Они вызвали этимъ новыя ограниченія свободы и ускорили введеніе такъ называемой высшей полиціи, которая была въ сущности ничто иное, какъ террористическая система якобинцевъ или средневѣковая инквизиція. Первый изъ этихъ заговоровъ былъ составленъ фанатическими демократами. Предводителями его были два итальянца, Арена и Чераки, и прежніе террористы, Демервиль и Топино-Лебренъ. Очень вѣроятно, что министръ полиціи Фуше самъ устроилъ этотъ заговоръ, чтобы подъ этимъ предлогомъ арестовать нѣсколько якобинцевъ. Во всякомъ случаѣ, Фуше былъ извѣщенъ продажнымъ Баретомъ, служившимъ ему шпіономъ, о планахъ заговорщиковъ. Въ октябрѣ 1800 онъ внезапно арестовалъ заговорщиковъ и въ январѣ 1801 отдалъ ихъ подъ уголовный судъ. Судъ присудилъ четырехъ вышеупомянутыхъ лицъ къ смерти, и 31 января они были казнены. Почти въ то же время нѣсколько другихъ террористовъ устроили, подъ руководствомъ Шевалье, такъ называемую адскую машину, чтобы убить перваго консула, пороховымъ взрывомъ. Фуше, извѣщенный своими старыми друзьями объ этомъ заговорѣ, нѣкоторое время не трогалъ заговорщиковъ; но потомъ они были арестованы вмѣстѣ съ другими якобинцами.

Неудавшаяся попытка террористовъ съ адской машиной навела вскорѣ роялистовъ на мысль прибѣгнуть къ этому средству, чтобы убить Бонапарта. Одинъ эмигрировавшій епископъ первый составилъ планъ этого убійства; другой роялистъ, Гидъ-де-Нёвиль, бывшій потомъ министромъ Лудовика XVIII и игравшій при немъ важную роль, руководилъ дѣломъ; англичане дали нужныя на это деньги; исполненіемъ занялись бретанскій дворянинъ Лимоеланъ и бывшій флотскій офицеръ, Сенъ-Режанъ съ матросомъ Карбономъ. Они набили боченокъ порохомъ и пулями; онъ поджигался посредствомъ зажигательной нити и долженъ былъ разрушить все вокругъ себя. Боченокъ этотъ былъ положенъ на телѣжку 24 декабря 1800 и поставленъ въ узкой улицѣ, по которой Бонапартъ долженъ былъ проѣзжать въ этотъ вечеръ въ оперу. Въ ту минуту, какъ Бонапартъ ѣхалъ мимо, боченокъ былъ подожженъ и разлетѣлся съ такой страшной силой, что 8 человѣкъ было убито и 28 тяжело ранено. Бонапарта спасло случайное обстоятельство, что его кучеръ, повернувъ въ эту улицу, скорѣе погналъ лошадей. Сначала виновники этого покушенія были неизвѣстны, и Фуше, хотя подозрѣвалъ роялистовъ, но долженъ былъ по приказанію Бонапарта арестовать 138 террористовъ и между ними ужаснаго Россиньоля (стр. 391). Они были невиноваты, но тѣмъ не менѣе 5 января 1801 были приговорены къ ссылкѣ безъ всякаго суда и даже безъ предварительнаго допроса, которымъ часто ограничивались въ Англіи (стр. 413), а просто по рѣшенію сената и государственнаго совѣта. Семьдесятъ одинъ человѣкъ были обречены на медленную смерть подъ экваторомъ, а другіе остались по французскимъ тюрьмамъ. Настоящіе виновники были открыты только въ концѣ января 1801. Но изъ нихъ Гидъ-де-Нёвиль, Лимоеланъ и др. спаслись бѣгствомъ. Другіе были арестованы, но только двое, Сенъ-Режанъ и Карбонъ, подверглись смертной казни по приговору и закону.

Жестокія мѣры противъ террористовъ показываютъ, что консульское правленіе приняло уже совершенно полицейскій характеръ. Это дошло до того, что Бонапартъ, справедливо недовѣрявшій такому человѣку, какъ Фуше, уже съ сентября 1800 устроилъ еще нѣсколько полицій, кромѣ полиціи Фуше. Вторая полиція находилась подъ вѣдомствомъ зятя Бонапарта, Мюрата, тогдашняго па-

рижскаго комменданта, или, вѣрнѣе, адъютанта Мюрата, Савари; третьей управлялъ адъютантъ Бонапарта, Дюрокъ. Кромѣ того шпіонствомъ занимался генералъ Монсей и учредилъ четвертую полицію. 7 февраля 1801 полиція формально замѣнила мѣсто юстиціи. Закономъ этого дня первому консулу было дано право на нѣсколько лѣтъ учреждать всюду, гдѣ ему покажется необходимымъ, спеціальныя судебныя коммисіи и самому назначать членовъ ихъ.

Вскорѣ послѣ того начались переговоры съ папою, т. е. попытки Бонапарта сдѣлать опорою своего самодержавія папскую духовную власть. Этимъ стремленіемъ Бонапартъ самъ приготовилъ себѣ непріятности и дѣйствовалъ, самъ того не подозрѣвая, въ пользу Бурбоновъ. Предполагая основать вполнѣ неограниченную монархію, онъ, конечно, нуждался въ папѣ, который посвятилъ бы его въ монархи и далъ бы ему монархическо-бонапартистскихъ епископовъ вмѣсто республиканско-конституціонныхъ и бурбоно-роялистскихъ. Съ этимъ намѣреніемъ онъ заключилъ въ 1801 съ папою Піемъ VII конкордатъ. Переговоры о конкордатѣ велись въ Парижѣ. Бонапартъ поручилъ ихъ своему брату Іосифу, государственному совѣтнику Крете и бывшему предводителю вандейцевъ, священнику Бернье (стр. 464). Папа же уполномочилъ кардинала Консальви, римскаго государственнаго секретаря Спину и патера Казелли.

Когда дѣло затянулось, Бонапартъ сталъ грозить проектомъ галликанскаго конкордата, сочиненнымъ Талейраномъ, и пугаломъ янсенистской церкви, которую представлялъ засѣдавшій въ Парижѣ національный соборъ. Такимъ образомъ конкордатъ былъ заключенъ. Онъ былъ подписанъ 15 іюля 1801 въ Парижѣ, а 15 августа въ Римѣ. На другой же день, августа 16, національному собору было приказано разойтись. Только въ апрѣлѣ слѣдующаго года Бонапартъ представилъ конкордатъ обѣимъ законодательнымъ палатамъ. Предварительно оттуда была удалена пятая часть депутатовъ; Бенжаменъ Константъ и другіе люди оппозиціи были исключены сенатомъ. Конкордатъ былъ принятъ обѣими палатами и 8 апрѣля 1802 обнародованъ какъ государственный законъ. Законодательное собраніе, очищенное въ духѣ Бонапарта утвердило представленное ему новое устройство школъ. Народныя и реальныя школы, находившіяся подъ вѣдѣніемъ префектовъ, должны были содержаться на счетъ общинъ, а училища для высшихъ сословій — на счетъ государства. Послѣднія стали орудіемъ іезуитовъ, и въ нихъ образовывались годные для политики люди. Народъ же остался большею частью безъ школъ а между тѣмъ Бонапартъ создавалъ высшее духовенство и давалъ епископамъ добавочное содержаніе изъ мѣстныхъ кассъ, т. е. давалъ имъ средства блистать на народныя деньги.

Конкордатъ учредилъ церковную автократію на ряду съ военной и превратилъ прежнюю бурбонскую церковь въ бонапартистскую. Церковь была лишена своихъ старыхъ галликанскихъ правъ и отрѣшена отъ всего своего прошлаго. Папа учредилъ новые духовные департаменты и префектуры, какъ національное собраніе и Бонапартъ учредили свѣтскіе. Всѣ прежніе епископы какъ роялистскіе, такъ и конституціонные, были отрѣшены, и папа подвергалъ упорствовавшихъ интердикту. По учрежденіи новыхъ епархій, въ нихъ были назначены изъ прежнихъ епископовъ только тѣ, которые годились для новаго порядка. Это доставило первому консулу ту важную выгоду, что церковь была отдѣлена отъ прежней династіи. Конкордатъ обратилъ церковь и религію въ политическія орудія. Первый консулъ получилъ въ церкви всѣ права прежнихъ королей, а духовенство было превращено въ правительственную полицію. По тѣмъ же соображеніямъ Бонапартъ организовалъ посвоему и протестантскую церковь и даже еврейскую синагогу.

Съ 1801 Бонапартъ пошелъ и въ другихъ дѣлахъ быстрыми шагами назадъ, къ учрежденіямъ и обычаямъ стараго времени. Въ то же время онъ оказалъ государству большія услуги въ управленіи, въ дѣлахъ финансовыхъ, въ промышленности, въ земледѣліи, въ наукахъ и искуствахъ, хотя и во всемъ этомъ заслуга большею частью принадлежитъ не ему, а революціи. Справедливость требуетъ замѣтить, что Бонапартъ остался простъ въ жизни, съ рѣдкимъ прилежаніемъ работалъ по разнымъ отраслямъ управленія и съ такой же рѣдкой проницательностью выбиралъ чиновниковъ и руководилъ ими. Особенно въ финансовыхъ дѣлахъ замѣтно было, какъ благодѣтельно для Франціи появленіе энер-

гическаго, умнаго, неутомимо дѣятельнаго и притомъ въ частной жизни простаго правителя. Бонапартъ хорошо понималъ финансовыя дѣла, никогда не упускалъ ихъ изъ виду и вскорѣ привелъ въ порядокъ совершенно разстроенное положеніе ихъ. Онъ назначилъ министромъ финансовъ Годена, а Барбе-Марбуа казначеемъ. Лучше этихъ людей по искусству и прилежанію нельзя было и выбрать. 20 брюмера 1799 въ казначействѣ государства съ тридцатимилліоннымъ населеніемъ было только 167,000 франковъ наличными деньгами и за нѣсколько мѣсяцевъ не было заплачено жалованья ни солдатамъ, ни чиновникамъ. Въ 1801 въ государственной кассѣ было уже почти тридцать милліоновъ, и всѣ платежи дѣлались въ срокъ. Въ 1803 Бонапартъ привелъ дѣла въ такой порядокъ, что расходы были на нѣсколько сотъ милліоновъ франковъ менѣе, чѣмъ впослѣдствіи при реставраціи и при Лудовикѣ Филиппѣ. Впрочемъ въ тотъ же годъ понадобились большія суммы по случаю возстановленія придворнаго штата съ его расточительностью, и съ этого времени Бонапартъ учредилъ новую систему податей, по которой главная тяжесть ложилась на потребности большинства, которыя все дорожали при всякомъ увеличеніи государственныхъ издержекъ. Вообще, какъ ни высоко цѣнятся заслуги Бонапарта во Франціи, но и въ нихъ была дурная сторона. Самъ того не подозрѣвая, онъ вредилъ не только народу, но и самому себѣ.

Вредъ происходилъ отъ возврата его къ старинѣ, а возвращался онъ къ ней, какъ увѣряютъ, потому, что этого требовалъ характеръ французской націи. Черезъ это онъ вступилъ въ противорѣчіе съ принципами, которымъ былъ обязанъ своимъ господствомъ, и подкопалъ самое основаніе своей власти. Если дѣйствительно во Франціи нельзя было основать никакихъ новыхъ формъ и принциповъ жизни, то ему оставалось только сохранить прежнія главныя государственныя начала, пользоваться людьми, которыхъ самъ презиралъ и которымъ не довѣрялъ, и принимать услуги низкихъ софистовъ, чтобы высокопарными рѣчами, преувеличенными или ложными слухами управлять общественнымъ мнѣніемъ.

Бонапарту приходилось все болѣе и болѣе ограничивать слабые остатки народнаго представительства. Мы уже сказали, какъ въ мартѣ 1802 онъ поисключалъ произвольнымъ образомъ ради конкордата многихъ членовъ трибуната и законодательнаго корпуса. Вслѣдъ затѣмъ трибунатъ былъ окончательно подавленъ раздѣленіемъ на секціи, ограниченіемъ своихъ преній и уничтоженіемъ гласности совѣщаній. Тамъ не менѣе въ законодательныхъ совѣтахъ еще оставались друзья прогресса, которыхъ не могли заставить замолчать.

Это обнаружилось при дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ Бонапарта. Еще не наступило время создать новое дворянство; поэтому Бонапартъ хотѣлъ пока увеличить число сторонниковъ монархическаго принципа возвращеніемъ эмигрантовъ и учрежденіемъ новаго рыцарства. Сенату было приказано уничтожить 26 апрѣля 1802 законы противъ эмигрантовъ и дать общую амнистію, изъ которой были исключены весьма немногіе изъ эмигрантовъ. Вслѣдъ затѣмъ Бонапартъ предложилъ своему государственному совѣту учредить орденъ Почетнаго Легіона. Тотчасъ послѣ революціи это было въ высшей степени странно. Впрочемъ орденъ Бонапарта значительно отличался отъ прочихъ лентъ и крестовъ; онъ отличался тѣмъ, что полученіе его соединялось съ пріобрѣтеніемъ ежегоднаго большаго оклада.

При основаніи этого новаго ордена Бонапартъ обнаружилъ свой практическій взглядъ на свѣтъ и на народъ. «Людьми, — сказалъ онъ въ государственномъ совѣтѣ — надо управлять посредствомъ внѣшнихъ отличій. Я не думаю, чтобы французы дѣйствительно любили свободу и равенство. Десять лѣтъ революціи не передѣлали ихъ; они остались все тѣми же, какими были древніе галлы — гордыми и легкомысленными. Въ нихъ только одно чувство — чувство тщеславія; имъ нужны отличія. Этому возбуждающему чувству надо давать пищу.» Въ заключеніе своей рѣчи онъ высказалъ свои настоящія намѣренія. Онъ говорилъ, что народъ — безразсудная масса, которую можно вести, куда угодно; поэтому ее надо направлять, куда слѣдуетъ, а для этого нужны средства. Предложеніе прошло въ законодательномъ корпусѣ только 166 голосовъ противъ 110, а въ трибунатѣ только 56 противъ 38 (19 мая 1802).

По возвращеніи стараго дворянства и учрежденіи новаго рыцарства былъ сдѣланъ еще шагъ къ чистой монархіи. По заключеніи мира съ Англіей Люсіанъ Бонапартъ вышелъ изъ трибуната, гдѣ засѣдалъ съ апрѣля, и подалъ адресъ въ сенатъ съ просьбою о дарованіи первому консулу народной награды. Первому консулу хотѣли дать не только пожизненную, но и наслѣдственную власть или, какъ выражались, дать ему право назначить себѣ преемника. Однако, противъ ожиданія Бонапарта и его сторонниковъ сенатъ не изъявилъ согласія на это. Онъ согласился только продолжить консульство еще на десять лѣтъ. Бонапартъ и окружавшіе его софисты вывернулись и тутъ, объявивъ, что на рѣшеніе сената надо согласіе народа, потому что оно измѣняетъ конституцію. Тогда, измѣнивъ содержаніе сенатскаго рѣшенія, они предложили народу вопросъ, согласенъ ли онъ дать Бонапарту пожизненную консульскую власть и право назначать себѣ преемниковъ. Народное согласіе было, конечно, пустой комедіей, и 2 августа 1802 сенатъ могъ объявить, что Бонапартъ назначается почти единогласнымъ рѣшеніемъ французскаго народа пожизненнымъ консуломъ. При этомъ онъ въ первый разъ былъ названъ во Франціи по имени, т. е. Наполеономъ Бонапартомъ; впрочемъ представители Италіи еще въ январѣ величали его по имени, какъ государя.

Введеніе новой наслѣдственной монархіи требовало измѣненія въ конституціи. Уже 4 августа 1802 Бонапартъ сдѣлалъ объ этомъ предложеніе государственному совѣту и сенату, и на другой же день сенатъ обнародовалъ новый основной государственный законъ. Должности трехъ консуловъ были объявлены пожизненными, но вся власть предоставлялась первому консулу; онъ одинъ могъ рѣшать дѣла о войнѣ и мирѣ, назначать сенаторовъ, имѣть право помилованія, предлагать законы и назначать себѣ преемниковъ. Сенатъ, объявленный высшимъ присутственнымъ мѣстомъ, получилъ право назначать консуловъ и распускать законодательныя собранія, давать окончательное толкованіе по пунктамъ конституціи и опредѣлять все, что въ ней неясно. Такимъ образомъ на бумагѣ онъ имѣлъ очень большую власть, но въ сущности ничего не значилъ, если былъ не одного мнѣнія съ правителемъ. Августа 30 сенатъ долженъ былъ принять декретъ не собираться безъ требованія перваго консула, который боялся, чтобы онъ не вздумалъ дѣйствовать противъ его воли. Законодательныя собранія были безсильны вслѣдствіе новой, хитрой избирательной системы, по которой члены избирались въ нихъ пожизненно и въ полной зависимости отъ правительства. Трибунатъ, раздѣленный на отдѣленія, былъ уменьшенъ со 100 членовъ до 50, а законодательный корпусъ съ 300 до 258.

Съ этого времени Бонапартъ началъ играть во Франціи и въ Европѣ роль Лудовика XIV и быстро возстановлялъ всѣ формы, обычаи, произволъ и злоупотребленія старины. Судопроизводство было устроено на старый ладъ; судьямъ было возвращено прежнее судейское одѣяніе, и 10 октября въ 14 департаментахъ былъ на два года отмѣненъ судъ присяжныхъ. Августа 15 праздновался на монархическій ладъ день рожденія Бонапарта, и впослѣдствіи этотъ день, въ который прежде праздновалось Успеніе Богородицы и память св. Рока, сдѣлался національнымъ праздникомъ, днемъ рожденія и имянинъ перваго консула и памятью его патрона, св. Наполеона. Съ 21 декабря «Монитеръ», офиціальная газета, сталъ выходить съ обозначеніемъ на ряду чиселъ республиканскаго календаря чиселъ христіанскихъ. Въ ноябрѣ 1802 по случаю смерти зятя Бонапарта, Леклерка, былъ возстановленъ обычай придворнаго траура, и офиціальная газета въ прежнемъ придворномъ тонѣ сообщала биллютени о состояніи здоровья его вдовы, Полины. Давъ оклады кавалерамъ новаго ордена, Бонапартъ роздалъ и сенаторамъ или баронамъ новой монархіи государственныя помѣстья въ ленное владѣніе (сенаторіи), чтобы новая монархія могла явиться въ надлежащемъ блескѣ, и приказалъ владѣтелямъ ихъ жить въ своихъ помѣстьяхъ по три мѣсяца въ году. Весь прежній дворъ съ его чопорнымъ этикетомъ, его кружками блестящихъ мишурныхъ куколъ, его великолѣпными нарядами, его историческими именами, его придворными поэтами и ораторами, съ его безнравственностью и скандалами, — все это возродилось, и этотъ дворъ, какъ прежній, сдѣлался настоящимъ центромъ общественной жизни Франціи. Не было недостатка ни въ высшемъ, ни въ придворномъ духовенствѣ, и въ довершеніе возобновленія всего

прежняго явились іезуиты. Іезуиты были возстановлены, какъ орденъ, Піемъ VII въ самый годъ заключенія конкордата съ Франціей. Конечно, они были не по вкусу Бонапарту и его военному двору и не пользовались ни его расположеніемъ, ни расположеніемъ его генераловъ и чиновниковъ; зато имъ покровительствовало старинное дворянство и дамы, и въ 1803 они снова проползли во Францію подъ именемъ отцовъ вѣры.

6. Англо-французскій заговоръ противъ Бонапарта.

Въ то время, какъ Бонапартъ устраивалъ во Франціи свое военное могущество, война съ Англіей возобновилась (1803). При смертельной обоюдной ненависти между Бонапартомъ и англійской аристократіей, обѣ стороны не пренебрегали другъ противъ друга самыми безнравственными средствами, тѣмъ болѣе, что обѣ превозносили господствующій въ новѣйшее время принципъ, что въ политикѣ нѣтъ нравственности (salus reipublicæ summa lex!) Англичане дѣлали черезъ эмигрантовъ всевозможныя усилія для ниспроверженія новаго правителя, а онъ пользовался ихъ интригами для дальнѣйшаго развитія своей системы монархическаго терроризма. Новыя учрежденія Бонапарта, возбудившія неудовольствіе въ войскѣ и въ народѣ, пробудили надежды въ интриганахъ, которые, подстрекаемые англичанами, стали дѣлать попытки, имѣвшія только то слѣдствіе, что большинство французовъ примкнуло къ Бонапарту и уступило ему во всемъ, лишь бы спасти черезъ него хотя часть правъ, пріобрѣтенныхъ революціей.

Надежды англичанъ на эмигрантовъ были возбуждены тѣмъ, что въ 1803 высшая полиція Бонапарта была уже черезчуръ усовершенствована и потому сбилась съ толку въ безконечной іерархіи и классификаціи шпіонства. Вѣроятно, изъ недовѣрія къ Фуше Бонапартъ уничтожилъ 15 сентября 1802 министерство полиціи, самого Фуше сдѣлалъ сенаторомъ и соединилъ полицію съ министерствомъ юстиціи, учредивъ въ немъ особое для полиціи отдѣленіе. Онъ поручилъ это отдѣленіе верховному судьѣ Ренье и далъ ему впослѣдствіи въ помощники государственнаго совѣтника Реаля. Кромѣ этихъ двухъ лицъ, генералы Савари, Монсей, Мюратъ и Дюбуа, каждый имѣли свою особую полицію. Эти различныя полиціи путали другъ друга, вслѣдствіе чего происходили недоразумѣнія и злоупотребленія, облегчавшія эмигрантамъ выполненіе ихъ плановъ. Козни, затѣянныя въ 1803 противъ Бонапарта, происходили съ одной стороны отъ французскихъ принцевъ и другихъ членовъ старой эмиграціи. Съ ними соединились не только такіе люди, какъ Вильо и Пишгрю, имѣвшіе до 10 фруктидора большое вліяніе на новую Францію, но и республиканцы. Такимъ образомъ въ Англіи противъ Бонапарта составился большой заговоръ, нити котораго протянулись до Германіи и Швейцаріи. Цѣлью заговора было возстановленіе Бурбоновъ. Дѣло казалось весьма удобоисполнимо, именно вслѣдствіе возстановленныхъ Бонапартомъ монархическихъ формъ. Въ началѣ 1803 Бонапартъ самъ далъ роялистамъ возможность воспользоваться его собственнымъ авторитетомъ. Бонапартъ предложилъ претенденту Лудовику XVIII отказаться за денежное вознагражденіе отъ правъ своихъ на Францію. Этимъ онъ высказалъ, что самъ признаетъ законность бурбонскаго дѣла, и претендентъ въ своемъ гласномъ отвѣтѣ не преминулъ выставить это признаніе на видъ. Въ слѣдующемъ 1804 году двое изъ заговорщиковъ, Пишгрю и Кадудаль (стр. 464), рѣшились принять кратчайшія мѣры для достиженія своей цѣли. Они хотѣли убить Бонапарта въ его собственномъ дворцѣ и потомъ немедленно провозгласить королемъ Лудовика XVIII. При этомъ они разсчитывали на помощь генерала Моро, который пользовался во Франціи большою популярностью и не боялся открыто смѣяться надъ новымъ дворомъ и штатомъ. Пишгрю, тайно пріѣхавъ въ Парижъ, имѣлъ съ Моро свиданіе, но послѣдній отклонилъ его предложеніе.

Англійскіе министры поддерживали планы заговорщиковъ крупными денежными суммами и приказали своимъ посланникамъ и агентамъ въ Германіи поддерживать заговоръ. Они не говорили объ убійствѣ Бонапарта; но понятно, что

безъ этого заговорщики не могли обойтись. Однако, Бонапартъ перещеголялъ англійскихъ министровъ въ искусствѣ тайныхъ козней. Чтобы разстроить планы своихъ враговъ, онъ позволялъ себѣ все и даже не задумывался дозволять своимъ чиновникамъ вопіющія мошенничества. Онъ не побоялся, напримѣръ, арестовать англійскаго посланника въ Гамбургѣ (Румбольда) на нейтральной нѣмецкой почвѣ и велѣлъ бы даже разстрѣлять его, если бы въ дѣло не вмѣшался прусскій король, съ которымъ онъ не хотѣлъ ссориться. Далѣе, онъ воспользовался услугами бывшаго террориста, ставшаго впослѣдствіи барономъ, Меэ-де-ла-Туша, чтобы мошенничествомъ разстроить планы роялистовъ. Французское правительство имѣло даже наглость опубликовать донесенія этого шпіона.

Уже въ 1802 Меэ-де-ла-Тушъ отправился въ Англію, гдѣ коварно старался соединить республиканцевъ съ роялистами; здѣсь онъ съумѣлъ вывѣдать у роялистовъ и у англійскихъ министровъ всѣ ихъ замыслы и, вдобавокъ, надуть ихъ на большую сумму денегъ. Возвращаясь въ сентябрѣ 1803 во Францію, онъ проѣхалъ снабженный рекомендательными письмами обманутыхъ министровъ и эмигрантовъ черезъ Германію, гдѣ продолжалъ шпіонничать. По пріѣздѣ въ Парижъ онъ былъ на нѣкоторое время арестованъ для того ли, чтобы лучше обмануть противниковъ, или, можетъ быть, потому, что ему не вполнѣ довѣряли. Однако черезъ него французское правительство узнало немного. Ему осталось неизвѣстно главное, а именно, что заговорщики имѣютъ намѣреніе увезти или убить Бонапарта и что *для этой цѣли у нихъ собрано* въ Парижѣ *нѣсколько* сотъ головорѣзовъ, одѣтыхъ въ мундиры консульской гвардіи. Тогда обнаружилось, что вся французская полиція никуда не годится. Съ августа 1803 по январь 1804 въ Нормандіи высадилось три транспорта заговорщиковъ и переправилось оттуда въ Парижъ, а правительство ничего не вѣдало. Только въ половинѣ февраля оно узнало, что Кадудаль и Пишгрю живутъ въ Парижѣ, хотя послѣдній находился тамъ съ половины января, а первый пріѣхалъ еще шесть мѣсяцевъ тому назадъ. Хотя сношенія, завязанныя Меэ, поддерживались другими людьми, между прочимъ страсбургскимъ префектомъ Ше; но это не повело ни къ чему, кромѣ того, что у англійскихъ агентовъ были выманены значительныя суммы.

Вслѣдствіе этого первый консулъ былъ принужденъ самъ заняться полицейскими дѣлами. Онъ усердно занялся просмотромъ доносовъ своихъ шпіоновъ и показаній заключенныхъ, соображая на основаніи ихъ, кого надо арестовать еще, чтобы получить дальнѣйшія открытія. Это наконецъ разъяснило дѣло. Нѣкто Крель, имѣвшій сношенія съ эмигрантами, долженъ былъ подвергнуться въ январѣ казни какъ государственный преступникъ. Онъ спасъ себя признаніемъ, что существуетъ заговоръ и что Кадудаль съ частью заговорщиковъ находится уже въ Парижѣ. Почти въ то же время другой арестованный заговорщикъ, Буве-де-Лозье, далъ показаніе, что и Пишгрю въ Парижѣ и имѣлъ свиданіе съ Моро. Моро былъ немедленно арестованъ. Въ Парижѣ на всѣхъ перекресткахъ были разставлены караулы и разосланы патрули; они осматривали всякаго иностранца и хватали людей по малѣйшему подозрѣнію; въ «Монитерѣ» появилось лживое офиціальное донесеніе, вранье котораго не замедлило сдѣлаться очевиднымъ. Но все это еще не привело къ цѣли. Наконецъ правительство обѣщало въ награду за измѣну суммы, доходившія до 100,000 франковъ. Тогда между довѣренными Пишгрю и Кадудаля нашлись предатели, предложившіе помочь полиціи арестовать этихъ вождей. Февраля 26 былъ арестованъ Пишгрю въ постели; Кадудаль попалъ въ руки полиціи только 8 марта.

Черезъ двѣ недѣли Бонапартъ привелъ всю Европу въ ужасъ политическимъ убійствомъ одного изъ членовъ старой королевской фамиліи, герцога Ангенскаго. Этотъ принцъ, единственный изъ Бурбоновъ, обладавшій энергіей и дѣятельнымъ характеромъ, долго жилъ въ баденскомъ городкѣ Эттенгеймѣ, потому что былъ влюбленъ въ жившую по сосѣдству княгиню де Роганъ. Это возбудило противъ него подозрѣніе Бонапарта, который, подстрекаемый ложными доносами и внушеніями окружавшихъ его софистовъ, Талейрана и Канбасереса, пришелъ къ убѣжденію, что д'Ангенъ стоитъ во главѣ заговора. Тогда онъ рѣшился, не обращая вниманія на международное право и на человѣческія обязанности, овладѣть герцогомъ и уничтожить его. Въ ночь на 15 марта рота

солдатъ была послана за Рейнъ въ Эттенгеймъ, арестовала принца и привела въ страсбургскую цитадель. Черезъ три дня д'Ангенъ былъ привезенъ въ Парижъ, куда въѣхалъ 20 марта въ 11 часовъ вечера. Оттуда, по приказанію Бонапарта, онъ былъ привезенъ въ Венсенъ и вечеромъ 21 марта представленъ передъ военный судъ. Убійство его было уже рѣшено, и оставалось только придать ему законную внѣшность; впрочемъ судъ былъ составленъ незаконно, и кромѣ того принцу не дозволили имѣть защитниковъ и не дали ни покоя, ни времени на размышленіе. Въ 2 часа утра принцъ былъ приговоренъ къ смерти. Презусъ суда, генералъ Юленъ, оправдывался впослѣдствіи, что поступилъ въ этомъ случаѣ по приказанію свыше и ради спасенія государства. Присутствовавшій при судѣ Савари утвердилъ смертный приговоръ и въ 4 часа утра герцогъ Ангенскій былъ разстрѣлянъ (22 марта).

Женская половина семейства Бонапарта чрезвычайно огорчилась этимъ ужаснымъ дѣломъ, и всѣ поклонники его величія содрогнулись; зато революціонеры радовались, видя, что основатель новой монархіи открыто перешелъ этимъ убійствомъ къ системѣ, которая, уничтожая законность и нравственность, замѣняетъ справедливость политикою. Самъ Бонапартъ оправдывался въ день казни въ государственномъ совѣтѣ такъ несвязно, что, очевидно, самъ не вѣрилъ своимъ доводамъ. Всѣ окружавшіе его старались умыть въ этомъ дѣлѣ руки и свалить всю вину на него одного, хотя въ сущности постоянно вели его, куда хотѣли.

Въ процессѣ противъ Кадудаля, Пишгрю и ихъ соучастниковъ правительство имѣло то преимущество, что могло дѣйствовать открыто. Но относительно Моро возникло затрудненіе, потому тто, хотя онъ сознался въ двухъ свиданіяхъ съ Пишгрю, но нельзя было доказать участія его въ заговорѣ, о которомъ онъ имѣлъ только свѣдѣніе. Вдругъ внезапная смерть Пишгрю причинила правительству важную непріятность. Апрѣля 6 генерала нашли удавленнымъ въ тюрьмѣ, и хотя судъ подробно и обстоятельно доказалъ, что онъ самъ лишилъ себя жизни, но этому никто не повѣрилъ. Судьба заговорщиковъ была рѣшена только по учрежденіи имперіи, какъ будто французовъ хотѣли новымъ блескомъ утѣшить въ кровавой расправѣ надъ политическими преступниками и въ произволѣ противъ людей свободнаго образа мыслей. Правда, обвиняемыхъ судили не военной коммисіей и не особымъ судомъ, а особымъ закономъ, по которому процессъ заговорщиковъ долженъ былъ производиться безъ присяжныхъ, одними уголовными судьями Сенскаго департамента. Другимъ закономъ, получившимъ обратную силу, были постановлены наказанія для сообщниковъ Кадудаля. Газетамъ было позволено сообщать только одностороннія извѣстія о ходѣ процесса.

Однако при этомъ случаѣ Бонапарту пришлось убѣдиться, что во Франціи еще живы остатки истинно-республиканскаго направленія и встрѣчаются благородные люди. Іюня 10 судъ приговорилъ двадцать человѣкъ изъ подсудимыхъ къ смерти и пятерыхъ, въ томъ числѣ Моро, къ продолжительному заключенію; двадцать два человѣка были совершенно оправданы. Бонапартъ и его приближенные настойчиво требовали осужденія Моро на смерть и, чтобы добиться этого, заранѣе обѣщали прощеніе. Но общественное мнѣніе рѣшительно и громко говорило за Моро. Пятеро судей готовы были угодить новому императору; но остальные семеро, не смотря на обѣщанное прощеніе, твердо устояли противъ всѣхъ козней, и одинъ изъ нихъ (Клавье) великолѣпно отвѣчалъ: «Вы простите Моро, но насъ-то кто проститъ?» Впрочемъ, въ тискахъ между новымъ государемъ и общественнымъ мнѣніемъ, и эти люди сочли нужнымъ промѣнять справедливость на политику. Они не приговорили Моро къ смертной казни, но зато нашли виновнымъ въ знаніи заговора и осудили на два года тюремнаго заключенія.

Громадныя издержки процесса были возложены заодно на всѣхъ осужденныхъ. Но изъ нихъ состояніе имѣлъ только Моро, такъ что ему пришлось бы поплатиться, если бы первый консулъ не помиловалъ его. Еще при слѣдствіи Моро велъ себя недостойно, а послѣ приговора совершенно забылъ свое достоинство. Онъ принялъ помилованіе Бонапарта, вымоленное съ его согласія его женой. Бонапартъ освободилъ его отъ заключенія и простилъ ему часть издержекъ по процессу; за это Моро обязался уѣхать въ Сѣверную Америку и не возвращаться.

Изъ приговоренныхъ къ смерти Бонапартъ казнилъ только двѣнадцать человѣкъ Но зато онъ безсовѣстно поступилъ съ оправданными, продолжая держать ихъ въ заключеніи. Одинъ изъ нихъ, Соль де Гризоль (стр. 459), пробылъ десять лѣтъ въ тяжеломъ заключеніи и получилъ свободу только въ 1814 вслѣдствіе паденія Бонапарта. Такимъ образомъ Бонапартъ при этомъ процессѣ могъ убѣдиться, какъ ненадежна и недостаточна помощь, доставляемая правительству полиціей, грубымъ насиліемъ и наглою газетною ложью. Поведеніе высшихъ чиновниковъ во всей этой печальной исторіи, особенно при процессѣ Кадудаля и при казни принца Ангенскаго, можетъ до нѣкоторой степени извинить Бонапарта за его безцеремонное обращеніе съ своими креатурами. Изъ лицъ, выказавшихъ при арестованіи и казни герцога Ангенскаго особенную угодливость, генералы Савари и Коленкуръ стали съ этого времени пользоваться особеннымъ расположеніемъ Бонапарта и быстро пошли въ гору.

7. Учрежденіе французской имперіи.

Бонапартъ управлялъ сначала диктаторски въ республикѣ, а въ 1802 и 1803 обратилъ ее въ абсолютную монархію. Не доставало только обыкновенныхъ въ такомъ государствѣ титуловъ и званій. Но и они были наконецъ созданы въ 1804. Нельзя обвинять Бонапарта за присвоеніе этой власти, потому что она была дана ему обстоятельствами. Но никакой діалектикой нельзя доказать, что для счастія Франціи или для самого Бонапарта было необходимо обратить новую монархію въ византійскую, возобновлять церемоніи временъ Пипина, Карла Великаго и Лудовика XIV, возстановлять формы, обычаи, великолѣпіе и роскошь развратныхъ дворовъ и дворянства Европы и для всего этого прибѣгать ему, величайшему человѣку своего времени, къ жалкому плутовству.

Первые шаги къ учрежденію имперіи были сдѣланы Фуше, Фонтаномъ, назначеннымъ въ январѣ 1804 президентомъ законодательнаго корпуса, и его покровителемъ, Люсіаномъ Бонапартомъ. Іосифъ Бонапартъ, какъ старшій братъ бездѣтнаго перваго консула, былъ особенно заинтересованъ въ наслѣдственности его власти и потому всѣми силами помогалъ интригамъ. Въ февралѣ 1804 Бонапартъ въ офиціальномъ отвѣтѣ депутаціи сената самъ намекнулъ на вѣнецъ. Въ томъ же духѣ приготовляли публику газетныя статьи, привѣтственныя рѣчи и другія средства. Марта 27 Фуше склонилъ сенатъ, будто бы по случаю роялистскаго заговора, подать первому консулу адресъ съ просьбой увѣковѣчить благодѣянія своего правленія учрежденіемъ монархіи. Бонапартъ притворился удивленнымъ, впрочемъ передалъ дѣло государственному совѣту. Однако совѣтъ не оказалъ обычной угодливости. Тибодо и другіе истинные патріоты соглашались, чтобы государственный совѣтъ одобрилъ намѣреніе учредить монархію, но хотѣли, чтобы права націи были предварительно гарантированы. Тогда придумали другой путь. Снова явились заказные адресы и просьбы; ихъ печатали въ «Монитерѣ» и грозили войсками, стоявшими въ Парижѣ, говоря, что они не станутъ долѣе сдерживаться и провозгласятъ перваго консула наслѣдственнымъ императоромъ. Апрѣля 23 нѣкто Кюре, человѣкъ самъ по себѣ ничтожный, предложилъ въ трибунатѣ учредить наслѣдственную монархію и предоставить Бонапарту право измѣнить конституцію по своему усмотрѣнію. Два дня спустя Бонапартъ послалъ сенату въ отвѣтъ на адресъ 27 марта предложеніе объясниться яснѣе. Сенатъ поспѣшилъ перебить у трибуната пальму первенства въ угодливости и 3 мая отвѣчалъ соотвѣтственно желаніямъ Бонапарта. Въ тотъ же день и трибунатъ принялъ предложеніе Кюре. Законодательный корпусъ въ то время не засѣдалъ; не смотря на это, президентъ его, Фонтанъ, пригласилъ находившихся въ Парижѣ членовъ, не имѣя на то никакого права, объявить, что они раздѣляютъ желаніе трибуната. Затѣмъ, по обсужденію кабинетомъ Бонапарта всего остальнаго, сенатъ 16 мая 1804 объявилъ Наполеона Бонапарта наслѣдственнымъ императоромъ французовъ. Два дня спустя была объявлена новая конституція.

Во всѣхъ этихъ совѣщаніяхъ и заключеніяхъ дѣло шло вовсе не о благѣ народа, *а просто о личныхъ выгодахъ для членовъ совѣщавшихся коллегій* за дозволеніе Бонапарту затормозить весь дальнѣйшій успѣхъ соціальнаго развитія. При этомъ не было недостатка ни въ красивыхъ риторическихъ фразахъ, ни въ тонкой лести. Къ чести французовъ надо однако замѣтить, что среди этихъ лицъ, думавшихъ только о себѣ, находились нѣкоторые люди съ принципами. Изъ числа этихъ людей слѣдуетъ упомянуть особенно о Карно, который имѣлъ мужество подать въ трибунатѣ голосъ противъ имперіи и въ длинной рѣчи высказывалъ безъ всякихъ обиняковъ свои убѣжденія. Съ народомъ же разыграли постыдную шутку. Такъ, 27 марта Бонапартъ объявилъ, что не приметъ никакого новаго титула, не подвергнувъ его предварительно на одобреніе народа, а въ маѣ принялъ императорское достоинство, низвелъ конституцію въ простой сенатусъ-консультъ и только тогда наконецъ обратился къ народу, да и то съ вопросами о предметахъ побочныхъ, а именно, будетъ ли императорское достоинство наслѣдственно въ его родѣ. Пустая формальность народной подачи голосовъ тянулась до начала зимы. Ноября 6 результатомъ ея было объявлено три съ половиною милліона голосовъ за имперію, а противъ нея ничтожное меньшинство.

Мы пройдемъ молчаніемъ блестящія празднества, которыми занимали Парижъ въ первые шесть мѣсяцевъ имперіи, и путешествіе новаго императора и его супруги въ іюлѣ, августѣ и сентябрѣ сначала на блестящіе военные парады подъ Булонью, потомъ въ покоренныя бельгійскія и нѣмецкія провинціи, чтобы привести въ восторгъ обманутый французскій народъ повсемѣстными принесеніями присяги. 14 іюля 1804 происходила первая раздача орденовъ. Праздникъ этотъ, происходившій въ годовщину федераціоннаго празднества 1790, когда не было ни орденовъ, ни дворянства (стр. 329), ясно выказалъ характеръ новаго правленія, такъ что о немъ стоитъ упомянуть. За четыре дня до него (10 іюля), кромѣ существовавшихъ уже полицій, было возстановлено министерство полиціи подъ начальствомъ Фуше. Три недѣли спустя (3 августа), пріостановленное въ 1802 въ четырнадцати департаментахъ дѣйствіе суда присяжныхъ (стр. 480) было задержано еще два года. Въ день 14 іюля императоръ Наполеонъ велѣлъ собраться въ церкви Инвалидовъ лицамъ, которыхъ хотѣлъ отличить внѣшними знаками, какъ достойнѣйшихъ. Кардиналъ-легатъ Капрара служилъ мессу также торжественно, какъ 14 іюля 1790 ее служилъ присяжный епископъ Талейранъ. Самъ императоръ, сидя на тронѣ между этимъ намѣстникомъ папы и архіепископомъ парижскимъ, раздавалъ ордена. Естествоиспытатель Ласепедъ, въ качествѣ канцлера орденовъ, держалъ напыщенную рѣчь, въ которой увѣрялъ, что свобода и равенство, завоеванныя французскимъ народомъ 14 іюля 1789, теперь утверждены на непоколебимомъ законѣ и обезпечены народнымъ правителемъ.

Пруссія, Италія и Неаполь признали новаго императора уже въ началѣ іюля. Австрія тоже охотно согласилась на это, потому что пріобрѣтала возможность основать австрійскую наслѣдственную монархію вмѣсто нѣмецкой избирательной имперіи, выгоды которой исчезли съ уничтоженіемъ духовныхъ владѣній и съ распространеніемъ въ Германіи французскаго вліянія. Переговоры Наполеона съ Австріею о своемъ новомъ положеніи оправдываются политическими соображеніями. Но онъ сдѣлалъ большую ошибку, позволивъ внушить себѣ мысль ходатайствовать передъ папою объ освященіи своего новаго сана. Пипинъ и Карлъ Великій, примѣру которыхъ онъ слѣдовалъ, находились въ совершенно иныхъ отношеніяхъ и къ церкви, и къ своимъ христіанскимъ народамъ, и къ своимъ сосѣдямъ идолопоклонникамъ и магометанамъ, чѣмъ Наполеонъ къ французамъ и къ ихъ сосѣдямъ. Для первыхъ папа и священники были необходимые союзники, а для императора Наполеона, какъ бы онъ себя ни держалъ, они всегда оставались противниками и врагами. Папа долго не соглашался, но наконецъ, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, прибылъ въ концѣ ноября въ Парижъ и 2 декабря въ каѳедральномъ соборѣ помазалъ императора и императрицу. Поклонники Наполеона представляютъ чѣмъ-то очень геніальнымъ съ его стороны, что онъ не позволилъ папѣ надѣть на него корону и надѣлъ ее на себя и на жену самъ. Нетрудно однако понять, что если помазанію папы придавали такое значеніе, то онъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ могъ бы основать на немъ точно такія же притязанія, какъ и на коронованіи. Мы не будемъ говорить о празднествахъ,

происходившихъ 2 декабря и въ слѣдующіе дни и стоившихъ, говорятъ, восемьдесять пять милліоновъ франковъ. Толпа, какъ обыкновенно, приходила въ изумленіе, удивленіе и восторгъ, а политико-экономисты не преминули доказать, какъ благодѣтельна для промышленности эта расточительность, небывалая даже при Лудовикѣ XIV. Новыя государственныя учрежденія, основанныя заодно съ имперіей, только въ томъ отношеніи соотвѣтствовали духу націи, что существенной стороной изъ нихъ были администрація, блескъ и власть. Государство принадлежало вполнѣ Наполеону. По смерти его оно должно было перейти къ его сыну, природному или пріемному. Въ случаѣ же, если онъ не оставитъ сына, то ему наслѣдуетъ его старшій братъ, Іосифъ, и его наслѣдники, а за нимъ третій братъ, Лудовикъ, и его прямые потомки. Второй и четвертый братья, Люсіанъ и Іеронимъ, были исключены отъ наслѣдства, потому что были женаты на женщинахъ, которыхъ Наполеонъ считалъ по происхожденію недостойными. Члены императорской фамиліи получили титулы принцевъ и принцессъ и значительные удѣлы, такъ что, подобно Капетингамъ послѣдняго времени, могли давать вредный примѣръ роскоши и расточительности. Самому императору было дано то содержаніе, которое въ 1791 было присвоено Лудовику XVI, а именно, 25 милліоновъ франковъ ежегодно и пользованіе всѣми уцѣлѣвшими еще доменами и королевскими дворцами. Далѣе, были возобновлены всѣ титулы византійскаго двора и романской монархіи временъ рыцарства, съ воспоминаніями о паладинахъ Карла Великаго, чтобы наградить двухъ остальныхъ консуловъ и всѣхъ, кто оказалъ Наполеону услуги. Такъ, во-первыхъ, подъ именемъ верховныхъ сановниковъ были учреждены шесть представителей высшаго чиновничества, которыхъ назначалъ императоръ; каждый изъ нихъ, кромѣ милліоновъ, которые многіе изъ нихъ получали въ качествѣ принцевъ крови, получалъ треть милліона жалованья изъ государственной казны. Своего брата Іосифа Наполеонъ сдѣлалъ великимъ избирателемъ, Лудовика—коннетаблемъ; консула Лебрена — архиказначеемъ, консула Канбасереса — имперскимъ архиканцлеромъ. Два остальныя верховныя сановничества—великое адмиральство и государственное архиканцлерство, оставались вакантными до 1 февраля 1805. Наконецъ Наполеонъ назначилъ великимъ адмираломъ своего шурина, Мюрата, а государственнымъ архиканцлеромъ—пасынка Евгенія Богарне. На послѣднее званіе, отчасти дипломатическое, сильно разсчитывалъ Талейранъ. Онъ считалъ себя тѣмъ болѣе въ правѣ на подобное притязаніе, что только-что оказалъ Наполеону новую услугу, приказавъ раскопать и собрать старый хламъ византійской и римско-нѣмецкой придворной мишуры, которою увѣсили свѣжую молодую имперію великаго человѣка. Однако Талейрану пришлось, скрѣпя сердце, удовольствоваться пустымъ придворнымъ званіемъ. Это была одна изъ тѣхъ должностей, которыя давали титулъ великихъ сановниковъ имперіи и третье мѣсто въ чиновной іерархіи. Онѣ распадались на высокіе гражданскіе и военные чины. Къ первымъ, кромѣ Талейрана, принадлежали Дюрокъ—великій палатный маршалъ, Коленкуръ — оберъ-шталмейстеръ, Бертье — оберъ-егермейстеръ, Сегюръ—оберъ-церемоніймейстеръ и другіе. Сводный братъ Наполеоновой матери, кардиналъ Фешъ, въ качествѣ великаго милостынедателя, принадлежалъ тоже къ числу этихъ высокихъ чиновъ. Онъ стоялъ во главѣ придворнаго духовенства, которое было возстановлено съ большою пышностью. Высшіе военные чины распадались на два класса—маршаловъ и восемь генералъ-инспекторовъ и генералъ-полковниковъ. Первое званіе служило наградой генераламъ, которые создали имперію и должны были поддерживать ее, и поощреніемъ честолюбивымъ генераламъ къ геройскимъ подвигамъ. Сначала число маршаловъ было положено 18, но впослѣдствіи Наполеонъ значительно умножилъ ихъ. Первыми восемнадцатью маршалами были: Ожеро, Бернадотъ, Бертье, Бессіеръ, Брюнъ, Даву, Журданъ, Келлерманъ старшій, Ланнъ, Лефевръ, Массена, Монсей, Мортье, Мюратъ, Ней, Периньонъ, Серюрье и Сультъ *). Всѣ эти назначенія были сдѣланы въ маѣ. Вскорѣ образовалась

---

*) Остальные наполеоновскіе маршалы были: Викторъ, Удино, Макдональдъ, Мармонъ, Гувіонъ-Сенъ-Сиръ, Сюше, князь Понятовскій и Груши.

уже цѣлая армія другихъ чиновниковъ безъ дѣла и фигурантовъ безъ достоинства. Іюля 13 такъ называемымъ закономъ о церемоніалѣ было опредѣлено въ точности, какой чиновный порядокъ долженъ соблюдаться между всѣми этими людьми и какой почетъ должно оказывать императору, принцамъ, высшимъ чинамъ и т. д.

О положеніи правъ народа свидѣтельствуютъ нѣкоторыя главныя статьи новаго уложенія. Сенатъ, въ которомъ членовъ было 80 чел., игралъ во всей исторіи имперіи главную роль. Сенаторы были осыпаны имѣніями и великолѣпными дворцами въ департаментахъ. Какъ сотруднику императора, сенату были даны важнѣйшія права чиновъ и парламента. Посредствомъ двухъ комитетовъ сенатъ долженъ былъ охранять личную свободу гражданъ и свободу печати, т. е. заботиться, чтобы каждый арестованный былъ представляемъ законному суду и защищать писателей отъ произвола администраціи. Какъ выполнялъ сенатъ свое полномочіе, можно судить по тому, что во все время имперіи не могло раздаться ни единаго свободнаго слова и всѣ тюрьмы были наполнены людьми, никогда въ глаза невидавшими судей. Трибунатъ, членовъ котораго Наполеонъ оставилъ на три года на усиленномъ содержаніи за оказанныя ему услуги, сдѣлался совершенно лишней коллегіей. Онъ былъ раздѣленъ на три отдѣленія, которыя должны были совѣщаться отдѣльно и втайнѣ и защищать свои заключенія въ законодательномъ корпусѣ черезъ двухъ представителей. Законодательный корпусъ могъ обсуждать предложенія государственныхъ совѣтниковъ и трибуновъ тоже лишь втайнѣ. Единственный призракъ гласности, сохраненный Наполеономъ, заключался въ томъ, что заключенія этихъ тайныхъ совѣщаній объявлялись въ публичномъ засѣданіи. Совершенно демократическія судебныя установленія, плохо сходившіяся съ возстановленными званіями и придворными формальностями, остались однако въ силѣ. Впрочемъ высшіе суды получили названіе дворовъ и къ нимъ былъ прибавленъ еще высшій государственный судъ, состоявшій изъ верховныхъ сановниковъ, великихъ сановниковъ, принцевъ и значительнаго числа сенаторовъ, государственныхъ совѣтниковъ и членовъ кассаціоннаго суда.

8. Преобразованіе Батавской, Гельветической и Итальянской республикъ.

Въ вознагражденіе за свой абсолютизмъ Наполеонъ доставилъ французамъ славу и господство надъ другими народами, что составляетъ высшую цѣль французскихъ національныхъ желаній. Онъ воспользовался люневильскимъ и амьенскимъ мирными договорами, чтобы одновременно съ внутренними преобразованіями подчинить сосѣднія государства власти Франціи и замѣнить своимъ самовластіемъ систему политическаго равновѣсія и колебанія, господствовавшую на континентѣ. Въ этомъ заключается причина, почему французы все еще безмѣрно цѣнятъ Наполеона; онъ сдѣлалъ ихъ такъ называемой *великой* націей и доставилъ имъ на сушѣ тоже положеніе, какое англичане имѣютъ на морѣ.

Французская республика соединила нѣкоторыя государства съ Франціей свободнымъ союзомъ. Наполеонъ хотѣлъ обратить его въ неразрывную связь подчиненія. Голландія перешла въ 1795 изъ-подъ власти англичанъ подъ власть французовъ и подъ названіемъ Батавской республики составила провинцію Франціи. Съ этой поры голландцы подверглись двойному несчастію. Съ одной стороны, англичане лишали ихъ торговли, колоній и военнаго флота; съ другой, они должны были кормить и одѣвать французскія войска, платить имъ жалованье и сверхъ того терпѣливо сносить преобразованія въ своихъ государственныхъ учрежденіяхъ, которыя слѣдовали за каждой политической перемѣной въ Парижѣ (стр. 415, 433—434). Учрежденія, введенныя въ 1798, были въ октябрѣ 1801 снова измѣнены вслѣдствіе учрежденія консульства. Впрочемъ голландцы сами просили у перваго консула преобразованій. Онъ далъ бы имъ конституцію, введенную во Франціи, если бы бывшій адвокатъ *Шиммельпенинкъ*, призванный на совѣтъ, не удержалъ его отъ намѣренія навязать голландцамъ абсолютное единство и монархическое правленіе. Подъ вліяніемъ этого патріота старыя провинціи въ 1801 возстановлены подъ названіемъ департаментовъ, и управленіе въ нихъ было поручено не президентамъ, а членамъ правительственной коммисіи.

Впрочемъ это измѣненіе служило только къ тому, чтобы приготовить голландцевъ къ монархическимъ формамъ, и Батавская республика осталась вассальнымъ государствомъ, занятымъ французскими войсками, которыя высасывали сокъ изъ своихъ такъ называемыхъ союзниковъ.

Швейцарія или, какъ она называлась съ 1798, Гельветическая республика слишкомъ обѣднѣла, чтобы образовать монархію или возбудить жадность сосѣда. Но по своему положенію между Франціею и Ломбардіею и по солдатамъ, которыхъ могла доставлять за деньги, она была важна для перваго консула. Поэтому и она была крѣпко привязана къ Франціи. Этого достигли способомъ выгоднымъ для Франціи и неубыточнымъ, по крайней мѣрѣ въ то время, для Швейцаріи. Всѣ партіи согласны, что уложеніе, данное ей Бонапартомъ, было для нея выгоднѣе, чѣмъ то, которое ей дали союзники въ 1815. Хотя сила привычки, старые предразсудки и французы не давали странѣ прійти въ порядокъ и спокойствіе, однако революція 1798 была для Швейцаріи благодѣтельнѣйшимъ потрясеніемъ, какое она когда-либо испытала, потому что съ этой поры въ ней не было болѣе ни привиллегій, ни господствующихъ фамилій (стр. 434—436). Послѣ несогласій, продолжавшихся до конца 1799, Наполеонъ рѣшилъ подчинить Гельветическую республику французской державѣ. Изъ предводителей Гельветической республики Лагарпъ, какъ мечтательный демократъ, не годился для этой цѣли. По той же причинѣ Бонапартъ отозвалъ изъ Швейцаріи Лафайета, хотя уважалъ его, какъ честнаго человѣка. Онъ сдѣлалъ своими орудіями людей, какъ Дольдеръ и Савари, изъ которыхъ первый былъ кругомъ въ долгахъ и мотъ, а второй безпутный гуляка. Имъ удалось достигнуть ниспроверженія существовавшей конституціи въ 1800 дважды (въ январѣ и августѣ). Тогда была введена новая централизующая конституція, составленная по образцу консульскаго уложенія Франціи. Однако Бонапартъ справедливо разсудилъ, что федеральное разъединеніе швейцарцевъ и форма правленія, приближающаяся къ ихъ прежнему аристократическому правительству, будетъ лучше служить его цѣлямъ, чѣмъ юная, сильная, совершенно свободная національность, способная защищать себя. Въ маѣ 1801 онъ послалъ швейцарцамъ проектъ новаго уложенія, причемъ уже намекнулъ на намѣреніе отдѣлить Валлисъ отъ Швейцаріи и присоединить къ Франціи. Этотъ проектъ возобновилъ прежнія несогласія. Бонапартъ самъ старался поддержать раздоры, потому что былъ обязанъ люневильскимъ миромъ предоставить швейцарцамъ самимъ привести въ порядокъ свои дѣла и, чтобы не оскорбить Австрію, долженъ былъ стараться, чтобы враждующія партіи сами попросили французскаго вмѣшательства. Одна изъ этихъ партій, во главѣ которой находился Алоисъ Редингъ, состояла изъ федералистовъ или приверженцевъ старой кантональной системы; другая, такъ называемые централисты, дѣйствовала подъ руководствомъ Дольдера, Савари, Глайра, Ренгера и др. въ пользу единства Швейцаріи. Обѣ партіи получили втайнѣ помощь отъ французскаго правительства.

Если бы мы могли входить въ подробности жалкихъ интригъ кантоновъ и партій, то легко доказали бы, что и въ Швейцаріи корысть, тщеславіе и зависть были сильнѣе патріотизма. Федералисты были побѣждены, и 17 апрѣля 1802 правительство издало новое централизующее уложеніе, оказавшееся непрочнымъ и потребовавшее посторонней поддержки. Когда кантоны возстали противъ правительства и сторонники стараго и новаго уложенія подняли другъ противъ друга оружіе, Франція въ августѣ 1802 внезапно вывела свои войска изъ всей страны. Это до такой степени усилило общее замѣшательство, что Наполеонъ могъ наконецъ явиться повелителемъ. Въ октябрѣ онъ приказалъ швейцарцамъ черезъ генерала Раппа избрать депутатовъ и прислать въ Парижъ, чтобы тамъ, на глазахъ Бонапарта, обсудить новое уложеніе или, правильнѣе, какъ потомъ и обнаружилось, получить отъ него предписаніе на счетъ главныхъ основаній новой конституціи. Это повелѣніе было поддержано 30—40 тысячами французскаго войска подъ начальствомъ Нея. Войско это вступило 21 октября въ Швейцарію и вскорѣ наводнило всю страну.

Въ концѣ 1802 швейцарскіе депутаты прибыли въ Парижъ. Бонапартъ самымъ блестящимъ образомъ выказалъ относительно ихъ свои удивительныя качества, которыя сдѣлали бы его величайшимъ государемъ, если бы не его злополучная военная манія. Эти качества были: необычайная любезность въ обращеніи,

которой онъ умѣлъ очаровывать каждаго, и легкость, съ которою онъ безъ всякаго систематическаго изученія разомъ постигалъ сущность національностей и учрежденій и умѣлъ выдавать за собственныя мысли то, что узнавалъ отъ знатоковъ. Этими качествами онъ привелъ въ изумленіе швейцарскихъ депутатовъ. Онъ сдѣлалъ видъ, что не желаетъ приказывать имъ, а только предлагаетъ, чтобы швейцарцы сами составили пригодную для себя конституцію. Комедія кончилась тѣмъ, что 11 февраля 1803 Бонапартъ велѣлъ передать швейцарскому конгресу новое уложеніе, названное медіаціоннымъ (посредническимъ) актомъ. Однако этотъ актъ начинался, какъ самодержавные указы, словами: «Принимая въ соображеніе, что и т. д.—мы постановили, какъ ниже слѣдуетъ.» Цѣлью медіаціоннаго акта было возстановить въ Швейцаріи старое въ новой формѣ и въ то же время сдѣлать страну вполнѣ зависимой отъ Бонапарта, который назвалъ себя посредникомъ или опекуномъ (médiateur) Швейцаріи. Валлисъ былъ отдѣленъ и составилъ отдѣльную республику, а въ 1810 былъ присоединенъ къ Франціи.

Іюля 4-го 1803 между Франціею и Швейцаріею были заключены договоръ и военная капитуляція, подписанная 17 октября. Ею было постановлено то, что больше всего лежало у перваго консула на сердцѣ. Бонапартъ обязался вывести изъ Швейцаріи свои войска, а швейцарцы должны были за это поставить во французскую армію шестнадцать тысячъ солдатъ немедленно и еще восемь тысячъ по востребованію. Это снова оживило въ Швейцаріи обычай наниматься въ военную службу. Вскорѣ, кромѣ 24 т. солдатъ, поставленныхъ Франціи, въ иностранной военной службѣ было до 50—60 тысячъ швейцарцевъ. Швейцарцамъ пришлось дорого заплатить за посредничество Бонапарта. Ней отобралъ у нихъ все оружіе и въ ноябрѣ 1802 вынудилъ шестьсотъ двадцать пять тысячъ франковъ контрибуціи. Не смотря на это, по уходѣ французскихъ войскъ, Швейцарія сдѣлалась единственной страной, жители которой не понесли значительныхъ потерь отъ зависимости Франціи.

Въ Верхней Италіи Бонапартъ поступалъ также диктаторски, какъ въ Швейцаріи. Онъ пошелъ тамъ даже дальше, чѣмъ въ Швейцаріи, потому что рѣшилъ присоединить Верхнюю Италію къ французской имперіи. Вторгнувшись въ 1800 побѣдителемъ въ Верхнюю Италію, онъ возстановилъ Цизальпинскую республику, но только временно (стр. 463). Годъ спустя (ноябрь 1801) нотабли республики (числомъ 452) были созваны въ Ліонъ, чтобы подъ названіемъ консульты обсудить новое уложеніе или, вѣрнѣе, чтобы превратить Цизальпинію въ монархію подъ владычествомъ Наполеона и этимъ пріучить французовъ къ новому наслѣдственному государю, котораго имъ вскорѣ предстояло получить. Дѣло представило однако большія затрудненія, потому что итальянцы держались за свою національность и уже поэтому, ради одной формы, не хотѣли сдѣлаться французскими подданными. Бонапартъ преодолѣлъ эти затрудненія двумя хитрыми средствами. Онъ обольстилъ ломбардцевъ надеждой на установленіе итальянскаго національнаго государства и искусно выбралъ природнаго итальянца въ вице-президенты республики, президентомъ которой хотѣлъ быть самъ, а вице-президентъ долженъ былъ служить его намѣстникомъ. Выборъ его палъ на графа Мельци, обладавшаго всѣми качествами, удовлетворявшими какъ интересамъ Бонапарта, такъ и итальянцевъ, потому что онъ былъ ловкій придворный, пользовался большимъ почетомъ у своихъ соотечественниковъ, служилъ каммергеромъ еще при Маріи Терезіи, потомъ былъ представителемъ Цизальпинской республики на раштадтскомъ конгресѣ и наконецъ, владѣя графствомъ Эриль, былъ испанскимъ грандомъ.

Чтобы исполнить планъ Бонапарта, министръ иностранныхъ дѣлъ, Талейранъ, и внутреннихъ—Шапталь, получили порученіе расположить къ себѣ членовъ консульты парижскимъ умѣніемъ угощать и развлекать. Самъ Бонапартъ долженъ былъ отправиться въ январѣ 1802 въ Ліонъ, чтобы довершить дѣло. Своею обворожительною личностью и мнимою всепроницающею политическою мудростью онъ очаровалъ ломбардскихъ аристократовъ, какъ въ слѣдующемъ году—знатныхъ швейцарцевъ въ Парижѣ. Однако хитрые итальянцы были нерасположены избирать главу французскаго народа въ президенты своего государства. Тогда Талейранъ прибѣгнулъ къ одной изъ дипломатическихъ плутней, въ кото-

рыхъ былъ такой мастеръ. Января 26 Бонапартъ дѣлалъ смотръ войскамъ, возвратившимся изъ Египта, и большинство итальянскихъ депутатовъ присутствовало при этомъ зрѣлищѣ. Между тѣмъ Талейранъ созвалъ консульту, и хотя собралось меньше половины депутатовъ, предложилъ на голоса важнѣйшій вопросъ о президентствѣ; такимъ образомъ онъ добился избранія Бонапарта въ президенты Цизальпинской республики на десять лѣтъ. Говорятъ, что Талейранъ достигъ этого, не смотря на малочисленность собранія, только тѣмъ, что заставилъ членовъ подавать голоса, вставая, а не записками.

Бонапартъ тотчасъ назначилъ графа Мельци вице-президентомъ и польстилъ обманутымъ итальянцамъ, переименовавъ Цизальпинскую республику въ Итальянскую и подавъ такимъ образомъ надежду на осуществленіе единства Италіи. Новая конституція, предложенная консультѣ и принятая безъ возраженій, уже черезъ два года была совершенно передѣлана. Вообще Бонапартъ ни во Франціи, ни въ Италіи не задумывался мѣнять учрежденія, какъ скоро они въ чемъ-нибудь мѣшали ему. Онъ остался неограниченнымъ повелителемъ ломбардцевъ, которые были принуждены давать ему солдатъ и оплачивать пребываніе въ своей странѣ французскихъ войскъ. Зато по установленному въ конституціи принципу собственности, промышленность и наука Италіи освободились отъ средневѣковыхъ стѣсненій, и итальянцы избавились отъ всего устарѣвшаго.

Весной 1802 и Лигурійская республика получила новую конституцію. Въ то же время было подготовлено присоединеніе ея къ Франціи предоставленіемъ Бонапарту права назначать въ ней дожа. Участь Пьемонта первый консулъ долго не рѣшалъ въ угоду императору Павлу, но тотчасъ по смерти Павла объявилъ его въ апрѣлѣ 1801 французской военной дивизіей, а въ сентябрѣ 1802 окончательно присоединилъ къ Франціи.

9. Дѣлежъ германскихъ областей Бонапартомъ въ 1802 и 1803.

Обращая Голландію, Швейцарію и Верхнюю Италію въ вассальныя государства Франціи посредствомъ навязанныхъ имъ конституцій, Бонапартъ подчинялъ себѣ въ то же время и дряхлую германскую имперію. Онъ достигъ этого, вторично привязавъ Россію къ французской политикѣ и пользуясь властолюбіемъ нѣмецкихъ государей.

Со времени договора, который Россія заключила съ Англіей въ іюнѣ 1801 (стр. 469), между ею и Франціею отношенія были натянуты, хотя императоръ Александръ обращался очень дружески съ посланникомъ Бонапарта въ Петербургѣ, ловкимъ Дюрокомъ, совершенно подходившимъ къ русскому двору. Русское правительство настаивало на требованіяхъ, предъявленныхъ императоромъ Павломъ относительно итальянскихъ государствъ. Но вскорѣ въ Италіи все устроилось по желанію Россіи. Спорнымъ пунктомъ остался только Пьемонтъ, котораго Бонапартъ не уступалъ. Наконецъ Россія согласилась ограничить свои требованія какимъ-нибудь вознагражденіемъ Сардиніи за Пьемонтъ. По заключеніи мирныхъ прелиминарій между Англіей и Франціей, 8 октября 1801 состоялся договоръ между Россіей и Франціей. Уже черезъ три дня между ними было заключено тайное соглашеніе, которое можно считать чудомъ французской политики и дипломатическаго искусства Талейрана. Этимъ соглашеніемъ Франція и Россія подѣлили между собою владычество надъ континентомъ и заключили относительно Германіи такія условія, что между Австріей и Пруссіей устанавлялось совершенное равновѣсіе. Пруссія ставилась подъ опеку двухъ союзныхъ державъ, а Франція дѣлалась властительницею въ Германіи на мѣсто нѣмецкаго императора, но въ гораздо большемъ размѣрѣ, чѣмъ былъ онъ. Въ первой статьѣ этого соглашенія Франція и Россія условились взять въ свои руки давно задуманный дѣлежъ духовныхъ владѣній Германіи (стр. 433 и 466). Слѣдующія 5 статей касались Италіи и Турціи; было положено, что французскія войска выйдутъ изъ Неаполя, но за то о Сардиніи было сказано такъ хитро, что нельзя было сказать, выгодно ли это условіе, или нѣтъ. Статьи 7 и 8 заключали въ себѣ поощренія курфирсту баварскому и герцогу виртембергскому, которые своими дѣйствіями заслужили

благодарность Франціи; было положено имѣть этихъ государей особенно въ виду при дѣлежѣ духовныхъ владѣній; по требованію Россіи тоже было постановлено въ особомъ соглашеніи и о Баденѣ. Въ 9 статьѣ гарантировалась независимость республики Іоническихъ островов (стр. 470—471). Наконецъ въ особой статьѣ державы условились насчетъ обоюднаго образа дѣйствій для выполненія всѣхъ пунктовъ договора, для возстановленія, какъ онѣ говорили, общаго мира, для соблюденія политическаго равновѣсія и для охраненія свободы морей. Итакъ, этотъ тайный договоръ возвратилъ Александра I къ политикѣ отца. Кромѣ того онъ далъ властителю Франціи полную волю въ Германіи, которую амьенскій миръ уже лишилъ всякой надежды на помощь Англіи.

Едва стало извѣстно, что Россія и Франція тѣсно сошлись, какъ въ Германіи между государями, имперскимъ дворянствомъ и городами началось соперничество въ выпрашиваніи милостей у Бонапарта и его окружающихъ, чтобы побольше получить при предстоящемъ дѣлежѣ. Вмѣсто того, чтобы искать въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Лондонѣ или Петербургѣ, нѣмецкіе имперскіе чины обратились въ Парижъ, льстя и выпрашивая денегъ, и въ столицѣ Франціи поднялся неслыханный торгъ нѣмецкими областями. Нѣкоторые государи и владѣтели отправились въ Парижъ лично. Мы не хотимъ описывать этихъ унизительныхъ сценъ, которыя одинъ нѣмецкій посланникъ въ Парижѣ, нассаускій уполномоченный ф о н ъ Г а г е р н ъ, сравнилъ съ позорнѣйшимъ наказаніемъ въ древней германской имперіи—ношеніемъ собаки (т. II, стр. 468). Но чтобы показать, какими средствами обдѣлывались дѣла у Талейрана и его креатуръ и какое презрѣніе возбуждало въ народѣ это поведеніе правительствъ, мы сообщимъ анекдотъ, который ходилъ тогда по всей Германіи. Говорили, что прусскіе министры хотѣли купить за полмилліона талеровъ большія выгоды въ Парижѣ для Пруссіи, но король будто бы сказалъ: «Что станется съ Европой, если короли начнутъ барышничать землями?» Справедливъ этотъ анекдотъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ Пруссія, управляемая тогда по принципамъ Гаугвица, Ломбарда и Луккезини, сама играла совершенно такую же роль, какъ и прочія нѣмецкія государства. Чтобы увеличиться на счетъ Германіи, она соглашалась на всѣ захваты Бонапарта, склонила изгнанная го наслѣдственнаго штатгальтера Голландіи признать Батавскую республику и 23 мая 180. заключила, не взирая на императора и имперію, договоръ съ Франціей о вознагражденіяхъ, слѣдующихъ ей и принцу Оранскому. Прусскій король, повидавшись въ іюнѣ съ императоромъ Александромъ въ Мемелѣ, безъ церемоніи завладѣлъ городами и областями, назначенными ему и принцу Оранскому. Австрія и Баварія сдѣлали тоже.

Немудрено, что иностранныя державы произвольно распоряжались дѣлами германской имперіи, покинутой и преданной собственными своими государями. Августа 24 1802 французскій и русскій посланники прямо приказали регенсбургскому имперскому сейму покончить дѣло о вознагражденіяхъ непозже двухъ мѣсяцевъ, принявъ безъ малѣйшихъ измѣненій все, что порѣшено объ этомъ Франціей и Россіей. Въ сентябрѣ прусскій посланникъ въ Парижѣ, Луккезини, согласился послужить Бонапарту орудіемъ для изгнанія австрійцевъ угрозами изъ занятыхъ ими епископствъ пассаускаго и зальцбургскаго. Сентября 5 Луккезини, не испросивъ у короля полномочія, заключилъ съ Бонапартомъ договоръ, которымъ Пруссія обязалась подчинить Австрію, въ случаѣ надобности, оружіемъ волѣ Бонапарта. Талейранъ очень хитро воспользовался этимъ, чтобы перессорить три главныя государства Германіи. Онъ увѣрилъ австрійскаго посланника въ Парижѣ, Ф и л и п п а К о б е н ц л я, что Пруссія одна виновата въ этомъ дѣлѣ, и вознаградилъ Австрію на счетъ Баваріи; къ такимъ же плутнямъ и обманамъ прибѣгалъ и самъ Бонапартъ, чтобы обманывать Россію и распоряжаться произвольно въ германскихъ дѣлахъ.

Имперскій сеймъ провелъ много мѣсяцевъ въ совѣщаніяхъ, въ спорахъ и строченіи протоколовъ по вопросу о вознагражденіяхъ. Это продолжалось бы и многіе годы, если бы Франція и Россія не вмѣшались въ дѣло повелительно. Въ октябрѣ 1801 сеймъ поручилъ его комитету или, по канцелярски, имперской депутаціи. Но этотъ комитетъ собрался только въ августѣ 1802, когда дѣла были уже обдѣланы частнымъ образомъ въ Парижѣ. Августа 24 Франція и Россія дали сейму вышеупомянутый приказъ. Эти державы давно порѣшили весь планъ воз-

наградженій, такъ что согласіе сейма требовалось только для формы; тѣмъ не менѣе онъ прокопался еще 4 мѣсяца. Императоръ Францъ II пересталъ противиться только вслѣдствіе грознаго договора 5 сентября и вознагражденій, обѣщанныхъ Франціей и Россіей въ декабрѣ ему и двумъ его родственникамъ. Наконецъ 25 февраля 1803 состоялось рѣшеніе комитета или такъ называемое главное заключеніе имперской депутаціи. Оно было утверждено сеймомъ 24 марта.

Такъ какъ черезъ три года уничтожилась сама германская имперія, то здѣсь стоитъ упомянуть лишь о важнѣйшихъ перемѣнахъ, произведенныхъ сеймовымъ рѣшеніемъ 1803. Два духовныя курфиршества, кёльнское и трирское, были совершенно уничтожены, зато учреждены четыре новыя свѣтскія курфиршества, Зальцбургъ, Виртембергъ, Баденъ и Гессенъ-Кассель. Преемникъ курфирста майнцскаго, Карла Іосифа фонъ Эрталя, бывшій коадъюторъ его, К а р л ъ ф о н ъ Д а л ь б е р г ъ, получилъ титулъ к у р ф и р с т а - а р х и к а н ц л е р а и вмѣсто 171 кв. мили прежняго архіепископства майнцскаго—область въ 24 кв. мили, составленную изъ епископства ашаффенбургскаго и имперскихъ городовъ Вецлара и Регенсбурга. Вѣроятно, Дальбергъ, бывшій однимъ изъ самыхъ горячихъ поклонниковъ Бонапарта, удостоился этого преимущества за свое личное поведеніе и за дипломатическую помощь, которой Бонапартъ ожидалъ отъ него противъ Австріи. Притомъ онъ имѣлъ хорошаго ходатая въ лицѣ своего племянника, впослѣдствіи наполеоновскаго г е р ц о г а Д а л ь б е р г а, который былъ тогда баденскимъ посланникомъ въ Парижѣ, состоялъ въ дружбѣ съ Талейраномъ и помогалъ ему строить козни противъ имперіи. Кромѣ того папа снова утвердилъ майнцскаго курфирста въ санѣ примаса германской церкви и назначилъ резиденціей ему Регенсбургъ. Перемѣны въ курфиршествахъ отвратили курфиршескую коллегію отъ Австріи, потому что изъ десяти ея членовъ четверо (курфирстъ-архиканцлеръ, Баварія, Виртембергъ и Баденъ) были за Францію и одинъ (Гессенъ)—за Пруссію.

Всѣ духовныя владѣнія были подѣлены, кромѣ клочка архіепископства майнцскаго, владѣній тевтонскаго и мальтійскаго орденовъ, гроссмейстеры которыхъ сохранили мѣста въ совѣтѣ государей. Изъ 51 имперскихъ городовъ 45 были розданы въ вознагражденія, такъ что осталось только 6 (Гамбургъ, Любекъ, Бременъ, Франкфуртъ, Нюрнбергъ и Аугсбургъ). Три иностранные государи, герцогъ Моденскій, великій герцогъ Тосканскій и принцъ Оранскій, были вознаграждены нѣмецкими областями за потерю прежнихъ своихъ владѣній—первые двое въ силу люневильскаго мира (стр. 471), а третій по ходатайству Пруссіи. Герцогъ Моденскій, Геркулесъ III, получилъ принадлежавшее Австріи Брисгау, которое потомъ оставилъ зятю, э р ц г е р ц о г у Ф е р д и н а н д у А в с т р і й с к о м у, сыну императора Франца I. Для великаго герцога Тосканскаго, Фердинанда III, брата императора Франца II, учредили новое курфиршество зальцбургское, присоединивъ къ прежнему архіепископству Берхтесгаденъ и часть епископствъ пассаускаго и эйштедтскаго. Принцъ Оранскій, Вильгельмъ V, получилъ за утраченное штатгальтерство Голландіи и тамошніе домены область, составленную изъ аббатствъ Фульды и Корвея и имперскаго города Дортмунда; онъ предоставилъ это владѣніе сыну своему, В и л ь г е л ь м у VI. Австрія въ награду за уступленное Брисгау получила епископства Тридентъ и Бриксенъ. Пруссія была вознаграждена за потерянныя на лѣвомъ берегу Рейна 48 кв. мили впятеро большею областью. Ей были отданы Падерборнъ, Гильдесгеймъ, Эрфуртъ, Кведлинбургъ, Мюльгаузенъ, Нордгаузенъ, Госларъ и еще нѣкоторыя области. Баварія получила за Пфальцъ и Юлихъ область на 35 миль больше, составленную изъ епископствъ бамбергскаго, фрейзингенскаго, аугсбургскаго и вюрцбургскаго, изъ многихъ аббатствъ и имперскихъ городовъ. Новый курфирстъ баденскій, посланникъ котораго въ Парижѣ (Дальбергъ) оказалъ Франціи важныя услуги и даже игралъ подозрительную роль при убійствѣ герцога Ангенскаго, былъ очень щедро награжденъ. Онъ получилъ такъ много, что объемъ его владѣній почти удвоился, а именно часть Пфальца на правомъ берегу, епископство Констанцъ и другія области. Курфирстъ виртембергскій, равно покровительствуемый Франціей и Россіей, былъ вознагражденъ за свои владѣнія многими городами и аббатствами. Курфирстъ гессенъ-кассельскій и ландграфъ гессенъ-дармштадтскій получили нѣкоторые майнцскіе округи и герцогство Вестфалію. Ганноверу по случаю примире-

ренія Франціи съ Англіей былъ отданъ Оснабрюкъ, а герцогу Петру Ольденбургскому, родственнику русскаго императора,—два округа по сосѣдству съ его владѣніями и протестантское епископство любекское.

Германію постигла совершенно судьба Польши. Двѣ иностранныя державы въ согласіи съ нѣмецкими князьями произвольно подѣлили германскія области. Постановленіями сейма 25 февраля и 24 марта 1803 все имущество секуляризованныхъ епископствъ и монастырей было обращено не на благотворительныя цѣли, а предоставлено въ распоряженіе государей, къ которымъ отошли эти владѣнія. Правда, Германія была обязана этому насилію ограниченіемъ многовладѣльности, устраненіемъ священниковъ отъ свѣтской власти, уничтоженіемъ педантства мелкихъ имперскихъ городовъ и многихъ злоупотребленій, тогда какъ иначе все это могло бы просуществовать до скончанія вѣковъ. Зато имперія понесла позоръ неслыханнаго униженія; не было ничего сдѣлано для блага народа и для огражденія его правъ; Австрія лишилась своего вліянія, а Франція получила владычество въ Германіи.

10. Попытка Бонапарта покорить Санъ-Доминго.

Распространеніе французскаго владычества въ Европѣ и произвольныя дѣйствія Бонапарта въ Голландіи, Швейцаріи, Италіи и Германіи дѣлали неизбѣжнымъ возобновленіе войны между Англіей и Франціей, а съ нею и общей европейской войны. Прежде чѣмъ перейти къ ней, надо упомянуть о неудачной попыткѣ Бонапарта въ 1802 возвратить Франціи важнѣйшую колонію ея, Санъ-Доминго.

Населеніе острова Санъ-Доминго состоитъ изъ трехъ враждебныхъ другъ другу элементовъ—французскихъ колонистовъ, которые одни имѣли гражданскія права, свободныхъ мулатовъ и негровъ, и множества негровъ-рабовъ. Мѣры перваго французскаго національнаго собранія возбудили въ августѣ 1791 формальную войну между двумя первыми классами населенія. Вскорѣ въ ней приняли участіе и негры-рабы, и Санъ-Доминго сдѣлался театромъ ужаснѣйшихъ звѣрствъ. Законодательное національное собраніе послало на Санъ-Доминго Сантонакса и еще двухъ депутатовъ съ небольшимъ корпусомъ войска и старалось прекратить свирѣпствовавшую на островѣ истребительную войну дарованіемъ всѣмъ тремъ классамъ населенія разныхъ правъ; но бѣлые воспротивились этому, чѣмъ вызвали новыя неистовыя жестокости, среди которыхъ были почти совершенно истреблены.

Между неграми съ самаго начала отличился бывшій рабъ, Тусенъ Лавертюръ, человѣкъ совершенно безграмотный. Благодаря своей необыкновенной хитрости, онъ съумѣлъ занять при Лаво, начальникѣ французскихъ войскъ, къ которымъ пристало много негровъ, роль генерала, и былъ даже назначенъ имъ вице-губернаторомъ. Въ 1797 Тусенъ удалилъ Лаво, выхлопотавъ избраніе его въ депутаты въ совѣтъ пятисотъ. Съ тѣхъ поръ Тусенъ сдѣлался неограниченнымъ властелиномъ въ южной части Санъ-Доминго, а мулатъ Риго господствовалъ съ мулатскимъ войскомъ на сѣверѣ; въ то же время англичане, призванные бѣлыми, заняли нѣкоторые пункты на западѣ.

Директорія послала противъ англичанъ генерала Эдувиля съ войскомъ; но и Эдувиль, какъ Лаво, не устоялъ противъ козней хитраго негра, который лицемѣрно выказывалъ французамъ величайшую преданность. Тусенъ предложилъ англичанамъ тайныя выгодныя условія, чтобы они удалились съ острова, такъ что они сдали занятые ими пункты не французамъ, а ему. Войско Эдувиля между тѣмъ сплыло до 4 тыс. чел., съ которыми онъ былъ принужденъ возвратиться во Францію. Риго, оставшійся вѣренъ Франціи, былъ тѣснимъ Тусеномъ и наконецъ въ іюлѣ 1800 принужденъ удалиться въ метрополію съ своимъ другомъ Петіономъ, впослѣдствіи президентомъ мулатской республики Гаити. Хитрый Тусенъ продолжалъ играть роль французскаго чиновника, но въ сущности былъ теперь полнымъ властителемъ всего острова. Въ февралѣ 1801 онъ занялъ и

испанскую часть Санъ-Доминго, которая была уступлена Франціи еще по базельскому миру (стр. 414), но сдана только теперь.

Однако Тусенъ видѣлъ, что ему не устоять противъ Бонапарта. Онъ сталъ играть на Санъ-Доминго ту же роль, какую Бонапартъ игралъ во Франціи, подражая каждому шагу прославленнаго французскаго героя. Онъ созвалъ общее собраніе, велѣлъ провозгласить себя пожизненнымъ властелиномъ Санъ-Доминго съ титуломъ намѣстника и съ правомъ назначить себѣ преемника. Онъ устроилъ администрацію, которая, если бы устояла, могла бы возвратить острову утраченное благосостояніе. Онъ позволилъ бѣжавшимъ бѣлымъ возвратиться, отдалъ плантаціи отсутствующихъ въ аренду, укротилъ завистъ мулатовъ, держалъ дикихъ негровъ въ суровой дисциплинѣ и, чтобы принудить ихъ къ труду, ввелъ умно придуманную систему земледѣлія и общинное устройство. Намѣстникомъ своимъ на западѣ онъ назначилъ негра Дессалина, прославившагося потомъ жестокостями, а на сѣверѣ — другаго негра, Кристофа, который отличался между всѣми своими соплеменниками честностью.

Бонапартъ негодовалъ на своего чернаго двойника, видя, что тотъ разгадалъ и предупреждаетъ его, а также потому, что Тусенъ объявилъ своимъ неграмъ, что для сохраненія свободы имъ необходимо не слагать оружія. Какъ скоро заключеніе прелиминарій съ Англіей открыло море, Бонапартъ рѣшился покорить Санъ-Доминго. Онъ назначилъ для этой цѣли 22 тыс. чел. войска и флотъ въ 48 судовъ. Неграмъ, казалось, было невозможно противиться такимъ силамъ. Но Бонапартъ упустилъ изъ вида, что имѣетъ тутъ дѣло не съ нѣмцами и итальянцами, разслабленными цивилизаціей и заботами о домашнемъ благосостояніи, а съ дикими сынами природы. Притомъ его реакціонныя замашки ввели его въ двѣ важныя ошибки. Онъ ввѣрилъ экспедицію родственнику, мужу сестры своей Полины, Леклерку, которому это предпріятіе было не по силамъ, а инструкціи для него поручилъ составить своему казначею, Барбе-Марбуа (стр. 477), который, правда, былъ хорошій финансистъ, но, какъ бывшій маркизъ и санъ-домингскій интендантъ, былъ преданъ старымъ предразсудкамъ.

Переправившись на Санъ-Доминго по частямъ, французскія войска собрались тамъ въ апрѣлѣ 1802. Тусенъ, по мѣрѣ вторженія ихъ въ страну, опустошалъ въ ней все. Но вскорѣ Дессалинъ, Кристофъ и другіе помощники его соблазнились выгодными условіями Леклерка и стали переходить къ французамъ съ своими войсками. Это принудило Тусена вступить въ переговоры. Мая 8 былъ заключенъ договоръ, которымъ Тусенъ отказался отъ власти и обязался жить частнымъ человѣкомъ въ имѣніи своемъ, Эннери. Леклеркъ овладѣлъ всѣмъ островомъ. Но съ одной стороны, его связывали инструкціи, составленныя совершенно въ интересахъ прежнихъ плантаторовъ, а съ другой, онъ не могъ довѣрять вѣроломнымъ африканцамъ, тѣмъ болѣе что климатъ и разразившаяся желтая горячка погубили у него большую часть войска. Тусенъ, живя въ Эннери, поддерживалъ тѣсныя сношенія съ черными генералами и былъ очень подозрителенъ французамъ. Леклеркъ рѣшился предупредить турецкимъ способомъ грозившее возстаніе. Іюня 8 онъ заманилъ къ себѣ опаснаго вождя черезъ одного изъ его генераловъ и отправилъ во Францію, гдѣ Тусена таскали изъ тюрьмы въ тюрьму до самой смерти въ апрѣлѣ 1803.

Въ то самое время, какъ гнусное коварство предало Тусена въ руки французовъ, они совершили обманъ и надъ рабами Гвадалупы. Тамъ генералъ Ришпансъ обѣщалъ возставшимъ неграмъ свободу, но потомъ возстановилъ рабство. Это показало неграмъ Санъ-Доминго, чего ждать отъ французскаго владычества. Въ сентябрѣ 1802 они снова взбунтовались надъ начальствомъ Дессалина, Кристофа и другихъ генераловъ изъ негровъ. Вскорѣ они овладѣли всѣмъ островомъ, оттѣснивъ сильно убывшія французскія войска въ уголъ. Здѣсь Леклеркъ 2 ноября умеръ отъ желтой горячки. Начальство принялъ старшій по службѣ генералъ Рошанбо, прежній дворянинъ и плантаторъ, который поэтому еще болѣе Леклерка заботился о возстановленіи старыхъ отношеній. Кромѣ того онъ думалъ, что силою можно всего достигнуть, и приказывалъ совершать жестокости, приводящія въ содроганіе. Однако онъ не могъ удержаться на Санъ-Доминго, хотя получилъ подкрѣпленія, потому что по возобновленія войны съ Англіей явился англійскій флотъ и блокировалъ островъ. Тѣснимый англичанами съ моря, неграми съ суши, Р

шанбо долженъ былъ въ ноябрѣ 1803 сдаться англичанамъ, чтобы не попасть въ руки негровъ. Англичане увезли отстатки французскихъ войскъ военноплѣнными въ Англію и овладѣли французскимъ флотомъ.

Попытка Бонапарта покорить Санъ-Доминго стоила Франціи многихъ кораблей, 45 т. человѣкъ сухопутнаго войска, 12 т. матросовъ и 3 т. плантаторовъ. Негритянское государство удержалось на Санъ-Доминго, получившемъ прежнее индѣйское названіе Гаити, до нынѣшняго дня. Сначала тамъ владычествовалъ Дессалинъ, сперва съ титуломъ генералъ-губернатора, а потомъ императора. Въ 1806 онъ былъ умерщвленъ, и государство распалось на имперію, гдѣ подъ именемъ Генриха I воцарился Кристофъ, и республику подъ президентствомъ Петіона.

11. Возобновленіе войны между Франціей и Англіей.

Миръ, заключенный между Англіей и Франціей въ 1802, не могъ быть проченъ, потому что обѣ державы продолжали дѣйствовать въ прежнемъ направленіи и потому скоро дали другъ другу поводы къ возобновленію войны. Бонапартъ возбуждалъ ревность англичанъ произвольными дѣйствіями въ 1802 въ Италіи, Швейцаріи и Германіи, и вдобавокъ осенью 1802 послалъ полковника Себастіани на востокъ съ очень тревожными для Англіи порученіями. Бонапартъ съ своей стороны сердился на англичанъ за то, что они противъ обѣщанія не отдавали островъ Мальту и мысъ Доброй Надежды; они удерживали эти колоніи въ залогъ за захваты Бонапарта на континентѣ, а Мальту и потому еще не хотѣли выпускать изъ рукъ, что она обезпечивала имъ въ случаѣ войны господство на Средиземномъ морѣ. Кромѣ того эмигранты строили въ Англіи козни противъ Бонапарта; Бонапарта всячески поносили и во французскихъ газетахъ, издаваемыхъ въ Англіи эмигрантами, и въ англійскихъ. Онъ потребовалъ, чтобы англійское правительство изгнало заговорщиковъ и предало журналистовъ суду. Но англійское министерство, еслибы и хотѣло, не могло бы этого сдѣлать въ силу конституціи; Бонапартъ же находилъ, что англійская аристократія гораздо больше уважаетъ изгнанныхъ французскихъ принцевъ и дворянъ, чѣмъ новое положеніе Франціи, признанное аміенскимъ миромъ. Онъ рѣшился распорядиться самъ. Газеты Франціи и ея вассальныхъ государствъ начали жестоко поносить Англію, и Бонапартъ нерѣдко самъ диктовалъ въ нихъ ругательныя статьи. Такимъ образомъ политическое соперничество двухъ державъ превратилось въ личную вражду между Бонапартомъ и англійской аристократіей.

Уже въ ноябрѣ 1802 дѣло дошло до того, что обѣ стороны были убѣждены въ неизбѣжности войны. Англійскіе министры сочинили тронную рѣчь, которую произнесъ король, въ обыкновенныхъ туманныхъ выраженіяхъ этихъ рѣчей; однако въ ней было сказано, что положеніе Европы внушаетъ опасенія и дѣлаетъ необходимымъ приступить вскорѣ къ вооруженіямъ. Въ то же время оба правительства замѣнили дѣловыя посольства представительными, что всегда зловѣщій признакъ. Англія отправила въ Парижъ лорда Вайтворта, бывшаго посланникомъ при императорѣ Павлѣ, съ многочисленной свитой; Бонапартъ отозвалъ своего лондонскаго посланника Отто, уважаемаго въ Англіи за честный характеръ и очень дѣльнаго человѣка, но негодившагося для пустаго представительства; онъ былъ замѣненъ человѣкомъ болѣе сановнымъ, генераломъ Андреоси, хорошимъ офицеромъ, но вовсе не дипломатомъ. Въ разговорѣ съ лордомъ Вайтвортомъ корсиканская вспыльчивость и военная безцеремонность Бонапарта дали хорошій предлогъ намѣреніямъ англійской аристократіи. Первый консулъ былъ чуждъ невозмутимости и притворства, составляющихъ необходимыя качества дипломата; въ разговорахъ съ Вайтвортомъ онъ увлекался до дерзостей и до самыхъ горячихъ выходокъ. Этимъ онъ оскорбилъ не только англійскихъ аристократовъ, но и всю націю, такъ что цѣли аристократовъ сдѣлались общенаціональнымъ дѣломъ; вообще англійская нація привыкла подчиняться своей аристократіи. Впрочемъ неосторожности и дипломатическія ошибки Бонапарта въ разговорахъ съ лордомъ Вайтвортомъ особенной важности не имѣли, потому что отношенія были

уже таковы, что война и безъ того была неизбѣжна. Оба правительства заботились только о соблюдении приличій, стараясь свалить другъ на друга вину разрыва.

Мая 11 го 1803 Вайтвортъ уѣхалъ изъ Парижа, а черезъ 10 дней война была объявлена съ обѣихъ сторонъ; оба правительства одинаково не заботились о правѣ и потому оба начали войну вопіющими несправедливостями. Бонапартъ началъ враждебныя дѣйствія занятіемъ курфиршества ганноверскаго въ наказаніе англійскому королю; такимъ образомъ онъ каралъ нѣмцевъ за проступки англичанъ. Кромѣ того онъ велѣлъ перехватать всѣхъ англичанъ отъ 18 до 60 лѣтъ, находившихся въ его владѣніяхъ, и обращаться съ ними какъ съ военноплѣнными. Англійскіе министры съ своей стороны поддерживали заговоры французскихъ эмигрантовъ и по своему обыкновенію заблаговременно заготовили каперныя грамоты, такъ что въ самый моментъ объявленія войны ихъ каперы захватили множество французскихъ и голландскихъ купеческихъ судовъ. Бонапартъ предпринялъ огромныя приготовленія къ высадкѣ въ Англію и продолжалъ ихъ съ громадными расходами до осени 1805, хотя, какъ мы ниже увидимъ, вовсе не имѣлъ намѣренія пускаться въ это предпріятіе.

Курфиршество Ганноверское было частной фамильной собственностью англійскаго короля и принадлежало къ германской имперіи; поэтому ему не было никакого дѣла до войны между Англіей и Франціей. Тѣмъ не менѣе французы заняли его, и никто не вступился за эту страну противъ такого вопіющаго насилія, потому что всѣ германскія правительства помышляли только о собственныхъ выгодахъ. По одному этому можно судить, каково было положеніе нѣмецкаго народа. Но еще убѣдительнѣе доказываетъ его жалкое положеніе образъ дѣйствій ганноверскаго правительства и вторженіе французовъ. Въ Ганноверѣ было собственно три правительства. Король-курфирстъ Георгъ III царствовалъ изъ Лондона, но вмѣшивался въ дѣла рѣдко. Въ Лондонѣ же жилъ ганноверскій первый министръ фонъ Ленте, завѣдывавшій правленіемъ отъ имени короля. Въ самомъ Ганноверѣ правило министерство, состоявшее изъ господъ фонъ Арнсвальде, фонъ Кильмансегге и фонъ деръ Декена; но они предоставили правленіе кабинетному совѣтнику Рудлову, старому кляузнику. Войсками командовалъ графъ фонъ Вальмоденъ—Гимборнъ, человѣкъ, правда, храбрый и опытный, но нерѣшительный, потому что, какъ всѣ аристократы, боялся энергическимъ поступкомъ кому-нибудь не понравиться. Притомъ онъ имѣлъ только 15 тысячъ человѣкъ войска, и то плохо вооруженнаго. Когда Мортье съ французскимъ корпусомъ расположился на голландско-ганноверской границѣ, никто изъ этихъ людей и не помыслилъ о приготовленіяхъ къ оборонѣ, хотя Бонапартъ давно уже грозилъ вторженіемъ въ Ганноверъ. Они возложили свое упованіе на рукописи и печати мирныхъ договоровъ и имперскаго права. Только король Георгъ обезпокоился за свой Ганноверъ и обратился за помощью къ Пруссіи; но Фридрихъ Вильгельмъ III, тщательно избѣгая всего, что могло не понравиться французамъ, отказалъ въ помощи. Только въ апрѣлѣ 1803 когда неизбѣжность войны между Англіей и Франціей была уже всѣмъ очевидна, Ленте приказалъ графу Вальмодену приготовить войска; но въ тоже время Рудлофъ предписывалъ главнокомандующему старательно избѣгать всего, что могло бы показаться французамъ враждебнымъ. Въ угоду королю сдѣлали видъ будто что-то приготовляютъ; но въ сущности ничего не дѣлали.

Наконецъ Мортье своими распоряженіями ясно показалъ, что собирается напасть на Ганноверъ. Тогда 16 мая, ганноверскіе министры издали приказъ всѣмъ подданнымъ вооружаться подъ опасеніемъ строгаго наказанія. Но уже черезъ 5 дней эти высокородные господа пораздумали о послѣдствіяхъ, которыя этотъ приказъ можетъ имѣть для ихъ комфорта и имущества, и испугались. Мая 21 они издали манифестъ, объясняя въ немъ, что предписаніе 16 числа имѣетъ цѣлью не собрать ополченіе, а просто только узнать, сколько въ странѣ людей, способныхъ нести оружіе. Могъ ли при такихъ обстоятельствахъ ганноверскій главнокомандующій дѣйствовать энергически, если бы даже умѣлъ? Вальмоденъ и его войска хотѣли сражаться и даже, когда въ концѣ мая Мортье перешелъ границу, сражались мужественно и успѣшно; но ничего нельзя было подѣлать противъ эгоизма и малодушія бюрократіи, чуждой всякихъ патріотическихъ и иде-

альныхъ чувствъ. Рудлофъ приказалъ войскамъ держаться въ сторонѣ и послалъ къ Мортье двухъ коммисаровъ съ порученіемъ во что бы то ни стало предотвратить кровопролитіе.

Коммисары заключили 3 іюня въ Зулингенѣ капитуляцію, по которой вся страна вплоть до Эльбы была отдана французамъ, а ганноверскія войска должны были удалиться за эту рѣку и быть обезоружены выдачей оружія, лошадей и пушекъ непріятелю. Эту капитуляцію надо было однако послать на утвержденіе Бонапарта. Но мудрые члены кабинета умолчали объ этомъ обстоятельствѣ Вальмодену, боясь, что онъ откажется исполнить договоръ и этимъ подвергнетъ опасности ихъ особы и помѣстья. Согласно капитуляціи, Вальмоденъ сдалъ непріятелю крѣпость Гамельнъ, но потомъ ужасно испугался, узнавъ о статьѣ про ратификацію. Дѣйствительно, Бонапартъ не далъ ее и приказалъ Мортье перейти Эльбу и взять ганноверскія войска въ плѣнъ. Вальмоденъ и его военный совѣтъ не хотѣли понести такого позора и рѣшились отчаяннымъ сопротивленіемъ спасти хотя военную честь. Но тутъ ганноверскіе министры послали войскамъ на шею феодальные чины, которые также помышляли только о своихъ сословныхъ привилегіяхъ; они были посланы, чтобы выгнать изъ войска духъ самоотверженія и національной чести. Два депутата отъ дворянства, фонъ Ленте и фонъ Вангенгеймъ, явились къ войску въ то самое время, когда оно готовилось противиться переправѣ французовъ черезъ Эльбу. Они объявили войскамъ, что чины дадутъ имъ содержаніе, если они позволятъ себя обезоружить; если же станутъ противиться и этимъ, какъ выразились эти господа, навлекутъ на страну бѣдствіе, то пусть не ждутъ ничего. Однако войска продолжали готовиться къ бою. Тогда между солдатами посѣяли раздоры и склонили два кавалерійскіе полка къ ослушанію. Это принудило начальниковъ покориться министрамъ, и 5 іюня Вальмоденъ и Мортье заключили въ Артленбургѣ новую капитуляцію, по которой солдаты были отпущены, а оружіе, лошади и пушки сданы французамъ. Французы подвергли Ганноверъ систематическому игу. Всѣ чиновники остались въ своихъ должностяхъ и своимъ содѣйствіемъ облегчали французамъ систематическій грабежъ страны. Каково было иго, можно судить потому, что многіе французскіе офицеры вымогали по 90 талеровъ въ мѣсяцъ себѣ на столъ и что на счетъ Ганновера содержалось 30 тыс. французскаго войска. Ганзейскіе города также должны были выплатить большія контрибуціи, и часть ихъ области была безъ разсужденій отнята.

Занятіе Ганновера французами обличило передъ всѣмъ совѣтомъ политику прусскаго правительства. Прусскій король, какъ всегда, не хотѣлъ ссориться ни съ одной изъ воюющихъ сторонъ. Три интригана, преданные французамъ, Гаугвицъ, Луккезини и Ломбардъ, поддерживали его въ этой политикѣ. Ловкій Лафоре былъ при немъ французскимъ посланникомъ. Ломбардъ былъ посланъ уговорить Бонапарта очистить Ганноверъ; но первый консулъ обманулъ его, подавъ ему надежду на присоединеніе Ганновера къ Пруссіи. За это Пруссія и Россія согласились гарантировать ему безопасность отъ всѣхъ нападеній во время его войны съ Англіей. Впрочемъ Россія вступила въ то же время въ союзъ съ Австріей для изгнанія французовъ изъ Ганновера. Въ октябрѣ 1803 Пруссія хотѣла заключить съ Франціей союзъ, но въ ноябрѣ угрозы Россіи заставили ее отказаться отъ этого намѣренія. Однако въ декабрѣ она все-таки заключила съ Франціей договоръ, по которому Бонапартъ остался властелиномъ сѣверной Германіи, а Пруссію угостили пустымъ обѣщаніемъ, что съ ней посовѣтуются, когда будутъ рѣшать участь Ганновера.

Такимъ образомъ Бонапартъ и Талейранъ держали прусскаго короля въ своихъ сѣтяхъ черезъ вліявшихъ на него лицъ и поссорили его со всѣмъ свѣтомъ. Въ то же время они заставили Испанію воевать за нихъ съ Англіей. Правитель Испаніи, Годой, старался избавить свое отечество отъ обязательства, принятаго въ 1796, помогать Франціи войсками и флотомъ (стр. 431) и даже вступилъ въ переговоры съ Англіей. Но Бонапартъ скоро смирилъ его, пославъ въ Пиренеи армію и написавъ испанскому королю замѣчательное письмо, гдѣ безъ обиняковъ говорилъ, какой позоръ навлекаетъ Годой на его домъ и правительство, и съ угрозами требовалъ его удаленія. Годой истинно воровской продѣлкой съумѣлъ не допустить это письмо до свѣдѣнія короля, не перехватывая его однако прямо;

но чтобы спастись, онъ согласился на всѣ требованія Франціи. Въ октябрѣ 1803 былъ заключенъ новый договоръ, которымъ Годой снова предоставилъ силы Испаніи въ распоряженіе Франціи. Хотя въ немъ нейтралитетъ Испаніи и Португаліи былъ признанъ, но Испанія обязалась платить Франціи ежемѣсячно по 6 милліоновъ и похлопотать, чтобы и Португалія платила Франціи по милліону въ мѣсяцъ. Стало быть, оба государства должны были помогать французамъ противъ Англіи. Но англичане не позволили обмануть себя такимъ мнимымъ нейтралитетомъ. Въ октябрѣ 1804 они, не объявляя войны, взяли 4 испанскіе корабля, нагруженные серебромъ, и этимъ принудили Испанію принять прямое участіе въ войнѣ. Въ декабрѣ 1804 испанскій кабинетъ объявилъ Англіи войну, а въ январѣ 1805 заключилъ въ Аранхуесѣ союзъ съ Франціей, обязавшись помогать ей тридцатью военными кораблями.

Съ императоромъ Александромъ Бонапартъ поссорился не изъ-за одного Ганновера. Александръ увидѣлъ наконецъ, что октябрскій договоръ 1801 послужилъ только къ обращенію Россіи въ орудіе Бонапарта въ Германіи (стр. 490). Кромѣ того, его оскорблялъ произволъ перваго консула въ Италіи, гдѣ Бонапартъ не соблюлъ обѣщаній этого договора. Онъ распоряжался тамъ, какъ у себя дома, и сверхъ того угрожалъ республикѣ Іонических островов, состоявшей подъ покровительствомъ Россіи. Въ началѣ войны съ Англіей онъ занялъ Анкону въ Церковной области, Отранто и Бриндизи въ Неаполитанскомъ королевствѣ, и возвелъ баттареи по всему берегу этрурскаго королевства, обращаясь какъ съ французской провинціей съ этой страной, гдѣ съ мая 1803 царствовалъ малолѣтній сынъ поставленнаго имъ въ короли принца Лудовика Пармскаго, Карлъ Лудовикъ, подъ опекой матери. Наконецъ занятіе Ганновера стало грозить ганзейскимъ городамъ, русской торговлѣ въ нихъ и родственникамъ русскаго императора, герцогамъ Ольденбургскому и Мекленбургскому. Вслѣдствіе всего этого отношенія между Бонапартомъ и Александромъ I стали такъ плохи, что послѣдній уже въ іюлѣ 1803 грозилъ первому войной. Запальчивость перваго консула еще ухудшила дѣло. Онъ осыпалъ русскаго посланника въ Парижѣ, Маркова, такими же дерзостями, какъ англійскаго посланника лорда Вайтворта (стр. 495), за то что Марковъ велъ сношенія съ французскими роялистами и въ салонахъ неосторожно говорилъ о Бонапартѣ. Оскорбленный Марковъ былъ въ ноябрѣ 1803 отозванъ и замѣненъ простымъ повѣреннымъ (Убрилемъ).

Наконецъ весной 1804 умерщвленіе герцога Ангенскаго произвело полный разрывъ. Получивъ извѣстіе объ этомъ, Александръ наложилъ при дворѣ трауръ, принялъ въ трауръ французскаго посланника (Эдувиля) на аудіенціи и послалъ Бонапарту внушительную ноту. Кромѣ того, онъ пригласилъ регенсбургскій сеймъ потребовать удовлетворенія за вопіющее нарушеніе нѣмецкихъ границъ. Король Густавъ IV шведскій также заступился за оскорбленную германскую имперію, но выразилъ это посвоему. Но всѣ прочіе имперскіе чины и самъ императоръ молчали. Талейранъ отвѣчалъ поэтому справедливо на русскую ноту, представленную имперскому сейму, что, пока имперія не жалуется сама, русскому императору нѣтъ дѣла до ея обстоятельствъ. Въ Парижѣ на русскую ноту дали другой отвѣтъ, продиктованный самимъ Наполеономъ, который и тутъ не утерпѣлъ, чтобы не ввести въ политику личную страсть. Этотъ отвѣтъ по рѣзкости не имѣлъ ничего подобнаго себѣ въ дипломатіи. Въ отвѣтъ на это Россія поставила 21 іюля условіемъ мира съ Франціей очищеніе Ганновера, вознагражденіе сардинскаго короля за потерю Пьемонта и устройство итальянскихъ дѣлъ сообща съ Россіей. Императоръ Наполеонъ опять отвѣчалъ на это самъ. Сношенія между Франціей и Россіей прекратились, и объявленіе войны замедлилось только потому, что третья коалиція, составляемая Россіей сообща съ Англіей, была еще неготова.

Побуждаемый Россіей, императоръ Францъ сдѣлалъ наконецъ попытку истребовать удовлетвореніе за нарушеніе предѣловъ имперіи. Но это было сдѣлано только для вида, такъ что французскому кабинету легко было оправдаться; дѣло отложили въ долгій ящикъ и наконецъ замяли. Притомъ по внушенію Талейрана баденскій посланникъ въ Парижѣ, фонъ Дальбергъ, увѣдомилъ имперскій сеймъ отъ имени своего правительства, что Франція дала ему на этотъ счетъ столь удовлетворительныя объясненія и пріобрѣла такія услуги въ Германіи въ дѣлѣ

секуляризаціи, что русской нотѣ нельзя давать хода. Этимъ все дѣло и кончилось.

Между тѣмъ Наполеонъ неутомимо занимался приготовленіями къ высадкѣ въ Англію. На западномъ и сѣверномъ берегахъ Франціи были сооружены обширныя укрѣпленія, построены тысячи плоскодонныхъ судовъ, собраны громадные запасы, флотъ держался наготовѣ, вооружено 200 т. чел. войска, и солдатъ обучали морской службѣ. Но, по нашему мнѣнію, намѣреніе произвести высадку въ Англію было притворно. Истинная цѣль была иная. Своими приготовленіями Наполеонъ хотѣлъ напугать англичанъ и принудить ихъ къ подобнымъ же приготовленіямъ, пагубнымъ для ихъ торговли и промышленности. Кромѣ того, онъ предвидѣлъ образованіе новой коалиціи и хотѣлъ заблаговременно приготовиться къ континентальной войнѣ, прикрывъ эти сборы шумомъ вооруженій противъ Англіи, чтобы потомъ нежданно броситься на ближайшаго врага, который навѣрно будетъ пребывать въ безпечности. Такія же приготовленія шли и на голландскихъ берегахъ, гдѣ было собрано готовое къ бою войско подъ начальствомъ Мармона. Англичане дѣлали съ своей стороны все, чтобы истребить французскіе флоты, магазины и сооруженія, но ничего не могли сдѣлать и только доставили непріятелю торжество, когда самъ прославленный герой ихъ, Нельсонъ, былъ съ большими потерями отбитъ при нападеніи на Булонь.

Впрочемъ англійская олигархія и тогда обнаружила тотъ тактъ, съ которымъ она всегда охраняетъ свои интересы. Она увидѣла, что Аддингтону и его товарищамъ не подъ силу бороться съ французскимъ императоромъ и его безпощадной политикой, что необходимо призвать на помощь Питта и французоѣдство. Въ маѣ 1804 Аддингтонъ съ товарищами вышли въ отставку и Питту было поручено составить новое министерство. Король Георгъ III очень неохотно подчинился необходимости опять взять въ министры Питта, досаждавшаго ему своимъ упрямствомъ и властолюбіемъ. Особенно воспротивился онъ соединенію виговъ съ торіями, которое предлагали въ виду крайней опасности. Онъ только съ тѣмъ согласился на составленіе новаго министерства, чтобы въ него не былъ допущенъ смертельно ненавистный ему Фоксъ, слѣдовавшій духу времени, и чтобы не было помина объ эмансипаціи католиковъ. Чтобы успокоить его, новые министры тотчасъ выхлопотали въ парламентѣ въ седьмой разъ уплату королевскихъ долговъ изъ народныхъ средствъ.

Питтъ дѣятельно занялся составленіемъ новой коалиціи противъ Франціи. Когда она стала несомнѣнной, Наполеонъ, только-что довершившій основаніе имперіи коронаціей, нашелъ полезнымъ повторить то, что было при учрежденіи консульства (т. V, стр. 458). Вообще, увеличивая свою власть или возвышая свое семейство, онъ всегда любилъ ссылаться на необходимость, въ которую его ставятъ сдѣлать это враги Франціи или современныя потребности. Чтобы свалить съ себя вину возобновленія и распространенія войны, онъ въ январѣ 1805 написалъ собственноручное письмо Георгу III, настоятельно уговаривая его къ миру. Отказъ англійскаго министерства былъ на этотъ разъ вѣжливѣе, чѣмъ въ 1800. Онъ былъ переданъ сенату вмѣстѣ съ письмомъ Наполеона, чтобы сенатъ представилъ все это въ надлежащемъ свѣтѣ народу.

12. Образованіе третьей коалиціи и реформы Наполеона въ верхней Италіи и Голландіи.

Пока Наполеонъ энергическими мѣрами противъ грозящей континентальной войны заранѣе обезпечивалъ себѣ побѣду въ ней, аристократія Европы занималась воздушными проектами о томъ, что дѣлать послѣ побѣды. Одинъ Питтъ и теперь выказывалъ такое же превосходство надъ всѣми прочими государственными людьми, какъ Наполеонъ надъ всѣми полководцами. Онъ не увлекся безразсудными планами аристократіи; дѣлая видъ, что одобряетъ ихъ, онъ однако ограничивалъ ихъ на столько, насколько ему казалось стоющимъ тратить деньги на новую коалицію. Убѣдившись, что Питтъ достигнетъ своей цѣли, Наполеонъ принялъ въ «Монитерѣ» въ отношеніи легитимныхъ государей презрительный рево-

люціонный тонъ временъ террора, чтобы возбудить въ своей воинственной націи настроеніе 1793 и 1794 годовъ, въ которомъ она не останавливается ни передъ какими жертвами.

Рѣзче всего поражалъ Наполеонъ своимъ презрѣніемъ шведскаго короля Густава IV, который при всемъ своемъ благородномъ сочувствіи къ праву постоянно выставлялъ себя на посмѣшище, потому что былъ одержимъ разными маніями и никогда не слушалъ разумныхъ совѣтовъ. Онъ разыгрывалъ роль политическаго Донъ-Кихота и былъ всѣмъ смѣшонъ своимъ запальчивымъ способомъ выражать ненависть свою къ Франціи. Наполеонъ осмѣялъ его за это въ «Монитерѣ», а онъ въ сентябрѣ 1804 выгналъ въ отместку изъ Швеціи французскаго повѣреннаго и въ письмѣ къ нему назвалъ французскаго монарха господиномъ Буонапартомъ. Весною слѣдующаго года онъ отослалъ прусскому королю орденъ Чернаго Орла за то, что онъ былъ данъ императору Наполеону. Въ декабрѣ 1804 и въ январѣ 1805 онъ восторжествовалъ надъ Пруссіей. Прусскій кабинетъ дважды съ угрозами объявлялъ ему, что не потерпитъ на своихъ границахъ вооруженій противъ Франціи; тѣмъ не менѣе онъ заключилъ съ Англіей два договора, обязавшись за 80 т. фунтовъ субсидіи предоставить имъ устроить склады и арсеналы въ Стральзундѣ и пустить русскія войска въ Померанію, и прусскій кабинетъ смолчалъ.

Наконецъ въ апрѣлѣ 1805 между Англіей, Россіей и Швеціей составилась третья коалиція. Союзники хотѣли выставить на счетъ Англіи большую армію и изгнать французовъ изъ Германіи, Голландіи, Швейцаріи и Италіи. Былъ составленъ планъ раздѣла, который явился потомъ на сцену въ 1814 и 1815. Австрія должна была получить Ломбардію и Венецію, Голландія—Бельгію, Сардинія—Ниццу, Геную и Савойю. Но планъ этотъ предполагалъ необходимымъ содѣйствіе Австріи. Австрія стороной была причастна дѣлу. Еще въ ноябрѣ 1804 она заключила съ Россіей, такъ называемый, оборонительный договоръ и потомъ не только участвовала въ составленіи военныхъ плановъ, но даже дѣлала военныя приготовленія, побудившія Наполеона дѣлать ей неоднократные запросы. Австрійскій кабинетъ старался вовлечь и Пруссію въ союзъ противъ Франціи. Съ этою цѣлью онъ послалъ въ Берлинъ самаго искуснаго изъ своихъ дипломатовъ, князя Меттерниха. Пруссія, повидимому, начинала пробуждаться. Часть дворянства, особенно благородный патріотъ баронъ фонъ Штейнъ, требовала рѣшительнаго образа дѣйствій. Королева Луиза, доселѣ мало вмѣшивавшаяся въ политику, стала поддерживать патріотическое направленіе. На мѣсто Гаугвица дѣлами началъ завѣдывать Гарденбергъ. Но при нерѣшительномъ характерѣ короля эта перемена не могла быть прочна. Притомъ патріотическая партія, состоявшая большею частью изъ даровитыхъ вертопраховъ, высказывала больше азарта, чѣмъ серьезной дѣятельности. Гаугвицъ, хотя удаленный въ свои силезскія помѣстья, сохранилъ вліяніе и вскорѣ въ союзѣ съ своими пріятелями успѣлъ опять усыпить короля. Пруссія стремилась къ гибели.

Въ то самое время, какъ главные представители старыхъ временъ собирались войной на Наполеона, онъ создавалъ нѣсколько государей изъ членовъ своего семейства. Послѣ коронаціи онъ естественно пришелъ къ мысли ввести абсолютную монархію и въ вассальныхъ государствахъ Франціи; это давало ему кромѣ того возможность надѣлять владѣніями и подданными своихъ родственниковъ. Голландія такъ издавна привыкла къ республиканскимъ формамъ, что только монархическое правленіе туземца могло пріучить ее къ монархіи француза. Наполеонъ избралъ для этой цѣли голландскаго посланника въ Парижѣ, Шиммельпеннинка, пользовавшагося большимъ вѣсомъ не только въ его глазахъ, но и въ Голландіи. Наполеонъ началъ исполнять свое намѣреніе тѣмъ, что въ концѣ 1804 велѣлъ французскимъ газетамъ поднять брань на голландскую контитуцію и правительство. Въ то же время его генералы и агенты въ Голландіи старались раздуть прежній раздоръ партій, чтобы мѣшать правительству и черезъ это создать предлогъ къ введенію монархической формы. Потомъ онъ объявилъ честному Шиммельпеннинку, что Голландія должна отказаться отъ всѣхъ остатковъ прежней провинціальной и федеральной конституціи и превратиться въ монархію, если желаетъ оставаться во французской государственной системѣ. Онъ предложилъ монархическую власть ему самому. Но Шиммельпеннинкъ понялъ, что его назначаютъ только къ тому,

чтобы помочь уничтожить послѣдніе остатки независимости его отечества и подготовить Голландію къ произвольному владычеству французовъ. Онъ не только не принялъ предложенія, но рѣшился даже отстаивать родину противъ императора. За это Наполеонъ сталъ угрожать присоединеніемъ Голландіи къ Франціи. Тогда Шиммельпеннинкъ покорился, однако постаравшись спасти, что можно. Впрочемъ онъ добился только позволенія пользоваться верховной властью подъ скромнымъ и стариннымъ титуломъ пенсіонарія. Онъ получилъ эту власть на 5 лѣтъ съ тѣмъ, чтобы при немъ состоялъ государственный совѣтъ изъ 5—9 человѣкъ; законодательный же совѣтъ былъ уменьшенъ на половину членовъ, которые получили титулъ «высокомочныхъ». Новая конституція, составленная въ Парижѣ, была представлена на учрежденіе народу, отзывъ котораго, конечно, оказался совершенно удовлетворительнымъ, потому что всѣ неподанные голоса были причислены къ утвердительнымъ. Марта 15 1805 новая конституція была провозглашена. Но уже черезъ годъ она была ниспровергнута, и Голландію осчастливили наполеонидомъ.

Легче и скорѣе совершилось превращеніе въ монархію итальянской республики. Вице-президентъ ея, Мельци, и нѣсколько нотаблей были вызваны въ Парижъ на коронацію, тамъ изъ нихъ составили такъ называемую консульту для обсужденія новой конституціи. Собраніе нотаблей, не имѣя никакого полномочія, сообщило 18 марта 1805 императору слѣдующее заключеніе: «Итальянская республика обращается въ монархію, и Наполеонъ провозглашается королемъ итальянскимъ. Онъ приглашается прибыть въ Миланъ для коронованія и устройства новаго королевства. Но по смерти его корона Италіи должна быть отдѣлена отъ французской.» Наполеонъ принялъ предлагаемый вѣнецъ и велѣлъ консультѣ тотчасъ присягнуть ему. Намѣстникомъ своимъ въ Италіи онъ назначилъ на этотъ разъ не итальянца, а пасынка своего, Евгенія Богарне, еще совершенно неопытнаго юношу; впрочемъ онъ и назначался не для управленія, а просто для представительства. Наполеонъ самъ правилъ новымъ царствомъ изъ Парижа. До чего онъ не стѣснялся конституціей, можно судить по собственнымъ его словамъ: насчетъ законодательнаго собранія Италіи онъ однажды выразился, что не стоитъ обращать вниманія на собраніе шалуновъ.

Въ апрѣлѣ Наполеонъ поѣхалъ въ Миланъ, чтобы короноваться ломбардской желѣзной короной, которой нѣкогда вѣнчались германскіе императоры. Папа Пій VII, жившій въ Парижѣ долго послѣ коронаціи, незадолго до этого отправился домой въ Римъ. Въ Туринѣ они съѣхались, и папа разстался съ императоромъ очень недовольный, потому что Наполеонъ, употребивъ его для своихъ цѣлей, отвергъ всѣ попытки Пія склонить его къ ультрамонтанству. На пути Наполеонъ всячески старался запугать остатки республиканцевъ, возбудить энтузіазмъ къ своей особѣ и хвастнуть передъ коалиціей своимъ военнымъ могуществомъ. Съ этою цѣлью 5 мая было устроено великолѣпное торжество на полѣ битвы при Маренго. На этомъ празднествѣ императоръ съ женой сидѣлъ на тронѣ, окруженный военными и всею выставкой сановниковъ и статсъ-дамъ. Въ Миланъ онъ въѣхалъ 8 мая. Мая 26 здѣсь совершилась коронація совершенно также, какъ 2 декабря 1804 въ Парижѣ, съ тѣмъ исключеніемъ, что папа лично не присутствовалъ и былъ представляемъ кардиналомъ Капрарой. При этой церемоніи Наполеонъ имѣлъ удовольствіе получить поздравленія отъ всѣхъ державъ, заискивавшихъ его милостей. Даже король прусскій прислалъ съ поздравленіями Луккезини, поручивъ ему передать императору ордена Чернаго и Краснаго Орла. Даже королева Каролина Марія неаполитанская, послѣ долгихъ колебаній, рѣшилась поздравить властелина Франціи и Италіи. Но Наполеонъ, презирая всѣ обычаи вѣжливости, наговорилъ ея посланнику передъ всѣмъ дворомъ дерзостей на ея счетъ, какъ прежде Вайтворту и Маркову (стр. 495 и 496).

Въ итальянскомъ королевствѣ въ Миланѣ, какъ во французской имперіи. были учреждены придворныя церемоніи. Бывшій вице-президентъ итальянской республики, графъ Мельци, сдѣланъ великимъ канцлеромъ, архіепископъ равеннскій—великимъ милостынедателемъ, графъ Литта—оберъ-камергеромъ и т. д. Итальянцамъ тылъ навязанъ и конкордатъ, который прежде Мельци удалось было предотвратить. По образцу ордена Почетнаго Легіона въ Италіи былъ учрежденъ орденъ Желѣзной Короны. Конституція королевства была передѣлана по примѣру императорско-французской. Въ Италіи были введены французское законодательство,

французская монетная система и французское судоустройство. Наполеонъ не хотѣлъ только вводить въ Италіи суда присяжныхъ, говоря, что слишкомъ хорошо знаетъ характеръ своихъ соотечественниковъ, итальянцевъ, чтобы питать къ ихъ присягамъ довѣріе, необходимое при судѣ присяжныхъ.

Съ сосѣдними королевству итальянскому владѣніями Наполеонъ поступилъ совершенно также, какъ Россія, Австрія и Пруссія съ Польшей и какъ самъ онъ съ нѣмецкими имперскими городами. Генуэзскій дожъ присутствовалъ при коронаціи въ Миланѣ и черезъ нѣсколько дней, 4 іюня 1805, былъ принужденъ просить о присоединеніи Генуи къ Франціи, такъ что на протесты иностранныхъ державъ Наполеонъ могъ отвѣчать, что только исполнилъ желаніе самихъ генуэзцевъ. Архиказначею Лебрену было поручено совершить это присоединеніе. Въ іюнѣ же и луккская республика должна была просить о томъ, чего желалъ Наполеонъ. По его приказанію олигархи, господствовавшіе въ Луккѣ, просили превратить ихъ республику въ княжество и отдать его сестрѣ Наполеона, Элизѣ, и ея мужу, корсиканцу Бачіоки, возведенному въ достоинство французскаго принца. Такимъ образомъ Бачіоки или, вѣрнѣе, жена его, недавно получившая сверхъ того княжество Піомбино, воцарились въ Луккѣ. Въ слѣдующемъ году имъ же были отданы Масса и Каррара. Другая сестра Наполеона, Полина, вдова генерала Леклерка, была выдана замужъ за князя Боргезе и черезъ годъ получила княжество Гвасталлу. Тоскана была еще не конфискована, но несла бремя французскихъ постоевъ, и родственникъ Наполеона, Мюратъ, владычествовалъ тамъ неограниченно, а регентша, мать молодаго этрурскаго короля, не имѣла никакой власти. Но Мюратъ былъ по крайней мѣрѣ хорошій генералъ, тогда какъ сестры Наполеона были просто бабы; впрочемъ Полина почиталась такъ называемой умной женщиной и покровительницей извѣстнаго рода литературы. Въ заключеніе замѣтимъ, что съ 1 января 1806 Наполеонъ опять ввелъ христіанскій календарь на мѣсто республиканскаго, который былъ совершенно выведенъ изъ употребленія.

13. Третья коалиціонная война до Ульмской капитуляціи.

Когда въ іюлѣ 1805 Наполеонъ возвратился изъ Италіи въ Парижъ, третья коалиція была уже готова. Она грозила Европѣ замѣнить произвольнымъ владычествомъ Англіи произволъ Франціи. Вышеупомянутый (стр. 499) планъ раздѣла, уступка Финляндіи русскимъ, вознагражденіе Швеціи на счетъ Германіи и прочія предложенныя условія ясно доказывали, что Англія для своего спасенія намѣревалась продать континентъ Россіи и Австріи, какъ въ 1802 и 1803 Франція для своихъ выгодъ продала германскія области. Англійскіе аристократы дотого не заботились о судьбѣ народовъ, что по проискамъ ихъ въ Австріи злосчастный генералъ Макъ (т. V, стр. 402—414) былъ сдѣланъ главнокомандующимъ, потому что больше всѣхъ оказывалъ имъ усердія.

Козни державъ поставили Наполеона въ совершенно такое же положеніе, въ какомъ находился Фридрихъ Великій въ 1756 (т. V, стр. 142). Подобно Фридриху, онъ положилъ себѣ высшимъ закономъ потребность самосохраненія и, не взирая на Австрію, обезпечилъ себѣ обладаніе Италіей. Австрія давно вела переговоры съ державами, соединившимися противъ Франціи. Наконецъ старанія Англіи и Россіи побудили ее 9 августа приступить къ коалиціи. Тщетно отговаривалъ эрцгерцогъ Карлъ, предсѣдательствовавшій тогда въ гохъ-крихсъ-ратѣ, начинать войну, которая должна была погубить Австрію, неимѣвшую ни денегъ, ни хорошаго войска, ни дѣльныхъ генераловъ. Русское вліяніе и англійскія субсидіи пересилили эрцгерцога. Въ маѣ 1805 онъ вышелъ въ отставку, и Макъ по желанію англичанъ былъ назначенъ главнокомандующимъ съ званіемъ генералъ-квартирмейстера за то, что смиренно подчинялся австрійской аристократіи и согласился стоять подъ номинальнымъ высшимъ начальствомъ молодаго эрцгерцога Фердинанда, двоюроднаго брата императора.

Прусское правительство возъимѣло весной 1805 мысль явиться посредникомъ. Союзники воспользовались этимъ, чтобы обмануть Наполеона на счетъ существованія коалиціи и такъ опутать Пруссію, чтобы она противъ воли должна была соеди-

ниться съ ними. Но ни того, ни другаго не удалось. Прусскій кабинетъ остался при своей системѣ колебаній, и Фридрихъ Вильгельмъ III продолжалъ оставаться подъ вліяніемъ Гаутвица, Ломбарда и другихъ. Испугавшись угрозъ Россіи, онъ не препятствовалъ собирать въ Помераніи русскія, шведскія и англійскія войска, предназначенныя аттаковать французовъ въ Ганноверѣ. Но въ то же время онъ завелъ съ Франціей переговоры о защитѣ Ганновера противъ союзниковъ. Наполеонъ обѣщалъ отдать ему эту страну въ вѣчное владѣніе, если онъ заключитъ союзъ съ Франціей. Хотя это ставило Пруссію въ изолированное положеніе и обращало ее въ вассальныя отношенія къ Франціи, однако Фридрихъ Вильгельмъ III принялъ предложеніе. Въ Берлинъ былъ посланъ Дюрокъ, очень любимый при тамошнемъ дворѣ, и былъ готовъ заключить договоръ, когда король опять испугался и подъ вліяніемъ патріотической партіи отклонилъ союзъ съ Франціей. Ему слѣдовало тогда для защиты своего нейтралитета собрать армію въ своихъ франконскихъ владѣніяхъ, Анспахѣ и Байрейтѣ; вмѣсто того онъ собралъ ее въ Польшѣ, потому что русскіе, отъ которыхъ впрочемъ нельзя было ожидать ничего серьезнаго, обнаруживали намѣреніе вторгнуться въ прусскіе предѣлы. Фридрихъ Вильгельмъ удовольствовался увѣреніемъ Наполеона, что французскія войска не переступятъ его границъ.

Точно также поступалъ курфирстъ гессенскій, Вильгельмъ I, имѣвшій небольшое, но отличное войско. Если бы, вмѣсто переговоровъ, Пруссія и Кургессенъ дѣйствовали, они могли бы удержать въ надлежащихъ предѣлахъ обѣ стороны, не позволить нѣмецкимъ государямъ вступить въ союзъ съ Франціей и такимъ образомъ спасти Германію. Но король прусскій былъ слишкомъ нерѣшителенъ для такой политики, а курфирстъ гессенскій, помышлявшій только о деньгахъ, не видѣлъ въ ней никакого барыша. Прочихъ нѣмецкихъ государей нельзя и упрекать за ихъ образъ дѣйствій. Отъ Австріи имъ нельзя было ждать спасенія, а поднявшись на Францію одни, они только погибли бы безъ всякой пользы для отечества. Одни изъ нихъ, преданные Франціи, согласились отдать свои войска Наполеону, который обѣщалъ имъ за это расширить ихъ владѣнія; такимъ образомъ баварскія, виртембергскія и баденскія войска пошли съ французами противъ австрійцевъ. Баварскій кабинетъ заключилъ 24 августа союзъ съ Наполеономъ и помогалъ ему, извѣщая его о всѣхъ движеніяхъ австрійцевъ, тогда какъ союзники ничего не могли провѣдать о военномъ планѣ Наполеона.

Въ Италіи французамъ надо было принять мѣры только противъ Неаполя, который былъ частью занятъ французскими войсками. Рьяная королева тайно соединилась съ Австріей, Россіей и Англіей. Наполеонъ хотѣлъ было еще до начала войны уничтожить бурбонское царство въ Неаполѣ. Но вскорѣ онъ передумалъ и 21 сентября заключилъ съ Неаполемъ договоръ, которымъ Неаполь обязался соблюдать строгій нейтралитетъ, а Франція—вывести изъ королевства свои войска. Благодаря этому договору Наполеонъ могъ вывести въ верхнюю Италію 20 т. человѣкъ, стоявшихъ въ Неаполѣ подъ начальствомъ генерала Гувіона-Сенъ-Сира.

Австрійцы начали войну прежде, чѣмъ русскіе успѣли соединиться съ ними. Сентября 9 эрцгерцогъ Фердинандъ и генералъ Макъ вторглись въ Баварію, чтобы внезапнымъ нападеніемъ принудить курфирста Максимиліана Іосифа присоединиться къ коалиціи и соединить свои войска съ австрійскими. Но баварскій ка бинетъ задержалъ ихъ переговорами, и они вступили въ Мюнхенъ уже тогда только, когда курфирстъ съ своими войсками успѣлъ спастись въ вюрцбургскія владѣнія черезъ нейтральную прусско-франконскую область. Одинъ австрійскій корпусъ, нарушая нейтралитетъ Пруссіи, преслѣдовалъ ихъ туда, но не могъ настичь. Изъ Мюнхена австрійцы проникли далѣе на верхній Дунай и расположились въ числѣ 60 т. человѣкъ при Ульмѣ, чтобы ждать здѣсь французовъ, которые, по ихъ мнѣнію, шли черезъ Шварцвальдъ въ Баварію. Этимъ движеніемъ они удалились отъ русской арміи, которую имъ слѣдовало бы подождать, и очутились въ изолированномъ положеніи. Первая русская армія подъ начальствомъ Кутузова уже прибыла въ Моравію; вторая, Буксгевдена, стояла въ Польшѣ. Главная австрійская армія была на Эчѣ. Она простиралась силою до 100 т. человѣкъ и находилась подъ начальствомъ эрцгерцога Карла, который очень порицалъ весь военный планъ, особенно то, что эрцгерцогъ Фердинандъ и Макъ забрались такъ далеко. Поддерживать сообщеніе между нимъ и

Ульмомъ было поручено эрцгерцогу Іоанну, стоявшему съ 25 т. человѣкъ въ Тиролѣ. Кромѣ того у союзниковъ было на Корфу и Мальтѣ 14 т. русскихъ и 6 т. англичанъ, назначенныхъ къ высадкѣ въ нижнюю Италію. Наконецъ сборная армія изъ англичанъ, шведовъ и русскихъ должна была напасть на Ганноверъ; но она собралась на Везерѣ и Эльбѣ только въ ноябрѣ.

Наполеонъ имѣлъ наготовѣ подъ предлогомъ высадки въ Англію превосходную 200–тысячную армію и все приготовилъ въ Голландіи и Ганноверѣ, чтобы, когда настанетъ время, съ быстротою молніи нагрянуть на Германію. Планъ его былъ броситься съ главными силами сначала на Мака, раздавить его и потомъ поспѣшить противъ Кутузова, прежде чѣмъ съ нимъ соединится Буксгевденъ. Сентября 1 французская великая армія двинулась къ Рейну. Она была раздѣлена на пять корпусовъ. Шестой, Мармона, стоялъ въ Голландіи, а седьмой, Бернадота, въ Ганноверѣ. Оба эти корпуса еще 23 августа получили приказаніе двинуться во Францію, соединиться тамъ между собою и съ войсками Баваріи и Бадена и вторгнуться въ Баварію. Они имѣли приказаніе идти во Франконіи по прусскимъ владѣніямъ, не взирая на ихъ нейтралитетъ, чтобы обмануть Мака и отрѣзать его отъ Австріи. Восьмой корпусъ, Массена, подкрѣпленный войсками Гувіона Сенъ-Сира, прибывшими изъ Неаполя, дѣйствовалъ въ верхней Италіи противъ эрцгерцога Карла. Хотя вообще силы союзниковъ были больше французскихъ, но зато были разсѣяны, и въ Баваріи противъ 80 т. австрійцевъ Наполеонъ сосредоточилъ уже въ началѣ октября 220 тысячъ французскихъ войскъ, къ которымъ вскорѣ присоединилось еще 10 т. виртембергскихъ.

Передъ отъѣздомъ Наполеона къ арміи сенатъ совершилъ по его приказанію самовольство, обратившее противъ коалиціи всѣ силы Франціи, но доказывавшее, что императоръ считаетъ себя вправѣ жертвовать свободой французовъ ихъ тщеславію и своему личному властолюбію. Декретомъ 25 сентября 1805, издавать который не давала ему права даже тогдашняя ультрамонархическая конституція, сенатъ предписалъ набрать 70 т. человѣкъ рекрутъ изъ конскрипціи будущаго года и изъ всѣхъ обязанныхъ службою, но неслуживших въ 1801—1805 гг.

Сентября 25 великая армія Наполеона начала переправляться черезъ Рейнъ и двигаться на верхній Дунай. Въ то же время Мармонъ по Майну и Бернадотъ изъ Гессена двинулись во Франконію, а оттуда черезъ прусскія владѣнія на Мюнхенъ. Маку слѣдовало поскорѣе отступить въ Богемію или къ Инну, а когда это стало невозможно, — въ Тироль къ эрцгерцогу Іоанну. Но онъ остался въ окрестностяхъ Ульма, будучи слишкомъ самонадѣянъ, чтобы видѣть опасность. Когда всѣ силы французовъ двинулись на него, онъ вообразилъ, что это только два корпуса и не уклонялся отъ боя. Вслѣдствіе этого вскорѣ ему ничего не осталось на выборъ, какъ запереться со всей своей арміей въ Ульмѣ, гдѣ ничего не было приготовлено, чтобы содержать столько людей въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Стычки, происходившія подъ Ульмомъ, съ одной стороны, давали Наполеону поводъ къ непомѣрному хвастовству въ бюллетеняхъ, а съ другой стороны, служили нагляднымъ доказательствомъ неспособности австрійскихъ командировъ. Но и то, и другое такъ извѣстно, что не стоитъ объ этомъ говорить. Уже къ 13 октября Ульмъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ французами. Макъ могъ бы еще пробиться, собравъ всѣ свои силы, и спасти по крайней мѣрѣ честь своей арміи; но онъ былъ неспособенъ къ такой отвагѣ, да если бы и былъ способенъ, то какъ человѣкъ низкаго происхожденія, не могъ бы заставить подчиненныхъ ему аристократовъ послѣдовать такому рѣшенію. Помышляя только о спасеніи драгоцѣнной особы эрцгерцога Фердинанда, онъ отпустилъ его въ Богемію съ 24 тысячами человѣкъ, изъ которыхъ Фердинандъ привелъ въ Богемію очень немного.

Въ тотъ самый день, когда Фердинандъ вышелъ изъ Ульма, 14 октября, одинъ изъ лучшихъ австрійскихъ генераловъ, Лаудонъ, былъ разбитъ маршаломъ Неемъ при Эльхингенѣ. Эта побѣда была такъ важна для покоренія Ульма, что Наполеонъ пожаловалъ Нею титулъ герцога Эльхингенскаго. На другой день Наполеонъ потребовалъ отъ генерала Мака сдачи Ульма. Для французовъ каждый день былъ очень дорогъ, потому что Кутузовъ спѣшилъ изъ Моравіи усиленными переходами, эрцгерцогъ Карлъ послалъ въ Баварію 30 баталіоновъ своей арміи, а эрцгерцогъ Іоаннъ не могъ быть аттакованъ въ Тиролѣ, пока

Ульмъ держался. Наполеонъ употребилъ всѣ усилія, чтобы поскорѣе овладѣть Ульмомъ. Этого нетрудно было добиться, потому что австрійскій главнокомандующій былъ ограниченъ и малодушенъ. Вечеромъ 15 октября Наполеонъ послалъ въ Ульмъ полковника изъ дворянъ, съ аристократическими манерами, съумѣвшаго, какъ слѣдуетъ, переговорить съ знатными австрійскими командирами и подѣйствовать на главнокомандующаго угрозами, хвастовствомъ и вѣжливостями. Макъ не измѣнялъ и не продавался, а поступилъ безчестно только по бездарности и малодушію. Онъ послалъ въ главную квартиру французской арміи одного изъ знатнѣйшихъ генераловъ своего войска, князя Морица фонъ Лихтенштейна, котораго Наполеонъ убѣдилъ, что желаетъ скорой капитуляціи единственно изъ участія къ храброму австрійскому воинству. Макъ было воспротивился принять условія, предложенныя Лихтенштейну, но Наполеонъ пригрозилъ уничтожить городъ и всю австрійскую армію бомбардировкой. Хотя это было трудно сдѣлать, хотя вопросъ шелъ о судьбѣ всей австрійской монархіи, хотя стоило пожертвовать городомъ и нѣсколькими тысячами воиновъ, чтобы выиграть нѣсколько дней, — Макъ испугался и заключилъ Ульмскую капитуляцію 17 октября 1805.

По этой капитуляціи офицеры отпускались на честное слово, а если къ 25 числу придутъ на выручку, то отпускались и солдаты. Но 19 числа Мака уговорили, что безполезно долѣе подвергать войска лишеніямъ и страданіямъ, и онъ согласился уже на другой день сдать городъ. Эта непостижимая ошибка дала французамъ возможность 5 днями раньше вступить въ Австрію. Это было важнѣйшее обвиненіе противъ Мака, когда его предали военному суду. Октября 20 французы любовались тріумфомъ, который сильно поощрилъ ихъ къ дальнѣйшимъ подвигамъ. 33 т. австрійцевъ, въ томъ числѣ 18 генераловъ, прошли передъ ними, слагая передъ Наполеономъ оружіе, 40 знаменъ и 60 пушекъ. Военный судъ лишилъ Мака всѣхъ чиновъ, почестей и орденовъ, и онъ жилъ въ бѣдности до 1815, когда его помиловали.

14. Сраженія при Трафалгарѣ и Аустерлицѣ.

Въ то самое время, какъ Наполеонъ одерживалъ подъ Ульмомъ такое блестящее торжество, усилія его, посвященныя флоту, оканчивались страшной для Франціи катастрофой. Адмиралъ Вильневъ съ большимъ французскимъ флотомъ былъ посланъ въ Вестъ-Индію, прибылъ туда счастливо, но на обратномъ пути потерялъ 2 корабля въ сраженіи съ англичанами при мысѣ Финистерре въ іюлѣ 1805 и вмѣсто того, чтобы согласно приказаніямъ, освободить блокированный непріятелемъ Брестъ, укрылся въ Ферролѣ. Наполеонъ, обвинявшій Вильнева еще въ абукирскомъ пораженіи, очень разсердился на него и приказалъ ему непремѣнно плыть въ Брестъ, а когда Вильневъ все не рѣшался, императоръ хотѣлъ лишить его начальства. Узнавъ объ этомъ, Вильневъ задумалъ отличиться, прежде чѣмъ будетъ смѣненъ, и въ несчастный часъ вышелъ въ море. При мысѣ Трафалгарѣ онъ встрѣтилъ Нельсона, и 21 октября между ними произошло сраженіе, въ которомъ Нельсонъ былъ убитъ, а французы понесли страшное пораженіе. Въ 5-часовомъ бою было взято 19 линейныхъ кораблей соединеннаго испанско-французскаго флота и 4 корабля послѣ боя. Самъ Вильневъ былъ взятъ въ плѣнъ. Эта добыча и утвержденіе этой побѣдой морскаго владычества Англіи щедро вознаградили ее за милліоны, которыми она въ третій разъ поддерживала войну на континентѣ. И въ этой войнѣ ей на долю выпадали торжества, бѣднымъ же нѣмцамъ, какъ всегда, — тычки. Наполеонъ, принужденный ограничиться своимъ естественнымъ элементомъ, сухопутною войною, сталъ отъ этого еще сильнѣе и могъ легче справляться съ генералами и министрами Австріи, Россіи и Пруссіи, чѣмъ съ Питтами, Каннингами и Нельсонами. По взятіи Ульма, онъ тотчасъ послалъ маршала Нея противъ эрцгерцога Іоанна, а самъ двинулся на русскихъ, не обращая вниманія на бурю, поднявшуюся противъ него въ Берлинѣ.

Получивъ 14 октября извѣстіе о нарушеніи своихъ франконскихъ границъ, прусскій король разсердился, и всѣ были убѣждены, что онъ немедленно объявитъ

Франціи войну. Онъ послалъ Наполеону очень рѣзкую ноту, въ которой извѣщалъ, что вынужденъ принять мѣры для огражденія своего государства, т. е. противъ Франціи. Октября 26 онъ двинулъ свои войска въ Ганноверъ и позволилъ русскимъ, противъ которыхъ собралъ было 100-тысячную армію, пройти черезъ его владѣнія въ Силезіи и Лауенбургѣ. Узнавъ о перемѣнѣ настроенія Фридриха Вильгельма, императоръ Александръ поспѣшилъ въ Берлинъ, и они возобновили дружбу, заключенную въ 1802 въ Мемелѣ (стр. 490). Государи провели вмѣстѣ 8 дней въ дружескихъ изліяніяхъ. Королева Луиза прусская старалась внушить своему мужу патріотическія чувства и вывести его изъ-подъ вліянія Ломбарда и Луккезини. Гарденбергъ, нерасположенный къ Франціи, снова получилъ преобладающее вліяніе. Изъ Вѣны былъ присланъ эрцгерцогъ Антонъ склонять Фридриха Вильгельма III къ рѣшительному шагу. Въ Берлинѣ патріотическая, партія подъ предводительствомъ двоюроднаго брата короля, принца Лудвига Фердинанда, и его пріятелей, предавалась безполезнымъ демонстраціямъ противъ Наполеона. Она выбила окна у Гаугвица, приверженнаго Франціи, и кричала виваты его противнику, Гарденбергу, который совѣтовалъ начать войну. Наконецъ 3 ноября король сдѣлалъ рѣшительный шагъ. Онъ заключилъ съ Россіей и Австріей тайный договоръ, обязавшись предпринять вооруженное посредничество между воюющими странами и 15 декабря объявить Франціи войну, если къ тому времени Наполеонъ не приметъ заявленныхъ ему требованій. По подписаніи этого договора императоръ Александръ и король прусскій сдѣлали манифестацію, которая въ связи съ патріотическими выходками прусскаго двора возбудила въ Наполеонѣ непримиримую ненависть къ Пруссіи. Въ ночь передъ своимъ отъѣздомъ Александръ съ Фридрихомъ Вильгельмомъ и королевой Луизой отправились на могилу Фридриха Великаго въ Потсдамѣ и надъ гробомъ его поклялись другъ другу въ вѣчной дружбѣ.

Послѣ всего этого разрывъ между Пруссіей и Франціей казался неизбѣженъ; но дѣла пошли по прежнему; Фридрихъ Вильгельмъ, сдѣлавъ шагъ къ коалиціи, остановился и сдѣлалъ два шага назадъ. Грозная нота, сообщенная французскимъ посланникамъ въ Берлинѣ, Лафоре и Дюроку, была оставлена безъ послѣдствій, хотя очевидно должна была жестоко оскорбить Наполеона. Гаугвицъ сохранилъ свое вліяніе наряду съ Гарденбергомъ. Ему даже поручили сообщить Наполеону договоръ 3 ноября съ Россіей и Австріей. Когда Дюрокъ въ началѣ ноября уѣзжалъ изъ Берлина, король простился съ нимъ очень дружески, все еще надѣясь остаться въ ладахъ съ обѣими сторонами. Прусская армія, вступившая въ Ганноверъ, получила приказаніе не тревожить французовъ, сосредоточившихся въ Гамельнѣ, и даже не препятствовать подвозу къ нимъ провіанта. Также неопредѣленно вела себя Пруссія въ отношеніи русскихъ, шведовъ и англичанъ, которые въ ноябрѣ вторглись въ Ганноверъ съ сѣвера и 1 декабря явились подъ Гамельномъ. Въ эту минуту одно сраженіе въ Австріи измѣнило все положеніе дѣлъ въ Европѣ.

По взятіи Ульма Наполеонъ съ великой арміей быстро двинулся въ Австрію, а Массена пошелъ изъ Италіи прямо на Вѣну. Такъ какъ эрцгерцогъ Карлъ былъ принужденъ отослать 30 баталіоновъ на Иннъ, то Массена почти сравнился съ нимъ силами и рѣшился дѣйствовать наступательно, тогда какъ эрцгерцогъ отступалъ на помощь Вѣнѣ, угрожаемой съ двухъ сторонъ. При Кальдіеро 29—31 октября Массена далъ эрцгерцогу кровопролитное, но нерѣшительное сраженіе. Преслѣдуемый маршаломъ, Карлъ продолжалъ путь къ Вѣнѣ и по дорогѣ соединился съ остатками войскъ брата Іоанна, котораго Ожеро, Ней и баварцы поразили между тѣмъ въ Тиролѣ и взяли два отряда его корпуса. При отступленіи Карлъ потерпѣлъ огромныя потери и, вѣроятно, лишился бы своей арміи, если бы внезапное извѣстіе о присоединеніи Каролины-Маріи Неаполитанской къ коалиціи не принудило Массена прекратить преслѣдованіе. Это дало эрцгерцогамъ Карлу и Іоанну возможность продолжать путь на Дунай. Тѣмъ не менѣе они опоздали спасти Вѣну.

Слабые остатки австрійцевъ въ Баваріи и Кутузовъ, проникшій до Инна, не могли остановить великую армію, когда она двинулась впередъ отъ Ульма. Кутузовъ былъ принужденъ отступить къ Моравіи на соединеніе со второй русской арміей Бугсгевдена. Онъ исполнилъ это отступленіе самымъ блистательнымъ образомъ, хотя съ большими потерями. Ноября 11 Мортье аттаковалъ русскихъ

при Дирнштейнѣ, не зная, что противъ него вся армія Кутузова. Онъ очутился въ величайшей опасности, но сопротивлялся съ изумительной стойкостью, а между тѣмъ его подчиненный, генералъ Дюпонъ, выдержавъ при Штейнѣ тяжелый бой съ превосходными силами австрійцевъ, пробился на помощь къ маршалу, и Кутузовъ былъ принужденъ отступить. Въ тотъ же день Мюратъ съ своей кавалеріей прибылъ подъ Вѣну. Уже 13 ноября граждане Вѣны униженно отдали ему ключи города. Народъ нигдѣ не сопротивлялся французамъ. Это было слѣдствіе системы, превратившей государственное управленіе въ машину и пріучившей гражданъ думать только о собственныхъ выгодахъ. Испанцы первые показали потомъ Наполеону, что значитъ бороться противъ народнаго духа. Въ Вѣнѣ французы овладѣли множествомъ военныхъ запасовъ всякаго рода и взяли съ города и съ эрцгерцогства сильныя контрибуціи. Въ то же время Наполеонъ велъ и газетную войну, пользуясь искусствомъ, изобрѣтеннымъ во время революціи, поддѣлывать общественное мнѣніе черезъ наемныхъ софистовъ. Онъ приказалъ генералу Кларку, назначенному вѣнскимъ губернаторомъ, подкупить вліятельныхъ людей писать въ газетахъ, что ему угодно.

Чтобы предупредить соединеніе Кутузова, отступавшаго къ Цнайму, съ Бугсгевденомъ, Мюрату надо было овладѣть мостомъ черезъ Дунай у рѣки Шпице. Князю фонъ Ауэрспергу, австрійскому генералу, было поручено взорвать этотъ мостъ; но это былъ второй Макъ. Все было приготовлено къ взрыву, и ждали только его приказанія, а онъ поддался толкамъ Мюрата, Ланна и другихъ французскихъ генераловъ о будто бы заключенномъ перемиріи. Онъ могъ даже взять этихъ генераловъ въ плѣнъ, потому что они явились къ нему только съ отрядомъ въ 1,800 человѣкъ. Вмѣсто того онъ сдалъ не только мостъ, но и всю свою дивизію, которая стояла готовая къ бою. Впослѣдствіи его присудили за это къ лишенію чиновъ и къ заключенію на годъ въ крѣпость. Овладѣвъ мостомъ, Мюратъ, Ланнъ и Сультъ двинулись къ Цнайму, чтобы поспѣть туда раньше Кутузова, а Бернадотъ, принявшій начальство надъ корпусомъ Мортье, преслѣдовалъ русскихъ съ тылу.

Ноября 15 авангардъ французовъ подъ начальствомъ генерала Бельяра настигъ Кутузова подъ Голлабрунномъ. Здѣсь генералъ Ностицъ, командовавшій австрійской колонной, дался въ такой же обманъ, какъ и князь Ауэрспергъ, и въ бездѣйствіи смотрѣлъ на сраженіе французовъ съ русскими. Чтобы понять хотя до нѣкоторой степени подобные поступки австрійскихъ генераловъ, надо знать, что между австрійцами и русскими господствовало несогласіе, и императоръ Францъ, окруженный людьми, расположенными къ Франціи и внушавшими ему опасенія противъ Россіи, постоянно думалъ о заключеніи мира, чѣмъ вводилъ генераловъ въ заблужденіе. Измѣна генерала Ностица погубила бы Кутузова, если бы состоявшій при немъ генералъ Винцингероде, присланный императоромъ Александромъ въ Австрію съ военно-дипломатическимъ порученіемъ, не отплатилъ французамъ обманомъ за обманъ. Онъ заключилъ съ Мюратомъ мирный договоръ, по которому слѣдовало прекратить военныя дѣйствія въ ожиданіи ратификаціи Наполеона. Это дало Кутузову возможность тайкомъ выступить и безпрепятственно отступить къ Цнайму. Но чтобы обмануть непріятеля, онъ долженъ былъ оставить позади князя Багратіона съ отрядомъ въ 7—8 т. чел. Багратіонъ былъ аттакованъ 30 тыс. французовъ, но послѣ трехдневнаго боя благополучно пробился, впрочемъ съ потерею артиллеріи и половины отряда. Такимъ образомъ обѣ русскія арміи, при которыхъ находился самъ Александръ, и 20-тысячный отрядъ австрійцевъ собрались въ Моравіи. Третья русская армія, Беннигсена, шла изъ Польши, а эрцгерцогъ Карлъ изъ Штиріи. Кромѣ того эрцгерцогъ Фердинандъ собралъ въ Богеміи до 20 тыс. чел. остатковъ арміи Мака. Въ сѣверной Германіи была армія англичанъ, русскихъ и шведовъ. Наконецъ, и Пруссія должна была вскорѣ дать рѣшительное объясненіе, хотя до сихъ поръ Наполеонъ подъ разными предлогами удерживалъ прусскаго посланника Гаугвица отъ рѣшительныхъ дѣйствій; не было сомнѣнія, что Пруссія не преминетъ объявить себя въ пользу союзниковъ, если только не случится чего-нибудь непредвидѣннаго. Со стороны французовъ Массена и Гувіонъ Сенъ-Сиръ были задержаны въ Италіи, а великая армія занимала почти всю Австрію, кромѣ Венгріи, Богеміи и верхней Силезіи и, слѣдовательно, была чрезвычайно растянута. Положеніе Наполеона

было очень опасно, только рѣшительная побѣда могла выручить его. Если онъ блистательно вышелъ изъ него, то былъ обязанъ этимъ не только своему военному генію и храбрости своихъ войскъ, но и ошибкамъ русскихъ, малодушію прусскаго кабинета и императора Франца.

Союзникамъ было всего важнѣе выиграть время и потому слѣдовало избѣгать пока всего рѣшительнаго. Имъ слѣдовало отступить изъ Моравіи или въ Венгрію, гдѣ вскорѣ было бы готово такъ называемое инсуррекціонное войско, или въ верхнюю Силезію, куда шелъ Беннигсенъ. Но они остались въ Моравіи и даже поддались на приманку Наполеона и дали ему генеральное сраженіе. Чтобы разузнать о характерѣ людей, окружавшихъ Александра, Наполеонъ послалъ подъ предлогомъ переговоровъ въ главную квартиру русской арміи своего ловкаго жандарма, Савари. Савари вывѣдалъ, что въ совѣтѣ Александра преобладаетъ нѣсколько молодыхъ горячихъ головъ, и Наполеонъ основалъ на этомъ свѣдѣніи свой планъ увлечь союзниковъ въ рѣшительное сраженіе. Онъ велѣлъ войскамъ начать отступательныя движенія, какъ будто желая избѣжать боя, вслѣдствіе чего русскіе рѣшились аттаковать его 2 декабря, сойдя съ занимаемыхъ ими высотъ при Аустерлицѣ, бывшихъ ключемъ боевой позиціи. Тотчасъ Сультъ занялъ эти высоты, и русскіе, не смотря на мужественное сопротивленіе, потерпѣли жестокое пораженіе. Сраженіе началось съ разсвѣтомъ, и уже къ часу пополудни русскіе отступали на всѣхъ пунктахъ. Кутузовъ потерялъ большую часть арміи и 200 пушекъ. Число убитыхъ опредѣлить трудно, потому что французы до смѣшнаго преувеличиваютъ его, а русскіе уменьшаютъ. Остатки разбитой арміи отступили въ Венгрію.

15. Послѣдствія аустерлицскаго сраженія.

Сраженіе при Аустерлицѣ еще не рѣшало войны. Но князь Іоаннъ фонъ Лихтенштейнъ и другіе сановники Франца II, питавшіе отвращеніе къ союзу съ Россіей, внушили императору на положеніе дѣлъ взглядъ французскихъ бюллетеней. Францъ рѣшился искать мира и вздумалъ лично отправиться къ Наполеону вымаливать, какъ милости, перемирія. Наполеонъ воспользовался этимъ, чтобы обратить германскаго императора въ орудіе своихъ цѣлей, подобно тому, какъ онъ воспользовался королемъ сардинскимъ послѣ своихъ первыхъ побѣдъ въ Италіи въ 1796 (стр. 419). Правда, положеніе австрійскихъ войскъ было такъ плохо, что эрцгерцогъ Карлъ, наименованный вскорѣ генералиссимусомъ, былъ вынужденъ предпринять рѣшительныя реформы. Уже въ ночь съ 2 на 3 декабря императоръ Францъ прислалъ къ Наполеону князя Лихтенштейна съ просьбой о личномъ свиданіи. Наполеонъ назначилъ императору прибыть 4 числа, но не въ главную квартиру французской арміи, а на бивуакъ. Это дало французамъ поводъ представлять своего героя и его сподвижниковъ въ блестящемъ контрастѣ съ германскимъ императоромъ и его окружающими и сочинять анекдоты въ плутарховомъ вкусѣ.

Императоръ Францъ просилъ перемирія, чтобы начать переговоры о мирѣ. Наполеонъ согласился на это съ условіемъ, чтобы русскіе какъ можно скорѣе выступили изъ австрійскихъ предѣловъ. Императоръ Александръ согласился на это въ угоду своему союзнику, и 6 декабря перемиріе было заключено. Такъ какъ въ силу его французы получили право занимать до мира больше трети австрійскихъ владѣній, то императоръ Францъ рѣшился принять миръ на какихъ угодно условіяхъ, лишь бы поскорѣе избавиться отъ присутствія непріятеля. Наполеонъ также желалъ поскорѣе заключить миръ съ Австріей, чтобы развязать себѣ руки противъ Пруссіи. Уже 26 декабря миръ былъ подписанъ въ Пресбургѣ. Пресбургскій миръ лишилъ Австрію 1,000 кв. миль земли съ 3 милліонами населенія. Она должна была уступить недавно пріобрѣтенную Венеціанскую Область Итальянскому королевству, Тироль, Форальбергъ и другія области — Баваріи, Брисгау съ нѣсколькими городами и округами — Виртембергу и Бадену. Зато ей были отданы всѣ владѣнія недавно созданнаго курфирста зальцбургскаго, который былъ вознагражденъ за это отнятымъ у Баваріи бывшимъ архіепископствомъ вюрцбургскимъ, получившимъ титулъ курфиршества. Всѣ владѣнія Тев-

тонскаго ордена были отданы въ наслѣдственное владѣніе одному австрійскому принцу, а эрцгерцогу Фердинанду, потерявшему Брисгау, было обѣщано вознагражденіе въ Германіи. Курфирсты баварскій и виртембергскій получили королевскіе титулы; императоръ Францъ обязался признать ихъ и курфирста баденскаго самодержавными государями; наконецъ въ договорѣ было сказано, что эти государи должны остаться членами германскаго союза государствъ (confédération germanique), чѣмъ предвозвѣщалось уничтоженіе Священной имперіи и учрежденіе новаго государственнаго устройства въ Германіи подъ верховной властью Франціи. Сверхъ того король виртембергскій получилъ графство Бондорфъ, а король баварскій — имперскій городъ Аугсбургъ.

Еще тяжелѣе этихъ утратъ были для Австріи политическія послѣдствія пресбургскаго мира. Съ этихъ поръ императоръ Францъ былъ принужденъ признавать всѣ захваты и вымогательства Наполеона и его креатуръ. Послѣ этого мира Наполеонъ началъ обращаться съ презрѣніемъ съ правительствами и съ народами и распоряжаться ихъ судьбой по своимъ личнымъ надобностямъ. Онъ основалъ свою великую имперію только на силѣ оружія, какъ была основана древнеримская и какъ основаны русская и англо-индійская. Въ этой имперіи господствовалъ произволъ одного человѣка, который безпрепятственно передѣлывалъ царства для своихъ плановъ, для выгодъ своего семейства и своихъ слугъ, и позволялъ себѣ, подобно древнему Риму, въ отношеніи своихъ союзниковъ все. Королевства создавались и разрушались, какъ карточные домики, государи переводились съ престола на престолъ, народы среди мира подвергались вымагательствамъ алчныхъ французовъ.

Тотчасъ по заключеніи Пресбургскаго мира императоръ Францъ подвергся деспотизму могущественнаго завоевателя. Наполеонъ сдѣлалъ австрійскому правительству офиціальный выговоръ за то, что на мѣсто удаленнаго по его требованію вице-канцлера Лудвига Кобенцла былъ назначенъ учредитель коалиціи, графъ Стадіонъ, и что эрцгерцогъ Карлъ, назначенный Францомъ II генералиссимусомъ войскъ, предпринимаетъ реформы въ арміи, необходимость которыхъ была доказана войной. Кромѣ того Наполеонъ приказалъ бывшему курфирсту Фердинанду Зальцбургскому, приведшему въ свое новое вюрцбургское курфиршество австрійскія войска, удалить ихъ. Другому насилію Австрія подверглась по дѣламъ Далматіи. По мирному договору, эта страна должна была отойти къ Наполеону со всѣми прочими венеціанскими владѣніями; но русскія войска заняли изъ Неаполя нѣсколько далматскихъ городовъ до прибытія французскихъ. Подъ этимъ предлогомъ Наполеонъ удержалъ свои войска по сю сторону Рейна и вопреки Пресбургскому миру продолжалъ занимать городъ Браунау. Въ то время въ Австріи получилъ большое вліяніе князь Меттернихъ и былъ посланъ посланникомъ въ Парижъ; онъ принадлежалъ къ числу немногихъ дипломатовъ, которымъ было подъ силу справляться съ коварнымъ Талейраномъ.

Произвольное обращеніе Наполеона съ народами началось съ 1806 и прежде всего постигло голландцевъ. Въ февралѣ 1806 Наполеонъ объявилъ пенсіонарію Шиммельпеннинку, что голландская конституція 1805 должна быть совершенно передѣлана. Черезъ 6 недѣль онъ приказалъ голландцамъ попросить себѣ въ короли его брата, Лудовика. Онъ и въ Голландіи, какъ прежде въ Генуѣ и Луккѣ (стр. 501), хотѣлъ показать иностраннымъ державамъ, что дѣйствуетъ по желанію народа. Голландцы, довольные умнымъ и честнымъ Шиммельпеннинкомъ, воспротивились, если не неизбѣжному подчиненію иностранному государю, то по крайней мѣрѣ требованію самимъ выразить желаніе подвергнуться этому подчиненію. Но императоръ былъ непреклоненъ. Въ іюнѣ 1806 голландцы были принуждены избрать Лудовика I Бонапарта наслѣдственнымъ королемъ Голландіи и учредить монархическую конституцію въ формѣ договора съ Наполеономъ. Шиммельпеннинкъ тщетно хлопоталъ, чтобы генеральные штаты не утверждали этой конституціи. Когда это не удалось, онъ спасъ по крайней мѣрѣ собственную честь, самъ ни на что не согласившись, удалившись въ частную жизнь и отказавшись отъ всѣхъ почестей и милостей, которыя предлагалъ ему новый король. По новой конституціи король обязался признать государственный долгъ Голландіи, употреблять голландскій языкъ во всѣхъ дѣловыхъ актахъ и назначать въ должности только туземцевъ. Тѣмъ не менѣе придворныя мѣста были розданы фран-

цузамъ, а голландская армія предоставлена въ полное распоряженіе Франціи. Король остался даже въ званіи наслѣдственнаго коннетабля Франціи, и Наполеонъ положительно запретилъ ему дѣлаться голландцемъ (Ne cessez pas d'être français!)

Въ Германіи въ 1806 былъ также сдѣланъ государемъ одинъ наполеоновскій родственникъ, и нѣмцевъ даже не спросили, какъ голландцевъ, хотятъ ли они поступить къ нему въ подданство. Въ февралѣ 1806 Наполеонъ получилъ отъ Пруссіи Клеве и Везель и соединилъ ихъ съ герцогствомъ Бергскимъ, вымѣненнымъ у Баваріи, а въ мартѣ отдалъ все это подъ именемъ великаго герцогства бергскаго своему родственнику Іоахиму Мюрату, который, сдѣлавшись нѣмецкимъ государемъ, остался французскимъ генераломъ и сохранилъ санъ великаго адмирала и маршала Франціи. Впрочемъ подданнымъ его эта перемѣна была выгодна, потому что они избавились отъ феодальнаго бремени и отъ всѣхъ безобразій римскаго и германскаго права священной имперіи. Притомъ великій герцогъ не уничтожилъ сейма, какъ новые короли баварскій и виртембергскій.

Оба эти короля и курфирстъ баденскій были въ то же время принуждены породниться съ Наполеономъ. Въ январѣ 1806 старшая дочь короля баварскаго была выдана за пасынка Наполеона, Евгенія Богарне, котораго императоръ тогда же усыновилъ. Въ апрѣлѣ 1806 курпринцъ баденскій былъ обвѣнчанъ съ усыновленной Наполеономъ племянницей императрицы Жозефины, Стефаніей Богарне. Наконецъ въ августѣ 1807 младшій братъ Наполеона, Іеронимъ, женился на виртембергской принцессѣ. Наслѣдные принцы баварскій и баденскій были вызваны въ Парижъ учиться французской правительственной мудрости. Здѣсь они долго засѣдали въ государственномъ совѣтѣ и состояли подъ начальствомъ двухъ наполеоновскихъ сановниковъ, архиканцлера Канбасереса и архиказначея Лебрена.

Германскіе вассалы Наполеона воспользовались пожалованнымъ имъ самодержавіемъ, чтобы начать угнетать своихъ подданныхъ. Впрочемъ курфирстъ Карлъ Фридрихъ баденскій и король Максимиліанъ I баварскій сдѣлали еще кое-что добраго. Такъ въ Баваріи министръ Монжела уничтожилъ господство клерикаловъ, впрочемъ замѣнивъ его военнымъ. Зато виртембергскій король Фридрихъ I круто расправлялся съ своими подданными, и его гнетъ былъ тѣмъ тяжелѣе, что онъ былъ энергическій и умный человѣкъ. Среди величайшихъ народныхъ бѣдствій онъ желалъ блистать въ сонмѣ государей; онъ создалъ высшее и нисшее дворянство, великолѣпный дворъ, многочисленныя министерства въ странѣ, которою прежде легко управляли нѣсколько совѣтниковъ, и этотъ добродушный, честный алеманнскій народъ жилъ среди постоянныхъ стѣсненій. Но зато король виртембергскій одинъ изъ всѣхъ нѣмецкихъ государей старался охранять свое достоинство противъ Наполеона и его генераловъ. Впрочемъ эти старанія были довольно безуспѣшны.

Другой нѣмецкій вассалъ Наполеона, курфирстъ-архиканцлеръ и примасъ священной имперіи, согласился въ угоду повелителю сдѣлать иностранца германскимъ государемъ и главою католическаго духовенства Германіи. Это курфирстъ, Карлъ фонъ Дальбергъ майнцскій, издававшій въ ноябрѣ 1805 патріотическія воззванія и призывавшій германскій народъ защищать свое единство и государственное уложеніе, объявилъ 27 мая 1806 регенсбургскому имперскому сейму, что назначилъ своимъ коадъюторомъ и наслѣдникомъ дядю французскаго императора, кардинала Феша. Тщетно протестовалъ противъ этого германскій императоръ, котораго Дальбергъ даже не спросился; Фешъ остался наслѣдникомъ примаса Германіи и нѣмецкихъ княжествъ Регенсбурга и Ашаффенбурга.

Южная и западная Германія находились въ положеніи завоеванныхъ странъ, потому что Наполеонъ оставилъ въ нихъ свои войска будто бы изъ-за спора съ Австріей за Далмацію, но въ сущности противъ Пруссіи. Безпрестанные постои и переходы войскъ, грабежъ французскихъ коммисаровъ и поставщиковъ довели нужду дотого, что въ такую хлѣбную страну, какъ Баварія, приходилось посылать хлѣбъ и что самъ Наполеонъ, сжалившись, прислалъ милліонъ франковъ для раздачи голодающимъ въ Швабіи и Баваріи. Жалобы не помогали, а ропотъ строго наказывался.

Пресбургскій миръ не лишилъ Пруссію всякой надежды, потому что Россія и Англія предлагали ей помощь. Но король Фридрихъ Вильгельмъ по прежнему терпѣлъ отъ Наполеона всякія насилія. Къ своему несчастію, онъ послалъ къ Наполеону вѣроломнаго Гаугвица, отъ котораго можно было ожидать всего. Ему было поручено заявить требованія, постановленныя въ договорѣ 3 ноября (стр. 505). Гаугвицу слѣдовало торопиться, но онъ застрялъ по дорогѣ, задержанный Бернадотомъ, которому Наполеонъ далъ на этотъ счетъ приказаніе. Наконецъ 28 ноября онъ прибылъ въ главную квартиру Наполеона, но не могъ добиться аудіенціи, а между тѣмъ послѣдовало аустерлицское сраженіе. Послѣ того 7 декабря Гаугвицъ былъ наконецъ принятъ, но вмѣсто того, чтобы предъявить свои требованія, предложилъ Наполеону посредничество Пруссіи. Наполеонъ согласился, но поставилъ два условія, о которыхъ Гаугвицу надо было спроситься въ Берлинѣ. Здѣсь между тѣмъ извѣстіе о побѣдѣ французовъ опять предало дворъ во власть французской партіи, и посланникъ Наполеона, Лафоре, извѣщалъ императора, что прусскій кабинетъ отклонилъ помощь Россіи и Англіи и съ очевиднымъ испугомъ извинялся передъ нимъ за договоръ 3 ноября. Послѣ этихъ извѣстій Наполеонъ заговорилъ съ Гаугвицемъ на второй аудіенціи 13 декабря въ Шёнбруннѣ уже инымъ тономъ. Рѣзко и даже грубо онъ сказалъ ему, что Пруссія заслуживаетъ страшной мести за свои многочисленныя коварства противъ него, но что онъ готовъ все великодушно забыть и простить, если Фридрихъ Вильгельмъ соединится съ нимъ неразрывными узами и въ залогъ этого союза возьметъ Ганноверъ въ обмѣнъ за прусскія области. По своему обыкновенію, онъ старался завлечь въ свои сѣти лестью и угрозами Гаугвица, котораго такъ глубоко презиралъ. Этотъ жалкій интриганъ дался въ обманъ и безъ всякаго полномочія подписалъ, подобно графу Сенъ-Жюльену въ 1800 (стр. 417), 15 декабря предписанный ему договоръ.

Въ силу этого договора курфиршество ганноверское должно было отойти къ Пруссіи, хотя императоръ французовъ не имѣлъ на него законныхъ правъ и, слѣдовательно, не могъ уступать его; притомъ очевидно было, что Англія ни за что не признаетъ такого обиранія своего короля. Зато Пруссія должна была уступить Франціи Невштатель и герцогство Клеве съ Везелемъ, а княжество Ансбахъ Баваріи. Договоръ этотъ неизвѣстенъ въ печати до сихъ поръ. Вѣроятно, Пруссія приняла въ немъ сверхъ того обязательство признать все, что 11 дней спустя было вынуждено у Австріи Пресбургскимъ миромъ.

Пока Гаугвицъ дѣйствовалъ въ Шёнбруннѣ, въ Берлинѣ опять завели сношенія съ Россіей и Англіей и послали Гаугвицу новыя инструкціи, сообразуясь съ предложеніями, сдѣланными Наполеономъ отъ 7 декабря. Но эти инструкціи опоздали. Гаугвицъ не извѣстилъ свое правительство о томъ, что сдѣлалъ, и король узналъ о заключенномъ имъ договорѣ только по личномъ прибытіи его 26 декабря въ Берлинъ. Фридрихъ Вильгельмъ испугался; но вмѣсто того, чтобы или безусловно принять договоръ, или безусловно отвергнуть его и, соединяясь съ Россіей, Англіей и Швеціей, смѣло отвѣчать на угрозы Наполеона, онъ опять принялся за полумѣры. Онъ утвердилъ договоръ, но съ оговоркой, что принимаетъ Ганноверъ во владѣніе лишь на-время и тогда только очиститъ Ансбахъ, Клеве, Везель и Нешатель, когда Ганноверъ будетъ уступленъ ему законнымъ владѣтелемъ. Гаугвицъ былъ посланъ въ Парижъ съ этими объясненіями. Между тѣмъ прусское правительство, не зная, приметъ ли ихъ Наполеонъ, поскорѣе сообщило договоръ Англіи и ганноверскому правительству, какъ дѣло рѣшенное, потребовало, чтобы союзники очистили Ганноверъ, и вывело свои войска изъ Франконіи, тогда какъ французскія остались тамъ и въ южной Германіи.

Въ Парижѣ Гаугвица приняли какъ представителя державы, съ которой можно обходиться, какъ угодно. Наполеонъ объявилъ, что трактатъ 15 декабря просроченъ и потому уже недѣйствителенъ. Графу предложили новый договоръ и потребовали немедленнаго подписанія его, угрожая въ противномъ случаѣ немедленно двинуть на Пруссію французскія войска. Гаугвицъ повиновался волѣ императора, и 15 февраля 1806 подписалъ предложенный ему договоръ; прежде чѣмъ онъ былъ утвержденъ въ Берлинѣ, Наполеонъ велѣлъ занять Ансбахъ. Договоромъ 15 февраля былъ возобновленъ прежній съ тою разницею, что королю прусскому было вмѣнено въ обязанность вступить во владѣніе

Ганноверомъ немедленно и безъ всякихъ оговорокъ и закрыть свои гавани англичанамъ, т. е. принять противъ нихъ враждебныя мѣры. Мы уже говорили, что Клеве и Везель были подарены родственнику императора, маршалу Мюрату. Ансбахъ былъ отданъ королю баварскому въ вознагражденіе за Бергъ, присоединенный къ великому герцогству Мюрата. Нешатель Наполеонъ подарилъ маршалу Бертье съ титуломъ княжества.

И по заключенію новаго договора Фридрихъ Вильгельмъ не могъ удержаться на одной дорогѣ. Онъ старался сохранить дружбу Россіи и Англіи, выказывая это открыто. Черезъ нѣсколько дней по утвержденіи парижскаго договора онъ отправился въ Штеттинъ дѣлать смотръ возвращавшимся русскимъ войскамъ. Съ другой стороны, когда въ Монитерѣ грубѣйшимъ образомъ обругали Гарденберга, онъ, по внушенію французской партіи въ Берлинѣ и изъ страха войны, удалилъ его. Въ апрѣлѣ 1806 Гарденбергъ получилъ отставку, и Гаугвицъ сталъ одинъ заправлять всѣми дѣлами къ величайшему негодованію патріотовъ, громко заявлявшихъ ему свою ненависть. Манифестомъ 1 апрѣля Ганноверъ былъ объявленъ прусскимъ владѣніемъ, вымѣненнымъ у Наполеона, который законно пріобрѣлъ его по праву завоеванія. Тогда и король шведскій нашелъ случай унизить Пруссію. Густавъ IV еще въ январѣ объявилъ регенсбургскому имперскому сейму, что перестаетъ участвовать въ немъ, потому что онъ находится подъ вліяніемъ узурпатора, и притомъ нѣкоторые члены позволяютъ себѣ противозаконія противъ имперскаго уложенія. Потомъ онъ отвелъ свои войска за Эльбу, но продолжалъ занимать принадлежавшее къ Ганноверу герцогство Лауенбургское и очистилъ его только передъ прусскими войсками. Онъ принялъ въ отношеніи Пруссіи рѣшительно враждебное положеніе, конфисковалъ прусскіе корабли, блокировалъ прусскія гавани, а Фридрихъ Вильгельмъ не рѣшался принять никакихъ мѣръ противъ Швеціи. Отношенія этихъ державъ были для Пруссіи тѣмъ постыднѣе, чѣмъ очевиднѣе было безуміе, уже поразившее тогда Густава. Онъ дѣлалъ себя общимъ посмѣшищемъ нелѣпыми проявленіями ненависти своей къ Наполеону и, будучи величайшимъ ревнителемъ противъ всякихъ узурпацій, уничтожилъ гарантированную имъ сословную конституцію Помераніи.

Такъ дорого купленный Пруссіей Ганноверъ оказался пріобрѣтеніемъ крайне ненадежнымъ, потому что Наполеонъ еще въ апрѣлѣ завелъ мирные переговоры съ Англіей, не обращая при нихъ на Пруссію ни малѣйшаго вниманія. Въ Англіи Питтъ умеръ 23 января 1806, и смерть его повлекла за собой перемѣну всего министерства. Новое министерство подавало надежду на возможность возстановить миръ. Король Георгъ III не нашелъ никого, чтобы составить министерство, кромѣ бывшаго товарища Питта, лорда Гренвилля, который два года тому назадъ разошелся съ Питтомъ и въ оппозиціи заодно съ Фоксомъ дѣйствовалъ за эмансипацію католиковъ. Король, англиканецъ до фанатизма, скрѣпя сердце, поручилъ составъ министерства лорду Гренвиллю; Гренвилль безусловно потребовалъ участія Фокса, и Георгу пришлось принять въ министры иностранныхъ дѣлъ этого смертельно ненавистнаго ему приверженца революціонныхъ идей (февраль 1806). Фоксъ и его друзья никогда не раздѣляли непримиримой вражды Питта къ Франціи и революціи, и бонапартовскія газеты изъ всѣхъ англійскихъ государственныхъ людей всегда хвалили только ихъ. Поэтому имъ было легко завести съ Франціей переговоры о мирѣ. Уже въ мартѣ Фоксъ воспользовался случаемъ, чтобы вступить въ переписку съ Талейраномъ. Это возбудило переговоры, которые уже въ іюнѣ зашли такъ далеко, что изъ всѣхъ затрудненій оставалось только рѣшить вопросы о Ганноверѣ и Сициліи. Желая сойтись съ Англіей и разорвать союзъ съ Пруссіей, Наполеонъ въ іюнѣ объявилъ англійскому министерству, что вопросъ о Ганноверѣ не можетъ служить препятствіемъ къ заключенію мира. Это значило, что Пруссію ничего не стоитъ заставить отдать Ганноверъ. Однако, какъ мы увидимъ, миръ съ Англіей не состоялся.

Въ Италіи Наполеонъ по окончаніи третьей коалиціонной войны властвовалъ еще произвольнѣе, чѣмъ въ Германіи. Онъ подарилъ цѣлыя княжества сестрамъ своимъ, Элизѣ и Полинѣ (стр. 501), а въ итальянскомъ королевствѣ учредилъ 12 герцогствъ, объявилъ ихъ наслѣдственными ленами французской имперіи и роздалъ своимъ сановникамъ. Они приносили огромные доходы, выдавав-

шіеся большею частью изъ доходовъ государственныхъ имуществъ королевства итальянскаго. Кромѣ того, королевство платило ежемѣсячно $2^1/_2$ милліона франковъ на содержаніе французскихъ войскъ и ежегодную ренту въ 1,200,000 фр. генераламъ, офицерамъ и солдатамъ наполеоновской арміи.

Въ нижней Италіи поступки королевы Каролины Маріи дали императору право распорядиться ея владѣніями по своему. Ноября 20 1805 19 т. русскихъ и англичанъ высадились въ Неаполѣ, и королева послала ихъ съ своими войсками въ верхнюю Италію. Такимъ образомъ она явно пристала къ врагамъ Наполеона, и за это ее постигла послѣ аустерлицскаго сраженія его месть. Наполеонъ рѣшился сдѣлать своего брата, Іосифа, королемъ неаполитанскимъ, послалъ на Неаполь Массена съ арміей и 26 декабря возвѣстилъ міру свою волю въ выраженіяхъ, которыя стали у него съ тѣхъ поръ обычными: «Неаполитанская династія, говорилъ онъ въ своемъ манифестѣ, перестала царствовать; существованіе ея несовмѣстно съ спокойствіемъ Европы и съ достоинствомъ моей короны.» Когда Массена вступилъ въ Неаполь, русскія войска отплыли по приказанію своего императора на Корфу; англичане переправились на Сицилію, чтобы защищать этотъ островъ, какъ они говорили. Каролина Марія надѣялась купить миръ униженіемъ; но ея посланника, страшнаго кардинала Руффо (стр. 445), не пустили даже черезъ французскую границу. Фердинандъ IV уже 13 января 1806 бѣжалъ въ Сицилію; но мужественная королева рѣшилась призвать къ оружію лаццарони и калабрійцевъ, подкрѣпить ими свою слабую армію, и противиться французамъ. Однако никто не сталъ сражаться противъ нихъ. Королевѣ пришлось послѣдовать за мужемъ въ Сицилію, и 15 февраля Іосифъ Бонапартъ и Массена вступили въ городъ Неаполь. Черезъ мѣсяцъ была завоевана и Калабрія, а защищавшій ее наслѣдный принцъ неаполитанскій принужденъ бѣжать въ Сицилію.

Іосифъ, преобразовавъ управленіе страны, былъ 1 апрѣля наименованъ братомъ королемъ Обѣихъ Сицилій. Образованная часть неаполитанскаго народа была довольна перемѣной, которая, хотя не обошлась безъ пожертвованій, за то открывала надежду на лучшіе порядки. Но Наполеонъ обратилъ и Неаполь въ вассальную зависимость отъ Франціи, объявивъ королевство французскимъ леномъ и сдѣлавъ неаполитанскаго короля французскимъ подданнымъ посредствомъ неразрывнаго соединенія неаполитанской короны съ саномъ великаго избирателя французской имперіи. Кромѣ того, и Неаполю, какъ итальянскому королевству, пришлось внести свою лепту на вознагражденіе людей, поддерживавшихъ имперію Наполеона. Императоръ отдалъ папское княжество Понте-Корво, лежащее въ неаполитанской области, маршалу Бернадоту, а княжество Беневентъ, также принадлежавшее папѣ,—Талейрану въ наслѣдственные лены; кромѣ того, въ Неаполѣ было учреждено еще 6 леновъ и роздано французамъ съ титуломъ герцогствъ. Съ Неаполя бралось ежегодно милліонъ франковъ для французскихъ генераловъ, офицеровъ и солдатъ. Наполеонъ не пересталъ поносить королеву Каролину Марію ругательствами и по низложеніи ея.

II. ЕВРОПА

ОТЪ ПРЕСБУРГСКАГО МИРА ДО КОНЦА ВОЙНЫ 1809.

1. Политическія отношенія до начала войны между Пруссіей и Франціей.

Послѣ пресбургскаго мира французскія войска были разсѣяны по всей южной Германіи и занимали австрійскій городъ Браунау. Поводомъ къ этому Наполеонъ выставлялъ, что русскіе отказываются очистить занятыя ими далматскія укрѣпленія, особенно Каттаро. Такимъ образомъ французы угрожали въ одно и тоже время австрійцамъ и пруссакамъ, хотя по всему было очевидно, что Наполеону больше всего хочется унизить Пруссію. Судьба Пруссіи зависѣла теперь отъ того, будутъ ли имѣть успѣхъ мирные переговоры, которые велись Россіей и Англіей съ Франціей. Александръ и его министръ иностранныхъ дѣлъ, князь Георгъ Адамъ Чарторійскій, были весьма склонны къ миру, потому что имѣли виды на Молдавію и Валахію. Вслѣдствіе этого въ началѣ іюня 1806 они опять послали своего прежняго уполномоченнаго во Франціи, Убриля, въ Парижъ, гдѣ уже находился англійскій уполномоченный, лордъ Ярмутъ. Но ни русскіе, ни англичане, ни даже самъ Наполеонъ не желали мира. Заводя переговоры, Наполеонъ, вѣроятно, имѣлъ намѣреніе только отвлечь Россію отъ Англіи и не допустить сближенія Англіи съ Пруссіей. Хотя 20 іюля русскій уполномоченный, чтобы спасти Австрію и Пруссію отъ угрожавшей опасности, заключилъ съ Франціей отдѣльный мирный договоръ, но въ это время Будбергъ, человѣкъ, по принципамъ совершенно противоположный Чарторійскому, склонилъ Александра не утверждать договора. Въ англійскомъ министерствѣ, состоявшемъ изъ различныхъ смѣшанныхъ партій, рядомъ съ Фоксомъ и его друзьями засѣдали ярые противники французовъ. Послѣдніе всевозможными средствами старались воспротивиться заключенію мира, и хотя въ день смерти Фокса, 13 сентября 1806, переговоры еще продолжались, но о мирѣ нечего было и думать.

Во время этихъ переговоровъ надъ Германіей тяготѣлъ тяжелый гнетъ, и французы поступали съ государями такъ же безпощадно и грубо, какъ и съ подданными. Наполеонъ безъ всякихъ предварительныхъ переговоровъ объявилъ Везель французской крѣпостью. Зять его, Мюратъ, присвоилъ три аббатства, принадлежавшія Пруссіи. Въ Швабіи, Баваріи, Франконіи и на Рейнѣ Даву, Сультъ, Бертье и другіе французскіе генералы поступали съ нѣмцами просто террористически. Люди патріотическаго направленія преслѣдовались. Два книгопродавца были арестованы французскими солдатами за то, что распространяли сочиненія, направленныя противъ деспотизма Франціи. Одинъ изъ нихъ, Шредеръ, былъ помилованъ только по ходатайству короля баварскаго; другой, Пальмъ, изъ Нюрнберга, былъ по приказанію Бертье отправленъ въ Браунау и тамъ приговоренъ французскимъ военнымъ судомъ къ смерти и разстрѣлянъ. Все это французы находили и находятъ до сихъ поръ совершенно въ порядкѣ вещей, потому что тутъ дѣло идетъ о ихъ кумирахъ и о славѣ великой націи. Даже одинъ изъ

самыхъ достойныхъ и умныхъ историковъ наполеоновскаго времени, Тибодо, не стыдится оправдывать политическое убійство Пальма, говоря, что смѣшно было бы находить несправедливымъ приговоръ, постановленный семью французскими полковниками!

Наконецъ въ іюнѣ 1806 сама нѣмецкая имперія была уничтожена, и на мѣсто ея учрежденъ союзъ государствъ подъ именемъ Рейнскаго союза. Онъ долженъ былъ служить для обращенія силъ Германіи въ пользу Франціи. Наполеонъ еще въ пресбургскомъ договорѣ ясно выразилъ свое намѣреніе совершенно преобразовать нѣмецкую имперію (стр. 508). Въ апрѣлѣ 1806 онъ поручилъ Талейрану составить проектъ осуществленія его плана преобразованія нѣмецкой имперіи. Планъ этотъ заключался въ томъ, чтобы наряду съ Австріей, вытѣсненной изъ Германіи, и съ сѣверной Германіей, которая при безсиліи Пруссіи была совершенно беззащитна, образовать французскую Германію. Едва намѣреніе это обнаружилось, какъ въ Германіи возобновился позорный торгъ странами и людьми, какъ послѣ люневильскаго мира (стр. 490). На этотъ разъ онъ былъ даже еще возмутительнѣе. Наполеоновскій государственный совѣтникъ Тибодо говоритъ по этому поводу, что не берется рѣшить, кто поступалъ въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ 1806 хуже, нѣмецкіе ли государи и окружавшіе ихъ люди стараго дворянскаго времени, или французскіе аристократы безъ предковъ, ставшіе знатью съ 1799. Нѣмецкіе государи клянчили и пресмыкались передъ парижскими сановниками, а тѣ пользовались случаемъ и наживали взятками несмѣтныя богатства. Главнымъ орудіемъ Талейрана при основаніи новаго французско-нѣмецкаго государства былъ первый курфирстъ древней имперіи, архиканцлеръ и примасъ Карлъ Дальбергъ. Въ благодарность за услужливость онъ былъ награжденъ новымъ титуломъ князя-примаса и назначенъ предсѣдателемъ собранія Рейнскаго союза; кромѣ того, сынъ его сестры, графъ де ла Лейенъ, былъ сдѣланъ владѣтельнымъ княземъ, тогда какъ зять короля прусскаго, князь Турнъ и Таксисъ, былъ лишенъ независимости.

Въ іюлѣ 1806 актъ Рейнскаго союза былъ предложенъ къ подписи находившимся въ Парижѣ посламъ членовъ его; но каждому изъ нихъ были показаны только статьи, касавшіяся его государя. Когда послѣ того, 17 іюля, актъ былъ обнародованъ, французскій уполномоченный въ Регенсбургѣ передалъ его 1 августа сейму, которому члены союза объявили о своемъ отпаденіи отъ нѣмецкой имперіи. Вслѣдствіе этого императоръ Францъ II 6 августа сложилъ германскую корону, и тысячелѣтняя имперія рушилась. Рейнскій союзъ или новая французская Германія, повелителемъ которой былъ Наполеонъ съ титуломъ протектора, состоялъ изъ королевствъ баварскаго и виртембергскаго, великихъ герцогствъ баденскаго и гессенъ-дармштадтскаго, князя-примаса, великаго герцогства бергскаго, герцогствъ Нассау-Узингена и Нассау-Вейльбурга и изъ нѣсколькихъ мелкихъ владѣтелей, заискивавшихъ милостей французскаго императора и его приближенныхъ. Всѣ остальные владѣтели въ предѣлахъ союза были медіатизированы, т. е. отданы въ подданство тѣхъ государей Рейнскаго союза, въ чьей области находились ихъ земли. Имперскіе дворяне и два уцѣлѣвшіе въ южной Германіи вольные города, Франкфуртъ и Нюрнбергъ, потеряли независимость. Франкфуртъ былъ отданъ князю-примасу, а Нюрнбергъ — королю баварскому. Число членовъ союза съ каждымъ днемъ увеличивалось, потому что въ него принимали всякаго, кто желалъ принять участіе въ порабощеніи своего отечества. Для защиты союза и его членовъ, Наполеонъ обѣщалъ, въ случаѣ нужды, прислать двѣсти тысячъ войска. За это союзные государи должны были постоянно держать на готовѣ свои войска къ услугамъ Франціи, и Наполеонъ самъ опредѣлилъ силы контингентовъ.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ учрежденія Рейнскаго союза и распаденія нѣмецкой имперіи было то, что Пруссія очутилась одинока въ зависимости отъ милости царя. Чтобы удержать Фридриха Вильгельма отъ обращенія къ этой милости, прежде чѣмъ Наполеонъ приготовится къ войнѣ, прусскихъ министровъ соблазнили новою приманкой. Французскій посланникъ въ Берлинѣ намекнулъ въ разговорѣ, что можно учредить и сѣверо-германскій союзъ подъ протекторатомъ Пруссіи. Гаугвицъ съ жадностью ухватился за эту мысль, но когда ее хотѣли привести въ исполненіе и для этой цѣли завели переговоры съ Саксоніей и Кургессеномъ, французское вліяніе все разстроило. Наполеонъ прямо запретилъ ган-

зейскимъ городамъ вступать въ союзъ съ Пруссіей. Вскорѣ послѣ того въ Берлинѣ получено было извѣстіе, что Франція въ мирныхъ переговорахъ съ Англіей предлагала возвратить Ганноверъ королю Георгу III. Это привело прусскаго короля въ такой ужасъ, что 10 августа онъ далъ войскамъ приказъ приготовиться къ походу. Но и тутъ онъ не могъ ни на что рѣшиться, потому что по характеру боялся каждаго рѣшительнаго шага и былъ постоянно окруженъ людьми подлыми, какъ Гаугвицъ, Ломбардъ и Беймъ, или робкими, какъ Кёкерицъ. Эта нерѣшительность имѣла для Пруссіи два пагубныя послѣдствія. Съ одной стороны, Наполеонъ, всегда принимавшій съ свойственной ему хитростью въ разсчетъ характеръ короля, имѣлъ время расположить свои войска безпрепятственно такъ, что уже одно это расположеніе заранѣе обезпечивало ему полную побѣду. Съ другой стороны, Пруссія своими поступками вооружила противъ себя англичанъ. Они, хотя 25 сентября сняли блокаду съ сѣверо-германскихъ рѣкъ, но питали недовѣріе къ Гаугвицу и ему подобнымъ людямъ, которые руководили прусскимъ правительствомъ. Зато русскій императоръ обѣщалъ осенью 1806 свою помощь, которая однако не могла поспѣть во-время.

Къ концу августа прусскій кабинетъ послалъ въ Парижъ генерала Кнобельсдорфа, жаркаго приверженца союза съ Франціей. Онъ отправился на смѣну итальянца Луккезини, который плохо представлялъ интересы Пруссіи. Переговоры возобновились и дали хитрому Талейрану случай еще разъ обмануть и усыпить прусскій кабинетъ, хотя Наполеонъ уже собирался ѣхать въ армію. Сентября 25 Наполеонъ отправился въ Германію, и только тутъ, когда было уже поздно, въ Берлинѣ приняли наконецъ твердое рѣшеніе; прусскій кабинетъ внезапно перешелъ отъ робости къ дерзости и заносчивости. Фридрихъ Вильгельмъ послалъ французскому кабинету ноту, сочиненную Генцомъ и Ломбардомъ, гдѣ заявлялъ оскорбительныя требованія и объявлялъ, что согласенъ ждать отвѣта только до 8 октября. Онъ требовалъ, чтобы Франція согласилась на соединеніе всей сѣверной Германіи въ одинъ союзъ, чтобы Везель былъ снова отданъ Пруссіи, равно какъ и прусскія аббатства, занятыя Мюратомъ. Эта дерзкая нота, полученная Наполеономъ 7 октября въ Бамбергѣ, была бы достаточна, чтобы вызвать войну, если бы даже войскамъ уже не было дано приказанія начать враждебныя дѣйствія.

Приготовленія Пруссіи къ войнѣ были жалки. Высшій генералитетъ состоялъ изъ людей старой школы, да притомъ и слишкомъ дряхлыхъ, чтобы вести народную борьбу на жизнь и смерть. Изъ тридцати высшихъ генераловъ старшему, Мёллендорфу, было восемьдесятъ два года; второму, Фердинанду Брауншвейгскому,— семьдесятъ одинъ годъ; младшему, Рюхелю,—52 года; только принцу Лудвигу Фердинанду было всего 34 года. Изъ всѣхъ генераловъ одинъ Блюхеръ могъ тягаться съ полководцами Наполеона. Рюхель и принцъ Лудвигъ Фердинандъ принадлежали, какъ и Блюхеръ, къ самымъ отъявленнымъ французоѣдамъ. Но Рюхель держался старой системы рутинной тактики и, слѣдовательно, не могъ воодушевлять войска, безъ чего побѣда была невозможна; Лудвигъ Фердинандъ отличался только безумной отвагой, болѣе приличной гусарскому офицеру, чѣмъ полководцу. Главнокомандующимъ былъ назначенъ Фердинандъ Брауншвейгскій, хотя во время революціонной войны доказалъ свою неспособность противъ новой тактики французовъ и еще тогда сдѣлался общимъ предметомъ насмѣшекъ.

Пруссія не нашла союзниковъ даже между нѣмецкими государями. Только курфирстъ саксонскій, Фридрихъ Августъ III, поневолѣ былъ принужденъ наконецъ принять участіе въ войнѣ. Фридрихъ Августъ слишкомъ хорошо зналъ положеніе прусскихъ дѣлъ, чтобы добровольно соединиться съ Фридрихомъ Вильгельмомъ для борьбы, счастливый исходъ которой былъ болѣе чѣмъ сомнителенъ. Вслѣдствіе этого онъ не согласился на предложеніе Пруссіи, и когда въ октябрѣ ему пришлось наконецъ заключить союзъ съ Пруссіей, внесъ въ договоръ множество оговорокъ и продолжалъ поддерживать сношенія съ Франціей. Пруссаки хотѣли вовлечь въ войну и курфирста Вильгельма I Гессенскаго, но онъ не поддался, потому что, какъ всегда, помышлялъ только о своемъ частномъ обогащеніи. Онъ, правда, поставилъ свое войско на военную ногу, чтобы въ случаѣ побѣды пруссаковъ примкнуть къ нимъ; но съ другой стороны, дозволилъ французамъ пройти чрезъ его владѣнія. Такъ какъ онъ не соблюдалъ строгаго нейтралитета, какъ обѣщалъ Франціи, и собралъ въ тылу французской арміи свои вой-

ска, то впослѣдствіи попался въ собственныя сѣти. Съ Густавомъ IV шведскимъ Пруссія въ августѣ согласилась наконецъ дозволить ему занимать Лауенбургъ, но о помощи съ его стороны не могло быть и рѣчи.

Когда война стала несомнѣнна, въ Берлинѣ восторжествовало вліяніе патріотической партіи, королевы, Блюхера, Шарнгорста, Рюхеля и другихъ. Они составили смѣлый планъ военныхъ дѣйствій, который при тогдашнихъ обстоятельствахъ давалъ небольшую надежду на успѣхъ. Пруссаки хотѣли предупредить французовъ, прямо напасть на непріятельскія войска, шедшія во Франконію, и увлечь за собою храброе гессенское войско, стоявшее при Ганау. Но этотъ смѣлый планъ вскорѣ пришлось покинуть, потому что онъ не соотвѣтствовалъ систематическому педантству прусскаго главнокомандующаго. Фердинандъ Брауншвейгскій былъ обманутъ итальянцемъ Луккезини, увѣрявшимъ, что Наполеонъ не рѣшится самъ начать войну и будетъ выжидать нападенія. Вслѣдствіе этого у пруссаковъ не было составлено опредѣленнаго плана даже уже въ то время, когда въ концѣ сентября корпуса ихъ арміи собрались въ Тюрингіи, и Наполеонъ уже принялъ главное начальство надъ своимъ войскомъ и готовился начать враждебныя дѣйствія. При такой несчастной нерѣшительности въ прусскомъ войскѣ не было притомъ ни порядка, ни согласія, ни обезпеченнаго продовольствія. Не было принято даже мѣръ для развѣдыванія о намѣреніяхъ непріятеля, тогда какъ Наполеонъ зналъ все, что дѣлается въ лагерѣ пруссаковъ. Зато и на этотъ разъ не было недостатка въ томъ кичливомъ духѣ, который разъ уже погубилъ пруссаковъ въ борьбѣ съ французами (стр. 365). Всѣ пруссаки считали свою армію непобѣдимой; всѣ хотѣли повелѣвать, потому что всякій думалъ, что знаетъ все лучше всѣхъ.

Рѣзкій контрастъ всему этому безпорядку въ прусской арміи представляло состояніе французскаго войска. У французовъ все давно было отлично распредѣлено, и Наполеонъ мощной рукой руководилъ всѣмъ. Онъ собралъ грозныя силы во Франконіи, угрожая въ то же время съ Рейна и изъ Голландіи Остъ-Фрисландіи, Ольденбургу и Вестфаліи. Противъ австрійцевъ онъ прикрылъ себя, не смотря на обѣщанный ими нейтралитетъ, крѣпостями Браунау, Пассау, Куфштейномъ и баварскимъ войскомъ. Во Франконіи онъ въ сентябрѣ принудилъ курфирста вюрцбургскаго, брата императора Франца, вступить въ рейнскій союзъ съ новымъ титуломъ великаго герцога и отдать во власть французовъ свою страну и свои войска. Октября 6 Наполеонъ объявилъ своимъ солдатамъ походъ манифестомъ, написаннымъ обыкновеннымъ тономъ и имѣвшимъ обыкновенное дѣйствіе.

На другой день и прусскій король издалъ манифестъ съ объявленіемъ войны, сочиненный Ломбардомъ и Генцомъ. Манифестъ этотъ былъ патріотиченъ, не нелѣпъ, потому что яростныя выходки противъ Наполеона могли только ожесточить грознаго непріятеля, а жалобы на него казались какимъ-то самообличеніемъ, потому что вѣдь Пруссія столько лѣтъ спокойно смотрѣла на всѣ притѣсненія французовъ и даже дѣлилась съ ними ихъ добычей.

2. Кампанія 1806.

Прусская армія стояла въ Тюрингіи. При ней находился и король. Центромъ командовалъ главнокомандующій, Фердинандъ Брауншвейгскій. Правымъ крыломъ, шедшимъ изъ Вестфаліи и Ганновера, начальствовалъ Рюхель, при которомъ находился и Блюхеръ. Лѣвое крыло было подъ командою князя Гогенлоэ. Авангардъ его велъ принцъ Фердинандъ, который въ пылу своего патріотическаго одушевленія не могъ дождаться военныхъ дѣйствій. Когда французы двинулись черезъ Гофъ и Шлейцъ, принцъ пошелъ имъ на встрѣчу до Заальфельда, хотя получилъ приказаніе не переходить за Рудольфштадтъ. При Заальфельдѣ 10 октября принцъ вступилъ въ сраженіе вопреки совѣту всѣхъ опытныхъ офицеровъ. Онъ заплатилъ жизнью за свою безумную отвагу; корпусъ его былъ разбитъ, потерялъ пушки и военную кассу и разсѣялся. Это пораженіе съ самаго начала войны лишило пруссаковъ бодрости, а французовъ утвердило въ сознаніи своего превосходства. Послѣ битвы при Заальфельдѣ французы такъ быстро двинулись впередъ, что черезъ три дня прусская армія была окружена и ли-

шена возможности отступить за Эльбу. Наполеонъ старался воспользовался ужасомъ, распространеннымъ этимъ быстрымъ оборотомъ войны, чтобы вовлечь прусскаго короля въ новыя ошибки. Онъ написалъ ему письмо, разсчитывая поразить своимъ великодушіемъ и окончательно сбить съ толку. Но король получилъ письмо Наполеона слишкомъ поздно.

При извѣстіи, что отступленіе черезъ Эльбу отрѣзано, въ прусской главной квартирѣ приняли пагубное рѣшеніе раздѣлить армію на три части. Фердинандъ Брауншвейгскій съ главными силами двинулся на Наумбургъ и Ауэрштедтъ, чтобы пройти къ Фрейбургу на Унштрутѣ; Гогенлоэ съ другой частью и съ саксонскими войсками остался при Іенѣ прикрывать отступленіе; Рюхель съ третьимъ корпусомъ долженъ былъ поддерживать со стороны Веймара сообщеніе между обѣими частями. Едва Фердинандъ двинулся съ главными силами въ путь, какъ Наполеонъ, желая какъ можно скорѣе дать рѣшительную битву, одновременно аттаковалъ 14 октября всѣ три части прусской арміи. Онъ самъ съ огромными силами напалъ при Іенѣ на Гогенлоэ, занявъ предварительно всѣ главные пункты позиціи. Въ то же время Даву аттаковалъ главную армію пруссаковъ при Ауэрштетѣ на переходѣ ея къ Фрейбургу. Наполеонъ быстро разбилъ и обратилъ въ бѣгство войска Гогенлоэ. Рюхель поспѣшилъ на помощь Гогенлоэ, но опоздалъ, хотѣлъ возстановить сраженіе и потерпѣлъ жестокое пораженіе. Между тѣмъ Даву одержалъ еще славнѣйшую побѣду надъ вдвое сильнѣйшимъ непріятелемъ, поразивъ главныя силы пруссаковъ подъ начальствомъ Фердинанда Брауншвейгскаго и короля. При Іенѣ и Ауэрштедтѣ пруссаки потеряли плѣнными и убитыми цѣлую треть своихъ войскъ. Впрочемъ они дрались храбро, какъ солтаты, такъ и командиры. Короля съ трудомъ вывели изъ боя, а изъ генераловъ трое, Фердинандъ Брауншвейгскій, Шметтау и Мелендорфъ получили смертельныя раны.

Никто лучше Наполеона не умѣлъ пользоваться побѣдой и нѣтъ народа живѣе и отважнѣе въ битвѣ французовъ. Они доказали это послѣ сраженій при Іенѣ и Ауэрштедтѣ. Уже 16 октября Мюратъ взялъ на капитуляцію Эрфуртъ, куда удалился Рюхель; тутъ было взято военоплѣнными 14,000 пруссаковъ. Потомъ Мюратъ поспѣшилъ въ догоню за княземъ Гогенлоэ. Фридрихъ Вильгельмъ, убѣгая за Одеръ, приказалъ изъ Зондерсгаузена князю Гогенлоэ стянуть всѣ разсѣянныя войска и собрать ихъ подъ Магдебургомъ. Но князь какъ будто потерялъ голову и своими ошибками облегчилъ непріятелю преслѣдованіе побѣды. Впрочемъ такъ поступали почти всѣ генералы прусской арміи. О поддержаніи сношеній между разсѣянными отрядами арміи никто и не думалъ, такъ что всѣ они слишкомъ поздно получили извѣстія другъ о другѣ. Октября 17 герцогъ Евгеній Виртембергскій, стоящій съ резервомъ при Галле, былъ разбитъ Бернадотомъ, который взялъ при этомъ 4,000 человѣкъ плѣнныхъ и 22 пушки съ огромнымъ количествомъ снарядовъ. Когда наконецъ Гогенлоэ собралъ остатки прусской арміи въ Магдебургѣ, комендантъ этой крѣпости, дряхлый старикъ фонъ Клейстъ, не только не принялъ отъ него никакихъ приказаній, но даже отказался снабдить войска князя припасами и провіантомъ изъ запасовъ крѣпости.

Пока французы горячо преслѣдовали остатки прусской арміи, Наполеонъ привлекалъ къ себѣ курфирста саксонскаго, министры котораго постоянно состояли въ сношеніяхъ съ Франціей и дѣлали пруссакамъ немало препятствій. Послѣ побѣды Наполеонъ отпустилъ плѣнныхъ саксонскихъ солдатъ съ дружескими словами и послалъ въ Дрезденъ посланника, чтобы отвлечь Саксонію отъ Пруссіи. Октября 18 къ Наполеону явился ротмистръ фонъ Тилеманъ, и императоръ тѣмъ легче могъ обратить его въ орудіе своихъ цѣлей, что Тилеманъ, явившись, объявилъ, что присланъ заключить миръ, хотя не имѣлъ никакого полномочія. Уже 23 октября переговоры зашли такъ далеко, что курфирстъ отозвалъ свои войска. Наполеонъ хитро принялъ его ходатайство за другихъ саксонскихъ владѣтелей, чтобы и ихъ отвлечь отъ Пруссіи. Формальное заключеніе мира съ Саксоніей было отложено до декабря, что доставило французамъ возможность предварительно ограбить Саксонію. Грабежъ былъ дѣло легкое, потому что въ Саксоніи и Тюрингіи, какъ прежде въ Ганноверѣ и потомъ въ Пруссіи, управленіе продолжало идти обычнымъ порядкомъ, и чиновники помогали систематическимъ вымогательствамъ непріятеля. Миръ, заключенный 11 декабря 1806 съ курфирстомъ саксонскимъ, доставилъ ему королевскій титулъ и, присоединивъ его къ рейнскому союзу,

сдѣлалъ его французскимъ вассаломъ съ обязательствомъ принять участіе въ войнѣ противъ Пруссіи. Саксонскія герцогства, заключившія 15 декабря договоръ съ Наполеономъ, были тоже приняты въ рейнскій союзъ и должны были дать французамъ свои войска для борьбы противъ Пруссіи, которая очутилась единственной представительницей нѣмецкаго отечества. Съ курфирстомъ Вильгельмомъ I Гессенскимъ Наполеонъ не поцеремонился, и надо признаться, что на этотъ разъ насиліе императора постигло человѣка, нестоившаго лучшей участи. Курфирстъ игралъ двуличную роль. Въ письмѣ къ Гаугвицу 12 октября онъ выражался несогласно съ своимъ нейтральнымъ положеніемъ. Наполеонъ узналъ это и послѣ битвы при Іенѣ послалъ противъ него Мортье. Тогда курфирстъ предложилъ сдѣлаться союзникомъ Наполеона и отдать въ его распоряженіе свои войска. Но Наполеонъ объявилъ въ бюллетенѣ, что курфирстъ низлагается. Послѣ этого курфирстъ немедленно бѣжалъ въ Данію. Наполеонъ занялъ его страну, обезоружилъ гессенскія войска и перевезъ всѣ заготовленные военные матеріалы въ Майнцъ, возвѣстивъ всему свѣту, что впредь всякій государь, который вздумаетъ взяться за оружіе противъ Франціи, будетъ наказываться лишеніемъ престола. Фульда была тоже занята Мортье, и правитель ея, принцъ Оранскій, низвергнутъ. Той же участи подвергся Фердинандъ Брауншвейгскій. Онъ лишился владѣній и даже не могъ умереть въ своей резиденціи. Чтобы не попасть въ плѣнъ, ему пришлось, не смотря на боль и мученія отъ раны, переѣзжать съ мѣста на мѣсто, пока наконецъ смерть не постигла его 6 ноября въ Оттензенѣ близъ Альтоны.

Между начальниками разбитыхъ остатковъ прусскаго войска господствовали полнѣйшее смятеніе и раздоръ. Князь Гогенлоэ съ войсками, собранными подъ Магдебургомъ, пытался перейти черезъ Одеръ, но выступилъ двумя днями позже, чѣмъ слѣдовало, и тѣмъ доставилъ преслѣдовавшему непріятелю возможность такъ окружить его, что 28 октября въ Пренцлау онъ долженъ былъ заключить позорную капитуляцію. Въ силу этой капитуляціи, которую онъ заключилъ по совѣту своего ментора, полковника фонъ Массенбаха, 10,000 пруссаковъ отдались военноплѣнными; самъ Гогенлоэ и прочіе офицеры были отпущены на честное слово. Изъ всего корпуса князя отъ плѣна ушелъ только арьергардъ подъ командой Блюхера. Гогенлоэ и Массенбахъ рѣшились на позорную капитуляцію въ Пренцлау, потому что, во-первыхъ, не знали силъ окружавшаго ихъ непріятеля, а во-вторыхъ, что войска ихъ страдали отъ недостатка продовольствія и находились въ отчаянномъ безпорядкѣ. Тѣмъ не менѣе имъ слѣдовало бы по крайней мѣрѣ отчаянной борьбой спасти честь Пруссіи и Германіи, вмѣсто того чтобы навлекать позорной капитуляціей на свою націю насмѣшки и презрѣніе непріятеля. Очень можетъ быть даже, что Массенбахъ, который всегда былъ расположенъ къ французамъ, умышленно обманулъ Гогенлоэ.

Высокомѣрная прусская знать, вѣчно хваставшая Фридрихомъ Великимъ и Семилѣтнею войною, вела себя нелучше всегдашняго, когда дѣло шло о правѣ, отечествѣ и свободѣ. Чтобы спасти свои помѣстья, она позорнымъ образомъ выдавала непріятелю ввѣренныя ей крѣпости. Трусостью болѣе другихъ отличились: Ромбергъ, Ингерслебенъ и Клейстъ. Ромбергъ сдалъ 29 октября по первому востребованію укрѣпленный Штеттинъ отряду легкой кавалеріи, высланному Мюратомъ, хотя въ городѣ было 6,000 человѣкъ гарнизона, 150 орудій и достаточно запасовъ. Самъ Наполеонъ былъ такъ удивленъ подлостью штеттинскаго коммендапта, что въ шутку писалъ Мюрату, что если крѣпости можно брать гусарами, то ему остается бросить тяжелую артиллерію. Черезъ три дня послѣ сдачи Штеттина, 1 ноября, Ингерслебенъ сдалъ Кюстринъ, бывшій еще въ лучшемъ оборонительномъ положеніи и защищенный болотами, тогда какъ у непріятельскаго генерала не было даже лодокъ, чтобы переправиться къ крѣпости черезъ Одеръ. Коммендантъ знатнаго происхожденія послалъ свои собственныя лодки, чтобы перевезти непріятеля къ себѣ въ крѣпость. Въ Магдебургѣ, главной крѣпости прусскаго государства, коммендантъ Клейстъ имѣлъ 24,000 чел. гарнизона, 800 орудій и продовольствіе на нѣсколько мѣсяцевъ; тѣмъ не менѣе этотъ герой Семилѣтней войны открылъ 8 ноября ворота крѣпости маршалу Нею, у котораго не было и половины его силъ и никакихъ артиллерійскихъ средствъ для осады подобной крѣпости. Точно такимъ же образомъ сдались и другія крѣпости.

Среди подобныхъ низостей попытка Блюхера пробраться съ своимъ отрядомъ къ Балтійскому морю является свѣтлой звѣздой среди темной ночи. Какъ ни порицаютъ Блюхера за несчастіе, которое онъ навлекъ этой попыткой на городъ Любекъ, однако онъ не только спасъ честь нѣмцевъ, но отвлекъ большую часть французскихъ силъ съ Одера на Эльбу, что было гораздо важнѣе, чѣмъ сберечь одинъ городъ. Испанцы, греки и черкесы приносили не такія жертвы въ войнахъ. Если побѣда невозможна, воину остается славной смертью порадовать сердца переживающихъ его братьевъ. Блюхеръ собралъ 20,000—25,000 человѣкъ и попытался сохранить ихъ своему королю переходомъ къ Балтійскому морю, чтобы оттуда переправить въ Кольбергъ и Данцигъ. Самъ онъ былъ несвѣдущъ въ ученой военной части; но въ этомъ предпріятіи у него былъ совѣтникомъ ученый тактикъ Шарнгорстъ. По заключеніи капитуляціи въ Пренцлау Блюхеръ двинулся съ своимъ корпусомъ въ Мекленбургъ. Дорогою онъ присоединилъ къ себѣ еще нѣсколько отрядовъ. Его преслѣдовали многочисленныя непріятельскія силы подъ начальствомъ Сульта, Бернадота и Мюрата; преслѣдуемый ими, онъ не могъ исполнить своего намѣренія, однако отвергъ всѣ условія, много разъ предлагаемыя ему, и когда французы опередили его, повернулъ къ Любеку. Въ этотъ городъ 4 ноября бѣжало уже 1,500 шведовъ подъ начальствомъ графа Мёрнера изъ Лауенбурга; Блюхеръ пришелъ туда вечеромъ на слѣдующій день. На слѣдующее утро французы стали штурмовать одни ворота города и прорвались въ нихъ, потому что приказанія Блюхера исполнялись неточно. Въ улицахъ начался бой. Наконецъ Блюхеръ былъ принужденъ уступить силѣ. Онъ отступилъ по направленію къ Эйтину, но, терпя недостатокъ въ провіантѣ и фуражѣ и не имѣя возможности пройти по нейтральной датской почвѣ, заключилъ 7 ноября капитуляцію, въ силу которой оставшіеся у него 6,500 человѣкъ сдались военноплѣнными. Шведскій отрядъ графа Мернера также положилъ оружіе, за исключеніемъ пробившихся 400 человѣкъ.

Между тѣмъ въ Любекѣ непріятель, ожесточенный сопротивленіемъ, производилъ злодѣйства, какія обыкновенно постигаютъ завоеванный городъ. Пять тысячъ труповъ валялось на улицахъ. Убійства и грабежъ не прекратились даже послѣ сдачи Блюхера. За свое предпріятіе, сопряженное съ такими жертвами, Блюхеръ подвергся сильнымъ нападкамъ, особенно со стороны Массенбаха. Онъ потребовалъ военнаго суда надъ собой и оправдался не только передъ судомъ, но и передъ обществомъ брошюрой, которая порадовала всѣхъ патріотовъ, увидавшихъ наконецъ благороднаго человѣка въ числѣ генераловъ своей націи. Остальные прусскіе генералы были всѣ достойными товарищами Гогенлоэ, Клейста, Ингерслебена и Ромберга. Ноября 19 сдался на капитуляцію фонъ Шелеръ въ Гамельнѣ, 25 числа—фонъ Штрахвицъ въ Нейнбургѣ, въ тотъ же день—фонъ Уттенгофенъ въ Плассенбургѣ близъ Кульмбаха, безъ малѣйшаго сопротивленія. Сами французы глубоко презирали этихъ людей, которые поступали совершенно измѣннически, выговаривая себѣ у завоевателей пенсіи. Шелеръ, заключая капитуляцію, просилъ даже французовъ оказать ему помощь противъ его негодующихъ солдатъ, но Савари съ неудовольствіемъ отказалъ ему.

Такимъ образомъ въ шесть недѣль вся страна до Одера со всѣми крѣпостями была завоевана французами. Остъ-Фрисландія, Вестфалія, Ганноверъ, Ганзейскіе города къ концу ноября были также заняты войсками Наполеона. Французы проникли въ ноябрѣ даже въ Силезію. Въ началѣ декабря имъ сдалась тамошняя крѣпость Глогау, отворившая ворота послѣ двухнедѣльной осады, хотя была въ изобиліи снабжена всѣмъ необходимымъ.

Берлинъ былъ занятъ французами еще 25 октября. При первомъ извѣстіи о пораженіяхъ при Іенѣ и Ауэрштедтѣ, многіе чиновники, въ томъ числѣ и губернаторъ фонъ Шуленбургъ, бѣжали изъ столицы. Губернаторъ, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ и министромъ, забылъ второпяхъ даже вывезти вещи изъ арсенала. Октября 25 въ Берлинъ вошелъ Даву, а черезъ два дня и самъ Наполеонъ. Кларкъ и Дарю были назначены гражданскими администраторами Пруссіи, и нѣмецкіе чиновники, попавъ подъ начальство этихъ французовъ, стали служить непріятелю въ дѣлѣ систематическаго обиранія отечества огромными контрибуціями. Въ Берлинѣ происходили обычныя сцены униженнаго подличанья передъ побѣдителями. Наполеонъ въ своихъ бюллетеняхъ, рѣчахъ и по-

ступкахъ поступалъ какъ настоящій парижскій комедіантъ, хвастая и обманывая своихъ французовъ росказнями, которыя приводили ихъ въ восторгъ; онъ считалъ это мудрымъ политическимъ средствомъ и въ письмахъ къ брату Іосифу рекомендовалъ ему подобное шарлатанство, выдавая его за государственное искусство. Это вызвало порицаніе даже со стороны одного французскаго писателя, принадлежащаго впрочемъ къ числу самыхъ добросовѣстныхъ историковъ своей націи (Лефевра). Наполеонъ велѣлъ снять съ Бранденбургскихъ воротъ статую Побѣды и послалъ ее въ Парижъ, какъ трофей. Онъ отправился въ Потсдамъ на могилу Фридриха Великаго и взялъ изъ его комнаты трофеи великаго короля— шпагу, шарфъ, офицерскіе знаки и ордена. Они были отправлены въ Парижъ и тамъ при пушечной пальбѣ препровождены на тріумфальной колесницѣ въ Домъ Инвалидовъ. Прусскій генералъ князь Гацфельдъ, переславшій Гогенлоэ извѣстія о французскихъ войскахъ въ Берлинѣ, былъ по приказанію Наполеона преданъ суду и приговоренъ къ смерти, не смотря на ходатайство французскихъ генераловъ; но потомъ императоръ разыгралъ комедію передъ женой Гацфельда, отдавъ ей перехваченное письмо князя, чтобы она бросила его въ огонь. Недостойны были также его поступки съ умирающимъ герцогомъ Брауншвейгскимъ; онъ грубо прогналъ его посланника, напыщенно напомнивъ ему объ извѣстномъ манифестѣ 1792 (стр. 369), хотя все дѣло было въ конфискаціи герцогства, уже порѣшенной. Наполеонъ предписалъ всѣмъ прусскимъ чиновникамъ принести ему присягу на вѣрность, чего въ Австріи не дѣлалъ. Прусскую королеву Луизу онъ осыпалъ въ своихъ бюллетеняхъ и газетахъ грубѣйшей бранью въ фельдфебельскомъ тонѣ.

Въ то время какъ Наполеонъ былъ въ Берлинѣ, безчестные люди, державшіе въ своихъ рукахъ короля прусскаго, бѣжавшаго за Одеръ, чуть было не отстранили его коварно и безразсудно отъ Англіи и Россіи, чтобы, связавъ по рукамъ и по ногамъ, предать на произволъ побѣдителей, овладѣвшихъ почти всѣмъ его государствомъ. Луккезини, Ломбардъ, Гаугвицъ, Цастровъ и т. д., не смотря на всѣ бѣдствія, которыя навлекли на Пруссію, такъ опутали короля, что баронъ фонъ Штейнъ и благородная патріотическая королева потеряли всякое вліяніе на его робкую душу. По ихъ совѣту Фридрихъ Вильгельмъ послалъ 17 октября Луккезини выпрашивать у Наполеона перемирія. Вскорѣ въ помощники коварному итальянцу былъ присланъ столь же ненадежный человѣкъ, генералъ Цастровъ. Сначала Наполеонъ ни на что не соглашался, но потомъ уполномочилъ своего холоднаго Дюрока воспользоваться предложеніемъ, чтобы обмануть прусскаго короля черезъ его собственныхъ уполномоченныхъ. Дюрокъ поставилъ самыя суровыя условія. Король согласился принять ихъ, но въ тоже время (25 октября) написалъ собственноручное письмо къ Наполеону, гдѣ обнаруживалась такая трусость, что подавала надежду на возможность вынудить у него еще болѣе тяжкія условія. Вслѣдствіе этого прусскихъ посланниковъ задержали въ Берлинѣ, пока обстоятельства не принудили короля принять еще болѣе тяжелыя предложенія. Когда вѣроломные генералы и комменданты начали предавать короля и когда въ тоже время поляки, призванные къ оружію Домбровскимъ, вооружили противъ пруссаковъ войско, слабый король во второмъ письмѣ 7 ноября къ высокомѣрному побѣдителю унижался передъ нимъ до крайности, но напрасно. Англія все еще не оказывала ему помощи, а русскія войска пришли на Вислу только въ половинѣ ноября. Поэтому Наполеонъ взялъ назадъ свои требованія и согласился только на перемиріе на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Заключая его съ посланниками Фридриха Вильгельма, Талейранъ прямо оговорилъ, что договоръ этотъ не долженъ считаться прелиминаріемъ къ миру съ Пруссіей, потому что Франція согласна заключить миръ только со всѣми своими врагами, Россіей, Англіей и Пруссіей, заодно. Луккезини и Цастровъ не постыдились подписать 16 ноября этотъ договоръ, послѣ чего Дюрокъ отправился къ королю за ратификаціей. Король, конечно, утвердилъ бы договоръ, если бы между тѣмъ надъ нимъ не восторжествовало другое вліяніе, пересилившее шайку Гаугвица. Ноября 22 Фридрихъ Вильгельмъ отказалъ французскому уполномоченному въ подписи. Въ тотъ же день онъ объявилъ русскому посланнику, что принимаетъ великодушное предложеніе императора Александра помогать Пруссіи всѣми силами.

Съ этого времени война Наполеона съ Пруссіей обратилась въ войну съ Россіей. Въ это же время французскій императоръ придумалъ новую мѣру противъ Англіи. Ноября 21 1806 Наполеонъ издалъ противъ Англіи пресловутый берлинскій декретъ, т. е. положилъ начало своей такъ называемой континентальной системѣ, которая впослѣдствіи становилась все строже и наконецъ поставила его самого въ затруднительное положеніе въ то время, какъ англичанамъ, напротивъ того, доставила желанный случай завладѣть всемірной торговлей и колоніями европейцевъ. Берлинскимъ декретомъ Британскіе острова были объявлены въ блокадномъ положеніи, и жителямъ государствъ, союзныхъ съ Франціей, запрещалось подъ строжайшими наказаніями вести торговлю и даже переписку съ Англіей. Всякое имущество, всѣхъ англичанъ и всякіе товары, привезенные изъ Англіи или ея колоній, гдѣ бы ни находились, велѣно было конфисковать; каждый англійскій подданный, захваченный на континентѣ, считался военноплѣннымъ, и всякія сношенія съ англичанами наказывались, какъ политическое преступленіе. Исполненіе этого неслыханнаго приказа сопровождалось величайшими притѣсненіями, и тиранически указъ, вызвавъ въ Германіи и Голландіи чрезвычайное развитіе контрабанды, деморализовалъ эти страны. Честные люди разорялись, а плуты, умѣвшіе подкупать французскихъ чиновниковъ и небоявшіеся клятвопреступленія, наживали несмѣтныя богатства. На жестокій приказъ Наполеона англичане отвѣчали эдиктомъ 7 января 1807, которымъ всѣмъ кораблямъ, выходящимъ изъ гаваней Франціи и ея союзниковъ, запрещался входъ въ англійскія гавани.

Такимъ образомъ военный деспотъ и нація торгашей вдвоемъ поставили свой неограниченный произволъ закономъ для всѣхъ народовъ. Англичане могли утѣшаться хотя тѣмъ, что парламентъ ихъ все-таки имѣлъ видъ народнаго представительства, тогда какъ французскую націю заставляли жертвовать свою кровь. Конскрипціи 1806 и 1807 гг. были декретированы сенатомъ безъ согласія законодательнаго корпуса. Раболѣпный сенатъ предписалъ въ декабрѣ 1806 немедленно представить въ распоряженіе императора 80,000 рекрутовъ, которые по закону могли быть набраны только въ сентябрѣ 1807. Кромѣ того изъ національной гвардіи, куда должны были записываться всѣ французы за исключеніемъ однихъ чиновниковъ, была образована настоящая резервная армія, подчиненная военной дисциплинѣ. Даже старому дворянству пришлось нести военную службу Бонапарта. Были учреждены двѣ дворянскія роты, и молодые дворяне охотно шли въ военную службу. Двое потомковъ древнѣйшихъ фамилій, служившіе впослѣдствіи главными опорами трона Бурбоновъ, возникшаго на развалинахъ державы Наполеона, Монморанси и Лаваль приняли начальствованіе надъ этими ротами. Изъ плѣнныхъ прусскихъ войскъ и изъ солдатъ распущенной гессенской арміи были сформированы французскіе полки, при чемъ отличился усердіемъ одинъ нѣмецкій князь (Изенбургъ).

3. Кампанія 1807.

Отвергнувъ предложенныя Наполеономъ условія перемирія и прибѣгнувъ подъ защиту русскихъ, Фридрихъ Вильгельмъ былъ принужденъ разстаться съ Гаугвицемъ. Однако онъ и тутъ не послѣдовалъ совѣту барона Штейна назначить министромъ иностранныхъ дѣлъ барона Гарденберга и продолжалъ подчиняться вліянію все тѣхъ же Луккезини, Цастрова, Кёкерица, Бейма и Ломбарда. При такихъ обстоятельствахъ ни англичане, у которыхъ просили субсидій, ни командиры русскихъ войскъ не могли быть увѣрены, что планы ихъ не будутъ выданы непріятелю. Патріотамъ удалось настоять только на преданіи суду генераловъ и комендантовъ, нарушившихъ свои обязанности. Изъ прежней арміи уцѣлѣло только 25,000 человѣкъ; начальство ими было поручено генералу Лестоку. Формировали новую армію; но Рюхель, обучая войска въ Кёнигсбергѣ, держался старой шагистики. Притомъ тотчасъ начались раздоры съ русскими генералами, которые были въ разладѣ и между собой. Въ арміи Наполеона, напротивъ того,

господствовало полнѣйшее единодушіе, и всѣ приказанія его исполнялись съ энергіей и точностью.

Въ началѣ ноября 1806 Наполеонъ послалъ въ Польшу четыре корпуса подъ начальствомъ маршаловъ Даву, Ожеро, Ланна и великаго герцога Бергскаго. Ноября 26 онъ отправился туда самъ. Чтобы обезпечить себя въ предстоящей войнѣ съ русскими со стороны Австріи, Наполеонъ задобривалъ императора Франца, отозвалъ войска свои изъ Браунау, который до сихъ поръ былъ занятъ, и сдѣлалъ уступку желаніямъ Австріи относительно нѣкоторыхъ спорныхъ пунктовъ по опредѣленію итальянскихъ границъ. Эта политика въ отношеніи австрійскаго кабинета заставляла его быть очень осторожнымъ въ отношеніи поляковъ, которыхъ онъ призвалъ къ оружію черезъ Домбровскаго. Еще въ предъидущемъ году, когда дворянство прусской Польши предлагало ему собрать инсуррекціонное войско, онъ посовѣтовалъ имъ до времени не трогаться. Послѣ сдачи прусскихъ крѣпостей по Одеру онъ условился съ новой депутаціей польскихъ дворянъ на счетъ поголовнаго возстанія польскаго народа, но о возстановленіи Польскаго королевства отозвался очень неопредѣленно. Домбровскій, бывшій товарищъ Косцюшко, призвалъ соотечественниковъ прокламаціей къ возстанію противъ пруссаковъ и, сформировавъ войско, принялъ начальство надъ нимъ. Самъ Косцюшко жилъ тогда въ Парижѣ, но не согласился принять участіе въ этомъ предпріятіи. Тѣмъ не менѣе Наполеонъ въ прокламаціи къ полякамъ возвѣстилъ, что Косцюшко одобряетъ дѣйствія его и вскорѣ самъ пріѣдетъ въ Польшу. Косцюшко не могъ претестовать противъ такого злоупотребленія своимъ именемъ, потому что въ то время ни одна континентальная газета не согласилась бы напечатать этотъ протестъ. Наполеоновская прокламація произвела желанное дѣйствіе. Едва Даву явился въ Познань, какъ поляки возстали, вооружились, разбили прусскія войска и сформировали войско, которое должно было сражаться противъ русскихъ и пруссаковъ.

Когда французы вступили въ Польшу, тамъ, на нижней Вислѣ, стояли прусскія войска подъ командой Лестока, а выше — двѣ русскія арміи, Беннигсена и Буксгевдена. Фельдмаршалъ Каменскій, назначенный главнокомандующимъ всѣхъ силъ, приближался съ третьей арміей. Но дѣла русскихъ съ самаго начала пошли дурно. Каменскій отъ старости помѣшался и уѣхалъ, покинувъ армію на произволъ судьбы. Беннигсенъ, не желая подчиняться Буксгевдену, дѣйствовалъ отдѣльно, портилъ планы прусскихъ генераловъ и принудилъ ихъ отступить съ нижней Вислы, поставивъ и Буксгевдена въ крайнюю опасность. Сумасшедшій восьмидесятилѣтній Каменскій, уѣзжая, отдалъ русскимъ приказъ отступать къ русской границѣ. Но дурныя дороги и непогода такъ разстроили войска, что при отступленіи пришлось бы бросить всѣ запасы и артиллерію; поэтому Беннигсенъ рѣшился ожидать у Пултуска нападенія Наполеона, который шелъ, преодолѣвая страшныя затрудненія, со всѣми своими силами и 22 — 25 декабря переправился черезъ Бугъ и Вкру. При Пултускѣ 26 декабря произошло кровопролитное сраженіе на топкомъ, грязномъ мѣстѣ, подъ сильно валившимся снѣгомъ. Французами командовалъ Ланнъ; однако побѣда ихъ была не такъ рѣшительна, какъ обыкновенно. На слѣдующій день и Буксгевденъ при Голыминѣ былъ аттакованъ самимъ Наполеономъ и потерпѣлъ полнѣйшее пораженіе. Послѣ того зима и непогода на нѣсколько недѣль прекратили военныя дѣйствія.

Въ концѣ января 1807 театромъ войны стала восточная Пруссія, куда Ней и Бернадотъ прогнали прусскія войска. Беннигсенъ составилъ планъ двинуться черезъ Грауденцъ на Бромбергъ и такимъ образомъ перенести войну въ крайнюю западную часть Польши. За сраженіе при Пултускѣ онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ и избавленъ отъ непріятнаго товарищества Буксгевдена, который былъ отозванъ. Едва Беннигсенъ двинулся въ походъ, какъ Наполеонъ поспѣшилъ ему навстрѣчу, чтобы аттаковать лѣвый флангъ русскихъ. Но планъ его не удался, потому что перехваченная депеша предупредила русскаго главнокомандующаго. Русскіе начали отступать по направленію къ Кёнигсбергу, и 8 февраля между ними и главными силами Наполеона произошло при Прейсишъ-Эйлау, одно изъ самыхъ кровопролитныхъ сраженій нашего столѣтія. Оно было нерѣшительно, хотя русскіе лишились славы побѣды, потому что Беннигсенъ оставилъ поле битвы французамъ и такимъ образомъ отказался отъ всѣхъ выгодъ побѣды. Число убитыхъ было съ обѣихъ сторонъ неслыханно велико; солдаты дра-

лись съ такой яростью, что на мѣстѣ оставались цѣлые батальоны; тысячи погибали отъ холода, лишеній и чрезмѣрныхъ усилій. Плѣнныхъ было мало, потому что дрались штыками. Прусскія войска, предводительствуемыя Лестокомъ, пріобрѣли большую заслугу, спася своей храбростью одно крыло русскихъ отъ совершеннаго пораженія.

Наполеонъ, потерявшій въ послѣднія недѣли 30,000 человѣкъ, вскорѣ отступилъ. Въ слѣдующіе мѣсяцы ничего значительнаго не предпринималось ни съ той, ни съ другой стороны; но въ это время Наполеонъ сдѣлалъ приготовленія, чтобы новымъ ударомъ уничтожить обоихъ противниковъ или хотя одного. Онъ велѣлъ осадить остальныя прусскія крѣпости, довелъ къ началу іюня, когда кампанія снова началась, свои силы до 150,000 человѣкъ и старался дипломатическимъ искусствомъ отвлечь прусскаго короля отъ Англіи и Россіи. Глогау сдался еще 2 декабря. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ французы взяли Бреславль и Бригъ; Швейдницъ держался до 16 февраля, а Нейссе, Козель, Глацъ и Зильбербергъ даже до лѣта; но всѣ открытыя мѣста Силезіи были въ рукахъ французовъ, генералъ Вандамъ, одно изъ самыхъ грубыхъ произведеній эпохи террора, свирѣпствовалъ тамъ безпрепятственно ужаснѣйшимъ образомъ. Въ западной Пруссіи графъ Калькрейтъ храбро два мѣсяца защищалъ Данцигъ противъ маршала Лефевра; но недостатокъ въ продовольствіи принудилъ его къ капитуляціи 26 мая. Грауденцъ, гдѣ командовалъ храбрый Курбіеръ, удержался до заключенія мира. Также храбро сопротивлялся Кольбергъ, обороняемый Гнейзенау съ помощью патріотическихъ гражданъ.

Фридрихъ Вильгельмъ, бѣжавшій изъ Кёнигсберга въ Мемель, находился зимой 1806—1807 гг. въ печальномъ положеніи. Онъ съ женой былъ совершенно въ рукахъ русскихъ. Фридрихъ Вильгельмъ по прежнему колебался. Гарденбергъ и друзья его побуждали его принять какое-нибудь твердое рѣшеніе; Цастровъ же и другіе министры хотѣли все дипломатничать. Послѣдніе были склонны примириться съ Франціей или, вѣрнѣе, подчиниться волѣ Наполеона; въ концѣ января они устроили бы отдѣльный миръ съ Франціей, если бы, къ счастью, въ дѣло не вмѣшался Гарденбергъ. Когда Гарденбергъ снова пріобрѣлъ вліяніе, англичане, до сихъ поръ мало поддерживавшіе Пруссію деньгами, изъявили готовность сдѣлать что-нибудь для нея. Февраля 26 Наполеонъ написалъ королю собственноручное письмо, умно разсчитавъ на характеръ Фридриха Вильгельма и его министра Цастрова. Это письмо въ дружескомъ тонѣ заключало въ себѣ подъ видомъ всевозможныхъ доброжелательныхъ предложеній исключительно одну цѣль—отстранить Пруссію отъ Россіи. Короля уговорили отвергнуть предложенія Наполеона, но опредѣленнаго рѣшенія у него все-таки не было. Онъ ежедневно мѣнялъ свои мнѣнія, смотря по тому, съ кѣмъ поговоритъ, съ приверженцами ли Франціи — министрами фонъ-Цастровомъ, фонъ-Фоссомъ и фонъ-Шретеромъ, или съ Гарденбергомъ, министромъ фонъ-Шладеномъ, генераломъ Рюхелемъ, королевой и министромъ Беймомъ, который перешелъ тогда къ патріотамъ.

Наконецъ въ апрѣлѣ совершился поворотъ къ лучшему. 2 числа этого мѣсяца русскій императоръ прибылъ въ Мемель и при содѣйствіи англійскаго посланника Готчинсона доставилъ преобладаніе Гарденбергу. Когда Фридрихъ Вильгельмъ поѣхалъ провожать императора до русской границы, съ нимъ отправился, вмѣсто Цастрова, Гарденбергъ, который при этомъ уговорилъ короля тѣснѣе сойтись съ Россіей договоромъ, заключеннымъ 26 апрѣля въ Бартенштейнѣ. Гарденбергъ, принявъ снова управленіе иностранными дѣлами, взялъ въ совѣтники людей умныхъ и честнаго направленія, какъ напримѣръ, Альтенштейнъ, Нибуръ, Шенъ и Штегманъ. Въ тоже время два искусные генерала, Шарнгорстъ и Гнейзенау, начали свое поприще, которое впослѣдствіи было такъ полезно для новосформированной прусской арміи. Кромѣ того, по счастливой случайности въ январѣ въ Помераніи былъ взятъ въ плѣнъ маршалъ Викторъ и вымѣненъ на Блюхера. Блюхеръ былъ вскорѣ назначенъ вести 15,000 пруссаковъ въ Померанію, чтобы тамъ, согласно условію, соединиться съ 25,000 англійскихъ войскъ и съ шведами и аттаковать французовъ съ фланга и тыла, между тѣмъ какъ Беннигсенъ съ главными силами долженъ былъ двинуться на нихъ съ фронта. Къ несчастью, англичане замедлили присылкою своихъ войскъ и опоздали, потому что потомъ имъ пришлось предоставить главнокомандованіе королю Густаву IV,

который требовалъ этого, а между тѣмъ былъ человѣкъ совершенно отпѣтый въ умственномъ отношеніи.

Въ началѣ іюня 1807 Беннигсенъ открылъ кампанію движеніемъ на Пассаргу. Онъ получилъ къ этому времени значительныя подкрѣпленія, но, конечно, далеко не могъ тягаться съ Наполеономъ. Притомъ онъ не могъ прекратить въ своей арміи всякихъ безпорядковъ. На этомъ движеніи съ 5 іюня происходили частыя кровопролитныя стычки, какъ передъ битвой при Эйлау. Іюня 9 обѣ непріятельскія арміи стояли у Гейльсберга на Алле; 10 числа французы тщетно старались сбить русскихъ съ ихъ сильной позиціи. На слѣдующій день Беннигсенъ добровольно отступилъ, потому что боялся быть отрѣзаннымъ отъ Кёнигсберга и хотѣлъ соединиться съ своими резервами, стоявшими подъ Кёнигсбергомъ, прежде чѣмъ французскіе резервы подойдутъ къ Наполеону. Но 13 числа при Велау онъ снова обратился противъ непріятеля и занялъ при Фридландѣ позицію, которая въ случаѣ пораженія должна была оказаться для него гибельною, потому что съ тыла у него была рѣка, а съ фланга — болото. Его великій противникъ немедленно воспользовался этой ошибкой. Его распоряженія къ битвѣ показывали, что онъ былъ совершенно увѣренъ въ побѣдѣ. Іюня 14, въ 5 часовъ вечера, Наполеонъ началъ аттаку всею своею арміею, послѣ краткаго, но съ обѣихъ сторонъ чрезвычайно упорнаго боя русскіе были совершенно разбиты. Изъ 55,000 русскихъ, вступившихъ въ сраженіе, 17,000 было убито или ранено. Послѣ этого пораженія Беннигсенъ сталъ отступать за русскую границу; Лестокъ съ пруссаками поспѣшилъ къ Мемелю, а Кёнигсбергъ съ своими значительными магазинами былъ уже 16 іюня занятъ французами. Сраженіе при Фридландѣ нанесло Пруссіи послѣдній ударъ. Она, вѣроятно, совершенно погибла бы, еслибы не русскій императоръ. Битва при Фридландѣ предала остатки прусскаго государства въ добычу французовъ, такъ какъ двѣ единственныя крѣпости, еще державшіяся на сѣверѣ, Кольбертъ и Грауденцъ, не могли держаться долѣе нѣсколькихъ дней, а договоръ о субсидіяхъ, заключенный прусскимъ посланникомъ въ Лондонѣ 17 іюня, былъ теперь недѣйствителенъ. Гарденбергъ, Штейнъ, Шладенъ и еще нѣсколько окружавшихъ Фридриха Вильгельма лицъ, хотя совѣтовали королю держаться, не смотря на опасное положеніе, но не нашли никого, на кого могли бы положиться. Какъ Фридрихъ Вильгельмъ, такъ и русскій императоръ были не въ состояніи долѣе противиться завоевателю. Притомъ они потеряли всякое довѣріе къ Англіи и вдобавокъ не были увѣрены въ нейтралитетѣ Австріи, будучи увѣрены, что она намѣрена ловить рыбу въ мутной водѣ. Александръ рѣшился съ своей стороны прекратить войну. Для этой цѣли онъ предложилъ 18 іюня перемиріе, поставивъ условіемъ, чтобы и Пруссіи было тоже дано перемиріе. Вслѣдствіе этого 21 іюня было заключено съ Россіей, а 25 іюня съ Пруссіей перемиріе съ цѣлью начать переговоры о мирѣ.

4. Тильзитскій миръ.

Мирные переговоры начались 25 іюня въ Тильзитѣ. Они велись императорами и прусскимъ королемъ лично. Свиданіе происходило на плоту, нарочно выстроенномъ для этой цѣли на рѣкѣ Нѣманѣ. Впрочемъ Фридрихъ Вильгельмъ присутствовалъ только на второмъ свиданіи, бывшемъ 26 числа. Наполеону было теперь еще легче опутать русскаго императора, чѣмъ полтора года тому назадъ императора Франца австрійскаго, потому что Францъ былъ по натурѣ практиченъ и чуждъ всякаго сочувствія къ идеямъ, тогда какъ Александръ легко воспламенялся. Съ перваго же свиданія, русскій императоръ былъ такъ плѣненъ Наполеономъ, что съ этой минуты началъ искренно уважать его, какъ героя. Королю прусскому, игравшему въ переговорахъ очень жалкую роль, Наполеонъ всѣми поступками далъ почувствовать неудовольствіе, которое давно питалъ къ нему; онъ оказывалъ ему явное презрѣніе, и, говорятъ, оскорбилъ даже несчастнаго короля въ лицѣ его жены. Она не смотря на предостереженіе русскаго министра Будберга, тоже явилась въ Тильзитъ, чтобы тронуть сердце побѣдителя; но, какъ и можно было предвидѣть, ничего не могла добиться, и ея личное вмѣшательство

въ политику дало только поводъ французскому императору оскорбить ее грубыми словами, облеченными въ форму любезности.

Русскій царь заключилъ 7 іюля 1807 отдѣльный мирный договоръ безъ участія Фридриха Вильгельма и его министровъ; тѣмъ не менѣе этотъ договоръ содержалъ въ себѣ почти все, что впослѣдствіи Наполеонъ предписалъ прусскому кабинету. Кромѣ этого главнаго договора между Александромъ и Наполеономъ было заключено нѣсколько тайныхъ соглашеній, которыя даже не записывались и никогда не были обнародованы, а впослѣдствіи даже опровергались то одною, то другою сторонами. Оба императора одинаково безжалостно жертвовали другъ другу своими союзниками. Александръ предалъ Пруссію на произволъ Наполеона, а Наполеонъ, какъ впослѣдствіи самъ сознался, условился съ Александромъ на счетъ низложенія короля испанскаго и его фамиліи. Знаменитый французскій дипломатъ Лефевръ судитъ объ этомъ очень строго, какъ можно судить только съ плебейской нравственной точки зрѣнія. «Никогда грубая внѣшняя сила, говоритъ онъ, не предъявляла такъ дерзко своихъ интересовъ противъ началъ права и справедливости; никогда судьбами народовъ не играли съ такимъ явнымъ произволомъ, не оскорбляли съ такимъ цинизмомъ закона нравственности. Сердце возмущается при видѣ двухъ наканунѣ еще ожесточеннѣйшихъ враговъ, заключающихъ на другой день дружбу. Все это можетъ служить новымъ и ужаснымъ доказательствомъ, какой высокой цѣной покупаются завоеванія и военное величіе».

Въ гласномъ договорѣ между Россіей и Франціей было сказано, что Наполеонъ, въ угоду Россіи, довольствуется лишеніемъ прусскаго короля только половины его государства. Пруссія потеряла Ганноверъ и всѣ остальныя владѣнія за Эльбой, земли, пріобрѣтенныя въ два послѣдніе раздѣла Польши, и южную часть западной Пруссіи. За-эльбскія владѣнія Пруссіи съ придачей Брауншвейга, Кургессена и другихъ областей отдавались подъ именемъ Вестфальскаго королевства младшему брату Наполеона, Іерониму. Польскія области Пруссіи подъ именемъ герцогства Варшавскаго были отданы королю саксонскому, за исключеніемъ города Данцига и Бѣлостокской области, которую получилъ Александръ, а Данцигъ былъ объявленъ республикой подъ покровительствомъ французскаго императора и саксонскаго короля; онъ долженъ былъ принять французскій гарнизонъ. Новое герцогство Варшавское было передовымъ постомъ противъ Россіи и Австріи; оно было обобрано на подарки французскимъ солдатамъ, придворнымъ и дипломатамъ. Королю прусскому не позволили даже быть хозяиномъ у себя; русско-французскій договоръ принудилъ его открыть саксонскому королю военную дорогу черезъ Силезію изъ Саксоніи въ Варшаву. По другимъ условіямъ договора Наполеона съ Александромъ, Ольденбургъ, Мекленбургъ и Саксенъ-Кобургъ были возвращены прежнимъ владѣтелямъ; Йеверъ, наслѣдованный бабкой Александра, Екатериной II, отъ брата, послѣдняго принца Ангальтъ-Цербстскаго и Йеверскаго, былъ уступленъ Голландіи вмѣстѣ съ восточной Фрисландіею, бывшею до сихъ поръ прусской. Александръ призналъ королевское достоинство братьевъ Наполеона и всѣ сдѣланныя въ ихъ пользу территоріальныя измѣненія; такимъ образомъ онъ отказался отъ всего, чего Россія требовала съ 1803 относительно Оранскаго дома, Фульды, Пьемонта и Неаполя.

Тайныя соглашенія частью опровергали статьи гласнаго договора. Такъ напримѣръ, относительно Турціи статьями гласнаго договора хотѣли обмануть Австрію. Въ тайныхъ же соглашеніяхъ Наполеонъ отдалъ Турцію и Швецію въ добычу царю, который зато предалъ Франціи Португалію, Испанію, Мальту и Сѣверо-Африканскій берегъ. Кромѣ того, Александръ обѣщалъ приступить къ континентальной системѣ и предоставить Іоническіе острова Франціи. Мы пройдемъ молчаніемъ другія тайныя условія. Въ нихъ заключались нѣкоторые очень фантастическіе планы, которые никакъ нельзя было считать серьезными. Таковъ между прочимъ былъ планъ похода Франціи и Россіи противъ англійской Индіи. Англичане за большія деньги узнали обо всемъ этомъ, потому что Талейранъ самъ шелъ на подкупъ, хотя не лично, но черезъ посредство другихъ лицъ. За это онъ былъ уволенъ изъ министровъ иностранныхъ дѣлъ, и на мѣсто его назначенъ Шанпаньи. Талейранъ, какъ и Фуше, былъ увѣренъ въ своей безнаказанности, потому что имъ были извѣстны очень важныя тайны императора.

Договоръ между Пруссіей и Франціей былъ заключенъ 9 іюня. Договоръ этотъ былъ бы въ высшей степени пагубенъ для Пруссіи, потому что Фридрихъ Вильгельмъ поручилъ вести переговоры графу Калькрейту, котораго фонъ Шладенъ называетъ легкомысленнымъ старымъ болтуномъ. Чтобы доставить ему и тому подобнымъ тварямъ преобладаніе при прусскомъ дворѣ, Наполеонъ формально приказалъ 4 іюля королю Фридриху Вильгельму отставить барона фонъ Гарденберга. Договоръ заключалъ въ себѣ всѣ вышеупомянутыя статьи, относящіяся къ Пруссіи. Кромѣ того, Фридрихъ Вильгельмъ долженъ былъ, какъ и Александръ, признать королями трехъ братьевъ Наполеона и курфирста саксонскаго, запретить англичанамъ всякія сношенія съ своими подданными и заранѣе одобрить все, что будетъ дѣлать Наполеонъ въ Германіи и Польшѣ. Въ особенномъ тайномъ условіи онъ далъ согласіе на всѣ планы Россіи и Франціи противъ Швеціи и согласился объявить войну Англіи, если ее объявятъ Франція и Россія. Французскія войска должны были выступить изъ владѣній, оставленныхъ Фридриху Вильгельму, но неиначе, какъ по уплатѣ недоимочныхъ контрибуцій. Для этой цѣли въ Берлинѣ была назначена особая коммисія подъ предсѣдательствомъ жестокаго французскаго интенданта Дарю. Онъ, какъ Бреннъ, бросая мечъ на вѣсы, постоянно возвышалъ требованія до громадныхъ размѣровъ.

Тильзитскій миръ лишилъ Фридриха Вильгельма четырехъ съ половиною милліоновъ жителей; у него осталось только пять милліоновъ двѣсти тысячъ жителей и 14,000,000 талеровъ дохода; но и оставшаяся за нимъ половина его государства дорого платила за свою самостоятельность, потому что черезъ прусскія владѣнія была открыта дорога саксонскимъ и польскимъ войскамъ. Король былъ вынужденъ принять еще много тяжелыхъ условій договоромъ 8 сентября 1808, которымъ послѣ долгихъ вымогательствъ опредѣлились наконецъ спорные пункты. Французы до полученія недоимочныхъ ста сорока пяти милліоновъ франковъ заняли Глогау, Кюстринъ и Штетинъ. Гарнизоны ихъ должны были содержаться на счетъ пруссаковъ; имъ и польско-саксонскимъ войскамъ открывалось семь военныхъ дорогъ въ Пруссіи. Пруссія обязалась не держать въ слѣдующіе десять лѣтъ больше 42,000 человѣкъ войска. Фридрихъ Вильгельмъ сдѣлалъ еще нѣкоторыя поземельныя уступки Варшавскому герцогству, Вестфаліи и Данцигу.

Королевство Вестфальское было принято въ Рейнскій союзъ. Дальнѣйшія распоряженія тильзитскаго мира областями состояли въ слѣдующемъ. Голландія за полученные отъ Россіи и Пруссіи Йеверъ и Остъ-Фрисландію уступила Франціи крѣпости Флиссингенъ, Бергенъ-Опъ-Цомъ, Бреда, Герцогенбушъ и Гертруйденбургъ, часть Зеландіи и полосу земли по Маасу. Мюнстеръ, Текленбургъ, Лингенъ, графство Маркъ, Эссенъ, Эльтенъ и Верденъ были отданы въ маѣ 1808 великому герцогу Бергскому. Значительная часть Ганновера, Эрфуртъ, Байретъ, Ганау и Фульда остались подъ непосредственнымъ управленіемъ французовъ; только впослѣдствіи, когда страны и города эти были окончательно разорены, Наполеонъ роздалъ часть ихъ нѣмецкимъ государямъ.

5. Швеція и Данія послѣ Тильзитскаго мира.

По тильзитскимъ условіямъ, Швецію и Данію предполагалось принудить вступить въ союзъ противъ Англіи и приступить къ континентальной системѣ. Наполеонъ отдалъ русскому императору Финляндію и условился съ нимъ для отвлеченія Даніи отъ Англіи дать ей участіе въ раздѣлѣ Швеціи. Впрочемъ всѣ эти замыслы противъ Швеціи едва ли осуществились бы, если бы Густавъ IV не поступалъ противъ своего зятя, Александра, и противъ французскаго императора, какъ сумасшедшій. Наполеонъ смотрѣлъ сквозь пальцы на всѣ злобныя выходки Густава противъ него и французовъ. Его генераламъ былъ отданъ строжайшій приказъ обращаться со шведами какъ можно дружественнѣе и довольствоваться наблюденіемъ за ними, избѣгая стычекъ. Вслѣдствіе этого Бернадотъ, взявъ въ ноябрѣ 1806 корпусъ Мёрнера въ плѣнъ (стр. 519), такъ дружески обращался съ генераломъ и его войсками, что подготовилъ этимъ свое избраніе впослѣдствіи въ шведскіе короли. Густавъ IV самъ подготовилъ себѣ гибель.

По взятіи въ плѣнъ корпуса Мёрнера шведы храбро сражались противъ французовъ въ Стральзундѣ, который былъ осажденъ Мортье. Въ мартѣ и апрѣлѣ 1807 имъ даже удалось проникнуть за Псене, потому что Мортье долженъ былъ обратить главныя силы свои противъ Кольберга, при осадѣ котораго французы встрѣтили большія затрудненія. Лейтенантъ Ш и л л ь, бѣжавшій съ поля битвы при Іенѣ, сформировалъ въ Кольбергѣ отрядъ волонтеровъ и дѣлалъ съ нимъ такіе удачные набѣги, что среди общихъ побѣговъ, измѣнъ и подлостей прославился своими предпріятіями. Кольбергскіе граждане подъ предводительствомъ храбраго Н е т е л ь б е к а, вооружились на защиту своего города и не позволили коменданту Л у к а д у отворить непріятелю ворота. Мортье былъ вслѣдствіе этого принужденъ самъ отправиться противъ Кольберга. Потомъ, въ апрѣлѣ, онъ снова двинулся противъ шведовъ и 18 апрѣля въ Ш л а т к о в ѣ принудилъ ихъ заключить перемиріе, которое обязало ихъ не пропускать иностранныхъ войскъ въ Померанію и ничего не предпринимать въ пользу пруссаковъ, осажденныхъ въ Кольбергѣ и Данцигѣ. Затѣмъ Мортье снова обратился противъ Кольберга. Но почти въ то же время въ Кольбергъ прибылъ одинъ изъ умнѣйшихъ офицеровъ прусской арміи, полковникъ фонъ Гнейзенау, и принялъ начальство на мѣсто Лукаду; съ помощью Шилля, Нетельбека, его согражданъ и шведскаго фрегата, который, не смотря на перемиріе, пришелъ на помощь городу; Гнейзенау оборонялся съ такимъ успѣхомъ, что Кольбергъ держался противъ 18,000 осаднаго войска даже по взятіи передовыхъ укрѣпленій. Іюля 2 Мортье предпринялъ общій приступъ противъ крѣпости, но колонны его всюду встрѣтили упорное сопротивленіе, а въ 3 часа пополудни прискакалъ курьеръ съ извѣстіемъ о перемиріи 25 іюня, въ силу котораго немногія еще невзятыя крѣпости Пруссіи должны были оставаться въ рукахъ пруссаковъ.

Тогда все бремя войны пало на Швецію. Густавъ не утвердилъ шлатковскаго перемирія и прибылъ 12 мая въ Стральзундъ, чтобы принять главнокомандованіе пруссаками и англичанами, которые, согласно уговору, должны были аттаковать французовъ изъ Помераніи (стр. 524). Но и Наполеонъ сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія, чтобы успѣшно вести войну противъ шведовъ и англичанъ. Въ іюнѣ между Эмсомъ и Одеромъ былъ собранъ сильный корпусъ войска, состоявшій изъ французовъ, испанцевъ, итальянцевъ и голландцевъ, подъ командой маршала Брюна. Маршалъ имѣлъ 4 іюня свиданіе съ шведскимъ королемъ, который ясно обнаружилъ тутъ, что окончательно помѣшанъ. Онъ предложилъ Брюну, сыну революціи и всегда крайнему республиканцу, покинуть побѣдоносныя знамена человѣка, который величіемъ своимъ былъ также обязанъ революціи, и предаться претенденту, Лудовику XVIII, который былъ, во первыхъ, врагомъ революціи, а во вторыхъ, могъ сравниваться съ Наполеономъ развѣ только въ томъ, что былъ также великъ въ гастрономіи и этикетѣ, какъ Наполеонъ — въ политикѣ и въ войнѣ. Вслѣдъ затѣмъ Густавъ еще разъ проявилъ свое безуміе, отвергнувъ шлатковское перемиріе, не смотря на извѣстіе о перемиріи, заключенномъ между Россіей, Пруссіей и Франціей, не смотря на убѣдительнѣйшее письмо короля прусскаго и не смотря на то, что англичане послѣ долгихъ колебаній, наконецъ, высадили на островъ Рюгенъ 8,000 человѣкъ войска. Тогда англичане покинули его и снова посадили свои 8,000 человѣкъ на корабли, чтобы предпринять разбойничій набѣгъ противъ Даніи.

Маршалъ Брюнъ принудилъ Густава отступить въ Стральзундъ, гдѣ осадилъ его. Августа 19 Густавъ оставилъ эту крѣпость, послѣ того какъ жители долго тщетно просили его не губить безполезно городъ. Французы тотчасъ вошли въ него. Наполеонъ предписалъ маршалу Брюну не вступать въ переговоры съ шведскимъ королемъ, котораго онъ открыто называлъ безумнымъ, а вести ихъ съ его генералами. Густавъ переправился на Рюгенъ и 26 августа просилъ перемирія, но ему было отказано. Онъ хотѣлъ, повидимому, жертвовать на Рюгенѣ солдатами изъ-за своего упрямства; но войска стали роптать, что принудило его возвратиться ради личной безопасности въ Швецію. Тогда Брюнъ и шведскій главнокомандующій ф о н ъ Т о л л ь заключили 9 сентября соглашеніе, въ силу котораго шведскія войска отправились въ Швецію. Такъ какъ Наполеонъ и Густавъ не признавали другъ друга государями, то соглашеніе это было заключено такимъ образомъ, что Толль назвался главнокомандующимъ шведскихъ войскъ, а

Брюнъ, тоже не упоминая имени своего государя, именовался начальникомъ арміи императора французовъ. Наполеонъ разсердился за это на Брюна, которымъ и безъ того былъ недоволенъ, потому что на свиданіи съ Густавомъ Брюнъ, какъ было публиковано шведами, хотя говорилъ объ особѣ Наполеона съ большимъ благоговѣніемъ, но выразился весьма двусмысленно о его державѣ и ея прочности. Кромѣ того Брюнъ былъ губернаторомъ ганзейскихъ городовъ и въ Гамбургѣ заодно съ французскимъ министромъ Бурьеномъ разрѣшалъ купцамъ вести контрабандную торговлю. Наполеонъ наказалъ его лишеніемъ команды и намѣстничества.

Между тѣмъ англичане совершили неслыханный въ исторіи образованныхъ народовъ разбойничій набѣгъ на Данію. Государство это управлялось мудрымъ наслѣднымъ принцемъ Фридрихомъ, правившимъ отъ имени своего несчастнаго отца, Христіана VII, и графомъ Петромъ фонъ Бернсторфомъ (стр. 189), которому по смерти его, послѣдовавшей въ 1797, наслѣдовалъ въ 1800 министромъ иностранныхъ дѣлъ сынъ его, Христіанъ. Они съ самаго начала революціи сохраняли мирныя отношенія къ Франціи и Англіи. Когда Россія примкнула къ французской системѣ, англійскіе министры не безъ основанія стали бояться, что Данія будетъ принуждена употребить свой флотъ противъ Швеціи. Впослѣдствіи англичане утверждали, что въ Тильзитѣ было рѣшено, чтобы Франція завладѣла датскимъ флотомъ, а датчанамъ дать за это ганзейскіе города. Это постоянно опровергалось французами и русскими; и дѣйствительно, такой проектъ былъ бы слишкомъ страненъ, и англичанамъ нечего было слишкомъ опасаться его. Но тутъ дѣло шло о защитѣ и увеличеніи англійскаго могущества, а въ такихъ случаяхъ англійское министерство не останавливается ни передъ чѣмъ.

По смерти Фокса въ англійскомъ министерствѣ еще нѣкоторое время держались виги подъ президентствомъ Гренвиля; но они недостаточно энергически вели внѣшнюю политику и разошлись съ королемъ по вопросу объ эмансипаціи католиковъ. Вслѣдствіе этого въ мартѣ 1807 они уступили мѣсто торійскому министерству, состоявшему изъ самыхъ отъявленныхъ враговъ французовъ. Первымъ министромъ, номинально, былъ герцогъ Портлендъ, а членами—Каннингъ, лордъ Ильдонъ, Спенсеръ Персиваль, лордъ Мульгревъ, Робертъ Дондасъ (лордъ Мельвиль), лордъ Гауксбери (графъ Ливерпулъ) и лордъ Кестльри. Какого рода были эти люди, можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Каннингъ былъ единственный человѣкъ, котораго Питтъ считалъ способнымъ сдѣлаться его преемникомъ, и онъ 37 лѣтъ получилъ министерство иностранныхъ дѣлъ не только за свои способности, но и за свое антифранцузское направленіе. Лордъ Ильдонъ, канцлеръ, прославился своимъ ханжествомъ и, какъ человѣкъ необыкновенно искусный въ юридическихъ кляузахъ, былъ идеаломъ англійскихъ сутягъ. Дондасъ принявшій управленіе индійскими дѣлами, былъ незадолго передъ тѣмъ обвиненъ въ грубомъ подлогѣ, но оправданъ своими товарищами въ верхней палатѣ, хотя его преступленіе было доказано. Кестльри былъ статсъ-секретаремъ колоній и войны; онъ очень дурно исполнялъ свои обязанности, вслѣдствіе чего имѣлъ въ 1809 ссору съ Каннингомъ, дрался съ нимъ на дуэли, а въ 1822 кончилъ жизнь самоубійствомъ.

Англійскіе министры, подъ предлогомъ помогать королю шведскому, вооружили 33,000 человѣкъ войска и снарядили одинъ изъ сильнѣйшихъ флотовъ, какой когда-либо выходилъ изъ Англіи. Часть войска высадилась на островъ Рюгенъ, повидимому, съ намѣреніемъ помогать шведамъ, но въ сущности, чтобы дождаться, пока остальная часть войска прибудетъ въ Данію. Англичане намѣревались принудить датское правительство нападеніемъ превосходныхъ силъ заключить съ ними тѣсный союзъ или отдать весь свой флотъ въ залогъ, что не приметъ участія въ союзѣ противъ Англіи. Чтобы напасть на Данію въ расплохъ, они увѣрили ее, что ея нейтралитетъ будетъ уваженъ. Вслѣдствіе этого, когда 7 августа 1807 англичане явились въ Зундѣ, въ Даніи не было сдѣлано никакихъ оборонительныхъ приготовленій, и даже, большая половина войска, стоявшая въ Гольштиніи, не была вызвана оттуда. По прибытіи флота англійскій посланникъ Джексонъ предъявилъ наслѣдному принцу, находившемуся въ лагерѣ въ Килѣ, требованіе Англіи. Онъ сдѣлалъ это съ угрозой, что если

требованіе его не будетъ немедленно исполнено, то датскій флотъ отнимутъ силой, а Копенгагенъ будутъ бомбардировать. Принцъ предложилъ англійскому посланнику обратиться къ министру въ Копенгагенъ, куда поспѣшилъ и самъ. Онъ пріѣхалъ туда ранѣе Джексона, поспѣшно принялъ всевозможныя мѣры для защиты и передъ возвращеніемъ въ Гольштинію издалъ манифестъ, призывая всѣхъ датчанъ къ мужественному сопротивленію. 12 числа Джексонъ пріѣхалъ въ Копенгагенъ. Требованіе его было отвергнуто Бернсторфомъ, который сказалъ, что Данія не слыхала такихъ угрозъ ни отъ Франціи, ни отъ Россіи. Тогда англійскій адмиралъ Гамбьеръ высадилъ 16 августа на островъ Зеландію десантъ подъ командой лорда Каткарта, при которомъ находился сэръ Артуръ Велеслей, впослѣдствіи знаменитый лордъ Веллингтонъ. Англичане разсѣяли наскоро собравшійся и вооружившійся народъ и возвели вокругъ Копенгагена баттареи, чтобы обстрѣливать городъ.

Датчане, какъ и въ 1801 (стр. 468), рѣшились лучше погибнуть со славою въ неравномъ бою съ превосходными силами, чѣмъ принять позорную капитуляцію. Они поспѣшно привели столицу въ оборонительное положеніе, и тысячи гражданъ и студентовъ вооружились на помощь гарнизону, состоявшему только изъ пяти тысячъ человѣкъ. Сентября 1 англичане начали бомбардированіе. Оно продолжалось до 5 сентября, не прерываясь ни днемъ, ни ночью, такъ что двадцать восемь улицъ было выжжено и двѣ тысячи человѣкъ убито. Сентября 6 главнокомандующій Копенгагена, Пейманнъ, сталъ просить перемирія и на слѣдующій день, уступая требованію богатыхъ, согласился принять условія англичанъ, хотя наслѣдный принцъ строго приказалъ ему защищать городъ до послѣдней крайности и ни подъ какимъ условіемъ не выдавать флота. Вмѣсто того, чтобы сжечь флотъ, какъ впослѣдствіи русскіе сожгли Москву, Пейманнъ отдалъ его въ силу капитуляціи, заключенной 7 сентября. Англичанамъ были отданы всѣ корабли и флотскіе запасы, а чего они не могли захватить съ собой, то уничтожили; они обѣщали черезъ шесть недѣль удалиться. Разоривъ и ограбивъ все, они возвратились восвояси съ своей разбойничьей добычей. Они взяли изъ Даніи восемнадцать линейныхъ кораблей, пятнадцать фрегатовъ, шесть бриговъ и двадцать пять канонирскихъ лодокъ.

Вся Европа ужаснулась этому злодѣйскому подвигу аристократовъ, которые управляли Англіей, систематически презирая нравственность и стыдъ. Въ Даніи были дотого раздражены вѣроломствомъ разбойниковъ, что это государство тотчасъ неразрывно соединилось съ Франціей и стало приводить въ исполненіе враждебныя постановленія Наполеона противъ англійской торговли и самихъ англичанъ. Не смотря на это, англичане дѣлали видъ, будто состоятъ съ датчанами въ мирѣ. Они даже съ угрозою приглашали датскаго наслѣднаго принца заключить съ ними тѣснѣйшій союзъ; но Фридрихъ объявилъ имъ, что ихъ предложенія и угрозы возбуждаютъ въ немъ только отвращеніе. Вслѣдствіе этого наконецъ 4 ноября со стороны Англіи послѣдовало объявленіе войны Даніи.

Когда англійскій флотъ возвращался съ своей добычей, Густавъ IV оскорбилъ датчанъ и наслѣднаго принца торжественнымъ пріемомъ предводителей разбойничьей шайки 21 и 22 октября въ Гельзингборгѣ. Еще неосторожнѣе велъ онъ себя въ отношеніи своего зятя, царя, котораго съ 1802 уже нѣсколько разъ задѣвалъ своими выходками. Хотя и послѣ тильзитскихъ переговоровъ императоръ не выказывалъ намѣренія начинать войну съ Швеціей, Густавъ продолжалъ относиться къ нему какъ къ врагу. Онъ углубился въ юнгъ-штиллинговскія толкованія Апокалипсиса, нашелъ число звѣрино въ имени Наполеона и полагалъ, что всякое соглашеніе съ французскимъ императоромъ было бы преступленіемъ противъ божества. Съ октября до января Александръ неоднократно просилъ своего зятя не впускать англичанъ въ свои гавани; но Густавъ не только отказался исполнить эти просьбы, а еще заключилъ 8 февраля 1808 новый договоръ съ Англіей, по которому долженъ былъ получать ежемѣсячно по 100,000 фунтовъ субсидіи. Но при этомъ, не смотря на военныя приготовленія Россіи и Даніи, онъ рѣшительно не думалъ о какихъ-либо оборонительныхъ мѣрахъ. Когда 21 февраля 1808 русскіе двинулись въ Финляндію, и вслѣдъ затѣмъ и Данія объявила Густаву войну, Швеція была совершенно безоружна.

Подробности вспыхнувшей тогда войны, стоившей жизни множеству людей, были бы здѣсь излишни; превосходство русскихъ силъ и отсутствіе всякихъ оборонительныхъ мѣръ со стороны шведовъ заранѣе рѣшали ея исходъ. Только въ въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая, когда русскіе заняли уже всю Финляндію и объявили ее русскою провинціей, противъ нихъ выступило шведское войско подъ начальствомъ Клингспора и Адлеркрейца, и флотъ. Нападеніе шведовъ подъ начальствомъ Армфельда на Норвегію было совершенно неудачно. Англія послала на помощь Швеціи генерала Мура и 12,000 человѣкъ, но Густавъ своими поступками противъ англійскаго посланника оскорбилъ своего единственнаго союзника, и англичане уже въ іюлѣ нашли, что гораздо полезнѣе послать свои войска на Пиренейскій полуостровъ.

Военныя неудачи и вообще все поведеніе короля, обнаруживавшаго всѣми поступками явное помѣшательство, произвели въ Швеціи катастрофу. Дворянство рѣшилось составить заговоръ противъ короля, чтобы спасти отечество. Этотъ заговоръ не имѣлъ однако такихъ кровавыхъ послѣдствій, какъ заговоръ противъ Густава III, потому что несчастный король былъ тотчасъ всѣми покинутъ. Въ декабрѣ 1808 множество шведскихъ офицеровъ и дворянъ сговорились низвергнуть короля. Этотъ заговоръ вскорѣ распространился между войсками, стоявшими въ лагерѣ, и въ мартѣ 1809 могъ уже быть приведенъ въ исполненіе безъ кровопролитія. Главою заговора былъ баронъ Адлерспарре, подполковникъ въ арміи генерала Седерстрема, дѣйствовавшей противъ Даніи. Адлерспарре арестовалъ въ началѣ марта своего генерала, которому нельзя было довѣрять, и потомъ двинулся къ Стокгольму съ 3,000 человѣкъ, взявъ предварительно съ датчанъ обѣщаніе, что они не воспользуются удаленіемъ этихъ войскъ. Слабыя силы недовольныхъ на пути значительно увеличились. Король, находившійся въ замкѣ Гага, получилъ извѣстіе объ этомъ только 12 марта, когда Адлерспарре былъ всего за пятнадцать миль отъ Стокгольма. Густавъ тотчасъ поспѣшилъ въ столицу, но принялъ противъ заговорщиковъ самыя неразумныя мѣры. На слѣдующее утро (13 марта) онъ былъ безъ малѣйшихъ затрудненій арестованъ генераломъ Адлеркрейцомъ, фельдмаршаломъ Клингспоромъ, полковникомъ Зильберспарре и многими другими офицерами. Эти офицеры немедленно обратились къ дядѣ его, герцогу Карлу Зюдерманландскому, съ просьбой снова сыграть ту роль, которую онъ игралъ при смерти Густава III (стр. 361). Карлъ, исполняя ихъ требованіе, принялъ 14 марта правленіе какъ намѣстникъ государства, и тотчасъ созвалъ къ 1 маю сеймъ. Еще до собранія сейма король, котораго перевезли въ Дроттингольмъ, а оттуда въ Грипсгольмъ, подписалъ 29 марта отреченіе отъ престола.

Никто во всей Швеціи не вступился за короля. Собравшійся сеймъ поблагодарилъ герцога Карла, подполковника Адлерспарре, генераловъ Клингспора и Адлеркрейца, какъ спасителей отечества, и объявилъ 10 мая, что король и даже все его потомство лишаются правъ на шведскій престолъ. Въ правленіи были сдѣланы нѣкоторыя измѣненія; важнѣйшее изъ нихъ состояло въ томъ, что за королемъ, оставлена только исполнительная власть, а важнѣйшія дѣла предоставлены государственному совѣту изъ девяти членовъ, отвѣтственныхъ передъ націею. Іюня 6 1809 регентъ былъ провозглашенъ сеймомъ королемъ, а 29 числа коронованъ подъ именемъ Карла XIII. Низвергнутому королю было оставлено все его частное имущество, и кромѣ того сеймъ назначилъ ему съ семействомъ особыя суммы; но Густавъ отъ всего отказался и жилъ потомъ въ бѣдности. Еще въ томъ же году онъ уѣхалъ изъ Швеціи, принялъ имя полковника Густавсона и проживалъ до самой смерти въ 1837 въ южной Германіи и Швейцаріи. Сынъ его носитъ титулъ принца Вазы.

6. Турція.

Турція давно сдѣлалась бы добычею своихъ христіанскихъ сосѣдей, если бы Англія не находила для себя выгоднымъ защищать ее. Это продлило существованіе турецкой имперіи до нашего времени, хотя съ царствованія Екатерины II ей постоянно угрожала гибель, потому что она не могла противиться Россіи и притомъ постоянно ослаблялась внутренними безпокойствами. Когда 1806 Наполеонъ началъ войну съ Пруссіей и Россіей, три паши, П а с в а н ъ-О г л у Видинскій, Али-паша Албанскій и Джеззаръ-паша Сирійскій (стр. 441 и 451), владычествовали въ своихъ намѣстничествахъ какъ независимые правители, лишь номинально признавая верховную власть султана. По удаленіи французовъ Египетъ снова подпалъ подъ владычество мамелюкскихъ беевъ, которые также не обращали вниманія на султана. М е г е м е д ъ-А л и, назначенный въ 1805 египетскимъ пашею, хотя защищалъ права верховной власти султана противъ мамелюковъ, но потомъ самъ сдѣлался независимымъ правителемъ. Въ то же время въ Аравіи священные города попали во власть фанатической секты в а х а б и т о в ъ, основанной бедуинскимъ шейхомъ А б д у л ъ-В а х а б о м ъ; эта секта грозила ересью и опустошеніемъ не только всей Аравіи, но и пограничнымъ странамъ. Въ Сербіи славянское населеніе безпрерывно возставало противъ турецкаго владычества съ тѣхъ поръ, какъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія подняло знамя возстанія подъ предводительствомъ К а р а Г е о р г і я. Въ Молдавіи и Валахіи, давно состоявшихъ подъ покровительствомъ русскаго императора (стр. 466), были по его приказанію назначены господарями два грека, преданные Россіи, И п с и л а н т и и М у р у з и; они считали себя подданными скорѣе русскаго царя, чѣмъ своего султана.

Съ Франціей съ 1802 возстановилась старая дружба мирнымъ договоромъ, и въ январѣ 1803 Наполеонъ послалъ генерала Брюна посланникомъ въ Константинополь. Но Брюнъ не умѣлъ ладить съ турками и ихъ дворомъ и тѣмъ облегчилъ русскимъ разрушить возстановлявшееся французское вліяніе въ Константинополѣ. Тѣмъ не менѣе впослѣдствіи въ туркахъ снова вспыхнула старая ненависть къ русскимъ. Султанъ Селимъ III всегда склонялся къ Франціи и весною 1806 послалъ посланника въ Парижъ, чтобы привѣтствовать Наполеона императоромъ и заключить съ нимъ тѣсный союзъ. Въ то время Наполеонъ уже рѣшился напасть на Пруссію, и такъ какъ это несомнѣнно должно было породить войну съ Россіей, то онъ послалъ г е н е р а л а С е б а с т і а н и чрезвычайнымъ посланникомъ въ Константинополь (августъ 1806). Себастіани привезъ съ собой множество офицеровъ, инженеровъ и артиллеристовъ, которые должны были организовать турецкія войска и командовать ими, такъ какъ по возобновленіи дружбы между Франціей и Турціей Россія выставила на турецкую границу армію. Себастіани съумѣлъ скоро пріобрѣсти значительное вліяніе, такъ что въ сентябрѣ добился смѣны сторонниковъ Россіи, господарей Ипсиланти и Мурузи; вмѣсто нихъ были назначены господарями Дунайскихъ княжествъ С у ц ц о и К а л л и м а х и. Тогда русскія войска двинулись въ Молдавію. Хотя султанъ, испуганный угрозами англійскаго посланника, возвратилъ отставленныхъ господарей въ княжества, но русскіе не прекратили враждебныхъ дѣйствій и достаточно ясно высказывали свои намѣренія, давъ Кара Георгію, который сдѣлался княземъ Сербскимъ, чинъ русскаго генерала, и завязавъ сношенія съ другими мятежниками и недовольными въ Турціи. Султанъ Селимъ III долженъ былъ снова прибѣгнуть къ совѣту и помощи Себастіани.

Французскій посланникъ убѣждалъ его сопротивляться, и Наполеонъ послѣ побѣды при Іенѣ послалъ сказать султану изъ Берлина, что будетъ помогать ему противъ русскихъ. Послѣ того русскій генералъ М и х е л ь с о н ъ, еще не объявляя войны, аттаковалъ турецкія войска, разбилъ ихъ и вошелъ 27 декабря въ Бухарестъ. Тогда 30 декабря султанъ объявилъ войну Россіи и приказалъ собрать на Дунаѣ значительныя военныя силы. Наполеонъ намѣревался послать на помощь султану 25,000 французовъ. У русскихъ же, напротивъ того, треть арміи Ми-

хельсона должна была двинуться въ Польшу, гдѣ была необходима противъ французовъ. Это принудило англійскаго посланника въ Константинополѣ, Арботнота, потребовать, чтобы турки заключили миръ; онъ угрожалъ вызвать противъ Константинополя англійскій флотъ, стоявшій за Дарданеллами. Онъ объявилъ султану, что не исполнитъ этой угрозы только въ такомъ случаѣ, если Селимъ вышлетъ французскаго посланника изъ столицы и заключитъ тѣсный союзъ съ Россіей и Англіей. Получивъ отъ султана отрицательный отвѣтъ, Арботнотъ тотчасъ отправился на англійскій флотъ, командуемый Дуквартомъ.

Турки оставили въ запущеніи баттареи, возведенныя по обѣимъ сторонамъ Дарданельскаго пролива и запиравшія его со стороны Средиземнаго моря. Притомъ они не слушали совѣтовъ Себастіани и его офицеровъ. Англійскому адмиралу удалось поэтому 19 февраля 1807 провести свой флотъ черезъ Дарданеллы безъ важныхъ потерь. Подойдя къ Константинополю, онъ грозилъ сжечь этотъ городъ, и султанъ такъ струсилъ, что просилъ Себастіани уѣхать добровольно. Но французскій посланникъ ободрилъ его и, выигравъ время переговорами, поспѣшно укрѣпилъ Константинополь и приказалъ генераламъ Аксо и Фуа исправить дарданельскія баттареи. Дуквартъ испугался, чтобы его не заперли въ Мраморномъ морѣ, и, видя притомъ, что аттаковать Константинополь со стороны моря опасно, поспѣшилъ обратно за Дарданеллы. Марта 2 онъ прошелъ черезъ узкій проливъ, но на этотъ разъ уже съ большимъ урономъ.

Послѣ того Дуквартъ поплылъ въ Египетъ и высадилъ тамъ войска, которыя, соединясь съ англійскими войсками, перевезенными изъ Сициліи, должны были помогать мамелюкскимъ беямъ противъ султанскаго намѣстника, Мегемеда-Али. Но египетскій паша разстроилъ намѣреніе англичанъ и утвердилъ турецкое владычество въ Египтѣ. Въ это время въ Эгейскомъ морѣ явился русскій адмиралъ Синявинъ, до сихъ поръ безпокоившій французовъ въ Далматіи. Онъ разбилъ 4 апрѣля турецкій флотъ, занялъ нѣсколько острововъ и блокировалъ Дарданеллы.

Англичане и русскіе стали возбуждать въ Константинополѣ народное возстаніе. Селимъ III уже давно старался утвердить свой тронъ и государство реформами, чѣмъ грозилъ улемамъ, т. е. турецкимъ теологическимъ юристамъ, потерею ихъ вліянія, которымъ они пользовались какъ законные члены дивана. Улемы были поэтому его заклятыми врагами и съ нетерпѣніемъ ждали случая возстать противъ него. Янычары тоже смертельно ненавидѣли Селима за то, что онъ организовалъ и обучалъ значительное войско на европейскій ладъ, что тоже грозило янычарамъ потерею ихъ вліянія. Оба класса недовольныхъ легко произвели возстаніе. Возстаніе вспыхнуло въ то время, какъ Себастіани, на короткое время, отлучился изъ Константинополя, оставивъ султана безъ необходимаго совѣтника. Мая 28 1807 15,000 мятежниковъ вдругъ заняли предмѣстье Перу и завладѣли артиллеріей. Тщетно испугавшійся султанъ предлагалъ имъ уничтожить новыя военныя учрежденія; улемы и глава ихъ, муфтій, объявили его еретикомъ, недостойнымъ быть наслѣдникомъ пророка. Янычары убили всѣхъ министровъ, а султана отвели въ ту часть гарема, гдѣ содержатся въ заключеніи принцы, которые могутъ быть опасны для царствующаго падишаха. Оттуда извлекли одного изъ содержавшихся тамъ двухъ сыновей предшественника и дяди Селима и торжественно провозгласили его султаномъ (29 мая).

Новый султанъ, Мустафа IV, немедленно уничтожилъ всѣ нововведенія своего предшественника, однако продолжалъ войну съ Англіей и Россіей. Но онъ еще менѣе Селима былъ способенъ остановить распаденіе государства. Іюля 1 турецкій флотъ былъ снова разбитъ Синявинымъ, который однако долженъ былъ удалиться, чтобы починить свои поврежденные корабли. Въ Аравіи вахабиты владѣли священными городами, а Мегемедъ-Али независимо утвердился въ Египтѣ. Молдавія и Валахія оставались во власти русскихъ; покровительствуемый ими Кара Георгій былъ самими турками признанъ княземъ Сербскимъ въ договорѣ, который они заключили съ нимъ въ іюлѣ. Даже Наполеонъ и его Талейранъ, надававшіе туркамъ блестящихъ обѣщаній, старались заманить султана въ ловушку. Они согласились заключить съ нимъ тѣсный союзъ и обѣщали даже снова доставить ему Дунайскія княжества, Бессарабію и даже Крымъ, но взамѣнъ этого требовали, чтобы султанъ совершенно предоставилъ французамъ вести за него переговоры съ русскими; это значило, чтобы онъ отдалъ судьбу своего государства въ руки

Наполеона. Но турки, подобно всѣмъ азіатамъ, слишкомъ искусны въ плутняхъ, чтобы не замѣтить подставленной западни. Они не согласились на условія, предложенныя Наполеономъ, и когда впослѣдствіи тайныя статьи тильзитскаго договора стали извѣстны, всѣ увидѣли, какъ умно они поступили. По заключеніи тильзитскаго мира Наполеонъ послалъ въ Турцію генерала Гильемино. Согласно явнымъ статьямъ тильзитскаго договора, онъ долженъ былъ требовать перемирія и удаленія русскихъ изъ Молдавіи и Валахіи; но при этомъ ему было тайно поручено употребить французское вліяніе въ пользу русскихъ. Такимъ образомъ перемиріе, заключенное Гильемино 24 августа 1807 въ Слободзѣ между турками и русскими, было просто дипломатической плутней. Русскіе обѣщали очистить Дунайскія княжества въ теченіе семи недѣль; но Гильемино очень хорошо зналъ, что царь не утвердитъ этого договора.

Наполеонъ и Александръ въ тайнѣ сговорились въ Тильзитѣ раздѣлить Турцію. Это не состоялось только потому, что Австрія не согласилась присоединиться къ союзу двухъ императоровъ. Приготовленія къ раздѣлу Турціи начались тотчасъ по заключеніи тильзитскаго договора. Въ августѣ Александръ отдалъ французскому императору далматскія крѣпости, уступилъ протекторатъ надъ республикой Іоническихъ острововъ и оставилъ свои войска въ турецкихъ дунайскихъ княжествахъ, которыя предполагалось отдать Россіи. Въ то же время Наполеонъ поручилъ командиру своихъ войскъ въ Далматіи генералу Мармону готовиться къ походу въ Албанію и Македонію. Переговоры о раздѣлѣ турецкой имперіи продолжались въ Петербургѣ, куда Наполеонъ послалъ начальника своихъ сбировъ, Савари. Напечатанный теперь отчетъ Савари Наполеону о ходѣ переговоровъ показываетъ, что—какъ говоритъ Тибодо, хотя и поклонникъ Наполеона—что Савари и русскій канцлеръ Румянцовъ «разсуждали о дѣлежѣ добычи, отложивъ въ сторону даже всѣ благоприличія.»

Въ то время какъ Россія и Франція дарили другъ другу чужое добро, Турція грозила сама распасться. Въ Константинополѣ свирѣпствовали янычары, совершавшіе страшныя безчинства. Въ іюлѣ 1808 Байрактаръ-паша, одинъ изъ самыхъ ярыхъ сторонниковъ реформъ Селима III, стоявшій на Дунаѣ съ 20 или 30 тысячами человѣкъ войска, рѣшился двинуться на Константинополь, чтобы прекратить господствовавшую тамъ анархію и возстановить низложеннаго Селима III. Онъ уговорилъ великаго визиря, стоявшаго съ другой арміей въ Адріанополѣ, дѣйствовать съ нимъ заодно, умолчавъ однако ему о своемъ намѣреніи низвергнуть султана Мустафу. Когда они пришли въ Константинополь, великій визирь примкнулъ къ партіи улемовъ и янычарскаго аги, а Байрактаръ усилилъ свое войско нѣсколькими тысячами матросовъ и, ловко обманувъ султана и великаго визиря, принялъ всѣ мѣры для выполненія задуманнаго плана. Когда все было готово, онъ принудилъ султана назначить его генералиссимусомъ, отрѣшилъ великаго визаря и, окруживъ 18 іюля 1808 своими войсками сераль, приказалъ султану возвратить власть Селиму III. Не дождавшись отвѣта отъ Мустафы, Байрактаръ началъ ломиться въ сераль. Но въ эту минуту ему перебросили черезъ стѣну голову Селима, убитаго по приказанію Мустафы. Онъ взялъ сераль приступомъ, посадилъ Мустафу подъ арестъ, провозгласилъ султаномъ младшаго брата его и перерѣзалъ всѣхъ членовъ правительства Мустафы.

Новый султанъ, Махмудъ II, былъ креатура Байрактара, который былъ немедленно назначенъ великимъ визиремъ. Онъ велѣлъ возстановить учрежденія Селима и собралъ въ Константинополѣ значительныя военныя силы, не сказавъ никому, для какой цѣли онѣ назначаются. Но онъ не могъ долго держаться, потому что нововведенія въ войскѣ были противны янычарамъ и всей правовѣрной столичной черни. Ноября 14 ожесточенныя толпы поднялись на всеобщее возстаніе, и Байрактаръ былъ принужденъ бѣжать и скрыться въ пороховомъ магазинѣ. Когда его окружили тамъ, и онъ увидѣлъ, что, не смотря на упорное сопротивленіе, не можетъ долѣе защищаться, онъ велѣлъ убить низвергнутаго султана Мустафу и взорвалъ себя и своихъ преслѣдователей на воздухъ. Янычары и чернь еще нѣсколько дней грабили и рѣзали въ городѣ. Они убили бы и султана Махмуда, если бы онъ не остался единственнымъ представителемъ дома Османа. Однако Махмуду пришлось назначить министрами исключительно людей, которые

пользовались расположеніемъ улемовъ и янычаръ. Онъ долженъ былъ объявить въ прокламаціи этихъ мухаммеданскихъ іезуитовъ и преторіанцевъ единою опорою государства.

7. Франція и подвластныя ей государства послѣ Тильзитскаго мира.

Тильзитскимъ миромъ Наполеонъ достигъ вершины своего могущества и славы. Но тутъ голова его закружилась отъ величія, и онъ самъ устремился къ паденію. Умные люди, какъ Каннингъ, Штейнъ, Шладенъ и Генцъ, давно уже видѣли, что Наполеонъ не можетъ оставаться въ покоѣ и не перестанетъ завоевывать, пріобрѣтать, повелѣвать, пока не падетъ въ пропасть, которую самъ себѣ копаетъ.

Поэтому Наполеону слѣдовало бы послушать своихъ враговъ и остановиться; но со времени основанія имперіи онъ сталъ увлекаться ложнымъ представленіемъ о подражаніи Карлу Великому, а свѣтъ, ослѣпленный внѣшнимъ блескомъ, особенно французская нація и семейство Наполеона, утверждали его въ этомъ самообольщеніи. Неудивительно, стало быть, что императоръ, не кончивъ одной войны, начиналъ другую, уничтожалъ въ покоренныхъ странахъ свободу и права для своихъ самовластныхъ цѣлей. Какъ сильно поддерживали его въ этомъ сами французы, съ какой низостью льстили народному идолу люди, возвышенные революціею, — все это ясно высказалось, когда онъ предпринялъ измѣненія въ государственномъ уложеніи.

Всѣ дѣйствія Наполеона по возвращеніи изъ Тильзита во Францію клонились къ болѣе прочному утвержденію возстановленнаго абсолютизма. Онъ продолжалъ возстановлять старыя формы и, возобновляя старое зло, заводилъ новое, истребляя все, что мѣшало его личнымъ самовластнымъ цѣлямъ. Первое измѣненіе въ этомъ родѣ постигло гражданскій сводъ законовъ (Code civil), введенный при консульствѣ, въ мартѣ 1804. Этотъ кодексъ, названный потомъ Наполеоновскимъ, Code Napoleon, былъ въ сущности твореніе революціи. Наполеонъ передѣлалъ его, какъ нѣкогда Трибоніанъ, въ угоду императору Юстиніану, передѣлалъ древнее римское право (т. II, стр. 270—271). Слова республика, нація и граждане были замѣнены словами имперія, государство и подданные. Толкованіе законовъ, возбуждающихъ сомнѣніе въ кассаціонномъ судѣ, было предоставлено не законодательной власти, а, по старому обычаю, государственному совѣту. Недавно запрещенныя субституціи (назначеніе при жизни наслѣдниковъ) были дозволены всѣмъ лицамъ, владѣвшимъ имперскими ленами. Статья о маіоратахъ была составлена такъ, что подготовляла учрежденіе новаго дворянства. Ту же цѣль имѣли измѣненія, предпринятыя Наполеономъ въ судоустройствѣ и въ законодательной власти. Съ 1807 судьи назначались произвольно императоромъ, вмѣсто того, чтобы, какъ прежде, выбираться изъ представляемыхъ ему списковъ. Они остались по формѣ несмѣняемыми, но въ сущности всегда могли быть смѣнены софистическими уловками. Съ 1807 всякій судья въ первые пять лѣтъ своей службы могъ быть просто-напросто уволенъ, а относительно прослужившихъ дольше было придумано столько законныхъ условій, по которымъ ихъ можно было удалять, что правительство всегда могло отдѣлаться отъ кого ему угодно. Изъ двухъ законодательныхъ властей трибунатъ, былъ 19 августа 1807 совершенно уничтоженъ, а законодательный корпусъ, члены котораго должны были быть не моложе сорока лѣтъ, былъ такъ ограниченъ, что дѣйствія его могли считаться пустой комедіей. Тѣмъ не менѣе тогдашній президентъ этого корпуса, Фонтанъ, имѣлъ безстыдство говорить, что уничтоженіе трибуната возвратило законодательному корпусу все величество національнаго собранія. Чтобы еще лучше показать, какъ софисты портили великаго человѣка неслыханной лестью, мы прибавимъ, что и президентъ сената, знаменитый натуралистъ Ласепедъ, не постыдился привѣтствовать Наполеона по возвращеніи изъ Тильзита рѣчью, гдѣ говорилъ, что нельзя достойно восхвалить императора; что слава его слишкомъ высока; что только съ того разстоянія, на которомъ будутъ созерцать ее отдаленные потомки, можно будетъ измѣрить колоссальное величіе Наполеона; что даже въ отсутствіе свое изъ Франціи онъ одинъ

управлялъ всѣмъ государствомъ, притомъ не вообще только, а входя во всѣ малѣйшія подробности, и т. д.

Разрушая учрежденія, обезпечивавшія съ 1789 націи участіе въ законодательной власти, Наполеонъ возстановлялъ въ прежнемъ значеніи старое дворянство, погибнувшее въ революцію и начавшее снова возникать съ 1802. Въ мартѣ 1808 онъ создалъ новое наслѣдственное дворянство съ ленными имѣніями, феодальными титулами и гербами и возобновилъ во Франціи различіе между сословіями и правами дворянскими и гражданскими. Высшую ступень въ новой іерархіи заняли великіе сановники имперіи. Они титуловались князьями и свѣтлостями (Altesse sérénissime); старшіе сыновья ихъ имѣли право на герцогскій титулъ, если отцы могли дать имъ майоратъ въ двѣсти тысячъ франковъ ежегоднаго дохода; младшіе сыновья при соотвѣтственныхъ майоратахъ титуловались графами, баронами и шевалье. Второй дворянскій классъ составляли министры, сенаторы, государственные совѣтники, президенты законодательнаго корпуса и архіепископы. Эти должности давали графскій титулъ, который переходилъ къ сыновьямъ по праву первородства, если имъ давался отцами майоратъ въ 30,000 франковъ годоваго дохода. Президентамъ избирательныхъ коллегій, президентамъ и прокурорамъ высшихъ судебныхъ мѣстъ, епископамъ и мерамъ тридцати семи городовъ былъ данъ баронскій титулъ, который они могли передавать старшимъ сыновьямъ посредствомъ майората въ 15,000 годоваго дохода. За баронами слѣдовали кавалеры почетнаго легіона, получившіе титулъ шевалье, который могли передавать по наслѣдству посредствомъ майората въ 3,000 франковъ. Старыхъ титуловъ виконта и маркиза Наполеонъ не раздавалъ, потому что они вышли изъ моды и въ особенности титулъ маркиза сдѣлался даже предметомъ насмѣшекъ. Но онъ офиціально призналъ всѣ старинные титулы древняго французскаго дворянства, уничтоженные въ 1789.

Этому новому дворянству были розданы лены въ покоренныхъ странахъ, гдѣ имъ давались помѣстья и владѣнія. Имъ было дозволено даже продавать эти владѣнія и пріобрѣтать подобныя же ленныя владѣнія во Франціи. Вскорѣ новые дворяне размножились до безчисленности. Еще до изданія декрета о дворянствѣ въ 1808 Наполеонъ возвелъ на высшую ступень аристократіи двухъ бывшихъ фельдфебелей, изъ которыхъ одинъ былъ женатъ на прачкѣ, а другой на женщинѣ, умершей впослѣдствіи въ госпиталѣ. Маршалъ Лефевръ за взятіе Данцига былъ сдѣланъ герцогомъ Данцигскимъ, и генералъ Жюно за завоеваніе Португаліи герцогомъ Абрантесомъ. Литературу и прессу Наполеонъ подчинилъ интересамъ своего деспотическаго правленія. По возвращеніи изъ Тильзита онъ принялся стѣснять всякое умственное движеніе политическими мѣрами. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что чисто обрядная религія и ея церемоніи полезны и въ политическомъ отношеніи. Народныя школы были переданы въ руки монаховъ; траппистовъ не только терпѣли, но даже поощряли, и т. д. Всѣмъ этимъ Наполеонъ отталкивалъ отъ себя приверженцевъ революціи, не пріобрѣтая взамѣнъ расположенія ея противниковъ. Онъ поступалъ по военному и съ духовенствомъ, когда оно мѣшало ему. Высшее воспитаніе Наполеонъ тоже совершенно подчинилъ своимъ цѣлямъ. Въ мартѣ 1808 онъ учредилъ такъ называемый императорскій университетъ, т. е. родъ китайской ученой коммиссіи, которая передала все воспитаніе въ руки правительственной полиціи. Во главѣ ея былъ поставленъ первый мастеръ риторической лести, медоточивый Фонтанъ.

Французы все сносили, потому что Наполеонъ вознаграждалъ ихъ за потерю свободы славой и блескомъ, и его диктаторскіе поступки въ Европѣ льстили ихъ національному тщеславію; притомъ онъ давалъ французамъ иностранныя области въ управленіе и обогащалъ ихъ грабежомъ.

Страны эти страдали отъ страшнаго ига завоевателя, который военной силой осуществлялъ въ нихъ свои воззрѣнія на государственное устройство и народныя права. Онѣ были отданы на произволъ французамъ, которыхъ Наполеонъ посылалъ въ нихъ въ качествѣ генераловъ, дипломатовъ и высшихъ сановниковъ. Конечно, съ другой стороны они пріобрѣли черезъ Наполеона нѣкоторыя неоцѣненныя преимущества, выработанныя французскою революціей, которыхъ никогда не дождались бы, если бы Наполеонъ, впрочемъ самъ вовсе того не желая, не расчистилъ почвы для новаго зданія. Пагубнѣе всего отозвались на нихъ двѣ

политическія ошибки завоевателя. Первая заключалась въ постоянномъ измѣненіи только что учреждаемыхъ отношеній, въ безпрестанномъ увеличеніи и уменьшеніи новыхъ государствъ. Вторая состояла въ томъ, что французскій императоръ, основывая новыя государства, имѣлъ въ виду только пользу, которую они могутъ доставить ему и Франціи, а ихъ собственныя выгоды ставилъ на заднемъ планѣ. Такъ было при учрежденіи герцогства Варшавскаго, которое, повидимому, было началомъ возстановленія Польши, а въ сущности назначалось служить французскимъ форпостомъ противъ Россіи и Австріи. Съ этою цѣлью значительная часть французскихъ, польскихъ и саксонскихъ войскъ, принимавшихъ участіе въ войнѣ 1807, осталась въ новомъ герцогствѣ, которое кромѣ того было принуждено выставить, сверхъ постоянной національной гвардіи, 30-тысячную армію. Вдобавокъ Наполеонъ одарилъ многихъ французовъ значительными помѣстьями въ герцогствѣ. Такъ какъ помѣстья эти были освобождены отъ всякихъ повинностей, то остальная земля несла слишкомъ тяжелыя подати. Точно также Наполеонъ поступилъ и съ Данцигской республикой. Въ Данцигѣ былъ поставленъ гарнизономъ цѣлый французскій корпусъ, командиръ котораго, генералъ Раппъ, дѣйствовалъ совершенно самовластно. Напримѣръ, онъ истребовалъ всѣ недоплаченныя контрибуціи и кромѣ того взялъ съ города принудительный заемъ въ два съ половиною милліона франковъ.

Въ королевствѣ Вестфальскомъ до 1810, когда къ нему была присоединена остальная часть Ганновера, было два милліона жителей. Французское господство освободило ихъ отъ бремени феодализма, бюрократіи и іерархіи; но они такъ привыкли къ чиновничьему произволу и къ подчиненію аристократическимъ родамъ, что не могли радоваться этому прогрессу, который притомъ сопровождался многими дѣйствительными неудобствами. Канбасересъ и другіе парижскіе фабриканты конституцій состряпали конституцію для новаго королевства, и нѣсколько депутатовъ было вызвано въ Парижъ, чтобы отъ имени народа принять эту конституцію, а между тѣмъ публиковали ложь, будто они избраны и посланы волею самаго народа. Французскіе чиновники, члены временнаго правительства, назначеннаго для введенія конституціи, интенданты и губернаторы поступали въ странѣ по образцу правителей турецкихъ пашалыковъ. По учрежденіи королевства всѣ высшіе чиновники его были французы. Фукидидъ швейцарскихъ аристократовъ, Іоганнъ фонъ Мюллеръ, былъ посланъ по рекомендаціи Маре государственнымъ секретаремъ въ новое королевство, но не имѣлъ ни смысла, ни умѣнья для дѣлъ и потому вышелъ въ отставку. Кромѣ множества французскихъ чиновниковъ, которыхъ надо было содержать, вестфальское королевство должно было давать обмундировку и платить жалованье 25-тысячному войску, наполовину изъ французовъ. Изъ доменовъ Наполеонъ половину удержалъ для себя на поддержаніе величія своей имперіи. Вслѣдствіе этого изъ страны вывозилось ежегодно $2^1/_2$ милліона франковъ. Кромѣ того, новое королевство подвергалось, подобно Пруссіи, систематическимъ вымогательствамъ. Тиранъ Пруссіи, Дарю (стр. 526), былъ посланъ въ Вестфалію, гдѣ взыскалъ всю недоимку военнаго налога до послѣдняго гроша. Королемъ новаго королевства Наполеонъ назначилъ своего младшаго брата, Іеронима, женивъ его предварительно на внучкѣ герцога Брауншвейскаго, Екатеринѣ Виртембергской. Этотъ 23-лѣтній король былъ развратникъ, кутила, мотъ и очень недалекъ, но великодушенъ, справедливъ и добръ, добросовѣстно старался изучить дѣла, избѣгалъ всего очевидно дурнаго и не допускалъ ниодну изъ множества своихъ любовницъ имѣть вліяніе на правленіе. Но и хорошія качества его не могли принести пользы странѣ, потому что онъ долженъ былъ жертвовать интересами своихъ подданныхъ цѣлямъ Наполеона и выгодамъ Франціи. Король не понималъ даже языка своей страны, какъ не понимали его и французскіе министры его. Вслѣдствіе этого всѣ отчеты и доклады короля и вся переписка между высшими чиновниками писались на французскомъ языкѣ, а распоряженія издавались также по-французски съ приложеніемъ нѣмецкаго перевода.

Баварія, Баденъ, Виртембергъ и другія французскія вассальныя государства имѣли отъ иностраннаго господства тѣже выгоды и невыгоды, какъ и вестфальское королевство. Они также освободились черезъ него отъ отжившихъ привиллегій и средневѣковыхъ уродствъ, но взамѣнъ этого должны были отдать силы

свои въ распоряженіе французскаго императора. Что же касается улучшеній, внесенныхъ въ эти страны введеніемъ новыхъ принциповъ, то прочность ихъ зависѣла отъ личнаго характера правителей. Кромѣ того, всѣ они ежеминутно подвергались капризамъ завоевателя, который безпрестанно мѣнялъ планы и затѣи, приводя народы въ отчаяніе постоянной перетасовкой ихъ. Не обращая ни на что вниманія, Наполеонъ презиралъ всякія обязательства и обѣщанія свои, если нарушить ихъ казалось ему выгоднымъ и необходимымъ. Въ 1807 онъ повторилъ свое обѣщаніе, что не возьметъ ни клочка земли на правомъ берегу Рейна; тѣмъ не менѣе въ январѣ 1808 онъ присоединилъ къ Франціи Везель, Кастель близъ Майнца и Кель. Ганзейскіе города еще сохранили въ то время свободу, но только потому, что король Лудовикъ голландскій не согласился на предложеніе Наполеона обмѣнять ихъ на Брабантъ и Зеландію. Зато они были заняты французскими войсками, которыя выжимали изъ нихъ сокъ.

Тоже происходило и въ Италіи, хотя жители этой страны могли болѣе нѣмцевъ быть довольны господствомъ Наполеона. Послѣ тильзитскаго мира Наполеонъ поспѣшилъ лишить владѣнія послѣднюю линію Бурбоновъ, еще царствовавшую въ Италіи, сначала въ герцогствѣ Пармскомъ, потомъ въ Тосканѣ или такъ называемомъ Этрурскомъ королевствѣ (стр. 466 и стр. 497); впослѣдствіи съ 1849 эта линія снова владѣла Пармой до 1859. Лишая ее владѣнія, Наполеонъ имѣлъ въ виду не возстановленіе національнаго единства Италіи, какъ утверждаютъ французы въ своихъ романическихъ историческихъ сочиненіяхъ, а досадить папѣ, съ которымъ онъ былъ уже въ разладѣ, и обогатить своихъ сестеръ. Наполеонъ рѣшился положить конецъ свѣтской власти папы и потому не могъ терпѣть въ Этруріи ханжескаго и слабоумнаго правительства, преданнаго папѣ. Сестры его, Полина Боргезе и Элиза Бачіоки, были уже пристроены въ Италіи (стр. 501), но хотѣли имѣть владѣнія побольше. Король Карлъ IV испанскій былъ принужденъ способствовать изгнанію своей дочери, регентши Этруріи, и ея малолѣтняго сына. Ноября 22 1807 посланники Франціи и Испаніи совершенно неожиданно объявили регентшѣ Этруріи, Маріи Луизѣ, что Карлъ IV уступилъ владѣнія своего внука Франціи, а король этрурскій получитъ за это вознагражденіе въ Португаліи; но этого вознагражденія никогда не было дано. Этрурія была немедленно обращена въ французскую провинцію, и генералъ-губернаторъ французскихъ заальпійскихъ владѣній, Мену, былъ назначенъ намѣстникомъ Тосканы, а его мѣсто занялъ мужъ Наполеоновой сестры, Полины, князь Боргезе, устроившій себѣ въ Туринѣ блестящій дворъ. Другая сестра, Элиза Бачіоки, жившая тоже въ Италіи, выхлопотала и себѣ теплое мѣстечко. Въ мартѣ 1809 она была возведена въ санъ великой герцогини Тосканской и получила управленіе французскими департаментами, составленными изъ Тосканы.

Въ королевствѣ итальянскомъ тоже были измѣнены только-что введенныя учрежденія. Какъ въ Вестфаліи, и здѣсь сослались на мнимое желаніе народа. Къ императору была послана депутація поздравить его съ новыми побѣдами и просить его осчастливить Италію своимъ посѣщеніемъ. Въ ноябрѣ 1807 Наполеонъ отправился въ Миланъ. Оттуда онъ проѣхалъ въ Венецію для свиданія съ братьями, королемъ Іосифомъ неаполитанскимъ и Люсіаномъ, котораго онъ тоже хотѣлъ сдѣлать королемъ. Но Люсіанъ положительно воспротивился этому намѣренію. Онъ противъ воли брата женился на вдовѣ Жуберта или, какъ выразился Наполеонъ, заключилъ карнавальный бракъ. Наполеонъ безусловно потребовалъ, чтобы онъ расторгнулъ этотъ бракъ, хотя жена Люсіана вела себя со времени своего замужества гораздо приличнѣе прекрасной Полины и Элизы, которую называли итальянской Семирамидой. Люсіанъ не согласился пожертвовать своимъ домашнимъ счастьемъ величію брата. За это Наполеонъ разсердился на него, и братья навѣки поссорились.

Возвратясь въ столицу королевства итальянскаго, Наполеонъ издалъ 17 декабря 1807 миланскій декретъ, которымъ были предписаны новыя стѣсненія морской торговли, кромѣ заключавшихся въ берлинскомъ декретѣ (стр. 521), чтобы энергичнѣе исполнять континентальную систему. Миланскій декретъ былъ вызванъ распоряженіемъ англійскаго министерства, предписавшаго считать въ блокадѣ всѣ гавани, въ которыя не впускается британскій флагъ, а также подвергать осмотру, отправлять въ англійскіе порты и подвергать контрибуціи всѣ

корабли, идущіе въ эти гавани. Въ отвѣтъ на это Наполеонъ предписалъ Миланскимъ декретомъ считать лишенными національности всѣ корабли, которые подчинятся этому распоряженію, и хватать ихъ, какъ бы англійскіе.

Въ итальянскомъ королевствѣ императоръ издалъ множество новыхъ распоряженій въ духѣ современной политики, которая прикрываетъ нравственный упадокъ внѣшнимъ матеріальнымъ прогрессомъ. Италія безпрестанно подвергалась его произволу, который зависѣлъ отъ временныхъ обстоятельствъ или минутнаго каприза. Напримѣръ, въ 1805 онъ торжественно обѣщалъ, что итальянская корона будетъ отдѣлена отъ французской (стр. 500); однако въ концѣ 1807 издалъ совершенно противоположныя распоряженія. Онъ назначилъ своего пріемнаго сына, Евгенія Богарне, наслѣдникомъ итальянской короны, но съ условіемъ, что онъ только въ томъ случаѣ наслѣдуетъ ему, если у него самого не будетъ сына. Это показывало, что Италія ни въ какомъ случаѣ не будетъ отдѣлена отъ Франціи. Мельци, котораго Наполеонъ употреблялъ прежде для своихъ цѣлей, былъ теперь, подобно другимъ креатурамъ, отодвинутъ на задній планъ. Въ вознагражденіе за это онъ получилъ титулъ герцога Лоди.

Папа Пій VII былъ также принужденъ безусловно покоряться Франціи. Однако Наполеону было трудно ладить съ нимъ. Наполеонъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ самъ поддержалъ папство и возвратилъ папѣ свѣтскую власть. Теперь онъ вздумалъ обращаться съ папой не только какъ съ вассаломъ въ свѣтскихъ дѣлахъ, но подчинить его своей волѣ и въ духовныхъ. Но папа имѣлъ за себя ту правственную силу, ради которой Наполеонъ такъ старался прежде сойтись съ нимъ. Это породило между императоромъ и папою страшную ссору и поставило Наполеона въ затруднительное положеніе. Наполеонъ не могъ обойтись безъ папы, даже будучи въ открытой борьбѣ съ нимъ, если не желалъ лишиться всѣхъ выгодъ заключеннаго съ нимъ конкордата. Пій упорно не соглашался ни на какія требованія Наполеона, и когда наконецъ императоръ отнялъ у него свѣтскую власть, сдѣлался, благодаря преслѣдованію, еще сильнѣе и могущественнѣе.

Съ самаго начала войны 1805 Наполеонъ требовалъ, чтобы папа отказался отъ нейтралитета, и когда Пій не хотѣлъ согласиться на это, занялъ Анкону. Это было началомъ борьбы, которая впослѣдствіи все сильнѣе разгоралась. Уже въ январѣ 1806 Наполеонъ сталъ играть относительно папы роль Карла Великаго. Въ нотѣ, адресованной къ папѣ, онъ прямо сказалъ, что папа — только владѣтель Рима, а онъ — римскій императоръ. Вскорѣ ссора съ политическаго вопроса о положеніи папы, какъ государя, перешла на нѣкоторыя статьи конкордата, на постановленія наполеоновскаго кодекса о бракѣ, слѣдовательно, на вопросы чисто духовные. Пій по случаю возведенія Іосифа Бонапарта на неаполитанскій престолъ предъявилъ свои верховныя права на Неаполь, которыми папы постоянно владѣли съ XI столѣтія (т. II, стр. 573); въ то же время Пій поссорился и съ Элизою Бачіокки, зато что она вводила конкордатъ въ своемъ княжествѣ Луккѣ. Чтобы запугать папу, Наполеонъ назначилъ посланникомъ въ Римъ вспыльчиваго Алькье, но видя, что папа непоколебимъ, началъ открытыя враждебныя дѣйствія. Онъ велѣлъ занять часть Церковной области войсками и подарилъ французамъ два папскихъ княжества (стр. 512). Наконецъ онъ самъ увидѣлъ, какую сдѣлалъ ошибку, пожертвовавъ правами епископовъ въ пользу правъ папы, потому что вслѣдствіе этого Пій могъ основать свое сопротивленіе на собственныхъ уступкахъ Наполеона въ 1802. Когда началась война съ Пруссіей, императоръ началъ стараться уладить дѣло. Онъ предложилъ папѣ условія, на которыя тотъ не согласился. Вслѣдствіе этого во второй половинѣ 1807 между ними произошелъ полнѣйшій разрывъ.

Уже въ ноябрѣ 1807 французскія войска заняли нѣсколько легатствъ. Въ январѣ 1808 они подошли подъ начальствомъ генерала Міолиса къ Риму и 2 февраля вступили въ городъ. Они заняли даже замокъ св. Ангела и поступали съ папой какъ съ плѣнникомъ. Пій протестовалъ противъ этого насилія и отвергнулъ всѣ требованія Міолиса, которыя Наполеонъ полагалъ основаніемъ для переговоровъ. Тщетно пытался Наполеонъ склонить его къ уступчивости высылкой въ мартѣ изъ Рима четырнадцати кардиналовъ и присоединеніемъ четырехъ легатствъ къ королевству итальянскому. Папа оставался непоколебимъ и противился

свѣтскому оружію Наполеона духовнымъ, угрожая императору отлученіемъ. Онъ имѣлъ полное основаніе такъ дѣйствовать, потому что Наполеонъ самъ призналъ его въ конкордатѣ главой церкви: и мы не можемъ, подобно французамъ, находить его угрозы смѣшными, потому что тутъ рѣчь шла не о средневѣковомъ отлученіи, т. е. не о гражданской мѣрѣ, а о наказаніи чисто духовномъ. Наполеонъ не обращалъ вниманія на папскія угрозы и принималъ все болѣе и болѣе сильныя мѣры противъ Пія и кардиналовъ. Папа съ своей стороны досаждалъ ему тѣмъ, что не замѣщалъ вакантныхъ германскихъ и французскихъ епископствъ и не утверждалъ назначаемыхъ императоромъ епископовъ. Такимъ образомъ продолжались обоюдныя враждебныя отношенія, пока Наполеонъ въ маѣ 1809 вторично завоевалъ столицу того императора, у котораго отнялъ корону Карла Великаго. Едва французы вошли въ Вѣну, какъ Наполеонъ обратилъ противъ папы всѣ права Карла Великаго во всемъ ихъ значеніи. Мая 17 онъ издалъ въ Шенбруннѣ формальный декретъ о низложеніи папы, основываясь особенно на томъ, что страна и подданные его были нѣкогда подарены папамъ Карломъ Великимъ, какъ ленъ своей короны, хотя всѣ эти объясненія совершенно противорѣчили прежнимъ признаніямъ Наполеона. Вторымъ поводомъ къ низложенію папы послужили замыслы въ Италіи такъ называемыхъ карбонаріевъ.

Карбонаризмъ возникъ въ первый разъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія. Тогда въ Калабріи и Апуліи явились при поддержкѣ англичанъ и королевы Каролины-Маріи тайныя общества, направленныя противъ французовъ. Они состояли изъ фанатическихъ приверженцевъ стараго правленія, изъ горныхъ угольщиковъ, изъ разнаго сброда, сторонниковъ духовенства и абсолютизма. По имени угольщиковъ ихъ и назвали карбонаріями. Вначалѣ это общество было просто разбойничья шайка. Но въ 1808 и 1809 характеръ карбонаризма перемѣнился, когда по возведеніи на престолъ Іосифа Бонапарта въ союзъ карбонаріевъ вступили люди всевозможныхъ сословій, завели тайные знаки, въ родѣ масонскихъ, чтобы узнавать другъ друга, и ввели въ карбонаризмъ республиканскія цѣли. Ненависть народа къ французскому господству была весьма полезна карбонаріямъ, которые распространились съ поразительной быстротой въ неаполитанскомъ королевствѣ и въ Церковной области. Наполеонъ утверждалъ, что необходимо прекратить власть папы, потому что Римъ и Романія сдѣлались подъ нею убѣжищемъ разбойниковъ и заговорщиковъ.

Декретомъ 17 мая 1809 Церковная область была присоединена къ французской имперіи, а папѣ брошена на содержаніе ежегодная пенсія. Пій отвѣчалъ на этотъ декретъ обнародованіемъ давно заготовленной буллы отлученія. Онъ проклялъ ею не только самого императора, но и всѣхъ, кто принималъ участіе въ занятіи Церковной области, а также всѣхъ епископовъ, которые отступили въ богослуженіи отъ его предписаній. Съ этого времени Пій заперся въ Квириналѣ, гдѣ велѣлъ заложить всѣ входы, за исключеніемъ одного, чтобы къ нему нельзя было проникнуть безъ явнаго насилія. Тогда генералъ Міолисъ рѣшился выполнить приказаніе, данное ему на случай, если папа не откажется добровольно отъ свѣтской власти. Въ ночь съ 5 на 6 іюля 1809 собранный имъ народъ перелѣзъ черезъ стѣны Квиринала и выломилъ всѣ двери. Потомъ генералъ Раде съ жандармами вошелъ въ комнату папы, съ которымъ находился кардиналъ Пакка, и еще разъ потребовалъ отъ него исполненія предписанія Наполеона. Пій рѣшительно отказался и былъ силою уведенъ, посаженъ въ готовую карету и поспѣшно вывезенъ изъ Рима въ сопровожденіи жандармовъ. Сначала его привезли во Флоренцію, потомъ перевезли черезъ море въ Геную, оттуда поспѣшно препроводили черезъ Сузу и Монъ-Сени въ Гренобль, куда онъ прибылъ 21 іюля. Вскорѣ послѣ того по повелѣнію Наполеона онъ былъ привезенъ въ Савону, гдѣ содержался въ заключеніи. Кардиналъ Пакка былъ тоже увезенъ и содержался подъ стражей въ Фенестреллѣ. Церковная область была присоединена императорскимъ декретомъ 17 февраля 1809 къ Франціи и раздѣлена на департаменты.

Поступокъ Наполеона съ папой былъ большой ошибкой, потому что сдѣлалъ изъ Пія мученика, такъ что не только іезуиты и паписты, но и протестанты и невѣрующіе приняли сторону гонимаго старика.

8. Начало возрожденія Германіи и отношенія Наполеона къ Александру въ 1808.

Въ ту самую минуту, когда Наполеонъ достигъ вершины своего могущества, когда все благоговѣйно преклонялось передъ нимъ, въ народахъ стала проявляться реакція противъ его нестерпимаго, все усиливавшагося деспотизма. Даже во французскихъ войскахъ стали обнаруживаться симптомы неудовольствія, и Наполеонъ, начавъ войну съ Испаніей, былъ принужденъ нѣсколько разъ смѣнять своихъ генераловъ за то, что они вступали въ переговоры съ непріятелемъ изъ недовѣрія къ роптавшимъ войскамъ. Наполеонъ самъ вызвалъ своими поступками движеніе нѣмцевъ, итальянцевъ и испанцевъ. При его неугомонномъ стремленіи къ увеличенію своей силы и могущества это движеніе должно было рано или поздно погубить его. Капризный произволъ, которому подвергались его вассальныя государства, непослѣдовательность его дѣйствій, то въ либеральномъ духѣ, то въ совершенно деспотическомъ, постыдный эгоизмъ, съ которымъ онъ рѣшалъ судьбы народовъ не въ ихъ интересѣ, а въ интересахъ своей особы и Франціи, — все это возстановило и ожесточило не только подвластные ему народы, но даже братьевъ и зятьевъ его, которыхъ онъ подѣлалъ королями. Его политика, враждебная всему національному, возстановила противъ него всѣ народы и возвратила ихъ къ старымъ симпатіямъ. Они всѣ бросились въ объятія реакціонной партіи, которая въ то время сдѣлалась національной. Въ этой партіи были и истинные патріоты; но плоды пробудившагося въ народѣ національнаго движенія и на этотъ разъ достались хитрымъ сторонникамъ старины и застоя, которые воспользовались стремленіемъ къ лучшему, чтобы снова пріобрѣсти свои прежнія привиллегіи. Временное иго Франціи принесло однако пользу Пруссіи и всей Германіи. Высшіе классы убѣдились наконецъ, что освобожденіе возможно только съ тѣмъ, чтобы уничтожить большую часть стараго порядка и разбудить народный духъ, подобно тому, какъ съумѣлъ Наполеонъ одушевить свою націю въ свою пользу.

Пруссія послѣ войны 1806 уменьшилась наполовину. Чтобы возвратить современемъ утраченную половину или даже чтобы отстоять уцѣлѣвшее противъ всеразрушающей силы Наполеона, надо было совершенно преобразовать всѣ внутреннія учрежденія и создать новую Пруссію, какъ революція и ея величайшій сынъ создали новую Францію. Король Фридрихъ Вильгельмъ III, вообще такъ упорно державшійся предразсудковъ, понялъ однако эту необходимость и довѣрился наконецъ людямъ, обладавшимъ не только мужествомъ, энергіей и практической дѣятельностью, но и честностью, истинно-національнымъ духомъ. Подобными людьми были: баронъ фонъ Штейнъ, Шарнгорстъ, Гнейзенау, Шладенъ и многіе другіе. Всѣ они, особенно первые двое, пріобрѣли съ 1807 безсмертную славу своими услугами Пруссіи, слѣдовательно, всей Германіи. Тотчасъ по подписаніи Тильзитскаго мира Фридрихъ Вильгельмъ отставилъ свое прежнее министерство и поручилъ дѣла такъ называемой иммедіатной коммиссіи, учрежденной въ Мемелѣ. Во главѣ этой коммиссіи онъ поставилъ въ октябрѣ 1807 барона фонъ Штейна, человѣка, правда, рѣзкаго, деспотическаго, упрямаго и проникнутаго узкими лютеранскими понятіями, но зато честнаго, дѣловаго, безстрашнаго, безкорыстнаго и исполненнаго національнаго духа. Для возстановленія и преобразованія арміи была составлена другая коммисія, въ которой Шарнгорстъ, впослѣдствіи военный министръ, Гнейзенау и Грольманъ, поддерживаемые Штейномъ, совершенно преобразовали военное вѣдомство. Реформы, предпринятыя тогда въ земствѣ и во всѣхъ отрасляхъ администраціи, при тогдашнемъ всеобщемъ усыпленіи, могъ выполнить только человѣкъ съ такимъ упорнымъ, горячимъ и гордымъ духомъ, какъ Штейнъ. Однако эти реформы утвердились прочно только впослѣдствіи, когда въ іюнѣ 1810 во главѣ министерства снова сталъ съ дозволенія Наполеона Гарденбергъ.

Вскорѣ послѣ Тильзитскаго мира военное вѣдомство было прочно и хорошо устроено Шарнгорстомъ, Гнейзенау и Грольманомъ. Вербовка солдатъ была за-

мѣнена системою общей обязательной службы. Дворянство было лишено исключительнаго права занимать высшія военныя должности. Солдаты были избавлены отъ прежнихъ позорныхъ наказаній. Всѣ злоупотребленія прежняго военнаго вѣдомства въ продовольствованіи, обмундированіи, контролѣ, дисциплинѣ и управленіи войскъ были уничтожены. Пруссія и помимо договора съ Наполеономъ (стр. 526), по состоянію своихъ финансовъ не могла содержать болѣе 42,000 человѣкъ войска. Но Шарнгорстъ съумѣлъ поправить дѣло тѣмъ, что безпрестанно распускалъ набранныхъ и обученныхъ солдатъ и замѣнялъ ихъ новыми рекрутами. Такимъ образомъ въ народѣ составилась готовая къ борьбѣ военная сила; уже въ 1811 Пруссія могла выставить 100,000 человѣкъ или, какъ утверждаютъ другіе, даже 120,000 — 150,000 войска. Такъ какъ надо было готовиться къ борьбѣ на жизнь и смерть, то правительство позаботилось заготовить новыя полевыя орудія и артиллерійскіе запасы, чтобы быстро вооружить всѣхъ гражданъ, способныхъ къ военной службѣ. Безсмертная заслуга, пріобрѣтенная Шарнгорстомъ и его друзьями въ Пруссіи и Германіи, сдѣлалась ясною только въ 1813 и 1814. Самъ по себѣ патріотическій энтузіазмъ не могъ бы спасти нѣмцевъ, какъ и испанцевъ отъ Наполеоновскихъ войскъ; оба эти народа нуждались въ содѣйствіи стройныхъ армій и благоустроеннаго военнаго вѣдомства. Испанія получила это отъ Англіи, а Германія отъ Пруссіи и Россіи. Вотъ почему служака, какъ Гнейзенау, такъ мало придавалъ значенія дѣйствіямъ такъ называемаго союза добродѣтели.

Тяжкое бѣдствіе, постигшее Пруссію, возбудило въ ней и въ большей части Германіи стремленіе общими силами спасать національность. Въ сущности, тутъ не было необходимости въ особомъ союзѣ гражданъ патріотическаго направленія, потому что иностранное иго и отвращеніе къ подлымъ эгоистамъ и измѣнникамъ, которые довели отечество до такого паденія, сами собой тѣсно соединяли всѣхъ нѣмцевъ. Тѣмъ не менѣе съ 1807 противъ Франціи начали составляться тайные союзы, изъ которыхъ общество, учрежденное въ Кенигсбергѣ подъ именемъ союза добродѣтели — Тугендбунда, — распространилось болѣе другихъ и сильнѣе другихъ пугало французовъ. Учредители и члены этого союза были люди высшихъ классовъ, высшіе сановники и извѣстные ученые. Это былъ не заговоръ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова; члены Тугендбунда старались оживить умершій національный духъ, пробудить самосознаніе въ народѣ, котораго до сихъ поръ только усыпляли и давили. Но не всѣ хлопотавшіе тогда о возбужденіи національнаго духа принадлежали къ этому союзу. Къ этой цѣли стремились въ союзѣ и внѣ его ученые, какъ Арндтъ, Фихте и Шлейермахеръ, государственные и военные люди, какъ Штейнъ, Гарденбергъ, Шладенъ, Гнейзенау и Шарнгорстъ; съ другой стороны, искатели приключеній, какъ Шилль, ученые педанты въ англійскомъ родѣ, какъ Нибуръ, высокомѣрные аристократы, какъ ганноверскій графъ Мюнстеръ. Вообще въ то время истинные патріоты и лучшая часть аристократіи преслѣдовали общую цѣль съ защитниками старыхъ привиллегій, нарушенныхъ или угрожаемыхъ. Защитники привиллегій составляли большинство тайныхъ руководителей союза и видѣли, что возстановленія феодальныхъ правъ можно добиться только съ помощью народа, одушевленнаго любовью къ свободѣ и отечеству. Они старались возбудить въ народѣ и въ молодежи національный энтузіазмъ, чтобы посредствомъ его изгнать изъ Германіи французовъ, а съ ними и проникшіе къ нѣмцамъ принципы и нововведенія революціи. Это удалось имъ. Кромѣ того это направленіе имѣло еще другое печальное слѣдствіе. Тайныя общества, французоѣдство и ненависть къ нововведеніямъ, принесеннымъ непріятелемъ, восхваленіе всего стараго и національнаго ввели въ Германію романтизмъ, мистицизмъ и игру въ средніе вѣка. Даже Штейнъ и его друзья считали старинное ранговое и цеховое бюргерство, дворянство, духовенство и суевѣріе среднихъ вѣковъ полезнѣе и лучше всего созданнаго французскою революціею. Надо однако сознаться, что романтизмъ, внесенный тогда въ жизнь и поэзію, имѣлъ свою двоякую пользу. Во-первыхъ, неясныя симпатіи и поэтическій взглядъ на прошедшее гораздо сильнѣе волновали народъ и побуждали его дѣйствовать, чѣмъ могли бы волновать и побуждать вѣрныя историческія познанія и вполнѣ ясное пониманіе. Во-вторыхъ, одушевленіе, пробужденное въ народѣ, и тяжелый гнетъ французскаго господства

освободили молодежь отъ рабскаго духа, внушавшагося ей какъ средство успѣха въ жизни. Новыя понятія проникли въ сословія, воспитывавшіяся въ университетахъ; рутина доходныхъ знаній стала исчезать, и дремлющіе умы оживились поэзіей и философіей, вдохновились любовью къ отечеству и къ нравственнымъ интересамъ.

Патріотизмъ, пробудившійся въ Германіи, не замедлилъ внушить французамъ опасенія и заставилъ ихъ прибѣгнуть къ шпіонству и преслѣдованіямъ, которыя дали ему новую пищу. Наполеонъ и его слуги, какъ люди военные, ненавидѣли все идеальное и уже по одному этому смотрѣли враждебно на возродившійся въ Германіи патріотизмъ; они старались подавить его полицейскими мѣрами и военной силой. Кромѣ того, Савари, Даву и другіе, служившіе Наполеону за деньги, помѣстья, ордена и почести, обманывали императора во вредъ ему, какъ обыкновенно обманываютъ государей. Они, конечно, скрывали отъ него, что тайная агитація въ Германіи есть неизбѣжное слѣдствіе его политики и дѣйствій его генераловъ и дипломатовъ, идущихъ противъ духа времени, который не терпитъ произвола и беззаконія. Это не понравилось бы императору, и потому его слуги говорили ему, что самый духъ времени зависитъ отъ этой агитаціи, вслѣдствіе чего военная полиція Наполеона свирѣпствовала противъ благороднѣйшихъ людей, преслѣдуя всякаго честнаго человѣка, какъ заговорщика и безпокойнаго. Еще въ августѣ 1808 Наполеонъ былъ крайне недоволенъ распространеніемъ по всей Германіи патріотическаго союза, покровительствуемаго Штейномъ, и еще болѣе былъ недоволенъ образованіемъ новой прусской арміи, возникшей изъ народныхъ элементовъ, и ея духомъ, какъ и реформами въ Прусскомъ государствѣ, помрачавшими административныя машины, которыя всюду позаводилъ Наполеонъ. Онъ хорошо зналъ, что его могущество держится энтузіазмомъ народа, достигшаго сознанія своей силы, и, понимая это, не хотѣлъ допустить, чтобы прусскій народъ также созналъ свою силу и честь.

Наполеонъ справедливо считалъ прусскаго перваго министра душою антифранцузскаго движенія въ Германіи. Онъ былъ очень радъ, когда маршалъ герцогъ Ауэрштедтскій (Даву), командовавшій французскими войсками въ Германіи, нашелъ предлогъ въ августѣ 1808 произвести аресты въ прусскихъ владѣніяхъ, вслѣдствіе неосторожности нѣсколькихъ молодыхъ членовъ Тугендбунда. Въ тоже время въ руки французской полиціи попалось письмо барона фонъ Штейна, изъ содержанія котораго можно было заключить о существованіи заговора. Письмо было напечатано во французскихъ правительственныхъ газетахъ съ грозными для Пруссіи примѣчаніями. Но въ то время Наполеону была нужна дружба русскаго императора, и кромѣ того его заботила война въ Испаніи; поэтому онъ прекратилъ преслѣдованіе нѣмецкихъ патріотовъ и заключилъ вышеупомянутый (стр. 526) договоръ объ удаленіи французскихъ войскъ изъ Пруссіи и о разсрочкѣ прусскаго долга.

Отношенія Наполеона къ русскому царю были въ то время уже не такъ тѣсны, какъ годъ тому назадъ въ Тильзитѣ. Причиной перемѣны были характеры императоровъ и измѣнившіяся обстоятельства. Наполеонъ и Александръ оба стремились къ господству въ Европѣ. Оба позволяли себѣ въ этомъ стремленіи поступки, совершенно противорѣчившіе ихъ словамъ и ихъ добрымъ намѣреніямъ, если такія дѣйствительно были, какъ утверждаютъ. Наполеонъ вышелъ изъ революціи, сроднился съ ея принципами и, по увѣренію своихъ близкихъ и почитателей, былъ человѣкъ добродушный, пока не затрогивали его политики и властолюбія. Александръ былъ воспитанникъ республиканца Лагарпа. Онъ былъ человѣкъ мягкой души, однако приблизилъ къ себѣ генерала Аракчеева и, не смотря на свою дружбу съ Наполеономъ, оставался въ союзѣ съ прусскимъ королемъ и даже въ тайныхъ связяхъ съ Англіей. Пріобрѣсти надъ нимъ вліяніе было нетрудно ни англійскимъ аристократамъ, ни членамъ реакціоннаго союза въ Германіи, тѣмъ болѣе, что Россія очень страдала отъ континентальной системы, а русскіе вельможи и даже мать императора не любили императора французовъ. При всей дипломатіи Александра, Наполеонъ не могъ обманываться на счетъ перемѣны отношеній Россіи къ Франціи, тѣмъ болѣе, что поступки русскихъ посланниковъ и адмираловъ явно противорѣчили дружескимъ заявленіямъ Александра. Вслѣдствіе этого Наполеонъ передъ поѣздкой въ Испанію нашелъ

нужнымъ скрѣпить свою дружбу съ Александромъ личнымъ свиданіемъ. Это казалось ему тѣмъ болѣе необходимымъ, что Австрія, повидимому, намѣревалась воспользоваться господствовавшимъ въ Германіи настроеніемъ, чтобы разстроить замыслы Франціи и Россіи относительно Турціи. Наполеонъ былъ увѣренъ въ силѣ своего личнаго влиянія на Александра, по опыту зная, что его разговоръ и манеры производятъ непреодолимое очарованіе.

Предполагаемое свиданіе состоялось осенью 1808 въ Эрфуртѣ. Оно заранѣе возбудило такое безпокойство въ англійскихъ и прусскихъ аристократахъ, что одинъ изъ послѣднихъ (Шладенъ) представилъ русскому императору записку, въ которой предостерегалъ его отъ «софизмовъ, лжи и обмановъ, ожидающихъ его въ Эрфуртѣ.» Александръ пріѣхалъ въ Эрфуртъ 27 сентября. Наполеонъ выѣхалъ ему на встрѣчу за два часа. Онъ всячески старался снова очаровать русскаго императора; но Александръ былъ хитрѣе Наполеона и, не смотря на наружные знаки дружбы, продолжалъ питать недовѣріе. Наполеона сопровождало 24 государственныхъ министра и 30 маршаловъ и генераловъ; кромѣ того, онъ выписалъ въ Эрфуртъ своихъ нѣмецкихъ вассаловъ, королей баварскаго, виртембергскаго, саксонскаго и вестфальскаго и тридцать четыре другихъ государей и князей рейнскаго союза. Знаменитаго актера Тальму Наполеонъ также привезъ въ Эрфуртъ «играть передъ партеромъ королей». Однажды въ театрѣ, когда на сценѣ былъ произнесенъ стихъ: L'amitié d'un grand homme est un bienfait des dieux (дружба великаго человѣка есть благодѣяніе боговъ), Александръ взялъ Наполеона за руку и съ чувствомъ произнесъ: «Я никогда такъ ясно не сознавалъ этого, какъ въ настоящую минуту.» Мы проходимъ молчаніемъ эрфуртскія празднества, и для чести нѣмецкой націи не будемъ разсказывать, какъ заискивали государи и вельможи Германіи не только передъ самимъ Наполеономъ, но и передъ всѣми его генералами и придворными, такъ что даже французскіе гренадеры чувствовали себя выше ихъ. Эрфуртскій конгрессъ продолжался съ 27 сентября по 14 октября. Кромѣ скрѣпленія дружбы съ Россіей Наполеонъ разсчитывалъ произвести этимъ торжествомъ впечатлѣніе на французскую націю, которая съ неудовольствіемъ смотрѣла на тогдашнія предпріятія въ Испаніи.

Чтобы польстить русскому императору, Наполеонъ сдѣлалъ въ Эрфуртѣ видъ, что въ угоду Александру готовъ облегчить свой гнетъ надъ Пруссіей и примириться съ Англіей, отъ которой исходитъ все зло. Императоръ Францъ I Австрійскій не былъ приглашенъ на конгресъ. Онъ послалъ полковника Винцента съ дружескимъ письмомъ къ Наполеону. Наполеонъ обошелся съ посланнымъ очень рѣзко, потому что опасался новой войны съ Австріей. Въ нотѣ, отправленной впослѣдствіи въ Вѣну, онъ даже формально грозилъ войной, если Австрія не прекратитъ своихъ вооруженій. Съ русскимъ императоромъ Наполеонъ заключилъ много соглашеній, но никто не намѣревался соблюдать ихъ. Ихъ министры иностранныхъ дѣлъ, Шанпаньи и Румянцевъ, которые незадолго замѣнили Талейрана и Будберга, заключили письменный договоръ. Этимъ договоромъ, въ которомъ уже имѣлась въ виду предстоящая война съ Австріей, былъ заключенъ тѣсный союзъ между двумя императорами противъ Англіи, и кромѣ того за Россіей признано владѣніе дунайскими княжествами; были также проекты на счетъ дальнѣйшаго завоеванія Турціи. Результатомъ эрфуртскаго конгреса былъ также пріемъ въ Рейнскій союзъ герцога Ольденбургскаго, близкаго родственника Александра. Шестью мѣсяцами раньше въ этотъ союзъ вступили оба герцога Мекленбургскіе, такъ что теперь къ нему принадлежала вся Германія, кромѣ Австріи, Пруссіи и непосредственныхъ владѣній Франціи.

По возвращеніи изъ Эрфурта въ Парижъ Наполеонъ немедленно отправился къ своей арміи въ Испанію. Вскорѣ онъ получилъ доносы отъ своихъ шпіоновъ о движеніяхъ въ Германіи, о сношеніяхъ барона фонъ Штейна съ австрійскимъ кабинетомъ, о союзѣ послѣдняго съ прусскими патріотами, съ Испаніей и даже о тайныхъ сношеніяхъ Россіи съ Испаніей, и страшно взбѣсился. Ярость его обратилась на барона фонъ Штейна, потому что самаго заговора не удалось открыть. Ноября 26 1808 баронъ фонъ Штейнъ былъ принужденъ выйти въ отставку. Наполеонъ прислалъ 15 декабря изъ Мадрида обвиненіе противъ него, въ которомъ о бывшемъ первомъ министрѣ прусскаго короля говорилось: «нѣкто Штейнъ», и онъ объявлялся врагомъ Франціи и Рейнскаго союза. Тутъ всѣ уви-

дѣли, что Наполеоновской имперіи видно приходится плохо, если даже такіе люди, какіе Штейнъ, составляютъ противъ нея заговоры и если Наполеонъ находитъ нужнымъ принимать такія мѣры для своей защиты. Обвиненный бѣжалъ въ Австрію, но оттуда по прежнему продолжалъ дѣйствовать противъ чужестраннаго ига. Въ маѣ 1812 онъ уѣхалъ въ Петербургъ и, не вступая въ русскую службу, получилъ огромное вліяніе на русскую политику. По удаленіи Штейна король Фридрихъ Вильгельмъ долженъ былъ сдѣлаться слугою французской полиціи. Онъ былъ принужденъ подтвердить строгія предписанія противъ тайныхъ обществъ и даже запретилъ своимъ офицерамъ разговаривать о политическихъ дѣлахъ.

9. Низложеніе Бурбоновъ въ Испаніи и испанская народная борьба.

Испанскій король Карлъ IV и его временщикъ, князь Мира, давно обратили Испанію въ французскую провинцію, какъ Португалія была обращена въ англійскую. Презрѣнный Годой служилъ Наполеону деньгами и флотомъ Испаніи (стр. 469 и 497). Однако при началѣ прусской войны князь Мира задумалъ освободить свою страну отъ французскаго господства. Онъ завелъ тайные переговоры съ Англіей, Россіей и Португаліей, издалъ подозрительную прокламацію къ испанцамъ и сталъ дѣлать приготовленія къ поголовному ополченію. Извѣстіе о битвѣ при Іенѣ скоро положило конецъ этимъ дѣйствіямъ. Князь Мира притворился, что дѣлалъ все это въ интересахъ Франціи. Но французскій императоръ зналъ его истинныя намѣренія изъ перехваченныхъ депешъ и изъ доноса жалкаго португальскаго правительства. Впрочемъ онъ оставилъ безнаказанными умыслы князя Мира и только принялъ мѣры противъ будущихъ коварствъ его, принудивъ его послать на Эльбу 14,000 испанскихъ войскъ подъ начальствомъ генерала Ла-Романы и присоединить къ французскому флоту шесть испанскихъ линейныхъ кораблей. Кромѣ того Испанія была принуждена принять и содержать 20,000 плѣнныхъ пруссаковъ.

Лишивъ такимъ образомъ Испанію части ея военныхъ силъ, Наполеонъ задумалъ свергнуть испанскую и португальскую династіи. Исполненію этого плана много помогли позорные скандалы, случившіеся при испанскомъ дворѣ осенью 1807. Сынъ и наслѣдникъ Карла IV, впослѣдствіи король Фердинандъ VII, открыто поссорился съ своими родителями и съ княземъ Мира, чѣмъ вызвалъ черезъ полгода вмѣшательство Франціи. Годой давно смертельно ненавидѣлъ наслѣдника престола. Незадолго до этого онъ присоединилъ ко всѣмъ своимъ достоинствамъ званіе великаго адмирала и неслыханный до тѣхъ поръ въ Испаніи титулъ свѣтлости. Въ народѣ распространился даже слухъ, что онъ будетъ вскорѣ назначенъ регентомъ. Кромѣ того Фердинанда, который овдовѣлъ въ маѣ 1806, хотѣли женить на сестрѣ жены Годоя. Это обстоятельство побудило Фердинанда, необладавшаго ни однимъ изъ весьма немногихъ добрыхъ качествъ отца, рѣшиться на поступокъ, очень повредившій Испаніи. По совѣту своего воспитателя, хитраго каноника Эскоиса, онъ написалъ 11 октября 1807 письмо къ Наполеону, польстя ему и прося французскаго императора осчастливить его выборомъ ему жены изъ своей фамиліи. Наполеонъ не удостоилъ его отвѣта и продолжалъ приводить въ исполненіе черезъ князя Мира свои замыслы относительно изгнанія Бурбоновъ изъ Испаніи.

Между тѣмъ Фердинандъ, посылая письмо Наполеону, составилъ въ то же время заговоръ съ герцогами Инфантадо и Санъ-Карлосомъ и съ другими вельможами для низверженія Годоя. Но князь Мира узналъ о заговорѣ и предупредилъ принца. Тогда королева стала преслѣдовать сына какъ фурія и не постыдилась дать слабому королю должность полицейскаго коммисара. По ея приказу Карлъ 29 октября ворвался съ солдатами въ комнату принца, взялъ у него шпагу и посадилъ его подъ арестъ. На другой день народу объявили прокламаціей, что наслѣдникъ престола покушался на жизнь отца. Фердинандъ былъ преданъ военному суду. Онъ велъ себя въ высшей степени недостойно, выдалъ своихъ совѣтниковъ и друзей, свалилъ всю вину на нихъ, на-

писалъ позорное объясненіе подъ диктовку Годоя и униженно просилъ родителей двумя письмами о помилованіи, которое и было даровано ему. Годой тотчасъ напечаталъ эти письма во всѣхъ газетахъ, такъ что Фердинандъ лишился уваженія народа. Однако князю Мира не удалось погубить друзей наслѣдника престола. Они были преданы суду, но оправданы, потому что судьи, ненавидѣвшіе Годоя, не хотѣли осуждать участниковъ, когда главный преступникъ остался безнаказаннымъ. Впрочемъ король самовластно сослалъ обвиненныхъ.

Между тѣмъ между Испаніей и Франціей велись переговоры въ Фонтенбло, гдѣ былъ наконецъ заключенъ договоръ, которымъ Наполеонъ завлекъ тщеславнаго князя Мира въ свои сѣти и, подъ видомъ выгоднаго для Франціи, Испаніи и самого князя раздѣла Португаліи, началъ приводить въ исполненіе свои планы противъ Испаніи. Переговоры съ французской стороны велись самимъ Наполеономъ, которому помогалъ оберъ-гофмаршалъ Дюрокъ, породнившійся съ однимъ испанскимъ грандомъ. Несправедливо приписывали исключительно Талейрану хитрый планъ, составленный въ Фонтенбло противъ Годоя и короля Карла. Сказать положительно можно только то, что хотя Талейранъ вышелъ въ августѣ изъ министерства (стр. 525), но былъ нечуждъ этому дѣлу и до отставки участвовалъ въ немъ, тѣмъ болѣе, что соваться въ подобныя дѣла было для него потребностью. Со стороны Испаніи переговоры велъ не посланникъ ея, а креатура Годоя, Искіердо. Октября 27 1807 онъ заключилъ съ герцогомъ Фріульскимъ (Дюрокомъ) тайный Фонтенблоскій договоръ. По условіямъ его, испанскія и французскія войска должны были завоевать Португалію, которую предполагалось потомъ раздѣлить, причемъ Франція получала среднія провинціи, Годой—независимое владѣніе на югѣ, а королева этрурская, дочь испанскаго короля, въ вознагражденіе за уступку своихъ итальянскихъ владѣній Наполеону,—сѣверъ Португаліи. Тотчасъ по заключеніи договора французскія войска, прибывшія въ Испанію еще 17 октября, двинулись въ Португалію, и прежде чѣмъ они успѣли вступить туда, въ Монитерѣ явился 13 ноября манифестъ, объявлявшій, что Брагандскій домъ пересталъ царствовать.

Французскія войска, посланныя противъ Португаліи, должны были очень торопиться, чтобы захватить врасплохъ португальское правительство, глава котораго, принцъ-регентъ Іоаннъ, обманутый дипломатіей, не принималъ никакихъ мѣръ для защиты или даже для собственнаго спасенія. Французскія войска подъ командой Жюно шли съ такою быстротою, что уже 23 ноября прибыли въ городъ Абрантесъ всего въ 20 миляхъ отъ Лиссабона. Іоаннъ со всѣмъ семействомъ попалъ бы въ руки французовъ, если бы одинъ англійскій корабль не привезъ ему 25 ноября роковой номеръ Монитера. Іоаннъ успѣлъ бѣжать на англійскій флотъ, стоявшій въ Лиссабонской гавани. Зато богатые арсеналы и магазины Лиссабона попали въ руки французовъ, авангардъ которыхъ вошелъ въ столицу 30 ноября. Онъ овладѣлъ при этомъ нѣсколькими военными кораблями, которыхъ противный вѣтеръ задержалъ подъ выстрѣлами береговыхъ баттарей. Однако труды столь быстраго перехода, во время котораго приходилось терпѣть сильный недостатокъ въ продовольствіи, стоили жизни многимъ французскимъ солдатамъ. Но потерю людей цѣнили такъ мало, что Наполеонъ въ награду за быстрый походъ пожаловалъ генерала Жюно титуломъ герцога Абрантеса. Англичане могли отплыть съ королевской фамиліей изъ Лиссабона только наканунѣ прибытія туда французовъ. Браганцское семейство отправилось въ Бразилію и прожило много лѣтъ въ столицѣ этой страны. Дворянство и чиновничество Португаліи вели себя точно такъ же, какъ аристократія и бюрократія Германіи. Даже временное правительство, назначенное передъ отъѣздомъ принцемъ-регентомъ, явилось къ Жюно съ лестью на поклонъ. Вся страна, въ которую вошли и испанскія войска, была покорена почти безъ сопротивленія. Жюно въ декабрѣ собралъ съ частныхъ имуществъ сто милліоновъ франковъ контрибуціи и былъ назначенъ временнымъ правителемъ страны съ титуломъ генералъ-губернатора.

Вскорѣ по завоеваніи Португаліи міръ узналъ, что та-же участь предстоитъ и Испаніи, такъ что нечего было и думать о выполненіи статей фонтенблоскаго договора. Уже въ декабрѣ и январѣ два французскіе корпуса перешли Пиренеи подъ начальствомъ генерала Дюпона и маршала Монсея, а въ февралѣ и мартѣ еще два корпуса подъ начальствомъ генерала Дюгема и маршала Бесьера

Они заняли всю страну отъ Барселоны до Вальядолида и Санъ-Себастіана и хитростями овладѣвали одной крѣпостью за другой. Въ мартѣ въ Испанію прибылъ великій герцогъ Бергскій принять главное начальство надъ всѣми французскими силами въ Испаніи, которыя уже простирались до ста тысячъ человѣкъ. Французы все далѣе подвигались въ Испанію, захватывая по дорогѣ артиллерію и продовольствіе. Годой беззаботно смотрѣлъ на все это и даже самъ отдалъ приказъ коммендациту Санъ-Себастіана, нехотѣвшему впускать французовъ, сдать имъ крѣпость. Наконецъ другъ его, Искіердо, все еще находившійся въ Парижѣ, пробудилъ его изъ усыпленія грознымъ извѣстіемъ, что онъ лишился милостей Наполеона. Марта 24 1808 испанскому уполномоченному было сдѣлано предложеніе насчетъ новаго договора, совершенно несогласнаго съ условіями фонтенблоскаго трактата. Отъ него требовали немедленнаго и безусловнаго согласія. Испаніи предлагали уступить Франціи провинціи къ сѣверу отъ Эбро и взять въ вознагражденіе Португалію. Кромѣ того въ проектѣ договора были зловѣщія слова объ «опредѣленіи испанскаго престолонаслѣдія». Искіердо тотчасъ послалъ курьера въ Мадридъ; но когда тотъ прибылъ въ столицу, король Карлъ IV уже не царствовалъ, а Годой былъ подъ страхомъ смерти.

При непреодолимомъ вторженіи французскихъ войскъ Годой рѣшился послѣдовать примѣру португальскаго правительства и перевезти королевскую фамилію въ Америку. Для этой цѣли онъ хотѣлъ препроводить ее изъ Аранхуеса сначала въ Севилью. Узнавъ объ этомъ, народъ взволновался и возсталъ на всесильнаго временщика. Къ Аранхуесу со всѣхъ сторонъ стеклись вооруженныя толпы и 17 марта 1808 окружили королевскій дворецъ съ криками: «Да здравствуетъ король! Смерть Годою!» Этимъ воспользовался принцъ Фердинандъ для новой попытки низвергнуть князя Мира. Въ ночь съ 17 на 18 марта онъ возбудилъ солдатъ гвардіи къ возстанію, говоря имъ, что Годой измѣнникъ, что онъ хочетъ увезти короля и что надо помѣшать ему. Солдаты послушались его наущеній и въ ту же ночь вмѣстѣ съ народомъ ворвались во дворецъ князя. Яростная толпа разбила въ немъ все, что нашла, и князь Мира былъ бы растерзанъ, если бы не успѣлъ спрятаться. Король хотѣлъ спасти его тѣмъ, что 18 марта отставилъ его отъ всѣхъ должностей. Но народъ продолжалъ отыскивать ненавистнаго временщика и наконецъ 19 марта нашелъ. Онъ погибалъ, но тутъ наслѣдникъ престола поспѣшилъ къ нему на помощь по убѣдительной просьбѣ отца, арестовалъ его и обѣщалъ предать его суду. Между тѣмъ и въ другихъ городахъ народъ грозно возсталъ противъ управленія Годоя. Жалкій король и его жена пришли въ такой ужасъ, что рѣшились отречься отъ власти, лишь бы спасти любимца. Марта 19 король обнародовалъ отреченіе въ пользу сына, Фердинанда. На слѣдующій день Фердинандъ VII былъ провозглашенъ королемъ при восторженныхъ крикахъ народа. Первыми правительственными мѣрами его было увѣдомить униженнымъ письмомъ французскаго императора о своемъ вступленіи на престолъ, лишить арестованнаго Годоя всѣхъ отличій, помѣстій и богатствъ и велѣть предать его суду.

Марта 24 новый король прибылъ въ Мадридъ. Еще наканунѣ туда пріѣхалъ великій герцогъ Бергскій, который, узнавъ, что дѣлается въ Аранхуесѣ, поспѣшилъ въ столицу съ своими войсками. Королева вступила съ Мюратомъ въ переписку о своемъ любимцѣ. Эту переписку Наполеонъ велѣлъ потомъ напечатать въ Монитерѣ, потому что въ ней въ самомъ ужасномъ свѣтѣ обнаруживался весь развратъ королевской фамиліи. Мюратъ принялъ сторону королевы и ея мужа, не позволилъ Фердинанду отослать ихъ въ Бадахосъ и приказалъ перевезти Годоя изъ тюрьмы во дворецъ. Желая самъ сдѣлаться королемъ испанскимъ, онъ не призналъ новаго короля. Карлъ былъ принужденъ взять назадъ свое отреченіе; 23 марта объ этомъ былъ составленъ актъ, помѣченный 21 числомъ. Вслѣдъ затѣмъ въ Мадридъ прибылъ герцогъ Ровиго (Савари), посланный Наполеономъ, чтобы подъ предлогомъ третейскаго суда выманить изъ Испаніи стараго и молодаго королей, и потомъ возвести на престолъ Наполеонида. Савари исполнилъ это порученіе съ ловкостью, свойственною начальнику тайной полиціи. Великій герцогъ Бергскій и французскій посланникъ въ Мадридѣ, Франсуа-де-Богарне, зять великой герцогини Стефаніи Баденской, отказывали Фердинанду въ титулѣ величества. Савари не сталъ спорить о титулахъ, но представился Ферди-

нанду частнымъ образомъ. Онъ объявилъ ему, что Наполеонъ 2 апрѣля выѣхалъ изъ Парижа въ Испанію и что Фердинанду, какъ царствующему королю, слѣдовало бы выѣхать на встрѣчу французскому императору. Онъ даже совралъ, что Наполеонъ уже въ Бургосѣ. Ослѣпленный Фердинандъ не замѣтилъ разставленныхъ ему сѣтей и рѣшился ѣхать, хотя всѣ предостерегали его и хотя Наполеонъ признавалъ королемъ не его, а его отца. Фердинандъ выѣхалъ изъ Мадрида 10 апрѣля съ братомъ своимъ, донъ-Карлосомъ. Онъ даже не побоялся взять въ спутники командира страшной императорской жандармеріи. На всемъ пути до Байоны Савари разставилъ французскія войска подъ предлогомъ, что они должны служить почетнымъ конвоемъ королю Фердинанду. Фердинандъ пріѣхалъ съ нимъ въ Бургосъ и, не найдя тамъ императора, согласился ѣхать далѣе, въ Витторію, хотя его постоянно предостерегали и хотя въ Бургосѣ народъ хотѣлъ даже силой удержать его. Въ Витторіи онъ получилъ письмо отъ Наполеона, бывшаго уже въ Байонѣ. Письмо это было написано совершенно въ пользу Годоя и стараго короля; только въ заключеніе Наполеонъ, чтобы успокоить принца, благосклонно отзывался о проектѣ женитьбы Фердинанда на французской принцессѣ. Фердинанду слѣдовало отказаться отъ дальнѣйшаго путешествія уже потому, что письмо было адресовано къ нему какъ къ принцу, а не какъ къ королю. Однако онъ дался въ обманъ и 20 апрѣля прибылъ въ Байону къ удивленію самого Наполеона.

Тутъ императоръ сбросилъ маску и прямо высказалъ повѣренному Фердинанда, Эскоису, свое намѣреніе лишить Бурбоновъ испанскаго престола. Обманутому принцу онъ предложилъ черезъ Савари въ вознагражденіе великое герцогство Тосканское. Фердинандъ не согласился на это предложеніе и хотѣлъ уѣхать. но Наполеонъ не позволилъ ему возвращаться въ Испанію. Арестъ принца могъ бы поставить императора въ неловкое положеніе, если бы 30 апрѣля въ Байону не прибыли король Карлъ и жена его. Апрѣля 16 Мюратъ объявилъ хунтѣ или временному правительству, назначенному Фердинандомъ, что императоръ признаетъ королемъ испанскимъ одного Карла IV. Тоже объявилъ и французскій посланникъ Лафоре, бывшій прежде французскимъ посломъ въ Берлинѣ (стр. 505 и 510) и присланный въ Мадридъ на мѣсто Богарне. Вмѣстѣ съ тѣмъ хунтѣ сообщили, что все дѣло будетъ улажено въ Байонѣ, куда король вскорѣ отправится. Мюратъ принудилъ хунту 21 апрѣля освободить Годоя, который былъ тоже посланъ въ Байону, куда прибылъ 26 числа. Мая 2 въ Байону же должны были отправиться оба инфанта, братъ Карла IV, Антоніо Паскаль, президентъ хунты, и младшій сынъ Карла, Францискъ-де-Паула. Но тутъ въ Мадридѣ вспыхнуло кровавое народное возстаніе. Разъяренныя толпы бросились на французскихъ солдатъ, и Мюратъ только послѣ ожесточенной борьбы успѣлъ снова овладѣть городомъ. Въ острастку народу онъ вечеромъ того же дня велѣлъ приговорить къ смерти и разстрѣлять 85 плѣнныхъ. Число французовъ и испанцевъ, погибшихъ въ возстаніи 2 мая, опредѣлить трудно. Главное значеніе этого возстанія заключалось въ томъ, что мадридское кровопролитіе сразу ожесточило противъ Наполеона мстительную испанскую націю. Онъ самъ понялъ это и увидѣлъ, что въ Испаніи ему придется имѣть дѣло съ народомъ, а не съ одной господствующей кастой, какъ въ Германіи. Мая 3 въ Байону выѣхалъ инфантъ Францискъ, а 5 числа—донъ Антоніо Паскаль.

При извѣстіи о мадридскомъ возстаніи Наполеонъ взбѣсился на Фердинанда, потому что изъ перехваченныхъ писемъ оказалось, что принцъ возбуждалъ изъ Байоны хунту къ непріязненнымъ дѣйствіямъ противъ французовъ и далъ ей королевское полномочіе, чтобы она могла какъ слѣдуетъ организовать возстаніе. Родители Фердинанда также осыпали ненавистнаго сына упреками и позорнѣйшими ругательствами. Они охотно согласились уступить свой престолъ императору и приняли отъ него ежегодную пенсію и мѣстожительство во Франціи. Актъ отреченія, составленный Годоемъ и Дюрокомъ, былъ подписанъ Карломъ 6 мая. Годой остался неразлучнымъ товарищемъ королевской четы. Онъ былъ награжденъ помѣстьемъ въ Испаніи, но впослѣдствіи лишенъ его въ пользу маршала Сюше. Мая 10 Фердинандъ покорился своей участи и также подписалъ актъ отреченія заодно съ инфантами. Его тоже поселили во Франціи. Одинъ изъ министровъ Карла, Севалосъ, разсказываетъ, будто Наполеонъ при-

нудилъ принца къ отреченію угрозой смертью; но съ такимъ малодушнымъ человѣкомъ, какъ Фердинандъ, едва ли приходилось прибѣгать къ подобнымъ угрозамъ.

Тотчасъ по отреченіи Карла Наполеонъ издалъ манифестъ о своемъ вступленіи во владѣніе испанскимъ королевствомъ. Затѣмъ великій герцогъ Бергскій уговорилъ мадридскую хунту, инквизицію и кастильскій совѣтъ просить 13 мая въ испанскіе короли Іосифа Бонапарта, короля неаполитанскаго. Спутники Карла и Фердинанда и другіе испанцы, вызванные въ Байону, составили такъ называемую генеральную хунту, т. е. собраніе испанскихъ нотаблей. Ему было поручено обсудить предложенную ему конституцію. Хунта должна была состоять изъ 150 членовъ, но съ трудомъ набрали едва 125, а по нѣкоторымъ даже только 90. Какъ всѣ подобныя собранія, устраиваемыя Наполеономъ, оно было просто комедіей. Такова же была и конституція, которую оно разсматривало и 7 іюля приняло. Іосифъ I Бонапартъ сдѣлался королемъ Испаніи и отправился 9 іюля изъ Байоны въ Мадридъ, а на его мѣсто королемъ неаполитанскимъ былъ назначенъ 15 іюля Іоахимъ Мюратъ. Король Іосифъ составилъ свой дворъ и министерство изъ однихъ испанцевъ, очень хорошо понимая, что испанцы не дадутся подъ власть иностранцамъ, какъ нѣмцы и итальянцы. Вскорѣ по назначеніи своемъ въ короли Мюратъ возвратился во Францію, а командующимъ французскими войсками въ Испаніи былъ сдѣланъ Савари герцогъ Ровиго.

Когда 20 іюля Іосифъ пріѣхалъ въ Мадридъ, почти вся Испанія была въ полномъ возстаніи. Еще съ конца мая всюду образовались хунты и правительственные комитеты, чтобы организовать вооруженное возстаніе противъ французскаго господства. Астурійская хунта даже просила уже помощи у англійскаго министерства и получила отъ него обѣщанія. Эти правительственные комитеты были независимы другъ отъ друга, хотя хунта Севильи и Андалузіи считала себя главнымъ центральнымъ инсуррекціоннымъ правительствомъ въ силу закона, изданнаго во время войны за испанское наслѣдство, когда было постановлено, чтобы въ случаѣ занятія Мадрида непріятелемъ, правительственную власть имѣть севильскимъ кортесамъ. Но многочисленность центральныхъ пунктовъ возстанія была полезна испанцамъ, потому что затрудняла или, лучше сказать, дѣлала совершенно невозможнымъ полное покореніе народа, привыкшаго и въ мирное время къ дракамъ и грабежу. Испанскія войска, посланныя при Годоѣ въ Португалію, пристали къ возстанію и возвратились въ Испанію, чтобы сражаться противъ французовъ.

Новый король былъ неспособенъ сладить съ подобнымъ положеніемъ дѣлъ. Престолъ, пріобрѣтенный грабежомъ, убійствами и вѣроломствомъ, слѣдовало поддерживать насиліемъ и тираніей, какъ и внушалъ ему Наполеонъ въ своихъ письмахъ, а Іосифъ воображалъ, что можетъ царствовать конституціонно. Въ его правительствѣ не было ни послѣдовательности, ни твердости. Въ Испаніи оказалось невозможнымъ управлять страною посредствомъ туземной бюрократіи, что такъ удалось французамъ въ Германіи. Война въ Испаніи представляла такія затрудненія и опасности, какихъ французамъ еще нигдѣ не встрѣчалось. Имъ приходилось покорять страну, гдѣ для нихъ все было непривычно, и климатъ, и пища жителей; имъ приходилось имѣть дѣло съ врагомъ, одушевленнымъ религіознымъ и національнымъ фанатизмомъ, съ врагомъ, который, такъ сказать, былъ всюду и вмѣстѣ съ тѣмъ нигдѣ; потому что едва успѣвали они покорить одну провинцію, какъ за спиной у нихъ возставала другая. Наконецъ генералы ихъ почти никогда не получали необходимыхъ свѣдѣній, гонцовъ ихъ перехватывали и убивали, тогда какъ непріятельскія войска находили помощника въ каждомъ жителѣ.

Первое значительное пораженіе, которое французы потерпѣли въ Испаніи, была потеря флота въ Кадиксѣ, гдѣ 14 іюня въ руки испанцевъ попалось нѣсколько французскихъ военныхъ кораблей, стоявшихъ въ гавани; второе пораженіе было подъ Валенсіей, которую въ концѣ этого мѣсяца маршалъ Монсей герцогъ Конеліано хотѣлъ взять штурмомъ, но былъ отбитъ. Зато испанская армія, возвратившаяся изъ Португаліи, соединившаяся съ другими линейными и милиціонными полками и состоявшая подъ начальствомъ Кастаньоса и Блака, была совершенно разбита 14 іюля при Ріо-Секо маршаломъ Бесьеромъ гер-

цогомъ Истрійскимъ. Но эта побѣда принесла мало пользы французамъ, потому что черезъ недѣлю ихъ слава и военное счастье потерпѣли страшный уронъ вслѣдствіе пораженія генерала Дюпона. Дюпонъ въ концѣ мая перешелъ Сьерра-Морену и проникъ въ Андалузію, гдѣ 7 іюня штурмомъ взялъ Кордову. Его солдаты произвели тамъ такія страшныя злодѣйства, что даже французскій генералъ Фуа говоритъ, что Кордова не испытывала такихъ ужасовъ съ 1236, когда Фердинандъ III Кастильскій отнялъ этотъ городъ у мавровъ (т. III, стр. 375). Въ Кордовѣ Дюпону пришлось пробыть десять дней въ ожиданіи подкрѣпленія, котораго онъ просилъ у Савари; но подкрѣпленіе не пришло, потому что гонцы были перехвачены. Такимъ образомъ испанцы успѣли окружить Кордову. Чтобы не попасть въ плѣнъ, Дюпонъ долженъ былъ 17 іюня отступить. На возвратномъ пути онъ ежедневно терялъ множество людей отъ жаровъ и недостатка продовольствія; обозъ, обремененный награбленными драгоцѣнностями, мѣшалъ быстротѣ отступленія. Наконецъ къ нему стали приближаться подкрѣпленія, посланныя ему подъ начальствомъ генерала Веделя; но въ то же время Кастаньосъ настигъ его при Байленѣ и 22 іюля 1808 принудилъ заключить *позорную капитуляцію, которую можно сравнить только съ капитуляціей* Макка (стр. 305). По Байленской капитуляціи не только весь корпусъ Дюпона, но и дивизія Веделя, всего 17—23,000 человѣкъ, сдались инсургентамъ. По заключеніи капитуляціи дивизія Веделя должна была возвратиться во Францію сухимъ путемъ, а корпусъ Дюпона отправиться туда моремъ. Но севильская хунта не признала капитуляціи, которая не была предварительно утверждена ею, вслѣдствіе чего много военноплѣнныхъ французовъ было убито дорогой ожесточеннымъ народомъ. Наполеонъ былъ также пораженъ извѣстіемъ о байленской капитуляціи, какъ нѣкогда Августъ извѣстіемъ о побѣдѣ Арминія, и разсердился на Дюпона, какъ Августъ на Вара (т. II, стр. 89). Онъ думалъ, что Дюпонъ нарочно пожертвовалъ ввѣренными ему войсками, чтобы спасти добычу, награбленную въ Кордовѣ. По прибытіи во Францію Дюпонъ и еще три генерала (Ведель, Мареско и Шаберъ) были арестованы, отданы подъ судъ и приговорены къ лишенію должностей и чиновъ.

Вслѣдствіе байленской капитуляціи города и мѣстности, до сихъ поръ колебавшіеся, пристали къ народному дѣлу. Король Іосифъ былъ небезопасенъ въ Мадридѣ и черезъ двѣнадцать дней по пріѣздѣ долженъ былъ уѣхать. Корпусъ генерала Вердье, осаждавшій съ 1 іюля геройскую Сарагоссу, 5 августа взялъ было городъ, но былъ тотчасъ выбитъ, принужденъ снять осаду и отступить за Эбро. Въ довершеніе несчастія, въ Испанію возвратилось 9,500 человѣкъ войскъ Ла Романы, стоявшихъ на Датскихъ островахъ (стр. 544). Англичане безъ труда склонили эти войска отправиться на родину. Прибывъ въ Испанію, они подкрѣпили армію Блака въ Бискайскихъ провинціяхъ.

Въ то же время французы потеряли и Португалію. Дурнымъ обращеніемъ съ жителями они возбудили къ себѣ ненависть португальцевъ, а между тѣмъ по выходѣ изъ Португаліи испанскихъ войскъ принуждены были разсѣять и раздѣлить свои силы. Положеніе ихъ стало еще затруднительнѣе, когда въ самый день выѣзда Іосифа изъ Мадрида въ Португалію прибыли англійскія войска подъ предводительствомъ сэра Артура Веллеслея (стр. 529), отличившагося въ Остъ-Индіи и вскорѣ пріобрѣвшаго громкую славу въ военной исторіи подъ именемъ герцога Веллингтона. Присутствіе такого полководца тотчасъ рѣшило бы участь французовъ въ Португаліи и Испаніи, если бы онъ могъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію, но лордъ Кестльри далъ ему въ товарищи генераловъ Гью Дальримпля, Генри Боррарда и Джона Мура, которые далеко не могли равняться съ нимъ военными и политическими дарованіями. Тѣмъ не менѣе Веллеслей, соединивъ съ англійскими войсками португальскія, командуемыя генераломъ Фрейре, разбилъ 17 августа французскую дивизію Лаборда при Ророкѣ, а 21 августа поразилъ при Торресъ-Ведрасъ самого главнокомандующаго Жюно. Это, вѣроятно, рѣшило бы судьбу похода, если бы Веллеслею не мѣшали Боррардъ и Дальримпль, которые воспрепятствовали ему довершить побѣду и отрѣзать Жюно отъ Лиссабона.

Такимъ образомъ Жюно удержалъ Лиссабонъ за собой, но не могъ долго держаться въ немъ, потому что англичане угрожали ему съ моря и съ суши, на-

родонаселеніе было враждебно ему, а русскій адмиралъ Синявинъ, стоявшій съ флотомъ въ гавани, не могъ ни оказать ему помощи, но даже произвести демонстраціи въ его пользу. Онъ вступилъ въ переговоры съ англійскимъ главнокомандующимъ Дальримплемъ. Дальримпль согласился на его предложеніе и чтобы имѣть возможность послать англійскія войска въ Испанію, заключилъ съ нимъ 30 августа 1808 капитуляцію въ Цинтрѣ. Въ силу этой капитуляціи армія Жюно, состоявшая изъ 20,000 человѣкъ, была перевезена на англійскихъ корабляхъ на западный берегъ Франціи. Французы взяли съ собой всю свою артиллерію и даже награбленную въ Португаліи добычу. Такимъ образомъ Цинтрскій договоръ избавилъ французскія войска въ Португаліи отъ опасности попасть въ плѣнъ, что не замедлило бы произойти, и препроводилъ ихъ въ такое мѣсто, откуда имъ было гораздо удобнѣе перейти въ Испанію. Вслѣдъ затѣмъ и Синявинъ заключилъ договоръ съ англичанами. Этотъ договоръ доказывалъ, что вражда между Англіей и Россіей притворна. Экипажъ русскаго флота, простиравшійся до 6,000, былъ препровожденъ въ Россію, а корабли отведены въ Англію, но съ обязательствомъ при заключеніи мира возвратить ихъ. Въ Англіи были такъ недовольны Цинтрской капитуляціей, что Дальримпль былъ отозванъ и преданъ военному суду, который однако почетно оправдалъ его.

Испанцы два мѣсяца медлили воспользоваться благопріятными обстоятельствами и преслѣдовать пріобрѣтенныя выгоды. Это была вина неспособности ихъ генераловъ и господствовавшей въ странѣ анархіи. Анархія была такова, что провинціальныя хунты ни въ чемъ не соглашались другъ съ другомъ, генералы не повиновались имъ, а попытка учредить въ Мадридѣ центральное правительство совершенно не удалось. Испанскіе генералы, Блакъ, Ла Романа, графъ Бельведеръ, Кастаньосъ, Морла и Палафоксъ, не могли равняться съ Наполеономъ и его маршалами и генералами, Викторомъ, Бессьеромъ, Монсеемъ, Лефевромъ, Мортье, Сультомъ, Нейемъ, Ланномъ, Гувьономъ Сенъ-Сиромъ, Жюно и другими. Англичане тоже медлили, потому что дурныя распоряженія министерства замедляли дѣйствія войскъ. Между тѣмъ Наполеонъ собралъ въ Испаніи значительныя силы и собирался туда пріѣхать самъ. Тогда испанцы начали наступательныя дѣйствія, и въ то же время въ Испанію двинулось 25,000 англичанъ подъ начальствомъ Мура. Надѣясь на превосходство своихъ силъ, испанцы имѣли безразсудство начать наступательныя дѣйствія раньше прибытія англійскихъ войскъ, которыя были лучше всей испанской арміи. Этимъ они облегчили французскому императору побѣду и помогли ему придать войнѣ неожиданно быстрый и рѣшительный оборотъ.

Съ августа 1808 Наполеонъ двинулъ противъ Испаніи свои старыя войска и предписалъ отправить туда польскія, итальянскія войска и войска Рейнскаго союза. Кромѣ того онъ назначилъ сильный наборъ во Франціи какъ для испанской войны, такъ и противъ Австріи, которой не могъ довѣрять. Еще въ январѣ 1808 сенатъ велѣлъ сдѣлать наборъ 80,000 конскриптовъ 1808; въ сентябрѣ императору было дано еще 80,000 конскриптовъ 1808—1809 годовъ и столько же 1810 года. Часть этихъ рекрутовъ была пятнадцатью мѣсяцами моложе положеннаго возраста. Наполеонъ послалъ ихъ сначала въ Германію, чтобы тамъ обучить ихъ. Къ ноябрю онъ собралъ въ Испаніи армію сильнѣе испанской даже численностью. Она простиралась до 250,000 человѣкъ пѣхоты и 50,000 кавалеріи. Тотчасъ по возвращеніи изъ Эрфурта Наполеонъ поспѣшилъ въ Байону, оттуда въ Витторію, куда прибылъ 8 ноября, и немедленно двинулъ войска на непріятеля. Не успѣлъ походъ начаться, какъ побѣды послѣдовали одна за другой. Ноября 10 Бельведеръ былъ разбитъ маршаломъ Сультомъ герцогомъ Далматскимъ при Гамоналѣ близъ Бургоса; 10 и 11 числа маршалы Викторъ герцогъ Белунскій и Лефевръ герцогъ Данцигскій поразили Бланка и Ла Роману при Эспинозѣ; въ десять дней вся сѣверная Испанія была покорена Сультомъ и Бессьеромъ, а 23 ноября Кастаньосъ и Палафоксъ были совершенно разбиты при Туделѣ. Если бы появленіе англичанъ въ Испаніи не отвлекло главныя силы французовъ на сѣверо-западъ, то къ концу 1808 Испанія была бы совершенно завоевана.

Муръ шелъ прямо на Мадридъ, вслѣдствіе чего Наполеонъ поспѣшилъ взять этотъ городъ. Онъ пошелъ прямымъ путемъ черезъ высокія и суровыя Гвадар-

рамскія горы и черезъ самый высокій проходъ ихъ, Сомма-Сіерру, хотя эту тѣснину защищали баттареи и 12 т. испанскихъ войскъ. Онъ презиралъ испанскія войска и притомъ хотѣлъ одушевить своихъ солдатъ блестящими подвигами. При штурмѣ Сомма-Сіерры произошло военное чудо. Польская кавалерія по приказанію Наполеона бросилась въ аттаку на горныя баттареи. Испанцы были такъ поражены этой необыкновенной аттакой, что разбѣжались, и баттареи были взяты. Декабря 2 Наполеонъ былъ подъ Мадридомъ, и хотя городъ былъ приведенъ въ оборонительное положеніе, императоръ уже 4 числа вошелъ въ него, заключивъ капитуляцію.

При извѣстіи о пораженіи испанцевъ Муръ вмѣсто того, чтобы возвратиться въ Португалію, обратился въ Астурію, чтобы соединиться съ 10 тысячами подкрѣпленія, которое высадилось 11 ноября подъ начальствомъ Берда въ Коруньи. Муръ имѣлъ намѣреніе аттаковать потомъ маршала Сульта, стоявшаго въ этой провинціи. Но вскорѣ онъ очутился въ опасномъ положеніи, потому что, съ одной стороны, противъ него двинулся изъ Бургоса весь корпусъ Жюно, а съ другой, Наполеонъ шелъ отрѣзать ему путь въ Португалію. Наполеонъ повторилъ при этомъ смѣлый подвигъ, удавшійся ему при переходѣ чрезъ Сомма-Сіерру. Среди суровой зимы (23 декабря) онъ пошелъ чрезъ Гвадаррамскія горы, гдѣ совсѣмъ не было дорогъ. Онъ перешелъ ихъ, потерявъ много людей, погибшихъ отъ страшныхъ холодовъ, лишеній или чрезмѣрныхъ усилій при проложеніи дорогъ. Однако онъ опоздалъ. Муръ, услыхавъ, что Наполеонъ двинулся изъ Мадрида къ сѣверо-западу, сталъ отступать. Въ окрестностяхъ Бенавенте 29 декабря нѣсколько французскихъ эскадроновъ нагнали англійскій арріергардъ, но тотчасъ убѣдились, что имѣть дѣло съ англійскимъ войскомъ не то, что съ испанскимъ. Они потерпѣли уронъ и должны были отступить, при чемъ былъ взятъ въ плѣнъ генералъ Лефевръ-Денуэтъ. Послѣ того Муръ продолжалъ отступать къ Корунье. Наполеонъ предоставилъ преслѣдованіе непріятеля маршалу Сульту, потому что 2 января 1809 получилъ извѣстіе, что Австрія намѣревается начать съ нимъ войну. Онъ немедленно отправился въ Вальядолидъ. Тамъ онъ распорядился испанскими дѣлами, послалъ во Францію приказанія на счетъ приготовленій къ австрійской войнѣ и 17 января выѣхалъ изъ Вальядолида, а 23 января былъ уже въ Парижѣ.

Муръ, преслѣдуемый Неемъ и Сультомъ, совершилъ отступленіе, возбудившее общее удивленіе. Хотя онъ везъ съ собой большой обозъ и долженъ былъ въ сильные холода идти по мѣстности, гдѣ не было дорогъ, однако держалъ свои войска, состоявшія изъ разнаго сброда, въ такомъ порядкѣ, что преслѣдующій непріятель не рѣшился принять сраженія, которое онъ предлагалъ ему 8 и 9 января при Луго. Конечно, при этомъ ему много помогало соперничество непріятельскихъ командировъ, которое такъ часто вредило французамъ въ Испаніи. Послѣ крайне труднаго перехода, при чемъ послѣднія тридцать миль Муръ сдѣлалъ въ два дня, онъ достигъ Коруньи. Здѣсь онъ не могъ тотчасъ посадитѣ войска на корабли, потому что противный вѣтеръ задержалъ транспортныя суда въ Виго. Между тѣмъ непріятель подошелъ и занялъ высоты, господствующія надъ городомъ. Чтобы не подвергнуться аттакѣ во время сажанія войскъ на корабли, онъ долженъ былъ дать 16 января кровавую битву, въ которой былъ убитъ, а второй по немъ начальникъ, Бердъ, тяжело раненъ. Тѣмъ неменѣе французы были отбиты, и англійскія войска отплыли 17 и 18 января.

Французы распространились по всей Испаніи до Андалузіи и, вѣроятно, заняли бы и эту провинцію и даже завоевали бы Португалію, еслибы Наполеонъ остался въ Испаніи. Но отъѣздъ его все разстроилъ. Составленный имъ отличный военный планъ не могъ быть выполненъ не столько вслѣдствіе ошибокъ командировъ, сколько вслѣдствіе ихъ постоянныхъ несогласій и соперничества. Наполеонъ передалъ главное начальство брату Іосифу, какъ королю, оставивъ его, какъ смѣялись французы, въ Бургосѣ вмѣстѣ съ прочей кладью. Но Іосифъ не обладалъ военными способностями, такъ что Наполеонъ назначилъ ему въ помощники стараго маршала Журдана. Журданъ, конечно, доказалъ на своемъ вѣку, что былъ отличный полководецъ, но по характеру былъ больше похожъ на короля Іосифа, чѣмъ на императора, и, какъ честный республиканецъ, не одобрялъ системы грабежа и убійствъ прочихъ маршаловъ. Притомъ пораженіе

его въ 1796 (стр. 417, 419) лишило его довѣрія войскъ. Такимъ образомъ, ни онъ, ни Іосифъ не могли разсчитывать на послушаніе маршаловъ и генераловъ, которые привыкли слѣпо слушаться только самого императора, а когда оставались безъ его руководства, то дѣйствовали каждый по своему.

10. Образованіе пятой коалиціи.

Въ Пруссіи еще съ 1807 завелись тайныя общества для низверженія французскаго ига. Ненависть къ чужеземцамъ, любовь къ родинѣ и досада на уничтоженіе прежняго нѣмецкаго застоя соединяли къ одной цѣли людей самыхъ различныхъ классовъ. Впослѣдствіи они, конечно, снова разъединились, когда общая цѣль была достигнута, потому что большинство дворянъ, игравшихъ роль патріотовъ, думало только о возстановленіи старыхъ порядковъ и привиллегій. Тѣмъ не менѣе тогдашнее движеніе въ Пруссіи было національно, и люди, подобные Штейну, Гарденбергу, Шёну и Вильгельму фонъ Гумбольдту, доказали на дѣлѣ, что, не смотря на свои аристократическіе и доктринерскіе предразсудки, дѣйствительно желали помочь народу.

Иное дѣло были тогдашія стремленія австрійскихъ аристократовъ, хотѣвшихъ подъ видомъ патріотизма возбудить въ нѣмецкомъ народѣ чисто реакціонное движеніе. Въ Вѣнѣ въ высшихъ кружкахъ общества составился аристократическій и дипломатическій заговоръ противъ Франціи и всего новаго. Заговорщики находились въ сношеніяхъ съ руководителями движенія въ Пруссіи и съ недовольной знатью всѣхъ странъ. Патріотизмъ, свобода и право служили этимъ господамъ только приманками для возбужденія въ Германіи народа къ возстанію, которымъ они хотѣли воспользоваться для полной реакціи. До народа и до его жизни имъ не было никакого дѣла. Вслѣдствіе этого они, какъ доказываетъ примѣръ Тироля, достигнувъ своей цѣли, покинули возбужденный ими народъ на произволъ судьбы. Еще хуже поступили они съ энтузіастами, которыми пользовались для достиженія своихъ цѣлей. Когда имъ удалось низвергнуть Наполеона, они напугали союзныхъ съ ними знатныхъ и сановныхъ членовъ Тугендбунда, а простыхъ и честныхъ стали преслѣдовать. Вождями этого заговора старой европейской аристократіи въ Австріи были графъ Стадіонъ и князь Меттернихъ, въ Пруссіи баронъ фонъ Штейнъ, въ Ганноверѣ графъ Мюнстеръ, кромѣ того, бывшій русскій посланникъ въ Неаполѣ, Стокгольмѣ и Вѣнѣ, Разумовскій, жившій тогда частнымъ человѣкомъ въ Вѣнѣ, британскій уполномоченный въ Константинополѣ, сэръ Робертъ Адайръ, бывшій во время войны 1806 посланникомъ въ Вѣнѣ, и корсиканецъ Поццо ди Борго, фамильный врагъ Наполеона, имѣвшій большое значеніе при русскомъ дворѣ и вѣчно рыскавшій между Петербургомъ и Вѣной. Дамы также принимали участіе въ интригахъ реакціонной европейской аристократіи. Между ними особенно отличались вдовствующая императрица русская Марія, королева Луиза прусская, мать третьей жены Франца II, эрцгерцогиня Беатриса, княгиня Багратіонъ, княгиня Лихновская и графиня Кауницъ.

Главнымъ притономъ этихъ антифранцузскихъ замысловъ былъ домъ Разумовскаго, гдѣ собиралось все высшее дворянство Вѣны и гдѣ ковались планы, за которые нѣмецкій народъ долженъ былъ поднять оружіе. Графъ Стадіонъ ввелъ въ этотъ кружокъ двухъ писателей, Генца и Фридриха Шлегеля, жившихъ прежде въ Берлинѣ, но которымъ нельзя было оставаться тамъ, потому что Штейнъ, Арндтъ и ихъ друзья не хотѣли имѣть дѣла съ этими поборниками реакціи. Они служили вѣнской знати перьями, возбуждая въ народѣ приверженность къ старымъ порядкамъ. Генцъ былъ принужденъ по требованію Наполеона, на нѣкоторое время удалиться 1808 изъ Вѣны; но поселился въ Прагѣ, завязалъ оттуда сношенія съ прусскими врагами французовъ и писалъ патріотическія брошюры, имѣвшія большой успѣхъ. Шлегель, сдѣланный по протекціи Стадіона гофъ-секретаремъ, былъ взятъ эрцгерцогомъ Карломъ въ лагерь, гдѣ сочинялъ патріотическія прокламаціи, которыя Карлъ распространялъ при началѣ войны.

Знать, вступившая въ заговоръ противъ Наполеона, разсчитывала, какъ видно изъ мемуаровъ фонъ-Шладена, писанныхъ въ началѣ 1809, на недовольство, господствовавшее во Франціи, и на то, что Наполеонъ по своему характеру не успокоится, пока не погубитъ себя въ собственныхъ предпріятіяхъ. Относительно послѣдняго фонъ - Шладенъ справедливо замѣчаетъ: «Никогда еще ни одинъ завоеватель, ни одно государство, разъ предавшееся стремленію къ завоеваніямъ, не полагали себѣ границъ въ этомъ стремленіи. Наполеонъ, какъ всѣ его предшественники, будетъ производить свои государственные перевороты во всѣхъ концахъ свѣта, если провидѣніе не остановитъ его. Если бы ему пришлось отказаться отъ этого любимаго занятія, отъ этой лучшей мечты его, которой онъ отъ юности исключительно преданъ, это было бы для него равносильно смерти, и, пока есть возможность, онъ никогда не согласится отказаться отъ нея. Не столь великій душою, чтобы поставить своимъ усиліямъ благородную цѣль, онъ только удовлетворяетъ свою страсть, подобно строителю, который изъ прихоти разрушаетъ зданіе, прежде чѣмъ кончитъ. Наполеонъ не преминетъ начать войну съ Австріей и Россіей.» Далѣе этотъ государственный человѣкъ очень вѣрно говоритъ, что знатные австрійскіе заговорщики ошибаются, думая, что пришла пора рѣшиться на крайнія мѣры, что при настоящихъ обстоятельствахъ (1809) безумно возлагать надежды на недовольство французовъ и нѣмцевъ. Онъ прибавляетъ, что австрійскія приготовленія, дѣлаемыя такъ явно, слишкомъ поспѣшно и все-таки неоконченныя во время, только раздражатъ французскій народъ и побудятъ его, не смотря на его неудовольствіе противъ Наполеона, прибѣгнуть къ великимъ усиліямъ для униженія нѣмцевъ.

Что касается неудовольствія французовъ противъ Наполеона, то дѣйствительно, оно было тогда очень сильно. Громадные наборы для испанской войны, которая имѣла цѣлью утвердить на испанскомъ престолѣ Іосифа Бонапарта; жестокости противъ избѣгавшихъ военной службы, рѣшительное направленіе императора къ старой монархической системѣ — все это возбуждало и усиливало неудовольствіе. Когда интриги нѣмецкихъ аристократовъ начали серьезно безпокоить Наполеона, онъ получилъ доносы отъ своей тайной полиціи, которые озлобили его противъ двухъ главныхъ орудій его правительства, Талейрана и Фуше. Возвратясь изъ Испаніи (январь 1809), онъ тотчасъ призвалъ этихъ подозрительныхъ столповъ своего престола въ свой кабинетъ и въ присутствіи Камбасереса, Лебрена и министра Декре осыпалъ Талейрана и Фуше самыми грубыми ругательствами. Но они были ему необходимы, какъ прежніе сообщники, такъ что онъ только лишилъ Талейрана сана и жалованья оберъ-каммергера, а Фуше даже оставилъ пока министромъ полиціи. Но съ этихъ поръ за ними денно и нощно подсматривали.

Знатные антифранцузскіе заговорщики старались питать недовольство въ Германіи и возбуждать безпокойство въ различныхъ странахъ, которыя должны были возстать въ то самое время, когда Австрія начнетъ войну. Для этой цѣли они соединились даже съ якобинцами Германіи, Италіи и Швейцаріи. Намѣреніе ихъ возбудить народъ къ возстанію для спасенія аристократіи лучше всего удалось имъ въ Тиролѣ. Король Максимиліанъ баварскій и его министръ, Монжела, вводили въ Тиролѣ новые лучшіе порядки; но жители этой страны, подобно швейцарцамъ старыхъ кантоновъ, инстинктивно ненавидѣли все новое и всѣмъ сердцемъ и душею были преданы священникамъ и склонны служить реакціи. Тирольскій уроженецъ, фонъ Гормайръ, былъ посланъ къ нимъ возбудить ихъ къ возстанію. Заговорщики послали агентовъ и въ другія страны. Къ числу этихъ агентовъ принадлежалъ одинъ изъ самыхъ ярыхъ враговъ Наполеона, полковникъ Коссардъ, который былъ посланъ въ Испанію. Главная надежда возлагалась на возстаніе испанцевъ противъ навязаннаго имъ иностраннаго правителя. Австрійскій посланникъ во Франціи, Меттернихъ, велъ въ Парижѣ тайные переговоры съ уполномоченными испанскихъ инсургентовъ; русскій кабинетъ также имѣлъ съ ними сношенія. Наполеонъ зналъ обо всемъ этомъ черезъ своихъ многочисленныхъ шпіоновъ. Кромѣ того, правительства нѣмецко-французскихъ вассальныхъ государствъ также старались находить нити интригъ и заговоровъ и предупреждать своего повелителя.

Эрцгерцогъ Карлъ старался преобразовать въ Австріи военное вѣдомство, которое было ввѣрено ему съ 1806. Онъ взялъ въ образецъ прусскія военныя реформы Шарнгорста и Гнейзенау. Онъ замѣнилъ вербовку очереднымъ наборомъ, учредилъ ландверъ и усилилъ армію на треть, прибавивъ ко всѣмъ полкамъ по третьему батальону, состоявшему изъ рекрутъ, изъ которыхъ, по мѣрѣ ихъ обученія, постоянно комплектовались два первые батальона. Къ несчастью, онъ не могъ уничтожить рутину и педантство, систематически укоренившіяся въ Австріи, не могъ ввести къ странѣ, совершенно аристократической, ту безусловно строгую дисциплину, которая дѣлала такой страшной армію Наполеона. При всѣхъ военныхъ талантахъ эрцгерцога и его помощника, графа Грюне, они не много могли сдѣлать, потому что были связаны старой системой. Напримѣръ, они принуждены были отсрочить войну дольше, чѣмъ считали нужнымъ, потому что интендантская часть была совершенно неустроена и отпущенныя на нее деньги раскрадены.

Военныя преобразованія и постоянныя вооруженія Австріи при интригахъ аристократіи безпокоили Наполеона. Еще въ апрѣлѣ 1808 онъ грубымъ тономъ потребовалъ изъ Байоны отъ австрійскаго посланника въ Парижѣ, Меттерниха, объясненій на счетъ преобразованій и вооруженій его правительства. Отвѣтъ былъ уклончивъ. Возвратясь въ Парижъ, Наполеонъ обошелся съ княземъ Меттернихомъ на публичной аудіенціи (15 августа) такимъ же неслыханнымъ образомъ, какъ нѣкогда съ лордомъ Вайтвортомъ и Марковымъ (стр. 494 и 497). Отправляясь послѣ сего въ Эрфуртъ, онъ не позволилъ Меттерниху сопровождать его. Онъ не хотѣлъ, чтобы въ Эрфуртѣ былъ представитель Австріи. Тѣмъ не менѣе императоръ Францъ прислалъ полковника Винцента съ собственноручнымъ уничиженнымъ письмомъ, потому что въ то время еще не хотѣлъ начинать войны. Эта цѣль была достигнута. Послѣ эрфуртскаго конгресса рейнскіе государи, которымъ передъ этимъ было приказано вывести свои войска въ лагери, получили дозволеніе снять лагери; однако имъ было приказано держать войска наготовѣ и тотчасъ собрать, какъ только Австрія станетъ дѣлать новыя приготовленія къ войнѣ.

Австрія и Англія не менѣе Наполеона старались расположить въ свою пользу русскаго императора, который въ силу оборонительнаго и наступательнаго договора съ Франціей долженъ былъ въ случаѣ войны помогать французамъ. Но австрійцы и англичане не могли отклонить императора Александра отъ Франціи, потому что всѣми силами старались дѣйствовать противъ его замысловъ на Турцію, тогда какъ Наполеонъ и въ Тильзитѣ, и въ Эрфуртѣ высказывалъ намѣреніе поддерживать эти замыслы. Въ январѣ 1809 Австрія выхлопотала даже заключеніе мира между Турціей и Англіей, что послужило главной причиною разрыва Австріи съ Франціей. Вслѣдствіе этого мира французскій посланникъ въ Константинополѣ потерялъ свое прежнее вліяніе; кромѣ того этотъ миръ надолго отсрочилъ уступку Молдавіи и Валахіи Россіи. Тѣмъ не менѣе императоръ Александръ со времени эрфуртскаго конгресса только потому поддерживалъ дружескія отношенія къ Наполеону и не соединялся съ его врагами, что австрійскія военныя приготовленія не внушали ему довѣрія. Но въ то же время онъ вошелъ въ тайныя сношенія съ испанскими инсургентами и устроилъ цѣлую систему соглядатайства черезъ своихъ дипломатовъ, Убриля, Толстого, Несельроде, Чернышева и другихъ. Французскаго посланника въ Петербургѣ, Коленкура, Александръ ввелъ въ заблужденіе, устроивъ въ началѣ 1809 двойное министерство иностранныхъ дѣлъ. Одно, предназначенное проводить Коленкура, управлялось во французскомъ духѣ министромъ Румянцовымъ; а другое, зависѣвшее непосредственно отъ императора, находилось подъ вліяніемъ императрицы матери и барона фонъ Штейна. Александръ удерживалъ прусскаго короля отъ намѣреній патріотической партіи, которая старалась уговорить его идти съ Австріей противъ Наполеона. Царь совѣщался съ прусскимъ королемъ дважды — на пути въ Эрфуртъ и при пріѣздѣ Фридриха Вильгельма въ Россію въ январѣ 1809. При второмъ свиданіи онъ, вѣроятно, сообщилъ королю свои задушевныя мысли и убѣдилъ его подождать лучшихъ временъ.

11. Кампанія 1809 до сраженія при Асперне̂.

Война между Австріей и Франціей вспыхнула въ конце̂ марта 1809. Австрійцы колебались почти до послѣдней минуты, не зная, какой выбрать изъ двухъ военныхъ плановъ. Одинъ былъ составленъ генералъ-квартирмейстеромъ, Майеромъ фонъ Гогенфельдомъ, а другой—графомъ Грюне. По первому плану армія должна была идти обыкновеннымъ путемъ вдоль по Дунаю на встрѣчу французамъ; второй планъ былъ основанъ на обѣщанномъ содѣйствіи англійскихъ войскъ, которыя должны были высадиться на берегу Сѣвернаго моря, и на ожиданіи возстаній и народныхъ движеній въ сѣверной и средней Германіи. Планъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы австрійская армія двинулась изъ Богеміи во Франконію и перенесла театръ войны въ сѣверную Германію и на Рейнъ. Февраля 20 послѣ долгихъ раздумываній, на которыя было потрачено много времени, рѣшено было принять планъ Грюне. Но черезъ четыре недѣли австрійцы сочли нужнымъ перемѣнить рѣшеніе и предпочесть первый планъ, для котораго ничего не приготовили. Главнокомандующимъ австрійской арміи былъ эрцгерцогъ Карлъ. Ввѣренныя ему непосредственно войска состояли изъ восьми корпусовъ. Еще два корпуса находились подъ начальствомъ эрцгерцога Іоанна на итальянской границѣ, а третій, подъ начальствомъ маркиза Кастелера—на тирольской, чтобы поддерживать возстаніе, котораго навѣрно ожидали не только въ Тиролѣ, но и въ Истріи, Далматіи и Ломбардіи. На правомъ флангѣ главной арміи стоялъ эрцгерцогъ Фердинандъ съ 35,000 человѣкъ, чтобы занять герцогство Варшавское и наблюдать за русскими. Наполеонъ и въ этой войнѣ возлагалъ надежду только на сабли и штыки, на искусныя распоряженія и быстроту, тогда какъ противники его ожидали многаго отъ народныхъ возстаній, поджигаемыхъ аристократическими происками, и на дѣйствіе прокламацій, сочиненныхъ Генцомъ и Шлегелемъ. Эти прокламаціи были обращены къ народамъ австрійской имперіи, къ нѣмцамъ, итальянцамъ и полякамъ. Особенно возбуждали онѣ нѣмцевъ къ возстанію, къ борьбѣ за свободу, право и народность. Такимъ образомъ онѣ взывали къ нравственнымъ интересамъ, за которыя Австрія до сихъ поръ никогда еще не ратовала. Говорятъ, будто эрцгерцогъ Карлъ неохотно согласился выпускать прокламаціи, одобренныя въ кружкѣ Разумовскаго и Стадіона; говорятъ, будто онъ вообще не одобрялъ этой войны, зная австрійскую систему и не предвидя отъ нея добра. Дѣйствительно, патріотическіе нѣмецкіе манифесты и памфлеты не причинили Наполеону ни малѣйшаго вреда. Баварскіе и виртембергскіе солдаты храбро сражались подъ его предводительствомъ противъ австрійцевъ и гордились его похвалами. Онъ привязалъ къ себѣ союзныхъ нѣмецкихъ государей, приказавъ 24 апрѣля конфисковать имѣнія всѣхъ принцевъ и владѣтелей, состоявшихъ въ австрійской службѣ, и частью раздарилъ ихъ своимъ вассаламъ, а прочія взялъ себѣ. Эта конфискація постигла Меттерниховъ, Стадіоновъ, Лихтенштейновъ и другихъ владѣтелей, особенно эрцгерцога Антона, который, какъ бывшій магистръ Тевтонскаго ордена, владѣлъ его имѣніями.

Наполеонъ былъ такъ увѣренъ въ побѣдѣ, что заранѣе послалъ интендантомъ въ Германію своего испытаннаго кровопійцу, Дарю, для взиманія послѣ побѣды контрибуцій. Войска, которыя онъ назвалъ Германскою арміею, получили значительныя подкрѣпленія изъ войскъ Рейнскаго союза. Германская армія была ввѣрена до прибытія Наполеона маршалу Бертье, князю Невшательскому. Въ Италіи стоялъ вице-король Евгеній съ своей арміей. Въ Далматіи камандовалъ генералъ Мармонъ. Герцогство Варшавское долженъ былъ защищать князь Іосифъ Понятовскій съ слабымъ польскимъ войскомъ; на русскихъ нельзя было много надѣяться, и дѣйствительно, они прислали очень незначительную помощь и то поздно.

Апрѣля 9 эрцгерцогъ Карлъ вступилъ съ Инна въ Баварію и формально объявилъ войну королю Максимиліану и маршалу Лефевру, который командовалъ баварскими войсками. Бертье, не смотря на возраженія Даву и Массена, слишкомъ раздробилъ войска этихъ маршаловъ, вслѣдствіе чего эрцгерцогъ могъ бы

тотчасъ одержать значительныя выгоды. Но онъ, неизвѣстно почему, шелъ такъ медленно, что въ восемь дней прошелъ только 18 миль. Наполеонъ былъ очень недоволенъ ошибкой Бертье и поспѣшилъ изъ Парижа, чтобы исправить ее. Апрѣля 18, прибывъ въ Ингольштадтъ, онъ бросился съ баварскимъ и виртембергскимъ войсками на лѣвое крыло австрійцевъ, которое подъ начальствомъ эрцгерцога Лудвига и фельдмаршала Гиллера шло черезъ Ландсгутъ такъ же медленно, какъ правое крыло подъ личнымъ начальствомъ эрцгерцога Карла. Апрѣля 19 при Таннѣ и Фафенгофенѣ французы въ кровопролитномъ бою отбросили лѣвый флангъ непріятеля отъ праваго. На другой день Гиллеръ и эрцгерцогъ Лудвигъ были разбиты Наполеономъ и Ланномъ при Абенсбергѣ и принуждены отступить. Вслѣдъ затѣмъ Наполеонъ поспѣшилъ на помощь маршалу Даву, который между тѣмъ пять дней сражался противъ праваго крыла австрійцевъ между Регенсбургомъ и Экмюлемъ: Апрѣля 22 въ битвѣ при Экмюлѣ Наполеонъ разбилъ и эту часть австрійской арміи. Уже на слѣдующій день австрійцы послѣ кровавой битвы должны были очистить Регенсбургъ, и эрцгерцогъ Карлъ былъ принужденъ перейти съ главными силами на лѣвый берегъ Дуная, а оттуда пройти въ Богемію, чтобы получить свѣжія подкрѣпленія. Французы неудержимо стремились впередъ по правому берегу Дуная, такъ что вскорѣ Гиллеръ и эрцгерцогъ Лудвигъ должны были также перейти на лѣвый берегъ, послѣ того какъ 3 мая Массена при помощи полковника Когорна и съ жестокимъ пожертвованіемъ людей взялъ штурмомъ Траунскій мостъ при Эберсбергѣ.

Дорога въ Вѣну была открыта, и 13 мая французы вошли въ этотъ городъ, коммендатъ котораго, молодой эрцгерцогъ Максимиліанъ, послѣ кратковременнаго боя отступилъ, успѣвъ на этотъ разъ сжечь за собой мосты на Дунаѣ. Мая 17 эрцгерцогъ Карлъ приказалъ Колловрату перейти на лѣвый берегъ Дуная черезъ Линскій мостъ, защищаемый виртембергцами, чтобы такимъ образомъ угрожать французамъ съ тылу. Попытка эта не удалась, потому что Колловратъ раздѣлилъ свои войска, вслѣдствіе чего не могъ дѣйствовать быстро, такъ что маршалъ Бернадотъ имѣлъ время подоспѣть съ саксонцами, которые состояли у него подъ начальствомъ. Занятіе всего дунайскаго берега до Вѣны принудило эрцгерцога Іоанна, оттѣснившаго вице-короля Евгенія въ Италіи до Вероны, выступить изъ Италіи, чтобы черезъ Венгрію соединиться съ главной арміей. При отступленіи онъ потерпѣлъ значительный уронъ. Въ то же время Мармонъ двинулся изъ Далматіи въ Кроацію на соединеніе съ итальянской арміей.

Наполеонъ зналъ, что австрійцы упадутъ духомъ, какъ только потеряютъ рѣшительное сраженіе. Онъ рѣшился поэтому перейти Дунай и дать сраженіе эрцгерцогу Карлу, стоявшему недалеко отъ столицы на обширныхъ равнинахъ лѣваго берега. Для этой цѣли онъ велѣлъ выстроить въ виду непріятеля три моста. Эрцгерцогъ Карлъ смотрѣлъ спокойно на эту постройку и не мѣшалъ переправѣ французовъ, желая рѣшительной битвой положить конецъ войнѣ. Онъ приготовился дать сраженіе на лѣвомъ берегу Дуная и надѣялся, что ему удастся разстроить во время боя мосты и опрокинуть французовъ въ Дунай. Изъ трехъ мостовъ одинъ былъ выстроенъ выше Вѣны при Нусдорфѣ, гдѣ рѣка очень съуживается, другой при Шпицѣ, третій ниже Вѣны, при Эберсдорфѣ. Послѣдній былъ самый важный. Онъ имѣлъ двѣ тысячи саженъ ширины и двѣ тысячи четыреста длины, шелъ черезъ островъ Лобау и оканчивался на лѣвомъ берегу при деревняхъ Асисрнѣ и Эслингенѣ. Мая 20 и 21 французы стали переходить черезъ эти мосты и 21 мая аттаковали непріятеля, хотя еще не всѣ войска ихъ успѣли перейти. Въ этомъ сраженіи дрались за обладаніе Асперномъ и Эслингеномъ съ одинаковой стойкостью и храбростью съ обѣихъ сторонъ. Но бой остался нерѣшеннымъ, потому что мосты потерпѣли поврежденія, и сражавшіяся французскія войска не могли получать подкрѣпленій. Вечеромъ и ночью мосты починили и перевели свѣжія войска. Рано утромъ 22 мая битва возобновилась до вечера. Здѣсь герой нашего вѣка убѣдился, что имѣетъ теперь дѣло уже не съ наемниками, не съ себялюбивыми бюрократами, а съ самимъ народомъ, съ людьми, помышляющими о чести и отечествѣ. Онъ потерпѣлъ полную неудачу, хотя не признался въ этомъ въ своихъ бюллетеняхъ и хотя французскіе историки до

сихъ поръ отвергаютъ это. Онъ лишился 17,000 убитыми и ранеными. Въ числѣ убитыхъ были три отличнѣйшие генерала: маршалъ Ланнъ герцогъ Монтебелло, генералы Сентъ-Илеръ и д'Эспань. Войска его съ трудомъ отступили на островъ Лобау, потому что австрійцы испортили мосты, спустивъ на нихъ по рѣкѣ суда и бочки На островѣ Лобау французы пробыли нѣсколько дней, пока мосты чинились; они были въ опасномъ положеніи, будучи отрѣзаны отъ остальныхъ войскъ и страдая отъ недостатка и непогоды. Маршалъ Массена герцогъ Риволи, прикрывавшій отступленіе на островъ, былъ наименованъ княземъ Эслингенскимъ.

12. Война въ Тиролѣ, Польшѣ и сѣверной Германіи.

Во время австрійской войны народъ во многихъ мѣстахъ Германіи оказался совершенно инымъ, какимъ Наполеонъ зналъ его въ прежнія войны. Въ Гессенѣ, Ганноверѣ и Пруссіи дѣло доходило до возстаній. Въ Тиролѣ произошелъ всеобщій бунтъ. Эти явленія, характеръ, съ самаго начала принятый испанскою войной, и выраженія неудовольствія во Франціи были признаками общаго броженія. Но Наполеонъ не обращалъ на нихъ вниманія, избалованный идолопоклонствомъ, съ которымъ къ нему относились окружающіе.

Тирольцы, перейдя въ 1806 въ подданство Баваріи, представили единственный въ исторіи примѣръ народа, бунтующаго за феодализмъ. Въ Тиролѣ баварское правительство противодѣйствовало могуществу духовенства и вводило новые порядки взамѣнъ средневѣковыхъ, а народъ былъ за реакцію. Тирольцы, взбунтованные интриговавшею противъ Наполеона аристократіею, хотѣли возстановить старыя привиллегіи, уничтоживъ всѣ улучшенія и нововведенія. Поэтому это движеніе представляетъ самое мрачное и тяжелое явленіе въ новѣйшей исторіи.

Тирольское возстаніе было приготовлено и организовано еще въ 1808 природнымъ тирольцемъ Гормайромъ и австрійскимъ генераломъ маркизомъ Кастелеромъ, который тоже выдавалъ себя за тирольца. Возстаніемъ предводили фанатическіе идіоты, все изъ туземцевъ; таковы были Пассейрскій трактирщикъ Андрей Гоферъ, капуцинскій монахъ Гапсингеръ, Шпекбахеръ, Шенкъ и Майеръ, адвокатъ Шнейдеръ и трактирщикъ Ридмюллеръ, взбунтовавшіе Форальбергъ. Въ 1809 Гоферъ и другіе прибыли въ Вѣну, чтобы сговориться на счетъ плана, составленнаго въ январѣ. Въ мартѣ, по приказанію Кастелера, майоръ тирольскаго ополченія Теймеръ проѣхалъ по всему Тиролю и сдѣлалъ приготовленія къ предстоящему возстанію. Апрѣля 9 самъ Кастелеръ съ корпусомъ войска вступилъ въ Тироль, и жители стали подниматься. Баварскій генералъ Кинкель, стоявшій въ Инспрукѣ, думая строгостью запугать народъ, издалъ приказъ разстрѣливать всѣхъ взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ. Но этимъ онъ только подалъ сигналъ къ такимъ же дѣйствіямъ со стороны мятежниковъ.

Счастіе сначала благопріятствовало инсургентамъ, изъ предводителей которыхъ былъ всѣхъ важнѣе Андрей Гоферъ. Апрѣля 14 имъ удалось занять Инспрукъ, взявъ при этомъ шесть тысячъ баварцевъ въ плѣнъ, и изгнать баварцевъ изъ Тироля. Баварцы удержали только Куфштейнъ, но и тотъ былъ осажденъ. Послѣ того тирольцы послали трехъ депутатовъ къ императору Францу, который торжественно объявилъ имъ, что не заключитъ мира иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы Тироль и Форальбергъ были возвращены его монархіи. Между тѣмъ инсургенты успѣшно дѣйствовали въ Тиролѣ и Форальбергѣ противъ баварцевъ и французовъ, которые снова вторглись туда. Войскамъ Наполеона и короля Максимиліана приходилось покупать побѣды цѣною страшныхъ кровопролитій. Проходя по долинамъ, баварцы подвергались тяжелымъ потерямъ отъ сбрасываемыхъ на нихъ камней и отъ пуль засѣвшихъ въ засадѣ горныхъ стрѣлковъ; они вымещали эти потери на мятежныхъ крестьянахъ, на ихъ жилищахъ и даже на женахъ и дѣтяхъ. Въ маѣ баварцы подъ начальствомъ Вреде снова побѣдоносно вступили въ Тироль и 19 числа этого мѣсяца заняли Инспрукъ. Вслѣдъ затѣмъ Кастелеръ удалился изъ Тироля, напуганный угрозами Наполеона. Наполеонъ, озлоб-

ленный упорнымъ сопротивленіемъ народа, сталъ считать маркиза Кастелера, австрійскаго уполномоченнаго при испанскихъ инсургентахъ Коссарда и русскаго агента Поццо ди Борго своими злѣйшими личными врагами. Декретомъ 5 мая онъ объявилъ маркиза Кастелера опальнымъ, какъ впослѣдствіи барона фонъ Штейна: онъ распорядился чтобы Кастелера, если онъ попадется, разстрѣлять въ двадцать четыре часа. Хотя императоръ Францъ заступился за маркиза, объявивъ что отмстить за его разстрѣляніе казнью двухъ французскихъ генераловъ, если таковые будутъ взяты въ плѣнъ, но Кастелеръ перетрусилъ и удралъ изъ Тироля.

Къ концу мая побѣды баварцевъ, казалось, совершенно подавили возстаніе. Вреде и французскій маршалъ Лефевръ, къ корпусу котораго принадлежали баварцы, нашли, что могутъ отправиться къ главной арміи Наполеона, оставивъ въ Тиролѣ только шесть тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ Деруа. Но едва баварцы удалились, какъ тирольцы снова взялись за оружіе. Баварцы принуждены были съ большими потерями отступить за границу, и къ тому времени, какъ пришло извѣстіе о битвѣ при Аспернѣ, Тироль и Форальбергъ были совершенно освобождены. Инсургенты дѣлали даже оттуда набѣги въ Баварію и Швабію. Въ Форальбергѣ, гдѣ во главѣ возстанія были Гормайръ и Шнейдеръ, устроился нѣкоторый административный порядокъ и было учреждено временное правительство. Но въ собственномъ Тиролѣ, гдѣ народомъ предводительствовали Гоферъ, Шпекбахеръ и Цоппеле изъ Зарнталя, страна находилась исключительно во власти крестьянъ, и потому дѣла шли особенно успѣшно. Гоферъ устраивалъ засѣки, портилъ дороги, закладывалъ и загораживалъ скалами и цѣпями тѣснины и проходы, складывалъ кучи камней, гдѣ было удобно низвергать ихъ на войска. Впрочемъ всѣ эти приготовленія и весь героизмъ тирольцевъ въ концѣ концовъ ни къ чему не привели, потому что дипломаты снова принесли въ жертву выгодамъ своей касты честь австрійской монархіи и плоды народнаго одушевленія.

Во время тирольскаго возстанія австрійцы предприняли неудачный походъ на противоположной границѣ своего государства, также разсчитывая на господствовавшую въ народѣ ненависть къ французамъ. Эрцгерцогъ Фердинандъ въ половинѣ апрѣля вторгнулся въ герцогство Варшавское. Онъ принудилъ къ отступленію слабое польское войско подъ командой Іосифа Понятовскаго и 21 апрѣля занялъ Варшаву. Русскіе подъ предводительствомъ князя Голицына стояли еще за восемь переходовъ отъ Варшавы. Они вели себя двусмысленно, такъ что австрійцы разсчитывали даже, что Россія и Пруссія присоединятся къ нимъ противъ Наполеона. Эта надежда побудила эрцгерцога проникнуть до Торна въ восточной Пруссіи. Но вскорѣ обнаружилось, что надежда была тщетна. Король прусскій не хотѣлъ рѣшаться, пока австрійцы не одержатъ рѣшительной побѣды. Императоръ русскій изъ политики старался еще поддерживать дружбу съ Франціей, хотя положительно приказалъ главнокомандующему своего войска не переходить за Вислу. Вслѣдствіе этого въ половинѣ мая эрцгерцогъ Фердинандъ былъ принужденъ возвратиться въ Галицію.

Въ сѣверной Германіи нѣсколько офицеровъ произвели попытки воспользоваться ненавистью къ французамъ и предприняли смѣлыя военныя дѣйствія, оставшіяся безплодными и послужившія даже къ приданію законнаго вида преслѣдованію нѣмецкихъ патріотовъ. Эти попытки уже потому не могли привести народъ въ движеніе, что были чисто аристократическими затѣями и имѣли цѣлью только месть за опозоренную военную честь пруссаковъ. Ихъ историческое значеніе состояло единственно въ надеждѣ, которую онѣ подавали, склонить нерѣшительнаго короля прусскаго къ участію въ австрійской войнѣ. По этой причинѣ ихъ одобряли и поощряли важнѣйшіе государственные и военные люди Пруссіи. Прусскій капитанъ фонъ Каттъ первый рѣшился возстать противъ французовъ съ толпою безумныхъ храбрецовъ. При началѣ австрійской войны онъ поднялъ въ Альтмаркѣ знамя возстанія и съ горстью отставныхъ прусскихъ солдатъ вздумалъ захватить врасплохъ крѣпость Магдебургъ. Это безумное предпріятіе, конечно, не удалось. Само прусское правительство, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе въ соучастіи, должно было преслѣдовать мятежниковъ. Каттъ бѣжалъ въ Богемію.

Также легко и скоро было подавлено крестьянское возстаніе въ вестфальскомъ королевствѣ, произведенное въ апрѣлѣ полковникомъ вестфальскихъ гвар-

дейскихъ егерей, фонъ Дёренбергомъ. Кромѣ Дёренберга въ этомъ предпріятіи принимали участіе нѣсколько другихъ гвардейскихъ офицеровъ и придворныхъ короля Іеронима. Даже далеко не отважный историкъ Іоганнъ фонъ Мюллеръ, бывшій тогда министромъ просвѣщенія въ Вестфаліи, оказался замѣшаннымъ въ это дѣло; онъ не былъ, конечно, соучастникомъ заговора, но зналъ о немъ. Заговорщики снеслись съ старымъ курфирстомъ гессенскимъ, жившимъ въ изгнаніи въ Австріи. Цѣлью заговора было возстановленіе его и всего стараго порядка. Гессенскіе крестьяне охотно поднялись по призыву заговорщиковъ, потому что были раздражены притѣсненіями иностранныхъ солдатъ и коммисаровъ. Апрѣля 21 въ окрестностяхъ Касселя поднялась многочисленная толпа крестьянъ и двинулась на городъ. Въ то же время офицеры, участвовавшіе въ заговорѣ, должны были увлечь кассельскій гарнизонъ. Но предпріятіе имѣло жалкій исходъ. Дёренбергъ успѣлъ склонить къ мятежу изъ всего гарнизона только семь человѣкъ. Тогда онъ отправился къ крестьянамъ и повелъ ихъ противъ города. Но военный министръ Эбле выступилъ противъ нихъ и въ четверть часа разогналъ ихъ. Другая толпа крестьянъ пыталась овладѣть Марбургомъ, но была также разсѣяна. Дёренбергъ бѣжалъ въ Богемію, гдѣ, подобно Катту, присоединился къ герцогу Брауншвейгъ-Эльскому. Король Іеронимъ поступилъ съ виновными въ высшей степени благородно. Не только никто изъ нихъ не пострадалъ, но даже молодые родственники Дёренберга, воспитывавшіеся въ военной школѣ въ Брауншвейгѣ, получили позволеніе остаться въ ней.

Предпріятія майора фонъ Шилля и герцога Вильгельма Брауншвейгъ-Эльскаго были въ историческомъ отношеніи важнѣе попытокъ Катта и Дёренберга, хотя и эти предпріятія не удались. Зачинщиками ихъ были грубые солдаты, цѣлью которыхъ было возстановленіе стараго порядка. Зато они показали по крайней мѣрѣ, что въ нѣмцахъ не совсѣмъ замерли мужество и національный духъ; гибель въ этихъ попыткахъ сотней храбрецовъ, возбудивъ участіе и увлеченіе, подѣйствовала сильнѣе, чѣмъ могла бы подѣйствовать при тогдашнихъ обстоятельствахъ даже побѣда.

Лейтенантъ фонъ Шилль, отличившійся при защитѣ Кольберга (стр. 526), сдѣлался за это національнымъ героемъ, получилъ чинъ майора и въ декабрѣ 1808 былъ переведенъ въ Берлинъ. Тамъ его приняли съ энтузіазмомъ, и поклоненіе ему сдѣлалось модой. Это внушило фонъ-Шиллю, который былъ храбрый солдатъ, но далеко не полководецъ, преувеличенное мнѣніе о самомъ себѣ, и побудило множество молодыхъ людей идти за нимъ на невозможный подвигъ. Шилль задумалъ уговорить свой гусарскій полкъ внезапно напасть на королевство Вестфальское, гдѣ тогда по случаю австрійской войны было мало французскихъ войскъ. Онъ надѣялся увлечь своимъ примѣромъ и другіе прусскіе полки и поставить этимъ короля прусскаго въ необходимость, хотя бы противъ воли, начать войну, чтобы не пасть жертвой мести Наполеона. Шилль привязалъ къ себѣ своихъ солдатъ дружескимъ и заботливымъ обращеніемъ и пирушками, которыя задавалъ имъ; чтобы имѣть возможность выполнить свой планъ неожиданно, онъ ежедневно водилъ свой полкъ въ полной походной формѣ на ученіе за городъ. Аристократическій союзъ Штейна и генералы Шарнгорстъ, Лестокъ, губернаторъ Мархіи Тауэнцинъ и другіе высшіе сановники знали о намѣреніи Шилля. Онъ снесся также съ Деренбергомъ и герцогомъ Брауншвейгскимъ.

Апрѣля 28 1809 Шилль повелъ свой полкъ на обычное мѣсто ученія за городъ. Тамъ онъ обратился къ солдатамъ и офицерамъ съ пламенной рѣчью, призывая ихъ идти на освобожденіе родины, сообщилъ имъ свои намѣренія и увлекъ ихъ всѣхъ безъ исключенія къ участію въ своемъ предпріятіи. Черезъ нѣсколько дней изъ Берлина вышло еще нѣсколько сотъ пѣхоты и примкнуло къ полку Шилля. Онъ пошелъ сначала на Витенбергъ, куда его впрочемъ не впустилъ слабый саксонскій гарнизонъ; однако онъ нигдѣ не встрѣчалъ сопротивленія и безпрепятственно перешелъ черезъ Эльбу. Оттуда онъ прошелъ сначала въ Дессау, Кетенъ и Бернбургъ. Потомъ онъ сдѣлалъ попытку взять крѣпость Магдебургъ, гдѣ было только 2,600 человѣкъ гарнизона; но это не удалось, потому что у него не было артиллеріи. Послѣ того онъ повернулъ на сѣверъ. Къ несчастію, въ это время онъ лишился одного изъ своихъ офицеровъ, обладавшаго бо́льшимъ военнымъ талантомъ, чѣмъ самъ онъ. Офицеръ этотъ былъ прославившійся впо-

слѣдствіи фонъ Люцовъ, предводившій въ войнѣ 1814 названнымъ его именемъ корпусомъ восторженныхъ волонтеровъ; при движеніи къ Магдебургу онъ былъ раненъ и принужденъ удалиться. Отрядъ Шилля по дорогѣ усиливался стекавшимися къ нему волонтерами и возросъ до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ; но ожидаемаго возстанія народа въ королевствѣ Вестфальскомъ не воспослѣдовало. Между тѣмъ противъ Шилля со всѣхъ сторонъ двинулись вестфальскія, датскія и голландскія войска. Король вестфальскій объявилъ Шилля внѣ закона, и даже прусскій король приказалъ считать его и всѣхъ послѣдовавшихъ за нимъ дезертирами. Непріятельскія силы были такъ превосходны, что Шилль не могъ отважиться встрѣтиться съ ними. Онъ рѣшился идти съ своимъ отрядомъ черезъ Демицъ и Стральзундъ къ берегу Балтійскаго моря, надѣясь, что попадетъ тутъ на крейсировавшие у этихъ береговъ англійские корабли. Но на этомъ переходѣ онъ потерялъ много времени, такъ что, когда 25 мая онъ ворвался въ Стральзундъ, укрѣпленія котораго были срыты полгода тому назадъ, то узналъ, что со всѣхъ сторонъ окруженъ большими массами непріятеля. Онъ и его энтузіасты стали укрѣпляться въ Стральзундѣ, поспѣшно возводя окопы; но 31 мая, не смотря на храброе сопротивленіе ихъ, окопы были взяты датчанами и голландцами. Самъ Шилль погибъ въ битвѣ. Товарищи его частью бѣжали въ прусскія владѣнія, частью, подобно ему, умерли геройскою смертью, частью же были взяты и подверглись ужасной участи. Французы признали ихъ разбойниками (brigands); офицеры были разстрѣляны, а солдаты отправлены во Францію на галеры. Жестокость эта однако благотворнѣе самаго предпріятія подѣйствовала на народъ, возбудивъ въ немъ совершенно отсутствовавшее прежде чувство мести, которое черезъ четыре года побудило нѣмецкую молодежь поголовно взяться за оружіе противъ французовъ.

Предпріятія Шилля и Деренберга, можетъ быть, произвели бы въ тылу французской арміи опасное для нея возстаніе, если бы начались одновременно съ вторженіемъ изъ Богеміи въ Саксонію волонтеровъ герцога Брауншвейгскаго, поддерживаемаго австрійскимъ корпусомъ. Герцогъ Вильгельмъ Брауншвейгъ-Эльскій, сынъ герцога Фердинанда, смертельно раненнаго при Іенѣ, собралъ въ Богеміи нѣсколько тысячъ молодыхъ людей, съ которыми намѣревался поднять возстаніе въ королевствѣ саксонскомъ и потомъ проникнуть въ Брауншвейгъ и Ганноверъ. Этими волонтерами предводили храбрые офицеры, въ томъ числѣ Каттъ и Деренбергъ. Между волонтерами были молодые фанатическіе патріоты; но большинство ихъ не вѣдало другихъ побужденій, кромѣ грубыхъ солдатскихъ. Они нарядились въ шутовскіе костюмы, изображавшіе месть. Всѣ были въ черныхъ мундирахъ, а на киверахъ была изображена мертвая голова съ двумя костями на крестъ. Отрядъ этотъ назвался черным ъ легіономъ.

Мая 21 герцогъ Вильгельмъ вторгнулся въ королевство саксонское и занялъ городъ Цитау. Онъ тотчасъ взялъ контрибуцію, что, конечно, не могло расположить къ нему саксонскій народъ. Саксонская армія была на Дунаѣ, такъ что для защиты страны пришлось поспѣшно собирать кое-какія войска. Полковникъ Тилеманъ, извѣстный ролью послѣ іенской битвы (стр. 517) и давно извѣщенный шпіонами о планахъ герцога Вильгельма, собралъ саксонскія войска. Ему удалось принудить черный легіонъ къ отступленію. Но вскорѣ на помощь черному легіону вступилъ въ Саксонію австрійскій генералъ Амъ-Энде съ 10-тысячнымъ корпусомъ. Слабое саксонское войско должно было отступить. Іюня 11 былъ занятъ Дрезденъ, а 22 числа Лейпцигъ. Послѣ того стали уговаривать народъ принять участіе въ войнѣ за освобожденіе, и дѣйствительно, явилось нѣсколько сотъ волонтеровъ. Австрійскому фельдмаршалу Кинмайеру было поручено организовать народное ополченіе. Но австрійская рутина и буйства чернаго легіона, невозбуждавшаго въ народѣ большой симпатіи, испортили все дѣло. Въ Саксонію вступили вестфальскія и голландскія войска подъ начальствомъ генерала Граціана и короля Іеронима. Соединясь съ саксонскимъ войскомъ, они прогнали непріятеля въ Богемію. Хотя въ іюлѣ, вслѣдствіе вторженія австрійскаго корпуса во Франконію, Іеронимъ и Грассіанъ принуждены были уйти изъ Саксоніи, и генералъ Амъ-Энде снова проникъ до Дрездена, но вслѣдъ за тѣмъ австрійскій кабинетъ вслѣдствіе ваграмской битвы заключилъ перемиріе, по которому черный легіонъ былъ лишенъ обѣщанной ему помощи.

При мирныхъ переговорахъ Австрія соглашалась заступиться за герцога Вильгельма только съ тѣмъ, чтобы онъ отказался отъ своихъ притязаній на свое наслѣдственное герцогство, хотя до сихъ поръ Австрія признавала его владѣтельнымъ герцогомъ Брауншвейгскимъ. Вильгельмъ не согласился подчиниться. Онъ задумалъ смѣлый планъ пробиться на Нижній Везеръ, а оттуда проѣхать въ Англію. Въ концѣ іюля онъ вышелъ изъ Саксоніи съ 1,200 человѣкъ пѣхоты, 700 конницы и 6 пушками. Онъ самъ командовалъ кавалеріей, а два бывшихъ брауншвейгскихъ талантливыхъ офицера, Берневицъ и Корфесъ, начальствовали—первый пѣхотой, второй—артиллеріей. Едва отрядъ этотъ двинулся въ путь, какъ голландскія и вестфальскія войска подъ начальствомъ генераловъ Грассіана и Ребеля стали преграждать ему путь со стороны Бремена и Эрфурта, а у Гальберштадта расположился вестфальскій полкъ, чтобы отрѣзать его отъ Брауншвейга. Вильгельмъ напалъ на этотъ полкъ 30 іюля и разбилъ его. 31 іюля онъ явился передъ Брауншвейгомъ, но не вошелъ въ городъ, чтобы не навлечь на жителей мести непріятеля за хорошій пріемъ его, какъ своего государя. На слѣдующій день онъ напалъ при Эльперѣ на дивизію Ребеля, втрое превосходившую его силами, и отбросилъ ее. Отсюда онъ прошелъ въ Ганноверъ, гдѣ 3 августа публично обѣдалъ. Августа 7 онъ добрался до гаваней Эльсфлета и Брака ниже Бремена, взялъ находившіяся тамъ суда, переѣхалъ на нихъ Везеръ и благополучно добрался до англійскаго флота, блокировавшаго устье этой рѣки.

Геройскій походъ герцога Вильгельма показался въ Германіи непостижимымъ чудомъ, хотя счастливый исходъ его нельзя приписывать только храбрости герцога и его солдатъ, а главнымъ образомъ неспособности Ребеля и помощи, оказанной черному легіону жителями мѣстностей, по которымъ онъ проходилъ. Походъ этотъ возбудилъ въ патріотахъ большія надежды и много помогъ стараніямъ прусскаго союза. Предпріятіе герцога Брауншвейгскаго и тирольская война произвели на нѣмецкую молодежь такое впечатлѣніе, что она стала составлять самые смѣлые планы для освобожденія отечества отъ иностраннаго господства. Таковъ былъ подвигъ саксонскаго юноши Штапса изъ Наумбурга. Подобно Муцію Сцеволѣ, онъ хотѣлъ убить французскаго императора передъ глазами его арміи, когда Наполеонъ дѣлалъ смотръ въ Шенбрунѣ 12 октября. Но въ ту минуту, какъ онъ приближался къ императору, его взяли и повели на казнь.

13. Конецъ кампаніи 1809.

Послѣ битвы при Ас召нѣ Наполеонъ поправилъ и укрѣпилъ мосты, соединявшіе Лобау и маленькіе дунайскіе острова съ правымъ берегомъ, и выстроилъ шесть новыхъ мостовъ, прикрывъ ихъ сильными баттареями. Онъ самъ съ неутомимой дѣятельностью руководилъ выполненіемъ всѣхъ этихъ распоряженій. Эрцгерцогъ Карлъ не мѣшалъ этому, потому что не хотѣлъ препятствовать переправѣ французовъ. Онъ заботился только объ удержаніи за собой Пресбурга и Рааба, гдѣ предполагалъ соединиться съ эрцгерцогомъ Іоанномъ. Зная это, Наполеонъ еще до переправы своихъ войскъ черезъ Дунай послалъ на венгерскую границу корпусъ вице-короля итальянскаго Евгенія Богарне Прежде онъ надѣялся, что венгры примутъ сторону французовъ, но вскорѣ увидалъ, что надежда обманула его, потому что венгры добровольно послали эрцгерцогу Іоанну такъ называемое инсуррекціонное войско. Австрійская рутина опять помогла французскому императору и вызвала въ 1809 у австрійцевъ тѣ же позорныя явленія, какія осрамили Пруссію въ 1806. Такъ напримѣръ, генералъ Іелашичъ сдалъ на капитуляцію при Санктъ-Михаэлѣ въ Штиріи отрядъ 4,500 человѣкъ, хотя стоялъ въ открытомъ полѣ, не былъ окруженъ и даже не имѣлъ противъ себя превосходныхъ силъ. Два генерала съ французскими фамиліями (Муатель и Лефевръ) еще позорнѣе сдали безъ сопротивленія укрѣпленный Лайбахъ; при этомъ они даже сами позвали на помощь непріятеля, чтобы защитить ихъ противъ ихъ собственныхъ войскъ. Подполковникъ Плункетъ послалъ приближавшемуся непріятелю предложеніе капитуляціи и выслалъ курьера просить французовъ поспѣшить; опасаясь хорошаго духа своихъ солдатъ, онъ велѣлъ имъ сложить въ городѣ оружіе

и потомъ вывелъ ихъ за городскія ворота, чтобы они не могли противиться заключенію капитуляціи. Одному капитану, который не хотѣлъ повиноваться, онъ объявилъ напрямикъ передъ солдатами, что выдастъ его непріятелю какъ измѣнника.

Эрцгерцогъ Іоаннъ, желая пройти изъ Коморна на Раабъ, разсчитывалъ соединиться при этомъ съ баномъ кроатскимъ, Игнатіемъ Гіулаемъ. Но банъ выказалъ нерадѣніе и непослушаніе еще при отступленіи отъ Вероны и теперь не пришелъ къ эрцгерцогу, такъ что Іоаннъ остался въ рѣшительную минуту безъ подкрѣпленія. Онъ поссорился кромѣ того съ своимъ братомъ, эрцгерцогомъ-палатиномъ Іосифомъ, который привелъ къ нему венгровъ. Ни тотъ, ни другой не хотѣли слушаться другъ друга. Когда вице-король Евгеній аттаковалъ 14 іюня австрійцевъ при Раабѣ, они были послѣ кратковременнаго боя разбиты, и надежды Іоанна рушились. Черезъ недѣлю французамъ былъ сданъ укрѣпленный Раабъ, недостаточно снабженный продовольствіемъ. Зато Пресбургъ держался подъ командою Біанки противъ Даву, который осадилъ этотъ городъ и въ концѣ іюня безъ всякой для себя пользы сжегъ бомбами лучшую часть его. Эрцгерцогъ Іоаннъ отступилъ къ Коморну и не могъ уже надѣяться соединиться на правомъ берегу Дуная съ братомъ Карломъ, который хотѣлъ дать въ іюнѣ рѣшительную битву. Вскорѣ онъ получилъ отъ Карла приказаніе перейти обратно на правый берегъ и безпокоить французовъ, которые, намѣреваясь переправляться черезъ Дунай, сосредоточились подъ Вѣной; но онъ медлилъ и колебался, такъ что наконецъ опоздалъ. Потомъ, когда братъ призвалъ его принять участіе въ рѣшительной битвѣ, онъ опять опоздалъ почти на цѣлый день. Въ оправданіе его говорятъ, что Карлъ безпрестанно мѣнялъ свои планы и приказы. Фельдмаршалъ Гиллеръ также невполнѣ повиновался главнокомандующему и даже сложилъ команду въ то самое время, когда подобный генералъ былъ очень нуженъ.

Въ противоположность всегдашней безалаберности австрійскихъ полководцевъ, ихъ распрямъ, колебаніямъ, раздумыванью и медленности поразительными являются дѣятельность Наполеона и его генераловъ, единство и увѣренность въ ихъ предпріятіяхъ, духъ, проникавшій всѣ части французской арміи. Контрастъ этотъ выказался особенно рѣзко въ приготовленіяхъ Наполеона въ іюнѣ и въ началѣ іюля къ новой рѣшительной битвѣ. Ему надо было до послѣдней минуты обманывать эрцгерцога Карла на счетъ избраннаго имъ пункта переправы на лѣвый берегъ Дуная. Французы построили на островѣ Лобау нѣсколько мостовъ, которые были потомъ съ необыкновенною быстротою наведены въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Самъ Наполеонъ былъ неутомимо дѣятеленъ, такъ что въ трое сутокъ, съ 4 до 6 іюля, провелъ 60 часовъ на конѣ.

Іюля 4 и 5 французы переправились по новымъ мостамъ на лѣвый берегъ Дуная, и на слѣдующій день была дана рѣшительная битва, называемая сраженіемъ при Ваграмѣ. Въ немъ съ обѣихъ сторонъ участвовало 300,000 войска и громадное число орудій, частью самаго большаго калибра. Французы едва не были разбиты, когда одинъ флангъ ихъ подъ командой Массена былъ опрокинутъ; но Наполеонъ чудомъ тактики возстановилъ битву, и въ четыре часа пополудни эрцгерцогъ Карлъ былъ принужденъ отступить послѣ двѣнадцати-часовой упорнѣйшей борьбы. Впрочемъ онъ отступилъ въ совершенномъ порядкѣ. Потеря была съ обѣихъ сторонъ одинаково огромна. Французскіе бюллетени говорили, будто австрійцы потеряли 20,000 плѣнными; но Савари увѣряетъ, что 20,000 плѣнныхъ не было взято во всю кампанію 1809. По весьма правдоподобнымъ показаніямъ, австрійцы потеряли около 23,000 человѣкъ убитыми и ранеными и около 8,000 человѣкъ плѣнными.

Битва при Ваграмѣ подобно битвѣ при Асполнѣ показала австрійцевъ въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ всѣ прежнія сраженія ихъ со дня Маренго. Но это ни къ чему не повело, потому что вслѣдъ затѣмъ австрійское правительство упало духомъ, и французы ободрились и пожали всѣ плоды побѣды. Однако эти двѣ битвы ободрили всѣ народы, увидавшіе, что стойкостью можно остановить новаго западно-римскаго императора съ его преторіанцами, легатами и префектами. Эрцгерцогъ Карлъ отступилъ съ поля битвы къ Цнайму. Чтобы дѣятельнѣе преслѣдовать его, Наполеонъ оставилъ своихъ раненыхъ валяться два жаркіе дня на полѣ битвы. Въ Цнаймѣ Карлъ предложилъ перемиріе. Ему надоѣло командованіе, потому что братья постоянно враждовали съ нимъ, и противъ него интри-

говали всѣ вліятельные придворные кавалеры и дамы. Притомъ онъ видѣлъ, что съ окружающими его людьми невозможно предпринять ничего доблестнаго. Наполеону миръ былъ очень выгоденъ. Пруссія ждала только сигнала, чтобы подняться; въ Испаніи французскія войска были несчастливы; русскому императору нельзя было довѣрять; возстаніе въ Тиролѣ приносило плоды и грозило распространиться по всей Германіи; венгерская нація, казалось, была готова поголовно взяться за оружіе, если императоръ Францъ рѣшится на отчаянную борьбу; наконецъ даже во Франціи и въ самой арміи Наполеона обнаруживались слѣды броженія. Такимъ образомъ Наполеону надо было спѣшить заключеніемъ мира. Австрійскій дворъ помогъ ему въ этомъ, такъ что онъ могъ даже принять видъ, будто даруетъ миръ изъ милости.

Не смотря на свое желаніе мира, Наполеонъ согласился на предложеніе эрцгерцога Карла только по пріѣздѣ во французскій лагерь князя Іоанна Лихтенштейна, когда этотъ уполномоченный уступилъ все, чего императоръ требовалъ въ залогъ мира. Наполеонъ заключилъ съ княземъ 12 іюля Цнаймское перемиріе, заключавшее прелиминаріи будущаго мира. Согласно этимъ условіямъ, французамъ было предоставлено временно занимать всѣ нѣмецкія провинціи Австріи, часть Галиціи и Моравіи; тирольцы были покинуты на произволъ судьбы: австрійскія войска должны были удалиться изъ Тироля. Такимъ образомъ Цнаймское перемиріе давало Наполеону двоякую выгоду. Во-первыхъ, занимая цѣлую треть австрійской монархіи, онъ имѣлъ возможность предписать миръ, а во-вторыхъ, весь свѣтъ былъ пораженъ ваграмской побѣдой и ея послѣдствіями. Брань и насмѣшки надъ жалкимъ состояніемъ австрійскаго правительства еще разъ оказались справедливыми, и вѣра въ прочность Наполеоновской державы, начинавшая колебаться, снова утвердилась. Императоръ Францъ на этотъ разъ нѣсколько колебался утвердить перемиріе; однако 18 іюля утвердилъ, потому что по множеству совѣтниковъ не зналъ, кого слушать, и испугался представленій на счетъ безпорядковъ въ арміи. Іюля 31 эрцгерцогъ Карлъ сложилъ начальство. По заключеніи перемирія всѣ магазины и арсеналы городовъ, которые по условію французамъ слѣдовало занять, были сданы имъ. Кромѣ того Наполеонъ взялъ съ этихъ городовъ неслыханныя контрибуціи. Сверхъ контрибуцій громадныя суммы были вынуждены въ свою пользу хищными генерами, Массена, Даву и другими. Вообще о грабежѣ страны можно судить по тому, что еще съ самаго начала было взыскано 237 милліоновъ и что взысканіями завѣдывалъ безсовѣстный Дарю.

14. Экспедиція англичанъ на островъ Вальхеренъ.

Съ марта мѣсяца 1807 Англіей управляли тори (стр. 528). Она одна извлекла выгоду изъ войны съ Наполеономъ. Въ послѣдніе четыре года англичане уничтожили остатки французскаго и испанскаго флотовъ, истребили военную силу Даніи и завладѣли русскимъ флотомъ Сипявина (стр. 549). Далѣе они завоевали Санъ-Доминго въ пользу испанскаго короля и отняли у французовъ владѣнія ихъ на Сенегалѣ. Въ февралѣ 1809 они взяли Мартинику и Кайену. Въ 1807 они овладѣли датскимъ островомъ Гельголандомъ и тотчасъ сдѣлали его складочнымъ мѣстомъ контрабанды; онъ донынѣ остался въ ихъ власти и служитъ имъ въ Сѣверномъ морѣ такимъ же важнымъ пунктомъ, какъ Капъ и св. Елена въ океанѣ, Гибралтаръ и Мальта на Средиземномъ морѣ, Аденъ на Красномъ морѣ, Малакка и Сингапуръ въ Индѣйскомъ архипелагѣ и Гонгъ-Конгъ въ Китайскихъ водахъ. Съ конца 1805 англичане заняли Сицилію, а съ 1808 Португалію и занимали ихъ до самаго низверженія Наполеона. Это быстрое и сильное развитіе британскаго могущества доказываетъ, что холодный разсчетъ аристократіи Англіи былъ страшнѣе для человѣчества колоссальной мечты Наполеона о всемірной монархіи. Могущество и имперія Бонапарта вскорѣ рушились, тогда какъ Англія до сихъ поръ продолжаетъ держать въ военныхъ узахъ всѣ моря, берега и острова и сотни милліоновъ индійцевъ.

Впрочемъ во время войны 1809 олигархія Англіи точно такъ же ссорилась съ своими генералами, какъ аристократія Австріи съ своими, и вожди англійскаго министерства, Каннингъ и Кестльри были между собой въ такой же явной враждѣ, какъ австрійскіе полководцы, эрцгерцоги Карлъ и Іоаннъ. Тѣмъ не менѣе счастіе благопріятствовало тогдашнему торійскому министру, какъ восемь лѣтъ тому назадъ французской директоріи. Отличные адмиралы счастливыми предпріятіями на морѣ и сэръ Артуръ Веллеслей, одинъ изъ величайшихъ полководцевъ новѣйшаго времени, побѣдами своими въ Испаніи доставляли министерству разныхъ Каннинговъ и Кестльри такую же незаслуженную, но блестящую славу, какъ Бонапартъ, Массена, Сультъ и другіе французскіе генералы — директоріи. Еще въ 1808, т. е. до дѣйствій Веллеслея въ Испаніи, англійскіе генералы и войска отличались противъ французовъ и представляли рѣзкій контрастъ дѣйствіямъ австрійцевъ въ 1809, пруссаковъ и русскихъ въ 1806 и 1807 гг. и испанскихъ генераловъ во все время народной войны. Это объясняется очень просто тѣмъ, что англійская аристократія была такъ же энергична, послѣдовательна и безпощадна, какъ наполеоновская автократія, а въ жизни эти качества всегда одерживаютъ побѣду. Въ нравственномъ отношеніи тогдашніе правители Англіи при всей своей набожности и религіозности представляли печальное зрѣлище. Внутренняя исторія Англіи въ эпоху Наполеона весьма богата скандалами самаго сквернаго свойства. Такъ лордъ Мельвиль, управлявшій Остъ-Индскими дѣлами, былъ обличенъ въ явныхъ мошенничествахъ, но тѣмъ не менѣе оправданъ своими товарищами по верхней палатѣ. Герцогъ Йоркскій, сынъ короля Георга III, предавался всевозможнымъ безчинствамъ, азартной игрѣ и неслыханному мотовству, вошелъ въ неоплатные долги и въ званіи главнокомандующаго слѣдовалъ приказамъ своей любовницы, Маріаны Кларкъ. Въ 1809 его за это обвинили въ парламентѣ, и въ процессѣ его пришлось публично толковать о безстыднѣйшихъ происшествіяхъ. Вслѣдствіе этого процесса онъ былъ принужденъ оставить должность главнокомандующаго; но вскорѣ все было опять забыто; онъ опять получилъ эту должность и продолжалъ безчинствовать и дѣлать долги. Въ томъ же году парламентъ уличалъ военнаго министра Кестльри въ грубѣйшихъ ошибкахъ въ испанской войнѣ и въ разныхъ скверныхъ продѣлкахъ, которыя его же товарищъ, Каннингъ, нашелъ чрезмѣрными и доказанными. Однако по предложенію того же Каннинга парламентъ оставилъ это дѣло безъ послѣдствій.

Передъ началомъ австрійской войны англійское министерство обѣщало прислать военныя силы въ Бельгію, Голландію и нижнюю Германію, чтобы сдѣлать диверсію въ пользу австрійцевъ; вслѣдствіе этого эрцгерцогъ Карлъ хотѣлъ было открыть военныя дѣйствія не въ Баваріи, а во Франконіи (стр. 555), но передумалъ къ счастью, потому что англичане замедлили исполнить свое обѣщаніе. Въ апрѣлѣ 1809 англійскій флотъ подступилъ къ Рошфору и уничтожилъ новоизобрѣтенными конгревскими ракетами шесть линейныхъ французскихъ кораблей и два фрегата. Потомъ англійское министерство затѣяло противъ Франціи громадную экспедицію. Эта экспедиція имѣла цѣлью, во первыхъ, принудить французовъ возвратиться изъ Австріи, а во-вторыхъ, овладѣть Антверпеномъ и уничтожить стоявшій въ Флиссингенской гавани французскій флотъ, подобно тому, какъ былъ взятъ Копенгагенъ въ 1806 и уничтоженъ голландскій флотъ въ 1799 (стр. 260 и 449). Но этотъ замыселъ былъ приведенъ въ исполненіе только въ іюлѣ, когда въ Австріи уже было заключено Цнаймское перемиріе. Такимъ образомъ изъ двухъ предположенныхъ цѣлей экспедиція могла достигнуть только одной; но по неспособности англійскихъ командировъ и по искуснымъ мѣрамъ французскихъ не достигла и той.

Іюля 30 1809 къ голландскому острову Вальхерену присталъ англійскій флотъ изъ тридцати четырехъ англійскихъ кораблей, двадцати двухъ фрегатовъ и множества мелкихъ судовъ, съ 60,000 человѣкъ солдатъ и матросовъ. Войскамъ слѣдовало какъ можно скорѣе двинуться оттуда на беззащитный Антверпенъ; вмѣсто того главнокомандующій дессантомъ, лордъ Чатамъ, старшій братъ покойнаго министра Питта, упустилъ время, занявшись осадой Флиссингена. Августа 16 онъ взялъ этотъ городъ на капитуляцію; но въ Бельгіи тѣмъ временемъ были уже приняты оборонительныя мѣры, такъ что Чатамъ не могъ даже сдѣлать попытки напасть на Антверпенъ. Овладѣніе Флиссингеномъ

и другими городами острова Вальхерена было безполезно, потому что осенняя горячка, часто свирѣпствующая въ этой мѣстности, губила англійскихъ солдатъ тысячами. Уже 11 сентября Чатамъ вернулся съ половиною своего войска въ Англію, а другую половину оставилъ въ Флиссингенѣ, но вслѣдствіе эпидеміи и она въ декабрѣ возвратилась во свояси. Однако предварительно успѣли наполнить магазины Голландіи товарами, привезенными на Вальхеренъ изъ Англіи. Голландцы охотно содѣйствовали этому, и даже самъ король Лудовикъ покровительствовалъ этой сдѣлкѣ. Такова была единственная выгода, какую англичане извлекли изъ экспедиціи на Вальхеренъ. Эта выгода была куплена очень дорого; потому что экспедиція увеличила англійскій государственный долгъ на 20 милліоновъ, а изъ войскъ почти половина умерла; даже изъ числа возвратившихся было 12,000 больныхъ. Вслѣдствіе этого предпріятіе это вызвало въ Англіи ропотъ, который, впрочемъ, какъ водится, нисколько не повредилъ господствовавшей олигархіи.

Экспедиція англичанъ на Вальхеренъ важна еще потому, что по случаю ея Наполеонъ поссорился съ Фуше, Бернадотомъ и другими вельможами своей имперіи, а это было для него опаснѣе всякихъ англійскихъ высадокъ. Наполеонъ находился тогда относительно своей націи, своего войска и даже своихъ ближайшихъ приближенныхъ въ очень сомнительномъ положеніи. Французскій народъ былъ недоволенъ безпрестанными наборами и произволомъ полиціи. Неудовольствіе распространяли также многіе священники, возбуждая народъ разсказами, что Наполеонъ отлученъ отъ церкви. Кромѣ того, существовали тайныя общества, которыя такъ сильно распространились въ арміи, что нельзя было даже отважиться прямо дѣйствовать противъ нихъ. Есть подозрѣніе, что полковникъ Удо былъ убитъ при Ваграмѣ не пулей непріятеля, а по приказанію Наполеона, потому что былъ главою такъ называемаго Филадельфскаго союза. Наконецъ Фуше и Талейранъ съ своими старыми пріятелями временъ революціи составили антибонапартистскую партію, которую хотѣли направлять, смотря по обстоятельствамъ, за или противъ Наполеона. Хотя нельзя приписывать большаго значенія дѣйствіямъ этихъ людей, возвышенныхъ самимъ Наполеономъ, однако важно, что Наполеонъ не могъ обойтись безъ нихъ, что отношенія его къ нимъ измѣнились и что онъ зналъ о связяхъ ихъ съ недовольными демократами и аристократами.

Къ числу недовольныхъ принадлежалъ заодно съ Фуше и Талейраномъ маршалъ Бернадотъ. Отношенія князя Понте-Корво къ Наполеону были давно натянуты, хотя какъ мужъ свояченицы короля Іосифа Испанскаго, онъ былъ очень близокъ къ императорскому семейству. Въ послѣднее время они еще больше разошлись по разнымъ столкновеніямъ. Въ битвѣ при Ауэрштедтѣ Бернадотъ не поддержалъ своевременно корпусъ Даву; хотя князь Понте-Корво говорилъ въ свое оправданіе, будто поздно получилъ приказъ объ этомъ, но Даву, этотъ страшный исполнитель угнетательной системы Наполеона, постоянно упрекалъ его въ намѣренномъ бездѣйствіи. Въ битвѣ при Ваграмѣ саксонскія войска подъ командой князя Понте-Корво были подвергаемы самому убійственному огню непріятеля и пробыли въ немъ все время, не смотря на представленія командира. Бернадотъ счелъ это за намѣренное оскорбленіе себѣ, и дѣло дошло у него до горячаго объясненія съ императоромъ. Къ величайшему негодованію Наполеона, Бернадотъ приписалъ въ прокламаціи къ своему корпусу главную заслугу побѣды себѣ и саксонцамъ. Наполеонъ оскорбительнѣйшимъ образомъ опровергъ его въ своемъ бюллетенѣ. Кромѣ того императоръ на полѣ битвы обнялъ врага Бернадота, генерала Макдональда, и произвелъ его съ Удино и Мармономъ въ маршалы. Оскорбленный князь Понте-Корво уѣхалъ изъ арміи въ Парижъ. Тамъ онъ присталъ къ Фуше, который управлялъ тогда министерствомъ полиціи и въ то же время завѣдывалъ дѣлами заболѣвшаго министра внутреннихъ дѣлъ. При извѣстіи о высадкѣ англичанъ на Вальхеренъ Фуше призвалъ къ оружію всю національную гвардію Франціи и въ манифестѣ сдѣлалъ намекъ, что въ случаѣ надобности народъ можетъ защищаться и безъ императора. Это взбѣсило Наполеона, которому вообще было очень непріятно, что безъ него дѣлаются приготовленія къ защитѣ Франціи и для спасенія Антверпена, тѣмъ болѣе, что за нихъ взялись люди, казавшіеся ему подозрительными. Хотя въ августѣ Бернадотъ по-

лучилъ съ разрѣшенія Наполеона начальство надъ войсками, посланными противъ англичанъ, но императоръ окружилъ его подчиненными, которые должны были наблюдать за каждымъ его шагомъ и въ случаѣ нужды остановить. При этомъ случаѣ они еще болѣе разошлись. Маршалъ отказывался лгать въ своихъ офиціальныхъ донесеніяхъ, какъ требовалъ Наполеонъ, и возбуждалъ противъ себя неудовольствіе императора, собирая вокругъ себя недовольныхъ и ведя переписку съ подозрительными людьми въ Парижѣ. Сентября 24 онъ былъ отозванъ, и на его мѣсто назначенъ герцогъ Истрійскій — Бессьеръ. Маршалу Понте-Корво было запрещено жить въ Парижѣ, куда онъ было поѣхалъ, за его отношенія къ Фуше и къ другимъ сановнымъ демократамъ. Однако Наполеонъ считалъ неблагоразумнымъ совершенно ссориться съ нимъ. Кромѣ его, изъ Парижа было удалено еще семь генераловъ. Противъ Фуше Наполеонъ рѣшился дѣйствовать только лѣтомъ слѣдующаго года.

15. Шёнбруннскій миръ и конецъ тирольскаго возстанія.

Мирные переговоры, открытые послѣ цнаймскаго перемирія, тянулись очень долго и однажды даже совершенно прекращались. Причиною этого замедленія была сначала англійская экспедиція на Вальхеренъ. Вообще исторія этихъ переговоровъ еще очень темна. Въ Австріи въ продолженіе ихъ дѣлались новыя приготовленія къ войнѣ. Австрійскій кабинетъ, какъ и англійскій, зналъ, что внутреннее положеніе Франціи не позволяетъ Наполеону надолго откладывать свое возвращеніе въ Парижъ.

Офиціальные мирные переговоры происходили въ венгерскомъ городкѣ Альтенбургѣ, между Меттернихомъ и Шанпаньи; въ то же время императоры вели переговоры тайно, черезъ повѣренныхъ. Наконецъ Наполеонъ, видя, что австрійская армія ежедневно усиливается, что тирольское возстаніе становится все опаснѣе, что неудовольствіе въ провинціяхъ, занятыхъ французами, грозитъ принять серьезный характеръ, прибѣгнулъ къ своему давнишнему средству — угрозамъ. Онъ сталъ грозить уничтоженіемъ австрійской монархіи, низложеніемъ императора и возведеніемъ на престолъ его младшаго брата, великаго герцога Фердинанда Вюрцбургскаго. Онъ говорилъ все это двумъ любимцамъ императора Франца, князю Іоанну Лихтенштейну и графу Бубнѣ, зная ихъ характеръ и разсчитывая, что это средство не преминетъ подѣйствовать на нихъ. Онъ вполнѣ достигъ своей цѣли. Эти любимцы такъ напугали императора Франца своими донесеніями, что онъ противъ воли Меттерниха и графа Стадіона, который все еще завѣдывалъ иностранными дѣлами Австріи, сталъ вести переговоры черезъ Лихтенштейна. Октября 14 Лихтенштейнъ подписалъ Шёнбруннскій мирный договоръ, и 18 октября Францъ I утвердилъ его.

По Шёнбруннскому или Вѣнскому миру императоръ австрійскій потерялъ двѣ тысячи пятьдесятъ восемь квадратныхъ миль земли и 3,500,000 жителей. Кромѣ того, ему пришлось заплатить Франціи 80 милльоновъ гульденовъ, приступить къ континентальной системѣ и признать королями всѣхъ воцаренныхъ Наполеонидовъ, а также всѣ прошлыя и будущія преобразованія Наполеона въ Италіи, Испаніи и Португаліи. Бездушные совѣтники уговорили даже императора Франца I согласиться на раздѣлъ Тироля на двѣ части, изъ которыхъ одна должна была остаться за Баваріей, а другая отойти къ наполеоновскимъ итальянскимъ владѣніямъ, слѣдовательно, была предана мести ожесточенныхъ французовъ. Изъ остальныхъ уступленныхъ провинцій Зальцбургская область, Берхтесгаденъ, Иннская область и половина Гаусрукской области были отданы Баваріи, которая черезъ полгода получила еще—за ежегодную плату въ четыреста тысячъ франковъ—Байрейтъ и епископство Регенсбургское, принадлежавшее до сихъ поръ князю-примасу. Россія получила клочекъ западной Галиціи съ 400,000 жителей. Герцогство Варшавское было увеличено присоединеніемъ западной или новой Галиціи съ полутора-милліономъ жителей; а Саксоніи было дано шесть богемскихъ селъ и предоставлено сообща съ Австріей владѣть соляными копями Велички; за это король саксонскій, герцогъ варшавскій, долженъ

былъ платить Франціи десять милліоновъ франковъ ежегодно и усилить польскую армію до 60,000 человѣкъ. Виртембергу достался Мергентгеймъ, принадлежавшій эрцгерцогу Антону, а за это король Фридрихъ долженъ былъ уступить Нелленбургъ Бадену. Часть южнаго Тироля, Каринтія, Крайнъ, Тріестъ, Истрія, часть Кроаціи и другія страны на востокъ и юго-востокъ отъ Тироля составили французскую область подъ именемъ Иллирійскихъ провинцій. И на этотъ разъ въ странахъ, подаренныхъ Наполеономъ своимъ вассаламъ самыя доходныя помѣстья были оставлены въ пользованіе его самаго и розданы его чиновникамъ, офицерамъ и солдатамъ.

Послѣ цнаймскаго перемирія Баварія нѣсколько разъ предлагала тирольцамъ амнистію. Но фанатическіе поселяне отвергали ее. Они даже напали на австрійскихъ агентовъ, когда тѣ начали склонять ихъ къ миру, и самъ Гормайръ съ трудомъ убѣжалъ отъ ихъ ярости. Даже по заключеніи шёнбруннскаго мира они не приняли данной имъ амнистіи, хотя съ сѣвера, юга и востока устремились на нихъ превосходныя силы, такъ что сопротивленіе было безполезно. Причиною этого упорства были въ особенности два обстоятельства. Во-первыхъ, они не могли перенести мысли о раздѣлѣ своей страны; во-вторыхъ, ихъ продолжала возбуждать недовольная военная партія австрійскаго двора. Наконецъ въ Тироль вступили три баварскія дивизіи подъ начальствомъ Друэ и заняли нижнюю долину Инна. Тогда Гоферъ созналъ свое безсиліе и въ началѣ ноября положилъ оружіе, посовѣтовавъ своимъ соотечественникамъ покориться своей судьбѣ и принять предлагаемое прощеніе. Но уже черезъ недѣлю онъ рѣшился снова поднять оружіе и призвать соотечественниковъ къ борьбѣ за вѣру и отечество. За это его выключили изъ амнистіи и оцѣнили его голову. Французы вторглись въ Тироль черезъ Пустерскую долину и страшно свирѣпствовали противъ жителей. Одинъ изъ генераловъ ихъ, Бараге д'Илье, совершалъ въ Тиролѣ звѣрства, достойныя Альбы въ Нидерландахъ. Всякій, кто въ 24 часа не слагалъ оружія, считался разбойникомъ; всякая деревня, въ которой французъ подвергался нападенію, выжигалась. Тѣмъ не менѣе тирольцы продолжали борьбу въ Пустерской и Пассейрской долинахъ съ такимъ упорствомъ, что 22 ноября взяли въ плѣнъ цѣлыхъ два французскихъ баталіона. Но конечно, они уступили наконецъ превосходству непріятеля, и въ половинѣ декабря борьба всюду прекратилась.

Предводители тирольцевъ избѣжали жестокой мести французовъ бѣгствомъ. Только Гоферъ попалъ въ руки враговъ. Онъ укрылся въ недосягаемой почти хижинѣ въ Пассейрскихъ горахъ и навѣрно спасся бы тамъ отъ французовъ, если бы его не выдалъ одинъ изъ самыхъ закадычныхъ друзей его, священникъ Доне, получившій за это сумму триста дукатовъ. Января 27 1810 Гоферъ былъ арестованъ французами, препровожденъ въ Мантуу и по приказу Наполеона немедленно разстрѣлянъ. Эта подлая и совершенно ненужная месть возбудила общее негодованіе тѣмъ больше, что Гоферъ никогда не былъ жестокъ и несправедливъ, а другъ его, Гаслингеръ, взялъ подъ свою защиту два плѣнныхъ батальона французовъ и спасъ ихъ отъ ярости своихъ соотечественниковъ. Даже тѣ изъ нѣмцевъ, которые находили непонятнымъ фанатизмъ тирольцевъ къ средневѣковому культу, увидѣли въ казни Гофера угрозу всѣмъ, кто имѣетъ мужество и стойкость противиться чужестранному господству. Въ той части Тироля, которая отошла къ Франціи, жестокія преслѣдованія продолжались даже по усмиреніи страны. Король баварскій въ своей части дѣйствовалъ мягче. Хотя страна оставалась на военномъ положеніи еще цѣлый годъ, но преслѣдованія прекратились, и правительство стало стараться улучшить учрежденія и управленіе страны.

III. ЕВРОПА

ОТЪ ШЁНБРУННСКАГО МИРА ДО КАМПАНІИ 1812.

---

1. Испанія съ 1809 по 1813.

По отъѣздѣ Наполеона изъ Испаніи въ январѣ 1809 дѣла французовъ пошли тамъ плохо, хотя передъ отъѣздомъ онъ составилъ отличный военный планъ. Французскіе генералы не слушались своего главнокомандующаго, короля Іосифа, и помощника его, маршала Журдана; они даже не обращали вниманія на дѣйствія другъ друга. Въ 1809 главныя силы французовъ, состоявшія изъ трехъ корпусовъ, маршала Сульта, генерала Ляписа и маршала Виктора, были посланы противъ Португаліи. Корпусъ Нея, стоявшій въ Галиціи, долженъ былъ придти къ нимъ на помощь. Другимъ армейскимъ корпусамъ было приказано покорить Арагонію, Каталонію, Валенсію и Андалузію.

Въ Арагоніи 35 тысячъ французовъ были заняты упорнѣйшей осадой Сарагоссы. Городъ этотъ былъ осажденъ въ концѣ декабря 1808 маршаломъ Монсеемъ и генераломъ Сюше. Въ началѣ января 1809 управлять осадою началъ Жюно, но она шла неуспѣшно, и 22 января Жюно былъ смѣненъ Ланномъ. Съ этой минуты въ Сарагоссѣ и вокругъ ея началась такая страшная борьба, какой исторія новѣйшаго времени не представляетъ примѣра. Жители соперничали съ солдатами въ оборонѣ города. Коммендантъ Сарагоссы, Палафоксъ, очень плохой генералъ въ полѣ, оказался героемъ при защитѣ крѣпости. Къ 1 февраля французамъ удалось взять всѣ наружныя укрѣпленія. Но послѣ этого имъ пришлось еще девятнадцать дней бороться на улицахъ. Жители сопротивлялись отчаянно, хотя большинство было больно заразою, свирѣпствовавшею въ городѣ. Отдѣльные дома осаждались и защищались, какъ крѣпости; въ самомъ городѣ велись мины и контръ-мины; великолѣпныя зданія взлетали на воздухъ заодно съ сотнями людей. Наконецъ 19 февраля штурмующія колонны французовъ и страшный артиллерійскій огонь ихъ принудили осажденныхъ сдать уцѣлѣвшую часть города. Треть города была разрушена и покрыта трупами; число испанцевъ, погибшихъ при защитѣ Сарагоссы, простиралось до четырехъ тысячъ. Французы тоже лишились множества солдатъ; но хуже всего было для нихъ то, что трагическая гибель Сарагоссы и безпримѣрная стойкость ея защитниковъ усилили въ европейскихъ народахъ ненависть къ французамъ и побудили подражать испанцамъ.

Геройская защита и гибель Сарагоссы подѣйствовали на народы тѣмъ сильнѣе, что примѣру ея въ томъ же году послѣдовалъ гарнизонъ каталонскаго города Гироны подъ командой донъ Альвареса. Генералъ Гувіонъ Сенъ-Сиръ тщетно осаждалъ эту крѣпость съ іюня 1809. Но виною этому было не одно геройское сопротивленіе испанцевъ; Наполеонъ не довѣрялъ Гувіону Сенъ-Сиру такъ же, какъ Бернадоту, и потому не давалъ ему подкрѣпленій. Въ октябрѣ на мѣсто Сенъ-Сира назначенъ былъ жестокій маршалъ Ожеро, которому городъ сдался 10 декабря; заслуга взятія города принадлежала впрочемъ не Ожеро, а

генералу Вердье. Лѣтомъ слѣдующаго года Наполеонъ разсердился на Ожеро и отозвалъ его. Дѣла пошли не лучше и при маршалѣ Макдональдѣ, вступившемъ на мѣсто Ожеро.

Попытки Сульта, Нея, Виктора и Ляписа изгнать англичанъ изъ Португаліи совершенно не удались. Въ этой странѣ англичанами командовалъ Артуръ Веллеслей, человѣкъ, который одинъ изъ всѣхъ европейскихъ генераловъ достоинъ былъ бороться съ Наполеономъ. Кромѣ того англичане на свои деньги организовали португальскую армію, въ которой служили англійскіе офицеры и были введены англійское управленіе и дисциплина; ею командовалъ лордъ Бересфордъ. Французамъ вредили недовольство, господствовавшее въ ихъ войскахъ, и распри, соперничество ихъ командировъ. Многіе генералы ихъ вступили съ англичанами въ подозрительную корреспонденцію, такъ что Наполеонъ былъ принужденъ смѣнить и арестовать многихъ офицеровъ. Своевольство маршала Нея, который нарочно не далъ помощи Сульту, разстроило всю кампанію; впрочемъ и Сульта обвиняютъ въ безпечности и медленности, и говорятъ, что причиною этого было желаніе получить португальскую корону.

Марта 10 1809 Сультъ вошелъ въ Португалію, а 29 взялъ Опорто, который при этомъ случаѣ подвергся такимъ же жестокостямъ, какъ Любекъ въ ноябрѣ 1806 (стр. 519). Ни Викторъ, ни Ляписъ не поддержали Сульта, которому въ концѣ апрѣля стала даже грозить опасность, что Веллеслей отрѣжетъ ему отступленіе; поэтому онъ вскорѣ ушелъ обратно въ Испанію, при чемъ долженъ былъ пожертвовать множествомъ людей, военной кассой, обозомъ и артиллеріей. Веллеслей слѣдовалъ за нимъ по пятамъ и могъ бы совершенно изгнать французовъ изъ Испаніи, если бы испанцы послѣдовали примѣру португальцевъ, устроили свои войска и взяли бы англійскихъ командировъ. Это было предложено имъ; но они были правы, отвергнувъ это предложеніе, потому что имѣли основаніе бояться англичанъ не меньше французовъ. Всѣ города и страны, въ которыхъ англичане утверждаются, теряютъ національное существованіе, и интересы ихъ приносятся въ жертву выгодамъ англійской торговли, какъ доказываютъ примѣры Португаліи, Мальты и Іоническихъ острововъ.

Въ іюлѣ Веллеслей соединился съ 38-тысячнымъ корпусомъ испанцевъ подъ начальствомъ Куэсты и обратился за Тахо на Талаверу де ла Рейна, чтобы уничтожить маршала Виктора. Въ то же время испанская армія Венегаса угрожала Мадриду со стороны Аранпуэса. Но планъ Веллеслея рушился частью вслѣдствіе распоряженій, присланныхъ Наполеономъ съ Дуная, частью вслѣдствіе упрямства Куэсты, который подъ пустымъ предлогомъ отказался содѣйствовать Веллеслею, когда англійскій полководецъ хотѣлъ предупредить Сульта и поскорѣе аттаковать Виктора. Тогда, чтобы избѣгнуть приближавшагося маршала Сульта, Веллеслей отправился назадъ въ Португалію. Куэста, напротивъ того, упорно продолжалъ двигаться къ Мадриду и потерпѣлъ рѣшительное пораженіе при Алькабарѣ на Альберче. Веллеслей вернулся, чтобы не допустить французовъ уничтожить испанскую армію. Онъ соединился съ Куэстой и 27 и 28 іюля 1809 далъ маршалу Виктору и королю Іосифу битву при Талавера де ла Рейна, которая кончилась тѣмъ, что французы принуждены были отступить съ потерей семнадцати пушекъ. Веллеслей прославился этой побѣдой въ Англіи и въ Европѣ, и получилъ титулъ вискунта Веллингтона Талаверскаго. Впрочемъ существенныхъ выгодъ битва при Талаверѣ не принесла ни англичанамъ, ни испанцамъ. Веллеслею пришлось даже отступить тотчасъ послѣ сраженія за португальскую границу, потому что приближался Сультъ. Маршалъ Далматскій принялъ главное начальство надъ арміей Іосифа и разбилъ 8 августа войска Куэсты при Арсобиспо. Пять дней спустя и Венегасъ былъ совершенно разбитъ при Альмонасидѣ. Тогда севильская хунта, бывшая центральнымъ правительствомъ, приказала тремъ испанскимъ арміямъ, стоявшимъ на югѣ Испаніи, взять Мадридъ. Но въ ноябрѣ всѣ эти три арміи были разбиты сначала при Оканьѣ маршаломъ Мортье и генераломъ Себастіани, потомъ при Альба-де-Тормесѣ генераломъ герцогомъ Вальми (Келлерманомъ младшимъ). Въ первый мѣсяцъ 1810 герцогъ Далматскій покорилъ Андалузію. Только Кадиксъ, куда бѣжала севильская генеральная хунта, удержался противъ всѣхъ нападеній французовъ.

Въ 1810 Наполеонъ поручилъ испанскую войну Массена. Необыкновенные таланты князя Эслингенскаго до того помрачались грубостью, развратомъ и грязной алчностью, что офицеры и солдаты не уважали и не любили его. Вслѣдствіе этого огромная армія изъ старыхъ, заслуженныхъ войскъ, присланная Наполеономъ въ Испанію, не оказала большой пользы. Притомъ императоръ самъ вредилъ предпріятіямъ своихъ войскъ въ Испаніи тѣмъ, что по обыкновенію безпощадно жертвовалъ страной своимъ интересамъ и выгодамъ Франціи. Императорскимъ декретомъ 8 февраля 1810 Каталонія, Арагонія, Бискайя и Наварра были объявлены французскими провинціями. Въ концѣ мая та-же участь постигла еще двѣ провинціи. На остальныя было взвалено все бремя войны; онъ распорядился, чтобы на содержаніе французской арміи въ Испаніи выдавалось изъ французской казны только два милліона въ мѣсяцъ, а остальное взималось бы съ испанцевъ. Такимъ образомъ съ Испаніей обращались какъ съ завоеванной страной. Французы забрали даже всѣ кассы испанскихъ присутственныхъ мѣстъ, такъ что король Іосифъ не имѣлъ возможности даже платить жалованье своимъ чиновникамъ. Къ несчастью испанцевъ, между инсургентами также господствовали страшные безпорядки и произволъ. Севильская хунта, кастильскій совѣтъ и всѣ прочія революціонныя правительства были равно безсильны. Но эта анархія и спасла Испанію, какъ Францію въ 1793. Въ военномъ отношеніи большую пользу принесло прекращеніе большой войны и организованіе повсемѣстнаго разбойничества, такъ называемыхъ г̆ в е р и л ь я с о в ъ, т. е. партизанской войны, весьма удобной въ Испаніи. Испанская армія была разстроена и ни на что негодна; генералы ея, принадлежавшіе къ людямъ стараго времени, отличались вялостью и неспособностью. Зато у гверильясовъ были искусные предводители и такія связи въ странѣ, что французскія войска не могли сноситься между собою, и всѣ движенія ихъ были крайне затруднены. Изъ предводителей гверильясовъ особенно прославились М и н а, Б а л л е с т е р о с ъ, М а р к в и з и т о, О'Д о н н е л ь, М е р и н о, д о н ъ Х у л і а н о С а н ч е с ъ, б а р о н ъ д'Э р о л е с ъ, М о р и л ь о и Э м п е с и н а д о.

Въ 1810 все зависѣло отъ дѣйствій въ Португаліи. Массена проложилъ себѣ дорогу въ эту страну взятіемъ Сіудадъ-Родриго 11 іюля. Августа 27 сдалась и Альмейда, и князь Эслингенъ двинулся на Коимбру. На пути туда онъ предпринялъ штурмъ противъ позиціи Велингтона на крутыхъ высотахъ монастыря Б у с а к о, но былъ отбитъ съ потерею 5,000 чел. Къ счастью его, одинъ крестьянинъ указалъ ему горную тропу, по которой онъ обошелъ позицію англичанъ. Веллингтону пришлось отступить къ Лиссабону, въ обширныхъ окрестностяхъ котораго былъ возведенъ тройной рядъ окоповъ, такъ называемыя Т о р р е с ъ-В е д р а с с к і я линіи, совершенно преграждавшія французамъ доступъ къ Лиссабону. Кромѣ того, англичане затруднили положеніе непріятеля опустошеніемъ провинціи Бейры, черезъ которую французамъ слѣдовало проходить; всѣ жители этой провинціи со всѣмъ имуществомъ были переселены за линіи Торресъ-Ведраса. Для французовъ это было тѣмъ вреднѣе, что Массена кралъ большую часть суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе арміи. Въ тылу французовъ англо-португальскія войска подъ начальствомъ Т р а н т а, М и л л е р а и В и л ь с о н а отрѣзали имъ сообщеніе съ Альмейдой. Впрочемъ и союзники терпѣли ужасныя бѣдствія. Несчастные португальцы, согнанные въ Лиссабонъ и его окрестности, гибли тысячами отъ голода, а въ англійской арміи, не смотря на заботы Веллингтона о солдатахъ, также свирѣпствовала нужда. Во время стоянки союзныхъ войскъ въ линіяхъ Торресъ-Ведраса однихъ португальскихъ солдатъ умерло 4,000, и 10,000 дезертировало, чтобы избавиться отъ голода и утомительной службы.

Шесть недѣль стоялъ Массена передъ Торресъ-Ведрасскими линіями въ невозможности что-либо предпринять. Наконецъ въ ноябрѣ онъ двинулся назадъ къ Сантарему, гдѣ были устроены магазины. Веллингтонъ послѣдовалъ за нимъ по пятамъ, но французы заняли неприступную позицію, и только по прибытіи 1 марта 1811 англійскаго флота съ подкрѣпленіями Массена былъ принужденъ возвратиться въ Испанію. При отступленіи французамъ пришлось уничтожить свою тяжелую артиллерію и множество запасовъ. Имъ нѣсколько разъ грозила опасность быть окруженными и отрѣзанными непріятелемъ, который энергически преслѣдовалъ ихъ. Но маршалъ Ней геройскими подвигами и страшными опустошеніями прикрылъ отступленіе, такъ что армія благополучно достигла Сіудадъ-Родриго,

откуда Массена тщетно пытался спасти крѣпость Альмейду, которая 10 мая сдалась англичанамъ послѣ нерѣшительнаго сраженія 2 мая при Фуэнтесъ-Оноро.

Между тѣмъ въ Испаніи всюду продолжались убійства и грабежи. Мирные граждане терпѣли отъ своихъ гверильясовъ гораздо больше, чѣмъ отъ французовъ. Однако въ дѣлахъ инсургентовъ водворился наконецъ нѣкоторый порядокъ, когда въ сентябрѣ 1810 въ Кадиксѣ собрались генеральные кортесы. Собраніе это отличалось духомъ французскаго національнаго собранія 1789, слѣдовало тому направленію, которое стало впослѣдствіи называться либерализмомъ. Кортесы объявили себя на время отсутствія короля Фердинанда державною властью и даже присвоили себѣ титулъ величества. Однако они не взяли себѣ заодно съ законодательной властью исполнительную, какъ французскій конвентъ 1792, а учредили регентство, обязавъ его только присягнуть имъ на вѣрность и отдавать имъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Регентство получило титулъ королевскаго высочества. Единая диктатура была бы гораздо полезнѣе. Изъ распоряженій кортесовъ замѣчательно дарованіе свободы печати. Они присвоили себѣ также право назначать народныхъ представителей во всѣ мѣста, занимаемыя французами, и даже въ американскія колоніи. Эти и другіе декреты доказывали, что кортесы намѣрены ввести республиканскія или по крайней мѣрѣ конституціонныя учрежденія. Впрочемъ вліяніе и власть кортесовъ ограничивались окрестностями Кадикса; въ другихъ мѣстностяхъ хунты дѣйствовали по своему усмотрѣнію; такъ же произвольно распоряжались вожди гверильясовъ и генералы регулярной арміи. Однако декреты кортесовъ о военной службѣ и о рекрутскомъ наборѣ дали возможность выставить въ 1811 многочисленныя правильныя войска. Впрочемъ эти войска были нелучше прежнихъ, и опасность грозила французамъ только отъ гверильясовъ и отъ геройскаго духа испанскаго народа.

Въ 1810 Сультъ безуспѣшно осаждалъ Кадиксъ, гдѣ засѣдали кортесы. Здѣсь ему пришлось имѣть дѣло не съ жалкими испанскими войсками и генералами, а съ 8-тысячнымъ корпусомъ англичанъ подъ командой генерала Грема. Притомъ Кадиксъ лежитъ на крайней оконечности острова Леона и потому не могъ быть взятъ, пока англичане господствовали на морѣ. Въ декабрѣ Сультъ получилъ отъ Наполеона приказъ замѣнить осаду города простою блокадою и идти съ главными силами своими въ Алентехо, чтобы поддержать Массена въ Португаліи. Выступивъ 5 февраля 1811 въ Алентехо, онъ передалъ командованіе осадными войсками маршалу Виктору. Оставшись одинъ, герцогъ Беллуно потерпѣлъ 5 марта при Баррозѣ тяжелое пораженіе, потому что имѣлъ слишкомъ мало силъ и не принялъ предосторожностей. Онъ былъ бы даже вытѣсненъ изъ своихъ линій подъ Кадиксомъ, если бы трусливый Ла-Пена, командовавшій испанскими войсками, оказалъ содѣйствіе Грему. Между тѣмъ Сультъ, чтобы доставить себѣ опору для похода на Лиссабонъ, аттаковалъ пограничныя укрѣпленія Эстремадуры и Алентехо, 22 января взялъ Оливенсу и началъ 15 февраля осаду Бадахоса. Веллингтонъ послалъ на выручку Бадахоса испанскаго генерала Мендисабаля съ войсками только что умершаго Ла-Романы. Этотъ генералъ непостежимымъ образомъ далъ захватить себя врасплохъ. Маршалъ Далматскій уничтожилъ почти все его войско. Черезъ три недѣли Бадахосъ былъ преданъ французамъ измѣною комменданта Имаса. Но въ это время Массена былъ принужденъ отступить въ Испанію, такъ что и Сульту не было уже надобности стоять въ Португаліи. Онъ повернулъ назадъ въ Андалузію поручивъ защиту Бадахоса маршалу Мортье герцогу Тревизскому.

Апрѣля 20 1811 Наполеонъ, уступая многочисленнымъ жалобамъ на Массена, отозвалъ его и назначилъ главнокомандующимъ маршала Мармона герцога Рагузскаго. Мармонъ былъ передъ этимъ полтора года сатрапомъ иллирійскихъ провинцій и жилъ въ Лайбахѣ, окруженный такими же, какъ самъ онъ, развратниками и франтами. Герцогъ Рагузскій былъ въ этомъ отношеніи совершенная противоположность грубому Массена и чопорному Веллингтону. Когда Мармонъ принялъ главное начальство, Альмейда была уже въ рукахъ непріятеля, а Бадахосъ съ трудомъ держался противъ Бересфорда и испанскихъ генераловъ: Кастаньоса, Баллестероса и Блака. Сультъ поспѣшилъ изъ-подъ Кадикса на выручку этой крѣпости и при Альбуэрѣ далъ англичанамъ кровавую, но нерѣ-

шительную битву. Бадахосъ былъ на этотъ разъ спасенъ тѣмъ, что наполеоновскіе маршалы согласились наконецъ дѣйствовать единодушно. Когда Веллингтонъ лично явился передъ Бадахосомъ, Мармонъ отложилъ порученную ему экспедицію въ Португалію и поспѣшилъ на помощь Сульту, чтобы общими силами заставить англичанъ снять осаду. Веллингтонъ не рѣшился дождаться его и 18 іюня отступилъ въ Португалію со всѣми своими силами.

Между тѣмъ англичане и испанское регентство старались посредствомъ интригъ водворить порядокъ въ государствѣ, т. е. въ сущности, достигнуть своихъ цѣлей. Регентство боялось республиканскаго направленія кортесовъ и призвало въ Испанію искушеннаго въ интригахъ герцога Лудовика Филиппа Орлеанскаго стр. 373), который жилъ въ Сициліи и тамъ женился въ ноябрѣ 1809 на дочери пресловутой королевы Каролины Маріи. Онъ съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе регентства, надѣясь наловить въ Испаніи рыбы въ мутной водѣ, какъ впослѣдствіи изловилъ во Франціи престолъ. Но англичане и враги регентства не впустили его въ городъ, когда онъ прибылъ въ Кадикскую гавань, и онъ былъ принужденъ возвратиться ни съ чѣмъ восвояси. Англичане задумали освободить Фердинанда VII, содержавшагося въ плѣну въ Валансэ, и потомъ подъ прикрытіемъ его имени распоряжаться въ Испаніи по своему произволу. Освобожденіе принца было поручено піэмонтскому барону Колли, который игралъ роль то смѣлаго искателя приключеній, то трапписта. Но французская полиція давно зорко слѣдила за нимъ, и едва онъ явился во Францію съ полномочіемъ англійскаго министерства, какъ былъ тотчасъ арестованъ.

Въ іюнѣ 1811 Веллингтонъ отступилъ передъ соединенными силами Мармона и Сульта. Послѣ этого герцогъ Далматскій съ своими войсками выступилъ изъ Эстремадуры, потому что эта провинція не могла продовольствовать двухъ армій разомъ. Мармонъ во второй половинѣ 1811 былъ преимущественно занятъ обороною Сіудадъ-Родриго. Января 19 1812 эта крѣпость сдалась англичанамъ. Апрѣля 6 англичане кровопролитнѣйшимъ штурмомъ взяли Бадахосъ, который палъ, потому что Мармонъ былъ задержанъ англійскимъ корпусомъ въ Леонѣ, а Сультъ, поспѣшившій изъ Андалузіи на спасеніе крѣпости, опоздалъ. Французы были совершенно изгнаны и изъ Астуріи. Въ іюнѣ Веллингтонъ обратился противъ Мармона, который получилъ изъ Парижа приказъ занять сѣверную Португалію, но не получалъ подкрѣпленій ни изъ Франціи, ни отъ короля Іосифа. Веллингтонъ взялъ три форта, возведенные Мармономъ подъ Саламанкой, и 28 іюня осадилъ этотъ городъ. Іюля 7 генералъ Бонне прибылъ къ Мармону съ 8,000 человѣкъ изъ Астуріи, а вскорѣ къ нему пришелъ и генералъ Клозель съ легкой кавалеріей и артиллеріей сѣверной арміи. Тогда маршалъ рѣшился дать битву. Она произошла 22 іюля при Саламанкѣ, хотя обыкновенно называется битвой при Арапилахъ, потому что мѣсто битвы находилось между двумя горами этого имени, изъ которыхъ одна была занята французами, а другая англичанами. Сраженіе нѣсколько часовъ было нерѣшительно; наконецъ французы сдѣлали ошибку, которой Веллингтонъ искусно воспользовался. Герцогъ Рагузскій былъ тяжело раненъ, какъ и Бонне, который принялъ послѣ него начальство; 7,000 французовъ попались въ плѣнъ; кромѣ того англичане взяли одинадцать пушекъ и два орла. Клозель, принявъ командованіе послѣ Мармона и Бонне, спасъ только половину арміи. Веллингтонъ двинулся на Мадридъ, куда вошелъ 12 августа. Наполеонъ получилъ извѣстіе о битвѣ при Арапилахъ въ ту самую минуту, когда приготовлялся дать въ Россіи Бородинскую битву. Нельзя при этомъ не подивиться его солдатской невозмутимости; онъ конечно, тотчасъ сообразилъ всѣ результаты пораженія, однако продолжалъ совершенно спокойно распоряжаться гигантскимъ боемъ подъ Москвой.

Въ Андалузіи, гдѣ командовалъ Сультъ, предпріятія французовъ шли неуспѣшнѣе, чѣмъ въ Эстремадурѣ и Леонѣ. Французы собрали подъ Кадиксомъ громадную артиллерію, и имъ удалось разрушить часть города; но это не могло имѣть важныхъ результатовъ, потому что англійскіе корабли и войска не допускали французовъ высадиться на Кадикскій полуостровъ. Притомъ Сульту приходилось слишкомъ раздроблять свои войска, и непріятель поражалъ и уничтожалъ цѣлыя дивизіи, отражаемыя имъ. Такъ дивизія Годино, посланная осенью 1811 на крайній югъ Андалузіи для прекращенія гверильясской войны, организо-

ванной тамъ Баллестеросомъ, потерпѣла сначала большой уронъ на берегу Гибралтарскаго пролива отъ пушекъ англійскихъ кораблей, а потомъ, на обратномъ пути, была разбита Баллестеросомъ, такъ что генералъ Годино отъ срама лишилъ себя жизни. Другая дивизія въ 10,000 человѣкъ, посланная Сультомъ въ декабрѣ 1811 подъ начальствомъ Лаваля осаждать Тарифу, была съ большой потерей отбита англичанами при штурмѣ этого города. Чтобы не потерять отступленія, генералъ Лаваль долженъ былъ бросить свою тяжелую артиллерію; войска его понесли при отступленіи большія потери отъ недостатка продовольствія и отъ проливныхъ дождей.

Изъ всѣхъ наполеоновскихъ генераловъ съ успѣхомъ дѣйствовалъ въ 1811 и 1812 одинъ Сюше. Въ январѣ 1811 онъ взялъ Тортозу, въ мартѣ потерпѣлъ неудачу въ покушеніи взять Валенсію, но за то въ іюнѣ штурмомъ взялъ важную каталонскую крѣпость Таррагону. Здѣсь и во всѣхъ другихъ городахъ, которые онъ бралъ, были перерѣзаны тысячи беззащитныхъ людей единственно для острастки. Сюше самъ наивно говорилъ въ своихъ донесеніяхъ, что поставляетъ себѣ въ священную обязанность рѣзать для блага своихъ войскъ встрѣчныхъ и поперечныхъ въ тѣхъ городахъ, которые упорствуютъ въ сопротивленіи, не имѣя никакой надежды на спасеніе. Въ іюлѣ и августѣ онъ вторично двинулся на Валенсію, но дорогой былъ задержанъ подъ Мурвіедро, древнимъ Сагунтомъ; онъ два раза тщетно штурмовалъ этотъ городъ и наконецъ былъ принужденъ предпринять противъ него правильную осаду. Это дало кадикскому регентству время снарядить на помощь Валенсіи армію. Генералъ Блакъ двинулся противъ Сюше, присоединилъ къ себѣ по дорогѣ другія войска и прибылъ подъ Мурвіедро съ 30,000 человѣкъ. Эти войска были не нестройная милиція, а настоящіе солдаты, частью служившіе въ старыхъ испанскихъ полкахъ. Тѣмъ не менѣе по неспособности своего главнокомандующаго они были разбиты въ сраженіи при Мурвіедро 25 октября. На другой день Мурвіедро сдался на капитуляцію.

Послѣ того Блакъ еще нѣкоторое время удерживался въ укрѣпленномъ лагерѣ при Кварте. Но 25 декабря этотъ лагерь былъ взятъ штурмомъ, а 1 января 1812 Сюше началъ осаду Валенсіи, куда Блакъ скрылся послѣ потерпѣнныхъ пораженій. Уже 10 января городъ долженъ былъ сдаться послѣ трехдневнаго безостановочнаго бомбардированія. Французы взяли въ плѣнъ 18,000 регулярной пѣхоты и 2,000 человѣкъ кавалеріи, овладѣли 390 пушекъ, 40,000 ружей и 18,000 центнеровъ пороха. Наполеонъ наградилъ побѣдоноснаго Сюше въ іюлѣ 1811 чиномъ маршала, а по взятіи Валенсіи титуломъ герцога Альбуферы и владѣніемъ этого имени, хотя въ Байонѣ граматой закрѣпилъ это имѣніе за княземъ Мира (стр. 547). Въ вознагражденіе каталонской арміи императоръ роздалъ ей изъ государственныхъ имуществъ имѣній на 200 милліоновъ франковъ ежегоднаго дохода. Валенсію онъ подвергъ такой контрибуціи, что даже такой грабитель, какъ Сюше, нашелъ ее несообразной. Изъ Валенсіи Сюше предпринялъ походъ противъ Аликанте, который однако не удался. Зато 4 февраля онъ овладѣлъ посредствомъ измѣны хорошо укрѣпленною Пенисколою. Впослѣдствіи Сюше не могъ ничего предпринимать, потому что долженъ былъ отослать большую часть своихъ силъ въ русскій походъ.

Главною причиною неудачъ, которыя французы терпѣли въ Испаніи въ 1810—1812 гг., былъ раздоръ Наполеона съ братомъ Іосифомъ и ссоры короля испанскаго съ французскими маршалами. Наполеонъ считалъ государей побѣжденныхъ народовъ просто своими намѣстниками, а съ народами хотѣлъ расправляться по обычаю всѣхъ завоевателей. Германскіе вассальные государи очень охотно подчинялись этому, потому что Наполеонъ зато защищалъ ихъ противъ угнетаемаго ими народа. Но братья императора и зять его, Іоахимъ Неаполитанскій, возмущались ролью, которую онъ имъ назначилъ, и мечтали о новомъ государственномъ и народномъ правѣ, даже толковали о нравственности! Наполеонъ смѣялся надъ такими несообразностями и часто грубо замѣчалъ имъ это, когда они уклонялись отъ своей обязанности служить ему чиновниками. Іосифъ Бонапартъ еще въ маѣ 1811 такъ возненавидѣлъ свою роль, что въ перепискѣ своей съ Наполеономъ (недавно изданной въ девяти томахъ) изображалъ брата послѣдовательнымъ деспотомъ, а себя изобличалъ глупымъ и пустымъ либераломъ изъ салона г-жи де Сталь. Онъ даже рѣшился было наконецъ сложить съ себя

корону. Но Наполеонъ не могъ согласиться на это, потому что это произвело бы дурное впечатлѣніе на всю Европу. Онъ задобрилъ брата разными обѣщаніями, которыя облекъ въ форму договора. Конечно, впослѣдствіи онъ не исполнилъ ни одного изъ этихъ обѣщаній и даже еще болѣе развилъ свою систему управлять испанскими провинціями посредствомъ французскихъ чиновниковъ.

Маршалы, получавшіе всѣ приказанія непосредственно изъ Парижа, не обращали на испанскаго короля ни малѣйшаго вниманія. Даже когда по приказанію Наполеона въ мартѣ 1812 Сюше, Мармонъ и Сультъ были снова подчинены королю Іосифу, они продолжали или исполнять приказы его только вполовину, или вовсе не исполнять. Больше всего король негодовалъ на Сульта. Этотъ алчнѣйшій изъ всѣхъ наполеоновскихъ генераловъ въ Испаніи забиралъ всѣ доходы занятыхъ имъ провинцій въ свою военную кассу, т. е. въ сущности въ свой карманъ, а между тѣмъ дворъ и чиновники короля нуждались. Кромѣ того, герцога Далматскаго обвиняли въ намѣреніи основать для себя независимое государство въ Андалузіи; говорили, что потому онъ и не поддержалъ маршала Мармона въ рѣшительную минуту передъ битвой при Арапилахъ. Потомъ король жаловался на Сульта за письмо его къ императору, въ которомъ герцогъ Далматскій обвинялъ короля испанскаго, будто онъ ведетъ переговоры съ непріятелемъ, чтобы выхлопотать для Испаніи отдѣльный миръ. Но Наполеонъ не далъ брату никакого удовлетворенія и даже велѣлъ передать ему очень рѣзко, что Сультъ у него единственная дѣльная голова въ Испаніи, такъ что его нельзя отозвать, не подвергая армію величайшей опасности.

2. Наполеонъ, Франція, вассальныя государства ея и папство.

Со времени тильзитскаго мира Наполеономъ овладѣла страсть не только Александра и Карла Великихъ, но Чингисъ-Хана, Тимура и другихъ основателей восточныхъ мировыхъ имперій. Въ чаду этой страсти онъ обманывалъ себя на счетъ истинныхъ основаній своего могущества, поступалъ съ французами и съ подчиненными ему народами совершенно произвольно и самъ уничтожалъ только что созданныя имъ учрежденія, чтобы съ врожденной ему неугомонностью опять приниматься за созиданіе новаго. Въ то же время въ немъ возрастало свойственное всѣмъ счастливымъ полководцамъ презрѣніе къ людямъ до такой степени, что онъ, подобно римскимъ императорамъ, довѣрялъ только начальникамъ своихъ преторіанцевъ, слушалъ только лесть раболѣпныхъ царедворцевъ. До чего измѣнились понятія его послѣ тильзитскаго мира, видно изъ его поступковъ въ австрійской войнѣ и изъ тона бюллетеней и газетныхъ статей, которыя онъ писалъ въ то время. Вступивъ въ Вѣну, онъ издалъ къ своимъ войскамъ прокламацію, гдѣ глумился надъ австрійскимъ императорскимъ домомъ. Еще хуже бранилъ онъ патріотовъ, возбуждавшихъ народъ и призывавшихъ его къ оружію. Напротивъ того, людей, подобныхъ Тугуту и Лудвигу Кобенцлю, которыхъ онъ прежде такъ ругалъ, онъ не стыдился теперь хвалить и приводилъ ихъ слова какъ почтенныя свидѣтельства. Самъ онъ бунтовалъ венгровъ и въ то же время называлъ разбойникомъ герцога Вильгельма Брауншвейгскаго, а предводителей тирольскаго возстанія — убійцами, хотя герцогъ былъ имъ же ограбленъ, а тирольцы прибѣгли противъ него къ тому же праву силы, которое возвело его на престолъ.

Французы терпѣли такой же произволъ, какъ и другіе народы, хотя наружно Наполеонъ не оказывалъ имъ такого презрѣнія. Они все переносили, потому что были отуманены военною славою и ослѣплены колоссальными предпріятіями своего императора. Они поклонялись ему, какъ божеству, и чуть не молились на него. Все, что онъ дѣлалъ, считалось безусловно похвальнымъ, и всѣ французскіе писатели пишутъ исторію его царствованія совершенно одинаково. Они пишутъ со словъ другъ друга, и даже до сихъ поръ во Франціи сочли бы измѣной націи хотя бы на іоту отступить отъ обычныхъ восхваленій Наполеона и его вѣка. Наполеонъ возвращалъ всѣ учрежденія, администрацію и формы государства къ формамъ и учрежденіямъ стараго времени, такъ что наконецъ осталась лишь тѣнь правъ, пріобрѣтенныхъ въ революцію. Онъ даже правосудіе

обратилъ въ полицію, нарушивъ собственное законодательство. Марта 3 1810 былъ обнародованъ указъ, провозглашавшій это во всеуслышаніе; фактически же превращеніе это произошло гораздо раньше. А именно, въ тюрьмахъ накопилось столько арестованныхъ по одному подозрѣнію, которыхъ никогда не судили, а просто нахватали по кабинетнымъ или полицейскимъ приказамъ, что пришлось издать этотъ декретъ 3 марта, назначавшій восемь государственныхъ тюремъ для содержанія такихъ беззаконно арестованныхъ лицъ, которыхъ судить было нельзя, а освободить не желалось; сверхъ того тайный совѣтъ былъ уполномоченъ хватать любого гражданина по указанію министровъ юстиціи и полиціи, и даже конфисковать его имущество. Такимъ образомъ былъ возстановленъ тираническій произволъ, существовавшій до революціи въ видѣ королевскихъ приказовъ (lettres de cachet) (стр. 197).

Однимъ изъ важнѣйшихъ реакціонныхъ дѣйствій Наполеона, повлекшимъ за собой множество другихъ, былъ бракъ его съ австрійской принцессой. Этотъ поступокъ служилъ торжественнымъ заявленіемъ въ пользу старинныхъ монархическихъ принциповъ. Человѣкъ, вышедшій изъ народа, могъ стремиться къ браку съ принцессой царской крови только потому, что хотѣлъ самъ втереться въ старую систему. Кромѣ того, столь высокородная принцесса привыкла, конечно, жить исключительно въ кругу самой высшей знати. Стало быть, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ ея возведенія на престолъ Франціи было полнѣйшее возстановленіе феодальной аристократіи. Наконецъ очевидно было, что если императоръ думаетъ основать свои права и права своего потомства не на народномъ самодержавіи, а на родственныхъ связяхъ и родословныхъ, то онъ естественно вознамѣрится считать своею частною собственностью все, что пріобрѣтено кровью народа.

Наполеонъ уже нѣсколько лѣтъ думалъ развестись съ безплодной Жозефиной, потому что для основанія новой династіи ему нуженъ былъ сынъ. На любовь народа и на благодарность возвеличенныхъ Наполеономъ лицъ могъ разсчитывать только сынъ императора. Зато до происхожденія жены его никому не было дѣла. На комъ бы онъ ни женился, жена его черезъ бракъ съ нимъ дѣлалась равной всѣмъ принцессамъ старыхъ династій, подобно тому, какъ онъ заставилъ самыхъ гордыхъ государей Европы признать его и родню его равными себѣ. Напротивъ того, гордымъ французамъ показалось бы унизительнымъ предположеніе, что сынъ ихъ императора сдѣлается достойнѣе престола, если по рожденію будетъ полуавстріецъ или полурусскій. Не взирая на всѣ эти соображенія, Наполеонъ рѣшился жениться на принцессѣ древней царской крови. Сначала онъ думалъ жениться на русской великой княжнѣ, о чемъ послѣ тильзитскаго мира нѣсколько разъ начинались переговоры. Но въ 1809, когда въ немъ совершенно созрѣла мысль о разводѣ и о новомъ бракѣ, Наполеонъ по возвращеніи изъ Вѣны во Францію получилъ виды на бракъ съ эрцгерцогиней Маріей Луизой, старшей дочерью императора Франца I. Въ февралѣ 1810 переговоры объ этомъ пришли къ желанному результату, какъ разъ въ то время, когда императоръ Александръ съ своей стороны высказалъ наконецъ согласіе выдать за Наполеона сестру. Въ это время Наполеонъ былъ уже разведенъ съ Жозефиной. Онъ возвратился въ прошломъ году изъ австрійскаго похода въ Парижъ 26 октября и уже 30 ноября объявилъ Жозефинѣ, что изъ политическихъ цѣлей рѣшился развестись съ ней. Декабря 15 въ семейномъ совѣтѣ, на которомъ присутствовалъ архиканцлеръ Канбасересъ, былъ составленъ сентиментальный риторическій протоколъ. Въ немъ говорилось, что Наполеонъ и Жозефина рѣшились для блага государства расторгнуть свой бракъ по причинѣ его бездѣтности. На слѣдующій день сенатскимъ декретомъ бракъ императора былъ объявленъ расторгнутымъ. Декретомъ этимъ Жозефинѣ были оставлены титулъ и почести коронованной императрицы и назначено два милліона франковъ вдовьей пенсіи; кромѣ того прибавлено, что все сдѣланное въ ея пользу императоромъ должно быть обязательно для его наслѣдниковъ. Императоръ, съ своей стороны, далъ ей вторую годовую пенсію въ милліонъ франковъ и подарилъ дворецъ Мальмезонъ, куда Жозефина тотчасъ удалилась. Церковный разводъ былъ бы гораздо затруднительнѣе, если бы кардиналъ Фешъ, давая въ 1804 церковное благословеніе браку Наполеона, заключенному въ 1796 лишь гражданскi, тогда

же еще не позаботился принять мѣры, чтобы впослѣдствіи можно было имѣть поводъ оспаривать законность этого брака. Хитрый кардиналъ не пригласилъ въ то время къ вѣнчанію приходскаго священника и двухъ свидѣтелей, какъ предписывалъ Тридентскій соборъ, хотя Жозефина замѣтила ему это упущеніе. Теперь этимъ воспользовались, и духовный парижскій судъ объявилъ, что бракъ императора никогда и не былъ законнымъ.

Переговоры съ Австріей были кончены такъ скоро, что уже 8 февраля 1810 брачныя условія были подписаны въ Парижѣ. Марта 4 Бертье князь Невшательскій и Ваграмскій прибылъ въ Вѣну, чтобы справить церемоніалъ формальнаго сватовства. Марта 11 принцесса Марія Луиза была обвѣнчана съ дядей своимъ, эрцгерцогомъ Карломъ, представлявшимъ Наполеона. Гражданскій бракъ былъ заключенъ 1 апрѣля въ Сенъ-клу. На слѣдующій день супруги совершили торжественный въѣздъ въ Парижъ и были обвѣнчаны въ Тюильрійской церкви кардиналомъ Фешомъ. Замѣчательно, что человѣка, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ проклятаго и отлученнаго главою церкви, благословлялъ и вѣнчалъ одинъ изъ первыхъ сановниковъ этой церкви.

Торжественно заявляя себя своимъ вторымъ бракомъ послѣдователемъ старыхъ династическихъ принциповъ, Наполеонъ въ то же время довершилъ возстановленіе феодальнаго дворянства. Какъ мы сказали, въ 1808 онъ создалъ новое дворянство съ майоратами и наслѣдственными помѣстьями (стр. 535). Это нововведеніе было въ августѣ 1809 расширено пожалованіемъ княжескихъ титуловъ Даву, Бертье и Массена, а Ренье, Шампаньи, Годену, Маре и К л а р к у— герцогскихъ *). Такимъ образомъ выходцы революціи сдѣлались князьями, герцогами, графами и баронами. Но и старое дворянство получило свое прежнее значеніе, чтобы соединеніемъ его съ новымъ дворянствомъ придать послѣднему законность, какъ союзъ съ Маріей Луизой придалъ законность самому императору по его собственному убѣжденію. Но примиреніе стараго дворянства съ новой имперіей не дало ожидаемыхъ послѣдствій, какъ не дало ихъ и вступленіе Наполеона въ родство съ родомъ древнихъ цезарей. Старая феодальная аристократія, конечно, преклонилась передъ новой династіей, учредитель которой возвратилъ ей большую часть ея старыхъ привиллегій; но она тотчасъ покинула его, какъ скоро ей представилась надежда получить обратно все старое изъ рукъ Бурбоновъ.

Наполеонъ продолжалъ осыпать своихъ вельможъ и любимцевъ богатыми помѣстьями, не забывая однако и себя. Въ его собственность поступали всѣ суммы, получаемыя при каждомъ мирномъ трактатѣ, при каждой милости, оказываемой императоромъ иностраннымъ государямъ; кромѣ того, онъ присвоивалъ себѣ всѣ конфискованные англійскіе и колоніальные товары и доходъ съ продажи торговыхъ разрѣшеній. Далѣе, въ собственность императора поступили секуляризованныя церковныя имущества въ завоеванныхъ странахъ, а также регаліи и домены низложенныхъ государей и конфискованныя имущества всѣхъ изгнанныхъ и бѣжавшихъ. Сенатскимъ декретомъ 30 января 1810 изъ національнаго имущества были выдѣлены несмѣтныя богатства въ собственность государя и подраздѣлены на ординарныя коронныя имущества, на экстраординарные домены и на

---

*) Въ царствованіе Наполеона были пожалованы титулы князей и герцоговъ слѣдующимъ лицамъ: Бертье—князя Невшательскаго и Ваграмскаго, Талейрану—князя Беневентскаго, Бернадоту—князя Понте-Корво, Даву—герцога Ауэрштетскаго, князя Экмюльскаго, Массена—герцога Риволи, князя Эслингенскаго, Нею—герцога Эльхингенскаго, князя Московскаго; Лебрену и Канбасересу сначала просто княжескіе титулы, а потомъ титулы—первому герцога Піаченцскаго (Плезансъ), второму—герцога Пармскаго; маршаламъ: Монсею—герцога Конельяно, Ожеро—герцога Кастильоне, Сульту—герцога Далматскаго, Ланну—герцога Монтебелло, Мортье—герцога Тревизскаго, Бессьеру—герцога Истрійскаго, Виктору—герцога Беллуно, Келлерману (отцу)—герцога Вальми, Лефевру—герцога Данцигскаго, Мармону—герцога Рагузскаго; генераламъ: Жюно—герцога Абрантеса, Кларку—герцога Фельтре, Коленкуру—герцога Виченцскаго (Висансъ); министрамъ и дипломатамъ: Маре—герцога Бассано, Дюроку—герцога Фріульскаго, Савари—герцога Ровиго, Шампаньи—герцога Кадорскаго, Годену—герцога Гаэтскаго, Фуше—герцога Отранто, великому судьѣ и директору полиціи Ренье—герцога Масса-Каррарскаго.

частную собственность императора. По этому случаю Реньо де Сенъ Жанъ д'Анжели сказалъ рѣчь, которая доказываетъ, до какой наглости доходила лесть софистовъ и риторовъ, прославлявшихъ произволъ императора какъ высшую мудрость. Реньо не постыдился сказать, что этотъ декретъ есть политическое законодательство для особы императора, подобно тому, какъ новый кодексъ есть гражданское законодательство для французовъ.

Масса не могла понять, къ чему ведутъ всѣ эти реакціонные поступки Наполеона, потому что большинство не умѣетъ судить о будущемъ по настоящему. Зато разумные люди еще въ 1810 поняли, куда стремится императоръ, и еще съ 1808 начали обнаруживаться признаки неудовольствія даже въ людяхъ, возвышенныхъ и осыпанныхъ Наполеономъ почестями, властью и богатствами. Иные изъ нихъ нетерпѣливо желали дождаться времени, когда можно будетъ спокойно наслаждаться пріобрѣтеннымъ; другіе справедливо опасались, что Наполеонъ запутается въ своихъ гигантскихъ планахъ и погубитъ и себя, и ихъ. Они стали думать, какъ бы спасти себя и свои интересы при паденіи наполеоновской имперіи. Это поставило Наполеона въ странное положеніе. Онъ не могъ вполнѣ довѣрять бывшимъ демократамъ и конституціоналистамъ, боялся съ ихъ стороны измѣны и продажности, но съ другой стороны и не могъ удалить людей, подобныхъ Фуше, Талейрану и Бернадоту, считая ихъ необходимыми. Вслѣдствіе этого онъ долженъ былъ окружить этихъ людей шпіонами и стараться ладить съ ними, чтобы обезопасить себя отъ ихъ козней. Хуже всѣхъ досталось Талейрану. Въ августѣ 1807 онъ былъ уволенъ отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, а въ январѣ 1809 потерялъ и оберъ-камергерство (стр. 525 и 553). Бернадотъ былъ только удаленъ на нѣкоторое время изъ Парижа (стр. 566). Съ Фуше Наполеонъ поступалъ тоже осторожнѣе, однако въ іюнѣ 1810 отнялъ у него министерство полиціи, назначивъ на его мѣсто Савари, а Фуше предложилъ въ вознагражденіе намѣстничество въ Римѣ. Фуше отказался отъ намѣстничества и былъ высланъ изъ Парижа. Мы уже говорили о неудовольствіи, господствовавшемъ между офицерами, о ихъ заговорахъ и тайныхъ переговорахъ съ англичанами (стр. 564 и 569). Конечно, все это не имѣло важныхъ послѣдствій; однако аресты и отставка множества генераловъ показывали, что дѣло не такъ маловажно, какъ представляетъ императорское правительство.

Послѣ шёнбруннскаго мира Наполеонъ открыто поссорился даже съ тремя старшими братьями своими и съ зятемъ, Мюратомъ. Прежде всего онъ разошелся съ Люсіаномъ. Въ 1807 онъ вознамѣрился выдать дочь Люсіана за наслѣдника испанскаго престола, но Люсіанъ не согласился развестись съ женой, и за это императоръ отдалъ испанскій престолъ Іосифу (стр. 536). Съ тѣхъ поръ разладъ между братьями все усиливался, такъ что въ 1809 Люсіанъ уже громко порицалъ все, что дѣлается. Онъ рѣшился даже добровольно отправиться въ ссылку и поѣхалъ было въ Америку, но дорогой былъ задержанъ англичанами, что было ему, пожалуй, очень пріятно. Его препроводили въ Мальту, а потомъ позволили отправиться оттуда въ Англію.

Съ королями Лудовикомъ Бонапартомъ Голландскимъ и Іоахимомъ Мюратомъ Неаполитанскимъ Наполеонъ ссорился изъ-за того, что они ставили благосостояніе своихъ подданыхъ выше интересовъ Франціи, тогда какъ Наполеонъ хотѣлъ, чтобы они и ихъ государства существовали только для Франціи. Король Іоахимъ Мюратъ былъ пустой гасконецъ и смѣшилъ свѣтъ страстью къ побрякушкамъ и нарядамъ. Однако онъ устроилъ въ Неаполѣ самостоятельное правительство, учредилъ безъ позволенія императора новое дворянство, смотрѣлъ сквозь пальцы на нарушенія континентальной системы и противился обиранію своей страны въ пользу Франціи. За все это Наполеонъ грубо и рѣзко выговаривалъ ему. Но Іоахимъ не испугался выговоровъ и издалъ приказъ всѣмъ французамъ, состоявшимъ въ его службѣ, выйти изъ французскаго подданства и принять неаполитанское. Тогда Наполеонъ самымъ оскорбительнымъ образомъ напомнилъ ему его безсиліе. Онъ отмѣнилъ декретомъ приказъ короля, поставилъ въ Гаэту французскій гарнизонъ и послалъ коммендантомъ въ Неаполь своего офицера, который сталъ распоряжаться помимо короля въ его собственной резиденціи. Наконецъ Наполеонъ предъявилъ Іоахиму условія, на которыхъ онъ можетъ оставаться неаполитанскимъ королемъ. Іоахимъ сослался на договоръ,

передавшій ему права Іосифа на Неаполь; на это Наполеонъ объявилъ ему напрямикъ, что возведеніе его на неаполитанскій престолъ есть вовсе не договоръ, а просто милость императора, и что въ этомъ актѣ были только постановлены условія пользованія этою милостью. Потомъ Іоахиму было велѣно послать въ русскій походъ 12,000 человѣкъ. Онъ выказалъ нежеланіе посылать подданныхъ на вѣрную гибель, вслѣдствіе чего Наполеонъ сказалъ ему, что система выше человѣка и что истинный французъ долженъ жертвовать интересамъ Франціи всѣми народами. Императоръ писалъ зятю: «Помните, что я сдѣлалъ васъ королемъ только для того, чтобы вы служили моей системѣ. Не обманывайте себя; если вы перестанете быть французомъ, то будете для меня ничѣмъ.»

Іоахимъ покорился Наполеону. Но король Лудовикъ Голландскій рѣшительно не соглашался служить орудіемъ французскому игу. Этому государю приписываютъ разныя странности, упрямство и чудачество, но никто не упрекалъ его въ тщеславіи, развратѣ, расточительности и несправедливости. Онъ не хотѣлъ навязываться голландцамъ насильно и всегда дѣйствовалъ въ интересахъ своихъ подданныхъ. Вступивъ на престолъ, онъ настоялъ на удаленіи изъ Голландіи французскихъ войскъ, составилъ министерство исключительно изъ голландцевъ и роздалъ придворныя должности высшему нидерландскому дворянству, надѣясь расположить его этимъ къ себѣ. Когда Наполеонъ ввелъ несчастную континентальную систему, Лудовикъ всячески старался избавить Голландію отъ золъ, неизбѣжныхъ при прекращеніи торговли и сношеній съ колоніями. Старанія его были тщетны; чтобы уменьшить зло, онъ неисправно соблюдалъ запрещенія и даже втайнѣ покровительствовалъ сношеніямъ съ Англіей. Этимъ онъ еще въ 1807 возбудилъ неудовольствіе Наполеона. При заключеніи тильзитскаго мира императоръ отторгъ отъ Голландіи цѣлыя области и хотя далъ за это вознагражденіе, но отчужденіе провинцій было для Голландіи также невознаградимо, какъ для Испаніи. Съ этихъ поръ Наполеонъ началъ обращаться съ Голландіей, какъ съ французской провинціей, готовясь присоединить ее къ имперіи. Онъ дѣлалъ брату рѣзкіе выговоры за его голландскій патріотизмъ и за его покровительство англійской торговлѣ. Въ мартѣ 1809 онъ показалъ, къ чему ведетъ дѣло, подаривъ по назначеніи Мюрата въ короли принадлежавшее ему великое герцогство Бергское старшему сыну короля голландскаго.

Пріѣхавъ въ декабрѣ 1809 въ Парижъ на семейный совѣтъ, Лудовикъ былъ нѣжно принятъ Наполеономъ, который горячо любилъ его, какъ брата. Однако присоединеніе Голландіи къ Франціи было уже дѣло почти рѣшенное, и Наполеонъ возвѣстилъ это 15 декабря въ засѣданіи законодательнаго корпуса, а потомъ въ обнародованномъ по требованію Лудовика манифестѣ. Онъ и привелъ бы свое рѣшеніе безотлагательно въ исполненіе, если бы не питалъ еще надежды помириться съ англичанами, и потому хотѣлъ дать имъ время спасти самостоятельность Голландіи мирнымъ договоромъ. Однако онъ приказалъ маршалу Удино занять пока Голландію французскими войсками. Въ то же время, боясь, что Лудовикъ возвратится въ Голландію, онъ велѣлъ полиціи строго присматривать за нимъ и принудилъ его послать изъ Парижа отставку своему военному министру, который выказывалъ готовность сопротивляться; кромѣ того Лудовикъ былъ принужденъ уничтожить возстановленное имъ дворянство и начать переговоры съ Англіей; но чтобы не показать виду, что мирныя предложенія идутъ отъ него или отъ императора, его заставили прибѣгнуть къ помощи одного амстердамскаго банкира. Англійское министерство ради Голландіи и торговыхъ интересовъ было непрочь согласиться на переговоры. Но Фуше самовольно вмѣшался въ дѣло и послалъ въ Англію извѣстнаго мошенника, поставщика Уврара, послѣ чего англичане прекратили сношенія. Если можно вѣрить мемуарамъ такого негодяя, какъ Уврар, то и Талейранъ былъ нечуждъ этой интриги. Наполеонъ былъ очень недоволенъ, велѣлъ арестовать Уврара и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уволилъ Фуше отъ министерства полиціи. Однако онъ все еще откладывалъ присоединеніе Голландіи, продолжая питать надежду склонить Англію къ переговорамъ, грозя Голландіи. Въ мартѣ 1810 онъ даже заключилъ съ братомъ договоръ.

Этимъ договоромъ Лудовикъ уступилъ Франціи всю страну по лѣвому берегу Вааля и Махса, принялъ всѣ тяжелыя условія судоходства и торговли, и

согласился на занятіе Голландіи корпусомъ Удино. По заключеніи этого договора за нимъ стали слабѣе наблюдать, такъ что онъ могъ возвратиться въ Голландію, но нашелъ всю свою страну занятой французскими солдатами, командиръ которыхъ повелѣвалъ всѣмъ, не обращая вниманія на короля и его министровъ. По возвращеніи Лудовикъ подвергался всякаго рода оскорбленіямъ и непріятностямъ, и наконецъ въ маѣ Наполеонъ воспользовался ссорой кучера своего посланника съ однимъ амстердамскимъ гражданиномъ, чтобы написать по этому поводу брату такое оскорбительное письмо, послѣ котораго Лудовику оставалось только или отказаться отъ власти, или начать противъ брата отчаянную борьбу. Разумѣется, король выбралъ первое. Онъ отрекся отъ престола въ пользу старшаго сына, бѣжалъ 1 іюля изъ Голландіи въ Австрію и принялъ титулъ герцога де Сенъ Ле. Голландія была присоединена къ Франціи императорскимъ декретомъ 9 іюля. Наполеонъ назначилъ генералъ-губернаторомъ страны своего прежняго товарища по консульству, стараго добряка Лебрена, который въ душѣ былъ жирондистъ и человѣкъ простой, безъ претензій. Назначеніемъ его Наполеонъ хотѣлъ вознаградить голландцевъ за потерю двора. Для этого Лебренъ получилъ чрезвычайно блестящую обстановку, но власти не получилъ. Она была предоставлена главнокомандующему войсками въ Голландіи, маршалу Удино, который властвовалъ въ этой странѣ такъ же тираннически, какъ Даву въ Германіи. Префекты департаментовъ, директоры полиціи—амстердамскій, Дютерражъ, и роттердамскій, Мариво, — съ бельгійскими чиновниками завели систему правленія, напоминавшую времена Филиппа II Испанскаго. Безчеловѣчный генералъ-интендантъ Дарю, свирѣпствовавшій прежде въ Пруссіи и Австріи (стр. 526 и 563), былъ присланъ грабить и Голландію. Одинъ этотъ фактъ даетъ понятіе о томъ, каково было голландцамъ подъ французскимъ игомъ.

Такъ же произвольно, какъ съ братьями, поступалъ Наполеонъ и съ государями Рейнскаго союза. Соблюдались только тѣ условія союзнаго акта, которыя постановляли обязанности въ отношеніи протектора, а прочія не выполнялись. Такъ, актомъ этимъ были учреждены союзныя собранія, но ни разу не собирались. У союза не спрашивали согласія на пріемъ въ него новыхъ членовъ. Владѣнія союзныхъ государей то расширялись, то урѣзывались; ихъ постоянно обременяли проходами и постоями войскъ, а князь Экмюльскій мучилъ ихъ своими полицейскими мѣрами. Государи Рейнскаго союза были деспотами относительно своихъ подданныхъ, но зато до такой степени зависѣли отъ французскаго императора, что Наполеонъ простой запиской посылалъ ихъ то туда, то сюда, даже не объясняя имъ причинъ, и разсылалъ войска ихъ въ Испанію и во всѣ концы свѣта. Также произвольно опредѣлялъ Наполеонъ и число войскъ, которыя предписывалъ послать. Этимъ войскамъ не доставалось притомъ участія въ славѣ побѣдъ, потому что императоръ раздроблялъ ихъ и отдавалъ подъ начальство французскимъ командирамъ. Всѣ распоряженія Наполеона по сю сторону Рейна, все, что онъ дѣлалъ съ рейнскими вассальными государствами—все доказывало, что онъ считаетъ эти государства французскими провинціями и намѣренъ постепенно присоединить ихъ къ своей имперіи.

Когда лѣтомъ 1808 Мюратъ былъ сдѣланъ королемъ неаполитанскимъ, его великое герцогство Бергское отошло обратно къ Франціи, какъ упразднившійся ленъ. Въ слѣдующемъ году Наполеонъ подарилъ его малолѣтнему сыну своего брата, Лудовика Голландскаго, Лудовику Наполеону, но управлять имъ послалъ француза, какъ французской провинціей. Значительную часть Ганновера Наполеонъ оставилъ за собой на случай примиренія съ Англіей. Истощивъ эту страну, онъ позволилъ брату Іерониму присоединить ее въ январѣ 1810 къ королевству вестфальскому, оставивъ однако себѣ Лауэнбургъ для дальнѣйшихъ мѣнъ и перемѣнъ; кромѣ того, въ дарственномъ актѣ брату Наполеонъ приказалъ написать, что уступаетъ королю вестфальскому свои права на Ганноверъ, вмѣсто того, чтобы сказать, что Ганноверъ отдается Іерониму въ полное владѣніе. Это значило, что Іеронимъ получилъ право только занимать его, но не владѣть имъ вполнѣ. Наполеонъ сдѣлалъ это, будучи убѣжденъ, что при заключеніи мира съ Англіей придется возвратить Ганноверъ. Марта 1 1810 было учреждено въ пользу князя-примаса въ вознагражденіе за епископство Регенсбургское, отошедшее къ Баваріи, великое герцогство Франкфуртское, со-

ставленное изъ городовъ Франкфурта, Вецлара, Ашафенбурга, Фульдской и Ганауской областей. Новый великій герцогъ, вышедшій при этомъ изъ духовнаго званія, долженъ былъ назначить наслѣдникомъ своимъ француза, Евгенія Богарне, а на случай его бездѣтной смерти постановить, чтобы великое герцогство было присоединено къ Франціи. Въ декабрѣ 1810 герцогъ Ольденбургскій, котораго Наполеонъ принялъ въ рейнскій союзъ только въ 1808 и сынъ котораго недавно породнился съ императоромъ Александромъ, бывшимъ еще въ то время въ дружескихъ отношеніяхъ съ Наполеономъ, былъ безъ обиняковъ изгнанъ, а страна его со многими другими областями сѣверной Германіи присоединена къ французской имперіи. Наполеонъ присоединилъ тогда къ своей имперіи герцогство Ольденбургское, Ганзейскіе города, часть Вестфаліи и Берга, и многія прусскія владѣнія, не спросивъ даже предварительнаго согласія владѣтелей этихъ областей, къ числу которыхъ принадлежалъ его родной братъ, Іеронимъ Вестфальскій. Императоръ объявилъ, что вынужденъ силою обстоятельствъ произвести этотъ переворотъ. Дѣло было въ томъ, что въ 1809 и 1810 англичане снова значительно распространили свои владѣнія за океаномъ, и это послужило предлогомъ присоединить къ Франціи нѣмецкій берегъ Сѣвернаго моря. Въ силу того же закона необходимости республика Валлисъ была присоединена къ французской имперіи подъ предлогомъ внутреннихъ раздоровъ и запущенія симплонской дороги, проложенной Наполеономъ.

Все преклонялось передъ желѣзной волей императора. Только національный фанатизмъ испанцевъ и неосязаемое могущество папы были непоколебимы противъ всѣхъ приказовъ и повелѣній его. Пій VII, очутившись простымъ монахомъ и притомъ узникомъ, оказался гораздо страшнѣе для Наполеона въ Савонѣ, куда его перевезли (стр. 539), чѣмъ былъ въ Римѣ, на престолѣ, потому что въ своемъ униженномъ положеніи казался защитникомъ исключительно духовныхъ интересовъ. Пій не утверждалъ епископовъ, назначаемыхъ императоромъ на вакансіи, и не давалъ никакихъ разрѣшеній, за которыми къ нему обращались, а такъ какъ права на то и другое были предоставлены ему конкордатомъ, то правительство не могло обходиться безъ него. Сначала Наполеонъ старался побѣдить стойкость папы переговорами. Но попытка эта цѣлый годъ оставалось безъ послѣдствій. Наконецъ въ февралѣ 1810 онъ велѣлъ возстановить въ прежней силѣ четыре принципа Галликанской церкви, возведенные въ коренной государственный законъ Франціи Людовикомъ XIV въ спорѣ его съ Иннокентіемъ XI (т. V, стр. 700—701). Кромѣ того Наполеонъ учредилъ такъ называемую духовную коммисію, которая, подобно прежней Сорбоннѣ, могла быть противопоставлена авторитету папы. Въ члены этой коммисіи были назначены все раболѣпные, честолюбивые и тщеславные попы, за исключеніемъ аббата Эмери, настоятеля Сенъ-Сюльписскаго; предсѣдателемъ ея былъ кардиналъ Фешъ. Они, конечно, разрѣшили предложенные имъ вопросы совершенно по желанію императора. Въ то же время, по внушенію Карла фонъ Дальберга, Наполеонъ рѣшился прибѣгнуть противъ папы къ собору. Въ это время обѣ стороны дошли до самыхъ крайнихъ враждебныхъ мѣръ. Въ концѣ 1810, когда Наполеонъ назначилъ архіепископомъ парижскимъ поссорившагося съ папою кардинала Мори, папа особымъ бреве строго запретилъ кардиналу принимать этотъ санъ, и главный викарій парижскій, аббатъ д'Астросъ, мужественно передалъ папское бреве кардиналу и, не довольствуясь этимъ, прибилъ къ дверямъ собора Богоматери буллу отлученія, изданную противъ императора въ 1807 *). Наполеонъ велѣлъ арестовать аббата въ ту самую минуту, когда въ новый годъ онъ прибылъ въ Тюильри во главѣ парижскаго духовенства поздравлять императора. Потомъ онъ велѣлъ строго наблюдать за папой, отобрать у него бумаги и написать ему грубѣйшее письмо. Послѣ этого оба властелина вдругъ смягчились. Наконецъ Наполеонъ велѣлъ своей духовной коммиссіи послать отъ себя къ папѣ депутацію, чтобы просить его признать галликанскія права. Въ интересахъ порядка церкви Пій изъявилъ на словахъ согласіе на пять пунктовъ галликанства. Это дало императору

---

*) Это несовсѣмъ вѣрно, какъ оказывается изъ новѣйшихъ изслѣдованій графа д'Оссонвиля (L'Eglise Romaine et l'Empire français). *Пр. ред.*

возможность выдерживать разрывъ съ папой; однако онъ понадѣялся добиться еще болѣе важныхъ результатовъ отъ собора, вслѣдствіе чего лишился всѣхъ выигранныхъ преимуществъ.

Соборъ, созванный въ Парижѣ, открылся 16 іюня 1811. На него прибыло не болѣе 120 французскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ епископовъ. Но и это малочисленное собраніе съ самаго начала оказалось нерасположеннымъ угождать намѣреніямъ правительства. Первое засѣданіе собора было открыто чтеніемъ тридентскаго символа вѣры; этимъ собравшіеся отцы церкви съ перваго раза заявили, что намѣрены слѣдовать соборнымъ постановленіямъ, признающимъ безграничную власть папы въ томъ объемѣ, въ какомъ ее никогда не признавали во Франціи (т. IV, стр. 175). Всѣ члены собранія дали въ первомъ засѣданіи клятву искренно повиноваться папѣ. Когда императоръ потребовалъ, чтобы соборъ предоставилъ церкви утверждать епископовъ помимо папы, противъ него открыто и смѣло возсталъ въ собраніи духъ ультрамонтанства. Ораторы защищали верховныя права папы въ фанатическихъ рѣчахъ, прямо говоря, что папа былъ совершенно правъ, отлучая императора. Даже пять пунктовъ, утвержденныхъ Піемъ на словахъ, были приняты лишь условно, съ тѣмъ, чтобы папа еще разъ одобрилъ ихъ, прежде чѣмъ они будутъ облечены въ форму законныхъ постановленій. Вмѣсто того, чтобы презрѣть упрямство священниковъ, императоръ сталъ мстить епископамъ и этимъ далъ имъ случай выставить себя религіозными страдальцами, а его — представителемъ революціоннаго деспотизма. Наполеонъ распустилъ соборъ, арестовалъ трехъ членовъ его и приказалъ начать противъ нихъ полицейское слѣдствіе. Но чтобы выйти изъ неловкаго положенія относительно замѣщенія вакантныхъ епархій онъ позволилъ собрать 6 августа такъ называемую конгрегацію 80 епископовъ. Конгрегація послала къ папѣ депутацію убѣдить его принять пять пунктовъ. Въ числѣ членовъ депутаціи былъ архіепископъ мехельнскій де Прадтъ, тщеславный и пустой болтунъ, но проныра и малый на всѣ руки. Депутація прибыла въ Савону; Пій уступилъ и 20 сентября утвердилъ пять пунктовъ и нѣсколькихъ епископовъ, назначенныхъ императоромъ. Однако его бреве объ этомъ заключало въ себѣ выраженія, придавшія, по мнѣнію Наполеона, слишкомъ большое значеніе верховнымъ правамъ папы, и потому было запрещено къ опубликованію. Зато, отправляясь въ русскій походъ, императоръ нѣсколько смягчилъ суровость заточенія папы, потому ли, что хотѣлъ снова попытаться подѣйствовать добромъ, или потому, что боялся, чтобы англійскій флотъ, крейсировавшій у генуэзскаго берега, не увезъ папу изъ Савоны. Іюня 20 1812 папа былъ переведенъ въ Фонтенбло, гдѣ ему отвели тоже помѣщеніе и дали ту же свиту и тоже содержаніе, какія онъ имѣлъ, когда пріѣзжалъ на коронованіе. Конечно, зато тѣмъ болѣе усилили нравственный гнетъ на него, окруживъ его исключительно людьми, преданными цѣлямъ императора.

3. Швеція отъ избранія Бернадота до начала русской войны.

Со времени Шенбруннскаго мира отношенія Наполеона къ великимъ державамъ континента, съ которыми онъ былъ, повидимому, въ союзѣ и въ хорошихъ отношеніяхъ, становились все запутаннѣе и сомнительнѣе, такъ что онъ постепенно разошелся со всѣми. Это постепенное изолированіе Наполеона правело его наконецъ къ паденію. Оно было естественнымъ слѣдствіемъ всей его политической системы, но главнымъ образомъ вызвано и ускорено его континентальною системою.

Повелѣвъ декретами Берлинскимъ и Миланскимъ (стр. 521 и 537) прекратить торговлю съ Англіей и заставивъ всѣ государства исполнять это повелѣніе, онъ въ теченіе 1810 года воспользовался своимъ могуществомъ, чтобы свалить всю невыгоду своей торговой системы на союзниковъ Франціи, а всѣ выгоды взять себѣ. Съ этой цѣлью онъ издалъ декреты Антверпенскій, Тріанонскій и Фонтенблоскій въ іюлѣ, августѣ и октябрѣ 1810. Ими предписывалось, чтобы ни одинъ корабль не входилъ въ чужую гавань безъ лиценціи, т. е. пропускнаго билета за собственноручной подписью императора. Съ ввоза колоні-

альныхъ товаровъ полагалась пошлина, равнявшаяся половинѣ ихъ стоимости. Запрещенные англійскіе товары, которые прежде было повелѣно конфисковать, было теперь приказано сжигать. Наконецъ огромная пошлина была наложена и на товары, ввезенные въ силу императорскихъ лиценцій, стало быть, закупленные съ вѣрнымъ разсчетомъ на выгоду; но такимъ образомъ разсчетъ этотъ лопнулъ, и пошлины были просто разорительнымъ вымогательствомъ съ континентальныхъ націй въ пользу императорской казны. Лиценціи были ничто иное какъ императорская монополія на торговлю всѣми товарами. Притомъ Наполеонъ воспользовался ею такъ, что эта монополія оказывалась еще тягостнѣе, чѣмъ была сама по себѣ. Наполеонъ торговалъ своими лиценціями и конфискованными товарами; кромѣ того онъ самъ закупалъ запрещенные товары и барышничалъ ими, перепродавая въ тридорога, дарилъ лиценціи своимъ роднымъ и любимцамъ, чтобы доставить имъ средства къ роскошной жизни. Такимъ образомъ покровительствуемыя имъ лица наживали торговлей лиценціями огромныя богатства, какъ нынче продажей новыхъ акцій желѣзныхъ дорогъ, банковъ и движимаго кредита. Все это дѣлалось на счетъ европейскихъ народовъ. Наполеонъ принуждалъ всѣ союзныя правительства вводить его континентальную систему; т. е., собственно говоря, подвергать своихъ подданныхъ контрибуціямъ въ пользу Франціи и дозволять французамъ произвольно распоряжаться ихъ частной собственностью. Это поселяло вражду между правительствами и подданными; но слѣдствіемъ этой вражды было одновременное ополченіе противъ Франціи какъ угнетенныхъ народовъ, такъ и озлобленныхъ правительствъ ихъ.

Въ Швеціи по низверженіи Густава IV царствовалъ дядя его, Карлъ XIII (стр. 531). Онъ былъ бездѣтенъ, вслѣдствіе чего чины избрали въ наслѣдники престола въ августѣ 1809 Христіана Августа Гольштейнъ-Аугустенбургскаго. Черезъ мѣсяцъ послѣ этого Швеція заключила миръ съ Россіей, а въ декабрѣ 1809 съ Даніей. Договоръ съ Даніей не заключалъ въ себѣ ничего обременительнаго для Швеціи; но Россіи была уступлена вся Финляндія, такъ что въ шведскомъ государствѣ осталось только 2,500,000 жителей. Съ Франціей Швеція заключила миръ только въ январѣ 1810. По этому миру шведская Померанія и островъ Рюгенъ, занятые Наполеономъ, были возвращены шведамъ; зато они должны были принять континентальную систему. Она была чрезвычайно пагубна для такой бѣдной страны, такъ что строго соблюдать ее было невозможно; изъ этого вскорѣ возникли дипломатическія несогласія съ Франціей и продолжались потомъ безпрерывно.

Избранный наслѣдникъ престола пріѣхалъ въ Швецію въ январѣ 1810. Горожане и крестьяне очень полюбили его, но оба высшія сословія, враги низверженнаго Гольштейнъ-Готторпскаго дома, не взлюбили гольштинскаго принца, и между ними у него оказалось много ожесточенныхъ враговъ. Мая 23 1810 Христіанъ Августъ умеръ такимъ страннымъ и внезапнымъ образомъ, что всѣ были убѣждены, что онъ отравленъ. Однако это дѣло не разъяснено. Наслѣдный принцъ, отправляясь на смотръ и поѣвъ пастета, почувствовалъ себя дурно; однако вскорѣ оправился, такъ что могъ не возвращаться домой; но на смотру вдругъ упалъ съ лошади и умеръ. Врачебное изслѣдованіе его трупа ничего положительно не рѣшило. Королевскій лейбъ-медикъ, котораго Карлъ XIII послалъ къ принцу, какъ только онъ захворалъ, былъ высланъ изъ государства. Народъ приписалъ смерть принца графу Ферзену, извѣстному изъ исторіи Лудовика XVI (стр. 332); но его можно считать виновнымъ развѣ только въ знаніи о заговорѣ. Даже королеву подозрѣвали въ соучастіи. При погребеніи принца народъ излилъ свою ярость на графа Ферзена и сестру его, графиню Пиперъ, которую тоже считали виновной. Ферзенъ былъ ужаснымъ образомъ убитъ ожесточенной чернью, а дворецъ сестры его разрушенъ.

По смерти Христіана Августа тотчасъ приступили къ вторичнымъ выборамъ въ будущіе короли. Голоса дворянства съ самаго начала высказались рѣшительно въ пользу французскаго маршала Бернадота князя Понте-Корво, о которомъ толковали еще на первыхъ выборахъ. Бернадотъ пріобрѣлъ расположеніе шведскихъ аристократовъ въ бытность свою въ Ганноверѣ, гдѣ въ 1805 командовалъ французскими войсками, а потомъ еще болѣе въ 1806, когда взялъ въ плѣнъ въ Гольштиніи шведскій корпусъ (стр. 526); въ два слѣдующіе года онъ поддержалъ

эти связи, командуя испанскими войсками въ Даніи. Вслѣдствіе этого аристократія дѣйствовала въ его пользу съ такимъ рвеніемъ, что 25 августа 1810 онъ былъ выбранъ чинами въ наслѣдники престола. Предварительно по требованію ихъ онъ изъявилъ готовность отказаться отъ французскаго подданства и принять лютеранскую вѣру, но объявилъ, что приметъ избраніе только съ согласія своего государя. Наполеонъ не воспротивился этому, хотя ему было непріятно возвышеніе такого подозрительнаго человѣка. Онъ разрѣшилъ его отъ присяги, далъ ему блестящую свиту, оставилъ за нимъ всѣ подаренныя ему владѣнія, подарилъ еще два милліона и позволилъ оставить за собою накупленныя имъ во Франціи имѣнія. Въ октябрѣ 1810 Бернадотъ пріѣхалъ въ Швецію и былъ тотчасъ усыновленъ королемъ Карломъ, назначенъ генералиссимусомъ и посвященъ во всѣ дѣла. Онъ немедленно принялъ непосредственное участіе въ дипломатическихъ распряхъ между Франціей и Швеціей.

Наполеонъ давно упрекалъ шведское правительство за нерадивое соблюденіе континентальной системы. Онъ былъ убѣжденъ, что между Англіей и Швеціей существуютъ тайныя сношенія и выражалъ свое неудовольствіе шведскому посланнику въ Парижѣ (Лагербильке) тѣмъ рѣзкимъ и грубымъ тономъ, какимъ часто обращался къ представителямъ иностранныхъ державъ. Онъ требовалъ строжайшаго исполненія своихъ указовъ противъ англійской торговли, требовалъ, чтобы Швеція объявила войну Англіи, и черезъ своего посланника въ Стокгольмѣ, Альквье, запальчивость и грубость котораго испыталъ и папа (стр. 539), постоянно надоѣдалъ шведскому правительству. Тщетно возражало оно императору, что основные государственные законы Швеціи не дозволяютъ ему насильственно располагать жизнью и собственностью гражданъ, что совершенное уничтоженіе англійской торговли ввергнетъ страну въ страшную нужду и что она, къ несчастью, не имѣетъ никакихъ средствъ вести войну. Наполеонъ не обращалъ вниманія ни на какія возраженія и требовалъ даже, чтобы шведское правительство взяло на службу французскихъ таможенныхъ чиновниковъ и прислало во Францію солдатъ и матросовъ для французскаго флота въ Брестѣ и т. п. Хотя потомъ онъ отказался отъ своихъ требованій, но раздоръ уже разгорѣлся.

Въ декабрѣ 1810 шведы наконецъ исполнили повелѣніе Наполеона и объявили войну Англіи. Но англичане, принимая во вниманіе положеніе Швеціи, по возможности щадили ее, что еще болѣе усилило подозрѣнія императора, и разладъ все увеличивался. Альквье, давнишній личный врагъ Бернадота, даже умышленно старался произвести разрывъ и вслѣдствіе этого былъ отозванъ въ октябрѣ 1811. Преемникъ его, бывшій секретарь посольства, маркизъ де Кабръ, своими донесеніями о сношеніяхъ Швеціи съ Англіей также раздражалъ императора противъ Бернадота. Съ другой стороны, Бернадотъ тайно отклонился отъ Наполеона и искалъ помощи у русскаго императора. Онъ желалъ доставить своему будущему королевству Норвегію въ вознагражденіе за Финляндію и ясно видѣлъ, что достигнуть этого при помощи Франціи нельзя, потому что она вѣрный союзникъ Даніи и обезпечила ей Новергію договоромъ 1807; зато ему представлялись надежды со стороны Россіи и Англіи, которыя были во враждѣ съ Даніей. Императору Александру были извѣстны отношенія Бернадота къ антибонапартистской партіи во Франціи, и онъ поспѣшилъ предупредить его. Онъ безъ замедленія съ полной готовностью призналъ избраніе Бернадота въ наслѣдники престола и въ декабрѣ 1810 послалъ своего ловкаго дипломата Чернышева (стр. 525) въ Парижъ черезъ Стокгольмъ, чтобы устроить формальный союзъ между Швеціей, Россіей и Англіей.

Въ январѣ 1812 врагамъ Бернадота, къ числу которыхъ принадлежалъ и князь Экмюльскій, удалось убѣдить императора начать противъ Швеціи непріязненныя дѣйствія. Наполеонъ давно уже угрожалъ ей и въ январѣ 1812 рѣшился приказать маршалу Даву, командовавшему въ сѣверной Германіи, занять шведскую Померанію. Даву только того и ждалъ. Января 27 онъ приказалъ генералу Фріану занять Померанію и принудить шведскихъ чиновниковъ присягнуть Наполеону. Однако этотъ рѣшительно непріязненный поступокъ не прекратилъ, какъ можно было ожидать, дипломатическихъ сношеній; но онъ ускорилъ давно готовившійся союзъ Швеціи съ Россіей. Марта 24 1812 между Швеціей и Россіей

былъ заключенъ формальный договоръ и союзъ. Въ этомъ договорѣ императоръ Александръ обѣщалъ помочь шведскому правительству пріобрѣсти Норвегію; за это шведы обязались послать въ случаѣ войны между Россіею и Франціею 30,000 человѣкъ въ сѣверную Германію, однако не прежде, какъ по обезпеченіи за Швеціей Норвегіи. Такъ какъ Россія и Швеція были еще въ дружескихъ отношеніяхъ съ Франціей, то договоръ этотъ тщательно скрывался, а взамѣнъ его былъ обнародованъ другой, на который Франція не могла пенять. Въ іюлѣ Швеція заключила союзъ и съ Англіей. Въ концѣ этого мѣсяца англичане заключили въ Эребрё договоры съ Швеціей и съ Россіей; эти государства получили отъ Англіи субсидіи, за что Россія обязалась открыть англійскимъ кораблямъ свои гавани и отдать въ залогъ свой флотъ, а Швеція обѣщала прислать въ Германію войска. Наполеонъ узналъ о переходѣ Швеціи на сторону непріятеля только въ августѣ, когда былъ съ своей арміей уже на русской землѣ. Посланникъ его (де Кабръ) все еще находился въ Стокгольмѣ, и Бернадотъ попытался даже въ концѣ мая получить отъ Наполеона то, что обѣщала ему Россія. Только въ началѣ 1813 между Швеціей и Франціей произошелъ, какъ мы увидимъ ниже, формальный разрывъ. Для успѣха французскихъ войскъ въ походѣ 1812 роковымъ обстоятельствомъ послужило свиданіе Бернадота съ императоромъ Александромъ и англійскимъ посланникомъ лордомъ Каткартомъ въ Або 27 августа 1812, причемъ онъ далъ согласіе, чтобы русскія войска, стоявшія въ Финляндіи и предназначенныя содѣйствовать шведамъ въ завоеваніи Норвегіи, были посланы въ Польшу.

4. Пруссія въ 1809 и 1810.

Во время своего непродолжительнаго управленія дѣлами Пруссіи (съ октября 1807 по конецъ ноября 1808) министръ фонъ Штейнъ положилъ основаніе государственной реформѣ. Онъ уничтожилъ крѣпостничество, далъ народу право пріобрѣтать землю въ собственность, а гражданамъ — самоуправленіе городскимъ уставомъ, изданнымъ въ ноябрѣ 1808. Французы и Шарнгорстъ возстали противъ введенія общаго народнаго ополченія, первые — по весьма понятной причинѣ, а второй потому, что справедливо хотѣлъ возстановить сначала регулярную армію; зато впослѣдствіи (въ 1813) учрежденіе ландштурма и ландвера было первымъ благодѣяніемъ, оказаннымъ Пруссіи Штейномъ. Воззрѣнія прусскаго перваго министра были выяснены въ циркулярѣ его къ высшимъ вѣдомствамъ страны, изданномъ при выходѣ въ отставку по повелѣнію Наполеона въ 1808 (стр. 544). Это его политическая исповѣдь. Онъ говорилъ въ ней, что прусская государственная машина можетъ превратиться въ органическое цѣлое, одаренное самостоятельною жизнью, только при соблюденіи слѣдующихъ принциповъ: «Правительственная власть и назначеніе судей должны быть ввѣрены исключительно верховной власти. Поэтому необходимо уничтожить помѣщичьи суды. Зато для блага прусскаго государства необходимо общее народное представительство. Также необходимо для пользы государства преобразовать дворянство и ввести его въ связь съ прочими сословіями. Для этого необходимо постановить закономъ общую обязательную службу на защиту отечества. Крестьянство надо возвысить уничтоженіемъ барщины, оживленіемъ религіознаго духа и распространеніемъ просвѣщенія и образованія».

Удаленіе Штейна остановило быстрые успѣхи Пруссіи. Впрочемъ подъ управленіемъ Шарнгорста производились важныя реформы въ военномъ вѣдомствѣ. Важна была также отмѣна неотчуждаемости коронныхъ имѣній, изданная незадолго до возвращенія короля въ Берлинъ (23 декабря 1809). Благодаря этому важному декрету, Пруссія перестала быть частнымъ помѣстьемъ и могла сдѣлаться страною свободныхъ людей. Но неутѣшительны были учрежденія новыхъ орденовъ и предписанія на счетъ придворнаго этикета, изданныя въ концѣ 1809, т. е., именно въ то время, когда для спасенія отечества нужно было уничтожать всѣ преграды народному развитію. Проектъ учрежденія берлинскаго университета, составленный министромъ просвѣщенія Вильгельмомъ фонъ Гумбольд-

томъ въ августѣ 1809, былъ тоже результатомъ суетности правительства. Оно имѣло въ виду сдѣлать этимъ Берлинъ метрополіей нѣмецкой науки. Впрочемъ новый университетъ много способствовалъ одушевленію національнаго духа и пробужденію любви къ родинѣ и чести, потому что съ самаго возникновенія своего сталъ противодѣйствовать рутинѣ старыхъ нѣмецкихъ школъ и въ противоположность имъ отдавать предпочтеніе образовательнымъ наукамъ передъ хлѣбными. Финансы Пруссіи были очень плохи, а между тѣмъ все зависѣло отъ нихъ, потому что Наполеонъ неумолимо требовалъ уплаты 85 милліоновъ недоплаченныхъ контрибуцій. Впрочемъ это печальное положеніе финансовъ имѣло и свою выгоду, потому что Наполеонъ, желая получить свои деньги, позволилъ назначить первымъ министромъ человѣка, съумѣвшаго продолжать начатыя Штейномъ государственныя реформы.

То былъ баронъ фонъ Гарденбергъ. При тильзитскомъ мирѣ онъ долженъ былъ оставить государственную службу, но въ іюнѣ 1810 снова поступилъ въ нее въ званіи государственнаго канцлера и получилъ главное завѣдываніе всѣми дѣлами. Гарденбергъ былъ одного направленія съ барономъ фонъ Штейномъ, но дѣйствовалъ коварно и хитро, тогда какъ Штейнъ при своемъ вспыльчивомъ и открытомъ характерѣ былъ неспособенъ вилять. Гарденбергъ находился въ крайне затруднительномъ положеніи; съ одной стороны за нимъ зорко слѣдили французскіе шпіоны, а съ другой — ему приходилось имѣть дѣло съ нерѣшительнымъ королемъ. Онъ преодолѣлъ эти затрудненія, скрывъ отъ короля свои истинныя намѣренія и прикинувшись приверженцемъ Франціи, хотя въ сущности дѣйствовалъ въ пользу нѣмецкихъ интересовъ. Окруженный и поддерживаемый людьми безъ убѣжденій и совѣсти, Гарденбергъ могъ лучше противиться безнравственнымъ французамъ, чѣмъ строго религіозный Штейнъ. Онъ мастерски игралъ свою роль, поддерживая и возбуждая патріотическія стремленія. Патріоты лишились въ это время своей главной опоры: 19 іюля 1810 умерла королева Луиза. Въ угоду французамъ Гарденбергъ тотчасъ по принятіи управленія отставилъ военнаго министра фонъ Шарнгорста, оставшись однако въ сношеніяхъ съ нимъ и дѣйствуя по его совѣтамъ. Такимъ же образомъ пользовался онъ тайно и другими помощниками Штейна, приводя въ исполненіе его планы. Подобно Штейну, онъ воспользовался правомъ короля самостоятельно издавать законы самымъ полезнымъ для государства образомъ. А именно, при помощи королевской власти онъ быстро провелъ самыя важныя реформы, которыя въ собраніи чиновъ встрѣтили бы величайшія затрудненія.

Реформы Гарденберга были чрезвычайно обширны. Онъ такъ сблизилъ короля, дворянство и народъ, что впослѣдствіи они могли дружно возстать противъ иноземцевъ. Чтобы достичь этой цѣли, онъ облегчилъ тяжесть и унизительность старыхъ соціальныхъ отношеній, старался увеличить доходность налоговъ, чтобы пособить нуждѣ государства, но хлопоталъ о лучшемъ распредѣленіи ихъ. Такъ какъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ нельзя было и думать о новой сословной конституціи, то онъ старался по крайней мѣрѣ, чтобы желанія народа доходили до короля. Мы не будемъ подробно перечислять всѣхъ распоряженій Гарденберга. Укажемъ только на его финансовыя мѣры, такъ какъ это близко касается отношеній Пруссіи къ Франціи. Военный долгъ Франціи и особенно обѣдненіе государства требовали увеличенія податей; оставалось только заботиться, чтобы онѣ были распредѣлены правильно и равномѣрно. Чтобы увеличить доходы страны, Гарденбергъ уничтожилъ цехи, ввелъ полную свободу въ ремеслахъ и секуляризовалъ всѣ монастырскія и церковныя имущества, кромѣ тѣхъ, которыя были безусловно необходимы для содержанія церквей и школъ. Попытка устроить заемъ въ Голландіи не удалась вслѣдствіе шаткихъ отношеній къ Франціи и присоединенія Голландіи къ имперіи. Зато устроили подписку на внутренній заемъ, который въ случаѣ надобности предполагали сдѣлать обязательнымъ.

Еще тяжелѣе были для Пруссіи и для ея финансовъ деспотическія мѣры, принятыя въ 1810 Наполеономъ для уничтоженія англійской торговли. Въ этомъ отношеніи императоръ дѣйствовалъ противъ прусскаго правительства тиранически, желая обратить Пруссію въ жалкое орудіе своихъ плановъ мщенія Англіи и собственнаго обогащенія. По этой причинѣ онъ деспотически вмѣшивался даже во внутреннее управленіе Пруссіи. Онъ возмутительнымъ образомъ бралъ подъ свою

защиту подданныхъ прусскаго короля, которые, подобно князю фонъ Гацфельду, служили Франціи. Французы продолжали занимать всѣ три прусскія крѣпости, оставленныя въ ихъ рукахъ въ залогъ военнаго долга, хотя по условію обязаны были по полученіи половины долга очистить одну изъ нихъ. Въ противность договору французы усилили ихъ гарнизоны больше чѣмъ на половину и заставили прусское государство содержать и это излишнее число войскъ. Французскіе шпіоны, налетѣвшіе на Пруссію толпами, и тиранъ Германіи Даву преслѣдовали всѣхъ, кого подозрѣвали въ патріотизмѣ. Цѣлое полчище французскихъ подлецовъ и нѣмецкихъ измѣнниковъ выкапывало въ газетахъ и книгахъ все, что могло показаться возбужденіемъ противъ французовъ. Подслушивали разговоры, распечатывали письма, крѣпости наполнялись политическими преступниками, которыхъ никогда не судили.

Печальное положеніе прусскаго государства стало совершенно отчаяннымъ, когда въ концѣ 1810 началъ грозить неизбѣжный разрывъ между Франціей и Россіей. Въ виду предстоящей войны съ Россіей Наполеону было необходимо опредѣлить свои отношенія къ подозрительной Пруссіи. Расцространилось мнѣніе, что императоръ рѣшился передъ началомъ этой войны съ Россіей совершенно уничтожить Пруссію. Въ этотъ разгаръ грозы Гарденбергъ блистательно доказалъ свое искусство управлять государствомъ среди опасностей.

5. Отношенія Наполеона къ Россіи, Пруссіи и Австріи до начала русской войны.

Лучшіе государственные люди Россіи, Пруссіи и Англіи съ самаго начала считали союзъ Наполеона съ Александромъ I неестественнымъ. Уже въ 1808 устройство эрфуртскаго конгресса доказало, что этотъ союзъ начинаетъ расклеиваться. Въ слѣдующемъ году между императорами произошелъ рѣшительный разрывъ. Съ одной стороны Александръ поступалъ двусмысленно въ Испаніи и въ сношеніяхъ съ нѣмецкими аристократами (стр. 552 и 555); онъ былъ принужденъ договоромъ помогать Франціи противъ Австріи, но оказывалъ помощь очевидно только по необходимости и очень слабо (стр. 558). Съ другой стороны Наполеонъ возстановилъ противъ себя русскаго императора увеличеніемъ герцогства Варшавскаго (стр. 566). Послѣднее послужило поводомъ къ обмѣнѣ нотъ, которыя еще болѣе разъединили императоровъ и, казалось, могли вызвать войну. Дѣло шло, повидимому, объ очень ничтожномъ вопросѣ, но русское правительство придало ему чрезвычайную важность. Дѣло въ томъ, что поляки надѣялись, что Наполеонъ дастъ увеличенному герцогству Варшавскому названіе Польши, что подало бы надежду на будущее возстановленіе этого государства. Это пробудило бы національный духъ и въ тѣхъ польскихъ областяхъ, которыя находились подъ властью русскаго правительства. Вслѣдствіе этого Александръ потребовалъ чтобы Наполеонъ торжественно обѣщалъ ему никогда не давать герцогству Варшавскому названія Польши и не расширять болѣе его предѣловъ присоединеніемъ польскихъ областей. Наполеонъ согласился на это требованіе, и посланникъ его въ Петербургѣ, Коленкуръ, подписалъ 4 января 1810 формальный договоръ, удовлетворившій желаніямъ царя. Но Коленкуръ не съумѣлъ вставить въ договоръ закорючки и лазейки, которыя давали бы возможность впослѣдствіи перетолковать его, какъ угодно. Вслѣдствіе этого Наполеонъ не утвердилъ договора и потребовалъ иной редакціи его. Но на это не соглашался Александръ. Переговоры велись до сентября, но ни чѣмъ не кончились. Между тѣмъ вслѣдствіе разныхъ другихъ обстоятельствъ отношенія императоровъ совершенно измѣнились, и переговоры объ имени Польши прекратились.

Австрійскій бракъ и сватовство Наполеона за русскую великую княжну, продолжавшееся во время переговоровъ объ этомъ бракѣ, нельзя считать одною изъ причинъ разрыва французскаго императора съ русскимъ. Александръ самъ такъ долго не давалъ Наполеону отвѣта, что не могъ жаловаться на бракъ его съ Маріей-Луизою. Но царь былъ крайне недоволенъ присоединеніемъ къ французской имперіи въ теченіе 1810 Церковной области и Ганновера, а также рас-

пространеніемъ и соблюденіемъ континентальной системы, которая разорила всѣ союзныя съ Франціей государства. Но всего болѣе оскорбило императора Александра присоединеніе къ Франціи сѣвернаго берега Германіи въ декабрѣ 1810, причемъ лишился наслѣдственныхъ владѣній родственникъ русскаго императорскаго дома, герцогъ Ольденбургскій (стр. 580). Александръ въ томъ же мѣсяцѣ издалъ распоряженіе, которое могло считаться предвѣстникомъ разрыва его съ Наполеономъ. Декабря $^{19}/_{31}$ 1810 онъ позволилъ ввозъ колоніальныхъ товаровъ въ Россію на нейтральныхъ судахъ и обнародовалъ новый таможенный тарифъ, въ которомъ запрещались многіе французскіе товары, а на другіе налагалась высокая пошлина. Съ этого времени императоры находились въ враждебныхъ отношеніяхъ, хотя внѣшній миръ сохранялся еще полтора года.

Въ продолженіе всего 1811 года между императорами шли переговоры, касавшіеся преимущественно конфискаціи герцогства Ольденбургскаго и указа о пошлинахъ. Наполеонъ упорно настаивалъ на отмѣнѣ этого указа, а Александръ также упорно требовалъ возстановленія герцога Ольденбургскаго. Въ то же время императоры дѣлали большія приготовленія къ войнѣ. Одинъ старался привлечь на свою сторону шведовъ угрозами, а другой—обѣщаніями и убѣжденіями. Вскорѣ русскому императору удалось склонить на свою сторону правительство этого государства. Въ то же время онъ могъ еще въ 1811 двинуть въ Польшу часть войскъ, стоявшихъ въ Финляндіи и на Дунаѣ, полагаясь на дружбу шведовъ и на миръ съ Турціей, который обѣщала выхлопотать Англія. Въ мартѣ 1811 Наполеонъ опять увлекся вспышкой гнѣва. Марта 20 1811, у него родился сынъ, которому онъ далъ титулъ короля римскаго; 24 числа къ нему явилась съ поздравленіемъ депутація французскаго купечества; принимая ее, онъ рѣзко отозвался о Россіи, грозилъ походомъ на Петербургъ и Москву, хвастался огромными суммами, которыми можетъ располагать для войны, упоминалъ о большомъ флотѣ, который можетъ выставить, говорилъ съ презрѣніемъ объ англійскихъ морскихъ силахъ и т. п. Въ маѣ онъ вызвалъ изъ Петербурга своего посланника, Коленкура, и замѣнилъ его генераломъ Лористономъ, однимъ изъ тѣхъ рубакъ, которымъ онъ къ немалому ущербу своихъ дѣлъ такъ часто довѣрялъ дипломатическія сношенія; впрочемъ Лористонъ былъ еще самымъ сноснымъ изъ этихъ военныхъ дипломатовъ. Русскій императоръ умѣлъ лучше выбирать уполномоченныхъ въ рѣшительныя минуты. Онъ оставилъ въ Парижѣ своего посланника, князя Куракина, человѣка неслишкомъ ловкаго и умнаго; но въ 1811 далъ ему въ помощники полковника Чернышева, который съ конца 1808 до февраля 1812 двѣнадцать разъ съѣздилъ изъ Парижа въ Петербургъ и обратно и умѣлъ ловко вывѣдывать тайны, соблазнять знатныхъ дамъ, подкупать высшихъ чиновниковъ и ловить Наполеоновскую полицію въ ея собственныя сѣти. Александръ былъ окруженъ хорошими совѣтниками и дѣйствовалъ осторожно; Наполеонъ же полагался на свою звѣзду и не терпѣлъ около себя никого, кто не безусловно повиновался ему. Во время переговоровъ съ Россіей онъ смѣнилъ своего министра иностранныхъ дѣлъ, Шанпаньи, и назначилъ на его мѣсто герцога де Бассано (Маре), который хотя былъ человѣкъ честный, правдивый и неутомимый въ дѣлахъ, но неспособный ни къ одной самостоятельной мысли и служилъ рабскимъ исполнителемъ императорской воли. Угорѣлый отъ произвола и могущества, Наполеонъ на блестящей аудіенціи, которую давалъ 15 августа 1811 русскому посланнику Куракину, опять забылся дотого, что осыпалъ представителя могущественной державы грубостями и хвастливыми угрозами.

Неизбѣжность войны между Франціей и Россіей поставила прусское правительство въ чрезвычайное затрудненіе и задала канцлеру Гарденбергу тяжелую роль. Съ одной стороны ему надо было оставаться въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ партіей патріотовъ, которая стремилась къ отчаянной борьбѣ, а онъ также понималъ, что только воинственный духъ прусскаго народа можетъ удержать Наполеона отъ крайнихъ мѣръ противъ Пруссіи. Съ другой стороны, онъ не смѣлъ еще отважиться на разрывъ и долженъ былъ скрывать отъ короля свои смѣлые планы. Въ этомъ затруднительномъ положеніи Гарденбергъ велъ себя необыкновенно хитро. Онъ продолжалъ дѣлать приготовленія къ будущей войнѣ, но не показывалъ королю истинной цѣли своихъ мѣръ и обманулъ французовъ тѣмъ, что добровольно предложилъ имъ союзъ, который былъ во всякомъ случаѣ неиз-

бѣженъ. Пруссія не могла остаться нейтральной въ предстоящей войнѣ, не рискуя безславно погибнуть: поэтому надо было рѣшиться на союзъ съ одной изъ воюющихъ державъ. Гарденбергъ, не смотря на дружбу своего короля съ Александромъ, рѣшился на союзъ съ Франціей, такъ какъ изъ двухъ золъ надо было выбрать меньшее; но при этомъ онъ не льстилъ французамъ особенной дружбой и даже объяснилъ имъ настоящую причину своего рѣшенія. Поэтому смѣшно, что французы съ 1813 не перестаютъ ругать пруссаковъ за нарушеніе при первой возможности вынужденнаго союза. Это тѣмъ смѣшнѣе, что французскій министръ иностранныхъ дѣлъ еще за нѣсколько дней до заключенія прусско-французскаго союза, который Гарденбергъ уже девять мѣсяцевъ предлагалъ ему, сказалъ откровенно прусскому кабинету, что Наполеонъ все еще не отступился отъ прежняго намѣренія уничтожить Пруссію. Кромѣ того, Франція даже по заключеніи союза относилась къ Пруссіи не какъ союзникъ, а какъ открытый непріятель; черезъ три мѣсяца по заключеніи союза съ Франціей Фридрихъ Вильгельмъ III писалъ Наполеону, что Франція не уважаетъ договора и простираетъ свои требованія до того, что прусскому народу грозитъ гибель отъ голода и отчаянія. При такихъ отношеніяхъ весьма понятно, что союзныя обязательства Пруссіи прекратились тотчасъ, какъ представилась возможность воспротивиться насиліямъ.

Весною 1811 Гарденбергъ предложилъ императору Наполеону союзъ, заявляя готовность Пруссіи принять участіе въ войнѣ противъ Россіи и выставить для этого стотысячную армію; при этомъ онъ поставилъ условіемъ, чтобы прусскихъ войскъ не раздробляли, чтобы они состояли подъ начальствомъ прусскаго генерала, чтобы остающійся еще военный долгъ былъ прощенъ и чтобы французы согласно договору очистили Глогау. Наполеонъ нѣсколько мѣсяцевъ не отвѣчалъ на это предложеніе, потому что видѣлъ тайное намѣреніе, скрывавшееся подъ нимъ, и не хотѣлъ ободрять нѣмецкихъ патріотовъ дозволеніемъ Пруссіи собрать сильную армію. Тогда Гарденбергъ прибѣгнулъ къ чрезвычайно хитрой, но умной и достойной мѣрѣ. Въ концѣ августа онъ повторилъ свое предложеніе черезъ прусскаго посланника въ Парижѣ генерала ф о н ъ К р у з е м а р к а и послалъ императору письмо, въ которомъ воспользовался распространеннымъ мнѣніемъ о предстоящемъ уничтоженіи Пруссіи Наполеономъ, чтобы тонкимъ образомъ погрозить ему и тѣмъ заставить его принять предлагаемый союзъ. Онъ писалъ императору, что «такъ какъ союзъ, предложенный Пруссіей, не принятъ и такимъ образомъ неопровергнуто общее мнѣніе о предстоящемъ уничтоженіи ея, то она вынуждена предпринять вооруженія, питая рѣшимость погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ; но что впрочемъ эти вооруженія дѣлаются въ сущности для Франціи, если только императоръ пожелаетъ принять предлагаемый союзъ»; въ заключеніе онъ говорилъ, что «посланникъ императора въ Берлинѣ, вѣроятно, уже извѣстилъ его, что прусское правительство привело свои крѣпости въ хорошее состояніе и можетъ по первому востребованію императора выставить 100,000 человѣкъ войска». Однако и послѣ этого письма, дѣлающаго честь канцлеру Гарденбергу и его друзьямъ, до заключенія союза прошло еще полгода.

Во время этихъ переговоровъ съ Франціей прусскій кабинетъ нѣсколько разъ обращался въ Петербургъ съ попытками посредничества. Это дѣлалось частью по порученію французскаго императора, дѣлавшаго видъ, что желаетъ сохранить миръ, частью потому, что Фридрихъ Вильгельмъ вѣрилъ его мирнымъ завѣреніямъ. Александръ, не обманываясь на счетъ истинныхъ намѣреній Наполеона, отклонялъ всѣ предложенія, оставаясь въ хорошихъ отношеніяхъ съ Фридрихомъ Вильгельмомъ черезъ служившихъ въ Россіи прусскихъ французоѣдовъ. Наконецъ 24 февраля 1812 былъ заключенъ союзъ между Пруссіей и Франціей. Какъ правы были пруссаки, нарушивъ его черезъ годъ, доказываетъ военная инструкція французскимъ генераламъ, данная по заключеніи его; въ силу этихъ повелѣній, съ Пруссіей какъ прежде, такъ и потомъ обращались какъ съ непріятельской страной. Договоръ былъ двойной, тайный и явный. Въ явномъ союзныя державы гарантировали другъ другу неприкосновенность своихъ владѣній и обѣщали взаимную вооруженную помощь противъ всѣхъ европейскихъ державъ. Кромѣ того, въ особой статьѣ договора подтверждалось соблюденіе континентальной системы и рѣшалось обратить ее противъ Россіи. Въ тайномъ договорѣ прусскому государству было обѣщано расширеніе границъ въ видѣ вознагражденія за военныя по-

жертвованія, но зато на него налагалось множество весьма тягостныхъ обязательствъ. Прусскій кабинетъ долженъ былъ обѣщать поставлять для французской арміи все необходимое за плату, которая будетъ выдаваться немедленно или впослѣдствіи; онъ долженъ былъ принять нѣкоторыя распоряженія относительно своихъ крѣпостей, послать 20,000 человѣкъ въ русскій походъ, однако не увеличивать своихъ военныхъ силъ сверхъ 42,000 чел., какъ было опредѣлено тильзитскимъ миромъ, и не дѣлать никакихъ военныхъ движеній безъ позволенія французовъ. Послѣднее уничтожало главную цѣль, которую прусское правительство предполагало себѣ въ союзѣ съ Франціей. Кромѣ того, по заключеніи союза прусское правительство было принуждено удалить и отставить всѣхъ патріотовъ или, какъ ихъ называли всѣхъ безъ различія, членовъ Тугендбунда, въ томъ числѣ Блюхера, Шарнгорста, Гнейзенау, З а к а, Ю с т у с а Г р у н е р а и другихъ.

Съ Австріей Наполеонъ тоже заключилъ союзъ. Онъ состоялся скорѣе, чѣмъ съ Пруссіей, потому что, съ одной стороны, Австрія должна была принять участіе въ войнѣ противъ Россіи по той же причинѣ, по которой Россія дала Франціи помощь въ войнѣ 1809; съ другой стороны, Наполеону относительно Австріи нечего было раздумывать, какъ относительно Пруссіи, взять ли ему ее въ союзницы или просто присоединить ее къ своей имперіи. Договоръ съ Австріей, какъ и съ Пруссіей, состоялъ изъ явныхъ и тайныхъ условій. Онъ былъ заключенъ 14 марта 1812 въ Парижѣ. Онъ заключалъ въ себѣ обоюдныя гарантіи цѣлости владѣній въ ихъ тогдашнихъ размѣрахъ и обѣщаніе помогать другъ другу въ случаѣ войны. Помощь со стороны Австріи была опредѣлена въ 30,000 человѣкъ. Въ пяти слѣдующихъ статьяхъ договоръ съ Австріей отличался отъ прусскаго трактата слѣдующими чертами: во-первыхъ, Австріи не запрещалось, какъ Пруссіи, увеличивать свои войска и поддерживать въ хорошемъ положеніи свои крѣпости. Во-вторыхъ, австрійскія войска, назначенныя въ русскій походъ, не подчинялись, какъ прусскія, французскому начальнику. Въ третьихъ, одна статья договора гарантировала цѣлость турецкой имперіи. Въ четвертыхъ, расширеніе территоріи, обѣщанное Наполеономъ австрійскому императору, не имѣло характера вознагражденія за военныя издержки. Въ пятыхъ, въ договорѣ было сказано, что въ случаѣ возстановленія Польши Австрія должна быть вознаграждена за Галицію Иллирійскими провинціями. Впрочемъ эта статья была составлена очень двусмысленно.

Въ теченіе всего 1811 Наполеонъ ласкалъ поляковъ надеждой, что пришло время возстановленія ихъ государства. Въ январѣ 1811 онъ послалъ съ этою цѣлью въ Варшаву своего дипломата Б и н ь о н а, который долженъ былъ устроить въ Польшѣ военное положеніе противъ Россіи и Австріи. Задача Биньона была затруднительна, потому что переговоры Наполеона съ Россіей несомнѣнно должны были возбуждать въ полякахъ подозрѣнія. Тѣмъ не менѣе польскіе магнаты ждали отъ императора Наполеона даже невозможнаго и предавались восторженнымъ надеждамъ. Они громко говорили о войнѣ противъ Россіи и, хотя Биньонъ по положительному повелѣнію Наполеона не обѣщалъ имъ ничего опредѣленнаго, быстро собрали въ герцогствѣ Варшавскомъ 85-тысячную армію. Но въ Польшѣ не было денегъ на содержаніе такого войска, а Наполеонъ не захотѣлъ дать денегъ, хотя былъ еще долженъ полякамъ за поставки 7 милліоновъ. Биньонъ справедливо упрекаетъ его, что этой несвоевременной скупостью онъ повредилъ себѣ, потому что поляки были всего способнѣе къ походу на Москву, что и доказали впослѣдствіи, когда одни изъ всѣхъ войскъ Наполеона спасли изъ Москвы свою артиллерію. Весною 1812 Наполеонъ сбросилъ наконецъ маску противъ Россіи. Тогда онъ вызвалъ изъ Варшавы умнаго и въ высшей степени практическаго Биньона, который находился тамъ въ скромномъ званіи резидента. На мѣсто его былъ посланъ человѣкъ болѣе представительный и блестящій, такъ какъ Наполеонъ воображалъ, что блескъ, расточительность и щедрость вельможъ чрезвычайно полезныя условія. Новымъ посланникомъ въ Варшавѣ былъ назначенъ тотъ самый архіепископъ мехельнскій де-Прадтъ, который полгода тому назадъ угодилъ императору въ ссорѣ съ папою (ст. 581). Какъ высокій сановникъ церкви, онъ дѣйствительно могъ хорошо вести дѣла съ ультра-католическими поляками и ихъ епископами, хотя кромѣ званія въ немъ не было ничего духовнаго. Кромѣ того, де-Прадтъ обладалъ гасконскимъ краснорѣчіемъ и придворнымъ ло-

скомъ—качествами необходимыми, чтобы получить вліяніе на польское дворянство, привыкшее къ блеску, роскоши и звучнымъ фразамъ. Чтобы онъ могъ въ совершенствѣ играть въ Варшавѣ роль знатнаго и блестящаго вельможи, Наполеонъ далъ ему титулъ чрезвычайнаго посла и снабдилъ его значительными суммами. Данныя ему инструкціи заключались въ томъ, чтобы онъ возбуждалъ въ полякахъ патріотическій энтузіазмъ, увлекалъ ихъ къ чрезвычайнымъ военнымъ приготовленіямъ, но не питалъ бы ихъ надеждъ на возстановленіе Польши.

Когда де-Прадтъ прибылъ въ Варшаву, польскій народъ возгорѣлся энтузіазмомъ и сталъ приносить величайшія жертвы въ надеждѣ на возстановленіе отечества. Въ іюнѣ 1812 въ Варшавѣ собрался сеймъ подъ предсѣдательствомъ Потоцкаго. Собраніе это было одушевлено горячей любовью къ независимости и свободѣ. Это было очень пріятно французскому императору. Но ему очень не нравилось, что де-Прадтъ во все вмѣшивается. Чтобы не испугать Австрію, Наполеонъ хотѣлъ оставаться самъ совершенно въ сторонѣ. Впослѣдствіи де-Прадтъ сдѣлалъ еще другую ошибку. Наполеонъ желалъ, чтобы сеймъ, соединявшій въ себѣ и правительственную, и законодательную власть, поддерживалъ въ польскомъ народѣ постоянное возбужденіе и чтобы въ странѣ всюду организовались отряды волонтеровъ посредствомъ частныхъ конфедерацій, учрежденныхъ депутатами сейма. Но это сдѣлалось невозможнымъ, когда де-Прадтъ, чтобы имѣть возможность распустить обременительный для него сеймъ, позволилъ учредить генеральную конфедерацію (стр. 223) и такъ называемый генеральный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ восьмидесятилѣтняго князя Адама Казиміра Чарторійскаго. Управленіе было ввѣрено ничтожнымъ министрамъ короля саксонскаго, слѣдовательно, посредственно самому архіепископу. Въ іюнѣ къ Наполеону прибыла депутація польскаго генеральнаго совѣта, чтобы сообщить ему обнародованный этимъ совѣтомъ манифестъ о возстановленіи Польши и просить его формально признать это возстановленіе и принять Польшу подъ свое покровительство. Наполеону нельзя было оскорбить Австрію утвердительнымъ отвѣтомъ. Вслѣдствіе этого онъ далъ холодный отвѣтъ, смутившій пылкихъ поляковъ. Онъ сказалъ имъ, «что уважаетъ и одобряетъ энтузіазмъ поляковъ, но гарантировалъ австрійскому императору цѣлость всѣхъ его владѣній, такъ что не можетъ согласиться ни на что касающееся австрійской части Польши. Но русскіе поляки могутъ слѣдовать примѣру своихъ братьевъ въ герцогствѣ Варшавскомъ; Провидѣніе, конечно, благословитъ ихъ святое дѣло. Что же касается его самого, то поляки могутъ быть увѣрены въ его уваженіи и покровительствѣ и разсчитывать на него во всякихъ обстоятельствахъ». Такимъ образомъ Наполеонъ предоставлялъ Польшу на милость Провидѣнія и свою, не давая никакого положительнаго обѣщанія. Съ этой минуты всеобщій энтузіазмъ въ Польшѣ охладѣлъ. Зато тѣ поляки, которые служили подъ начальствомъ Понятовскаго и другихъ польско-французскихъ генераловъ, до самаго конца геройски сражались за Наполеона. Охлажденіе польскаго энтузіазма слѣдуетъ однако приписать не столько уклончивости Наполеона, сколько французскому гнету, отъ котораго страдала Польша. Еще до начала войны Бертье, майоръ-генералъ арміи, не зналъ, какъ справляться съ роскошью королей вестфальскаго и неаполитанскаго. Вестфальскія войска съ своимъ грубымъ начальникомъ Вандамомъ, а потомъ виртембергскія буйствовали въ Польшѣ, какъ въ непріятельской землѣ. Всѣ кассы были расхищены; всюду господствовала нужда, и французскіе мародеры рѣзали, жгли и грабили.

Въ Литвѣ огонь одушевленія потухъ еще быстрѣе, чѣмъ въ Польшѣ. Наполеонъ, прибывъ на пути въ Москву въ Вильно, поручилъ Биньону возбудить въ Литвѣ инсурекціонное движеніе. Но здѣсь это представляло гораздо болѣе затрудненій, чѣмъ въ герцогствѣ Варшавскомъ, потому что императоръ Александръ, проведя незадолго передъ тѣмъ нѣсколько недѣль въ Вильно, съумѣлъ возстановить литовскихъ магнатовъ противъ французовъ. При этомъ ему оказалъ хорошую услугу его другъ и преданный слуга, князь Георгъ Адамъ Чарторійскій, сынъ Адама Казиміра. Онъ вышелъ для вида изъ русской службы, но тайно измѣнялъ. Подобно многимъ другимъ варшавскимъ вельможамъ, онъ находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ Россіей и, воспользовавшись недовѣріемъ, возникшимъ противъ намѣреній Наполеона, возбудилъ въ своихъ соотечествен-

никахъ надежду получить отъ Александра все, чего Наполеонъ не хотѣлъ даже обѣщать имъ. Кромѣ того, Наполеонъ самъ испортилъ все дѣло въ Литвѣ тѣмъ, что ввѣрилъ управленіе страною людямъ, оскорблявшимъ туземцевъ нахальствомъ и произволомъ. Въ остальныя старопольскія провинціи вступили противъ русскихъ австрійцы и, конечно, приняли мѣры, чтобы тамъ не было никакихъ національныхъ демонстрацій и движеній.

Наполеонъ до послѣдней минуты старался избѣжать разрыва съ Россіей и продолжалъ дипломатическія сношенія даже по окончаніи всѣхъ военныхъ приготовленій. Въ концѣ февраля 1812 онъ послалъ черезъ Чернышева письмо къ Александру, предлагая мирныя условія. Россія отвѣчала только въ апрѣлѣ. Ея отвѣтъ заключалъ въ себѣ такія требованія, что имѣлъ видъ объявленія войны. Тѣмъ не менѣе Наполеонъ счелъ за нужное прикинуться, будто считаетъ примиреніе еще возможнымъ. Вслѣдствіе этого въ апрѣлѣ же онъ послалъ въ Россію ловкаго графа Нарбона, того самаго, который въ первые мѣсяцы 1792 попалъ по рекомендаціи г-жи де Сталь въ военные министры Лудовика XVI. Еще до полученія русскаго отвѣта Наполеонъ дѣлалъ мирныя предложенія англійскому министерству через Маре. Онъ имѣлъ при этомъ двоякую цѣль: во-первыхъ, настроить императора Александра такъ, чтобы онъ, какъ прежде императоръ Францъ, принялъ миръ послѣ перваго проиграннаго сраженія. Во-вторыхъ, онъ хотѣлъ распространить убѣжденіе, что всеобщему миру мѣшаетъ одна Англія. Это видно изъ условій, предложенныхъ имъ англійскому министерству; они были таковы, что Наполеонъ могъ быть твердо увѣренъ, что англичане, не задумываясь, отвергнутъ ихъ, какъ и вышло. Нарбону было поручено передать Александру новыя предложенія Наполеона и сообщить царю о мирныхъ предложеніяхъ императора Англіи. Однако императоръ Александръ не соглашался ни на какіе переговоры и твердо стоялъ на своемъ ультиматумѣ, посланномъ въ Парижъ въ апрѣлѣ. Послѣ этого Наполеонъ поручилъ генералу Лористону, все еще бывшему посланникомъ его въ Россіи, сдѣлать новыя предложенія; но Александръ отвергъ и тѣ.

Такимъ образомъ война вспыхнула. Французскій императоръ, отуманенный властолюбіемъ, не слушалъ людей съ независимымъ образомъ мыслей, тогда какъ русскій царь былъ окруженъ людьми самостоятельными и принималъ ихъ разумные совѣты даже противъ воли своихъ русскихъ совѣтниковъ. При Александрѣ находились тогда многіе государственные люди и генералы, бѣжавшіе изъ Германіи, какъ Штейнъ, Шладенъ, Пфуль и Клаузевицъ и шведъ баронъ Армфельдъ, который былъ самымъ довѣреннымъ совѣтникомъ императора по иностраннымъ дѣламъ. Армфельдъ въ войнѣ 1812 былъ полезенъ тѣмъ, что уговорилъ императора, не смотря на ропотъ русскихъ, принять военный планъ Пфуля и поручить исполненіе его русскому нѣмцу, лифляндцу генералу Барклаю де Толли. Планъ этотъ былъ хорошо разсчитанъ на характеръ Наполеона, тогда какъ Наполеонъ въ своемъ военномъ планѣ не принялъ въ разсчетъ характера Александра. Русскій нѣмецъ, назначенный Александромъ главнокомандующимъ, искусно выполнилъ его. Кромѣ того Александру чрезъ служившихъ у него нѣмцевъ было извѣстно настроеніе, господствовавшее въ Германіи, такъ что въ случаѣ хотя нѣсколько счастливаго хода войны онъ могъ ожидать отъ этого настроенія значительнаго содѣйствія для уничтоженія военныхъ силъ непріятеля. Алькье доносилъ Наполеону изъ Стокгольма еще въ 1811 что Александру нечего бояться въ предстоящей войнѣ нападенія съ тылу. Наполеону же при первой неудачѣ грозила вся нѣмецкая нація, которая была готова взяться за оружіе и преградить ему отступленіе или не допустить къ нему подкрѣпленій.

Наполеонъ тоже получалъ свѣдѣнія о духѣ, господствовавшемъ въ Германіи, но по своему гордому презрѣнію ко всему, что происходило въ низшихъ слояхъ, не слушалъ этихъ предостереженій. Еще въ 1808, когда предстояла война съ Австріей, великій герцогъ Карлъ Фридрихъ Баденскій извѣщалъ его о состояніи Германіи, на что Наполеону слѣдовало бы обратить тѣмъ болѣе вниманія, что Карлъ Фридрихъ принадлежалъ къ числу государей, недававшихъ своимъ подданнымъ повода къ недовольству. Еще точнѣе и убѣдительнѣе были слова короля Іеронима вестфальскаго или, лучше сказать, его министровъ въ письмѣ къ императору отъ 5 декабря 1811. Въ этомъ письмѣ прямо говорилось, что «гене-

ралы и агенты императора обманываютъ его на счетъ духа, господствующаго въ Германіи. Они говорятъ ему, что въ Германіи все безсильно склоняется передъ его волею. Но это не такъ. Броженіе достигло высшей степени. Питаются съ одушевленіемъ самыя безумныя надежды; испанскую народную войну ставятъ въ примѣръ; и хотя народъ нисколько не созрѣлъ для политическихъ мнѣній и принциповъ, однако питаетъ глубокую ненависть къ французамъ и очень озлобленъ на удручающій его матеріальный гнетъ. Поэтому надо опасаться, что едва начнется война, какъ при первыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ мѣстности между Рейномъ и Одеромъ сдѣлаются театромъ страшнаго народнаго возстанія.» Наполеонъ былъ слишкомъ ослѣпленъ своимъ счастьемъ, слишкомъ обманутъ льстецами, пѣвшими ему про его геній, слишкомъ надутъ свойственнымъ всѣмъ побѣдоноснымъ полководцамъ презрѣніемъ къ народнымъ массамъ, чтобы внять этому благоразумному предостереженію. Онъ съ насмѣшкой отозвался о письмѣ брата, обращая вниманіе не на высказанныя въ письмѣ истины, а на личность подписавшаго его.

Даже въ военномъ отношеніи императоръ въ своемъ ослѣпленіи не слушалъ совѣтовъ и предостереженій. Прусскій полковникъ Кнезебекъ, посланный въ февралѣ 1812 Фридрихомъ Вильгельмомъ въ Петербургъ, составилъ по возвращеніи своемъ отчетъ, который король сообщилъ французскому императору. Въ этомъ отчетѣ совершенно вѣрно излагались всѣ трудности похода въ Россію, и указывался единственный возможный оборонительный планъ русскихъ, который впослѣдствіи дѣйствительно былъ приведенъ ими въ исполненіе. Тѣмъ не менѣе Наполеонъ не послушалъ предостереженія. Полковникъ Кнезебекъ писалъ: «Естественный характеръ страны представитъ французамъ чрезвычайныя затрудненія. Болота, непроходимые лѣса, малочисленность населенныхъ мѣстъ, отсутствіе хорошихъ дорогъ и большихъ рѣкъ для сплава всего необходимаго, плохая обработка земли — все это затруднитъ передвиженіе войскъ и несомнѣнно принудитъ разсѣевать силы, чтобы добывать продовольствіе. Арміи грозитъ такимъ образомъ ослабленіе и разстройство. Тѣ же причины и условія, которыя послужатъ препятствіемъ для наступающей стороны, доставятъ русскимъ, наоборотъ, чрезвычайныя преимущества въ защитѣ. Чтобы поставить французовъ въ отчаянное положеніе, русскимъ стоитъ только отступать шагъ за шагомъ до заранѣе тщательно избранной позиціи, уничтожая на пути всѣ средства къ существованію войскъ».

IV. ИСТОРІЯ

1812 и 1813 ГОДОВЪ.

1. Приготовленія Наполеона къ русской войнѣ.

Прежде чѣмъ французская и русская арміи выступили въ походъ, обоимъ императорамъ пришлось произвести расправу у себя дома. Наполеонъ былъ принужденъ запугать строгостями измѣну своихъ высшихъ сановниковъ, а въ Россіи интрига возбудила преслѣдованіе противъ нѣкоторыхъ чиновниковъ за преданность ихъ Франціи. Наполеонъ зналъ, что русскій агентъ Чернышевъ, часто пріѣзжавшій въ Парижъ, всякій разъ доставалъ за деньги нужныя свѣдѣнія изъ министерствъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ. Въ февралѣ 1812 этотъ хитрый агентъ добылъ подкупами весь планъ похода, всѣ приказы, посланные маршаламъ, всѣ маршруты и войсковые списки. Наполеонъ узналъ объ этомъ лишь по отъѣздѣ Чернышева, когда было уже поздно перемѣнять всѣ эти распоряженія. Онъ зналъ, что только высшіе сановники могли доставить русскому агенту столь важныя бумаги; но онъ не могъ взыскивать съ нихъ, не нанося ущерба достоинству своего правительства. Поэтому наказаніе обрушилось на подчиненныхъ; нѣсколько чиновниковъ военнаго министерства были арестованы, и одинъ изъ нихъ, Мишель, приговоренъ къ смерти и казненъ. Пока это дѣлалось въ Парижѣ, русское правительство отправило въ ссылку Сперанскаго и двухъ другихъ важныхъ чиновниковъ за переписку съ французскими юридическими знаменитостями. Они склоняли императора ввести судебный порядокъ по образцу французскаго и этимъ навлекли на себя ненависть прочихъ правительственныхъ лицъ.

Чтобы свергнуть Сперанскаго, враги его прибѣгли къ помощи шведскаго барона Армфельда, имѣвшаго на Александра большое вліяніе (стр. 591). Армфельдъ оказалъ въ то время Россіи огромную услугу, склонивъ императора принять для предстоящей войны съ Наполеономъ военный планъ нѣмца, генерала Пфуля, и назначить главнокомандующимъ Барклая де Толли, который былъ въ то время военнымъ министромъ. Онъ былъ назначенъ, не смотря на ропотъ русской знати. Военный планъ Пфуля былъ основанъ на географическихъ условіяхъ Россіи и состоялъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобы сначала пожертвовать частью страны для спасенія всего государства. По этому плану, русская армія должна была не вступать въ рѣшительныя сраженія, ограничиваться оборонительной войной и медленно отступать, все за собой опустошая, чтобы привлечь французовъ на ихъ погибель поглубже внутрь Россіи.

Наполеонъ сдѣлалъ къ русской войнѣ громаднѣйшія приготовленія и до такой степени самъ вникалъ во всѣ мельчайшія подробности, что нельзя надивиться обширности его ума и памяти. Однако онъ забылъ въ этомъ походѣ ту осторожность, которую прежде всегда выказывалъ, въ чемъ сознается даже ревностнѣйшій поклонникъ его, Биньонъ. Притомъ теперь во Франціи не было той увѣренности въ побѣдѣ, которая предшествовала всѣмъ походамъ Наполеона; даже самые близкіе люди къ императору чувствовали тягостное безпокойство.

Приготовленія Наполеона къ войнѣ пали тяжкимъ бременемъ и на Францію, и на союзниковъ. Декабря 20 1811 сенатъ предписалъ декретомъ наборъ въ 120 т. человѣкъ, даже не объясняя причинъ. Ровно годъ тому назадъ былъ сдѣланъ такой же наборъ, и уже начиналъ ощущаться недостатокъ въ годныхъ рекрутахъ. Новый наборъ возбуждалъ тѣмъ больше неудовольствія, что сопровождался свирѣпыми мѣрами противъ молодежи, уклонявшейся отъ военной службы, и противъ родственниковъ, потворствующихъ этому. Притомъ, хотя по конституціи законодательный корпусъ долженъ былъ собираться ежегодно, но на этотъ рѣшительный 1812 годъ его не созвали; такимъ образомъ было основаніе опасаться, что новое торжество императора на войнѣ окончательно сгубитъ гражданскую свободу.

Наполеоновскій геній увидѣлъ необходимость приготовить на всякій случай второй комплектъ военныхъ силъ, хотя онъ никакъ не предвидѣлъ погибели своей великой арміи. Въ началѣ 1812 онъ возвратился къ республиканской идеѣ народнаго ополченія, хотя прежде думалъ, какъ Веллингтонъ и Шарнгорстъ, что для войны годны только регулярныя войска. Сенатскій указъ 13 марта 1812 призвалъ къ оружію все остальное народонаселеніе Франціи, чтобы служить громаднымъ рекрутскимъ депо для дѣйствующей арміи. Это назначеніе было впрочемъ скрыто подъ вычурнымъ древне-франкскимъ названіемъ ban—народное ополченіе. Всѣ французы отъ 20 до 26-лѣтняго возраста составляли первый призывъ; отъ 26 лѣтъ до 40—второй; отъ 40 до 60—третій или такъ называемый arrière-ban. Говорили, что народное ополченіе назначается только охранять границы и за нихъ не пойдетъ; но этого обѣщанія не сдержали. Притомъ она съ самого начала получило военную организацію; императоръ назначилъ въ него офицерами своихъ ветерановъ, тогда какъ прежде національная гвардія всегда сама выбирала себѣ начальниковъ.

Кромѣ войскъ Наполеонъ послалъ въ Россію цѣлые караваны работниковъ. Туда были отправлены хлѣбники, каменщики, оружейники, портные, сапожники, даже огородники. Въ одинъ Данцигъ было послано 20 т. рабочихъ, чтобы заготовить все, чего нельзя было надѣяться найти въ Польшѣ и Россіи. За арміей слѣдовали громадные подвижные магазины со всевозможными запасами, обозы съ орудіями и инструментами для корпуса инженеровъ, огромные транспорты военныхъ снарядовъ, 6 понтонныхъ парковъ и т. д. Все это требовало непомѣрнаго числа чиновниковъ, смотрителей, телѣгъ, обозныхъ животныхъ и возщиковъ. Организація обоза заслуживаетъ общаго удивленія и часто называлась однимъ изъ геніальнѣйшихъ изобрѣтеній Наполеона; но лучшій историкъ русскаго похода, де-Шанбре, очень хорошо доказалъ, что эта организація не соотвѣтствовала мѣстнымъ условіямъ Россіи и Польши и потому не достигла своей цѣли. Тотъ же писатель доказалъ, что при арміи было слишкомъ много артиллеріи, которая притомъ имѣла недостатокъ въ лошадяхъ, что почувствовалось, когда въ Россіи оказалось невозможно добывать лошадей реквизиціями, какъ дѣлалось прежде въ Германіи.

Военныя силы всѣхъ союзныхъ державъ, кромѣ Даніи, были принуждены также принять участіе въ походѣ. Кромѣ войскъ Рейнскаго союза, Австріи и Пруссіи, съ французами пошли въ Россію итальянцы, испанцы, португальцы, швейцарцы, поляки и иллирійцы. Пруссія была принуждена дать 20 т. войскъ, Австрія—30 т. Но обѣ эти державы были очень сомнительные союзники. Наполеонъ счелъ даже необходимымъ принять противъ Пруссіи особенныя мѣры на случай несчастія. Онъ занялъ французскими войсками Шпандау и Пиллау, послалъ своихъ офицеровъ наблюдать въ Кольбергъ и Грауденцъ, запретилъ интендантамъ уплачивать деньги до окончанія похода, а въ Берлинѣ взялъ все подъ надзоръ. Начальникомъ австрійскаго вспомогательнаго корпуса былъ назначенъ по требованію Наполеона тогдашній австрійскій посланникъ въ Парижѣ, князь Шварценбергъ, человѣкъ, извѣстный не военными талантами, а дипломатическимъ искусствомъ. Австрія не могла найти лучшаго начальника для этого похода, потому что Шварценбергъ во всемъ повиновался Наполеону, но никогда не теряя изъ виду двуличной политики своего двора. Въ походѣ онъ заботился только о прикрытіи отъ русскихъ австрійской Галиціи и о воспрепятствованіи политическимъ цѣлямъ поляковъ. Когда наконецъ между нимъ и Наполео-

номъ легли безпредѣльныя пространства, онъ началъ не только самъ дѣйствовать вяло, но даже мѣшать Ренье, состоявшему при немъ съ саксонско-французскимъ корпусомъ.

Касательно численности арміи, шедшей въ Россію, расходятся даже тѣ писатели, которые видѣли и сличали войсковые списки. Да и дѣйствительно трудно опредѣлить число собственно войска, потому что при обозѣ, въ магазинахъ, кузнецахъ, булочныхъ и т. п. состояло множество людей, хотя не солдатъ, но организованныхъ по военному. Максимумъ численности считается въ 680,500 человѣкъ и 176,850 лошадей, минимумъ—вдвое меньше (325,900 человѣкъ). Впрочемъ послѣднюю цифру показываетъ генералъ Гурго, который никогда не колеблется скрыть истину, когда дѣло касается славы Наполеона и Франціи. По Тибодо, въ арміи Наполеона при переходѣ черезъ Нѣманъ было 509,000 человѣкъ. Въ войсковыхъ спискахъ, полученныхъ Чернышевымъ въ Парижѣ, было записано только 417,000 человѣкъ. Шанбре и генералъ фонъ Гофманъ полагаютъ силы французовъ въ 678,000 человѣкъ. Впрочемъ Тибодо замѣчаетъ, что еще до Двины наполеоновская армія уменьшилась на цѣлую треть, и это не покажется преувеличеннымъ, если вспомнить, что 1811 годъ былъ неурожайный, голодный годъ.

Наполеонъ выѣхалъ изъ Парижа 9 мая въ сопровожденіи жены и 16 числа прибылъ въ Дрезденъ. Здѣсь къ нему явились императоръ Францъ съ женой, король Фридрихъ Вильгельмъ прусскій съ своимъ кронпринцемъ, король и королева саксонскіе, множество другихъ нѣмецкихъ владѣтелей и съ ними толпы придворныхъ. Въ Дрезденѣ Наполеонъ въ послѣдній разъ насладился великолѣпіемъ своего могущества, возбуждавшаго общее благоговѣніе. При этомъ не было, конечно, недостатка въ обычныхъ сценахъ пышности, раболѣпства и низкопоклонства. Мы предоставляемъ описывать ихъ французамъ, которые кадятъ самимъ себя, куря фиміамы своему кумиру.

2. Русскій походъ Наполеона до отступленія французовъ.

Наполеонъ выѣхалъ изъ Дрездена начинать походъ 29 мая 1812. Какъ разъ наканунѣ Россія развязала себѣ руки на югѣ заключеніемъ мира съ Турціей; съ сѣвера ее уже обезпечивалъ договоръ съ Швеціей (стр. 583).

По насильственномъ возведеніи на престолъ Махмуда II въ іюлѣ 1809 Турція по старанію Австріи заключила 5 января 1809 миръ съ Англіей (стр. 554). Съ Россіей война продолжалась. Русскими войсками предводительствовали сначала Прозоровскій, потомъ Багратіонъ, Каменскій 2-й и наконецъ Кутузовъ. Описывать эту войну подробно не стоитъ. Ни въ 1809, ни лѣтомъ слѣдующаго года не произошло ничего достопримѣчательнаго. Въ сентябрѣ 1810 турки были разбиты въ генеральномъ сраженіи при Батыевнѣ на Дунаѣ, и съ этихъ поръ побѣда постоянно оставалась на сторонѣ русскихъ. Когда въ Бухарестѣ начались переговоры, русскіе потребовали уступки Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи и независимости для своихъ соплеменниковъ и единовѣрцевъ, сербовъ; поэтому война продолжалась и въ 1811. Тутъ судьба опять стала благопріятствовать туркамъ, потому что императоръ Александръ отозвалъ много войскъ по случаю грозящей войны съ Франціей, а султанъ Махмудъ назначилъ на мѣсто труслиаго 80-лѣтняго визиря человѣка пободрѣе, Ахмеда-агу. Онъ смѣло вышелъ противъ русскихъ, послѣдовалъ за ними при отступленіи на линію Дуная и въ сраженіи при Рущукѣ (4 іюля) нанесъ имъ большой уронъ, хотя поле битвы осталось за ними. Кромѣ того турки одержали верхъ въ Сербіи. Русскіе очистили правый берегъ Дуная. Но осенью турки лишились всѣхъ этихъ успѣховъ по своей безпорядочности. Ахмедъ-ага, стоящій въ Рущукѣ, послалъ въ сентябрѣ на лѣвый берегъ Дуная 25-тысячный корпусъ, а самъ предался непостижимой безпечности, которою Кутузовъ въ октябрѣ воспользовался и напалъ на турокъ врасплохъ. Все войско ихъ было разсѣяно, и лагерь взятъ. Вслѣдъ затѣмъ Кутузовъ окружилъ корпусъ, перешедшій за Дунай, и въ ноябрѣ принудилъ его сдаться на капитуляцію.

Эти два пораженія заставили турокъ просить мира. Переговоры открылись въ Бухарестѣ и тѣмъ быстрѣе привели къ желанной цѣли, что Кутузовъ показалъ туркамъ письмо Наполеона съ предложеніемъ раздѣла Турціи и что новые союзники Россіи, англичане, уговорили великаго визиря и другихъ турецкихъ сановниковъ договориться съ русскими до прибытія генерала Андреосси, котораго Наполеонъ послалъ въ Константинополь. Мая 28 1812 былъ заключенъ Бухарестскій миръ. Россія получила Бессарабію и часть Молдавіи, но возвратила Турціи Сербію. Султанъ долго не соглашался утвердить этотъ договоръ, такъ что если бы Андреосси, которому Наполеонъ велѣлъ обѣщать туркамъ помощь Франціи, успѣлъ прибыть во время, миръ не состоялся бы. Но Андреосси промѣшкалъ въ Лайбахѣ, ожидая своихъ военныхъ инструкцій, а потомъ подкупленные чиновники султана такъ затянули выдачу ему фирмана, что онъ опоздалъ. Осенью Махмудъ наконецъ утвердилъ бухарестскій договоръ. Тогда русская дунайская армія, которой тогда командовалъ Чичаговъ, могла возвратиться въ Россію, гдѣ рѣшила борьбу съ Наполеономъ.

Эта борьба началась 23 іюня, когда Наполеонъ переправился чрезъ Нѣманъ. Русскій императоръ былъ въ то время въ Вильно, гдѣ держалъ военный совѣтъ съ своими генералами. Ордена, балы и его любезности расположили къ нему литовское дворянство.

Въ военномъ совѣтѣ русскихъ долго спорили о томъ, оставаться ли въ Вильно и защищать этотъ городъ противъ Наполеона, или отступать внутрь имперіи, согласно плану Пфуля и Барклая де Толли. Пока разсуждали, французы стремительно шли впередъ, такъ что наконецъ пришлось отступать за Двину, торопливо и жертвуя множествомъ магазиновъ. Наполеонъ вступилъ въ Вильно 28 іюня, на другой день по отъѣздѣ Александра. Онъ тотчасъ учредилъ литовскую администрацію, поручивъ управлять ею Маре, Биньону, Жомини и голландскому генералу Гогендорпу. Послѣдній разыгрывалъ нѣкогда въ голландскихъ колоніяхъ роль восточнаго деспота. Наполеонъ назначилъ его генералъ-губернаторомъ Литвы и постоянно бралъ его сторону въ его ссорахъ съ Биньономъ и Жомини; наконецъ послѣдніе были отозваны, а поступки этого надменнаго наполеоновскаго сановника и его подчиненныхъ совершенно отвратили литовцевъ отъ французовъ.

Еще на пути въ Вильно и далѣе обнаружилось, съ какими затрудненіями сопряженъ походъ въ негостепріимномъ русскомъ царствѣ. Проливные дожди въ перемежку съ страшнымъ жаромъ черезвычайно затрудняли движеніе арміи, а недостатокъ продовольствія дѣлалъ каждымъ днемъ труднѣе сохранять дисциплину. Хваленая организація обоза совершенно разстроилась еще въ Вильно, а столь же хваленыя мѣры къ продовольствованію войскъ оказались недостаточны и плохи. Болѣе 10,000 лошадей пало на пути, и въ Вильно пришлось оставить много телегъ и пушекъ только потому, что не на комъ было везти ихъ. Наполеонъ пробылъ въ Вильно слишкомъ долго по короткому русскому лѣту. Только 16 іюля двинулся онъ далѣе. Іюля 28 онъ достигъ Витебска. Дорогой онъ съ неудовольствіемъ узналъ, что ошибка его брата, Іеронима, лишила его важной выгоды. Дѣло въ томъ, что вслѣдствіе быстраго движенія французовъ къ Вильно и поспѣшнаго отступленія русскихъ къ Двинѣ, оборонительная линія русскихъ была разорвана, и многочисленное войско подъ начальствомъ Багратіона совершенно отрѣзано отъ главныхъ силъ. Іерониму было поручено при содѣйствіи Даву окружить Багратіона. Даву уже преградилъ русскимъ путь, но Іеронимъ безъ надобности промѣшкалъ на пути, вслѣдствіе чего русскіе имѣли возможность уйти за Березину и Днѣпръ и 3 августа соединиться съ главными силами. За эту грубую ошибку Наполеонъ приказалъ брату состоять подъ начальствомъ Даву. Іеронимъ такъ обидѣлся этимъ, что тотчасъ покинулъ армію и уѣхалъ въ Кассель. Однако Наполеонъ все-таки достигъ своей цѣли. Онъ разорвалъ по срединѣ слишкомъ растянутую линію русской арміи, которая простиралась отъ Балтійскаго моря до Волыни. Чтобы соединиться съ Багратіономъ, Барклаю пришлось отступить за Днѣпръ. Между тѣмъ императоръ Александръ поспѣшилъ въ Москву и Петербургъ, гдѣ издалъ прокламаціи, призывая свой народъ пожертвовать всѣмъ для уничтоженія врага.

Когда Наполеонъ выступилъ изъ Вильно, въ тылу его русская армія стала грозить герцогству Варшавскому. Этой арміей командовали Марковъ и Тормасовъ. Наполеону пришлось двинуть австрійцевъ изъ Волыни въ Польшу и послать имъ на подкрѣпленіе саксонцевъ подъ начальствомъ Ренье. Іюля 27 русскій генералъ Тормасовъ аттаковалъ и взялъ при Кобринѣ саксонскій отрядъ. Хотя 11 августа князь Шварценбергъ разбилъ его при Городечнѣ и принудилъ къ отступленію, но имѣлъ свои причины не преслѣдовать его, такъ что Тормасовъ могъ спокойно отступить за рѣку Стырь, гдѣ по заключеніи съ султаномъ бухарестскаго мира съ нимъ соединилась дунайская армія Чичагова (18 сентября). Это принудило австрійцевъ и саксонцевъ отступить за Бугъ. Между тѣмъ и на лѣвомъ крылѣ великой арміи дѣла шли неладно. Этимъ крыломъ командовалъ Макдональдъ, и при немъ находились пруссаки, шедшіе къ низовьямъ Двины подъ начальствомъ генераловъ Йорка, Граверта и Клейста. Кромѣ того Наполеонъ послалъ изъ Вильно на верхнюю Двину еще корпусъ Удино, а Гувіона Сенъ-Сира съ баварцами оставилъ въ Вильно, чтобы въ случаѣ надобности подкрѣпить двухъ маршаловъ. Макдональдъ и Удино сначала оттѣснили непріятеля, заняли всю страну, начиная отъ Риги, и осадили Полоцкъ. Но въ августѣ Виттгенштейнъ, назначенный императоромъ Александромъ командовать противъ лѣваго крыла французовъ, отвлекъ Удино отъ Макдональда и принудилъ его къ отступленію. Сенъ-Сиръ съ баварцами поспѣшилъ соединиться съ Удино, и тогда 17 и 18 августа при Полоцкѣ произошло кровопролитное сраженіе, въ которомъ Удино былъ тяжело раненъ, а баварскій генералъ Деруа убитъ. Въ первый день побѣда осталась нерѣшенной; на другой день Сенъ-Сиръ принудилъ русскихъ къ отступленію и былъ за это произведенъ въ маршалы. Впрочемъ единственнымъ результатомъ этой побѣды было, что Виттгенштейнъ не могъ мѣшать маршалу Макдональду въ осадѣ Риги.

Въ Витебскѣ, гдѣ Наполеонъ пробылъ до 13 августа, онъ получилъ два непріятныя извѣстія: что вслѣдствіе договора въ Эребро (стр. 584) Швеція приметъ участіе въ войнѣ противъ него и что вслѣдствіе мира, заключеннаго между Россіей и Турціей, русская дунайская армія будетъ угрожать ему съ тылу. Всѣ ожидали, что онъ не пойдетъ дальше въ Россію, тѣмъ болѣе, что наступала осень, и войска его не могли выдержать въ полѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ. Однако онъ двинулся дальше. Когда онъ подошелъ къ Смоленску, Барклай и Багратіонъ стали защищать переправу черезъ Днѣпръ, и 17 августа при Смоленскѣ было дано рѣшительное сраженіе. Цѣлый день обѣ стороны сражались съ величайшимъ мужествомъ, и побѣда колебалась; наконецъ вечеромъ французамъ удалось зажечь Смоленскъ, и это принудило русскихъ отступить ночью въ предмѣстье за Днѣпръ. Смоленскъ представлялъ залитое кровью пепелище; 600 французовъ и 200 плѣнныхъ русскихъ четыре дня занимались прибираніемъ труповъ изъ города. Говорятъ, что съ обѣихъ сторонъ пало болѣе 20 тысячъ человѣкъ. Черезъ 2 дня при Валутиной Горѣ опять произошло сраженіе, потому что Ней отрѣзалъ часть русской арміи отъ московской дороги. Но русскіе получили сильныя подкрѣпленія, а Нея никто не поддержалъ, потому что Жюно, стоявшій по близости, не захотѣлъ тронуться безъ наполеоновскаго приказа, а Наполеонъ, ничего не зная, не прислалъ приказа. Жюно скоро сошелъ съ ума и въ слѣдующемъ году умеръ; онъ уже страдалъ умственнымъ разстройствомъ, и вслѣдствіе этого Ней не могъ достигнуть своей цѣли. Въ Смоленскѣ Наполеонъ нѣкоторое время колебался, идти ли дальше въ виду наступавшей осени; но тутъ онъ узналъ, что русское дворянство, негодуя на разореніе своихъ помѣстій, хлопочетъ о смѣнѣ своего главнокомандующаго, вслѣдствіе чего Барклай будетъ принужденъ покинуть свою оборонительную систему и принять рѣшительное сраженіе. Узнавъ это, Наполеонъ 24 августа выступилъ изъ Смоленска.

Въ это время враги Барклая, а также обѣ императрицы и великій князь Константинъ, добились отъ императора Александра назначить на его мѣсто 29 августа 75-лѣтняго старика Кутузова, котораго русскіе считали своимъ національнымъ героемъ. Барклай былъ такъ великодушенъ, что согласился служить подъ начальствомъ Кутузова тѣмъ болѣе, что все еще разсчитывалъ на императора, который соглашался съ нимъ въ мнѣніяхъ и очень неохотно уступилъ настояніямъ двора. Находившіеся въ то время въ Россіи нѣмцы, Штейнъ, Клауз-

вицъ, Гофманъ, Пфуль и другіе, также трудились на пользу Россіи, хотя русскіе ненавидѣли ихъ за ихъ военный планъ, подвергшій Россію опустошенію. Они возбуждали своихъ соотечественниковъ, завели сношенія съ пруссаками, осаждавшими Ригу, а иные даже служили въ русскихъ войскахъ. Русское дворянство съ своей стороны принесло отечеству большія жертвы; нѣкоторые аристократы вооружили на свой счетъ цѣлые полки. Барклай уже готовился дать битву, когда былъ смѣненъ; Кутузовъ же нашелъ еще несвоевременнымъ вступать въ сраженіе. Онъ продолжалъ отступленіе и рѣшился остановиться только при Бородинѣ, въ пяти переходахъ отъ Москвы.

Сраженіе произошло 6 и 7 сентября. Русскіе называютъ его Бородинскимъ по деревнѣ Бородино, а французы—Московскимъ по протекающей здѣсь Москвѣ-рѣкѣ. Это былъ самый страшный бой со времени изобрѣтенія пороха. О числѣ сражавшихся войскъ нѣтъ несомнѣнныхъ данныхъ. Русскіе были многочисленнѣе, хотя Шанбре говоритъ противное; но французы воинственнѣе, и съ ними былъ Наполеонъ. Съ обѣихъ сторонъ дѣйствовало 400 пушекъ, а по другимъ, еще больше. Въ первый день русскіе удержались на полѣ сраженія, такъ что даже похвалялись побѣдой. Но на другой день послѣ страшнаго побоища, происходившаго съ ранняго утра до ночи, они были принуждены отступить; однако они потеряли мало пушекъ и вовсе не потеряли плѣнныхъ, притомъ отступили въ совершенномъ порядкѣ и сохранили его на всемъ пути до Москвы. Багратіонъ особенно отличился, но былъ смертельно раненъ и вскорѣ умеръ. Изъ французскихъ генераловъ больше всѣхъ отличился Ней и получилъ за это сраженіе отъ Наполеона титулъ князя Московскаго. Русскіе потеряли гораздо больше убитыми, чѣмъ французы, потому что Наполеонъ дѣйствовалъ самыми тяжелыми орудіями, и притомъ русскихъ водили на бой огромными массами. Лучшіе русскіе, французскіе и нѣмецкіе писатели довольно согласно опредѣляютъ число убитыхъ въ этомъ безпримѣрномъ сраженіи. По Тибодо, со стороны русскихъ погибло 50 т., со стороны французовъ 30 т. человѣкъ. Прусскій генералъ Гофманъ, участвовавшій въ сраженіи и, подобно Тибодо, критически изслѣдовавшій источники, считаетъ потерю русскихъ въ 40—45 т., а французовъ — въ 30 т. Бюллетени и дюжинные французскіе строчилы, конечно, безсовѣстно врутъ, говоря, что французы потеряли убитыми и ранеными только 10 т. человѣкъ, тогда какъ извѣстно, что однихъ генераловъ у нихъ было убито и ранено 49 человѣкъ, 37 полковниковъ и 6,547 другихъ офицеровъ. Сверхъ того; десятки тысячъ раненыхъ русскихъ и французовъ остались на усѣянномъ ядрами полѣ битвы и погибли ужасной смертью.

Придя въ Москву, русская армія прошла, не останавливаясь, черезъ городъ и расположилась сначала на владимірской дорогѣ, а потомъ на Окѣ, на калужской. Король неаполитанскій, командовавшій французскимъ авангардомъ, вступилъ въ Москву 14 сентября, когда казаки Платова еще занимали городъ. Онъ тотчасъ выступилъ далѣе, чтобы преслѣдовать русскихъ, имѣлъ нѣсколько стычекъ съ ихъ авангардомъ подъ начальствомъ Милорадовича, но 18 числа часть его войска была настигнута врасплохъ при Винковѣ и отброшена съ урономъ. Наполеонъ, прибывшій въ Москву вслѣдъ за Мюратомъ, надѣялся, что, какъ въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ, его встрѣтитъ депутація гражданъ; но никто не явился. Большая часть жителей бѣжала изъ города, а оставшіеся попрятались. Сокровища Кремля, древняго дворца царей, были увезены. Наполеонъ разсчитывалъ также найти въ городѣ съ 400 т. населенія какое-нибудь управленіе и пріобрѣсти между сановниками и бюрократіей угодливыя орудія, какія находилъ въ столицахъ Австріи и Пруссіи; но городъ оказался пустъ. Въ довершеніе его разочарованія уже на другой день по въѣздѣ его въ Москву въ ней вспыхнулъ пожаръ. Пожарные инструменты были увезены, вслѣдствіе чего огонь распространялся неудержимо. Сентября 16 Наполеону изъ Кремля, гдѣ онъ поселился, открылось зрѣлище цѣлаго моря пламени, и онъ былъ принужденъ переѣхать въ загородный дворецъ. Пожаръ прекратился 20 сентября, истребивъ 4,500 деревянныхъ и 2,074 каменныхъ дома. Впрочемъ много и уцѣлѣло, такъ что у французовъ все-таки остался кровъ. Пожаръ оказалъ на нихъ вредное вліяніе въ томъ, что солдаты предались грабежу и деморализовались; офицеры также набрали громадную добычу, которую потомъ пришлось кое-какъ тащить съ собой,

хотя лошадей и безъ того было мало. Теперь можно смѣло утверждать, что пожаръ Москвы былъ тайно рѣшенъ въ русскомъ кабинетѣ, и генералъ-губернаторъ, графъ Растопчинъ, уѣзжая, распорядился привести этотъ планъ въ исполненіе, хотя впослѣдствіи, печатно отрицалъ это. Русскіе хотѣли пожертвованіемъ столицы спасти государство. Они достигли этой цѣли своимъ поступкомъ, правда, жестокимъ, какъ сентябрьскія дѣйствія Дантона, но столь же энергичнымъ и потому имѣвшимъ столь же рѣшительные результаты.

Уже въ Москвѣ французская армія находилась въ безпомощномъ положеніи и начала разстраиваться, хотя еще не страдала отъ холода. Однако она продолжала блистательнымъ образомъ доказывать свое превосходство надъ всѣми прочими войсками, и самъ Наполеонъ и въ этомъ походѣ, какъ всегда, возбуждаетъ удивленіе своимъ геніемъ, неутомимой дѣятельностью и бдительностью. Впрочемъ здѣсь послѣднія качества обнаружились только въ тактическомъ и стратегическомъ отношеніи; относительно же продовольствія войскъ и сохраненія между ними порядка онъ не принялъ нужныхъ мѣръ, что имѣло пагубныя послѣдствія. Прославленное обозное устройство съ раздѣленіемъ на батальоны и эскадроны ни къ чему не повело; эти обозы застряли еще по дорогѣ къ Вильно, а многія отдѣленія даже не перешли за Нѣманъ. Лошадей пало множество отъ недостатка корма и усталости. Въ солдатахъ все болѣе разводилось мародерство, да и потери были такъ велики, что напр. въ 4 армейскомъ корпусѣ, выступившемъ изъ Глогау въ числѣ 50 т. человѣкъ, при вступленіи въ Москву оставалось только 22,000. При этихъ обстоятельствахъ можно объяснить только заблужденіемъ, въ которомъ держали Наполеона русскіе, что такой человѣкъ, обнимавшій и предусматривавшій умомъ самыя запутанныя и обширныя положенія, могъ пять недѣль понапрасну пробыть въ Москвѣ и потерять столько драгоцѣннаго времени. Онъ все надѣялся заключить миръ, и хитрые русскіе поддерживали въ немъ эту надежду. Онъ два раза писалъ изъ Москвы императору Александру, но не получилъ отвѣта; однако русскіе очень ловко воспользовались этими попытками его завязать переговоры, чтобы подольше продержать его въ Москвѣ. Только въ началѣ октября онъ понялъ необходимость отступить въ Польшу. Октября 5 начались приготовленія къ обратному походу. Черезъ десять дней отступленіе началось отправленіемъ обоза. Октября 18 войска выступили; 19 выѣхалъ самъ Наполеонъ. Мортье, назначенный генералъ-губернаторомъ Москвы еще передъ вступленіемъ въ городъ, пробылъ въ немъ до 23 числа, чтобы взорвать Кремль. Изъ Кремля взяли турецкія знамена, богато украшенную икону Богородицы, золотой крестъ и другіе трофеи, хотя не предвидѣли возможности доставить домой даже свои пушки и багажъ.

3. Отступленіе французовъ изъ Россіи.

Когда французская армія начала отступленіе, оба крыла его были уже вытѣснены изъ своихъ позицій. Правое крыло подъ начальствомъ Шварценберга, какъ мы уже сказали, еще во второй половинѣ сентября было оттѣснено до рѣки, составлявшей границу Россіи и Польши (стр 597). Тормасовъ, командовавшій русскими противъ Шварценберга, былъ въ это время отозванъ къ главной арміи на мѣсто Багратіона. Послѣ него начальство принялъ Чичаговъ. Онъ принудилъ австрійцевъ отступить въ герцогство Варшавское и, чтобы пресѣчь Наполеону отступленіе, оставилъ противъ Шварценберга генерала Сакена, а самъ двинулся къ Минску и 16 ноября занялъ его. На лѣвомъ крылѣ французовъ пруссаки начали 22 августа осаждать Ригу (стр. 598); но у нихъ не было тяжелой артиллеріи, и они были слишкомъ малочисленны, чтобы совершенно обложить такой большой городъ. Въ сентябрѣ къ нимъ наконецъ прибылъ осадный паркъ, но въ то же время, вслѣдствіе Абосскаго конгреса (стр. 584) изъ Финляндіи прибыло въ Эстляндію сильное русское войско подъ начальствомъ Штейнгейля и въ превосходныхъ силахъ двинулось на пруссаковъ, которые однако стойко выдержали это нападеніе. Потомъ Штейнгель соединился съ Виттгенштейномъ, который дѣйствовалъ на средней Двинѣ противъ маршала Сенъ-Сира. Силы

Виттгенштейна простирались до 40,000 человѣкъ, тогда какъ корпусъ Сенъ-Сира былъ очень ослабленъ недостатками и утомленіемъ. Октября 18 и 19 Виттгенштейнъ аттаковалъ въ превосходныхъ силахъ при Полоцкѣ Сенъ-Сира и Вреде, командовавшаго баварцами. Сенъ-Сиръ удержался и въ эти, и въ слѣдующій день, хотя былъ тяжело раненъ. Наконецъ 21 онъ былъ принужденъ уступить свою позицію, чтобы соединиться съ маршаломъ Викторомъ, который съ 36 тысячами человѣкъ шелъ изъ Смоленска. Октября 29 маршалы соединились, но Викторъ нашелъ невозможнымъ идти противъ Виттгенштейна. Его отступленіе позволило Виттгенштейну посылать отряды своего войска, куда угодно — къ Витебску, къ Минску или Динабургу. Онъ могъ бы вскорѣ соединиться съ Чичаговымъ, но къ счастію для главной французской арміи замедлилъ сдѣлать это.

Выходя изъ Москвы, наполеоновская армія была сильнѣе, чѣмъ при вступленіи туда, потому что во время ея пребыванія въ Москвѣ къ ней присоединилось много отсталыхъ. Отступленіе затруднялъ недостатокъ легкой кавалеріи, вслѣдствіе чего Наполеонъ не могъ получать свѣдѣній о движеніяхъ русскихъ. Артиллерійскія лошади ежедневно падали сотнями; притомъ походу мѣшали огромные обозы каретъ и фуръ съ кладью и награбленнымъ добромъ, что подвергало французовъ большой опасности, особенно въ узкихъ мѣстахъ пути. При самомъ началѣ отступленія Наполеонъ доказалъ свое стратегическое искусство, обманувъ Кутузова ложнымъ движеніемъ на Калугу и Тулу и такимъ образомъ открывъ себѣ возможность обойти его позицію. Потомъ онъ свернулъ съ предпринятаго пути въ сторону и прошелъ черезъ Мало-Ярославецъ и Верею къ Бородину, гдѣ вышелъ на прежнюю дорогу, потерявъ, правда, на обходъ нѣсколько дней. Октября 24 при Мало-Ярославцѣ произошло сраженіе, въ которомъ вице-король Евгеній нѣсколько времени одинъ удерживалъ непріятеля. Русскіе потеряли 8 тыс., французы 6 т. человѣкъ, и первые на другой день отступили. Кутузову пришлось дѣлать на пути къ Вязьмѣ обходъ, такъ что Наполеонъ прибылъ туда раньше его и до 31 числа, когда вступилъ въ Вязьму, находился въ безопасности отъ непріятельскихъ нападеній. Но уже на этомъ переходѣ французы несказанно страдали, хотя морозы, начавшіеся 27 октября, были еще сносны. Особенно ужасно было положеніе раненыхъ, которыхъ везли за арміей; у нихъ не было ни пищи, ни зимней одежды, и имъ приходилось ночевать въ чистомъ полѣ; въ довершеніе ихъ покинули всѣ присмотрщики и сторожа.

Ноября 2 французы двинулись дальше. Съ этого дня русская армія шла у нихъ постоянно подъ бокомъ. Справа шелъ самъ фельдмаршалъ Кутузовъ, слѣва отрядъ его арміи, а сзади французовъ сильно тѣснилъ Милорадовичъ. На походѣ Наполеонъ раздѣлилъ свою армію на три корпуса, шедшіе на полдня пути другъ отъ друга. Ими командовали Ней, вице-король и Даву. Самъ императоръ съ гвардіей шелъ впереди. Даву, начальствовавшій заднимъ корпусомъ, долженъ былъ прикрывать многочисленный обозъ и фурштатъ и погонять его впередъ. Императору показалось, что онъ дѣйствуетъ слишкомъ медленно, и въ Вязьмѣ на его мѣсто былъ назначенъ Ней. На пути изъ Вязьмы въ Смоленскъ, куда Наполеонъ прибылъ 3 ноября, морозы, еще 7 числа достигшіе 17°, сдѣлали на дорогѣ гололедицу, такъ что лошади, неподкованныя, падали тысячами. Недостатокъ продовольствія, ставшій вопіющимъ, нарушилъ порядокъ и невѣроятно расплодилъ мародеровъ и отсталыхъ. Большинство арміи давно уже кормилось единственно кониной. О гвардіи больше заботились, потому что въ ней заключалась единственная надежда хотя что-нибудь спасти и впослѣдствіи образовать изъ нея новую армію. Она продержалась въ порядкѣ не только до Смоленска, но и далѣе оказала важныя услуги. Ноября 4 по недостатку лошадей пришлось бросить въ озеро всю московскую добычу, множество каретъ, фуръ и пушекъ и взорвать безчисленное количество зарядныхъ ящиковъ. Ноября 9 корпусу вице-короля пришлось спасаться вплавь черезъ разливъ рѣчки, при чемъ многіе утонули, а весь обозъ со всѣми служащими при немъ и болѣе 80 пушекъ были покинуты и сдѣлались добычею казаковъ. Отъ всего корпуса Евгенія едва осталось 6 т. человѣкъ.

Къ 13 ноября вся армія собралась въ Смоленскъ, но не нашла здѣсь ожидаемыхъ спокойствія и пищи. Императоръ, правда, давно принялъ мѣры о продо-

вольствіи войскъ; но чиновники, которымъ было поручено привести ихъ въ исполненіе, были воры, такъ что на пути отъ Москвы до польской границы отъ голода погибло гораздо больше людей и лошадей, чѣмъ отъ холода и непріятеля. Въ Смоленскѣ солдаты, придя въ отчаяніе, стали распоряжаться сами, овладѣли магазинами и разграбили ихъ. Во всей собравшейся тамъ арміи, включая и смоленскій гарнизонъ, было только 40 т. чел. способныхъ къ бою; изъ 37,000 чел. кавалеріи, перешедшей Нѣманъ, оставалось только 3,000; изъ 600 пушекъ — 250. Зато отсталыхъ уже тогда считали тысячъ 50. Когда 13 ноября армія двинулась дальше, въ городѣ пришлось оставить въ безпомощномъ положеніи 6—7 тысячъ раненыхъ.

На пути изъ Смоленска къ Красному и Оршѣ Кутузовъ такъ превосходилъ Наполеона силами, что, аттаковавъ, могъ бы совершенно уничтожить его. Но онъ, должно быть, боялся риска открытаго боя, зная притомъ, что непріятельское войско и безъ того погибнетъ отъ недостатка, холода и утомительныхъ маршей. Ноября 15 Наполеонъ съ гвардіей вступилъ въ Красное. Евгеній также пробился туда, хотя съ тяжелой потерей. Но Даву былъ бы отрѣзанъ и взятъ въ плѣнъ, если бы Наполеонъ не обернулся и не помогъ ему. Ней былъ также окруженъ непріятелемъ 18 числа; его считали уже погибшимъ, но онъ спасся превосходнымъ маршемъ. Въ Оршѣ французская армія опять собралась вся, но должна была тотчасъ идти далѣе, потому что Виттгенштейнъ и Чичаговъ грозили соединиться и, снявъ единственный черезъ Березину мостъ въ Борисовѣ, отрѣзать ей путь въ Вильно. Уже Чичаговъ 21 ноября занялъ Борисовъ; но Виттгенштейна задержалъ Викторъ, а маршалъ Удино вытѣснилъ русскихъ изъ Борисова. Однако передъ отступленіемъ они сожгли мостъ. Когда французская армія двинулась изъ Орши къ Березинѣ, въ ней было только 30 т. человѣкъ подъ ружьемъ, а безоружныхъ и неспособныхъ къ бою около 60 т. Къ счастію, въ Оршѣ нашли продовольствіе и 25 орудій, съ хорошими лошадьми. Зато на пути изъ Орши къ Борисову наступила оттепель, которая очень затруднила движеніе въ болотистыхъ окрестностяхъ Березины.

Наполеонъ приказалъ какъ можно скорѣе навести черезъ Березину при Студянкѣ два моста — одинъ для лошадей и обоза, другой для пѣшихъ. Когда ихъ навели, 26 ноября началась та достопримѣчательная переправа черезъ Березину, въ которой французы претерпѣли самыя страшныя бѣдствія, какія только могутъ постичь людей на войнѣ. Удино и Домбровскій были поставлены прикрывать переправу на правомъ берегѣ, а Викторъ на лѣвомъ; Удино и Домбровскому было поручено не подпускать къ Березинѣ Чичагова, а Виктору — задерживать Виттгенштейна, пока французская армія не переправится. Удино и Домбровскій перешли 26 ноября на правый берегъ. На другой день армія начала переправляться, и переправа продолжалась до 29 числа. Въ теченіе ея одинъ мостъ сломался. Виттгенштейнъ взялъ Борисовъ и соединился съ Чичаговымъ, и въ довершеніе бѣдствія въ ночь на 28 сдѣлался страшный морозъ. Въ этотъ день между французами, еще остававшимися на лѣвомъ берегу, поднялся страшный безпорядокъ; отсталые такъ тѣснились на единственномъ уцѣлѣвшемъ мосту, что сотнями давили другъ друга и сталкивали въ воду, а между тѣмъ Виттгенштейнъ осыпалъ ихъ ядрами. Въ ночь на 29 перешелъ Викторъ съ послѣдними войсками; обозъ же побоялся перейти, такъ что ночью мостъ нѣсколько часовъ былъ пустъ. Зато 29 онъ представилъ зрѣлище величайшаго смятенія и ужасныхъ бѣдствій. Утромъ русскіе со всѣхъ сторонъ устремились на оставшихся; тогда все бросилось на мостъ, и произошла страшная давка, въ которой погибло еще больше людей, чѣмъ наканунѣ. Тысячи пали отъ холода, голода и изнуренія, отъ ядеръ русской артиллеріи и отъ казацкихъ пикъ. Къ счастью, болото, простирающееся за Березину слишкомъ на милю, крѣпко замерзло, и Чичаговъ не распорядился сжечь здѣсь мосты. Такимъ образомъ французы могли пройти и даже опередить русскихъ, задержавъ ихъ разрушеніемъ мостовъ. Впрочемъ ихъ оставалось только 8,400 человѣкъ, считая тутъ и войска Удино и Виктора. Изъ Польши и изъ Вильно имъ выслали подкрѣпленія; но эти новыя войска также потерпѣли дорогой отъ морозовъ, а присоединившись къ остаткамъ великой арміи, заразились какъ чумой господствовавшимъ въ ней смятеніемъ.

При всѣхъ безпримѣрныхъ бѣдствіяхъ, сопровождавшихъ отступленіе французовъ изъ Москвы, Наполеонъ въ своихъ бюллетеняхъ и министръ его, Маре, въ своихъ нотахъ изъ Вильно къ иностраннымъ посламъ все разсказывали о побѣдахъ французскихъ войскъ. Раболѣпный Маре до того заврался, что лгалъ даже въ донесеніяхъ командиру лѣваго крыла Макдональду, хотя ему, разумѣется, слѣдовало бы говорить правду. Только въ Молодечно, уже почти на полпути изъ Борисова въ Вильно, Наполеонъ рѣшился повѣдать истину. Тамъ 3 декабря онъ продиктовалъ знаменитый двадцать девятый бюллетень, въ которомъ разсказалъ о положеніи своей арміи съ ужасающею правдой, однако скрывъ всѣ несчастія, которыя случились еще до Смоленска, и приписавъ все бѣдствіе единственно морозамъ, хотя они достигли сильнѣйшей степени (27 градусовъ) именно въ этотъ день, 3 декабря. въ Молодечно онъ сдѣлалъ превосходныя распоряженія для немедленнаго сформированія Въ Польшѣ новой арміи; но они оказались неисполнимыми, потому что онъ не принялъ въ разсчетъ существующихъ обстоятельствъ.

Въ Сморгонахъ Наполеонъ покинулъ остатки своей арміи и сопровождаемый только Коленкуромъ, Дюрокомъ и Мутономъ, поскакалъ черезъ Вильно, Варшаву и Дрезденъ въ Парижъ. Онъ прибылъ туда 19 декабря, черезъ два дня по обнародованіи 29 бюллетеня, который поразилъ Францію какъ громомъ. Передъ отъѣздомъ онъ поручилъ войска людямъ недостойнымъ, обративъ вниманіе не на заслуги, а на родственныя отношенія и санъ. Вмѣсто того, чтобы назначить главнокомандующимъ маршала Нея, который, командуя арьергардомъ, совершилъ неимовѣрные подвиги, онъ поручилъ начальство шурину, королю неаполитанскому, и князю Невшательскому, изъ которыхъ ни одинъ не могъ управиться съ обстоятельствами. Декабря 8 Мюратъ привелъ остатки арміи въ Вильно, гдѣ были огромные запасы провіанта. Но чиновники до того мѣшкали раздачей продовольствія, что солдатамъ и тутъ пришлось терпѣть лишенія. Наконецъ голодъ принудилъ ихъ напасть на магазины и разграбить ихъ; впрочемъ они все равно достались бы русскимъ. Уже 10 декабря Мюратъ выступилъ изъ Вильно, покинувъ въ городѣ 20 т. раненыхъ и больныхъ. У него оставалось подъ ружьемъ всего 4,300 чел. Ней, шедшій въ арьергардѣ, имѣлъ только жалкіе остатки одной дивизіи и около 2 т. баварцевъ; но и этотъ отрядъ до того ежедневно уменьшался, что наконецъ въ Ковно Ней и Вреде очутились одни. Чтобы избѣгнуть преслѣдовавшихъ казаковъ, самъ Мюратъ долженъ былъ покинуть за Вильно остатки обоза и артиллеріи, а военную кассу, простиравшуюся до 6 или, по Шанбре, даже до 10 милліоновъ, — частью раздать солдатамъ, частью раскидать по дорогѣ, чтобы этимъ способомъ задержать алчныхъ казаковъ. Декабря 14 армія Мюрата состояла уже только изъ тысячи человѣкъ съ 9 пушками. Король привелъ эти остатки въ Кёнигсбергъ, а оттуда, собравъ еще кое-какіе послѣдки великой арміи, — въ Познань. Оттуда онъ поспѣшилъ 16 января 1813 въ Неаполь, потому что его жена, Каролина, выказывала намѣреніе, подобно Каролинѣ бѣдняги Фердинанда, распоряжаться королевствомъ по своему, не обращая вниманія на мужа. Бертье также отказался отъ начальства, которое поэтому принялъ вице-король Евгеній. Наполеонъ взбѣсился на шурина, во первыхъ, за то, что онъ бросилъ въ добычу русскимъ дорогіе виленскіе магазины, а во-вторыхъ, за тайные переговоры, которые король давно завелъ съ Англіей. Но и Мюратъ, съ своей стороны, былъ недоволенъ императоромъ до того, что однажды назвалъ его передъ генералами безнадежно погибшимъ сумасшедшимъ и за это получилъ рѣзкій нагоняй отъ суроваго Даву.

Всего за Нѣманъ въ Пруссію возвратилось 30 — 40 тысячъ человѣкъ; но это были безпорядочныя ватаги безъ начальства и дисциплины, и потому тотчасъ разбрелись во всѣ стороны. Лучше всего перенесли бѣдствія русскаго похода поляки, привыкшіе къ морозамъ; они одни и спасли свою артиллерію. Притомъ польскіе отряды, бывшіе въ арміи Мюрата, нашли въ Варшаву окольный путь, на которомъ пользовались продовольствіемъ и порядочными стоянками. Польскій отрядъ Понятовскаго, состоявшій съ саксонцами при корпусѣ Шварценберга, также добрался до Варшавы, хотя съ тяжкими потерями. Въ Варшавѣ вскорѣ образовалась новая польская армія.

Кутузовъ далъ своимъ войскамъ отдыхъ 16 декабря въ окрестностяхъ Вильно. Чичаговъ проникъ до пограничной рѣки Нѣмана, къ которой подошелъ 18 числа. Виттгенштейнъ, еще не доходя Вильно, свернулъ къ Тильзиту, потому что въ это время у русскихъ уже состоялось тайное соглашеніе съ прусскимъ корпусомъ, бывшимъ при войскахъ Макдональда. Декабря 22 императоръ Александръ прибылъ въ Вильно. Русскія войска также потерпѣли невѣроятныя потери; по словамъ Шанбре, въ концѣ 1812 всѣхъ ихъ оставалось едва 100 тысячъ человѣкъ: у Кутузова изъ 120 т. только 35 т., у Виттгенштейна изъ 30 т. едва 13 т., у Чичагова тоже небольше.

Сотни тысячъ людей всѣхъ націй плачевнѣйшимъ образомъ погибли въ русской войнѣ. Но Наполеона это страшное несчастіе поразило гораздо меньше, чѣмъ одно ничтожное происшествіе въ Парижѣ, потому что оно показало свѣту, что основанная имъ держава держится лишь его личными качествами, а не привязанностью народа къ его системѣ; т. е. что Франція вѣритъ только въ императора, но отнюдь не въ имперію. То была попытка республиканца, генерала Мале, воспользоваться отсутствіемъ Наполеона, чтобы насильственно низвергнуть его правительство. Мале служилъ офицеромъ еще до революціи, во время которой возвысился до степени бригаднаго генерала. Онъ принялъ въ свое время принципы 1793 и остался имъ вѣренъ. Еще въ 1807 онъ былъ заподозрѣнъ въ заговорѣ и посаженъ въ тюрьму какъ политическій преступникъ. Въ 1809 онъ нашелъ средства завести республиканскіе происки изъ тюрьмы, но по ходатайству друзей былъ признанъ сумасшедшимъ и препровожденъ въ лечебницу. Здѣсь онъ пользовался нѣкоторой свободой, такъ что имѣлъ возможность вступить въ сношенія съ нѣсколькими политическими мечтателями и попытаться осуществить свой планъ 1809 года.

Мечтатели эти были: капралъ муниципальной гвардіи, молодой Рато, служившій въ лечебницѣ, и учитель Бутрё. Къ нимъ присоединились содержавшійся въ той же лечебницѣ Лафонъ, принявшій участіе въ замыслѣ въ интересахъ Бурбоновъ, потому что былъ ихъ тайнымъ агентомъ, и испанскій священникъ Каманго. Мале задумалъ съ ними произвести внезапное возстаніе, свергнуть Наполеона и учредить временное правительство. Заговорщики заготовили поддѣльныя прокламаціи и сенатскіе декреты, въ которыхъ возвѣщалось, что Наполеонъ умеръ, объявлялось, что семейство его устраняется отъ престола, назначается временное правительство, смѣняются многіе чиновники, Мале назначается начальникомъ первой военной дивизіи, а два другіе арестованные генералы, Лаори и Гидаль — первый министромъ полиціи, а второй — полицейскимъ префектомъ. Все это велось тайно въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, когда наконецъ двухнедѣльное отсутствіе всякихъ извѣстій изъ Россіи дало возможность приступить къ дѣлу.

Въ ночь 23 октября Мале въ генеральскомъ мундирѣ сѣлъ на приготовленную лошадь, назвавшись другимъ именемъ, отправился въ сопровожденіи Рато въ адъютантскомъ мундирѣ въ казармы одной когорты національной гвардіи и прочелъ тамъ поддѣльные акты. Войска повѣрили, и Мале повелъ часть когорты въ тюрьму Ла-Форсъ, чтобы освободить генераловъ Лаори и Гидаля. Они не участвовали въ замыслѣ и потому были чрезвычайно удивлены своимъ освобожденіемъ и назначеніями. Однако они совершенно повѣрили Мале. Кромѣ нихъ было освобождено еще нѣсколько офицеровъ, но всѣ возвратились подъ стражу, кромѣ корсиканца Боккіаппа, который, напротивъ того, принялъ должность префекта сенскаго департамента. Изъ тюрьмы Ла-Форсъ Мале написалъ полковнику пѣхотнаго полка парижской гвардіи Раббу занять войсками зданіе сената, казначейство, банкъ и городскія ворота. Всѣ дотого привыкли къ безпрекословному повиновенію, что Раббъ немедленно исполнилъ приказъ, даже не помысливъ разсуждать о его значеніи. Между тѣмъ Лаори и Гидаль арестовали министра полиціи Савари и полицейскаго префекта Пакье, послали ихъ въ тюрьму и вступили въ ихъ должности. Сенскій префектъ Фрошо простеръ повиновеніе до того, что приказалъ приготовлять залы ратуши для засѣданій временнаго правительства. Между тѣмъ Мале отправился на Вандомскую площадь арестовать парижскаго коменданта Юлена. Но здѣсь случайное обстоятельство разрушило все это безумно смѣлое предпріятіе. Мале ранилъ пистолетнымъ выстрѣломъ

Юлена, который потребовалъ предъявленія приказа объ арестѣ; но въ это время одинъ полицейскій и начальникъ военной полиціи, батальонный командиръ Лабордъ, находившіеся въ комендантствѣ, узнали своего бывшаго арестанта, Мале. Лабордъ и начальникъ комендантскаго штаба Дуко кинулись на него и взяли его въ плѣнъ. Вслѣдъ затѣмъ были схвачены генералы Лаори и Гидаль. Такимъ образомъ въ 9 часовъ утра все было уже кончено. Впрочемъ еще до ареста Мале военное министерство приняло мѣры къ подавленію возстанія. Въ городѣ господствовало величайшее смятеніе, но никто не пикнулъ ни за, ни противъ правительства.

Виновные были тотчасъ преданы военному суду, и пятнадцать человѣкъ, въ томъ числѣ Мале, Лаори, Гидаль, Боккіаннъ, Раббъ и Рато, были приговорены къ смерти. Уже 28 октября они были казнены, за исключеніемъ Рабба и Рато, которымъ дали отсрочку, и впослѣдстіи императоръ помиловалъ ихъ. Несмотря на ничтожество этой попытки, она произвела на Наполеона очень серьезное впечатлѣніе. Она показала ему, что даже его чиновники считаютъ смерть его и учрежденіе временнаго правительства—обстоятельствами неразрывно между собой связанными; ясно, стало быть, до чего никто ни во что не ставилъ его распоряженій о престолонаслѣдіи. Кромѣ того, дѣло это доказало ничтожество всей его административной системы и полиціи. Прибывъ въ Парижъ, онъ очень рѣзко и метко выразился въ государственномъ совѣтѣ о жалкомъ поведеніи высшихъ властей и о равнодушіи гражданъ. Но ему слѣдовало бы понять, что все это — неизбѣжные результаты его собственной системы. Онъ же презрѣлъ предостереженіями, которыя явились ему въ бѣдствіяхъ русскаго похода и въ заговорѣ Мале.

4. Первые мѣсяцы 1813 года.

Первымъ слѣдствіемъ гибели наполеоновской арміи было отпаденіе Пруссіи. Со времени тильзитскаго мира всѣ значительные государственные люди Пруссіи или открыто противились союзу съ Франціей, или тайно хлопотали объ освобожденіи отечества. Съ этою цѣлью они вели обширныя сношенія, которыми заправлялъ баронъ фонъ-Штейнъ, бывшій съ мая 1812 неразлучнымъ спутникомъ императора Александра. Много хлопотали также Клаузевицъ и другіе офицеры, перешедшіе въ русскую службу. Они завели сношенія съ прусскими генералами, осаждавшими Ригу, и хотя послѣдніе пунктуально соблюдали свои военныя обязанности, однако своимъ поведеніемъ дали своему главнокомандующему, Макдональду, поводъ жаловаться, что не дѣлаютъ ничего сверхъ требуемаго. Прусскій канцлеръ Гарденбергъ имѣлъ подробныя свѣдѣнія о дѣятельности членовъ Тугендбунда, но, продолжая играть свою двуличную роль, представлялся весьма возмущеннымъ ихъ демагогическими происками. Король взаправду сердился на политическія движенія въ своемъ государствѣ, такъ что посланникъ Наполена въ Берлинѣ, Сенъ-Марсанъ, и маршалъ Ожеро, командовавшій французскими войсками въ Пруссіи, не имѣли никакого повода сомнѣваться въ его искренности. Узнавъ о положеніи наполеоновской арміи въ Россіи, онъ предписалъ 20 декабря командиру своего вспомогательнаго корпуса, генералу Йорку, сдѣлать все зависящее для спасенія прусскихъ войскъ. Генералъ Йоркъ и помощникъ его, фонъ Массенбахъ, были, должно быть, давно убѣждены, что настало время принять самое отважное рѣшеніе и этимъ заставить короля дѣйствовать патріотически, такъ какъ самъ онъ никогда не рѣшится на это. Они снеслись съ товарищемъ своимъ, Клаузевицемъ, съ русскимъ главнокомандующимъ, Виттгенштейномъ, и съ начальникомъ его штаба, Дибичемъ, и едва гибель французской арміи стала несомнѣнной, какъ они принялись за дѣло. При отступленіи пруссаковъ съ войсками Макдональда къ Нѣману, Йоркъ заключилъ 30 декабря при Пошерунгѣ близъ Таурогена договоръ съ Дибичемъ, вслѣдствіе котораго прусскія войска отстали отъ французскихъ подъ вывѣской нейтралитета. Въ силу его прусскія войска должны были стоять спокойно въ извѣстномъ округѣ Восточной Пруссіи и, если король прусскій не утвердитъ этого договора,

два мѣсяца не принимать участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, однако въ ожиданіи этого съ правомъ набирать рекрутъ и преобразовываться, и русскіе обязались даже отпустить къ нимъ всѣхъ отсталыхъ и плѣнныхъ. Уже 31 декабря Йоркъ и Массенбахъ отказались повиноваться Макдональду, который отвелъ своихъ уцѣлѣвшихъ французовъ въ числѣ 6—7 т. чел. въ Кёнигсбергъ.

Король Фридрихъ Вильгельмъ очень разсердился на поступокъ своего генерала. Онъ тотчасъ показалъ донесеніе Йорка французскому посланнику, отрѣшилъ Йорка отъ должности и велѣлъ предать его военному суду. Гарденбергъ, посвященный въ тайну, изъ хитрости принялъ наивный и озлобленный видъ. Но онъ зналъ, что Йоркъ поступилъ по желанію народа и что поступокъ его увлечетъ и всю націю, и короля. Поведеніе короля и канцлера, можетъ быть, обмануло Сенъ-Марсана и Ожеро, а, можетъ быть, также они боялись вызвать общее возстаніе въ Пруссіи, которую только король держалъ въ связи съ Франціей; въ противномъ случаѣ они, вѣроятно, арестовали бы короля. Йоркъ съ помощью Виттгенштейна, занявшаго провинцію Пруссію, усиливалъ свое войско вербовкой. Въ февралѣ 1813 русскіе передали ему крѣпость Пиллау, гарнизонъ которой былъ вынужденъ капитулировать. Кромѣ того русскіе учредили въ Пруссіи администрацію отъ имени Фридриха Вильгельма; баронъ фонъ Штейнъ былъ поставленъ во главѣ ея. Тотчасъ по прибытіи въ Кёнигсбергъ онъ созвалъ провинціальный сеймъ и съ согласія его поручилъ Д о н ѣ и Клаузевицу сформировать 30 т. милиціи, такъ называемый ландверъ, чтобы служилъ резервомъ для регулярной арміи.

Между тѣмъ, чтобы обмануть французовъ, Гарденбергъ послалъ въ январѣ 1813 въ Парижъ князя Гацфельда съ дружескими завѣреніями и завелъ даже переговоры о брачномъ союзѣ между прусскимъ и французскимъ царствующими домами. Но въ тоже время шли тайные переговоры о союзѣ Пруссіи съ Россіей. Переговоры эти велись въ Стокгольмѣ, гдѣ было меньше присмотра. Января 22 король Фридрихъ Вильгельмъ внезапно выѣхалъ изъ Берлина, гдѣ французы ежеминутно могли арестовать его, въ Бреславль. Правда, въ прокламаціи, которою онъ извѣщалъ народъ о своемъ отъѣздѣ, онъ увѣрялъ, что Пруссія пребудетъ вѣрна союзу съ Франціей. Притомъ французскій посланникъ сопровождалъ его въ Бреславль. Это поведеніе до сихъ поръ даетъ французамъ поводъ обвинять прусское правительство въ коварствѣ и измѣнѣ; но французамъ на этотъ разъ воздали ихъ же монетой, и нельзя ставить въ вину королю и Гарденбергу, что они развязались съ насильно навязаннымъ союзнымъ договоромъ, который притомъ Наполеонъ самъ неоднократно нарушалъ.

Въ Бреславль Фридрихъ Вильгельмъ прибылъ 25 января. Къ нему тотчасъ явились сюда Блюхеръ, Гнейзенау, Шарнгорстъ и тому подобные люди. Всему свѣту стало ясно, что всѣ заявленія дружбы къ Франціи ничего не значили. Февраля 3 король призвалъ къ оружію всѣхъ пруссаковъ отъ 18 до 24-лѣтняго возраста; 9 февраля онъ отмѣнилъ всѣ изъятія отъ военной службы и разрѣшилъ формированіе волонтеровъ. На счетъ цѣли этихъ мѣропріятій сомнѣнія не было. Февраля 16 Гарденбергъ обратился къ французскому посланнику съ предложеніемъ мирнаго посредничества, изъ чего Наполеонъ понялъ, что прусскій кабинетъ хочетъ начать противъ него народную войну. Предложеніе было, понятно, дипломатической продѣлкой, потому что по характеру его ни Франція, ни Россія не могли принять его, и потому Наполеонъ справедливо счелъ его предисловіемъ къ объявленію войны. Уже 27 февраля Гарденбергъ подписалъ въ Бреславлѣ, а 28 Кутузовъ въ Калишѣ договоръ о союзѣ между Пруссіей и Россіей. Марта 11 король манифестомъ выразилъ одобреніе поступку Йорка. 15 числа императоръ Александръ самъ пріѣхалъ въ Бреславль. На другой день французскому посланнику объявили о состоявшемся союзѣ между Пруссіей и Россіей, и онъ тотчасъ уѣхалъ. Марта 27 прусскій посланникъ въ Парижѣ, Круземаркъ, объявилъ войну, на что получилъ высокомѣрный и угрожающій отвѣтъ отъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, герцога Бассано.

Договоръ, заключенный 27 февраля, въ подлинномъ видѣ неизвѣстенъ. Главнымъ условіемъ его было возстановленіе прусскаго государства въ предѣлахъ 1806 года, за исключеніемъ ганноверскихъ владѣній. Русскій императоръ обязался не слагать оружія, пока цѣль эта не будетъ достигнута. Россія должна

была выставить 150 т. войска, Пруссія — 80,000; положено было хлопотать о привлеченіи къ союзу Австріи и о склоненіи Англіи къ платежу Пруссіи субсидіи. Въ другомъ договорѣ, подписанномъ 19 марта графомъ Нессельроде и барономъ Штейномъ за Россію, Гарденбергомъ и Шарнгорстомъ за Пруссію, были постановлены условія союзнаго веденія войны. Важнѣйшей статьей его было объявленіе, что Россія и Пруссія поднимаютъ оружіе съ единственной цѣлью освободить нѣмецкій народъ отъ французскаго ига и потому взываютъ не только къ правительствамъ, но и къ самому народу, приглашая его возстать за свободу. Это было какъ бы вызовомъ къ возстанію подданыхъ и противъ своихъ государей, если бы они продолжали держать руку Франціи. Кромѣ того, по настоянію Штейна, въ прокламаціи было сказано, что германскіе государи, которые не станутъ содѣйствовать освобожденію отечества, будутъ объявлены лишенными престоловъ. Черезъ два года Александръ и Фридрихъ Вильгельмъ раскаялись въ этихъ мѣрахъ. На соглашеніи 19 марта было также рѣшено учредить русско-прусскую административную коммисію, такъ называемое генеральное правленіе. Оно должно было управлять всѣми областями, которыя будутъ заняты союзными войсками, кромѣ Пруссіи и бывшихъ ганноверскихъ провинцій; доходы съ этихъ областей слѣдовало дѣлить поровну между Россіей и Пруссіей. Центральному правленію поручено было назначать въ занимаемыя области военныхъ и гражданскихъ губернаторовъ. Членами его были назначены — со стороны Пруссіи министръ Штейнъ и его другъ, тайный совѣтникъ фонъ Шёнъ; со стороны Россіи — графъ Кочубей и статскій совѣтникъ Редигеръ.

Еще до объявленія войны Фридрихъ Вильгельмъ учредилъ 10 марта орденъ Желѣзнаго Креста въ награду за отличія въ предстоявшей національной войнѣ. Марта 17 король обратился къ народу и войску съ воззваніемъ, говоря, что предстоящая борьба не обыкновенная политическая война, а такая, гдѣ приходится рисковать всѣмъ; поэтому онъ призываетъ къ оружію всю націю и обѣщаетъ, что королевская фамилія будетъ дѣлить съ народомъ всѣ опасности и что въ награду за предстоящія тяжелыя жертвы всѣ сословія получатъ свободу и право голоса въ государственныхъ дѣлахъ. Вслѣдствіе этой прокламаціи во всемъ государствѣ была учреждена милиція или такъ называемый ландверъ (стр. 605) по образцу провинціи Пруссіи. Рюле фонъ Лиліенштернъ оказалъ государству организаціей ландвера такую же услугу, какъ генералъ Шарнгорстъ преобразованіемъ арміи.

Австрія отступилась отъ Франціи не быстро и рѣшительно, какъ Пруссія, а постепенно и съ разными дипломатическими виляніями. Поведеніе австрійскаго кабинета было странно еще во время русской войны. Шварценбергъ дѣйствовалъ въ 1812 противъ русскихъ совершенно также, какъ въ 1809 русскіе противъ Австріи (стр. 559). Еще въ октябрѣ 1812 въ Вѣнѣ зашли переговоры, а 21 декабря въ Варшавѣ Шварценбергъ заключилъ словесное перемиріе съ русскимъ агентомъ въ Польшѣ, эльзаскимъ эмигрантомъ барономъ Анстеттеномъ. Въ концѣ января 1813 Шварценбергъ получилъ приказаніе отступить къ галиційской границѣ. Онъ сдалъ Варшаву на капитуляцію русскимъ и двинулся къ Кракову. Саксонцевъ подъ начальствомъ Ренье онъ отправилъ на родину, а польскія войска Понятовскаго увелъ съ собой. Утверждаютъ, что объ этомъ было заключено соглашеніе съ русскими, и дѣйствительно, это ясно изъ тайнаго договора, заключеннаго 23 марта австрійскимъ уполномоченнымъ Лебцельтерномъ съ графомъ Нессельроде; этотъ договоръ имѣлъ очевидно цѣлью облегчить русскимъ войскамъ вступленіе въ герцогство Варшавское и держать Понятовскаго съ поляками въ бездѣйствіи.

Между тѣмъ глава австрійскаго кабинета, князь Меттернихъ, велъ двусмысленные переговоры съ наполеоновскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, честнымъ Отто (стр. 494). Онъ дѣлалъ видъ, что желаетъ выхлопотать своимъ посредничествомъ примиреніе, и подъ этимъ предлогомъ послалъ Лебцельтерна въ русскую главную квартиру, а Вессенберга въ Лондонъ; но эти агенты на своихъ постахъ занимались вовсе не посредничествомъ. Однако Меттернихъ все еще больше склонялся къ Франціи, чѣмъ къ Россіи, потому что его политическая система несравненно ближе подходила къ наполеоновскимъ принципамъ, чѣмъ къ началамъ, провозглашеннымъ Александромъ, и къ обѣщаніямъ, даннымъ нѣмецкому народу

отъ имени короля Фридриха Вильгельма. Вслѣдствіе этого посланный имъ въ Парижъ графъ Бубна долженъ былъ узнать, не дастъ ли Наполеонъ за дружбу Австріи дороже союзниковъ. Но посольство Бубны имѣло также цѣлью обмануть Наполеона, потому что Австрія находила еще неблагоразумнымъ сбрасывать маску. Наполеонъ не вѣрилъ австрійскому кабинету; но вмѣсто того, чтобы купить его цѣною нѣкоторыхъ пожертвованій, какъ ему совѣтовалъ Талейранъ, онъ предпочелъ въ своемъ самообольщеніи рискнуть всѣмъ. Не довѣрять Австріи онъ имѣлъ полное основаніе, потому что австрійское правительство въ это время опять призвало къ дѣламъ его заклятаго врага, графа Стадіона, отставленнаго по его требованію въ 1803. Въ мартѣ Австрія послала въ Парижъ князя Шварценберга, передавъ начальство войсками въ Польшѣ генералу Фримонту. Шварценбергъ прибылъ въ Парижъ только въ половинѣ апрѣля, потому что по дорогѣ вывѣдывалъ настроеніе южно-германскихъ государей и нашелъ, что всѣ они, кромѣ короля виртембергскаго, нерасположены къ французскому владычеству. Самъ Наполеонъ изъ пристрастія къ старинной аристократіи въ это критическое время ввѣрилъ свои дипломатическія дѣла знатнымъ аристократамъ. Посланникомъ въ Мюнхенъ онъ назначилъ бельгійца, графа Мерси д'Аржанто, который былъ гораздо ближе къ австрійской аристократіи, чѣмъ къ новой французской. Въ мартѣ онъ отозвалъ изъ Вѣны честнаго, но уже вовсе не аристократичнаго Отто и послалъ на его мѣсто ловкаго, увертливаго, но поверхностнаго пріятеля г-жи Сталь, графа де Нарбона (стр. 591), великаго человѣка на малыя дѣла, но въ сущности ни къ чему негоднаго. Не смотря на обязательство, принятое въ мартѣ 1812, помогать Франціи (стр. 589), Австрія соблюдала нейтралитетъ и даже, хотя продолжая играть роль посредницы, тайно сошлась съ Пруссіей и Россіей, такъ что когда весной 1813 началась война, она сообразовала съ этимъ свои стратегическія мѣропріятія.

Императоръ Александръ обезпечилъ себя и въ Польшѣ. Его бывшій министръ, князь Адамъ Чарторійскій (стр. 590), доставилъ ему между своими соотечественниками такое же вліяніе, какимъ онъ пользовался въ Пруссіи черезъ Штейна и другихъ нѣмецкихъ патріотовъ. Когда по хлопотамъ де Прадта въ Варшавѣ составилась генеральная конфедерація, главой которой сдѣлался отецъ Чарторійскаго, князь Адамъ повиновался приказанію этого собранія выйдти изъ русской службы, однако составилъ въ Варшавѣ русскую партію, которая думала возстановить польское государство съ помощью не Франціи, а могущественнаго, но кроткаго императора русскаго. Увлекающіеся польскіе магнаты считали этотъ планъ очень легко осуществимымъ, потому что въ короли возстановляемой Польши прочили русскаго принца. Александръ принялъ ихъ планъ, но единственно съ цѣлью отвлечь ихъ несбыточными надеждами отъ союза съ Франціей. Онъ и самъ не могъ возвратить старо-польскихъ провинцій, потому что этому воспротивилась бы такъ называемая патріотическая партія, да и при тогдашнихъ обстоятельствахъ онъ не могъ нанести такого оскорбленія Пруссіи и Австріи. Онъ даже высказалъ все это полякамъ, когда въ концѣ декабря 1812 они представили ему свой планъ. Однако онъ завѣрилъ ихъ въ своемъ сочувствіи, обѣщалъ, что войска его будутъ смотрѣть на поляковъ, какъ на друзей и братьевъ, и объявилъ, что не сложитъ оружія, пока не осуществятся всѣ надежды поляковъ. Этимъ онъ вполнѣ достигъ своей цѣли—отдалить поляковъ отъ Франціи.

Чего Чарторійскій тщетно добивался отъ русскаго царя для Польши, того баронъ фонъ Штейнъ вполнѣ достигъ для Пруссіи и Германіи. Штейнъ и его друзья желали тогда создать новую Пруссію и новую Германію. Для этой цѣли они отлично пользовались характеромъ русскаго императора. Имъ очень помогало, что въ то время люди самыхъ противоположныхъ направленій и возз рѣній сходились въ одной общей цѣли. Весь высшій свѣтъ Россіи, начиная съ императора и вдовствующей императрицы, австрійская аристократія, вліявшая на общество въ своихъ видахъ черезъ Генца и Фридриха Шлегеля, госпожа де Сталь и кружокъ этой барыни и ея друга Августа Вильгельма Шлегеля въ Стокгольмѣ, ганноверскій графъ Мюнстеръ, идолъ аристократіи, тевтонскіе мечтатели, подобные Яну, фанатическіе якобинцы, какъ Гёрресъ, истинно свободномыслящіе люди, какъ Штейнъ, Шладенъ, Гнейзенау и Шарнгорстъ, люди науки—Фихте, Арндтъ и Шлейермахеръ,—всѣ были соединены невидимыми узами въ преслѣдованіи од-

ной задачи — низверженія французскаго владычества. Душой этого союза былъ баронъ фонъ Штейнъ, человѣкъ честный, энергическій и имѣвшій то удобство, что не состоялъ ни въ прусской, ни въ русской службѣ, хотя завѣдывалъ и частью управлялъ дѣлами по порученію этихъ двухъ державъ.

По его иниціативѣ въ провинціи Пруссіи составилось отличное войско и вооруженное народное ополченіе. Вскорѣ потомъ Штейнъ съ друзьями съумѣлъ исторгнуть у короля Фридриха Вильгельма тѣ манифесты и распоряженія, которыми весь народъ былъ призванъ къ оружію, чтобы въ союзѣ съ русскими начать рѣшительную борьбу противъ національнаго врага. Воззванія патріотовъ производили на народъ большое впечатлѣніе, потому что были искренни, не то, что софизмы и вычурное краснорѣчіе прокламацій, сочинявшихся въ 1809 Генцомъ и Шлегелями. Патріотическое чувство вспыхнуло во всей сѣверной Германіи съ такой силой, что подобнаго явленія не было во всей германской исторіи. Какъ въ 1792 во Франціи, стало даже опасно не раздѣлять господствующаго энтузіазма. Всѣ писатели, даже барышничествующіе книжные фабриканты, распространяли патріотическое увлеченіе и воспламеняли молодежь. Движеніе было такъ сильно, что отзывается до сихъ поръ. Если бы Наполеону удалось покорить Германію, онъ испыталъ бы въ ней тоже, что испыталъ въ Испаніи. Всѣ партіи на время соединились, всѣ силы устремились къ одной цѣли, всѣ сословія взялись за оружіе. Писатели, профессоры, чиновники, священники, студенты и гимназисты вступали въ волонтеры или въ армію, чтобы принять участіе въ народной войнѣ. Кто не могъ сражаться, давалъ денегъ, и даже женщины старались пробуждать и оживлять энтузіазмъ. Только этимъ общимъ увлеченіемъ можно объяснить, что къ концу 1813 Пруссія могла содержать 200,000 человѣкъ войска.

Швеція приняла въ отношеніи Наполеона и его враговъ очень странное положеніе. Она еще въ мартѣ 1812 заключила союзъ съ Россіей, а въ іюлѣ съ Англіей (стр. 584). Тѣмъ не менѣе она не прекратила и дружескихъ отношеній къ Франціи. Шведскій посланникъ д'Осонъ остался въ Парижѣ, французскій повѣренный де Кабръ въ Стокгольмѣ. Де Кабръ шпіонилъ, подстрекалъ недовольныхъ и интриговалъ на всѣ лады, такъ что наконецъ Россія и Англія потребовали его удаленія, и въ концѣ 1812 онъ былъ выпровоженъ полиціей. Тогда, конечно, и д'Осону слѣдовало бы потребовать въ Парижѣ своихъ паспортовъ; вмѣсто того онъ пробылъ тамъ еще цѣлый мѣсяцъ, что было очень подозрительно. Въ январѣ 1813 шведское правительство издало противъ Наполеона длинный манифестъ и 3 марта заключило съ Англіей наступательный союзъ. Однако правитель Швеціи, наслѣдный принцъ Карлъ Бернадотъ, медлилъ начинать войну. Шведскій народъ былъ очень нерасположенъ къ этой войнѣ, а самъ онъ все еще надѣялся получить черезъ Наполеона обѣщанную ему Англіей и Россіей Норвегію. Въ мартовскомъ договорѣ Швеція обѣщала послать въ Германію 30 т. войска, которыя должны были соединиться съ русскимъ корпусомъ подъ общимъ начальствомъ наслѣднаго принца. Англія съ своей стороны обязалась взять на себя расходы по вооруженію этихъ 30 т. человѣкъ и платить на содержаніе ихъ по 20 т. фунтовъ ежемѣсячно. При этомъ она гарантировала Швеціи Норвегію и уступила ей отнятый у Франціи островъ Гвадалупу. Послѣднее особенно привело въ негодованіе Наполеона, и онъ велѣлъ своему сенату объявить, что Франція не начнетъ съ Швеціей мирныхъ переговоровъ, пока та не отступится отъ Гвадалупы.

Тогда наслѣдный принцъ отправилъ часть войскъ въ Померанію и въ концѣ мая прибылъ туда самъ съ остальными. Въ то же время онъ совершенно поссорился съ своякомъ своимъ, королемъ Іосифомъ испанскимъ, признавъ правительство кортесовъ и вступивъ съ нимъ въ переговоры. Но ему все-таки не хотѣлось начинать войну, и онъ объявилъ ее только въ августѣ.

5. Приготовленія къ кампаніи 1813 и ея начало.

Возвратясь изъ Россіи во Францію, Наполеонъ предпринялъ громадныя приготовленія къ возобновленію войны и учредилъ, чего прежде никогда не дѣлалъ, на время своего отсутствія совѣтъ регентства. Въ то же время онъ постарался уладить свою ссору съ папой. Онъ распорядился, чтобы во время его отсутствія изъ государства въ кампанію, дѣлами управляли его жена и правительственный совѣтъ. Онъ находилъ опаснымъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ удаляться изъ Франціи надолго и подвергаться случайностямъ новой войны, не оставивъ въ Парижѣ высшей правительственной власти. Ввѣряя высшую власть императрицѣ, онъ, можетъ быть, хотѣлъ угодить австрійскому императору, который былъ очень нуженъ ему.

Наполеону было непремѣнно нужно какъ-нибудь уладить свою ссору съ папой, потому что при тогдашнихъ крутыхъ обстоятельствахъ онъ не могъ одновременно воевать и съ русскими, и съ клерикалами. Нѣкоторыя духовныя лица уже начали намекать въ проповѣдяхъ и окружныхъ посланіяхъ на гнѣвъ Божій, выказавшійся въ бѣдствіяхъ русскаго похода. Другіе служили обѣдню не въ церквахъ, а въ частныхъ помѣщеніяхъ. Иные до того простирали свое фанатическое рвеніе, что нападали и на самого папу за его конкордатъ съ Наполеономъ. Въ духовныхъ сочиненіяхъ и даже въ молитвенникахъ являлись выходки противъ вмѣшательства правительства въ церковныя дѣла. Пришлось посадить въ тюрьмы цѣлыя сонмища священниковъ, особенно въ Церковной Области. Но было очевидно, что силой ничего не подѣлаешь противъ столь вліятельнаго сословія. Поэтому, когда положеніе Наполеона стало опасно, онъ долженъ былъ принять мѣры какъ-нибудь укротить неудовольствіе духовенства.

Для этого было нужно примириться съ главою церкви. Въ первые дни 1813 Наполеонъ возобновилъ съ нимъ переговоры, прерванные во время русскаго похода. Такъ какъ они ни къ чему не приводили, онъ самъ отправился въ Фонтенбло, надѣясь на неотразимое вліяніе своей личности, которая оказала впечатлѣніе уже на столькихъ враговъ его. О его двухчасовой бесѣдѣ 20 января съ папой Піемъ VII разсказываютъ различно. Легитимистъ Шатобріанъ увѣряетъ, что при этомъ Наполеонъ даже наложилъ на папу руку. Это навѣрно ложь, потому что даже фанатикъ кардиналъ Пакка не упоминаетъ объ этомъ въ своихъ мемуарахъ. Вѣроятно, все дѣло было въ томъ, что по своей корсиканской и солдатской вспыльчивости Наполеонъ наговорилъ папѣ грубостей, которыми такъ часто осыпалъ иностранныхъ пословъ. Какъ бы то ни было, онъ добился желаннаго примиренія, чему способствовало вліяніе его личности, изумленіе папы, его долгій плѣнъ и уговоры задобренныхъ Наполеономъ духовныхъ особъ. Папа уступилъ, и уже 25 января былъ заключенъ новый конкордатъ, единственная статья котораго была продиктована самимъ императоромъ и принята папой, выразившимъ свое согласіе кивкомъ.

Въ силу этого конкордата, почти одинаковаго съ конкордатомъ 1811 (стр. 580), папа, не отказываясь однако формально отъ Церковной Области, соглашался взять два милліона франковъ вознагражденія, переселиться въ Авиньонъ и въ теченіе 6 мѣсяцевъ утвердить выборныхъ епископовъ. Февраля 13 конкордатъ былъ обнародованъ и принятъ въ основный государственный законъ. Но уже 24 марта папа объявилъ императору письмомъ, а христіанству манифестомъ или такъ называемой аллокуціей, что по человѣческой слабости слишкомъ поторопился подписать конкордатъ и теперь отказывается отъ него. Императоръ не обратилъ на это никакого вниманія и 25 марта подтвердилъ всѣмъ епископамъ и капитуламъ, что намѣренъ строго настрого соблюдать конкордатъ. Въ тотъ же день онъ велѣлъ предложить прощеніе священникамъ, арестованнымъ въ Церковной Области за отказъ отъ присяги, если въ силу конкордата они дадутъ ее. Папа протестовалъ противъ всего этого. Наполеонъ сослалъ кардиналовъ, которые уговорили папу отречься отъ своей подписи, а прочимъ кардиналамъ, жившимъ въ Фонтенбло, запретилъ служить. Впрочемъ самого Пія на этотъ разъ не преслѣдовали,

и миръ, повидимому, сохранялся. Духовенство также соблюдало конкордатъ, хотя въ душѣ больше прежняго возненавидѣло императора.

Образованіе новой арміи было главнымъ дѣломъ, занимавшимъ Наполеона въ первые мѣсяцы 1813. Къ изумленію всего свѣта, армія была готова въ три мѣсяца, и это всего поразительнѣе доказываетъ, какую силу имѣютъ надъ людьми мощный умъ и характеръ одной личности. Въ три мѣсяца Наполеонъ опять вызвалъ къ дѣятельности для своей цѣли всю силу и одушевленіе французской націи. Ему, конечно, помогли живое національное чувство французовъ и ихъ слѣпое поклоненіе его особѣ; но кромѣ того онъ прибѣгъ къ тѣмъ же средствамъ, какими пользовались террористы. Еще знаменитый 29-й бюллетень (стр. 602) былъ написанъ именно съ цѣлью распространить ужасъ; отпаденіе Пруссіи и союзъ Швеціи съ Россіей послужили императору къ тому, чтобы усилить этотъ ужасъ страхомъ новой коалиціи. Всѣ французы чувствовали, что только тотъ же человѣкъ, который своимъ гигантскимъ замысломъ навлекъ въ 1812 на Францію несказанное бѣдствіе, можетъ и спасти отечество отъ гибели своими гигантскими мѣрами. Это дало Наполеону возможность рѣшиться еще разъ созвать законодательный корпусъ. По открытіи его 14 февраля министръ внутреннихъ дѣлъ М о н т а л и в е представилъ ему отчетъ о внутреннемъ состояніи Франціи. Изъ этого отчета ясно, что въ матеріальномъ отношеніи Франція больше выиграла съ 1789 отъ всѣхъ нововведеній съ этого времени, чѣмъ во все XVIII столѣтіе. Особенно любопытенъ въ немъ перечень всѣхъ общественныхъ работъ, произведенныхъ во время имперіи (съ 1804 по 1 января 1812) въ прежнихъ департаментахъ. Расходы этихъ работъ простирались на сумму 683 милліоновъ франковъ, потраченную на постройку мостовъ, каналовъ, портовъ, зданій въ Парижѣ, на устройство богадѣленъ, на сооруженіе и украшеніе церквей и городовъ, на осушеніе болотъ и на новые пути сообщенія. Правда, что всѣ усилія народа, всѣ труды лучшихъ людей Франціи,—все это ни во что не ставилось, и все приписывалось одному Наполеону. Многое было даже просто ложь, хотя въ подтвержденіе приводились цифры; иное было наглой софистикой. Напримѣръ, министръ увѣрялъ, что конскрипція умножила число браковъ и, слѣдовательно, населеніе, потому что будто бы каждый французъ можетъ быть увѣренъ, что, отслуживъ свой срокъ, будетъ жить впредь мирно съ семействомъ. Заключительныя слова отчета превосходили всякую мѣру пошлой лести. Министръ сказалъ, что еслибы воскресъ какой-нибудь современникъ Лудовика XIV или Медичисовъ и, взирая на всѣ эти чудеса, спросилъ бы, сколько вѣковъ мира надо было на созданіе ихъ, ему пришлось бы отвѣтить, что все это создано однимъ человѣкомъ въ двадцать лѣтъ войны. Законодательное собраніе было созвано только для формы и уже 25 марта распущено. Монталиве даже сказалъ ему прямо, что считаетъ его просто чѣмъ-то въ родѣ счетной камеры. Это произвело очень дурное впечатлѣніе на всю страну и больше военныхъ проигрышей 1813 года способствовало паденію Наполеона.

Приготовленія къ новому походу были главнымъ образомъ сдѣланы еще до открытія законодательнаго собранія. Января 10 сенатъ долженъ былъ постановить, что кромѣ 120 тыс. конскриптовъ 1813 призываются 100 тыс. человѣкъ наборовъ четырехъ послѣднихъ лѣтъ, 100 тыс. человѣкъ національной гвардіи и 100 тыс. человѣкъ 1814. При выполненіи этого декрета изъ рекрутъ 1814 было взято вмѣсто 100 тыс. 150 тыс. человѣкъ. Людямъ, научившимся во время террора революціонному краснорѣчію, было поручено сочинять патріотическіе адресы, чтобы опять воспламенить въ французскомъ народѣ національный фанатизмъ. Потомъ сенатъ по приказанію императора предписалъ второй огромный наборъ. Было взято еще 90 тыс. конскрипціи 1814 и еще 80 тыс. національной гвардіи. Сверхъ того сенатъ повелѣлъ составить кавалерійскій корпусъ изъ 10 тыс. молодыхъ людей самыхъ богатыхъ и знатныхъ фамилій подъ именемъ почетной гвардіи. Они должны были обмундироваться на свой счетъ и служить императору заложниками за вѣрность высшаго сословія. Въ новую армію вступили старые солдаты; рекрутъ учили и вели заслуженные офицеры, такъ что эта новобранная армія оказалась лучше союзныхъ войскъ. Не было также недостатка въ орудіяхъ и въ хорошихъ артиллеристахъ, потому что военный матеріалъ копили безпрестанно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, а для артиллеріи въ армію взяли много солдатъ съ

флота. Въ одномъ только былъ у Наполеона недостатокъ—въ кавалеріи, тогда какъ русская армія была окружена цѣлыми тучами тяжелой и легкой конницы. Отъ этого недостатка зависѣла безплодность наполеоновскихъ побѣдъ 1813 года.

Впрочемъ и отъ старой арміи были еще значительные остатки. Вице-король Евгеній, державшійся въ Польшѣ до половины февраля, постепенно собралъ 50 тыс. старыхъ солдатъ. Въ прусскихъ и польскихъ крѣпостяхъ было 36 тыс. французскихъ войскъ. Въ Краковѣ стоялъ значительный польскій корпусъ, соединившійся впослѣдствіи съ французской арміей. Въ Магдебургѣ, Майнцѣ и Оснабрюкѣ маршалъ Викторъ и генералы Лористонъ и Лагранжъ организовали новыя дивизіи. Наконецъ большинство государей Рейнскаго союза болѣе или менѣе сошлись съ Австріей, но подъ угрозой революціонныхъ прусскихъ прокламацій готовы были пожертвовать всѣмъ, чтобы собрать новыя военныя силы на помощь своему покровителю, императору Наполеону. Особенно усердствовали баварскій и виртембергскій король. Король Фридрихъ Августъ III Саксонскій находился въ очень критическомъ положеніи. Еще въ январѣ русскіе овладѣли его Варшавскимъ герцогствомъ, а потомъ ежеминутно угрожало вторженіе союзниковъ въ Саксонію. Какъ усердный католикъ, онъ не могъ ждать себѣ добра отъ усерднаго протестанта, короля прусскаго, и зналъ, что народъ его, возбужденный прусскими прокламаціями, готовъ подняться на французовъ. Въ своемъ затрудненіи онъ искалъ защиты у Австріи. Уже въ концѣ февраля агенты Меттерниха уговорили его уѣхать изъ Дрездена черезъ Регенсбургъ въ Прагу. Когда кампанія открылась, онъ удержалъ свои войска отъ соединенія съ французами, назначилъ командиромъ ихъ на мѣсто Ренье генерала Тилемана и приказалъ ему не пускать безъ его предписанія чужихъ войскъ въ крѣпость Торгау.

Между тѣмъ остатки старой французской арміи, стоявшіе передъ Одеромъ, были принуждены отступить за Эльбу. Прусскій генералъ Бюловъ, вступившій съ русскими въ сношенія, подобно Йорку, еще до отпаденія своего короля отъ Франціи, помогъ генераламъ Виттгенштейну и Чернышеву перейти Одеръ, вслѣдствіе чего вице-король Евгеній былъ принужденъ 12 февраля выступить изъ Польши. Онъ пошелъ въ Берлинъ, но и тамъ не могъ оставаться. Марта 3 онъ выступилъ оттуда съ Ожеро и занялъ позицію за Эльбой. Марта 9 онъ учредилъ свою главную квартиру въ Лейпцигѣ, опираясь лѣвымъ крыломъ на Магдебургъ, а правымъ на Дрезденъ, куда еще 7 числа пришелъ Ренье съ остатками своего войска. Марта 13 туда же вступилъ грозный Даву съ своимъ корпусомъ. Онъ велѣлъ 19 марта взорвать двѣ арки моста на Эльбѣ, хотя это не могло остановить русскихъ и хотя за нѣсколько дней до этого, когда Ренье покусился разрушить мостъ, раздраженный народъ отстоялъ его отъ французскихъ солдатъ. Уже 27 числа Даву и Ренье должны были уступить городъ русскимъ. Ренье хотѣлъ вступить въ Торгау, но Тилеманъ не пустилъ его. Даву отправился къ арміи вице-короля, который между тѣмъ удалился уже за Заалу.

Тѣмъ временемъ русскій летучій отрядъ проникъ изъ Берлина до Гамбурга, гдѣ низшій классъ народа, удрученный остановкой промысловъ и французскими таможенными чиновниками, вышелъ изъ повиновенія и 24 февраля произвелъ возстаніе, причемъ погибло много французовъ. Въ началѣ марта русскій отрядъ Теттенборна, состоявшій большею частію изъ казаковъ, выступилъ изъ Берлина сначала въ Мекленбургъ-Шверинъ, гдѣ герцогъ отказался отъ Рейнскаго союза и присталъ къ союзникамъ. При извѣстіи о приближеніи русскихъ маршалъ Гувіонъ-Сенъ-Сиръ, командовавшій въ Гамбургѣ, отступилъ до Бремена, и Теттенборнъ, вытѣснивъ и генерала Морана изъ Помераніи за Эльбу, вступилъ 18 марта въ Гамбургъ. Средній и низшій классы встрѣтили казаковъ съ восторгомъ. По сосѣдству, въ Ольденбургѣ и Люнебургѣ, народъ возсталъ противъ французовъ. Деренбергъ (стр. 559) прибылъ на нижнюю Эльбу и съ помощью англійскихъ денегъ старался призвать къ оружію весь Ганноверъ. Моранъ попытался овладѣть Люнебургомъ, но 2 апрѣля былъ разбитъ Чернышевымъ и смертельно раненъ. Между тѣмъ Виттгенштейнъ и Йоркъ дошли до Эльбы. Вице-король Евгеній хотѣлъ принудить ихъ къ отступленію фальшивымъ движеніемъ къ Берлину, но 5 апрѣля потерпѣлъ пораженіе при Мекернѣ и долженъ былъ отступить къ Магдебургу.

Въ это время Наполеонъ кончилъ свои приготовленія къ новому походу. Онъ отправился 15 апрѣля изъ Парижа въ Майнцъ, гдѣ пробылъ 8 дней, дожидая прихода полковъ, вызванныхъ изъ Италіи и Илиріи, и потомъ поѣхалъ въ Эрфуртъ. Патріотическое движеніе въ Германіи распространялось. Оба Мекленбургскіе герцоги отказались отъ Рейнскаго союза и собрали для союзниковъ войска. Въ половинѣ апрѣля примѣру ихъ послѣдовалъ герцогъ Ангальтъ-Дессаускій. Гамбургцы возстановили свое прежнее правленіе и сформировали ганзеатическій легіонъ. Изъ крѣпостей, еще остававшихся въ рукахъ французовъ, Ченстоховъ сдался 25 марта, Торнъ—17 апрѣля, Шпандау—25 числа. Чтобы остановить это грозное движеніе въ Германіи, Наполеонъ передъ отъѣздомъ изъ Парижа рѣшился навести страхъ ужасными военно-полицейскими мѣрами, которыя должны были особено постигнуть Гамбургъ. Сенатскимъ декретомъ 2 апрѣля законный порядокъ былъ отмѣненъ въ департаментахъ нѣмецкаго берега Сѣвернаго моря, которые составляли 32 военную дивизію. Главнокомандующимъ и диктаторомъ этого округа Наполеонъ назначилъ князя Экмюльскаго (Даву) и далъ ему въ помощники самаго грубаго и свирѣпаго изъ своихъ генераловъ, Вандама. Впрочемъ онъ самъ входилъ во всѣ подробности ужасныхъ мѣръ, которыя Даву долженъ былъ принять противъ граждан Гамбурга. Ниже мы увидимъ, что изъ этого вышло.

6. Майская кампанія 1813 и перемиріе.

Отъѣзжая изъ Майнца въ Эрфуртъ, Наполеонъ назначилъ корпусамъ своей арміи собраться въ окрестностяхъ Лейпцига. Туда же направилъ свои силы Виттгенштейнъ, котораго недавняя смерть Кутузова освободила отъ капризовъ этого больнаго старика и сдѣлала главнокомандующимъ всѣхъ союзныхъ силъ. Желая поскорѣе отличиться, Виттгенштейнъ не подумалъ отступить передъ превосходными силами Наполеона и дождаться подходившихъ подкрѣпленій. Онъ аттаковалъ французовъ врасплохъ въ окрестностяхъ Лйпцига, и 2 мая 1813 произошло сраженіе, называемое французами Люценскимъ, а союзниками—Гросъ-Гершенскимъ, по имени деревни, составлявшей главный пунктъ битвы. Аттакованный неожиданно, Наполеонъ былъ принужденъ перемѣнить въ виду непріятеля свою позицію и въ пылу боя составить планъ сраженія; но эти затрудненія только дали ему возможность тѣмъ блистательнѣе доказать свой военный геній. Притомъ у союзниковъ была такая путаница, что всѣ приказы Виттгенштейна не доходили по назначенію, вслѣдствіе чего Блюхеръ опоздалъ четырьмя часами. Битва была упорна и кровопролитна, хотя французскія войска состояли большею частію изъ рекрутъ. Наконецъ союзники принуждены были отступить. Потери съ обѣихъ сторонъ простирались до 30 тыс. человѣкъ. У союзниковъ принцъ Леопольдъ-Гессенъ-Гомбургскій былъ убитъ, Шарнгорстъ смертельно раненъ, а Блюхеръ слегка. Наполеонъ же еще наканунѣ сраженія при рекогносцировкѣ лишился своего стараго боеваго товарища, маршала Бессьера герцога Истрійскаго. Наполеонъ достигъ своей цѣли—одержалъ побѣду, хотя не могъ похвалиться ни плѣнными, ни трофеями. По недостатку кавалеріи онъ не могъ преслѣдовать разбитаго непріятеля, который отступилъ за Эльбу. Притомъ люценское сраженіе доказало ему, что теперь онъ имѣетъ дѣло съ народными силами.

Мая 8 Наполеонъ вступилъ въ Дрезденъ. Здѣсь первой заботой его было перетянуть къ себѣ саксонскаго короля, чтобы пріобрѣсти отъ него крѣпость Торгау и его войска, которыя могли быть очень полезны ему кавалеріей. Еще до пріѣзда въ Дрезденъ онъ грозно приказалъ королю саксонскому возвратиться въ свое государство и исполнять обязанности члена Рейнскаго союза. Фридрихъ Августъ не рѣшился ослушаться, потому что помощь Австріи была ненадежна. Мая 8 король приказалъ Тилеману сдать Торгау генералу Ренье, возвратился 12 числа въ Дрезденъ и присоединилъ свои войска къ французской арміи противъ воли своего народа. Но Тилеманъ слишкомъ распространилъ въ своихъ войскахъ па-

тріотизмъ, чтобы служить съ французами; онъ перешелъ сначала въ русскую, а потомъ въ прусскую службу.

Австрію Наполеонъ не могъ привлечь къ себѣ такими мѣрами, какими заставилъ служить себѣ короля саксонскаго. Австрійскій кабинетъ продолжалъ двуличничать. Съ одной стороны онъ велъ переговоры въ Лондонѣ и въ главной квартирѣ союзниковъ и даже помогалъ ихъ предпріятіямъ. Но съ другой—онъ не прерывалъ связей съ Наполеономъ, допустилъ саксонскаго короля вернуться въ Дрезденъ и даже позволилъ польскимъ войскамъ Понятовскаго пройти по своимъ владѣніямъ къ французамъ въ Саксонію, впрочемъ обезоруженными. Въ Вѣнѣ все еще надѣялись, что Наполеонъ рѣшится сдѣлать для Австріи пожертвованія, чтобы не наживать новаго врага. Однако Наполеонъ имѣлъ основательныя причины не довѣрять Австріи. Мая 16 къ нему въ Дрезденъ пріѣхалъ его старый знакомый, графъ Бубна, и съ величайшими завѣреніями въ дружескомъ расположеніи императора Франца заявилъ однако, что Австрія не считаетъ себя больше обязанною помогать ему войсками. Наполеонъ отвѣчалъ на это и на предложенныя основанія мирнаго посредничества въ надменномъ и угрожающимъ тонѣ. Впрочемъ онъ согласился на предложеніе Бубны заключить съ союзниками перемиріе и собрать мирный конгрессъ. Бубна отправился въ Вѣну за болѣе подробными условіями мирныхъ переговоровъ. Наполеонъ послалъ съ нимъ императору Францу очень высокомѣрное письмо. Въ то же время онъ старался завязать отдѣльные переговоры съ императоромъ Александромъ, который находился при русской арміи. Онъ послалъ къ нему генерала Коленкура, но его не приняли.

Передъ возвращеніемъ Бубны съ дальнѣйшими австрійскими предложеніями произошло второе сраженіе. Союзники перевели свои главныя силы съ Эльбы въ Лузацію и заняли на верхней Шпре позицію, въ которой, повидимому, намѣревались ожидать нападенія. Наполеонъ двинулся на нихъ съ 100-тысячной арміей и кромѣ того велѣлъ идти туда Нею и Лористону, которые были посланы съ 60 т. войска на Берлинъ. Мая 20 при Бауценѣ и Вуршенѣ произошло сраженіе. Искусство Наполеона вытѣснило союзниковъ со всѣхъ ихъ позицій; одинъ Блюхеръ удержался, вслѣдствіе чего на другой день битва возобновилась. Союзники были разбиты и едва не погибли; но къ счастію ихъ, въ концѣ сраженія Наполеонъ сдѣлалъ важную ошибку, которая дала имъ возможность уйти. Французы и здѣсь не взяли ни плѣнныхъ, ни трофеевъ, и, по свидѣтельству самыхъ горячихъ поклонниковъ Наполеона (напр. Биньона), императоръ былъ скорѣе огорченъ, чѣмъ обрадованъ бауценскимъ сраженіемъ, тѣмъ болѣе что презираемые имъ пруссаки сражались здѣсь, какъ и при Люценѣ, геройски. Притомъ союзники отступили въ порядкѣ, что для Наполеона было также непріятною новостью. Наконецъ при преслѣдованіи ихъ 22 мая онъ имѣлъ несчастіе потерять своего любимца, оберъ-гофмаршала Дюрока герцога Фріульскаго, который былъ смертельно раненъ подлѣ него. Союзники были такъ увѣрены въ скоромъ присоединеніи къ нимъ австрійцевъ, что предоставили французамъ дорогу въ Бреславль и отступили къ богемской границѣ, къ Швейдницу. Мая 28 французы вступили въ Лигницъ, а 1 іюня въ Бреславль.

Послѣ бауценскаго сраженія Наполеонъ опять послалъ Коленкура въ русскій лагерь, но его опять не приняли. Мая 30 къ Наполеону пріѣхалъ Бубна съ австрійскими предложеніями, и тогда союзники согласились, чтобы Коленкуръ вступилъ на аванпостахъ въ переговоры съ однимъ русскимъ и однимъ прусскимъ генералами. Іюня 5 въ деревнѣ Плешвицѣ близъ Яуера было заключено перемиріе до 20 іюля. Наполеонъ тотчасъ понялъ и сказалъ, что оно выгодно для союзниковъ, а для французовъ будетъ невыгодно, если не кончится миромъ. Войска обѣихъ сторонъ должны были отступить за извѣстную линію въ Силезію и во все время перемирія не вступать въ промежуточное пространство; но разница была въ томъ, что французамъ пришлось стоять въ мѣстахъ, истощенныхъ войной, а союзникамъ—въ нетронутыхъ еще. Притомъ отступленіе въ Силезію приближало союзниковъ къ ихъ вспомогательнымъ источникамъ, а Наполеона отдаляло.

Перемиріе не могло спасти Гамбургъ отъ мести французовъ, потому что они заняли этотъ городъ за нѣсколько дней до заключенія его. Политика Даніи рѣшила его печальную участь. Соединясь съ Франціей въ 1807 (стр. 529). Данія получила гарантію неприкосновенности своихъ владѣній. Вслѣдствіе этого

принцъ Бернадоттъ тщетно старался пріобрѣсти въ 1811 содѣйствіе Франціи на присоединеніе Норвегіи къ Швеціи. Когда впослѣдствіи Англія и Россія обѣщали Норвегію Швеціи, Наполеонъ не имѣлъ возможности защитить Данію и потому весной 1812 позволилъ королю Фридриху VI вступить съ Англіей и Россіей въ переговоры для спасенія Норвегіи. Россія и Англія тщетно уговаривали датскаго короля уступить Норвегію. Наконецъ русскому посланнику въ Копенгагенѣ, князю Долгорукову, пришла мысль спасти угрожаемый французами Гамбургъ, склонивъ датскаго короля къ союзу съ Пруссіей и Россіей, за что ему обѣщали бы оставить за нимъ Норвегію. Предложеніе было принято; король Фридрихъ завелъ переговоры въ Лондонѣ и Петербургѣ и послалъ нѣсколько тысячъ войска въ Гамбургъ, гдѣ Теттенборнъ съ своимъ слабымъ отрядомъ не могъ дольше держаться. Но вслѣдъ затѣмъ въ политикѣ Даніи опять произошла перемѣна. Англичане вообразили, что теперь Данія совершенно разошлась съ Франціей и что ей не остается иного выбора, какъ пристать къ союзникамъ; поэтому они отвергли условіе, предложенное Долгоруковымъ, и потребовали безусловной уступки Норвегіи. Французскій посланникъ въ Копенгагенѣ, Алькье, воспользовался этимъ, чтобы поспѣшно примирить Данію съ Франціей и черезъ это дать французамъ возможность овладѣть Гамбургомъ. Датчане согласились занять городъ тотчасъ по удаленіи Теттенборна, чтобы немедленно передать его французамъ. Мая 30 Теттенборнъ выступилъ изъ Гамбурга; 31 числа въ городъ вступило 5 т. датчанъ изъ Альтоны и черезъ нѣсколько часовъ онъ былъ сданъ французамъ. Тогда Даву принялся исполнять жестокіе приказы Наполеона. Онъ обратилъ городъ въ лагерь, съ свойственной ему суровостью притѣснялъ гражданъ и уничтожилъ ихъ благосостояніе. Имущества всѣхъ отсутствовавшихъ жителей были конфискованы, съ города взята огромная контрибуція, собственность презиралась—словомъ, гамбургское гражданство тяжко поплатилось за свой патріотизмъ. Такая же месть постигла и Любекъ, который французы заняли 3 іюня. Съ Даніей Наполеонъ заключилъ новый союзъ, подписанный въ іюлѣ въ Копенгагенѣ; въ силу его датчане обязались принять участіе въ войнѣ противъ союзниковъ, за что имъ было гарантировано владѣніе Норвегіей.

Во время перемирія Наполеонъ, возвратясь изъ Силезіи въ Дрезденъ, постоянно занимался приготовленіями къ военному плану, разсчитанному на несомнѣнное уже присоединеніе Австріи къ союзникамъ. Англичане неутомимо хлопотали о составленіи новой коалиціи. Лордъ Каткартъ хлопоталъ объ этомъ при русскомъ императорѣ, а сэръ Чарльзъ Стюартъ (впослѣдствіи лордъ Лондондерри, братъ Кестльри) — при королѣ прусскомъ. Оба они всюду сопровождали союзныя войска, чтобы управлять военными операціями; Стюарту было кромѣ того поручено наблюдать за наслѣднымъ принцемъ шведскимъ, которому справедливо не довѣряли. Іюня 14 Стюартъ заключилъ съ Фридрихому Вильгельмомъ, а іюня 15 лордъ Каткартъ съ Александромъ договоръ въ Рейхенбахѣ. Такъ какъ эти договоры были заключены въ присутствіи графа Стадіона, то ихъ можно считать началомъ послѣдней коалиціи противъ Франціи. Оба договора были почти одинаковы и главнымъ образомъ обязывали обоихъ государей энергически вести войну. За это имъ были даны англійскія субсидіи, а королю прусскому сверхъ того гарантировано возвращеніе прежнихъ владѣній съ условіемъ помогать возстановленію курфиршества ганноверскаго и герцогства Брауншвейгскаго. Въ іюлѣ Англія заключила съ Россіей еще особый договоръ въ Петерсвальде касательно 10 т. нѣмецкихъ войскъ, сформированныхъ Россіей изъ плѣнныхъ, перебѣжчиковъ и волонтеровъ. Въ этомъ договорѣ уже была опредѣлена цифра субсидій, которыя Англія будетъ платить Австріи за ея участіе въ войнѣ. При соображеніяхъ плана кампаніи участвовали и австрійскіе уполномоченные.

Австрія предложила созвать мирный конгресъ и хотѣла сохранить еще на время роль нейтральной и безпристрастной посредницы. Поэтому она хранила въ тайнѣ свои переговоры съ Англіей. Но друзья и агенты, которыхъ Наполеонъ имѣлъ при всѣхъ дворахъ, выдали ему все. Когда 27 іюня Меттернихъ прибылъ къ нему въ Дрезденъ, чтобы заявить ему о перемѣнѣ отношеній Австріи къ Франціи, онъ уже зналъ, что ему готовятъ. На другой день произошла одна изъ тѣхъ сценъ, въ которыхъ Наполеонъ забывалъ себя и свое положеніе. Въ 9-часовой аудіенціи 28 іюня онъ такъ увлекся, что наговорилъ представителю австрій-

скаго императора не только грубостей, но и личныхъ оскорбленій. Однако Меттернихъ взялъ свое. Передъ отъѣздомъ изъ Дрездена онъ заключилъ 5 іюля съ наполеоновскимъ министромъ, герцогомъ Бассано, договоръ, по которому въ Прагѣ долженъ былъ открыться мирный конгресъ при посредничествѣ Австріи, и потому перемиріе продолжено до 10 августа. И Наполеонъ, и Меттернихъ очень хорошо понимали, что этотъ конгресъ ни къ чему не поведетъ. Меттернихъ еще въ день пріѣзда своего въ Дрезденъ заключилъ черезъ уполномоченнаго договоръ съ союзниками въ Рейхенбахѣ, которымъ Австрія обязалась объявить Франціи войну, если Наполеонъ не приметъ извѣстныхъ условій. Условія эти были таковы, что Наполеонъ не могъ принять ихъ. Рейхенбахскій трактатъ представлялъ настоящій союзъ трехъ державъ съ взаимнымъ обстоятельствомъ дѣйствовать всѣми силами. Еще до открытія конгреса союзныя державы составили подробный планъ кампаніи и назначили общаго главнокомандующаго. Это было условлено въ Трахенбергскомъ договорѣ 12 іюля.

Такъ какъ никто и не думалъ о мирѣ и особенно Наполеонъ хотѣлъ только выиграть время, то открытіе Пражскаго конгреса замедлилось дальше назначеннаго срока. Только 25 іюля удалили разныя затрудненія, поднятыя обѣими сторонами. Стало быть, для переговоровъ оставалось только двѣ недѣли. Но и этотъ срокъ былъ сокращенъ отъѣздомъ Наполеона 25 іюля въ Майнцъ къ женѣ; онъ возвратился въ Дрезденъ только 4 августа. Пражскіе переговоры состояли просто въ обмѣнѣ нотъ. По безплодности ихъ не стоитъ о нихъ и говорить. Однако въ концѣ ихъ отношенія державъ готовы были, повидимому, измѣниться. Наполеонъ поручилъ своему уполномоченному Коленкуру привлечь Австрію къ Франціи предложеніемъ особенныхъ выгодъ. Меттернихъ согласился отвѣчать ему помимо союзниковъ; но Наполеонъ, вмѣсто того чтобы, по совѣту Коленкура, безусловно немедленно принять предложенія Австріи, отвѣчалъ на нихъ слишкомъ поздно. Его отвѣтъ пришелъ въ Прагу черезъ нѣсколько часовъ по истеченіи перемирія, когда посланники Россіи и Пруссіи объявили свои полномочія потерявшими силу, и австрійскій манифестъ о войнѣ, сочиненный Генцомъ, былъ посланъ французскому посланнику въ Вѣнѣ, графу де Нарбону.

7. Вторая кампанія 1813.

Наполеонъ былъ ослѣпленъ; иначе онъ понялъ бы, что время перемирія было для него послѣдней минутой возможности выйти изъ затрудненія съ сносными потерями. Но онъ обманывался на счетъ своего положенія, потому что не умѣлъ понять грознаго значенія всей связи отдѣльныхъ зловѣщихъ явленій, которыя, разсматриваемыя порознь, казались ему каждое само по себѣ неважнымъ. Таковы были: недовольство его французскихъ сановниковъ, возобновленныя хлопоты французскихъ легитимистовъ, измѣнническіе переговоры зятя его, Мюрата, который хотѣлъ обезпечить ими за собой свое королевство. Король неаполитанскій продолжалъ свои сношенія съ Англіей и Австріей даже уже по принятіи снова начальства надъ французской конницей. Она была доведена во время перемирія опять до 40 т. чел., и Наполеонъ ввѣрилъ ее королю, котораго одного считалъ способнымъ предводить большими массами кавалеріи. Въ артиллеріи у французовъ также не было недостатка; до 1,000 орудій было у нихъ въ Германіи при арміи и въ крѣпостяхъ. Но союзники несравненно превосходили Наполеона силами. Въ одной Богеміи, гдѣ стояла ихъ главная армія подъ начальствомъ князя Шварценберга, у нихъ было 240 т. австрійцевъ, русскихъ и пруссаковъ. Въ Силезіи стоялъ второй армейскій корпусъ силою свыше 90 т. русскихъ и пруссаковъ, подъ начальствомъ Блюхера. Третья армія союзниковъ стояла подъ командой принца Бернадота въ Бранденбургской Мархіи и простиралась до 100 т. шведовъ, пруссаковъ и русскихъ. Главнымъ командиромъ всѣхъ союзныхъ силъ былъ назначенъ еще въ іюлѣ, при заключеніи трахенбергскаго договора, князь Шварценбергъ, не потому, чтобы его считали самымъ искуснымъ генераломъ, а потому, что онъ былъ ловкимъ дипломатомъ и сговорчивымъ придворнымъ. Между союзными государями и ихъ генералами господствовало разногласіе, взаимная завистъ и сопер-

ничество; притомъ Фридрихъ Вильгельмъ и Александръ находились лично при арміи и вмѣшивались во все; поэтому главнокомандующему надо было обладать и большимъ дипломатическимъ тактомъ.

По возобновленіи война началась на трехъ театрахъ — въ Богемскихъ горахъ, въ Силезіи и въ Бранденбургской Мархіи. Наполеонъ послалъ въ Бранденбургъ маршала Удино съ 80-тысячнымъ корпусомъ. Даву и датская армія должны были для поддержанія его вторгнуться въ Мекленбургъ; Жираръ въ Магдебургѣ и Домбровскій въ Виттенбергѣ также получили приказаніе подкрѣпить Удино. Удино долженъ былъ выступить еще 15 августа; но на этотъ разъ онъ былъ не такъ расторопенъ, какъ обыкновенно, вслѣдствіе чего наслѣдный принцъ шведскій имѣлъ возможность противопоставить ему въ берлинской равнинѣ превосходныя силы. Августа 23 часть войскъ Удино встрѣтила при Гросберенѣ прусскій корпусъ Бюлова, и произошло первое сраженіе возобновленной войны. Пруссаки и подоспѣвшіе къ нимъ шведы разбили французовъ на голову; французы потеряли 26 пушекъ, много обоза и 1,500 человѣкъ плѣнными. Пораженіе это было Наполеону тѣмъ непріятнѣе, что слава его принадлежала именно той части прусской арміи, которую онъ такъ презиралъ, что писалъ Удино, предписывая ему разогнать жалкую сволочь прусскаго ландвера. Вдобавокъ 28 августа генералъ Гиршфельдъ съ тѣмъ же ландверомъ аттаковалъ генерала Жирара при Любеницѣ и взялъ въ плѣнъ половину его корпуса. Въ обоихъ этихъ сраженіяхъ прусскія войска сражались съ такой храбростью, что французы увидѣли силу одушевлявшаго ихъ патріотизма.

Въ Силезіи военныя дѣйствія начались раньше, чѣмъ въ Мархіи, потому что еще до истеченія перемирія французы начали взимать контрибуціи въ нейтральной области, вслѣдствіе чего и Блюхеръ счелъ себя въ правѣ вторгнуться въ эту область. Онъ занялъ 14 августа Бреславль и къ 20 числу оттѣснилъ французовъ за Боберъ. Наполеонъ былъ очень радъ этому; зная пылкость Блюхера, онъ надѣялся разбить его, прежде чѣмъ главныя силы союзниковъ начнутъ дѣйствовать. Онъ поспѣшилъ въ Силезію самъ съ гвардіей, но Блюхеръ имѣлъ благоразуміе отступить. Наполеонъ не могъ его преслѣдовать, получивъ извѣстіе, что Шварценбергъ идетъ въ Саксонію. Уже 23 августа онъ отправился съ главными силами обратно къ Дрездену съ такой поспѣшностью, что въ 3 дня прошелъ 19 нѣмецкихъ миль. Узнавъ объ уходѣ императора, Блюхеръ аттаковалъ 26 августа маршала Макдональда, командовавшаго французами въ Силезіи, и такимъ образомъ послѣдовало сраженіе при Кацбахѣ или Вальштадтѣ. Прусскія войска сражались такъ же мужественно, какъ 23 числа при Гросберенѣ. Кинувшись на непріятеля въ штыки, они опрокинули его на всѣхъ пунктахъ и одержали блистательную побѣду. До 18 т. плѣнныхъ, 103 пушки, 2 орла и много обоза — таковы были трофеи этой побѣды.

Итакъ, прусскія войска дважды доказали не только свою храбрость, но и то, что у нихъ, какъ и у французовъ, въ арміи господствуютъ единство и энергія. Зато въ Богеміи у союзниковъ ничего этого не было. Австрійскіе генералы кромѣ храбраго Біанки, дѣйствовали по старому — безпрестанно совѣщались, всюду опаздывали, а главнокомандующій Шварценбергъ, какъ ловкій дипломатъ, думалъ только, какъ бы угодить всѣмъ тремъ государямъ и ихъ совѣтникамъ. Австрійскія войска были еще неготовы къ походу, когда Виттгенштейнъ съ прусскими и Клейстъ съ пруссаками 22 августа вторгнулись изъ Богеміи въ Саксонію и принудили маршала Сенъ-Сира покинуть позицію при Пирнѣ. Хотѣли тотчасъ предпринять общую аттаку на Дрезденъ, но австрійцы по обыкновенію опоздали. Они собрались къ нападенію только въ тотъ самый день (26 августа), когда Наполеонъ вернулся изъ Силезіи къ Дрездену, но и тутъ у союзниковъ не оказалось ни лѣстницъ, ни фашинъ. Между тѣмъ Наполеонъ занялъ такую позицію, что въ случаѣ неудачи приступа, союзникамъ должно было придтись очень плохо. Сенъ-Сиръ отразилъ ихъ отъ Дрездена съ тяжелой потерей, и на другой день, 27 августа, Наполеонъ, аттаковавъ ихъ, нанесъ имъ рѣшительное пораженіе при Дрезденѣ. Однихъ плѣнныхъ они потеряли 18 т. человѣкъ, и въ числѣ убитыхъ у нихъ былъ французскій измѣнникъ, знаменитый генералъ Моро, котораго Александръ вызвалъ черезъ принца Бернадотта изъ Америки, чтобы служить союзникамъ въ борьбѣ противъ Наполеона.

Союзники стали разными путями отступать въ Богемію, впрочемъ въ порядкѣ. Наполеонъ послалъ преслѣдовать ихъ одной дорогой короля неаполитанскаго, а другой — генерала Вандама. Онъ былъ увѣренъ, что окружитъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Но это не удалось, потому что русскій генералъ графъ Остерманъ-Толстой не допустилъ Вандама занять раньше союзниковъ Теплицъ, отчего зависѣлъ успѣхъ наполеоновскаго плана. Остерманъ-Толстой пробился сквозь войска Вандама и съ необычайнымъ мужествомъ отстаивалъ каждый вершокъ земли. Между тѣмъ бывшій французскій генералъ Жомини, еще 15 августа перешедшій къ союзникамъ, посовѣтовалъ имъ подкрѣпить Остермана-Толстаго австрійскимъ корпусомъ, вслѣдствіе чего Вандаму слѣдовало поспѣшно отступить изъ горъ. Однако въ увѣренности, что Наполеонъ послѣдовалъ за нимъ изъ Пирны и занялъ высоты, онъ не сталъ отступать и 30 августа при Кульмѣ вступилъ въ сраженіе съ двое сильнѣйшимъ непріятелемъ. Во время сраженія въ тылу у него, у Ноллендорфа, вмѣсто ожидаемаго подкрѣпленія, явился прусскій корпусъ Клейста. Окруженный со всѣхъ сторонъ, 30-тысячный корпусъ Вандама былъ подавленъ превосходствомъ непріятеля. Едва третья часть его спаслась въ Саксонію; остальные были убиты или взяты въ плѣнъ. Въ числѣ плѣнныхъ были самъ Вандамъ и славный инженерный генералъ Аксо.

Черезъ недѣлю послѣ Кульмскаго пораженія несчастіе постигло и лучшаго изъ наполеоновскихъ генераловъ. Маршалъ Ней былъ назначенъ командиромъ войскъ Удино, стоявшихъ въ сильной позиціи при Виттенбергѣ, и 5 сентября по приказанію императора двинулся на Берлинъ. На другой день, 6 сентября, онъ встрѣтилъ при Денневицѣ прусскихъ генераловъ Бюлова, Тауэнцина и Борстеля. Въ этомъ сраженіи главнокомандующимъ союзниковъ былъ Бернадоттъ, и кромѣ пруссаковъ въ немъ участвовали русскія и шведскія войска; но блистательная побѣда, одержанная надъ Неемъ, принадлежала главнымъ образомъ пруссакамъ, которые сражались геройски и потеряли 9 т. человѣкъ, въ томъ числѣ 300 офицеровъ. Французы лишились въ сраженіи и въ слѣдующіе дни 80 пушекъ, 400 обозныхъ фуръ и 15 т. человѣкъ убитыми, ранеными и плѣнными. Кульмское и Денневицское несчастія должны были бы заставить Наполеона отступить съ Эльбы за Заалу, какъ совѣтовалъ ему Ней, тѣмъ болѣе, что и Блюхеръ готовился выступить изъ Силезіи къ Эльбѣ. Но на свою бѣду Наполеонъ опоздалъ сдѣлать это.

Блюхеръ, Клейстъ, Бюловъ и другіе прусскіе генералы сдѣлались національными героями, потому что дѣйствовали быстро и рѣшительно, какъ требовалъ духъ этой войны, которая была народною и шла за свободу, пока главное вліяніе принадлежало Штейну и его друзьямъ. Зато всѣ порицали князя Шварценберга и прочихъ генераловъ, которыя своими раздумьями, нерѣшительностью и дипломатическими вліяніями только мѣшали всѣмъ предпріятіямъ. Они состояли подъ приказами Меттерниха, препятствовавшаго всему, что дѣлалось открыто и въ современномъ духѣ. Метернихъ негодовалъ на энергію Штейна и на его прокламаціи къ народу, считалъ либерализмъ императора Александра и обязательства, принятыя въ отношеніи народа Фридрихомъ Вильгельмомъ, въ высшей степени опасными и съумѣлъ все вернуть на старый путь дипломатіи и политики кабинетовъ. Система Меттерниха восторжествовала 9 сентября, когда въ Тёплицѣ былъ заключенъ союзный договоръ, неразрывно связавшій русскій и прусскій кабинеты съ интересами Австріи. Съ этого дня союзные государи стали все болѣе и болѣе уклоняться съ того пути, который Пруссія открыла обѣщаніями свободы, а русскій императоръ — покровительствомъ людямъ энергическаго образа мыслей. Аристократы всѣхъ странъ и эмигранты опять получили вліяніе. Въ началѣ октября и англійская аристократія заключила съ Австріей договоръ о субсидіяхъ и съ этихъ поръ получила главное значеніе въ коалиціи.

Между тѣмъ Наполеонъ блистательно развертывалъ свой военный геній, удерживаясь въ Дрезденѣ до октября и направляя оттуда удары, то въ Богемію на австрійцевъ и русскихъ, то въ Силезію на Блюхера. Наконецъ непріятель со всѣхъ сторонъ окружилъ его въ Дрезденѣ. Наслѣдный принцъ шведскій проникъ до Торгау. Блюхеръ приближался къ Эльбѣ. Цѣлая русская резервная армія подъ начальствомъ Беннигсена вступила въ Польшу по пути въ Саксонію. На Иннѣ стояли австрійцы, уже сблизившіеся съ баварцами, и вели съ ними переговоры

уже только объ условіяхъ союза. Населеніе Кроаціи и Далматіи возстало противъ французовъ, и вице-король Евгеній былъ принужденъ удалиться изъ Илліріи въ Италію. Даже въ тылу Наполеонъ былъ небезопасенъ. Платовъ, Чернышевъ, Дёренбергъ, Теттенборнъ, Тилеманъ и Менсдоръ дѣлали набѣги до Касселя и Бремена, поднимали народъ, нападали на французскіе отряды, ловили курьеровъ и принудили короля вестфальскаго бѣжать въ Вецларъ. Наконецъ въ концѣ сентября всѣ три главныя арміи союзниковъ, Шварценберга, Блюхера и Бернадотта, двинулись изъ Богеміи, изъ Лузаціи и съ Эльбы въ тылъ Наполеону къ лейпцигской равнинѣ, причемъ маршъ Блюхера заслужилъ удивленіе даже французовъ. Теперь Наполеону пора было оставить Дрезденъ. Октября 7 онъ отправился въ сопровожденіи короля саксонскаго въ Вурценъ, желая, если возможно, вызвать Блюхера на сраженіе. Въ сильно укрѣпленномъ тогда Дрезденѣ онъ оставилъ маршала Сенъ-Сира съ 30 тысячами человѣкъ войска, что ему вмѣняютъ въ ошибку.

Итакъ, король саксонскій все еще оставался вѣренъ человѣку, который обратилъ его государсrво въ пустыню. Но войска его, какъ и другихъ членовъ Рейнскаго союза, передавались союзникамъ или цѣлыми полками, или многочисленными шайками перебѣжчиковъ, а остальные были до того ненадежны, что французскіе генералы не знали, что съ ними дѣлать. Октября 8 къ союзникамъ присоединилось могущественнѣйшее государство Рейнскаго союза — Баварія. Король баварскій, Максимиліанъ I, и его первый министръ, Монжела, неохотно отстали отъ Наполеона; они остались бы вѣрны ему, если бы патріотическое народное движеніе, распространившееся и въ Баваріи, не грозило имъ опасностью за дальнѣйшій союзъ съ французами. Маршалъ Ожеро строго наблюдалъ за баварскимъ генераломъ Вреде; но какъ только Наполеонъ отозвалъ Ожеро въ Саксонію, Баварія немедленно сошлась съ Австріей и 8 октября былъ заключенъ договоръ въ Ридѣ, гарантировавшій баварскому королю его расширенныя Наполеономъ владѣнія съ тою разницею, что онъ долженъ былъ возвратить Австріи Тироль и Зальцбургъ и получить за это великое герцогство Франкфуртское и баденскую часть Пфальца. Вслѣдъ затѣмъ Вреде, получивъ въ подкрѣпленіе 20 т. австрійцевъ, двинулся черезъ Вюрцбургъ на Рейнъ.

Пока такимъ образомъ французское владычество въ Германіи съ каждымъ днемъ падало, Наполеонъ попытался напасть врасплохъ на генерала Блюхера, стоявшаго съ 64 т. челов. на Мульдѣ, и на наслѣднаго принца шведскаго, который 7 октября соединился съ Блюхеромъ. Но когда 11 октября императоръ прибылъ въ Дюбенъ на Мульдѣ, Блюхеръ и Бернадоттъ уже отступили къ Заалѣ. Вслѣдствіе этого французамъ открылся путь въ Берлинъ, и Наполеонъ думалъ, не двинуться ли ему на этотъ городъ; но потомъ ему показалось, что для спасенія своей военной славы и своего владычества ему необходимо поставить на одну карту все и дать всѣмъ непріятельскимъ силамъ рѣшительное сраженіе подъ Лейпцигомъ. Главная армія союзниковъ, давно вышедшая изъ Богеміи, шла къ этому городу. Король неаполитанскій нѣсколько разъ со славой выдерживалъ противъ нея бой, но не могъ остановить ея. Октября 15 большая часть ея подошла къ Лейпцигу. Наполеонъ собралъ къ Лейпцигу всѣ свои силы, но былъ все-таки слабѣе ея, а между тѣмъ къ Лейпцигу же приближались еще три союзныя арміи—Блюхера, Бернадотта и Беннигсена.

Октября 16 начался великій бой народовъ подъ Лейпцигомъ. Французами предводительствовалъ непобѣдимый доселѣ императоръ. При союзной арміи находились всѣ три монарха, Францъ, Александръ и Фридрихъ Вильгельмъ, но войсками командовалъ Шварценбергъ. Еще въ первый день сраженія Наполеонъ позаботился обезпечить себѣ на случай неудачи отступленіе къ Рейну и съ этою цѣлью поставилъ на люценской дорогѣ корпусъ генерала Бертрана. Въ этотъ день французы выиграли сраженіе. Подъ предводительствомъ самого императора они овладѣли позиціей союзниковъ при деревнѣ Вахау и даже взяли въ плѣнъ цѣлый австрійскій корпусъ генерала Мерфельда, котораго Шварценбергъ слишкомъ выдвинулъ. Но въ тотъ же день въ другой сторонѣ Блюхеръ одержалъ надъ французами верхъ, вслѣдствіе чего черезъ два дня бой рѣшился въ пользу союзниковъ. Блюхеръ съ своими войсками былъ отданъ подъ начальство наслѣдному принцу шведскому, который, опасаясь, что Наполеонъ пе-

рейдетъ на правый берегъ Эльбы, двинулся 13 октября съ Заалы къ Эльбѣ и послалъ Блюхеру приказаніе идти туда же. Но Блюхеръ, предусмотрѣвъ ходъ дѣла, не повиновался. Узнавъ 15 окрября, что на другой день произойдетъ сраженіе, онъ тотчасъ двинулся къ Лейпцигу, желая принять участіе въ битвѣ. Онъ встрѣтилъ 16 числа при деревнѣ Мекернѣ французскія войска подъ начальствомъ маршала Мармона и генерала Домбровскаго. Послѣ чрезвычайно упорнаго боя, стоившаго ему 5 — 6 тысячъ человѣкъ, онъ опрокинулъ непріятеля, взявъ 2 т. человѣкъ плѣнныхъ, 40 пушекъ и орла.

Вечеромъ 16 октября Наполеонъ прибѣгнулъ къ тому же средству, которое такъ удалось ему въ 1805 и въ 1809. Онъ послалъ плѣннаго генерала Мерфельда къ императору Францу, чтобы склонить его на отдѣльные переговоры и на перемиріе; но Францъ не попалъ въ третій разъ въ одну и ту же ловушку. На другой день сраженія не было; обѣ стороны ждали подкрѣпленій. Къ союзникамъ прибыли русская резервная армія Беннигсена, армія принца Бернадотта и австрійскій корпусъ Коллоредо. Къ Наполеону же подошелъ только Ренье съ подозрительными саксонцами. Октября 18 Наполеонъ имѣлъ очевидно намѣреніе начать отступленіе, однако приготовился дать еще сраженіе и доказалъ свой необыкновенный военный геній, внезапно перемѣнивъ въ виду непріятеля все расположеніе своихъ войскъ. Но когда въ 8 часовъ утра 18 октяря началось рѣшительное сраженіе, на сторонѣ союзниковъ былъ слишкомъ громадный перевѣсъ силъ, и вдобавокъ во французскихъ войскахъ началась измѣна. Въ полдень саксонская кавалерія перешла къ союзникамъ. Вскорѣ Риссель съ остальными саксонскими войсками и Норманнъ съ виртембергскими послѣдовали ея примѣру. Тѣмъ не менѣе французы не были побѣждены. Они удержались на всѣхъ пунктахъ и до ночи поддерживали сильный огонь. Но тутъ у нихъ вышли боевые снаряды; поэтому имъ пришлось поспѣшить отступленіемъ, тѣмъ болѣе, что непріятель окружалъ ихъ со всѣхъ сторонъ, и только дороги въ Люценъ и Эрфуртъ оставались свободны.

Въ ночь на 19 октября они начали отступать въ Лейпцигъ, чтобы, пройдя городъ, выйти на эрфуртскую дорогу, гдѣ находились военные припасы и гдѣ Наполенъ хотѣлъ собрать и оправить свою армію. Пруссаки преслѣдовали ихъ по пятамъ. Въ это время баденскія войска, стоявшія въ Лейпцигѣ, измѣнили французамъ и впустили пруссаковъ въ городъ. Бывшій въ Лейпцигѣ король саксонскій хотѣлъ было также присоединиться къ союзникамъ, но они взяли его просто въ плѣнъ и отправили въ Берлинъ. Отступленіе французовъ вскорѣ сдѣлалось страшно безпорядочнымъ по грубому упущенію Бертье. Наполеонъ еще 17 числа велѣлъ ему распорядиться наведеніемъ на Эльстерѣ нѣсколькихъ мостовъ, но онъ ничего не сдѣлалъ, такъ что вся французская армія должна была отступать только по двумъ мостамъ. изъ которыхъ одинъ вдобавокъ тотчасъ рухнулъ. Наполеонъ, уѣзжая изъ Лейпцига въ Эрфуртъ, принялъ мѣры, чтобы прикрыть отступленіе своихъ войскъ. Онъ поручилъ маршаламъ Макдональду и Понятовскому, генераламъ Ренье и Лористону задерживать союзниковъ, пока всѣ не переправятся черезъ единственный уцѣлѣвшій мостъ. Но союзники нагрянули въ такихъ громадныхъ силахъ, что эти генералы не могли противиться имъ. Тогда, чтобы спасти переправившуюся армію хотя бы съ пожертвованіемъ значительной части ея, еще сражавшейся въ предмѣстьяхъ, французы взорвали мостъ. Макдональдъ спасся черезъ Эльстеръ вплавь; Лористонъ и Ренье были взяты въ плѣнъ; князь Понятовскій, только три дня тому назадъ произведенный въ маршалы, утонулъ въ рѣкѣ, потому что его лошадь, слишкомъ нагруженная деньгами, не могла вынести его на берегъ. Тысячи французовъ погибли подъ ядрами непріятеля, въ водахъ Эльстера и въ невообразимой давкѣ на мосту. Но союзники купили побѣду очень дорого, потерявъ 21 генерала, 1,800 офицеровъ и 45 тыс. рядовыхъ. Потерю французовъ опредѣлить трудно; извѣстно только, что кромѣ 23 т. раненыхъ и больныхъ, найденныхъ въ Лейпцигѣ, союзники взяли 15 т. плѣнныхъ, 300 пушекъ и 900 фуръ. Отъ полной погибели наполеоновская армія была спасена только тѣмъ, что Бертранъ занялъ на эрфуртской дорогѣ Вейсенфельсъ, и тѣмъ, что союзники послали преслѣдовать ее сначала однихъ казаковъ. Вообще у Наполеона осталось еще до 100 т. человѣкъ войска.

Въ Эрфуртѣ, гдѣ Наполеонъ пробылъ 23 и 24 октября, онъ съ горестью убѣдился въ невозможности собрать и возстановить армію. Она совершенно разстроилась. Тысячи бросали въ бѣгствѣ оружіе и погибали съ голода и отъ утомленія. Дорога изъ Эрфурта въ Ганау была усѣяна оружіемъ и трупами людей и лошадей. Подъ ружьемъ оставалось едва 60 т. человѣкъ. При Ганау Вреде съ баварцами и съ австрійскимъ корпусомъ загородилъ имъ путь. Октября 29 и 30 здѣсь произошли стычки съ большими потерями для союзниковъ; 31 числа Вреде вступилъ съ Наполеономъ въ рѣшительное сраженіе, хотя ему слѣдовало бы только задерживать французовъ до прибытія главныхъ союзныхъ силъ. Онъ былъ разбитъ и самъ раненъ. Не смотря на эту славу, озарившую Наполеона и его армію въ концѣ несчастной кампаніи 1813, дальнѣйшее отступленіе французовъ изъ Германіи напоминало отступленіе ихъ изъ Россіи въ прошломъ году, съ тою лишь разницею, что здѣсь они гибли только отъ голода и утомленія, а не отъ холода. Такъ шло это отступленіе отъ Ганау черезъ Франкфуртъ до городка Гохгейма близь Майнца. Изъ Гохгейма французы были вытѣснены 9 ноября въ Майнцъ.

Между тѣмъ Блюхеръ съ русскими генералами Ланжерономъ и Сакеномъ преслѣдовалъ французовъ до Фульды, а оттуда обратился на Рейнъ къ Гисену, Вецлару и Мюльгейму, Ноября 11 онъ же готовился къ переправѣ за Рейнъ, когда союзные государи, прибывъ къ первыхъ числахъ ноября во Франкфуртъ, прислали ему приказъ остаться на правомъ берегу Рейна и занять майнцскую область. Главная союзная армія Шварценберга, перейдя черезъ Фульду во Франкфуртъ, расположилась до Неккера. Сѣверная армія двинулась отъ Лейпцига въ Ганноверъ и тамъ раздѣлилась на двѣ части. Бюловъ и Винцингероде двинулись въ Голландію, самъ Бернадоттъ съ В о р о н ц о в ы м ъ вступилъ въ Гольштинію. Въ ноябрѣ и декабрѣ вся Голландія, куда высадились и англійскія войска, была занята, за исключеніемъ нѣсколькихъ крѣпостей. Сынъ бывшаго наслѣдственнаго штатгальтера Вильгельма V, В и л ь г е л ь м ъ VI, возвратился править страной. Въ Гольштиніи датчане были принуждены заключить 15 декабря перемиріе, а 14 января 1814 въ К и л ѣ былъ заключенъ миръ, по которому Данія уступила Норвегію Швеціи и обязалась принять участіе въ коалиціи. Король Іеронимъ еще 20 октября навсегда покинулъ свое королевство вестфальское. Уже 30 октября наслѣдный принцъ Гессенскій пріѣхалъ въ Кассель, а въ ноябрѣ вернулся и самъ курфирстъ. Ноября 4 г е р ц о г ъ К о м б е р л е н д с к і й вступилъ во владѣніе Ганноверомъ отъ имени своего отца, короля Герцога III Англійскаго. Ноября 27 изъ Россіи воротился изгнанный герцогъ въ Ольденбургъ, а 23 декабря Вильгельмъ Брауншвейгъ-Эльскій въ Брауншвейгъ. Къ 1 декабря всѣ древніе владѣтели изъ членовъ Рейнскаго союза, кромѣ плѣннаго короля саксонскаго и князей Изенбурга и фонъ-деръ Лейена, отпали отъ Наполеона и позаключали договоры съ союзниками.

Когда остатки наполеоновской арміи вотвратились за Рейнъ, у него оставалось въ крѣпостяхъ въ Германіи и Польшѣ еще болѣе 100 т. человѣкъ. Изъ нихъ 35-тысячный гарнизонъ Дрездена подъ начальствомъ Сенъ-Сира сдался уже 11 ноября. Примѣру его въ томъ же году послѣдовали гарнизоны Штетина, Данцига, Замостья, Модлина и Торгау. Виттенбергъ и Глогау пали въ январѣ 1714, въ мартѣ Кюстринъ, въ маѣ цитадели Эрфурта и Вюрцбурга. Непоколебимый Даву, принужденный послѣ Гросберенскаго сраженія отступить за Штекницъ, держался въ Гамбургѣ до заключенія мира и сдалъ городъ только на другой день по заключеніи его, 31 мая 1814. Магдебургъ продержался даже еще цѣлый мѣсяцъ послѣ мира. Французскимъ гарнизонамъ при капитуляціяхъ не дозволяли возвращаться въ отечество. По распоряженію союзныхъ монарховъ, съ нихъ брали обязательство не служить противъ союзниковъ. Даже дрезденскій и данцигскій гарнизоны были задержаны въ силу этого распоряженія, хотя при капитуляціяхъ имъ было позволено возвратиться въ отечество. Это вѣроломство даетъ французамъ поводъ укорять союзниковъ, хотя они сами въ политикѣ неслишкомъ обращаютъ вниманіе на нравственность и готовы называть великимъ человѣкомъ всякаго счастливаго проходимца. Впрочемъ мы говоримъ это конечно не къ тому, чтобы оправдывать вѣроломство союзниковъ.

8. Два послѣдніе мѣсяца 1813 года.

Въ первыхъ числахъ (4 — 6) ноября союзные государи прибыли во Франкфуртъ, гдѣ съ тѣхъ поръ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ шли дипломатическіе переговоры. Съ Наполеономъ были затѣяны переговоры, которыми онъ пользовался, чтобы обманывать Францію. Уже тогда всякому человѣку было ясно, что результатами войны воспользуются не народы. Это обнаружилось еще при первыхъ успѣхахъ союзныхъ войскъ. По занятіи ими Мекленбурга, Ганновера, курфиршества гессенскаго, Ольденбурга и ганзейскихъ городовъ, возстановленіе независимости началось тамъ съ того, что возвратили въ нѣ старые порядки и оказали протекцію такъ называемымъ благопріобрѣтеннымъ правамъ, т. е. привиллегіямъ извѣстныхъ классовъ.

Императоръ Францъ и Меттернихъ были весьма расположены къ государямъ Рейнскаго союза, хотя они пристали къ коалиціи тогда лишь, когда войска ихъ передались союзникамъ и подданные ихъ грозили возстать противъ нихъ. Только великій герцогъ Франкфуртскій былъ по рѣдскому договору (стр. 618) принесенъ въ жертву Баваріи, потому что его ненавидѣли клерикалы. Таже участь, по крайней мѣрѣ, отчасти, готовилась великому герцогу Баденскому, но за него заступился русскій императоръ. Князья Изенбургъ и фонъ деръ Лейенъ были лишены своихъ владѣній, чтобы дипломаты могли распорядиться ими. Зато король Фридрихъ I Виртембергскій, заключившій миръ только въ крайней нообходимости, не только сохранилъ королевскій титулъ, пожалованный ему Наполеономъ, но получилъ еще обѣщаніе, что будетъ вознагражденъ за всѣ пожертвованія, какихъ отъ него могутъ потребовать. Тѣмъ не менѣе онъ до послѣдней минуты остался вѣрнѣйшимъ приверженцемъ Наполеона и даже уничтожилъ свои полки, перешедшіе при Лейпцигѣ къ нѣмцамъ, лишилъ офицеровъ орденовъ и не хотѣлъ набирать для союзниковъ войска для народной войны. Отъ государей, приступавшихъ къ коалиціи, ничего не требовали, кромѣ военной помощи и обѣщанія не противиться предстоящимъ политическимъ преобразованіямъ Германіи. Правда, въ нѣкоторыхъ договорахъ какъ бы выражалась забота о народѣ; но это дѣлалось только въ угоду императору Александру и прусскимъ министрамъ, Штейну, Гарденбергу и Гумбольдту. Впрочемъ и они согласились на обобраніе нѣкоторыхъ государей, въ томъ числѣ и короля саксонскаго; но обирая его, они справедливо имѣли въ виду, что для блага Германіи необходимо усилить и распространить Пруссію. Особенно Штейнъ стремился къ объединенію Германіи. Онъ преслѣдовалъ эту цѣль въ управляемомъ имъ центральномъ правленіи (стр. 605) и отъ имени его предложилъ отрѣшить временно отъ власти всѣхъ государей Рейнскаго союза или по крайней мѣрѣ подчинить ихъ центральному правленію. Но стремленія Штейна не соотвѣтствовали ни политикѣ Меттерниха, ни намѣреніямъ нѣмецкой и англійской аристократіи. Вслѣдствіе этого вѣдомство центральнаго правленія было ограничено тѣми немногими областями, которыя должны были получить новыхъ владѣтелей, и попеченіемъ о содержаніи и продовольствіи войскъ.

Дипломаты давно сами испугались своихъ собственныхъ патріотическихъ прокламацій и теперь расходились во мнѣніяхъ на счетъ продолженія войны. Другъ русскаго императора, Поццо ди Борго, и оба уполномоченные англійскихъ тори при коалиціи, Абердинъ и Кестльри, уже помышляли о возстановленіи во Франціи древней династіи. Напротивъ того, Меттернихъ, считалъ нужнымъ еще высказывать желаніе оставить на французскомъ престолѣ зятя своего императора. Фуше и Талейранъ, бывшія орудія Наполеона, теперь незамѣтно подкапывали его власть и хлопотали—одинъ объ учрежденіи регентства императрицы Маріи Луизы, другой о возстановленіи Бурбоновъ. По желанію Австріи тотчасъ по прибытіи союзныхъ государей во Франкфуртъ съ Наполеономъ были открыты переговоры. Ноября 11 бывшій французскій посланникъ въ Веймарѣ, баронъ Сентъ-Эньянъ, былъ посланъ въ Парижъ съ отвѣтомъ на предложенія Наполеона, сдѣланныя 16 октября черезъ Мерфельда (стр. 619). Къ отвѣту были приложены основныя статьи переговоровъ, одобренныя Абердиномъ

и Нессельроде. Онѣ были составлены очень хитро, чтобы обмануть Наполеона, и сопровождались предувѣдомленіемъ, что въ теченіе мирныхъ переговоровъ война будетъ продолжаться. Однако союзники не могли бы отступиться отъ своихъ предложеній, если бы Наполеонъ послушалъ Коленкура и принялъ эти статьи, предлагавшія ему границою Рейнъ. Но слѣпой поклонникъ императора, герцогъ Бассано, уговорилъ его отвѣтить 26 ноября неопредѣленно. Послѣ того Наполеонъ спохватился, назначилъ Коленкура на мѣсто Бассано министромъ иностранныхъ дѣлъ и по его совѣту сообщилъ союзникамъ, что принимаетъ ихъ предложенія безусловно. Этотъ отвѣтъ пришелъ во Франкфуртъ 2 декабря, а союзники еще наканунѣ положили продолжать войну. Манифестъ, изданный ими въ этотъ день во Франкфуртѣ, уже отзывается интригами, затѣянными Талейраномъ въ Парижѣ для низложенія Наполеона. Въ манифестѣ дѣло Наполеона отдѣляется отъ дѣла Франціи и говорится, что союзники ведутъ войну не съ французами, въ отношеніи которыхъ питаютъ самыя благія намѣренія, а лишь съ ихъ властелиномъ. Вообще манифестъ былъ составленъ такъ, какъ будто его писалъ самъ Талейранъ. Тутъ говорилось, что Европа недовольна только насиліями, которыя Франція совершаетъ за своими предѣлами, однако не желаетъ ослаблять могущества Франціи и посягать на ея военную славу; напротивъ того, союзники желаютъ сдѣлать Францію обширнѣе и могущественнѣе, чѣмъ она была до революціи.

Рѣшившись возобновить войну, союзники составили планъ внезапно и одновременно вторгнуться во Францію по всей линіи отъ Женевы до Дюссельдорфа. Слѣдовательно, имъ надо было прежде привлечь къ себѣ Швейцарію, остававшуюся нейтральною. Это было нелегко, потому что въ Швейцаріи всѣ прогрессисты были преданы Наполеону. Чтобы сокрушить французское вліяніе, прибѣгли къ помощи швейцарскихъ патриціевъ и аристократовъ. Наполеонъ самъ помогъ цѣлямъ союзниковъ своимъ обращеніемъ съ Швейцаріей. Еще договоръ 1803 (стр. 488) былъ вслѣдствіе безпрерывныхъ войнъ тяжкимъ бременемъ для Швейцаріи, тѣмъ болѣе, что она въ тоже время отдавала своихъ солдатъ въ наймы Испаніи, Неаполю и Англіи. Кромѣ того Наполеонъ оскорбилъ Швейцарію ограниченіемъ ея торговли, враждебными мѣрами противъ ея промышленности въ пользу французской, отторженіемъ отъ нея Валлиса и занятіемъ своими войсками части Тессинскаго кантона передъ русскимъ походомъ. Однако въ половинѣ ноября сеймъ рѣшилъ соблюдать нейтралитетъ и даже для защиты его собралъ федеративную армію. Но при выполненіи этого рѣшенія не оказалось ни усердія, ни единодушія, и нѣкоторые кантоны даже отказались повиноваться ему.

Русскій императоръ еще въ ноябрѣ оказывалъ готовность признать нейтралитетъ Швейцаріи, склоняясь на просьбы двухъ приближенныхъ къ нему швейцарцевъ, своего воспитателя Лагарпа и генерала Жомини. Но Австрія не хотѣла этого и орудовала съ помощью швейцарскихъ аристократовъ. Пріятели этихъ аристократовъ, графъ З е н ф т ъ-П и л ь з а х ъ, перешедшій изъ саксонской службы въ австрійскую, австрійскій уполномоченный, баронъ фонъ Лебцельтернъ и русскій, г р а ф ъ К а п о д'И с т р і а, были посланы въ Швейцарію. Эти три дипломата завели разныя сношенія съ патриціями, добивавшимися возстановленія своихъ фамильныхъ привиллегій. Потомъ союзныя державы прислали въ Швейцарію декларацію, которая по послѣдствіямъ какъ двѣ капли воды походила на декретъ германскаго союзнаго сейма, изданный послѣ безпокойствъ 1848 и 1849. Въ ней говорилось, что союзныя державы хотятъ помочь швейцарцамъ возвратить себѣ свободу и независимость, но будутъ принуждены считать враждебнымъ всякій поступокъ, сдѣланный въ духѣ и въ условіяхъ, созданныхъ французскимъ узурпаторомъ; поэтому онѣ не могутъ признать нейтралитета Швейцаріи, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые кантоны (т. е. заранѣе подговоренные приверженцы старыхъ безобразій) выразились противъ вооруженнаго поддержанія его, такъ что швейцарскій союзъ можно собственно считать распавшимся. Едва эта декларація была представлена сейму, какъ 21 декабря австрійцы начали вступать въ Швейцарію. По вступленіи ихъ приверженцы привиллегій всюду подняли головы. Нѣкоторые кантоны уничтожили даже союзную конституцію, учрежденную при французскомъ посредничествѣ, возстановили старый союзъ и временно передали правленіе прежнему первенствующему члену союза, Цюриху. Однако къ счастью Швейцаріи, было оговорено, что прежнее подданническое подчиненіе однихъ кантоновъ дру-

гимъ несовмѣстно съ правами свободнаго народа и никогда не будетъ возстановлено. Еще до истеченія этого года большинство кантоновъ признало новыя учрежденія.

9. Взглядъ на положеніе Сициліи въ 1810—13 годахъ.

Когда союзники готовились перенести войну во Францію, король неаполитанскій, Мюратъ, уже такъ далеко зашелъ въ переговорахъ съ Австріей, что въ февралѣ 1814 даже объявилъ своему шурину войну. Теперь намъ надо бросить взглядъ на положеніе его государства и Сициліи.

Съ того времени, какъ Сицилія отдѣлилась отъ Неаполя и подверглась тираніи ужасной жены Фердинанда IV и ея покровителей, англичанъ, исторія ея представляетъ возмутительное зрѣлище. Не знаемъ, чѣмъ больше возмущаться— жестокостью ли неаполитанской королевы или англійской аристократіи. Каролина Марія также терзала сициліанцевъ, какъ прежде неаполитанцевъ. Съ своей обычной свирѣпостью она преслѣдовала не только виновныхъ и подозрительныхъ, но даже совершенно неповинныхъ, расточала доходы острова и 300 т. фунтовъ субсидій, платимыхъ ей Англіей для защиты отъ французовъ. Любовница герцога ди Асколи и министръ финансовъ, к а в а л і е р е М е д и ч и, служили ей орудіями, какъ прежде, въ Неаполѣ, леди Гамильтонъ и начальникъ палачей и сыщиковъ, Актонъ (стр. 439). Но Медичи превзошелъ коварствомъ даже Актона. Въ тоже время Каролина Марія вела сношенія съ своими приверженцами въ Неаполѣ, затѣвала высадки въ Калабрію и бунтовала тамошнихъ разбойниковъ противъ короля француза, впрочемъ нисколько не вредя ему этимъ. Мюратъ и его супруга, Каролина, отплачивали ей тѣмъ же, устраивая высадки въ Сицилію и составляя тамъ заговоры; всѣмъ этимъ они также только губили тѣхъ, кто съ ними связывался.

Деспотизмъ Каролины Маріи поссорилъ ее съ сицилійской аристократіей, которая въ 1810 черезъ собраніе чиновъ (parlamento) заставила Медичи сложить должность министра финансовъ. Но это ничему не помогло. Королева стала сама произвольно налагать подати и насильно взимать ихъ. Это принудило 52 бароновъ королевства обратиться къ покровительству Англіи, которая прислала въ Сицилію флотъ и 15 т. войска. Англійское правительство прислало туда также полномочнымъ посломъ л о р д а В и л ь я м а Б е н т и н к а, поручивъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ начальство англійскими войсками на островѣ. Бентинкъ, какъ гордый аристократъ, заступился за бароновъ противъ королевы и даже лично оскорбилъ ее своимъ презрительнымъ обращеніемъ. Когда они окончательно поссорились, Бентинкъ исходатайствовалъ себѣ у своего министерства полномочіе прибѣгать въ случаѣ надобности къ насилію. Послѣ этого съ октября 1811, онъ повелъ съ Каролиной Маріей дѣла такъ круто, какъ англійскіе сановники привыкли вести съ индѣйскими раджами. Королева пришла въ такую ярость, что потребовала удаленія англійскихъ войскъ и флота. Ей насмѣшливо отказали, и тогда она рѣшилась силою изгнать англичанъ. Но у сицилійскихъ солдатъ не было ничего нужнаго для войны, да не было и охоты сражаться. Даже духовенство и фанатическій народъ не шли противъ англичанъ, хотя тѣ были еретики. Это вскорѣ принудило Каролину Марію отказаться отъ власти и удалиться изъ столицы въ загородный дворецъ.

Вскорѣ (3 декабря 1811) лордъ Бентинкъ обнародовалъ, что открытъ заговоръ знатныхъ сициліанцевъ и придворной партіи съ французами противъ англичанъ и вслѣдствіе этого будетъ арестовано значительное число лицъ. Въ январѣ 1812 король Фердинандъ IV долженъ былъ подъ предлогомъ болѣзни сложить на неопредѣленное время правленіе и назначить своимъ намѣстникомъ съ королевскимъ полномочіемъ сына своего, принца Ф р а н ц и с к а. Этотъ принцъ сталъ служить Бентинку. Бентинкъ велѣлъ ему назначить его, Бентинка, генералъ-капитаномъ Сициліи и сталъ распоряжаться какъ неограниченный властелинъ. Онъ освободилъ всѣхъ политическихъ арестантовъ, окружилъ себя злѣйшими врагами королевы и въ іюлѣ 1812 созвалъ въ Палермо сицилійскій парламентъ, чтобы

изготовить новую конституцію, т. е. въ сущности облечь въ законную форму свой военный произволъ. Конституція, предложенная имъ и принятая сицилійскими чинами, была сама по себѣ недурна, но негодилась для деморализованной націи, пробывшей столько времени въ рабствѣ; притомъ въ ней не обратили вниманія на духъ и привычныя свойства націи. По утвержденіи конституціи Бентинкъ продолжалъ владычествовать именемъ принца Франческо и съ титуломъ великаго канцлера. Онъ давно задумывалъ послать англійскія войска изъ Сициліи въ Испанію, считая, что своей конституціей такъ облагодѣтельствовалъ сициліанцевъ, что теперь для защиты острова достаточно англійскаго флота и туземныхъ войскъ. Сначала онъ отправилъ въ Испанію 6 т. войска, которое прибыло туда въ іюнѣ 1812. Самъ онъ отправился туда только черезъ годъ; но генералы, командовавшіе посланными имъ въ Испанію войсками, должны были слѣдовать его приказамъ.

10. Испанія въ 1812 и 1813 гг.

Въ то время какъ лордъ Бентинкъ посылалъ въ Испанію свои первыя войска, въ Англіи составилось новое министерство. Въ маѣ 1812 одинъ изъ людей, служившихъ гнуснымъ цѣлямъ англійскаго правительства *), застрѣливъ главу торійскаго министерства, правившаго съ 1807 года, лорда Персиваля, который, по мнѣнію убійцы, недостаточно вознаградилъ его заслуги. Смерть премьера сдѣлала необходимымъ составленіе новаго министерства, что было поручено брату Веллингтона, лорду Веллеслею; но торійская партія, къ которой принадлежало все его семейство, нашла его слишкомъ опаснымъ по талантамъ, а виги не хотѣли сближаться съ нимъ, какъ и съ прежнимъ министерствомъ; поэтому 9 іюня составилось министерство лорда Ливерпуля, враждебное всякому прогрессу и покровительствовавшее всѣмъ злоупотребленіямъ высшаго духовенства и всѣмъ аристократическимъ предразсудкамъ. Лордъ Бентинкъ имѣлъ въ немъ большое вліяніе; зато Ливерпуль, будучи врагомъ Веллеслея, не хотѣлъ поддерживать и брата его и лишалъ Веллингтона возможности однимъ ударомъ кончить испанскую войну.

Посланныя Бентинкомъ въ Испанію 6 т. человѣкъ войска высадились тамъ въ іюнѣ 1812, но ничего не могли сдѣлать, потому что были слишкомъ малочисленны и состояли притомъ изъ всякаго сброда, очень ненадежнаго. Вдобавокъ Бентинкъ связалъ командира ихъ, Майтленда, по рукамъ и по ногамъ. Однако они спасли Аликанте, которому грозили французы, и сверхъ того принудили Сюше остаться на югѣ, когда ему слѣдовало идти во внутренность Испаніи, гдѣ противъ Веллингтона собирались большія силы французовъ. Послѣ побѣды при Арапилахъ (стр. 230) Веллингтонъ вступилъ 12 августа въ Мадридъ, но вскорѣ былъ принужденъ отступить въ Португалію. Изъ Мадрида онъ обратился осаждать цитадель Бургоса, гдѣ генералъ Дюбретонъ, не смотря на малочисленность гарнизона и ветхость укрѣпленій, такъ долго задерживалъ его, что къ Бургосу успѣли подойти корпуса Клозеля и Сугама, а въ тоже время Сультъ, снявъ осаду Кадикса, соединился съ арміей короля Іосифа. Чтобы не потерять отступленіе въ Португалію, Веллингтонъ былъ принужденъ быстро отступить въ Сіудадъ-Родриго. Французы живо преслѣдовали его, однако въ половинѣ ноября онъ прибылъ въ Португалію безъ большихъ потерь и снова занялъ позицію, въ которой стоялъ передъ Арапильской битвой.

Въ теченіе зимы война внутри и на западѣ Испаніи затихла. На востокѣ англо-сицилійскія войска были подкрѣплены англійскими и испанскими, но между предводителями господствовали раздоры и недовѣріе. Притомъ англійскіе генералы, которыхъ лордъ Бентинкъ безпрестанно смѣнялъ, какъ и испанскіе командиры съ своими шайками, не могли тягаться съ маршаломъ Сюше, который командовалъ французами въ этой области. Только въ началѣ 1813, когда Наполеонъ вызвалъ изъ Испаніи большую часть старыхъ солдатъ, офицеровъ и генераловъ, чтобы составить изъ нихъ зерно новой арміи въ Германіи, положеніе Сюше стало затру-

*) Беллингемъ. *Ред.*

нительно, и онъ понесъ большія потери въ малой войнѣ. Въ февралѣ лордъ Бентинкъ хотѣлъ самъ ѣхать въ Испанію, но интриги королевы Каролины Маріи задали ему такую работу, что онъ не могъ выбраться изъ Сициліи. Вмѣсто себя онъ послалъ генерала сэра Джона Мёрри, но такъ связалъ его, что тотъ не могъ дѣйствовать быстро и рѣшительно. Въ Сициліи королева уговорила своего мужа въ январѣ 1813 внезапно возвратиться въ Палермо, чтобы подъ предлогомъ поправленія здоровья взять въ руки правленіе, уничтожить новую конституцію и возстановить прежній порядокъ. Но Бентинкъ быстро созвалъ въ Палермо войска, послѣ чего испуганный король поспѣшилъ удалиться изъ города, опять назначивъ сына полномочнымъ намѣстникомъ своимъ. Бентинкъ отдалъ королеву подъ строгій караулъ, зная, что она не перестанетъ мучить народъ и стремиться къ возвращенію деспотизма съ помощью духовенства.

Между тѣмъ Веллингтонъ приготовился энергически повести войну въ 1813. Онъ самъ ѣздилъ въ Кадиксъ и Лиссабонъ, стараясь возбудить тамошнія правительства къ новымъ усиліямъ. Въ Кадиксѣ между кортесами по прежнему господствовали раздоры. Демократы называли себя либералами и ссорились съ противниками, ругая ихъ сервилистами. По ихъ настоянію, 19 марта 1812 была утверждена свободная конституція, такъ называемая конституція 1812, составленная въ ихъ духѣ. Это еще болѣе усилило раздоры партій, и приверженцы старины, особенно духовенство, приготовляли правительству всевозможныя затрудненія. Тѣмъ не менѣе Веллингтонъ добился своего. Онъ выхлопоталъ у кортесовъ сильную армію и возможность сдѣлать ее и португальскія войска годными къ войнѣ и даже распоряжаться ею въ полѣ по своему усмотрѣнію. Для этого онъ былъ назначенъ испанскимъ генералиссимусомъ съ обширными полномочіями, и кортесы предоставили въ его распоряженіе 50 т. войска, которое предводилось англійскими офицерами и содержалось на англійскія деньги. Эта армія была раздѣлена на три корпуса, изъ которыхъ одинъ, Жирона, стоялъ въ Галлиціи, а другіе, Фрейра и графа де Абисбаля (О'Доннеля), — въ Андалузіи. Въ Португаліи Веллингтону также встрѣтились большія затрудненія при приготовленіяхъ къ кампаніи 1813. Онъ, правда, склонилъ тамошнее правительство усилить португальскія войска, устроенныя по англійски и состоявшія подъ начальствомъ Бересфорда (стр. 569); но эти войска оказались непокорными, потому что были ожесточены варварской дисциплиной англійской аристократической военной системы; они негодовали и на свое правительство, которое притѣсняло ихъ и раскрадывало англійскія субсидіи, платимыя на ихъ содержаніе. Веллингтонъ устранилъ обѣ эти причины недовольства и непокорства. Ласковымъ обращеніемъ онъ пробудилъ въ солдатахъ чувство чести, велѣлъ выплатить имъ зажиленное жалованье, позаботился о продовольствіи ихъ и принудилъ правительство принять мѣры къ удовлетворенію ихъ, пригрозивъ задержать субсидіи и выдать деньги прямо войскамъ. Онъ снабдилъ португальскую армію артиллеріей изъ крѣпостей, нѣсколько поправилъ кавалерію, такъ что она стала хоть на что-нибудь похожа, и внушилъ войскамъ новый духъ чести и порядка; такимъ образомъ, открывая кампанію, онъ могъ присоединить къ своимъ англійскимъ силамъ 27 т. хорошихъ португальскихъ войскъ.

При тогдашнихъ обстоятельствахъ, чтобы противиться мѣрамъ Веллингтона, въ Испаніи французамъ былъ нуженъ самъ Наполеонъ; но онъ не могъ покинуть германскаго театра войны. Въ довершеніе, по настоятельному требованію брата Іосифа, онъ отозвалъ изъ Испаніи маршала Сульта и снова назначилъ короля главнокомандующимъ всѣми французскими силами на полу-островѣ. Наконецъ Іосифъ получилъ его инструкціи на кампанію 1813 слишкомъ поздно и успѣлъ уже такъ распорядиться войсками, что послѣдовать наполеоновскому плану было невозможно. Наполеонъ совѣтовалъ Іосифу покинуть Мадридъ и собрать всѣ свои силы въ Леонѣ, чтобы оттуда перейти въ наступленіе по рѣкѣ Тормесѣ. Король же думалъ, что Веллингтонъ двинется на Мадридъ и пойдетъ по долинѣ Тахо, тогда какъ англійскій полководецъ намѣревался проникнуть въ Испанію по Дуэро. Поэтому, выѣзжая 18 марта изъ Мадрида, король испанскій принялъ не наступательныя, а оборонительныя мѣры, разставивъ свои корпуса по длинной линіи отъ Галиціи къ Мадриду и Бургосу. Видя эти распоряженія, всѣ думали, что онъ готовится выступить изъ Испаніи; это оживило мужество и надежды испанцевъ

и вызвало всюду новыя возмущенія. Съ другой стороны, Наполеонъ опять завелъ соперничество и зависть между своими генералами въ Испаніи, давъ генералу Клозелю, командовавшему сѣверной арміей, обширныя полномочія и даже приказавъ ему обращаться прямо къ себѣ, помимо короля.

Въ половинѣ мая Веллингтонъ перешелъ испанскую границу выше теченія Тормеса и неудержимо проникъ черезъ Саламанку на верховья Эбро. Порядокъ его войскъ и это искусное движеніе заслужили общее удивленіе всей Европы, потому что онъ достигъ этимъ болѣе важныхъ результатовъ, чѣмъ достигъ бы побѣдой. Іюня 14 и 15 онъ перешелъ Эбро и оттѣснилъ главную французскую армію подъ начальствомъ самого короля испанскаго въ долину Витторіи, перерѣзанную рѣчкой Садорой. Здѣсь король Іосифъ очутился въ очень затруднительномъ положеніи. Ближайшія къ нему войска Клозеля и Фуа, которыхъ онъ ожидалъ, не подходили, а съ другой стороны самъ онъ не могъ соединиться съ Фуа, не покинувъ всего своего обоза и артиллеріи, и не могъ рѣшиться выступить на соединеніе съ Сюше черезъ крутыя горы Сальватіерры, опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ Франціи. Въ этихъ обстоятельствахъ онъ рѣшился вопреки совѣтамъ лучшихъ своихъ офицеровъ, особенно маршала Журдана, дать при Витторіи сраженіе 21 іюля 1813. Англичане и испанцы были сильнѣе французовъ, но у французовъ было больше артиллеріи. Впрочемъ она не помогла имъ, потому что позиція ихъ была очень невыгодна, и притомъ по множеству обоза, экипажей и фуръ, которые они везли съ собой, движенія ихъ войскъ были стѣснены. Вдобавокъ при началѣ сраженія одинъ испанскій крестьянинъ указалъ англичанамъ мостъ на рѣкѣ, за которой стояли французы. Французы были принуждены отступить, причемъ пришли въ такой безпорядокъ, что всѣ корпуса перепутались въ одну нестройную массу. По причинѣ изрытой рвами мѣстности они не могли спасти своей артиллеріи и обоза. Все это досталось англичанамъ, въ томъ числѣ 2 т. нагруженныхъ фуръ, экипажи короля Іосифа и всѣ драгоцѣнности его двора. Самъ король едва не попался въ плѣнъ. На другой день прибылъ Клозель съ сѣверной арміей и, узнавъ, что все кончено, поспѣшно спасся во Францію, бросивъ свою артиллерію. Фуа былъ также горячо преслѣдуемъ англичанами и испанцами, но благополучно отступилъ въ отечество.

Пораженіе при Витторіи лишило французовъ всей сѣверной и средней Испаніи. Отъ моря до Ронсевальскаго прохода въ Пиренеяхъ у нихъ остались только Пампелуна и Санъ-Себастіанъ. Узнавъ объ этомъ пораженіи, Наполеонъ отрѣшилъ брата отъ начальства и опять послалъ въ Испанію маршала Сульта, недавно оказавшаго ему большія услуги въ войнѣ съ Россіей и Пруссіей. Энергическій герцогъ Далматскій собралъ къ половинѣ іюля 77-тысячную армію. У Веллингтона было столько же войска. Въ теченіе 8 дней полководцы вели борьбу въ тѣснинахъ и у подножія Пиренеевъ съ такимъ упорствомъ, что Веллингтонъ лишился 8½ т. чел., а Сультъ 12—15 т. Августа 24 англичане возобновили осаду Санъ-Себастіана, недавно снятую и замѣненную блокадой послѣ неудачнаго приступа. Не смотря на свою малочисленность, французскій гарнизонъ держался до 31 числа и отбилъ бы и въ этотъ день англичанъ, открывшихъ брешь и поведшихъ приступъ, если бы взрывъ пороховаго магазина не принудилъ его покинуть стѣны. Вступивъ въ Санъ-Себастіанъ, побѣдители произвели въ немъ неописанныя звѣрства. Не было пощады ни полу, ни возрасту; изобрѣтались самыя дикія жестокости, и офицеры не могли удержать ярость солдатъ, которые до того остервенились, что оскорбили и даже убили многихъ своихъ командировъ. Подобныя звѣрства были произведены англійскими солдатами еще до Санъ-Себастіана, при взятіи Сіудадъ-Родриго и Бадахоса въ 1812. Это и неудивительно, потому что они вербуются изъ отребья общества и удерживаются въ порядкѣ только свирѣпою поркою. Нельзя поэтому строго осуждать и англійскихъ офицеровъ за противодѣйствіе ихъ всѣмъ парламентскимъ попыткамъ отмѣнить безчеловѣчныя наказанія англійскихъ военныхъ узаконеній. Сультъ пытался выручить Санъ-Себастіанъ, но былъ отбитъ съ потерей 2 т. и долженъ былъ ограничиться обороной своей границы. Пампелуна, гарнизонъ которой долго терпѣлъ величайшія лишенія, была взята англичанами только 31 октября.

Пока на сѣверѣ Испаніи Веллингтонъ пріобрѣталъ величайшую славу, на восточномъ берегу полуострова Бентинкъ и его подчиненные страшно срамились.

Еще до вторженія Веллингтона въ Испанію, Бентинкъ отозвалъ въ Сицилію 2 т. изъ войскъ сэра Джона Мёрри, боясь нападенія неаполитанцевъ и безпокоясь новыхъ интригъ королевы Каролины-Маріи. Однако Веллингтонъ, разсчитывая на содѣйствіе сицилійскихъ войскъ, выхлопоталъ въ министерствѣ приказъ остаться имъ въ Испаніи. Потомъ Бентинкъ выдумалъ другой планъ и все-таки отозвалъ часть этихъ войскъ въ Сицилію, такъ что сэръ Джонъ Мёрри, открывая кампанію, имѣлъ только 14 т. войска, въ томъ числѣ 8 т. англичанъ, нѣмцевъ и швейцарцевъ и только 900 чел. конницы. Притомъ между офицерами его господствовали раздоры и разногласіе. Іюня 2 Мёрри высадилъ свои войска при Таррагонѣ, чтобы взять эту каталонскую крѣпость и потомъ соединиться съ Веллингтономъ, черезъ Арагонію. Сюше, стоявшій подъ Аликанте, не могъ раньше пяти дней выступить къ Таррагонѣ, а идти туда надо было 8 дней. Мёрри могъ бы тѣмъ временемъ взять Таррагону. Вмѣсто того онъ испугался пустыхъ слуховъ до того, что уже 12 іюня опять посадилъ войска на суда и даже, чтобы скорѣе уйти, покинулъ на берегу свою тяжелую артиллерію и большой запасъ ядеръ. При Балагнерѣ онъ опять высадился и приготовился было дать сраженіе приближавшемуся французскому генералу Матьё, котораго превосходилъ силами, но 17 іюня внезапно опять сѣлъ на корабли. За все это его предали военному суду, но оправдали.

Іюня 27 прибылъ самъ Бентинкъ, но безъ войскъ. Переговоры Мюрата съ союзниками позволили ему наконецъ удалиться изъ Сициліи. Онъ высадился при Аликанте и тотчасъ аттаковалъ Валенсію, но поспѣшно отступилъ при приближеніи Сюше. Въ это время вѣсть о побѣдѣ Веллингтона при Витторіи принудила Сюше поспѣшить въ Арагонію на помощь остаткамъ разбитой французской арміи. Тогда Бентинкъ занялъ покинутую французами Валенсію. Такимъ же образомъ и прочими успѣхами онъ былъ обязанъ единственно Веллнгтону. Въ сентябрѣ онъ даже потерпѣлъ пораженіе въ сраженіи при Ордалѣ и вслѣдъ затѣмъ возвратился въ Сицилію.

11. Неаполь и Сицилія въ 2813.

Лорду Бентинку постоянно приходилось обороняться отъ интригъ королевы Каролины Маріи, которая вступила въ сношенія съ Наполеономъ черезъ императрицу Марію Луизу и возмущала сицилійскій народъ противъ англичанъ. Въ апрѣлѣ 1813 Бентинкъ старался отдѣлаться отъ нея, спровадивъ ее въ Сардинію. Но она не захотѣла ѣхать туда и требовала, чтобы вмѣсто того ее отправили въ Вѣну. Бентинкъ согласился и на это и даже принялъ разныя условія королевы, состоявшія большею частью въ уплатѣ ей разныхъ суммъ. Но Каролина Марія все-таки осталась въ Сициліи и въ іюлѣ произвела въ Палермо возстаніе, которое продолжалась нѣсколько дней и съ трудомъ было усмирено войсками. Возвратившись въ сентябрѣ изъ Испаніи, Бентинкъ велѣлъ арестовать главныхъ агентовъ королевы и выпроводилъ ее въ Вѣну, гдѣ она черезъ годъ умерла. Съ этого времени Бентинкъ сталъ править Сициліей, какъ вассальнымъ краемъ Англіи, не обращая вниманія на конституцію собственнаго издѣлья. Онъ даже подражалъ французскимъ террористамъ, которые въ 1793 временно отмѣнили дѣйствіе своей только-что учрежденной демократической конституціи и объявили, что до заключенія мира Франція будетъ управляться революціонно и произвольно (стр. 392). Бентинкъ объявилъ прокламаціей, что пока славное твореніе 1812 не утверждено прочно, общественное спокойствіе можно сохранять лишь войсками и что нарушители его, кто бы они ни были, будутъ моментально предаваемы смерти на основаніи марціальнаго закона.

Между тѣмъ король Іоахимъ Мюратъ Неаполитанскій давно забрелъ на путь, который привелъ его прямо въ силки Австріи. Посланникъ его въ Вѣнѣ, князь Каріати, еще въ февралѣ 1813 склонился вступить съ Австріей въ переговоры, а австрійскій повѣренный въ Неаполѣ, графъ Миръ, соблазнялъ самого короля Іоахима приманкой доставить ему владычество надъ всей Италіей или по крайней мѣрѣ распространить его владѣнія до По. Король вступилъ въ переговоры даже

съ лордомъ Бентинкомъ, который смертельно ненавидѣлъ его. Всѣ эти переговоры ни къ чему не привели и только поссорили Іоахима съ шуриномъ. Въ началѣ августа по убѣжденіямъ жены онъ прервалъ переговоры и отправился въ Дрезденъ командовать кавалеріей французской арміи. Однако князь Каріати остался въ Вѣнѣ, а графъ Миръ въ Неаполѣ, что было очень подозрительно. Послѣ лейпцигскаго сраженія союзники стали дѣятельно хлопотать отвлечь короля Іоахима отъ Наполеона. Съ такой же попыткой обратились и къ вице-королю Евгенію, обѣщая ему за измѣну Наполеону Ломбардію. Но Евгеній былъ вѣренъ отечеству и отчиму, а можетъ быть, и понималъ, что Австрія только обманываетъ его. Онъ отклонилъ ея предложенія, тогда какъ Мюратъ пошелъ въ ловушку.

Октября 24 Мюратъ навѣки разстался въ Эрфуртѣ съ шуриномъ и возвратился въ свою столицу. Прибывъ туда, онъ возобновилъ переговоры съ графомъ Миромъ и Бентинкомъ. Графъ Миръ тотчасъ поѣхалъ въ Вѣну и уже 12 декабря вернулся въ Неаполь съ проектомъ договора, который былъ составленъ имъ самимъ и снабженъ примѣчаніями Меттерниха. Фуше и тутъ нашелъ случай разыграть свою вѣчную роль предателя. Будучи недавно изгнанъ изъ своего намѣстничества, Иллиріи, онъ по приказанію Наполеона отправился въ Неаполь, чтобы удержать короля Іоахима отъ союза съ Австріей. Такому художнику шпіоннаго искусства переговоры короля съ Австріей, конечно, не могли остаться неизвѣстны; однако онъ завѣрилъ императора въ непоколебимой вѣрности Мюрата. Уже въ декабрѣ король двинулъ свои войска въ Церковную Область, впрочемъ еще какъ союзникъ Наполеона. Но вслѣдъ затѣмъ въ Неаполь вернулся графъ Миръ и вдобавокъ пріѣхалъ въ качествѣ австрійскаго посла графъ Нейппергъ. Съ нимъ Іоахимъ заключилъ наконецъ 11 января 1814 договоръ, обязавшій его принять участіе въ коалиціи противъ Франціи. Онъ тотчасъ отправился къ своей арміи, а 26 января и Бентинкъ, хотя не имѣя полномочія, заключилъ съ неаполитанскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ перемиріе. Января 30 король возвѣстилъ своимъ войскамъ прокламаціей, что соединился съ Англіей и Австріей противъ Франціи. Договоръ, заключенный съ Австріей, былъ обставленъ такимъ множествомъ условій и всѣ обѣщанія его были до того неопредѣленны, что только такой недальній человѣкъ, какъ Мюратъ, могъ не понять намѣреній Австріи. Уже дойдя до границъ верхней Италіи, 15 февраля 1814 Мюратъ объявилъ Наполеону войну.

Въ верхней Италіи австрійскій генералъ Бельгардъ принудилъ вице-короля Евгенія отступить съ Эча за Минчіо. Узнавъ объ измѣнѣ Мюрата, Наполеонъ приказалъ Евгенію очистить Италію, но вице-король не послѣдовалъ этому приказанію, потому что не могъ выхлопотать гарнизонамъ предписанное императоромъ условіе свободнаго возвращенія во Францію, а частью, можетъ быть, потому также, что помышлялъ сдѣлаться королемъ ломбардскимъ. Февраля 8 онъ разбилъ австрійцевъ при Валеджіо; впрочемъ эта побѣда не принесла ему существенныхъ результатовъ.

Когда король неаполитанскій объявилъ Наполеону войну, ему было уже понятно, что онъ обманулся, разсчитывая этимъ поступкомъ достигнуть господства надъ всей Италіей. Императоръ Францъ все откладывалъ утвердить заключенный съ нимъ договоръ; Бентинкъ также все отговаривался неимѣніемъ полномочія; австрійскій генералъ Нугентъ, отданный съ своимъ корпусомъ подъ начальство Мюрата, занялъ Модену, но провозгласилъ въ ней не короля неаполитанскаго, а прежняго герцога Эсте; наконецъ 4 февраля Бельгардъ возвѣстилъ прокламаціей о предстоящемъ возвращеніи папы, великаго герцога тосканскаго и короля сардинскаго въ ихъ владѣнія. Не смотря на все это, король Іоахимъ опять дался въ обманъ и продолжалъ держаться за Австрію. Впрочемъ ему самому было совѣстно и непріятно измѣнять своему благодѣтелю и шурину; поэтому и австрійцы не могли довѣрять ему. Зато Фуше въ званіи римскаго губернатора и наполеоновскаго уполномоченнаго безъ всякаго зазрѣнія хлопоталъ о низложеніи императора. Онъ заключилъ съ королемъ Мюратомъ договоръ о сдачѣ неаполитанскимъ войскамъ тосканскихъ и папскихъ крѣпостей, принявъ условіе, чтобы французскіе гарнизоны этихъ крѣпостей по возвращеніи въ отечество въ теченіе года не служили противъ союзниковъ. Онъ хлопоталъ объ очищеніи тосканскихъ

крѣпостей главнымъ образомъ потому, чтобы въ нихъ поскорѣе высадились англосицилійскія войска.

Марта 8 Мюратъ получилъ наконецъ изъ Вѣны утвержденіе на свой договоръ, но съ очень невыгодными для него измѣненіями. Всѣ обѣщанныя прибавленія владѣній ограничились ничтожнымъ клочкомъ Церковной Области. Бентинкъ совершенно не скрывалъ своей вражды къ королю Іоахиму, и, когда англосицилійскія войска высадились въ Ливорно, онъ объявилъ черезъ сына короля Фердинанда, принца Франческо, котораго привезъ съ собой, что войска эти назначены возстановить право Бурбоновъ въ Неаполѣ. Папа Пій VII, отпущенный Наполеономъ въ Италію послѣ несчастнаго окончанія кампаніи 1813, прибылъ 24 марта въ Римъ и самъ вступилъ въ свои свѣтскія державныя права. Путешествіе его было просто тріумфальнымъ шествіемъ. Жители и даже солдаты всюду встрѣчали его съ восторгомъ и благоговѣніемъ. По этому обстоятельству и по воспослѣдовавшему вскорѣ возвращенію Бурбоновъ въ Парижъ Мюратъ могъ угадать предстоящую ему участь. Ему хотѣлось не пускать папу въ Церковную Область; но онъ не рѣшился выслать свои войска противъ главы церкви, котораго всѣ величали мученикомъ. Такимъ образомъ ему пришлось согласиться на возстановленіе папской власти въ Церковной Области. Вскорѣ его коммисарамъ пришлось уступить и Тоскану прежнему владѣтелю Фердинанду III.

V. ИСТОРІЯ ЕВРОПЫ

ОТЪ ПЕРВАГО НАШЕСТВІЯ СОЮЗНИКОВЪ НА ФРАНЦІЮ ДО ВТОРАГО ПАДЕНІЯ НАПОЛЕОНА.

---

1. Франція въ началѣ 1814 года.

Послѣ несчастнаго окончанія войны 1813 Наполеонъ понялъ, что для своего спасенія и для сохраненія своей державы необходимо воскресить то патріотическое одушевленіе, которое спасло Францію въ 1792. Онъ хотѣлъ кромѣ сформированія новой полумилліонной арміи возбудить черезъ народныхъ представителей поголовное возстаніе во Франціи. Но тутъ оказалось, что народные представители уже нерасположены служить ему орудіемъ и что ему нельзя полагаться и на тѣ классы, которые до сихъ поръ были его опорой. Когда онъ вторично возвратился побѣжденнымъ, противъ деспотизма его поднялось общее неудовольствіе, и республиканцы въ публикѣ и въ арміи стали громко говорить о правахъ народа. Съ другой стороны, и старые роялисты подняли головы и принялись строить козни въ пользу возстановленія Бурбоновъ.

Еще до возвращенія Наполеона въ Парижъ сенатъ предписалъ 9 октября 1813 наборъ въ 280 т. чел., на половину изъ конскрипціи 1815, на половину изъ всѣхъ наборовъ, начиная съ 1803. Ноября 15 былъ предписанъ другой наборъ въ 300 т. чел. Въ томъ же мѣсяцѣ Наполеонъ изъявилъ сенату желаніе значительно усилить нѣкоторые тягостные налоги, тяготѣвшіе на всѣхъ классахъ. При всѣхъ этихъ требованіяхъ не обращалось ни малѣйшаго вниманія на народное представительство, хотя Наполеонъ созвалъ законодательный корпусъ еще изъ Германіи. Мало того: чтобы не допустить собраній избирательныхъ коллегій и совершенно взять законодательный корпусъ въ свои руки, онъ сдѣлалъ два произвольныя распоряженія, приказавъ, вопервыхъ, черезъ сенатъ, чтобы всѣ депутаты, которыхъ по закону слѣдовало замѣнить новоизбранными, оставались бы въ палатѣ; во-вторыхъ, произвольно назначивъ президентомъ палаты одного изъ своихъ придворныхъ софистовъ, герцога Масса-Каррарскаго (Ренье), тогда какъ по закону палата должна была представлять въ президенты своихъ трехъ кандидатовъ. Наконецъ, при открытіи собранія 19 декабря велѣно было присутствовать всему сенату и всему государственному совѣту, чтобы ослѣпить и напугать депутатовъ выставкой этихъ сановниковъ. Но Наполеонъ ошибся въ своихъ разсчетахъ. Собраніе встрѣтило навязаннаго ему президента громкимъ ропотомъ и выбрало въ вице-президенты врага господствующей системы, Лене, а другаго человѣка такого же образа мыслей въ секретари.

Потомъ императоръ сдѣлалъ другую ошибку. Сообщая палатѣ акты мирныхъ переговоровъ, онъ утаилъ важнѣйшіе, хотя министръ Коленкуръ умолялъ его дѣйствовать откровенно. Кромѣ того въ корректурѣ рѣчи, которую долженъ былъ произнести въ собраніи коммиссаръ правительства, онъ вычеркнулъ всѣ мѣста, слишкомъ сильно выражавшія желанія мира. Назначая коммисію для разбора представленныхъ ему актовъ, законодательный корпусъ назначилъ въ члены

ея, вмѣсто предложенныхъ президентомъ лицъ, Лене и четверо депутатовъ, столь же извѣстныхъ непріязнью къ наполеоновскому самодержавію. Эта коммисія составила отчетъ въ совершенно иномъ тонѣ, чѣмъ сенатскій отчетъ, сочиненный риторомъ и софистомъ Фонтаномъ (стр. 535). Въ немъ требовалось, чтобы правительство позаботилось о возстановленіи мира, и прямо заявлялось ему, что война только въ такомъ случаѣ можетъ сдѣлаться народною, если императоръ будетъ вести ее лишь за независимость націи, за цѣлость государства, и если будутъ наконецъ уважены законы, гарантирующіе французамъ свободу, безопасность, собственность и пользованіе политическими правами. Въ преніяхъ объ этомъ отчетѣ рѣзко выразилось настроеніе, господствующее между депутатами. Такъ напр., когда беззаконный президентъ началъ призывать одного депутата къ порядку, говоря, что выраженія его противны конституціи, ему стали въ отвѣтъ кричать, что въ палатѣ нѣтъ ничего болѣе противнаго конституціи, какъ его присутствіе. Декабря 30 большинствомъ четырехъ пятыхъ голосовъ было рѣшено подать императору внушительный адресъ и напечатать отчетъ коммисіи по 6 экземпляровъ на каждаго депутата.

Наполеонъ пришелъ въ сильнѣйшій гнѣвъ и, не умѣя совладать съ собой, самъ лишилъ себя средствъ поставить непріятеля въ затруднительное положеніе поголовнымъ возстаніемъ французскаго народа. Онъ не принялъ адреса, запретилъ печатать отчетъ, велѣлъ забрать уже отпечатанные листы, распустилъ законодательный корпусъ какъ опасное для государства собраніе и, когда депутація его явилась къ нему съ поздравленіями на новый 1815 годъ, разрѣшился противъ представителей французскаго народа такими же дерзостями, какими нѣкогда осыпалъ Вайтворта, Маркова, Меттерниха и другихъ дипломатовъ. Это обращеніе его къ депутатамъ нигдѣ не было офиціально напечатано, и его передаютъ на нѣсколько разныхъ ладовъ. Самый правдоподобный разсказъ Биньона, потому что совершенно соотвѣтствуетъ характеру и способу выражаться императора. По его разсказу, Наполеонъ выбранилъ автора отчета (Лене) и прочихъ депутатовъ такого образа мыслей—злоумышленниками (factieux), подкупленными Англіей; говорилъ, что они хотятъ запутать и замарать (barbouiller) его передъ лицомъ всей Франціи. Онъ назвалъ дѣйствія законодательнаго корпуса покушеніемъ (attenat) и измѣной отечеству. Меня хотятъ, говорилъ онъ, жестоко разъединить съ народомъ; отъ меня требуютъ для мира большихъ пожертвованій, чѣмъ сами союзники; меня выставляютъ передъ непріятелемъ въ такомъ положеніи, какъ будто имъ приходится воевать только противъ меня одного; но я не допущу унизить себя; я снесъ несчастіе съ достоинствомъ; я самъ вышелъ изъ народа; я знаю свои обязанности въ отношеніи народа и т. д.

Распущеніе законодательнаго корпуса обратило въ глазахъ народа членовъ его, которыхъ прежде считали раболѣпными слугами Наполеона, въ жертвъ деспотизма и доставило имъ большое значеніе. Многіе изъ нихъ уже помышляли о Бурбонахъ, и всѣ распространяли мнѣніе, что Наполеонъ не пожертвуетъ для мира ничѣмъ изъ своихъ завоеваній. Республиканцы и старое дворянство ободрились. Наполеонъ тщетно разсылалъ въ департаменты коммисаровъ съ неограниченными полномочіями, чтобы преслѣдовать подозрительныхъ военными коммисіями, торопить наборомъ 580 тыс. рекрутъ и возбуждать народъ въ мѣстностяхъ, угрожаемыхъ непріятелемъ. Но народъ былъ противъ императора. Притомъ большинство коммисаровъ были люди не популярные и вдобавокъ боялись лишиться при предстоящей перемѣнѣ богатствъ и почестей, пріобрѣтенныхъ при Наполеонѣ. По всему этому посольства ихъ не имѣли успѣха. Наконецъ у правительства не было ни денегъ, ни кредита, чтобы создать новую, столь громадную армію. Предписаніе 8 января 1814 устроить въ Парижѣ національную гвардію могло служить только пособіемъ полиціи, но вовсе не могло защитить столицу отъ непріятеля, потому что Наполеонъ боялся ввѣрить оружіе мощнымъ рукамъ простаго народа. Въ городѣ съ населеніемъ въ то время въ 600 тыс. чел. вооружили едва 30 тыс. гражданъ, и то все изъ зажиточныхъ буржуазовъ; да и то Наполеонъ до того не довѣрялъ имъ, что даже не позволилъ имъ самимъ выбрать себѣ офицеровъ, а назначилъ на офицерскія мѣста своихъ придворныхъ и чиновниковъ.

Передъ отъѣздомъ 25 января 1814 къ арміи Наполеонъ опять учредилъ регентство, но далъ ему очень мало власти. Главой его онъ назначилъ свою жену,

но лишилъ ее права издавать или даже предлагать сенату законы. Неспособный король Іосифъ Испанскій, изгнанный изъ своего государства, получилъ блестящій титулъ генералъ-намѣстника имперіи; въ помощники имъ данъ былъ низкопоклоннѣйшій слуга Наполеона, юристъ Канбасересъ, всегда служившій только своему брюху. Наканунѣ отъѣзда Наполеонъ привелъ къ присягѣ штабъ-офицеровъ парижской національной гвардіи и въ трогательныхъ словахъ поручилъ ихъ защитѣ жену и сына. При этомъ онъ самъ былъ очевидно тронутъ, что тронуло и присутствующихъ; но въ сущности все это была политическая комедія, какъ оказалось уже въ концѣ марта. Зато Карно, жившій съ 1807 частнымъ человѣкомъ, хотя съ жалованіемъ и съ генеральскимъ чиномъ, въ тотъ же день письменно предложилъ императору свои услуги. Наполеонъ принялъ предложеніе, но не рѣшился дать другого назначенія талантамъ и опытности Карно, какъ поручивъ ему оборону Антверпена.

2. Война 1814 до прекращенія Шатильонскаго конгреса.

Когда въ ноябрѣ 1813 война на время затихла, между союзными державами господствовали несогласія и взаимное недовѣріе. Вслѣдствіе этого Наполеонъ легко могъ бы заключить миръ, если бы быстро рѣшился принять предложенныя ему черезъ Сентъ-Эньяна условія (стр. 621). Но пока онъ колебался, союзники въ концѣ ноября опять сошлись между собой и 1 декабря издали вышеупомянутый манифестъ (стр. 622), обращенный не противъ Франціи, а противъ одного Наполеона. Впрочемъ они не отказывались отъ своихъ прежнихъ мирныхъ предложеній, однако отвергли предложеніе Наполеона устроить конгресъ въ Мангеймѣ, рѣшившись возобновить переговоры только по вступленіи во Францію.

Главная союзная армія Шварценберга, состоявшая изъ австрійцевъ, русскихъ и баварцевъ, перешла 21 декабря швейцарскую границу и двинулась безпрепятственно впередъ при содѣйствіи швейцарскихъ аристократовъ. Изъ восьми корпусовъ ея самый южный вступилъ во Францію при Женевѣ, самый сѣверный при Форъ-Луи. Здѣсь союзники встрѣтили очень слабое сопротивленіе; притомъ и силы ихъ были такъ громадны, что ничто не могло имъ противиться. Они растянулись между Дубомъ, Соной и верхнимъ Мозелемъ, но шли очень медленно, потому что Шварценбергъ слѣдовалъ не военнымъ, а дипломатическимъ соображеніямъ. Напротивъ того, Блюхеръ съ пруссаками и русскими, перейдя Рейнъ 1 января при Мангеймѣ, Каубѣ и Кобленцѣ, уже 17 числа былъ подъ Нанси, хотя долженъ былъ оставить сильные отряды для наблюденія за крѣпостями и хотя посланный къ нему на подкрѣпленіе Винцингероде только 13 числа перешелъ Рейнъ при Дюссельдорфѣ. Уже 20 числа главная армія открыла съ нимъ сообщеніе черезъ Эпиналь, но соединенія между ними не воспослѣдовало, потому что Шварценбергъ, вмѣсто того, чтобы быстро идти къ Труа, неизвѣстно зачѣмъ пробылъ съ 18 по 23 въ Лангрѣ. Наполеонъ, собравъ всѣ свои силы при Шалонъ-сюръ-Марнъ, воспользовался этимъ, чтобы разогнать обѣ арміи, прежде чѣмъ онѣ соединятся. Января 26 онъ обратился на Блюхера, который шелъ къ Труа черезъ Туль и Вокулеръ и былъ въ этотъ день въ Вріенѣ. Четыре корпуса его арміи стояли очень далеко другъ отъ друга. При Бріенѣ 20 января цѣлый день происходило упорное сраженіе. Блюхеръ былъ разбитъ, едва спасся отъ плѣна и отступилъ къ Баръ-сюръ-Объ, но тутъ соединился съ арміей Шварценберга, тотчасъ оборотился, и 1 февраля союзники въ громадныхъ силахъ аттаковали французскаго императора при Ла Ротьери. Не смотря на свою храбрость, на таланты и опытность императора, французы были принуждены отступить съ потерей 1,000 человѣкъ плѣнныхъ и 70 пушекъ, потерявъ и убитыми больше союзниковъ. Вслѣдствіе этого несчастія Наполеонъ былъ принужденъ 6 февраля очистить неукрѣпленный Труа и отступить къ Ножану, всего въ 25 часахъ пути отъ Парижа. Вся Франція ужаснулась; но неспособность союзныхъ генераловъ, особенно Шварценберга, вскорѣ снова оживила мужество французовъ и довѣріе ихъ къ Наполеону.

Февраля 2 союзные монархи, ихъ генералы и дипломаты, въ томъ числѣ англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Кестльри держали военный совѣтъ въ Бріенскомъ замкѣ. По недовѣрію русскихъ и пруссаковъ, особенно Блюхера, къ Шварценбергу, на этомъ совѣтѣ было принято пагубное рѣшеніе, чтобы арміи шли на Парижъ не вмѣстѣ, а порознь; Блюхеръ долженъ былъ идти по Марнѣ черезъ Шалонъ и Мо, Шварценбергъ—по Сенѣ черезъ Труа и Ножанъ. Узнавъ объ этомъ, Наполеонъ быстро обратился противъ Блюхера, который, наступая слишкомъ поспѣшно, такъ разсѣялъ свои корпуса, что далъ непріятелю возможность разбить себя по частямъ. Февраля 10 при Шанпоберѣ Наполеонъ аттаковалъ и уничтожилъ русскій корпусъ Олсуфьева. Затѣмъ русскій генералъ Сакенъ и прусскій—Йоркъ, шедшіе на Мо, были отрѣзаны отъ главныхъ силъ Блюхера, находившихся еще только у Вертю, и разбиты 11 февраля одинъ за другимъ при Монмирайлѣ. На другой день они потерпѣли очень тяжелый уронъ при отступленіи къ Марнѣ. Блюхеръ съ обычной быстротой поспѣшилъ къ нимъ на помощь. Февраля 14 при Вошанѣ (между Монмирайлемъ и Шанпоберомъ) онъ встрѣтилъ Наполеона, но былъ совершенно разбитъ и долженъ былъ отступить къ Шалону, чтобы поскорѣе соединиться съ остальными корпусами своей арміи. Съ 10 по 15 февраля пруссаки, по словамъ французскихъ писателей, потеряли 10—15 т. чел.; но и Наполеонъ понесъ большія потери, которыхъ не могъ вознаградить, тогда какъ пруссаки ежеминутно получали подкрѣпленія. Притомъ въ тотъ самый день, какъ Наполеонъ разбилъ Блюхера, русскій генералъ Винцингероде вытѣснилъ французовъ изъ Суасона, вслѣдствіе чего планъ Наполеона, обѣщавшій ему побѣду, совершенно разстроился.

Между тѣмъ Шварценбергъ проникъ по Сенѣ такъ далеко, что 15 февраля авангардъ его былъ невдалекѣ отъ Парижа. Наполеонъ послѣ Вошанскаго сраженія поспѣшилъ на помощь маршаламъ Удино и Виктору, которымъ было поручено задерживать Шварценберга, намѣреваясь разбить и эту армію по частямъ. Онъ поразилъ непріятельскіе корпуса 16 и 17 февраля при Гинѣ, Морманѣ, Нанжи и Донимари. Но ошибка маршала Виктора помѣшала его дальнѣйшимъ успѣхамъ. Маршалу герцогу Беллюнскому было поручено занять мостъ въ городкѣ Монтро, чтобы отрѣзать отступленіе австрійскому корпусу Біанки, зашедшему слишкомъ далеко; но Викторъ замѣшкалъ исполнить это порученіе, такъ что наслѣдный принцъ Виртембергскій успѣлъ предупредить его. Наполеону пришлось самому поспѣшить въ Монтро, гдѣ 18 февраля произошло кровопролитнѣйшее сраженіе, въ которомъ императоръ самъ наводилъ пушки. Монтро былъ взятъ приступомъ съ большими потерями, и непріятель разбитъ; но сраженіе при Монтро дало Біанки время спастись отступленіемъ къ Сансу, такъ что Наполеонъ не достигъ своей главной цѣли. Впрочемъ онъ принудилъ Шварценберга отступить къ Труа, а потомъ робкій полководецъ даже перенесъ свою главную квартиру назадъ въ Лангъ, опасаясь, чтобы маршалъ Ожеро, стоявшій въ Ліонѣ и недавно получившій подкрѣпленія изъ Испаніи, не отрѣзалъ ему сообщенія съ Швейцаріей.

Такимъ образомъ война приняла благопріятный для Наполеона оборотъ, и въ тоже время открылся мирный конгресъ. Съ декабря Наполеонъ неоднократно пытался завязать переговоры, но союзники только 20 января увѣдомили его министра иностранныхъ дѣлъ, Коленкура, что согласны открыть конгресъ въ бургундскомъ городѣ Шатильонѣ, на Сенѣ. Между тѣмъ, между четырьмя коалиціонными державами возникло несогласіе. Императоръ Александръ хотѣлъ завладѣть герцогствомъ Варшавскимъ, а Фридрихъ Вильгельмъ Прусскій—королевствомъ саксонскимъ; Англія и Австрія противились этому, вслѣдствіе чего Россія и Пруссія заключили 6 января въ Базелѣ особый договоръ. Притомъ Александръ и его совѣтники порицали князя Шварценберга и не довѣряли ему за его подозрительную медленность въ военныхъ дѣйствіяхъ. Стало быть, при открытіи конгресса обстоятельства благопріятствовали французскому императору; но онъ пренебрегъ возможностью выпутаться изъ дѣла на сносныхъ условіяхъ.

На конгресъ въ Шатильонъ собрались уполномоченными: Коленкуръ отъ Франціи, графъ Стадіонъ отъ Австріи, Вильгельмъ Гумбольдтъ отъ Пруссіи, графъ Разумовскій отъ Россіи, Абердинъ, Каткартъ и Стюартъ отъ Англіи. Кро-

мѣ того отъ англійскаго министерства явился и самъ лордъ Кестльри. Назначенія этихъ союзныхъ уполномоченныхъ были, можно сказать, намѣреннымъ оскорбленіемъ французскому императору, потому что Стадіонъ еще съ 1808 былъ предметомъ его ненависти, Разумовскій въ теченіе 8 лѣтъ руководилъ замыслами старинной аристократіи противъ обновленной Франціи (стр. 552), лордъ Кестльри уже тогда прямо говорилъ въ парламентѣ о возстановленіи во Франціи Бурбоновъ и эмигрантовъ, наконецъ Гумбольдтъ считался членомъ Тугендбунда, который казался Наполеону по донесеніямъ его агентовъ чрезвычайно опаснымъ. Впрочемъ Меттерних, хотя называлъ Стадіона своимъ вторымъ я, не хотѣлъ довѣрить ему своихъ личныхъ интересовъ и послалъ въ Шатильонъ кромѣ него своего спеціальнаго агента, д е Ф л о р е. Талейранъ также замѣшался въ шатильонскія дѣла, хотя императоръ, давно подозрѣвавшій его, не допускалъ его къ политикѣ. Но онъ вступилъ въ тайныя сношенія съ директоромъ департамента иностранныхъ дѣлъ, Л а Б е н а р д ь е р о м ъ, дипломатомъ изъ его же школы, котораго Наполеонъ послалъ на конгресъ съ Коленкуромъ. Письмоводителемъ конгреса былъ назначенъ старинный врагъ Наполеона, графъ Поццо ди Борго (стр. 553), что также не предвѣщало добра.

Конгресъ былъ открытъ 5 февраля. Союзники заранѣе согласились вести переговоры отъ лица всей Европы и предложить французскому императору совсѣмъ иныя условія, чѣмъ предлагали во Франкфуртѣ. Они хотѣли ограничить Францію предѣлами 1792 и лишить ее голоса при предстоящихъ въ Европѣ преобразованіяхъ. Въ случаѣ, если конгресъ ни къ чему не приведетъ, они намѣревались довести предложенныя условія до свѣдѣнія французскаго народа. Впрочемъ условія были тѣмъ непріятнѣе Франціи, что, лишая ее владычества на континентѣ, союзники доставляли Англіи господство на морѣ. Тѣмъ не менѣе Наполеону слѣдовало поскорѣе принять шатильонскія условія, какъ уговаривалъ его Коленкуръ, потому что Меттернихъ въ письмѣ отъ 29 января, отвергая предложенное Наполеономъ перемиріе, намекалъ уже на предстоящее низложеніе его. Но даже военныя неудачи первыхъ чиселъ февраля не могли склонить Наполеона къ уступчивости. Онъ посылалъ своему уполномоченному Коленкуру противорѣчивыя приказанія. Когда наконецъ онъ далъ ему безусловное полномочіе, Коленкуръ все-таки не могъ воспользоваться имъ, зная навѣрно, что въ концѣ концовъ императоръ не утвердитъ никакого возможнаго договора.

Въ это время раздоръ между союзниками дошелъ до того, что Александръ нашелъ необходимымъ потребовать пріостановки конференцій и на нѣсколько дней отозвать своего уполномоченнаго. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться этимъ и поскорѣе принять предлагаемое или по крайней мѣрѣ представить свой ультиматумъ, Наполеонъ увлекся проблескомъ военнаго счастія, которое сопровождало его съ 10 февраля. Онъ запретилъ Коленкуру вступать безъ его спроса въ какія-то ни было соглашенія, но инструкцій ему не посылалъ и въ письмѣ къ императору Францу имѣлъ неосторожность прямо сказать, что ни за что не уступитъ Бельгіи и Антверпена. Мало того, когда 24 февраля его адъютантъ Ф л а о велъ въ Люзиньи съ союзниками переговоры о перемиріи, онъ потребовалъ, чтобы и на время перемирія ему отдали Бельгію и Антверпенъ. Ему очень хотѣлось отнять эту страну у англичанъ и у покровительствуемаго ими принца Оранскаго. Вслѣдствіе такихъ его поступковъ союзники опять сблизились между собой тѣснѣе прежняго. Марта 1 въ Ш о м о н ѣ они заключили между собою договоръ, который доказывалъ, что они намѣрены продолжать войну. Россія, Австрія и Пруссія обязались этимъ договоромъ содержать до возстановленія мира по 150 т. войска каждая; Англія должна была платить имъ всѣмъ тремъ субсидіи съ правомъ за это держать при каждой арміи по коммисару для наблюденія за полнотой контингентовъ и за движеніями армій. Кромѣ того державы обязались помогать другъ другу, если въ будущемъ Франція будетъ кому-нибудь изъ нихъ угрожать. Въ секретныхъ статьяхъ шомонскаго договора было постановлено относительно Германіи, Италіи, Испаніи, Швейцаріи и Нидерландъ почти то, что впослѣдствіи сдѣлано. Былъ даже предусмотрѣнъ случай, если по ниспроверженіи наполеоновскаго владычества будетъ сдѣлана попытка возстановить его; въ одной тайной статьѣ союзныя державы обязались содержать арміи и по заключеніи мира, чтобы подъ ихъ защитой произвести задуманныя измѣненія.

Пока шли эти дипломатическіе переговоры, главная союзная армія съ 23 февраля все отступала. Зато Блюхеръ опять двинулся впередъ съ намѣреніемъ оттѣснить маршаловъ Мармона и Мортье, которые защищали пространство между Марной и Эной. Они отступали передъ нимъ съ позиціи на позицію, такъ что 27 февраля Блюхеръ былъ уже въ Ла-Ферте-су-Жуаръ, въ 15 часахъ пути отъ Парижа. Это принудило Наполеона поспѣшить на помощь тѣснимымъ Блюхеромъ маршаламъ, оставивъ на Обѣ небольшой отрядъ подъ начальствомъ Удино и Макдональда. Тогда Шварценбергъ началъ опять наступать, а Блюхеръ, котораго Наполеонъ хотѣлъ принудить къ сраженію, избѣгалъ его. Императоръ не могъ его преслѣдовать, потому что всѣ мосты были сломаны, Блюхеръ отступилъ черезъ Суасонъ къ Крану и Лану. Онъ не могъ бы сдѣлать этого, еслибы суасонскій комендантъ не сдалъ города также позорно, какъ въ 1806 сдавались коменданты прусскихъ крѣпостей. Спеціалисты говорятъ, что Наполеону слѣдовало бы обратиться тогда противъ Шварценберга. Но онъ послѣдовалъ въ обходъ за прусскимъ главнокомандующимъ. Марта 7 онъ вытѣснилъ Блюхера изъ Крана, при чемъ однако самъ понесъ большія потери. Затѣмъ онъ хотѣлъ аттаковать Блюхера на высотахъ при Ланѣ и приказалъ маршалу Мармону поспѣшить на подкрѣпленіе. Но въ ночь съ 8 на 9 марта Клейстъ и Йоркъ напали на Мармона и прогнали его за Эну съ потерей нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ и 40 пушекъ. Тѣмъ не менѣе Наполеонъ далъ 9 марта Блюхеру сраженіе при Ланѣ. Оно продолжалось и весь слѣдующій день. Наполеонъ не достигъ своей цѣли и понесъ большой уронъ, что при слабости его арміи для него было очень чувствительно. Онъ былъ принужденъ вернуться 11 числа къ Суасону, откуда двинулся на Реймсъ, занятый союзниками, и 13 числа выгналъ ихъ изъ этого города, при чемъ былъ убитъ ихъ командиръ, эмигрантъ Сенъ-При.

Послѣ всѣхъ этихъ безполезныхъ потерь положеніе Наполеона стало очень сомнительно. Роялисты своими интригами очень безпокоили его, а союзники уже не скрывали своей цѣли. Графъ Артуа высадился въ Голландіи и оттуда отправился къ союзной арміи. Въ февралѣ Александръ сказалъ генералу Ренье, который былъ тогда вымѣненъ, что заключитъ миръ только съ французской націей, но не съ Наполеономъ. Талейранъ велъ изъ Парижа сношенія съ союзниками и тайно хлопоталъ о его низложеніи, что императору было извѣстно. Въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ Наполеонъ рѣшился наконецъ сдѣлать то, что 8 мѣсяцевъ раньше спасло бы его, но теперь было уже поздно. Онъ воззвалъ къ нисшимъ классамъ народа и 5 марта издалъ прокламацію, созывая поголовное ополченіе страны. Но и съ союзниками онъ могъ бы еще помириться, не смотря на декларацію ихъ 1 декабря, не смотря на слова Александра Ренье и на шомонскій договоръ, еслибы захотѣлъ согласиться на жертвы. Но когда 5 марта Коленкуръ настоятельно убѣждалъ его уступить, онъ питалъ надежду уничтожить Блюхера, отступавшаго къ Лану, и потому въ послѣднюю минуту ничего не отвѣчалъ своему уполномоченному въ Шатильонѣ, хотя союзники назначили ему послѣдній срокъ 10 марта. Когда этотъ день наступилъ, Коленкуръ рѣшился объявить имъ, что готовъ дать окончательный отвѣтъ, хотя не имѣлъ полномочія. Вслѣдствіе этого конгресъ продлился нѣсколькими днями дольше срока. Но 15 марта кромѣ безусловнаго согласія Коленкуръ представилъ конгресу требованія, которыя уничтожали согласіе. Тогда употребивъ еще два засѣданія на составленіе отвѣта Коленкуру и протокола, конгресъ 19 марта разошелся.

3. Война 1814 до вступленія союзниковъ въ Парижъ.

Когда шатильонскій конгресъ разошелся, главная союзная армія снова проникла вслѣдствіе сраженій при Кранѣ и Ланѣ до Провена, въ двухдневномъ переходѣ отъ Парижа. Наполеонъ, оставивъ противъ Блюхера Мармона и Мортье, двинулся 17 марта черезъ Эпернэ на Объ, чтобы принудить Шварценберга къ отступленію движеніемъ во флангъ ему. Князь Шварценбергъ дотого испугался этого движенія императора, что рѣшился тотчасъ опять отступить. Но Александръ не согласился на это и настоялъ въ военномъ совѣтѣ на выполненіи прежняго

плана идти вмѣстѣ съ Блюхеромъ на Парижъ. Вслѣдствіе этого, чтобы достигнуть своей цѣли, Наполеонъ долженъ былъ обезпечить себѣ переправу черезъ Объ. Марта 20 онъ аттаковалъ Шварценберга при Арси-сюръ-Объ. Два дня противился онъ съ 40 т. войска громаднымъ массамъ непріятеля, но бой остался нерѣшеннымъ, и французы были даже принуждены отступить за Объ. Обѣ стороны понесли большія потери.

Отъ Арси Наполеонъ обратился не на прежнюю позицію свою, а черезъ Витри, Сенъ-Дизье и Васи къ лотарингской границѣ. Онъ надѣялся принудить этимъ союзниковъ повернуть назадъ. Кромѣ того онъ хотѣлъ произвести поголовное возстаніе въ преданномъ ему населеніи Лотарингіи и собрать всѣ гарнизоны изъ восточныхъ крѣпостей, чтобы снова явиться на Сенѣ съ арміей ветерановъ. Это произвело въ главной квартирѣ союзниковъ величайшее смятеніе. Императоръ Францъ и всѣ дипломаты поспѣшно бѣжали въ Дижонъ. Шварценбергъ хотѣлъ остановить движеніе на Парижъ и слѣдовать за Наполеономъ въ Лотарингію. Но императоръ Александръ опять удержалъ его и заодно съ королемъ прусскимъ настоялъ, чтобы шли на Парижъ. Въ этомъ рѣшеніи союзниковъ утвердило перехваченное письмо Наполеона къ женѣ, въ которомъ онъ писалъ, что своимъ движеніемъ хочетъ отвлечь союзниковъ отъ Парижа. За нимъ послали только кавалерійскій корпусъ Винцингероде, чтобы обмануть его, заставивъ думать, что за нимъ слѣдуетъ вся главная армія, что онъ дѣйствительно и предположилъ. Но главная армія послѣ военнаго совѣта 24 марта двинулась черезъ Витри и Сезань на Парижъ, куда въ тоже время пошелъ и Блюхеръ изъ Шалона на Вертю.

Едва выступивъ, союзныя арміи наткнулись на войска Мармона и Мортье. Наполеонъ приказалъ этимъ маршаламъ соединиться съ нимъ черезъ Витри; но когда они выступили, путь былъ уже занятъ непріятелемъ, и они очутились между полчищами Шварценберга и Блюхера. Марта 25 они были разбиты при Феръ-Шампенуазъ и понесли большія потери, при чемъ принадлежавшіе къ нимъ отряды Пакто и Аме были частію взяты въ плѣнъ, частію уничтожены. Въ слѣдующіе дни союзники, безпрестанно опрокидывая ихъ, принудили отступить къ самому Парижу, путь къ которому былъ такимъ образомъ совершенно открытъ. При приближеніи непріятеля въ Парижѣ поднялась такая же кутерьма, какъ въ лагерѣ Шварценберга при внезапномъ движеніи Наполеона къ Лотарингіи. Но совѣтѣ 28 марта большинство членовъ совѣта регентства нашло, что императрицѣ и королю римскому надо остаться въ Парижѣ; но король Іосифъ Испанскій извлекъ письмо императора, написанное при совершенно иныхъ обстоятельствахъ, которое предписывало удалить Марію Луизу и короля римскаго при приближеніи непріятеля къ Луарѣ, куда за ними должны были послѣдовать и члены регентства. Марта 29 императрица съ сыномъ и со всѣмъ совѣтомъ регентства выѣхала изъ Парижа въ Блуа съ чрезвычайной помпой и въ сопровожденіи 3 т. человѣкъ лучшихъ войскъ, которыя гораздо больше пригодились бы для защиты Парижа. Талейранъ, хотя былъ членомъ регентства, нашелъ предлогъ остаться въ Парижѣ. Король Іосифъ, завѣдывавшій въ качествѣ генералъ-намѣстника всѣмъ управленіемъ, уѣхалъ на другой день Между тѣмъ Наполеонъ думалъ, что союзники слѣдуютъ за нимъ. Убѣдившись въ своей ошибкѣ, онъ поспѣшилъ назадъ дошелъ, 29 марта до Труа и оттуда поскакалъ одинъ, приказавъ войскамъ какъ можно скорѣе слѣдовать за нимъ. Марта 31 онъ прибылъ въ Фонтенбло, но судьба Парижа была уже рѣшена.

Мармонъ и Мортье соединились 29 марта и расположились передъ Парижемъ. Они и находившійся въ Парижѣ маршалъ Монсей рѣшились защищать городъ до прибытія Наполеона. Но это оказалось невозможнымъ, потому что въ Парижѣ ничего не было приготовлено для обороны. Тяжелая артиллерія, навезенная къ Парижу, до сихъ поръ стояла за городомъ. На Монмартрскихъ высотахъ служившихъ главнымъ пунктомъ обороны, не было устроено ни батарей, ни укрѣпленій. Комендантъ города Юленъ еще въ февралѣ велѣлъ отнять у національной гвардіи ружья, а вооружить народъ эти господа боялись. Главноначальствующій, король испанскій, былъ ни на что неспособенъ, а прочіе сановники частію не могли, частію не хотѣли предпринять что-либо успѣшное для спасенія города.

Марта 30 Шварценбергъ и Блюхеръ вмѣстѣ аттаковали Парижъ, и вскорѣ главная армія овладѣла деревней Роменвилемъ, что рѣшило судьбу города. Такимъ

образомъ началось сраженіе при Парижѣ, гдѣ французамъ оставалось защищать только высоты деревни Бельвиля и предмѣстья Монмартра. Они сражались съ удивительнымъ мужествомъ, хотя имѣли противъ несмѣтныхъ союзныхъ полчищъ только 12 т. регулярныхъ войскъ и столько же національной гвардіи. Въ полдень пруссаки двинулись на Монмартръ. Король Іосифъ, смотрѣвшій на сраженіе съ Монмартрскихъ высотъ, при этомъ зрѣлищѣ оробѣлъ и поспѣшно уѣхалъ изъ города съ военнымъ министромъ Кларкомъ, давъ маршалу Мармону полномочіе заключить военное соглашеніе. Однако Мармонъ и Мортье продолжали упорный бой, отстаивая каждый клочекъ земли. Только въ 4 часа пополудни Мармонъ воспользовался своимъ полномочіемъ. Союзники заключили съ нимъ четырехъ-часовое перемиріе, въ теченіе котораго слѣдовало постановить условія сдачи Парижа. Высоты Бельвиля и Монмартра слѣдовало сдать тотчасъ. Впрочемъ Бельвиль былъ уже взятъ по приказанію Блюхера русскимъ генераломъ Ланжерономъ, который очень удивился, не найдя тамъ ни тяжелой артиллеріи, ни регулярныхъ войскъ. Вечеромъ шли переговоры о сдачѣ города, и въ часъ ночи капитуляція была подписана. Французскія войска должны были къ 7 часамъ утра выступить изъ Парижа, взявъ съ собою пушки и военные снаряды. Но національная гвардія и муниципальныя войска были обязаны остаться на своихъ постахъ. Возобновленіе военныхъ дѣйствій было назначено къ 9 часамъ утра. Такъ какъ этотъ договоръ касался только войскъ, то префектъ сенскаго департамента Шаброль и полиціи—Пакье, съ нѣсколькими муниципальными совѣтниками и офицерами національной гвардіи, отправились въ главную квартиру союзниковъ выговорить условія городу. Союзные монархи обѣщали неприкосновенность собственности, цѣлость музеевъ, памятниковъ, ненарушимость гражданскихъ учрежденій и сохраненіе національной гвардіи. Они хотѣли задобрить націю, чтобы тѣмъ легче отдѣлаться отъ Наполеона.

Утромъ 31 марта союзныя войска начали вступать въ Парижъ. Въ полдень въѣхали Александръ и Фридрихъ Вильгельмъ. Легитимисты встрѣчали ихъ съ восторгомъ. Дамы, преданныя Бурбонамъ, махали изъ оконъ бѣлыми знаменами и платками; мужчины нацѣпили бѣлыя кокарды. Знатнѣйшіе аристократы даже кричали на площади Согласія виваты Лудовику XVIII. Было очевидно, что паденіе наполеоновскаго владычества грозитъ Франціи страшной реакціей. Русскій министръ Нессельроде принялся хлопотать о ней уже въ самый день вступленія союзниковъ въ Парижъ, хотя самъ императоръ Александръ еще не помышлялъ о ней. Чтобы предупредить иной оборотъ дѣла, Нессельроде отправился въ Парижъ раньше императора, сошелся съ Талейраномъ и сговорился съ нимъ для удобства своихъ цѣлей уговорить Александра остановиться во дворцѣ Талейрана. Дѣйствительно, 1 апрѣля Александръ поселился у князя. Впрочемъ онъ еще наканунѣ заявилъ французскому императору свое намѣреніе низложить его. Наполеонъ, прибывъ 31 марта въ Фонтенбло уже по выступленіи своихъ войскъ изъ Парижа, послалъ къ Александру Коленкура. Русскій императоръ, хотя назначилъ Коленкуру вторую аудіенцію въ Парижѣ, прямо сказалъ ему, что рѣшился больше не вступать въ переговоры съ Наполеономъ.

4. Низложеніе Наполеона и реставрація Бурбоновъ.

Не одни роялисты воспламенились радостными надеждами при видѣ опасности, грозящей владычеству Наполеона. Вліятельные люди, къ числу которыхъ роялисты тогда не принадлежали, также радовались предстоящему паденію военнаго деспотизма, утомившаго ихъ войнами. По вступленіи союзниковъ въ Парижъ, тамъ начались разнообразнѣйшія интриги. Окончанія войны, а съ ней и господства Наполеона желали, не говоря уже о роялистахъ, спекуляторахъ и капиталистахъ, всѣ тѣ люди, которымъ революція дала значеніе и богатство, начиная отъ Фуше и Канбасереса до маршаловъ. Теоретики временъ революціи и либеральные болтуны и болтуньи, отличавшіеся въ салонахъ, Сталь, Бенжаменъ Констанъ, Шатобріанъ и тому подобные, давно подкапывавшіеся подъ Наполеона, были въ восторгѣ, предвидя освобожденіе отъ произвола завоевателя и его генераловъ.

Теперь имъ открывалась надежда на осуществленіе ихъ идеала — англійской конституціи съ ея богатствомъ и наглымъ аристократическимъ господствомъ. Впрочемъ они не желали ни Бурбоновъ, ни старой монархіи, и если плоды затѣянной ими контръ-революціи достались закоренѣлымъ роялистамъ, то это было дѣло рукъ русскихъ дипломатовъ, Нессельроде и Поццо ди Борго, а также первѣйшаго изъ всѣхъ интригановъ въ мірѣ, князя Талейрана, служившаго Нессельроде. Другой интриганъ, Фуше, пріѣхалъ изъ Италіи въ Парижъ, когда все было уже кончено. Если бы онъ былъ тутъ раньше, то, вѣроятно, интриговалъ бы въ пользу возведенія на престолъ короля римскаго подъ регентствомъ императрицы, и планъ этотъ, можетъ быть, осуществился бы, потому что такое правительство нехуже Бурбоновъ могло бы служить цѣлямъ всѣхъ вліятельныхъ партій.

О сохраненіи наполеоновской системы никто не хлопоталъ. Да и немудрено, потому что въ послѣднее время она дошла до крайней степени безобразія. Изъ Монитера и другихъ офиціальныхъ источниковъ видно, напр., что на галерахъ было въ невольникахъ 800 чел. испанскихъ крестьянъ, за то что сражались за отечество. Плѣнные храбрецы Люцова сидѣли въ Сомюрской крѣпости; 236 учениковъ гентской духовной семинаріи были отправлены въ Везель служить солдатами въ артиллеріи; весь соборный капитулъ Турне томился въ Канбрейской тюрьмѣ; множество священниковъ было сослано и сидѣло въ казематахъ безъ всякаго суда и приговора. Наполеоновскій деспотизмъ возбуждалъ отвращеніе всѣхъ партій, и какая бы ни была перемѣна, она все-таки казалась лучше этой системы крѣпостныхъ застѣнковъ. Немудрено, что даже честные люди могли радоваться успѣхамъ непріятеля и что даже люди конституціонныхъ убѣжденій, какъ Сталь, изъ ненависти къ Наполеону соединялись съ бурбонистами. Такъ, одинъ изъ самыхъ либеральныхъ людей того времени (хотя въ сущности ничтожный человѣкъ безъ убѣжденій), другъ Сталь, Бенжаменъ Констанъ, взывалъ къ соотечественникамъ въ своей брошюрѣ: «Ужели потерпимъ мы еще, чтобы вмѣсто древней священной орифламы надъ нами возносилось знамя, пропитанное кровью преступленій и омерзительныхъ побѣдъ!»

Душою движенія, направленнаго противъ Наполеона, былъ Талейранъ. Онъ былъ лично знакомъ съ иностранными государями, министрами и генералами, и какъ представитель древней знатной фамиліи Перигоровъ имѣлъ вѣсъ и значеніе; съ другой стороны, и конституціонисты довѣряли ему за роль, которую онъ игралъ въ революціи. Нессельроде и Поццо ди Борго выбрали его поэтому въ орудіе возстановленія Бурбоновъ, не смотря на нежеланіе ихъ императора. Этимъ дипломатамъ много помогло то обстоятельство, что тесть Наполеона съ Меттернихомъ пріѣхали въ Парижъ очень поздно—Меттернихъ только 10 апрѣля, а императоръ Францъ 11 числа. Тѣмъ временемъ русскаго императора и прусскаго короля успѣли склонить къ устраненію Маріи Луизы и ея сына, на что согласился и австрійскій главнокомандующій, князь Шварценбергъ.

Чтобы понять интриги, лишившія тогда французскую націю дорого купленныхъ плодовъ ея побѣдъ, надо бросить взглядъ назадъ на дѣятельность Бурбоновъ и ихъ приверженцевъ. Когда въ 1814 союзники перешли Рейнъ, масса французскаго народа была еще полна всосанной во время революціи ненависти къ принцамъ и дворянству; большинство даже и не слыхало о бурбонскомъ претендентѣ, графѣ Прованскомъ, который величалъ себя Л у д о в и к о м ъ XVIII. Зато старыя дворянскія фамиліи были исполнены восторженной преданности древнему роду королей. Впрочемъ интриги многочисленныхъ бурбонскихъ агентовъ во Франціи въ теченіе многихъ лѣтъ оставались безуспѣшны. Такъ безуспѣшно было распространеніе приверженцами Бурбоновъ въ концѣ 1813 безчисленнаго множества экземпляровъ манифеста, въ которомъ претендентъ давалъ соблазнительныя обѣщанія полной амнистіи и утвержденія всѣхъ пріобрѣтенныхъ въ революцію и имперію правъ и имуществъ. Въ февралѣ 1814 братъ Людовика, графъ Артуа, прибылъ къ союзной арміи, старшій сынъ Артуа, г е р ц о г ъ А н г у л е м с к і й, отправился въ главную квартиру Веллингтона, а младшій, г е р ц о г ъ Б е р р і й с к і й, переселился на островъ Джерси. Артуа и Ангулемскій издавали прокламаціи, въ которыхъ еще заманчивѣе расписывали обѣщанія претендента, но въ то же время явно обнаруживали пристрастіе къ старинѣ и старымъ порядкамъ. Такъ между прочимъ, Артуа, какъ братъ короля (претендента), принялъ старинный ти-

тулъ Monsieur. Марта 12 Ангулемъ вступилъ съ англійскими войсками въ Бордо, гдѣ меръ и другіе тамошніе легитимисты встрѣтили его съ восторгомъ. Но масса народа все еще была демократична, и если нѣкоторые изъ простого народа присоединили свои голоса къ ликованіямъ роялистовъ, то вовсе не изъ любви къ Бурбонамъ, а изъ отвращенія къ наполеоновскому порядку. Союзники ни съ кѣмъ изъ принцевъ тѣсно не сходились, желая показать видъ, что не хотятъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи. Веллингтонъ даже сдѣлалъ герцогу Ангулемскому грозный выговоръ за то, что тотъ въ своихъ воззваніяхъ злоупотреблялъ именемъ Англіи. Фуше и Талейранъ, прежде главые слуги Наполеона, давно уже тайно интриговали о его низложеніи. Талейранъ вступилъ въ сношенія съ союзниками еще въ 1813 черезъ свою креатуру, племянника Карла фонъ Дальберга великаго герцога Франкфуртскаго. Молодой Дальбергъ получилъ богатыя помѣстья на лѣвомъ берегу Рейна, былъ прежде баденскимъ посланникомъ въ Парижѣ и потомъ изъ перваго дворянина Германіи превратился въ наполеоновскаго герцога Дальберга. Талейранъ вступилъ также въ сношенія съ усерднѣйшимъ приверженцемъ Бурбоновъ, барономъ де-Витролемъ, и 18 марта Витроль прибылъ въ главную квартиру союзниковъ съ запиской Дальберга къ Стадіону. Онъ имѣлъ трехчасовую аудіенцію у императора Александра, разсказалъ ему о положеніи дѣлъ въ Парижѣ и отправился въ Нанси, къ графу Артуа. Оттуда онъ хотѣлъ вернуться въ Парижъ, но былъ задержанъ вооружившимися крестьянами. Талейранъ продолжалъ интриговать противъ Наполеона, но впрочемъ даже при вступленіи союзниковъ въ Парижъ еще не рѣшился, кого поддерживать—Бурбоновъ или регентство императрицы. Въ обоихъ случаяхъ ему открывалось обширное поприще для козней, въ званіи ли члена правительства или вождя опозиціи, тогда какъ еслибы Наполеонъ сохранилъ престолъ, князю Беневентскому пришлось бы плохо.

Одинъ ханжа, другъ Сталь, Алексисъ де-Ноайль, еще въ 1812, въ Петербургѣ, старался расположить императора Александра въ пользу Бурбоновъ, но при всей своей придворной вкрадчивости не успѣлъ. Зато въ планы его вошелъ русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Нессельроде. Хотя Александръ на словахъ выражался противъ сохраненія наполеоновскаго престола, но во все продолженіе кампаніи 1814 знать не хотѣлъ Бурбоновъ или по крайней мѣрѣ прикидывался нерасположеннымъ къ нимъ. По взятіи Парижа Нессельроде склонилъ Талейрана окончательно къ Бурбонамъ и представилъ его русскому императору, котораго Талейранъ долженъ былъ отклонить отъ мысли объ учрежденіи регентства и расположить къ Бурбонамъ. Вслѣдствіе этой интриги Александръ, какъ мы сказали, поселился 1 апрѣля у князя Беневентскаго. Но еще наканунѣ во дворцѣ Талейрана происходило совѣщаніе, гдѣ присутствовали король прусскій самъ Талейранъ, князья Шварценбергъ и Лихтенштейнъ, графы Нессельроде и Поццо ди Борго, герцогъ Дальбергъ и бывшій жирондистъ Бернонвиль (стр. 379), который былъ при Наполеонѣ посланникомъ въ Берлинѣ и снискалъ дружбу Фридриха Вильгельма. Предметомъ совѣщанія былъ вопросъ, можно ли заключить съ Наполеономъ миръ и, если нельзя, то учредить ли правительство его жены и сына или возвести на престолъ бурбонскаго претендента, графа Прованскаго. Это совѣщаніе было просто комедія, разыгранная передъ французами очень ловко, при чемъ Талейранъ заправлялъ всѣмъ, но дѣлая видъ, что ничего въ этомъ дѣлѣ не значитъ. Вопросъ о Наполеонѣ былъ тотчасъ порѣшенъ императоромъ Александромъ отрицательно. На счетъ новаго правительства Франціи сначала зашли споры; тутъ Талейранъ сказалъ, что въ его передней находятся въ настоящую минуту люди, могущіе дать самыя вѣрныя свѣдѣнія о желаніяхъ французскаго народа. То были пустой и суетный архіепископъ де-Прадтъ, котораго мы видѣли въ Польшѣ (стр. 589), и аббатъ Луи, занимавшій при Наполеонѣ важныя должности по финансовому вѣдомству и бывшій впослѣдствіи министромъ финансовъ при Лудовикѣ XVIII и Лудовикѣ Филиппѣ. Когда они вошли, Александръ освѣдомился у нихъ о желаніяхъ французскаго народа, и де-Прадтъ тотчасъ отвѣчалъ заранѣе заготовленной фразой: «Всѣ мы роялисты, и вся Франція также предана роялизму, какъ и мы». Тогда Александръ объявилъ, что союзники не будутъ больше вести переговоровъ съ Наполеономъ, но предоставляютъ французамъ самимъ устроить у себя новое правительство. Тогда Талейранъ замѣтилъ

ему, что въ написанномъ имъ рѣшеніи о Наполеонѣ не достаетъ прибавки: «и ни съ однимъ изъ членовъ его фамиліи». Александръ тотчасъ прибавилъ эти слова, на что согласились также король прусскій и князь Шварценбергъ. Потомъ русскій императоръ поручилъ Дальбергу написать прокламацію, возвѣщавшую о принятыхъ союзниками рѣшеніяхъ. Она была подписана Александромъ и Нессельроде и на другой день прибита на углахъ парижскихъ улицъ. Хотя по этой прокламаціи французамъ предоставлялось самимъ распорядиться своимъ правительствомъ, однако въ тотъ же вечеръ 31 марта Нессельроде сказалъ явившейся къ Александру депутаціи отъ нѣсколькихъ сотъ роялистовъ, что графъ Прованскій, какъ единственный законный претендентъ, будетъ государемъ Франціи. На другой день самъ Александръ сказалъ тоже самое наполеоновскому министру Коленкуру, которому далъ наконецъ четырехчасовую аудіенцію.

Сенатъ всегда служилъ Наполеону безсловеснымъ орудіемъ. Теперь имъ началъ точно также распоряжаться Талейранъ. По званію вице-президента сената и вице-великаго-избирателя, князь Беневентскій созвалъ 1 апрѣля въ засѣданіе 90 сенаторовъ, находившихся въ Парижѣ изъ числа 140 членовъ этого вѣдомства. Большинство ихъ явилось на засѣданіе. Талейранъ занялъ предсѣдательское мѣсто, пробормоталъ какое-то нескладное и безсвязное предисловіе, сочиненное однимъ секретаремъ, и потомъ предложилъ учредить временное правительство изъ 5 поименованныхъ имъ лицъ. Предложеніе было, разумѣется, принято, и членами временнаго правительства назначены Дальбергъ, Бернонвиль, Жокуръ, аббатъ Монтескью, оба бывшіе нѣкогда депутатами въ учредительномъ собраніи, а самъ Талейранъ — президентомъ. Имъ было поручено издать прокламацію объ уничтоженіи имперіи и составить планъ новой конституціи. Сенатъ, чтобы обезпечить себѣ свое положеніе и на будущее время, выговорилъ однако заблаговременно, чтобы онъ и законодательный корпусъ были приняты главными основаніями новой конституціи. Сверхъ того онъ постановилъ на будущее, чтобы армія, отставные военные, получающіе пенсіи, и ихъ вдовы сохраняли свои чины, почести и пенсіи; чтобы государственные долги были гарантированы; чтобы владѣніе купленными національными имуществами было неотъемлемо; чтобы никто не подвергался преслѣдованіямъ за прежнія мнѣнія и чтобы свобода печати, совѣсти и религіи была неприкосновенна. Въ протоколѣ этого сенатскаго засѣданія, обнародованномъ на другой день въ Монитерѣ, не упоминалось о низложеніи Наполеона и о возстановленіе Бурбоновъ. Въ этомъ сенаторовъ предупредило большинство парижскаго муниципальнаго совѣта. Изъ 24 членовъ его 14 человѣкъ обнародовали вечеромъ 1 апрѣля отъ имени муниципалитета прокламацію, гдѣ требовалось низложенія Наполеона и возстановленія Бурбоновъ; префектъ Шаброль одобрилъ это своимъ молчаніемъ.

Легитимистское рвеніе муниципалитета принудило временное правительство и сенатъ приняться за реставрацію усерднѣе, чѣмъ они сначала думали. Въ засѣданіи 2 апрѣля сенатъ объявилъ Наполеона и его семейство лишенными престола и разрѣшилъ французскій народъ отъ присяги на вѣрность ему. На другой день былъ составленъ актъ съ изложеніемъ причинъ низверженія Наполеона и 4 числа напечатанъ въ Монитерѣ. Приводить этихъ причинъ не стоитъ, потому что прежде сенатъ одобрялъ все, въ чемъ теперь упрекалъ императора и даже служилъ ему орудіемъ выполненія этихъ мѣръ. Въ тотъ же день 3 апрѣля низложеніе Наполеона было рѣшено присутствовавшими въ Парижѣ депутатами законодательнаго корпуса, членами кассаціоннаго суда и прочими властями; отсутствовавшіе депутаты прислали письменныя согласія на это. Наполеонъ ничего не могъ сдѣлать противъ этого. Онъ самъ такъ часто пользовался лицемѣріемъ, что не могъ особенно роптать, когда оно обратилось въ пользу Бурбоновъ. О возстановленіи Бурбоновъ публиковали только 7 апрѣля, когда совершенно покончили съ Наполеонòмъ. Въ этотъ день въ Монитерѣ было объявлено, что сенатъ посредствомъ конституціи, равно выгодной и для народа, и для престола, возвращаетъ французской націи принца Луи Станислава Ксавье—такъ назвалъ сенатъ претендента, который самъ себя именовалъ Лудовикомъ XVIII. На другой день была обнародована конституція, принята сенатомъ и законодательнымъ корпусомъ. Она возвратила старому дворянству всѣ титулы, обращала титулы

новаго дворянства въ наслѣдственные и учреждала сенатъ, который долженъ былъ состоять по меньшей мѣрѣ изъ 150 членовъ и по большей—изъ 200.

Всѣ эти событія имѣли связь съ одновременными происшествіями въ Фонтенбло. Наполеонъ собралъ въ Фонтенбло всѣ свои войска, такъ что 3 апрѣля имѣлъ тамъ до 40 т. человѣкъ. При немъ находились маршалы: Бертье князь Ваграмскій и Невшательскій, Ней князь Московскій, Мармонъ герцогъ Рагузскій, Мортье герцогъ Тревизскій, Макдональдъ герцогъ Тарентскій, Лефевръ герцогъ Данцигскій, Монсей герцогъ Конельяно и Удино герцогъ Реджіо, оберъ-гофмаршалъ Бертранъ и министры — Маре герцогъ Бассано и Коленкуръ герцогъ Виченцскій. Въ ночь на 3 апрѣля послѣдній вернулся въ Фонтенбло изъ своего втораго посольства къ Александру и объявилъ императору, что только его отреченіе можетъ сохранить престолъ его сыну. Тогда Наполеонъ собралъ на дворцовомъ дворѣ гвардейскіе полки и обратился къ нимъ съ рѣчью, призывая ихъ къ мести. Солдаты отвѣчали криками: «Да здравствуетъ императоръ! Въ Парижъ, въ Парижъ!» Между тѣмъ маршалы совѣщались. Они получили изъ Парижа сенатскій декретъ о низложеніи императора, и Коленкуръ повторилъ имъ тоже, что сказалъ Наполеону. Тогда они рѣшились воспрепятствовать затѣваемому движенію на Парижъ. Удино даже сошелся съ временнымъ правительствомъ и предложилъ товарищамъ принудить императора къ отреченію силой. На другой день (4 апрѣля), когда Наполеонъ приказалъ перенести главную квартиру ближе къ Парижу, маршалы дерзнули воспользоваться этимъ предложеніемъ. Они отправились къ императору въ сопровожденіи Бертрана, Маре и Коленкура, подали ему письмо Бернонвиля, извѣщавшее о его низложеніи, и потребовали, чтобы онъ покорился неизбѣжной участи. О поведеніи ихъ при этомъ разсказываютъ различно. Достовѣрно только, что они отказались за себя и за войска служить ему, что это принудило его подписать актъ отреченія и что когда вслѣдъ затѣмъ онъ захотѣлъ взять его назадъ, Ней наговорилъ ему дерзостей. Отреченіе Наполеона было впрочемъ условно, потому что онъ отрекся въ пользу своего сына. Ней, Макдоальдъ и Коленкуръ сейчасъ же отправились съ этимъ отреченіемъ въ Парижъ. По дорогѣ они захватили съ собой Мармона, не зная, что онъ уже вошелъ въ соглашеніе съ союзниками.

Еще 2 апрѣля Мармонъ вступилъ въ переговоры съ Бернонвилемъ, Талейраномъ и Дессолемъ, котораго временное правительство назначило главнокомандующимъ національною гвардіею. Апрѣля 3 онъ получилъ отъ Шварценберга письмо съ требованіемъ отложиться отъ Наполеона и тотчасъ согласился на это, выговоривъ только, что его корпусу будетъ даровано позволеніе отступить въ Нормандію, а низложенному императору гарантированы союзниками жизнь, свобода и небольшое владѣніе. Эти условія были письменно утверждены Шварценбергомъ 4 числа, и вслѣдъ затѣмъ Мармонъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы 5 апрѣля въ 4 часа утра его корпусъ отдѣлился бы отъ арміи императора и отступилъ черезъ Версаль. Тутъ онъ встрѣтился съ Неемъ, Макдональдомъ и Коленкуромъ, и они вмѣстѣ отправились въ Парижъ. Прибывъ туда вечеромъ они отправились безъ Мармона во дворецъ Талейрана, гдѣ въ полночь были допущены на аудіенцію къ императору Александру. Александръ милостиво разговаривалъ съ ними, намекая даже на возможность регентства. Но это была хитрость, чтобы выиграть время до полученія извѣстія о выступленіи корпуса Мармона къ Версалю. Въ назначенный часъ генералы Мармона повели его войска къ Версалю, впрочемъ не безъ сопротивленія со стороны солдатъ, и Шварценбергъ немедленно извѣстилъ объ этомъ Александра. Получивъ эту записку, русскій императоръ объявилъ Нею и его товарищамъ, что измѣна корпуса Мармона совершенно перемѣняетъ дѣло. Они поспѣшили къ Мармону, который прикинулся изумленнымъ извѣстіемъ объ уходѣ своихъ войскъ. На другой день Александръ опять принялъ Наполеоновскихъ посланныхъ и далъ имъ торжественное увѣреніе, что для Наполеона будетъ сдѣлано всевозможное и что ему данъ будетъ островъ Эльба въ полное владѣніе, если вмѣсто условнаго отреченія онъ напишетъ безусловное. Съ этимъ отвѣтомъ они того же 5 апрѣля вернулись въ Фонтенбло.

Узнавъ объ измѣнѣ Мармона, Наполеонъ издалъ 5 апрѣля дневной приказъ, въ которомъ благодарилъ армію за вѣрность и обличалъ во всемъ ея позорѣ измѣну сената. Ему трудно было согласиться на безусловное отреченіе; но

дѣлать было нечего, когда ближайшіе окружающіе видимо склонялись къ новому порядку и когда Шанпаньи, котораго императрица посылала къ отцу, вернулся съ отвѣтомъ, что императоръ Францъ во всемъ согласенъ съ своими союзниками! Тѣмъ не менѣе Наполеонъ противился еще нѣсколько дней, пока наконецъ Ней, Удино и другіе маршалы, неотступно мучая его, вынудили у него безусловное отреченіе. Почти всѣ сановники и слуги уже покинули его. Съ 3 апрѣля Монитеръ ежедневно наполнялся именами измѣнниковъ. Даже жена его выѣхала 8 апрѣля изъ Блуа и, не повидавшись съ нимъ, возвратилась въ концѣ этого мѣсяца въ Вѣну, гдѣ скоро забыла его. Измѣна почти всѣхъ приверженцевъ Наполеона, за немногими почтенными исключеніями, облагодѣтельствовавшему ихъ властелину и поспѣшная передача ихъ новому правительству тѣмъ легче объясняются низостью подобныхъ тварей, что и самъ Наполеонъ всегда считалъ людей просто средствами для своихъ личныхъ цѣлей и, слѣдовательно, не могъ ожидать отъ нихъ добра.

Когда Наполеонъ подписалъ актъ отреченія, Ней, Макдональдъ и Коленкуръ опять поѣхали въ Парижъ для заключенія съ союзниками договора о преимуществахъ, предоставляемыхъ низложенному императору и его семейству. Едва они уѣхали, какъ Наполеонъ раскаялся въ своемъ поступкѣ и послалъ за ними Гурго, чтобы взять у нихъ актъ, но ему отвѣчали, что онъ опоздалъ. Апрѣля 11 они вернулись съ договоромъ, подписаннымъ въ этотъ самый день Меттернихомъ, Нессельроде и Гумбольдтомъ. Этотъ договоръ извѣстенъ подъ именемъ Фонтенблоскаго. Наполеонъ подписалъ его и новый актъ отреченія, который въ двухъ словахъ разнился отъ перваго. Апрѣля 12 эти документы были напечатаны въ Монитерѣ. Какую страшную внутреннюю борьбу выдерживалъ въ это время величайшій человѣкъ XVIII и XIX столѣтій, можно судить по тому, что въ ночь на 13 апрѣля онъ отравился, но ядъ не подѣйствовалъ.

По Фонтенблоскому договору Наполеонъ отказался отъ французскаго престола; но онъ и его жена сохраняли императорскій санъ, а родственники его — титулъ принцевъ. Онъ получалъ въ независимое владѣніе островъ Эльбу, а его жена — герцогства Парму, Піаченцу и Гвасталлу; кромѣ того ему и Маріѣ Луизѣ давалось ежегодно по милліону изъ французской казны. Въ другой статьѣ договора союзники обѣщали ему защищать островъ Эльбу отъ варварійскихъ пиратовъ; это въ сущности значило, что англичане удерживаютъ за собою право господствовать надъ Эльбой съ моря. Первой женѣ Наполеона былъ данъ милліонъ ежегоднаго дохода; прочимъ родственникамъ его, всѣмъ вмѣстѣ, 2 съ половиной милліона ежегодно; нѣкоторымъ генераламъ и слугамъ его обѣщано 2 милліона единовременнаго награжденья; но императрица Жозефина въ это время умерла, а прочихъ обѣщаній Бурбоны впослѣдствіи не исполнили. Вицекоролю Евгенію было обѣщано приличное обезпеченіе внѣ Франціи. Изъ прочихъ условій Фонтенблоскаго договора упомянемъ слѣдующее: Наполеона будутъ провожать до моря, 1,200—1,500 человѣкъ гвардіи, изъ коихъ 400 человѣкъ онъ можетъ взять съ собой на Эльбу; онъ отправится на Эльбу на корветѣ, который останется ему въ собственность; всѣ сопровождающіе его французы должны черезъ три года вернуться во Францію подъ опасеніемъ потери гражданскихъ правъ; наконецъ, польскія войска его должны возвратиться въ Польшу съ оружіемъ и обозомъ, но съ сохраненіемъ орденовъ и пенсій.

Французское временное правительство приняло фонтенблоскій договоръ еще 11 апрѣля. Но Лудовикъ XVIII, который въ то время былъ еще въ Англіи, утвердилъ его только 31 мая, лишь по настоятельному требованію союзныхъ державъ и притомъ, утвердивъ не самый договоръ, а согласіе на него временнаго правительства. Англія не принимала непосредственнаго участія въ заключеніи договора и только выразила 17 апрѣля согласіе на него, притомъ не на весь, а то только на статьи, касавшіяся острова Эльбы и владѣній Маріи Луизы, потому что принять его цѣликомъ значило бы признать Наполеона императоромъ по низложеніи его, тогда какъ англичане до сихъ поръ никогда не признавали его императорства. Апрѣля 20 Наполеонъ выѣхалъ изъ Фонтенбло въ сопровожденіи коммисаровъ трехъ державъ и небольшаго конвоя. Мая 3 онъ прибылъ на островъ Эльбу.

5. Окончаніе войны въ Нидерландахъ, Италіи, южной Франціи и Испаніи.

Взятіе Парижа прекратило войну и въ другихъ странахъ. Въ Нидерландахъ французы подъ предводительствомъ генерала Мезона со славой сопротивлялись союзникамъ, но, конечно, не могли устоять противъ огромнаго превосходства силъ, такъ что ко времени вступленія союзниковъ въ Парижъ французы лишились всей Бельгіи. Держался только Антверпенъ, гдѣ командовалъ Карно. Апрѣля 7 Мезонъ заключилъ перемиріе и 13 числа призналъ Бурбоновъ. Апрѣля 18 и Карно сдалъ Антверпенъ.

Въ Италіи войска лорда Бентинка заняли въ началѣ марта Тоскану; вскорѣ папа возвратился въ Церковную область; обманутый король Іоахимъ Неаполитанскій стоялъ съ арміей въ Ломбардіи, чтобы помочь австрійцамъ изгнать своихъ соотечественниковъ и ихъ предводителя, вице-короля Евгенія (стр. 628). Когда Фонтенблоскій договоръ кончилъ войну во Франціи, Евгеній былъ вынужденъ положить оружіе. Апрѣля 16 онъ заключилъ перемиріе съ австрійскимъ генераломъ Бельгардомъ. Онъ воспользовался этимъ, чтобы завести переговоры о своихъ личныхъ интересахъ, которыхъ надѣялся тѣмъ легче достигнуть, что въ Фонтенблоскомъ договорѣ въ угоду его тестю, королю баварскому, ему было обѣщано вознагражденіе внѣ Франціи. Въ то же время онъ старался черезъ своихъ приверженцевъ въ Миланѣ быть избраннымъ въ короли Италіи. Большинство сената было ему предано и рѣшило послать къ союзнымъ государямъ депутацію съ просьбой не уничтожать королевства итальянскаго и признать Евгенія королемъ. Но въ Миланѣ была и австрійская партія, желавшая возстановленія старыхъ порядковъ. Она воспользовалась ненавистью народа къ французамъ, чтобы насильственно ниспровергнуть все новое. По ея проискамъ въ Миланѣ вспыхнуло 20 апрѣля страшное возстаніе противъ французской партіи, члены которой были изгнаны и даже многіе убиты. Въ то же время возникло движеніе въ итальянскихъ полкахъ. Это принудило Евгенія уѣхать изъ Италіи. Апрѣля 28 генералъ Бельгардъ вступилъ въ Миланъ, занялъ и остальные города и 23 мая объявилъ, что вступаетъ во владѣніе бывшимъ итальянскимъ королевствомъ отъ имени своего императора. Впослѣдствіи вѣнскій конгрессъ по проискамъ Меттерниха согласился отдать Ломбардію и Венецію подъ власть Австріи. Евгеній уѣхалъ къ тестю

Въ южной Франціи война тянулась нерѣшительно въ январѣ и февралѣ. Въ Ліонѣ начальствовалъ маршалъ Ожеро, а въ Савойѣ, называвшейся тогда департаментомъ Монблана,—генералъ Маршанъ. Въ половинѣ марта созники такъ усилились тамъ, что Ожеро долженъ былъ отступить къ Віенѣ, а Маршанъ къ Греноблю. Въ апрѣлѣ парижскія событія прекратили войну въ этой странѣ.

Въ Испаніи послѣ паденія Санъ-Себастьяна и Пампелуны Сультъ ограничивался обороной французской границы. Но Сюше, хотя уступивъ Валенсію, продолжалъ держаться въ Арагоніи и Каталоніи противъ англо-сицилійскихъ войскъ и противъ испанской арміи Копонса. Веллингтонъ сначала не хотѣлъ вторгаться во Францію, тѣмъ болѣе, что былъ очень занятъ безпрестанными ссорами съ португальскимъ правительствомъ, съ испанскими кортесами и съ ихъ регентствомъ. Съ первымъ онъ легко справился, потому что англичане давно крѣпко утвердили свое владычество въ Португаліи, такъ что туземное правительство ничего не значило. Оно и духовенство были принуждены ограничиваться жалкими кознями, на которыя англійскіе офицеры и чиновники по своему обыкновенію отвѣчали грубымъ насиліемъ. Въ Испаніи было дѣло другое. Испанцы ревниво охраняли свою независимость и умѣли предохранить себя отъ участи португальцевъ, сицилійцевъ и ирландцевъ. Но имъ вредила смертельная взаимная ненависть ихъ партій. Изъ этихъ двухъ партій либералы преобладали въ кортесахъ. Но ихъ ненавидѣли аристократическіе англичане, и съ осени 1813 положеніе ихъ стало критическимъ. Дѣла въ Европѣ принимали для нихъ самый опасный оборотъ, а между тѣмъ противники ихъ, такъ называемые сервилисты, пользова-

лись муниципальнымъ правленіемъ и фанатическимъ народомъ Кадикса противъ регентства и кортесовъ совершенно такъ, какъ нѣкогда террористы пользовались думой и народомъ Парижа противъ конвента. Они воспрепятствовали переселенію правительства и кортесовъ въ Мадридъ, хотя это было необходимо по случаю свирѣпствовавшей въ Кадиксѣ желтой горячки. Только осенью 1813, по избраніи новыхъ кортесовъ по правиламъ конституціи 1812 и по учрежденіи новаго регентства, либераламъ удалось 29 ноября постановить переселеніе кортесовъ и правительства въ Мадридъ. Новые кортесы были съ Веллингтономъ въ лучшихъ отношеніяхъ, чѣмъ прежніе, которые такъ оскорбляли англійскаго полководца, что онъ хотѣлъ было отказаться отъ пожалованнаго ему званія испанскаго генералиссимуса.

Когда въ ноябрѣ 1813 союзныя державы отбросили за Рейнъ остатки наполеоновской арміи, Веллингтонъ перенесъ войну изъ Испаніи во Францію. Ноября 10 онъ взялъ Сенъ-Жанъ де Люзъ и оттѣснилъ Сульта за Ниву. Въ декабрѣ между Веллингтономъ и маршаломъ Далматскимъ въ теченіе нѣсколькихъ дней происходила упорная и кровопролитная борьба, причемъ англичанамъ передались три нѣмецкіе полка герцога Нассаускаго и великаго герцога Франкфуртскаго, и Сультъ былъ принужденъ отступить еще дальше. Французы отступили въ укрѣпленный лагерь, устроенный Сультомъ при Байонѣ. Тамъ въ январѣ 1814 почти ежедневно происходили стычки, но французы не уступали своей позиціи. Между тѣмъ Наполеонъ сдѣлалъ попытку отвлечь испанцевъ отъ англичанъ через плѣннаго короля Фердинанда VII, который содержался въ Валансе, и въ то же время возбудить между ними междоусобіе; но онъ перехитрилъ лишними стараніями обезпечить себя, что дало Веллингтону возможность разстроить его замыслы. Вмѣсто того, чтобы прямо освободить Фердинанда и препроводить его въ Валенсію, Наполеонъ хотѣлъ прежде привязать его къ себѣ формальнымъ договоромъ, хотя ему слѣдовало бы понимать, что такого человѣка, какъ Фердинандъ VII, не свяжешь никакими обязательствами. Онъ послалъ своего бывшаго посланника въ Берлинѣ и Мадридѣ, ловкаго Лафоре, 11 ноября 1813 въ Валансе съ письмомъ, въ которомъ прикидывался послѣдователемъ старыхъ привиллегій и принциповъ правленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался повліять на короля черезъ его бывшаго воспитателя, герцога де Санъ Карлоса (стр. 545), который былъ также задержанъ во Франціи. Но герцогъ, прибывъ въ Валансе, первымъ дѣломъ внушилъ своему другу и воспитаннику мысль обмануть обманщика, наобѣщавъ ему, что угодно, а потомъ ничего не исполнять. Фердинандъ принялъ этотъ совѣтъ и 11 декабря заключилъ договоръ. Въ этомъ договорѣ Наполеонъ призналъ его королемъ испанскимъ и обѣщалъ возвратить ему все его королевство, за что Фердинандъ согласился изгнать изъ Испаніи англичанъ, даровать полную амнистію, оставить всѣмъ приверженцамъ Іосифа ихъ имѣнія, должности и чины и проч. Но ему предстояло получить свободу непрежде, какъ по утвержденіи договора мадридскимъ регентствомъ и кортесами. За этимъ утвержденіемъ въ Мадридъ были посланы Санъ-Карлосъ и храбрый защитникъ Сарагоссы, Палафоксъ (стр. 569), на котораго Наполеонъ особенно разсчитывалъ, что онъ будетъ служить его цѣлямъ. Императоръ дошелъ въ то время до такого ослѣпленія, что безусловно довѣрился хитрому Эскоису, бывшему учителю Фердинанда (стр. 569), тогда какъ этотъ священникъ самъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ, что чрезвычайно былъ радъ представившейся оказіи надуть его. Великій сердцевѣдецъ и хитрый властитель забылъ, что испанцы будутъ похитрѣе корсиканцевъ и дипломатовъ.

Англичане давно знали все, что происходитъ въ Валансе. Они обратили на это вниманіе мадритской либеральной партіи, которая боялась Фердинанда и его автократіи еще больше, чѣмъ Наполеона съ его сломаннымъ могуществомъ. Всѣ старанія склонить кортесовъ къ утвержденію валансейскаго договора остались тщетны. Они, напротивъ того, подтвердили рѣшеніе, постановленное въ февралѣ 1811, по которому всѣ дѣйствія Фердинанда, пока онъ въ плѣну и за границей, объявлялись недѣйствительными, и постановлялось до возстановленія его не заключать мира съ Франціей. Въ то же время другимъ декретомъ они постановили до тѣхъ поръ не признавать Фердинанда королемъ, пока онъ торжественной присягой не обяжется соблюдать новую демократическую конституцію

Только въ мартѣ 1814 Наполеонъ, обезпокоенный успѣхами Веллингтона во Франціи, рѣшился сдѣлать то, съ чего ему слѣдовало начать: не дожидаясь уже ратификаціи кортесовъ, онъ отпустилъ испанскаго короля изъ плѣна. Марта 13 Фердинандъ отправился изъ Валансе въ Каталонію.

Сультъ долго держался противъ Веллингтона въ превосходныхъ укрѣпленіяхъ, которыя устроилъ подъ Байоной. Но въ то самое время, какъ Веллингтонъ получилъ сильныя подкрѣпленія, Наполеонъ отнялъ у маршала Далматскаго много старыхъ солдатъ для усиленія своей гвардіи. Когда послѣ того 14 февраля Веллингтонъ началъ окружать французскій лагерь, Сультъ долженъ былъ покинуть свою позицію. Оба полководца блистали тогда своими удивительными талантами, а солдаты ихъ соперничали въ храбрости и стойкости. Сультъ удержалъ за собой Байону, хотя самъ былъ принужденъ отступить на востокъ; зато Веллингтонъ, не беря Байоны, открылъ себѣ путь въ Бордо. Февраля 27 англичане одержали успѣхъ при Ортесѣ, что принудило Сульта отступить еще дальше. Но и тутъ онъ съумѣлъ удержать армію Веллингтона на цѣлыя недѣли между Ортесомъ и Сенъ-Годансомъ, укрѣпилъ между тѣмъ Тулузу, снабдилъ ее запасами и прибылъ къ этому городу тремя днями раньше англичанъ. Англичане заняли между тѣмъ 12 марта Бордо, гдѣ при вступленіи ихъ въ городъ герцогъ Ангулемскій, маркизъ Ла-Рошжакленъ и другіе эмигранты произвели къ великой досадѣ Веллингтона первыя демонстраціи въ пользу Бурбоновъ (стр. 638). Апрѣля 12 при Тулузѣ произошло послѣднее сраженіе между Сультомъ и Веллингтономъ. Оба они уже знали о парижскихъ событіяхъ, и, слѣдовательно, сражаться не было надобности. Но Сультъ хотѣлъ попытаться побѣдой надъ Веллингтономъ поднять дѣло развѣнчаннаго императора, который находился въ то время въ Фонтенбло. Сраженіе было чрезвычайно кровопролитно. Веллингтонъ былъ разбитъ, и тысячи храбрыхъ англичанъ, испанцевъ и португальцевъ погибли въ бою. Однако Сультъ не могъ воспользоваться побѣдой и уже 12 числа былъ принужденъ покинуть Тулузу. При вступленіи англичанъ въ городъ роялисты съ восторгомъ провозглашали Лудовика XVIII; но Веллингтонъ не обращалъ вниманія и на эту демонстрацію, пока коммисары, присланные изъ Парижа, не извѣстили его о рѣшеніи союзныхъ державъ. Сультъ, получивъ 13 числа приказы временнаго правительства, отказался повиноваться имъ и намѣревался дать второе сраженіе, но 17 числа получилъ депешу отъ начальника главнаго штаба (major-général) императора (Бертье). Эта депеша заставила его покориться новому порядку. Апрѣля 18 онъ заключилъ съ Веллингтономъ перемиріе.

Сюше въ Каталоніи покорился раньше. Не смотря на отправленіе во Францію двухъ сильныхъ отрядовъ, онъ удерживалъ за собой занятые крѣпости и города, но приказалъ разрушить всѣ укрѣпленія неважныхъ городовъ и отступилъ къ французской границѣ, когда 19 марта къ нему пріѣхалъ возвратившійся изъ Франціи король Фердинандъ. По приказанію Наполеона онъ долженъ былъ не пускать его отъ себя, пока во Францію не возвратятся гарнизоны Барселоны и другихъ городовъ Каталоніи, осажденныхъ англичанами и испанцами. Но Сюше удовольствовался обѣщаніемъ короля, что гарнизоны эти будутъ немедленно отосланы, и препроводилъ Фердинанда къ испанскимъ войскамъ, которыя привѣтствовали его своимъ государемъ. Потомъ Сюше возвратился съ своими войсками во Францію. Обѣщанія Фердинандъ, разумѣется, не сдержалъ. Но теперь герцогъ Альбуфера заботился уже только о своихъ личныхъ интересахъ. Когда онъ увидѣлъ, что ему не удержаться въ Испаніи и что, слѣдовательно, придется лишиться своихъ Альбуферскихъ помѣстій, Сюше поспѣшилъ собрать съ нихъ кровавымъ насиліемъ доходы лѣтъ за 7 — 8 впередъ. Во Францію онъ отступилъ непрежде, какъ препроводивъ въ безопасное мѣсто добычу своихъ грабежей во время войны. Его генералъ Аберъ, командовавшій въ Барселонѣ, никакъ не могъ, подобно Сульту, примириться съ мыслью о прекращеніи французскаго военнаго владычества надъ другими націями. Хотя о заключеніи мира ему было уже извѣстно, онъ продолжалъ драться и прекратилъ борьбу только по полученіи офиціальнаго извѣщенія о мирѣ. Еще 18 апрѣля онъ сдѣлалъ высадку, которая хотя была отбита, однако стоила жизни многимъ испанцамъ.

6. Начало Реставраціи во Франціи.

Съ паденіемъ наполеоновской державы и съ возстановленіемъ во Франціи древняго королевскаго рода начинается новая историческая эпоха, имѣющая болѣе связи съ событіями 1848 года и съ послѣдовавшей за ними современной реакціей, чѣмъ съ происшествіями первыхъ 14 лѣтъ нашего вѣка. Съ этой минуты началась все еще длящаяся борьба демократическаго принципа съ аристократическими привиллегіями, дипломатіи съ правами, требуемыми народами. Намъ остается, стало быть, сдѣлать краткій обзоръ событій 1814 и 1815 годовъ. Обратимся сперва къ Франціи, гдѣ эта борьба началась. Побѣдивъ и спровадивъ Наполеона, союзныя державы занялись водвореніемъ во Франціи Бурбоновъ, которые безъ нихъ не могли держаться, и заключеніемъ мира. Потомъ онѣ стали распредѣлять земли, отнятыя у Франціи Что касается обѣщаній, данныхъ передъ борьбой народамъ, то объ этомъ не было и рѣчи.

Временное правительство въ Парижѣ просуществовало двѣ недѣли, послѣ чего правленіе принялъ графъ Артуа. Талейранъ съ 31 марта былъ душою правительства. Онъ возбудилъ противъ себя негодованіе всей націи своей наскоро изготовленной конституціей, оказаннымъ въ ней покровительствомъ сенаторамъ и тѣмъ, что считался зачинщикомъ козней, погубившихъ Наполеона. Чтобы держаться, ему была необходима поддержка иностранныхъ державъ. Онъ по обыкновенію занимался интригами и даже пользовался бѣдствіемъ отечества, чтобы пускаться въ спекуляціи, стараясь въ то же время насажать въ новое правительство своихъ родственниковъ и креатуръ. При всемъ томъ, какъ умный человѣкъ, онъ противодѣйствовалъ проискамъ неисправимыхъ придворныхъ и ханжей. Апрѣля 12 въ Парижъ прибылъ графъ Артуа. Онъ величалъ себя генеральнымъ намѣстникомъ государства, хотя не имѣлъ патента на это званіе, потому что братъ его (графъ Прованскій) вовсе не довѣрялъ ему. Онъ заблаговременно протестовалъ противъ новой конституціи черезъ де Витроля; тѣмъ не менѣе временное правительство сдѣлало ему торжественный пріемъ. Оно предписало войскамъ 13 числа перемѣнить трехцвѣтное знамя на бѣлое, бурбонское. Однако оно потребовало, чтобы принцъ принялъ отъ сената формальное назначеніе себя въ генеральные намѣстники и призналъ бы новую конституцію отъ имени брата. По настоятельному требованію русскаго императора, Артуа подчинился этому 14 числа, но по совѣту де Витроля заявилъ признаніе конституціи въ такихъ выраженіяхъ, что оставилъ брату на всякій случай лазейку.

Апрѣля 23 былъ сдѣланъ первый шагъ къ миру заключеніемъ военной конвенціи, возбудившей своими невыгодными и унизительными условіями громкое негодованіе всей націи, но въ сущности неизбѣжной, если хотѣли поскорѣе освободиться отъ иностранныхъ войскъ. По этой конвенціи союзники должны были немедленно удалиться изъ Франціи въ предѣлахъ ея 1792 года; за то и французскія войска должны были очистить 53 крѣпости, которыя они еще занимали внѣ этихъ предѣловъ, съ оставленіемъ въ нихъ всей артиллеріи, всѣхъ военныхъ снарядовъ и даже всѣхъ запасовъ, архивовъ, плановъ, ландкартъ, моделей и проч. Считаютъ, что это условіе нанесло Франціи 1,500 милліоновъ франковъ убытка. Кромѣ того, въ тайной статьѣ было положено, что Франція возвратитъ Гамбургу деньги, взятыя Даву изъ городскаго банка, и проститъ королю прусскому 140 милліоновъ, которые онъ былъ еще долженъ Наполеону.

Мая 3 король Лудовикъ торжественно въѣхалъ въ Парижъ. Онъ пріѣхалъ изъ Англіи 24 апрѣля въ сопровожденіи графа де-Блака, своего любимца и друга, и другихъ неисправимыхъ эмигрантовъ, увѣрявшихъ его, что всѣ только и желаютъ возстановленія старины. Это ему было очень пріятно слушать. Такимъ образомъ онъ явился во Францію съ убѣжденіемъ, что все совершившееся съ 1789 было едва ли не сонъ. О новой конституціи онъ и знать не хотѣлъ, не смотря на убѣдительныя увѣщанія Талейрана, аббата Монтескью и Поццо ди-Борго. Онъ даже явился бы въ Парижъ самодержцемъ, если бы не императоръ Александръ, который для предупрежденія этого выѣхалъ ему на встрѣчу въ

Компьенъ, уговаривалъ его и даже, говорятъ, на другой день письменно угрожалъ, что не пуститъ его въ Парижъ. Тогда Лудовикъ по необходимости согласился 2 мая октроировать вмѣсто отвергнутой сенатской конституціи другую, собственнаго издѣлья, заранѣе объяснивъ принципы, на которыхъ основываетъ ее. Объясненіе это было издано въ Сентъ-Уэнѣ въ манифестѣ, которымъ сенатъ и законодательный корпусъ созывались къ 10 іюня для совѣщанія объ имѣющемъ быть имъ предложенномъ проектѣ конституціи. Основаніями ея полагались: представительная система съ сенатомъ и палатой депутатовъ, право народа утверждать налоги, общественная и личная свобода, свобода печати, впрочемъ съ мѣропріятіями противъ злоупотребленій, свобода религіи, неприкосновенность собственности, неотъемлемость купленныхъ національныхъ имуществъ, независимость и несмѣняемость судей, гарантія государственнаго долга, сохраненіе пенсій, чиновъ и почестей, новаго дворянства, наряду съ старымъ, ордена Почетнаго Легіона, равенство правъ всѣхъ французовъ на занятіе должностей и наконецъ обѣщаніе никого не преслѣдовать за мнѣнія.

Все это было прекрасно; но худо было то, что обѣщанія эти давались безъ намѣренія исполнять ихъ. Это доказывало самое происхожденіе Сентъ-Уэнской граматы, дарованной подъ вліяніемъ принужденія. Доказывало это также немедленное возвращеніе всѣхъ старыхъ личностей, обычаевъ, манеръ и церемоній. Обѣщанія, которыя надавали, долго не исполнялись, и главныя изъ нихъ непремѣнно не сдержали бы, если бы Талейранъ нарочно не затянулъ мирныхъ переговоровъ, чтобы продлить присутствіе императора Александра въ Парижѣ на время совѣщаній о новой конституціи. Только 18 мая была назначена коммисія для составленія проекта ея. Она состояла изъ 9 членовъ сената, 9 членовъ законодательнаго корпуса и 4 королевскихъ коммисаровъ, а именно, канцлера Д а н б р е, аббата Монтескьу, почтъ-директора Ф е р а н а и генералъ-директора полиціи Б е н ь о. Канцлеръ былъ прежде генералъ-адвокатомъ въ парламентѣ. Это былъ закоренѣлый феодальный юристъ. Его назначили президентомъ коммисіи. Совѣщанія ея продолжались только 6 дней (22 — 27 мая), потому что Александръ рѣшительно требовалъ, чтобы конституція была кончена къ его отъѣзду. Королевскіе коммисары достаточно позаботились о практической безвредности статей вольной граматы. Кромѣ того, они выискали для короля средство въ случаѣ нужды поступать такъ, какъ будто никакой конституціи не существуетъ. Для этого они внесли въ свой проектъ положеніе, что король можетъ издавать нужныя повелѣнія (ордонансы) не только по исполнительной части, но и по требованіямъ государственной безопасности (à la sureté de l'état). Къ 4 іюню были созваны собраться на обсужденіе проекта законодательныя палаты, но не прежнія — сенатъ и законодательный корпусъ, а предложенныя въ проектѣ новыя — п а л а т а п е р о в ъ и п а л а т а д е п у т а т о в ъ. Послѣдняя состояла пока изъ членовъ законодательнаго корпуса. Изъ нихъ былъ исключенъ только одинъ человѣкъ, потому что подалъ нѣкогда голосъ за казнь Лудовика XVI и, слѣдовательно, принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которыхъ уже тогда признавали преступниками и называли ц а р е у б і й ц а м и (régicides). Зато изъ сенаторовъ 57 человѣкъ не были приняты въ палату перовъ. Она состояла изъ 91 прежняго сенатора, 14 маршаловъ, изъ коихъ четверо были сенаторами, изъ 6 генераловъ до-революціоннаго времени, изъ 26 прежнихъ перовъ, имѣвшихъ мѣсто и голосъ въ парламентѣ, изъ 11 старинныхъ наслѣдственныхъ герцоговъ и изъ 5 вновь назначенныхъ королемъ герцоговъ. Итакъ, въ палатѣ перовъ было собрано все, что еще оставалось отъ древней придворной знати. Это показывало, что все старое будетъ первенствовать и пользоваться покровительствомъ, а все новое можетъ разсчитывать развѣ на терпимость. Это явствовало и изъ первыхъ словъ акта конституціи или х а р т і и, какъ ее назвали. Въ этихъ словахъ король упоминалъ о «своихъ предкахъ, которые также нерѣдко п р е о б р а з о в ы в а л и управленіе»; онъ называлъ себя Л у д о в и к о м ъ XVIII, а не Лудовикомъ XVII, считая въ числѣ французскихъ королей и сына Лудовика XVI, умершаго во время республики; онъ подписалъ подъ хартіей: «Дано въ д е в я т н а д ц а т о м ъ году нашего царствованія».

Обѣ палаты тотчасъ приняли хартію. Уже черезъ три дня полицейскій начальникъ Беньо началъ свою дѣятельность распоряженіемъ о праздновании вос-

кресенья. Въ іюлѣ палатамъ предложили даже законъ о печати, назначавшій предварительную цензуру для всѣхъ книгъ менѣе 30 печатныхъ листовъ, запрещавшій издавать газеты безъ разрѣшенія правительства, полагавшій взимать залогъ съ типографій и книжныхъ лавокъ и предписывавшій открывать ихъ неиначе, какъ съ разрѣшенія начальства съ тѣмъ, чтобы при первомъ проступкѣ разрѣшеніе это отбиралось. Этотъ проектъ, принятый палатами, былъ сочиненъ Ройе Колларомъ и Гизо. Эти доктринеры, необходившіеся и безъ либерализма, такъ отличились, что въ предисловіи доказали, что безъ цензуры свобода печати безполезна и недѣйствительна. Мая 13 король назначилъ свое первое министерство. Надо отдать ему справедливость, что сперва онъ не подпускалъ эмигрантовъ къ должностямъ и дѣйствовалъ въ примирительномъ духѣ. Но вскорѣ врожденныя свойства и окружающіе люди измѣнили его взглядъ. Министрами были назначены: Талейранъ — иностранныхъ дѣлъ, Монтескьу — внутреннихъ дѣлъ, Беньо — полиціи, Луи — финансовъ, канцлеръ Данбре юстиціи. Изъ нихъ одинъ Талейранъ имѣлъ вѣрный взглядъ на дѣла, но всегда жертвовалъ своимъ долгомъ и интересами націи личнымъ выгодамъ. Прочіе, кромѣ Данбре, искренно желали соблюдать народныя права, но не пользовались довѣріемъ и уваженіемъ народа и даже не имѣли вліянія въ правительствѣ, гдѣ всѣмъ заправлялъ одинъ изъ придворныхъ, королевскій любимецъ графъ де-Блака. Самъ Лудовикъ XVIII былъ такъ удрученъ подагрой и хирагрой, что даже съ трудомъ шевелилъ руками, такъ что де-Блака и подписывалъ за него бумаги. Родственники короля оказывали также вредное вліяніе. Графъ Артуа, впрочемъ бывшій съ нимъ въ дурныхъ отношеніяхъ, только и думалъ, какъ бы возстановить всѣ старыя злоупотребленія безъ всякихъ исключеній. Сыновья его, герцоги Ангулемскій и Беррійскій, не имѣли ни о чемъ нималѣйшаго понятія; герцогъ Ангулемскій былъ особенно обиженъ природой и въ нравственномъ, и въ физическомъ отношеніи. Зато всѣ три принца и герцогиня Ангулемская, дочь Лудовика XVI, были въ высшей степени ханжи и суевѣры. Черезъ нихъ духовенство пріобрѣло при дворѣ большое значеніе; хотя самъ король былъ атеистъ и кощунъ, но находилъ необходимымъ прикидываться благочестивымъ папистомъ.

7. Европа во время первой Реставраціи.

Тотчасъ послѣ конвенціи 23 апрѣля, положившей основаніе миру Франціи съ союзниками, войска послѣднихъ выступили изъ французскихъ предѣловъ, оставивъ въ нихъ только 40 т. чел. Миръ былъ заключенъ 30 мая. По условіямъ этого перваго парижскаго мира Франціи были назначены границы ея 1792 года; но при новомъ болѣе тщательномъ разграниченіи нѣкоторые округи и мѣстечки остались за восточной границей, а Авиньонъ и Венесенъ—за Франціей. Изъ дальнѣйшихъ условій важнѣйшія состояли въ слѣдующемъ: плаваніе по Рейну объявляется свободнымъ; Голландія получаетъ расширеніе границъ и обращается въ королевство подъ властью Оранскаго дома; Германія и Италія раздробляются, и различныя владѣнія въ этихъ странахъ признаются независимыми; на мѣсто погибшей германской имперіи учреждается союзъ государствъ, на условіяхъ, рѣшенныхъ заранѣе (стр. 635); Англія удерживаетъ за собой островъ Мальту, корабли, взятые у голландцевъ, арсеналы и суда, найденные въ Антверпенѣ; но она возвращаетъ всѣ завоеванныя колоніи, кромѣ Табаго, Санта-Лучіи и Иль-де-Франса, отнятыхъ у Франціи, и испанской части Санъ-Доминго; Франція и союзники отказываются отъ всѣхъ взаимныхъ денежныхъ претензій, кромѣ тѣхъ суммъ, которыя Франція обязуется уплатить въ силу особаго условія. Наконецъ было положено, что черезъ два мѣсяца всѣ воевавшія державы соберутся на конгрессъ, который имѣетъ происходить въ Вѣнѣ. Въ тайныхъ статьяхъ договора Франція была принуждена предоставить союзникамъ подѣлить отошедшія отъ нея страны безъ ея участія, согласиться на расширеніе сардинскаго королевства и возвратить гамбургскому банку деньги, взятыя Даву. Шельда была, какъ и Рейнъ, открыта судоходству. Россія и Франція должны были составить общую

коммисію для разбора взаимныхъ претензій Франціи и герцогства Варшавскаго. Въ отношеніи Англіи французскій король принялъ обязательство вступить съ ней въ переговоры о торговомъ договорѣ и хлопотать на вѣнскомъ конгресѣ объ уничтоженіи торга невольниками. Въ отношеніи Пруссіи всѣ постановленія базельскаго мира были отмѣнены. Тотчасъ по заключеніи мира всѣ остальныя союзныя войска выступили изъ Франціи. Въ первыхъ числахъ іюня государи Россіи, Австріи и Пруссіи выѣхали изъ Парижа и изъ Франціи. Александръ и Фридрихъ Вильгельмъ отправились въ Англію, чтобы похлопотать тамъ въ пользу принца Оранскаго.

Первый парижскій миръ снова передалъ судьбу европейскихъ народовъ въ руки дипломатовъ. Всюду началась строго послѣдовательная реакція. Самая страшная участь постигла Испанію. Едва прибывъ 16 апрѣля въ Валенсію, Фердинандъ VII очутился среди заклятыхъ враговъ кортесовъ и ихъ конституціи. Между кортесами господствовали несогласія. Большинство настаивало, чтобы король, прежде чѣмъ вступитъ въ управленіе, присягнулъ конституціи; оно даже послало въ Валенсію угрожающій адресъ; но меньшинство отправило къ королю депутацію съ просьбой не уступать своихъ древнихъ правъ. Фердинандъ приказалъ войскамъ, генералы которыхъ провозгласили его самодержавнымъ государемъ, поспѣшно занять столицу и, когда приказъ былъ исполненъ, принялся жестоко свирѣпствовать, проводя реакцію ужасной системой террора. Онъ съ своей камарильей положилъ этому начало прокламаціей 4 мая, гдѣ обѣщалъ коституціонныя вольности и права, но прямо объявлялъ недѣйствительными всѣ постановленія кортесовъ и всю ихъ конституцію, присовокупляя, что будетъ казнить смертью какъ преступника всякаго, кто впредь осмѣлится признавать эту конституцію. Послѣ этого объявленія Фердинандъ отправился изъ Валенсіи въ Мадридъ, куда совершилъ торжественный въѣздъ 14 мая. За четыре дня до его пріѣзда солдаты разогнали кортесовъ и регентство, арестовавъ 40 депутатовъ. Тотчасъ по пріѣздѣ король отрѣшилъ всѣхъ должностныхъ лицъ, назначенныхъ кортесами, всюду насажалъ сервилистовъ, поднялъ розыски, пытки, ссылки на всѣхъ просвѣщенныхъ людей, велѣлъ составлять списки опальныхъ и подозрительныхъ, возстановилъ инквизицію и іезуитовъ и проч. и проч Въ іюнѣ и въ іюлѣ Фердинандъ согласился съ Франціей насчетъ принятія парижскаго мира и 20 іюля принялъ его.

Голландія была отдана подъ именемъ королевства Нидерландскаго принцу Вильгельму VI Оранскому, который принялъ титулъ короля Вильгельма I. Онъ былъ въ родствѣ съ королемъ прусскимъ и пользовался покровительствомъ Англіи. Ему была отдана во владѣніе и Бельгія, которую присоединили къ Голландіи, хотя населенія этихъ странъ такъ не сходились политическими учрежденіями, нравами, языкомъ и религіей, что прочнаго соединенія между ними не могло быть. Но Австрія предоставила Бельгію Англіи, предпочитая пріобрѣсти владѣнія въ Италіи, а Англія соединила ее съ Голландіей, желая отдать торговлю этихъ обѣихъ странъ подъ власть лица, покровительствуемаго ея аристократіей. Притомъ о немъ хлопотали Александръ и Фридрихъ Вильгельмъ, нарочно ѣздившіе для этого послѣ парижскаго мира въ Лондонъ.

Данія не хотѣла во время разорвать союзъ съ Наполеономъ и была за это наказана потерею Норвегіи. Ей было предписано уступить эту страну Швеціи и за это удовольствоваться владѣніемъ шведской Помераніи, которая была впослѣдствіи обмѣнена Ганноверу за герцогство Лауэнбургское, а потомъ вымѣнена Ганноверомъ Пруссіи за Остъ-Фрисландію. Еще кильскій миръ (стр. 620) обязалъ Данію уступить Норвегію. Но датчане затянули исполненіе этого обязательства и, чтобы отвратить его, послали въ Норвегію двоюроднаго брата и предполагаемаго наслѣдника своего короля Фридриха VI, принца Христіана, который прежде, будучи тамъ намѣстникомъ, пріобрѣлъ общую любовь. Норвежскій народъ и слышать не хотѣлъ о присоединеніи къ Швеціи. Въ февралѣ 1814 принцъ Христіанъ провозгласилъ себя прокламаціей правителемъ Норвегіи, а въ маѣ стортингъ избралъ его королемъ норвежскимъ, учредивъ въ то же время новую, совершенно демократическую конституцію. Тогда Англія и Швеція стали грозить датскому королю занятіемъ Шлезвига и Гольштиніи, и Фридрихъ VI приказалъ принцу Христіану и всѣмъ датскимъ чиновникамъ въ теченіе 4 недѣль выѣхать

изъ Норвегіи. Но принцъ не послушалъ этого приказанія, вслѣдствіе чего наслѣдный принцъ шведскій подступилъ къ границѣ Гольштиніи съ войсками. Въ то же время коммисары Россіи, Пруссіи, Австріи и Англіи начали переговоры съ королемъ Фридрихомъ. Въ концѣ іюня король повторилъ принцу Христіану свой приказъ, уговаривая норвежцевъ покориться Швеціи и обѣщая имъ отъ имени союзныхъ державъ сохраненіе ихъ новой конституціи. Тѣмъ не менѣе норвежскій народъ не покорялся. Въ концѣ іюля принцъ Бернадоттъ вступилъ въ Норвегію съ шведскими войсками, и нѣсколько недѣль шла война. Наконецъ 17 августа принцъ Христіанъ рѣшился уступить. Онъ заключилъ въ этотъ день въ Мосѣ договоръ, которымъ покорился требованію всѣхъ европейскихъ правительствъ, и созвалъ стортингъ, долженствовавшій избрать шведскаго короля государемъ Норвегіи. Шведы заняли всю страну, и въ октябрѣ стортингъ былъ принужденъ согласиться на присоединеніе Норвегіи къ Швеціи однако отдѣльнымъ государствомъ; кромѣ того онъ оградилъ свою конституцію отъ нарушенія. Обезпечивъ ее съ небольшими измѣненіями, представители норвежскаго народа провозгласили 4 ноября короля Карла XIII Шведскаго государемъ своей страны.

Съ итальянцами справились легче и скорѣе, чѣмъ съ норвежцами. Папа давно уже водворился въ Церковной области. Бывшій великій герцогъ Тосканскій, Фердинандъ III, уступилъ свое великое герцогство Вюрцбургское Баваріи и безъ разговоровъ пріѣхалъ въ Тоскану и овладѣлъ своими прежними владѣніями. Королевство сардинское было также занято прежними владѣтелями. Бывшій король, Карлъ Эммануилъ IV, бѣжавшій въ 1798 отъ французовъ на островъ Сардинію (стр. 445), въ 1802 отрекся отъ престола въ пользу брата, Виктора Эммануила I. Этотъ Викторъ Эммануилъ и вернулся теперь въ Туринъ. Онъ тотчасъ принялъ мѣры для возстановленія въ своемъ государствѣ всей старины. Союзныя державы подарили ему еще Генуя, хотя лордъ Бентинкъ, занимая Геную незадолго до взятія Парижа, обѣщалъ жителямъ возстановленіе республики. Парма была отдана императрицѣ Маріи Луизѣ, которая однако осталась пока въ Вѣнѣ. Законный владѣтель Пармы, Карлъ Лудовикъ (стр. 497), получилъ въ вознагражденіе Лукку. Въ Моденѣ Геркулесъ III былъ послѣднимъ изъ дома Эсте. Въ 1803 онъ отдалъ Бризгау, полученное въ вознагражденіе за Модену, своему зятю, австрійскому эрцгерцогу Фердинанду, который въ 1805 лишился этой области (стр. 491 и 508). Фердинандъ умеръ въ 1806, оставивъ сына, Франциска IV, который въ 1824 овладѣлъ Моденой и возстановилъ тамъ старые порядки. Въ королевствѣ итальянскомъ вице-король Евгеній тщетно старался попасть въ короли (стр. 597); его владѣніемъ овладѣла Австрія, устремлявшая алчные взоры на Италію. Въ Неаполѣ королемъ остался Мюратъ; но все доказывало, что и тамъ не замедлитъ водвориться прежній владѣтельный домъ.

Германія не получила никакого вознагражденія за свои продолжительныя страданія и за свои невѣроятныя усилія въ борьбѣ съ завоевателемъ. Пруссія нарушила свои обѣщанія даровать германскимъ народамъ свободныя учрежденія въ вознагражденіе за тяжелыя пожертвованія, принесенныя освобожденію отечества отъ иноземнаго ига. Возвратились всѣ старые порядки. Въ Мекленбургѣ опять водворилось крѣпостное право; въ Ганноверѣ была возстановлена пытка. Германія, для которой, казалось, настала пора сдѣлаться великой и могущественной, не получила ни національности, ни вѣса между народами. Виною этого была взаимная зависть германскихъ государей и аристократовъ и эгоистическая политика англійской аристократіи на вѣнскомъ конгресѣ.

Вѣнскій конгресъ открылся не въ іюлѣ, какъ хотѣли, а 1 ноября. Но и тутъ прошло еще много времени въ обѣдахъ, балахъ и другихъ увеселеніяхъ, поглотившихъ милліоны, возбуждавшихъ восторги знати и подробно описанныхъ блестящими красками разными писателями; но серьезный историкъ, конечно, можетъ воспользоваться ими только развѣ для сатирическихъ замѣчаній. Въ Вѣнѣ во время конгреса собралось много государей и цѣлыя массы графовъ, бароновъ, дипломатовъ, министровъ и знатныхъ барынь. Изъ государей пяти первостепенныхъ державъ, кромѣ хозяина, императора Франца австрійскаго, присутствовали Александръ русскій и Фридрихъ Вильгельмъ III прусскій. Александра сопровождали Разумовскій и Нессельроде, короля прусскаго—Гарденбергъ и Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ. Со стороны Австріи Меттернихъ былъ уполномоченнымъ, а

Генцъ—протоколистомъ. Англію представляли Кестльри и Веллингтонъ, Францію—Талейранъ, который привезъ съ собой нѣсколько помощниковъ; а именно, Ла-Бенардьера—для общихъ дѣлъ, герцога Дальберга, принадлежавшаго по рожденію къ имперскому дворянству, для германскихъ дѣлъ и для интригъ, благочестиваго Алексиса де Ноайля—для вліянія на русскаго императора и на вліятельныхъ дамъ, Латуръ дю Пена—для швейцарскихъ и другихъ дѣлъ. Посланниковъ мелкихъ государствъ называть не стоитъ. Упомянемъ только о присутствіи въ Вѣнѣ знаменитѣйшаго изъ галантныхъ болтуновъ и остряковъ, непремѣннаго члена всѣхъ монархическихъ и аристократическихъ кружковъ, перваго мастера выдумывать и устроивать роскошныя празднества, сочинять изящныя рѣчи и отмачивать пикантныя остроты, не смотря на свою глубокую старость. Эта звѣзда первой величины между европейской знатью былъ бельгіецъ, князь де-Линь.

Австрія, Россія и Пруссія, боясь Талейрана и бывшихъ подъ его командой интригановъ, положили въ концѣ сентября твердо соблюдать первую тайную статью парижскаго мирнаго договора (стр. 648), постановлявшую устранить Францію отъ совѣщаній объ участи отнятыхъ у нея странъ. Англійскій посланникъ въ Вѣнѣ также принялъ это рѣшеніе. Но Талейранъ при содѣйствіи Кестльри, который пріѣхалъ послѣ, настоялъ, чтобы конгресъ составляли восемь державъ—Англія, Россія, Австрія, Пруссія, Франція, Испанія, Португалія и Швеція. Еще до формальнаго открытія конгреса среди взаимныхъ изъявленій дружбы и общихъ увеселеній возникъ пагубный раздоръ, потому что Россія хотѣла присвоить всю Польшу, а Пруссія—все королевство Саксонію, а три другія великія державы рѣшительно противились этому. Такимъ образомъ конгресъ начался сильной распрей, которая взволновала всѣ умы и привела въ движеніе всѣ перья. Распря разгорѣлась еще пуще, когда 10 ноября Россія передала Пруссіи королевство саксонское, которымъ до сихъ поръ управляла. Россія заняла войсками герцогство Варшавское, Пруссія—лѣвый берегъ Рейна. Въ Польшѣ была собрана 300-тысячная русская армія подъ начальствомъ брата императора, великаго князя Константина; Пруссія въ упованіи на содѣйствіе Россіи готовилась вступить во владѣніе Саксоніей, не дожидая рѣшенія вѣнскихъ дипломатовъ. Вслѣдствіе такихъ поступковъ этихъ двухъ державъ Австрія также собрала большія силы въ Моравіи. Разрывъ между пятью великими державами казался неизбѣжнымъ. Декабря 19 споршвшіе и ссорившіеся дипломаты получили еще новый поводъ къ нему, когда Талейранъ по приказанію своего короля потребовалъ изгнанія Мюрата изъ Неаполя и возвращенія неаполитанскимъ Бурбонамъ всѣхъ ихъ прежнихъ владѣній.

Объ улучшеніи участи Германіи въ Вѣнѣ никто не заботился. Напротивъ того, Меттернихъ, графъ Мюнстеръ, представлявшій на конгрессѣ Ганноверъ, и другіе нѣмецкіе дипломаты противодѣйствовали видамъ Пруссіи на Саксонію не только изъ зависти, но и потому, что всѣ патріоты сочувствовали этому государству, освободившему отечество и бывшему всегда покровителемъ нѣмецкой національности и нѣмецкаго просвѣщенія, тогда какъ владѣтели Саксоніи со временъ 30-лѣтней войны постоянно находились подъ иностраннымъ вліяніемъ. Рѣшеніе участи Германіи было предоставлено второстепенному комитету (sous-comité), подобному двумъ другимъ, рѣшавшимъ судьбы Швейцаріи и Италіи. Членами этого комитета были все феодалы, въ томъ числѣ и вѣнецъ аристократіи, графъ фонъ-Мюнстеръ. Вслѣдствіе этого Германія получила отъ вѣнскаго совѣта то самое устройство, которое было предположено еще въ Шомонскомъ договорѣ (стр. 635). Оно было учреждено Германскимъ Союзнымъ Актомъ 8 іюня 1815.

Ссора изъ-за Саксоніи и Польши наконецъ привела къ полному разрыву. Января 3 1815 Австрія и Англія заключили съ Франціей противоестественный союзъ противъ Россіи и Пруссіи, пригласивъ приступить къ нему Голландію и нѣкоторыя германскія государства. Опираясь на этотъ союзъ, Меттернихъ и Талейранъ предложили достойный ихъ компромиссъ. Они предлагали Пруссіи взять 1,800,000 душъ саксонцевъ, а остальныхъ оставить прежнему владѣтелю. Послѣ нѣкотораго колебанія Пруссія приняла это предложеніе. Россія также умѣрила свои претензіи насчетъ Польши, такъ что въ началѣ февраля дѣло уладилось. Но тутъ уперся король саксонскій и ни за что не хотѣлъ подчиниться наложен-

пои на него уступкѣ. Вдругъ 6 марта прибылъ въ Вѣну англійскій курьеръ съ извѣстіемъ, что Наполеонъ уѣхалъ съ острова Эльбы. Это извѣстіе заставило всѣхъ всячески стараться о предупрежденіи грозившаго распаденія союза великихъ державъ Талейранъ, Кестльри и Меттернихъ, отправились къ королю саксонскому, который по приглашенію державъ поселился близъ Вѣны. Но король стоялъ на своемъ. Тогда 12 марта конгресъ объявилъ, что всѣ европейскія державы признали за королемъ прусскимъ право силою выполнить договоръ, предписанный королю саксонскому. Между тѣмъ въ Вѣнѣ веселились и кутили безостановочно. Марта 12 ночью былъ данъ великолѣпнѣйшій изъ всѣхъ баловъ, но онъ былъ прерванъ извѣстіемъ, что 1 марта Наполеонъ высадился на французскомъ берегу.

8. Сто Дней.

Подобно Лудовику XIV, Наполеонъ остался кумиромъ французовъ именно за то, что былъ бичемъ всѣхъ прочихъ націй, хотя, подобно Лудовику XIV, навлекъ на Францію страшныя бѣдствія. Напротивъ того, Лудовикъ XVIII съ своимъ жалкимъ льстецомъ и дядькой, графомъ де-Блака, вовсе не соотвѣтствовалъ представленіямъ французовъ о качествахъ государя. Прочіе Бурбоны, графъ Артуа, герцогъ Беррійскій, герцогъ Ангулемскій, его ханжа супруга и алчный герцогъ Орлеанскій, не могли быть національны. Вдобавокъ реставрированное семейство съ первой минуты принялось дѣйствовать по принципамъ, возбуждавшимъ въ большинствѣ націи отвращеніе и страхъ за будущее. Уже упомянутыя нами мѣры (стр. 648) касательно печати и празднованія воскресенія показывали, что при дворѣ замышляютъ возстановить времена Лудовика XV. Тѣлохранители и разные другіе гвардейскіе корпуса были тотчасъ возстановлены, а высокоуважаемая народомъ императорская гвардія была удалена изъ Парижа. Потомъ привели въ трепетъ 8—9 милліоновъ французовъ, заинтересованныхъ въ продажѣ и покупкѣ національныхъ имуществъ, предписавъ возвратить прежнимъ владѣльцамъ еще непроданныя имѣнія эмигрантовъ, причемъ министръ Феранъ выразился объ эмигрантахъ, что это люди, никогда не уклонявшіеся съ прямаго пути. Военнымъ министромъ былъ назначенъ Дюпонъ, опозоренный Байленской капитуляціей, искавшій только милостей двора и совершенно пренебрегавшій арміей; на офицерскія мѣста назначали эмигрантовъ и дворянскихъ мальчиковъ; женъ маршаловъ осмѣивали при дворѣ. Потомъ на мѣсто Дюпона былъ назначенъ маршалъ Сультъ; но и онъ былъ слѣпымъ орудіемъ ослѣпленныхъ придворныхъ, и при немъ множество заслуженныхъ офицеровъ были переведены на половинное жалованье. Два милліона, выговоренные Наполеономъ въ Фонтенблоскомъ договорѣ своимъ генераламъ (стр. 642), были неуплачены. Судамъ предстояло такъ называемое очищеніе. Бывшіе члены конвента подвергались преслѣдованіямъ, исключались не только изъ службы, но даже изъ академій. Словомъ, все указывало, что Бурбоны во Франціи намѣрены дѣйствовать совершенно такъ же, какъ родственникъ ихъ въ Испаніи.

Вслѣдствіе этого владычество Бурбоновъ вскорѣ сдѣлалось невозможно. Въ этомъ скоро убѣдились всѣ; расходились только въ одномъ, кѣмъ замѣнить ихъ— главою ли младшей бурбонской линіи, герцогомъ Орлеанскимъ, или императоромъ Наполеономъ. Приверженцы герцога Орлеанскаго замышляли даже въ концѣ зимы склонить палаты постановить низложеніе старшей линіи Бурбоновъ и возведеніе на престолъ младшей. Приверженцы Наполеона, большею частью военные, задумали овладѣть Парижемъ съ помощью недовольныхъ войскъ, увезти Наполеона съ Эльбы и возвратить въ Парижъ. Все это были неосуществимыя мечты; но они помогли смѣлому предпріятію, на которое Наполеонъ отважился въ мартѣ 1815. Заговора не было, да его и не нужно было. Но въ Парижѣ было много бонапартистскихъ кружковъ, и сверхъ того прежніе слуги Наполеона сносились съ нимъ черезъ лицъ, сопровождавшихъ его на Эльбу. Въ январѣ 1815 Маре послалъ ему подробный отчетъ о положеніи дѣлъ, какъ будто все еще былъ его министромъ. Потомъ на Эльбу былъ посланъ Флери де-Шабулонъ

съ рѣшительными извѣстіями и послѣдними совѣтами Наполеонъ былъ также утомленъ праздностью въ своей ссылкѣ, какъ французы владычествомъ роялистовъ. Онъ рѣшился возвратиться и овладѣть властью съ помощью недовольныхъ. Но его предпріятію, казалось, должны были препятствовать два обстоятельства. Сановники имперіи, передавшіеся Бурбонамъ, должны были опасаться его мести, а либералы, какъ Бенжаменъ Констанъ, Лафайэтъ, Грегуаръ, боялись, что съ императоромъ возвратится и императорскій произволъ. Однако Наполеонъ успокоилъ и тѣхъ, и другихъ рѣшительными завѣреніями, присланными съ Эльбы. Либераламъ онъ обѣщалъ перемѣнить систему, недостатки которой самъ хорошо сознавалъ. Сановниковъ своихъ онъ завѣрилъ въ прощеніи и продолженіи къ нимъ своего благоволенія, и они не могли сомнѣваться въ этомъ, потому что измѣнниковъ было слишковъ много, и безъ многихъ Наполеонъ не могъ обойтись.

Предпріятіе Наполеона могло бы быть еще успѣшнѣе, если бы онъ имѣлъ возможность отложить его до окончанія вѣнскаго конгреса, рѣшенія котораго вызвали во многихъ странахъ негодованіе. Но приверженцы Наполеона опасались, чтобы вѣнскіе дипломаты не спровадили императора куда нибудь далеко о чемъ въ Вѣнѣ уже поговаривали; съ другой стороны, Австрія собрала въ Ломбардіи такія военныя силы, что нельзя было сомнѣваться въ ея намѣреніи свергнуть Мюрата и возвратить въ Неаполь короля Фердинанда. Успѣху Наполеона много помогло также то обстоятельство, что въ южной Франціи была собрана правительствомъ значительная часть его старой арміи. Такъ какъ конгресъ не исполнялъ требованія Лидовика XVIII относительно Мюрата, то французскій король собралъ на югѣ отъ Ліона небольшую армію, которая была постепенно усилена до 50 тыс. чел. Февраля 26,1815, когда крейсировавшій передъ Эльбой для надзора за Наполеономъ англійскій коммандоръ К е м б л ь отправился повеселиться въ Ливорно, Наполеонъ сѣлъ на суда со всей свитой и со всѣми своими солдатами. Марта 1 онъ высадился въ Ф р е ж ю с ѣ, и тотчасъ двинулся въ страну съ своимъ небольшимъ отрядомъ, къ которому стали со всѣхъ сторонъ стекаться его ветераны. Чрезъ 6 дней дошелъ до Гренобля, гдѣ къ нему перешелъ полковникъ Л а б е д о й е р ъ съ цѣлымъ полкомъ. Въ тотъ самый день, какъ Наполеонъ вступалъ въ Гренобль (6 марта), парижское правительство получило извѣстіе о его высадкѣ. Оно немедленно объявило его лишеннымъ покровительства законовъ и созвало палаты на чрезвычайное засѣданіе. Графъ Артуа и маршалъ Макдональдъ были посланы въ Ліонъ вести противъ Наполеона войска. Но они не могли удержать отъ передачи ему ни солдатъ, ни гражданъ. Марта 10 Артуа и Макдональдъ были принуждены бѣжать изъ Ліона, и Наполеонъ въ тотъ же день вступилъ въ городъ. Въ Парижѣ король Лудовикъ принималъ разныя мѣры для спасенія своего престола, но все оставалось безплодно. Уже 20 марта онъ былъ принужденъ бѣжать изъ Парижа черезъ Лиль въ Гентъ въ сопровожденіи принцевъ Артуа, Берри и Орлеана. Вечеромъ того же дня Наполеонъ вступилъ въ Парижъ. Герцогъ Ангулемскій съ женой находились тогда на югѣ, но скоро должны были также удалиться изъ Франціи. Герцогиня тщетно старалась подпять Бордо, прославленный въ прошломъ году за свой пылкій роялизмъ; но на этотъ разъ городъ не оказалъ особеннаго рвенія, и ей пришлось благодарить судьбу, когда по вступленіи 2 апрѣля наполеоновскихъ войскъ въ городъ ей дали убраться на корабль, на которомъ она отправилась въ Англію. Мужъ ея вздумалъ идти съ войсками изъ Прованса на Ліонъ, но былъ внезапно окруженъ въ Понъ-Сентъ-Эспри, сдался 8 апрѣля на капитуляцію и по приказанію Наполеона былъ высланъ за границу.

Еще въ Ліонѣ Наполеонъ издалъ девять декретовъ, помѣщенныхъ 13 марта. Они предназначались для успокоенія измѣнниковъ и либераловъ. Однимъ изъ нихъ объявлялась полная амнистія, впослѣдствіи впрочемъ ограниченная такъ, что изъ нея были исключены Мармонъ, Талейранъ, Дальбергъ и еще десять человѣкъ. Прочими декретами обѣщалась свободная конституція, и созывалось въ въ Парижъ народное собраніе изъ членовъ всѣхъ избирательныхъ коллегій, изъ депутацій отъ департаментовъ, отъ арміи и флота подъ именемъ М а й с к а г о П о л я. Всѣ эмигранты, возвратившіеся съ 1814, изгонялись изъ Франціи; всѣ назначенные Бурбонами офицеры исключались изъ списковъ, всѣ чиновники, уволенные съ апрѣля 1814, вновь опредѣлялись на прежнія мѣста; бѣлыя кокарды,

лиліи и все тому подобное запрещалось; на имѣнія королевской фамиліи налагался секвестръ, и отмѣнялись всѣ титулы, кромѣ дарованныхъ націей. Наконецъ, чтобы увѣрить націю, что Австрія согласна на возвращеніе Наполеона, была возвѣщена будто бы предстоящая въ скоромъ времени коронація императрицы и ея сына. Немногіе изъ этихъ декретовъ были приведены въ исполненіе, потому что императоръ, мнимо сдѣлавшійся либеральнымъ, проночевавъ три ночи въ Тюильри, сталъ опять совершенно прежній.

Сдѣлавшись вторично властелиномъ Франціи, Наполеонъ очутился въ плохомъ положеніи. Всѣ кассы были пусты, армія ослаблена и приведена въ такое состояніе, что приходилось организовать ее съизнова; военныхъ запасовъ совсѣмъ не было. Кромѣ того Наполеону приходилось заискивать расположенія недовѣрявшей ему партіи такъ называемыхъ патріотовъ. Для этого онъ долженъ былъ назначить членами министерства, составленнаго 21 марта, двухъ людей, изъ коихъ одинъ состоялъ въ перепискѣ съ Меттернихомъ, русскими и Талейраномъ, а другой вовсе не подходилъ къ императорской системѣ, хотя въ то время согласился принять графскій титулъ. То были Фуше и Карно. Первый былъ сдѣланъ министромъ полиціи, второй—внутреннихъ дѣлъ. Прежнее слѣпое довѣріе націи къ императору было поколеблено, и Наполеонъ не могъ возстановить его, потому что всѣ его поступки и распоряженія доказывали намѣреніе не дать новую конституцію, а возстановить прежніе императорскіе порядки съ небольшими измѣненіями. Между государями Наполеонъ очутился особнякомъ. Только въ Италіи ему была надежда на поддержку; но безтолковость Мюрата разрушила и ту.

Мюратъ справедливо тревожился за свой престолъ, потому что Франція при Бурбонахъ настойчиво требовала на вѣнскомъ конгресѣ возстановленія неаполитанскихъ Бурбоновъ, и на піемонтской границѣ собиралась французская армія, а на По австрійская. Англія также вела себя въ отношеніи короля Іоахима двусмысленно, хотя, подобно Австріи, продолжала считать себя союзницей его. Другая опасность грозила ему отъ короля сицилійскаго, Фердинанда IV, который въ то время разыгрывалъ роль конституціоннаго государя, чѣмъ привлекалъ къ себѣ калабрійцевъ. Папа, поддерживаемый Австріей, также требовалъ, чтобы Мюратъ очистилъ все еще занимаемую имъ Анконскую мархію, принадлежавшую къ Церковной области. Не смотря на все это, Мюратъ не могъ разстаться съ надеждой сдѣлаться королемъ всей Италіи и былъ увѣренъ, что стоитъ ему поднять мечъ за возстановленіе итальянскаго единства, какъ всѣ итальянцы стекутся къ нему. Когда Наполеонъ вернулся съ Эльбы, Іоахиму показалось, что настала пора осуществить эту мечту. Хотя всѣ благоразумные совѣтники убѣждали его выждать, чѣмъ кончится возвращеніе Наполеона, онъ вторгнулся 22 марта двумя колоннами въ Церковную область, намѣреваясь идти въ верхнюю Италію. Онъ обратился къ итальянцамъ съ воззваніемъ, приглашая ихъ свергнуть иноземное иго. Итальянцы восхваляли и воспѣвали его; но никто не пошевельнулъ за него пальцемъ. Войска его заняли Тоскану и проникли за Модену и Болонью; но по неспособности его генераловъ походъ на Миланъ замедлился. Между тѣмъ къ своему ужасу онъ получилъ въ Болоньѣ письмо отъ лорда Бентинка отъ 5 апрѣля. Лордъ объявлялъ ему, что такъ какъ онъ безъ всякой причины и безъ объявленія войны напалъ на Австрію, то новымъ договоромъ европейскихъ державъ, заключеннымъ въ Вѣнѣ, перемиріе признано нарушеннымъ, и Англія будетъ всѣми силами помогать Австріи.

Австрійскій главнокомандующій Біанки задерживалъ неаполитанскаго короля, пока не получилъ достаточныхъ подкрѣпленій. Тогда онъ быстро двинулся въ походъ. Мая 3 онъ аттаковалъ короля Іоахима при Толентино въ Церковной области и въ двухдневной битвѣ поразилъ на голову. При отступленіи неаполитанская армія совершенно разстроилась. Король бѣжалъ въ Неаполь, гдѣ между тѣмъ его жена, постоянно обнаруживавшая умъ и правительственный тактъ, при первомъ извѣстіи о толентинскомъ пораженіи заключила договоръ съ англійскимъ коммодоромъ Кемблемъ, предохранивъ такимъ образомъ столицу отъ опустошенія и оградивъ отъ опасностей себя, свою мать Летицію, своего дядю, кардинала Феша, и сестру Полину, которые всѣ проживали въ Неаполѣ. Договоромъ было положено, чтобы королева продолжала править въ Неаполѣ государственными дѣлами, а въ случаѣ нужды могла бы съ своими родственниками искать

убѣжища на англійскомъ флотѣ; но за это она должна была немедленно отдать англичанамъ всѣ неаполитанскіе военные корабли. Приближеніе австрійцевъ принудило короля Іоахима заключить съ ними уже 20 мая капитуляцію въ Каза-Ланца, по которой неаполитанское королевство со всѣми крѣпостями, гаванями и арсеналами было предоставлено австрійцамъ и англичанамъ. Впрочемъ обѣ стороны оговорили, что это лишь просто военная капитуляція. Король Мюратъ переѣхалъ на купеческомъ суднѣ въ южную Францію, но Наполеонъ запретилъ ему пріѣзжать въ Парижъ. Его жена и ея родные были отвезены на англійскомъ кораблѣ въ Тріестъ. Побѣдители отдали неаполитанское королевство королю Фердинанду IV, изгнанному изъ Неаполя за 9 лѣтъ до этого. Въ октябрѣ того же года Мюратъ сдѣлалъ безумную попытку овладѣть бывшимъ своимъ государствомъ, но попался въ плѣнъ и былъ по приказанію Фердинанда разстрѣлянъ.

Когда Мюратъ терялъ свой престолъ, войска союзныхъ великихъ державъ уже шли противъ императора Наполеона. Вѣнскій конгресъ объявилъ 13 марта, что Наполеонъ, какъ врагъ и нарушитель покоя всей вселенной, лишается покровительства законовъ или, какъ выразился конгресъ, предается общественному суду. Марта 25 союзныя державы вторично возобновили Шомонскій договоръ (стр. 635) и постановили послать во Францію большія арміи, которыя не распускать, пока Наполеонъ не будетъ свергнутъ. Но Англія и Австрія, приступая къ этому постановленію, оговорили, что этимъ не обязываются навязывать французамъ какое либо правительство. Швеція даже объявила себя нейтральною и прекратила сношенія съ посланникомъ Лудовика XVIII. Наполеонъ тщетно прибѣгалъ ко всѣмъ дипломатическимъ средствамъ, чтобы отвлечь грозящую бѣду. Онъ пытался вступить въ сношенія съ женой; но она не отвѣчала ему, а 4-лѣтняго сына ея императоръ Францъ держалъ въ строгомъ заключеніи. Тщетно также посылалъ онъ агентовъ къ Талейрану, а въ Англію Уврара. Также безуспѣшны были его попытки задобрить русскаго и австрійскаго императоровъ. Война съ Европой была, стало быть, неизбѣжна, и угрожаемому императору французовъ оставалось только сдѣлать свое дѣло народнымъ. Но и это не удалось ему, потому что, не смотря на свои пышныя фразы о томъ, что народъ есть единственный источникъ правительственной власти, не смотря на его увѣренія, что онъ отказался отъ идеи имперіи и покинетъ свою прежнюю систему, онъ не могъ рѣшиться уступить народу дѣйствительныя права.

Апрѣля 22 была обнародована обѣщанная новая конституція подъ очень неутѣшительнымъ названіемъ: присовокупленіе къ учрежденіямъ имперіи (Acte additionnel aux constitutions de l'Empire). Она горько разочаровала всѣхъ, кто повѣрилъ словамъ Наполеона. Обѣ палаты Лудовика XVIII были въ ней сохранены; зато не было ни слова упомянуто о ненавистныхъ конфискаціяхъ, отмѣненныхъ хартіей Бурбоновъ. Старое дворянство, которое хотя чѣмъ нибудь было, было уничтожено, и создано новое дворянство, бывшее совершеннымъ нулемъ. Наконецъ былъ удержанъ пріемъ, сдѣлавшійся общимъ посмѣшищемъ, придавать новой конституціи значеніе такъ называемою народною подачею голосовъ.

Эта подача голосовъ конечно дала наиудовлетворительнѣйшій отвѣтъ. Для обнародованія ея результатовъ и для провозглашенія возстановленной имперіи 1 іюня происходило собраніе Майскаго Поля. При открытіи его Наполеонъ толковалъ въ своей рѣчи о своемъ народѣ (mon peuple), о своемъ городѣ Парижѣ. Кромѣ того онъ нарядился для этой церемоніи вмѣсто мундира въ убранство древнихъ франконскихъ императоровъ, хотя въ то время разыгрывалъ роль либерала. Братъ его, Люсіанъ, возвратившійся въ апрѣлѣ во Францію, явился на эту церемонію въ первый и въ послѣдній разъ въ жизни въ санѣ императорскаго принца. Собраніе происходило съ чрезвычайной торжественностью на Марсовомъ полѣ, которое, по словамъ офиціальнаго отчета въ Монитерѣ, было театрально разукрашено. Французскіе писатели не упускаютъ случая подробно и высокопарно описать это торжество; мы не станемъ тратить на него словъ, потому что подобныя торжества не имѣютъ историческаго значенія. Въ интересахъ національности было бы гораздо полезнѣе предоставить императору диктатуру вмѣсто того, чтобы заниматься игрой въ конституцію въ виду грозящей величайшей опасности. Только его диктатура могла спасти страну отъ стран-

ныхъ полчищъ въ 1,800 тыс. чел., которыя коалиція двинула на Францію. Но будучи конституціоннымъ государемъ, Наполеонъ не имѣлъ возможности спасти Францію, потому что высшіе классы до того стѣсняли его, что напримѣръ, ему пришлось сдѣлать своимъ государственнымъ совѣтникомъ человѣка, подобнаго Бенжамену Констану, который еще за нѣсколько дней до его возвращенія позорно ругалъ его и клялся въ вѣчной вѣрности Бурбонамъ. Что было дѣлать ему, человѣку дѣла, съ либеральными болтунами? При такихъ обстоятельствахъ могло ли ему помочь, что прежніе санкюлоты, къ которымъ онъ обратился отъ недовѣрія прочихъ классовъ, повѣрили ему и хотѣли сдѣлать его своимъ героемъ?

Палаты собрались 3 іюня и тотчасъ принялись за либеральную оппозицію, которая мѣшала императору, мѣшала энергіи народа и предала судьбу отечества исключительно въ руки арміи, слишкомъ слабой, чтобы одной спасти его. Выбирая президента, палата депутатовъ не исполнила желанія императора предложить ему въ президенты кого нибудь изъ его министровъ, а выбрала Ланжюине и Лафайэта, изъ которыхъ онъ назначилъ перваго. Четверо вице-президентовъ, Лафайэтъ, Ф л о ж е р г ъ, Д ю п о н ъ-д е-л'Э р ъ и Г р е н ь е, были всѣ отъявленные враги Наполеона. Перы, назначенные самимъ императоромъ, также взялись за оппозицію, потому что не надѣялись на прочность его владычества и потому хотѣли зарекомендовать себя передъ Бурбонами. Въ отвѣтѣ своемъ на тронную рѣчь императора палаты имѣли дерзость тревожно намекать на увлекающую силу успѣха и на соблазнительное вліяніе побѣдъ. Обо всемъ этомъ не стоило бы упоминать, если бы война кончилась счастливо; но такъ какъ при второмъ низложеніи императора палаты играли ту же роль, какую сенатъ при первомъ, то оно получаетъ интересъ.

Когда палаты собрались, союзныя войска стояли уже у границъ. Союзныя державы рѣшили одновременно двинуть свои войска съ разныхъ сторонъ на Парижъ. Австрія послала Шварценберга съ 344 т. человѣкъ вторгнуться во Францію съ Рейна. Веллингтонъ и Блюхеръ стояли на бельгійской границѣ съ 220 т. человѣкъ. Русская 200-т. армія также была въ походѣ и, когда Наполеонъ отправился къ своей арміи, находилась только въ 8 дняхъ пути отъ границъ. Противъ Веллингтона и Блюхера Наполеонъ могъ вывести только 130 т. человѣкъ; громадной арміи Шварценберга онъ могъ противопоставить лишь 30 т. чел. подъ начальствомъ Раппа. Созванная національная гвардія простиралась до 150 т. чел. и составляла внутреннюю стражу съ прибавленіемъ морскихъ солдатъ и другихъ. Изъ нея только 40 т. чел. были частью посланы къ Раппу на Рейнъ и къ Сюше въ Дофине, частью въ окрестности Бордо и Тулузы.

Іюня 12 Наполеонъ выѣхалъ изъ Парижа въ Бельгію, чтобы съ главными силами своими броситься сначала на пруссаковъ, которые, согласно военному плану союзниковъ, должны были дѣйствовать оборонительно, какъ и англичане и голландцы Веллингтона, пока австрійцы и русскіе не придутъ на Рейнъ. Іюня 15 онъ переправился черезъ Санбру, оттѣснилъ пруссаковъ и занялъ Шарльруа, но не взялъ плѣнныхъ и потерялъ много людей. Въ довершеніе еще наканунѣ генералъ Б у р м о н ъ съ нѣсколькими офицерами перебѣжалъ къ непріятелю. Іюня 16 Блюхеръ рѣшился дать Наполеону сраженіе при Л и н ь и и С е н т ъ-А м а н ѣ, хотя часть его арміи, стоявшая подъ начальствомъ Бюлова въ Люттихѣ, еще не подошла къ нему. Онъ разсчитывалъ на обѣщанную помощь англичанъ. Но Веллингтонъ ничего не зналъ и безпечно провелъ ночь въ Брюсселѣ на балу. Пруссаки были разбиты, и самъ Блюхеръ едва не попался въ плѣнъ. Впрочемъ французы потеряли столько же, сколько и пруссаки (по 15 т. чел.), и не могли воспользоваться побѣдой, потому что ночь заставила ихъ прекратить преслѣдованіе. Между тѣмъ Ней былъ посланъ на лѣвомъ крылѣ французовъ съ 40 т. чел. занять Катрбра, какъ говоритъ Наполеонъ, или, какъ утверждаютъ другіе, къ Брюсселю и п р и К а т р б р а встрѣтилъ Веллингтона, поспѣшившаго съ бала. Ней совершилъ здѣсь изумительные подвиги и нанесъ англо-голландцамъ сильный уронъ; между прочимъ здѣсь былъ убитъ одинъ изъ союзныхъ генераловъ, герцогъ Брауншвейгъ-Эльскій (стр. 560); но превосходство ихъ силъ оставило битву нерѣшенной.

На другой день, 17 іюня, получивъ извѣстіе о сраженіи при Линьи, Веллингтонъ оставилъ свою позицію при Катрбра и отступилъ на высоты М о н ъ-

Сенъ-Жана, гдѣ деревня Ватерло и ферма Бель-Аліансъ дали свои имена знаменитой битвѣ, рѣшившей на другой день судьбу Европы. Наполеона упрекаютъ, что онъ далъ это сраженіе не 17, а 18 іюня, потому что, если бы онъ его не откладывалъ, пруссаки не могли бы придти на помощь Веллингтону. Наполеонъ послалъ 17 числа маршала Груши съ 30 т. чел. преслѣдовать пруссаковъ. На другой день Груши наткнулся при Саврѣ на прусскій корпусъ Тилемана и завязалъ съ нимъ сраженіе, которое помѣшало ему во время поспѣть къ Ватерло.

Сраженіе при Ватерло 18 іюня началось только около полудня. Оно шло съ равнымъ мужествомъ и равно тяжкими потерями съ обѣихъ сторонъ до 5 часовъ вечера, когда на поле битвы прибыли пруссаки. Веллингтонъ стойко выдерживалъ убійственный бой въ твердой увѣренности, что они придутъ, потому что Блюхеръ положительно обѣщалъ ему это. Первый прибылъ Бюловъ съ 30 т. изъ Сенъ-Ланбера и, занявъ дорогу въ Шарльруа, отрѣзалъ французамъ отступленіе. Потомъ въ промежуткѣ, оставшемся между нимъ и англичанами, вскорѣ явились Блюхеръ и Цитенъ съ остальными прусскими войсками. Это рѣшило сраженіе, хотя французы продолжали драться съ отчаянной храбростью до наступленія ночи. Наконецъ вся французская армія обратилась въ нестройное бѣгство, и преслѣдовавшіе ее пруссаки едва не захватили самого Наполеона. Французы всегда приписываютъ свое пораженіе какой-нибудь несчастной случайности или сваливаютъ бѣду на какое-нибудь лицо, служащее козломъ очищенія. Такъ объясняютъ они и сраженіе при Ватерло, погубившее Наполеона и его имперію. Они приписываютъ страшное пораженіе своего героя маршаламъ Нею и Груши. Что касается Нея, то онъ оправданъ всѣми знатоками военнаго дѣла. Груши обвиняютъ, что 17 числа онъ вяло и неискусно преслѣдовалъ пруссаковъ, а 18 вступилъ въ безполезный бой съ Тилеманомъ при Саврѣ, вмѣсто того, чтобы идти къ Наполеону. Дѣйствительно, онъ дался въ обманъ Блюхеру и не разгадалъ, куда тотъ направляетъ отступленіе; но при Саврѣ онъ одержалъ успѣхъ и кромѣ того, узнавъ о пораженіи императора, быстрымъ отступленіемъ черезъ Намюръ, спасъ свой корпусъ отъ истребленія, постигшаго всю остальную французскую армію.

Съ поля сраженія Наполеонъ поспѣшилъ въ Парижъ, куда прибылъ утромъ 21 іюня. Между тѣмъ въ Парижѣ палаты продолжали дѣлать оппозицію императору, подъ котораго подкапывался даже одинъ изъ его министровъ. Тотчасъ по отъѣздѣ императора къ арміи, палаты рѣшили составить новую конституцію, не обращая вниманія на его Дополнительный Актъ, а въ то же время министръ полиціи Фуше тайно готовилъ императору такую же участь, какую въ 1794 приготовилъ Робеспьеру. Этотъ хитрый предатель вступилъ въ связи не только съ либеральными депутатами, но даже съ Меттернихомъ, Талейраномъ и Бурбонами, убѣжавшими въ Гентъ. По своему обыкновенію онъ заставлялъ другихъ копать яму, которую готовилъ Наполеону, самъ оставаясь въ сторонѣ. Получивъ рано утромъ 20 іюня извѣстіе о пораженіи при Ватерло, онъ тотчасъ пригласилъ къ себѣ либеральныхъ депутатовъ, Лафайэта, Дюпонъ-де-л'Эра, Фложерга, Манюеля, Дюпена старшаго и Лакоста, и сговорился съ ними о способѣ низложенія Наполеона палатами. Въ то же время онъ подготовлялъ низверженіе императора и возстановленіе Бурбоновъ черезъ своихъ товарищей въ совѣтѣ министровъ, Карно и Коленкура. Такимъ образомъ, когда на разсвѣтѣ 21 іюня Наполеонъ прибылъ въ Парижъ, владычество его было уже уничтожено. Говорятъ, Савари совѣтовалъ ему разогнать палаты. Но Фуше уже успѣлъ предупредить возможность этого. Для своей цѣли онъ воспользовался честнымъ, но недальнимъ Лафайетомъ, который пылалъ любовью къ свободѣ и въ своемъ азартѣ не замѣчалъ, что служитъ пѣшкой интригану. По предложенію Лафайэта, наускиваннаго Фуше, палата депутатовъ постановила 21 іюня, что въ виду опасностей, грозящихъ независимости націи, она объявляетъ себя въ непрерывномъ засѣданіи, будетъ считать государственной измѣной всякую попытку распустить ее, благодаритъ войска отъ имени націи и предписываетъ министрамъ военному, полиціи, внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ обращаться прямо къ ней. Это постановленіе было въ сущности равносильно низложенію императора. Онъ только опозорилъ себя попыткой измѣнить враждебное настроеніе палаты. Онъ послалъ туда Реньо-

де-Сенъ-Жанъ-д'Анжели читать какую-то напыщенную чепуху о проигранномъ сраженіи; но этого посланнаго встрѣтили громкимъ ропотомъ и не стали слушать. Потомъ Люсіанъ тщетно пытался завести переговоры за брата. Вечеромъ обѣ палаты назначили коммисію для предложенія необходимѣйшихъ въ настоящую минуту мѣръ. Палата депутатовъ назначила въ члены коммиссіи своего президента и четырехъ вице-президентовъ, а палата перовъ — Боаси-д'Англа, Тибодо, Друо, Андреоси и Дежана. Низложеніе Наполеона было окончательно рѣшено; толковали только о томъ, отрѣшить ли его или дать ему добровольно отречься. Предпочли послѣднее. Коммисары объявили совѣту министровъ, что необходимо отреченіе императора. Наполеонъ согласился на это, только увидавъ, что это единственное средство спастись отъ позора отрѣшенія. Онъ подписалъ актъ отреченія 22 іюня, черезъ 100 дней послѣ своего возвращенія; но въ этомъ актѣ онъ сказалъ, что, отрекаясь, провозглашаетъ императоромъ своего сына Наполеона II.

Фуше, сообщая палатамъ актъ отреченія, при чтеніи пропустилъ эту прибавку, такъ что на нее не обратили вниманія. Депутація палатъ поблагодарила императора за отреченіе. Потомъ было назначено временное правительство изъ членовъ: Карно, Кинета, Гренье и Коленкура подъ предсѣдательствомъ Фуше. Наполеонъ уѣхалъ 21 іюня въ Мальмезонъ, гдѣ Фуше приказалъ генералу Бекеру караулить его. Потомъ Фуше воспользовался приближеніемъ союзныхъ войскъ, чтобы удалить его подальше. По его внушенію, Даву началъ дружески уговаривать императора спасаться бѣгствомъ отъ опасности попасть въ плѣнъ къ русскимъ или пруссакамъ. Наполеонъ послушалъ его и 29 іюня уѣхалъ на островъ Эсъ, передъ Рошфорской гаванью, намѣреваясь оттуда переѣхать въ Америку. Но Фуше тотчасъ увѣдомилъ объ этомъ англичанъ, которые стали такъ строго караулить островъ, что Наполеонъ предпочелъ добровольно отдаться имъ, положившись на ихъ великодушіе, чѣмъ попасть имъ въ плѣнъ, убѣгая. Іюля 15 онъ явился на англійскій военный корабль Беллерофонъ. Англичане приняли его почтительно, но сочли его военноплѣннымъ и отправили на островъ Св. Елены.

VI. ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ

О ХАРАКТЕРѢ И РАЗВИТІИ НѢМЕЦКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЪ ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦІИ И ИМПЕРІИ.

---

1. Нѣмецкая литература.

Замѣчательное движеніе, придавшее во второй половинѣ XVIII столѣтія новый характеръ духовной жизни нѣмцевъ, привело нѣмецкую литературу на высшую степень совершенства. Это случилось какъ разъ на рубежѣ прошлаго и настоящаго столѣтій, въ то самое время, когда французы преобразовывали свою *политическую жизнь*. Пока французы основывали новый гражданскій порядокъ, нѣмцы совершали революцію въ своей духовной жизни и создавали новую литературу, столь же рѣзко отличавшуюся отъ прежней, какъ отличались новыя политическія воззрѣнія французовъ и ихъ новая гражданская жизнь отъ всего, что господствовало въ этой области до революціи. Послѣдствія этихъ двухъ революцій — французской, политической и общественной, и нѣмецкой, философской — также представляютъ поразительное сходство. Обѣ націи до сихъ поръ удержались на пути, который тогда проложили себѣ, не смотря на всѣ временныя истинныя или мнимыя исключенія; у обѣихъ революціонныя бури кончились появленіемъ двухъ великихъ мужей, обуздавшихъ ихъ и озарившихъ ихъ конецъ великолѣпнымъ сіяніемъ славы. Бонапартъ во Франціи и Гёте въ Германіи явились двумя гигантами, высоко вознесшимися надъ всѣми современниками, и внушили къ себѣ такое благоговѣніе своихъ соотечественниковъ, что до сихъ поръ едва можно дерзнуть коснуться даже очевидныхъ недостатковъ ихъ.

Послѣдній періодъ литературной революціи Германіи начинается 1877 годомъ. Конецъ его можно отнести къ 1815, потому что вслѣдъ затѣмъ поэты и критики, насильственно побудившіе націю сдѣлать послѣдній необходимый шагъ, вступили на революціонный путь, какъ во Франціи около 1800 г. бывшіе демократы и позднѣйшіе бонапартисты. Въ 1787 духъ нѣмецкой публики былъ все еще пошлъ и ограниченъ, вкусъ ея все еще испорченъ, такъ что Шиллеръ и Гёте, теперь признаваемые героями нѣмецкой литературы, пріобрѣли свое заслуженное значеніе только около 1805. Но даже это позднее признаніе ихъ достоинствъ было нестолько истребовано ихъ дѣйствительными заслугами, сколько даровано имъ вновь возникшимъ умственнымъ движеніемъ и направленіемъ, навязаннымъ нѣмецкому народу, можно сказать, насильно. Стало быть, прежде чѣмъ говорить о новомъ процессѣ нѣмецкой жизни, намъ надо бросить взглядъ на непосредственно предшествующее положеніе ея.

Характеръ духа, господствовавшаго въ Германіи, лучше всего видѣнъ въ книгахъ, наиболѣе пользовавшихся расположеніемъ публики около 1790, и въ сужденіяхъ о Гёте и Шиллерѣ даже нѣсколько лѣтъ позже. Разные Иффланды, Коцебу, Юнгеры господствовали на сценѣ даже въ Веймарѣ, Маннгеймѣ, Берлинѣ — мѣстахъ, гдѣ умственная дѣятельность была всего живѣе. Ихъ вялые романы, подобно рыцарскимъ и романамъ Лафонтена, имѣли самый обширный

кругъ читателей. Зато на Шиллера напали, когда вышли его первыя драмы, которыя, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, все-таки оригинальны и носятъ на себѣ печать генія. Лирическія стихотворенія его осуждались именно за то внутреннее ихъ содержаніе, которое впослѣдствіи сдѣлало ихъ любимой поэзіей націи; порицали философскій и идеальный характеръ лирики, находили стихи его слишкомъ серьезными и жаловались, что его не такъ легко понимать, какъ Бюргера. Гёте также не заслужилъ одобренія даже своихъ друзей, когда въ 1787 издалъ образецъ поэтической простоты и благороднаго, чистаго, совершеннаго стиля, свою «Ифигенію». Даже въ главныхъ центрахъ нѣмецкаго просвѣщенія, въ Веймарѣ и Іенѣ, образованный свѣтъ еще въ 1795 порицалъ великихъ поэтовъ и обидно осмѣивалъ ихъ произведенія, какъ доказываетъ дневникъ Бёттигера.

Новая революція или, вѣрнѣе, послѣднее развитіе преобразовывающейся новой жизни въ Германіи было, какъ доказываютъ всѣ эти обстоятельства, необходимо. Его вызвала новая философія, возникшая въ Іенѣ и не только отразившаяся преобразовательно на литературѣ, но даже повліявшая наконецъ и на политическія дѣла. Впрочемъ много содѣйствовали также Шиллеръ и Гёте, новые явившіеся тогда поэты, такъ называемые романтики, и примѣръ французской революціи. Въ концѣ XVIII вѣка въ Іенѣ господствовала свобода ученія и мышленія, ненаходившая себѣ доступа нигдѣ во всей Германіи, кромѣ саксонскихъ герцогствъ. Іена и Веймаръ были главными центрами журналистики. Въ герцогствѣ Веймарскомъ было такое стеченіе умныхъ и знаменитыхъ людей, что эта страна получила репутацію германской Аттики. Наконецъ Рейнгольдъ (стр. 297) водворилъ въ Іенѣ и средоточіе философіи, которая получила тамъ такое значеніе, какимъ въ нѣмецкихъ университетахъ до сихъ поръ пользовались только хлѣбныя науки. Немудрено, стало быть, что въ Іенѣ и Веймарѣ было докончено преобразованіе нашей литературы, начатое Лессингомъ.

Рейнгольдъ распространялъ съ1787 въ Іенѣ кантовскую философію и ясностью своего пониманія и мышленія, формою своего изложенія пробудилъ въ молодежи необыкновенное участіе къ внутреннему и философскому образованію. Въ его изложеніи кантовская философія такъ нравилась образованной публикѣ, что даже немолодые люди стекались въ Іену послушать его. Впрочемъ онъ передавалъ кантовскую философію не буквально, хотя не имѣлъ своей самостоятельной системы. Оттого его ученіе часто называли въ шутку безъимянной философіей. Главная заслуга его состояла въ вѣрномъ воззрѣніи на духовную революцію Германіи, вслѣдствіе чего онъ вносилъ зрѣлое философское пониманіе прямо въ жизнь и старался доставить націи не только ученыхъ, но и дѣйствительно просвѣщенныхъ чиновниковъ, врачей и духовныхъ. По счастливому случаю, Рейнгольдъ былъ приглашенъ въ 1793 въ Киль черезъ содѣйствіе нѣмецко-датскаго поэта Ваггезена, одного изъ искреннѣйшихъ приверженцевъ политической революціи во Франціи и поэтическо-философской въ Германіи; мы говоримъ — по счастливому случаю, потому что въ Іенѣ его замѣнилъ человѣкъ, по крайней мѣрѣ, равный ему краснорѣчіемъ и знаніемъ, но далеко превосходившій его глубиною мысли, самостоятельностью производительной силы и энергіей характера, и этотъ человѣкъ повелъ нѣмецкую молодежь дальше за предѣлы, положенные человѣческому мышленію Кантомъ.

Этотъ человѣкъ былъ Фихте. Уже на 30-мъ году онъ пріобрѣлъ большую славу анонимнымъ сочиненіемъ, которое ученики Канта приписали было своему учителю. Черезъ годъ (1793), живя въ Цюрихѣ, онъ имѣлъ мужество издать два сочиненія — одно съ философской защитой принциповъ французской революціи, другое съ требованіемъ отъ нѣмецкихъ государей свободы для мысли, науки и печати. Не смотря на это, въ 1793 веймарское правительство пригласило его на мѣсто Рейнгольда. Здѣсь онъ имѣлъ еще больше успѣха, чѣмъ Рейнгольдъ. Въ духовной революціи, какъ и въ политической нуженъ великій реформаторъ геройской энергіи или страшный шарлатанъ, чтобы поддерживать въ массахъ движеніе. Курфиршеско-саксонская консисторія привязалась къ Фихте за одно сочиненіе, которое показалось ей вольнодумнымъ, и надѣлала ему такихъ непріятностей, что въ 1799 онъ оставилъ Іену. Онъ отправился въ Берлинъ и долго читалъ приватныя лекціи въ Берлинѣ и другихъ прусскихъ городахъ. Для Германіи было очень выгодно, что такой значительный человѣкъ отсталъ отъ

ученыхъ и отъ студенческаго міра и обратился къ образованной публикѣ вообще, т. е. популяризовалъ свою дѣятельность. Въ 1809 Фихте сдѣлался профессоромъ въ новооткрытомъ берлинскомъ университетѣ. Какъ отличный ораторъ, какъ человѣкъ просвѣщенный и энергическій, онъ всюду внушалъ духовные интересы многочисленнымъ кружкамъ прогрессивныхъ людей и, подобно Рейнгольду, въ лекціяхъ и въ популярныхъ сочиненіяхъ знакомилъ массу публики съ результатами философіи. Мы не станемъ объяснять созданную имъ философскую систему—философію идеализма, потому что вліяніе Фихте на нѣмецкое просвѣщеніе зависѣло не отъ преподаваемой имъ системы, а отъ духа и направленія его ученія. Вліяніе это состояло въ томъ, что онъ внушилъ нѣмецкой образованной публикѣ сочувствіе къ идеалу, отвратилъ учащуюся молодежь отъ грубыхъ студентскихъ безобразій, поселилъ въ ней любовь къ отечеству, къ правамъ людей, къ чистому познанію, пробудилъ въ ней пылкія симпатіи къ возвышеннымъ цѣлямъ, такъ что это вліяніе было нравственно, національно и имѣло политическій характеръ. Оно принесло плоды въ литературѣ и жизни нѣмцевъ, хотя, надо сказать правду, ученики его часто не понимали его, какъ и другихъ прославленныхъ философовъ. Они шли къ литературной реформѣ такъ же слѣпо, какъ французскій народъ въ своей революціи — къ политической свободѣ.

Мѣсто Фихте въ Іенѣ занялъ его геніальный ученикъ Шеллингъ, который возвелъ философію на болѣе высокую ступень развитія и, подобно Фихте, съ успѣхомъ старался сдѣлать нѣмецкое общество воспріимчивѣе къ идеальному. Надо считать особеннымъ счастіемъ, что въ одномъ и томъ же мѣстѣ могущественно вліяли одинъ за другимъ три великихъ мыслителя, а мѣсто это было сборнымъ пунктомъ молодежи, которая собиралась туда, потому что тамъ и въ сосѣднемъ Веймарѣ давался толчекъ къ послѣднему шагу національной духовной революціи. Силою своего ума и ясностью изложенія эти мыслители отворили идеалу врата Германіи и много способствовали уничтоженію господствовавшаго приторнаго краснобайства. Пока Фихте былъ въ Іенѣ, ученикъ его, Шеллингъ, слѣдовалъ его идеальной философіи, но потомъ создалъ самостоятельную систему, которую назвалъ натурфилософіей или трансцендентальнымъ идеализмомъ. Система эта имѣла значеніе лишь школьное, а не жизненное; для жизни, а слѣдовательно, и для нашего историческаго обзора имѣетъ значеніе только непосредственное вліяніе Шеллинга на націю. Въ этомъ отношеніи Шеллингъ оказалъ нѣмецкой цивилизаціи такія же услуги, какъ и его учитель и предшественникъ. Какъ Фихте, онъ обратилъ молодежь отъ зубренія къ мышленію и старался заинтересовать массу образованной публики въ пользу чистаго знанія и идеальнаго пониманія. Шеллингъ и Фихте дали всѣмъ наукамъ новое духовное содержаніе, сообщили имъ новую свѣжесть и черезъ это проложили новые пути и поэтамъ. Но впослѣдствіи Шеллингъ изъ свѣта жизни забрался въ потемки школы, тогда какъ Фихте, напротивъ того, все болѣе и болѣе выступалъ изъ школьнаго затишья въ житейское движеніе. Однако и тутъ еще Шеллингъ и его ученики вліяли нѣкоторое время на духъ и литературу націи благотворно, потому что ихъ оригинальная поэтическая философія съ своимъ цвѣтистымъ языкомъ, даже непонятная, оказывала сильное вліяніе на чувство; что касается практическаго приложенія этой философіи, противъ которой разумный человѣкъ будетъ, конечно, всегда протестовать, то объ этомъ и говорить не стоитъ. Мы не говоримъ также о важнѣйшемъ изъ учениковъ Шеллинга, Гегелѣ, впослѣдствіи также основавшемъ самостоятельную систему, не говоримъ, потому что дѣятельность его не выходила за предѣлы школы, и только ученики Гегеля старались ввести его ученіе въ жизнь.

Сильное вліяніе Фихте и Шеллинга доставило наконецъ братьямъ Шлегелямъ возможность завоевать двумъ великимъ поэтамъ Германіи принадлежащее имъ значеніе и потомъ, въ союзѣ съ ними, вытащить нѣмецкую литературу изъ пошлости и ограниченности.

Изъ сочиненій, написанныхъ Гёте послѣ «Гёца фонъ Берлихингена» и «Вертера», историческую важность имѣютъ не только «Ифигенія»—величайшее произведеніе нѣмецкой драматической поэзіи, — но и меньшія драмы, отличающіяся лишь совершенствомъ формы, какъ «Стелла», «Сообщники» и другія, потому что въ нихъ отражается быстрый прогрессъ въ жизни націи. Это можно было бы

показать въ разительномъ свѣтѣ, если бы мѣсто дозволяло намъ сравнить здѣсь языкъ этихъ драмъ съ тономъ и выраженіями современныхъ имъ произведеній разныхъ Иффландовъ, Юнгеровъ, Коцебу, у которыхъ языкъ тяжелъ, остроты плоски и которые нигдѣ неспособны подняться выше пошлаго разговорнаго тона мѣщанъ провинціальныхъ городовъ. Лессингъ далъ нѣмецкому языку силу и благородство, а Гёте въ своихъ меньшихъ драмахъ сдѣлалъ его легкимъ, какъ дуновеніе, и приспособилъ его къ тому разговорному тону, который прежде существовалъ только во Франціи и Италіи. Уже тотъ прогрессъ, который, благодаря Гёте, сдѣлали въ 80-годахъ прошлаго столѣтія нѣмецкій языкъ и литература, доказываетъ, какъ важно было для націи, что новая философія доставила такому человѣку должное значеніе и, слѣдовательно, прочное вліяніе на вкусъ.

Шиллеръ былъ очень важенъ для нѣмецкой политики своими гуманными воззрѣніями на человѣческія отношенія; но что касается языка и искусства стихосложенія, то приходится пожалѣть, что въ молодости онъ былъ въ худшей школѣ, чѣмъ Гёте, Лессингъ и Клопштокъ. Первыя драмы Шиллера имѣютъ прямое отношеніе къ политическому положенію и порядку Германіи. Въ нихъ выражается негодованіе благородной души на повсемѣстное въ тогдашней Германіи подавленіе свободы, на раболѣпство и произволъ чиновниковъ, на неслыханныя притѣсненія гражданъ привиллегированными, на господствующіе при дворахъ нравы. Въ доказательство стоитъ напомнить третье произведеніе Шиллера, «Коварство и любовь», вышедшее въ 1784.

Второе, что должно указать во вліяніи этого поэта, есть та его сверхгеніальность, благодаря которой его одно время причисляли къ современнымъ ему Kraft-Genies — буйнымъ геніямъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна его первая драма, «Разбойники». Однако, какъ ни много въ ней нелѣпаго, чудовищнаго и неправдоподобнаго, духъ, оживляющій ее, повліялъ, какъ громовой ударъ, страшно поразивъ господствующія пошлость, сантиментальность и посредственность. Со времени перваго представленія «Разбойниковъ» (1781) имя Шиллера было во всѣхъ устахъ. Торжественность и патетичность, обнаруживающіяся въ первыхъ произведеніяхъ Шиллера и сохранившіяся у него всю жизнь, какъ особенная оригинальная черта, имѣли также большое значеніе, потому что возвышали изъ тѣсной сферы мѣщанской жизни въ область идеала понятія той части публики, которой были недоступны холодное спокойствіе и простота Гёте. Но главное значеніе поэзіи Шиллера заключается въ его оригинальной философской лирикѣ. Никто лучше его не умѣлъ найти подходящаго тона для чувствительнаго, мечтательнаго народа, чтобы провести прямо въ душу каждаго читателя, способнаго одушевляться идеалами, результаты современной ему философіи. Вотъ почему Шиллеръ сдѣлался любимцемъ нѣмецкаго народа, котораго онъ раздѣлялъ чувствительность и къ которому былъ ближе Гёте именно потому, что не имѣлъ такого творческаго генія.

Поэтъ пустился было и философствовать ученымъ образомъ; но это было самообольщеніе. Ему недоставало для этого научнаго образованія. Его философскіе опыты, больше объ эстетическихъ предметахъ, ученыхъ не удовлетворили, а для народа были слишкомъ темны. Они были написаны по Канту, тогда какъ лирическія стихотворенія Шиллера по своему философскому содержанію не соотвѣтствовали ни холодному принципу нравственности Канта и не приносили въ жертву разуму вѣры въ высшій міровой порядокъ.

Больше посчастливилось Шиллеру въ попыткѣ пробудить интересъ народа къ исторіи посредствомъ ея полупоэтической обработки. Эта попытка была трудна и опасна, но удалась не только въ описаніи отпаденія Нидерландовъ (1788), но и въ запутанной исторіи Тридцатилѣтней войны (1790). Конечно, эти сочиненія нельзя сравнивать съ произведеніями какого-нибудь настоящаго историка, потому что истинная исторіографія имѣетъ совершенно иную задачу и далеко не имѣетъ въ виду поэтически живописать и округлять дѣйствительныя событія, развивать и мотивировать ихъ психологически, соображаясь только съ законами пустой аналогіи, и такимъ образомъ дѣлать исторію привлекательной для чувства и фантазіи. Заслуга, пріобрѣтенная Шиллеромъ этими двумя сочиненіями, вовсе не научная заслуга, а общечеловѣческая и національная. Онъ воспользовался исторіей, чтобы облагородить опошлившіяся воззрѣнія гражданской жизни, чтобы

возбудить дѣятельный и способный на жертвы интересъ къ величайшимъ благополучіямъ жизни — свободѣ и религіи, и противопоставить заворузлымъ юридическимъ исторіямъ имперіи живое изображеніе реальныхъ отношеній. Впослѣдствіи многіе повторяли эту попытку, но она удалась ему одному, и благодѣтельное вліяніе, которое онъ оказалъ ею, было тѣмъ сильнѣе, что всѣ современныя ему хорошія историческія сочиненія, не исключая и исторіи Швейцаріи Іоганна фонъ Мюлера, были доступны не всей образованной публикѣ.

Дѣятельность Шиллера въ публикѣ была уже очень значительна, когда Гете, возвращаясь изъ своей первой поѣздки въ Италію, тѣсно сошелся съ нимъ, и оба общими силами стали стараться объ исправленіи вкуса публики. Въ то время началъ оказывать очень оригинальное вліяніе одинъ человѣкъ, сочиненія котораго читались и понимались весьма немногими. То былъ Клингеръ. Въ нашемъ очеркѣ, гдѣ обойдено столько знаменитыхъ именъ, мы не можемъ много говорить о немъ, и упоминаемъ только потому, что онъ былъ единственный нѣмецкій писатель, вполнѣ и непосредственно изучившій дворы, министровъ и правительства и узнавшій житейскія отношенія во всѣхъ ихъ формахъ. Кромѣ того, онъ единственный нѣмецкій романистъ, писавшій не для выгоды и не для славы, а потому, что чувствовалъ потребность сообщать свои взгляды на человѣческія дѣла. Наконецъ въ то достопамятное время нѣмецкой литературы Клингеръ съ замѣчательнымъ усердіемъ старался способствовать прогрессу національной жизни, пробуждая желаніе умственной свободы и внутренней независимости. Въ этомъ отношеніи замѣчательны его такъ называемые философскіе романы; что касается его драмъ, то онѣ принадлежатъ къ прежнему періоду и къ совершенно иному направленію.

Къ сожалѣнію, мѣсто не позволяетъ намъ говорить о содержаніи романовъ этого писателя, который принадлежитъ къ числу лучшихъ нѣмецкихъ прозаиковъ, а между тѣмъ, чтобы пояснить значеніе этихъ романовъ для литературы, надо было бы показать, какъ единственная основная идея ихъ производится и развивается въ нихъ въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ. Мы должны ограничиться общими замѣчаніями. Клингеру пришлось совершить въ жизни совершенно иной путь, чѣмъ Гёте. Рожденный и возросшій въ бѣдности, онъ долженъ былъ бороться со всевозможными препятствіями, пока наконецъ достигъ положенія въ высшихъ сферахъ русскаго общества. На этомъ пути онъ познакомился съ самыми разнородными отношеніями и формами жизни, а потомъ, сопровождая русскаго великаго князя, изучилъ всѣ дворы и такъ называемый высшій свѣтъ всей Европы. Характеръ и дѣятельность нѣмецкаго литературнаго міра были также коротко знакомы ему, потому что онъ былъ нѣкоторое время театральнымъ сочинителемъ въ Веймарѣ и, стало быть, находился въ средѣ людей, владычествовавшихъ въ то время въ нѣмецкой литературѣ. Онъ изложилъ въ своихъ романахъ обширное знаніе людей, которое пріобрѣлъ такимъ образомъ, и идеи, къ которымъ оно его привело. Впрочемъ эти романы были очень мало распространены, потому что онъ назначалъ ихъ лишь для серьезной и мыслящей части публики. Клингеръ разсматриваетъ въ нихъ дѣйствительную жизнь съ точки зрѣнія философа. Онъ разсказываетъ мрачныя стороны прогресса цивилизаціи, доказывая, что причина всѣхъ золъ, постигающихъ поколѣніе, развращенное малодушіемъ и софистикой, заключается въ ложномъ направленіи цивилизаціи. Гёте изобразилъ въ обольстительныхъ краскахъ (въ «Вильгельмѣ Мейстерѣ» и въ другихъ) легкую, праздную жизнь высшихъ классовъ, играющихъ наукой и искусствомъ. Клингеръ представляетъ ее въ совершенно противоположномъ свѣтѣ. Онъ описываетъ мѣтко, постоянно указывая на основную причину зла, не только эту часть общества, но и другія—педантизмъ и нелѣпости нѣменкихъ ученыхъ, суетность богатыхъ, модныя глупости публики, раболѣпство и апатію народа, и проч.

Возвратимся къ Гёте и Шиллеру. Съ 1795 до смерти Шиллера въ 1805 они дѣйствовали въ литературѣ въ тѣсномъ союзѣ, совѣтуясь другъ съ другомъ на счетъ своихъ работъ. Для литературы было чрезвычайно полезно, что они взаимно пополняли другъ друга своими противоположными качествами. Шиллеръ былъ ближе къ народу и молодежи, а Гёте—къ знатному свѣту и къ классически образованной публикѣ. Шиллеръ далеко уступалъ Гёте геніемъ. Гете, вдохновенный поэтъ, безъ труда создавалъ одно чудное произведеніе за другимъ. Но

Шиллеръ былъ полезнѣе для общественной и семейной жизни народа, потому что своимъ идеализмомъ, философскимъ и дидактическимъ характаромъ своей лирики, своими положительными стремленіями, былъ непосредственнымъ учителемъ націи, тогда какъ Гете вліялъ на нее всегда лишь посредственно. Онъ не могъ, подобно Шиллеру, обратить массу нѣмецкой публики отъ пошлости и рутины къ идеаламъ, потому что на это нужна нестолько творческая сила поэта, сколько искреннее чувство гражданина.

Первымъ результатомъ соединенной дѣятельности Шиллера и Гете были «Горы». Журналъ этотъ выходилъ съ 1795 по 1798. Въ немъ, кромѣ Шиллера и Гете, работали Гердеръ, Фихте, Ф. Г. Якоби, Вильгельмъ Гумбольтъ, братья Шлегели и многіе другіе. Задачей его было уничтожить ложный вкусъ, господствовавшій въ публикѣ, и даровать ей лучшую литературу. Но издатели не могли достигнуть этой цѣли, потому что имѣли еще мало значенія и потому что вся толпа бумагомарателей, угрожаемая въ своемъ положеніи и выгодахъ, подняла противъ этого предпріятія всѣ перья. Оппозиція, вооруженная ядовитой насмѣшкой, раздражила поэтовъ и побудила ихъ дѣйствовать тѣмъ же оружіемъ. Въ этой борьбѣ они глубоко оскорбили многихъ знаменитѣйшихъ людей Германіи. Они сообща написали цѣлый сборникъ рѣзкихъ эпиграммъ и въ 1797 напечатали ихъ подъ заглавіемъ «Ксеніи» въ «Альманахѣ Музъ», который Шиллеръ издавалъ съ 1796. Ими они осмѣивали самымъ безпощаднымъ тономъ господствующій вкусъ, пустыхъ и слабыхъ писателей и журналистику, которая пользовалась литературой, какъ дойной коровой. Весь ученый міръ взволновался, чтобы отмстить за себя; но нападать на Гете не смѣли, и буря обратилась преимущественно на Шиллера.

Тонъ, принятый Гете и Шиллеромъ въ «Ксеніяхъ», нашелъ подражателей въ братьяхъ Августѣ Вильгельмѣ и Фридрихѣ Шлегеляхъ, которые съ 1798 стали издавать критическій журналъ «Атеней». Они пошли даже дальше, напавъ самымъ грубымъ циническимъ тономъ, который тогда называли эвфемическимъ, на всю нѣмецкую литературу и на писателей, почитаемыхъ классическими. При помощи идеальной философіи рѣзкій тонъ Шлегелей и ихъ лессинговскій родъ критики восторжествовали и подняли нѣмецкую литературу на высшую степень развитія. Августъ Вильгельмъ Шлегель прославился въ публикѣ въ 1786 сочиненіемъ, въ которомъ обоготворялъ Гете, а братъ его, Фридрихъ, получилъ значеніе, какъ поклонникъ Фихте и герольдъ его философіи. Потомъ они были зарекомендованы публикѣ, какъ сотрудники Шиллера и Гете. Они образовали кружокъ враговъ поэзіи разныхъ Глеймовъ, Клопштоковъ, Виландовъ и Матисоновъ, и изъ этого кружка вышла впослѣдствіи такъ называемая романтическая литература. Къ нему, кромѣ Шлегелей, принадлежали Тикъ, фонъ Гарденбергъ, писавшій подъ псевдонимомъ Новалиса, Фихте и его ученикъ, пасторъ Шлейермахеръ. Братья Шлегели обладали всѣми нужными качествами, чтобы произвести литературную реформу, подобную реформѣ Лессинга. Они примѣнили къ критикѣ философію Фихте и старались доставить ей господство. Кромѣ того, они старались сдѣлать литературными образцами греческое искусство, которое понимали, хотя своеобразно, однако остроумно, а также Шекспира, великихъ итальянскихъ поэтовъ и боготворимаго ими Гете, чтобы такимъ образомъ изгнать изъ литературы пошлость и создать новую поэзію, свѣжую, сильную, свободную и остроумную—романтизмъ.

Таково было направленіе ихъ журнала, который по характеру и вліянію можно считать продолженіемъ «Литературныхъ писемъ» Лессинга (стр. 97 и 510) Подобно Лессингу, Шлегели произвели въ нѣмецкой литературѣ переворотъ и полное преобразованіе. Мы ограничимся указаніемъ конечнаго результата критики Шлегелей и идеальныхъ философовъ. Подобно Лессинговой, эта критика произвела въ нѣмецкой жизни внутреннюю революцію и уничтожила узы рутины. Она поставила Гете и Шиллера въ исключительно высокое положеніе, совершенно обособивъ ихъ отъ прочихъ писателей, сколько-нибудь спорнаго достоинства, такъ что въ нѣмецкой литературѣ явилось наконецъ нѣчто, признанное несомнѣнно классическимъ. Съ этихъ поръ въ Германіи началось въ отношеніи Гете настоящее идолопоклонство до такой степени, что до сихъ поръ едва можно

дерзнуть имѣть о немъ собственное мнѣніе и не принимать участія въ восхваленіи всѣхъ его произведеній, даже самыхъ ничтожныхъ.

Новая романтическая поэзія, которую Шлегели и ихъ друзья ввели въ Германіи при помощи философіи Шеллинга, представляется въ «Атенеѣ» какой-то универсальной поэзіею, состоящею въ соединеніи всѣхъ направленій и способностей человѣческаго духа, всепроникающею и долженствующею опоэтизировать самую жизнь. Самый талантливый поэтъ этой школы былъ Гарденбергъ или Новалисъ. Самое благодѣтельное вліяніе романтизма и связанной съ нимъ идеальной философіи было ихъ нравственное политическое вліяніе во время французскаго ига. Они положили преграды грозившему офранцуженію и пошлости господствовавшаго тогда направленія. Они дали благороднымъ людямъ отраду, надежду и бодрость въ то время, когда бонапартовская полиція и ея агенты преслѣдовали всякое національное стремленіе. Они дали патріотамъ силу сначала терпѣть, а потомъ бороться для ниспроверженія иноземнаго ига.

О вредномъ вліяніи идеальной философіи и романтизма мы не будемъ распространяться, потому что оно обнаружилось только по освобожденіи Германіи. Новыя воззрѣнія на искусство, поэзію и жизнь, вначалѣ столь благодѣтельныя, вызвали впослѣдствіи всѣ тѣ явленія возобновленія среднихъ вѣковъ, которыя насъ теперь давятъ—разогрѣтое рыцарство, возстановленную іерархію съ ея обрядностью и церковнымъ игомъ, мистицизмъ и схоластику, опять водворенные въ наукѣ и искусствѣ. Даже греческая и римская древность получили на время романтическій видъ, когда Герресъ и другіе принялись выводить разумные образы грековъ изъ индѣйскихъ и египетскихъ таинствъ и символики Востока. Всѣ эти явленія и другія подобныя были естественнымъ результатомъ теоріи и направленія, полагавшихъ центръ духовной жизни въ поэзіи. Такая теорія необходимо должна была вступить въ борьбу съ принципами новаго времени и могла находить себѣ пищу только въ противоположныхъ средневѣковыхъ началахъ. Зато она отлично служила потребностямъ, интересамъ и планамъ тѣхъ, кто возвышался надъ обществомъ знаніемъ, богатствомъ или геніемъ. Романтизмъ произвелъ въ нѣмецкой литературѣ разрывъ, раздѣливъ ее на двѣ партіи—средневѣковую, католическую и аристократическую, съ надутыми понятіями, вычурной поэзіей и напыщеннымъ слогомъ, и другую—протестантскую гражданскую и демократическую, съ здравымъ человѣческимъ смысломъ. Первая служитъ цѣлямъ такъ называемаго хорошаго общества, т. е. знати и желающимъ попасть въ знать, а вторая—среднимъ и низшимъ классамъ и всѣмъ слѣдующимъ современному направленію, нежелающимъ отрекаться отъ простоты, естественности и разумности въ жизни, чувствѣ и мысли.

Этотъ разрывъ возникъ еще при первомъ появленіи «Атенея». Онъ тотчасъ вызвалъ рѣзкую, даже личную борьбу. Самыя ожесточенныя выходки въ этой борьбѣ были: сочиненіе Фихте противъ Николаи, нападки Шлегеля на него же, драма Коцебу «Гиперборейскій Оселъ» противъ Шегелей и памфлетъ Фосса противъ его стараго пріятеля Штолберга, за переходъ его въ католицизмъ. Два героя нѣмецкой поэзіи не вмѣшивались въ эту борьбу и занимали положеніе выше обѣихъ партій. Гете съ своимъ несравненнымъ тактомъ никогда не впадалъ въ тонъ крайнихъ романтиковъ, однако принадлежалъ къ нимъ, потому что писалъ въ духѣ знати. Вся его литературная дѣятельность характеризовалась общимъ ему со всѣми аристократами убѣжденіемъ, что люди раздѣляются на два разряда, одни—осужденные на трудъ и на прозаическую жизнь, а другіе—предназначенные наслаждаться и тѣшиться искусствомъ, поэзіей и наукой.

Когда съ 1815 опять стали владычествовать консерваторы въ церкви и политикѣ, романтики сдѣлались ихъ опорою. Итакъ, съ ними случилось тоже, что съ французскими демократами при Бонапартѣ. Сначала они были крайними радикалами и хотѣли насильственно вести націю къ прогрессу; Фридрихъ Шлегель громко воспѣвалъ могущество новаго духа и называлъ новое евангеліе Лессинга величайшей заслугой этого человѣка. Но впослѣдствіи онъ и его друзья, какъ многіе радикалы французской революціи, сдѣлались важными лицами и посвящали свои таланты въ Вѣнѣ и Берлинѣ на борьбу противъ новаго духа и на возстановленіе средневѣковыхъ учрежденій. Ихъ усилія были безуспѣшны. Народъ и всѣ истинные друзья просвѣщенія между учеными, какъ Фоссъ, Паулусъ, Планкъ, Эйхгорнъ и другіе, остались вѣрны прежней литературѣ и прежнему направленію.

Прежній революціонный тонъ романтиковъ обратился противъ нихъ самихъ. Явилась грозная демократическая литература, которой расположеніе народа даетъ цвѣтущее состояніе, тогда какъ знатная, при всемъ уходѣ и поощреніи, жалостно прозябаетъ.

Августъ Вильгельмъ Шлегель сдѣлалъ переводъ Шекспира такъ же хорошо, какъ Фоссъ Гомера. Братья Шлегели умѣли лучше всѣхъ современниковъ цѣнить великія заслуги Лессинга и дѣйствовали въ критикѣ въ его духѣ. Зато, по нашему мнѣнію, они не принесли никакой пользы тѣмъ, что знакомили публику съ южной европейской поэзіей и вводили ея формы въ нѣмецкое стихотворство. Поэзія, возросшая на почвѣ страстности и суевѣрія, не годилась для нѣмецкаго климата, для нѣмецкой жизни и духа. Сонеты и другія стихотворныя формы, соотвѣтствующія языкамъ юга, обратили своей трудной рифмовкой искусство въ искусственность и пожертвовали неважному существеннымъ. Очень вредно было свойственное романтикамъ презрѣніе къ гражданской жизни, которую они называли филистерствомъ, а Шлегель даже насмѣхался надъ нравственностью, почитая ее мѣщанскою ограниченностью. Это презрѣніе къ нравственности было тѣмъ вреднѣе, что выражалось не такъ, какъ у Гёте—подъ поэтическимъ покровомъ, а прямо голой прозой. Они старались идеализовать великосвѣтскую пустоту, ругая преданность гражданской морали и завѣщаннымъ обычаямъ сѣверной прозой и прославляя южную безнравственность и страсть къ наслажденіямъ, какъ высшую поэзію и какъ истинную житейскую философію. Фридрихъ Шлегель въ романѣ «Люцинда», вышедшемъ въ 1799, прямо ставитъ поэзію выше нравственности, и замѣчательно, что другъ его, христіанскій богословъ и священникъ Шлейермахеръ, написалъ комментаріи на эту книгу, безнравственность которой лишена даже поэтическихъ прикрасъ, къ какимъ прибѣгалъ Гете. Конечно, теорія Шлегеля о поэтичности чувственности очень понравилась богатымъ тунеядцамъ; однако «Люцинда» его нашла немного читателей. Литература, ругавшая нравственность филистерствомъ, честность и разумность прозаичностью, идеализировавшая развратъ и чужіе нравы, казалась большинству гнусностью.

2. Французская литература.

Революція, такъ быстро уничтожившая во Франціи старую политическую и соціальную жизнь, не оказала на французскую литературу слишкомъ рѣшительнаго преобразовательнаго вліянія. Во время революціи удержались поэзія, философія и краснорѣчіе монархическаго времени или, такъ называемаго, академическаго просвѣщенія, хотя уже не соотвѣтствовали обстоятельствамъ и хотя уже можно было предчувствовать совершенно новую литературу. Также было и при имперіи. Только послѣ паденія Наполеона возникла новая литература, подготовленная во время республики и имперіи и представлявшая странную смѣсь нѣмецкой и греческой поэзіи и философіи, старыхъ вѣрованій и новыхъ увлеченій.

Въ началѣ республиканскаго времени во Франціи говорили и писали, какъ Монтескье, Вольтеръ и Тюрго, во время террора—какъ Руссо, т. е. подражали этимъ героямъ XVIII столѣтія. Оригинальный стиль Мара, Прюдома, Гебера и Бабефа (стр. 558), краснорѣчіе Камиля Демулена и Дантона были возможны только во время террора. По минованіи его опять распространилась старая манера. Всѣ немногіе писатели и поэты революціоннаго времени принадлежали по образованію, вкусу и стилю въ монархической эпохѣ и только обращали на демократическія цѣли академическую риторику этой эпохи съ примѣсью смѣлости и преувеличенія. Впрочемъ большинство этихъ писателей и по убѣжденіямъ принадлежали къ старинѣ, хотя притворно прославляли новые принципы.

Первое мѣсто между писателями революціоннаго времени принадлежитъ маркизу Кондорсе (стр. 591). Онъ былъ главнымъ представителемъ классическаго монархическаго просвѣщенія среди демократовъ. Этотъ философъ энциклопедической школы принадлежалъ къ жирондистскимъ демократамъ и лишилъ себя жизни, но до послѣдней минуты не отсталъ отъ манеръ и блеска монархической эпохи.

Кондорсе посвящалъ служенію революціи академическую прозу, а Мари Жозефъ Шенье—академическую поэзію. Шенье былъ членомъ конвента, но ни въ немъ, ни въ якобинскомъ клубѣ не имѣлъ значенія, потому что какъ политическій дѣятель былъ слишкомъ непослѣдователенъ, а какъ ораторъ слишкомъ ничтоженъ. Зато какъ поэтъ онъ прославился въ революцію. Онъ первый воспользовался настроеніемъ парижскаго общества, чтобы перенести на сцену ненависть народа къ Бурбонамъ и клерикаламъ. Съ этою цѣлью была представлена написанная имъ драма «Карлъ IX», гдѣ была изображена Варѳоломеевская ночь, т. е. кровожадное владычество фанатиковъ и король, стрѣляющій въ подданныхъ. Пьеса произвела страшное впечатлѣніе, но не внутреннимъ содержаніемъ, а потому, что пышными словами выражала общія чувства. Какъ всѣ прочія драмы Шенье, эта пьеса по политическому характеру своему представляетъ просто вялое подражаніе драмамъ Вольтера.

Всего важнѣе Шенье какъ революціонный лирикъ. Своей лирикой онъ усиливалъ революціонную бурю, вызвать которую способствовалъ своимъ «Карломъ IX», и увеличивалъ ея разрушительную силу. Онъ былъ одинъ изъ трехъ знаменитѣйшихъ сочинителей революціонныхъ гимновъ. Они сочиняли пѣсни для національныхъ празднествъ, боевые гимны, которыми одушевляли народъ къ свободѣ и отечеству и такимъ образомъ немало способствовали побѣдамъ республиканскихъ армій. Первое мѣсто между ними заслужилъ Руже де Лиль одной пѣснью, хотя остальная его дѣятельность совершенно незамѣчательна. Эта пѣсня есть извѣстная марсельеза—гимнъ, написанный для такъ называемыхъ марсельцевъ (стр. 589) и положенный на музыку Альманомъ. Изъ всѣхъ революціонныхъ пѣсень этотъ гимнъ всего сильнѣе и дальше вліялъ на духъ народа въ политическихъ событіяхъ и на войнѣ. Вторымъ республиканскимъ пѣвцомъ былъ Лебренъ, изъ революціонныхъ стихотвореній котораго ода къ Мстителю (au Vengeur) имѣла особенно большое вліяніе во время террора. Его политическій характеръ и литературныя свойства можно охарактеризовать, сказавъ, что онъ былъ рекомендованъ публикѣ Вольтеромъ и началъ свою политическую карьеру одой на Лиссабонское землетрясеніе. Кромѣ Лебрена, Шенье былъ главнымъ сочинителемъ пѣсенъ для республиканскихъ праздниковъ и между прочимъ написалъ гимнъ къ божеству, который пѣли на празднествѣ Высшаго Существа. Но больше всего впечатлѣніе произвелъ его Chant du départ; вліянію этого гимна на солдатъ приписывали даже побѣду Журдана при Флерюсѣ (стр. 450).

Когда на мѣсто республики утвердилось единовластіе Бонапарта, Шенье удалился отъ революціоннаго направленія и хотѣлъ составить себѣ карьеру постановкой на сцену вѣнчанія Кира, чтобы приготовить публику къ коронаціи Наполеона. Но съ этой пьесой ему меньше посчастливилось, чѣмъ съ Карломъ IX. Его лесть не понравилась парижанамъ, а нравоученія взбѣсили Наполеона и его креатуръ. Съ досады поэтъ рѣшился опять сдѣлаться органомъ общественнаго мнѣнія. Съ этою цѣлью онъ написалъ свое посланіе къ Вольтеру и произвелъ имъ такое впечатлѣніе, что Наполеонъ, разсердившись, въ 1802 исключилъ его изъ трибуната. Для характеристики якобинскаго поэта мы сообщимъ вкратцѣ сужденія о немъ двухъ первыхъ писательницъ революціи, которыя были лично знакомы съ нимъ; это послужитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и для характеристики ихъ самихъ, ихъ направленій и отношеній къ современникамъ и народу. Г-жа Роланъ, увлеченная мечтательнымъ идеаломъ свободы, всегда думавшая только о немъ, никогда не помышлявшая о себѣ и не упускавшая изъ виду существенныхъ интересовъ изъ-за мелочей, говоритъ, что поэтъ Шенье, хотя желалъ быть государственнымъ человѣкомъ, былъ пустой стихоплетъ и декламаторъ. Она говоритъ, что въ конвентѣ онъ годился лишь на сочиненія проектовъ національныхъ празднествъ, но что и тутъ за нимъ приходилось присматривать, потому что онъ былъ неспособенъ примѣниться къ нравамъ и характеру народа. Г-жа де-Сталь, напротивъ того, полагала высшее счастіе жизни въ блистаніи остроуміемъ, въ аристократическомъ изяществѣ и въ салонномъ владычествѣ. Она насмѣхается надъ поэтической плоскостью Шенье, надъ его забавнымъ самодовольствомъ и надъ его бабьимъ тщеславіемъ. Но именно въ этихъ слабостяхъ его она находитъ для себя неоцѣненныя качества, которыми было также удобно пользоваться

для ея личныхъ эгоистическихъ цѣлей, какъ дресировкой Нарбона, дипломатической ловкостью Талейрана и самообольщеніемъ Бенжамена Констана на счетъ своихъ политическихъ талантовъ. Такимъ образомъ вышло, что г-жа Роланъ посовѣтовала мужу прогнать пустаго поэта, который привезъ ему планъ прокламаціи, а г-жа де-Сталь возилась съ нимъ въ своемъ салонѣ и заодно съ нимъ составляла риторическую оппозицію противъ Бонапарта.

Во время революціи г-жа Роланъ производила на народъ вліяніе не сочиненіями, а своей личной дѣятельностью (стр. 559 и 589). Ея идея и прелесть ея личности оказывали впечатлѣніе на благороднѣйшихъ республиканцевъ, стоявшихъ во главѣ движенія, а черезъ нихъ и на массу. Вотъ почему такъ важны для исторіи ея мемуары, написанные въ тюрьмѣ, ея недавно изданная переписка съ пріятельницей и ея политическія статьи въ жирондистскомъ духѣ, особенно знаменитое письмо, которое она написала Людовику XVI въ іюнѣ 1792. Она почерпнула свое образованіе и особенно свое знакомство съ древностью изъ «Самопризнаній» св. Августина, изъ біографій Плутарха и изъ сочиненій Руссо. Поэтому относительно религіи она держалась философскихъ воззрѣній, а въ политикѣ была поклонницей утопическихъ представленій о древнемъ Римѣ, Афинахъ и Спартѣ. Жаль, что она не осталась писательницей и преждевременно погибла въ политической бурѣ. Своими сочиненіями она много лѣтъ спустя послѣ смерти произвела сильное вліяніе на перемѣну направленія нѣкоторыхъ писателей. Ея благородная, смѣлая рѣчь, вольный фанатическій духъ произвели такое могущественное впечатлѣніе, что послѣ того наемные писаки стали всѣмъ казаться пошлыми и приторными. Въ ея идеалахъ и стремленіяхъ не было ни малѣйшей примѣси женскаго тщеславія, и въ этомъ отношеніи она представляетъ единственное явленіе между писательницами. Впрочемъ, вообще въ исторіи единственна эта эпоха, когда дѣйствовала г-жа Роланъ, когда негодованіе благородныхъ душъ и справедливое женское отвращеніе къ разврату и раболѣпству громко выражались въ официальныхъ сочиненіяхъ.

Г-жа де-Сталь относится къ г-жѣ Роланъ, какъ напыщенное искусство къ правдѣ и простотѣ природы. Это была такъ называемая остроумная и образованная дама высшаго свѣта, какія владычествуютъ въ салонахъ и почитаются оракулами преклоняющимися передъ ними мужчинами и женщинами. Де-Сталь могла играть эту роль съ полнымъ блескомъ и успѣхомъ. Дочь банкира Неккера, она по рожденію была буржуазка и протестантка, стало быть, склонялась къ либераламъ и была ближе даже къ англійской аристократіи, чѣмъ къ старо-французской и нѣмецкой; но съ другой стороны, какъ дочь и жена министровъ, она принадлежала и къ высшему обществу; наконецъ, какъ пріятельница г-жи Рекамье (стр. 625) и Шатобріана, она ничего не имѣла и противъ католицизма, когда онъ принималъ поэтическій видъ. Съ раннихъ лѣтъ до конца дней она была пропитана тщеславіемъ. Еще молодой дѣвушкой она блистала въ салонѣ своего отца; когда на него рѣзко напали за его отчетъ (стр. 488), она 16 лѣтъ напечатала похвальное слово ему и надѣлала этимъ много шума. Во время директоріи она оказывала политическое вліяніе своимъ салономъ, гдѣ собирались изящнѣйшіе люди конституціонной и доктринерной партіи (стр. 625). Она продолжала это и во время консульства, пока Бонапартъ не изгналъ ее изъ Франціи за то, что своей болтовней она сбивала съ толку людей, отъ которыхъ онъ требовалъ безусловнаго послушанія (стр. 252). Потомъ она интриговала противъ Наполеона въ разныхъ мѣстностяхъ за границей. Это тѣмъ больше бѣсило его, что ей всюду удивлялись какъ писательницѣ и остроумной салонной дамѣ, и она успѣла соединить для общей цѣли самыхъ разношерстныхъ людей, конституціоналистовъ и роялистовъ, дворянъ и буржуазовъ, беллетристовъ и дипломатовъ. Изъ сочиненій г-жи де-Сталь мы упоминаемъ только «Коринну» и книгу о Германіи. «Коринна», вышедшая въ 1807, написана въ духѣ новой германской школы, которая тогда достигла господства и съ главами которой де-Сталь познакомилась лично въ Веймарѣ и Берлинѣ. Идеи и воззрѣнія нѣмецкихъ романтиковъ изложены здѣсь на французскій ладъ дифирамбической прозой. Книга больше всего напоминаетъ «Вильгельма Мейстера» Гете. Какъ въ этомъ сочиненіи, которое изъ всѣхъ произведеній нѣмецкаго аристократическаго поэта больше всего читается въ высшемъ обществѣ, такъ и въ «Коринннѣ» проповѣдуется и

восхваляется чувственная любовь. Но, какъ у Гете, это дѣлается здѣсь подъ прозрачнымъ покровомъ, а не нагло, какъ въ «Люциндѣ» Шлегеля и въ романахъ Жоржъ Зандъ, потому что публика, для которой писали Гете и Сталь, при всемъ своемъ развратѣ любитъ и бережетъ личину нравственности. Кромѣ того между «Коринной» и «Вильгельмомъ Мейстеромъ» еще то сходство, что у Сталь все вертится на декламаторской поэзіи, какъ у Гете на искусствѣ, и Италія представляется земнымъ раемъ.

Для современныхъ политическихъ и литературныхъ обстоятельствъ всей Европы еще важнѣе книга этой писательницы о Германіи. Изъ этой книги возникла помѣсь аристократической образованности Англіи, Франціи и Германіи, помѣсь, лишенная всякаго характера и представляющая отголосокъ пустаго салоннаго образованія, хотя называемаго либеральнымъ и конституціоннымъ. Это образованіе чисто внѣшнее и выдресированное, распространяется газетами и журналами и усиливаетъ презрѣніе тщеславныхъ конституціонныхъ болтуновъ къ народу. Книга о Германіи есть плодъ тѣсной дружбы Сталь съ Августомъ Вильгельмомъ Шлегелемъ, который въ 1806 и 1807 сопровождалъ ее въ путешествіяхъ, потомъ жилъ въ ея имѣніяхъ въ Коппетѣ и въ этой дружбѣ столько же офранцузился, сколько Сталь онѣмечилась. Въ своей книгѣ она такъ прославила нашу націю и ея литературу, которыя тогда еще не пользовались уваженіемъ, что съ этихъ поръ нѣмецкій Михель получилъ почетный доступъ во всѣ благородные салоны Франціи и Англіи. Но Наполеону не хотѣлось, чтобы бѣдные нѣмцы удостоились такой чести. Онъ велѣлъ конфисковать и уничтожить первое изданіе книги, напечатанное въ Парижѣ. Но книга была перепечатана въ Женевѣ, и преслѣдованіе Наполеона придало ей большое значеніе. Въ литературѣ Наполеонъ подвергался той же участи, что и въ политикѣ. Онъ ни за что не хотѣлъ допустить новаго рода литературы и желалъ, чтобы все въ ней служило его политическимъ цѣлямъ; но его могущество и въ литературѣ истощилось въ безполезныхъ усиліяхъ насильно сохранять старое подъ новыми именами.

Во время втораго владычества Бурбоновъ послѣдователи г-жи де-Сталь обратились къ новому роду литературы, который сдѣлался тогда во Франціи моднымъ. Напротивъ того, Поль Луи Курье старался вызвать въ литературѣ новый духъ. Политическія сочиненія этого великаго ученаго исполнены духа свободы и равенства и были предостерегающимъ голосомъ изъ революціонной эпохи. По этой причинѣ онъ принадлежитъ революціонному времени, хотя получилъ значеніе только при реставраціи. Курье—одно изъ самыхъ рѣдкихъ явленій въ новѣйшей французской литературѣ. Изъ всѣхъ писателей своего времени онъ одинъ былъ и остался самостоятеленъ, потому что писалъ не для славы, барышей и значенія и потому не приставалъ къ господствующему тону и былъ чуждъ всякаго литературнаго кумовства. Вслѣдствіе этого его сочиненія представляютъ полную противоположность литературѣ имперіи, которая состояла въ слабомъ подражаніи академическимъ героямъ XVIII вѣка; они противоположны и тому новому духу и тону, которые водворились во французской литературѣ при реставраціи.

Курье получилъ въ старыхъ школахъ основательное образованіе. Потомъ онъ служилъ солдатомъ (1793—1809), но и въ военномъ шумѣ продолжалъ развивать себя. Наконецъ онъ началъ жить въ тихомъ уединеніи, среди научныхъ занятій, однако не оставляя безъ вниманія происходившихъ вокругъ него политическихъ событій. Его не соблазнялъ блескъ Бонапарта, онъ не заразился ни ученымъ тщеславіемъ, ни господствовавшимъ себялюбіемъ, но пріобрѣлъ зрѣлое образованіе серьезнымъ и глубокимъ изученіемъ древнихъ грековъ, сохранивъ полную независимость духа. Поэтому, когда потомъ онъ началъ поучать своихъ соотечественниковъ политическими статьями, онѣ не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія, тѣмъ болѣе, что Курье былъ отъ природы одаренъ сарказмомъ и горечью. У него была двоякая задача. Въ своихъ политическихъ памфлетахъ онъ громилъ реакціонныя поползновенія и въ то же время старался растрясти націю отъ усыпленія, въ которое повергло ее утомленіе. Сверхъ того Курье хотѣлъ изгнать изъ французской литературы проникшій въ нее родъ латинской риторики. Для этого онъ обращалъ вниманіе націи на истинный духъ Греціи и желалъ возвратить ту естественность и непосредственность, которыми французскій

языкъ и литература отличались во времена Рабле и Анри Этіена. Попытку эту онъ сдѣлалъ посредствомъ перевода Геродота, при чемъ превосходно подражалъ языку того времени. Но попытка все-таки не удалась; публика осталась нечувствительна, и ее оказалось невозможно вывести изъ принятой колеи.

Хотя при республикѣ нѣкоторые писатели старались проложить новый путь, однако вообще литература этого времени осталась вѣрна прежнему направленію. Тоже было и при имперіи. Но при республикѣ и при Бонапартѣ въ тиши образовались начала новой литературы и при реставраціи замѣнили старую. Бонапартъ, какъ въ правительствѣ и государственныхъ учрежденіяхъ, такъ и въ литературѣ старался возстановить все старое, т. е. требовалъ неподвижности, пребыванія при академическомъ краснобайствѣ и стихотворствѣ. Но литературная реакція также плохо удалась ему, какъ и политическая. Въ его системѣ были невозможны свободная философія и простая, естественная, вольно парящая поэзія. Ему нужна была тонкая софистика и практичность, дающая ловкость и умѣніе въ веденіи дѣлъ, искусная стилистика для содѣйствія цѣлямъ властелина. Литературныя качества такъ называемаго классическаго времени были всего пригоднѣе для этого. Поэтому онъ вызывалъ и поощрялъ ихъ. Поэтому же были возстановлены литературные салоны, чтобы пріобрѣсти черезъ нихъ то вліяніе, которое салоны дю Деффанъ, л'Эспинасъ и другихъ дамъ такъ блистательно распространяли далеко за предѣлы Франціи (стр. 71). Новые салоны были открыты братьями Бонапарта Жозефомъ и Люсіаномъ, и его сестрой Полиной. Тутъ собирались не только знаменитости и литературныя тщеславія стараго времени, Талейранъ и Кобенцль, Фонтанъ, Буфлеръ и Жокуръ, но и люди, озаренные славой либерализма, г-жа де-Сталь, Бенжаменъ Констанъ, Реньо де-Сенъ Жанъ д'Анжели. При извѣстномъ отвращеніи Наполеона ко всему новому и мечтательному замѣчательно, что въ салонѣ Жозефа Бонапарта г-жа де-Сталь читала два первыя сочиненія творца французскаго романтизма—Шатобріана.

Странную роль игралъ въ литературныхъ салонахъ имперіи нѣкій Ж у б е р ъ. Сочиненія его вышли только послѣ его смерти, такъ что ими онъ не могъ пріобрѣсти значенія и вліянія. Но подобно Джонсону въ Англіи (стр. 497), онъ считался въ салонахъ критическимъ оракуломъ. Онъ имѣлъ въ нихъ такой вѣсъ какъ критикъ, что Фонтанъ, Шатобріанъ и другіе писатели считали необходимымъ представлять свои сочиненія ему на судъ до напечатанія, чтобы исправлять по его указаніямъ. Жуберъ не зналъ ничего выше парижской жизни временъ Лудовика XV. Она сдѣлалась для него второй природой; онъ и его друзья были послѣдними типическими представителями тѣхъ остроумныхъ кружковъ старины, въ которыхъ толковали обо всемъ утонченнѣйшимъ образомъ, никогда не проникая въ сущность трактуемаго предмета. Одинъ современный французъ говоритъ, что Фонтанъ былъ послѣдній поэтъ классической эпохи, а другъ его, Жуберъ,—послѣдній изъ тѣхъ людей, которые только слушали и говорили и тѣмъ не менѣе имѣли въ обществѣ рѣшительный голосъ. Этотъ французъ восклицаетъ, вспоминая про эти кружки: «Ахъ, эти дамы! Въ нихъ хранится послѣдній остатокъ разговорнаго таланта XVIII вѣка. Онѣ унесутъ его съ собою въ могилу!» Впрочемъ и въ этихъ кружкахъ уже развивался духъ, который послѣ Наполеона началъ господствовать въ литературѣ. То былъ духъ положительной, правовѣрной половины литературы XVIII вѣка, которую старались поддержать съ ея придворной утонченностью и грамматической чистотой. Другими словами, въ этихъ кружкахъ развивались сѣмена того іезуитства, которое при реставраціи выразилось въ литературѣ романтизмомъ и софистикой, а въ жизни гоненіями.

Сочиненія и дѣятельность ритора и софиста Ф о н т а н а, о которомъ мы упоминали и въ политической исторіи (стр. 313), могутъ дать понятіе о томъ, что хотѣлъ сдѣлать Наполеонъ изъ литературы. Фонтанъ еще передъ революціей прославился стихами, лишенными содержанія, но удовлетворявшими господствовавшему вкусу. Во время революціи онъ опять пріобрѣлъ славу въ 1793 декламаціей противъ злоупотребленія демократической системы. Дѣло въ томъ, что онъ былъ авторомъ рѣчи, произнесенной 20 декабря 1793 въ конвентѣ главою ліонской депутаціи, прибывшей въ Парижъ жаловаться на жестокости Коло д'Эрбуа и Фуше (стр. 497). Въ ней кромѣ главнаго содержанія были все пышныя и многозвучныя фразы о свободѣ, которыя были въ модѣ во время

террора. Поэтому если сравнить ее съ тѣмъ, что Фонтанъ также высокопарно строчилъ при Бонапартѣ и Бурбонахъ, то нельзя не подивиться его искусству дурачить французскую публику громкими рѣчами, то въ демократическомъ, то въ монархическомъ, то въ легитимистскомъ духѣ, смотря по востребованію. Когда въ 1796 роялизмъ снова поднялъ голову, Фонтанъ орудовалъ за него въ газетахъ. Вслѣдствіе этого переворотъ 18 фруктидора заставилъ его бѣжать. Онъ отправился въ Англію. Здѣсь онъ встрѣтился съ Шатобріаномъ и присталъ къ этому апологисту католицизма, возрожденнаго романтизмомъ. Такой писатель какъ нельзя больше годился Бонапарту для проповѣдыванія своимъ искуснымъ краснобайствомъ монархическихъ и іерархическихъ принциповъ, которые императоръ хотѣлъ распространять, и для преобразованія учебныхъ заведеній по его системѣ. Еще въ 1800, по случаю смерти Вашингтона, Бонапартъ воспользовался его талантами, когда можно было допустить безвредную болтовню о свободѣ. Потомъ Фонтанъ былъ главнымъ сотрудникомъ «Меркурія», который служилъ «Монитеромъ» для литературы. Здѣсь онъ помогалъ правительству, республиканскому по формѣ, возвращать старыя формы и монархическія начала. Придворный критикъ ратовалъ въ «Меркуріи» съ одной стороны противъ сочиненій г-жи де-Сталь, непріятныхъ Бонапарту своимъ протестантизмомъ, либерализмомъ и нѣмецкою идеологіею, а съ другой стороны, воскурялъ ѳиміамъ академическихъ фразъ Шатобріану, потому что этотъ поэтъ проповѣдовалъ христіанство, говорящее не сердцу, а воображенію. Въ то же время Фонтанъ игралъ большую роль въ литературныхъ салонахъ, гдѣ тоже поощряли старину въ новой формѣ. Въ 1804 Наполеонъ назначилъ краснобая президентомъ законодательнаго корпуса, и онъ оказалъ въ этомъ званіи услуги императору, облачая въ пышныя одежды академическихъ фразъ всѣ мѣры правительства. Въ то время Шатобріанъ былъ уже усерднымъ приверженцемъ Бурбоновъ и отчаяннымъ папистомъ; тѣмъ не менѣе Фонтанъ умѣлъ доставлять ему вліяніе, не возбуждая неудовольствія императора. Въ 1808 Наполеонъ назначилъ своего придворнаго оратора гросмейстеромъ новооснованнаго императорскаго университета (стр. 313), черезъ который возстановлялся старинный монархически-іерархическій методъ воспитанія молодежи съ тою только разницею, что рядомъ съ іерархическими началами и даже выше ихъ были поставлены военныя. Фонтанъ доказалъ, какъ удаченъ выборъ Наполеона, произнеся пышную рѣчь, гдѣ говорилъ, что даже въ философскомъ отношеніи періоды римской имперіи и Людовика XIV заслуживаютъ предпочтенія передъ всѣми вѣками.

Но не смотря на всѣ старанія Наполеона доставить старинѣ владычество и въ литературѣ, она постепенно ослабѣвала еще при немъ. Самое главное орудіе его въ литературѣ, Фонтанъ, самъ того не зная и не желая, помогалъ литературной оппозиціи противъ императорской системы. Эта оппозиція была двоякая — роялистско-папистская и республиканско-конституціонная. Послѣдняя была менѣе опасна Наполеону, потому что либералы распадались на множество партій и были поэтому слабы. Но первая партія, одушевленная положительной вѣрой, составляла плотное цѣлое и вдобавокъ имѣла на своей сторонѣ въ нѣкоторыхъ французскихъ провинціяхъ массу народа. Обѣ партіи, каждая по своему, способствовали исчезновенію стараго аристократическаго разговорнаго искусства, на мѣсто котораго явился новый родъ литературы, состоявшій изъ странной смѣси стараго съ новымъ. То былъ французскій романтизмъ, получившій господство при реставраціи. Онъ состоялъ съ одной стороны въ новохристіанской, рыцарской, завиральной поэзіи, въ сущности аристократической и выразившейся вполнѣ въ Шатобріанѣ, а съ другой стороны — въ игрѣ мыслями, картинами, исторіей и искусствомъ, по существу своему демократической и имѣющей лучшимъ представителемъ своимъ Жоржъ Зандъ. Творцами этой новѣйшей французской литературы были Шатобріанъ и Андре Шенье, братъ Мари Жозефа. Оба они прославились еще при республикѣ, а Шенье погибъ въ іюлѣ 1794 на гильотинѣ.

Андре Шенье былъ сынъ гречанки и потому соединялъ въ себѣ греческое образованіе съ французскимъ. Онъ написалъ мало, и стихотворенія его сами по себѣ не могли бы доставить ему значенія въ литературѣ. Но подобно Полю Луи Курье, онъ старался освободить французскую литературу черезъ греческое искус-

ство, и это удалось ему. Онъ пользовался греческими образцами какъ Гёте и Шиллеръ, а не какъ Виландъ, Фоссъ и Шлегели. Мы хотимъ сказать, что онъ понималъ границы; стѣснявшія греческихъ поэтовъ, и находилъ ихъ неумѣстными въ новой поэзіи; поэтому онъ полагалъ подражаніе имъ только въ томъ, чтобы слѣдовать ихъ духу, т. е. писать такъ, какъ они сами писали бы, живя теперь. Итакъ, Андре Шенье ввелъ во французскую литературу греческій идеализмъ. Онъ показалъ, что можно, оставаясь вполнѣ французомъ, быть проникнутымъ духомъ совершенной греческой поэзіи, и помогъ возвратить поэзію и языкъ своей націи отъ академической натянутости къ природѣ и правдѣ. Впрочемъ эта заслуга его была оцѣнена французами лишь нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ его смерти.

Реформа, незамѣтно возбужденная Андре Шенье, была развита и распространена Шатобріаномъ, впрочемъ безсознательно. Какъ большая часть аристократіи, Шатобріанъ добровольнымъ изгнаніемъ укрылся отъ революціи и отъ ея разрушительной силы; но въ изгнаніе онъ принесъ больше образованности и воображенія, чѣмъ прочее эмигрировавшее дворянство. Оставивъ Францію, онъ сначала отправился въ сѣверо-американскія французскія колоніи. Тамъ между колонистами сохранились нравы, языкъ, религіозная жизнь и пѣсни XVI вѣка. Тутъ же онъ узналъ дикихъ индѣйцевъ степей и лѣсовъ; живя между ними, онъ отбросилъ часть свѣтскихъ приличій и составилъ себѣ оригинальныя представленія о религіозной естественной жизни. Эти представленія придали прелесть двумъ романамъ, которые онъ написалъ по возвращеніи изъ эмиграціи. Естественность и новизна картинъ и ощущеній, встрѣчающихся въ этихъ романахъ (Рене и Атала), зарекомендовали ихъ не только массѣ французской публики, но даже англійской аристократіи. Этому много способствовало также, что проповѣдуемое въ нихъ христіанство такъ же пришлось по сердцу протестантамъ и либераламъ, какъ и католикамъ и приверженцамъ старой системы. По возвращеніи на родину Шатобріанъ получилъ преобладающее вліяніе въ господствовавшихъ въ литературѣ кружкахъ. Оно было тѣмъ сильнѣе, что, живя въ Англіи, Шатобріанъ вступилъ въ сношенія и съ Фонтаномъ, и со всѣми эмигрантами, приставшими къ Бонапарту и помогавшими ему основывать новое государство съ старыми формами въ церкви и политикѣ. Знатные господа и дамы были въ восторгѣ отъ сочиненій Шатобріана. Въ 1802 Шатобріанъ издалъ большое сочиненіе «Духъ Христіанства», въ которомъ заключалась сущность обоихъ прежнихъ романовъ его. Оно представляетъ осуществленіе того, къ чему въ «Рене» и «Færѣ»

«Аталѣ» были сдѣланы попытки. Цѣлью его было представить католическое христіанство въ привлекательномъ видѣ поэтической религіи и философіи. Вотъ почему салонные бары оказали ему такой блистательный пріемъ, тогда какъ чистое библейское христіанство кажется имъ сухимъ и слишкомъ простымъ. Въ 1807 Шатобріанъ дополнилъ «Духъ Христіанства» романомъ или эпопеей «Мученики», а потомъ издалъ описаніе путешествія ко святымъ мѣстамъ.

Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ проповѣдовалась знати та теорія, которая потомъ, при Лудовикѣ XVIII, сдѣлалась придворной религіей. Такимъ образомъ они пролагали путь возвращавшимся іезуитамъ. Шатобріанъ представлялъ все современное пагубнымъ, старался проводить не религіозное, а церковное направленіе, поставить на мѣсто простой вѣры помпу и мистическую миѳологію. Его религіозный паѳосъ служилъ къ тому же, къ чему хвастовство и военные бравады бюллетеней, софистовъ и историковъ Бонапарта. Въ сочиненіяхъ Шатобріана, особенно въ «Мученикахъ», нѣтъ и тѣни греческаго духа, который Андре Шенье старался вдохнуть во французскую литературу. Французское духовенство одобряло его сочиненія и пользовалось ими, хотя очень хорошо понимало, что въ религіи Шатобріана также мало общаго съ догматами Тридентскаго собора, какъ и съ ученіемъ Новаго Завѣта; зато пустота, произведенная революціей, была наполнена имъ пестрыми фантазіями.

О поэтическомъ и риторическомъ достоинствѣ сочиненій Шатобріана говорить не стоитъ. Однако не мѣшаетъ замѣтить, что французы до сихъ поръ считаютъ его лучшимъ писателемъ имперіи, хотя теперь, кромѣ развѣ самыхъ сантиментальныхъ глупцовъ, никто уже не восхищается имъ. Въ этой литературѣ нельзя однако не признать двухъ полезныхъ сторонъ. Шатобріанъ и подражав-

шіе ему фантазеры, подобно г-жѣ де Сталь и ея германствующимъ послѣдователямъ, способствовали устраненію односторонности въ жизни и литературѣ, т. е. той холодной разсудочности, той положительности, которыя преобладали въ императорскую эпоху. Въ политическомъ отношеніи они также, пока были въ оппозиціи, имѣли полезное вліяніе, подкапывая Наполеоновское самовластіе. Зато при реставраціи они стали вредны. Сочиненія Шатобріана стали способствовать ханжеской реакціи, стало быть, замѣняли одну односторонность другою и подвергали насмѣшкамъ и ненависти всѣхъ, кто не хотѣлъ подчиниться большинству и модѣ.

Наряду съ романтизмомъ Шатобріана во время реставраціи возникъ философскій романтизмъ и даже двоякій —романтизмъ Жоржъ Зандъ и ученый романтизмъ Кине, Мишле и другихъ. Вся литература реставраціонной эпохи, незамѣтно подготовившаяся во время республики и имперіи, распалась на три главныя направленія по тремъ главнымъ политическимъ партіямъ. Бонапартисты сохранили хвастливый, риторическій, академическій стиль, выученный въ старыхъ школахъ и бывшій во время имперіи офиціальнымъ стилемъ мирнаго и военнаго времени. Республиканцы гонялись за греческими пріемами, слѣдуя Полю Луи Курье, или за германствомъ, которое г-жа де Сталь вывезла изъ Берлина въ Парижъ. Приверженцы древней монархіи и духовнаго порядка подражали Андре Шенье, не впадали въ безобразныя уклоненія, то въ дикія крайности, то въ пеструю и пустую риторику Шатобріана, то въ измышленія де Бональда и де Местра. Единство и однообразіе французской литературы были нарушены. Языкъ французскій, какъ свѣтскій и дѣловой, остался неизмѣннымъ, но въ литературѣ явилось пестрое разнообразіе стилей и направленій. Взошли сѣмена, посѣянныя во время революціи и имперіи, и принесли новые виды сумасбродствъ и новый мистико-теологическій родъ поэзіи и философіи.

КОНЕЦЪ.